

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ладынин Иван Андреевич

**Начало македонского времени
в категориях традиционного мировоззрения древних египтян
конца IV – начала III вв. до н.э.**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 1

Москва – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	с. 2—7
ВВЕДЕНИЕ.....	с. 8—73
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ИДЕОЛОГИИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ.....	
с. 74—189	
1.1. <i>Концепции сакральности царской власти в Египте Позднего времени</i>	с. 74—112
1.1.1. Эволюция египетской идеологии царской власти с древнейших времен до первого персидского владычества.....	с. 74—95
1.1.2. «Царь на пути бога»: представления о сакральном статусе египетских царей XXVIII—XXX династий.....	с. 96—112
1.2. <i>Египетская концепция универсализма царской власти и восприятие межрегиональной азиатской державы в Египте Позднего времени</i>	с. 113—144
1.3. <i>Концепция больших исторических циклов в египетской историографии Позднего времени</i>	с. 145—189
1.3.1. Закономерности и рубежи египетской истории в традиции эпохи ранней древности (конец III—II тыс. до н.э.).....	с. 145—153
1.3.2. Циклическая концепция египетской истории в труде Манефона Севеннитского.....	с. 154—189
ГЛАВА 2. ОФОРМЛЕНИЕ ВЛАСТИ ЦАРЕЙ ДОМА АРГЕАДОВ И САТРАПА ПТОЛЕМЕЯ В ЕГИПТЕ В КАТЕГОРИЯХ ЕГО ТРАДИЦИОННОЙ ИДЕОЛОГИИ.....	
с. 190—309	
2.1. <i>Египет при Аргеадах (332—305/304 гг. до н.э.): основные исторические события</i>	с. 190—209
2.2. <i>Египетские титулатуры царей дома Аргеадов</i>	с. 210—243

2.2.1. Хоровы имена Александра Великого: эволюция и значение.....	с. 210—221
2.2.2. Ἀλέξανδρος – «защитник Египта»? О возможном происхождении раннего Хорова имени Александра Великого.....	с. 222—226
2.2.3. Хоровы имена, имена Обеих Владычиц и Хора Златого Филиппа Арридея и Александра (IV), сына Александра Великого и Роксаны.....	с. 227—235
2.2.4. «Солнечные имена» царей дома Аргеадов.....	с. 236—240
2.2.5. Вопрос о вариативности египетских царских имен Аргеадов.....	с. 241—243
2.3. <i>Аргеады – египетские цари ритуала</i>	с. 244—276
2.3.1. Храмовое строительство начала македонского времени в Египте.....	с. 244—264
2.3.2. Александр, сатрап Птолемей и бык Апис.....	с. 265—276
2.4. <i>Сатрапия Птолемея в Египте в отражении иероглифических источников</i>	с. 277—309
2.4.1. Особенности властного статуса Птолемея в Египте. Обозначения сатрапа Птолемея в иероглифических текстах.....	с. 277—287
2.4.2. Особенности презентации деяний Птолемея в «Стеле сатрапа».....	с. 288—298
2.4.3. Статуя «анонима из Баклии»: сатрап Птолемей – сакральный правитель нецарского статуса?.....	с. 299—309
ГЛАВА 3. ОППОЗИЦИОННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТИ МАКЕДОНСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ В ЕГИПТЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ IV В. ДО Н.Э.	с. 310—442
3.1. <i>«Царствование богов»: отказ македонским правителям в легитимном царском статусе и случаи его перенесения на богов</i>	с. 310—347
3.1.1. Автобиографические надписи на памятниках Сематауитефнахта, Хора и семьи Пашериентаисуи.....	с. 310—322
3.1.2. Клепсидра из Государственного Эрмитажа начала македонского времени (ДВ 2507а) и ее аналоги: «неформальное» восприятие власти Аргеадов в египетских храмах.....	с. 323—337
3.1.3. Царский статус Александра (IV) и Хаббаша и концепция «царствования Хора» в «Стеле сатрапа».....	с. 338—347
3.2. <i>Строительная деятельность частных лиц в египетских храмах в период</i>	

<i>второго персидского владычества и в начале македонского времени</i>	с. 348—363
<i>3.3. Античная традиция о Клеомене из Навкратиса и ее древнеегипетские коннотации</i>	с. 364—386
3.3.1. Проблема статуса и характера властных полномочий Клеомена из Навкратиса.....	с. 364—375
3.3.2. «Стратагемы» Клеомена из Навкратиса в Псевдо-Аристотелевой «Экономике» и древнеегипетская традиция.....	с. 376—386
<i>3.4. Гробница Петосириса в Туна эль-Гебель: жрец, цари и боги</i>	с. 387—413
3.4.1. «Правитель чужеземных стран – защитник Египта»: вопрос об идентификации чужеземного властителя Египта в «Большой автобиографической надписи» гробницы Петосириса.....	с. 387—400
3.4.2. Гробница Петосириса и ее «мир-двойник»: интерпретация концепции памятника в свете настроений египетской элиты начала македонского времени.....	с. 401—413
<i>3.5. Египтяне при азиатском дворе Александра? Вероятное восприятие власти и статуса Александра Великого в двух частных памятниках начала македонского времени</i>	с. 414—442
3.5.1. Автобиографическая надпись Уннефера из Саккара.....	с. 414—428
3.5.2. Статуэтка сына Нектанеба II.....	с. 429—442
ГЛАВА 4. МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ АЗИАТСКАЯ ДЕРЖАВА В ВОСПРИЯТИИ ЕГИПТЯН В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ IV— В НАЧАЛЕ III ВВ. ДО Н.Э.	с. 443—534
<i>4.1. Накануне эллинизма: второе персидское владычество в Египте в свидетельствах египетских и античных источников</i>	с. 443—473
4.1.1. Вопрос о формальной легитимности Артаксеркса III и Дария III в качестве сакральных царей Египта.....	с. 443—449
4.1.2. Похищение культовой утвари и священных книг из египетских храмов в период второго персидского владычества.....	с. 450—457

4.1.3. Свидетельства о депортациях египтян в период второго персидского владычества.....	с. 458—467
4.1.4. Положение египетских храмов в период второго персидского владычества в сведениях «Стелы сатрапа» и других иероглифических источников.....	с. 468—473
4.2. <i>Дарий III в стеле Бухеума Года 4 Александра Великого</i>	с. 474—485
4.3. <i>Египет и внешний мир в концепции «Стелы сатрапа»</i>	с. 486—503
4.3.1. «/Когда было/ Величество его в Азии...»: межрегиональная держава Аргеадов в «Стеле сатрапа».....	с. 486—494
4.3.2. «Азия», Египет и войны Птолемея в 310-е гг. до н.э. в «Стеле сатрапа»...	с. 495—500
4.3.3. «Враг <i>Hšryš(š)</i> »: образ Артаксеркса III в «Стеле сатрапа» и его коннотации.....	с. 501—503
4.4. <i>Античная традиция о кощунствах Артаксеркса III против священных животных и вопрос о ее датировке</i>	с. 504—511
4.5. <i>Александр Великий как правитель мировой державы в титулатуре на памятнике из оазиса Бахария: проблемы интерпретации</i>	с. 512—534

ТОМ 2

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	с. 2—3
ГЛАВА 5. ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЧАЛА МАКЕДОНСКОГО ВРЕМЕНИ В ЕГИПЕТСКИХ ИСТОРИКО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ КОНСТРУКТАХ.....	с. 4—55
5.1 <i>«Демотическая хроника»: Александр Великий и Птолемей, сын Лага как рубежные фигуры третьего и четвертого циклов египетской истории</i>	с. 4—8
5.2. <i>Σωτήρ = ndty: к значению культового эпитета Птолемея, сына Лага в свете конструктов позднеегипетской историографии</i>	с. 9—18
5.3. <i>«Пророчество ягненка»: Александр Великий - «царь-избавитель» финала</i>	

<i>третьего цикла египетской истории</i>	с. 19—34
5.4. <i>Манефон и феникс: синхронизация циклов истории Египта с мифологическими циклами обновления мира</i>	с. 35—44
5.5. <i>«Роман об Александре»: Нектанеб и Александр Великий – «царь-отец» и «царь-сын» финала третьего цикла египетской истории</i>	с. 45—55
ГЛАВА 6. ОБРАЗЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО И ДРЕВНЕЙШЕГО ЕГИПЕТСКОГО ЦАРЯ – ЗАВОЕВАТЕЛЯ И УСТРОИТЕЛЯ – В ГРЕКО-ЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ НАЧАЛА ЭЛЛИНИЗМА.....	с. 56—160
6.1. <i>Александр Великий – «возрожденный Сесонхосис, миродержавец» - во фрагментах «Романа об Александре»</i>	с. 56—59
6.2. <i>Великий египетский царь – завоеватель и устроитель – в произведениях древнегреческих авторов V—IV вв. до н.э.</i>	с. 60—107
6.2.1. <i>«Стелы Сесостриса»: контаминированные реминисценции египетской экспансии II тыс. до н.э. в образе великого египетского царя-воителя в «Истории» Геродота</i>	с. 60—70
6.2.2. <i>Сведения Дикеарха Мессенского о великом египетском царе – завоевателе и устроителе</i>	с. 71—97
6.2.3. <i>Сенусерт I в пропаганде XXX династии в Египте и генезис образа великого египетского царя-устроителя в древнегреческой традиции IV в. до н.э.</i> ..	с. 98—107
6.3. <i>Контаминация реалий, связанных с египетскими царями – завоевателями и устроителями в свидетельствах древнегреческой традиции</i>	с. 108—140
6.3.1. <i>«Сесонхосис» = «Шешонк»: форма имени великого египетского царя-устроителя в свидетельствах Дикеарха Мессенского и Манефона Севеннитского</i>	с. 108—111
6.3.2. <i>Войны Шешонка I в Азии и их вероятное отражение в традиции о великом египетском царе-завоевателе</i>	с. 112—119
6.3.3. <i>Сведения Гекатея Абдерского/Диодора Сицилийского о царе Сесоосисе: реминисценции царствования Сенусерта I и в целом конца I Переходного периода и начала Среднего царства</i>	с. 120—133

6.3.4. Сведения Гекатея Абдерского/Диодора Сицилийского о царе Сесоосисе: реминисценции войн Среднего и Нового царства и преобразований начала ливийского времени.....	с. 134—140
6.4. <i>От Сесонхосиса к Александру: «единый цикл» истории Египта в традиции кануна и начала эллинистического времени.....</i>	с. 141—160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	с. 161—173
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	с. 174—179
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	с. 180—257
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	с. 258—260
СПИСОК ТАБЛИЦ.....	с. 261
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	с. 262—288
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	с. 289—381
<i>«Стела сатрапа»: перевод и комментарий.....</i>	с. 289—360
<i>Экскурс 1: Вторая кампания Птолемея и вопрос о «рубеже Ир-мер-а».....</i>	с. 361—372
<i>Экскурс 2: «Враг Нšгyš(з)» в египтологических исследованиях.....</i>	с. 373—381

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Настоящее диссертационное исследование посвящено восприятию египтянами конца IV – начала III вв. до н.э. в категориях мировоззрения, свойственного им в данное время и восходившего к предшествующей традиции, установления власти над их страной македонских правителей после вступления в Египет Александра Великого в 332 г. до н.э. Под традиционным мировоззрением древних египтян мы понимаем широкую совокупность их взаимосвязанных представлений о сакральном характере власти их легитимных царей, о качествах последних, являвшихся условиями их позитивной оценки со стороны общества (прежде всего, со стороны элиты), о месте Египта в мире и о его взаимоотношениях с другими странами, а также о роли в них сакрального царя Египта, о закономерностях разворачивавшегося в Египте и в целом в мире исторического процесса. Восприятие в контексте этих представлений власти над Египтом первых македонских правителей имело целый ряд аспектов. Так, Александр Великий и его преемники из дома Аргеадов были наделены в Египте статусом сакральных царей и тем самым являлись легитимными правителями Египта и одновременно обширной межрегиональной державы, включавшей Ближний и Средний Восток, а также Балканский полуостров. В 323—305/4 гг. до н.э. Египет оказался в специфической ситуации разделения статуса его правителя на формальный (принадлежавший официальным наследниками Александра – его брату Филиппу Арридею и его сыну Александру (IV)) и фактический (принадлежавший сатрапу Птолемею), и это разделение не могло не отразиться в идеологии и пропаганде, основанных на первостепенном внимании к фигуре сакрального царя. Вступление Александра в Египет прекратило в его истории период т.н. второго персидского владычества (343—332 гг. до н.э.), оцененный египтянами негативно. Далее, на протяжении эпохи диadoхов (в рамках настоящего исследования – в 323—305/4 гг. до н.э.) Египет под властью сатрапа Птолемея неоднократно оказывался в противостоянии с военно-политическими структурами, базировавшимися на Ближнем Востоке и воспринимавшимися в качестве ситуационных геополитических преемников державы Ахеменидов (говоря более широко и вместе с тем точно – соседствовавшей с Египтом по крайней мере с конца VIII в. до н.э. межрегиональной азиатской державы). Наконец, рубежный характер рассматриваемого в исследовании периода, который завершил древневосточный этап в истории Египта и открыл его эллинистический этап, очевиден современным исследователям и, как показывают источники, был очевиден его египетским современникам.

Стоит сразу оговорить использованный нами в заглавии работы и в целом в ней термин «начало македонского времени», который обозначает рассматриваемый нами период с 332 г. до н.э. (вступление Александра Великого в Египет) по 305/4 г. до н.э. (принятие сатрапом Египта Птолемеем царского титула). Думается, что его обозначение «начало эллинизма» было бы небезупречно, поскольку термин «эллинизм» в применении к обществам Ближнего и Среднего Востока обозначает их специфическое состояние, характеризующееся интенсивным взаимодействием эллинского и восточного начал в разных сферах жизни (см.: [Зельин, 1955, с. 104; Gehrke, 2008, S. 2])¹, а на протяжении данного периода сами принципы такого взаимодействия только формировались. Говорить же об этом времени как о «начале эпохи Птолемеев» тем более невозможно, поскольку Птолемей, сын Лага, стал правителем Египта лишь к концу его первого десятилетия, а легитимным царем этой страны - лишь по его истечении. Представляется, что обозначение данной эпохи по стране и народу, давшим в это время Египту его правителей (по аналогии с «персидским временем» в его истории), было бы оптимально.

Как нам кажется, актуальность избранной нами темы диссертационного исследования определяется следующими моментами. Во-первых, изучение особенностей взаимного восприятия носителей разных культурных традиций (обозначаемое также как проблематика «Своего» и «Чужого», «образа Иного», «диалога культур» и т.п.) достаточно давно признано значимым направлением исторических исследований и реализуется на материале разных стран и эпох (см. в теоретическом аспекте: [Репина, 2011]; в применении к древности, преимущественно на античном материале: [Gruen, 2011]). Однако на древнеегипетском материале данная проблема рассматривалась не так уж часто и, как правило, с точки зрения отражения контактов египтян с чужеземными народами и правителями в литературе и искусстве [Loprieno, 1988; Chimko, 2003; Saretta, 2016]. Что касается постановки этой проблемы в связи с реальным взаимодействием египтян с иноземцами, отраженным прежде всего в письменных источниках, она встречается сравнительно редко. Характерным образом, ее нет в подробном исследовании источников об иноземцах в Египте Среднего царства и II Переходного периода [Schneider, 1998—2003], а содержащая ее непосредственно работа о египетской Нубии скорее маргинальна в египтологической литературе [Smith, 2003]. Насколько нам известно, такая постановка проблемы никогда не реализовывалась монографически, на основе подробного анализа материала одной конкретной эпохи, в течение которой древние египтяне активно взаимодействовали с чужеземцами. Так, например, книга Г. Виттмана о

---

¹ В данном контексте мы говорим лишь о том аспекте сложного понятия «эллинизм», который существенен для определения его специфики применительно к истории стран Ближнего и Среднего Востока.

Египте и чужеземцах в I тыс. до н.э. состоит из ряда очерков, посвященных разным этапам такого взаимодействия, а проблема «образа Иного» затрагивается в ней сугубо спорадически [Vittmann, 2003].

Если говорить непосредственно об изучении эллинистического времени, то в его рамках достаточно излюбленным сюжетом была практическая сторона взаимодействия между греками и египтянами (вопросы билингвизма, роли египтян в экономике и бюрократии государства Птолемеев, в какой-то мере наличия у них этнического самосознания; см., например, подробную библиографию работ В. Переманса: [Фихман, 1986, с. 416—419]; см. также: [Lang, 2013, p. 1—44]). Вместе с тем проблематика восприятия египтянами греко-македонской элиты государства Птолемеев, как правило, не затрагивается, что связано как с дефицитом отражающих эту сторону жизни источников, так и с трудностями вычленения в них соответствующей информации (характерным образом, достаточно дискуссионным остается вопрос о том, в какой мере являются «антигреческими» такие тексты, как «Демотическая хроника» и «Оракул горшечника» [Felber, 2002; Koenen, 2002]). Предпринятое нами рассмотрение презентации македонских правителей (в т.ч. как легитимных сакральных царей) в египетских памятниках можно с основанием считать частным случаем исследования проблемы «образа Иного» в сознании египтян. Кроме того, мы подробно затрагиваем вопрос о восприятии египтянами соседствовавшей с ними межрегиональной азиатской державы - как персидской державы Ахеменидов в финале ее существования (эпоха второго персидского владычества в Египте), так и собственно созданной Александром Великим державы Аргеадов. Наша работа восполняет дефицит таких исследований в египтологии, предлагая рассмотрение данных аспектов проблемы «образа Иного» в сознании египтян в начале македонского времени практически в исчерпывающем объеме.

Во-вторых, важнейшим аспектом восприятия египтянами македонских правителей конца IV в. до н.э. было отношение к ним как к легитимным сакральным царям (их признание либо непризнание в этом качестве), а также оформление в египетских политико-идеологических категориях особого статуса сатрапа Птолемея – на протяжении почти двух десятилетий неограниченного фактического правителя Египта, не имевшего, однако, царского титула. Изучение древнеегипетской царской власти, в том числе представлений о царской сакральности и форм царского культа, стало важнейшим направлением исследований в области египтологии едва ли не с ее становления в качестве научной дисциплины. Вместе с тем, несмотря на очевидность серьезных изменений статуса царя и его идеологического оформления на протяжении трехтысячелетней истории древнего Египта, суммирование материала по данной проблематике для отдельных эпох проводилось по принципу скорее классификации относящихся к ним текстов и их терминологии [Blumenthal, 1970; Grimal, 1986; Schade-

Busch, 1992], нежели комплексного исследования содержащихся в них идеологием. В отечественной науке хорошо осознаны значимость данной проблематики и базовый для египетской культуры характер представлений, связанных с сакральностью царя (см., например: [Большаков, 2000; Берлев, 2003]); однако изучению царской власти на одном из этапов истории Египта посвящено вообще всего одно монографическое исследование [Демидчик, 2005]. В целом в мировой египтологии достаточно слабо обобщен материал по идеологии царской власти Позднего времени – специфического этапа ее ослабления и модификации, в том числе ввиду утверждения во главе Египта чужеземных династий. Классификация текстов этого времени (как царских [Blöbaum, 2006], так и частных [Rössler-Köhler, 1991]; см. ниже, раздел «Степень изученности проблемы») и их терминологии позволила выявить свойственные ему основные идеологические тенденции, однако их подробное изучение на отдельных исторических отрезках почти не проводилось. Наконец, важным, но крайне мало разработанным направлением изучения древнеегипетской царской идеологии можно считать выявление ее специфических модификаций в ситуациях, когда действенность сакральной мощи царя при совершении ритуала оказывалась под вопросом. Для I Переходного периода данное направление обозначено (но все же не разработано подробно) египтологами петербургской школы [(Берлев,) Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 90; Демидчик 2005, с. 46—47, прим. 3]; для Позднего времени тенденция к перенесению сакрального статуса (власти и/или ритуальных функций) на иных, нежели царь, агентов особенно четко выявлена в работе У. Рёсслер-Кёлер [Rössler-Köhler, 1991] (см также ниже, раздел «Степень изученности проблемы»), однако ее изучение на материале конкретных небольших периодов не проводилось. В настоящем диссертационном исследовании мы подробно и комплексно рассматриваем как презентацию царей дома Аргеадов в качестве легитимных сакральных правителей Египта в их официальных памятниках и в некоторых иных свидетельствах совершения ими ритуалов, так и оппозиционное отношение к ним со стороны египетской элиты, выражающееся в отказе от их именования титулами легитимных царей, в перенесении сакрального статуса с них на божества, в иных проявлениях неверия в их ритуальную силу. Особую проблему составляет формирование в египетских идеологии и пропаганде 310—300-х гг. до н.э. статуса сатрапа Птолемея с помощью перенесения на него традиционных топосов описания царей, а также «отщепления» в его пользу некоторых составляющих сакрального царского статуса – без прямого принятия им царского титула. Работа предлагает опять же практически исчерпывающее рассмотрение данного круга проблем и, соответственно, дает комплексную характеристику египетских представлений начала македонского времени, связанных с царской властью, в их взаимодействии и взаимосвязи.

В-третьих, как мы уже сказали, начало македонского времени не могло не осмысливаться его современниками-египтянами как важнейший рубеж в истории их страны. В таком случае оно закономерным образом должно было получить отражение в их представлениях о ходе истории – как в «академическом» варианте, так и в пропагандистских модификациях, направленных на придание новым македонским правителям позитивного «имиджа» в широких кругах. Характерным образом, данный аспект восприятия египтянами начала македонского времени должен был взаимодействовать с его восприятием в аспекте «диалога культур». С одной стороны, вступление в страну Александра Великого прекратило ее подчинение межрегиональной азиатской державе под властью Ахеменидов, которое оценивалось негативно; с другой стороны, и само это событие предполагало новое подчинение Египта такой же по своему геополитическому статусу державе под властью Александра; и, наконец, начало эллинистической государственности Египта, основанной Птолемеем уже на этапе его сатрапии, воспринималось и как противостояние такой державе, находившейся под властью противников сатрапа Египта в войнах диадохов. Однако более существенно, что исследование оценки египтянами начала македонского времени как исторического рубежа предполагает обращение к их представлениям о прошлом, отразившимся в египетской традиции Позднего времени. Изучение таких представлений чрезвычайно затруднено тем, что число собственно египетских источников, фиксирующих их по состоянию на IV—III вв. до н.э., минимально и, как правило, эти представления известны исследователям через посредство античной традиции, что неизбежно порождает вопрос об адекватности их передачи. Изучение исторической традиции египтян Позднего времени – достаточно активно развивающееся направление египтологии. На сегодняшний день в нем представлено авторитетное мнение о достоверности античной передачи египетских свидетельств о прошлом (в том числе и фрагментов труда Манефона Севеннитского), а также о наличии в них не просто новеллистической характеристики деяний отдельных царей, но и более сложных и протяженных схем и конструктов [Redford, 1986; Gozzoli, 2006]. Однако подробное исследование таких конструктов и, в частности, выявление закономерностей и движущих сил хода истории с точки зрения египтян до сих пор не проводилось. В настоящей работе продемонстрировано функционирование циклической схемы исторического процесса в представлениях египтян IV—III вв. до н.э. на материале традиции Манефона Севеннитского, а также ряда пропагандистских конструктов, основанных на принципиально сходных схемах. При этом не только изучено восприятие в рамках этих схем Александра Великого и Птолемея, сына Лага, как рубежных фигур египетской истории, но и установлены базовые принципы позднеегипетской историографии.

Источниковая база исследования включает в себя древнеегипетские памятники, датирующиеся началом македонского времени, либо предшествующим ему временем второго персидского владычества, либо следующим за ним началом птолемеевского времени (первая четверть III в. до н.э.), а также свидетельства грекоязычной и латинской традиции, известные нам через посредство источников разных эпох (вплоть до византийского времени), но восходящие к тому же временному диапазону, который охарактеризован нами для древнеегипетских памятников (т.е. в целом к концу 340-х гг. – первой четверти III в. до н.э.). При этом выявление на материале данных источников тенденций египетской идеологии царской власти, получивших продолжение и развитие в начале македонского времени, а также принципов позднеегипетской историографии, в соответствии с которыми осмысливался рубежный характер этой эпохи, требует их рассмотрения в широком контексте. В связи с этим мы систематически обращаемся к египетским источникам и данным грекоязычной и латинской традиции, датировка которых выходит за рамки обозначенного нами периода. С наибольшей подробностью мы рассматриваем египетские памятники, принадлежащие в целом к IV—III вв. до н.э. и отражающие идеологическую ситуацию этого времени (см. главу 1, § 1.1.2, 1.2), а также античные нарративы, начиная с Геродота и заканчивая свидетельствами христианских хронографов, в которых отразились мотивы и конструкты позднеегипетской историографии (см. главу 1, § 1.3, а также в целом главу 6). Подробная характеристика используемых нами источников, с необходимым введением в историю их изучения и полемику в связи с их интерпретацией, приводится нами в должных случаях в главах основной части нашего исследования. Сейчас мы ограничиваемся тем, что даем лишь общий их обзор с минимальными отсылками к важнейшим публикациям.

Среди используемых нами *египетских письменных источников* наиболее обширным является текст «Стелы сатрапа». Этот памятник происходит из Дельты Нила (из Буто или Саиса), четко датирован осенью 311 г. до н.э. и несет на себе надпись, в которой прославляются деяния сатрапа Египта Птолемея в конце 310-х гг. до н.э. и фиксируется передача им земельного угодья под названием «Земля Уаджит» египетским храмам Буто (SM 22182 = JE 22263; Urk. II. 11—22) [Schäfer, 2011]. Помимо текста этого памятника, чрезвычайно информативно для определения его концепции изобразительное оформление его навершия: по существу, данный памятник – единственный среди принадлежащих к началу македонского времени, в котором реализуется традиция египетских царских надписей. Данные «Стелы сатрапа» исключительно важны для исследования восприятия в конце 310-х гг. до н.э. власти и статуса сатрапа Птолемея, а также формального сакрального царя Египта Александра (IV), которое, очевидно, навязывалось в это время египтянам в качестве официального; кроме того, текст «Стелы...» содержит сведения о положении Египта этого времени под властью Птолемея

по отношению к остальным частям державы Аргеадов и реминисценции второго персидского владычества. Значимость данного памятника и насыщенность его текста реалиями конца 310-х гг. до н.э., при его относительной неизученности в отечественной историографии, такова, что мы выносим полный комментированный перевод текста «Стелы сатрапа» в приложение к нашей работе (см. также главу 2, § 2.4.1, 2.4.2; главу 3, § 3.1.3, главу 4, § 4.1.2, 4.1.4, 4.3).

Наиболее обширная категория древнеегипетских нарративов начала македонского времени – это *автобиографические надписи представителей египетской элиты*, живших на протяжении этого времени и умерших в конце IV либо в начале III вв. до н.э. Большая часть памятников, несущих эти надписи, не имеет точной датировки, и она устанавливается оценочно, исходя как из их стилистики, так и упоминаемых в данных текстах реалий. Обратим внимание, что все они представляют собой не «идеальные автобиографии» со стандартизированными и неконкретными самоаттестациями их героев, а свидетельства о реальных событиях их жизни и их делах. По-видимому, сама беспокойная обстановка начала македонского времени не располагала к формальному составлению таких текстов. Несколько из них принадлежат вельможам и жрецам – уроженцам Гераклеополя, бывшим современниками второго персидского владычества и, судя по всему, начавшим свою карьеру еще до него, в эпоху XXX династии. Это автобиографическая надпись Сематауитефнахта на т.н. Неаполитанской стеле (Неаполь, Национальный археологический музей, 1035; Urk. II. 1—6) [Perdu, 1985] и сохранившиеся фрагментарно надписи на статуях Хора Louvre A88 [Vercoutter, 1950, p. 85—100, pl. I—III; Perdu, 2012, p. 356—355] и находящейся в Александрии (Греко-римский музей, без номера) [Vercoutter, 1950, p. 100—108, pl. IV—V] (см. главу 3, § 3.1.1, главу 4, § 4.1.2). Упоминание второго персидского владычества присутствует, по-видимому, и в биографии жреца Ашახета на задней опорной плите скульптурной группы, изображающей его вместе с сыном Пашериентаисуи и его женой (СМ JE 36576) [Guernier, 2004] (см. главу 3, § 3.1.1, главу 4, § 4.1.4). Можно обратить внимание, что как для этого памятника, так и для надписей гераклеопольских вельмож характерно перенесение статуса сакрального царя с современных им правителей на божество. Раннее, еще до чужеземных завоеваний, начало карьеры по крайней мере гераклеопольских вельмож позволяет предположить, что и конец их жизни приходился еще на IV в. до н.э.; однако такое суждение все же сугубо оценочно.

Большую часть автобиографических надписей начала македонского времени следует датировать временем не ранее сатрапии Птолемея. Краткое упоминание этого правителя, содержится, видимо, в надписи на статуе т.н. «мемфисского анонима» (Wien ÄS 20) [Rogge, 1992, S. 145—152] (см. главу 2, § 2.4.1). Надпись на статуе т.н. «анонима из Баклии» (Национальный музей Карфагена, Тунис, 883.1) [Drioton, 1960—1961; Zivie, 1975, p. 149—150]

описывает, по-видимому, какой-то эпизод из жизни ее владельца – жреца XV нижеегипетского нома, - связанный с его посещением сатрапом Птолемеем (см. перевод и комментарий данного текста в главе 2, § 2.4.3). Информативность этих текстов (в случае с надписью на статуе «анонима из Баклии» - его интерпретация) зависит от их сопоставления с самым значимым египетским нарративом времени сатрапии Птолемея – текстом «Стелы сатрапа». Чрезвычайно подробным источником о деятельности египтянина, по-видимому, не принадлежавшего изначально к элите, но выдвинувшегося в своем номе в обстановке начала македонского времени, являются надписи на памятниках Дждед-Хора по прозвищу «Спаситель» (*p3 šd*) из Атрибиса - целительной статуе SM 46341 [Jélinkova-Reymond, 1956], наофорной статуе SM 4/6/9/1 [Vernus, 1978, p. 193—195] и пьедестале статуи OI 10589 [Sherman, 1981]. В нашем исследовании использованы данные о роли этого лица в храмовом строительстве времени формального царствования Филиппа Арридея (323—317 гг. до н.э.) в Атрибисе (см. главу 3, § 3.2). Наконец, целый комплекс материалов о начале македонского времени в Египте предоставляет гробница жреца Петосириса в Туна эль-Гебель близ Гермополя [Lefebvre, 1923—1924]. Ее владелец принадлежал к старому гермопольскому жреческому роду и был *лесонисом*, т.е. начальником хозяйства храма бога Тота в Гермополе, по-видимому, в царствование Александра Великого (332—323 гг. до н.э.). Наиболее важна т.н. «Большая биографическая надпись» Петосириса (надпись 81 в его гробнице) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 136—145; t. 2, p. 53—59; t 3, pl. XXVIII—XXX, XXXI—XXXIV], содержащая описание второго персидского владычества, деятельности Петосириса в качестве *лесониса*, в т.ч. ведшегося им строительства в храме Тота, а также его взаимодействия с сатрапом Птолемеем и его окружением. Другие тексты гробницы Петосириса привлекаются нами фрагментарно, для определения деталей биографии его самого и его родственников, бывших жрецами в Гермополе. Кроме того, сама концепция оформления этой гробницы дает определенную информацию об отношении ее владельца к правителям Египта начала македонского времени (см. главу 2, § 2.4.1, главу 3, § 3.2, 3.4).

Наконец, предположительный характер носит предложенная нами интерпретация автобиографических надписей вельможи Уннефера из его гробницы в Саккара [Kaenel, 1980] и сына Нектанеба II на опорном столбе его статуэтки [Clère, 1951]. Исследование обоих этих текстов затруднено тем, что гробница Уннефера не сохранилась *in situ* и известна только по крайне неполной и несовершенной публикации ее эстампажей, хранящихся в Лувре; а статуэтка сына Нектанеба II в первой половине XX в. находилась в частных коллекциях, но сейчас ее судьба неизвестна. Мы допускаем, что оба эти памятника отразили ситуации пребывания египтян, принадлежащих к элите, при дворе Александра Великого в Азии, а их тексты позволяют сделать некоторые наблюдения о восприятии македонского царя в Египте

(см. главу 3, § 3.5.1, 3.5.2; в последнем параграфе мы даем перевод и комментарий надписи на статуэтке сына Нектанеба II). Не вполне ясна интерпретация одного памятника конца IV в. до н.э. – не несущего на себе надписей скульптурного изображения человека, одеяние и украшения которого обнаруживают черты иранского влияния (Бруклинский музей, 71.139 [Egyptian Man..., 2017]). К данному памятнику мы обращаемся в связи с восприятием в Египте времени второго персидского владычества, соглашаясь с мнением о том, что, по-видимому, это изображение вельможи данного периода (см. главу 4, § 4.1.1).

К автобиографическим надписям начала македонского времени примыкают надписи (граффити) двух фиванских жрецов – Анхпахереда и Капефхамонту – на внешней стене Луксорского храмового комплекса [Jansen-Winkel, 2005; 2013]. В отличие от автобиографий, данные тексты сообщают лишь об одной стороне деятельности этих жрецов – об их роли в восстановлении построек на территории фиванских храмов, а также их культовой утвари. Граффито Анхпахереда значимо наличием в нем ряда точных датировок, которые позволяют уточнить один из вопросов хронологии храмового строительства в Египте начала македонского времени (см. главу 2, § 2.2.1). Кроме того, оба эти текста (наряду с автобиографиями Хора и Джед-Хора и «Большой автобиографической надписью» Петосируса) важны для выяснения того, какую роль в строительной деятельности в египетских храмах начала македонского времени играла частная инициатива их жречества (см. главу 3, § 3.2).

Большой массив материала составляют собственно *храмовые постройки*, возведенные в Египте в начале македонского времени. Их подробный перечень с отсылками к публикациям мы приводим в главе 2 (§ 2.3.1). Отметим сейчас, что наиболее значимыми оказываются программы храмового строительства, осуществленные при Александре Великом и Филиппе Арридее в Фивах (восстановление святилища барки Амона-Ра в Луксоре: РМ² II. 324—326 [Abd-el-Razig, 1984]; восстановление помещений храма Ахмену в Карнаке: РМ² II. 119—120 (394—398) [Barguet, 1962, p. 192—197]; возведение «гранитного святилища» в Карнаке: РМ² II. 98—101 [Barguet, 1962, p. 136—141; Lacau, Chevrier, 1977, p. 402—412]) и в Гермополе (работы в фасаде храма Гота: РМ IV. 165, 167 [Snape, Bailey, 1988]). Помимо этого, судя по памятникам и отдельным блокам, сохранившим титулатуры царей дома Аргеадов, храмовое строительство в начале македонского времени велось в Атрибисе, Хорбейте, Севенните, Нуб Таха, в пунктах близ Гермополя (Спеос Артемидос и Туна эль-Гебель), в Элефantine; возможно, ко времени Александра принадлежит небольшое святилище в Каср эль-Мегисба в оазисе Бахария. Обращаясь к этим памятникам, мы не стремимся исследовать изобразительную программу и, соответственно, религиозную концепцию каждого из них: во многих случаях это невозможно в силу крайне фрагментарной сохранности памятников; что же касается сохранившихся наилучшим образом фиванских памятников Александра Великого и Филиппа

Арридея, то они в значительной мере воспроизводят концепцию ранее возведенных сооружений, восстановленных при этих царях. В наибольшей мере мы видим нашу задачу в выявлении выявить в храмовом строительстве этого времени наличия или отсутствия определенных программ, мотивированных идеологическими приоритетами (прежде всего, стремлением представить царей дома Аргеадов в качестве сакральных правителей Египта). Кроме того, именно храмовые постройки времени Аргеадов сохранили значительное число их полных титулатур, отражающих их позиционирование и восприятие в египетской среде (см. главу 2, § 2.2). Формально храмовым памятником можно считать постамент, обнаруженный вблизи святилища в Каср эль-Мегисба в оазисе Бахария и несущий на себе чрезвычайно полную египетскую царскую титулатуру Александра Великого, а также греческую надпись, вводящую этот памятник в контекст знаменитого посещения Александром святилища Амона-Ра (Зевса-Аммона) в оазисе Сива и его признания там сыном божества [Bosch-Puche, 2008]. Как мы считаем, этот постамент должен датироваться временем первых Птолемеев, когда, на фоне успешной внешней политики их государства, в их пропаганде стал актуален мотив миродержавия, ярко звучащий в титулатуре, которую этот памятник приписывает Александру (см. главу 4, § 4.5).

Существенное значение для целей нашего исследования имеют *предметы культовой утвари* из египетских храмов начала македонского времени – фрагменты клепсидр из Государственного Эрмитажа (ДВ 2507а – царствование Александра Великого или Александра (IV); см. ее полное описание, перевод и комментарий надписей на ней в главе 3, § 3.1.2) и из Британского музея (BM 933 – царствование Александра Великого; BM 938 – царствование Филиппа Арридея [Lodomez, 2007, p. 57—61, fig. 1; 69—70, fig. 6]). Как представляется, в этих памятниках, очевидно, не подлежавших «цензуре» с точки зрения надлежащей презентации в них Аргеадов как сакральных царей, достаточно явно проявилось их неприятие в этом качестве египетским жречеством (см. главу 3, § 3.1.2). Одним из проявлений признания сакрального статуса царей дома Аргеадов стало установление от их имени *памятников, связанных с культом священных животных*, в частности, с их погребением. Среди них наиболее многочисленны демотические стелы из некрополя священных коров - матерей Аписов в Саккара (в общей сложности известно десять стел царствования Александра Великого и, видимо, три – Александра (IV) [Smith, Andrews, Davies, 2011, p. 64—100, nos. 21—34]); однако, при стяженности в них царского протокола и отражении прежде всего реалий, связанных с данным конкретным культом, они неинформативны для наших целей. Несравненно больший интерес представляет стела Bucheum 2=BM 1697+1719 Года 4 Александра Великого (конца 329 г. до н.э.) [Mond, Myers, Fairman, 1934, vol. 2, p. 3; vol. 3, pl. XXXVII(2), XXXVIIa(2)]. В ней, как мы полагаем, проявилось не только признание сакрального статуса

македонского царя, но и определенное изменение в его пропаганде начала 320-х гг. до н.э. отношения к предшествующему этапу второго персидского владычества (конкретно - к определению властного статуса Дария III; см. главу 4, § 4.2). В контексте судьбы Аписа, жившего на протяжении последних лет второго персидского владычества и царствования Александра Великого и умершего в начале сатрапии Птолемея, мы рассматриваем надпись на крышке саркофага Аписа Года 2 Хаббаша (336 или 335 г. до н.э. [Gunn, 1926, p. 86—87]; см. главу 2, § 2.3.2).

Завершая обзор египетских письменных и вещественных источников, относящихся к началу македонского времени и учтенных в нашем исследовании, обратим внимание, что некоторые из них остались вне нашего поля зрения. Среди них единственное египетское скульптурное изображение, по-видимому, одного из царей дома Аргеадов – статуя из розового гранита, изображающая стоящего во весь рост царя, с выдвинутой вперед левой ногой, стопа которой не сохранилась (Франкфурт-на-Майне, Liebighaus St.P. 565) [Vol, 2005]. В пользу отнесения этого памятника к началу македонского времени говорит сочетание в нем стилистических особенностей скульптуры XXX династии с явным греческим влиянием. Однако в отсутствие на ней каких-либо надписей мы не только не можем быть уверены в ее точной атрибуции одному из Аргеадов (Александру Великому или его сыну Александру (IV), с меньшей вероятностью - Филиппу Арридею), но и не получаем никаких сведений о ее назначении и в принципе не извлекаем из этого памятника никакой информации, помимо констатации и так несомненного формального признания царского статуса Аргеадов в Египте. Кроме того, среди наших источников нет демотических текстов начала македонского времени. Непосредственно к данному периоду относятся только документальные источники, протокол которых, как мы заметили выше в связи со стелами из некрополя матерей Аписов, чрезвычайно стяжен. По сути дела, он сводится к стандартной датировочной формуле «...фараона, (да будет) ж(ив), с(илен), з(доров), такого-то, (да будет) ж(ив), с(илен), з(доров)» (*n pr-ʕ ʕ. w. s N ʕ. w. s.*) [Bosch-Puche, Moje, 2015, p. 340], которая, как мы стараемся обосновать (см. главу 4, § 4.1.1), не обязательно свидетельствует и о признании за упоминаемым в ней правителем сакрального статуса. Соответственно, нам кажется правомерным ограничиться при решении наших задач только иероглифическими текстами, более информативными для наших целей. К данным отдельных *демотических документов* (p.dem.Libbey 1 = Toledo 1 [Spiegelberg, 1907]; p.dem. Louvre N2430 [Cenival, 1966]) мы обращаемся только в связи с вопросами истории второго персидского владычества в Египте, а именно с определением датировки прервавшего его царствования Хаббаша (см. главу 2, § 2.3.2; «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «г») и с оценкой восприятия в Египте последних Ахеменидов (см. главу 4, § 4.1.1).

Помимо египетских источников, непосредственно относящихся к началу македонского времени и к примыкающим к нему историческим периодам, мы в силу необходимости достаточно подробно рассматриваем также и источники, лежащие в более широком временном диапазоне и выявляющие свойственные Египту Позднего времени тенденции идеологии царской власти. В данном обзоре мы остановимся лишь на некоторых из них, которые относятся к непосредственно примыкающим к началу македонского времени эпохам последних египетских династий (404—343 гг. до н.э.) и к началу птолемеевского времени. Т.н. «*Демотическая хроника*» (p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto*) [Spiegelberg, 1914, S. 3—22, Taf. I—V; Felber, 2002], вероятно, записанная в известном нам виде в III в. до н.э., представляет собой собрание речений о царях XXVIII—XXX династий, которые правили Египтом в IV в. до н.э., и содержит оценку их деятельности в категориях, в целом свойственных египетским идеологии и мировоззрению этого времени и начала эллинизма. Для уточнения значения одной из категорий этого текста, представляющей нам базовой (см. главу 1, § 1.1.2), мы сопоставляем его словоупотребление с некоторыми надписями уже упоминавшейся гробницы Петосириса в Туна эль-Гебель. Кроме того, в порядке такого же сопоставления мы обращаемся к *царским текстам IV—III вв. до н.э.* – к «Стеле Навкратиса» царя XXX династии Нектанеба I (СМ JE 34002; мы пользуемся изданиями этого памятника [Brunner, 1992, Taf. 25—26], не сопоставляя подробно его текст с тождественным по содержанию текстом недавно обнаруженной стелы из Тониса-Гераклейона [Bomhard, 2012]), к Мендесской стеле Птолемея II Филадельфа (СМ 22181 = JE 37089; Urk. II. 28—54; [Schäfer, 2011, S. 239—276]), а также к «декрету Рафии» Птолемея IV Эвергета [Thissen, 1966] (в обозначении строк его демотического текста мы следуем версии стелы СМ 31088). Для выяснения особенностей египетских представлений IV в. до н.э. о царской сакральности мы обращаемся к т.н. «*соколам-Нектанебам*» - скульптурным группам, изображающим Нектанеба II перед богом Хором в обличье сокола [Jenni, 1998, S. 88, 90, 92—94], сравнивая их также со сфинксами Нектанеба I на аллее между Карнакским и Луксорским храмовыми комплексами [Abd el-Razik, 1968], по-видимому, близкими им по концепции (см. главу 1, § 1.1.2). Ряд идеологем IV в. до н.э., связанных со взаимодействием египтян с окружающим миром, мы обнаруживаем в т.н. «*Книге победы над Сетом*»: этот религиозно-магический текст основан мифологеме вторжения в Египет Сета, изгнанного до этого после исхода борьба за наследство Осириса, которая служила метафорой чужеземных завоеваний (pLouvre 3129, стлбб. В, 39 – Е, 42; pBM 10252, стлбб. 13.1 – 18.27; Urk. VI. 1—59; [Altmann, 2012; Карлова, 2016, с. 63—183]; см. главу 1, § 1.2).

Не относятся к началу македонского времени и отражающие его оценку как рубежа истории Египта *демотические тексты историко-пропагандистского содержания* – помимо уже упомянутой «Демотической хроники», т.н. «Пророчество ягненка», известное в списках

римского времени, однако, несомненно, восходящее к предшествующей эпохе эллинизма (р. dem. Vindob. 10000 [Zauzich, 1983; Thissen, 2002]). Последний текст принадлежит к характерному египетскому жанру «описания бедствий страны», известному с рубежа III—II тыс. до н.э. Оба эти источника, как считают исследователи, формировались на протяжении длительного времени, вбирая в себя «пласты» впечатлений египтян от разных эпох их истории I тыс. до н.э., так что сведения, относящиеся ко времени Аргеадов, являются лишь одним из таких пластов. В нашем исследовании мы рассматриваем фрагменты «Демотической хроники» и «Пророчества ягненка», отразившие, предположительно, восприятие Александра Великого и Птолемея как рубежных фигур истории Египта (см. главу 5, § 5.1 и 5.3). При этом данным фрагментам придана, в соответствии с жанровой спецификой этих текстов, энигматическая форма, они стяженны и поддаются интерпретации лишь с учетом выявленных независимо от них закономерностей позднеегипетской историографии, а также в сопоставлении с достаточно обширным массивом египетских и античных нарративных свидетельств.

Использованные в исследовании данные *античных нарративов*² можно разделить на две неравные группы. К первой из них, сравнительно компактной, относятся *свидетельства античных исторических источников* о реальных событиях второго персидского владычества и царствований Аргеадов, в которых проявился характер политики иноземных правителей по отношению к Египту и к его религиозно-идеологической традиции (в частности, выявилась заинтересованность македонян в презентации Аргеадов как легитимных сакральных царей). Это сведения Диодора Сицилийского о завоевании Египта Артаксерксом III (*Diod. XVI. 40—51*), в т.ч. о вывозе персами из египетских храмов священных текстов (id. 51.2; см. главу 4, § 4.1.2), словаря «Суда» - о депортациях Артаксерксом III египтян (s.v. ἄσατο; см. главу 4, § 4.1.3), произведений историков Александра (XVII книги Диодора, «Истории Александра Македонского» Квинта Курция Руфа, «Анабасиса Александра» Флавия Арриана, «Итинерария Александра»), а также в некоторых случаях «Романа об Александре» - о пребывании Александра в Египте в 332—331 гг. до н.э. (см. главу 2, § 2.1, 2.3.2, главу 4, § 4.1.1), Диодора - о деятельности Птолемея, сына Лага в качестве сатрапа Египта, в частности, о его участии в погребении быка Аписа в конце 320-х гг. до н.э. (*Diod. I.84.4*; см. главу 2, § 2.3.2), исторической традиции о времени диадохов (помимо названных авторов, также эпитомы *Historia Philippica* Помпея Трога, созданной Марком Юнианом Юстином, Павсания, сообщений Арриана и Дексиппа, известных в передаче Фотия) - о статусе и полномочиях в Египте Клеомена из Навкратиса (см. главу 3, § 3.3.1). Свидетельства данной группы источников не имеют для

² Подробную характеристику этих источников, а также наши наблюдения и присутствующие в историографии выводы о взаимосвязи между данными нарративами и о лежащих в их основе прототипах мы приводим в должной связи в главах основной части нашего исследования.

нашего исследования самостоятельного значения и рассматриваются при интерпретации египетских источников, а также античных нарративов, которые мы относим ко второй группе, в комплексе с ними либо для получения вспомогательной информации.

Вторую, существенно более обширную группу источников, анализ которых является одной из основных задач нашего исследования, составляют *свидетельства античной традиции, оразившие мотивы египетской пропаганды начала македонского времени*. Следует более подробно охарактеризовать целесообразность и необходимость обращения для изучения этих мотивов именно к античным свидетельствам. На наш взгляд, нет сомнений, что для распространения актуальных пропагандистских концептов в достаточно широких кругах общества (прежде всего, образованных и, соответственно, элитарных, но явно с расчетом на шедшую из них более массовую трансляцию) египетские цари с давних времен прибегали к циркуляции отражавших такие концепты текстов публицистических и художественных (в том числе созданных на определенной исторической основе) произведений. А.Е. Демидчик показал пропагандистское значение знаменитого «Рассказа Синухета» [Демидчик, 2005, с. 165—166]; а мы постарались обосновать, что пропагандистские тексты времени Сенусерта III, известные современным исследователям в записи на его памятниках в Нубии, с высокой вероятностью имели распространение в неэпиграфической фиксации (в записи на папирусах или остраконах) внутри Египта. Видимо, именно это привело с течением времени к возникновению уже античной традиции о «стелах Сесостриса» (см. главу 6, § 6.2.1). Исследователи древнеегипетской исторической традиции отмечали ее новеллистический характер (см. главу 1, § 1.3.2), что, по-видимому, может быть связано с ориентацией создателей текстов исторического содержания на подобное их распространение. В частности, достаточно легко представить себе бытование в неэпиграфической фиксации таких текстов этой категории, известных нам в форме надписей, как «Стела голода» [Barguet, 1953 (1)] и «Стела Бентреш» (см. о последней главу 1, § 1.2; заметим, что в случае с последним текстом и эпиграфическая его форма, по всей вероятности, могла быть вариантом его обнародования). Вместе с тем египетские пропагандистские тексты чрезвычайно мало известны исследователям в неэпиграфической форме (если только они не оказывались при этом и чрезвычайно популярными литературными произведениями, получавшими массовое распространение, как это было с «Рассказом Синухета»). Так, в рамках корпуса демотических текстов к этой категории можно отнести разве что «Сказку об Амасисе и мореходе» (она перекликается с известными Геродоту новеллами об Амасисе и, очевидно, как и они, фиксирует восприятие кануна персидского времени египетской элитой; см., с отсылками к публикациям: [Ладынин, 2009 (1), с. 359—360]), т.н. «Пророчество Петесиса», которое является демотической версией греческого текста, известного как «Сон Нектанеба», и описывает конец царствования

Нектанеба II (см. главу 5, § 5.5), а также уже упомянутую «Демотическую хронику». Однако широкая известность многих пропагандистских сюжетов, отразившихся в таких произведениях (в том числе исторических и псевдоисторических схем) привела к тому, что с начала активных греко-египетских контактов они становились известны находившимся в Египте грекам и проникали в создаваемую ими традицию. Весьма вероятно, что в начале эллинизма придание таким текстам грекоязычной формы было связано не только с их восприятием греческой средой или адресацией грекам: как известно, демотическое письмо фиксировало реальный разговорный язык только на раннем этапе, а затем превратилось в официальный письменный язык [Коростовцев, 1963, с. 211]. В ситуации, когда демотическое письмо перестало отражать разговорную норму, а адекватная ей письменность отсутствовала, было естественно писать актуальные и ориентированные на массовое восприятие тексты на известном всему образованному населению Египта греческом языке. Так, во II или I в. до н.э. мы видим несомненный пример пропагандистского текста, использующего специфически египетские категории и явно предназначенного для чтения египтянами, но при этом написанного по-гречески: это уже упоминавшийся «Оракул горшечника». На наш взгляд, нельзя исключить, что и на более раннем этапе грекоязычная фиксация египетских пропагандистских сюжетов (например, создание предполагаемого александрийского прототипа «Романа об Александре»; см. главу 5, § 5.5) была предназначена для восприятия египтянами (если не исключительно, то, во всяком случае, в том числе и ими).

В нашем исследовании мы обращаемся к нескольким комплексам античных свидетельств, которые, на наш взгляд, зафиксировали мотивы пропаганды, обращенной во времена Аргеадов и первых царствований Птолемеев к их египетским подданным. По-видимому, ко времени сатрапии Птолемея относятся свидетельства об ущемлении египтян наместником Александра Великого Клеоменом из Навкратиса, отразившиеся в приписывавшемся Аристотелю трактате «Экономика» [Таронян, 1969; Zoepffel, 2006] (см. главу 3, § 3.3.2), а также о святотатствах Артаксеркса III при завоевании Египта (они отразились в древнегреческой и латиноязычной традиции первых веков н.э., поздней античности и византийского времени - в произведениях Плутарха, Клавдия Элиана и в словаре «Суда»; см. главу 4, § 4.4). Характерной общей чертой этих двух комплексов свидетельств является не только четко их выраженный изоляционистский характер, но и связь с мотивом кощунств Сета против священных животных в ходе его вторжения в Египет, известным по «Книге победы над Сетом». Чрезвычайно разрознены свидетельства, позволяющие говорить о восприятии Птолемея как рубежной фигуры в истории Египта, в том числе в его соотнесении с Александром Великим как также рубежной и парной ему фигурой. Это фрагменты нарративов, отражающие закрепление за ним эпитета «Сотер» (сведения традиции Клитарха

Александрийского, описание Калликсеном Родосским торжественной процессии в Александрии в царствование Птолемея II Филадельфа; см. главу 5, § 5.2), а также представление о том, что именно в его время в Египет прилетел феникс (сведения, приводимые Тацитом и Плинием Старшим; см. там же, § 5.4). Наконец, важнейший комплекс свидетельств о пропагандистских фикциях, получивших хождение в египетской среде, очевидно, в первой половине III в. до н.э., дает нам ряд сюжетов позднеантичного «Романа об Александре» (версий А и γ), восходящих к его вероятному раннему александрийскому прототипу [Berg, 1973]. Это сюжет рождения Александра от близости последнего египетского царя Нектанеба с Олимпиадой (см. главу 5, § 5.5), и серия фрагментов, в которых проводится сопоставление Александра с великим египетским царем далекого прошлого Сесонхосисом, поскольку Александр, став царем Египта, якобы восстанавливает существовавшее в те давние времена египетское великодержавие (см. главу 6, § 6.1, 6.4).

Следует обратить внимание, что интерпретация античных свидетельств, отразивших данные пропагандистские мотивы, невозможна без их рассмотрения в контексте собственно египетских источников либо таких античных источников, отражение в которых египетских представлений кажется безусловно достоверным. Как уже было сказано, для комплексов сообщений о Клеомене из Навкратиса и о кощунствах Артаксеркса III в Египте такой контекст создает «Книга победы над Сетом» (для второго комплекса – также и ряд мотивов «Стелы сатрапа»). Вместе с тем восприятие Александра Великого и Птолемея как рубежных фигур истории Египта оказывается частью действительных (так сказать, «академических») представлений египтян I тыс. до н.э. о прошлом их страны либо сформированных на основе реминисценций событий прошлого историко-пропагандистских фикций, которые, по своей протяженности, могли предлагать схемы египетской истории в целом. Соответственно, интерпретация данных комплексов античных свидетельств невозможна без подробного изучения собственно египетской исторической и историко-пропагандистской традиции, существовавшей к началу эллинизма. Между тем ее изучение осложнено тем, что обширных исторических произведений, принадлежащих непосредственно и безусловно к египетской традиции этого времени, не сохранилось. Исследователь египетской историографии этого времени должен обращаться в первую очередь к труду Манефона Севеннитского (см. главу 1, § 1.3.2), а также к большому числу античных нарративов, которые, как представляется, удержали исходящие от египтян исторические свидетельства и обширные историографические схемы (произведения Геродота, Исократы, Диодора Сицилийского, эпитома Юстина, фрагменты произведений Дикеарха Мессенского и Гекатея Абдерского; см. главу 6, § 6.2, 6.3). По существу, все эти нарративы также входят в число источников настоящей работы. Однако, обращаясь к ним, исследователь, разумеется, должен быть уверен в том, что тексты античной

традиции действительно адекватно (или, по крайней мере, с надежно выявляемыми искажениями) отражают представления древних египтян о своем прошлом. Об основаниях к такой уверенности мы скажем в разделе «Методология и методика исследования» настоящего введения.

Степень изученности проблемы. Характеризуя степень изученности восприятия начала македонского времени египтянами в историографии, мы будем следовать тому же принципу, что и в обзоре источниковой базы нашего исследования. Приводя суждения и полемику исследователей по частным вопросам, связанным с интерпретацией отдельных источников, в главах основной части нашего исследования, мы постараемся оценить здесь основные тенденции изучения интересующей нас проблемы и наиболее общие высказанные в связи с ней мнения. Начать эту характеристику стоит с констатации того, что на протяжении почти двух веков истории научных египтологии и антиковедения еще не было создано общих монографических исследований, в которых предпринималась бы попытка исчерпывающе суммировать данные об отношении египтян к формальным и реальным правителям Египта начала македонского времени, а также к самому этому периоду как к этапу в истории их страны. Нет особых сомнений, что такое положение вещей связано с развитием египтологии и изучения эллинизма, в т.ч. истории Египта при Александре и его непосредственных преемниках, в фактической изоляции друг от друга на большем протяжении истории этих дисциплин. Антиковеды сосредотачивались прежде всего на сборе и систематизации папирологического и эпиграфического материала по истории эллинистического Египта и, как правило, были не осведомлены о связанных с ней собственно египетских источниках - в том числе и из-за незнания их языка. А для большинства египтологов задача исторического обобщения собираемого ими материала (и, в частности, его оценки в контексте античных источников) отошла на второй план по сравнению с задачами его формального описания и филологического изучения едва ли не с завершения героического этапа египтологии в конце XIX в.

Ситуация стала существенно меняться лишь во второй половине XX в., причем этому содействовало осознание научной значимости т.н. проблемы *interpretatio Graeca et Romana*, т.е. изучения рецепции античным миром различных явлений древнеегипетской культуры и религии на основе комплексного и квалифицированного исследования как «египетской», так и «греко-римской» составляющих данного взаимодействия [Griffiths, 1980]. Значительным событием стал выход в лейденской серии *Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain* реализующих такой подход исследований основных античных нарративов о древнем Египте, - египтологических комментариев А. Бэртона к I книге «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского [Burton, 1972] и А.Б. Ллойда – ко II книге «Истории» Геродота [Lloyd, 1975;

1976, 1988 (2)]. Как представляется, значение этих исследований состояло не только в конкретных наблюдениях над особенностями восприятия египетских реалий в этих текстах (и, в частности, в «реабилитации» Геродота от подозрений в фиктивности его описания Египта; см. ниже, в разделе «Методология и методика исследования» настоящего введения), но и в принципиальном осознании возможности и эффективности взаимодействия египтологии и антиковедения на достигнутом к данному времени уровне их развития. При этом к 1970—1980-м гг. была осознана и необходимость широкого подключения египетских источников к построению истории эллинистического Египта. Симптомом этого можно считать, например, создание в это время в Трирском университете по инициативе Х. Хайнена и Э. Винтера *Forschungszentrum Griechisch-Römisches Ägypten*, где можно было получить подготовку как по антиковедческим, так и по египтологическим дисциплинам. Характерным образом, импульс к такой интеграции двух дисциплин шел скорее от антиковедов, нежели от египтологов, и уже в 1990-е – в начале 2000-х гг. ее результатом стало появление сводных очерков истории эллинистического Египта, примерно в равной мере учитывавших данные обеих этих категорий источников [Hölbl, 1994; 2001; Huss, 2001]. На этом же этапе были созданы важные монографические исследования, синтезирующие материал античных и египетских источников [Huß, 1994 (1); Thompson, 1988; 2012]; однако и их авторами стали антиковеды. По-видимому, как раз в силу этого мы не можем назвать работ такого рода, постановка проблем в которых была бы задана прежде всего египетским материалом и предполагала бы комплексную реконструкцию особенностей царской идеологии или настроения египетской элиты на том или ином конкретном этапе истории эллинистического Египта³.

Изучение памятников храмового строительства в Египте времени Аргеадов началось, по сути дела, еще на заре научной египтологии с идентификации важнейших из них. В частности, сцены и тексты «гранитного святилища» Филиппа Арридея в Карнаке были воспроизведены в издании материалов экспедиции в Египет и Нубию Ж.-Ф. Шампольона (*Champ. Mon. CCCIV, CCCV; Champ. Not. descr. II. 148—153*), святилища барки в Луксоре, восстановленного при Александре Великом, - в издании материалов экспедиции К.-Р. Лепсиуса (*LD. Text. III. S. 82—83; IV.4*), помещения храма Ахмену в Карнаке, восстановленного тогда же – в обоих этих изданиях (*Champ. Not. descr. II. 170—172; LD. IV.3*). Что же касается храма бога Тота в Гермополе, где велось строительство в царствования Александра Великого и Филиппа Арридея, знакомство с ним восходит вообще ко времени наполеоновской экспедиции в Египет

---

³ В качестве исключения можно было бы назвать работу крупнейшего египтолога Ф. Дершена, целью которой была своеобразная реконструкция личностей ряда знатных египтян времени Птолемеев и оценка степени, в которой их затронул процесс эллинизации [Derchain, 2000]. Вместе с тем охват этой работы (по существу, сборника эссе) невелик, а исторический контекст, в который были вписаны рассмотренные в ней памятники, минимален.

(Descr. de l'Égypte. Ant. IV. Pl. 50—52). Соответственно, уже Б.А. Тураев имел возможность дать в своем знаменитом общем курсе достаточно информативный обзор строительства времени Аргеадов в Египте [Тураев, 1935, т. 2, с. 212]. Что касается менее значимых и фрагментированных памятников храмового строительства этого времени, они стали известны в целом к середине XX в., хотя их массив продолжает пополняться вплоть до нынешних дней (см., например: [Thiers, 2010]; см. ссылки на публикации, дающие представления о хронологии изучения египетских памятников Аргеадов, в главе 2, § 2.3.1). Вместе с тем в течение долгого времени обращение к египетским памятникам Аргеадов не было связано специально с изучением этой эпохи. Так, например, рельефы «гранитного святилища» Филиппа Арридея рассматривались в связи с изучением ритуалов египетских храмов, в которых использовались священные барки богов [Legrain, 1917], или одной из составляющих зафиксированного в них коронационного ритуала (т.н. «крещения царя») [Gardiner, 1950]. Стоит, впрочем, заметить, что уже в упомянутой работе Ж. Легрена было сделано важное замечание о том, что «гранитное святилище» времени Филиппа Арридея представляет собой точную копию постройки, возведенной в свое время при Тутмосе III (и, в свою очередь, заменившей постройку Хатшепсут) [Legrain, 1917, p. 14].

Положение отчасти меняется лишь с 1960-х гг., когда в монографии французского египтолога П. Барге, представляющей собой опыт комплексного изучения храма Амона-Ра в Карнаке появляются специальные разделы, посвященные «гранитному святилищу» и восстановленному при Александре помещению юбилейного храма Тутмоса III Ахмену [Barguet, 1962, p. 136—141, 193—197]. Эти разделы содержат весьма подробное описание надписей и рельефов данных помещений, выявляющее значение в оформлении «гранитного святилища» мотивов фиванского «Прекрасного праздника Долины» и коронационного ритуала (к сценам, фиксирующим последний, Барге обращался и в своей более ранней работе [Barguet, 1953 (2), p. 145—151]) и в них обоих - культа итифаллического Амона, связанного с плодородием и жизненными силами природы. В то же время в задачи Барге входило скорее констатирующее описание этих помещений и их «вписывание» в контекст других частей Карнакского храма, нежели их анализ в непосредственной связи со временем Александра. В дальнейшем в посмертном издании принадлежащего П. Лако и А. Шеврие опыта реконструкции святилища Хатшепсут в Карнаке был опубликован раздел, посвященный «гранитному святилищу» Филиппа Арридея [Lacau, Chevrier, 1977, p. 401—412]. Восстановление этого помещения, предназначенного для священной барки Амона, было истолковано как «акт благочестия вполне законного по отношению к Зевсу-Аммону», то есть в связи с тем особым значением, которое культ Амона-Ра должен был иметь для македонских правителей Египта по причине признания Александра сыном этого божества. Одновременно

точно таким же образом было интерпретировано и восстановление при Александре Великом святилища барки Амона-Ра в Луксоре, возведенного при Аменхотепе III [Lacau, Chevrier, 1977, p. 404].

В 1980-е гг. появляются немногочисленные специальные публикации отдельных храмовых сооружений времени Аргеадов. М. Абд эль-Разиг в 1984 г. издает восстановленное при Александре Великом святилище барки Амона-Ра в Луксоре. Это издание (как в свое время анализ помещений времени Аргеадов в Карнаке П. Барге) носит скорее констатирующий характер и не содержит интерпретаций, привязанных ко времени Александра [Abd el-Razig, 1984]; его «историографическим контекстом» явно был общий интерес исследователя к строительству IV в. до н.э. в фиванских храмах, проявившийся и в других его публикациях [Abd el-Razik, 1968; Abder-Razig, 1983]. В 1988 г. С.Р. Снейп и Д.М. Бейли публикуют сохранившиеся блоки портика храма бога Тота в Гермополе [Snape, Bailey, 1988]: не ставя перед собой такой задачи специально, они невольно были вынуждены обратиться к месту этого памятника в храмовом строительстве Аргеадов, поскольку дошедшие до нашего времени его остатки датируются именно их временем. Практическое руководство строительством начала македонского времени в Гермополе Снейп и Бейли были готовы приписать Петосирису - *лесонису*, т.е. главе хозяйства, храма Тота, подробно описавшему свою строительную деятельность в автобиографических текстах его гробницы. В связи с этим исследователи обратили внимание на стилистическое сходство фасада гробницы Петосириса с фасадом храма Тота, «строительство которого он, по-видимому, возглавлял» [Snape, Bailey, 1988, p. 5—6]. Это допущение британских археологов вызывает сомнения: ниже (см. главу 3, § 3.2) мы покажем, что среди храмовых построек в Гермополе, сооружением которых занимался Петосирис и которые подробно перечислены в надписях его гробницы, как раз оформление храма Тота невозможно угадать. Примечательно, что в этом же контексте, со ссылкой на мнение С. Накатен в ее неопубликованной диссертации [Nakaten, 1986], Бейли и Снейп говорят о сходстве фасада гробницы Петосириса также и с фасадами храмов в Эдфу и Дендера, к сооружению которых он заведомо не имел никакого отношения. Более существенно указание этих исследователей на то, что масштабные работы в храме Тота в Гермополе начались при Нектанебе I и что строительство здесь при Александре Великом и Филиппе Арридее может объясняться стремлением провести преемственность между македонскими правителями и XXX династией. В связи с этим они довольно ожидаемо ссылаются на мотив рождения Александра Великого от Нектанеба II в «Романе об Александре», а также, некорректно, на «Демотическую хронику», где на самом деле данный мотив отсутствует [Snape, Bailey, 1988, p. 6—7]: кстати, такая ошибка – хорошее доказательство отсутствия комплексности в изучении Египта начала македонского времени. Вместе с тем для данного этапа исследования его памятников весьма

характерен переход к их оценке и интерпретации в контексте больших строительных программ, которые реализовывались в целом в IV в. до н.э. Самая недавняя полная публикация одного из памятников времени Аргеадов – это раздел С. Бикель в исследовании оформления храма Хнума в Элефантине, посвященный оформлению ворот этого храма, которое датируется царствованием Александра (IV) и очевидным образом продолжало строительную деятельность Нектанеба II [Bickel, 1998]. Кроме того, стоит обратить внимание на новое описание восстановленного при Александре святилища храма Ахмену в статье Д. Шефер с использованием фотографий Шт. Пфайффера [Schäfer, 2007, S. 60—63, Taf. 1—18]. Из крупных построек времени Аргеадов, безусловно, заслуживающих специального внимания, без подробной полноценной публикации на сегодняшний день остается прежде всего «гранитное святилище».

Наиболее подробно отмеченный нами подход к памятникам времени Аргеадов в египетских храмах как части долгосрочных строительных программ проявился в исследовании фиванских построек Александра Великого и его преемников. Важным импульсом к их изучению было создание в 1967 г. Франко-египетского центра по изучению храмов Карнака (Centre franco-égyptien d'étude des temples de Karnak - CFEETK). В 1970—1980-е гг. в рамках его работы изучением памятников XXIX—XXX династий занимался французский египтолог Кл. Тронекер [Traunecker, 1979; Traunecker, Le Saout, Masson, 1981]. Им было исследовано святилище Хонсу-Неферхотепа, отождествленного с Шу, во внешней стене Карнакского храмового комплекса, которое было построено при Нектанебе I и восстановлено при Александре [Traunecker, 1982]. По мнению Тронекера, высказанному в работе, которая также была посвящена этому святилищу, цари XXX династии – «великие строители стен и ворот» - запланировали сооружение в древней столице Египта новых святилищ барки Амона-Ра в Карнаке и Луксоре. Строительство времени Аргеадов в Фивах велось в соответствии с этим планом. При Александре Великом обновляется святилище барки в Луксоре (см. также настоящую главу, § 2.2.1); при Филиппе Арридее возводится «гранитное святилище» в Карнаке; при этом в последнем храмовом комплексе основательно обновляется центральная ось святилища, от IV пилона до святилища барки, реставрируется и отчасти заново оформляется небольшое святилище в храме Ахмену, реставрируется пилон перед храмом Хонсу и, возможно, проектируются монументальные ворота во внешней стене. В целом фиванское строительство времени Аргеадов представляется прямым продолжением программы строительства XXX династии; через некоторое время ее осуществление прерывается, однако возобновляется при Птолемах II и III [Traunecker, 1987, p. 352—353]. С мнением Тронекера хорошо согласуются высказанные позднее замечания Д. Арнольда [Arnold, 1999, p. 138] и Э. Блит [Blyth, 2006, p. 223] о преемственности сооружения «гранитного святилища» в

царствование Филиппа Арридея от замыслов царей XXX династии (в том числе на уровне чисто технического воплощения и использования ранее заготовленного материала; см. также главу 2, § 2.2.1). Такая оценка фиванского храмового строительства Аргеадов близка к оценкам строительства Александра и Филиппа Арридея в гермопольском храме в публикации Снейпа и Бейли и оформления ворот храма Хнума в Элефантине – в публикации С. Бикель. Очевидно, что при принятии этого мнения инициатива македонских правителей (вернее, тех, кто выработывал для них программу храмового строительства) в разработке нюансов оформления соответствующих сооружений представляется небольшой, так как само это строительство признается продолжением разработанных ранее программ.

Вместе с тем уже в 1980—1990-е гг. появляются работы, служащие противовесом этому мнению. В 1988 г. появилась статья Ф. Мартинеса, написанная «по следам» обследования и реставрации в 1980-е гг. помещения святилища Ахмену в Карнаке, которое было восстановлено при Александре [Martinez, 1988]. По мнению этого исследователя, выдающаяся роль Ахмену в ритуалах Карнака не позволяет предположить, что ко времени Александра оно было серьезно разрушено; собственно, сами надписи Александра сообщают не о восстановлении, а об «обновлении» этого святилища, то есть об определенной модификации его первоначальной изобразительной программы. В частности, эта модификация предполагала внесение в его оформление изображений и надписей Александра, которые, наряду со свидетельствами строителя данного святилища Тутмоса III, устанавливали преемственность между македонским царем и этим его давним предшественником. По мнению Мартинеса, этой же задаче легитимации нового царского дома через преемство от прежних династий (в случае «гранитного святилища» Филиппа Арридея – тоже от Тутмоса III) было в целом подчинено строительство в Египте времени Аргеадов. При этом исследователь ориентировался на высказанное очень вскользь (на международном коллоквиуме по птолемеевскому Египту в Бруклине в декабре 1988 г.) и не выраженное в публикации мнение крупнейшего египтолога-эллиниста Э. Винтера о личной инициативе Александра в восстановлении помещения святилища Ахмену [Martinez, 1988, p. 107, n. 1—2]; очевидно, Мартинес считал возможным распространить его в целом на строительную активность в Фивах начала македонского времени. Существенное отличие позиции Мартинеса от сформулированного ранее мнения Тронекера состоит, как видно, в том, что в направленности строительной деятельности Аргеадов в Египте он видит не продолжение программы храмового строительства, начатого при XXX династии, а в первую очередь усилия по проведению преемственности от эпохи Нового царства. Позднее схожее мнение высказала А.-И. Блэбаум – правда, скорее мимоходом, поскольку программы храмового строительства не входили напрямую в ее поле зрения при

решении задач ее работы, связанных с классификацией терминологии египетской царской пропаганды Позднего времени [Blöbaum, 2006, S. 280].

В 1994—1998 гг. появилась серия статей Б. Меню, в которой, в связи с анализом текстов гробницы Петосириса, была предпринята попытка реконструировать концепцию власти царей дома Аргеадов над Египтом [Menu, 1994; 1995 (2); 1996; 1998]. В последней из этих статей бельгийская исследовательница затронула проблематику храмового строительства в Египте в начале македонского времени. Она присоединилась к мнению С.Р. Снейпа и Д.М. Бейли, согласно которому оформление фасада храма бога Тота в Гермополе в царствование Филиппа Арридея могло быть делом Петосириса. Сцены на блоках фасада этого храма, представляющие принесение Филиппом Арридеем богу Тоту даров от номов Верхнего и Нижнего Египта [Snape, Bailey, 1988, p. 65—87, pl. 3—25], Меню называет «церемониальной литанией, политическое звучание которой значительно» [Menu, 1998, p. 252]. Как Петосирис, так и фиванские жрецы, направлявшие строительство времени Аргеадов в Карнаке и Луксоре, преследовали цель «обеспечить идеологическое постоянство режима» (*d'avoir assuré la permanence idéologique du régime*) [Menu, 1998, p. 254—255]. Вместе с тем, инициативу восстановления фиванских памятников Тутмоса III и Аменхотепа III – «двух фараонов, которые в особенности возвысили имперскую идею», - Меню, по крайней мере, на уровне риторики, приписывает самому македонскому царю [Menu, 1998, p. 261]. Кроме того, она полагает, что строительство в Фивах – важнейшем центре почитания Амона – могло быть прямо связано со знаменитым представлением об Александре как о сыне этого божества, растиражированном в античной традиции [Menu, 1998, p. 259]. Примечательным образом, Мартинес и Меню фактически не замечают преемственности между храмовым строительством XXX династии и времени Аргеадов, явно стараясь сделать акцент на вероятной концептуальности в строительстве последних.

В какой-то мере реакцией на далеко идущие построения Б. Меню стало обращение к теме строительства времени Аргеадов в Египте в статье М. Шово и Кр. Тьера (последний – содиректор Франко-египетского центра по изучению храмов Карнака) [Chauveau, Thiers, 2006, p. 397—399]. Согласно их суждению, Меню сильно преувеличила политическую актуальность ряда мотивов в постройках этого времени: например, пытаясь увидеть ее в пресловутом изображении принесения Филиппом Арридеем даров от номов Египта, она забыла, что этот мотив является частью стандартной изобразительной программы египетского храма [Chauveau, Thiers, 2006, p. 397, n. 102]. Исследователи подчеркивают, что строительство времени Аргеадов было направлено прежде всего на восстановление прежних построек в египетских храмах и, за исключением имен новых правителей, не приносило в них ничего нового: так, в Фивах при Аргеадах продолжала осуществляться программа, начатая еще до

этого (по мнению Шово и Тьера, в начале македонского времени она осуществлялась по инициативе фиванского жречества). В целом строительную активность данного времени исследователи связывают с инициативой жрецов и знатных людей египетских номов: они и чувствовали необходимость вписать новых правителей Египта в традицию его сакральной царственности, и элементарно заботились о реализации тех насущных строительных работ, для которых представлялась возможность. Программы, в рамках которых осуществлялись данные работы, были, по мнению Шово и Тьера, сугубо локальными, а их осуществление ложилось на плечи представителей местной знати, о чем прямо свидетельствует ряд текстов этого времени (см. подробно об этой проблеме главу 3, § 3.2).

Более детализированная оценка строительства времени Александра Великого в Египте, с понятным акцентом на составляющие большую его часть фиванские памятники, была предложена в статье Д. Шефер [Schäfer, 2007]. По ее мнению, можно выделить несколько мотивов, которые отражены в отдельных сооружениях времени Александра в Фивах: восстановление святилища барки Амона-Ра в Луксоре должно было подчеркивать его признание богов в качестве нового легитимного фараона, восстановление помещения в храме Тутмоса III Ахмену – связь Александра с его великим предшественником, а сцены на пилоне храма Хонсу, где македонский царь изображен в леопардовой шкуре, – его качество жреца и главы культов Египта. В связи со святилищем в стене карнакского комплекса исследовательница отмечает, что оно было частью большой строительной программы, осуществлявшейся в районе храма Хонсу в Карнаке на протяжении IV—III вв. до н.э. Строго говоря, с наблюдениями Шефер не приходится спорить, однако, проводя и даже суммируя их, она проходит мимо совершенно необходимого в связи со строительством времени Александра в Фивах вопроса: почему именно этот культовый центр оттянул на себя большую часть всей строительной деятельности, ведшейся тогда в Египте? По мнению исследовательницы, трудно категорически исключить, что схожая активность должна была иметь место и в Мемфисе, памятники которого крайне плохо сохранились; вместе с тем это суждение остается чисто спекулятивным и не снимает вопроса о специфике фиванской программы времени Аргеадов, значимость которой особенно заметна на фоне в целом не очень широкого строительства их времени в Египте. Примечательно, что, высказывая сугубо гипотетические предположения о строительстве времени Александра в Мемфисе, Шефер проходит мимо реально существующих его памятников в Гермополе, не предлагая для них никакой интерпретации.

Подводя некоторый итог исследованиям храмового строительства начала македонского времени в Египте, можно констатировать, что на сегодняшний день не все сохранившиеся сооружения этого времени получили удовлетворительную публикацию. В полемике, ведшейся с 1980-х гг. по вопросу о том, была ли программа этого строительства политически и

идеологически актуальной для македонских правителей и инициировалась ли она ими (а не местным жречеством), сторонники отрицательного ответа на этот вопрос высказались менее эмоционально и в целом более весомо. Вместе с тем данный ими ответ, по существу, игнорировал значительную концентрацию храмового строительства времени Аргеадов в двух культовых центрах – в Фивах и Гермополе. Между тем такая концентрация едва ли была вызвана просто усилиями жречества, а скорее предопределялась решением общеегипетской власти; вместе с тем исследование возможных мотивов такого решения до сих пор не предпринималось.

По сути дела, непосредственно связано с изучением памятников начала македонского времени *изучение египетских царских титулатур представителей дома Аргеадов*, которые на них зафиксированы. Для систематизации их материала большое значение имела их публикация в индексах египетских царских имен А. Готье [Gauthier, 1915, p. 197—211] и Ю. фон Бекерата [Beckerath, 1984, S. 117, 285—286; 1999, S. 232—233]; вместе с тем более подробное внимание им исследователи стали уделять лишь с начала 1990-х гг. Практически первым обращением к их материалу стала статья С. Бёрстайна, выводы которой выходят за рамки данной конкретной темы [Burstein, 1991]. Ее автор высказал скептическое отношение к цитируемым традиционному сообщениям античных источников о целенаправленной благожелательной политике Александра по отношению к Египту и его политической и культурной традиции (в особенности к сведениям Псевдо-Каллисфена о коронации Александра в Мемфисе согласно египетскому ритуалу; см. подробнее главу 2, § 2.3.2). По мнению Берстайна, главным свидетельством идеологической значимости пребывания Александра в Египте для этой страны должна считаться его египетская царская титулатура, причем ее наличие, например, у не короновавшегося согласно египетской традиции Птолемея III показывает, что прохождение этого ритуала не было необходимым условием ее составления. Стоит сказать, что, при справедливости этого замечания, более однозначным аргументом в его пользу могла бы быть ссылка на наличие полных титулатур у преемников Александра Филиппа Арридея и Александра (IV), которые не могли пройти коронацию в Египте заведомо. Бёрстайн обращает внимание на то, что в одном из демотических документов времени Александра его имя появляется без картуша [Smith, 1989] (см. главу 3, § 3.3.1, прим. 1), его Хорово имя известно в нескольких формах и, кроме того, на одном из памятников (в перечне храмового инвентаря от Года 2 Александра из некоего «дома Маат» в Фивах [Varille, 1942; Jasnow, 1994]; см. главу 3, § 3.2, прим. 16) титул *nsw-bity* («царь Верхнего и Нижнего Египта») вводит не т.н. «солнечное», а непосредственно личное имя царя. По мнению Бёрстайна, вся эта совокупность «неправильностей» в египетской титулатуре Александра скорее должна показывать, что инициатива в ее составлении исходила не от македонского царя, а исключительно от жрецов

египетских храмов, стремившихся не выразить лояльность к новому царю, а всего лишь не допустить отсутствия в мире поддерживавшего его стабильность сакрального правителя. Реально же Александр ограничил свое участие в египетских религиозных делах абсолютным минимумом (например, демонстративным участием в некоем ритуале, связанном с культом Аписа – см. главу 2, § 2.3.2) и разрешением жрецам осуществить в весьма скромных размерах строительство в ряде храмов. Соответственно, представление о нем как о «фараоне Александре» является ничем иным, как научным «мифом». Категоричность суждений Бёрстайна (строго говоря, не египтолога) обратила на себя внимание многих исследователей. Следует, однако, заметить, что вариативность Хоровых имен македонского царя он и сам не считал беспрецедентной (см. подробнее главу 2, § 2.2.1), а остальные отмеченные им «неправильности», в общем, не выходят за рамки в принципе возможного в египетском официальном протоколе.

Одновременно со статьей Бёрстайна появляется важная статья бельгийского египтолога Х. де Мёльнере, в которой было сформулировано правило чтения «солнечных» Александра Великого и Филиппа Арридея [Meulenaere, 1991] (см. подробно главу 2, § 2.2.4). В 1992 г. австрийский исследователь времени Птолемея Г. Хёльбль высказывает мнение, повторенное затем и в других его работах [Hölbl, 1992 (1), S. 273—275; 1997, S. 23—24; 2001, p. 79], о наличии в основе титулатур всех трех царей дома Аргеадов продуманных концепций. Так, Хоровы имена Александра Великого отражали мотив защиты им Египта и проводили связь между ним и правителями XIX—XX династий и Нектанебом II (см. подробнее главу 2, § 2.2.1; в связи с аналогиями в титулатурах Нектанеба II Хёльбль обращает также внимание на преемственность от деятельности этого царя в строительстве Александра и на знаменитый мотив его рождения от Нектанеба в «Романе об Александре»). «Солнечное» имя Александра указывало на предопределенность его к власти избранием со стороны божества и, вероятно, вписывалось в коннотации знаменитого эпизода его признания сыном бога в оазисе Сива. Имя Обоих Владычиц Филиппа Арридея *ḥq3 ḥ3swt* («Правитель чужеземных стран») должно было указывать на его власть над межрегиональной державой Аргеадов и, возможно, иметь в глазах «национально мыслящего египтянина» негативную коннотацию как давнее именование гиксосских царей. Наконец, титулатура Александра (IV) указывала на преемство его власти от Александра Великого (имя Обоих Владычиц *mry-ntrw rdi-n.f i3wt-n-it.f* «Возлюбленный богами, которому передан сан отца его») и на его статус правителя всей державы Аргеадов (имя Хора Златого *ḥq3 qn (?) m t3 r dr.f* «Правитель храбрый (?) в земле до пределов ее»). Не все интерпретации Хёльбля представляются справедливыми (ср. с нашими интерпретациями в главе 2, § 2.2), однако принципиально важен сам факт того, что в его работах титулатуры Аргеадов признаны концептуально насыщенными и, соответственно, отражающими

определенное идеологическое взаимодействие между македонскими правителями и их египетскими подданными.

К теме египетской титулатуры Александра и его преемников-Аргеадов обратилась в одной из своих уже упоминавшихся статей и Б. Меню [Menu, 1998, p. 257—259]. По ее мнению, Хоровы имени Александра акцентируют фактическую, силовую составляющую его власти; в его именовании *Stp.n-Imn* («Избранный Амоном»), которое Меню считает основным компонентом в имени царя Верхнего и Нижнего Египта для всех представителей дома Аргеадов, звучит мотив признания македонского царя сыном божества в оазисе Сива; а в другом эпитете этого имени *Mry-R^c* («Любимый (т.е. избранный) Ра») – некие гелиопольские мотивы (исследовательница не ссылается в связи с этим на сведения традиции Арриана о посещении Александром Гелиополя, возможно, не зная о них; см. главу 2, § 2.1). Подобное построение титулатуры Александра может, по мнению Меню, свидетельствовать о его коронации в оазисе Сива. Наконец, отсутствие достоверно известных нам памятников, которые фиксировали бы полную, состоящую из пяти имен титулатуру Александра, не означает, что ее не было вообще: Меню обращает внимание, что в случае Филиппа Арридея такая полная титулатура была зафиксирована лишь однажды, в гермопольском храме Тота. В целом в замечаниях бельгийской исследовательницы о титулатуре Аргеадов много допущений, и они вписываются в ее стремление продемонстрировать высокую концептуальность презентации этих царей (прежде всего, Александра) в их египетских памятниках и заботу об этом македонских властей.

В 2006 г. появилась работа А.-И. Блэбаум, представляющая собой опыт подробной классификации терминов египетской царской пропаганды I тыс. до н.э., с XXV династии и до начала македонского времени [Blöbaum, 2006]. Содержание памятников Аргеадов вписано в ней, таким образом, в контекст большой эпохи, обладающей в идеологическом отношении определенной внутренней цельностью. По сути дела, с начала этой эпохи произошел отход от принципа «династической легитимности» царей, утвердившегося в ливийское время, и вновь обрел и сохранял на всем ее протяжении значимость принцип их «личной легитимности» (успехом дел царствования, выявляющим рождение царя от божества и связанный с этим его сакральный статус; см. подробнее главу 1, § 1.1.1). Блэбаум сформировала подробный перечень официальных памятников рассматриваемого в работе времени, в том числе и царствований Аргеадов [Blöbaum, 2006, S. 361—363], а также индекс форм царских имен с их классификацией по памятникам, на которых они засвидетельствованы [Blöbaum, 2006, S. 419—429]. Подытоживая собранный в работе материал, исследовательница считает IV в. до н.э. временем, когда цари особенно часто приходили к власти с помощью узурпации: она обращает внимание на значение в это время таких мотивов легитимации, как избранность царя богом

(дополнительный эпитет при «солнечном» имени *Stp.n-N* - «избранный таким-то богом»), особый акцент на его рождении от божества и его уподобление солнцу [Blöbaum, 2006, S. 278—279]. Характерной слабостью этой работы является ее формализм (возможно, неизбежный при ее классификационном характере): в частности, употребление эпитета *Stp.n-N* Блэбаум объясняет следованием традиции XIX—XX династии, когда он встречался часто, и, соответственно, стремлением провести преемственность от эпохи Нового царства [Blöbaum, 2006, S. 239]. По ее мнению, такое объяснение справедливо и для употребления эпитета *Stp.n-Imn* в «солнечных» именах Аргеадов, причем это согласуется и с восстановлением в их царствования храмовых построек Тутмоса III и Аменхотепа III в Фивах [Blöbaum, 2006, S. 111, 151—152, 240, 280]. Что касается чужеземных правителей Египта в рассматриваемый период, Блэбаум считает необходимым проводить различие между кушитами XXV династии, собственная государственность и официальная пропаганда которых основывалась на рецепции египетской идеологической традиции, и «полных чужаков» – Ахеменидов и Аргеадов. По мнению исследовательницы, пропагандистские приемы этих чужих династий опять же воспроизводили образцы Нового царства [Blöbaum, 2006, S. 279—280]. В какой-то мере в своей трактовке идеологического курса (в особенности строительной деятельности) Аргеадов в Египте Блэбаум следует мнению Ф. Мартинеса, статья которого ей известна.

Существенной заслугой А.-И. Блэбаум стало ее обращение к поиску полной царской титулатуры Александра Великого. Незадолго до выхода в свет ее книги Э. Винтер в очерке о египетских памятниках Александра и его царских именах, в целом не прибавившем к их интерпретации ничего существенного, обратил внимание на давно известный, но не изучавшийся подробно памятник из святилища в Каср эль-Мегисба в оазисе Бахария с полной, состоящей из пяти компонентов титулатуры Александра [Winter, 2005, S. 207]. Блэбаум в ее работе попыталась на основании опубликованной фотографии плохого качества установить полное чтение данной титулатуры [Blöbaum, 2006, S. 423], которое было верифицировано в полноценной публикации этого памятника Ф. Боск-Пуче [Bosch-Puche, 2008; 2009 (2)] (см. подробно об изучении памятника из Бахарии главу 4, § 4.5).

С именем этого каталонского исследователя, защитившего в 2009 г. диссертацию по проблемам легитимации власти Александра в Египте по материалу его памятников [Bosch-Puche, 2009 (1)] связан нынешний этап изучения египетских царских титулатур и в целом египетских памятников Александра и отчасти других царей дома Аргеадов. На протяжении нескольких лет Боск-Пуче публикует статьи о памятниках времени Александра, связанных с культурами священных животных [Bosch-Puche, 2012] (см. главу 2, § 2.3.2, главу 4, § 4.2), о компонентах египетской царской титулатуры Александра [Bosch-Puche, 2013; 2014 (2)], о начертаниях его имени на восстановленном при нем святилище барки божества в Луксоре

[Bosch-Puche, 2014 (1)], об имени Александра в современных ему демотических документах (совместно с Я. Мойе [Bosch-Puche, Moje, 2015]; этому же его соавтору принадлежит обзор демотических текстов времени Александра Великого в их сравнении с демотическими текстами начала римского времени, современными принципату Августа: [Moje, 2014]). Полезность работ Боск-Пуче в плане подробной классификации этого материала трудно переоценить, однако достаточно заметны и их слабости. Ставя перед собой задачу с максимальной полнотой выявить все возможные варианты написаний царских имен Александра, он явно отодвигает на второй план задачу их интерпретации в историческом контексте. Когда же он все же обращается к этому, то предлагаемые им версии оказываются слабы с логической точки зрения. Так, в статье, посвященной возможным проявлениям тенденции *imitatio Alexandri* в Египте начала римского времени [Bosch-Puche, 2012], он считает возможным видеть их в сходстве титулатуры Августа с титулами на фрагменте клепсидры начала македонского времени из Государственного Эрмитажа (см. главу 3, § 3.1.2) и на памятнике из Бахарии. Между тем достаточно серьезным препятствием для этого должна была бы быть уже сама единичность этих памятников, равно как и возможность иной интерпретации титулатуры Августа, представляющей, по сути дела, аккумуляцию эпитетов богов (см. главу 2, § 2.2.1). Также, как нам представляется, приходится спорить с рядом суждений Боск-Пуче по поводу конкретных памятников времени Александра. В частности, Хорово имя, зафиксированное на фрагменте клепсидры из Государственного Эрмитажа, который несёт на себе личное имя «Александр», едва ли имеет отношение к титулатуре Александра Великого (см. главу 3, § 3.1.2; ср. [Bosch-Puche, 2013, p. 134—135]); а памятник из Бахарии с полносоставной титулатурой Александра скорее является не памятником его времени, как считает Боск-Пуче, а имитацией эпохи первых Птолемеев (см. главу 4, § 4.5). Вместе с тем нет сомнений, что публикации каталонского исследователя представляют собой полезный инструмент изучения египетских памятников начала македонского времени.

В целом можно сказать, что к настоящему времени в исследованиях египетских царских титулатур Аргеадов скорее преобладает мнение о возможности увидеть в них определенную концепцию их царствований, адресованную (хотя исследователи не всегда это проговаривают), очевидным образом, их египетским подданным. Из двух сформулированных наиболее четко суждений – А.-И. Блэбаум об ориентации пропаганды времени Аргеадов на воспроизведение мотивов Нового царства и Г. Хёльбля о наличии в каждой из титулатур Аргеадов достаточно нюансированной и актуальной программы – более обоснованным и менее зависящим от сугубо формальных наблюдений выглядит второе (характерным образом, высказанное исследователем-антиковедом). Однако пока что материал царских титулатур Аргеадов не

рассматривался в рамках комплексных исследований, в широком контексте других египетских памятников данного периода.

Изучение частных египетских памятников начала македонского времени шло в целом иными темпами, нежели изучение памятников храмового строительства. Характерным образом, в компендиуме К. Зете Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit из частных надписей этого периода учтена только автобиографическая надпись Сематауитефнахта на Неаполитанской стеле (Urk. II. 1—6); в целом же массив этих памятников определился к середине XX в. Их публикации были очень разными по своему формату и качеству: так, открытие гробницы Петосируса в Туна эль-Гебель Г. Лефевром в 1919—20 гг. сопровождалось ее монументальным трехтомным изданием [Lefebvre, 1923—1924]; а памятникам Джед-Хора из Атрибиса была посвящены серия публикаций, в том числе одна книга, [Jélinkova-Reymond, 1956; Vernus, 1978, p. 193—195; Sherman, 1981]. Вместе с тем многие памятники этого периода представлены в публикациях значительно скромнее, чем это возможно и желательно: так, уже упомянутый важнейший источник – Неаполитанская стела Сематауитефнахта – до сих пор не имеет полноценной публикации «книжного» формата, которая содержала бы, в частности, его качественные фотографии. Сравнительно недавно публикатор египетских текстов I тыс. до н.э. К. Янсен-Винкельн распространил свое внимание и на надписи начала македонского времени (граффити Капепфхамонту [Jansen-Winkel, 2005] и Анхпахереда [Jansen-Winkel, 2013]), так что, возможно, с течением времени они займут свое место в подготавливаемом им многотомном сводном издании *Inscripfen der Spätzeit*.

Значение частных памятников начала македонского времени, в особенности их автобиографических текстов, было достаточно быстро оценено исследователями. Так, в посвященной поздним автобиографиям книге Э. Отто учтен материал надписей гробницы Петосируса и целительной статуи Джед-Хора [Otto, 1954, S. 128, Nr. 46—47], причем первые были переведены [Otto, 1954, S. 174—184] и подробно исследованы как важнейший источник по мировоззрению этой эпохи. Вместе с тем в данной работе тексты начала македонского времени (как, кстати, птолемеевского) не исследуются отдельно, а рассматриваются в едином комплексе с другими текстами I тыс. до н.э. По существу, первым опытом серьезной классификации египетских частных памятников Позднего и греко-римского времени, с выделением в рамках этого периода отдельных этапов и с точки зрения проявляющейся в памятниках идеологической тенденции, нам представляется работа У. Рёсслер-Кёлер [Rössler-Köhler, 1991]. В основу проведенного ею анализа было положено наблюдение, что если по тем или иным мотивам чужеземный или даже египетский правитель был неприемлем как легитимный царь, то в частных памятниках его качества, связанные с исполнением ритуалов, переносились на то или иное божество или, реже, на самого владельца памятника [Rössler-

Köhler, 1991, S. 16—26]. Памятники начала македонского времени были рассмотрены в этой работе вместе с памятниками XXVIII—XXX династий и начала царствования Птолемея I [Rössler-Köhler, 1991, S. 277—294]. По существу, в работе были учтены лишь наиболее информативные памятники - гераклеопольских вельмож Хора (Nr. 84a—b) и Сематауитефнахта (Nr. 85), Джд-Хора из Атрибиса (Nr. 86a—c), а также гробницы Петосириса (Nr. 87). Общая характеристика, данная на основании этих памятников идеологической ситуации начала македонского времени (как и времени последних египетских династий), сводится к констатации достаточно негативного отношения представителей египетской элиты к царской власти: перенос сакрального статуса с царя на божество или частное лицо оказывается для этого времени преобладающей тенденцией. Некоторую слабость этой работы составляет ее стремление тщательно классифицировать явления, вообще плохо поддающиеся строгой классификации (в частности разграничить, с присвоением буквенно-цифровых индексов, модели отношения владельцев частных памятников к царской власти). Кроме того, более нюансированную картину У. Рёсслер-Кёлер могла бы получить, учтя в работе некоторые памятники, ко времени ее появления уже опубликованные (например, граффито Анхпахереда, в котором признание царского статуса македонских правителей несколько противоречиво сочетается с констатацией совершения самим фиванским жрецом ритуалов закладки храма; см. подробно главу 3, § 3.2). Не занимает отдельного места в работе У. Рёсслер-Кёлер и вопрос о восприятии египтянами правителя нецарского статуса – сатрапа Птолемея – и о соотношении между отводимой ему ролью и ролью формальных царей дома Аргеадов (см. главу 2, § 2.4, главу 3, § 3.1.3). Однако сама четкая формулировка тезиса о том, что в идеологии Позднего и греко-римского времени была значима возможность отхода от признания сакральности реального земного правителя, составляет безусловную заслугу исследовательницы.

Гробнице Петосириса – то есть частному памятнику начала македонского времени, который можно назвать наиболее информативным, благодаря обилию текстов и содержательной изобразительной программе, – посвящена уже упоминавшаяся серия статей бельгийской исследовательницы Б. Меню [Menu, 1994; 1995 (2); 1996; 1998]. Статьям Меню свойственны стилистическая риторичность и обилие допущений, что в какой-то мере затрудняет работу с ними и ставит под сомнение некоторые их выводы. Вместе с тем безусловно ценна реконструкция Меню биографии Петосириса и старших членов его семьи, приводящая ее к справедливому, на наш взгляд, выводу, что служба Петосириса в качестве *лесониса* храма Тота приходилась не на второе персидское владычество, а на начало македонского времени [Menu, 1994] (см. подробнее главу 3, § 3.4). Меню подробно изучает фразеологию надписей гробницы Петосириса, связанную со следованием ее владельца этическим императивам («творением маат» и неприятием *исефет*, пребыванием «на пути» и

«на воде» бога). По ее мнению, следование предписаниям местного божества – это императив смутного времени, служащий альтернативой утверждению маат царем в условиях сильной государственности (в надписях Петосириса – в царствования XXX династии) [Menu, 1995 (2); ср. более раннее обращение к этическим проблемам на материале надписей гробницы Петосириса: Théodoridès, 1991]. Рассматривая проблему персональной ответственности Петосириса и членов его семьи за их прижизненные дела, согласно надписям гробницы, Меню пытается реконструировать некую ситуацию в период второго персидского владычества, когда брат Петосириса Дждтотефанх, облеченный большими полномочиями в храме Тота, по-видимому, был вынужден вынести кому-то смертный приговор [Menu, 1996]. Наконец, наиболее насыщена допущениями, связанными с ситуацией в Египте начала македонского времени четвертая статья данной серии [Menu, 1998]. В ней Меню высказывает мнение, что «правитель Египта», о расположении которого к Петосирису говорит его «Большая автобиографическая надпись», – это Александр Великий (см. главу 3, § 3.4.1, прим. 8). Петосирис и жрецы других египетских храмов (прежде всего, фиванских, согласно содержанию обнаруженных там граффити начала македонского времени) признаются фактическими создателями царской идеологии времени Александра и инициаторами тогдашних программ храмового строительства. Однако активная роль в создании идеологических концептов этого времени отводится и самим македонским властям Египта, что фактически предполагает их широкое и обоюдно-заинтересованное сотрудничество с его местной элитой. Именно в этой статье делаются замечания о строительных программах времени Аргеадов в Египте и об их египетских титулатурах, которые мы уже приводили выше. В целом оценку в статьях Меню корпуса частных памятников начала македонского времени нельзя назвать исчерпывающей: их тексты, помимо находящихся в гробнице Петосириса, используются выборочно и скорее иллюстративно. При этом Б. Меню явно стремится извлечь из источников начала македонского времени гораздо больше информации, чем было бы возможно при их строгом прочтении. Можно сказать, что это стремление достигает своего апогея в небольшой статье этой же исследовательницы, примыкающей к серии статей о гробнице Петосириса: в ней не слишком значимый, по мнению большинства египтологов, перечень инвентаря из храма Маат в Фивах времени Александра Великого принимается за свидетельство принципиального внимания царя к этому египетскому началу миропорядка [Menu, 1999].

Важным событием в изучении египетских частных памятников начала македонского времени стала монография Ж. Горра, посвященная взаимоотношениям египетского жречества с государством Птолемеев [Gorge, 2009 (1)]. В общей сложности в ней проанализирован материал памятников 86 частных лиц (в т.ч. титулы и генеалогия их владельцев, основные факты их биографии), которые датируются временем от конца IV до I вв. до н.э. Среди владельцев этих

памятников по меньшей мере девять оказываются несомненными современниками начала македонского времени: это Анхпахеред и Капепхамонту из Фив (nr. 13, 16), Петосирус из Гермополя (nr. 39), Хор и Сематауитефнахт из Гераклеополя (nr. 41, 42), т.н. «мемфисский аноним» (nr. 43), Джед-Хор из Атрибиса (nr. 70), неизвестный по имени сын Нектанеба II (nr. 74), т.н. «генерал» Нектанеб из Таниса (nr. 79). С меньшей степенью уверенности к этому периоду отнесены еще три персоналии (nr. 45, 56, 58); а упоминаемый на памятнике из Бахарии жрец Хорхотеп (nr. 86) отнесен к нему, поскольку Горр принимает его раннюю (временем Александра) датировку (см. подробнее главу 4, § 4.5). Как видно, охват частных памятников в сводке Горра значительно шире, чем у его предшественников, хотя и он не является исчерпывающим: так, исследователь почему-то не включил в нее т.н. «анонима из Баклии» - с наибольшей вероятностью, современника сатрапии Птолемея (см. главу 2, § 2.4.3). Работа Горра не свободна от ряда неверных чтений и описок (см. о них: [Vittmann, 2010]), но все равно очень важна как первый, по сути дела, опыт столь подробного обобщения памятников данного периода. Вопреки формулировке названия этой монографии, ее выводы выходят за рамки проблемы взаимоотношения между Птолемеями и жречеством и касаются египетской элиты в целом. В суммирующей части работы Горра начальный этап взаимодействия высокопоставленных египтян с македонской властью характеризуется следующим образом [Gorre, 2009 (1), p. 471—512]. Ряд лиц, начавших свою карьеру при XXX династии и втором персидском владычестве, теряют часть своих полномочий со вступлением в страну Александра (такова, в частности, судьба Хора из Гераклеополя; см. главу 3, § 3.1.1, 3.2). В то же время при Аргеадах появляются «новые люди» относительно незнатного происхождения, успешно приспособившиеся к новой ситуации (пример Джед-Хора из Атрибиса; см. там же, § 3.2). Египтяне играют скорее вспомогательную роль при македонской администрации, а их элита не представляет собой «единого фронта»: «новые люди» могут проявлять определенный оппортунизм, признавая сакральный статус чужеземных царей, а представители традиционной знати порой склонны искать замену им в божествах или в своей собственной роли в совершении ритуалов и в храмовом строительстве. Инициатива последнего, по мнению Горра, идет по преимуществу от самого местного жречества. В целом позиция данного исследователя в оценке взаимоотношений македонской власти и египетской элиты близка мнению, высказанному М. Шово и Кр. Тьером по частной проблеме храмового строительства (см. выше).

Суммируя наработки исследователей частных памятников начала македонского времени на сегодняшний день, можно сказать, что среди них (понятым, в силу специфики данного материала, образом) мы видим исключительно профессиональных египтологов. Представление о достаточно прохладных отношениях между египетской элитой и македонскими властями

страны в этих исследованиях безусловно преобладает; полная энтузиазма противоположная позиция Б. Меню единична и, по сути дела, подвергнута критике с позиций строгого анализа памятников (наиболее явным образом – в рассмотренной нами выше в иной связи статье Шово и Тьера). При этом, по сути дела, устоялось мнение (сформулированное, на наш взгляд, наиболее наглядно У. Рёсслер-Кёлер) о том, что стандартным приемом неприятия правителя в качестве легитимного сакрального царя в данный период, как и в целом в I тыс. до н.э., оказывается перенесение его функций на бога или на частное лицо.

Было бы чрезвычайно затруднительно дать подробное представление об историографии такого важнейшего египетского источника начала македонского времени, как «*Стела сатрапа*». Со времени обнаружения этого памятника в 1870 г. его текст неоднократно переводился, ему были посвящены многие статьи, и он затрагивался в крупных исследованиях, посвященных разным проблемам египтологии и истории эллинизма. Однако вплоть до недавнего времени он не становился объектом монографического исследования. На протяжении изучения «Стелы сатрапа» обозначились основные связанные с ее интерпретацией проблемы, которые мы рассматриваем с подробным обращением к полемике по ним в основной части нашей работы и в вынесенном в приложение к ней комментированном переводе текста «Стелы...». Это датировка упоминаемого в ней перенесения резиденции сатрапа Птолемея и столицы Египта в Александрию (««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», П.3.б, комм. «з»); идентификация военной кампании против области, обозначенной в тексте «Стелы...» как «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а» (там же, Экскурс 1); идентификация чужеземного правителя, упоминаемого как «враг Хешериша» (там же, Экскурс 2; глава 4, § 4.3.3); значение некоторых особенностей оформления «Стелы сатрапа», в частности пустых картушей над изображением царя, совершающего приношения богам, в ее навершии (глава 3, § 3.1.3). К сожалению, практически не были осознаны как в качестве самостоятельных проблем, принципиальных для определения концепции этого памятника, вопросы об особенностях отразившегося в нем статуса сатрапа Птолемея, о его соотношении со статусом формального легитимного царя Египта Александра (IV) и о роли в концепции «Стелы...» бога Хора как высшего носителя сакральной власти (см. главу 2, § 2.4.1, 2.4.2, главу 3, § 3.1.3).

В 2011 г. итоги более чем столетнего изучения «Стелы сатрапа» были подведены в книге Д. Шефер, содержащей перевод и комментарий этого памятника, а также его оценку в историческом контексте конца IV в. до н.э. и в сопоставлении с важнейшими царскими текстами начала эллинизма – с Пифомской и Мендесской стелами Птолемея II Филадельфа [Schäfer, 2011]. Стоит отметить, что импульс к написанию этой работы (собственно, выбор исследовательской темы для ее автора на уровне магистерской и аспирантской специализации в Трирском университете) исходил от антиковеда – крупнейшего исследователя

эллинистического Египта Х. Хайнена, придававшего большое значение републикации птолемеевских текстов с богатым историческим содержанием на нынешнем уровне развитии науки (ср. исследование другого его ученика: [Pfeiffer, 2004]). В целом работа Шефер достигла своей главной цели: в ней при комментировании текста «Стелы...» учтены практически все высказывавшиеся в связи с его отдельными фрагментами историографические мнения, проведена большая работа по поиску параллелей его фразеологизмам в египетских текстах, вплоть до корпуса классической египетской литературы начала II тыс. до н.э., подробно охарактеризованы исторические события, непосредственно описанные в тексте или формировавшие их фон. Однако обращение Шефер к проблеме соотношения статусов в данном тексте Александра (IV) и сатрапа Птолемея ограничивается не новым и не исчерпывающим, на наш взгляд, сути дела общим суждением: роль Птолемея как правителя страны возвышается, вплоть до присвоения ему фактически царских функций [Schäfer, 2011, S. 193—195, 198; ср. также подробный анализ в работе фразеологии т.н. «панегирика Птолемею»: Schäfer, 2011, S. 66—74], а роль Александра (IV), вне его упоминания в датировке, стирается, так что он представлен в «Стеле...» как сугубо условная фигура [Schäfer, 2011, S. 191—192; 198]. Замечание Шефер, что в других источниках Александр (IV) якобы предстает «нормальным» царем [Schäfer, 2011, S. 192—193], очень странно, поскольку все эти источники представляют или упоминают его в стандартизованных и неинформативных контекстах сцен совершения ритуалов или датировок текстов. Проблема, связанная с ролью в концепции «Стелы...» бога Хора, осталась в работе незамеченной. Что же касается вопросов идентификации пресловутых «врага Хешериша» и «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а», Шефер в обоих этих случаях без каких-либо сомнений следует сугубо формальным аргументам, отождествляя первого с царем Ксерксом (см. ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», Экскурс 2) и второй – с территориями Палестины с еврейским населением, которые якобы затронула кампания Птолемея 312—311 гг. до н.э. (см. там же, П.3.г, комм. «ж», Экскурс 1). При этом исследовательница не обращает внимания на сущностные (в т.ч. исторические) несообразности, возникающие при таких интерпретациях. Как мы постарались показать, подобное предпочтение формально-лингвистических аргументов сущностным вообще составляет особенность современного этапа египтологического изучения «Стелы...» (см. там же, Экскурс 2), однако, на наш взгляд, слабости такого подхода очевидны. В целом работа Д. Шефер чрезвычайно полезна как обобщение ранее накопленного материала исследований «Стелы сатрапа» и как основа для более широких обобщений, в которых может быть использован материал этого источника.

По существу, не разрабатывалась в научной литературе *проблема презентации начала македонского времени как нового исторического этапа* в египетской историографии и в пропагандистских конструктах I тыс. до н.э. Между тем среди текстов, в которых мы считаем

возможным выявить элементы такой презентации, лишь «Оракул ягненка» впервые получил полную публикацию относительно недавно [Zauzich, 1983]. «Демотическая хроника» начала изучаться в начале XX в. [Spiegelberg, 1914]; а фрагменты позднеантичного «Романа об Александре», восходящие к его вероятному александрийскому прототипу и содержащие аллюзии на египетские идеологические мотивы, были замечены еще раньше. Среди первых посвященных этим фрагментам работ стоит обратить внимание на статью классика египтологии Г. Масперо «Как Александр стал богом в Египте» [Maspero, 1897], в которой была поставлена задача показать определяющую роль египетской традиции в формировании представления об Александре как о сыне божества, известного по античным источникам. Проанализировав и сопоставив с египетскими аналогами сообщения историков Александра о посещении им оракула Аммона, Масперо обратился к сведениям «Романа об Александре» о появлении македонского царя на свет от близости последнего египетского царя Нектанеба и Олимпиады. Влияние египетского представления о рождении царя от сакрального брака исследователь видел и в зафиксированном магистральной античной традицией представлении о близости Олимпиады со змеем-Аммоном, от которой родился Александр. «Замену» этого бога в версии «Романа об Александре» на Нектанеба Масперо объяснил, с одной стороны, стремлением египтян создать фикцию восстановления в лице Александра законной египетской династии и одержания им реванша над персами, ранее низложившими Нектанеба; с другой стороны - тем, что в египетских представлениях бог в момент сакрального брака с царицей-матерью отождествляется с ее супругом-фараоном. Вообще этот сюжет «Романа об Александре» исследователь охарактеризовал как «литературную кальку традиционных сцен» (*décalque en prose des scènes traditionnelles*) на стенах египетских храмов. Подобная оценка данного сюжета эмоциональна и несколько чрезмерна, поскольку недооценивает влияние на него самой формы эллинистического романа. Однако она, безусловно, выявляет его истоки в египетской традиции и пропагандистское значение в Египте начала македонского времени, причем в дальнейшем эти суждения так или иначе воспроизводили и другие исследователи «Романа об Александре» [Perry, 1966; Lloyd, 1982 (1), p. 46—50; Jouanno, 2002, p. 62—63; Коростовцев, 1964; и др.].

Кроме того, Масперо привлек внимание к еще одному важному мотиву «Романа об Александре», а именно к фикции восстановления македонским царем, как победителем персов и успешным завоевателем, миродержавия Египта [Maspero, 1897, p. 25, n. 1]. Надо сказать, что как раз этот мотив «Романа...», в контексте которого Александр сопоставляется с египетским царем Сесонхосисом (именуется «возрожденным Сесонхосисом»: см. главу 6, § 6.1, 6.4), в дальнейшем не привлек большого внимания исследователей. Специально посвященных ему работ нет, а при обращении к нему дело ограничивается констатацией присутствия в нем аллюзии на засвидетельствованную в античной традиции египетскую легенду о великом царе-

завоевателе далекого прошлого, которая, в свою очередь, возникла как «патриотическая реакция» на подчинение Египта персами [Jouanno, 2002, p. 65—68; ср.: Lloyd, 1982 (1), p. 37—40]. Несколько более нюансированное суждение высказывает по данному поводу в работах, посвященных в целом традиции о великом египетском царе-завоевателе, А.И. Иванчик. По его мнению, еще до сложения «Романа об Александре» повествование Диодора Сицилийского о египетском царе Сесоосисе предполагало его сопоставление с македонским царем, со смыслом умаления последнего [Иванчик, 1999, с. 18; 2005, с. 204]. Иванчик считает, что мотив «возрожденного Сесонхосиса» в «Романе об Александре» возник в первые века н.э. в греко-египетской среде под влиянием популярного к этому времени «Романа о Сесонхосисе» (см. главу 6, § 6.1, 6.3.4). Противопоставление египетского царя-завоевателя Александру стало тогда неактуально, и оба эти персонажа в «Романе об Александре» превратились просто в «воплощение славного прошлого Египта» [Иванчик, 1999, с. 21; 2005, с. 206]. Непоследовательность данного суждения состоит в том, что Александр не мог воплощать «славное прошлое» Египта и вообще как-либо персонифицировать Египет иначе как на этапе, когда доказательство его связи с этой страной было актуально, т.е., очевидным образом, во времена утверждения македонской власти над этой страной. По сути дела, относя возникновение данного мотива к началу н.э., Иванчик элиминирует в нем пропагандистское содержание, а также игнорирует устоявшееся суждение о возникновении александрийского прототипа «Романа...» еще на этапе раннего эллинизма.

Что касается двух других текстов, в которых, как нам представляется, было осмыслено начало македонского времени в Египте, - «Демотической хроники» и «Пророчества ягненка» - их изучение было и в какой-то мере остается осложнено неясностью в вопросе о направленности этих произведений и в определении конкретных ситуаций, в которых они были созданы (см. мнения о возможном «антигреческом» характером «Демотической хроники» [Johnson, 1984], о возникновении известной нам редакции «Пророчества ягненка», как и «Пророчества горшечника», в политической конъюнктуре II в. до н.э. [Thissen, 2002, S. 123—125]). Показательна в этом отношении известная работа С.К. Эдди о духовном сопротивлении народов Ближнего и Среднего Востока македонскому владычеству, в которой анализ египетского материала имеет серьезный недостаток, возможно, неизбежный на том уровне развития науки. Очень разные по своей специфике мотивы (традиции о Сесострисе, Рамсесе и о царствовании Осириса, известные в античной передаче, предсказание о возвращении в Египет «возрожденного Нектанеба» в «Романе об Александре», «Демотическая хроника», «Оракул горшечника» и известные тогда фрагменты «Оракула ягненка») достаточно безоглядно признаются проявлениями оппозиционной реакции на македонское владычество, т.е. «компенсаторными» конструктами, призванными показать, что некогда цари Египта были не

менее могущественны, чем Александр и Птолеми, либо предсказать падение македонской власти [Eddy, 1961, p. 257—294]. Другой момент, в известном смысле затрудняющий дело при обращении к таким произведениям, как «Демотическая хроника» и «Пророчество ягненка», состоит в определении их жанра. Произведения того жанра, к которому принадлежит последний текст, по наличию в них предсказаний о грядущих падении и восстановлении в Египте нормального порядка вещей, были достаточно давно определены как «апокалиптическая литература» [McCown, 1924], и в принципе приверженцы этого термина могли бы найти основания к его распространению и на «Демотическую хронику». В рамках такого определения (или, по сути дела, его разновидности – «пророческая литература») даже на нынешнем этапе историографии иногда высказывается мнение, что содержащиеся в таких текстах «пророчества» - это пророчества в точном смысле слова, не обязательно привязанные к какой-то определенной исторической ситуации и имеющие в виду какого-то конкретного правителя, призванного восстановить в Египте норму [Blasius, Schipper, 2002]⁴. Думается, что оптимальный подход к интерпретации таких текстов, как «Демотическая хроника» и «Пророчество ягненка», был предложен И.-Ф. Кваком, высказавшим мнение, что оба они представляют собой напластование мотивов и реалий целого ряда эпох (в случае с «Пророчеством ягненка» - начиная еще с VII в. до н.э.) и бытовали на протяжении длительного времени, в течение которого неоднократно подвергались редактированию. Сообразно этому, направленность их могла и должна была меняться, а решение вопроса о конъюнктуре, в которой была зафиксирована их окончательная редакция, не определяет датировки их отдельных составляющих [Quack, 2009; 2011 (1)]. Учитывая кодификацию «Демотической хроники» и «Пророчества ягненка», соответственно, не позднее III в. до н.э. и римского времени, искать в обоих этих текстах реплики начала македонского времени достаточно оправданно.

Наличие таких реплик в «Демотической хронике» не вызывало сомнений и раньше, благодаря прямому упоминанию в завершающем фрагменте ее сохранившейся части «ионийцев» (p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto* VI.20—21). О том, что употребление в данном контексте их сравнения с собаками («Живут собаки, и большая собака найдет еду»; см. главу 5, § 5.1, прим. 1), не обязательно является пейоративом, писали в отечественной историографии В.В. Струве [Струве, 1927, с. 137] и в зарубежной – П. Каплони [Kaplony, 1971, p. 258—259]. Что касается «Пророчества ягненка», то единственным исследователем, попытавшимся (хотя и с ложными основаниями к этому, но оправданно по смыслу) связать завершение длительного исторического цикла, упоминающегося в этом тексте и в «Пророчестве горшечника», с началом македонского времени, был В.В. Струве [Струве, 2003 (2), с. 351]. Однако эти наблюдения

⁴ Историография «апокалиптической», или «пророческой», литературы эллинистического Египта подробно рассматривается в работе К.В. Кузьмина [Кузьмин, 2017, с. 41-114].

исследователей носили скорее случайный характер и во всяком случае не были связаны с поиском отражения в демотических источниках исторических циклов и закономерностей, характерных для позднеегипетской историографии. По существу, предпосылкой к подобной постановке вопроса стало серьезное изучение ее самой и появление работ, в которых был обоснован ее специфический новеллистический характер, аутентичность передачи сведений Манефона в возводимой к нему традиции (в особенности, во фрагментах трактата Иосифа Флавия «О древности иудейского народа (Против Апиона)», сообщающих о гиксосском времени в истории Египта), а также само наличие в позднеегипетской историографии достаточно сложных схем [Redford, 1986; Gozzoli, 2006] (см. подробнее главу 1, § 1.3.2). Примечательно, что в работе Р. Гоззоли по египетской историографии I тыс. до н.э. рассматриваются как тексты традиции о Нектанебе (помимо фрагментов «Романа об Александре», также и связанный с ним «Сон Нектанеба»; см. подробнее главу 5, § 5.5), так и «апокалиптические» тексты эпохи эллинизма. При сохранении за ними этого обозначения и достаточно описательной их характеристике они все же оцениваются именно в связи с представлениями египтян об истории их страны, как одно из проявлений используемого для ее описания новеллистического принципа [Gozzoli, 2006, p. 283—304].

Переходя, наконец, от историографии отдельных проблем нашего исследования к рассмотрению немногих *работ общего характера по проблемам истории и идеологии Египта в начале македонского времени*, мы можем с удовольствием начать его с трудов отечественных египтологов. Необходимость рассматривать греко-римское время как неотъемлемую часть общей истории древнеегипетской цивилизации подчеркивалась Б.А. Тураевым более основательно, чем его зарубежными современниками и коллегами. Соответственно, в главе его «Истории древнего Востока», посвященной египетской культуре этого периода, мы видим лаконичную, но информативную характеристику египетских царских титулатур Аргеадов, строительства их времени, а также общего содержания, жанровых особенностей и характера презентации Птолемея в «Стеле сатрапа» [Тураев, 1935, т. 2, с. 212]. В целом в связи с началом македонского времени Тураев проводит мысль о том, что новые правители Египта сознавали необходимость применяться к условиям этой страны и оформлять свою власть в соответствии с ее обычаями. Письменные же памятники начала эллинизма (в особенности, до появления с середины III в. до н.э. трехязычных декретов) представляются ему прямым продолжением традиции нарративов более ранних эпох египетской истории. Весьма примечательны суждения, сделанные Тураевым в связи с египетской историографией I тыс. до н.э.: определяя ее жанр как «сказания» и признавая воздействие на нее фольклорной традиции, он не сомневается в аутентичности передачи этих нарративов как Манефоном, так и собственно греческими авторами (Геродотом и Диодором, опирающимся на Гекатея Абдерского). «Пророчество

ягненка», известное тогда фрагментарно, и «Демотическую хронику» он рассматривает именно в историографическом контексте, отказываясь видеть в последнем источнике «апокалиптическое» произведение [Тураев, 2000, с. 242—244, 285].

По существу, наработки Тураева, при всем их лаконизме, очертили тот объем источников, на основе которых вел свои исследования по истории Позднего и эллинистического Египта в 1920—30-е гг. В.В. Струве (см. о них в целом: [Ладынин, 2016 (3)]). Среди его работ данного периода общий взгляд на начало македонского времени дают статья «У истоков романа об Александре» и знаменитая монография о Манефоне. Основой для первой статьи [Струве, 1927] стали впечатления Струве от знакомства с опубликованной чуть более чем за десятилетие до этого «Демотической хроникой»: по его мнению, в этом источнике можно найти основу мотива рождения Александра от Нектанеба II, реализовавшегося в позднеантичном «Романе об Александре». Чтобы доказать это, Струве обращает внимание на соположение, по его мнению, фрагмента текста, котором он видит предсказание грядущего величия Нектанеба II (V.6—14), с описанием вторжения чужеземцев (V.15—17) и опять некоего действия этого же царя (V.18—19). Исследователь думал, что эти пассажи аналогичны присутствующему в «Романе об Александре» предсказанию о возвращении в Египет бежавшего Нектанеба, а также связаны с содержащимся в этом же тексте предсказанием о приходе «ионийцев» (см. выше). Мотив связи между правителями Египта начала эллинизма и Нектанебом II Струве видел и в оформлении фрагмента клепсидры из Государственного Эрмитажа, который несет на себе титул, совпадающий с Хоровым именем одного из Нектанебов (см. подробнее главу 3, § 3.1.2). В целом, исходя из построений Струве, можно решить, что связь с XXX династией и Нектанебом II была одной из главных идеологем, легитимировавших власть Аргеадов и Птолемея I в Египте. Вместе с тем эта статья изобилует натяжками и допущениями: так, в соответствующем фрагменте «Демотической хроники» речь все же явно идет о Нектанебе I, а не II; нет никаких оснований полагать, что личные имена этих царей в египетском восприятии могли смешиваться; а предложенная Струве интерпретация фрагмента клепсидры вполне произвольна.

В монографии «Манефон и его время» (в особенности, в ее первой главе: [Струве, 2003 (1), с. 55—173]) Струве не пожалел усилий, чтобы представить египетского жреца и историка активным, заинтересованным и очень благожелательным сотрудником первых македонских властителей Египта. По сути дела, он не остановился перед созданием для него вполне фиктивной биографии, в рамках которой Манефону было приписано сотрудничество с Александром при предполагаемом возвращении им в Египет статуй богов, в свое время похищенных персами, а написание его грекоязычных трудов представлялось прямым поручением сатрапа Птолемея [Струве, 2003 (1), с. 124—127]. Биография Манефона,

«реконструированная» Струве, состоит вся из допущений, однако для того, чтобы подвести под них хотя бы правдоподобную хронологическую основу, он стремится максимально удревнить возможное время написания его труда, а также создания культа Сараписа, в котором Манефон принимал участие (см. главу 1, § 1.3.2, прим. 1, главу 5, § 5.2, прим. 9, а также подробнее [Ладынин, 2016 (3), с. 85—88]). Струве достаточно детально рассматривает содержание ряда эпизодов «Стелы сатрапа» и, приходя к неприемлемым выводам о времени перенесения столицы Египта в Александрию (см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», П.3.б, комм. «з»), дает все же верную оценку этапного значения этого события для оформления власти Птолемея и в целом македонских правителей в Египте [Струве, 2003 (1), с. 105—114]. Нет сомнений, что необычайно эмоциональное и произвольное построение Струве своих суждений было мыслимо только в условиях сильного снижения уровня научной критики в советской науке 1920-х гг. Вместе с тем нельзя не констатировать, что, формируя общую (и, конечно, более детализированную, чем в работах Тураева) картину начала македонского времени, он следовал в русле идеи своего учителя о преемственности между доэллинистическим и эллинистическим этапами истории Египта. Собственным добавлением Струве к этой картине было представление о высокой благожелательности египтян к их новым правителям (преувеличенное, скорее всего, даже применительно к Манефону, действительно сотрудничавшему с ними).

В 1971 г. статью, посвященную идеологическим и пропагандистским мотивам, которые сказались в презентации начала македонского времени в египетской среде, опубликовал П. Каплони [Kaplony, 1971]. Используя в качестве источника по данной проблеме «Демотическую хронику», Каплони пришел к выводу, что установление фиктивного происхождения фараона - основателя новой династии от одного из его предшественников было достаточно известным средством легитимации его прав на власть в Позднее время. Оно проявилось не только в провозглашении Александра сыном Нектанеба II в «Романе об Александре» и вызвавшей его к жизни египетской традиции, но, в частности, и в фиктивном возведении происхождения основателя XXX династии Нектанеба I к царю XXIX династии Нефериту I в «Демотической хронике». В связи с политической ситуацией в Египте второго персидского владычества и начала македонского времени Каплони считал возможным говорить о существовании нескольких местных групп египетской элиты. Одна из них, связанная с Севеннитским номом, находилась у власти в стране в эпоху XXX династии; после ее низложения Артаксерксом III она сохраняла свое политическое влияние вплоть до времени первых Птолемея, когда видным представителем этой промакедонски настроенной группы оказывается Манефон Севеннитский. Отсутствие в его царском списке каких-либо упоминаний Хаббаша, признанного легитимным царем Египта в некоем «перерыве» во втором персидском

владычестве в середине 330-х гг. до н.э. (см. главу 2, § 2.1, 2.3.2, ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «Г»), показывает, по мнению Каплони, что Манефон поддерживал фикцию происхождения Александра Великого от Нектанеба II и не хотел, чтобы между ними вклинивалась еще какая-либо фигура. Значительно меньше симпатизировала новым македонским властителям гераклеопольская «партия», к которой должен был принадлежать «герой» автобиографической надписи на Неаполитанской стеле Сематауитефнахт. Притязания этой местной группы на власть в Египте отразились и в «Демотической хронике», предсказывающей по окончании греко-македонского владычества восшествие на престол некоего «мужа из Гераклеополя» и «пророка Херишефа» (местного бога Гераклеополя). Наконец, Каплони обратил внимание на знаменитый фрагмент «Демотической хроники», иносказательно описывающий появление в Египте «ионийцев», и сделал ряд существенных замечаний в связи с его интерпретацией. Статья Каплони осталась не слишком востребована исследователями начала македонского времени: думается, что определенным препятствием для этого была переоценка ее автором стабильности и консолидированности группировок в египетской элите этого времени, равно как и противоположности их интересов.

Одним из первых опытов суммирования свидетельств античных и египетских источников по проблеме взаимоотношений царской власти и жречества в государстве Птолемеев стала монография В. Хусса «Македонский царь и египетские жрецы» [Нуб, 1994 (1)]. Специфической и не слишком удачной чертой этого исследования стало употребление по отношению к двум сторонам этого взаимодействия терминов «государство» и «церковь», явно отсылающих к ситуации в Германии нового времени. Возможно, в результате этой «отсылки» такая важная составляющая, по существу, ритуальной деятельности царей, как сооружение ими храмов, оказалась отнесена к финансовой стороне взаимодействия со жречеством. Хусс последовательно рассматривает формы лояльного отношения «государства» к «церкви» и «церкви» к «государству», а также исходившей со стороны «церкви» оппозиции. С начала македонского времени забота «государства» по отношению к храмам проявляется в строительстве культовых сооружений и в возвращении во время военных кампаний культовых предметов, в свое время похищенных из Египта (см. главу 4, § 4.1.2). По мнению Хусса, вплоть до начала II в. до н.э. македонские цари воздерживались от прямого принятия на себя ритуальных функций путем совершения коронации по египетскому обряду. Сотрудничество «церкви» с Птолемеями проявлялось, как считал исследователь, в готовности жрецов занимать государственные и придворные должности (в связи с этим применительно к началу македонского времени он перечислил едва ли не всех известных нам по памятникам частных лиц: [Нуб, 1994 (1), S. 80]), в поддержке ими внешней политики македонских правителей (примером этого была названа, в частности, «Стела сатрапа»: [Нуб, 1994 (1), S. 93]), в

деятельности Манефона Севеннитского [Нуф, 1994 (1), S. 123—129]. Примечательным образом Хусс отнес к проявлениям оппозиционных настроений жречества практически все восходящие к этой среде нарративы - не только «Демотическую хронику» с предсказанием воцарения правителя-египтянина из Гераклеополя, «Оракул горшечника» и «Пророчество ягненка», но и традицию о Нектанебе (египетские мотивы «Романа об Александре» и «Сон Нектанеба», в которых создание позитивного образа последнего египетского царя и стремление выдать Александра за его сына, т.е. за египтянина, были якобы проявлением оппозиционности [Нуф, 1994 (1), S. 129—137]). При этом оппозиционные настроения были, по мнению Хусса, сконцентрированы в отдельных храмовых центрах - Гермополе, Гераклеополе, Бехбейт эль-Хагаре, к традиции которого он возводит легенды о Нектанебе и Александре [Нуф, 1994 (1), S. 182]. Исследователя можно упрекнуть в некотором формализме его наблюдений: достаточно очевидно, что занятие административных или придворных должностей само по себе не обязательно свидетельствовало о степени лояльности египтянина македонской власти и его реальной готовности к сотрудничеству с ней. Равным образом, привязка действия «Сна Нектанеба» к Бехбейт эль-Хагару или упоминание правителя из Гераклеополя в «Демотической хронике» совершенно необязательно свидетельствует о локализации в данных центрах оппозиции македонской власти. Вместе с тем незнание нюансов египетского материала заставляет Хусса пройти мимо такого существенного критерия оппозиционности представителей египетской элиты, как отмеченная У. Рёсслер-Кёлер тенденция к перенесению царского статуса с нежелательного реального правителя на божество или на частное лицо.

Подводя теперь некоторый итог нашим наблюдениям над опытом изучения египетских памятников начала македонского времени и отражающих его восприятие свидетельств египетской традиции, можно констатировать, что на сегодняшний день в историографии обозначились подходы к разработке практически всех возникающих в связи с этим материалом проблем. При разном качестве публикаций египетских памятников данного времени среди них, в общем, не осталось таких, которые были бы недоступны для работы иначе как *in situ* или в музейных коллекциях; у египтологов есть принципиальная ясность в связи с тем, как следует выявлять программы в храмовом строительстве в Египте кануна и начала эллинизма, а также какие особенности частных памятников I тыс. до н.э. можно считать проявлениями оппозиционности их владельцев по отношению к современной им царской власти; усилия египтологов и антиковедов принесли определенные результаты в интерпретации египетских царских титулатур представителей дома Аргеадов; в работах немногих египтологов, занимавшихся изучением представлений египтян о прошлом, выработаны принципы работы с отражающими их источниками и созданы условия для рассмотрения в этом контексте нарративов, отражающих восприятие египтянами начала македонского времени как

исторического рубежа. Вместе с тем очевидно слабым моментом в уже состоявшихся исследованиях этой проблематики оказывается недостаточная интеграция их результатов. По существу, недостаточно взаимодействуют между собой исследования даже собственно египетских памятников времени Аргеадов (храмового строительства, частных памятников, исторического содержания «Стелы сатрапа»). Что же касается попыток еще более широких обобщений, учитывающих данные античной традиции, его опыты, представленные в уже старых на сегодняшний день работах египтологов (В.В. Струве, П. Каплони), в общем, оказались неудачны, а слабости обширной работы В. Хусса 1994 г. были связаны с недостаточным владением ее автора собственно египетским материалом. Характерно, однако, что на протяжении 1990—2010-х гг. число работ, посвященных египетским памятникам начала македонского времени (с понятным преимущественным вниманием к памятникам Александра Великого), возросло⁵. По-видимому, действительно складываются условия для создания полной и внутренне связной картины восприятия этой эпохи в Египте, которую мы стараемся построить в настоящем исследовании.

Объект исследования в настоящей работе - охарактеризованная выше (см. раздел «Источниковая база») совокупность источников (древнеегипетских памятников и данных античной традиции), относящихся к периоду начала македонского времени либо отражающих его реалии. **Предмет исследования** – особенности восприятия древними египтянами начала македонского времени в свете важнейших констант их мировоззрения, сложившихся к этому этапу (представлений о царе и царской власти, критериев оценки, предъявляемых ими к обладателям царского статуса, представлений о месте Египта в мире и о характере его взаимодействия с другими странами, представлений о закономерностях хода истории Египта).

Цель исследования состоит в том, чтобы на основании изучения источниковой базы работы определить специфические черты восприятия начала македонского времени древними египтянами, оценивая при этом степень преемственности этих черт с предыдущими этапами в эволюции их мировоззрения. Для достижения данной цели в работе предстоит решить следующие **задачи**:

охарактеризовать основные константы мировоззрения древних египтян, связанные с восприятием ими своей страны и ее места в мире (представления о царской власти, о взаимодействии Египта с другими странами, об историческом процессе в древнем Египте),

---

⁵ Стоит, кстати, обратить внимание на предопределенное развитием онлайн-технологий появление такого действенного инструмента классификации и изучения египетских (как иероглифических и демотических, так и грекоязычных) памятников I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (т.е. в том числе и начала македонского времени), как созданный по инициативе бельгийских исследователей ресурс Trismegistos (URL: <http://www.trismegistos.org/>; дата обращения: 30.04.2017).

которые сложились до македонского времени, уделяя особое внимание их состоянию непосредственно накануне данного периода (глава 1);

исследовать общий характер и специфические черты презентации в Египте македонских царей династии Аргеадов и сатрапа Птолемея с точки зрения их следования традиционным для египетского мировоззрения моделям поведения (принятие статуса сакральных царей и составление титулатур, отражающих концепцию их царствований, осуществление храмового строительства и участие в ритуалах, проявление благожелательного внимания по отношению к жизни храмов; глава 2);

исследовать реакцию представителей египетской элиты, в т.ч. жречества, на установление над Египтом власти македонских царей (готовность или неготовность признавать за ними статус сакральных правителей, способных совершать ритуал, употреблять по отношению к ним соответствующие титулы и обозначения, перенесение на них топосов, маркирующих в египетской традиции негативное отношение к чужеземным правителям; глава 3);

исследовать специфическое положение сатрапа Птолемея с конца 310-х гг. до н.э. как неограниченного правителя Египта, не имеющего при этом царского статуса (глава 2, § 2.4, глава 3, § 3.1.3);

исследовать египтянами взаимодействия их страны на протяжении второго персидского владычества и начала македонского времени с межрегиональной азиатской державой (государством Ахеменидов и державой Аргеадов) и изменения в отношении к этой державе в течение этого времени (включая памятники, в которых проявилось представление об Александре Великом как о властителе межрегиональной азиатской державы или о создателе системы миродержавия; главы 4, 6);

исследовать восприятие начала македонского времени как рубежного этапа истории Египта в соответствии с концепциями египетской историографии I тыс. до н.э., в том числе в их специфическом приложении к задачам пропаганды (глава 5);

подробно исследовать значение отразившегося в «Романе об Александре» восприятия Александра Великого как «возрожденного Сесонхосиса, миродержавца» в контексте характерного для египетской традиции I тыс. до н.э. представления о великом царе далекого прошлого – завоевателе и устроителе; выявить связь этого восприятия с циклической картиной исторического процесса, свойственной египетской историографии I тыс. до н.э., и с другими константами мировоззрения древних египтян (глава 6);

представить перевод и комментарий ряда источников, требующих в рамках решения задач работы подробного обращения к их текстам (автобиографическая надпись на статуе «анонима из Баклии» - глава 2, § 2.4.3; тексты на фрагменте клепсидры из Государственного

Эрмитажа – глава 3, § 3.1.2; автобиографическая надпись на статуэтке сына Нектанеба II – глава 3, § 3.5.2; текст стелы Buceum 2 – глава 4, § 4.2; текст «Стелы сатрапа» - приложение).

Необходимое, на наш взгляд, пояснение к формулировке целей и задач нашей работы состоит в следующем: для достижения поставленной в ней цели нет необходимости в решении задачи интерпретации хорошо известных свидетельств античной традиции о признании Александра Великого сыном Зевса-Аммона (Амона-Ра) в его святилище в оазисе Сива в начале 331 г. до н.э. (см. об этом эпизоде главу 2, § 2.1). Данный эпизод был рассмотрен нами с достаточной подробностью в другой работе [Ладынин, 2016 (2), с. 192—195, 199—209], в которой мы констатировали безусловно египетскую специфику святилища в оазисе Сива (впрочем, не вызывавшую сомнений и у других исследователей [Kuhlmann, 1988; Bruhn, 2010]). Вместе с тем интерпретация античных описаний его посещения македонским царем в сопоставлении с египетскими источниками, отражающими аналогичные ритуалы с участием царя, может быть дана лишь предположительно. Самое же главное состоит в том, что значение этого эпизода (в том числе и по целям, которые сознательно преследовал македонский царь при путешествии в оазис) заключалось не в подтверждении сакрального статуса Александра в Египте, а в трансляции связанных с этим представлений (в первую очередь – о рождении царя от божества) в греческий мир. При этом мы не видим в источниках реального подтверждения допущения Б. Меню о коронации Александра согласно египетскому обряду именно в святилище оазиса [Menu, 1998, p. 257]. В контексте нашего нынешнего исследования этот эпизод может дать лишь еще одно, причем не самое информативное, подтверждение официального признания Александра в Египте его сакральным царем, при том что его подробная интерпретация целиком и полностью лежит в сфере изучения царского культа Александра в греко-македонской среде.

Хронологические рамки исследования определяются обоснованным нами употреблением термина «начало македонского времени» применительно к истории Египта как обозначения периода от вступления в страну Александра Великого в конце 332 г. до н.э. и до провозглашения сатрапа Египта Птолемея царем в 305/4 г. до н.э. Рассматриваемые в рамках исследования источники отражают реалии этого исторического периода и в значительной своей части относятся непосредственно к нему. Выходить за рамки данного периода при исследовании его восприятия египтянами нам приходится в двух случаях: при обращении к ситуации второго персидского владычества, как формирующей ряд реалий начала македонского времени, а также порождающей на этом этапе реплики в сознании египтян (см. главу 4, § 4.1—4.4), и при обращении к некоторым тенденциям пропаганды начала времени Птолемея, побуждавшим вносить новые мотивы в восприятие царствования Александра Великого в контексте истории Египта (см. главу 4, § 4.5, главу 6, § 6.4). Кроме того, при

определении состояния основных констант мировоззрения древнего Египта к началу македонского времени мы обращаемся к египетским источникам в широком временном диапазоне VI—III вв. до н.э. (включая традицию, восходящую к труду Манефона Севеннитского; см. главу 1). При изучении восприятия Александра Великого как «возрожденного Сесонхосиса, миродержавца» мы исследуем данные античной традиции в диапазоне от V в. до н.э. (Геродот) до поздней античности (эпитама *Historia Philippica* Помпея Трога, созданная Марком Юнианом Юстином).

Методологическая основа исследования определяется спецификой и многообразием исследуемых источников, а также спецификой объекта и предмета исследования и представляет собой сочетание ряда методов, общих для исторической науки, и специфических методик, которые реализуются при исследовании древнеегипетских источников и античных нарративов, отражающих рецепцию египетской традиции. Можно сказать, что в целом достижение цели нашего исследования лежит в сфере применения историко-системного метода, предполагающего восприятие явлений прошлого (в нашем случае – совокупности представлений древних египтян о начале македонского времени) как целостных исторических систем и анализирующего их структуру, функции, внутренние и внешние связи и динамические изменения [Мазур, 2014]. Оценка места, которое восприятие египтянами начала македонского времени занимает в целом в эволюции их идеологии и мировоззрения, совместима с методологическими установками принципа историзма, в соответствии с которым исторические явления рассматриваются в их эволюции, с учетом условий и факторов, воздействовавших на их становление и развитие. Обращение к топосам, которые формировали в представлениях египтян IV в. до н.э. образ легитимного царя, служили критериями его позитивной и негативной оценки, к ритуалам царской власти, и, наконец, к реализации тех и других применительно к правителям начала македонского времени можно назвать применением методики исторической имагологии. В частности, такая ее разновидность, как потестарная имагология, изучает образы власти, «возникающие, распространяющиеся, трансформирующиеся и исчезающие в ходе символического взаимодействия (или, если угодно, символической коммуникации) между правителями и их подданными» [Бойцов, 2009, с. 14—15]. Имагологический подход реализуется, по сути, также и при обращении к топосам, возникающим при взаимодействии разных культур в связи с восприятием ими друг друга (см. о проблеме «образа Иного» в разделе «Актуальность темы»): в данном случае мы имеем в виду те мотивы, которые сформировались в сознании египтян при взаимодействии с другими странами и народами и реализовывались в их представлениях о межрегиональной азиатской державе под властью Ахеменидов и Аргеадов, а также о ее правителях.

Вместе с тем если наши указания о методологических принципах диссертации скорее характеризуют ее формальное положение в целом в поле исторических исследований, то для адекватного понимания наших построений и характера обоснования наших выводов более значима характеристика специфических методических принципов, применяемых при обращении непосредственно к нашим источникам. Мы придерживаемся мнения, согласно которому «“нетождество” сознания древнего и современного» [Большаков, 2001, с. 15, со ссылкой на: Стеблин-Каменский, 1976, с. 4—10] определяется не принципиальной разницей в аксиоматике мышления людей архаики и современности (в отечественной историографии древности так, кажется, считал И.М. Дьяконов: [Дьяконов, 1977, с. 9—11]), а иным, по сравнению с современностью, уровнем знаний людей архаики об окружающем мире и, в связи с этим, их иными представлениями о практиках, необходимых для выживания в нем, и о принципах разграничения объективных и субъективных ощущений (последнее показал, реконструируя механизм возникновения мировоззренческой категории Двойника, А.О. Большаков: [Большаков, 2001, с. 51—55]). Исходя из сказанного, мы можем констатировать, что представления о сакральной природе египетского царя и об уникальном характере его власти, о его взаимосвязи с божествами, а также об особом месте Египта в мире были для древних египтян не идеолого-пропагандистскими фикциями, а важнейшими составляющими их реального знания о мире. Это знание включало представления о необходимости совершения ритуала для поддержания взаимодействия со сверхъестественными силами мира, о возможности этого только в пределах Египта и о роли в этом земного царя или иного агента, могущего принять на себя по праву исполнение его функций (см., в частности, оценку роли сакральных правителей в архаических обществах Ближнего Востока, включая Египет, в основополагающей работе Г. Франкфорта: [Frankfort, 1948, p. 3]). Взаимосвязь между царем и божеством (в частности, воплощение в нем сакрального начала, описываемого его титулатурой) не была для египтян иррационально-мистической, а, напротив, мыслилась как частное проявление объективных и в принципе известных людям законов мира. Иными словами, сфера духовной жизни общества, возникающая в ходе его взаимодействия с властью, которую мы описываем терминами «идеология» и «пропаганда», применительно к современности оттеняющими ее искусственность, для египтян была лишенной такого оттенка частью знаний о мире и мировоззрения. Именно поэтому мы и считаем возможным говорить в заглавии нашей работы об исследовании восприятия начала македонского времени в категориях *мировоззрения* египтян. Методически данные положения важны, поскольку они позволяют анализировать идеологическую ситуацию начала македонского времени и в целом IV—III вв. до н.э., исходя из наличия в ее основе принципиально тех же констант, что и в более ранние эпохи, а также реконструировать отдельные ее составляющие с учетом не только специфически

идеологических, но и проявляющихся в них более широких религиозных представлений. Отметим, что подобный комплексный подход к исследованию древнеегипетского мировоззрения как системы представлений иных, чем наши, но логически взаимосвязанных между собой и в принципе опирающихся на единые фундаментальные основания, характерен для работ петербургской школы отечественной египтологии.

Одним из понятий, специфику которого в применении к древнеегипетскому материалу было бы методически правильно оговорить заранее, является неоднократно употребляемый в нашей работе термин «пропаганда». В зарубежной египтологической литературе это понятие используется прежде всего при изучении официальных памятников (в частности, элементов оформления и утвари храмов) и надписей, формировавших образы древнеегипетских царей и утверждавших их право на власть при помощи выявления их сакрального статуса, связи с богами и исходящей от последних санкции их власти. В частности, данный термин регулярно употребляется в обширных компендиумах, в которых систематизируется и изучается терминология подобных источников [Grimal, 1986; см. рец.: Дейнека, 1991; Vlöbaum, 2006, S. 21—23; см. рец.: Ладынин, 2010]. По мнению создателя одного из таких компендиумов Н.-Кр. Грималья, отличие функции древнеегипетских памятников, которая подразумевается данным термином, от «пропаганды» в современном смысле этого слова, состоит в том, что соответствующие памятники не ставили перед собой задачу «доказательства или убеждения, поскольку дискурс древнеегипетской царской власти адресовался исключительно тем, кто стоял внутри описываемой им системы». Равным образом, эти памятники для их создателей не искажали действительность, а скорее представляли ее факты «согласно определенной формуле, нацеленной... на то, чтобы восстановить их в их подлинной, сущностной реальности» [Grimal, 1986, p 5; cf. Vlöbaum, 2006, S. 22]⁶.

Понятию древнеегипетской пропаганды (в той мере, в какой она признается функцией памятников подобного рода) придает специфику и определение ее аудитории, а также продуцировавшего ее слоя древнеегипетского общества. В связи с первым моментом можно достаточно уверенно сказать, что довольно многие «пропагандистские памятники», находившиеся в храмах, могли быть реально восприняты только жрецами, имевшими доступ в соответствующие помещения [Vlöbaum, 2006, S. 22]. Однако здесь следует иметь в виду, что функция пресловутого «восстановления реальности», о которой говорил Грималь, была рассчитана на взаимодействие не только с людьми, но и с богами. А.-И. Блэбаум полагает, что

---

⁶ Имеется в виду, что, например, поскольку в древнеегипетских представлениях легитимный царь не мог не одержать победы над чужеземными врагами, в качестве таковой должен был быть представлен любой исход его военных предприятий, хотя бы это и расходилось бы с их фактическими результатами, констатированными в том же памятнике (см., например, об описании результатов азиатской кампании в стеле Года 9 Аменхотепа II: [Ладынин, Немировский, 2001 (2)]).

базовые пропагандистские установки вырабатывались так или иначе окружением царей, хотя могли при этом приобретать различные вариации в конкретных памятниках на местах [Blöbaum, 2006, S. 22—23]. Это, несомненно, справедливо для эпох, когда на царском престоле находились носители древнеегипетской культуры. Однако в Позднее время, когда главной функцией царской власти на практике стала не ритуальная, а в первую очередь военно-административная, реальная разработка «пропагандистских проектов» должна была осуществляться советниками царей, знакомыми с религиозно-идеологической традицией, т.е., прежде всего, жрецами. Более того, в эпохи, когда сакральными правителями Египта признавались чужеземцы, данная функция должна была переходить по преимуществу к представителям жречества, взаимодействовавшим с чужеземной властью. Разумеется, это не означает, что в расстановке приоритетов в пропагандистской деятельности не принимали никакой роли и собственно чужеземцы: «заказ» обслуживавшим их пропагандистам формулировали, несомненно, они. Однако в такой ситуации именно за жрецами оставался и выбор из богатого «арсенала» традиционной древнеегипетской идеологии тех конкретных пропагандистских мотивов, которые должны были быть поставлены на службу новой чужеземной власти, и расстановка определенных акцентов, в том числе неявных и понятных только египтянам. При этом официальная пропаганда, ведшаяся от имени чужеземных правителей Египта, не могла не принимать на себя несвойственную ей в норме, по мнению Грималья, функцию «убеждения» - сакральность таких правителей, как, собственно, и сама правомерность ее выявления в них с позиций древнеегипетских религиозно-идеологических представлений, несомненно, требовали обоснования⁷. Нюансировка пропаганды, ведшейся в их пользу, могла выражать хотя бы и мотив неприятия того или иного чужеземного правителя как полноценного носителя ритуальной сакральности (разумеется, неявным образом), отражая тем самым уже не только официозную позицию царской власти Египта, но и критическую оценку этой власти «со стороны», определенными группами египетской элиты. Однако и такая оценка выражалась в категориях традиционной идеологии Египта, проводником которой в обыкновенной ситуации были бы государство и царская власть. Можно сказать, что в таких случаях идеологическая активность жречества в какой-то мере приобретала и ту манипулятивную функцию, которая является одиозной в понятии пропаганды в ее современном общепринятом значении.

Сказанное нами выше относится в первую очередь к официальным памятникам каждого конкретного царствования в истории древнего Египта; однако было бы неверно свести все

---

⁷ Собственно говоря, подобную функцию древнеегипетских пропагандистских памятников не следовало бы сбрасывать со счетов и применительно к царям-египтянам, пришедшим к власти в сложной династической коллизии (как цари XVIII династии Хатшепсут и Тутмос III) или в результате узурпации (как царь XXVI династии Амасис).

явление древнеегипетской пропаганды к их функции. Прежде всего, это явление, как и его аналоги в других исторических условиях, было действенно не только в синхронном, но и в диахронном аспекте и призвано формировать представление не только о современном царствовании, взятом отдельно, но и о его месте в древнеегипетской истории. Отчасти это могло быть достигнуто и определенной «расстановкой акцентов» в пропаганде того или иного царствования - при помощи составления титулатуры данного царя по хорошо заметной аналогии с титулатурами его предшественников, нюансировки упоминаний кого-то из них, в крайних случаях даже узурпации и разрушения более ранних памятников⁸. Понятно, однако, что такого рода приемы были лишь следствием из определенного видения прошлого и сами по себе не описывали его даже на уровне ближайшего контекста данного царствования, не говоря уже о картине древнеегипетской истории в целом. Описание и осмысление прошлого было задачей, решавшейся, как правило, не в эпиграфических памятниках, а в нарративах иного типа – в произведениях публицистического или исторического жанра, а в ряде случаев и в художественной литературе. Вряд ли «позиционирование» деятельности царя в более или менее широком историческом контексте было насущной потребностью пропаганды буквально каждого царствования; однако эта потребность ощущалась особо остро в переломные эпохи египетской истории, причем с очень давних пор⁹. Закономерным образом, она не могла не быть практически равномерно насущной на протяжении Позднего времени, в особенности периода VIII—IV вв. до н.э., состоявшего из «переломных эпох» завоевания страны чужеземцами и освобождения от их власти (а также чаяния египтянами такого освобождения). По-видимому, во многом результатом связанной с этим рефлексии в стала сводная картина прошлого Египта, представленная среди доступных нам свидетельств его историографии I тыс. до н.э. в наиболее целостном виде в труде Манефона Севеннитского, созданном в первой половине III в. до н.э. В нем история Египта мыслилась как последовательность своего рода больших циклов, причем «двигателем» ее хода в значительной мере признавались отдельные цари, наделенные теми или иными «знаковыми» качествами.

Возможно, специального, хотя и меньшего по объему комментария требует еще одно понятие, взятое из политического лексикона нового времени, - легитимность, в его применении к власти правителей Египта (см., например: [Otto, 1969 (2)]). Думается, из сказанного нами уже ясно, что полноценным правителем Египта в восприятии его жителей мог быть лишь тот, кто в

⁸ Например, в ситуации *damnatio memoriae* царей кушитской XXV династии при саисской XXVI династии и конкретно при Псамметихе II [Blöbaum, 2006, S. 166-170].

⁹ См., например, главу 1, § 1.3.2 об оценке будущего царствования адресата «Поучения царю Мерикара» в свете ожидаемого завершения «времени болезни» - бедствий I Переходного периода. В целом пропагандистское значение ряда литературных произведений начала Среднего царства было продемонстрировано в классической для египтологии книге Ж. Познера [Posener, 1956]

силу своей связи с богами и личной сакральности был способен совершать ритуал, получающий воздаяние от божественных сил. Как мы увидим далее (см. главу 1, § 1.1.1) такой правитель именовался уникальным титулом «царь Верхнего и Нижнего Египта», и, по сути дела, именно признание за ним данных качеств и статуса мы называем его легитимностью в глазах его подданных. Употребление данного термина тесно связано с констатацией за данным правителем сакральности, но не вполне тождественно ей: сама по себе сакральность правителя есть данность, проявляющаяся, с точки зрения египтян, как его качество, в то время как понятие легитимности вводится в связи не просто с наличием у него этого качества, а именно с его выявлением и признанием. Помимо этого, у понятия легитимности есть еще один оттенок: выявление у правителя сакральности происходило на основании определенных критериев, и, соответственно, его оценка как легитимного или нелегитимного строилась на констатации его соответствия или несоответствия им. Сообразно этому, в дальнейшем (см. там же) применительно к ситуации середины I тыс. до н.э. мы различаем представления о т.н. «династической легитимности» и «личной легитимности» царей, различие между которыми определялось разницей в критериях легитимности и сакральности, с точки зрения сторонников соответствующих подходов. Забегая вперед, поясним, что в рамках принципа «династической легитимности» фактическая, военная и административная, власть царя была если не более значимой, чем его ритуальные качества, то во всяком случае самоценной; однако эти качества все равно переносились на царей, признанных легитимными на основе этого принципа, коль скоро он функционировал в системе традиционных египетских категорий. Мы согласимся с тем, что собственно в египетских источниках не найдем точных лексических соответствий понятию легитимности - как и понятию пропаганды, а также сакральности царей, хотя уж в правомерности последнего применительно к египетскому материалу никаких сомнений быть не может! Равным образом, мы полагаем, что попытки выстроить дробную классификацию критериев легитимности египетского царя несовершенны и отчасти наивны, поскольку разделяют тесно связанные между собой явления (см. [Gundlach, 1997; Wöbba, 2006, S. 26]). Реально в египетских текстах и памятниках, безусловно, акцентируются (реже – признаются отсутствующими) исполнение царем ритуалов, его попечение о храмах, способность при помощи богов побеждать на поле боя и иначе обеспечивать благополучие его страны, а какое-либо обобщение этих качеств, если и имеет место, то оказывается описательным и нетерминологическим. Однако введение названных нами исследовательских «универсалий» представляется нам для нужд нашей работы (и в целом для разработки проблем египетской царской идеологии) правомерным и необходимым.

Наконец, выше (см. раздел «Источниковая база исследования», конец) мы уже сказали о необходимости объяснить, почему при обращении к текстам античной традиции, описывающим

представления египтян об их прошлом мы можем быть уверены, что в них эти представления переданы адекватно. Подобная методическая оговорка совершенна необходима в связи с нашим обращением к презентации Александра Великого как «возрожденного Сесонхосиса» в одном из фрагментов «Романа об Александре» - идеологеме, интерпретация которой, по нашему мнению, требует очень подробного экскурса в античную традицию о великом египетском царе-завоевателе (см. главу 6). Сомнения в адекватности античной и раннесредневековой передачи исторических свидетельств древних египтян формулировались в историографии (в большей степени в мировой, нежели в отечественной) неоднократно. Применительно к передаче фрагментов труда Манефона в античной и раннехристианской традиции высказывались сомнения в ее аутентичности: так, с середины XX в. в историографии утвердилось мнение, что подробное цитирование Иосифом Флавием сообщения Манефона, относящегося к гиксосскому владычеству в Египте, на самом деле отражает сложные преобразования, которым исходный текст египетского историка начала эллинизма подвергся на протяжении этой эпохи, претерпев при этом некомпенсируемые искажения. Несмотря на свою неосновательность, это мнение не вполне утратило свои позиции и сегодня (см. подробнее главу 1, § 1.3.2).

Вместе с тем прояснение вопроса об аутентичности цитирования Манефона Флавием – задача важная и достаточно трудоемкая, но все же частная и решаемая не на методологическом уровне. Более широкого и принципиального взгляда заслуживает вопрос о том, в какой мере представления египтян Позднего времени о прошлом своей страны отразились в нарративах магистральной античной традиции, начиная с труда Геродота Галикарнасского. Сомнения, высказывавшиеся в связи с этим, носили двоякий характер. С одной стороны, опять же с середины XX в. в историографии (в особенности, в изучении творчества Геродота) представлено мнение о том, что сведения о Египте классической традиции основаны прежде всего на ее же собственных топосах, что не позволяет говорить всерьез об отражении ею собственно египетских реалий и представлений [Heidel, 1987; Armayor, 1978; 1980; 1985]. С другой стороны, признание воздействия египетской традиции на классическую нередко соседствует с сомнениями по поводу того, в какой мере последняя могла отражать действительно «серьезный», «академический» пласт египетских представлений, на уровне жреческого знания о религии и истории Египта, а не их вульгарного тиражирования, с которым и должны были соприкасаться (в особенности в эпоху классики, до установления в Египте македонской власти) древнегреческие авторы¹⁰.

---

¹⁰ Данная позиция породила два эффектных высказывания крупных исследователей разных поколений и научных интересов. По словам Г. Масперо, жрец по-настоящему высокого ранга, например, верховный жрец Птаха, был бы еще менее доступен греческому путешественнику для контакта с ним, чем архиепископ Парижский – современному иностранному туристу (“Le grand-prêtre de Memphis... était plus inaccessible encore que ne peut l’être un archevêque de Paris aux visites des étrangers” [Maspero, 1878,

По поводу первой из охарактеризованных позиций стоит заметить (хотя это и не служит аргументом против нее по существу), что ее принятие, как, по сути дела, и любого варианта позиции гиперкритики, является не только научным, но в значительной мере мировоззренческим выбором ученого. В самом деле, о достаточно многом говорит то, что ее сторонники готовы признать формирующее воздействие на рассказ Геродота о походах Сесостриса не только греческой, но хотя бы и месопотамской – лишь бы не египетской! – традиции [Armayor, 1980, p. 53]. Противоречивость построений одного из классиков гиперкритического подхода к изучению II книги Геродота У. Хайделя была недавно убедительно показана И.Е. Суриковым [Суриков, 2009, с. 217—226]. В целом же надежным аргументом против данной позиции служат появившиеся во второй половине XX в. подробные египтологические комментарии к рассказам о Египте Геродота Галикарнасского и Диодора Сицилийского, выявившие высокую степень соответствия свидетельств этих авторов египетским реалиям [Burton, 1972; Lloyd, 1975; 1976; 1988 (2)]. Что же касается второй позиции, то ее принятие применительно к свидетельствам античной традиции о прошлом Египта было довольно естественно до тех пор, пока была неясна (вернее, не охарактеризована с должной ясностью) природа собственно «академической» древнеегипетской историографии. Ее новеллистический характер, о котором уже шла речь, привязка к образам царей разных исторических эпох (при том что реминисценции этих эпох и образов на протяжении своего бытования серьезно преобразовывались), делает достаточно трудноуловимой грань между вполне «серьезными» для египтян Позднего времени свидетельствами о прошлом и сюжетами, которые могли бы занять место в фольклорной традиции (см. подробнее главу 1, § 1.3.2). Не могут быть аргументом против достоверности античной передачи свидетельств египтян об их прошлом и встречающиеся в ней анахронизмы. Как мы увидим далее (см. там же), анахронизмами, вызванными контаминацией воспоминаний о разновременных в исторической реальности событиях, изобилует и безусловно «академический» труд Манефона. Что же касается других исторических схем (с наибольшей подробностью запечатленных в произведениях Геродота и Диодора), то на нынешнем уровне развития египтологии сильной для исследователя задачей оказывается выявление в них как опять же ненамеренных контаминаций, так и целенаправленных искажений, объясняемых политико-идеологической

р. 137]). А.И. Иванчик, говоря о фольклорном характере переданных Геродотом и последующей традицией легенд о Сесострисе, заметил, что «попытки... рассматривать эти рассказы как источник по египетской истории... не могут дать большего результата, чем, например, попытки изучать историю правления Хеопса на основании древнеегипетской сказки о Хеопсе и волшебнике или историю раннего средневековья по легендам о короле Артуре» [Иванчик, 1999, с. 7; 2005, с. 192, с отсылкой к: Maspero, 1901 (2), p. 682].

тенденцией, в рамках которой формировалась та или иная конкретная схема (см. о схеме Геродота: [Ladynin, 2015]; о схеме Диодора – главу 6, § 6.3.3).

Наконец, очень серьезным аргументом в пользу принципиальной достоверности передачи античными авторами доступных им свидетельств о Египте, а также того, что последние так или иначе восходят к собственно египетским первоисточникам нефольклорного характера, можно считать наличие определенного набора сюжетов, который оказывается единым как для сообщений античной традиции о Египте (именно для этой традиции в целом, а не просто для свидетельств отдельных авторов, пересечения которых могли бы объясняться зависимостью непосредственно между ними), так и для труда Манефона. Уже упоминавшийся мотив войн великого царя-завоевателя египетского прошлого является, пожалуй, наиболее ярким, но далеко не единственным примером сюжетов, вошедших в этот набор (в их числе можно также назвать сюжеты, связанные с деятельностью Менеса, строительством пирамид и др.). Само наличие такого набора плохо совместимо с допущением, что писавшие о Египте античные авторы могли свободно измышлять свои свидетельства или конструировать их на основе произвольно взятых из древнегреческой традиции топосов. Появление же этих же сюжетов у Манефона (в частности, использование им в своем труде грецизированных форм египетских царских имен, которые автоматически давали для греческого читателя отсылку к подобным сюжетам, уже надежно мотивированную предшествующим развитием традиции о Египте; см. главу 6, § 6.3.1) показывает, что они воспринимались самими египтянами как соответствующие реалиям их прошлого.

Попробуем теперь сформулировать некоторые методологические принципы работы с традицией античных нарративов о древнем Египте и о его истории (как в целом, так и в рамках нашей конкретной задачи в настоящей работе – исследования того, каким образом начало македонского времени было представлено в современных ему историографических и пропагандистских конструктах в общем контексте истории Египта). Ее отправным постулатом нам представляется надежно обоснованный предшествующим опытом изучения античной традиции о Египте вывод, что принадлежавшие к ней авторы стремились в меру своих возможностей адекватно характеризовать египетские реалии, которые были им доступны, и не вносили в них искажения. Всякие сомнения по поводу последнего должны обсуждаться максимально предметно и аргументировано - в первую очередь в аспекте возможной заинтересованности того или иного автора или его информаторов в измышлении своих свидетельств, в видоизменении доступных ему и считавшихся достоверными сведений или в привнесении в них той или иной тенденции. Следует учитывать, что египетская традиция I тыс. до н.э. сама по себе преобразовывала доступные ей реалии ранней древности – в силу как неизбежных на большой хронологической дистанции искажений (см. подробнее об их

закономерностях главу 1, § 1.3.2), так и их некоторой адаптации к реалиям Позднего времени (см. в частности главу 6, § 6.2.3 - о различиях между характеристикой законов царя Сесонхосиса в свидетельстве Дикеарха Мессенского и реальностью их исторического прототипа – преобразований Сенусерта I). В свою очередь, античные авторы не могли не преобразовывать в своих свидетельствах по крайней мере некоторые египетские реалии в силу естественных в ходе межкультурного взаимодействия моментов непонимания. Однако ни тот, ни другой из охарактеризованных нами типов искажений не имел своей основой произвольные манипуляции или чистый вымысел античных авторов либо их египетских информаторов¹¹.

Разумеется, наши наблюдения и выводы о том, как именно в конструктах, обеспечивавших позитивное восприятие начала эллинистического времени и его правителей египетской средой, реализовывались константы позднеегипетской историографии и в целом идеологии, будут иметь подробное конкретное обоснование. Однако приступая к его построению, мы считаем правильным и необходимым презумптивно исходить из охарактеризованных нами выше принципов. Говоря менее абстрактно, мы изначально считаем, что в рассматриваемых нами свидетельствах грекоязычных источников действительно могла отразиться рассчитанная на египетскую среду промакедонская пропаганда, а те конкретные формулировки, в которых получили выражение ее тезисы, подлежат интерпретации исходя из предшествующей грекоязычной же традиции описания Египта, в конечном счете также основанной на египетских реалиях.

Оговорим в заключение настоящего раздела введения некоторые технические моменты, связанные с нашей работой. Упоминаемые в ней с датировками события древнеегипетской истории укладываются в диапазон II—I тыс. до н.э.: при их датировке для эпохи Среднего царства мы ориентируемся на хронологическую систему, принятую в работе Ю. фон Бекерата [Beckerath, 1997, S. 132—146], для Нового царства – на систему «средней хронологии», предпочтительность которой убедительно обоснована А.А. Немировским [Ладынин, Немировский, 2001 (3), с. 216—217, прим. 9, 220, 222—223], для I тыс. до н.э. – в основном на датировки, принятые в недавней обобщающей работе «Древнеегипетская хронология» [Ancient Egyptian Chronology, 2006; ср. в связи с периодом XXVIII—XXX династий: Ladynin, 2013]. Определение продолжительности годов и месяцев в соответствии с египетским календарем, а также конверсия датировок по нему в современные

---

¹¹ В своей недавней работе А.А. Банщикова справедливо обратила внимание, что принципиально сходная методика, предполагающая при интерпретации нарратива отделение исторического ядра его сюжета от наслоений, мотивированных использованными в нем литературными моделями и реалиями (как повседневной жизни, так и идеологии), воздействовавшими на его автора («метод деконструкции»), была обоснована в ассириологии относительно давно М. Ливерани [Liverani, 1973], но в египтологических исследованиях начинает применяться только теперь [Банщикова, 2015, с. 28—29].

для периода 330—300-х гг. до н.э. даются согласно изданию: [Beckerath, 1997, S. 198—199]. Соответствия лет царствований Аргеадов в Египте годам современного календаря приводятся согласно изданию: [Pestman, 1967, p. 10—13] (необходимые уточнения по данному поводу мы даем и в основном тексте работы; см., в особенности, главу 2, § 2.1). Древнеегипетские источники цитируются в соответствии с указанными при этом изданиями, не в иероглифике (исключая случаи, когда это необходимо), а в транслитерации по правилам, принятым в учебнике А.Х. Гардинера [Gardiner, 1957], но с использованием знаков *z* и *q*; собственные имена в транслитерации начинаются с заглавного знака. Индексация египетских иероглифических знаков в соответствии с Signlist'ом «Египетской грамматики» А.Х. Гардинера [Gardiner, 1957, p. 432—531] и каталогом знаков греко-римского времени, подготовленным на базе Университета Поля Валери (Монпелье, Франция) [Valeurs phonétiques..., 1988—1995], оговаривается с помощью специальных сокращений (соответственно, GG(SL) и Montpellier); если индекс знака приводится без таких сокращений, он соответствует индексации в программе иероглифического набора JSesh¹². Общепринятые обозначения древнеегипетских источников, обращение к которым в нашей работе не является многократным, как правило, не выносятся в список сокращений, а расшифровываются при помощи отсылок к их использованным изданиям непосредственно в тексте работы. Античные источники, если не указано иначе, цитируются в соответствии с базами данных [Thesaurus Linguae Graecae, 2000] и [PHI, 1991]. Фрагменты Манефона Севеннитского цитируются по изданию У. Уодделла и обозначены в соответствии с его нумерацией [Manetho, 1980]. Переводы, приведенные без указания их автора и отсылки к соответствующему изданию, принадлежат автору диссертации. Использование иллюстраций мы стараемся свести к минимуму, необходимому для обоснования выдвигаемых нами положений, а также для полноценного исследования памятников, тексты которых представлены в работе в переводе.

Научная новизна исследования. Как было показано в разделе «Степень изученности проблемы», на сегодняшний день в мировой и отечественной историографии нет комплексных исследований, обобщающих данные как египетских источников, так и античной традиции о презентации о презентации в Египте македонских правителей и о реакции египтян на установление в их стране македонской власти (признании или непризнании представителей дома Аргеадов легитимными сакральными царями, отношении к взаимодействию Египта с находящейся под властью Аргеадов межрегиональной азиатской державой, оценке начала македонского времени как нового этапа в истории Египта). Предлагаемая работа является первым опытом такого комплексного исследования, в котором делается попытка выявить

¹² URL: <https://jsesh.qenherkhopeshef.org/> (дата обращения: 30.04.2017).

взаимосвязь между разными формами восприятия в египетской среде начала македонского времени и его правителей, оценить их с точки зрения отражения в них констант традиционного египетского мировоззрения, определить предпосылки идеологической ситуации в Египте начала македонского времени в предыдущей эволюции египетской идеологии (с особенным вниманием к периоду IV в. до н.э.). В рамках данного исследования впервые выполнен перевод на русский язык и комментарий ряда древнеегипетских источников («Стела сатрапа», надписи на статуе «анонима из Баклии» и на статуэтке сына царя Нектанеба II, на фрагменте клепсидры из собрания Государственного Эрмитажа, на стеле Bucheum 2). Впервые высказано и обосновано предположение об отражении в двух иероглифических источниках (автобиографии Уннефера из его гробницы в Саккара и надписи на статуэтке сына царя Нектанеба II) ситуаций прямого контакта высокопоставленных египтян с Александром Великим. В связи с исследованием идеологической ситуации начала македонского времени сделан ряд новых и принципиально важных наблюдений об эволюции египетских представлений о царской власти в предшествующий период I тыс. до н.э. (о соотношении в них принципов «династической» и «личной» легитимности царей; о возможности утраты царями в определенных ситуациях сакрального статуса; о «деривативной сакральности» Ахеменидов, признававшихся легитимными царями Египта). Исследование оценки начала македонского времени египтянами как рубежа в истории их страны привело к необходимости подробно изучить общие принципы египетской историографии I тыс. до н.э. и их отражение в античных нарративах. В результате этого была впервые выявлена циклическая схема, лежащая в основе исторического труда Манефона Севеннитского, определены свойственные позднеегипетской историографии принципы контаминации сходных и сильно удаленных во времени исторических событий, а также рассмотрены «неакадемические» исторические и историко-пропагандистские схемы, восходящие к египетской традиции (схема истории Египта, отразившаяся в трудах Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского, фикция Александра Великого как «возрожденного Сесонхосиса», отразившаяся в «Романе об Александре»). При анализе данного материала существенно уточнены развитие образа великого египетского царя – завоевателя и устроителя в античной традиции и характер связи отразивших его нарративов со сведениями египетских информаторов древнегреческих авторов. Отражение ряда египетских реалий в античных нарративах (во фрагментах Дикеарха Мессенского, в речи Исократа «Бусирус», в I книге Диодора Сицилийского) выявлено и прокомментировано впервые. Принципиально новым для отечественной историографии и существенно новым – для историографии мировой является широкое совмещение в представленной работе методов как египтологического, так и антиковедческого исследования (в мировой науке такое совмещение реализовывалось, в частности, в упоминавшихся выше египтологических комментариях античных нарративов,

отразивших египетские реалии, однако при изучении отдельных исторических эпох оно практически не применялось).

Теоретическая и практическая значимость работы. Исследование египетских памятников начала македонского времени выявило основные черты самопрезентации македонских правителей перед их египетскими подданными и «обратной реакции» последних на установление македонской власти; данные выводы могут быть использованы при сравнительно-историческом исследовании конституирования македонской власти в других районах восточноэллинистической ойкумены. В ходе проведенного исследования сформулированы закономерности эволюции египетских представлений о сакральности царской власти в условиях ослабления государственности и иноземных владычеств в Египте I тыс. до н.э.; в рамках этих закономерностей в целом проявляется тенденция к прогрессирующему ослаблению сакральности, признаваемой лично за царями, и ко все большему ее признанию функцией связанных с царями богов. Установление этих закономерностей может иметь значение для сравнительно-исторических исследований идеологических процессов, происходивших в целом на территории Ближнего и Среднего Востока в I тыс. до н.э. При анализе античных нарративов, отражающих сюжеты и схемы позднеегипетской историографии, сделан ряд существенных наблюдений об особенностях искажения последних античными авторами, равно как и о закономерностях самих египетских представлений I тыс. до н.э. о прошлом; эти наработки могут использоваться опять же в сравнительно-историческом аспекте при изучении античной рецепции исторических традиций других восточных стран (например, Месопотамии). Представленный в диссертации фактический материал может быть использован при чтении общих и специальных лекционных курсов и проведении семинарских занятий для студентов разных специализаций по истории древнего Востока и истории древней Греции (эпоха эллинизма), по разным сюжетам, связанным со становлением исторической науки в древности и с эволюцией античной нарративной традиции, при написании учебников и учебных пособий по данным направлениям.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

(1) Развитие представлений о царской власти в Египте I тыс. до н.э. происходило в условиях ослабления его государственности, формирования иноэтничной (ливийской) военно-политической элиты, включая царские династии, а затем ряда этапов иноземного владычества. Во второй четверти I тыс. до н.э. существовало два принципа обоснования власти царей – династической легитимности (по родству с одним из ответвлений ливийского царского рода) и личной легитимности (восходящий к ранней древности III—II тыс. до н.э. – по рождению царя от божества и воплощению в нем сакральности). Ситуации борьбы с иноземными властителями и узурпаций породили представление о том, что царь в результате его действий, вызвавших

некую реакцию со стороны богов, может утратить сакральность. В начале первого персидского владычества (525—404 гг. до н.э.) возникло представление о «деривативной» сакральности Ахеменидов как легитимных царей Египта, целиком и полностью зависевшей от воли бога к воплощению в них. По-видимому, на этой основе в IV в. до н.э. возникло представление о легкости утраты царем сакральности и власти, при совершении им недостойных действий («Демотическая хроника»). Поэтому цари XXX династии прибегали к специальным манипуляциям, чтобы обеспечить перманентное присутствие в них божества (концепция скульптурных групп т.н. «соколов-Нектанебов»).

(2) Традиционное для мировоззрения египтян представление об уникальности долины Нила как места, пригодного для служения богам, и, соответственно, об универалистском характере власти египетского царя-ритуалиста в I тыс. до н.э. противоречило реальности, поскольку земли к востоку от Египта входили в состав гораздо более могущественной межрегиональной азиатской державы, воспроизводившейся в схожем территориальном объеме несколько раз на разных этапах (Новоассирийская, Нововавилонская и Ахеменидская державы). Судя по египетским источникам, в это время хороним *Stt/Stt* («Азия») стал политонимом, обозначающим такую державу; следовательно, в мировоззрении египтян этого времени было представление о стабильности такой державы, схожее с древнегреческой концепцией «царства Азии». Реакцией на эту политическую реальность стали представления о предпочтительном расположении богов к Египту даже в ситуациях похищения из его храмов чужеземными завоевателями культовой утвари (концепция «Стелы Бентреш»); мифологема давнего вторжения в Египет бога Сета, которая была метафорой чужеземных завоеваний и позволяла свести весь объем неискаженного властью Сета «нормального» мира только к территории Египта под властью его сакральных царей (остававшейся тем самым универалистской); представление о крайней опасности внешнего мира для Египта и его культов («Книга победы над Сетом», свидетельства античной традиции и Манефона о святотатствах гиксосов и персидских царей против священных животных).

(3) Как показывают египетские источники III—II тыс. до н.э., египтянам было свойственно представление о ходе истории как о прохождении их страной ряда циклов (отдельных царствований, династий, больших эпох, продолжительность которых простиралась до тысячелетия). Концепция больших циклов истории Египта наиболее полно отразилась в труде Манефона Севеннитского, созданном в первой половине III в. до н.э. Он разделен на три части («томоса»), каждая из которых охватывает большой исторический цикл (соответственно, I—XI, XII—XIX и XX—XXX династии). В циклах египетской истории «по Манефону» выделяются восходящая фаза, «точка надлома», после которой развитие страны идет по нисходящей, финальная катастрофа, преодолеваемая усилиями царя, который отчасти может быть и виновен

в ее наступлении (Аменофис в конце второго «томоса» Манефона, в событиях, соответствующих исторической смуте рубежа XIX—XX династий и борьбе с «народами моря»). Сын царя, преодолевающего финальную катастрофу исторического цикла, является основоположником государственности следующего цикла. Финал цикла третьего томоса Манефона соответствует второму персидскому владычеству; соответственно, рубеж третьего и современного Манефону четвертого исторических циклов приходится на начало македонского времени. Характерный прием позднеегипетской историографии - контаминация схожих исторических образов и событий, подробные сведения о которых оказались утрачены.

(4) Цари дома Аргеадов (Александр Великий, Филипп Арридей, Александр (IV), сын Александра Великого и Роксаны) были признаны легитимными сакральными правителями Египта, и для каждого из них были составлены хорошо нюансированные титулатуры. «Темой» титулатуры Александра Великого стали освобождение им Египта от власти персов и успешное наступление на них, Филиппа Арридея – видимо, устройство страны, Александра (IV) – по-видимому, фиктивный характер его статуса в Египта, в силу которого реальным сакральным правителем страны приходилось считать не столько его, сколько божество. Составление египетских имен этих правителей было результатом целенаправленных пропагандистских усилий, направленных на легитимацию и презентацию их власти в Египте.

(5) Легитимация македонской власти над Египтом включала храмовое строительство от имени царей-Аргеадов, переносившее на них качество ритуалистов, а также прямое совершение македонскими правителями (Александром Великим, сатрапом Птолемеем) действий, связанных с культом египетских богов, в том числе ритуалов. Храмовое строительство Аргеадов делится в целом на два этапа: на первом из них (царствования Александра Великого и Филиппа Арридея – 332—317 гг. до н.э.) оно концентрируется в таких важнейших центрах, как Фивы и Гермополь. В Фивах при этом продолжается программа восстановления процессионных путей между храмами, начатая еще царями XXX династии; однако ее продолжение нельзя считать чисто рутинным, поскольку и само начало этой программы, по-видимому, имело концептуальное значение – подчеркивание сакральных качеств царей. Очевидно, смысл данной концепции теперь переносился на царей дома Аргеадов, и строительство в Фивах при них было призвано выявить их сакральный статус. На втором этапе (формальное царствование Александра (IV) – 317—305/4 гг. до н.э.) храмовое строительство «децентрализуется» по ряду местных храмов, и в нем не прослеживается какой-то определенной концепции. То что соответствует незаинтересованности в подчеркивании сакральности Александра (IV) со стороны реального правителя Египта сатрапа Птолемея. Античные свидетельства об участии Александра Великого во время пребывания в Мемфисе в конце 332 г. до н.э. в ритуале священного быка Аписа позволяют не только констатировать, что он с готовностью принял на

себя качество легитимного сакрального царя, но и допустить, что речь идет о его коронации согласно египетской традиции.

(6) Особый статус сатрапа Египта Птолемея, сына Лага (с конца 310-х гг. до н.э. - неограниченного правителя страны, не имевшего царского титула) проявился с наибольшей яркостью в «Стеле сатрапа» 311 г. до н.э. и в автобиографической надписи т.н. «анонима из Баклии» (видимо, отражающей чуть более позднюю ситуацию). Согласно тексту «Стелы сатрапа», Птолемей совершает ряд действий (ведет войны, возвращает в Египет культовые предметы, ранее похищенные персами, основывает новую столицу страны), которые подобают полновластному царю. В данном тексте по отношению к нему употребляются эпитеты и фразеологизмы, обычно характеризовавшие сакральных царей, хотя и не указывающие на их сакральные качества прямо. Закрепление Птолемеем, согласно «Стеле сатрапа», угодья «Земля Уаджит» за храмами Буто представляет его зиждителем египетских культов: в сценах наверху «Стелы...» отрицается причастность формального царя Александра (IV) к этому действию, а Птолемей в награду за него получает важнейшее качество сакрального царя – способность внушать врагам страх на поле боя. Концепция текста «Стелы...» предполагает, что полный объем сакральной власти принадлежит на этом этапе не Александру (IV), а богу Хором. Надпись «анонима из Баклии», как представляется, показывает прямое участие Птолемея, бывшего еще правителем нецарского статуса, в функционировании и ритуалах храма XV нижнеегипетского нома. В целом статус Птолемея в конце 310-х – 300-е гг. до н.э. формируется при помощи констатации его полновластия в управлении страной и в ведении ее внешней политики, перенесения на него ряда топосов традиционных царских текстов, не имеющих прямых сакральных коннотаций, и «отщепления» в его пользу отдельных составляющих сакрального царского статуса. Такой статус Птолемея был промежуточным этапом на его пути к полноценной царской власти.

(7) Египетские частные памятники начала македонского времени, а также некоторые предметы храмовой утвари отражают консенсус египетской элиты в неприятии представителей дома Аргеадов как сакральных царей (перенесение царского статуса с них на богов; неупотребление по отношению к ним основного титула сакрального царя *nsw-bity*; изображение в ритуальных сценах вместо конкретного царя условной фигуры с незаполненными картушами; в гробнице Петосириса в Туна эль-Гебель - использование для обеспечения посмертного существования архаичной модели «мира-Двойника», фактически не требовавшей совершения ритуалов от имени царя). Не составляют исключения в этом отношении даже немногие памятники (автобиографические надписи из гробницы Уннефера в Саккара и на статуэтке сына царя Нектанеба II), которые, возможно, отражают контакты знатных египтян с Александром Великим (притом оцененные в принципе положительно). Негативное отношение к македонской

власти проявилось в античной традиции о наместнике Александра Великого Клеомена из Навкратиса, отражающей специфически египетские топосы негативной характеристики правителя. Прием отказа правителю в статусе сакрального царя и перенесения этого статуса на божество, а также, видимо, негативная традиция о Клеомене были взяты на вооружение пропагандой сатрапа Птолемея. При этом мнение ряда исследователей, что храмовое строительство в Египте времени Аргеадов велось едва ли не исключительно в рамках частной инициативы, что опять же свидетельствовало бы против их признания сакральными царями, не подтверждается.

(8) На протяжении кануна и начала македонского времени отношение в Египте к межрегиональной азиатской державе менялось в зависимости от политической ситуации, отражающейся в актуальной пропаганде. Отношение к Ахеменидам в течение второго персидского владычества и в первые годы македонской власти было, видимо, негативным: последние Ахемениды не заботились об оформлении своей власти над Египтом согласно его традиции, а свидетельства о конфискации в это время священных предметов из египетских храмов, о депортации египтян и об ущемлении материальных интересов храмов вполне достоверны. Позднее (стела Вучеум 2 Года 4 Александра Великого) это отношение меняется вплоть до признания Дария III легитимным сакральным царем Египта – видимо, в связи с провозглашением самого Александра преемником Дария. Согласно «Стеле сатрапа», держава Аргеадов (*Stt*) находится вне власти Египта и в определенной мере преемственна от Ахеменидской державы; войны сатрапа Птолемея представлены как чисто оборонительные; а образ Артаксеркса III в описании истории «Земли Уаджит» в середине 330-х гг. до н.э. негативизируется вплоть до перенесения на него ряда коннотаций образа Сета. По-видимому, в это же время формируется красочная и исключительно негативная картина кощунств Артаксеркса III в Египте во время второго персидского владычества, в которой также обнаруживаются коннотации, связанные с образом Сета. Очевидно, неудачи Птолемея в конце 310-х и в начале 300-х гг. до н.э. в борьбе с его противниками Антигоном и Деметрием привели к необходимости подчеркивать опасность для Египта внешнего мира, ввиду чего даже внешняя экспансия была нежелательна; при этом пропаганда мобилизовала схожие мотивы более ранней «Книги победы над Сетом». Наконец, известен памятник из святилища в Каср эль-Мегисба в оазисе Бахария с посвящением якобы от Александра Великого «отцу Аммону» и с полносоставной титулатурой Александра, отличающейся от титулатур на памятниках его времени и содержащей мотивы его миродержавия и определенной преемственности от Ахеменидов. По-видимому, это фальшивка начала III в. до н.э., которая была призвана подкрепить официальную «мифологию» этого времени, связанную с посещением Александром

оазиса Сива, и при этом согласовывалась с мотивами великодержавия в пропаганде Птолемеев на данном этапе.

(9) Анализ «Демотической хроники», ряда свидетельств пропагандистских усилий начала птолемеевского времени, демотического «Пророчества ягненка», а также сообщений о появлении в Египте в конце 310-х гг. феникса показывает, что рубежными фигурами, обозначившими границу между двумя большими циклами истории Египта, в пропаганде начала птолемеевского времени и, возможно, ранее считались Александр Великий (царь, прекративший бедствия завершившегося исторического цикла) и Птолемей (правитель-устроитель нового исторического цикла). В некоторых случаях связь между ними могла уподобляться филиации. В неофициальной пропаганде, адресованной массовым слоям египетского общества, был сформирован сюжет рождения Александра Великого от Нектанеба II, отразившийся в итоге в позднеантичном «Романе об Александре»: фактически он воспроизводил конструкт «царь-отец и царь-сын», оформлявший рубежи между большими историческими циклами в труде Манефона и, очевидно, в целом в позднеегипетской историографии.

(10) Мотив именованя Александра Великого в «Романе об Александре» «возрожденным Сесонхосисом, миродержавцем», по-видимому, является репликой сложной историко-пропагандистской фикции, возникшей на основе также сугубо пропагандистской схемы египетской истории. Согласно этой схеме, на рубеже мифологического и исторического времени в Египте правил царь, устроивший его общество, завоевавший множество чужеземных стран и, видимо, создавший в результате этого первый вариант крупной межрегиональной державы. Затем владычество Египта над ней было утрачено, но в исторической перспективе оно могло быть возвращено новым царем, который повторит деяния великого царя древности. Эта фикция, явно призванная объяснить, каким образом миродержавие перешло в I тыс. до н.э. к более могущественной, чем Египет, межрегиональной азиатской державе, типологически схожа с «академической» циклической концепцией исторического процесса, реализованной в труде Манефона. Подключение к этой фикции образа Александра состояло в перенесении на него качества царя, который восстановит египетское миродержавие. Точное время этой манипуляции установить трудно, однако она не заметна в памятниках начала македонского времени; с другой стороны, данная фикция совпадает по своему смыслу с концепцией памятника из Бахарии и может также быть порождением птолемеевской пропаганды начала III в. до н.э.

(11) В восприятии египетским мировоззрением начала македонского времени выделяются три аспекта. Первый – это официальная пропаганда, ведшаяся по инициативе македонских властей их сотрудиниками-египтянами и направленная на всестороннее формирование

представлений о сакральном статусе царей-Аргеадов, о специфическом властном статусе сатрапа Птолемея, о характере взаимоотношений Египта под властью македонских правителей с окружающим миром, о рубежном значении начала македонского времени в истории Египта. Второй – это собственно реакция на наступление македонского времени представителей египетской элиты, проявившаяся в их частных памятниках; некоторые ее проявления были «мобилизованы» пропагандой сатрапа Птолемея на этапе фактического обретения им независимости от державы Аргеадов. Третий – это «диахронная» пропаганда Птолемеев в первые десятилетия III в. до н.э., очевидно, пытавшихся показать египтянам, что их собственное стремление к великодержавию опирается на традицию миродержавия, поддержанную Александром Великим и восходящую к еще более древней специфически египетской первооснове. Все эти три аспекта реализовывались в рамках принципиально единого «поля», сформированного базовыми константами египетского мировоззрения (представлениями о царской власти, о месте Египта в мире и о ходе истории), что обуславливало возможность взаимодействия между ними.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены автором в 68 публикациях, в т.ч. в 1 монографии (18,8 п.л.); в 2 главах в коллективной монографии (4,7 п.л.); в 24 публикациях в научных журналах, индексируемых в системах цитирования Web of Science, Scopus, Russian Science Citation Index (RSCI), а также в изданиях, включенных в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук МГУ (31,25 п.л.); в 41 прочих публикациях (53 п.л.), в том числе в 2 публикациях в изданиях, входящих в утвержденный ВАК РФ перечень рецензируемых научных изданий (2,4 п.л.), 1 публикации, индексируемой в системе цитирования ERIH PLUS – European Reference Index for the Humanities (1,15 п.л.), в 7 публикациях в тематических сборниках научных работ, изданных ведущими международными научными издательствами (Brill, O. Harrassowitz, Oxford University Press, Peeters, F. Steiner; 9 п.л.). Общий объем публикаций по теме диссертации составляет 107,75 п.л. Основные положения диссертации были также представлены в научных докладах автора на российских и международных научных конференциях, в т.ч. на 37-м Международном конгрессе востоковедов (ICANAS-37; г. Москва, 2004 г.), на XIV, XV, XVI, XVIII, XX Сергеевских чтениях на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (2005, 2007, 2009, 2013, 2017 гг.), на Ломоносовских чтениях (2006, 2009, 2012 гг.), на 1—8-х и 10—15-х Петербургских египтологических чтениях (2003—2010, 2012—2017 гг.), на 1—3-х чтениях памяти И.М. Дьяконова (Санкт-Петербург, 2005—2006 гг.; Москва, 2008 г.), на 8-х, 14-х и 16-х Жебелевских чтениях (Исторический факультет/Институт истории СПбГУ; 2006, 2014, 2016

гг.), на «круглых столах» «Язык(и) древнеегипетской культуры: проблемы переводимости» (Университет Дмитрия Пожарского, г. Москва) в 2011 и 2013—2016 гг., на научных конференциях памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского (Институт востоковедения РАН, г. Москва) в 2007, 2009, 2011 гг., на Международном научном форуме, посвященном памяти проф. А.С. Шофмана (Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань) в 2013 г., на международных научных конференциях «Актуальные вопросы истории древнего мира» (Киевский национальный университет имени Т.Г. Шевченко; 2007, 2009, 2011; 2013 гг.), на международной научной конференции “Foreign Relations and Diplomacy in the Ancient World: Egypt, Greece, Near East” (Эгейский университет, Родос, Греция, 2004 г.), на 11-м и 12-м международных коллоквиумах по исторической географии древности (Штутгарт, 2011 г.; Берлин, 2014 г.), на международной научной конференции “Graeco-Aegyptiaca/Aegypto-Graeca: Interactions Between Greece and Egypt, 700 BCE – 300 CE” (Университет Рединга, Великобритания, 2007 г.), на четырех международных научных конференциях по проблемам политической истории, межкультурного взаимодействия и источниковедения времени Александра Великого, организованных во Вроцлавском университете (Польша; 2011, 2013—2015 гг.), в публичной лекции в Оксфордском университете (2014 г.), а также в других научных выступлениях. Исследовательская работа по тематике диссертации была поддержана стипендиями для стажировок Германской службы академического обмена (DAAD; 2002 г. – Трирский университет; 2012 г. – Университет Эбергарда Карла, г. Тюбинген) и стипендией Университета Мартина Лютера (г. Халле, Германия, 2010 г.), а также грантами РГНФ (05-01-01225, «Институты монархии в эллинском мире (V—I вв. до н.э.): эволюция, региональные особенности, атрибутика» - 2005—2007 гг., 15-01-00431, «Эпоха эллинизма и ее правители в зеркале традиционных мировоззрений народов Ближнего Востока (на примере Египта и Месопотамии)» - 2015—2016 гг.).

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ИДЕОЛОГИИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ

1.1 Концепции сакральности царской власти в Египте Позднего времени

1.1.1 Эволюция египетской идеологии царской власти с древнейших времен до первого персидского владычества

Вопрос о том, какой трансформации традиционные представления о царской власти, сложившиеся в Египте ранней древности III—II тыс. до н.э., подверглись на этапе Позднего времени (XI—IV вв. до н.э.), когда на них, как и в целом на развитие общества древнего Египта, стал оказывать влияние целый ряд новых факторов, чрезвычайно важен для формирования общей картины эволюции и мировоззрения древнего Египта. Следует сказать, что тщательно продуманного и «прописанного» комплексного ответа на этот вопрос в египтологической историографии обнаружить не удастся. Одним из первых свои замечания по этому поводу высказал Э. Отто в работе, посвященной автобиографическим надписям Позднего времени. По его мнению, с одной стороны, для египтян I тыс. до н.э. сохранял большое значение традиционный идеал царской власти, с признанием сакрального статуса и божественности царя и восприятием царской похвалы как основы положительной самооценки; с другой стороны, реальность Позднего времени вступала в противоречие с этим идеалом, поскольку достаточно часто власть в стране принадлежала иноземцам (и в таком случае традиционную лояльность к царю приходилось переносить на них, без употребления применительно к ним традиционной фразеологии, связанной с легитимными царями, или же апеллировать к имперсональному и условному образу «царя вообще»), а египетские цари обнаруживали слабость, побуждавшую констатировать их зависимость от богов [Otto, 1954, S. 102—118]. С 1980-х гг. начинается серьезный интерес к специфике начального, ливийского, этапа Позднего времени; и в этой связи стоит отметить обобщающие суждения одного из крупнейших его исследователей К. Янсен-Винкельна. Он предложил не переоценивать степень египтизации ливийской элиты и рассматривать уже этот этап как начало чужеземного владычества в Египте, а также принять во внимание, что Фивы, ставшие в I тыс. до н.э. одним из главных центров воспроизводства египетской культурной традиции, были в целом лишены самостоятельной политической роли [Jansen-Winkel 2000; см. также работу этого же автора о фиванском «теократическом» государстве: Jansen-Winkel 2001 (2)]. Кроме того, стоит обратить внимание на построенные на

подробном учете терминологии частных и официальных царских памятников работы У. Рёсслер-Кёлер [Rössler-Köhler, 1991] и А.-И. Блёбаум [Blöbaum, 2006, S. 193], в которых были сделаны подробно обоснованные выводы, соответственно, о тенденции Позднего времени к поиску «заместителей» царя в его качестве ритуалиста и об однородности тенденций в царской пропаганде от нубийского времени до эпохи первых Аргеадов (см. подробнее введение, раздел «Степень изученности проблемы»). Вместе с тем попыток построить сводную схему позднеегипетской идеологии, которая интегрировала бы эти наблюдения и выводы, до сих пор не предпринималось.

Возможно, отчасти это связано с тем, что построение подобной схемы применительно к египетскому Позднему времени осуществимо лишь при условии определенного консенсуса по поводу специфики власти и сакральности древнеегипетского царя на предшествующем этапе ранней древности; а его в современной египтологии, взятой в целом, по сути дела, нет¹. Счастливее в этом отношении ситуация как раз в русскоязычной школе египтологии: в результате фундаментальной работы ученых преимущественно из Санкт-Петербурга были сформулированы интерпретации ряда базовых категорий древнеегипетского мировоззрения, которые в конечном счете сложились в его достаточно полную и непротиворечивую картину. Особенные усилия к пониманию сути древнеегипетской царской идеологии III—II тыс. до н.э. приложил О.Д. Берлев; важные дополнения к его выводам по ряду сюжетов, которых Берлев не касался специально, предложил А.О. Большаков. Если соотнести построения этих исследователей с логикой генезиса и развития государства и общества Египта (что в их собственных работах часто делается лишь имплицитно), то применительно к его ранней древности получится приблизительно следующая картина. По-видимому, в представлениях египтян с самых ранних времен присутствовала идея о необходимости ритуального взаимодействия с солнцем для обеспечения стабильности миропорядка и выживания людей. Еще до объединения Египта, в IV тыс. до н.э., в ряде политий долины Нила сложился институт царей-ритуалистов, которые считались связанными с миром богов личными узами. В Абидосе, возглавившем процесс объединения, правил род, члены которого считались временным проявлением в земном мире Хора – бога солнца и неба в обличье сокола – и в знак этого принимали особое имя [Большаков, 2000, с. 72—75]. Небывало раннее и скорое объединение всей долины Нила (к концу IV тыс. до н.э.) и не только политическое, но и социально-

---

¹ См. нашу оценку египтологической литературы по данной проблематике: [Ладынин, 2008 (1), с. 220—231]. Во введении (раздел «Методологическая основа исследования») мы отметили, что основной предпосылкой обожествления царя в Египте и формирования всего комплекса связанных с этим представлений, являлась его ритуальная функция. Признание принципиальной значимости этого момента является не консенсусом исследователей, а скорее разумной личной позицией ряда из них [Frankfort, 1948; Derchain, 1962].

экономическое подчинение всех ее жителей государству привели к монополизации абидосским родом ритуальной власти в Египте и, естественно, к качественному росту сакральности ее носителей. Акцент на божественности личности царя был характерен для времени Джосера и, вероятно, всей III династии; однако при следующей, IV-й, династии сложилась идеологема рождения царя от брака его матери и бога солнца Ра. Одновременно в царскую титулатуру вошло особое имя, включающее в себя имя бога Ра (т.н. «тронное», или «солнечное», имя): по мнению Берлева, данное имя утверждало природное тождество царя и бога солнца, то, что он считался как бы частицей солнца в земном мире [Берлев, 1978, с. 278; 2003; Berlev, 1981, р. 362—363; Berlev, Hodge, 1982, р. 37]; но более вероятно, что оно обозначало проявление в царе какого-то особого божества, несомненно, связанного с Ра, но все же ему не тождественного². Ту же идею выражал и картуш – графическое изображение пути, который солнечный диск совершает на небе, – с рубежа III и IV династий обрамлявший написания царских имен («солнечных» и личных) [(Берлев,)Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 87—88, 97; Большаков, 2001, с. 99—103; Демидчик, 2005, с. 20, прим. 2]. Прочность египетского государства III тыс. до н.э. и небывалое для медно-каменного века благополучие его жителей привели их к уверенности, что Египет – особая земля, созданная для служения богам [Берлев, 1999 (2)], и что его цари способны не просто совершать ритуал (являясь теоретически его исполнителями во всех храмах [Derchain, 1962, р. 62—63; Большаков, 2001, с. 246; Демидчик, 2005, с. 16, прим. 3; 18]), но и сонаправлять при помощи него благоприятным образом силы мира, персонифицированные в богах [Демидчик 2005, с. 14—27], поддерживая в Египте и в мире в целом благу норму миропорядка (*маат* – др.-егип. «правда, праведность»; см. подробнее о категориях *маат* и *исефет* в связи с египетскими представлениям о циклах в развитии мира и общества § 1.3.1) [Ассман, 1999, с. 19 сл.; ср.: Ладынин, 2002 (1), с. 87—91]. Именно с этим представлением о египетских царях связано употребление по отношению к ним обозначения *nb m3't* («владыка маат»), утвердившееся с царствования Снофру, ранее, чем его же употребление по отношению к богам [Helck, 1980 (1), Sp. 1111; Демидчик, 2005, с. 22—23, 26; ср. (Берлев,)Шэхаб эль-Дин, 1993, с. 99]. Кроме того, именно со способностью царей поддерживать миропорядок посредством ритуала было связано и представление о них как собственно о богах, в т.ч. употребление по отношению к ним со времени IV династии эпитета *ntr nfr* – «бог прекрасный» (т.е., эвфемистически, младший по отношению к стоящему над ним и породившему его *ntr ʕ3* – «богу великому», верховному солнечному богу) [Берлев, 1978, с. 278; Berlev, 1981, р. 362—363; Berlev, Hodge, 1982, р. 37; Берлев, 2003]. Обладавший такой

² «Рэ живой» — это некое солнечное существо, в чём-то и как-то отличное от видимого солнца (выделено нами. — И.Л.) и вместе с тем явленное, действующее — “живущее” в мире в лице своего подобия — фараона» [Перепелкин 1979, с. 268].

способностью и в норме уникальный на весь земной мир властитель, а также схожий с ним в этом отношении верховный солнечный бог именовался появившимся еще при I династии титулом *nsw-bity* (Wb. III. 325—329; в традиционном переводе, которого придерживаемся и мы, – «царь Верхнего и Нижнего Египта»; в сокращенном варианте – *nsw*, «царь», id. 330—332) [Beckerath, 1999, S. 15—16; Blöbaum, 2006, S. 62—63; cf. Goedicke, 1960, S. 7—37].

Оптимистическая оценка способности царя направлять силы богов (в известном смысле, манипулировать ими) сохранялась, очевидно, до последней четверти III тыс. до н.э., т.е. до падения египетского государства Древнего царства в результате некоего кризиса. По мнению О.Д. Берлева, с начала своей истории и вплоть до этого момента Египет непрерывно находился под властью одной и той же «метадинастии» («0-я»—VIII династии), происходившей от древнейших правителей Абидоса: пока она правила, сакральность принадлежавших к ней царей не требовала особых доказательств, но они остро понадобились пришедшей ей на смену в начале XXII в. до н.э. и не связанной с ней родством IX династии из Гераклеополя [(Берлев,) Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 110]. Все же само существование «метадинастии» не было О.Д. Берлевым по-настоящему обосновано, и более важной кажется другая его идея, поддержанная его последователем А.Е. Демидчиком. Уже конец Древнего царства и особенно последующий I Переходный период (XXII—XXI вв. до н.э.) – это время тяжелых бедствий, вызванных сначала каким-то неясным фактором, а затем, несомненно, изменением климата, приведшим к снижению нильских разливов. В подобной ситуации напрашивалось предположение о разладе в ритуальном взаимодействии с богами и об ущербности правивших тогда царей в смысле их способности совершать ритуал. Их современники, даже вполне к ним лояльные, как будто «стесняются» фиксировать в своих памятниках имена царей, отражающие их связь с солнечным богом; да и сами цари в ряде случаев их не принимают [(Берлев,) Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 90; Демидчик 2005, с. 46—47, прим. 3]. Снижение сакральности царей в это время признается и ими самими: ближе к исходу I Переходного периода автор «Поучения Мерикара», гераклеопольский царь Хети III, говорит о том, что царям (и его сыну, и, очевидно, ему самому) предстоит после смерти отвечать за свои дела перед судьями загробного мира, подобно простым людям (pEgm. 1116A. 52—57), т.е. высказывает допущение, совершенно немыслимое в эпоху Древнего царства!

Окончательное объединение Египта после I Переходного периода под властью XII династии (первая половина XX – начало XVIII вв. до н.э.) было отмечено явным стремлением ее основателей, Аменемхета I и Сенусерта I, вернуться к идеологии Древнего царства, одновременно поставив под свой контроль новации духовной жизни, накопившиеся за I

Переходный период (например, широкую популярность культа Осириса³). Стремление в максимальной мере закрепить за царем способность совершать ритуал привело к тому, что со времени Сенусерта I в систематическое употребление вошел отражающий ее эпитет царя «владыка совершения вещей» (*nb irt ht*; см. [Blümenthal, 1970, S. 133—134]). Впервые этот эпитет фиксируется в памятнике Года 34 Сенусерта I: очевидно, его принятие произошло после того, как в конце его царствования вновь стал изобильно разливаться Нил, и современники царя смогли убедиться, что «время болезни» I Переходного периода действительно осталось в прошлом [Демидчик, 2005, с. 23, прим. 2; 47—49], а также главу 3, § 3.1.2, главу 6, § 6.2.3). Вместе с тем в характеристиках деятельности царей этого времени «манипулирование» богами уступает место их почитанию: если в III тыс. до н.э. самые масштабные строительные программы осуществлялись в царских некрополях [Arnold, 1997 (1), p. 40—74; Демидчик, 2005, с. 86—87], то теперь они перемещаются в храмы богов, и это подчеркивается в официальных царских текстах (в частности, в т.н. «Берлинском кожаном свитке»: Led.). Изгнание гиксосов и становление Нового царства сопровождалось новым и, по сути, уже некомпенсируемым снижением царской сакральности. Именно тогда прекращается (вернее, не начинается вновь, в отличие от начала правления XII династии) строительство пирамид⁴, и царские погребения становятся в принципе схожи с гробницами частных лиц; а в их оформлении реализуются совершенно новые религиозные мотивы (прежде всего мотив ночного плаванья солнца, связанный, характерным образом, собственно с воскресением царя весьма опосредованно⁵, – в отличие от прямо «работавших» на это Текстов пирамид III тыс. до н.э. [Кеес, 2005, с. 107—153]). Снижение сакральности царей ощущается и в использовании ими ряда средств для ее «подпитки», весьма многообразных уже при XVIII династии. Это и подробное развертывание в памятниках сюжета рождения царя от божества (соответствующие сцены Хатшепсут в Дейр эль-Бахри и Аменхотепа III в Луксоре: Urk. IV. 216—234, 1713—1722) [Brunner, 1964]; и использование «чудес» (*biauit*), т.е. прямого вмешательства богов, для санкции определенных дел царей и в целом их власти (например, оракул Амона, следуя которому Хатшепсут снарядила экспедицию в Пунт, представленную как главное дело ее царствования: id. 342—348) [Ассман, 1999, с. 289]; и создание новых ритуалов, укрепляющих сакральность царя в его связи с богом (праздник Опет со времени Хатшепсут [Миронова, 2011]); и учреждение (по крайней

³ См. о наделении Осириса в начале XII династии царским титулом: [Берлев, 2003], а также главу 6, § 6.2.3.

⁴ Пирамиды фиванских царей XVII династии – кануна Нового царства (конец XVII – начало XVI вв. до н.э.) на западном берегу Нила в районе Фив известны по упоминанию в pAbbott (XX династия) [Peet, 1977, p. 38—39, pl. I—II] и отчасти археологически (пирамида Нубхеперра Иниотефа VII [Die Pyramidenanlage..., 2003]; за библиографическую справку по данному вопросу мы благодарны А.А. Ильину-Томичу).

⁵ См., например, общие характеристики содержащих эти мотивы комплексов текстов и изображений: [Большаков, 2003, с. 17—19; Лаврентьева, 2008, с. 186—273].

мере со времени Аменхотепа III) особого культа сакральных качеств царя, представленных в его статуях [Nabashi 1969, p. 48; Bickel, 2002]. По-видимому, прав А.О. Большаков, считающий важной предпосылкой этой тенденции то, что цари этого времени в условиях борьбы с гиксосами и, позднее, выхода Египта в Восточное Средиземноморье и противостояния с великими азиатскими державами стали военачальниками. Военные тексты Нового царства, воспевая способность царей принимать в ходе войны смелые решения и проявлять доблесть в бою, тем самым исходят из презумпции, что и то и другое сопряжено для них с определенными усилиями, а стало быть, на войне им есть чего бояться. Осознаваемая таким образом уязвимость царей естественно ассоциировалась с человеческой составляющей их природы и приближала их к обычным людям [Большаков, Суцевский, 1991, с. 14—15]. Характерно, что с эпохи XVIII династии именно способность царя одерживать победу оказывается наиболее актуальным критерием того, что божество приходит ему на помощь, «отзываясь» на совершаемый его именем ритуал. Однако было бы неверно сводить предпосылки снижения сакральности царей начала Нового царства только к «военному фактору»: по существу, эта тенденция лежит в одном русле с нарастанием убежденности египтян в их зависимости от богов и исчезновении уверенности в возможности «манипулирования» ими, что прослеживается на всем протяжении конца III – первой половины II тыс. до н.э. (см. ряд наблюдений и выводов в: [Большаков, 2001, с. 225—237; 2003]).

В связи с этим нельзя не сказать несколько слов о таком явлении древнеегипетской религии и идеологии Нового царства, как амарнская реформа. По мнению А.О. Большакова, утверждая почитание божества солнечного диска, Эхнатон (1365—1349 гг. до н.э.) стремился «ввести» его непосредственно в царскую семью, превратить ритуал служения ему и поддержания миропорядка в «семейное дело» и, тем самым, опять же «подпитать» сакральность самого себя и распространить ее на своих близких [Большаков, 1998; 2009, с. 25—28]. Ряд нюансов этой позиции зависит от теории долгого (12-летнего) соправления Аменхотепа III и Эхнатона [Большаков, 2009, с. 33], почти наверняка неверной (см.: [Ладынин, 2008 (2), с. 128—129, 140—141]); но дело даже не в этом. Пожалуй, более существенный компонент вероучения Эхнатона, определяющий его сходство с религиями «осевого времени» в большей мере, чем пресловутое (и, по самой формулировке имени его божества до его Года 12, небесспорное) единобожие, – это отношение откровения, связывавшее Эхнатона и божество солнечного диска. Между тем ситуация откровения заведомо предполагает, что в ней его источник и адресат принципиально неравны, разнесены на качественно разные ступени мироздания. Настойчивое утверждение взысканности царя откровением божества в данной ситуации было призвано повышать его статус; однако одновременно оно контрастировало с ситуацией III тыс. до н.э., когда царь в откровении не нуждался, поскольку был персонально

наделен средствами к постижению законов мироздания в той же мере, что и бог. Новое утверждение царской сакральности применительно к Эхнатону было, таким образом, почти равнозначно констатации того, что описывающие ее старые топосы перестали быть действенными. В то же время по памятникам мы знаем, что почитание старых богов не прекращалось на протяжении всего царствования Эхнатона [Перепелкин, 1984, с. 38—119]: когда на своем Году 12 царь перестал его поддерживать, эту функцию приняли на себя частные лица⁶ – и при этом, за исключением неудач во внешней политике, которые должны были восприниматься как удар прежде всего по интересам царя, миропорядок не нарушился. Из этого египтяне должны были извлечь поистине фундаментальный вывод: поддержание миропорядка при помощи ритуала или, во всяком случае, взаимодействия с богами в принципе возможно и без посредничества царской власти!

Изменения и переакцентировки в древнеегипетских представлениях о царской сакральности на протяжении ранней древности III—II тыс. до н.э. не привели к отторжению или модификации следующего принципиально важного их компонента: представления о том, что способность совершать ритуал наследуется правителем не от его земного отца, а именно от солнечного бога. Соответственно, в определенных обстоятельствах новый царь-ритуалист может быть порожден солнечным богом и вне царской семьи, и таким образом на престол может взойти новая династия [Berlev 1981, p. 364—365]⁷. Таким образом, согласно египетским представлениям, царская легитимность оказывается индивидуальной для каждого нового царя, строго говоря, даже в рамках одной династии: взойдя на престол, он, независимо от степени родства со своим предшественником, заново выявляет применительно к себе лично качества, демонстрирующие его способность совершать ритуал. Только имеющий эти качества правитель (в нормальной ситуации – единственный на весь земной мир [Berlev, 1981, p. 364]) будет именоваться уникальными титулами *nsw-bity* и *nsw* (см. выше); а присутствие в нем связанной с этой способностью сакральности позволит именовать его термином *ḥm*, обозначающего проявления в земном мире божества (Wb. III.91—92; условный перевод, в связи с египетской

⁶ См., например, о граффито из гробницы TT 139: [Ассман, 1999, с. 330—331].

⁷ Согласно художественной литературе древнего Египта (сказкам папируса Весткар) первой ситуацией подобного междинастийного перехода была передача власти от IV к V династии (к «детям Редждедет»). Однако исследования, связанные с царицей Хенткауc – родоначальницей V династии – выявляют ее семейную связь с IV-й; и, если тезис О.Д. Берлева о «метадинастии» (см. выше) справедлив, то проблема легитимации совершенно нового царского дома за всю историю Раннего и Древнего царств не встала ни разу [Демидчик, 2005, с. 182]. Это не значит, что данная проблема не вставала при передаче власти от одной ветви «метадинастии» к другой (см. о таком переходе как раз на рубеже IV и V династий, в котором выдающуюся роль должна была сыграть царица Хенткауc и который в дальнейшем отразился в сказках папируса Весткар [Verner, 1993]). Однако судить об этом уверенно было бы позволительно лишь на основе знакомства как с просопографией всех случаев междинастийных переходов на протяжении данного периода, так, кстати, и с аргументацией по поводу самого существования «метадинастии» (которая, к сожалению, отсутствует *in extenso* в указанной нами диссертации арабской аспирантки О.Д. Берлева, фактически отражающей его идеи).

традицией употребление этого термина как обращения к царю и его обозначения при описании его действий, – «Величество») [Берлев, 1972, с. 33—41; cf. Blöbaum, 2006, S. 70—71.]⁸. Разумеется, несмотря на идеологему «личной легитимности» египетских царей ранней древности, на практике царская власть, как в любой другой древней монархии, обыкновенно передавалась внутри одного царского рода от поколения к поколению, от отца к сыну или к иному младшему родственнику. Однако базовый идеологический принцип «личной легитимности» царя, определяемой его рождением от божества и верифицируемой успехом его дела, оставался, как нам представляется, неколебимым вплоть до исхода Нового царства.

Именно этот принцип, парадоксальным, при значении для египтян сакральной царственности, образом породил одновременно и легкость ее обретения и почти что невозможность ее утраты. Заявить о своем статусе царя Верхнего и Нижнего Египта мог практически любой правитель, если он сумел достичь власти над страной и если приобретение этого статуса его в принципе интересовало⁹; оспорить это значило принять на себя бремя

⁸ Ряд исследователей, обращавшихся к интерпретации термина *hm*, замечали, что он не употребляется по отношению к умершим правителям [Blumenthal 1970, S. 23; Windus-Staginsky 2001, S. 466]. А.-И. Блэбаум принимает эту точку зрения, замечая, что основой для подобного словоупотребления является «реальность текста, независимая от времени его составления» и указывает на стелу Года б Тахарки, в которой применительно к ряду ситуаций он именуется *hm* своего предшественника Шебитко, уже умершего на момент создания стелы, но не себя (FHN I. 145—158) [Blöbaum, 2006, S. 71, Anm. 371; Laming Macadam, 1949, p. 22—32, pls. 9 ff.]. Обращение к данному тексту показывает, что данные ситуации имели место в прошлом, когда Шебитко был царем и, соответственно, носителем сакральности, а в Тахарке эти качества еще не выявились. Заметим, что в литературных произведениях термин *hm* употребляется по отношению к царям прошлого (например, в сказках папируса Весткар – как в прямой речи их героев, так и в авторском тексте), а также по отношению к богам в пору их пребывания в земном мире («Тяжба Хора и Сета», терминологию которой в этой связи учитывал О.Д. Берлев: [Берлев, 1972, с. 35]). Думается, немецких исследователей подвело отсутствие в их распоряжении выводов по данному вопросу О.Д. Берлева, согласно которым данный термин употребляется по отношению к материальной сущности, воплощающей в себе божественное начало в земном мире (в том числе по отношению к уже умершему царю, в ситуациях, в которых речь идет времени его жизни и, соответственно, воплощения в его особе, пребывающей в земном мире, сакрального начала).

⁹ Из чужеземных завоевателей древнего Египта, на протяжении всей его истории, «не интересовало» это только ассирийских царей (ни для одного из них не были составлены титулатуры, а формальный легитимный царский статус сохранялся за их вассалами – мелкими правителями Египта этого времени), Ахеменидов начиная с Ксеркса I и римских императоров. О Ксерксе I (486—465 гг. до н.э.) и Артаксерксе I (465—425 гг. до н.э.) можно сказать, что они практически не располагали египетскими царскими титулатурами. В некоторых египетских памятниках, среди которых нет храмовых сцен, фиксирующих совершение этими правителями ритуала, мы видим лишь иероглифическую фиксацию их личных имен [Beckerath, 1999, S. 220—221; Blöbaum, 2006, S. 346, 397]; а имена Дария II (425/4—405/4 гг. до н.э.) и Артаксеркса II (с 405/4 г. до н.э.) иероглифически вовсе не засвидетельствованы (мы не говорим о демотических документах с датировками годами правления этих царей, использование которых было связано с чисто практической, независимой от идеологии потребностью в летосчислении для делопроизводства; см. главу 4, § 4.1.1). Что касается римских императоров, то, чтобы избежать отсутствия в иерархии мироздания земного сакрального правителя и, соответственно, прерывания храмового ритуала, для них египетские царские титулатуры составлялись [Grenier, 1989]; однако в них можно обнаружить определенный подтекст, свидетельствующий о неполноценности их легитимности в

доказательства того, что данный правитель не является сыном солнца и его притязания – фикция с самого начала. На протяжении III—II тыс. до н.э. мы не найдем (может быть, просто не знаем) примера того, чтобы такое бремя в отношении какого-либо царя взял бы на себя кто-то «внутри» возглавляемого им государства уже при его жизни. Даже цари Гераклеополя в I Переходный период скорее обходят молчанием царский статус своих фиванских конкурентов [Демидчик, 2005, с. 38; ср. с. 60—62], хотя при принципиальной постановке вопроса они должны были бы его рьяно отвергать. В эпоху Нового царства, судя по царским спискам и иным данным начала XIX династии, подверглась отрицанию легитимность гиксосских царей Египта, царей амарнского времени и, в некоторых случаях, египетских царей I и II Переходных периодов – но это делалось *post factum*, спустя десятилетия, а то и века после царствований, вычеркивавшихся при этом из легитимной последовательности¹⁰. Что касается царей, при которых Египет постигали бедствия, связанные с неприятием богами совершаемых ими ритуалов, то лишь дважды на протяжении египетской истории это относилось за счет конкретных действий царей, которые, с точки зрения их современников, очевидно должны были повлечь такую реакцию богов. Так, хаос, описанный в «Речении Ипувера», прямо связывался с тем, что легитимный царь – современник Ипувера, будучи наделен способностью творить *маат*, пренебрегал этим (pLeid. I.344 *recto* 12.12, 13.2; см. также § 1.1.2); а в «Реставрационной стеле» Тутанхамона тяжелое состояние Египта при Эхнатоне объяснялось забвением культов традиционных богов и, соответственно, прекращением их помощи (Urk. IV. 2027.13—14). В обоих случаях сакральный статус и легитимность данных царей, видимо, не оспаривается: применительно к современнику Ипувера это несомненно, так как за ним признается способность творить *маат*; что касается Эхнатона, то, во всяком случае, в «Реставрационной стеле» он не упоминается напрямую вовсе, ни в положительном, ни в отрицательном (как виновник постигших Египет бедствий) смысле. В таком случае остается

глазах египтян (см., на примере титулатуры Августа: [Ладынин, 2011 (2), с. 325—327], а также главу 2, § 2.2.3).

¹⁰ Туринский канон, при своей максимальной среди собственно египетских царских списков подробности, не упоминает только царей «0»-й династии и последних гиксосских правителей, не вошедших в шестерку «великих гиксосов» (*ḥqꜣw-ḥꜣswt* Туринского канона; см., например: [Beckerath, 1997, S. 207, 212 – Anhang F]; в абидосских списках Сети I и Рамсеса II полностью учтены цари VIII династии; из XI династии в них включены только Ментухотеп II Небхапетра и Ментухотеп III Санхкара [Beckerath, 1997, S. 215 – Anhang H, Nr. 40—58]; в списке Чурои из Саккара VIII династия игнорируется (за Nr. 36 – Пепи II Неферкара – следует непосредственно Nr. 37 – Ментухотеп II Небхапетра: [Beckerath, 1997, S. 216 – Anhang I]). В списках из Абидоса и Саккара пропущены гиксосские правители и «табуировано» упоминание царей-«еретиков» амарнского времени (Эхнатона и его преемников до Эйе включительно). Понять, учитывал ли Туринский канон амарнских царей, невозможно из-за разрушения соответствующего фрагмента [Beckerath, 1997, S. 213], однако исключать и это *a limine* было бы неразумно. О «малых» царских перечнях рубежа XVIII—XIX династий, исключавших амарнских царей из легитимной династической последовательности, см.: [Beckerath, 1997, S. 25, Anm. 69—75; Ладынин, Немировский, 2001 (1), с. 86—87].

думать, что катастрофический дисбаланс во взаимодействии земного мира и богов («болезнь» в значении этого термина, установленном А.Е. Демидчиком [Демидчик, 2005, с. 44 сл.]) объясняется в этих текстах, скорее, «отдельными ошибками» этих царей – огромными по своим масштабам и последствиям, но не меняющими их легитимного статуса.

При этом в «Речении Ипувера» и «Рестаурационной стеле» речь идет о таких «ошибках» царей, которые не приходилось долго искать, которые, в восприятии их современников, лежали на поверхности и должны были вызвать очевидные последствия. Как мы уже говорили, в I Переходный период о ряде царей, по-видимому, сложилось представление, что они обладают ослабленной способностью к совершению ритуала, отразившиеся в избегании употребления применительно к ним теофорных имен. На самом деле, и в этих случаях речь идет не об отрицании за этими правителями легитимного сакрального статуса, а лишь о том, что по каким-то не ясным их современникам и им самим причинам он не оказывается действенен в «нормальной» мере. Важно и другое: правители этого времени, признающие за собой ослабление эффективности их ритуалов, и сами толком не знают, что нужно сделать, чтобы вернуть ей полноту. Отец Мерикара в своем «Поучении» говорит скорее о том, чего не следует делать, чтобы не подорвать ее наверняка, и уповает, что если его сын будет следовать предписанному ему стандарту поведения, то его ритуалы обретут полную мощь и «время болезни» минует (pErm. 1116A. 143). Однако когда оно и в самом деле остается позади в начале XII династии, то причины этого, если следовать букве отразившего эту историческую ситуацию «Пророчества Неферти», остаются, в общем, в тайне [Демидчик, 2005, с. 48] (ср. настоящую главу, § 1.3.1).

К началу Позднего времени¹¹ египетская цивилизация подошла с опытом не только амарнской реформы, оцененной после ее окончательной ликвидации сугубо негативно, но и тяжелых потрясений рубежа XIX и XX династии (конец XIII в. до н.э.), также воспринятых как искажение нормального взаимодействия с божествами, произошедшее по вине царской власти и потребовавшее даже ритуального «очищения престола»¹². На этот опыт, убедивший египтян, что «нечестивые» цари не только встречаются на египетском престоле, но даже могут быть не столь уж редки, наложилось ослабление царской власти на протяжении последней, XX-й,

¹¹ Нам кажется неверным разводить значения терминов «III Переходный период» и «Позднее время», как это иногда делается [Ancient Egypt, 1983]; на наш взгляд, есть все основания относить к большому периоду Позднего времени, делящемуся на ряд подпериодов, все историческое развитие Египта от падения Нового царства до завоевания страны Александром Великим. Употребляя ниже термин «III Переходный период», мы придерживаемся того его понимания (эпоха децентрализации Египта в условиях господства ливийских династий, с падения Нового царства и до его нового сплочения под властью саисской XXVI династии), которое придано ему, в частности, К. Китченом [Kitchen, 1986], и считаем его частью Позднего времени в целом.

¹² См. о негативной презентации всего периода от начала амарнского времени до финала XIX династии в контаминированных реминисценциях труда Манефона Севеннитского: [Ладынин, 2009 (3)].

династии Нового царства. Очевидно, следствием этого стала идеологическая концепция, отразившаяся на исходе XX династии в хорошо известном тексте «Путешествие Ун-Амуна» и обозначенная И.А. Стучевским как «амунократия» [Стучевский, 1984, с. 170—179; cf. Römer, 1994, S. 1—88]. Согласно этому тексту, бог Амон-Ра является не только демиургом, но и реальным верховным правителем Египта и мира: в частности, именно на его повеление, выраженное в надлежащих документах, ссылается как на основу своих действий отправленный в Библ за кедровым деревом фиванский чиновник Ун-Амун. Стучевский, несомненно, прав, считая, что «амунократия» была призвана оправдать присвоение реальной власти в южном и центральном Египте Херихором: последний, в своем качестве верховного жреца Амона-Ра в Фивах, был естественным агентом этого божества, и на него в его памятниках переносились полностью или частично царские регалии и царская сакральность. В то же время создание этой доктрины было бы невозможно без опровержения той привычной для египтян истины, что в земном мире имеется такой носитель сакральности, как собственно царь Египта.

Это опровержение мы обнаруживаем в следующей описанной Ун-Амуном ситуации. Когда правитель Библа, объясняя Ун-Амуну, что на территории его княжества тот находится у него в руках, предлагает показать ему могилы «посланцев Хаэмуаса» (царя Рамсеса IX [Schipper, 2005, S. 207—208] или XI [Jansen-Winkel, 1992, S. 25—26; 1995, S. 78]), которых он продержал у себя 17 лет, пока они не умерли, Ун-Амун отвечает: «Не принуждай, чтобы увидел я это. Что касается посланцев Хаэмуаса, то люди – те, которых послал он тебе в качестве посланцев; ведь (был) он (только) человеком сам» (pMosk. 120. 2.53—54: *m iri di.t ptr.i sw ir H^c-m-w3st rmtw n3 h3b.f n.k n wpwtyw hr rmt h^ct.f*) [Коростовцев, 1960, с. 130; Schipper, 2005, S. 86—87]. Как видно, в данном фрагменте текста содержится недвусмысленное отрицание сакральности правителя, находившегося на египетском престоле за некоторое время до разворачивающихся действий [Schipper, 2005, S. 209]; и в основе этого, несомненно, должно лежать какое-то представление о том, как именно сакральный статус был утрачен им или его предшественниками. «Путешествие Ун-Амуна» не дает прямых оснований судить об этом представлении; однако в связи с ним напрашивается аналогия с «ослабленной сакральностью», утверждавшейся в пору бедствий I Переходного периода применительно к царям того времени. Тогда их лояльные подданные ограничивались констатацией этого явления, не называя (собственно, и не понимая) его причин (надписи, опускающие теофорные имена соответствующих царей), а недовольные этими царями находили в бедствиях этого времени повод для претензий к ним, но в принципе их сакрального статуса не оспаривали («Речение Ипувера»). Теперь идеологи Херихора, как видно, пошли дальше: легитимность самого нахождения «Хаэмуаса» на престоле не вызывает у них сомнений, но точно так же, по-

видимому, они убеждены и в ослаблении его сакральности вплоть до полного ее иссякания¹³. Естественно предположить, что именно это в рамках «доктрины амунократии» стало предпосылкой для перенесения царского статуса на божество: в ситуации, когда необходимая для благополучия мира функция сакрального царя-ритуалиста фактически перестала осуществляться, бог не мог не принять ее на себя. Таким образом, прием перенесения царского статуса на бога, который приводится в действие неоднократно в течение египетского Позднего времени [Rössler-Köhler, 1991, S. 20—24, *et sq.*] (см. также введение, раздел «Степень изученности проблемы»), мы видим уже в самом его начале.

По мнению А.О. Большакова, отправление ритуала и сохранение религиозно-идеологической традиции стало переходить от царской власти к жречеству, а последнее начало превращаться в замкнутую касту уже в эпоху Нового царства [Большаков, Сущевский, 1991, с. 15]. Можно поспорить о том, начался ли этот процесс и, во всяком случае, сколь далеко он зашел в этот период; однако несомненно, что его мощным катализатором стал этнокультурный отрыв военной элиты и царской власти Египта от массы его населения в III Переходный период. По мнению К. Янсен-Винкельна, уже цари XXI династии, правившие в Танисе с середины XI в. до н.э., могли быть ливийского происхождения [Jansen-Winkel, 1994]. При первом царе XXII династии Шешонке I происходит, очевидно, становление в Египте своего рода «военно-ленной системы», укомплектованной членами его династии и начальниками ливийских отрядов, игравшими большую роль в военной организации Египта уже несколько веков¹⁴. Уже при XXI династии складывается, по выражению английского египтолога К. Китчена, своего рода «конкордат» между царями, сидевшими в Танисе и непосредственно контролировавшими северную часть Египта (зону, затронутую еще в Новом царстве ливийским расселением), и фиванской автономией во главе с верховными жрецами Амона, под контролем которой находились прежние владения Херихора [Kitchen, 1986, p. 256—257 (§ 214); *cf.* Jansen-Winkel, 1994, S. 81]. Данное размежевание было не просто территориальным: фактически танисским царям доставалась светская (прежде всего военная) власть, а верховным жрецам Амона — лидерство в религиозной жизни. Связи между этими «светской» и «духовной»

¹³ Примечателен сам выбор имени, которым данный правитель назван в тексте и которое не содержит ни одного теофорного компонента. Вряд ли это случайно и, возможно, объясняется стремлением автора текста избежать каких бы то ни было сакральных коннотаций в связи с этим правителем (см. выше о суждениях О.Д. Берлева и А.Е. Демидчика в связи с избеганием теофорных имен в надписях конца III тыс. до н.э.). Если это так, то в таком случае определение того, о каком именно царе идет речь, представляется довольно очевидным: у Рамсеса IX эпитет *H^c-m-w3st* был частью Хорова имени, упоминания которого авторы данного текста должны были бы избежать, поскольку оно заведомо обозначало сакральный статус правителя. В таком случае речь скорее должна идти о Рамсесе XI, у которого эпитет *H^c-m-w3st* был дополнением личного имени [Schipper, 2005, S. 207—208; Beckerath, 1999, S. 172—175].

¹⁴ См. об организации власти над Египтом при Шешонке I: [Kitchen, 1986, p. 288—290 (§ 243—246)].

властями были достаточно многообразны, однако сама необходимость эти связи налаживать знаменовала то, что функция отправления ритуала фактически перестала реализовываться царской властью. Думается, что это изменение должно быть напрямую связано с ливизацией царского дома: цари, вышедшие из ливийского военного сословия, хотя и осевшего в Египте издавна, но сохранявшего свою замкнутость и определенную отстраненность от египтян, не могли рассчитывать на полную лояльность к ним как к ритуальным правителям, да и сами едва ли относились всерьез к своему главенству над издавна знакомыми, но все же чужими египетскими культами. Одновременно трансформация жречества в действительно замкнутую группу с функцией отправления ритуала и сохранения религиозной традиции лежит в русле тенденции позднеегипетского общества в целом к своего рода «корпоративной трансформации» (наблюдавшие ее результаты античные авторы прямо констатировали его разделение на наследственные функциональные группы: *Hdt.* II. 164).

Еще одно следствие ливизации элиты Египта в начале Позднего времени было связано с принципиальной разницей в структуре египетского и ливийского социумов на данном этапе: если у египтян племенные и клановые структуры отмерли по меньшей мере за две тысячи лет до этого, то у ливийцев они были вполне жизнеспособны¹⁵. Сообразно этому, если для египетской идеологии III—II тыс. до н.э. была характерна «личная легитимация» каждого царя как сына бога Ра, который при этом не обязательно должен был быть сыном и даже родичем своего предшественника, то для ливийцев совершенно естественной должна была быть как раз легитимация династическая, при которой принадлежность человека к царскому роду была главным основанием для приобретения им соответствующего статуса. При этом уже с начала ливийского времени управление Египтом, в согласии с клановыми нормами, было организовано по принципу помещения на ключевые посты людей царского рода¹⁶. Это создало условия для ветвления ливийского царского дома, которое наметилось в середине IX в. до н.э. и окончательно состоялось в его конце. С этого времени в Египте правят две царских династии, признающих легитимность друг друга; а когда в Египет в конце 730-х гг. до н.э. приходит Пианхи, он застаёт там сразу четырех царей и сам воздвигается над ними пятым «набольшим»

¹⁵ Особенности социального строя ливийского Египта, связанные именно с присутствием этого чужеродного по своему происхождению компонента, стали активно изучаться сравнительно недавно: [Libya and Egypt, 1990; Ritner, 2008; 2009 (1); Lybian Period in Egypt, 2009; Broekman, 2010]. Об исчезновении общины в Египте, вероятно, уже в эпоху Древнего царства см.: [История древнего мира, 1989, с. 47].

¹⁶ О том, что данный принцип был вполне осознанным, чрезвычайно ярко говорят близкие между собой тексты надписей на блоке времени Осоркона I из Бубастиса (Телль-Баста) [Lange, 2008, S. 131—141; Jansen-Winkel, 2007, S. 48—49) и на статуе Осоркона II [Jacquet-Gordon, 1960, p. 3—23; Jansen-Winkel, 2007, S. 108—109]; см.: [Ritner, 2008, p. 311; Broekman, 2010, S. 86—87].

царем¹⁷. До этого ливийские царские дома, судя по всему, признавали легитимность власти друг друга и, видимо, определенное старшинство древнейшего среди них танисского дома – XXII династии. Именно один из позднейших представителей этого дома оказывается в фокусе повествования демотического «Эпоса о Петубасте», и как раз особенности его образа в данном цикле сказаний позволяют сделать выводы о дальнейших изменениях в восприятии современниками ливийской эпохи царской власти¹⁸: легитимный царь может и не быть благим зиждителем порядка, и это не вызовет в мире катастрофы. Царь Петубаст, вокруг которого разворачиваются события ряда эпических сказаний, сплошь и рядом проявляет не лучшие качества, такие, как откровенное корыстолюбие (в сказании о борьбе за владения бога Амона Фиванского [Spiegelberg, 1910]), при том что реальную заботу о стране и прежде всего военные дела берут на себя служащие ему местные правители-герои (см. с отсылками к публикациям текстов и литературе: [Большаков, Сущевский, 1991, с. 18—25]).

Возможно, подобная ситуация разделения государства и «расщепления» царской власти не была для Египта беспрецедентной: есть основания думать, что еще в ранней древности, в XVIII в. до н.э., территория Египта могла быть распределена между ветвями XIII династии [Ладынин, Немировский, 2007, с. 65—78]. Однако в ливийское время подобная ситуация имела совсем иные социальные предпосылки и была связана, как мы видели, с определенным разрывом с традиционными представлениями о сакральной легитимности царей (что вряд ли было возможно в конце Среднего царства). Применительно к этой исторической ситуации могут возникнуть сомнения по поводу действительности в ее условиях идеологем ранней древности: трудно сказать, в какой мере ливийские цари этого периода были в них осведомлены, а клиширующие эти идеологемы памятники (например, знаменитые ворота Осоркона II, фиксирующие с большой подробностью программу хеб-седа [Navelle, 1892; Arnold, 1999, p. 38]) могли быть делом рук жречества. Если говорить о собственно ливийской концепции царской власти, то, в той мере, в какой ее представляется возможным выделить, она должна сводиться не к идеологическим построениям, а к тем принципам «конкордата» с

¹⁷ Ход «расщепления» ливийского царского дома на несколько ветвей является одной из дискуссионных проблем египтологии. К. Китчен полагал, что около 818 г. до н.э. от XXII династии, продолжавшей править в Танисе, отделилась еще одна, XXIII-я, которая владела как Верхним, так и Нижним Египтом и обосновалась в Леонтополе в южной части Дельты; в дальнейшем именно от нее пошли ответвления в Гераклеополе и Гермополе [Kitchen, 1986, p. 313 (§ 297 ff.), 352 (§ 335 ff.)]. Альтернативная гипотеза состоит в том, что последовательность ливийских царей, признававшаяся легитимной в Фивах и давшая свои ответвления в Гераклеополе и Гермополе, была не XXIII династией, а особым царским домом, правившим параллельно с XXII династией и не зафиксированным в труде Манефона. XXIII династией в таком случае нужно считать последовательность царей, правивших в Танисе и Бубастисе примерно с середины VIII в. до н.э., когда XXII династия сошла со сцены, при том что одновременно царь, причисляемый к этому же дому, правил и в Леонтополе [Aston, 1989; Leahy, 1990; Beckerath, 1995; 1997, 94 ff.].

¹⁸ Данный цикл сказаний кодифицируется при Птолемах, но фиксирует, без сомнения, мировоззренческую ситуацию более ранней эпохи: [Kitchen, 1986, p. 461 (§ 430)].

египетским жречеством и, в особенности, передачи царской власти в рамках одного рода, о которых шла речь выше.

Уже упомянутый нами эпизод с Пианхи чрезвычайно показателен в плане того, каким образом царь Напаты обосновывал свою победу и статусное преимущество над царями ливийского Египта. В «Стеле Пианхи» [Grimal, 1981 (1)] вовсе не оспаривается царский титул четырех ливийских царей, которых подчинил себе царь Напаты; однако только применительно к Пианхи утверждается качество, имманентно присущее, согласно египетской традиции, легитимному царю – способность внушать своим врагам на поле боя иррациональный, панический страх и тем самым наносить им поражение [Демидчик, 2005, с. 146] (см. также настоящую главу, § 1.2). Практическая роль царя Напаты как военачальника освещена в данном тексте весьма скупо, зато его способность внушать страх даже «большим по сравнению с ним» (стк. 1: *ḥq3 snd n.f wrw r.f*) упоминается уже в самом начале текста, в соположении с подробно развернутыми топосами сакрального статуса и божественного происхождения царя (сткк. 1—2: о Пианхи говорится, что он рожден от божества и является его образом, и далее этот мотив не повторяется применительно ни к кому-либо из ливийских царей – противников Пианхи). Согласно описанию триумфального шествия Пианхи по Египту, именно его способность внушать врагам страх позволяла ему брать без боя города («подобно пару от воды» – *mi igp n tw*, сткк. 27, 93, 96; в последних двух пассажах речь идет о взятии Мемфиса, который все же оказал Пианхи сопротивление, и в связи с этим эпизодом подчеркивается небывалая укрепленность города, благодаря которой его взятие может считаться чудом, совершившимся опять же благодаря способности царя внушать ужас врагам [Демидчик, 2000]).

Вопрос о том, рождены ли другие правители Египта царского статуса от божества, в «Стеле Пианхи» не обсуждается. Все они носят царский титул (в сокращенной форме *nsw*, при том что полная его форма *nsw-bity* опять-таки «зарезервирована» за Пианхи) и имена, заключенные в картуши. Однако, судя как по важному формальному признаку (неупотреблению применительно к ним в тексте «Стелы...» термина *ḥm*), так и по фактическому положению вещей (их бессилию перед Пианхи на поле боя), их сакральность, по крайней мере на момент рейда напатского царя в Египет, либо не признается вовсе, либо считается неизмеримо более слабой, чем у Пианхи. Пожалуй, ярче всего это положение вещей иллюстрирует наверху «Стелы Пианхи», где правители Египта царского статуса изображены простертыми ниц перед царем Напаты, хотя над ними и выписаны их титулы и имена, заключенные в картуши: лишь царь Гермополя Немарат изображен стоящим перед Пианхи и сопровождении своих жен и лошадей, в соответствии с рассказом «Стелы...» о пребывании Пианхи в его городе [Grimal, 1981 (1), pl. I, V]. Иными словами, данный памятник предельно наглядно демонстрирует возможность отделения друг от друга таких качеств, как формальный

царский титул и реальный статус сакрального царя – при категорическом утверждении, что именно последний существенно необходим для обретения правителем полноценной власти. Напирая на наличие у себя полноценного сакрального статуса, Пианхи фактически апеллирует к тому принципу «личной легитимности», который был актуален для ранней древности Египта, и с успехом демонстрирует ничтожность «династической легитимности» ливийских царей этого времени. Несомненно, что предпосылкой для формулирования данной концепции было ослабление связи царской власти с ритуалом в ливийское время и вообще ее девальвация при «расщеплении» танисского царского дома. Возможно также, что в какой-то мере ее появление может быть связано и со стремлением Напаты позиционировать себя в качестве наследницы египетской государственности III—II тыс. до н.э., более полноценной, нежели ливийские цари. Вместе с тем подобная «победоносная полемика» принципа «личной легитимности» с принципом «династической легитимности» проявляется в победном тексте Пианхи достаточно ситуационно, а в дальнейшем не возобновляется, по крайней мере, в столь явной формулировке.

Приход в середине VII в. до н.э. к власти над всем Египтом саисской XXVI династии – прямого продолжения XXIV династии, также происходившей из Саиса и имевшей амбиции к объединению страны, – положил конец раздробленности III Переходного периода: ливийские царские дома, разбросанные по ряду местных центров Египта, прекратили свое существование. Оценивая тенденцию времени XXVI династии к реанимации наследия египетского прошлого (т.н. «саисское возрождение»), классик отечественной науки о древнем Востоке Б.А. Тураев назвал ее «реакцией против космополитического направления Нового царства» [Тураев, 1935, т. 2, с. 102]. Думается, что это определение все же вряд ли верно, поскольку у основоположников XXVI династии имелся гораздо менее давний и более опасный политико-идеологический противник – пресловутая ливийская государственность, основанная на принципе «династической легитимности» царей, который, как мы видели, оправдывал и закреплял распад Египта. Примечательно, что в одном из самых ранних памятников XXVI династии – в «Стеле VII» Псамметиха I из Саккара, относящейся к его борьбе с ливийцами в его Год 11 (655 г. до н.э.), – мы видим упоминание в не вполне ясном контексте основателя XII династии Аменемхета I (стлб. 1) [Der Manuelian, 1994, p. 324, 327]. Подобная отсылка к царствованию, окончательно прекратившему бедствия I Переходного периода и воспринимавшемуся в дальнейшем как рубеж между большими историческими эпохами (см. о таком восприятии времени Аменемхета I и Сенусерта I в труде Манефона настоящую главу, § 1.3.2), может говорить о том, что аналогичным рубежом, завершающим эпоху смут, хотел представить свое время и Псамметих I. Возможно, к этому времени восходит и то большое значение, которое, как можно заметить, придается позднее, уже в IV в. до н.э., времени

Сенусерта I как своего рода «эталонной» эпохе стабилизации и устроения египетского общества (см. главу 6, § 6.2.2, 6.2.3). Однако в такой идеологической ситуации достаточно естественной представлялась и реанимация органичного для египетской ранней древности принципа «личной легитимности» царя – тем более что он позволял обосновать и правомерность возвышения самой XXVI династии, которая оттеснила от власти над Египтом как ливийских династов, так и напатских царей XXV династии (около 720–664 гг. до н.э.).

В связи с последним моментом стоит обратить внимание на хорошо известную стелу Серапеума IM 3733 = Louvre N190, представляющую собой официальную эпитафию быку Апису, который умер при Псамметихе I (BAR IV. § 959–966) [Malinine, Posener, Vercoutter, 1968, 146 (no. 192), pl. LII]. Текст стелы следующий: «(Го)д 20, месяц 4 *шему*, день 20-й при Величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Уахибра, сыне Ра от плоти его Псамметихе¹⁹. Вышло Величество Аписа живого к небу. Был сопровожден бог этот в мире к прекрасному Западу в Год 21, месяц 2 *ахет*, (день) 25²⁰. Воистину, рожден он в Год 26 царя Тахарки; совершилось нисхождение его в “Подворье Двойника Птаха” (Мемфис) в месяц 4 *перет*, день 9²¹. Совершил он год 21²²» (*ḥ3t-zp 20 3bd 4 šmw sw 20 hr ḥm n nsw-bity W3ḥ-ib-Rc z3 Rc n ht.f Pzmtk pr.n ḥm n Ḥp ḥnh r pt st3 ntr pn m ḥtp r Imntt nfrt m ḥ3t-zp 21 3bd 2 3ht sw 25 ist ms.tw.f m ḥ3t-zp 26 nsw Thrq šhn.tw.f r Ḥt-k3-Pth m 3bd 4 prt sw 9 ir.n rnpt 21*). Важный нюанс этого памятника состоит в том, что в его тексте термин *ḥm* употреблен применительно к быку Апису и Псамметиху I, но не к Тахарке в датировке его Годом 26 рождения быка: имя Тахарки заключено в картуш, но при этом он поименован сокращенным царским титулом (не *nsw-bity*, а более кратко *nsw*, как ливийские цари в «Стеле Пианхи»). Пропуск термина *ḥm* в данном случае заведомо не может быть предполагаемой некоторыми исследователями особенностью его употребления, при которой оно исключалось бы применительно к умершим царям (см. выше, наше прим. 8). Обращение к двум эпитафиям Аписов саисского времени показывает, что в датировках рождения священного быка годом умершего предшественника царя, при котором бык умер и была изготовлена стела, термин *ḥm* присутствует (стела Года 16 Нехо II, Louvre N193, сткк. 4–5: *ms.n.tw.f m ḥ3t-zp 53 3bd 2 prt sw 19 hr ḥm n nsw-bity W3ḥ-ib-Rc z3 Rc Psmtk m3c-*

¹⁹ Т.е. 25 января 644 г. до н.э. [Beckerath, 1997, S. 91].

²⁰ Т.е. 30 марта 644 г. до н.э. [Beckerath, 1997, S. 198].

²¹ Т.е. 11 сентября 665 г. до н.э. [Beckerath, 1997, S. 91]; особняком от позиции большинства исследователей стоит мнение Л. Депюйдта, считающего возможным отнесение Года 1 Тахарки не только к 690/89, но и к 691/90 г. до н.э. и, соответственно, его Года 26 – не только к 665/64, но и к 666/65 г. [Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 268].

²² В пустом пространстве в левой части стк. 6 имеется граффито «лет 20, (месяц) 1, (день) 1» (очевидно, «альтернативный вариант» исчисления продолжительности жизни священного быка: *rnptwt 20 (3bd) 1 (sw) 4*); согласно указанию публикаторов каталога стел Серапеума, этого граффито нет на фотографии данного памятника, воспроизведенной в свое время Мариеттом, и происхождение его неясно, так что в хронологических выкладках, связанных с датировками на данном памятнике, она обычно игнорируется. Так или иначе, на наши построения данный момент принципиальным образом не влияет.

hrw «Рожден он в Год 53, месяц 2 *peret*, (день) 19 при Величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Уахибра, сына Ра Псамметиха, правого голосом...»; BAR IV. § 974—979 [Chassinat, 1900, p. 20—21 (no. LXIV)]; стела Года 12 Априя, Louvre N240, сткк. 5—6: *ms.n.tw.f m ḥ3t-zp 16 3bd 2 3ḥt sw 7 hr ḥm n Hr S3-ib Wḥm-ib-R^c z3 R^c Nk3w ʿnh dt* «Рожден он в Год 16, месяц 2 *axet*, (день) 7 при Величестве Хора Сведущего сердцем, Ухемибра, сына Ра Нехо...»; BAR IV. § 984—988 [Chassinat, 1900, p. 167 (no. XC)]. Очевидно, стела Года 21 Псамметиха I содержит констатацию того, что, с точки зрения ее создателей, Тахарка, исходно признававшийся полноценным сакральным царем (свидетельством чего является картуш вокруг его имени), на своем Году 26 уже перестал ею обладать. Сейчас мы оставим в стороне вопрос, по каким причинам создатели данного памятника пожелали все же датировать рождение Аписа годом царствования именно Тахарки (а, к примеру, не отца Псамметиха I Нехо I, считавшегося царем всего Египта с конца 670-х гг. [Perdu, 2002, p. 1234—1239]). Скажем лишь, что установить, с какого момента Тахарка был сочтен утратившим сакральность, можно вполне уверенно: несомненно, этим моментом было его изгнание из Египта Асархаддоном в 671 г. до н.э., выявившее его неспособность одерживать победу над врагами [Kahn, 2004, p. 111—112]. Трудно сказать, как именно идеологи Псамметиха I объясняли утрату Тахаркой сакральности: очевидно, однако, что она могла произойти лишь по воле стоявшего над ним верховного божества и в таком случае, скорее всего, считалась (как и последовавшее за этим поражение от ассирийцев) следствием каких-то личных качеств Тахарки и карой за допущенные им «прегрешения». Концепция, предполагающая возможность утраты царем своей сакральности, черты которой угадывались в тексте «Путешествия Ун-Амуна» и, может быть, в «Стеле Пианхи», получает, таким образом, в стеле Серапеума Года 21 Псамметиха I отражение на уровне обыденного протокола, что не может не свидетельствовать о ее прочном укоренении в египетской идеологии.

Трудно не согласиться с А.-И. Блѐбаум в том, что наиболее наглядно нюансы древнеегипетских идеологем и пропагандистских приемов проявляются в нестандартных ситуациях, связанных с внутренними переворотами или иноземными вторжениями [Blöbaum, 2006, S. 1; cf. Otto, 1969 (2), S. 385]. Одной из самых драматичных подобных ситуаций в эпоху XXVI династии была, без сомнения, узурпация Амасисом власти у Априя в 570—567 гг. до н.э., издавна известная по свидетельствам античных авторов, а также по некоторым египетским эпиграфическим свидетельствам и раннесредневековым нарративам (см. отсылки к этим свидетельствам и их подробный разбор в серии наших работ: [Ладынин, 2004 (1); 2004 (3); 2006 (1); Ладынин, Немировский, 2004]). Единственный относительно пространный иероглифический нарратив, отражающий междоусобицу Амасиса и

Априя с идеологических позиций победителя в ней – это Элефантинская стела Амасиса²³, в которой, в частности, можно заметить ряд существенных нюансов, связанных с восприятием сакрального статуса лишённого власти царя. «Элефантинская стела» не оспаривала (явным образом не могла оспорить) рождение Априя от божества (в ней он именуется своим «солнечным» именем «Хаа-иб-ра», которое, как и личное имя Тахарки на стеле Серапеума, заключено в картуш: стлб. 2). Однако, согласно ее тексту, он совершил некую «мерзость перед богом (букв. “бога”; стк. 18: *bwt ntr*)» и, очевидно из-за этого и по воле бога, утратил свое качество вместилища сакральности (в тексте стелы по отношению к нему ни разу не употреблен термин *hm*), а вместе с ней и способность эффективно совершать ритуал и одерживать победы над врагами. С того момента, как это произошло (а Амасис утверждал, что убедился в этом на опыте своего поражения в начатой Априем кампании против Кирены), устранение подобного «царя-катастрофы» его новым легитимным преемником оказывалось не просто оправдано, но необходимо для поддержания самого существования Египта. Очевидно, что пресловутая «мерзость перед богом» Априя – это некий его поступок или совокупность поступков, оцениваемых негативно с этической и, очевидно, с религиозной точки зрения; в таком случае утрата им своих сакральных качеств и стала воздаянием за это, которое могло последовать только от божества. Само представление о подобном воздаянии божества царю за его небезупречные дела не беспрецедентно в древнеегипетской идеологии: собственно говоря, мы наблюдаем его еще в I Переходный период, в концепции «Поучения царю Мерикара» (напр., рЕгп. 1116А. 70—71, 119—123; см. особенно четко: [Демидчик, 1994, с. 19—20]) и, более имплицитно, в сказках папируса Весткар [Ладынин, 2002 (2), с. 160—168]. Новация, отразившаяся в «Элефантинской стеле», состояла, прежде всего, в «доведении» этого воздаяния до лишения царя его статуса и власти с тем, чтобы оправдать при помощи этого построения совершенную Амасисом узурпацию. Также принципиально важно, что в данном тексте причина утраты Априем своего сакрального статуса указана, по сути дела, совершенно ясно, чего мы не видим в более ранних источниках Позднего времени.

Легко заметить, что само допущение возможности утраты легитимным царем своей сакральности тесно интегрировано с восходящим к ранней древности принципом его «личной легитимности» (по сути дела, является следствием из него, очевидно, неизбежным в эпоху, когда внутренние неурядицы и случаи отстранения правителей от власти стали достаточно

²³ *Editio princeps*, без перевода и с ненадежной иероглифической транскрипцией: [Daressy, 1900]; первая попытка последовательного перевода: BAR IV. § 996—1007; последующие эмендации текста и уточнения перевода: [Posener, 1933, p. 148; Vandersleyen, 1971, p. 144; Edel, 1978, p. 13—14; Spalinger, 1982, p. 18, 54, 59, 77, 82, 108—109; Blöbaum, 2006, S. 13—14, 135, 164, 165, 204, 270 (эта исследовательница планировала подготовить полное издание этого источника)]. Совсем недавно появилось новое издание этого источника, дающее, как представляется, вполне надежную транскрипцию и транслитерацию его иероглифического текста: [Jansen-Winkel, 2014].

обычным делом). Примечательно, что реплики этого принципа как раз в эпоху Амасиса мы наблюдаем даже за пределами собственно египетской традиции. Хорошо известен рассказ Геродота о том, как Амасис, уже придя к власти, изготовил из золотого умывальника статую бога, и, когда она стала предметом поклонения, раскрыл ее «тайну происхождения» своим вельможам, не забывавшем о низком происхождении самого царя и мало уважавшим его (*Hdt.* II. 172). Нет особых сомнений, что в данном случае Геродот достоверно передает рассказ своих египетских информаторов, «второй смысловой слой» которого остался греческому историку не вполне понятен: в представлениях египтян из золота сотворена плоть богов, а также рожденного от божества и наделенного сакральностью царя [Берлев, 1979]. Соответственно, мораль этого рассказа состоит в том, что после вступления царя на престол не имеет значения, кем он был до этого (так сказать, какую конкретную «форму» имела его «золотая плоть»²⁴); принципиально важно, что самым успехом обретения им власти он выявил свою связь с божеством и личную сакральность и вправе рассчитывать на отношение к себе исходя из этого. По самой логике рассказа Геродота заметно, что утверждение Амасисом собственной «личной легитимности» противопоставлено мнению тех (в том числе, очевидно, и сторонников дома Априя²⁵), кто ее за ним не признает либо как минимум сомневается в ее наличии. На самом деле, достаточно закономерно, что, когда XXVI династия установилась в качестве правящей, то как обыденная практика престолонаследия, так, возможно, и влияние ливийской традиции, воспринятое в силу изначального происхождения саисского дома от ливийских военных предводителей [Yoyotte, 1961, p. 151–159], привели его представителей и их окружение к ориентации на принцип «династийной легитимности». Именно этой позиции Амасис, обосновывая свое право на власть, по сути дела, противопоставляет принцип «личной легитимности» царя: апелляция к нему, с одной стороны, обусловлена специфической ситуацией переворота, приведшего его к власти, но, с другой стороны, она вряд ли имела бы шансы на успех, если бы сам этот принцип не был укоренен в идеологии не только египетской ранней древности, но и не столь давнего времени прихода к власти саисского дома.

Выше мы сказали, что уже в эпоху возвышения ливийских домов выработка оформлявших их власть идеологических концептов и пропагандистских приемов могла в значительной мере стать делом жречества; понятно, что это должно было стать всецело его делом в пору владычества над Египтом чужеземцев, не связанных с его традицией и не осведомленных о ней совершенно. Впервые такая ситуация сложилась в Египте в пору первого персидского владычества (525—404 гг. до н.э.; мы уже упоминали, что ассирийцы не только

²⁴ См. о термине *inpw*, обозначавшем царя Египта как носителя «латентной», еще не явленной сакральности до его вступления на престол: [Berlev, Hodge, 1998, p. 10].

²⁵ См. об отражении их пропагандистских усилий в античной традиции: [Ладынин, 2006 (1)].

владели страной несравненно меньший срок, но не проявили никакой заинтересованности в оформлении своей власти согласно местной традиции: см. прим. 9). Разумеется, это не означает, что в расстановке приоритетов пропагандистской деятельности не могли принимать никакой роли собственно персы, в интересах которых она и велась. Однако, как мы уже говорили об этом подробнее (см. раздел «Методологическая основа исследования» во введении), во-первых, при этом именно жрецы оказывались исполнителями обращенного к ним чужеземными царями «пропагандистского заказа»²⁶; во-вторых, в его рамках они получали некоторую возможность для неявного выражения неприятия того или иного правителя.

Пожалуй, последний момент особенно заметен в титулатурах, составлявшихся для некоторых македонских царей Египта и для римских императоров (см. главу 2, § 2.2.3); что касается первого момента – объяснения причин установления чужеземного владычества над Египтом – он достаточно ярко проявился уже в пропаганде эпохи Ахеменидов. Во-первых, как справедливо заметила А.-И. Блёбаум, т.н. «солнечные» имена царей Верхнего и Нижнего Египта, которые были составлены для Камбиса и Дария I египетскими жрецами – соответственно, *mstyw-R^c* или *m^{swt}-R^c* («отпрыск Ра») [Beckerath, 1999, S. 220—221; Blöbaum, 2006, S. 392] и *stwt-R^c* («сияние, отблеск Ра») [Beckerath, 1999, S. 220—221; Blöbaum, 2006, S. 394] – проводят мысль о том, что эти цари находятся в иерархическом соподчинении с солнечным богом и что именно от него они заимствуют свою сакральность [Blöbaum, 2006, S. 213, 216]. Думается, что этот мотив получает еще более яркую «расшифровку» в небольшой стеле из Фаюма египтянина по имени Па-ди-Усир-Па-Ра (*P3-di-^Wsir-p3-R^c*; «тот, которого дали Осирис (и) Ра»): на ней он изображен в сцене преклонения перед соколом с надписанными позади него именем и эпитетами Дария I (*ntr nfr nb t3wy In-ti-rw-š3* «благой бог, владыка Обеих Земель Дарий») позади него (Berlin ÄS 7493; *Рисунок 1.1*) [Sternberg el-Notabi, 2009; Ладынин, 2011 (1), с. 12–14, рис. 2]. Как видно, человек, поставивший этот памятник, почитает бога (как явствует из его обличья и из надписей стелы, Хора, сына Осириса и Исиды), воплощенного в персидском царе, причем «посюсторонний» характер этого воплощения подчеркивается размещением в верхней части стелы также и «небесного Хора» – крылатого солнечного диска, символизирующего небосвод. Очевидно, ситуация подчинения персам, безнадежная для египтян в военно-политическом плане и чрезвычайно тяжелая в плане моральном, была осмыслена ими следующим образом: персидский царь был признан вместилищем внешней по отношению к нему сакральности, исходящей от божества; сообразно этому, в лице персидского царя Египтом правил бог, склониться перед силой и

²⁶ Самый яркий пример такого рода – составление жрецом Уджакхорреснетом, согласно сведениям его биографической надписи, титулатуры Камбиса как египетского сакрального царя (стлб. 13) [Posener, 1936, p. 6—7; Serrano Delgado, 2001].

властью которого было вполне оправдано. Разумеется, в таком варианте, в определенном смысле умалявшем персидского царя как личность (сама его власть над Египтом должна была с этой точки зрения, по-видимому, зависеть от никак не объясняемого, в глазах людей почти случайного произвола божества) эта концепция едва ли могла быть «проговорена» в качестве базовой для официальной идеологии Ахеменидов в Египте. Напротив, в официозных надписях Дария I (в частности, в стелах, расставленных вблизи восстановленного при нем канала Нил – Красное море [Posener, 1936, p. 48—87, pl. IV—XV]) можно найти немало утверждений об его сакральности, имманентной его личности и присущей ему с момента рождения. Однако стела Па-ди-Усир-па-Ра – памятник частный и довольно маргинальный. Как раз он мог зафиксировать подобное осмысление персидского владычества с наибольшей четкостью, – без оспаривания царской сакральности Дария I, но с признанием ее, так сказать, «деривативного», сугубо производного от воли божества, характера, что было бы совместимо с признанием его персональной чуждости египтянам и, соответственно, определенной аномальности его власти над их страной.

Похоже, что именно в рамках этого маргинального памятника мы видим принципиально важную переакцентировку представлений о взаимодействии сакрального царя и божества, адекватную ситуации определенного ослабления царской власти, а также ее отчуждения от религиозно-идеологической сферы, которая характерна не только для первого персидского владычества, но и в целом для I тыс. до н.э.. Идея о воплощении Хора в царе была, как мы помним, базовой для египетской идеологии царской власти, по сути дела, с самого начала ее существования; однако на раннем этапе истории вопрос об «инициативе» божества в том, чтобы воплотиться в земном правителе, надо думать, не возникал. Скорее такое воплощение казалось закономерно взаимосвязано с самим обладанием данным правителем властью, а божество мыслилось имманентным его земной природе на весь срок его царствования и жизни. Теперь, в связи с обсуждением вопроса о том, что по каким-то неизвестным причинам Хор воплотился в чужеземном царе, должна была совершенно внятно выйти на первый план та мысль, что божество может воплотиться по своему желанию в ком угодно и что, соответственно, само это желание первично для того, чтобы такое воплощение вообще имело место. Соответственно, должен был встать вопрос и о том, чем должен был бы быть чужеземный правитель независимо от такого воплощения; и, скорее всего, ответ на него сводился бы к признанию за ним в таком случае его сугубо человеческой природы. В случае, если в начале первого персидского владычества эти представления были отрефлексированы применительно к чужеземным властителям Египта, понятно, что они должны были сохранить свою актуальность и после его завершения, составив основу для дальнейшего идеологического развития.

1.1.2 «Царь на пути бога»: представления о сакральном статусе египетских царей XXVIII—XXX династий

Как известно, в последний раз в своей древней истории Египет вернул себе независимость, изгнав на исходе V в. до н.э. персидских властителей, и сохранял ее вплоть до второго персидского завоевания в 343 г. до н.э. [Kienitz, 1953, S. 76—127; Lloyd, 1994 (2)]. По справедливым словам бельгийского исследователя Х. де Мёльнере, эпоха XXVIII—XXX династий, правивших в течение этого времени, «обнаруживает характер настоящей череды пронунсиаментов» [Meulenaere, 1963, p. 93 (“L’histoire des dernières dynasties indigènes revêt ainsi le caractère d’un véritable pronunciamiento”)]. На протяжении этого времени в результате переворотов были устранены от власти единственный царь XXVIII династии Амиртей (*Imn-ir-di-sw*; 404/401—398/7 гг. до н.э.), второй царь XXIX династии Псамуф (*P3-šry(-n)-Mwt*; видимо, около 392/1 до н.э.), Неферит (*N3y.f-šw-rdw*) II (около 379/8 г. до н.э.) – сын наиболее заметного царя XXIX династии Акориса (*Hgr/Hkr*; около 392/1—379/8 до н.э.) – и второй царь XXX династии Тахос (*Dd-Hr*; 361/0—359/8 гг. до н.э.)¹. При этом переход власти от Неферита I (около 398/7—392/1 гг. до н.э.) к Акорису и завершение XXIX династии сопровождались, очевидно, недолгими, но масштабными междоусобицами, в первой из которых участвовал еще некий претендент на престол, неизвестный нам по имени.

Собственно египетские тексты этого времени хранят почти что полное молчание об этих событиях: только Большая стела Нектанеба I из Гермополя, возможно, содержит аллюзию на события его прихода к власти около 379/8 г. до н.э. (сткк. 8—9) [Roeder, 1954, p. 389—390; Lloyd, 1994 (2), p. 340—341]. Помимо древнегреческих авторов (прежде всего Диодора Сицилийского), нашим главным источником сведений по политической истории этого времени, в том числе по обстоятельствам передачи власти от одного царя к другому является т.н. «Демотическая хроника» (p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto*; переводы: Devauchelle, 1994 (1), p. 18—27; Felber, 2002; Hoffmann, Quack, 2007, S. 183—191; 2009, S. 44—51; к сожалению, до сих пор не был опубликован, а возможно, и завершен давно анонсированный перевод этого источника Дж. Джонсон: Johnson, 1983, p. 61, n. 1]). Этот текст, записанный в III в. до н.э. и, вероятно, созданный в известном нам виде незадолго до записи [Felber, 2002, S. 68 (по мнению этого исследователя, при Птолемее III); Quack, 2009, S. 24] представляет собой собрание речений (изобилующих туманными метафорами афоризмов и развернутых комментариев к ним, содержащих прямые указания на некоторые реалии), которые связаны с историей Египта от

¹ См. древнеегипетские формы имен данных царей в: [Beckerath, 1999, S. 222—229; Blöbaum, 2006, S. 398—404, 409—410].

царствования Амиртея и до начала македонского времени (см. также о «Демотической хронике» главу 5, § 5.1).

Для нас существенно, что «Демотическая хроника» не только зафиксировала события времени последних династий, но и дала их интерпретацию в свете концепции царской власти этого периода: иными словами, в нем представлены основания, по которым целый ряд правителей утратил в ходе междоусобиц и узурпаций. Так, о царе XXVIII династии Амиртее сказано: «так как нарушали закон (*hp*) в его время, заставили его совершить уход ко вчерашнему дню (*n3 šm.w n(?) sf*). Не была дана власть (*p3 ir hry*) сыну его после него (p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto*. III.18—19)». Выражение «уход ко вчерашнему дню» можно было бы понять как метафору смерти², и, возможно, оно и имеет в виду конечную судьбу Амиртея; но ниже «Демотическая хроника» возвращается к его царствованию еще раз и уточняет: «сделали, что он вынужден был отдать его трон еще при жизни» (id. IV.2). Еще одно уточнение здесь же относится к нарушению при нем пресловутого «закона» и указывает на его прямую вину в этом: «поскольку он повелел, чтобы закон не исполнялся...» (id. IV.1). О Неферите I «Демотическая хроника» сообщает следующее: «Поскольку делал он то, что делал, твердо (*n ʕrd*; в смысле “сознательно” [Johnson, 1983, p. 66, n. 40]), не дали его сыну наследовать ему. Только несколько дней были даны ему, ему самому (сыну Неферита I? – *И.Л.*), из-за многих проступков, которые случились в его (Неферита I? – *И.Л.*) время» (id. III.20—21)³. «Третий правитель, бывший после мидян», имя которого в «Хронике» не сохранилось (видимо, претендент на власть в междоусобице начала правления Акориса), опять же отступил от «закона» и поэтому «обрел наследника еще при жизни» (id. IV.6). Псамуф, согласно «Хронике», «не был на пути бога» (id. IV.7: *bn-p=f hpr hr t3 mi(.t) p3 ntr*) и поэтому находился на престоле недолго. Неферит II поплатился за нечто произошедшее при его отце (по-видимому, Акорисе): «поскольку закон был оставлен при его отце, было дано преступлению (*btw*) достичь его сына» (id. IV.12: характерным образом, Манефон исчисляет правление Неферита II всего 4 месяцами: *Manetho*. Fragg. 73a—c). Сам Акорис хотя и пользуется в основном репутацией благого правителя («...он исполнил срок правления своего, поскольку он был благодетелен (*mnh*) к

² См. о соответствующей семантике термина *sf* («вчера»), с отсылками к источникам (прежде всего, КМ 17.8—9) и литературе: [Tarasenko, 2006, p. 78—79; 2007, p. 99, 107—109].

³ П. Каплони обращает внимание на еще один фрагмент «Демотической хроники», посвященный Нефериту II: «Второй (властитель) – лону. Это значит: второй властитель, который был после мидян, именно фараон Неферит (I). Ты видишь, что ему сделано: дали его сыну наследовать ему. Лону... Тому, кто правитель в (сегодняшний) день, говорит он это, именно Нектанебу I» (p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto*. IV.3—4). По мнению Каплони, речь в обеих фразах данного фрагмента идет о Нектанебе I, что указывает на существование фикции его рождения от Неферита I [Karlony, 1971, p. 252]. Нам кажется, что оснований для такого предположения нет, так как в данном фрагменте речь идет о разных правителях: сначала – о сыне Неферита I, который фактически не стал наследником своего отца, так как удерживал власть едва ли не всего лишь «несколько дней» (см. выше, о фрагменте III.20—21), затем, но уже вне связи с Неферитом I – о Нектанебе I.

храмам...»), однако в конце концов и ему приписывается забвение «закона» и некое небрежение «своими братьями» ($n3=f sn.w$), из-за чего он был свергнут (p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto*. IV.9—10). Наконец, об одном из царей фрагмент «Демотической хроники», содержащий обращение к нему, говорит: «Птах, Ра и Хор, сын Исиды, те, что властители царского сана ($n3 nbw n t3 izw.t hry$): ты забыл их, пока ты тщишься о том, чтобы приобрести богатство!» (id. V.12). По мнению исследователей «Хроники», речь в данном случае идет о предполагаемом «современнике» ее предсказаний Тахосе [Johnson, 1983, p. 66—67]⁴ – царе, который, по сведениям античных авторов, обложил тяжелыми налогами население и храмы и изъяс у них все запасы драгоценных металлов, готовясь к своему наступлению против персов в Восточном Средиземноморье (см. подробнее, в связи с аналогичными мерами, приписывавшимися Клеомену из Навкратиса главу 3, § 3.3.2). Жесткое суждение «Хроники» о Тахосе опять же хорошо соотносится с известным нам его низложением в результате переворота, организованного его племянником Нектанебом II около 359/8 г. до н.э. (см. об этих событиях подробнее, в связи с исторической интерпретацией автобиографической надписи Уннефера из Саккара, главу 3, § 3.5.1).

Собственно говоря, именно характеристика Тахоса в «Демотической хронике» хорошо выявляет практические критерии оценки царей IV в. до н.э. в этом тексте и, видимо, вообще в сознании египетской элиты кануна и начала эллинизма⁵. Посягательство на достояние храмов –

⁴ Тахос именуется в тексте «Демотической хроники» $nsw.t pr-ḥ3$, а не просто $pr-ḥ3$, как более ранние цари [Johnson, 1983, p. 62, n. 11].

⁵ Здесь мы должны затронуть вопрос о предпосылках создания «Демотической хроники» и о тенденциях, отразившихся в этом своеобразном тексте. То, что он был создан в среде египетского жречества и, по крайней мере, в очень значительной степени отражал его взгляд на историю Египта IV в. до н.э., не вызывало сомнений практически ни у кого из его исследователей. Большинство современных исследователей дают отрицательный ответ на вопрос, является ли «Демотическая хроника» антимакедонским произведением, отмечая в нем наличие оппозиции чужеземному владычеству вообще. На наш взгляд, довольно удачна формулировка Х. Фельбера о чувствующемся в «Демотической хронике» «авторстве заботящейся о (сохранении) своей идентичности и своего влияния реакционной египетской элиты, которая стремилась при помощи этого текста пропагандировать доставшееся ей по наследству идеализированное представление об институте царской власти, воспринятом внеисторически» [Felber, 2002, S. 67]. Вместе с тем следует обратить внимание, что если справедлива датировка «Демотической хроники», которой придерживается Фельбер (см. выше), то этот текст был создан при Птолемея III – по сути, первом царе македонской династии, который, после масштабного выступления египтян против ее владычества, предпринял по-настоящему серьезные и масштабные усилия, чтобы позиционировать себя и своих предшественников как легитимных сакральных царей Египта [Ладынин, 2016 (1), с. 282—298]. Мы рискнули бы допустить, что в появлении «Демотической хроники» в это время проявилось смыкание двух тенденций – с одной стороны, внимания и лояльности Птолемея III (бóльшего, чем у его двух предшественников) к египетской религиозно-идеологической традиции, с другой – стремления ее носителей вернуть ей ее прежние позиции. В таком случае объяснимой стала бы и лояльность составителей этого текста по отношению к Птолемеям – предполагаемая Х. Фельбером презентация Птолемея I как благого правителя, который должен положить конец времени смут IV в. до н.э. (см. главу 5, § 5.1). Об основании, позволяющем считать с уверенностью, что «Демотическая хроника» отразила восприятие царской власти жреческой элитой не только на момент ее создания, но и на длительный предшествующий период, см. ниже, наше прим. 21.

даже оправданное военной необходимостью – оценивается как алчность правителя и забвение им богов⁶. Напротив, благодетельность Акориса к храмам прямо выделяется в «Демотической хронике» как основа его положительной оценки (хотя и в случае Акориса она не распространяется на все его царствование). В данном тексте есть, пожалуй, только один критерий оценки царей, более общий, чем пресловутая благодетельность к храмам либо ее противоположность: это соблюдение царями «закона» (*hp*) – категории, которая в демотических текстах в значительной мере соответствует *maat* в более раннее время (cf. CDD: H. 43—44) [Nims, 1948, p. 243; 260, n. 110; Lloyd, 1982 (1), p. 43 (с отсылкой к еще новоегипетскому словоупотреблению *hpw nw m3't* – «законы *maat*»); Johnson, 1983, p. 68—69, n. 51; Vlöbaum. Op. cit. S. 98—99 (с отсылкой к имени Хора Златого Нектанеба II *smn-hpw* – «устанавливающий законы»)]. Однако если, руководствуясь именно этими критериями, подвести рассмотренным нами сведениям «Демотической хроники» некий промежуточный итог, придется сказать, что они отражают на редкость прискорбную в глазах создателей этого текста картину. Как мы видим, с их точки зрения существовал четкий и жесткий стандарт царского поведения, несоблюдение которого влекло очень скорое возмездие со стороны божества: получается, что из представителей XXVIII—XXIX династии в буквальном смысле слова ни один не соответствовал этому стандарту в должной мере. Из всех царей IV в. до н.э. остается всего двое, правление которых оценивается на уровне прямых и косвенных упоминаний достаточно положительно, во всяком случае, без констатации с связи с ними какого-либо «негатива» – Нектанеб I (379/8—361/0 гг. до н.э.) и Нектанеб II (359/8—342/1 гг. до н.э.). К их оценке в «Демотической хронике» мы еще вернемся: пока скажем, что в принципе она вполне ожидаема. Именно их царствования составили большую часть времени XXX династии, а среди царских домов IV в. до н.э. именно она, благодаря мотиву, отразившемуся в дальнейшем в «Романе об Александре» (см. главу 5, § 5.5), была связана в египетском восприятии прямыми узами с македонским временем, когда была кодифицирована «Демотическая хроника». Однако непохоже, чтобы негативный ореол, падающий в «Хронике» на предшествующие царские дома, был связан именно с их противопоставлением XXX династии. В таком случае возникает вопрос, который, как ни странно, почти не обсуждался в исследованиях этого текста в подобной

---

⁶ Любопытно, что античная традиция содержит и своего рода инверсию представления об алчности Тахоса: согласно Клавдию Элиану, в Египте он жил «по обычаю своей страны» очень просто, но, оказавшись после мятежа Нектанеба в Персии и переняв местный образ жизни, умер от чревоугодия (*Ael.* V.N. V.1). Очевидно, что рассказ Элиана в принципе должен восходить к некоему египетскому первоисточнику, хотя бы и через целый ряд посредующих звеньев (трудно представить себе заинтересованность собственно античных авторов в создании о Тахосе такого вымысла). В таком случае можно предполагать существование своего рода египетской «альтернативы» топосу «Демотической хроники» об алчности Тахоса, опровергавшей его: ср. с негативной инверсией положительной традиции об Амасисе, очевидно, инспирированной его противниками из окружения Априя в VI—V вв. до н.э. [Ладынин, 2006 (2)].

формулировке: что в принципе делало возможным, с точки зрения его создателей и, соответственно, в концепции египетской царской власти IV—III вв. до н.э. столь множественные отступления ее обладателей от того, что вменяется им как норма их поведения?

Принципиальный общий ответ на этот вопрос мы видим еще в среднеегипетской литературе применительно к ситуации I Переходного периода. В «Речении Ипувера» о царе, несшем ответственность за бедственное положение страны на исходе Древнего царства [Демидчик, 2005, с. 29, прим. 3], говорится: «Слово, познание и *маат* у тебя (царя – *И.Л.*)⁷; /но/ то, что даешь ты по всей стране, – это смятение /и/ голос неурядиц. Смотри, один (букв. “другой”) ударяет другого; следуют приказанному тобой... Ты говорил ложь» (pLeiden I.344 *recto* 12.12—13, 13.2: *ḥw si3 m3ʿt ḥnᶜ.k sh3 pw rdi.k ḥt t3 ḥnᶜ ḥrw ḥnnw mk ky ḥr wd r ky zny.tw r wd.n.k... dd.n.k grg*). По данной фразе видно, что, как уже говорилось (см. настоящую главу, § 1.1.1), царь – современник Ипувера, будучи наделен безупречными средствами для поддержания *маат*, мог уклониться от их применения, следуя собственной свободе воли. По рассмотренным фрагментам «Демотической хроники» достаточно очевидно, что именно свобода воли, позволявшая царям подчинять свои действия собственным слабостям, влекла их к отступлениям от пресловутого закона⁸.

В связи со сказанным чрезвычайно показательным является появление во фрагменте, связанном с царем Псамуфом, упоминания о том, что «он не был на пути бога» (IV.7). Само словосочетание *t3 mi(.t) p3 ntr* является здесь, без сомнения, демотической калькой выражения *w3t ntr* (Wb. I. 248), восходящего еще к III тыс. до н.э. и в Позднее время ставшего обозначением чрезвычайно важной мировоззренческой категории⁹. Эволюция данного выражения в текстах II—I тыс. до

⁷ См. о категориях *ḥw* и *si3*: [Morenz, 1973, p. 165]; об их наличии у царя и роли в творении им *маат*: [Демидчик, 2005, с. 22—23].

⁸ Заметим, однако, что в еще одном демотическом тексте – «Поучении Анхшешонки» – причина отступления царя от «закона» формулируется иначе: «Когда Ра гневается на страну, ее царь оставит закон (*ḥ3ᶜ p3 ḥp*). Когда Ра гневается на страну, он заставит закон прекратиться» (*lg s ḥp*; pBM 10508. 5/2—3) [Kaplony, 1971, p. 260; Johnson, 1983, p. 68]. Очевидно, в данном случае речь идет о совершенно особой ситуации, когда отступления людей страны от стандарта благого поведения (см. ниже) вызывают гнев бога и в наказание он «наводит» на царя некое безумие, приводящее к его отступлениям от «закона»: «закон» в стране «прекращается», поскольку прекращается функция царской власти по его поддержанию.

⁹ Демотическое слово *mit* (DWL 02354) [Erichsen, 1954, S. 153 [11] (“Weg”)] восходит к среднеегипетскому *mtn* (Wb. II. 176.5: “Weg = der rechte Weg, die richtige Lebensführung”; ÄWb. II. 1159 {14331}: “Weg (richtige Lebensführung); cf. id. {14333}” [Takács, 2008, p. 756]. Заметим, однако, что, во-первых, слово *mtn* не употребляется в сочетании с *ntr* и его значение «путь, верный стандарт поведения», похоже, лишено религиозных коннотаций; ср. с выражениями со значением «придерживаться пути» = следовать верному поведению: *mdd mtn* (ÄWb. II. {14333}: “ergeben sein”), *mdd w3t* (id. 593 {6417}); в связи с их семантикой возникает невольная ассоциация с русскими выражениями «путём», «непутёвый»). Во-вторых, демотическое *mit* в указанном значении, кажется, не вполне равнозначно *t3 mi(.t)* в обсуждаемом фрагменте «Демотической хроники», отличаясь от него, в частности, по роду (мужскому, а не женскому; cf. DWL 02333: *my(.t)* [Erichsen, 1954, S. 152]) и по этимологии [Takács, 2008, p. 136—137]. По этим соображениям, нам кажется более оправданным

н.э. рассмотрена нами в статье [Ладынин, 2011 (4), с. 145—147], которую мы готовили, еще не будучи знакомы со сходным анализом Г. Виттманна, проделанном на существенно большем объеме материала источников [Vittmann, 1999, S. 49—64; см. также: Couroyer, 1949, p. 412—432; Ray, 1976, p. 62—63, n. 'c'; Johnson, 1983, p. 69, n. 59—60]; однако знакомство с ним не изменило наших выводов. В целом на протяжении этого периода усиливается тенденция к употреблению данного выражения не в буквальном (для обозначения перемещения статуи божества или движения бога в инобытии), а в переносном смысле слова, в качестве обозначения стандарта благого поведения. Если во II тыс. до н.э. в данном значении оно употреблено, кажется, только в «Поучении Хети, сына Дуауфа, своему сыну Пепи» [Vittmann, 1999, S. 31, 54; cf. Helck, 1970, S. 146], то в I тыс. до н.э. такое его значение становится, по сути дела, преобладающим. Это хорошо согласуется с тем, что морализирование, содержащее утверждение о соответствии прижизненных поступков усопшего предписаниям божества, становится чрезвычайно важной чертой позднеегипетских биографических надписей¹⁰.

Наиболее подробная «расшифровка» понятия «путь бога» происходит как раз в рамках этого корпуса текстов, в раннемакедонское время, в надписях гробницы гермопольского жреца Петосириса в Туна эль-Гебель (см. подробно об этом памятнике главу 3, § 3.4). В надписи, где рассказ о прижизненных делах Петосириса ведет его дочь Тех-иау, данное словосочетание встречается в не слишком информативном контексте, но явно в качестве обозначения

сопоставлять семантику словосочетания *t3 mi(.t) p3 ntr* в «Демотической хронике» именно со среднеегипетским выражением *w3t ntr* (см. о возможности образования позднеегипетского *mi.t* непосредственно от корня *w3-* при помощи преформативного *m* [Takács, 2008, p. 137]) – в том его значении, о котором мы будем говорить ниже.

¹⁰ Рассматриваемое нами словосочетание *w3t ntr* оказывается лишь одним, хотя, пожалуй, наиболее значимым ввиду своей четкости, среди терминов, обозначающих совокупность этих предписаний [Otto, 1954, S. 63]. Характерным образом, представление о том, что не личные усилия и умения, а именно благоволение бога, обеспечиваемое соблюдением определенного стандарта благого поведения дают человеку прижизненный успех и затем бессмертие, уверенность, что склонность к отступлению от такого стандарта вменена человеку по его слабостям, и противопоставление благочестивого человека, целенаправленно сверяющего свои дела с данным стандартом, человеку безбожному, поддающемуся своим слабостям, – это чрезвычайно важный мотив таких текстов, как «Поучение Аменемопе» и в особенности «Поучение папируса Инсингер». В частности, в последнем мы видим терминологически оформленное противопоставление «благочестивого человека» (*rm̄t ntr*; CDD: R. 45 [Erichsen, 1954, S. 233]) «безбожнику» (*s3b, s(3)b(3), sb(3)*; DWL 05181 [Erichsen, 1954, S. 420]). Датировка этих поучений (соответственно, около 1100 и 300 г. до н.э., по оценкам Х. Бруннера) позволяет с уверенностью считать его общим и неуклонно нарастающим в египетских религиозно-этических конструктах на протяжении I тыс. до н.э. [Гуля, 1941, с. 208—210, 231—238; Lichtheim, 1973—1980, vol. II, p. 146—148 ff; vol. III, p. 184—185 ff.; Brunner, 1998, S. 234—237 ff., 295—302 ff.]. Неверие в то, что сознание человеком грани между хорошим и дурным способно само по себе отвлечь его от соблазнов и проявлений слабости, прямо противоположно оптимизму в этом отношении более ранних египетских поучений (например, «Поучения Птаххотепа»; см. подробную демонстрацию этого на примере восприятия в поучениях женщины и взаимоотношений с ней мужчины: [Банщикова, 2009, с. 18—49, 128—129]. По-видимому, оно является закономерным следствием «парцелляции» [Банщикова, 2009, с. 48, 132] общества и существенного снижения патерналистских функций государства с начала III Переходного периода.

моральной модели: «Отец мой, отец мой, как прекрасно следовать (или “быть ведомым”?) по пути бога! Всякий, кто шел по нему, проходят они (см. [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 88, n. 2]) перед ним подобно...» (надпись 58, стлб. 22: *it.i zp-sn nfr.wy s(t) šm¹¹ hr w3t ntr hr-nb¹² šm.n.f hr.z sš.sn m hr.f mi...* следует неясное по смыслу сочетание знаков; DZA 25.412.340 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 88; t. 2, p. 30]). В аналогичной надписи, составленной от имени внука Петосириса Петукема, содержится описание выгод следования «пути бога»: «Польза /это/ – ходить по пути бога, /причем/ многое достается тому (букв. “воссуществует для того, кто”) помещает его в свое сердце. Памятник это его на земле – поместить путь его (бога – *И.Л.*) в сердце свое. Это оказавшийся на пути бога – /тот, кто/ проводит век свой в сладости сердца, более богатый, чем любой равный ему; старится он в городе своем, становится он *имаху*¹³ от нома своего, члены его на обновлении их в качестве ребенка» (надпись 61, стлбб. 28—29: *3ht šm hr w3t ntr wrw hpr m di s(y) m ib.f mnw.f pw hr-tp t3 di w3t.f m ib.f hpr pw hr w3t ntr hts.f h^cw.f m ndm-ib špss r mitt nb i3w.f m niwt.f iw.f m im3hw n spt.f wt.f nb hr rnpy z(n) m hrd*; DZA 25.412.310—320 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 104; t. 2, p. 36—37]). В надписи, составленной как обращение самого Петосириса к посетителям его гробницы, говорится: «О живущие(, сущие на земле и те, которые будут существовать, которые придут к горе этой и увидят) эту ограду¹⁴: придите, и сделаю (я), что будете искушены вы в замысле бога. Направлю (я) вас на путь жизни, путь прекрасный, /по которому/ следует бог; хвалимый это – /тот/, кого ведет сердце его к нему (“пути бога” – *И.Л.*); /тот, у кого/ крепко сердце его на пути бога, крепок /и/ век его на земле; /тот, у кого/ велик страх бога в сердце его, велика /и/ похвала (его) на земле» (надпись 62,

¹¹ Такое чтение сочетания знаков кажется нам (и другим исследователям текстов гробницы Петосириса: [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 88; Otto, 1954, S. 176] предпочтительным по сравнению с *šm* (в данном контексте «быть ведомым») ввиду отсутствия здесь знаков GG(SL) T₃₂ () либо S₁₂₃ (; ср. следующую строку надписи).

¹² По мнению Ж. Лефевра, сочетание знаков может быть выписано здесь ошибочно вместо или [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 88, n. 1]

¹³ О категории *имаху* см.: [Berlev, Hodjash, 1982, p. 24, n. ‘e’].

¹⁴ См.: [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 82 (“...et verrez] se tombeau”)]. В словаре к данному изданию это слово (иероглифика) не отмечено [Lefebvre, 1923—1924, t. 3, p. 40]; оно не комментируется и в связи с надписью 116, в соответствии с которой восстанавливается начало обсуждаемой сейчас надписи (cf. [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 158]). Между тем это слово достойно внимания, так как предлагаемый Г. Лефевром простой перевод «гробница» едва ли ему адекватен. «Словарь египетского языка» дает для слова *hnwt*, вариантом которого является, видимо, данное написание, следующее толкование (Wb. III. 110.7, со ссылкой на КМ 149. 100): “neben Gräben, als etw. das geöffnet wird (ob: Deiche?)”. Таким образом, речь идет о внешней части гробницы Петосириса, которая, в соответствии со смыслом надписи, действительно, была доступна обозрению любого прохожего. Надпись, тем не менее, находится во внутренней части гробницы, на южной стене пронаоса [Lefebvre, 1923—1924, t. 2, plan].

стлб. 1—2: *i ʿnhw (tp(yw) t3 wnnu(w) nty r hpr iy.sn r dw(t) tn m33.sn)¹⁵ hn pn mi.(t)n di(.i) šs3.tn m šhr n ntr sšm(.i) tn r w3t nty ʿnh w3t nfr šms ntr hs pw sšm z(w) ib.f r.z nwd ib.f hr w3t ntr nwd ʿhʿw.f hr-tp t3 wr snd nty ntr m ib.f wr hs(.f) hr-tp t3*; DZA 25.412.330 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 82; t. 2, p. 38]). Еще одна надпись, аналогичная только что рассмотренной, но составленная от лица отца Петосириса Сишу, содержит следующее обещание посетителям гробницы: «Дам я/что/ будете вы искушены в замысле бога, дам я/, что/ проникнете вы в знание *ба* его. Пришел я сюда, к городу вечности, /потому что/ делал я благо на земле /и/ наполнял я сердце мое на пути бога с детства моего и до [исполне]ния сего дня» (надпись 116, стлбб. 4—5: *di.i šs3.tn m zhr n ntr di.i wb3.tn m rh b3w.f iy.n.i d r niwt nty hh ir.i b(w) nfr tp t3 mh.i ib.i hr w3t ntr dr rnp.i r [m]n min*; DZA 25.412.350 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 158—159; t. 2, p. 83; Otto, 1954, S. 183]). Похоже, что рассмотренные фрагменты формируют практически целостное представление о значении категории «следования пути бога» для египтян нецарского статуса. Точное знание «пути бога» предполагает искушенность в «замысле» божества и даже соприкосновение с его истинным обликом, представленным его *ба* (см. о данной онтологической категории применительно к богам: [Демидчик, 2001, с. 80—83]), что, кажется, недостижимо для обычных людей без содействия наиболее опытных и умудренных среди них, в том числе тех, кто уже находится в загробном мире, как Петосирис и Сишу¹⁶. В таком случае становятся понятны и роль позднеегипетских поучений в определении и соблюдении «благочестивым человеком» верного жизненного стандарта, и их категоричность в этом (см. наше прим. 10): именно они являются квинтэссенцией опыта, который и ложится в основу данного стандарта. Едва ли можно сказать, что этот стандарт поведения предустановлен непосредственно богом, тем более зафиксирован в догматическом виде, подобно заповедям монотеистических религий! Скорее, это именно человеческий опыт, причем непрерывно пополняемый, относительно такого образа жизни, который содействует благожелательности бога к ведущему его человеку. Воздаянием за его соблюдение становится, как мы видим, благо при жизни и после смерти: характерно, что в связи с посмертным блаженством мы пока не заметили в рассмотренных фрагментах ни одной отсылки к мотиву загробного суда¹⁷. Однако само намерение человека, приобретшего знание о

¹⁵ Предшествующий фрагмент восстанавливается по аналогии с надписью 116; см. далее.

¹⁶ Обещания Петосириса и его отца при помощи своего знания «направить» посетителей гробницы на «путь бога» и тем самым обеспечить им благо обнаруживают явное сходство с посулами воздаяния за совершение заупокойного культа в виде посредничества в отношениях с божествами (прежде всего на загробном суде), которые характерны для гробничных надписей Древнего царства; см.: [Кеес, 2005, с. 199, прим. 101] (с отсылкой к Urk. I. 174, 197, 202).

¹⁷ О том, что сцены предстояния усопших перед богами, в том числе загробного суда, локализуются в гробнице Петосириса в ее капелле и связаны исключительно с посмертной судьбой его родственников, умерших раньше, чем он, а сцены пронаоса, связанные с посмертной судьбой самого Петосириса, реализуют исключительно модель «мира-Двойника», согласно терминологии А.О. Большакова, см. подробно главу 3, § 3.4.2. По рассмотренным нами фрагментам текстам можно заметить, что если

«пути бога», будь то на основании собственного опыта или опыта мудреца, следовать ему – это явно дело его свободной воли.

Очевидно, что в таком случае «следование пути бога» оказывается императивом, близким соблюдению царями IV в. до н.э. пресловутого «закона», с поправкой на то, что их средства к адекватному постижению последнего были бы, очевидно, значительно надежнее, чем у обычных людей – к постижению «пути бога». Существенно, однако, что понятие «путь бога» мы видим и применительно к царям не только в известном нам его эквиваленте в «Демотической хронике», но и собственно в позднеэgyptской форме в ряде надписей пропагандистского содержания. В «Мендесской стеле» Птолемея II Филадельфа (265/4 г. до н.э.; CM 22181 = JE 37089; Urk. II. 28—54; см. переводы: [Roeder, 1959, S. 168—188; Meulenaere, MacKay, 1976, p. 174—177; Schäfer, 2011, S. 239—276]) имеется пассаж, представляющий собой характерный для позднеэgyptских царских текстов панегирик правителю (сткк. 2—6, Urk. II. 34.16—36.13; ср. «Стелу Навкратиса», сткк. 2—7, и «Стелу Сатрапа», сткк. 2—3; см. ниже и «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», I.2) и включающий среди прочего такую последовательность эпитетов: «владыка *maat*, любящий законы, сердце которого (букв. “его”) вступило на путь [бога]¹⁸, защищающий Египет, делающий процветающими храмы» (id. 35.13—17: *nb m3ʿt mr hṗw ib.fʿq hr w3t [ntr] mk Kmt swd3 gsw-prw*). Как видно, здесь сочетаются топоры соблюдения царем «закона»¹⁹ и его благотельности для храмов, известные нам по «Демотической хронике», и понятие «путь бога» в контексте, практически эквивалентном тому, который мы видели в надписях гробнице Петосириса, т.е. свойственной характеристике обычных людей. Возможность подобной характеристики царя подтверждается более поздним текстом – т.н. «декретом Рафии» Птолемея IV, составленном в честь его решающей победы над войсками Антиоха III в 4-й Сирийской войне в 217 г. до н.э. [Gauthier, Sottas, 1925; Thissen, 1966]. Словосочетание «путь бога», весьма вероятно, присутствовало в его иероглифической версии, но соответствующий ее фрагмент не сохранился; в демотической версии, в связи с тем, что после своей победы Птолемей IV усердно отправлял культ и заботился о храмах на территории Восточного Средиземноморья, отвоеванной им у Селевкидов (CM 31088, сткк. 17—21 демотического текста) [Thissen, 1966, S. 16—17, 57—60], появляются показательные слова: «оказался царь на пути человека благочестивого» (букв. «человека бога»; стк. 17: *hṗr pr-ʿ3 hr my.t n rm-ntr*). К этому пассажи

Сишу, «предстоявший» богам, претендует на знание *ba* бога, очевидно, достижимое лишь при соприкосновении с ним, то сам Петосирис – лишь на знание его «замысла» (*shr*).

¹⁸ Знак здесь поврежден, но восстанавливается вполне уверенно.

¹⁹ Сочетание эпитетов «владыка *maat*, любящий законы» явно представляет собой параллелизм, соотносящий термины, как мы знаем, во многом эквивалентные в Позднее время (см. выше).

примыкает традиционное для птолемеевских текстов сообщение о возвращении Птолемеем IV в Египет культовых предметов, в свое время увезенных в Азию персами (сткк. 21—22; см. подробно об этом мотиве главу 4, § 4.1.2); но в целом этот текст создает впечатление, что его благочестие не делает особого различия между «своими» и «чужими» храмами и при этом не преследует какой-то прагматической цели, а просто соответствует его желанию. Таким образом, эти два эллинистических текста (в особенности второй, содержащий прямое сопоставление Птолемея IV с «человеком благочестивым» позднеегипетской религиозной этики; см. выше наше прим. 10 и [Johnson, 1983, p. 71]) показывают, что оценка царя в данное время строится, в принципе, по тому же стандарту благого поведения, что и оценка обычных людей (разумеется, с добавлением к нему специфически «царского» критерия благодетельности по отношению к храмам).

О том, что такое «очеловеченное» восприятие царей не является спецификой эллинистического времени (обусловленной, например, чужеземным происхождением правящего дома), говорят наши наблюдения над сведениями «Демотической хроники» о египетских царях IV в. до н.э. Как мы видели, их склонность к отступлению от «закона», проявляется в той же мере, в какой и склонность обычных людей поддаваться слабостям и соблазнам согласно позднеегипетской религиозно-этической доктрине. Добавим к этому еще одну не очень заметную с первого взгляда, но по существу важнейшую деталь: за исключением эпитета *nb m3t* во фрагменте «Мендесской стелы», мы не видели в свидетельствах оценки царей IV—III вв. до н.э. согласно стандарту благого поведения ни одного указания на их роль в совершении ритуала. Цари обеспечивают храмы материально и тем самым поддерживают в них культ богов; они возвращают в храмы культовые изображения и утварь, захваченные чужеземцами (именно этот мотив становится одним из центральных в адресованной египтянам пропаганде Птолемеев); однако ритуал как таковой, похоже, предстает функцией храмов, воспринятых как самостоятельный по отношению к царской власти институт. Мы, разумеется, не хотим сказать, что в рассматриваемое нами время представление о роли царя в культе богов полностью исчезает. Напротив, именно с его сохранением было связано формальное составление царских титулатур для правителей Египта, постоянно находившихся за его пределами и равнодушных к его религиозной жизни, а также потребность во введении в храмовые сцены, при отсутствии в Египте реального сакрального правителя, изображений совершающих ритуал «условных царей» с картушами пустыми или содержащими обозначение *pr-3* (см. о последнем моменте главу 3, § 3.1.2, 3.1.3). Тем не менее, роль царя в культе, особенно в смысле его практического совершения, очевидно, отошла на задний план в обыденном восприятии царской власти. Исторически эти перемены в идеологии (переход к оценке царей по «человеческому» стандарту благого поведения при размывании их ритуальной

роли) были, несомненно, результатом упадка царской власти и, видимо, пребывания на египетском престоле в I тыс. до н.э. чужеземных династий (см. выше). Однако их предпосылкой на концептуальном уровне должно было стать основательное снижение сакральности царей (по меньшей мере, в обыденном восприятии их подданных).

Как должна была относиться к данной ситуации в общественном сознании Египта официальная царская пропаганда IV—III вв. до н.э.? В связи с храмовым строительством в Фивах при Аргеадах и ее предпосылками во время правления XXX династии нам еще предстоит говорить, что приоритетом этой строительной программы был акцент именно на ритуальной роли (и, закономерным образом, на сакральности) царя (см. главу 2, § 2.3.1). Что касается отражения этой же официальной пропагандистской тенденции в письменных источниках, стоит, прежде всего, стоит обратить внимание на фрагмент «Стелы Навкратиса» времени Нектанеба I [Erman, Wilcken, 1900; Brunner, 1992, Taf. 25—26; перевод: Lichtheim, 1973—1980, vol. III, p. 86—89]. В содержащемся в ее тексте панегирике этому царю мы видим длинный пассаж, на первый взгляд, оценивающий его полностью в позднеегипетских критериях следования «пути бога» и императивной благодетельности по отношению к храмам: «...бодрствующий в поиске пользы для алтарей их (богов – *И.Л.*), созывающий жрецов-*hmw-ntr* их для совета с ними о делах всяких (букв. “плане всяком”) храма, делающий все (“приносящий жертвы”?) согласно речению их, не глухой (букв. “нет глухоты /его/”) к словам их, правый сердцем на пути (бога), строящий их дома, основывающий их стены, снабжающий алтарь, умножающий чаши, обеспечивающий жертвы во всем (букв. “в вещи всякой”))» (стлбб. 5—6: *rs hr hhy 3hw m zhmw.zn s3 hmw-ntr.zn hr nd r.zn m zhr nb n ht-ntr ir ist hft dd.zn nn sh hr mdw.zn m3^c ib hr w3t nt (ntr) qd hwt.zn hws inbw.zn zdf b3(w) s3 dbhw shp w3hy m ht nbt*). Обращает на себя внимание четко констатированная в этом пассаже несамостоятельность царя по отношению к жречеству в исполнении его функций благодетеля храмов. Случайно ли, однако, что в данном фрагменте в ключевом для оценки царской деятельности выражении «путь бога» (*w3t nt (ntr)*²⁰)

²⁰ Иероглифика (при размещении текста столбцами справа налево): [Brunner, 1992, Taf. 26]. Можно

было бы допустить, что пропуск знака GG(SL) R₈ () был спровоцирован затруднением в его размещении в столбце – невозможностью его расположения в данной группе знаков слева от *nota genitivi*, с нарушением симметрии и принципа вынесения данного знака *honoris causa* на первое место [Gardiner, 1957, p. 51, § 57]: понятно, что размещение его справа от *nota genitivi* или от знака GG(SL) N₃₁ исключалось самим выбором составителями надписи косвенногенитивной конструкции. Однако подобное затруднение было преодолимо как минимум двумя способами – употреблением в данном случае прямо-, а не косвенногенитивного словосочетания *w3t ntr*, с вынесением данного знака на первое место (как, например, в «Мендесской стеле»), либо размещением слова *ntr* (возможно, выписанного группой знаков – например,) ниже *nota genitivi* (заметим, что в гробнице Петосириса, в рассмотренных нами примерах в надписях 58, 61, 62 в прямогенитивном словосочетании *w3t ntr* его

пропущено само слово «бог»? Едва ли, если принять во внимание как хорошее качество надписи (легко заметить, что это единственный пропуск слова на весьма обширный фрагмент текста; см. также ниже), так и то, что непосредственно за этим пассажем следует другой, в котором утверждается, причем в самых ярких выражениях, уже божественность самого царя: «бог единственный, многий чудесами; служат ему лучи солнечного диска, говорят ему горы находящиеся в них, направляет ему Великая Зелень поток свой, приносят ему чужеземные страны пищу их, /ибо/ он умиротворил сердца их в долинах их» (стлбб. 6—7: *ntr w^c š3 bi3ywt b3k n.f ztw itn d(d) n.f dww imw.sn m3^c n.f W3d-wr i3d.f in n.f h3swt df3w.zn zhtp.f ibw.sn m iny(w).zn*). В таком случае можно заключить, что составители этого текста в его пропагандистской части, отдав должное преобладающему в IV в. до н.э. восприятию царской власти, но «смазав» при этом важнейшей в его рамках понятие «пути бога», затем сделали явный акцент на сакральности царя и на его способности направлять к своей пользе силы мира (хотя по преимуществу речь идет шла о тех из них, что действовали вне Египта). То, что критерий «следования пути бога» не был при оценке Нектанеба I в «Стеле Навкратиса» проигнорирован вообще, может объясняться практическим назначением этого текста (он фиксировал введение 10%-ного сбора в пользу храма Нейт со всех товаров, проходивших через таможи Навкратиса) [Lichtheim, 1977, p. 141] и, соответственно, широтой его аудитории, побуждавшей учесть преобладающее в ее сознании.

Еще один комплекс свидетельств о царской пропаганде IV в. до н.э., заслуживающий серьезного внимания, – это фрагменты «Демотической хроники» с очень специфической оценкой, которую получают в них цари XXX династии, исключая однозначно осуждаемого Тахоса. Выше мы упоминали, что в принципе Нектанебы I и II воспринимаются в этом тексте сравнительно положительно: во всяком случае, отклонения от «закона» не ставятся им в вину. Похоже, однако, что авторы «Хроники» знают за этими царями стремление гарантировать себе царский статус, сопряженный с сакральностью, какими-то иными способами, нежели

второй компонент выписан *после* первого, как раз группой , в надписи 116 – одним знаком GG(SL) R₈, тоже отнесенным на второе место). То, что в «Стеле Навкратиса» этим возможным вариантам предпочтен пропуск слова *ntr* (и к тому же избрана редкая в данном словоупотреблении косвенногенитивная конструкция, как мы видели, в значительной мере предопределяющая этот пропуск чисто графически), на наш взгляд, подтверждает наше предположение о его причинах (см. ниже). Любопытно следующее: доступные онлайн фотографии идентичной «Стеле Навкратиса» по содержанию стелы из Тониса-Гераклейона (см., например: URL: <http://www.franckgoddio.org/projects/sunken-civilizations/heracleion/interactive-map/thonis-heracleion/stele-of-thonis-heracleion.html>; дата обращения: 30.06.2017; к сожалению, нам не была доступна публикация этого открытого сравнительно недавно памятника: [Vomhard, 2012]) показывают, что в соответствующем месте надписи (стлб. 5) для передачи данного словосочетания (в этом варианте текста прямогенитивного – *w3t ntr*) использована своеобразная лигатура , фактически тоже стирающая значение в нем слова *ntr* (поскольку знак GG(SL) R₈ основательно теряется на фоне более объемного N₃₁).

соблюдение «закона» и следование «пути бога». О Нектанебе I говорится: «Я явился на свет в венце из золота (*p3 shn (n) nb*): не будет удален он с чела моего... Мои одежды для праздничных явлений (*n3y hbs.w h'*) на мне: никто их не отнимет» (V.6—8). Достаточно понятно, что в этих речениях имеется в виду неотъемлемая принадлежность этому царю атрибутов, связанных с его статусом и с исполнением ритуалов, причем упоминание первого из них вызывает невольную ассоциацию с золотыми венцами, бывшими исконными атрибутами детей Редждедет в сказках папируса Весткар (pWestc. 11.13). Однако еще более показательным речением, которое относится, по мнению исследователей, к Нектанебу II (V.9—10): «Говоришь ли ты в сердце своем: “Царская должность в руке моей. Никто не отнимет ее у меня”? Меч – это царская должность, явление которой есть обличье сокола. Говорят они: “более могущественный меч может восстать”». Согласно весьма правдоподобному мнению, упоминание в этом контексте «обличья сокола» – это аллюзия на хорошо известные скульптурные изображения Нектанеба II перед огромным по сравнению с ним соколом-Хором, культ которых был учрежден во всех значительных храмах страны [Johnson, 1983, p. 64, 67; Felber, 2002, S. 86, Anm. Zu V/10]²¹. В отдельной публикации, [Ладынин, 2009 (4)] мы обосновали интерпретацию этих скульптурных групп (Рисунок 1.2), отталкивающуюся от гипотезы О.Д. Берлева о механизме действия тео-, нао- и символофорных статуй частных лиц. Поскольку божеству, согласно египетским представлениям, свойственно стремиться воплотиться в своих изображениях или атрибутах, то человек, держащий такой предмет в руках, оказывается в своего рода «защитном поле», образованном *ба* «притягиваемого» этим предметом божества [Берлев, Ходжаш, 2004, с. 249, комм. «а»]. По нашему мнению, «соколы-Нектанебы» выражали идею не защиты царя богом [Большаков, 2000, с. 85], а его воплощения в царе вследствие «притяжения», обусловленного наличием компонента «Хор» (в иероглифическом написании знак GG(SL) G₆ –) в его личном имени (*Nht-Hr-Hbyt* – «Силен Хор /города/ Хебит» [Beckerath, 1999, S. 228—229; Vlöbaum, 2006, S. 416—418]). Видимо, внедрение в культовую практику таких скульптурных групп было призвано провести мысль о том, что бог воплощается в данном конкретном царе – Нектанебе II – постоянно, при совершении им любого действия, едва ли не независимо от своего желания. Очень показательным, что на постаменте одной из этих групп, происходящей из Таниса, мы видим эпитет «сокол божественный», следующий за титулом «царь Верхнего и

²¹ См. характеристику пяти таких известных скульптурных групп (из Бехбейт эль Хагара, Таниса, Гелиополя, Саккара и Билифьи вблизи Ихнася эль-Медина) с отсылками к публикациям: [Jenni, 1998, S. 88, 90, 92—94; Ладынин, 2009 (4), с. 3—5] о культе этих изображений: [Meulenaere, 1960; Holm-Rasmussen, 1979; Gorre, 2009 (2); Ладынин, 2009 (4), с. 7—9]. Наличие в «Демотической хронике» столь отчетливой реплики этих культовых практик царя XXX династии, критика которых, без сомнения, была актуальна только для его современников, показывает, что она фиксирует отношение породивших ее жреческих кругов к царской власти не только на время ее создания, но и примерно на вековой период до этого (ср. наше прим. 5).

Нижнего Египта» и предполагающий, по существу, тождество бога и Нектанеба II в качестве реального правителя Египта²².

Подобный прием, побуждавший божество воплощаться в царе, был, похоже, впервые опробован Нектанебом I, при котором была возведена аллея сфинксов, соединившая соединила Карнакский и Луксорский храмовые комплексы [Arnold, 1999, p. 118; Myśliwiec, 1988, p. 81—84 (фотографии сфинксов); Abd el-Razik, 1968]. Согласно надписям на основаниях сфинксов, эта аллея была предназначена для «совершения» богом его «прекрасной процессии в Ипет-Ресит (Луксоре – И.Л.)» (...r irt hnt.f nfr(t) m Ipt-Rsyt...) [Abd el-Razik, 1968], под которой, скорее всего, понимается праздник Опет (см. о роли фиванских праздников в программах храмового строительства IV в. до н.э. главу 2, § 2.3.1). На подходе к Луксору эта аллея была образована обычными сфинксами с телом льва и лицом царя (PM² II. 302, plan XXIX); однако на участке аллеи к югу от Карнака, вблизи комплекса богини Мут (id. 255, plan I, XXIV), между лапами сфинксов, под их защитой, находилась фигура царя. Аналогом этой аллеи была аллея криосфинксов (сфинксов с бараньими головами), между лапами которых также находилась фигура царя (id. 191, plan XXIV), возведенная еще при Рамсесе II; вместе с тем сходство концепции этих скульптурных групп с концепцией «соколов-Нектанебов» достаточно очевидно. Как известно, имена двух царей XXX династии совпадают, различаясь лишь по порядковым номерам, исключительно в традиции их научной транскрипции. Уже в греческой транскрипции они отличаются одно от другого (*Manetho. Fragg. 74a—b: Νεκτανέβης* и *Νεκτανεβός*), а в их исконном египетском варианте совпадают только в начальном своем компоненте. При этом имя Нектанеба I *Nht-nb.f* означает «Силен господин его» [Beckerath, 1999, S. 226—227; Blöbaum, 2006, S. 408], т.е., опять же может трактоваться как высказывание, относящееся к покровительствующему царю божеству, каковым в композиции сфинкса с фигурой царя между лапами оказывалось собственно божество сфинкса – Хармахис (*Hr-m-3ht* – «Хор в горизонте»; LÄGG V. 238—239). В довершение этого имя *Nht-nb.f* часто писалось с использованием знака GG(SL) E₂₃ (~~Ps~~) в значении *nb*; кстати, подобное написание имени Нектанеба I могло «обыгрываться» не только в интересующих нас композициях со сфинксом, но и в хорошо известных скульптурных изображениях лежащего льва, относящихся к его времени и обнаруживающих отчетливое эллинское влияние (Ватикан, Museo Gregoriano

²² «Да живет Хор, Любимый Обеими Землями, царь Верхнего и Нижнего Египта сокол божественный, вышедший из Исиды, владыка Обеих Земель Сенеджем-иб-Ра, Избранный Амоном, сын Ра, довольствующий породившего его, владыка воссияний Нектанеб, любимый Амоном, любимый Хором, владыкой Месена, , наделенный жизнью, прочностью, подобно Ра» (*ḥnḥ Hr mry-t3wy nsw-bity bik ntr(y) pr m St nb t3wy Sndm-ib-Rḥ Stp-n-Imn z3 Rḥ šḥp ms sw nb ḥḥw Nht-Hr-Ḥbyḥ mry-Imn mry Hr nb Msn*) [Montet, 1959 (1), p. 59—60].

Egizio 16, 18) [Marucchi, 1899, p. 32, 36—39; Scharff, 1941, S. 195—203]²³. В таком случае, композиция сфинксов с изображением царя между лапами на аллее между Карнаком и Луксором должна была, очевидно, обеспечить «притяжение» бога Хора к Нектанебу I по полной аналогии с функцией «соколов-Нектанебов» в отношении Нектанеба II. Разница между этими двумя приемами состояла лишь в том, что фиванская аллея сфинксов была, похоже, сугубо локальным опытом, в то время как культ «соколов-Нектанебов» был учрежден в большом числе значимых египетских храмов. На фоне этого ухищрения очевидно, что и Хорово имя Нектанеба I *tm^c-^c* («Мощный дланью») [Beckerath, 1999, S. 226—227; Vlöbaum, 2006, S. 405], представляющее собой не специально сформированную для этого царя конструкцию, а важнейший эпитет бога Хора в его аспекте царя-воителя (LÄGG VII. 463k [Демидчик, 2005, с. 17]; см. также настоящую главу, § 1.2 – в связи с надписями наоса из Сафт эль-Хенне, главу 3, § 3.1.2, главу 6, § 6.2.3), было призвано обеспечить прочное и надежное воплощение в Нектанебе I этого божества.

Понятно, что идея о постоянном и неотъемлемом присутствии в царя божества и надежно обеспечивала его сакральный статус, и ставила его действия выше вопроса об их соответствии «закону». Ассоциация же в речении «Демотической хроники» царской власти с образом меча показывала, по-видимому, что для Нектанеба II подобная гарантия своего статуса была актуальна в связи с обороной от внешней угрозы (что понятно, учитывая неоднократные в течение его царствования попытки персов вторгнуться в Египет: [Lloyd, 1994 (2), p. 349]; см. также настоящую главу, § 1.2). Заключительная фраза данного речения: «более могущественный меч может восстать», – выглядит удачной аллюзией на второе персидское завоевание, завершившее царствование Нектанеба II; однако, скорее всего, она имеет в виду и то, что данное событие произошло по воле более могучего, чем царь, бога и что, судя по этому, попытки «привязать» к себе сакральные качества какими-то средствами, независимыми от этой воли, тщетны. Таким образом, Нектанеб I и II предстают в «Демотической хронике», царями, по сути дела, пожелавшими освободиться от воли бога и налагаемых ею обязательств, и, видимо, осуждаются именно за это; однако, при значении XXX династии в истории IV в. до н.э. и ее связи с эллинистическим временем, это осуждение не могло быть выражено более явно²⁴.

Вместе с тем само наличие подобного осуждения должно привести нас к еще одному очень значимому заключению о характере преобладавших в египетском обществе IV в. до н.э.

²³ Стоит заметить, что надпись на постаментах этих статуй («Да живет Хор Мощный дланью, царь Верхнего и Нижнего Египта Хепер-ка-Ра сын Ра Нектанеб» *ḥr Hr tm^c-^c nsw-bity Ḥpr-k3-R^c z3 R^c Nḥt-nb.f*) структурно аналогична надписям «соколов-Нектанебов», а сами они происходят из Телль эль-Баклии – центра, в котором мог существовать культ статуй царей XXX династии [Meulenaere, 1960, p. 98 (nr. 14)].

²⁴ Ср. со столь же имплицитным осуждением царя Нектанеба в «Романе об Александре» за его приверженность магическим практикам, обеспечивавшим ему победу над врагами; см. главу 5, § 5.5.

представлений о царской власти. В III—II тыс. до н.э. сакральные качества, присущие царям Верхнего и Нижнего Египта считались имманентными им; в определенных (как мы говорили, неясных и им самим) обстоятельствах они могли утратить свою силу, но, судя по всему, не покинуть их. Весьма показательным образом это свойство царской власти проявилось в ситуации перехода царской власти от IV династии к V-й в ее описании в сказках папируса Весткар. Решив отстранить дом Хуфу от власти и породить новый царский дом в семье жреца «владыки Сахебу», верховный бог, однако, вынужден примириться с пребыванием на престоле не только самого Хуфу, но и его потомков, уже рожденных будущими царями (очевидно, уже также порожденных самим верховным богом и наделенных сакральными качествами); лишь затем на престол сможет взойти старший из детей супруги жреца Реддждет (pWestc. 9.14) [Ладынин, 2002 (2), с. 164—167]. Очевидно, в представлениях среднеегипетского времени сакральные качества и не только сам царский статус, но и предопределенность к нему ввиду рождения от божества (см. о значении термина *inpw* настоящую главу, § 1.1.1, прим. 24) не могли быть отняты даже им самим. Серьезную модификацию этого представления мы наблюдаем уже в эпоху XXVI династии: как мы видели на примере восприятия финалов правления Тахарки (в стеле Серапеума Года 21 Псамметиха I) и Априя (в Элефантинской стеле Амасиса; см. там же) цари могли лишиться своих сакральных качеств, однако, вне сомнения, обе эти ситуации рассматривались как экстраординарные, а в норме сакральность скорее должна была оставаться имманентна царю. Если исходить из этого представления, то осуждение создателями «Демотической хроники» царей XXX династии за их стремление гарантировать себе сакральные качества, связанные с их статусом, выглядит довольно странно: ведь даже прибегая для этой цели к каким-то ритуальным новациям (например, вводя культ пресловутых «соколов-Нектанебов»), эти цари всего лишь подкрепляют то, что, как будто, и так должно принадлежать им по праву. Очевидно, что осуждение царей за это мыслимо только в рамках представления о том, что подобные качества им не имманентны, а либо придаются им божеством ситуационно, в той мере, в какой они необходимы и в какой цари заслуживают такого содействия соблюдением ими стандарта благого поведения, либо же вообще принадлежат исключительно божеству и пускаются им в ход в пользу царя и как бы от его имени в зависимости от тех же условий. Мы не можем сказать определенно, какой из этих двух механизмов действовал согласно представлениям создателей «Демотической хроники»; однако так или иначе он должен был возникнуть на основе того представления о зависимости сакрального статуса царя от воли бога к воплощению в нем, которое, как мы предполагаем, отразилось в фаюмском памятнике времени Дария I (см. настоящую главу, § 1.1.1). В любом случае в рамках этих представлений стремление царя закрепить за собой сакральность независимо от воли божества действительно выглядит дерзостью, несовместимой с поведением

«человека благочестивого» прежде всего самой возможностью благодаря этому отступить от «закона» и «пути бога» (если даже не в конкретных действиях, то, во всяком случае, в принципе).

Осуждение создателями «Демотической хроники» подобных попыток царей XXX династии показывает, что соответствующие тенденции египетской идеологии находились в достаточно жестком и хорошо осознанном противостоянии. Решение вопроса об их социально-политической основе очевидно: одна из них подкрепляла позиции жречества и, возможно, в целом знати, т.е. слоев, опасавшихся усиления царской власти; другая, напротив, работала на ее укрепление. Существенно, однако, что эти тенденции были весомы примерно в равной степени благодаря не только стоявшей за ними политической поддержкой, но и опоре на культурно-религиозную традицию Египта: если одна из них была связана с актуальным мировоззрением египетского общества IV в. до н.э., то другая восходила к поре его величия в III—II тыс. до н.э. Мы уже видели, что в «Стеле Навкратиса» оценка царя с точки зрения его благого поведения была представлена, даже несмотря на то, что идеологи Нектанеба I, от которого исходил этот текст, видимо, скорее предпочли бы этого не делать. Сам же факт того, что цари XXX династии прибегали для закрепления имманентной им сакральности, не зависящей от божества, к особым приемам, а не просто полагались на воспроизведение топосов III—II тыс. до н.э., показывает, что они как минимум считались с существованием концепции, ставшей основой «Демотической хроники», и желали подчеркнуть, что стоят вне ее действия. Позднее, в «Мендесской стеле» мы видим своеобразный «баланс» обеих тенденций, о которых мы сейчас говорим: в ее панегирической части утверждение божественности Птолемея II, начиная с его именованья *ntr nfr* (Urk. II. 33.15—34.14), находится примерно в равновесном соотношении с его характеристикой как победоносного и благого правителя, следующего «пути бога» (фрагменты из нее мы приводили выше: id. 34.16—36.13). В целом же взаимодействие между этими противоположными тенденциями и должно было создавать идеологическую ситуацию, в которой институт египетской царской власти подошел к началу эллинизма.

1.2 Египетская концепция универсализма царской власти и восприятие межрегиональной азиатской державы в Египте Позднего времени

Как известно, египетская концепция сакральной царственности, основанная на представлениях о роли царя в совершении ритуала и его связи в силу этого с богами (см. настоящую главу, § 1.1.1), предполагала, что его власть в принципе распространяется на весь земной мир. Представление об этом было связано с тем, что благодатная долина Нила с ее высокопродуктивным земледелием считалась единственным в земном мире местом, специально созданным для служения богам [Берлев, 1999 (2); Демидчик, 2002; 2005, с. 18—19]. Именно по этой причине она часто обозначалась словосочетанием «земля возлюбленная» (Wb. V.223—224.9: *t3 mry*), т.е., очевидно, избранная¹ богами и противопоставленная в этом смысле чужеземным странам (буквально «пустыням», или «нагорьям»; id. III. 234: *h3swt*). Само же ритуальное служение, осуществлявшееся сакральным царем (по отношению к которому жрецы, реально совершавшие обряды в храмах, являлись не более чем заместителями), считалось важнейшей миссией, поддерживавшей благоприятный порядок и гармонию (*maat*) не только в Египте, но и во всем мире [Демидчик, 2001]. Вместе с тем универсалистский характер этой миссии в течение долгого времени не имел подобавшего ему, казалось бы, адекватного выражения в идеологии внешней политики – в представлении о том, что египетский царь в буквальном смысле слова *владел* всем земным миром. Такой классический текст среднеегипетской литературы, как «Рассказ Синухета», содержит в одной из своих важнейших сцен – беседе Синухета с принявшим его к своему двору правителем Верхней Речену Амуенши – т.н. «панегирик Сенусерту», прославляющий могущество египетского царя, который *может* разгромить любого дерзнувшего ему противостоять врага (Sin. B46—75). Однако этот топос не только не тождествен утверждению власти Сенусерта I над всем миром, но и соположен в тексте с фразой Амуенши, которую мы считаем нужным понять как в высшей степени ироническую: «Воистину, Египет счастлив, узнав мощь его (Сенусерта I – *И.Л.*); /но/ смотри, ты здесь; /если/ будешь ты со мной, /будет/ хорошо /то, что/ сделаю я для тебя» (id. B75—77: *hr-ḥm Kmt nfr.ti ntt s(y) rh.ti rwd.f mk tw ʕ3 wnn.k ḥn^c.i nfr irt.i n.k*). По существу, автор «Рассказа» в почти явной форме демонстрирует бестрепетность правителя полукочевого племенного союза Восточной Сирии перед египетским царем и тем самым отсутствие реальной власти последнего над этими областями. Как убедительно показал

¹ Такой вариант истолкования причастия *mry* кажется нам возможным, исходя из его формы однократного действия (земля, «возлюбленная» однажды, в смысле предпочтенная остальным; cf. [Gardiner, 1957, p. 284, § 367: “a... distinction may sometimes be intended between *mrr* “loving” and *mr* “wishing”]).

А.Е. Демидчик, официальные тексты исторического Сенусерта III – его стелы из Семны и с острова Уронарти в Нубии и гимны иллахунского архива – удостоверяют, причем как крупнейшее достижение, успехи этого царя не в покорении новых земель, а в удержании границ, установленных им и его предшественниками [Демидчик, 2005, с. 151—152, 170—174] (см. также в связи с мотивом «стел Сесостриса» в античной традиции ниже, глава 6, § 6.2.1). Позднее, в эпоху Нового царства тот факт, что политическое могущество Египта в Азии и Нубии имеет четкие пределы, следует из самого термина *swšḥ tšw* («расширение границ»; Wb. V.236.4), описывавшего цели египетской экспансии [Дейнека, 1990, с. 138 сл.; Galán, 1995]. Разумеется, в военных текстах XVIII династии и более позднего времени нередко говорится о власти египетского царя над чужеземными странами, а сам он предстает воителем, совершенно несопоставимым по мощи и удаче со своими противниками. Тем не менее, фиктивный характер тех сообщений, где речь шла о вассалитете митаннийских, вавилонских или хеттских правителей от Египта, был, несомненно, очевиден самой аудитории данных текстов (см., напр., мемфисскую стелу Аменхотепа II: Urk. IV.1309.11—18) [Ладынин, Немировский, 2001 (2), с. 65, 89—90, комм. LIII и прим. 72—74, 96—97].

Строго говоря, основанием для конструирования таких фикций была не изначальная власть египетского царя над всем миром, а признававшаяся за ним способность победить любого врага, внушив ему иррациональный страх (см. об обеспечении царю такой возможности ритуалами проклятия: [Демидчик, 2005, с. 146—149]). При этом данная способность царя связывалась не только с его происхождением от божества, но и с помощью последнего ему уже на протяжении его царствования; а предоставление царю такой помощи считалось критерием того, что боги принимают совершаемый им ритуал, т.е. признают его правление легитимным и согласным с универсальным миропорядком *maat* (ср. с предполагаемым нами имплицитным осуждением Нектанеба II за отказ от обретения такой помощи божества и прибегания вместо нее к колдовству; см. главу 5, § 5.5). В эпоху Нового царства этот «критерий военного успеха», по сути дела, занял в легитимации власти царя место, которое во времена I Переходного периода и Среднего царства принадлежало его способности обеспечить ритуалом нормальное протекание природных процессов и благоденствие страны. В частности, такое его восприятие отразилось в т.н. Реставрационной стеле Тутанхамона, согласно которой прекращение при Эхнатоне совершения ритуала привело прежде всего к упадку военной деятельности египтян: «если посылали войско в Джахи (Финикию. – И.Л.) ради расширения границ Египта, не выпадало ему никакого успеха (букв. “не случался успех его всякий”» (Urk. IV.2027.13—14: *ir h3b[.tw] mš^c r D3hy r swšḥ tšw Kmt n ḥpr.n rdwt.sn nb*). В Позднее время яркие примеры сохранения этим критерием царской легитимации своего значения мы видим в «Стеле Пианхи» (в утверждении за напатским царем способности внушать страх всем врагам, даже «большим по

сравнению с ним», и одерживать над ними победы), и в Элефантинской стеле Амасиса, фиксирующей переход к нему этих способностей от его предшественника Априя (см. выше, § 1.1.1).

Как мы уже сказали, в эпоху Нового царства, на этапе наивысшего взлета экспансии древнеегипетского государства во внешнем мире, теоретические универсалистские притязания египетских царей в их официальных текстах совмещаются с весьма четким территориальным ограничением действительного объема египетской сферы влияния. В начале Нового царства в Томбосской стеле о Тутмосе I говорится, что он «собрал пределы всей земли целиком /и/ соединил оба конца ее мощной дланью своей» (Urk. IV.85.7—8: *in.n(f) drw t3 hr nbd.f hnd(.n.f) pḥwy.fy m ḥps.f nḥt*). В данной фразе принципиально употребление по отношению ко всей совокупности владений Египта термина «земля» (*t3*): с одной стороны, он является космологическим обозначением всего земного мира (Wb. V.212.6; и др.), но, с другой стороны, вызывает и отчетливую ассоциацию с представлением о Египте как особой части мироздания, предназначенной для служения богам и отличной в этом от «нагорий»-*ḥ3swt* [Демидчик, 2005, с. 18—19; 137, со ссылкой на диссертацию Т.А. Дейнеки (об именовании в эпоху Нового царства чужеземцев, подвластных Египту, термином *rmt* – «люди», в норме употреблявшимся по отношению к египтянам, и о презентации египетского царя как «пастыря доброго, бодрствующего для всех людей» как в долине Нила, так и за ее пределами)]. «Оба конца земли» в таком случае – это и опять же космологическое по своему смыслу обозначение рубежей этой особой части мироздания и, вместе с тем, вполне прагматическое указание на границы владений Тутмоса I, которые, собственно, и описываются чисто географически в следующем за данной фразой пассаже Томбосской стелы: «Южная граница его вплоть до южных пределов земли этой (т.е. Нубии. – *И.Л.*), северная – вплоть до воды этой перевернутой, текущей вниз в южном направлении (букв. “в течении вверх”²)» (id. 85.13—14: *t3š.f rsy r ḥntyw t3 pn mḥy r mw pf qdw ḥdd m ḥnty*). Примечательно, кстати, что еще несколькими строками ниже утверждение универсалистского могущества Тутмоса I четко вписано в сугубо сакральные коннотации, возможно, указывающие на определенную условность этого утверждения: «Величество его в качестве Хора, схватившего царственность миллионов лет: подчинил он острова круга великого (моря; см. Wb. IV. 493.15 – *И.Л.*), земля до пределов ее под сандалиями его» (id. 86. 7—10: *tī ḥm.f m Hr itw m nsyt nt ḥḥ m rnpwt gnḥ.n.f iww šn-wr t3 r dr.f hr tḥty.fy*). О прагматическом понимании термина *t3* свидетельствует и фраза из начала «Анналов» Тутмоса III, содержащая упоминание о мятеже в египетских владениях в Азии «от Иурсы вплоть до пределов земли» (id.

² Как известно, это обозначение относилось именно к Евфрату, как к первой встретившейся египтянам реке, которая текла в направлении, противоположном Нилу [Helck, 1977 (1); ср. с мнением Кл. Вандерслеяна, как это часто бывает в его работах, гиперкритическим в отношении традиционной трактовки древнеегипетского термина: Vandersleyen, 1998, p. 17—25].

648. 6: ...š3^c-m Yrd3 nfryt-r phw-t3), где под «пределами земли» имеются в виду, несомненно, прежние, уже утраченные к началу мятежа, рубежи египетских владений в Северной Сирии и у Евфрата³. Что касается космологического значения географического рубежа, ограничивавшего север египетских владений в Азии и, весьма вероятно, ассоциированного с Евфратом, в этом смысле для эпохи Нового царства показательна «Сказка об обреченном царевиче» (pHarris 500 verso. 4.1—8,14) [Gardiner, 1932, p. IX, 1—9; Сказки и повести древнего Египта, 1979, с. 78—83, 236—241]. Ее действие разворачивается в Нахарине, т.е. в коренных землях Митанни, как раз лежавших за Евфратом: эта страна характеризуется, с одной стороны, просто как чужая по отношению к Египту (со своей спецификой, воспроизведенной достаточно отчетливо [Helck, 1987, S. 218–222; Loprieno, 2003, p. 44]), но вместе с тем это еще и мир, в значительной мере противоположный обычному земному, где вступают в действие законы волшебной сказки.

Любопытно, что аналогией (причем в типологическом, а не временном аспекте не столь уж отдаленной) описанной нами идеологической ситуации может служить официальная доктрина Японии, существовавшая испокон веков, но на памяти людей нового и новейшего времени актуализированная со времени провозглашения «единства ритуала и управления» (*сансэй итти*) в начале эпохи Мэйдзи (апрель 1868 г.). Осуществление ритуала японским императором – уникальным в мире правителем, происходящим от солнечной богини Аматэрасу Омиками и являющимся в силу этого «живым богом» (*арахитогами*) – считалось исключительно важным для существования всего мира⁴, но до поры до времени само по себе это не служило поводом для претензий Японии на миродержавие либо для неразумно амбициозной внешней политики. Лишь в середине 1920-х гг., в начале эры Сёва, конкретная политическая обстановка породила у японской государственной и военной элиты убеждение, что сохранить и впредь свое положение в мире их страна сможет, лишь неуклонно расширяя свою экспансию. Тогда в обоснование этой экспансии была выдвинута доктрина *хакко ити-у* («восемь сторон света под одной крышей»), поставившая задачу политического подчинения универсальному правителю-ритуалисту если не всего мира, то во всяком случае обширной «сферы сопроцветания» в составе Восточной Евразии и стран южных морей.

³ Учитывая, что Иурса находится в Южной Палестине [Redford, 2003, p. 12—13], подобное широкое обобщение заведомо не было бы употреблено в связи с небольшой территорией между ней и Египтом.

⁴ См. о доктрине *сансэй итти*: [Молодяков, 2002, с. 652—653; Мещеряков, 2002]; о мотивации в выступлениях и частных документах императоров Сёва и Хэйсэй принятия условий безоговорочной капитуляции в августе 1945 г. угрозой национальной и глобальной катастрофы при условии атомного разрушения Японии и невозможности полноценного совершения императором ритуала: [Бикс, 2002, с. 455—463]. Типологическое сходство ритуалистических монархий Египта и Японии кратко, но, по нашему мнению, убедительно обосновано А.Е. Демидчиком [Демидчик, 2005, с. 16, прим. 3; 18, прим. 1; 23, прим. 1]; ср. со сходным, но более мимолетным сопоставлением Е.С. Богословского [Богословский, 1989, с. 122—123].

Между тем подобная «сфера сопроцветания» действительно возникла в I тыс. до н.э. в переднеазиатском регионе – только не под властью египтян. Насколько можно судить, согласно представлениям этой эпохи, вся территория Ближнего Востока чрезвычайно долго, едва ли не с рубежа между мифологическим и историческим временем, была интегрирована в рамках единого государства, власть в котором переходила от одного народа к другому. Наиболее отчетливо этот топос отразился в греческой традиции, где ближневосточная межрегиональная государственность I тыс. до н.э. (последовательность «мировых держав» – Ассирии, затем Мидии и менее значимого для греков Нововавилонского царства и, наконец, ахеменидской Персии), именовалась «царством Азии» (βασιλεία τῆς Ἀσίας). Согласно Эсхилу, земли Азии с древнейших времен были интегрированы в политическое единство, власть над которым последовательно переходила от одного народа к другому: «...Зевс-владыка ниспослал закон, / Чтоб всей землей стада растящей Азии / Всегда один лишь правил скиптоносный вождь...» (пер. С.К. Апта по: [Эсхил, 1971, с. 110]; *Aesch. Pers.* 762—764: ἐξ οὔτε τιμὴν Ζεὺς ἄναξ τήνδ' ὤπασεν, / ἔν' ἄνδρα πάσης Ἀσίδος μηλοτρόφου / ταγεῖν, ἔχοντα σκῆπτρον εὐθυυπήριον). В «Истории» Геродота ассирийцы при Нине были представлены как первый народ, которому принадлежала власть над «Верхней Азией» (*Hdt.* II.95; в другом месте их владычество признается общеазиатским: *id.* 105)⁵. Затем от них эта власть перешла к мидянам, причем возвышение последних, начавшееся на фоне упадка Ассирии (*id.* 95, 102), прервалось возвышением скифов и эпохой их всеазиатского владычества (*id.* 103—106); а далее известным по рассказу Геродота образом «владычество над Азией» перешло от мидян к персам.

В первой четверти IV в. до н.э. труд Ктесия Книдского, ориентировавшегося на персидскую традицию [Llewellyn-Jones, Robson, 2010, p. 55—65; ср.: Дандамаева, 1995, с. 18 и прим. 14], добавил к этой идее тезисы о преемственности между ассирийским и мидо-персидским этапами «владычества над Азией» и о его тотальном характере на каждом из этих этапов. Согласно Ктесию, мидянин Арбак, восставший в союзе с вавилонянином Белесисом против Ассирии, получил царский статус только после падения Ниневии, по инициативе приближенных погибшего ассирийского царя Сарданапала. Далее союзный Арбаку Вавилон стал не самостоятельным царством, а вассалом Мидии: его правитель в свидетельствах Ктесия именуется порой «сатрап» или «гипарх» и может быть даже смещен своим мидийским сюзереном (*Diod.* II. 27—28; *Nicolaus Damascenus.* FGrHist. 90. F.3 = Exc. de Insidiis, p. 4.23 de Boor). Эта фикция, замещающая нововавилонские реалии, которые (как, вероятно, и также

⁵ Геродот в своем труде фактически воспроизвел две последовательности азиатских царей, владевших, соответственно, Нижней и Верхней Азией; они обе восходят к Гераклу через посредство Нина и Бела, и первая из них и включает малоазиатских Гераклидов и Мермнадов (*Hdt.* I.7), а вторая – ассирийских потомков Нина (*id.* 95) [Иванчик, 1996, с. 115—116].

опущенный ими топос «скифского владычества») подрывали принципиально важную для информаторов Ктесия идею исконного всеазиатского могущества Мидии, явно была построена по модели псевдоавтономного статуса Вавилонии под властью персов (исторической «зацепкой» для нее был брак дочери Киаксара/Арбака и Навуходоносора II, ассоциированный с подчиненным, «сыновним» статусом последнего: *Diod.* II. 10; ср. позднее у Бероса: *FGrHist.* 680. F. 5a). Таким образом, ко времени Ктесия оформляется линейная последовательность двух мировых держав Востока – Ассирии и Мидии/Персии, – которая далее прочно закрепилась в античной традиции (*cf. August. De civ. Dei.* XII. 10; XVIII. 2; 21). При этом Ктесий, похоже, впервые четко утверждает, что «владычество над Азией» переходит от одной державы к другой, так что его одновременное наличие у двух государств невозможно. В сведениях Ктесия мы не видим упоминаний о «скифском владычестве в Азии», однако представление о нем весьма важно в других ответвлениях античной традиции⁶.

Наконец, в известных исторических обстоятельствах «владычество над Азией» перешло к Александру Великому [Fredricksmeyer, 2000]. В связи с этим стоит обратить внимание не только на известное свидетельство Плутарха о провозглашении Александра «царем Азии» после победы при Гавгамелах (*Plut. Alex.* 34. 1; *ср. Arr.* III.9.6), но и на современные или близкие его времени эпиграфические памятники, утверждающие за ним этот статус⁷, а также на его именование в вавилонском астрономическом тексте (BM 36761+BM 36390, II. 14—17 [Astronomical Diaries, 1988, p. 178—179]), также в контексте битвы при Гавгамелах, «царем вселенной» (LUGAL ŠÚ) в отличие от Дария III, именуемого просто «царем» (LUGAL). Примечательным образом такое словоупотребление идеально согласуется с требованием Александра к Дарию III, предъявленным им в их знаменитой переписке после битвы при Иссе, впредь считать именно его владыкой Азии и обращаться к нему соответственным образом: *Arr. Anab.* II.8—9; *Curt.* IV.1.14).

⁶ О «скифском владычестве в Азии» в целом см.: [Дьяконов, 1956, с. 20, 286—292; Грантовский, 1998, с. 172—183; Алексеев, 2003, с. 119—129, с подробными отсылками к дискуссии]. Гиперкритически вопрос об историчности данного сюжета решается И.Н. Медведской, которая следует за преобладающими тенденциями ассириологической историографии, в значительной мере и разрабатывающей вопросы этнополитической истории Переднего и Среднего Востока второй половины VII в. до н.э. [Медведская, 2000; 2010, с. 209—217; ср. с замечаниями ее критиков: Тохтасьев, Якобсон, 2008, с. 32—33], в умеренно критическом ключе – А.И. Иванчиком [Иванчик, 2005, с. 229—243]. Историчным данный сюжет считает ряд зарубежных египтологов [Spalinger, 1978 (1), p. 49—57; Redford, 1992 (1), p. 438—442; *ср. Asheri, Lloyd, Corcella*, 2007, p. 154], а в отечественной историографии – А.А. Немировский (к сожалению, его доклад «Нападение скифов и положение в Восточном Средиземноморье во второй половине VII в. до н.э.» на 3-й международной научной конференции «Культурное наследие Египта и христианский Восток» в декабре 2002 г. остается неопубликованным; ср.: [Александрова, Ладынин, Немировский, Яковлев, 2008, с. 312—313, 315—317, 319]). Мы принимаем позицию последней группы авторов; вместе с тем связанный с этим комплекс вопросов требует более подробной проработки.

⁷ Посвящение в храме Афины в Линде (*FGrHist.* 532. F. 1.38); надпись Кратера в Дельфах (*FD.* III.4.137(2), II. 6—8); *ср. [Nawotka*, 2004, p. 34—35].

Таким образом, с архаического по раннеэллинистическое время греческое понятие «владычества над Азией» превратилось из обозначения очень разных эпизодов гегемонии государств и народов Нижней и Верхней Азии в стройную, хотя и менее адекватную исторической реальности линейную схему. Несомненное восточное, а именно персидское, влияние на нее проявилось в таких ее существенных деталях, как представление о едином мидо-персидском этапе «владычества в Азии», преемственном от ассирийской гегемонии, и в искажении или элиминировании тех моментов, которые не позволяли считать этот этап изначально всеазиатским. Однако констатация этого внешнего влияния не дает ответа на вопрос, имело ли понятие «владычество в Азии» осознанные корреляты в идеологии народов Ближнего Востока, или же оно оформилось в целостную концепцию лишь в греческой историографии.

Прежде всего, его соответствия следует искать в иранской традиции и в связанных с ней свидетельствах. Исследователи давно обратили внимание, что в аккадоязычной «Хронике Гэдда» с 613 г. до н.э. мидийский царь Киаксар именуется исключительно «царем *умман-манда*» [История древнего Востока: Тексты и документы, 2002, с. 261 – пер. М.А. Дандамаева по: Grayson, 1975]. История данного этнонима показывает, что с III тыс. до н.э. он прилагался к народам крайней северной периферии Ближнего Востока, угрожавшим крупным государствам Месопотамии (в I тыс. до н.э. – к киммерийцам и скифам) [Дьяконов, 1951, с. 35; 1956, с. 73]. В свое время И.М. Дьяконов предположил, что перенесение этого титула на Киаксара было связано с покорением им Скифского царства в Иранском Азербайджане около 613 г. до н.э. [Дьяконов, 1956, с. 307, прим. 1; 315, прим. 1]⁸; вместе с тем из текста «Хроники» явствует, что после упоминания этого эпизода данный титул просто обозначает власть Киаксара над его державой. Невозможно представить, чтобы присоединение Скифского царства привело к изменению в именовании Киаксара по инициативе вавилонского составителя «Хроники Гэдда»: несомненно, что в основе его нового обозначения «царь *умман-манда*» должна была лежать некая инновация в его мидийской титулатуре. В свою очередь, едва ли эта инновация буквально имела в виду власть Киаксара над скифами: скорее, ассоциируясь с покорением их царства, она маркировала обретение Киаксаром власти не только над своим исконным «доменом» – Мидией, но и над целой группой народов. Соотнесение этого титула при такой его интерпретации с античным топосом «скифского владычества» в Азии напрашивается, кажется, само собой и, соответственно, приводит к выводу по меньшей мере о существовании иранских аналогов этого топоса! Но тогда пресловутая инновация в мидийской титулатуре Киаксара должна была

⁸ Альтернативная трактовка этого титула как пейоратива, введенного составителем «Хроники Гэдда» («царь варваров»: см.: [Zawadski, 1988]), не выдерживает критики, так как этому противоречат вполне лояльные упоминания «мидянина» или «Киаксара» в том же тексте под более ранними годами (в особенности в связи с союзом между ним и Набопаласаром под 12-м годом последнего).

провозглашать надрегionalный и, в значительной мере, надэтнический характер создаваемой им государственности, очевидно, преемственной в каком-то смысле от преобладания в Азии скифов (что соответствует и рассказу Геродота о возвышении мидян именно после этого). Продолжение этой политической традиции персами⁹ должно было едва ли не в большей мере, чем династические связи их царей или их этническая близость с мидянами, обусловить стойкое представление о единстве мидийской и персидской государственности (обозначим его тип, в соответствии с одним из устойчивых титулов Ахеменидов, как «царство стран»).

Итак, истоки иранской концепции «царства стран» обнаруживаются, похоже, уже на заре существования Мидии как великой державы. Имела ли эта концепция продолжение за пределами истории мидо-персидской государственности? Мы уже говорили, что продолжателем традиции «владычества над Азией» с точки зрения греков стал Александр Великий. В иранской среде аналогом этого представления о нем стал его образ благого правителя – наследника прежних царей Ирана, в итоге подключенный к эпической традиции о шахах-Кейанидах, но, как можно предполагать, восходящий именно к раннеэллинистическому времени (см. подробнее главу 4, § 4.3.1). По-видимому, преемственность «македонского царства» Селевкидов от предшествующих эпох «владычества над Азией» не должна была отразиться в концепции «царства стран» из-за степени его эллинизации, высокой по сравнению не только с ахеменидским временем, но и даже с тем курсом, который проводил на Востоке Александр (см., например: [Кошеленко, 1972, с. 76—78]), и, соответственно, неприемлемой для иранцев. Вместе с тем показательное одно сообщение Тацита, отражающее идеологические реалии еще более позднего восточного надрегionalного государства – Парфии. Около 12 г. н.э., после борьбы с проримской группировкой, на парфянский престол вступает Артабан III, активно противостоявший римским устремлениям на Востоке: при этом он апеллировал к «историческим правам» Парфии, говоря «о старых границах персов и македонян, бахвалюсь и угрожая вторгнуться во владения Кира и Александра» (*Tac. Ann. VI. 31*). Здесь, разумеется, важна переданная, видимо, вполне достоверно идея преемственности Парфянской державы от Ахеменидской через посредство державы Александра: по сути дела, она представляла собой «новый извод» иранской концепции «царства стран», отчасти вобравший в себя теперь эллинистические реалии, но, как и можно было ожидать, отторгнувший реминисценции о государстве Селевкидов.

Восприятие великих держав Ближнего и Среднего Востока в египетской традиции I тыс. до н.э. нельзя не признать изученным очень слабо. Одно из препятствий к этому состоит в необходимости выявить среди этнопонимов, традиционных в египетских иероглифических

⁹ См., например, о вероятном возникновении еще в мидийскую эпоху системы сатрапий и самого термина «сатрап»: [Фрай, 2002, с. 109].

текстах с эпохи ранней древности III—II тыс. до н.э., термины, которые могли бы быть адекватны этому новому типу передневносточной государственности. Как нам представляется, в связи с этим следует обратить внимание на употребление в ряде текстов термина, в I тыс. до н.э. как правило, принимавшего фонетический облик *Stt*, а также производного от него этнонима

Sttyw/ Sttyw (id. 348.6: и др.). Первый из них – это древнее обозначение (Wb. IV. 348.3: *Stt/Stt* , и др.)¹⁰, которое с эпохи Раннего царства употреблялось по отношению к областям к северо-востоку от Египта [Petrie, 1900—1901, vol. I, pl. 12, nos. 12—13; pl. 17, no. 30; vol. II, pl. 22, no. 181; cf. Wilkinson, 1999, p. 60, 68], с чем и связан его традиционный перевод «Азия» (Wb. IV. 348.3: “alte Bezeichnung der Länder n.ö. von Ägypten; ‘Asien’”; cf. [Gauthier, 1925—1931, t. VI, p. 95; Helck, 1962, S. 256; Wilson, 1997, p. 972]).

¹⁰ Точную этимологию термина *Stt/Stt* и производных от него можно, как кажется, найти, исходя из возведения их к глаголу *sti* – «стрелять из лука» (Wb. IV. 326—327). Последний представляет собой, на самом деле, один из вариантов глагола «бросать» с широким спектром конкретных значений (бросать предметы – id. 328.3—4; в том числе зерно, т.е. «сыпать», – id. 328.7—8; жидкость, т.е. «выливать, испускать», – id. 328.9—329.16; лучи, т.е. «светить», – id. 330.13—331.1). Подобная интерпретация термина *Stt/Stt* вероятна в свете несомненных этимологий таких египетских обозначений чужеземных народов, как *pdt/pdtyw* (Wb. I. 570.1—5: «лук-*pdt*» – «относящиеся к луку-*pdt*», «лучники»), *iwntyw* (ibid. 55. 3—7: «относящиеся к луку-*iwnt*», применительно к населению разных неегипетских областей), *pdt-9*, (id. I. 570.6—7: «Девять луков» как собирательное обозначение внешних врагов Египта с оттенком «множество варваров» [Säve-Soderberg, 1975; Виноградов, 1985]), возможно, *zty/T3-Zty* и *Ztyw* (Wb. III. 488. 7—10, 11—12: «Нубия» как «страна лука-*st*» и «нубийцы» [Виноградов, 1985, с. 82; ср., однако, Gardiner, 1957, p. 527, n. 1]) и в особенности явно деривативное от глагола *sti* обозначение *styw* (Wb. IV. 328: «стреляющие из лука», применительно к народам Азии). Доводом против предлагаемой этимологии может показаться использование разных знаков для написания основ глагола *sti* и

интересующих нас термина *Stt/Stt* и его производных: в первом случае это знак GG(SL) F₂₉ (– шкура леопарда, пронзенная стрелой), являющийся детерминативом данного глагола и в иных

ситуациях имеющий фонетическое значение *st*; во втором случае это знак GG(SL) S₂₂ (– оплечье) с основным фонетическим значением *st*. В то же время взаимопереходность звуков *t* и *t̄* и соответствующих им знаков в египетском языке хорошо известна; а ряд примеров фиксирует взаимозаменяемость названных нами знаков (GG(SL) S₂₂ в написании глагола *sti* в значении «лить воду» – стела BM 1164, FCD 252; GG(SL) F₂₉ в написании имени богини *Stit* – стела BM 852, Urk. IV.88.14, FCD 256). Особенно показательно употребление в Пифомской стеле времени Птолемея II Филадельфа

знака T₁₁₁ () очевидно, связанного семантически с GG(SL) F₂₉, в написании собственно термина *Stt* (; Urk. II. 91.6. Anm. ‘a’) [Gauthier, 1925—1931, t. VI, p. 63; Lorton, 1971, p. 161; Thiers, 2007, p. 39]. Сам термин *Stt/Stt* можно рассматривать как инфинитив глагола *sti* (женского рода, учитывая его принадлежность к классу *Zae inf.*) или как его причастие женского рода; при любом из этих вариантов данная глагольная форма должна была подвергнуться субстантивации и в ряде случаев (хотя далеко не всегда) изменить свою вторую корневую согласную на *-t̄*. Последнее фонетическое изменение достоверно зафиксировано в таких глаголах, явно представляющих собой варианты общего глагола *sti* («бросать»), как *sti* (Wb. IV. 346.13—347.7: «сеять, рассыпать») и *sti* (ibid. 347.10—348.2: «испускать семя, оплодотворять, зачинать»). Вероятным лексическим значением форм *Stt/Stt* должно быть «лук» или «стрельба из лука» (соответственно, *Sttyw/Sttyw* – нисбы от этого слова, по полной аналогии с *pdtyw* и *iwntyw*). Ср. с мнением о «смешении» фонетической структуры обозначения *Stt/Stt* и корня глагола *sti* («стрелять из лука») с производным от последнего обозначением *stiw*: [Gauthier, 1925—1931, t. V, p. 95].

Образованное от этого термина и субстантивированное относительное прилагательное (*нисба*) *Sttyw/Sttyw* употреблялось с начала Среднего царства в традиционных храмовых сценах как обозначение чужеземных врагов, подчиняемых египетским сакральным царем (наряду с нубийцами-*ztyw* и ливийцами-*thnwu*; см. сцену из часовни Ментухотепа II в Гебелейне [Helck, 1977 (2), Sp. 316, со ссылкой на Nabashi, 1963, S. 39, Taf. 17]). Кроме того, обозначение *mntyw-nw-Stt* регулярно встречается в перечнях «Девяти луков» (врагов египетского царя, воплощающих все народы мира) [Виноградов, 1985]. Похоже, что географическое наполнение термина *Stt* постепенно менялось, по мере того как расширялись знания египтян о сопредельных странах на северо-восток от их собственной страны [Clédât, 1923, p. 148]: сходное расширение значения постулировалось и для термина *H3w-nbwt* (обозначения обитателей сопредельных с Египтом районов Средиземноморья, к эллинистическому времени ставшего стабильным обозначением греков: [Vercoutter, 1947, 1949]; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», П.З.б., комм. «е»). Неудивительно, что даже априорно термин *Stt* можно было бы считать наиболее адекватным обозначением территорий Ближнего Востока, соединенных в составе крупных межрегиональных государств I тыс. до н.э.

Разумеется, оценивая значение и характер употребления данного термина в текстах Позднего и греко-римского времени, следует иметь в виду, что в очень многих случаях само его появление будет исключительно данью традиции. Так, в греко-римское время мы видим термины *Stt* и *Sttyw* в пресловутых утверждениях торжества царя над «Девятью луками» (например, в Филэ при Птолемах VII и XIII [Dümichen, 1866, pl. LVIIIb, LIX; cf. Vercoutter, 1949, p. 120—121]; в Эдфу при Птолемеях XI: Édfou VII. 230.11) и в других чисто церемониальных упоминаниях разгрома или подчинения чужеземцев (в Эдфу: Édfou VI. 15.16, cf. [Vercoutter, 1949, p. 135]; Édfou VIII. 76.8; в Ком-Омбо при Тиберии, что стоит отметить специально, поскольку этот император и формальный царь Египта вообще не вел войн в Азии: LD IV. 74c, [Morgan et al., 1895, t. I, p. 168]). Кроме того, «Азия»-*Stt* столь же традиционно называется как источник меди, дерева и тому подобных материальных благ, доставляемых в Египет для украшения храмов или гробниц (см., например, в начале македонского времени в гробнице Петосириса надписи 61, стлб. 18 [Lefebvre, 1923—1924, t. I, p. 102; t. II, p. 36], 62, стлб. 4 [Lefebvre, 1923—1924, t. I, p. 83; t. II, p. 38], 81, стлб. 50 [Lefebvre, 1923—1924, t. I, p. 139; t. II, p. 55]; биографический текст на целительной надписи Джед-Хора «Спасителя» из Атрибиса, стлб. 18 [Jélinkova-Reymond, 1956, p. 96—98]; надпись на статуе Сену времени Птолемея II: Urk. II. 68.5; текст из Эдфу времени Птолемея VIII Эвергета II: Édfou IV. 13.3; cf. [Wit, 1961, p. 87]; надпись из Дендера: Dendara I. 128.8—9; cf. [Cauville, 1997, p. 191]; и др.). То, что при традиционности этих утверждений их связь с реальностью может быть поставлена под сомнение, очевидно. Вместе с тем даже и они могут все же содержать аллюзии на некоторые

исторические реалии их времени, и, кроме того, в текстах I тыс. до н.э. есть такие случаи употребления интересующих нас терминов, которые вне сомнения должны относиться к реальным событиям политической истории.

Возможно, самый ранний случай обозначения термином *Stt* межрегиональной ближневосточной державы обнаруживается в надписях постройки царя XXV династии Тахарки близ Священного озера в Карнаке, которая была возведена назадолго до ассирийских вторжений в Египет в конце 670-х гг. до н.э. [Parker, Leclant, Goyon, 1979; cf. Leclant, 1965, p. 68, 76]. В ее втором помещении находятся две сцены: одна из них, на южной стене, изображает обряд, побуждающий богов Дедуна, Собека, Сопда и Хора с помощью поднятия их статуй на особой подпорке-*tst* подчинить страны – Нубию (*Zt*), Ливию (*Tḥnw*), Азию (*Z[t]t*); обозначение выписано с помощью своего рода ассимиляции знаков GG(SL) S₂₂ и S_{17*} , как в более поздних текстах [Newberry, 1932, p. 316—323, esp. 321]), Верхний и Нижний Египет (*Šmꜥ Mḥw*) [Parker, Leclant, Goyon, 1979, p. 65—69, pl. 26]. Изображения божеств сопровождаются однотипными надписями; надпись, сопровождающая изображение Сопда, гласит: «Дан Сопд на его подпорку-*tst*; совершит он резню свою; совершит он волнение. Остерегайся (букв. “дай ты глаза /свои/”), Азия! (*di Spdw hr tst.f iry šꜥt.f iry.f šnw my tw irty Z[t]t*) [Parker, Leclant, Goyon, 1979, p. 68, pl. 26]. Другая сцена, на левой стороне притолоки восточной двери того же помещения, изображает фигуры женщины, мечущей стрелы в цели, символизирующие эти страны [Parker, Leclant, Goyon, 1979, p. 61—64, pl. 25]. Присутствие в этих сценах Верхнего и Нижнего Египта, хотя и небеспредентное, поскольку эти земли включались в списки «Девяти луков» (см. выше), в эпоху Тахарки может иметь специфическую мотивацию, связанную с силовым установлением власти напатского царского дома над Египтом; в таком случае можно допустить, что данные сцены в целом содержат актуальные политические коннотации. Это же может быть сказано и о надписи на северной стене этого же помещения, рядом с изображением приносящего жертвы царя, которая гласит: «Мы (боги – *И.Л.*) даем ему (Тахарке – *И.Л.*) Верхний и Нижний Египет; мы взламываем для него крепости Азии (...*rdit.n n.f Šmꜥ Mḥw ḥb.n n[.f] wnwṯ Stt...*) [Parker, Leclant, Goyon, 1979, p. 57, pl. 24]. Исследователи этого фрагмента сопоставляли его с фразой из заклинания 650 Текстов пирамид (Pyr. 1837a—b) [Parker, Leclant, Goyon, 1979, p. 57, n. 21]; однако и эта параллель не исключает ее реальных политических коннотаций, поскольку удержание власти над Египтом и проникновение в Азию (возможно, установление контроля над частью Леванта; см., с отсылками к литературе: [Kahn, 2004]) были важными целями политики Тахарки. Однако эти устремления, хотя и отразившиеся в других памятниках этого царя (например, в Каве в Нубии [Redford, 1992 (1), p. 354—355]), все же не увенчались успехом: в конце VIII и в начале VII вв.

до н.э. Ассирия была для владевших Египтом напатских царей непреодолимым врагом [Kitchen, 1986, p. 380, 383—386, 391—393; Redford, 1992 (1), p. 351—364; Kahn, 2004]. Однако, если в сценах поднятия статуй *Z[*t*]* можно считать и чисто географическим понятием, то во фразе о «крепостях Азии» может звучать намек на реальную военно-политическую силу, которая создала их и которой в данных условиях была, безусловно, соединившая под своей властью Ближний Восток Новоассирийская держава. Всего несколькими десятилетиями ранее стандартная фраза текста «Стелы Пианхи» о «страхе Величества его вплоть до рубежей Азии» (*šfyt ḥm.f r pḥ Sttyw*) [Grimal, 1981 (1), p. 50, 17*] едва ли содержала намек на какое-либо конкретное государство¹¹. Возможно, реинтерпретация термина *Stt* в политическом ключе последовала за «открытием» египтянами Ассирии как ближневосточной империи, которое не могло произойти раньше решающих побед Саргона II и Синаххериба в Леванте (см., например: [История древнего Востока..., 2004, с. 359—365]) и в таком случае пришлось как раз между временем «Стелы Пианхи» и строительством Тахарки в Фивах.

Следующий по времени источник, в котором термин *Stt* употреблен с наибольшей вероятностью как политоним, – это хорошо известная надпись на статуе Несхора (Louvre A90) времени царя XXVI династии Априя (BAR IV. § 989—995) [Schäfer, 1904]. Благодарность этого начальника воинов богам Элефантины за спасение во время солдатского мятежа выражена в следующих словах: «...подобно тому как вы спасли меня от тяжелого положения (букв. “места”), от воинов (букв. “лучников”) *ʕ3mw, ḥ3w-nbwt*, Азии /и/ других» (стлб. 6: *mi šd.tn wi m st*

qsnt m-ʕ pdt ʕ3mw ḥ3w-nbwt Stt kiw). Иероглифическое написание интересующего нас слова (

– без детерминатива множественности, но зато с детерминативом GG(SL) N₂₅ (– горная страна, нагорье), обычным при написании обозначений чужеземных стран [Gardiner, 1957, p. 488], показывает, что скорее его следует понять как *Stt* («Азия»), нежели *Sttyw*, как предлагал ряд переводчиков¹². Обозначения, употребленные в этом фрагменте, относятся к очень обширным территориям и общностям людей: *ḥ3w-nbwt* – это в данную эпоху обитатели бассейна Эгейского моря, т.е. греки и, возможно, карийцы (см. о контактах последних с Египтом: [Vittmann, 2003, S. 155—179]; ср. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.3.б, комм. «е»); *ʕ3mw* – обширная группа азиатских народов (см. ниже); *Stt*, как мы уже знаем, –

¹¹ Трудно быть совершенно уверенным в этом, поскольку рельефы в Напате при Пианхи содержат сцены осады вражеских крепостей, защитники которых носят ассирийские шлемы [Vittmann, 2003, S. 25, Abb. 11]; однако на самом деле конфронтация с Ассирией не была политическим приоритетом Пианхи.

¹² BAR IV. § 994: “For ye rescued me from an evil plight, from the mercenaries, [Lybians], Greeks, Asiatics, and foreigners”; [Schäfer, 1904, p. 157] (“...in böser Lage vor den Soldner, Syrer, Griechen, Asiaten und andern”); [Vercoutter, 1949, p. 175] (“De même que vous m’avez sauvé d’une situation pénible à cause de la troupe de syriens, grecs, asiatiques et autres”); [Bassir, 2016, p. 77] (“According as you saved me from a difficulty at the hands of the Bowmen, Bedouins, Greeks, Asiatics”).

обозначение в целом азиатских территорий, лежащих к северо-востоку от Египта. Как видно, термины *ʿZmw* и *Stt* весьма близки по своему значению: в данном конкретном контексте они должны либо перекрываться, что было бы странно, либо, напротив, различаться каким-то смысловым нюансом. Обозначение *ʿZmw* могло прилагаться к семитским народам, жившим на Синае, в Леванте и в прилегающих пустынных и полупустынных областях [Givon, 1971, p. 170, n. (8)], которые часто, хотя не обязательно, вели кочевой образ жизни и поддерживали контакт с Египтом, даже селясь в его пределах (как это было с обозначавшимися этим термином в текстах Нового царства гиксосами [Seters, 1966, p. 188—189; Немировский, 2001 (1), с. 117—118]. В начале VI в. до н.э. значительная часть этих народов жила либо вне пределов ближневосточной межрегиональной державы этого времени – Нововавилонского царства – либо в землях Леванта, которые в конце VII в. до н.э. отпали от ослабевшей Новоассирийской державы и на некоторое время (вплоть до наступления Навуходоносора II в 605—601 гг. до н.э.) оказались в сфере влияния Египта [Spalinger, 1977, p. 228—230]. Кроме того, египетские устремления к контролю над Левантом, сохранявшиеся в начале VI в. до н.э. (в том числе и во время Несхора), возможно, вели к тому, что он не воспринимался как легитимное владение Нововавилонского царства [Spalinger, 1977, p. 232—235; Kahn, 2008]. Сообразно этому, термин *ʿZmw* в надписи Несхора мог обозначать именно народы ближней периферии Египта, не связанные, с точки зрения египтян, с Нововавилонским царством и поставлявшие Египту наемников¹³. Что же касается «воинов... Азии», существенно, что это словосочетание, в отличие от терминов *ḥ3w-nbwt* и *ʿZmw* в этом же фрагменте надписи Несхора, включает в себя не этноним, а, как мы сказали, обозначение очень обширной территории. Весьма вероятно, что оно употреблено специально, чтобы оттенить различие между *ʿZmw*, не являвшимися или не считавшимися подданными межрегиональной ближневосточной державы, и наемниками на египетской службе, которые прежде таковыми подданными как раз были. Это могли быть мигранты из владений Нововавилонского царства или даже лояльные подданные прежней Новоассирийской державы, ушедшие после разгрома ее последних оплотов в 609 г. до н.э. вместе с их египетскими союзниками (см. о египетском вмешательстве на стороне Ассирии во время ее падения: [Redford, 1992 (1), p. 448—449]).

Другое употребление термина *Stt*, как представляется, в значении политонима, относящегося к межрегиональной ближневосточной державе, мы можем обнаружить в Элефантинской стеле Амасиса, описывающей его междоусобицу с Априем в 570—567 гг. до

¹³ Возможно, аналогичный смысл имеет упоминание контингента, состоящего из *ʿZmw*, при Псамметихе I, в надписи на статуе Джедптахиуэфанха (СМ JE 36949, надпись III, стк. 2) [Meulenaere, 1965, p. 23—24, 29]. Вероятно, описанные в этом тексте военные события происходили, когда Новоассирийская держава еще существовала и только те азиаты, которые не принадлежали к числу ее подданных, могли поступать на египетскую службу.

н.э. (см. настоящую главу, § 1.1.1). Как показал Э. Эдель [Edel, 1978, S. 13; Vlöbaum, 2006, S. 165], этот текст отразил вовлечение в междоусобицу на ее последнем этапе Нововавилонской державы, принявшее характер вторжения ее войск в Египет (по нашему мнению, в поддержку Амасиса [Ладынин, Немировский, 2004]). Вавилонское вторжение характеризуется почти как спонтанное нашествие мигрирующего народа: «Возмутились азиаты в самонадеянности (букв. “полноте сердца”) их, бредут они по дороге Хора, вот тысячи их в проникновении в Землю (Египет – *И.Л.*); покрывают они дорогу каждую» (стлб. 14: *sb.n st(ty)w m mh-ib.sn hp.sn hr w3t-Hr iw h3w im hr thm t3 hbs.sn w3t nb(t)*) [Ладынин, 2004 (3)]. Можно было бы подумать, что представленная в этом пассаже картина смоделирована на основе реминисценций скифского нашествия на Ближний Восток в VII в. до н.э., которое достигло Египта (см. наше прим. 6 выше). Однако современная вавилонская хроника BM 33041 [Wiseman, 1956, p. 94—95, pls. XX—XXI (Nbk 329)] не оставляет сомнений, что это была именно военная кампания, предпринятая Навуходоносором II, и в таком случае обозначение *Sttyw* и в этом контексте является производным от политонима, относящегося к межрегиональной ближневосточной державе.

После падения Нововавилонского царства вся ближневосточная ойкумена была интегрирована в составе Ахеменидской державы, и в 525 (или 526) [Quack, 2011 (2)] г. до н.э. в ее состав вошел и Египет [Дандамаев, 1985, с. 32—52, 55—64]. Примечательно, что обозначение *Stt*, хотя и идеально соответствующее территориальному объему Ахеменидской державы, тем не менее, кажется, никогда не употреблялось в официальных иероглифических текстах первого персидского владычества. В частных надписях обычным термином, обозначавшим персидские владения вне Египта и/или их население, было слово *h3swt* («чужеземные страны») и его производные (см., например, биографическую надпись Уджахорреснета на его наофорной статуе: Vatican 158, стлбб. 11—12 [Posener, 1936, p. 6—7, 9, comm. ‘n’; 167, 168 and n. 1]; см. также главу 3, § 3.5.2, комм. «ч» к тексту источника). Вместе с тем метрополия Ахеменидов регулярно именовалась в этих текстах хоронимом «Персида» (*Prs* и вариации этого слова) [Gauthier, 1925—1931, t. II, p. 144; Posener, 1936, p. 200 (index)], а другие земли Ахеменидской державы часто обозначались иероглифическими транскрипциями их названий (например, на стелах Телль эль-Масхуты и Кабре в районе канала Нил – Красное море [Posener, 1936, p. 53—54, 68—70, pl. IV—V, VII] и на пьедестале статуи Дария I из Суз [Le palais de Darius, 2010, p. 289—296])¹⁴. Основания для составителей этих текстов к тому, чтобы

¹⁴ Данный памятник уникален, поскольку земли Ахеменидской державы представлены на нем, согласно египетской традиции списков покоренных земель, коленопреклонными фигурами, находящимися над зубчатыми картушами, в которые заключены наименования соответствующих стран. В отличие от египетских памятников такого рода, на пьедестале статуи из Суз руки этих фигур не связаны за спиной,

избегать употребления термина *Stt*, достаточно ясны: как уже упоминалось, это название в течение многих веков появлялось в ритуальных перечислениях чужеземных врагов сакрального царя Египта и, видимо, предполагало слишком жесткую и немирную оппозицию Египта и Азии. Коль скоро Ахемениды были признаны новой легитимной египетской династией (см. настоящую главу, § 1.1.1), составители их официальных текстов скорее должны были избегать обозначения их родины и сферы влияния в Азии термином, в той или иной мере содержащим пейоративный смысл.

Однако после освобождения Египта от власти Ахеменидов в 404 г. до н.э. обозначение их державы с помощью термина *Stt*, очевидно, становится общепринятой практикой. Об этом мы можем судить, в частности, по употреблению этого термина в данном смысле в источниках начала македонского времени – в автобиографической надписи гераклеопольского вельможи Сематауитефнахта на т.н. Неаполитанской стеле (см. главу 3, § 3.1.1, и главу 4, § 4.1.3) и в тексте «Стелы сатрапа» (см. главу 4, § 4.1.2; «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «ж»). Едва ли могут быть сомнения в том, что эти источники отражают словоупотребление, в целом бытовавшее на протяжении IV в. до н.э., в царствование XXVIII—XXX династий (текстов, относящихся непосредственно к этому времени и употребляющих термин *Stt* в связи с реальными политическими событиями, в нашем распоряжении нет). Вместе с тем весьма примечателен контекст, в котором это обозначение появляется в одной из надписей наоса царя XXX династии Нектанеба I из Сафт эль-Хенне (СМ 70021) [Roeder, 1914, S. 58—99, Taf. 17—32, 33b; Schumacher, 1988, S. 160—179, 187—191; ср.: Тураев, 1935, т. 2, с. 167—168]. Как показала Э. Виранк, этот и подобные ему памятники региона, граничащего с пустынями Суэцкого перешейка, были (как и ритуалы, описанные в фактически современной им «Книге победы над Сетом»; см. ниже) средством магической защиты Египта от угрозы извне (по выражению этой исследовательницы, «теологическим бастионом») [Virenque, 2006]. Реально в это время данная угроза Египту исходила от Ахеменидской державы: по существу, все царствование Нектанеба I прошло в ожидании вторжения персов, которое действительно пришлось отражать по крайней мере однажды, в 374/373 г. до н.э. (*Diod.* XV. 38. 41—43) [Lloyd, 1994 (2), p. 348; Briant, 1996, p. 672—673]. В одном из текстов наоса, описывающем борьбу бога Сопда против Апопа и его спутников, содержатся следующие слова: «Он сжег их в пепел в образе его /и/ в имени его Хора, мощного дланью, убил он их в одно мгновение, /так что/ останки /их/ вплоть до Азии /и/ горы Баху (правый дверной косяк, большая надпись, стлб. 7: *rth.n.f st m ss.f m hprw.f m rn.f n Hr tm3-ꜥ npd.n.f st m zp wꜥ hꜥwt r Stt B3hw*)» [Roeder, 1914, S. 61 (§ 292); Schumacher, 1988, S. 168]. Переводившая этот текст И. Шумахер полагала, что

а воздеты, а сами фигуры наделены чертами лиц, характерными для представляемых ими народов. Совершенно уникально то, что одна из этих фигур представляет Египет (*Kmt*) [Vittmann, 2003, S. 136].

наименования *Stt* и *B3hw* образуют в данном случае прямой генитив (“Asien des Osten”) [Schumacher, 1988, S. 168]. Однако термин *B3hw* встречается в ряде случаев в текстах наоса и независимо, как несущее определенный религиозный оттенок обозначение земель к востоку от Египта [Roeder, 1914, S. 61, § 292; ср. Roeder, 1914, S. 63 (§ 296), 69 (§ 303)]: строго говоря, в египетских религиозных текстах Позднего и греко-римского времени это обозначение относится к горе, находящейся на крайнем востоке мира (Wb. I. 422.9). В таком случае этот термин в значительной мере совпадает по смыслу с термином *Stt*, и их соединение в генитивной конструкции было бы довольно странным плеоназмом. Совмещение же этих обозначений в сочинительной связи можно было бы объяснить тем, что если термин *B3hw* обозначал Азию со свойственным ему, как уже было сказано, космологическим и религиозным оттенком, то термин *Stt*, напротив, имел прагматическое значение политонима, в царствование Нектанеба I относившегося к Ахеменидской державе. К этому следует добавить, что функции царя и бога Сопда в текстах данного памятника практически совпадают. Собственно, появляющийся в них эпитет «Хор, мощный дланью» (*Hr tm3-ꜥ*; см. приведенную цитату) – это и Хорово имя Нектанеба I [Beckerath, 1999, S. 226—227; Blöbaum, 2006, S. 405—408], тождественное древнему обозначению Хора как защитника Египта от внешней угрозы и одновременно исполнителя ритуала [Демидчик, 2005, с. 17; Blumenthal, 1970, S. 133—134] (см. настоящую главу, § 1.1.2, главу 3, § 3.1.2, главу 6, § 6.2.3), и обозначение, в целом соответствующее роли Хора в магических ритуалах IV в. до н.э., призванных предотвращать нашествия на Египет чужеземных врагов (прежде всего, персов; см. ниже о «Книге победы над Сетом»).

Еще один нюанс презентации в текстах наоса из Сафт эль-Хенне взаимодействия Египта и окружающего мира состоит в частом обозначении Египта термином *B3qt*, характерным для текстов Позднего и греко-римского времени (Wb. I. 425.18). Будучи связан с представлением о Египте как о сияющем оке божества [Otto, 1975 (1), Sp. 76; 1975 (2), Sp. 559], этот термин должен восходить к названиям морингового дерева (*b3q* – Wb. I. 423.9—15) [Wilson, 1997, p. 303] и получаемого из него масла (*b3q* – Wb. I. 424.2—9) [Wilson, 1997, p. 303] и к связанному с данным корнем прилагательному *b3q* «светлый, чистый, сверкающий» (Wb. I. 424—425) [Wilson, 1997, p. 303—304]. Как видно, этот термин указывает на особое место и исключительность Египта в мире. Среди эпитетов в восхвалении Нектанеба I на цоколе наоса из Сафт эль-Хенне мы видим словосочетание «зигдущий Египет» (левая внешняя стена, стк. 1: *hwr hr B3qt*) [Roeder, 1914, S. 62 (§ 295); Schumacher, 1988, S. 163], а в связанных с образом этого царя текстах – ряд его характеристик, которые описывают защиту им страны от нападения извне: «ты стоек, победоносен силой своей, крепки руки твои для удара по наступающим на Египет» (верхняя часть, левая внешняя стена: *iw.k tnr nht phty.k ꜥwy.k rwd r hw thny hr B3qt* [Roeder, 1914, S. 73 (§ 310a); Schumacher, 1988, S. 171]); «это (?) в качестве защиты

Египта, на благотельствовании “ока Ра” (т.е. Египта – *И.Л.*) от нападения на него» (верхняя часть, правая сторона: *iw.s (?) m h̄w hr B3qt hr swd3 ir(t) R^c r thn im.z* [Roeder, 1914, S. 80 (§ 323); Schumacher 1988, S. 174]); «благотельствующий Египет, “око Ра”, защищающий тела богов» (цоколь, задняя сторона, стк. 3: *z(w)d3 Kmt ir(t) R^c mk hwt ntrw* [Roeder, 1914, S. 68-69, § 303; Schumacher, 1988, S. 165]). Хотя в последнем фрагменте употреблен термин *Kmt*, а не *B3qt*, свойственное последнему значение введено дополнительным эпитетом *ir(t) R^c*, а сам контекст защиты «тел богов» весьма важен, поскольку угроза святыням и священным животным богов Египта от внешнего мира – важнейший мотив египетских представлений IV в. до н.э., рисующих взаимодействие с ним в негативном ключе (см. ниже). Суммируя наблюдения над текстами наоса CM 70021 из Сафт эль-Хенне, можно сказать, что в них термину *B3qt* и иным обозначениям Египта свойственно передавать мотив не только исключительности этой страны и ее противостояния окружающему миру, но и ее уязвимости перед исходящей оттуда угрозой; употребление же в этих текстах термина *Stt* может, по-видимому, предполагать противопоставление Египту этой внешней силы как чего-то чуждого и враждебного.

Характерно, что подобные значения устанавливаются для терминов *B3qt* и *Stt/Stt* весьма надежно по текстам следующего, греко-римского этапа истории Египта. Так, в текстах Эдфу термин *B3qt* встречается в условной титулатуре царя¹⁵, состоящей из эпитетов, которые описывают защиту им страны от угрозы разных чужеземных врагов против Египта (Edfou VIII. 62.16—17: *ntr nfr z3-Bhdy qn n^cš h̄pš hnt h̄tmn tnr wr-ph̄ty mk Kmt r h̄3yt b3q b3qt r bw dw ksm r^cybw bh̄n irtyw nb-ph̄ty nsw-bity ( ) pr-^c3 ( )*) «Бог благой, сын /Хора/ Бехдетского, храбрый, хищный дланью перед миром¹⁶, стойкий, великий мощью, защищающий Египет от несчастья, охраняющий Египет от зла, противостоящий ливийцам(?), умиряющий *irtyw*, владыка мощи, царь Верхнего и Нижнего Египта *пустой картуш*, фараон *пустой картуш*»), а также в пассаже, который тоже приписывает царю способность отвести от Египта мифологическую угрозу нападения Сета (Edfou VII. 197.6—10: *twt ... .. nst nt gbb nn rdt j^cr b r B3qt* «Ты... /на/ престоле Геба, не дашь /ты/, чтобы поднялся Сет (*b(wt)* – «отвращение, табу», иносказание, связанное с избеганием написания имени этого бога [Тураев, 1935, т. 2, с. 168; Lieven, 2006, S. 147, Anm. 45.] – *И.Л.*)). Хотя термин *B3qt* нельзя в строгом смысле слова назвать парно-антонимичным термину *Stt*, такое его употребление достаточно хорошо засвидетельствовано а текстах греко-римского времени, причем существенно, что оно

¹⁵ Мы имеем в виду характерные для эллинистического и римского времени титулатуры не конкретного исторического правителя, а «царя вообще», имя которого замещено пустыми картушами или обозначением *pr-^c3* и который фигурирует в храмовом тексте или в ритуальной сцене в качестве необходимого исполнителя ритуала; см. о пустых картушах с отсылкой к литературе главу 3, § 3.1.2, 3.1.3.

¹⁶ См. [Wilson, 1997, p. 757—758] (*Htmn* – ‘the world = Egypt’).

встречается в довольно стандартных эпитетах условного царя-ритуалиста (Edfou I. 449: *ntr nfr ḥq3 m B3qt dmd inw m t3w Stt* «бог благой, владыка в Египте, соединяющий дань в странах Азии»; Edfou II. 59: *nsw n B3qt whꜥ imytw Stt(yw)* «царь Египта,ловец в Азии/среди азиатов (?»); Kom Ombos I. 150 (198): *ꜥnh Hr itn B3qt iwn-ḥꜥ hnt Stt sw mi itn nbi hr bi3.f* «да живет Хор, солнце Египта, луна Азии, он подобен Горизонтному, позолоченный чудесами его»). Весьма вероятно, что именно на этапе, представленном текстами наоса из Сафт эль-Хенне, впервые намечаются подобные значения этих терминов и их неявное противопоставление.

С мотивом сакральной исключительности Египта в мире и, в частности, с представлением о принципиальной благожелательности к нему богов, по сравнению с другими странами, связана реакция египтян на одно из наиболее серьезных бедствий, которые им приходилось переживать при вторжениях на их территорию правителей ближневосточных держав I тыс. до н.э. – на репрессивные конфискации из храмов Египта изображений богов и культовой утвари. Сведения о захвате в ходе войн статуй и культовых предметов в побежденных странах и об их возвращении на прежнее место в случае реванша или в порядке благодеяния встречаются в письменной традиции стран культурно-исторического ареала Ближнего и Среднего Востока многократно и с очень давних пор [Ладынин, 2002 (3), с. 205—206]. Религиозная подоплека этих акций состояла в представлении о том, что культовые изображения и утварь – это необходимые посредники при взаимодействии людей с божествами, которое происходило повседневно. Соответственно, утрата той или иной общностью людей таких посредников лишала их помощи богов и делала их беззащитными перед превратностями жизни (в конкретной ситуации изъятия этих предметов врагами – прежде всего, перед ними) и, напротив, «переключала» контакт с соответствующими божествами на того, кто овладел этими посредниками, тем самым усиливая его [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 343; Оппенхейм, 1990, с. 46 и сл.; ср. применительно к древнему Египту: Ассман, 1999, с. 68—77; Ладынин, 2002 (2), с. 169, прим. 22 (комментарий к Urk. IV 2027. 19—20)].

Стоит заметить, что среди народов Ближнего Востока к практике захвата культовых предметов у побежденных, насколько известно, не прибегали только древние египтяне: по-видимому, они были настолько убеждены в абсолютном превосходстве чтимых ими божеств (или, может быть, даже их универсальном характере: [Демидчик, 2001, с. 86]¹⁷), что не могли видеть в изъятии чужих святынь практического смысла. С другой стороны, египтяне видели в божествах несравненно более благую и расположенную к людям силу, чем большинство народов Передней Азии, и поэтому имели меньше оснований считать, что утрата пресловутых

¹⁷ Не скроем, что к высказанному А.Е. Демидчиком мнению о том, что «вообще... чужеземные божества считались местными проявлениями извечных египетских богов», мы относимся с долей сомнения; так, например, «боги Земли возлюбленной /и/ островов Великой Зелени» в «Рассказе Синухета» (Sin. B210—211) скорее мыслятся как различные группы божеств.

святынь обязательно навлечет на них или на их врагов беду (ср., однако, эпизод начала македонского времени, описанный в «Стеле сатрапа»: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», П.З.г, комм. «ж»). Наконец, важнейшим для египтян (а согласно их представлениям, и для всего мира) посредником в контакте с богами был легитимный царь Верхнего и Нижнего Египта: соответственно, первостепенное значение должно было придаваться его наличию во главе земного мира и его центра – Египта, а не сохранению «технических средств» контакта с богами, которые, при отсутствии царя или при его пренебрежении своим долгом творения *маат*, все равно утрачивали смысл. Для нас, однако, существенно, что практика репрессивного вывоза культовых предметов была прекрасно известна персам и не раз пускалась ими в ход (в особенности Ксерксом при подавлении восстания в Вавилонии и в ходе войн в Греции: [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 343; Ладынин, 2002 (3), с. 206]). Доказательством того, что она пускалась в ход и применительно к Египту, являются сообщения текстов птолемеевского времени о масштабных возвращениях похищенных из страны предметов [Winnicki, 1994], содержащие детали, которые едва ли были бы вымышлены [Lorton, 1971, p. 163; Ладынин, 2002 (3), с. 204, 216—217] (см. также главу 4, § 4.1.2), а также, на наш взгляд, обнаружение в Сузах статуи Дария I. Как нам представляется, с наибольшей вероятностью она попала туда в ходе подобной кампании конфискации культовых предметов около конца 480-х гг. до н.э., после первой попытки египтян отложиться от Ахеменидской державы [Ладынин, 2011 (1); ср. с обнаружением в Иране навершия штандарта саисского времени с изображением божества: Korostovtsev, 1947].

По-видимому, первым в египетской традиции текстом, фиксирующим специфическую реакцию египтян на конфискацию персами чтимых изображений богов в храмах, следует считать т.н. «Стелу Бентреш» (KRI II. 284—287; переводы и исследования: [Broze, 1989; Сказки древнего Египта, 1998, с. 57—63; Literature of Ancient Egypt, 2003, p. 361—367]). На сегодняшний день этот текст известен в двух записях – на стеле Louvre C 284, в соответствии с которой он публикуется и переводится, и на неопубликованных пока что блоках из Луксора, обнаруженных Эпиграфической экспедицией Восточного института Чикагского университета в 1978—1979 гг. [Literature of Ancient Egypt, 2003, p. 361]. Первый из этих памятников, в полном соответствии с упоминаниями в его тексте фиванских божеств, был обнаружен на территории храма Хонсу «подающего советы в Фивах» (*p3 ir shrw m W3st*) в восточной части Карнакского комплекса (PM II² 254, plan XXIII), и его датировки в разных исследованиях разнятся от XXV династии (VII в. до н.э.) до птолемеевского времени. Однако вторая запись этого текста из Луксора относится ко времени XXX династии, и, думается, эта датировка и соответствует времени создания и актуальности данного текста. Действие текста «Стелы Бентреш» отнесено к эпохе Рамсеса II (1290—1224 гг. до н.э.), который посылает своему тестю – правителю

азиатской страны Бахтан – статую бога Хонсу «подающего советы в Фивах», чтобы при ее помощи исцелить его младшую дочь Бентреш от душевной болезни. Комментаторы этого текста давно заметили присутствие в нем целого ряда действительных реминисценций рамессидского времени и, шире, времени Нового царства¹⁸. Само название страны «Бахтан»

(*Bḥtn*;) должно восходить к фонетическому облику и иероглифическому написанию

египетского обозначения Хеттского царства (Wb. III. 349: *Htt*) [[Spalinger, 1977—1978; Morschauser, 1988, S. 205]; вместе с тем, по мнению большинства исследователей, оно также должно было соотноситься и с каким-то географическим

обозначением I тыс. до н.э. В свое время еще Э. де Руже соотнес это название с названием мидийской, а затем и ахеменидской столицы Экбатаны [Rouge, 1910, p. 287; cf. Morschauser, 1988, S. 222], однако затем Ж. Познер сопоставил его с иероглифическим

эквивалентом хоронима «Бактрия» () [Posener, 1934, p. 77; ср. недавно: Ruyholt, 2013, p. 62—68]. Сейчас для наших целей не так существенно, какая именно из этих

интерпретаций справедлива. Однако обе они, через аллюзию с Мидией или, возможно, в случае справедливости второй версии, с Древнебактрийским царством, существовавшим в Центральной Азии до завоеваний Кира II [Фрай, 2002, с. 64—66, 118, 124—125], соотносили пресловутую азиатскую державу времени Рамсеса II с современной для создателей текста «Стелы Бентреш» державой Ахеменидов, как бы наследующей от Бахтана положение главного внешнеполитического соперника Египта.

Решение царя об отправке целительной статуи Хонсу «подающего советы в Фивах» в Бахтан принимается при содействии оракула другой фиванской ипостаси Хонсу – Неферхотепа. При этом само перемещение статуи описывается как непосредственно путешествие божества в его земном проявлении (*ḥm*; см. об этой категории § 1.1.1): «Дай защиту твою с ним (т.е. со статуей Хонсу «подающего советы в Фивах» – *И.Л.*), и дам я, чтобы шел Величество его в Бахтан...» (KRI II. 286.3: *im s3.k ḥnḥ.f di.i šm ḥm.f r Bḥtn*). Целительная статуя называется *ḥm* божества и при взаимодействии с духом, владеющим разумом дочери царя Бахтана, которое приводит к ее исцелению (сам этот дух обращается к статуе и воплощенному в ней божеству опять же «Величество твое»: *id.* 8). Однако, когда правитель Бахтана решает не возвращать эту

¹⁸ Так, имя дочери царя Бахтана и супруги египетского царя Нефрура может быть стяженной формой египетского имени хеттской царевны, выданной за Рамсеса II, Маатнефрухорра [Сказки древнего Египта, 1998, с. 249, прим. 19]; в богазкейском дипломатическом архиве содержится переписка Рамсеса II и Хаттусилиса III о присылке ему египетских врачей для исцеления сестры последнего [Сказки древнего Египта, 1998, с. 251, прим. 27; ср. Ардзинба, 1987, с. 112—115, 119—121]; а письмо царя Митанни Тушратты Аменхотепу III сообщает о присылке последнему целительной статуи Иштар Ниневийской [Сказки древнего Египта, 1998, с. 255—256, прим. 37].

статую в Египет и тем самым сохранить для себя явленного в ней бога, то, спустя некоторое время, видит во сне, что бог готов покинуть это вместилище и взмыть в образе сокола по направлению к Египту (id. 13—14). В итоге, осознав, что находящаяся у него статуя может превратиться в совершенно бесполезный предмет, он решает вернуть ее в Египет. Трудно понять этот текст иначе, как прямое указание на бессмысленность попыток чужеземцев (в связи с данным текстом, несомненно, персов, от власти которых незадолго до его создания был освобожден Египет) подчинить себе мощь египетских богов при помощи конфискации их изображений. Переднеазиатское представление о действенности такой практики четко противопоставлено здесь египетской идее об исключительном благоволении богов прежде всего к возлюбленной ими земле: оно побудит их покинуть предмет-*hm*, оказавшийся в руках врагов Египта, – хотя бы и более могущественных, какими были персы в пору конфискаций ими утвари и изображений богов из египетских храмов.

Как видно, концепция текстов наоса из Сафт эль-Хенне и «Стелы Бентреш» всецело адекватна той политической ситуации, в которой Египет оказался после освобождения от первого персидского владычества, под властью XXVIII—XXX династий. К этому времени Египет пережил чужеземное владычество, оцененное на данном этапе явно как эпоха нелегитимного правления и, соответственно, как доказательство того, что его собственные правители могут быть и слабее чужеземных врагов. Он вновь стал независимым государством под властью легитимных царей, хотя и с «ослабленной», по сравнению с предыдущими эпохами, сакральностью (см. § 1.1.2). Однако он не только не имел практической возможности вести экспансию во внешнем мире (в том числе и воздать прежним врагам за похищение святынь из его храмов), но и пребывал в постоянном ожидании вторжения на свою территорию и временами был вынужден такие вторжения отражать. Помимо Нектанеба I в 374/373 г. до н.э. (см. выше) с такими вторжениями столкнулись Акорис около 385—383 гг. до н.э. и Нектанеб II в 354, 351 и, очевидно, в 343 гг. до н.э., причем последнее из этих вторжений привело, как известно, вновь к утрате Египтом независимости [Lloyd, 1994 (2), p. 347, 349; Briant, 1996, p. 671—672, 701, 704—706]. Особая ситуация царствования Тахоса, когда Египет все же попытался предпринять широкие наступательные действия против Ахеменидской державы, могла породить, как мы считаем, совершенно специфическую идеологическую реакцию, имевшую определенное развитие уже в начале македонского времени (см. подробно главу 6, § 6.4). В целом же для IV в. до н.э., похоже, характерно стремление не только оборонить Египет от чужеземной угрозы, но и обосновать при помощи определенных построений, что невозможность внешней экспансии не ставит под сомнение универсалистскую миссию государственности Египта и его сакральных царей.

В этом смысле чрезвычайно показательным и интересным текстом оказывается т.н. «Книга победы над Сетом» (ее полное название – «Ритуал для низвержения Сета с союзниками его, совершаемый в храме Осириса Хентиamentiу, бога великого, владыки Абидоса, в качестве надлежащего в каждый день, как и во всех храмах»; Urk. VI. 5. 2—3: *nt-^c n šhr Stš hn^c smiw.f irt m pr (T)st-ir(t) Hnt(y)-imnt(yw) ntr ʕ nb ʒbdw m hrt-hrw nt r^c-nb mitt m gsw-prw nbt*) [Altmann, 2010, S. 9, 13—56]. Данный текст описывает события мифологического прошлого, когда Сет был побежден в борьбе за наследство Осириса (id. 7.3—22), а Хор стал царем над Египтом и был коронован (id. 9.20—13.3). Сета изгнали из пределов Египта в «страны азиатов» (id. 13.6: *r tʒw Styw*), после чего отпраздновали победу. Однако вскоре Сет вернулся в Египет и совершил многочисленные преступления и святотатства в храмах разных номов (id. 17.22 — 25.2). Возмущенные боги воззвали к Ра, и он провозгласил окончательное изгнание Сета в «пустыню» и «чужеземные страны» (id. 27.5: *dšrt*; id. 31.7: *hʒswt*). Вторая часть этого текста содержит описание магических практик, направленных на то, чтобы предотвратить угрозу Египту со стороны Сета в дальнейшем (id. 27.17—59); нет особых сомнений, что назначение этих практик состояло в предотвращении реальной угрозы Египту со стороны чужеземцев, отождествлявшихся в данном ритуале с Сетом и его «союзниками» (см., например: [Матье, 1996, с. 216]).

«Книга победы над Сетом» известна в двух списках – pLouvre 3129 (стлбб. В, 39 – Е, 42) из владения Па-шер-эн-мену (*Pʒ-šri-n-Mnw*), сына «госпожи дома» Исет-урет (*ʒst-wrt*) и pBM 10252 (стлбб. 13.1 – 18.27) из храмовой библиотеки жреца Па-урема (*Pʒ-wrm*), сына Ки-ки (*Qiqi*). Лучше сохранился первый из них, который и был положен в основу издания этого памятника З. Шоттом (Urk. VI. 1-59; по второму списку издатель привел разночтения). Насколько можно судить, зафиксировавшие этот текст папирусы были записаны существенно позже времени его создания. Список pLouvre 3129 не содержит точной датировки и по палеографическим основаниям относится к началу птолемеевского времени; а pBM 10252 определяет время создания этого текста и собственную датировку, напротив, очень четко: «Писец переднего двора храма (*wbʒ*; Wb. I. 291.11-15 – *И.Л.*), отец мой, Усерхонсу, сын Капэфхаенменчу, записал он /это/ в Год 17, месяц 4 *axet*, день 25 при Величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Нектанеба (*Nht-nb.f*), <живущего> вечность-*dt* <вплоть до> вечности-*nḥh*, /сделано/ сыном его к восхвалению зачавшего его в Год 11 Александра» (19.23: *sš wbʒ it.i Wsr-Hnsw zʒ Kʒp(.f.)-hʒ-(n)-Mntw sphr.n.f m hʒt-zp 17 ʒbd 4 sw 25 ʒht hr ḥm (n) nsw-bity Nht-nb.f (ʕnḥ) dt (r n)ḥh in zʒ.f nty r rnn wtt.f m hʒt-zp 11 ʒrwsʒntywz*; Urk. VI. 2—3 [Altmann, 2010, S. 3—4]). Иными словами, первоначально текст «Книги победы над Сетом» был записан писцом Усерхонсу, сыном Капэфхаенменчу к 25 *ʒht* IV Года 17 Нектанеба, т.е. к 11 марта 362 г. до н.э., а затем вновь записан его сыном того же имени в Год 11 формального царствования

Александра (IV), сына Александра Великого и Роксаны, т.е. в 307/306 г. до н.э. [Pestman, 1967, p. 13]¹⁹. Примечательно, что в отличие от Нектанеба I применительно к Александру (IV) Усерхонсу (II) не употребляется никаких титулов и не сопровождается его имя благопожеланием, хотя и заключает его в картуш. Это может объясняться не только отказом этого писца признавать Александра (IV) легитимным сакральным царем, в соответствии с общим настроением египетской элиты, которое в 311 г. до н.э. отчасти отразилось в «Стеле сатрапа» (см. главу 3), но и тем, что сын Александра и Роксаны был убит еще около 309 г. до н.э. и сама датировка его царствованием, – условность, к которой прибегали вплоть до провозглашения Птолемея царем в 305/304 г. до н.э. (см. главу 2, § 2.1).

«Книга победы над Сетом» вообще представляет большой интерес, как фиксация мифологемы вторжения Сета в Египет извне, по сути дела, вновь созданной в развитие сюжета мифа об Осирисе с целью формирования на ее основе магической практики отражения реальных чужеземных противников. Помимо этого текста, сходные по своей семантике и предназначению практики отразились в папирусах Бремнер-Ринд (pBM10188) [Faulkner, 1933; 1936—1938], Солт 825 (pBM10051) [Derchain, 1965; Herbin, 1988] и Жюмильяк (pJumilhac) [Vandier, 1962]. Первые два из них были записаны в начале македонского времени, последний – в конце эпохи Птолемеев, хотя он имел при этом, безусловно, гораздо более раннюю первооснову. В целом правомерно сказать, что отразившиеся в этих текстах практики должны восходить именно к IV в. до н.э., т.е. к охарактеризованной нами ситуации постоянной обороны Египта от персидской угрозы (см. подробнее: [Васильева, Ладынин, 2012, с. 15—21]). «Технология» магических практик, описываемых в «Книге победы над Сетом» и в этих текстах, сходна: фигурки Сета, Апопа и их спутников изготавливались из красного воска (хотя есть и упоминания фигурок из дерева – Urk.VI.5.11, 37.11 – и изображений на листах папируса – id. 5.10, 37.7—8; pBremner-Rhind. 23.7), на них надписывались имена или обозначения этих врагов (id. 24.7—8, 12—15; 27.12—13; pSalt 825. IX.1—5), они четырежды оплевывались, попирались левой ногой, протыкались последовательно копьем и ножом и помещались в огонь с оплевыванием. В последнем случае действие огня ассоциировалось с силой богов – с «пламенем Сохмет» (Urk.VI. 49.9; pSalt 825. V.1), с Оком Хора (Urk.VI. 49.20; pBremner-Rhind. 22.24—23.1; 24.8—11, 14, 16; etc.) или с «огненной змеей»-уреем, находящимся на челе божества (Urk.VI. 49.10, 53.21—55.23). Основная цель этих обрядов состояла в физическом уничтожении всех существей врагов, включая их имя: при этом в «Книге победы над Сетом» содержались не только указания по совершению обрядов, но и описание магических действий,

¹⁹ Поскольку формальное царствование Александра Великого в Египте отсчитывалось с года его вступления в страну, т.е. с египетского 332/331 г. до н.э. (см. главу 2, § 2.1), – а умер он, как известно, в 323 г., Год 11 не может быть отнесен к его царствованию.

которые некогда выполнены богами для защиты Египта от Сета после его повторного изгнания (при провозглашении его вечного проклятия: id. 31.12—33.23). Данные манипуляции не были просьбами, адресованными божеству в рамках ритуала, а должны были направить его силу на врагов фактически вне зависимости от его воли, при помощи имитации действий, совершенных им в отношении его противника в мифологическом прошлом (ср. с ритуалами «разбивания красных горшков» и «проклятия» с использованием «бирок» или фигурок с именами внешних врагов Египта, которые практиковались в III—II тыс. до н.э. в храмах и в царских некрополях [Демидчик, 2005, с. 138—146]).

Во всех этих текстах, кроме папируса Солт 825, главным действующим лицом в повторном изгнании Сета и его бенефициарием оказывается бог Хор. Именно он совершает одно из ключевых действий в уничтожении Сета – его поражение копьем (Urk.VI. 45.4—9; pBremner-Rhind. 22.9—11). В «Книге победы над Сетом» закрепление царского статуса Хора является целью, к достижению которой прилагают усилия как он сам, так и остальные боги (Urk.VI. 9.15—13.3; 13.22—15.14; 31.4—6; 35.3—5; 43.1). Папирус Жюмильяк живописует то разрушение, которое Хор обрушивает на Сета, его сподвижников и их владения (pJumilhac XVII.9—11). Кроме того, как мы уже говорили, в целом ряде случаев разящей силой в данных текстах представляется Око Хора. Подобной роли Хора никак не противоречит то, что, помимо обеспечения его прав на царство, важнейшим мотивом сюжета данных текстов является защита его отца – Ра в папирусе Бремнер-Ринд (passim), Осириса в «Книге победы над Сетом» (Urk.VI. 13.23; 31.2—3; 35.2, 10; 39.13—18; 41—47; 59.6—9). При этом стандартным обозначением Сета и его сподвижников, маркирующим их враждебность благим богам, в том числе Хору, противопоставляющим их благим богам, становится термин *hftu* «противник» (Wb.III. 276—277; буквально «супротивник» – относительное прилагательное, образованное от предлога *hft* «напротив»²⁰): так, в «Книге победы над Сетом» этот термин употребляется в единственном

²⁰ В папирусе Жюмильяк этот же термин обозначает некие магические предметы (фигурки или свитки), использовавшиеся Тотом против вторгнувшегося в Египет Сета [Vandier, 1962, p. 107—108]. Возможно, сначала он относился к изображениям врагов в обрядах вредоносной магии, подобных описанным в рассмотренных нами текстах, но затем перешел вообще на все изображения, используемые в боевой магии, в том числе в качестве оживающих «помощников» (в таком случае в папирусе Жюмильяк он определенно относится именно к используемым таким образом фигуркам). Стоит обратить внимание на мнение О.Д. Берлева, согласно которому *hftu* («буквально “противный”, “противник”») – это особый агент божества, сопоставимый с *hm* (см. об этом термине настоящую главу, § 1.1.1), возможно, своеобразная инверсия этого более привычного агента. С одной стороны, *hftu* способен выходить из-под контроля божества (реально или, возможно, символически) и совершать вредоносные для других действия, принимая на себя их одиум и избавляя от него бога, с другой – он сам становится объектом причинения ущерба, опять же отводя его от бога [Берлев, 1972, с. 41; cf. Posener, 1969]. Развивая эту интерпретацию применительно к роли Сета в рассматриваемых магических текстах, можно было бы допустить, что если на этапе ранней древности III—II тыс. до н.э., когда образ этого божества еще не распался на сравнительно четко разграниченные позитивный и негативный аспекты, термин *hftu* мог употребляться применительно к нему именно в значении, установленном Берлевым, – при описании

числе по отношению к Сету (например: Urk. VI. 37.18, 39.16, 41. 6, 8; и др.) и во множественном – по отношению к его союзникам (например: id. 35.21, 41.10, 17; и др.). Как видно, в рамках данных магических практик противопоставление Хора и Сета в контексте вторжения последнего в Египет из-за его пределов четко и однозначно ассоциировалось с этим божеством, персонифицирующим злое начало, всех чужеземных врагов Египта и его сакрального царя.

В недавно защищенной диссертации К.Ф. Карловой убедительно показано, что действия Сета в тексте «Книги победы...» содержат в себе фундаментальное несоответствие нормам благого миропорядка *маат*. По существу, именно Сет представлен в этом тексте (и, шире, в представлениях, соответствующих основной тенденции религиозного развития Египта в Позднее время) источником зла в мире [Карлова, 2016, с. 81—135, 239—240]. В известном смысле обобщением данного представления о Сете оказывается его наделение в данном тексте уникальным эпитетом *nb izft* («владыка *исефет*», т.е. деструктивного начала, противоположного *маат*: Urk. VI. 7.13; LÄGG III. 589) [Карлова, 2016, с. 82, 86]. Данный эпитет парно-антонимичен эпитету *nb m3t* («владыка *маат*»), который характеризует сакрального царя и верховных богов египетского пантеона (LÄGG III. 639—642) как существ, способных безошибочно постигать и поддерживать норму миропорядка (см. настоящую главу, § 1.1.1). Свое выражение это качество Сета получает, в частности, в приписываемых ему в «Книге победы...» святотатствах [Карлова, 2016, с. 109—129], смысл которых суммирован в следующем пассаже: «Замыслил он план возвышения в качестве грабителя, задумал он возвысить себя самому; зло (всюду), начиная с места, в котором он находится; беспорядок в том, что ты (бог Ра-Характе) приказал» (Urk. VI. 23.21—25.2: *k3.n.f zh (n) ʕhʕ m hwtf hmt.n.f sʕhʕ s(w) ds.f qnw š3ʕ-r st wnn.f ʕ pnʕ m wdy.n.k*; см.: [Altmann 2010, S. 55—56])²¹. По-видимому, эта формулировка отражает идею издевательского и своекорыстного извращения Сетом порядка вещей, который был некогда установлен верховным божеством²².

вредоносных действий Сета, в принципе не свойственных божеству. В дальнейшем, на фоне негативизации образа Сета в I тыс. до н.э. (см. теперь: [Карлова, 2016]), он должен был приобрести однозначный смысл «враг, противник».

²¹ Мы несколько скорректировали предложенные В. Альтманн перевод и транслитерацию данной фразы, в которой отсутствует выражение *ʕ* перед словом *pnʕ* (Wb. I. 158); по-видимому, *ʕ-pnʕ* – «состояние беспорядка».

²² В. Альтманн полагает, что выражение *wdy.n.f* может означать территорию, «приказанную», «отказанную» богом Ра-Характе, очевидно, Хору, – т.е. Египет в противовес землям, отданным Сету («месту, в котором он находится» – очевидно, пустыне). При этом она основывается на употреблении глагола *wdi* в «Книге победы над Сетом» в контексте раздела Ра-Характе земель между Хором и Сетом после их борьбы (Urk. VI. 17.13 ff.) [Altmann, 2010, S. 55, Anm. 366]. На самом деле, достаточно взглянуть на указанный пассаж текста, чтобы убедиться, что сводить значение в нем этого глагола только к данному «территориальному размежеванию» неправомерно и что он скорее обозначает гораздо более обширную строительскую деятельность верховного божества (см. также: Urk. VI. 17.11), искаженную, соответственно, действиями Сета.

Святотатства Сета совершаются им прежде всего при вторжении в культовые места богов Египта (Urk. VI. 19—26). «Книга победы над Сетом» приписывает ему уничтожение священных деревьев, пожирание священных рыб и т.п.: среди прочего, Сет пожирает священного барана в храме Амона (id. 23.1—2) и набрасывает лассо на Аписа (id. 23.15—16) [Altmann, 2010, S. 42—43, 51]. Иными словами, «Книга победы над Сетом» отражает топос святотатств против священных животных, ставший исключительно важным в негативной презентации чужеземных завоевателей Египта с тех пор, как он был впервые актуализирован в сюжете об убийстве персидским царем Камбисом Аписа. В свое время, передавая этот сюжет (*Hdt.* III. 16, 27—29), Геродот, вне сомнения, ориентировался на сведения своих египетских информаторов, и далее он был растиражирован в свидетельствах более поздней традиции (*Iust.* I. 9.1; *Clem. Alex. Protr.* IV. 52. 6; *Plut. De Is. et Os.* 44). Как давно известно египтологам, достоверность этого сюжета ставится под сильнейшее сомнение находкой погребальной стелы Аписа, умершего при Камбисе (на его Году 6, при отсчете лет его царствования еще с его воцарения в Персии, т.е. в 524 г. до н.э.), и, более того, его саркофага, который, согласно надписи на нем, был предоставлен самим персидским царем [Posener, 1936, p. 30—35 (No. 3), 35—36 (No. 4)]. Тексты этих памятников хорошо согласуются со свидетельствами биографической надписи Уджахорреснета о благожелательности Камбиса к египетским культам [Posener, 1936, p. 1—26 (No 1), 170—171]. По совершенно верному замечанию А.Б. Ллойда, акцент на этом моменте в надписи Уджахорреснета, составленной при Дарии I (существенно раньше времени Геродота, в пору, когда эпоха Камбиса должна быть еще более живой в памяти египтян) не имел бы никакого смысла, если бы вступал в противоречие с общеизвестными «кощунствами» Камбиса [Lloyd, 1988 (3), p. 64]. Кроме того, подобное кощунство, вводившее Камбиса в острый конфликт с божеством, воплощенным в священном быке, шло бы резко вразрез с традиционной для персов религиозной политикой: в ее рамках они могли изъять у покоренного народа предметы, обеспечивающие контакт с его богами, и даже, чтобы помешать этому контакту, разрушить их храмы, однако к самим этим богам, признавая их мощь и не желая с ними враждовать, относились с неизменным почтением²³. Согласно практически единодушному мнению современных исследователей, появление данного сюжета в античной традиции связано с тенденциозностью информаторов Геродота, желавших представить персидское завоевание при Камбисе в максимально черном свете²⁴.

²³ Достаточно привести один ярчайший пример: после захвата Афин и разрушения Акрополя во время вторжения Ксеркса в Грецию персы собирают сопровождавших их афинских изгнанников и велят им принести жертвы местным богам в соответствии с принятым ритуалом: *Hdt.* VIII. 54. См. в целом о данной проблеме: [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 340—343].

²⁴ Вслед за Ж. Познером [Posener, 1936, p. 171—175] на эту позицию встало большинство исследователей, обращавшихся к данному сюжету (см. сводку ряда мнений: [Depuydt, 1995, p. 122]).

Помимо общей недоброжелательности египтян к персам во времена Геродота, этот сюжет мог быть инспирирован симпатиями его информаторов к Амасису, дом которого в результате персидского вторжения потерял власть [Ладынин 2009 (1), с. 363—364, 369], а также давним недовольством политикой Камбиса в Египте, направленной на сокращение храмовых доходов²⁵ и бедственным положением ряда храмов, вызванным персидским завоеванием²⁶.

Вместе с тем даже и независимо от решения вопроса о достоверности рассказа Геродота, нужно констатировать, что он и примыкающие к нему сведения заняли очень заметное место в топике описания чужеземных завоеваний в позднеегипетской традиции. По мнению Дж. Диллери, можно думать, что изложенный Геродотом рассказ его египетских информаторов о поведении Камбиса в Египте восходил к целостному нарративу, сообщавшему не только об убийстве Аписа, но и о его кощунственных действиях в некрополе и храмах Мемфиса (десакрации царских погребений, издевательствах над культовыми изображениями Птаха и связанных с ним божеств: *Hdt.* III. 37) [Dillery, 2004, p. 397]. Диллери считает, что по набору сюжетов и стилистике этот нарратив должен был соответствовать египетской традиции «описания хаоса» (*Chaosbeschreibung*), характерной для описания воспринятых негативно чужеземных владычеств, и его вариациями являются уже раннехристианские историко-литературные реминисценции образа Камбиса (в коптском «Романе о Камбисе» и эфиопоязычной «Хронике» Иоанна, епископа Никиу; см. об этих источниках и их связи с античной традицией: [Lloyd, 1994 (1)]). Ближайшими по времени сложения, хотя уже не

Особняком стоит мнение Л. Депюйдта: данный исследователь обращает внимание, что, согласно Геродоту, Камбис убил только что объявившегося нового Аписа, который к тому же по тем же сведениям был погребен втайне, то есть вне Серапеума, и, стало быть, не может отождествляться ни с одним из быков, известных по его стелам и саркофагам, которые, таким образом, не подтверждают и не опровергают свидетельства Геродота. К этому мнению можно было бы прислушаться, если бы оно не игнорировало политическую ангажированность большинства сведений Геродота о завоевании Египта персами (см. наш основной текст). В свете этого было бы правомерно спросить: почему сомнения в достоверности следует высказывать в связи с этими документальными источниками, а не с нарративом Геродота? Маловероятно, что Камбис, только что проявив благочестие по отношению к умершему Апису, как свидетельствуют египетские источники, тотчас же нарушил бы его столь вопиющим образом по отношению к Апису вновь обретенному. Кроме того, сколь тайным от Камбиса ни было бы погребение этого животного, для совершавших его жрецов едва ли были какие-либо препятствия к его совершению в катакомбах Серапеума, с обозначением этого события, согласно египетской традиции, при помощи заупокойной стелы (которая оказалась бы в распоряжении современных исследователей, как и остальные памятники этого закрытого археологического комплекса). Таким образом, на наш взгляд, оснований для сомнений в известии об убийстве Камбисом Аписа все же больше, чем для его не критического восприятия.

²⁵ Именно это могло стать основой представления о его «святотатственном» поведении в Египте. См. о сообщении на оборотной стороне папируса с записью «Демотической хроники» об указах Камбиса, связанных с финансовым управлением храмами Египта (pBibl. Nat. 215 dem., verso, d): [Bresciani, 1981; Lloyd, 1988 (3), p. 64—65].

²⁶ Оно прослеживается и в описании Уджахорреснетом положения саисского храма Нейт во время Камбиса; однако этот вельможа связывает его улучшение с вмешательством самого Камбиса (по сути дела, легитимирующим этого царя, как благодетеля храма: стк. 17—23 надписи Уджахорреснета) [Posener, 1936, p. 14—16; см. также: Burkard, 1994; 1995].

связанными тематически с завоеванием Камбиса, аналогами этого нарратива следует считать традицию о втором персидском завоевании Египта при Артаксерксе III (см. главу 4, § 4.4), а также описание Манефоном второго завоевания Египта гиксосами в союзе с египетскими прокаженными, известное в передаче Иосифа Флавия. Последний сюжет, вероятно, уже оформился в традиции, на которую опирался Манефон при создании своего труда в первой половине III в. до н.э. и которая, очевидно, должна датироваться доэллинистическим временем (см. подробнее о данном сюжете § 1.3.2, а также [Ладынин, 2009 (3)]). Согласно Манефону, второе завоевание Египта гиксосами сопровождалось уничтожением городов и селений, разграблением храмов и осквернением статуй богов. Что касается мотива убийства священных животных, кощунственность этого деяния была усилена тем, что захватчики якобы «стали пользоваться святилищами как кухнями» для приготовления в пищу священных животных, заставляя жрецов забивать их, как для жертвоприношения (*Manetho. Frg. 54 = Ios. C. Ap. I. 20, 249: καὶ γὰρ οὐ μόνον πόλεις καὶ κώμας ἐνέπρησαν οὐδὲ ἱεροσυλοῦντες οὐδὲ λυμαινόμενοι ξόανα θεῶν ἠρκοῦντο, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἀδυτοῖς ὀπτανίοις τῶν σεβαστευομένων ἱερῶν ζῶων χρώμενοι διετέλουν καὶ θύτας καὶ σφαγεῖς τούτων ἱερεῖς καὶ προφῆτας ἠνανκαζον γίνεσθαι καὶ γυμνοὺς ἐξέβαλλων*). При этом само наущение исказить культ богов и ритуал жертвоприношения, превратив его в употребление в пищу священных животных, приписывается Манефоном вождю египетских прокаженных, тождественному Моисею (*Manetho. Frg. 54 Ios. C. Ap. I. 28, 261: καὶ τοῦτον αὐτοῖς εἰσηγήσασθαι μήτε θεοὺς προσκυνεῖν μήτε τῶν ἐν Αἰγύπτῳ θρησκευομένων ζῶων ἀπέχεσθαι, πάντα δὲ θύειν καὶ κατεσθίειν*). Далее в данном контексте, уже вне прямого цитирования Манефона, передающий его рассказ Иосиф Флавий упоминает об аналогичных святотатствах персов, которые не раз «закалывали считающихся у них (египтян – *И.Л.*) богами», что совсем уж внятно показывает связь этого мотива с рассказом о кощунствах Камбиса (*Ios. C. Ap. II. 11, 129*).

Стремление к извращению миропорядка, служившее основой святотатств Сета как персонификации злого начала, согласно «Книге победы...», идеально согласуется с деформацией ритуала, присутствующей и в делах этого божества, и в действиях по отношению к культам Египта, приписывавшихся гиксосам и прокаженным, Артаксерксу III (см. главу 4, § 4.4) и отчасти наместнику Александра Великого в Египте Клеомену из Навкратиса (см. главу 3, § 3.3.2). При этом как «Книга победы над Сетом», так и эти квазиисторические сюжеты существенно отличаются от, так сказать, классического рассказа о кощунствах Камбиса в следующем моменте. Хотя дела персидского царя и включают в себя кощунства в храмах и убийство священного животного, они гораздо менее вычурны и многообразны, и,

главное, продиктованы не целенаправленным стремлением извратить ритуал египетских богов, а просто высокомерием и гневом, граничащими с безумием или даже ему тождественными. Очевидно, именно рассказ о святотатствах Камбиса (как мы уже сказали, с наибольшей вероятностью фиктивный, но все же измышленный с определенным реализмом) послужил моделью для последующих мотивов «Книги победы над Сетом», свидетельств об Артаксерксе и рассказа Манефона о втором владычестве гиксосов. Рассказ о Камбисе задал, так сказать, «элементарные» темы этой традиции, которые затем приобрели в ее рамках гораздо более колоритные вариации, а также своего рода «теоретическое осмысление» в презумпции того, что святотатства чужеземцев и Сета нацелены на извращение ритуала, то есть целенаправленно, экзистенциально враждебны древнеегипетской религиозной жизни. Однако, учитывая, что приписанное Сету в мифологическом прошлом вторжение в Египет извне было метафорой всех реальных чужеземных вторжений, мотив его святотатств был неразделен со вполне определенной концепцией отношений Египта с окружающим миром, как мы видим, актуализировавшейся в идеологии V—IV вв. до н.э.: окружающий мир составляет для Египта давнюю и неизменную угрозу, поскольку владеющая им сила экзистенциально враждебна его культам.

Как, исходя из этой концепции, следовало относиться к давнему представлению египтян об универсальном характере власти их сакрального царя и о его способности, при необходимости, разгромить любого чужеземного врага и подчинить себе его владения? Ответ на этот вопрос дает, как нам представляется, еще один чрезвычайно примечательный фрагмент «Книги победы над Сетом», который содержится в тексте ритуалов, предотвращающих повторное вторжение злого божества, и звучит следующим образом:

Не будет тебя (букв. «Не будешь ты»)! Не будет имени твоего, не будет схватывания рукой твоей, не осуществится (букв. «не возникнет») план твой, не будет силы твоей! Сила злых планов твоих в тебе, /но/ не будет приближения твоего ты к Египту! Умрешь ты в круге чужеземных стран. Не войдешь ты в /пределы/ берегов Хора, это часть его, которая дана ему, /в то время как/ ты дан чужеземным странам²⁷.

Убедительная интерпретация данного фрагмента предложена в уже упомянутой диссертации К.Ф. Карловой [Карлова, 2016, с. 129—131] и, при ее значимости для наших целей, мы позволим себе привести ее в нашей работе подробно. В данном фрагменте привлекают внимание обозначение *dbn* («круг, кольцо»), отнесенное к местопребыванию Сета в

²⁷ Urk. VI. 29.8—15: *nn wnn.k nn wn rn.k nn wn šsp pdt.k nn hpr šh.k nn wn šhm.k šhm n w3w3.k im.k nn wn tkn.k r Kmt mwt.k m dbn h3swt nn ʿqy.k r idbw Hrw pš.f pw rdit n.f rdit.n.tw.k r h3swt*. В издании 3. Шотта текст этого фрагмента приведен исключительно по рLouvre 3129; содержавшие его столбцы рBM 10252 не сохранились.

чужеземных странах («пустынях», или «нагорьях», – *ḥ3swt*), а также указание на то, что в этом «круге чужеземных стран» он умрет. Слово *dbn* (id. V.436), а также близкое ему *dbnw* (ibid.) относительно широки по своему значению и обозначают нечто, окружающее предмет или лицо – от людей, находящихся рядом с кем-либо (id. 9), до границ неба (id. 10); кроме того слово *dbnw* может обозначать предметы круглой формы (например, диск луны: id. 11). В значении, близком к зафиксированному в интересующем нас фрагменте, слово *dbn* встречается в Текстах пирамид, где, по мнению составителей «Словаря египетского языка», обозначает Эгейское море как «круг», ограничивающий местообитание людей *Ḥ3w-nbwt* (id. 7; см. об этом обозначении выше). Соответственно, словосочетание «круг чужеземных стран» также должно обозначать окружение Египта – как мы помним, единственной в мире страны, где возможно ритуальное служение богам, – «нагорьями», где это невозможно. Поиск с помощью сервиса *Thesaurus Linguae Aegyptiae* не выявляет, помимо нашего фрагмента, других случаев сочетания слов *dbn* и *ḥ3st*, и это словоупотребление может, таким образом, быть уникальным.

Не менее уникально и упоминание в данном контексте смерти Сета. С одной стороны, в нем можно было бы увидеть отражение известного с древнейших времен представления египтян о том, что «всякий, кто поднял оружие против фараона – “убитый”» [Берлев, 1989, с. 88]. Это представление проявилось в обозначении пленных *sqrw-ḥnhw* (Wb. IV. 307: «убитые-живые», т.е., поскольку «термин “убитые” обозначает весь народ, всех подданных враждебного Египту царя, во всей совокупности», «все те, кого удалось из этого народа схватить и кому была дана пощада»; цит. по: [Берлев, 1989, с. 88]; см. также: [Демидчик, 2005, с. 25, 138—149]). Нет сомнения, что обозначение Сета как «мертвеца» связано с его поражением в ходе вторжения в Египет; однако при этом его «смерть» при этом не тождественна прекращению его существования или его полному обессиливанию, иначе обращение против него описанных в тексте магических приемов было бы излишне. Очевидно, речь идет все же о продолжении существования Сета в качестве непогребенного мертвеца (*mwt*), чуждого как земному, так и загробному миру и являющегося источником вреда для людей [Ritner, 1993, p. 141 (со ссылками на литературу); Большаков, 2013, с. 51—52]. При этом, как мы видим, Сет обретает такое существование в «круге чужеземных стран», который является его местообитанием.

Качественное отличие прилегающей к Египту «пустыни» от земного, но и от загробного мира, а также, очевидно, ее восприятие как своего рода пограничья между этими мирами проявилось в популярности сцен охоты в пустыне в гробницах времени Среднего царства²⁸, а

²⁸ См. в целом о сценах охоты, в т.ч. пустынной: [Altenmüller, 1967]. Интерпретация такой сцены в гробнице Хнумхотепа II в Бени-Хасане как «полной солнечного символизма» необычайно вычурна [Kamrin, 1999, p. 83—89], однако в принципе о наличии в этом мотиве «второго смыслового слоя» [Большаков, 2003, с. 7] спорить едва ли приходится. Учитывая, что эти сцены появляются именно в гробницах, причем на этапе, когда в их оформлении еще не допускается прямое введение

также в появлении в этих сценах фантастических животных, не водящихся ни на земле, ни в инобытии усопших [Демидчик, 2005, с. 155—156]. А в Текстах пирамид имеется следующий пассаж, очевидно, близкий по своему смыслу интересующему нас фрагменту «Книги победы над Сетом»: «Отделил Пепи этот пограничную метку вашу, мертвые. Опрокинул Пепи этот пограничные камни ваши, противники, находящиеся под рукой Осириса²⁹. Миновал Пепи пути Сета, прошел Пепи мимо посланников Осириса» (Pyr. 1236: *wḏ^c.n Ppy pn tnw.tn m(w)tw znb.n Ppy pn izt.t(n) imyw-rd hr(y)w-^c Ist-irt šn.n Ppy w3wt Stš sw3.[n] Ppy pn hr wpwtyw Ist-irt*). Согласно контексту данного изречения, умерший получает через Тота Око Хора и обретает силу для противостояния врагам, которыми здесь являются мертвецы, Сет и его последователи – *imyw-rd*. Видимо, речь идет о каких-то границах, который усопший царь пересек, войдя в пределы «мертвых»: при этом он «миновал пути Сета», т.е., вероятно, не стал в эти пределы углубляться, равным образом он «прошел мимо посланников Осириса», которые, видимо, увлекли бы его в загробный мир под властью этого бога, и проследовал к инобытию богов на небе, составляющему цель его посмертного пути³⁰.

Если в Текстах пирамид место в мироздании территории «мертвых» не уточняется, но наличие границы с ней показывает, что она как-то смежна с земным миром, а в оформлении гробниц Бени-Хасана и эль-Берше пустыня – это территория, примыкающая к долине Нила на границах этих номов, то, очевидно, «круг чужеземных стран» в «Книге победы над Сетом» – это вся совокупность земель, находящихся за пределами Египта. Однако, если она ассоциируется с образом «мертвеца»-Сета, то ее нельзя воспринимать как просто часть земного мира, которая хотя и радикально отличается от Египта по природным условиям, а также непригодна для полноценного совершения ритуала, но в эпохи египетского великодержавия воспринималась, как мы помним, даже в качестве некоего продолжения Египта («земли»). В свете данного фрагмента «Книги победы над Сетом» все земли вне Египта – это «круг», т.е. пограничье (очевидно, в самом деле между земным миром и инобытием усопших), которое служит местообитанием «мертвецов» и исполнено чрезвычайной угрозы; а весь «нормальный» земной мир, по сути дела, стягивается до территории Египта. В рамках такого представления легитимный сакральный царь, владеющий только Египтом, является тем не менее универсальным правителем, поскольку владеет всей территорией мира, где действуют нормы

«сверхъестественных» мотивов, нам кажется наиболее вероятным, что они, как и сцены «плавания на Запад» в III тыс. до н.э. и «плавания в Абидос» также в эпоху Среднего царства, маркируют смысл соприкосновения усопшего с инобытием богов.

²⁹ Другой возможный перевод – «помощники Осириса»; см. варианты интерпретации этого обозначения: [Meurer, 2002, S. 30 usw.].

³⁰ Нам не кажется, что следует отказываться хотя бы от предположительной интерпретации данного пассажа [Большаков, 2013, с. 50—51].

миропорядка-*maat* (как мы помним, царящий вне Египта Сет является, согласно «Книге победы...», «владыкой» совершенно противоположного начала *исефет*). Тогда свое полное оправдание получает неспособность Египта в ситуации IV в. до н.э. к внешней экспансии: если все земли, кроме Египта, – это страшный искаженный мир, то там нечем владеть и туда нет смысла стремиться. А трудности в отражении чужеземной угрозы Египту становятся совершенно понятны, коль скоро она исходит от страшных обитателей этого мира, включая Сета, от которого даже боги в мифологическое время оборонялись с большим трудом. Иными словами, понятны появление и востребованность этого представления именно в эпоху военно-политической слабости Египта, которая иначе вступала в противоречия с универсалистской традицией его государственности. По сути дела, именно такую ситуацию мы видим на большем протяжении времени его последних династий, занятого ожиданием и отражением персидской угрозы, когда, собственно, и была впервые кодифицирована «Книга победы над Сетом».

Подводя некоторый итог нашему обращению к концепциям взаимодействия Египта с окружающим миром на протяжении ранней древности III—II тыс. до н.э. и Позднего времени, мы можем еще раз констатировать, что египтяне достаточно последовательно различали качественную уникальность в земном мире власти их сакрального царя и реальный объем его военно-политического могущества. Сакральный царь признавался в принципе способным разгромить любого противостоящего ему чужеземного противника и, соответственно, подчинить его владения; однако последняя задача ставилась далеко не на всех этапах египетской истории, а наличие у сферы влияния Египта четко очерченных пределов, за которыми лежали неподвластные земли, признавалось даже на взлете его внешнеполитического могущества в Новое царство. В I тыс. до н.э. в египетской терминологии появляется адекватное обозначение для межрегиональной ближневосточной державы, геополитическую нишу которой последовательно занимали новоассирийское, нововавилонское и персидское государства. При этом, по-видимому, формируется представление об определенном противостоянии этой державы Египту, преимущество которого перед ней состоит не в большем могуществе, а в исключительности его места в мире. Наконец, в IV в. до н.э., в ситуации, когда Египет не только не способен вести внешнюю экспансию, но и не гарантирован от угрозы извне со стороны Ахеменидов, мы видим представление о принципиальной враждебности ему окружающего мира, приобретающего ассоциацию с образом бога Сета, об исходящей оттуда угрозе для египетских культов (и, соответственно, для ритуального взаимодействия между миром и божествами). По-видимому, в крайней своей форме это представление предполагает, что территория Египта в принципе тождественна всему объему «нормального», ничем не искаженного земного мира и что, соответственно, власть над ней сама по себе носит универсалистский характер.

1.3 Концепция больших исторических циклов в египетской историографии Позднего времени

1.3.1 Закономерности и рубежи египетской истории в традиции эпохи ранней древности (конец III—II тыс. до н.э.)

Если поставить применительно к древнему Египту актуальный в культурно-исторических штудиях конца XX в. вопрос о специфике восприятия в этой цивилизации времени [Гуревич, 1969, с. 105—116; 1984, с. 43—166; применительно к древней Месопотамии: Клочков, 1983, с. 10—30], то на него придется ответить, что время для древних египтян [Brunner, 1955; Hornung, 1978; Assmann, 1975; 1983] было циклическим. Строго говоря, само существование мироздания, в рамках которого протекало развитие их цивилизации, считалось циклом, начавшимся с сотворения этого мироздания богом-демиургом Атумом из материи первобытного океана Нуна (СТ II.33—34; pBremner-Rhind XXVII.20—XXIX.6) и в далекой перспективе оканчивающимся гибелью всех его сущностей и их возвращением в тот же Нун (КМ 175)¹. После этого во вновь охватившем всю материю мира Нуне в качестве активного начала должны были сохраниться боги Осирис и Атум в обличье змей: это наводит на мысль, что, возможно, в представлениях древних египтян этим богам предстояло вновь возродить дифференцированный на сущности мир, и равным образом, что возникновению из Нуна современного древним египтянам и нам мироздания могла, с их точки зрения, предшествовать гибель какого-то иного мира, также вернувшегося в Нун. Отсутствие в египетской традиции (в отличие, к примеру, от древней Индии) прямых указаний на то, что мир прошел в своем развитии целый ряд таких циклов становления и разрушения, следует, может быть, связать с прагматизмом египтян, который должен был побуждать их считать спекуляции о вещах, заведомо лежащих вне реальности доступного наблюдению мира, делом бессмысленным и праздным.

Вместе с тем в нашем распоряжении несравненно больше свидетельств, относящихся к их представлениям о «малых» временных циклах отдельных царствований и, хотя и в меньшей

¹ Согласно интерпретации, предложенной О.Д. Берлевым [Берлев, Ходжаш, 2004, с. 397], именно разница между существованием мира, дифференцированного на сущности, и мира, сливающегося в материи первобытного океана, получает отражение в хорошо известной двойственности египетских терминов, переводимых как «вечность»: «вечность» (т.е. все протяжение) существования тварного, дифференцированного мира — *dt*, вечность материи в Нуне — *nḥḥ*. Трудно перечислить все интерпретации этих понятий в западной египтологии: обратим внимание лишь на уже указанную монографию Я. Ассмана [Assmann, 1975; ср. русский перевод более общей работы: Ассман, 1999, с. 118—127], считавшего, что термин *nḥḥ* акцентирует в понятии вечности аспект циклической повторяемости, ассоциируясь с богом Ра, а *dt* — статичности, ассоциируясь с Осирисом (эти же наблюдения, в разных вариантах и контекстах, присутствуют и в работах многих других исследователей).

мере, династий. Поскольку для египтян их государство, со всеми его атрибутами (городами, номами, святилищами и находящимися в них культовыми изображениями – т.е. со всем необходимым для исполнения Египтом отведенной ему функции отправления ритуала в пользу богов как «за себя», так и за весь мир [Демидчик, 2005, с. 18—19]), возникло непосредственно в момент создания мира (Memph. 59—60), а бог-демиург стал его первым сакральным правителем, то именно этот момент (*zp tpy* – букв. «первый раз»; Wb. IV.498.4) и стал началом первого из этих циклов – царствования Ра. Уже на его протяжении выявился важнейший фактор всех этих циклов – соотношение в мире благой нормы миропорядка *маат* (*m3ʿt*; букв. «истинное, праведное; правда»; Wb. II.18—20) и ее противоположности *исефет*. *Маат*, включающая в себя понятие нормы в самом широком ее понимании («правильное» – естественное и приносящее пользу – протекание природных процессов и соотношение между ними; оптимальное разделение обязанностей между людьми в человеческом обществе; положение Египта в мире, адекватное его универсалистской ритуальной функции; и др. [Assmann, 2006; Ассман, 1999, с. 19—21; ср.: Ладынин, 2002 (1), с. 87—91]. Вслед за моментом творения она «спускается с неба» [Otto, 1969 (1)], т.е. возникает в дифференцированном на сущности мире как его необходимый атрибут, – причем, очевидно, самопроизвольно, независимо от целенаправленных усилий бога-демиурга. В момент «первого раза» торжество *маат* в мире было почти что безраздельно; однако практически немедленно, в своего рода «диалектической» связи с утверждением этого миропорядка начинают появляться и накапливаться противоположные ему элементы *исефет* (*izft*; исчезновение или инверсия тех качеств природных и социальных явлений, которые в совокупности и составляют норму; Wb. I.129).

Ответственность за поддержание в мире оптимального соотношения *маат* и *исефет* возлагается на сакрального правителя – «царя Верхнего и Нижнего Египта», не только наделенного, как и боги, способностью к максимально адекватному постижению *маат* (pLeiden I.344 *recto*. XII.12), но признававшего ее зиждителем («владыкой маат»; см. выше, § 1.1.1). В связи с этим и в продолжение разговора о специфике египетского восприятия времени стоит заметить, что оно не оправдывает ожидания культурологов относительно неких качественных различий между временем «сакральным» и временем «профанным» в представлениях архаики (см., например: [Элиаде, 1994, с. 48 сл.]). Как хорошо известно, египетские царские списки открываются династиями богов и мифологических существ (см. список Туринского папируса: Tur. I—II.10 [Redford, 1986, p. 11]; ср. *Manetho*. Fragg. 1—5), царствования которых хотя и могли достигать фантастической продолжительности, но были исчислены так же точно, как и далее царствования людей, и включены в одну последовательность с ними. Мифологическое время египтян – это, как мы уже видели, эпоха

космогонии и дифференциации мира, совпадавшая именно с царствованиями на земле богов [Barta, 1973, S. 41—48; Luft, 1978, p. 78—130; Meeks, Favard-Meeks, 1995, p. 43—47]. Последним из них был отомстивший за своего отца Осириса и вступивший на престол Хор. По-видимому, именно при нем к устройству мира добавляется «последний штрих» – окружающие долину Нила «нагорья» (*h3swt*; см. настоящую главу, § 1.2) впервые обрели население в лице изгнанных из Египта приспешников врага Осириса и Хора Сета во главе с последним [Демидчик, 2005, с. 134—135] (см. подробнее главу 6, § 6.2.2, 6.4). Принципиальное единство «временного континуума» царствований богов и мифологических существ с последовавшим за ним историческим временем проявилось, в частности, и в том, что, согласно египетским представлениям, и в начале времен боги могли присутствовать на земле только будучи воплощенными в особые материальные посредники (*hm*; см. настоящую главу, § 1.1.1), которые могли претерпевать физический ущерб (см. о телесных повреждениях, которые боги наносят друг другу согласно новоегипетскому тексту «Гяжба Хора и Сета»: [Берлев, 1972, с. 35]). Подобно любой живой плоти, они могли дряхлеть: так, утрата сакральным правителем по достижении преклонного возраста способности к поддержанию («творению») *maat* впервые выявилась, согласно египетским мифологическим сказаниям, уже к концу царствования на земле Ра – первого в ряду царей-богов². По-видимому, именно обновлению этой способности должны были служить важнейшие царские ритуалы – древнейший *хеб-сед* [Матье, 1996, с. 106—134; Uphill, 1965; Hornung, Staehelin, 1974; 2006] и возникший в эпоху Нового царства, очевидно, с целью вписать этот ритуал в более актуальные религиозные категории праздник Опет [Bell, 1997, p. 137—144, 157—177; Миронова, 2011]. Однако в конечном счете единственным радикальным способом вернуть *maat* к ее доминирующему положению в мироздании и искоренить проявления *исефет* оказывалась закономерная смена правителя на египетском престоле. Уподобление его воцарения моменту «первого раза» (соответственно, царя – богу-демиургу) и констатация упрочения при этом *maat* и «изгнания» *исефет* – общее место целого ряда египетских царских текстов, в силу определенных причин [Демидчик, 2005, с. 48—49] с особенной четкостью проявившееся при Аменемхете I (pErm. 1116В. 68—69: *iw m3t r iyt r st.s isft dr sy r rwty* «вот, *maat* придет к месту своему, *исефет*, изгнана она вон»; Urk. VII.27.9—10: *dr.f isft h^c m Tm ds.f* «изгоняет он *исефет*, воссиевая (т.е. появляясь на

² См. целый цикл мифологических сказаний, связанных с ослаблением у Ра способности распознавать направленные против него козни богов и людей («детей Ра», «детей Нут») [Meeks, Favard-Meeks, 1995, p. 34—40]; наиболее известные из них – «Ра и змей» (об Исида, вынудившей Ра угрозой отказать ему в исцелении от укуса насланного ею змея назвать ей свое тайное имя; pTurin 1993 [Pleyte, Rossi, 1869—1877, t. 1, p. 131—138; t. 2, tav. 31—77; Матье, 1996, с. 236—238, 293]) и «Книга небесной коровы» (миф о мятеже людей против Ра и попытке богов истребить их, окончившейся уходом Ра из земного мира и, соответственно, отделением от него трансцендентных ему сфер – «неба», т.е. обиталища богов, и «полей Иару», т.е. загробного мира [Maystre, 1941, p. 53—115; История древнего Востока: тексты и документы, 2002, с. 110—116]).

престоле, вступая на престол – *И.Л.*) в качестве Атума самого»; *ср.* Urk. IV.2026.17—19 – о воцарении Тутанхамона, ликвидировавшем скверну амарнского времени [Blümenthal, 1970, S. 30, 437—441]).

Что касается династических циклов, то, пожалуй, наиболее четко исход одного из них и начало следующего за ним «прописаны» в хорошо известных среднеегипетских сказках папируса Весткар (pWestcar) [Сказки и повести древнего Египта, 1979, с. 60—77, 218—236]. По нашим наблюдениям, это литературное произведение наделяло строителя величайшей пирамиды Хуфу склонностью чрезвычайно легко относиться к человеческим жизни и смерти, ставя их на службу удовлетворению собственного любопытства (pWestcar VIII.15—17: требование Хуфу к чародею Джеди показать свое искусство оживлять живых существ, соединяя отсеченную голову с туловищем, на теле казненного преступника) [Ладынин, 2002 (2), с. 162—163]. Более тонкое наблюдение сделал А.Е. Демидчик, сопоставив хорошо известные свидетельства Геродота о закрытии Хеопсом храмов (*Hdt.* II.124, 128—129) с неявным указанием сказок папируса Весткар, что лишь после ухода династии Хуфу с престола совершение жертв в египетских храмах вернется к своему полному объему (pWestcar IX.24—27). Очевидно, египетский текст имел в виду направление царем всех ресурсов страны преимущественно на сооружение собственной пирамиды, в ущерб храмовым ритуалам, а сообщение Геродота представлял собой отдаленное переосмысление этой реалии [Демидчик, 2005, с. 92]. Подобное фактическое уклонение Хуфу от поддержания *маат* посредством ритуала и, очевидно, прямое допущение им в собственных делах *исефет*, насколько позволяет судить эпизод с его «экспериментированием на людях», вызывают воздаяние со стороны верховного солнечного божества. По его воле благословение рождения будущего царя переносится с дома Хуфу на рядовую семью гелиопольского жреца, а родившиеся там трое будущих царей должны со временем вернуть страну к преобладанию *маат*.

Знали ли древние египтяне аналогичные по своей структуре и определяющим факторам циклы существенно большей протяженности, последовательность которых и формировала бы для них их историческое время? Среди египетских иероглифических источников ответить на этот вопрос утвердительно позволяет, на наш взгляд, знаменитый литературный текст начала Среднего царства – «Пророчество Неферти», предлагающее осмысление событий бедственного для Египта I Переходного периода по его минованию [Posener, 1956, p. 21—60; Демидчик, 2005, с. 44—49 и др.] (см. текст: pEgm. 1116В; История древнего Востока: тексты и документы, 2002, с. 47—50)³. Согласно нему, в свое время первый царь IV династии Снофру, желая приятно и

³ В связи с полемикой о датировке классических произведений среднеегипетской литературы мы принимаем мнение Й.-Ф. Квака о неубедительности их отнесения ко времени Нового царства

небесполезно провести время, призвал к своему двору мудреца Неферти и повелел ему рассказать нечто занимательное о будущем. В ответ Неферти возвестил ему грядущее крушение в Египте социально-политического и даже природного порядка (pErm. 1116В. 52—54 – о потускнении самого солнца как симптоме данной катастрофы, очевидно «глобальном» по своему действию), т.е. своего рода тотальное искажение существующей в мире нормы. Согласно «Пророчеству Неферти», все бедствия Египта прекратятся, когда на престол вступит новый легитимный царь по имени Амени, в котором явно угадывается основатель XII династии Аменемхет I [Posener, 1956, p. 21—60]: он сможет вновь придать действенность ритуалам богов, которые и являются главным средством поддержания оптимального баланса *maat* и *usefet* [Демидчик, 2005, с. 18—19 и др.]. Как видно, «Пророчество Неферти» описывает исторический цикл большой протяженности, охватывающий, по сути, все III тыс. до н.э.: в самом тексте перед нами предстает его «вторая половина», следующая за непосредственным моментом повествования при дворе Снофру. Очевидно, в некоей перспективе за царствованием Снофру «накопление» проявлений *usefet* должно было принять необратимый характер, достигнуть в итоге «критической массы» и вызвать уже не «отдельные недостатки», пусть даже и тяжелые, но преодолимые и мыслимые в пределах «малых циклов» царствований и династий, а тотальный, вероятно, «взрывной» по темпам его наступления обвал нормы в масштабах всего Египта и, шире, космоса.

О значительности кризиса I Переходного периода, обозначившего важнейшую границу внутри истории древнего Египта, и об остроте исторической памяти о нем можно судить по тому, что аллюзии на него всплывают, возможно, даже в эллинистическое время, в Канопском декрете 238 г. до н.э., в связи с низкими разливами Нила при Птолемеи III в 240-е гг. до н.э. (OGIS I.56. 13; Urk. II.130.5—12) [Pfeiffer, 2004, S. 228, Anm. 145; Ладынин, 2005 (1), с. 234—236]. В египтологии существует мнение, что катастрофа I Переходного периода была вызвана наступлением на всем Ближнем Востоке в конце III тыс. до н.э. аридизации, что привело к резкому снижению уровня разливов Нила и, как следствие, к голоду и бедствиям (pErm. 1116В. 26—28, 32—33, 35; [Прусаков, 1999, с. 125—142]; ср., однако, фразу из «Речения Ипувера», которая, при буквальном ее прочтении, могла бы навести на мысль о демографическом факторе в кризисе конца Древнего царства: «хотели рождать для себя – (и) беда случилась: бедняки на пути каждом», pLeiden I.344 *recto*. XII.3: *3bb.tw mst r.sn ḥ3t ḥpr s3ryw ḥr w3t nbt*).

[Quack, 2013] и считаем наиболее вероятным их создание в I Переходный период и в Среднее царство (соответственно, «Пророчества Неферти» и «Поучения Аменемхета I своему сыну Сенусерту» – в начале XII династии, «Поучения царю Мерикара» – при историческом Хети Уахкара, см. наше прим. 10 в § 1.3.2). Применительно к сказкам папируса Весткар сошлемся в этой связи на мнение О.Д. Берлева [Берлев, 1978, с. 121], а также повторим наше давнее мнение о единстве базовых категорий (в частности, восприятия царской власти как «службы»), использованных в этом произведении и в «Поучении царю Мерикара» [Ладынин, 2002 (2), с. 159, 162; ср.: Демидчик, 1994, с. 12].

Примечательным образом буквальное прочтение текста «Пророчества Неферти» не выявляет в нем никаких указаний на причины того, что такие бедствия постигли Египет. Вместе с тем их минование при Амени/Аменемхете I связывается с совершением им ритуалов восшествия на престол (pErm. 1116В. 59—60) [Blümenthal, 1982, S. 26; Демидчик, 2005, с. 48], но не с какими-либо его прагматическими действиями, отличающими его, так сказать, «в лучшую сторону» от предшественников. При этом не может быть сомнений, что те же самые ритуалы (как при интронизации, так и в ходе рутинных храмовых служб, осуществляемых от их лица) совершали и его предшественники на протяжении конца Древнего царства и I Переходного периода, позиционировавшие себя в качестве легитимных царей Верхнего и Нижнего Египта, несмотря на происходившие при них в стране бедствия. Несомненно, что ритуалы, совершавшиеся некоторыми из них, должны были, по египетским представлениям, отторгаться богами, поскольку сами эти правители были не легитимными царями, а не имевшими сакрального статуса узурпаторами; понятно, однако, что такое объяснение не могло быть распространено на *всех* царей, правивших на протяжении описанного в «Пророчестве Неферти» периода бедствий. Причины, которые могли побудить богов отторгнуть ритуал, совершаемый легитимными сакральными царями, должны были быть связаны с определенными присущими им недостатками, которые могли быть двух родов. Либо эти цари напрямую игнорировали свой долг «творения» *маат* и фактически совершали *исефет* (так автор «Речения Ипувера» совершенно неприкрыто обвиняет в этом современного ему царя: pLeiden I.344 *recto*. XII.12—XIII.2; см. выше, § 1.1.1, 1.1.2) [Ладынин, 2002 (2), с. 157—160; Демидчик, 2005, с. 29, прим. 3], либо в самой их сакральной природе коренилось некое несовершенство, препятствовавшее полноценно совершать ритуал, но не ясное как по своему происхождению, так и по способам и возможностям его преодоления⁴.

Легко понять, что в пору создания «Пророчества Неферти», в условиях стабилизации государственности при XII династии было нежелательно бросать тень на носителей царского сана (хотя бы и правивших в прошлом, в пору смут⁵) упоминанием не только первого, но даже и менее компрометирующего их второго фактора отторжения богами совершавшегося ими ритуала. Сообразно этому, в концепции «Пророчества Неферти» бедствия I Переходного периода не объяснялись напрямую *никакой* причиной, как бы то ни было связанной с личностью царя или царей. Они представали как некий неизбежный, едва ли не понимаемый

⁴ Как мы уже отмечали, по мнению некоторых исследователей, окруженных подобным «сомнительным» ореолом царей VIII династии и I Переходного периода их современники избегали упоминать по теофорным «солнечным» именам в своих текстах (см. также настоящую главу, § 1.1.1, главу 3, § 3.1.3).

⁵ Мы высказывали допущение, что в дошедшей до нас итоговой редакции сказок папируса Весткар на образ Хуфу пришелся меньший одиум, чем в их вероятной изначальной версии [Ладынин, 2002 (2), с. 167—168].

фаталистически этап, через который Египет просто был должен пройти. Однако само помещение мизансцены «Пророчества Неферти» в эпоху Снофру, вероятно, все же представляло для его читателей вполне определенную отсылку к причинам описываемых бедствий. Как известно, в последующей египетской традиции это царствование было оценено настолько позитивно [Wildung, 1969, S. 105—151; Stadelmann, 1982, Sp. 994], что, по-видимому, могло бы считаться пиком благополучия Египта на протяжении рассматриваемого в «Пророчестве...» исторического цикла III тыс. до н.э.⁶ С этой точки зрения с ним должны были резко контрастировать непосредственно следовавшие за ним царствования Хуфу и его преемников. Мы уже говорили о том впечатлении от их эпохи в собственно египетской традиции, которое отразилось в сказках папируса Весткар. Однако, помимо этого, мы видим в египетском логосе Геродота полностью соответствующее нашим ожиданиям противопоставление бедствий Египта при Хеопсе и Хефрене предшествующему благополучному царствованию Рампсинита (*Hdt.* II.124). На наш взгляд, «подтекст» «Пророчества Неферти» мог состоять в том, что в эпоху, прямо примыкающую ко времени Снофру, при Хуфу и его потомках, отступления царей от *маат* будут настолько масштабными и некомпенсируемыми, что крах нормы в масштабах всего Египта и, шире, всего космоса станет уже неизбежным.

Более явно, чем в «Пророчестве Неферти», предпосылки и причины бедствий I Переходного периода отразились в других произведениях египетской литературы. Помимо «Речения Ипувера», где наступление бедствий, видимо, сказалось напрямую⁷, и сказок папируса Весткар с примыкающими к ним античными реминисценциями IV династии,

---

⁶ Позитивная оценка времени Снофру не обязательно соответствует сугубо позитивной оценке его личности. Черты амбивалентности могут обнаружиться и в его образе в «Пророчестве Неферти» (Снофру приказывает привести к нему Неферти, чтобы услышать от него нечто занимательное, велит ему говорить о грядущем исключительно потому, что «сегодняшний день уже прошел» и не содержит в себе ничего интересного, и выслушивает от мудреца действительно серьезные вещи, в известном смысле, по контрасту с тем, чего ожидал бы), и в соответствующем ему по своему соположению с последующим царствованием Хеопса образе Рампсинита у Геродота (*Hdt.* II.121: история с помещением им собственной дочери в публичный дом); но этот вопрос требует специального, более подробного рассмотрения.

⁷ Мы не можем не признать весомость доводов, основанных на анализе фигурирующих в «Речении Ипувера» терминов и реалий, в пользу о датировки прототипа дошедшего до нас его списка поздним Средним царством [Ильин-Томич, Сафронов, 2010] (ср. с позицией ряда отечественных египтологов XX в., восходящей к В.В. Струве: [Струве, 1935]). Вместе с тем мы считаем, что как сам характер поставленных в этом произведении проблем (прежде всего, об ответственности за бедственное состояние страны носителей сакральности – верховного божества и царя), так и степень обостренности в их постановке должны соответствовать тому этапу египетской истории, на котором эти проблемы выявились впервые, т.е. кануну или началу I Переходного периода. Такой позиции, в частности, придерживались египтологи петербургской школы: [Berlev, 1997; Перепелкин, 2000, с. 202—203 – неявно, по отождествлению событий, описанных в «Речении Ипувера» и «Пророчестве Неферти», при уверенной атрибуции последнего временем не позднее «Амени»/Аменемхета I; Большаков, 2003, с. 13 – имплицитно; Большаков, 2009, с. 21—22; Демидчик, 2005, с. 29].

позволяющими счесть нарушение нормального порядка при строителях пирамид предпосылкой к последующим бедствиям [Ladynin, 2015], здесь, видимо, следует упомянуть и «Сказку о Неферкара и Сасенете», посвященную одному из эпизодов финала Древнего царства – времени царя VI династии Пепи II [Posener, 1957; Parkinson, 2009, p. 288—289]⁸. Примечательно, какое отражение получает конец III тыс. до н.э. в царском списке Туринского папируса – самом полном из египетских памятников такого рода (Tur.) [Redford, 1986, p. 2—18]. В этом царском списке «маркером» крупных исторических периодов служит суммирование лет царствований в пределах более широких, чем отдельная династия. Такие суммы применительно к III тыс. до н.э. выводятся для последовательности царей от Менеса до последнего царя V династии Унаса (Tur. III.26—27: 768 лет, 3 месяца, 12 дней), для последовательности царей VI—VIII династии от Тети до Нефериркара II (Tur. IV.14—15: 181 год, 6 месяцев, 3 дня; очевидно, переписчик написал «181» по ошибке вместо «187» [Beckerath, 1997, S. 209]) и, наконец, для обеих этих последовательностей (Tur. IV.16—17: 955 лет, 9 месяцев, 15 дней) [Redford, 1986, p. 12]. Очевидно, в схеме Туринского папируса конец V династии при Унасе отмечается как своего рода «промежуточный итог» древнейшей истории Египта, при том что в ее финальный подпериод выделены VI—VIII династии – вне сомнения, как царские дома, время которых было непосредственным кануном катастрофы I Переходного периода (ко времени завершающего эту последовательность царей Нефериркара II О.Д. Берлев и относил начало восстания, описанного в «Речении Ипувера» [Berlev, 1997; см. Ильин-Томич, Сафронов, 2010, с. 6—8]⁹). К сожалению, аналогичных суммарных цифр для крупных периодов II тыс. до н.э. в Туринском списке не сохранилось; однако по характеру суммирования в нем царствований III тыс. до н.э. ясно, что логика выделения этого времени в один крупный исторический период в этом царском списке та же, что мы видели в среднеегипетской литературе прежде всего по «Пророчеству Неферти»¹⁰.

Кроме того, внутренние рубежи египетской ранней древности во всем ее объеме намечены в одной из сцен заупокойного храма Рамсеса II на западном берегу Нила напротив

⁸ Этот необычный текст, приписывающий Пепи II, как считается, нетрадиционные наклонности (согласно нему, один из его приближенных заметил, как царь постоянно тайно навещает по ночам своего начальника войска Сасенета), по-видимому, был призван в развлекательно-сатирическом ключе показать падение мощи и престижа царской власти в конце Древнего царства.

⁹ В частной переписке с нами А.Е. Демидчик высказал мнение, что Туринский список придает большее, нежели Манефон, значение членению последовательности царей в зависимости от расположения их резиденции, притом что именно с начала VI династии она находится в районе Саккара и остается там до конца VIII династии. Соответственно, цари этого времени в известном смысле составляют первый в египетской истории чисто мемфисский ряд. Мы не думаем, однако, что в выделении этой последовательности не учитывалась предкризисная ситуация в Египте в период правления составляющих ее царей.

¹⁰ Этой же логике, по сути дела, следовал и современный немецкий египтолог Р. Гундлах, говоря в своей фундаментальной работе о царской власти в Египте конца IV—III тыс. до н.э. обо всем этом времени как о «первом периоде *маат*» [Gundlach, 1998, S. 27—36].

Фив, изображающей своего рода процессию статуй великих царей – его предшественников. В ней начало египетской государственности III тыс. до н.э., Среднего и Нового царств маркировано соответственно образами Менеса, Ментухотепа II Небхепетра – объединителя страны после I Переходного периода – и Яхмоса I, изгнавшего гиксосов [Wildung, 1969, S. 11]¹¹. Стоит обратить внимание на подчеркнута фиванскую специфику подобной периодизации египетской истории: в ней финалом ее древнейшего этапа представлена победа Фив над Гераклеополем в конце XXI в. до н.э., а не окончательное изживание последствий I Переходного периода в начале XII династии, как в исторической схеме Манефона, к которой мы перейдем далее.

---

¹¹ Рамсес II изображен в этой процессии и как ее «участник», и как податель ритуала своим царским предкам, чтящий при этом свое собственное изображение, что, впрочем, не удивляет, учитывая многократно зафиксированное при его жизни воздание им культовых почестей собственным статуям [Posener, 1960, p. 19; Nabashi, 1969, p. 4—7, 33—34, 43—44 etc.].

1.3.2. Циклическая концепция египетской истории в труде Манефона Севеннитского

Нет сомнений, что в наиболее полном и фундаментальном виде представления древних египтян о циклах истории их страны отразились не в памятниках и царских списках их ранней древности III—II тыс. до н.э., а в труде Манефона Севеннитского (см. из актуальных на сегодняшний день общих работ: [Redford, 1986, p. 231—332; Gozzoli, 2006, p. 191—226; Dillery, 1999; 2013; 2015]). В отечественной историографии проблематика, связанная с Манефоном, представлена в первую очередь циклом работ В.В. Струве, не во всем состоятельных и в момент их появления, а на сегодняшний день сильно устаревших: [Струве, 2003 (1-2); см. подробнее: Ладынин, 2016 (3)]. В основе произведения Манефона лежало перечисление египетских царей, которое сопровождалось комментарием об их деяниях, предполагавшим и их концептуальное осмысление. Существенно, что это произведение было создано в раннеэллинистическое время, не позднее времени Птолемея II Филадельфа (283/2—246 гг. до н.э.)¹, — когда его автор имел возможность обобщить события не только III и II, но в значительной мере и I тыс. до н.э., включая и такой их исторический «итог», как установление в Египте македонского владычества. Вместе с тем труд Манефона известен нам лишь в сравнительно позднем (от Иосифа Флавия до христианских авторов III—VIII вв. н.э.) цитировании, и, обращаясь к нему, невозможно пройти мимо вопроса об аутентичности возводимых к нему фрагментов его изначальной форме.

---

¹ Мы не разделяем совершенно произвольные построения В.В. Струве о возможной биографии Манефона в IV в. до н.э., при Александре и во времена сатрапии Птолемея [Струве, 2003 (1), с. 124—126], но допускаем возможность того, что он родился еще при XXX династии и получил свое греческое образование (*Ios. С.Ар. I.14. § 73*) [Струве, 2003 (1), с. 99] тогда же или, во всяком случае, в самом начале македонского владычества, около 320-х гг. до н.э., когда эллинизация Египта была пока еще минимальна, в созданных в Египте еще в домакедонское время школах. Известно, что он был сотрудником Птолемея I Сотера при введении в начале III в. до н.э. (согласно свидетельствам ряда христианских авторов, в конце царствования Птолемея I в 280-е гг. до н.э.) культа Сараписа (*Manetho. Frg. 80. = Plut. De Is. et Os. 28; ср. Plut. Mor. 984a—b; Tac. Hist. IV.83—84*; см. о введении культа Сараписа, с отсылками к источникам и литературе: [Stambaugh, 1972, p. 6—13; Коростовцев, 1976, с. 246—253; Huss, 2001, S. 241—245; Pfeiffer, 2008]). В то же время Георгий Синкелл прямо называет его современником Птолемея II Филадельфа и цитирует посвящение этому царю, якобы имевшееся в приписанной Манефону «Книге Сотис» [Manetho, 1980, p. 208, 210]. Соответственно время его жизни должно приходиться приблизительно на последнюю треть IV — первую половину III вв. до н.э. Следует заметить, что в папирусе Года 6 Птолемея III (241 г. до н.э.), некий Манефон (*Dat. Μανεθῶν*) упоминается как высокопоставленное лицо, авторитетное для решения спора гераклеопольских жрецов с администрацией (*pHib. I.72*), а во фрагментах Манефона, относящихся к XII династии Фаюмский оазис обозначен термином «Арсиноитский ном», введенным при Птолемее II в 256 г. до н.э. (*Manetho. Frgg. 34—36*) [Moyer, 2011, p. 86—87; ср. Dillery, 1999, S. 93]. В случае если упоминание Арсиноитского нома аутентично первоначальному тексту Манефона и если с ним тождествен фигурант данного папируса, время его жизни должно сместиться практически полностью в III в. до н.э.; однако с этим плохо согласуется его участие во введении культа Сараписа, предполагающее, что к этому времени он занимал высокое положение в жреческой иерархии и, соответственно, по меньшей мере, достиг зрелого возраста.

Наименьшие сомнения в аутентичности возникают в связи с царским списком Манефона, который сохранился в компендиумах христианских хронографов: в «Хронике» Секста Юлия Африкана III в. н.э., фрагменты которой известны в передаче византийского монаха VIII в. Георгия Синкелла и в сокращении т.н. *Excerpta Latina Barbari*, и в «Хронике» Евсевия Кесарийского IV в. н.э., которая известна также в передаче Синкелла и в т.н. армянской версии из Эчмиадзина, чаще всего используемой в ее латинском переводе. Очевидно, этот царский список сам по себе восходит к еще более ранней, появившейся на протяжении эллинистического времени эпитоме исходного труда Манефона [Gozzoli, 2006, p. 193]. Данный список с выведенными в нем продолжительностями царствований – точными и коррелирующимися с другими памятниками, в частности, со списком Туринского папируса – достаточно единодушно признается восходящим к древнеегипетской традиции, доступной Манефону, и активно используется в хронологических выкладках египтологов [Helck, 1956; Beckerath, 1997, S. 35—37; Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 33—36]. Элементы собственно повествовательной части труда Манефона сохранены христианскими хронографами (очевидно, опять же через посредство использовавшейся ими эпитомы) в виде небольших комментариев, сопровождающих имена отдельных царей [Redford, 1986, p. 207—209].

Значительно сложнее решается вопрос об аутентичности единственного обширного фрагмента Манефона, поданного в античной традиции как цитата из его труда, – рассказа о завоевании Египта гиксосами и о связанных с ними бедствиях, разразившихся при царе Аменофисе, который передал Иосиф Флавий в трактате «О древности иудейского народа (Против Апиона)» (*Manetho. Frg. 42 = Ios. C. Ap. I.14. § 73—92; frg. 50 = id. 15—16. § 93—105; frg. 54 = id. 26—31. § 227—287*). Автор статьи о Манефоне в *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* Р. Лакёр высказал мнение, что уже ко времени Иосифа Флавия (и тем более христианских хронографов) труд Манефона подвергся обильному обогащению всевозможными интерполяциями, сделанными в ходе полемики в Египте между еврейскими авторами и антисемитами. Именно эти интерполяции привнесли во фрагмент о гиксосах антисемитские мотивы, несвойственные настроениям египтян вплоть до II в. до н.э.; а непоследовательности и искажения известной нам исторической реальности в полуфольклорном духе, которые обнаруживаются в данном фрагменте (в особенности в рассказе о царе Аменофисе и примыкающем к нему сюжете о происхождении евреев от египетских прокаженных и соединившихся с ними потомков гиксосов – frg. 54; см. ниже), напрямую связаны с перемешиванием в нем этих разных слоев традиции, незаметным уже для Флавия [Laqueur, 1928, Sp. 1924—1080]. Взгляд Лакёра был воспринят издателем фрагментов Манефона в серии *Loeb Classical Library* У. Дж. Уодделлом [Manetho, 1980, p. XVII—XIX]. Его развитием в египтологической историографии конца XX в. является позиция Р. Краусса,

согласно которому в приводимом Флавием рассказе о гиксосах можно выделить свидетельства целых трех «Псевдо-Манефонов», не тождественных подлинному Манефону и представляющих собой разные этапы переработки его свидетельств [Krauss, 1978, S. 204—263]. В целом скептический взгляд на аутентичность традиции Манефона и прежде всего его цитирования в трактате Иосифа Флавия сохраняется в новейшем коллективном труде по древнеегипетской хронологии [Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 34—35]. В отечественной историографии к этому взгляду, хотя и по иным мотивам, примыкает санкт-петербургский египтолог А.Г. Суцевский, считающий, что «подлинная египетская историография не содержала подробных и развернутых описаний» и что во мнимом цитировании Манефона «многоречивость Флавия выдает его с головой» как подлинного создателя пресловутого рассказа о гиксосах [Суцевский, 2000, с. 147].

Надо сказать, что последняя позиция отводится особенно просто по обоим составляющим ее пунктам. Непосредственно в связи с первым из них – фактическим непризнанием труда Манефона историческим в собственном смысле слова – А.А. Немировский совершенно справедливо заметил: «Если же Манефон и вправду ограничился бы ничего не говорящим его читателю сухим царским списком, то кто и когда приписал бы ему историческое повествование и как соответствующая репутация могла закрепиться за ним в античной литературе?» [Немировский, 2001 (1), с. 135—136, прим. 125]. Добавим к этому, что список, сохраненный христианами хронографами, как мы уже говорили, не сводится к голому перечислению имен царей, а содержит также относящиеся к ряду из них комментарии об их делах и о событиях их царствований. Второй пункт – приписывание самому Флавию фабрикации рассказа, затем выданного им за цитату из труда Манефона, – встречает неопровержимое возражение в другом суждении этого же исследователя: «Поскольку цитаты из Манефона Иосиф Флавий приводил в грекоязычном трактате... написанном исключительно в целях полемики с греко-египетской традицией перед лицом ученой грекоязычной аудитории, и к Манефону обращался именно как к хорошо известному этой аудитории и авторитетному в ее глазах автору, то допускать намеренные искажения манефоновского текста было бы для него самоубийственно» [Немировский, 2013, с. 160]. Как представляется, добросовестность Иосифа Флавия в передаче труда Манефона в том виде, в каком он был известен ему и его современникам, во всяком случае не должна подвергаться сомнениям.

Что касается фрагментов цитаты Флавия, искажающих историческую реальность и на этом основании возводимым к предполагаемым «Псевдо-Манефонам», нельзя не согласиться с Д.Б. Редфордом в следующем. Уверенность современных исследователей в том, что способность читать иероглифические памятники и доступ к храмовым библиотекам и архивам позволяли Манефону безошибочно отделять подлинную историю от всевозможных наслоений,

сугубо презумптивна (к вопросу об ограниченности Манефона и его современников в возможностях критики своих источников мы еще вернемся более подробно ниже). На самом деле труд Манефона, как позволяет судить ряд фрагментов его царского списка, в связи с входящими в него персоналиями многократно апеллировал к полулегендарным сюжетам, близкие аналогии которым можно найти, например, в произведениях демотической литературы, испытавших влияние фольклора художественной литературной формы и сильно искажавших историческую реальность. Судя по всему, такие тексты ((hi)stories, по удачному определению исследователя позднеегипетской историографии Р. Гоццоли: [Gozzoli, 2006, p. 14—15, 153 ff.]) не были в египетском восприятии сколько-нибудь жестко отграничены от исторических источников в собственном смысле слова и, следовательно, наверняка входили в круг источников самого Манефона, так что возводить сюжеты, подобные содержащимся в них, к «Псевдо-Манефонам» нет никаких оснований [Redford, 1986, p. 206—229; ср. Schneider, 1998-2003, Т. 1, S. 86—88]. Р. Гоццоли обратил внимание на наличие в самом рассказе о гиксосах, который представлен Флавием как цитата из произведения Манефона, в части, относящейся к царствованию Аменофиса, отсылок, позволяющих понять, что здесь Манефону приписывается обращение к первоисточнику, отличному от памятников и материалов архивов (*Ios. С. Ар. I.27. § 250: λέγεται δὲ ὅτι* «говорят, однако, что...»; 251: Ἀ μὲν οὖν Αἰγύπτιοι φέρουσι «вот что говорят египтяне...»). В контексте оговоренного Иосифом Флавием цитирования Манефона такие отсылки должны исходить не от Флавия, а именно от египетского историка. В таком случае они позволяют успешно возвести содержащий их сюжет (о тождестве Моисея с гелиопольским жрецом Осарсифом и о происхождении евреев от смешения египетских прокаженных и потомков гиксосов) не к неизвестному интерполятору, согласно Лакёру и Краусу, а к использованной самим Манефоном «разговорной» (видимо, литературной с возможным фольклорным влиянием) традиции [Gozzoli, 2006, p. 222]. Нельзя не согласиться с Гоццоли и в том, что антисемитские мотивы рассказа о гиксосах вовсе не являются непреодолимым препятствием для его возведения к традиции еще IV—III вв. до н.э., а составляющие данного рассказа хорошо соответствуют сугубо египетским мотивам [Gozzoli, 2006, p. 220—222]. Подводя итог сказанному, можно констатировать, что существует полная возможность трактовать цитирование Иосифом Флавием труда Манефона собственно как таковое, не прибегая к усложняющим бытование его традиции предположениям о наличии в нем поздних интерполяций². Именно на этом основании мы считаем традицию Манефона в целом – как царский список, известный в передаче христианских хронографов, так и цитату

² При всей недостаточности аргумента *ipse dixit*, уместно вспомнить, что именно так поступали крупнейшие египтологи XX в. – А.Х. Гардинер [Gardiner, 1961, p. 46—47] и Ж. Йойотт [Yoyotte, 1963, p. 135]; ср. также [Dillery, 2013, p. 41].

Иосифа Флавия, – принципиально единой в плане отражения труда египетского историка, его внутренней структуры и концепции.

Переходя теперь непосредственно к разговору о концепции труда Манефона, отметим, что деление им египетской истории на крупные периоды заложено в самой структуре его произведения, состоящего, как видно по членению его царского списка в передаче христианских хронографов, из трех т.н. «томосов» (термин τόμος для обозначения этих составных частей труда Манефона систематически употребляется цитирующими его христианскими хронографами)³. В свете того, что мы уже успели сказать, очевиднее всего принцип выделения Манефоном его первого томоса. Начинается он, по достаточно полной аналогии с Туринским папирусом (см. выше), с династий богов и мифологических существ («полубогов», или «героев», и/или «усопших»; *Manetho. Frg. 1.4: ...dominatio, quam narrant Aegyptii, deorum, heroum et manium...*; frg. 2.1: τῶν λεγομένων παρ' αὐτοῖς θεῶν καὶ ἡμιθεῶν καὶ νεκύων καὶ θνητῶν ἑτέρων βασιλέων; frg. 4: *Primum deorum qui ab ipsis scribuntur faciam regna sic... post hec Ecyriorum reges interpretaetavit, Imitheus vocans et ipsos...*; в целом – frgg. 1—5 [Redford, 1986, p. 11, n. 42]), за которыми следует Менес, открывающий I династию (Frgg. 6.1, 7a.1, 7b). О царе IV династии Суфисе (Σοῦφισ), соответствующем историческому Хуфу, Манефон сообщает, что этот царь «возымел презрение к богам», но затем раскаялся в этом и написал некую «Священную книгу», которую египтяне исключительно ценят⁴. Данное сообщение примечательно схождением содержащейся в нем негативной оценки этого царя со сведениями Геродота и, очевидно, сказок папируса Весткар (см. настоящую главу, § 1.3.1). Что касается пресловутой «Священной книги», то при всей неопределенности свидетельства о ее написании Суфисом хочется поставить его в один ряд с отмеченным теми же сказками папируса Весткар интересом Хуфу к тайному знанию и магическим практикам (в частности, с

³ Как замечает Ю. фон Бекерат, нумерация династий Манефона, а также добавление к ним XXXI-й, в которую были включены последние персидские цари, владевшие Египтом, может восходить к создателям эпитомы его труда, которую передают христианские хронографы. Однако деление последовательности царей на династии с указанием происхождения каждой из них (что находит аналогию в списке Туринского папируса), безусловно, адекватно воспроизводит труд Манефона [Beckerath, 1997, S. 35]. В таком случае нет оснований сомневаться, что к Манефону восходит и разделение истории Египта на объединяющие династии более крупные периоды, которым соответствуют томосы его труда, – как мы стараемся показать, не механическое, а основанное на определенной концепции.

⁴ Переданное Синкеллом указание Африкана, что он и сам приобрел «Священную книгу» при своем посещении Египта (*Manetho. Frg. 14.2: οὗτος δὲ καὶ ὑπερόπτης εἰς θεοὺς ἐγένετο καὶ τὴν ἱερὰν συνέγραψε βίβλον, ἣν ὡς μέγα χρῆμα ἐν Αἰγύπτῳ γενόμενος ἐκτησάμην*), могло бы навести на мысль, что само сообщение о ней идет от него. Однако «Священная книга» упоминается и независимо у Евсевия в передаче Синкелла (Frg. 15: ὃς καὶ ὑπερόπτης εἰς θεοὺς γέγονεν, ὡς μετανοήσαντα αὐτὸν τὴν ἱερὰν συνγράψαι βίβλον, ἣν ὡς μέγα χρῆμα Αἰγύπτιοι περιέπουσι) и в армянской версии (Frg. 16: *qui in deos ipsos superbiebat; tum facti poenitens sacrum librum conscribebat, quem Aegyptii instar magni thesauri habere se putant*).

его поиском «числа тайных покоев Тота»; pWestcar. VII.5—6: *tnw ipwt nt wnt nt Dhwtj*; IX.2—3: *tnw n3 n ipwt nt wnt nt Dhwtj*), которые он планировал каким-то образом применить при сооружении своей гробницы. Тем самым высокомерие по отношению к богам совмещается в образе Суфиса с неким качеством «царя-эзотерика». Его мы обнаружим в труде Манефона, по крайней мере, еще один раз в характеристике царя, правившего на ключевом этапе египетской истории – Аменофиса, героя рассказа о повторном втором завоевании Египта гиксосами в союзе с египетскими прокаженными (см. ниже). В таком случае весьма вероятно, что Манефон согласен с остальной египетской традицией в оценке этого царствования как своего рода «точки надлома» в движении первого цикла египетской истории, после которого его бедственный исход был предопределен.

В последних фрагментах первого томаса Манефона речь идет о 43 годах правления XI фиванской династии и 16 годах правления Амменемеса (Frgg. 31, 32a: Αμμενέμης; frg. 32b: *Ammenemes*), названного ее преемником, но не включенного ни в нее, ни в следующую XII династию (хотя ее основатель Сесонхосис и называется его сыном: frgg. 34—36; см. ниже). Соответствие Амменемеса историческому Аменемхету I (1776—1747 гг. до н.э.) и Амени «Пророчества Неферти» совершенно очевидно; но при этом интересно его помещение вне какой-то определенной египетской династии. Коль скоро по всем соображениям династической и исторической логики его следовало бы причислить вместе с его сыном к XII династии, как делают современные египтологи, то его место в труде Манефона определяется, очевидно, стремлением поместить его непременно в первый томос, хотя бы и вне династической последовательности. Объяснить это стремление можно лишь исходя из того, что для Манефона царствование Амменемеса было не началом второго цикла египетской истории, а именно завершением первого, соответствующего первому тому. Естественно связать это с тем, что в представлениях египтян, вполне отвечающих реалиям их истории, даже при XI династии, объединившей под своей властью страну, бедственный I Переходный период не завершился окончательно, и его неурядицы закончились как раз в царствование Аменемхета I, положившего конец короткому внутреннему кризису конца XI династии [Демидчик, 2005, с. 48; 2007, с. 15—17]⁵. При этом характер сообщений Манефона о египетских династиях с VII по XI

⁵ В частной переписке А.Е. Демидчик справедливо обратил наше внимание на то, что Манефон приписывает Амменемесу всего 16 лет царствования вместо исторических 30; по его мнению, как раз в середине правления Аменемхета I произошло перенесение царской резиденции из Фив в Иттауи, что в египетском восприятии всегда знаменовало начало новой большой исторической эпохи. С этой точки зрения, первая половина царствования Аменемхета I действительно должна была восприниматься как принадлежащая завершающейся исторической эпохе (собственно, ее финалу – I Переходному периоду, окончившемуся объединением Египта под властью фиванцев), а вторая – эпохе новой. Это предположение весьма удачно объясняет саму продолжительность царствования Амменемеса/Аменемхета I согласно Манефону; однако в его сведениях это царствование все же

(удержанное версией Африкана резкое указание, что VII династия «состояла из семи царей-мемфисцев, правивших 70 дней»⁶; крайняя скупость этих сообщений и отсутствие в них полных царских списков, что, учитывая их полноту в иных случаях, скорее всего, связано не с пропусками эпитоматоров, а с умолчанием в оригинальном тексте – frgg. 23—32; негативная характеристика основателя IX гераклеопольской династии Ахтоя как жестокого правителя, обрушившего на Египет несчастья, в конце концов обезумевшего и убитого крокодиллом – frgg. 27—28a—b [Демидчик, 2005, с. 33; Vernus, 1991]) показывает, что их время было в восприятии Манефона сплошной чередой бедствий.

Понятно, что подобная картина отражает тотальное крушение *маат* в конце III тыс. до н.э., в полном соответствии представлению, зафиксированному «Пророчеством Неферти» и «Речением Ипувера» и памятного, как мы уже говорили, вплоть до эллинистического времени. В таком случае, правление Амменемеса – и, исходя из сообщения «Пророчества Неферти» об Амении, восстановление при нем *маат* – завершает для Манефона первый цикл египетской истории. При этом в передаче той части его труда, которая относится к V и VI династиям, мы можем заметить любопытную манипуляцию. Если в изводе Африкана перечни царей этих домов даются в соответствии с исторической реальностью (*Manetho*. Frgg. 18, 20), то в изводе Евсевия V династия полностью «перекрыта» реминисценциями исторической VI (только ее представители названы Евсевием по именам в качестве царей V династии: Отоес, якобы первый из них, которого убили собственные телохранители, – исторический Тети; и Фиопс, вступивший на престол в шесть лет и правивший до ста, – исторический Пепи II: frgg. 19a—b). Далее, применительно собственно к VI династии извод Евсевия сообщает нечто конкретное только о царице Нитокрис; об остальных царях не сообщается даже их точное число, причем в передаче Синкелла имеется неясность относительно срока их правления – не то 3, не то 203 года (frg. 21a; в армянской версии Евсевия VI династии отводится 203 года – frg. 21b). Иными словами, в своем изводе Манефона Евсевий явно сгруппировал в VI—VIII династии царствования «аномальные» – одно женское и целый ряд таких, которые в принципе не

представлено как завершающееся на 16-м году, а не разделенное на две части. На наш взгляд, стоит учесть практически несомненное наличие долгого (вероятно, 10-летнего) соправления Аменемхета I и Сенусерта I [Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 170—172]. В дальнейшем сам факт соправления этих царей мог забыться (в частности, мы не видим аллюзий на него в сведениях о XII династии в традиции Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского, см. главу 6, § 6.3.3), рубеж между единоличным царствованием Аменемхета I и его соправлением с сыном мог быть воспринят как финал его царствования, и на него могла быть перенесена датировка перемещения царской резиденции в Иттауи (едва ли единовременной акции, которая, начавшись в середине царствования Аменемхета I, могла растянуться по крайней мере до начала его соправления с Сенусертом).

⁶ Frg. 23: Ἐβδόμη δυναστεία Μεμφιτῶν βασιλέων ο', οἱ ἐβασίλευσαν ἡμέρας ο'; в передаче Евсевия, где речь идет о пяти царях, правивших семьдесят пять дней, первоначальный фольклорный характер этого сообщения отчасти утрачивается (Frg. 24a: Ἐβδόμη δυναστεία Μεμφιτῶν βασιλέων πέντε, οἱ ἐβασίλευσαν ἡμέρας οε'; frg. 24b: *Septima dynastia Memphitarum regum V, qui annis LXXV dominate sunt*).

заслуживали внимания; в диапазоне I—VIII династии последние конкретные характеристики прилагаются у Евсевия к Отоесу и Фиопсу, которых он отнес к V династии, причем и они вызывают ассоциации с упадком царской власти (убийство Отоеса и дряхлость Фиопса). Очевидно, грань, после которой этот упадок дает некие качественные результаты (видимо, переходит в настоящий кризис), соответствует в восприятии Евсевием сведений Манефона именно концу V династии, и подобная его позиция должна, по-видимому, иметь основания в отношении к этому историческому рубежу самого Манефона (видимо, перешедшем и в эпитому его труда). Как мы помним, в Туринском папирусе именно после царствования Унаса, завершающего V династию, подводится своего рода «промежуточный итог» древнейшей египетской истории (см. настоящую главу, § 1.3.1). Характерным образом, именно при Унасе и царях VI династии в их гробницах начинает кодифицироваться царский заупокойный ритуал – «Тексты пирамид», что принято связывать с появлением у царей неуверенности в вечности их посмертного культа [Демидчик, 2005, с. 93] и, стало быть, с назреванием нестабильности в государстве⁷.

Второй томос Манефона начинается с XII династии, которая, как уже говорилось, открывается царствованием сына Амменемеса/Амени по имени Сесонхосис (*Manetho. Frgg. 34.1, 35.1: Σεσόυχοσις; frg. 36.1: Sesonchosis*), занимающего место исторического Сенусерта I (1947—1911/10 гг. до н.э.). Этой же формой имени (с небольшой вариацией в долготе предпоследней гласной: Σεσόυχωσις) в конце IV в. до н.э. в свидетельстве последователя Аристотеля Дикеарха Мессенского, сохранившем в схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (Schol. Apoll. Rhod. IV.272—276), именуется древнейший египетский царь – великий завоеватель и, в особенности, устроитель египетского общества (см. подробно о данном сообщении, в т.ч. об аутентичной первоначальному тексту Дикеарха форме имени упоминаемого в нем египетского царя, главу 6, § 6.2.2, 6.3.1). Качества царя-устроителя свойственны Сенусерту I и в исторической реальности: именно он впервые после бедствий I Переходного периода обнаружил способным образом совершать ритуал богам, поскольку при нем возобновилось нормальное «воздаяние» этому ритуалу со стороны богов в виде полноводных разливов Нила⁸. Кроме того, скорее всего, он создал систему распределения трудового населения Египта на профессиональные разряды, сформировавшую организацию

⁷ В течение VI династии упадок постиг египетское общество настолько, что, по словам А.О. Большакова, «практически никто уже не мог создавать в своей гробнице большое количество изображений» [Большаков, 2001, с. 231].

⁸ Что получило отражение в принятом им и ставшем с этого времени регулярным для египетской царской титулатуры эпитете *nb irt ht* – «владыка совершения вещей» (см. с отсылками к литературе настоящую главу, § 1.1.1, главу 3, § 3.1.2, комм. «й», главу 6, § 6.2.3).

египетского общества на все II тыс. до н.э.⁹ По сути дела, именно в фигурах Амменемеса и Сесонхосиса, разнесенных, несмотря на связывающую их филиацию, по разным династиям, мы впервые в труде Манефона видим прием своего рода персонализации смены одного исторического цикла другим в паре «отец и сын»: царь-«грюндер» вновь наступившей исторической эпохи является сыном и преемником царя, избывшего беду эпохи предыдущей. При этом мы можем с идеальной точностью установить аутентичные египетские истоки данного конструкта: как показал недавно А.Е. Демидчик, подобное же «распределение ролей» между отцом и сыном, стоящими на рубеже двух эпох, было впервые намечено как раз на исходе I Переходного периода, причем раньше начала XII династии – в знаменитом «Поучении царю Мерикара». Его автор Хети Уахкара попытался вчерне стабилизировать обстановку в своих владениях и воссоздать такие атрибуты государственности III тыс. до н.э., как столица и царский некрополь в Мемфисе, – однако окончательное восстановление порядка он связывал с будущим правлением своего сына, о котором, как он надеется, смогут «сказать “прекративший время болезни!”» (pEgm. 1116A. 143: *dd.[t]w.k ḥd rk n mn*) [Демидчик, 2005, с. 34—49, 202; см. о термине «болезнь» как обозначении бедственного состояния страны, вызванного «сбоями» в совершении ритуалов богам: Демидчик, 2005, с. 44—46]. Невольно возникает мысль, что «Поучение Аменемхета I своему сыну Сенусерту» (pMillingen) нужно считать текстом, совершенно парным «Поучению царю Мерикара». На наш взгляд, вполне допустимо, что он был заказан придворному публицисту Хети (см. наше прим. 9) именно для того, чтобы перенести возникшее ранее (и, видимо, сочтенное полезным как идеологический конструкт) представление о стоящих на рубеже эпох «отце и сыне» на связанных этим родством первых царей XII династии – Аменемхета I и Сенусерта I¹⁰. В таком случае предполагаемые данным

⁹ Как показал О.Д. Берлев на материале хорошо известного «Поучения Хети, сына Дуауфа, своему сыну Пепи», в восприятии египтян преобразования Сенусерта I выразились именно в создании системы профессиональных разрядов, по которым распределялись достигшие совершеннолетия египтяне в зависимости от их умений [Берлев, 1984]. Хотя Берлев в указанной работе и не приписал создание этой системы непосредственно Сенусерту I (он говорил в целом о «реформаторской деятельности первых царей XII династии» [Берлев, 1984, с. 33]), подобный вывод, по сути дела, напрашивается даже на основании одного этого текста. Автор «Поучения...» Хети – приближенный именно этого царя, притом очень высокого ранга, коль скоро он создал, несомненно, по его заказу, пропагандистское «Поучение Аменемхета I своему сыну Сенусерту» (pChester Beatty IV verso. VI.12—14) [Берлев, 1984, с. 27]. Несмотря на столь высокий его статус, данное преобразование явно описано им как «новая метла», которая по крайней мере теоретически, при определенных обстоятельствах (неспособности его сына получить квалификацию профессионального писца) может затронуть даже его собственную семью.

¹⁰ Похоже, это произведение парно «Поучению царю Мерикара» и в том отношении, что оно содержит практические рекомендации сыну и наследнику его титульного автора по поводу методов, которыми тому надлежало руководствоваться в своей деятельности устроителя египетского государства. Методы эти оказываются несравненно более жесткими, чем те, которые считал возможным рекомендовать своему сыну Хети Уахкара. В вопросе о датировке «Поучения царю Мерикара» мы считаем обоснованной позицию А.Е. Демидчика о наиболее вероятном отнесении данного произведения ко времени исторического Хети Уахкара [Демидчик, 2005, с. 73—81; 2010].

конструктом роли «приросли» к указанным персоналиям столь прочно, что возникшие благодаря этому образы просуществовали без каких-либо потерь вплоть до времени Манефона; несомненно, этому способствовало и то, что реальное значение царствования Сенусерта I и в самом деле соответствовало представлению о нем как о великом царе-«грюндере». Кроме того, достаточно естественным образом напрашивается предположение, что сама пара «отец и сын» в известном смысле воспроизводит хорошо известное отношение между Осирисом и Хором в древнеегипетской религии. Нарастание значения культа Осириса в I Переходный период и приобретение им официального статуса в начале XII династии хорошо известны [Ладынин, 2014 (1), с. 18—19 (с отсылками к источникам и литературе)], а «Коронационный ритуал Сенусерта I», связанный одновременно с погребением его отца Аменемхета I очень внятно «распределяет» между ними роли, соответственно, Хора и Осириса (pRamesseum B) [Sethe, 1928 (2), S. 83—258; Матье, 1996, с. 212—213]. Вместе с тем подробное обоснование этого момента выходит за рамки наших целей в настоящей работе.

В отличие от ряда изводов античной традиции (в том числе от свидетельств Дикеарха) Манефон четко и с видимой последовательностью разводит образы царя-«грюндера» Сесонхосиса и великого царя-завоевателя, время которого также приходится на исторический цикл второго томаса. Этот царь, под именем Сесострис (Frgg. 34, 35: Σέσωστρις; frg. 36: *Sesostris*) помещен Манефоном в последовательности XII династии примерно на место исторического Сенусерта III (1872—1853/52 гг. до н.э.). У Манефона Сесострис оказывается третьим после Сесонхосиса и Амманемеса – Аменемхета II, о котором говорится, что он был убит собственными евнухами; соответственно, образ Сесостриса у Манефона поглощает и предшествовавшего Сенусерту III исторического Сенусерта II. Применительно к нему приводятся в стяженном виде хорошо известные сведения Геродота (без прямой отсылки к этому автору – о подчинении им всей Азии, Скифии и Фракии и о расставленных им в местах его походов стелах: *Hdt.* II.102—110). По-видимому, создание еще до Манефона своего рода гиперболы египетских завоеваний на основе реминисценций именно о Сенусерте III объясняется не столько их размахом, сколько тем, что среди египетских царей II тыс. до н.э. именно он не имел равновеликих ему противников во внешнем мире, настойчивой пропагандой его внешнеполитических усилий, ведшейся им самим и, видимо, запечатлевшейся в памяти египтян, а также желанием позднеегипетского историописания «стянуть» к этому образу вообще все реминисценции активной внешней экспансии Египта, не только Среднего, но и Нового царства (см. подробнее ниже главу 6, § 6.2.1). Показательно, что эти сведения о Сесострисе передаются в связи с его упоминанием в царском списке как Синкеллом при цитировании Африкана и Евсевия (Frgg. 34.3, 35.3), так и в более ранней армянской версии Евсевия (Frg. 36). Соответственно, они должны были присутствовать уже в версии Манефона –

возможно, в эпитоме его исторического труда, которую использовали христианские хронографы. Невозможно однозначно решить, восходит ли изложение этих сведений к самому Манефону или же к его эпитоматору; однако если верно последнее, то, во всяком случае, трудно представить, чтобы такая интерполяция была бы проведена в противоречие исходному сообщению Манефона.

Обратим внимание и на еще один момент: далее во втором томосе Манефона в качестве главного бедствия Египта на его протяжении представлено нашествие гиксосов, т.е. несчастье, обрушившееся на страну из внешнего мира. Между тем в рамках первого томоса источники бедствий Египта были (насколько об этом можно судить по характеристике Суфиса/Хуфу и по следам характеристики «кризисных» V-XI династий) внутренние: очевидно, исторический цикл второго томоса Манефона отличается от цикла первого томоса «внешнеполитической детерминантой» его «движения». Однако в таком случае бедствиям Египта, обрушившимся на него извне, должен предшествовать, по всей вероятности, какой-то его взлет, максимальный на протяжении второго томоса и, очевидно, связанный с продвижением Египта во внешний мир (по аналогии с оцениваемым подчеркнуто позитивно временем Снофру накануне правления строителей великих пирамид). Естественнее всего считать, что таким взлетом Манефон признавал в согласии с Геродотом именно экспансию Сесостриса. Пожалуй, еще более четким указанием на это может служить отсутствие у Манефона сведений об экспансии Египта в эпоху Нового царства (исключая изолированное упоминание о войнах царя Сетоса; см. наше прим. 15). Очевидно, реминисценции об этом в его труде, также как и у Геродота, были в основном подверстаны к образу Сесостриса.

Заслуживает внимания фраза, которая завершает рассказ о Сесострисе во фрагментах Манефона: «...так что он считается египтянами первым после Осириса» (*Manetho. Frg. 34: ὡς ὑπὸ Αἰγυπτίων μετὰ Ὀσίριον πρῶτον νομισθῆναι; ср. frg. 35*). Уже по специфически египетскому «колориту» этой фразы и по уверенности, с которой хронографы характеризуют в ней известные им представления египтян, ее правомерно возвести к аутентичному тексту Манефона. При этом ее перевод издателем фрагментов Манефона У.Дж. Уодделом: «Accordingly, he was esteemed by the Egyptians as the next in rank to Osiris» [Manetho, 1980, p. 69, 71], – вне сомнения, исходит из значения глагола νομίζω «почитать» (LSJ 1179: esteem, hold in honour), подсказанного, очевидно, латинским текстом армянской версии Евсевия (Frg. 36: *quare is ab Aegyptiis proximos post Osirin honores tulit*). Судя по всему, как Евсевий, так независимо от него и современный издатель ориентировались на положение Сесостриса в царском списке Манефона и не допускали мысли, что в данной фразе речь может идти буквально о помещении Сесостриса в восприятии какой-то части египтян непосредственно после царей-богов, за

Осирисом, сочтенным в данном случае, по-видимому, последним из них. Между тем подобная интерпретация (совместимая со значением глагола νομίζω «считать»; LSJ, loc. cit.: own, acknowledge, consider as), можно сказать, напрашивается при сопоставлении данного фрагмента Манефона с сообщением Дикеарха Мессенского в передаче схолиев к Аполлонию Родосскому, где египетский царь-завоеватель, именуемый Сесонхосис, представлен преемником сына Осириса Хора (см. подробно главу 6, § 6.2.2). То, что у Манефона на месте Хора как предшественника Сесостриса оказался Осирис, может объясняться некоторой несамостоятельностью царствования самого Хора в египетской мифологии: как известно, он боролся с Сетом, чтобы отомстить за отца, и принял царский сан, когда тот, будучи воскрешен Хором, решил все же остаться царем загробного мира [Матье, 1996, с. 196]). Возможно также, что в данном случае сыграла свою роль модификация текста Манефона при его передаче, мотивированная уже чисто античной ассоциацией: как великий воитель, Сесострис должен был казаться преемником именно Осириса, которому, в уподоблении Дионису, приписывался масштабный поход по всему миру (*Diod.* I.17—20, 27.5; ср. *Apollod.* III.5.1—2)¹¹. Однако для нас в данной ремарке Манефона наиболее принципиален сам факт того, что он, очевидно, знает о фикции, помещавшей время великого египетского царя-завоевателя непосредственно за царствованиями богов (см. главу 6, § 6.2.2, 6.4), указывает на ее бытование именно в египетской среде, и, по сути дела, отклоняет ее как несообразную, помещая Сесостриса и его деяния на «правильное» место в последовательности египетских царей.

Переходя к разговору о «точке надлома» в движении второго цикла египетской истории, каковой, согласно Манефону, несомненно, было гиксосское завоевание Египта (исторически оно должно было произойти около второй четверти XVII в. до н.э.), мы должны обратиться к цитированию Манефона Иосифом Флавием в трактате «Против Апиона» (*Manetho.* Frg. 42 = *Ios. C. Ap.* I.14. § 73—92; frg. 50 = id. 15—16. § 93—105), о котором уже шла речь в связи с вопросом о его аутентичности. Для наших целей более существенны не реалии собственно гиксосского владычества в изложении Флавия, а сведения о его финале (вернее, в понимании Манефона и Флавия, о финале *первого* гиксосского владычества в Египте). Согласно этим

¹¹ В изложении Диодора Осирису приписывается поход по всей Азии вплоть до Индии, с заходом в Европу (во Фракию и Македонию, где его сын Македон стал эпонимным основателем местной государственности: *Diod.* I.20.3) и возведение стел с описанием его деяний (id. 20.1). У Аполлодора то же самое приписано и Дионису (*Apollod.* III.5.2); появление же этих сведений у Диодора возводится к «Роману о Дионисе» Дионисия Скитобрахиона (II в. до н.э.) [Легенда об Исиде и Осирисе, 2000, с. 107]. Характерно, однако, что эти сведения мифографов уже эллинистического времени (Аполлодор также жил во II в. до н.э. [Аполлодор, 1972, с. 105]) в таком случае могут быть восприняты как перенесение на образы этих богов в очевидно эвгемеристском духе деяний Сесостриса. Подробное обсуждение этого мы оставляем в стороне; отметим лишь, что оно должно было бы включать и выяснение того, не могут ли сообщения Диодора о походах Осириса восходить к главному источнику его I книги – труду Гекатея Абдерского (см. главу 6, § 6.3.3, а также наши замечания в § 6.2.2, прим. 41).

свидетельствам, предшественник и отец основателя XVIII династии вытеснил гиксосов с большей части Египта в их столицу Аварис. Затем его сын и преемник попытался взять Аварис, но не преуспел в этом и заключил с ними договор об их уходе из Египта (как видно по сопоставлению цитирования Флавия с другими фрагментами Манефона, он и стал основателем XVIII династии). После этого гиксосы образовали на азиатской периферии Египта, в Палестине, царство со столицей в Иерусалиме.

В разных передачах сведений Манефона царь, изгнавший гиксосов из Авариса, и основатель XVIII династии фигурирует под определенным образом варьирующимися или приведенными в разной орфографии именами. Так, в нарративе Манефона, переданном Иосифом Флавием, этот царь именуется то Туммосис (Frg. 42 = *Ios. C.Ap. I.14. § 88*: Ασσ. Θούμμωσιν), то Тетмосис (Frg. 50 = *id. 15. § 94*: Τέθμωσις; его преемник именуется Хеброн: Χέβρων), а его отец и предшественник – Мисфрагмутосис (frg. 42 = *Ios. C.Ap. I.14. § 86*: Μισφραγμούθωσις; очевидный перенос на этого царя сочетания тронного «солнечного» и личного имен Тутмоса III *Mn-hpr-R^c Dhwtj-ms-sw* [Тураев, 1935, т. 1, с. 258; Beckerath, 1997, S. 124—125]). Те же имена с незначительными орфографическими вариациями носят в той же цитате Флавия два царя середины XVIII династии, Мефрамутосис и Тмосис, соответствующие историческим Тутмосу III и IV (Frg. 50 = *Ios. C.Ap. I.15. § 95*: Μηφραμούθωσις; *id. § 96*: Θμῶσις). В царском списке Манефона согласно Африкану в передаче Синкелла основатель XVIII династии зовется «Амос» (Frg. 52.1: Αμός- очевидное соответствие историческому Яхмосу I¹²; ср. с данными Евсевия у Синкелла и в армянской версии – frg. 53a.1: Ἀμωσις; frg. 53b.1: *Amoses*), и за ним и тут следует Хеброс, или Хеброн (Frg. 52.2: Χεβρώς; frg. 53a.2: Χεβρών; frg. 53b.2: *Chebron*). А в т.н. «Книге Сотис» тот же основатель XVIII династии именуется двойным именем «Амосис(, который) и Тетмосис» (Ἀμωσις ὁ καὶ Τέθμωσις [Manetho, 1980, p. 240]). Аналогично в передаче царского списка Манефона у Африкана указывается, что Мисфрагмутосис, правивший в середине XVIII династии, звался еще и «Амосисом» (Frg. 52.6: ἐπὶ Ἀμώσεως τοῦ καὶ Μισφραγμούθώσεως ἀρχῆς; см. полностью последовательность царей XVIII династии у Манефона в таблице 1.1).

Как видно, во фрагментах Манефона, с одной стороны, прослеживается его полная уверенность в том, что изгнание гиксосов из Египта имело место при непосредственном

¹² Об Амосе в версии Африкана согласно Синкеллу и о его аналоге Тетмосисе в передаче сведений Иосифа Флавия у Феофила Антиохийского (*Manetho. Frg. 51 = Theophil. Ad Autol. III.19*) [Manetho, 1980, p. 107, п. 6] идет речь как о царях, при которых из Египта были изгнаны евреи. Несомненно, в данном случае имеет место контаминация исходных сведений Манефона (у него, разумеется, разведенных) об исходах первого и второго (см. ниже) владычеств гиксосов в Египте (см. подробнее главу 5, § 5.4).

предшественнике основателя XVIII династии и при самом этом основателе. Об этом говорят прямые указания в тексте, цитированном Флавием, и соотнесение в «Книге Сотис» появляющегося у Флавия в этом контексте имени «Тетмосис» с именем «Амосис», открывающим эту династию в царских списках. С другой стороны, у Манефона на этих двух царей перенесены имена Тутмоса III и Тутмоса IV, помещенных в его царском списке под этими же или чуть модифицированными именами на свое «правильное» место, в середину XVIII династии (в цитате Флавия). Такой перенос мог быть лишь следствием контаминации в источниках Манефона изгнания гиксосов с деяниями Тутмоса III, прежде всего контаминации действий против Авариса в середине XVI в. до н.э. со взятием Мегиддо в 1468 г. до н.э. Исследователи давно заметили сходство описанного Манефоном изгнания гиксосов из Авариса с осадой Мегиддо и ее исходом, когда, как известно по «Анналам» Тутмоса III, крепость не была взята штурмом, а защищавших ее князей отпустили на свободу править их землями (Urk. IV.663.2; ср.: *Ios. C.Ap. I.14. § 88—89*) [Тураев, 1935, т. 1, с. 258, 267; Redford, 1997, p. 25; Немировский, 2001 (1), с. 134—135]. Возможно также, что прочно запечатлевшийся мотив соглашения с гиксосами, завершившего борьбу с ними в Аварисе при «Туммосисе», или «Тетмосисе», восходит к реминисценциям общепближневосточного урегулирования, которое при Тутмосе IV подвело итог противостоянию в Восточном Средиземноморье Египта и северомесопотамского царства Митанни (см., например, [Немировский, 1999, с. 157—158]).

Оптимальное, на наш взгляд, объяснение этих черт сведений Манефона было предложено А.А. Немировским [Немировский, 2001 (1), с. 132—135]. Очевидно, в каком-то из источников Манефона изгнание гиксосов (в том числе в связи с отмеченными нами контаминациями) приписывалось Тутмосу III и Тутмосу IV как царям *середины* XVIII династии. Манефон на основании другой известной ему традиции твердо связывал это событие с кануном и началом XVIII династии и ограничился более или менее полным переносом на соответствующих этому времени царей имен Тутмоса III (Мисфрагмутосис) и IV (Туммосис, Тетмосис¹³). Несмотря на это, для второго из царей – изгонителей гиксосов и основателя XVIII династии Манефон удержал и «правильное» имя, производное от имени Яхмос (что особенно хорошо видно по соотнесению имен «Амосис» и «Тетмосис» в восходящей к Манефону «Книге Сотис»). При этом эти же имена он сохранил и за царями середины XVIII династии, модифицировав, однако, их форму («Мефрамутосис» – «Тмосис») во избежание путаницы с парой царей – изгонителей гиксосов. Однако в последующей традиции две пары сходных царских имен накануне и в начале XVIII династии и в ее середине были сочтены

¹³ А.А. Немировский указывает, что две формы этого имени в цитировании Флавия могут быть «орфографическими вариантами общего исходного “Тутмосис”», использованного самим Манефоном в его версии рассказа об изгнании гиксосов [Немировский, 2001 (1), с. 134].

неоправданным удвоением одной и той же пары персонажей. В итоге в той версии царского списка, которая стала известна христианским эпитоматорам, начало XVIII династии было связано исключительно с «Амос(ис)ом», эквивалентным «Тетмосису», а «Мисфрагмутосис»¹⁴ и его сын «Тутмосис» заняли место исключительно в середине XVIII династии.

Очевидно, что основанием для убежденности и первоисточника Манефона, и самого Манефона в завершении борьбы с гиксосами при царях с именами «Мисфрагмутосис» (историческом Тутмосе III) и «Туммосис/Тетмосис(/*Тутмосис)» (историческом Тутмосе IV), независимо от их места в последовательности царствований накануне и в начале или в середине XVIII династии, могло быть только представление о том, что финалом этой борьбы был цикл войн этого царского дома в Азии в конце XVI – начале XV вв. до н.э., в которых главным врагом Египта было государство Митанни. В связи с этим чрезвычайно важно следующее: у Манефона, насколько можно судить, вообще нет сведений, которые можно было бы отнести именно к Митанни, как и сведений о Хеттском царстве применительно ко времени более позднему. Примечательно, что те царствования, в которые происходило историческое противостояние Египта и хеттов, Манефон подверстывает также к XVIII династии, в которую в его списке входят последовательно упоминаемые Хоремхеб (Frg. 52.14: Ἀρμεσίς; frg. 53a.12: Ἀρμαῖς ὁ καὶ Δαναὸς; frg. 53b.12: *Armaïs qui et Danaus*), Рамсес I и Сети I, контаминированные в один образ, к которому присоединяются и реминисценции Рамсеса II (Frg. 52.15: Ῥαμεσσης, 1 год; frg. 53a.13: Ῥαμεσσης ὁ καὶ Αἴγυπτος, 68 лет; frg. 53b.13: *Ramesses qui et Aegyptos*, 68 лет; Флавий упоминает непосредственно за этим царем Хармессеса Миамуна с 66 годами 2 месяцами правления: frg. 50 = *Ios. C. Ap. I.15. § 97: Ἀρμεσσης Μιαμουῦν*) и Мернептах (Frg. 52.16: Ἀμενωφάθ; frg. 53a.14: Ἀμμένωφης; frg. 53b.14: *Amenophis*; см. об идентификации всех этих имен: [Ладынин, Немировский, 2001 (1), с. 92—98]). Равным образом, из изложения Манефона выпадают сведения об экспансии Египта в Азии на протяжении этого времени: в целом вся внешняя экспансия Египта II тыс. до н.э. сведена у него, как мы уже говорили, к

¹⁴ Указание на именование царя середины XVIII династии и этим именем, и именем «Амосис» (Frg. 52.6) могло быть введено в рамках традиции, шедшей от Манефона. По-видимому, кто-то из его интерпретаторов считал, что Манефон смешал царя, находившегося в начале XVIII династии и изгнавшего гиксосов («Амос(иса)»), с парой царей в ее середине (историческими Тутмосами III и IV) и пришел к выводу, что египетский историк ориентировался на совпадение их имен. Если двойное именование основателя этого царского дома («Амосис(, который) и Тетмосис», согласно «Книге Сотис») было известно и объясняло его совмещение с «Тутмосисом» в его середине, то было естественно допустить, что вторым именем и «Мисфрагмутосиса» в середине XVIII династии было «Амосис» и что по этой причине Манефон также смешал его с ее основателем и ошибочно вынес его имя в начало этого царского дома [Немировский, 2001 (1), с. 134].

образу Сесостриса¹⁵. Борьба же с гиксосами представляет собой не наступление вовне, а восстановление независимости Египта и протекает целиком и полностью в его пределах! Очевидно, единственным «современником» Египта в Азии с момента изгнания гиксосов и до их повторного вторжения в союзе с египетскими прокаженными (см. ниже) для Манефона и было созданное выходцами из Авариса «постгиксосское» царство со столицей в Иерусалиме. Вернемся в этой связи еще раз к уже отмечавшейся контаминации в сведениях Манефона

---

¹⁵ Казалось бы, исключением из общего забвения экспансии Нового царства у Манефона должно быть описание войн царя XIX династии Сетоса, или Рамессеса, называвшегося также Египтом, против Кипра и Финикии, затем против Ассирии и Мидии, и, наконец, по всему востоку в целом (*Manetho. Frg. 50 = Ios. С.Ар. I. 15. § 98—102*). А.А. Немировский в нашей совместной публикации отметил, что само это описание точно соответствует войнам исторического Сети I (1304—1290 гг. до н.э.) в начале XIX династии. Эпизод же борьбы Сетоса с братом Хармаисом, или Данаем, попытавшимся захватить в Египте власть в пору его отсутствия, может трактоваться как реминисценция исторического противостояния Хоремхеба и Эйе (с перенесением, в отличие от исторической реальности негативной роли в этом конфликте Эйе на «Хоремхеба»/Хармаиса, а позитивной роли исторического Хоремхеба — на Сети I/Сетоса). Тем самым труд Манефона воспроизводил сложившееся во много более ранних представлениях проведение финала амарнского времени по рубежу между царствованием Хоремхеба и XIX династией) [Ладынин, Немировский, 2001 (1), с. 89—92]. Обратим, однако, внимание на несколько моментов. Во-первых, в изложении Манефона сюжеты, связанные с Сетосом, оторваны как от реального места постамарнских царей в его царском списке (Армаиса и Рамессеса в составе его XVIII династии), так и от содержательного соответствия амарнскому времени в его изложении — от истории о царе Аменофисе и о втором владычестве в Египте гиксосов совместно с египетскими прокаженными (см. ниже). Иными словами, реальное значение сюжета о Сетосе и Хармаисе как завершения именно амарнского времени было Манефону непонятно. Во-вторых, по каким-то причинам Манефон считает необходимым довольно прочно ассоциировать с образом Сетоса в данном сюжете еще и имя «Рамессес», хотя, по мнению Немировского, сама последовательность его войн идеально согласуется с делами именно Сети I. В-третьих, войны этого царя в Восточном Средиземноморье должны были бы, по идее, уничтожить пресловутое постгиксосское царство с центром в Иерусалиме, возникшее после изгнания гиксосов из Египта и вновь ставшее угрозой при Аменофисе. Этого, однако, не происходит, причем Манефон, похоже, идет именно для этого на ухищрение и приписывает Сетосу поход сразу против Кипра и Финикии (именно в данной последовательности!), как будто в обход Палестины и Иерусалима. Понятно, однако, что такая кампания (по сути, дальний и к тому же двухэтапный морской десант, который якобы переместил большое войско, достаточное для борьбы с великими державами Азии!) выглядит совершенно нереально. На наш взгляд, Манефон оказался перед необходимостью учесть в своем повествовании, по сути дела, альтернативную рассказам о Сесострисе традицию о великом царе-завоевателе с именем, переданным им как Рамессес (см. в главе 6, § 6.3.3 о ее реализации в сведениях об Осимандии Гекатея Абдерского, переданных Диодором Сицилийским, и о других ее проявлениях). Видимо, он был осведомлен об историчности самого царя этого имени и его широких войн и не мог эти сведения проигнорировать; однако базовым для структуры его второго тома было представление о великом завоевателе Сесострисе, о последовавшем за его временем гиксосском завоевании и о дальнейших событиях взаимодействия Египта и гиксосов, в целом исключающих наступление Египта во внешний мир. Очевидно, Манефон удержал представление о том, что цикл войн известного ему Рамессеса (несомненно, сына и преемника Сети I исторического Рамсеса II, царствовавшего в 1290—1224 гг. до н.э.) был продолжением войн его предшественника, слил их образы и перенес соответствующие сюжеты на принимаемое им, но не соответствующее исторической реальности начало XIX династии. Однако при этом он постарался также как-то объяснить, каким образом рассказ о войнах Сетоса/Рамессеса/Египта не противоречит сохранению рядом с Египтом постгиксосского государства, т.е. фактически развести базовую для него схему второго тома, включающую образ завоевателя-Сесостриса, и традицию о завоевателе-Рамессесе. Примечательно, что информаторы Гекатея/Диодора сочли нужным сделать то же самое еще более радикальным способом — разведя образы Осимандия и Сесоосиса (полного аналога Сесостриса Геродота и, очевидно, Манефона) вообще по разным циклам египетской истории.

эпизода осады гиксосов в Аварисе и реминисценций взятия Мегиддо, известного нам по «Анналам» Тутмоса III. Понятно, что пресловутые азиатские князья, исходно враждебные Египту и отпущенные Тутмосом из Мегиддо в свои владения, были в политической ситуации его царствования вассалами или младшими союзниками Митанни. Однако в таком случае «постгиксосскому» царству, о котором говорит Манефон и которое было создано отпущенными из Авариса противниками египтян, и отведено в постулируемом им ряду событий место, полностью аналогичное тому, которое в ряду реальных событий занимало Митанни и которое, в силу развития геополитической ситуации в XIV в. до н.э., закономерно перешло Хеттскому царству.

Опасности, исходившей для Египта от гиксосов и их наследников, было суждено, согласно Манефону, актуализироваться вновь и породить уже финальный кризис конца второго цикла истории Египта. Описание этого кризиса мы опять же видим в цитате Иосифа Флавия (*Manetho. Frg. 54 = Ios. C. Ap. I.26—31. § 227—287*), где сообщается история царя, имя которого в передаче Флавия звучит «Аменофис» (Ἀμένωφίς). В последовательности царей согласно списку Манефона, сохраненному христианскими хронографами, он отнесен к концу XIX династии и зовется «Амменептес» или «Амменептис» (*Frg. 55.3: Ἀμμενέφθης; frg. 56a.3: Ἀμμενεφθίς; frg. 56b.3: Amenephtis* [Ладынин, Немировский, 2001 (1), с. 92, 97—98]; см. полностью династическую последовательность Манефона, соположенную с этим сюжетом, в таблице 1.2). Согласно Флавию (*Ios. C. Ap. I.26. § 232—251*), Аменофис пожелал «созерцать богов» (θεῶν γενέσθαι θεατήν; ср. выше с вероятным качеством «царя-эзотерика», приписываемым Суфису/Хуфу в свидетельстве царского списка Манефона) и, по совету своего придворного мудреца и тезки Аменофиса, сына Пааписа (ὁμωνύμῳ μὲν αὐτῷ Ἀμενώφει πατρὸς δὲ Παάπιος ὄντι), отправил 80 тысяч прокаженных и больных, мешавших этому своей нечистотой, в каменоломни к востоку от Нила. Далее мудрец устранился мести богов за это, предсказал, что спустя время эти прокаженные в союзе с внешними врагами на 13 лет подчинят Египет, и покончил с собой. Фараон впал в уныние, освободил узников каменоломен и поселил их в прежнем гиксосском Аварисе. Через некоторое время их вождь, «некто Осарсиф из гелиопольских жрецов» (τινα τῶν Ἡλιοπολιτῶν ἱερέων Ὁσάρσηφον λεγόμενον), отправился к настоящим гиксосам в их столицу Иерусалим (Гиеросолиму; Ἱεροσόλυμα) с предложением сообща напасть на Египет. Аменофис, узнав об этом, собрал войско, но уже с самого начала отправил своего сына «Сетоса(, который) и Рамессес» (τὸν δὲ υἱὸν Σέθων τὸν καὶ Ραμέσσην) в безопасное место и в итоге не принял боя, а бежал в Эфиопию. Через 13 лет, в точном соответствии с предсказанием, Аменофис «и сын его Рампсес» (ὁ υἱὸς αὐτοῦ

Ῥάμψης; понятно, что нюанс в передаче имени не влияет на тождество этого персонажа («Сетосу-Рамессесу» предшествующего пассажи) вернулись из Эфиопии «с несметной силой», изгнали врагов из страны и преследовали их «до пределов Сирии». Согласно царскому списку Манефона, после Аменофиса правили еще последние цари XIX династии (см. ниже); однако очевидно, что подлинный финал второго томоса, который оканчивается как раз XIX династией, связан для Манефона именно с этим рассказом о втором вторжении гиксосов в Египет.

Подробному обоснованию исторической интерпретации этого рассказа Манефона мы посвятили отдельную работу [Ладынин, 2009 (3)], предпосылкой для которой во многом послужило исследование, проведенное А.А. Немировским [Ладынин, Немировский, 2001 (1), с. 92—99]. Сейчас достаточно сказать о нашей солидарности с мнением, что историческая «база» данного сюжета – это события финала XIX династии (в согласии с местом данного рассказа в последовательности царей Манефона), когда Египет был вынужден справляться с нашествием «народов моря» и его последствиями. Как показал А.В. Сафронов, упоминание Элефантинской стелы Сетнахта [Seidlmeier, 1998, S. 375] об участии во внутривосточной борьбе в Египте на стороне его врагов неких *Sttyw* («азиатов» – Wb. IV.348.6; по смыслу этого термина, пришельцев с северо-востока, каковые на рубеже XIX—XX династий, в последние два десятилетия XIII в. до н.э., могли появиться в Египте только с первой волной «народов моря» при Мернептахе и, вероятно, включали их представителей, ставших наемниками египетской службы; см. о служащем основой для данного обозначения термине *Stt* настоящую главу, § 1.2) и об их последующем изгнании из страны хорошо коррелируется с данным сюжетом [Сафронов, 2005, с. 13—14]. В то же время в сведениях Флавия о царе Аменофисе проявляются и реминисценции «амарнского» (вернее, предамарнского) времени. Прежде всего, это имя его придворного мудреца «Аменофиса, сына Пааписа» – несомненная реминисценция исторического Аменхотепа, сына Хапу, состоявшего в этом качестве при Аменхотепе III (также «Аменофисе» у Манефона; Frg. 52.8: Ἀμενῶφης; frg. 53a.7: Ἀμένωφης; frg. 53b.7: *Amenophis*) [Gozzoli, 2006, p. 215—216]. При этом описание Манефоном бедствий времени Аменофиса как следствия неблагих, нечестивых действий царя, навлекших на него и в целом на Египет гнев богов, хорошо коррелируется с египетским восприятием как скверны и амарнского времени (см., например, «Реставрационную стелу» Тутанхамона: Urk. IV.2027 [Ладынин, 2002 (2), с. 168—174]), и междоусобицы конца XIX династии, после которой, при основателе XX династии Сетнахте, «очищали трон» (pHarris I.75.8—9) [Сафронов, 2005, с. 14]. Сходство этих двух эпох обнаруживалось не только в их восприятии, но и в конкретных и немаловажных исторических деталях – в том, что амарнское время завершилось большой войной с хеттами, обрушившимися на Египет с того же направления, что и «народы моря» (особенно их вторая

волна при Рамсесе III, двигавшаяся из Малой Азии через Восточное Средиземноморье: [История древнего Востока, 1988, с. 188—196, 260; Немировский, 2001 (2)], и что начало и конец обеих эпох пришлись на времена царей со схожими и отчасти совпадающими именами (амарнского времени – на царствования Аменхотепа III и Рамсеса I и Сети I, кризиса конца XIX – начала XX династий – на царствования Мернептаха и Сетнахта с Рамсесом III). Сложная контаминация привела к тому, что реминисценции об Аменхотепе III («Аменофисе»), Мернептахе («Аменофате» или опять же «Ам(м)енофисе – Frg. 52.16: Ἀμενωφάθ; frg. 53a.14: Ἀμμένωφίς; frg. 53b.14: *Amenophis*) и историческом Саптахе – «Ам(м)енефте(/и)се»¹⁶ слились в единый образ нечестивого царя – виновника бедствий, известного в передаче Иосифа Флавия как «Аменофис», а реминисценции о Сетнахте и Рамсесе III, очевидно, в определенном соотношении с Сети I и Рамсесом II, – в образ сына Аменофиса «Сетоса(, который) и Рамессес», или «Рампсеса».

Механизм, по которому осуществлялась подобная контаминация (и который впервые был выявлен наблюдениями А.А. Немировского [Ладынин, Немировский, 2001 (1), с. 92—99]), оказывается весьма специфической чертой работы Манефона с богатой событиями военно-политической историей II тыс. до н.э. Достаточно очевидно, что слияние в итоговые образы Аменофиса и его сына их исторических прототипов происходило по преимущественному критерию сходства реальных ситуаций, в которых они действовали, независимо от несовпадения их имен, которое стало бы очевидно при обращении к их иероглифическим написаниям. По-видимому, там, где это было возможно, над именами контаминируемых персонажей производилось то, что нам представляется их искусственной фонетической ассимиляцией (например, сведение к более-менее единому фонетическому облику имен «Мернептах» и «Аменхотеп»). Такая манипуляция была вторичной по отношению к отождествлению исторических ситуаций с участием обладателей этих имен, но все же едва ли совершенно произвольной и насильственной (см. прим. 16). В тех случаях, где такая фонетическая ассимиляция была совершенно невозможна (как с именами «Сети» или «Сетнахт» и «Рамсес» или, в сюжете об изгнании гиксосов, с именами «Яхмос», «Менхеперра-Тутмос» и «Тутмос»), приходилось принимать тот постулат, что соответствующий исторический персонаж был известен сразу под несколькими именами. Это отражалось в особой,

¹⁶ Место царя этого имени в последовательности Манефона оптимально согласуется именно с положением исторического Саптаха [Ладынин, Немировский, 2001 (1), с. 97]; а форма его имени должна восходить к личному имени «Мернептах Саптах» (*Mry.n-Pth Z3-Pth*), которое он носил с его Года 3 [Перепелкин, 2000, с. 356; Сафронов, 2008, с. 118]. Очевидно, передача словосочетания *Mry.n-Pth* различными вариациями основы «Ам(м)ено(/е)ф(т)-» (как мы видим, применительно и к Мернептаху и к Саптаху) должна отталкиваться от каких-то особенностей реального произнесения имени *Mry.n-Pth* в Позднее время, которые и могли привести к его фонетическому сходству с именем «Аменхотеп» (*Imn-ḥtp(w)*).

ставшей для Манефона, по сути дела, стандартной для этой цели формуле (δ.) ó καὶ (δ.) – «(такой-то)(, который) и (такой-то)» («Амосис(, который) и Мисфрагмутосис», «Сетос(, который) и Рамессес»).

Опознаваемые следы подобных манипуляций показывают, что Манефон был осведомлен об исходной (на уровне аутентичных свидетельств II тыс. до н.э. либо сведений, прямо к ним восходящих, как в памятниках, так, вероятно, и в несохранившихся папирусных записях) фиксации сведений, подаваемых им в рамках одного эпизода, применительно к персонажам с разными именами. Более того: как убедительно показал А.А. Немировский на материале сведений Манефона о XVIII и XIX династии, египетский историк имел вполне адекватное представление и о том, какое положение эти цари, под их аутентичными именами, занимают в династической последовательности, и воспроизводил ее верно [Ладынин, Немировский, 2001 (1), с. 92—99]¹⁷. Понятно, что аутентичные свидетельства II тыс. до н.э. не могли напрямую подтолкнуть Манефона или иных египетских историографов к такой контаминации описываемых в них событий, какую мы видим в сведениях об изгнании гиксосов или в легенде об Аменофисе: мы знаем, что сама по себе эта контаминация ложна, а свидетельства эти фиксировали как раз историческую реальность. В таком случае данная контаминация должна быть сугубо порождением позднеегипетской историографии, а осуществившие ее авторы могли руководствоваться следующим соображением: они признавали аутентичность отраженной в их источниках династической последовательности как таковой, а также достоверность описываемых в их источниках событий, но при этом считали, что привязка этих событий к конкретным царствованиям требует упорядочения, и проводили его так, как считали правомерным по некоторым основаниям.

Основания эти применительно к сюжетам, относящимся в исторической реальности к эпохам Амарны и ко времени борьбы с «народами моря», кажутся довольно очевидными. Манефон и, видимо, его предшественники в позднеегипетской историографии явно не допускали мысли, что столь схожие кризисные ситуации могли повториться с интервалом в сто с небольшим лет. Поэтому они были контаминированы, причем в их контаминации довольно закономерно удержались «диагностические признаки» от обеих этих кризисных эпох. От эпохи

¹⁷ Это не означает, что Манефон не допускает ее искажений, однако они не носят системного характера – в частности, вопреки мнению ряда египтологов, не состоят в дублировании им некоторых отрезков царской последовательности [Ладынин, Немировский, 2001 (1), с. 94 сл.]. В тех случаях, когда они проявляются, они объяснимы за счет непонимания Манефоном доброкачественного достоверного источника (может быть, источников). Так, в XIX династии Манефон «раздваивает» им все того же Саптаха, известного в памятниках его Годов 1-2 под личным именем «Рамсес Саптах», а с Года 3, как мы уже знаем (см. предыдущее примечание), под именем «Мернептах Саптах», на двух царей – «Рапсака», или «Рампсеса», и «Ам(м)енефте(/и)са» (*Manetho. Frgg. 55—56*) [Ладынин, Немировский, 2001 (1), с. 97]. Данную ошибку Манефона нельзя не извинить, учитывая, что она первоначально была допущена и современными египтологами [Перепелкин, 2000, с. 356].

Амарны было удержано представление о нечестии царя как истоке больших бедствий: образ Аменофиса, похоже, вообще принимается позднеегипетской традицией за своего рода эталон для царя, отступившего от *maat* и понесшего за это вместе с Египтом возмездие, и в этом значении клишируется и применительно к более поздним историческим векам (см. подробнее главу 5, § 5.5). От эпохи «народов моря» была удержана хронологическая привязка этих бедствий к финалу XIX династии, т.е. ко вполне реальному историческому рубежу, после которого египетская государственность II тыс. до н.э. (весьма вероятно, и в самом деле ослабленная именно борьбой с этническими миграциями рубежа XIII—XII вв. до н.э.) стала клониться к упадку. Очевидно, в пору контактов с греками память об этом еще и была подкреплена корректной синхронизацией этого рубежа, персонифицированного царем Туорисом, с падением Трои, т.е. совершенно аналогичной вехой греческой истории.

Вместе с тем выявление этого принципа побуждает задать вопрос: что же, по мнению позднеегипетских историографов, было невозможным в реальном повторении подобных ситуаций, хотя бы и с небольшим интервалом? Похоже, что невозможной им представлялась именно высокая степень и системность их совпадения – по самому характеру событий (эпоха «нечестия», сопряженная с острым политическим кризисом), по направленности внешнего удара по Египту (с северо-востока, из Малой Азии через Восточное Средиземноморье) и, наконец, по совпадению имен задействованных в данных ситуациях египетских персоналий. Решив, что «таких совпадений не бывает», историографы I тыс. до н.э. должны были придти к выводу, что некая ошибка содержится в их первоисточниках, «размножающих» одну и ту же историческую ситуацию применительно к двум эпохам. Свою собственную задачу они видели в определении того исторического момента, когда данные события имели место *на самом деле*, и в «подтягивании» в своих трудах именно к нему всех наличных сведений о них.

В связи с этим уместно поставить еще один, более широкий вопрос: как позднеегипетская историография должна была оценивать всю последовательность военно-политических коллизий II тыс. до н.э., особенно самой активной их фазы Позднебронзового века (времени египетского Нового царства)? Выше мы уже обратили внимание на ее стремление «стянуть» всю внешнюю экспансию Египта не только Среднего, но и Нового царства к образу Сесостриса, благодаря чему военные события Нового царства подавались Манефоном уже как оборона со стороны Египта – сначала изгнание гиксосов в начале XVIII династии, а затем отражение их наследников при Аменофисе и его сыне (исключая отмеченный нами эпизод царствования Сетоса: см. прим. 15). Характерным образом был подан и образ врага Египта в течение всего этого времени: сначала это «классические» гиксосы, затем – «постгиксосское» царство с центром в Иерусалиме (о котором, кстати, мы не слышим, что оно было уничтожено Аменофисом или его сыном!); далее, надо полагать, это уже возникшая на

его основе израильско-иудейская государственность Давидов, с которой имел дело исторический Шешонк I во второй половине X в. до н.э. (см. подробнее главу 6, § 6.3.2). Строя подобную схему военной истории Египта II тыс. до н.э., Манефон и его вероятные предшественники предстают перед нами последовательными, чтобы не сказать фанатичными, сторонниками принципа «бритвы Оккама». Стремясь «не умножать сущности», они сводят эту историю к *одной* фазе внешней экспансии Египта, *одному* эпизоду его захвата чужеземцами, *одной* попытке повторения этого захвата и, в конечном счете, к противостоянию на всех этих этапах с *одним и тем же* противником! Напомним еще раз, что подобная манипуляция происходит на фоне почти идеального знания позднеегипетскими авторами всей последовательности царей, при которых, как это известно современным египтологам, имели место несравненно более сложные военно-политические процессы. Получается, что сведения об этих процессах в первоисточниках, которыми пользовались позднеегипетские историографы, подверглись с их стороны преобразованию, аналог которому может найтись разве что в отечественной околонуучной среде в виде редукционистской методологии академика Фоменко.

Каким образом можно объяснить подобное недоверие позднеегипетской историографии к аутентичным свидетельствам, содержащимся в традиции их собственной страны (и – повторим еще раз и это! – известным этим поздним авторам, коль скоро у Манефона мы видим следы именно «сшивания» неких исходных сведений, относившихся к разноименным и одновременным, как это и имело место в исторической реальности, персонажам)? Мы полностью согласны с А.А. Немировским, отметившим при обсуждении этого вопроса, что и в современной историографии такое представление создается в гораздо большей мере клинописными источниками, нежели египетскими памятниками. Ярким примером фикции, возникшей, при обращении только к египетским памятникам, при игнорировании клинописного материала в умах уже не авторов I тыс. до н.э., а *современных египтологов*, можно считать небезызвестную – на наш взгляд, вполне фантастическую – гипотезу «12-летнего соправления» Аменхотепа III и Эхнатона (см., с отсылками к литературе: [Большаков, 2009, с. 33—34]; ср.: [Murnane, 1977, p. 123—169; Ладынин, 2008 (2), с. 128—129, 140—141]). Египетские же источники – прежде всего военные надписи царей – для адекватного их использования приходится тщательно сопоставлять с клинописными с целью точного отождествления употребляемых в них полито-, хоро- и топонимов, оценки достоверности приписываемых царям побед (в том числе выявления случаев, когда о них велась речь вопреки реальному соотношению сил, достигнутому в ходе того или иного конфликта), и т.п. Кроме того, по-настоящему результативным мог бы быть лишь сплошной учет подобных свидетельств по всем местам, где они обнаруживаются, который реален в наши дни благодаря систематической публикации археологических данных. Понятно, однако, что ни один египтянин I тыс. до н.э.,

интересовавшийся прошлым своей страны, не был в состоянии осуществить подобное «сплошное эпиграфическое обследование», к примеру, всех ее храмовых комплексов. Даже и попытавшись предпринять нечто в этом роде, он оказался бы перед задачей интерпретации собранных данных – непосильной в первую очередь в силу безнадежной утраты актуальности, а стало быть, и понятности реалий соприкасавшегося с Египтом в прошлом азиатского мира. Приняв это во внимание, легко представить себе, что многократная смена в египетской военной истории фаз успешной экспансии и отступления¹⁸ в коллизиях с государствами и народами, имена которых не говорили уже ничего, вызывала меньше доверия, чем сведение этих малоразличимых событий к немногим векам, яркая память о которых сохранилась и независимо от аутентичных синхронных источников, в не прерывавшейся живой традиции¹⁹. В таком случае, по-видимому, отнесение в аутентичных источниках масштабных военно-политических событий к эпохам, отличным от этих веков, воспринималось как ошибка, подлежащая корректировке в рамках общей исторической схемы. Ассимиляции имен и конструирование «сшитых» разноименных персонажей у Манефона и представляют собой, по сути дела, опыт такой корректировки.

Немаловажно и то, что подобная манипуляция согласовывалась и с самой циклической структурой схемы египетской истории, представленной у Манефона: за однократным в рамках цикла XII—XIX династии взлетом Египта, представленным, как мы говорили, его успехами при Сесострисе, началась фаза надлома, в ходе которой эти успехи уже не возобновлялись, и в итоге дело дошло до фазы острого кризиса при Аменофисе и его сыне. В таком случае в самом «движении» цикла второго тома Манефона отчетливо просматривается внешнеполитическая детерминанта (что, в общем, естественно применительно к истории Египта II тыс. до н.э.). А Аменофис и его сын на рубеже второго и третьего циклов египетской истории, подобно Амменемесу и Сесонхосису ранее (см. выше), делят между собой роли царя-отца, избывшего беду конца одного цикла (согласно цитированию Флавия Манефон приписывает освобождение Египта от чужеземцев и прокаженных именно Аменофису, хотя и при содействии его сына) и

¹⁸ На протяжении только Нового царства она происходила *четырежды*: «постгиксосская» экспансия начала XVIII династии с ее пиком при Тутмосе I – отступление при Хатшепсут под натиском Митанни; экспансия Тутмоса III – Аменхотепа II – Тутмоса IV в середине и второй половине XV в. до н.э. – отступление амарнского и постамарнского времени под натиском хеттов; экспансия начала XIX династии – кризис нашествия «народов моря»; экспансия Рамсеса III после отражения второй волны «народов моря» – утрата азиатской сферы влияния из-за внутреннего кризисом XX династии.

¹⁹ Подозреваемая в сведениях Геродота о Сесострисе [Иванчик, 1999, с. 7; 2005, с. 192] и Манефона об Аменофисе (см. выше, в связи с оценкой аутентичности традиции, восходящей к Манефону) подмена исторических фактов фольклорными или художественными мотивами на самом деле показывает, что реминисценции этих эпизодов ввиду их ключевого значения особенно ярко запечатлелись в памяти египтян, при этом пройдя на протяжении многих веков переосмысление и приобретя новеллистическую форму и обогащение фольклорными деталями. Именно в таком виде они были использованы позднеегипетской историографией, как мы уже говорили, с готовностью абсорбировавшей подобные мотивы и считавшей их достаточно достоверной репликой исторической реальности.

царя-сына – основоположника нового исторического цикла. Как отметил А.А. Немировский (см. прим. 20), само воцарение «Сетоса(, который) и Рамессес», в некоей исторической перспективе, идущей от царствования его отца, не может вызывать сомнений. Сведения Манефона в изложении Флавия весьма логично подводят к этому, а в версии сюжета об Аменофисе, сохраненной греко-египетским автором I в. н.э. Херемоном Александрийским (см. о нем: [Burstein, 1996]), освобождение Египта и вовсе приписано усилиям одного сына Аменофиса как единоличного правителя (FGrHist. 618. F. 1 = *Ios. C. Ap. I.26. § 288—292*). Очевидно, что такое сведение усилий отца-правителя и сына – его помощника – к усилиям одного сына, представляет собой упрощающее искажение исходной информации, зафиксированной в свое время Манефоном, однако само такое искажение мыслимо, только если и согласно исходной информации сын Аменофиса в итоге стал полновластным царем.

Роль сына Аменофиса – «Сетоса(, который) и Рамессес», или «Рампсеса» – как самостоятельного правителя и основоположника третьего цикла истории Египта – не «прописана» в сохранившихся фрагментах Манефона сколько-нибудь отчетливо. Однако, во-первых, она представлена весьма внятно в характеристике деятельности основателя XX династии Сетнахта и в самоаттестациях его сына Рамсеса III (контаминация воспоминаний о которых и породила, как мы считаем, составной образ «Сетоса(, который) и Рамессес», у Манефона) в исторической части хорошо известного «Большого папируса Харрис» (pHarris I.75.1—9). Во-вторых, хотя в цитате Флавия мы видим «Сетоса(, который) и Рамессес», в весьма важной роли помощника Аменофиса при изгнании прокаженных и иноземцев, царский список Манефона в передаче христианских хронографов не упоминает его вовсе. Во всех версиях хронографов за «Ам(м)енефте(/и)сом» следуют царствования Амменемеса, или Амменемнеса (*Manetho. Frg. 55.5: Ἀμμενεμνήης; frg. 56a.4: Ἀμμενέμηης; frg. 56b.4: Ammenemes*; вне сомнения, исторический Аменмесу – 1212—1209 гг. до н.э.), и современника взятия Трои Туориса (*Frg. 55.5: Θούωρις; frg. 56a.5: Θούωρις; frg. 56b.6: Thuoris*), за которым скрывается историческая царица Таусерт [Beckerath, 1997, S. 127; Сафронов, 2005, с. 13—14]. В версии Африкана после Амменефтеса и до Амменемнеса упомянут Рамессес (*Frg. 55.4: Ῥαμεσσης*) с 60 годами царствования, и строго говоря, его и следовало бы считать эквивалентом «Сетоса(, который) и Рамессес», в рассказе, переданном Флавием [Ладынин, 2009 (3), с. 170—171]. Однако более внимательный взгляд на сведения версии Африкана о XIX династии обнаруживает в них явные следы изменения первоначального текста царского списка: Африкан говорит не о пяти, как Евсевий (*Frg. 56a—b*), а о семи царях этой династии и при этом перечисляет их всего шесть (*Frg. 55*). Очевидно, первоначальную последовательность царей этой династии передал как раз Евсевий; Африкан попытался откорректировать ее в меру

собственного понимания (в частности, решив на основании сведений, известных и Флавию, что Рамессес/«Сетос(, который) и Рамессес», должен быть прямым преемником Амменефеса/Аменофиса, и внеся его в ряд царей XIX династии на «правильное» место), но сделал это не вполне последовательно²⁰.

Между тем исключение «Сетоса(, который) и Рамессес», из ряда царей XIX династии хорошо согласовывалось бы со смыслом известного в цитате Флавия рассказа Манефона о владычестве в Египте прокаженных и гиксосов и с его соотношением с реальными историческими событиями (очевидно, что последнее заведомо оставалось за гранью знаний христианских хронографов). Как мы уже говорили, восприятие Манефоном этого времени бедствий соотносится с характеристикой в «Большом папирусе Харрис» смутного времени, после которого основатель XX династии Сетнахт очищал египетский трон. В рамки этого периода заведомо укладывалось, по меньшей мере, царствование Таусерт: при этом надо заметить, что ее известные датировки достигали Года 8 (и, соответственно, продолжительность ее правления согласно царскому списку Манефона – семи лет) лишь за счет причисления к ее единоличному правлению (около 1201—1200 гг. до н.э.) лет ее предшественника Саптаха (1208—1202 гг. до н.э.) [Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 214; Сафронов, 2008, с. 112 и сл.]. Однако именно при Саптахе возвысился сановник Баи – очевидно, «Ирсу» «Большого папируса Харрис», азиат по происхождению, с чьими действиями составители этого текста и связывали наступившее в Египте нечестие [Сафронов, 2008]. По-видимому, в дальнейшем, в том числе усилиями ее непосредственного преемника Сетнахта, стремившегося легитимировать свою власть, подобная оценка была ассоциирована с ее царствованием в целом. Память о том, что царствование царствование Таусерт было каким-то особенным временем, к тому же соположенным со взятием Трои, оказалась столь прочной, что отразилась даже в несравненно более схематичных, чем у Манефона, и сильнее преобразующих исторические реалии сведениях о периодизации истории Египта Дикеарха Мессенского (см. ниже, главу 6, § 6.2.2, 6.5). Учитывая такую прочность этих реминисценций, можно было бы ожидать, что Манефон во всяком случае был осведомлен о них и соотносил их в собственном восприятии с событиями владычества в Египте прокаженных и гиксосов.

Возвращаясь к вопросу о положении в царском списке Манефона «Сетоса(, который) и Рамессес», отметим тот важный момент, что этот список в передаче христианских хронографов вообще не содержит перечисления царей XX династии – первой в последовательности царских домов третьего томоса, – ограничиваясь лишь словами о ее происхождении из Фив (Диосполиса) и об общей продолжительности ее правления (*Manetho*. Frg. 57a – 135 лет; frg. 57b

²⁰ Данное наблюдение было сделано А.А. Немировским в докладе «Переход от XIX-й династии к XX-й у Манефона» на 13-х Петербургских египтологических чтениях (29 июня—1 июля 2015 г.).

– 178 лет; frg. 57c – 172 года). Весьма вероятно, что отсутствие у хронографов перечисления царей XX династии, как и в случае с VIII—XI династиями, воспроизводит умолчание самого Манефона, вызванное незначительностью этих персонажей. Между тем Сетнахт (1200—1198 гг. до н.э.) и Рамсес III (1198—1167 гг. до н.э.), реминисценции которых и отразились в образе «Сетоса(, который) и Рамессес», открывали именно XX династию, вполне соответствующую манефоновской по своему месту в реальном ходе истории. Как отмечал А.А. Немировский (см. прим. 20), было бы естественно думать, что «Сетос(, который) и Рамессес», и являлся, согласно сведениям Манефона основателем XX династии и основоположником начатого ею третьего цикла египетской истории. В таком случае получилось бы, что бедствия Египта под властью прокаженных и гиксосов начались в финале правления «Ам(м)енефте(/и)са» царского списка, переданного хронографами, пришлось на царствования в Египте «Амменем(н)еса»/Аменмессу и Туориса/Таусерт и прекратились с возвращением «Ам(м)енефте(/и)са» и «Сетоса(, который) и Рамессес», из Эфиопии, тождественным началу XX династии.

В пользу подобного соотнесения рассказа Манефона о царе Аменофисе и прокаженных, переданного Флавием, и последовательности царей в списке Манефона, переданном христианскими хронографами, говорит следующее соображение. В исторической реальности смута в Египте конца XIX династии началась после мятежа Аменмессу – сына Мернептах и первоначально наместника Нубии – против Сети II, другого сына Мернептах и его законного наследника, в 1212 г. до н.э. [Сафронов, 2008, с. 115]. Завершение смуты, совпадающее с установлением Сетнахтом власти над Египтом и, соответственно, с началом XX династии, пришлось около 1200 г. до н.э. Однако промежуток между этими крайними датами и дает, по сути дела, тринадцать лет, фигурирующие как срок владычества над Египтом прокаженных и гиксосов в рассказе Манефона, переданном Флавием! Более того, среди свидетельств хронографов о продолжительности царствований конца XIX династии ближе всего к реальности сведения Африкана, дающего Амменемнесу пять и Туорису семь лет, т.е., в совокупности практически тот же самый срок. Казалось бы, не в пользу нашего предположения говорит отсутствие в цитате Флавия каких-либо упоминаний о совпадении времени «Амменем(н)еса»/Аменмессу и Туориса/Таусерт с владычеством прокаженных и гиксосов, как и о том, что «Сетос(, который) и Рамессес», был основателем новой династии и основоположником нового исторического цикла. Однако, во-первых, как раз для Флавия, интересовавшегося в труде Манефона прежде всего сведениями (с его точки зрения ложными) о происхождении евреев, такие нюансы как раз не имели никакой ценности. Во-вторых, весьма показательна то, как время, предшествующее воцарению Сетнахта, охарактеризовано в «Большом папирусе Харрис». Очевидно, что, никак не упоминая последних представителей XIX династии, его составители вовсе не преследуют цели оспорить сам факт их царствований –

они просто представляют дело так, что этот факт не имеет особого значения на фоне реального господства в Египте злокозненных внешних сил, с которыми и справился Сетнахт. В случае если каким-то сходным образом дело было представлено и у Манефона, т.е. в рассказе о владычестве в Египте прокаженных и гиксосов формальное нахождение у власти египетских царей было представлено фактом, не имеющим особого значения, можно понять, что именно эти сведения не были сохранены Флавием.

Некоторому размыванию «грюндерского» ореола «Сетоса(, который) и Рамессес», могло содействовать и то, что в цикле третьего тома Манефона, очевидно, есть и еще один «грюндер» – исторический Шешонк I (943—923 гг. до н.э.), известный как Сесонхис в передаче Африкана, согласно Синкеллу (Frg. 60.1: Σεσώγχις), и как Сесонхосис – в передаче Евсевия, согласно Синкеллу (Frg. 61a.1: Σεσώγχωσις) и армянской версии (Frg. 61b.1: *Sesonchosis*; см. об этих формах имен подробнее в главе 6, § 6.3.1). О значимости реминисценций деятельности Шешонка I свидетельствуют, по-видимому, сообщения о царе Сесоосисе (Σεσόωσις) в I книге «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, в целом восходящей к раннеэллинистическому описанию Египта Гекатея Абдерского. Сообщения Гекатея и Диодора об этом царе как о великом завоевателе в принципе аналогичны свидетельствам Геродота о Сесострисе, хотя и не повторяют их буквально, отличаются от них в ряде деталей и явно используют иные, чем у Геродота, собственно египетские первоисточники [Иванчик, 1999, с. 16—17; 2005, с. 202—203]²¹. Однако сведения о создании Сесоосисом профессионального военного сословия, наделенного землей и с ядром из воспитанных вместе с ним его сверстников (*Diod. I.54.4—6*), вызывают вполне определенные ассоциации с военным характером ливийской государственности Египта I тыс. до н.э. (см. подробно главу 6, § 6.3.4). На наш взгляд, именно эти свидетельства позволяют допустить, что именно Шешонк I наделялся качествами своего рода «второго грундера» исторического цикла третьего тома труда Манефона (строго говоря, это было бы возможно, поскольку специфическая ливийская государственность возникла не с самого его начала, и египтянам это могло быть памятно), а также, видимо, и царя, при котором страна пережила едва ли не максимальный на протяжении данного цикла взлет. Очевидно, что именно на основе такого восприятия царствования Шешонка I в античной традиции укоренилась прочная ассоциация формы имени «Сесонхосис», безусловно, восходящая к имени «Шешонк», с образом великого египетского царя – завоевателя и устроителя, при серьезном акценте именно на последнем его качестве (в частности, в упоминавшемся сообщении Дикеарха

²¹ В реминисценциях о самом Шешонке I аспект великого завоевателя был, разумеется, связан с его кампанией 920-х гг. до н.э. в Палестине [Redford, 1992 (1), p. 312—315]; о контаминации данного аспекта с образом великого египетского царя-завоевателя, проявившимся в первую очередь в сведениях Геродота о Сесострисе, см. главу 6, § 6.3.2.

Мессенского; см. подробно главу 6, § 6.2.2). Трудно представить (хотя и невозможно в точном смысле слова доказать противное), чтобы данные мотивы, связанные с Шешонком I, были бы полностью проигнорированы в труде Манефона; вместе с тем наиболее тесно ассоциированное с ними именование «Сесонхосис» Манефон переносит на основателя XII династии Сенусерта I (см. настоящий раздел выше, а также главу 6, § 6.3.1). В таком случае надо думать, что «грюндерский аспект» в образе Шешонка I/Сесонхиса был в повествовании Манефона, по крайней мере, снижен по сравнению с образами Сенусерта I/Сесонхосиса, а также, надо думать, «Сетоса(, который) и Рамессес», в самом начале третьего томаса.

«Надлом» в развитии Египта в историческом цикле третьего томаса Манефона приходится, по-видимому, на царствование Бокхориса (*Manetho. Fragg.* 64, 65a: Βόχχωρις; *frg.* 65b: *Bocchoris*; исторически около 728—723 гг. до н.э.), при котором, согласно царскому списку Манефона и некоторым другим свидетельствам, «заговорил ягненок» (см. подробнее главу 5, § 5.3). По-видимому, этот эпизод в структуре третьего цикла египетской истории у Манефона аналогичен явлению мудреца при дворе Снофру в рамках первого цикла, согласно «Пророчеству Неферти». Сам же «надлом», пережитый египетской государственностью после Бокхориса (при эфиопском завоевании около конца 720-х гг. до н.э., во время которого Бокхорис был сожжен заживо Сабаконом/Шабакой: *fragg.* 66—67)²², был воспринят как нечто фатальное, от чего Египет не смог оправиться ни при саисской династии, за которой последовало вторжение Камбиса, ни при последних трех египетских династиях IV в. до н.э., не сумевших предотвратить нашествие на Египет Артаксеркса III. Как хорошо видно по «Пророчеству ягненка», именно чужеземные завоевания, в особенности персидское, были восприняты египтянами как тотальная катастрофа, с которой был связан конец третьего цикла их истории.

Считается, что «XXXI династия», включающая последних персидских царей кануна завоевания Египта Александром, была интерполирована в царскую последовательность

²² Заметим, что сама насильственная смерть легитимного царя Египта есть событие совершенно исключительное. По сути дела, нам известны только три примера убийства царей внутренними врагами: это зафиксированные тем же Манефоном убийства Отоса/Тети собственной охраной (см. выше; кстати, в структуре первого цикла египетской истории это тоже предвестие разразившейся затем в его финале катастрофы) и Амманемеса/Аменемхета II евнухами (*Manetho. Fragg.* 34-36) и гибель Априя, о деталях которой египетская историческая традиция предпочитала вовсе умалчивать; см.: [Ладынин, 2006 (1), с. 89]. Как известно, следы насильственной смерти несет на себе мумия царя Секененра, очевидно, павшего в войне с гиксосами (см., например: [Перепелкин, 2000, с. 203]), однако его гибель представляется меньшей «аномалией» в силу того, что и его собственная легитимность была, очевидно, неполной, и гиксосы по отношению к нему должны были мыслиться в большей мере внешними врагами, чем заговорщики, погубившие названных выше царей. В казни Бокхориса Сабаконом Манефон, вероятно, должен был акцентировать то, что она стала результатом иноземного вторжения; однако последующее признание Сабакона легитимным царем Египта, конечно, усиливало «аномальность» этого эпизода (собственно, Манефон и говорит о нем при упоминании Сабакона в составе XXV династии).

Манефона при создании эпитомы его труда, воспринятой христианскими хронографами [Redford, 1986, p. 331; Lloyd, 1988 (4), p. 154—160; Beckerath, 1997, S. 35; Gozzoli, 2006, p. 193, n. 12]. В таком случае его третий томос и соответствующий ему цикл египетской истории должен был завершаться на последнем царе XXX династии Нектанебе II (*Manetho. Fragg.* 74a—c; около 359/8—342/1 гг. до н.э.). Прямое подтверждение этому мы найдем в выведении суммы царствований истории Манефона в одном из начальных фрагментов согласно Синкеллу от «Местраима» (явным образом Менеса, имени которого придан эпонимный характер уподоблением древнееврейскому обозначению Египта: *ср.* *fragg.* 1—2) и именно до Нектанеба (*frg.* 6: ἀπὸ Μεστράϊμ... ἕως Νεκτανάβω). Далее начиналось второе персидское владычество, которое оказалось последним эпизодом растянувшейся во времени финальной катастрофы исторического цикла третьего томоса (см. об остро негативном восприятии египтянами этого периода: [Schwartz, 1949, p. 68—71], а также главу 4, § 4.4); за ним должно было последовать пришествие царя-избавителя. Вспомним еще раз, что по логике конструкта, «состыковывающего» в схеме Манефона большие исторические циклы, фигура царя-избавителя должна завершать, а не начинать цикл египетской истории, а за ней должна появляться фигура царя-«грюндера» нового цикла. Фрагменты труда Манефона не сохранили прямых и даже косвенных указаний на то, каким именно фигурам принадлежали эти роли на рубеже третьего и четвертого, эллинистического, циклов истории Египта; вместе с тем такие указания реально найти в других свидетельствах (см. главу 5). Забегая вперед, скажем уже сейчас, что в идеальном соответствии конструкту «отец и сын» этот рубеж между циклами представлен в позднеантичном «Романе об Александре», в его части, восходящей к египетскому прототипу III в. до н.э. Согласно этой версии, катастрофа чужеземного завоевания (исторического второго персидского владычества 343—332 гг. до н.э.) обрушивается на Египет при царе Нектанебе (историческом Нектанебе II) и прекращается усилиями Александра – его сына, в известной мере воплощающего в себе отца. По-видимому, таким образом исполняется «требование» данной конструкции, чтобы бедствия конца исторического цикла избывались усилиями завершающего его правителя (см. подробно главу 5, § 5.5)²³. Наконец, в данной связи нельзя не упомянуть т.н. «Оракул горшечника» [Koenen, 1968; 2003] – грекоязычный текст, видимо, второй половины птолемеевского времени, в котором еще не окончившейся эпохой бедствий конца третьего цикла египетской истории представлено собственно македонское владычество в

²³ Мнение П. Каплони о том, что, судя по отсутствию в царском списке Манефона упоминаний Хаббаша, признанного легитимным царем Египта в середине 330-х гг. до н.э. (см. главу 2, § 2.1, 2.3.2, «“Стела сатрапа”»: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «г»), египетский историк поддерживал фикцию рождения Александра Великого от Нектанеба II [Karlouy, 1971, p. 257], представляется нам сугубо произвольным и игнорирующим «неакадемический» характер этой фикции (см. главу 5, § 5.5). Допускать на этом основании, что рубежными фигурами, разграничивавшими «по Манефону» третий и четвертый исторические циклы, могли быть именно Нектанеб II и Александр, нет никакого смысла.

Египте. Любопытно, что сама циклическая схема египетской истории (наиболее детально реконструируемая на основе традиции Манефона, но, без сомнения, свойственная позднеегипетской историографии в целом) стала применительно к финалу исторического цикла I тыс. до н.э., по сути дела, рамкой, которая, в зависимости от идейной направленности того или иного пропагандистского произведения и от особенностей его аудитории, могла заполняться довольно разным конкретным содержанием. Вместе с тем это позволяет с уверенностью сказать, что данная схема не является созданием Манефона, а вообще характерна для упорядочения египтянами событий их истории (причем, по-видимому, как показывает появление конструкта «отец и сын» еще в «Поучении царю Мерикара», не только в Позднее время).

В заключение нашего обзора концепции циклов египетской истории сделаем еще одно замечание о ее тенденции, прослеживающейся как в версии Манефона, «академической» по своим задачам и вполне лояльной к Птолемаем, так и в ее пропагандистском «антимакедонском» изводе «Оракула горшечника». Мы видели, что тотальное крушение *маат* в конце второго и третьего исторических циклов связывалось в труде Манефона с наступлением в Египте владычества чужеземцев. Степень сохранности свидетельств Манефона о финале первого исторического цикла не позволяет сказать, в какой мере этот фактор признавался египетским историком действенным для этого периода. Показательно, однако, что об инфильтрации чужеземцев как о важном симптоме бедствий Египта говорят описывающие I Переходный период египетские тексты («Пророчество Неферти» – рЕгм. 1116В. 32—33, 66—67; «Речение Ипувера» – см. отсылки к фрагментам источника: [Ильин-Томич, Сафронов, 2010, с. 17—18]). Подобная тенденция этой исторической концепции включает в себя косвенным образом и предостережение против вовлечения Египта в активные контакты с окружающим миром, в I тыс. до н.э. как правило приносивших египтянам неудачи (ср. [Банщикова, 2015, с. 132]). По-видимому, для Манефона и тем более для антимакедонской оппозиции естественным состоянием Египта представлялась его замкнутость в собственных границах, причем именно поддержание их нерушимости, а не преходящая экспансия вовне считалось наиболее насущной задачей его внешней политики. В начале птолемеевского времени, когда и протекала деятельность Манефона, такая «изоляционистская» концепция могла быть полезным обоснованием правомерности отделения владений Птолемеев от мировой державы Александра и последовавшей за этим конфронтации с Селевкидами. Однако на этапе создания «Оракула горшечника» ее идейное содержание обратилось против самого македонского присутствия в Египте.

Таблица 1.1. Цари XVIII династии Манефона.

№	Цитата Иосифа Флавия (<i>Manetho. Frg. 42</i> = <i>Ios. C.Ap. I.14, §§ 73—92</i> : описание поражения гиксосов, <i>frg. 50</i> = <i>I.15—16, §§ 93—105</i> : перечисление царей XVIII и начала XIX династии)	Феофил (<i>Manetho. Frg. 51</i> = <i>Theophil. Ad Autol. III. 19</i>)	Синкелл, согласно Африкану (<i>Manetho. Frg. 52</i>)	Синкелл, согласно Евсевию (<i>Manetho. Frg. 53a</i>)	Армянская версия Евсевия (<i>Manetho. Frg. 53b</i>)	«Книга Сотис» [<i>Manetho, 1980, p. 241—245</i>]	Исторические соответствия (см., помимо основного текста § 1.3.2: [Helck, 1956, S. 41—44; Redford, 1986, p. 242—252; Beckerath, 1997, S. 134—137])
0.	Μισφραγμούθωσις, (нанес поражение гиксосам и вытеснил их в Аварис; <i>frg. 42</i>)						Камос
1.	Асс. Θούμμωσιν (осадил Аварис и добился ухода гиксосов из Египта; <i>frg. 42</i>) Τέθμωσις, 25 л. 4 мес. (изгнал гиксосов из Египта)	Τέθμωσις, 25 л. 4 мес. (при нем евреи были изгнаны из Египта)	Ἀμώς, без указания лет (считается, что при нем Моисей вышел из Египта, но по исчислению Синкелла, он еще был слишком «юн»)	Ἄμωσις, 25 л. Утверждение (согласно Синкеллу, одного Евсевия), что в это время произошел Исход.	<i>Amoses, 25 л.</i>	Ἄμωσις ὁ καὶ Τέθμωσις, 26 л.	Яхмос I

2	Χέβρων, 13 л.	Χεβρῶν, 13 л.	Хеврῶς, 13 л.	Χεβρών, 13 л.	<i>Chebron</i> , 13 л.	Χεβρών, 13 л.	Тутмос II (ᜪ- <i>hpr.n-Rᜪ</i>)
3	Ἀμένωφис, 20 л. 7 мес.	Ἀμένωφис, 20 л. 7 мес.	Ἀμενωφθίς, 24 г. (21 г., исходя из указания в связи с Мисфрагмутосисо м, сводной цифры в 69 лет?)	Ἀμμενῶφис, 21 г.	<i>Amophis</i> , 21 г.	Ἀμεμφίς, 15 л.	Аменхотеп I
4	Ἀμεσσίς, 21 г. 9 мес.	Ἀμέσση, 21 г. 1 мес. (сестра предыдущего)	Ἀμενσίς, 22 г.	-	-	Ἀμενοῆς, 11 л.	Хатшепсут
5	Μήφρης, 12 л. 9 мес.	Μήφρης, 12 л. 9 мес.	Μίσαφρις, 13 л.	Μίφρης, 12 л.	<i>Memphres</i> , 12 л.	Μισφραγμούθω σις, 16 л.	Тутмос III (<i>Mn- hpr-Rᜪ</i> , <i>Mn-hpr-Rᜪ</i> <i>Dḥwty-ms-sw</i>)
6	Μηφραμούθωσι ς, 25 л. 10 мес.	Μηφραμούθ ωσις, 20 л. 10 мес.	Μισφραγμούθω σις, 26 л. (при нем произошел Девкалионов потоп). Суммирование лет «вплоть до правления Амосиса, который и Μισφραγмутосис» (ἐπὶ Ἀμώσεως τοῦ καὶ Μισφραγμουθῶ σεως ἀρχῆς) – 69 л.	Μισφραγμούθωσι ς, 26 л. «Всего от Амосиса, первого царя настоящей восемнадцатой династии, до правления Μισфрагмутосиса, согласно Евсевию, стало 71 год, и пять царей вместо шести: ведь он пропускает Аменсиса, которого упоминают Африкан и другие, и отбрасывает его 22 года».	<i>Mispharmutosis</i> , 26 л.	Μισφρής, 23 г.	Тутмос III (<i>Mn- hpr-Rᜪ</i> <i>Dḥwty-ms- sw</i> , <i>Mn-hpr-Rᜪ</i>)
7	Θυῶσις, 9 л.	Τυθμώσης, 9 л.	Τούθμωσις, 9 л.	Τούθμωσις, 9 л.	<i>Tuthmosis</i> , 9 л.	Τούθμωσις, 39 л.	Тутмос IV

	8 мес.	8 мес.					
8	Ἀμένωφισ, 30 л. 10 мес.	Ἀμένωφис, 30 л. 10 мес.	Ἀμενωφис, 31 г.	Ἀμένωφис, 31 г.	<i>Amenophis</i> , 31 г.	Ἀμενωφθис, 34 г.	Аменхотеп III
9	Ἵорос, 36 л. 5 мес.	Ἵорос, 36 л. 5 мес.	Ἵорос, 37 л.	Ἵорос, 36 или 38 л.	<i>Orus</i> , 28 л.	Ἵорос, 48 л.	Аменхотеп III? Эхнатон? (<i>Nfr-hprw-R^c w^c-n-R^c</i>)
10	Ἀκεγχήρης, дочь предыдущего (frg. 50), 12 л. 1 мес.	Ἀκεγχερής, дочь предыдущего, 12 л. 1 мес.	Ἀχερρής, 32 г.	Ἀχενхέρσης, 12 л.	-	Ἀχεγχερής, 25 л.	Эхнатон? (<i>3h-n-Itn</i> , <i>Nfr-hprw-R^c</i> ; <i>p3-hrw</i> «враг») Анхесенамон?
11	Ῥάθωτις, 9 л.	Ῥαθῶτις, 9 л.	Ῥαθῶς, 6 л.	Ἀθωρις, 39 (или 9?) л.	-	Ἀθωρίς, 29 л.	Сменхкара? (<i>Dsr-hprw-R^c</i>) Тутанхамон? (<i>Twt-^cnh-Imn</i>)
12	Ἀκεγχήρης, сын предыдущего (frg. 50), 12 л. 5 мес.	Ἀκεγχερής, 12 л. 5 мес.	Χεβρής, 12 л.	Κενхέρης, 16 л. («Около этого времени Моисей вывел из Египта евреев.» Синкелл добавляет: «Только Евсевий сообщает об Исходе евреев под водительством Моисея при этом (царе), хотя, как он свидетельствует, ничье свидетельство не подтверждает это, а все его предшественники говорят противное»)	<i>Achencheres</i> , 16 л. («Во время этого (царя) Моисей поставил себя вождем евреев, выходивших из Египта»)	Χεγχερής, 26 л.	Тутанхамон (<i>Nb-hprw-R^c</i>)
13	Ἀκεγχερής ἕτερος, 12 л. 3 мес.	Ἀκεγχήρης, 12 л. 3 мес.	Ἀχερρής, 12 л.	Ἀχερρής, 8 л.	<i>Acherres</i> , 8 л.	Ἀχερρής, 8 или 30 л.	Эхнатон? Эйе? (<i>Hpr-hprw-R^c ir-n-m3^ct</i>)

13a				Χερρῆς, 15 л.	<i>Cherres</i> , 15 л.		Удвоение предыдущего?
14	Ἄρμαϊς, 4 г. 1 мес.	Ἄρμαϊς, 4 г. 1 мес.	Ἀρμεσίς, 5 л.	Ἄρμαϊς ὁ καὶ Δαναός, 5 л.	<i>Armaïs, qui et Danaus</i> , 5 л.	Ἀρμαῖος ὁ καὶ Δαναός, 9 л.	Хоремхеб
15	Ῥαμέσσης, 1 г. 4 мес.	Ῥαμέσσης, 1 г. 4 мес.	Ῥαμεσσῆς, 1 г.	-	-	-	Рамсес I и Сети I
16	Ἀρμέσσης Μιαμοῦν, 66 л. 2 мес.	Ῥαμέσσης Μιαμμού, 66 л. 2 мес.	-	Ῥαμεσσῆς ὁ καὶ Αἴγυπτος, 68 л.	<i>Ramesses, qui et Aegyptus</i> , 68 л.	Ῥαμεσσῆς ὁ καὶ Αἴγυπτος, 68 л.	Рамсес II
17	Ἀμένωφис, 19 л. 6 мес.	Ἀμένωφис, 19 л. 6 мес.	Ἀμενωφάθ, 19 лет	Ἀμμένωφис, 40 лет	<i>Amenophis</i> , 40 л.	Ἀμένωφис, 8 л.	Мернептах
<i>Итого</i> :							
<i>в тради ции</i>	Иосиф Флавий подводит округленный итог в 393 г. (Frg. 54 = <i>Ios. C.Ap. I.26.</i> § 231) явно вместе с царствованием Сетоса, брата Гермея (59 л.; см. табл. 2)	-	263 (при округлении царствования Аменофата до 20 лет?)	348	348 л.	-	
<i>арифм етиче ски</i>	332 г. 5 мес.	327 л. 4 мес.	262 г. – без первого царствования Амоса, с ним (округленно 25 или 26 л., согласно другим свидетельствам) было бы 287 или 288 л.	Варианты, с учетами разночтений в царствованиях Ора и Аториса – 346, 348 (с принятием царствования Ора за 38 л., Аториса – за 9 л.), 376, 378 л.	317 л.	398 или 420 л.	

Таблица 1.2. Цари XIX династии Манефона.

№	Цитата Иосифа Флавия (<i>Manetho. Frg. 50 = Ios. C.Ap. I.15—16, §§ 93—105</i> : перечисление царей XVIII и начала XIX династии, <i>frg. 54 = I.26—31, §§ 227—287</i> : сюжет об Аменофисе и прокаженных и о втором владычестве гиксосов)	Синкелл, согласно Африкану (<i>Manetho. Frg. 55</i>)	Синкелл, согласно Африкану (<i>Manetho. Frg. 56a</i>)	Армянская версия Евсевия (<i>Manetho. Frg. 56b</i>)	Исторические соответствия (см., помимо основного текста § 1.3.2: [Ладынин, Немировский, 2001(1), с. 92; Ладынин, 2009(3), с. 171])
1	Σέθως ὁ καὶ Ραμέσσης, также просто Σέθως, или Αἴγυπτος (§ 102, 231), 59 лет.	Σέθως, 51 г.	Σέθως, 55 л.	<i>Sethos</i> , 55 л.	Сети II
1a	Ἄρμαῖς, или Δαναός (§ 102; § 232: Gen. Ἐρμαίου, Асс. Ἐρμαίου Δαναόν; только у Флавия; младший соправитель предыдущего, видимо, дублирует первого Армаиса; см. табл. 1).				
2	Ῥάμψης, 66 л.	Ῥαψάκης, 61 или 66 л.	Ῥαμψής, 66 л.	<i>Rampses</i> , 66 л.	Ложная интерполяция – реплика формы имени Саптаха до его Года 3 <i>R^c-ms-sw Z3-Pth</i> как самостоятельного царствования, с перенесением на него продолжительности

					царствования Рамсеса II).
3	Ἀμένωφις, сын которого – Асс. τὸν δὲ υἱὸν Σέθων τὸν καὶ Ῥαμέσσην - не тождествен упомянутому в династической последовательности выше.	Ἀμμενέφθης, 20 л.	Ἀμμενεφθίς, 40 л.	<i>Amenephtis</i> , 8 л.	Саптах (форма имени с Года 3 <i>Mry.n-Pth Z3-Pth</i>)
3а		Ῥαμεσσῆς, 60 л. (только у Синкелла, согласно Африкану)			Ложная интерполяция Африкана, в соответствии с предполагаемым царствованием сына Аменофиса, согласно сюжету о прокаженных и втором владычестве гиксосов.
4		Ἀμμενεμνῆς, 5 л.	Ἀμμενέμης, 26 л.	<i>Ammenemes</i> , 26 л.	Аменмессу
5		Θούωρις, 7 л.	Θούωρις, 7 л.	<i>Thuoris</i> , 7 л.	Таусерт
<i>Итого:</i>					
<i>в традиции</i>	-	209 л. (при этом Африкан говорит о семи царях этой династии, приводя имена только шести)	194 г.	194 г.	
<i>арифметически</i>	Не устанавливается, ввиду неполноты списка	204 г. или 209 л.	194 г.	162 г.	

ГЛАВА 2. ОФОРМЛЕНИЕ ВЛАСТИ ЦАРЕЙ ДОМА АРГЕАДОВ И САТРАПА ПТОЛЕМЕЯ В ЕГИПТЕ В КАТЕГОРИЯХ ЕГО ТРАДИЦИОННОЙ ИДЕОЛОГИИ

2.1. *Египет при Аргеадах (332—305/4 гг. до н.э.): основные исторические события*

Цель настоящего раздела состоит в том, чтобы дать характеристику основным событиям политической истории Египта начала македонского времени, а также значимым в ее контексте векам в становлении эллинистической ойкумены, которые формируют фон явлений мировоззрения египтян, рассматриваемых в нашей работе. Не обращаясь к нюансам полемики по сложным вопросам фактографии и хронологии данного периода (см. в целом: [Voüy, 2007; Meuss, 2012]), мы постараемся охарактеризовать достигнутые их решения в той мере, в какой они существенны для нашего исследования, чтобы опираться на них в дальнейшем.

Предысторией времени Аргеадов в Египте является период второго персидского владычества (см. также главу 4, § 4.1), положившего конец независимости страны под властью ее собственных правителей, обладавших сакральным статусом. В 343 г. до н.э. в Египет вторгся во главе своих войск, включавших большое число греческих наемников, Артаксеркс III (*Diod. XVI. 40—51*) [Тураев, 1935, т. 2, с. 158—161; Briant, 1996, р. 704—706]¹. Возможно, после этого в течение некоторого времени последнему египетскому царю XXX династии Нектанебу II удавалось поддерживать существование некоего политического образования под его властью на юге Египта, но нет сомнений, что в течение года или двух лет пало и оно [Ladynin, 2010]. В середине 330-х гг. до н.э., очевидно, в период внутренних неурядиц в Персии между убийством Артаксеркса III Багом в августе-сентябре 338 г. до н.э. [Briant, 1996, р. 709] и вступлением на престол Дария III в конце 336 – начале 335 г. до н.э. [Briant, 1996, р. 796, 1060], Египет по меньшей мере на два года вернул себе независимость под царской властью некоего Хаббаша (см. подробно о памятниках его времени настоящую главу, § 2.3.2, «“Стела сатрапа”»: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «г»). Однако затем Египет вновь вернулся под персидскую власть царя Дария III и его наместников сатрапов Сабака, погибшего в битве при Иссе [Heskel, 2006, р. 246], и Мазака, встретившего в Египте Александра Великого [Heskel, 2006, р. 156]. В 332 г. до н.э. попытку захватить власть над Египтом предпринял македонянин Аминта, до битвы при Иссе состоявший на персидской службе. Однако, несмотря на

¹ Мы воздерживаемся от разбора мнения Л. Депюйдта (спорного, как и ряд других его исторических и хронологических интерпретаций) о датировке завоевания Египта Артаксерксом III 340—339 гг. до н.э. [Ancient Egyptian Chronology, 2006, р. 269—270; Depuydt, 2010].

первоначальный энтузиазм египтян по поводу этой возможности избавиться от персидской власти², его постигла неудача, когда, при нападении на Мемфис, его отряд предался безудержному грабежу [Heckel, 2006, p. 23—24]. По-видимому, события короткого царствования Хаббаша, несомненно, отмеченные столкновениями между египтянами и персами, а далее вторжения Аминты и породили ощущение смуты и внутреннего беспорядка в Египте накануне македонского времени, сказавшееся, в частности, в «Большой автобиографической надписи» Петосириса в его гробнице (см. главу 3, § 3.4.1).

Вступление в Египет Александра Великого произошло, судя по всему, в ноябре 332 г. до н.э.³ С этим месяцем Я. Зайберт соотносит финал двухмесячной осады Газы, предшествовавшей вступлению в Египет [Seibert, 1985, S. 83, Anm. 29]. Расстояние от Газы до Пелусия Александр преодолел в течение семи дней (*Curt.* IV.7.2; *Arr. Anab.* III.1.1) [Seibert, 1985, S. 85]. Крепость Пелусий, прикрывавшая Восточную Дельту и считавшаяся неприступной, не оказала Александру сопротивления (*Curt.* IV.7.1—2; *Diod.* XVII.49.2; *Arr. Anab.* III.1.1; см. оценку свидетельств Курция Руфа и Диодора, согласно которым египтяне приветствовали Александра в Пелусии как освободителя, в главе 4, § 4.1.1, 4.4)⁴. О темпах продвижения Александра от

² Характеристика, которую в этой связи получили египтяне и которая резко контрастирует с хорошо известным их обычным отношением к государственности: «народ пустой и более склонный к переворотам, чем к твердому управлению» (пер. В.С. Соколова и А.Ч. Козаржевского ред. О.В. Смыки по: [Курций Руф, 1993, с. 49]; *Curt.* IV. 1.30: *Aegyptii, vana gens et novandis quam gerendis aptior rebus*), — хорошо соответствует ситуации, в которой едва ли не любая власть, составляющая альтернативу персидскому владычеству, представлялась им привлекательной.

³ В изложении событий времени Александра Великого мы, если не оговариваем специально иначе, ориентируемся на следующие общие работы: [Bosworth, 1988, p. 68—74; Hölbl, 2001, p. 9—12; Huss, 2001, S. 55—78; Nawotka, 2010, p. 198—212]. Ниже мы даем отсылки только к наиболее важным фрагментам античных источников, имея в виду, что их исчерпывающая сводка доступна в указанных работах.

⁴ В IV в. до н.э. Пелусий, вероятно, при участии греческих фортификаторов был превращен в самый укрепленный опорный пункт на востоке Дельты. Судя по тому, что в 374 г. до н. э. персы так и не смогли его взять и были вынуждены вторгнуться в Египет через мендесское устье Нила (*Diod.* XV.42.2-4), а в 343 г. Пелусий был сдан греческими наемниками лишь в безнадежной ситуации и на почетных условиях (*id.* XVI.49.2-4), эта крепость могла с успехом выдержать осаду численно превосходящего противника. О крайней трудности штурма Пелусия с моря красноречиво свидетельствуют сообщения о том, что в 306 г. до н.э. его укрепления предотвратили высадку в Египте войск Антигона (*Diod.* XX.76.4), а в 219 г. до н.э. одно известие о дополнительном усилении крепости Птоломеем IV заставило Антиоха III отказаться от плана морского вторжения в Египет (*Polyb.* V.62.4-5). На фоне данных об исключительной укрепленности Пелусия необычайная легкость, с которой он, согласно античным авторам, был занят Александром, заставляет прийти к выводу о том, что его сдача без сопротивления могла иметь место лишь по инициативе его защитников [Bosworth, 1980, p. 261-262]. Стоит обратить внимание, что вторжение в Египет авантюриста Аминты с его не слишком многочисленными приверженцами за несколько месяцев до Александра произошло тоже через Пелусий (*Curt.* IV.1.29). В нашем распоряжении нет прямых указаний источников о размещении в Пелусии в период второго персидского владычества в Египте (343-332 гг. до н.э.) персидского гарнизона, однако его наличие в этой крепости, учитывая ее военно-стратегическое значение, весьма вероятно. В то же время сдача этого гарнизона Александру скорее всего должна была быть обусловлена давлением со стороны местной

Пелусия к столице страны Мемфису источники умалчивают, однако не оставляют сомнения, что их единственным ограничителем была естественная скорость движения македонского войска по стране. В таком случае вступление Александра в Египет с высокой вероятностью пришлось на первый месяц (*3ht I*) нового египетского календарного года, продолжавшегося с 14 ноября 332 по 13 ноября 331 г. до н.э.. Подобное совпадение было, в конечном счете, случайностью, зависевшей от стечения обстоятельств предшествующего продвижения Александра по Восточному Средиземноморью (в частности от длительной осады Газы). Однако нельзя исключить, что такое совпадение могло быть истолковано в благоприятном для Александра смысле: так, египтяне были склонны приурочивать именно к Новому году ритуал коронации (см. коронационную надпись Хатшепсут, *Urk. IV. 261.8: ...rh.f nfr n h^cw n wpt-rnpt* «.../ибо/ знал он (Тутмос I, отец Хатшепсут – *И.Л.*) благоприятность воссияния в Новый год»). Соответственно, благодаря этому совпадению, фактически со вступления Александра в Египет началось исчисление Года 1 его царствования. Его Год 9, последний из зафиксированных в его памятниках (*p.dem.Strasbourg 1*), приходился на египетский 324/3 г. до н.э. и должен был быть оборван смертью царя в июне 323 г. до н.э. [*Pestman, 1967, p. 10—11*].

Вступив в Египет, Александр разместил в Пелусии македонский гарнизон (*Arr. Anab. III.1.3; Curt. IV.7.3*) и приказал кораблям подняться вверх по Нилу до Мемфиса (*Arr. Anab. ibid.; Itin. Alex. 48*). Сам он отправился вглубь страны, оставив справа от себя Пелусийское русло Нила, по направлению к Гелиополю: по словам Арриана, он занимал земли на своем пути, которые отдавали ему их жители (*Arr. Anab. III.1.3: ἐν δεξιᾷ ἔχων τὸν ποταμὸν τὸν Νεῖλον, καὶ ὅσα καθ' ὁδὸν χωρία ἐνδιδόντων τῶν ἐνοικοῦντων κατασχῶν διὰ τῆς ἐρήμου ἀφίκετο ἐς Ἠλιούπολιν*). Без сомнения, в данном фрагменте слово *χωρία* относится к номам Египта, через которые проходил путь македонского царя. В связи с этим стоит обратить внимание на сообщение «Романа об Александре» о том, что в каждом египетском городе навстречу Александру выходили жрецы местных богов с их изображениями в руках (*Hist. Alex. Magni, A. I.34.2: ὑπαντῶντες <δὲ> τῷ Ἀλεξάνδρῳ κατὰ πᾶσαν πόλιν οἱ προφῆται τοὺς ἰδίους θεοὺς κομίζοντες ἀνηγόρευον αὐτὸν νέον Σεσόγχωσιν κοσμοκράτορα*; см. подробно об этом источнике главу 5, § 5.5, о данном его сообщении главу 6, § 6.1). Весьма вероятно, что этот мотив «Романа...» восходит именно к реальным реминисценциям продвижения македонского царя по номам Египта. Примечательно, что как Арриан, сведения которого должны восходить в основном к произведениям об Александре

египетской элиты и населения, так как решение о полной капитуляции персидских сил в Египте было принято лишь на более позднем этапе продвижения греко-македонян вглубь страны.

Птолемя и Аристубула [Маринович, 1982, с. 60—61]⁵, так и близкий к нему «Итинерарий Александра» [Kubitschek, 1916; Bosworth, 1980, р. 38—39] специально отмечают посещение Александром Гелиополя (*Itin. Alex. ibid.: ipse per Heliopolim pedes eodem* (в Мемфис – *И.Л.*) *occursurus*), несомненно, в силу древности и религиозного значения этого храмового центра.

Из Гелиополя Александр Великий направился уже непосредственно в Мемфис – главный политический центр Египта этого времени. По-видимому, именно на пути македонского царя к Мемфису произошла его встреча с персидским сатрапом Египта Мазакком, который предпочел добровольно передать ему все денежные средства и прочее имущество Великого царя, бывшее в его распоряжении (*Curt. IV.7.4*). Согласно сообщению авторов «вульгаты»⁶, в Мемфисе Александр был занят решением ряда административных вопросов. Курций Руф говорит об административных решениях Александра дважды: он кратко упоминает о предпринятом им до посещения оазиса устройстве дел «таким образом, чтобы не изменить ничего из отеческих обычаев египтян» (*Curt. IV.7.5: conpositisque rebus ita ut nihil ex patrio Aegyptiorum more mutaret*), и затем возвращается к этой теме более подробно уже после описания посещения Александром оракула Аммона, называя ряд имен назначенных им должностных лиц (*id. 8.4—*

⁵ Согласно пояснению самого Арриана, в своем труде об Александре он следовал сведениям этих авторов, не противоречившим друг другу, а в случае противоречий между ними полагался на собственное суждение в том, что казалось ему достоверным (*Arr. Anab. Proem. 1—3*). В описании пребывания Александра в Египте Арриан оговорил сюжеты, в изложении которых он положился только на одного из этих авторов (на Аристубула в описании следования Александра к оазису Аммона через Паретоний и пустыню: *id. III.3.3—4*) и в которых он обнаружил между ними расхождения (в описании продигий, сопровождавших путь Александра к оазису Аммона: *id. 3.5—6*; в вопросе об обратном пути Александра из оазиса Сива в долину Нила: *id. 4.5*). Особое доверие Арриан питал к сведениям Птолемя – спутника и приближенного Александра, опытного военного и, наконец, царя, которому «лгать стыднее, чем кому другому» (*id. Proem. 2: ὅτι καὶ αὐτῷ βασιλεῖ ὄντι αἰσχρότερον ἢ τῷ ἄλλῳ ψεύσασθαι ἦν*). Подобная позиция Арриана содействовала представлению о Птолемее как об авторе чрезвычайно объективного исторического труда, которое, однако, как показал ряд наблюдений, оправдалось далеко не во всем и не исключало его тенденциозности в собственных интересах при изложении ряда эпизодов [Маринович, 1982, с. 30-31, 61].

⁶ Понятие «вульгаты» (восходящей к труду Клитарха Александрийского традиции, представленной XVII книгой «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, произведениями Курция Руфа и Помпея Трога, последнее из которых сохранилось в эпитоме Юстина) было введено еще в источниковедении конца XIX – начала XX вв. (см. с подробными отсылками к литературе: [Маринович, 1982, с. 33-35, 46 сл.]). С середины XX в. наметилась тенденция к его критике, принявшая наиболее явную и аргументированную форму в работе Н. Хэммонда [Hammond, 1983], в которой он показал несводимость произведений Диодора, Курция Руф и Юстина только к прототипу Клитарха. Для целого ряда их фрагментов обнаруживается по меньшей мере еще один сравнимый по значению с сочинением Клитарха прототип – произведение Диилла Афинского; кроме того, авторы «вульгаты» прибегают и к другим, менее значительным источникам (см. также [Маринович, 1990]). Вместе с тем работу Хэммонда вряд ли можно назвать в полном смысле слова опровержением теории Клитарховой «вульгаты», к которому стремился ее автор. В обрисованной им картине развития античной исторической традиции об Александре сочинение Клитарха остается одним из главных первоисточников, к которым восходит ряд сообщений всех трех рассматриваемых им авторов, в т.ч. описание пребывания Александра в Египте и его посещения Александром оазиса Сива [Hammond, 1983, р. 43, 99, 122]. Понятие «вульгаты» не ушло и из современных исследований источников по времени Александра [Zambrini, 2007, р. 216]. О вероятной датировке труда Клитарха см. главу 4, § 4.1.1, прим. 2.

5). В обоих случаях сообщениям Курция об организации македонским царем управления Египтом предшествуют упоминания о его намерении подняться вверх по Нилу во внутренние области Египта и даже в Эфиопию, причем в первом случае, до путешествия в оазис, это намерение якобы было осуществлено (id. 7.5: *A Memphi eodem flumine vectus ad interiora Aegypti penetrat*), а во втором – оставлено из-за недостатка времени (id. 8. 3—4: *Cupido, haud iniusta quidem, ceterum intempestiva, incesserat non interiora modo Aegypti, sed etiam Aethiopiam invisere; Memnonis Tithonique celebrata regia cognoscendae vetustatis avidum traheat paene extra terminos solis. Sed imminens bellum, cuius multo maior supererat moles, otiosae peregrinationi tempora exemerat*). По-видимому, эти фрагменты представляют собой «удвоенное» упоминание одного и того же эпизода; однако намерение Александра подняться вверх по Нилу если и не было апокрифическим, то, при насыщенности «программы» его пребывания в Египте, скорее всего осталось неосуществленным [Voss, 1993, p. 72]. Дважды – до и после описания путешествия Александра в оазис Аммона – упоминает об организации им управления Египтом Диодор (*Diod. XVII.49.2, 52.7*). Стоит заметить, что Арриан, давая в заключительной из глав «Анабасиса», посвященных пребыванию Александра в Египте наиболее подробное и не разбитое на две части описание его мероприятий по устройству управления страной (*Arr. Anab. III.5*; см. подробнее главу 3, § 3.3.1), не уточняет, были ли они предприняты до путешествия Александра в оазис Сива или уже после его возвращения оттуда в Мемфис. Вероятно, по крайней мере, некоторые из них должны относиться еще к первому пребыванию Александра в Мемфисе до посещения оазиса. При этом описание этого эпизода Аррианом, по сути дела, сводится к упоминанию о совершении Александром жертвоприношений ряду богов, включая Аписа, и об устройстве агонов с приглашением на них эллинских знаменитостей (id. 1.4) – т.е. о ритуалах, в которых проявилось его качество легитимного сакрального царя Египта и которые, возможно, включали и его коронацию согласно египетской традиции (см. подробнее настоящую главу, § 2.3.2), – а также о «трансляции» разворачивавшихся в Мемфисе событий в эллинский мир⁷.

⁷ А.Б. Босворт в своем комментарии к труду Арриана обратил внимание на то, что торжества с участием греческих мастеров Александр устраивал неоднократно, не только в Мемфисе, но и при праздновании занятия Финикии в 331 г. до н. э. (*Plut. Alex. 29*), в 324 г. до н. э. в Сузах во время знаменитого «массового бракосочетания» его приближенных и дочерей персидской знати (согласно сообщению Хареса Митиленского: *Athen. XII.538b-539a = FGrHist. 125. F. 4*), и чуть позже в Экбатанах в дни скорби по Гефестиону (*Arr. VII.14.10; Plut. Alex. 72*) [Bosworth, 1980, p. 262]. Создается впечатление, что Александр прибегал к услугам одной и той же «команды знаменитостей», включавшей, в частности, участвовавших в торжествах в Тире и в Сузах артистов Афинодора и Ликона из Скарфы. Согласно Плутарху, Афинодор – известнейший артист своего времени, победитель на состязаниях во время Дионисий в 342 и 329 гг. до н. э. и, возможно, на празднике Леней в 342 г. до н. э. [O'Connor, 1908, p. 73 ff.], – был оштрафован афинским полисом за то, что, участвуя в 331 г. до н. э. в торжествах Александра в Тире, пропустил Великие Дионисии (*Plut. Alex. 29*) [Hamilton, 1969, p. 76]. Очевидно, в данном случае карался не столько сакральный, сколько политический аспект проступка артиста – сотрудничество с Александром, кстати, уплатившим за Афинодора штраф.

Из Мемфиса с небольшим отрядом Александр отправился вниз по Нилу и вышел через Канопское русло Дельты, пройдя рядом с озером Мареотида, к морю (*Arr. Anab.* III.1.4—5; *Curt.* IV.7.9). Согласно Арриану, непосредственно после этого на перешейке между Мареотидой и морем была основана Александрия Египетская (*Arr. Anab.* III.1.5—2.2; см. в целом о сюжетах источников и о проблемах, связанных с основанием этого города: [Fraser, 1972, vol. 1, p. 3—7; vol. 2, p. 1—12; Grieb, 2014]). Плутарх, не описывая пути царя к морю, говорит об основании города во всяком случае до путешествия в оазис Аммона (*Plut. Alex.* 26.4—10). Напротив, авторы «вульгаты» единодушны в том, что Александрия была основана на обратном пути Александра из оазиса Сива (*Curt.* IV.8.1—2; *Diod.* XVII.52; *Iust.* XI.11.13). Считая, что общим прототипом сообщений авторов «вульгаты» было сочинение Клитарха Александрийского, ряд исследователей высказали предположение о сознательном введении им неверной датировки этого эпизода: как александриец, Клитарх должен был стремиться показать, что Александр основал его родной город уже в качестве признанного оракулом Аммона сына божества [Schwartz, 1896, Sp. 916; Jouguet, 1940, p. 196; Pearson, 1960, p. 162; Fraser, 1972, vol. 2, p. 3]. Характерным образом, считающие так исследователи исходят из справедливости сообщения Птолемея о возвращении Александра из оазиса Аммона в Мемфис не по морскому побережью, а прямым путем через пустыню (см. далее), что, конечно, исключало основание при этом Александрии. Вместе с тем в историографии представлено и мнение о достоверности свидетельства авторов «вульгаты» [Welles, 1962; Borza, 1967; Hamilton, 1969, p. 67]. Компромиссную позицию по данному вопросу занял А.Б. Босворт, допуская, что Александр принял решение об основании города на пути в оазис, но реальные связанные с этим действия произошли уже на обратном пути [Bosworth, 1976, p. 137—139; 1980, p. 263]. Думается, что решение этого вопроса совершенно справедливо связывается с датировкой основания Александрии 25 тибхи, содержащейся в «Романе об Александре» (*Hist. Alex. Magni*, A. I.32.10). В историографии представлены два возможных соответствия этой дате – 20 января, в соответствии с календарной системой римского времени, на которую могли ориентироваться кодификаторы «Романа...», и 7 апреля, в соответствии с реальным египетским календарем 331 г. до н.э. (см., с подробными отсылками к старой и новой литературе: [Grieb, 2014, S. 206]). Хотя именно вторая позиция значима в литературе последних десятилетий (см.: [Bosworth, 1988, p. 74; Nawotka, 2010, p. 207]), она не учитывает два момента, плохо совместимых с твердым настоящим «Романа...», как и собственно исторической традиции, о личном участии Александра в основании города. Во-первых, согласно Арриану, македонский царь покинул Египет в самом начале весны (*Arr. Anab.* III.6.1: Ἀλέξανδρος δὲ ἄμα τῷ ἤρῳ ὑποφαίνοντι ἐκ Μέμφιος ἤει ἐπὶ Φοινίκης). Во-вторых, выше мы уже упоминали

о штрафе, наложенном афинянами на артиста Афинодора за то, что в 331 г. до н.э. он, участвуя в торжествах Александра в Тире непосредственно после ухода царя из Египта (*Arr. ibid.*)⁸, пропустил Великие Дионисии (см. прим. 7), при том что это празднество приходилось на 8—15 элафеболиона, т.е. на конец марта – начало апреля [Hamilton, 1969, p. 76]. Как представляется, с учетом этих соображений отнесение основания Александрии ко времени до путешествия македонского царя в оазис Сива (и, в рамках интерпретации датировки, содержащейся в «Романе об Александре», очевидно, к 20 января 331 г. до н.э.) более правдоподобно.

Историки «вульгаты» сообщают о состоявшейся также в районе Мареотиды встрече Александра с послами Кирены, вручившими ему дары и заключившими с ним союз (*Curt. IV.7.6; Diod. XVII.49.3—4*). Затем Александр отправился (по уточнению Арриана, через Паретоний) в оазис Аммона (описание пути к оазису: *Curt. IV.7.10—15; Diod. XVII.49.4—6; Plut. Alex. 26.10—14; Arr. Anab. III.3.3—6*; описание оазиса: *Curt. id. 16—24; Diod. id. 50; Arr. id. 4*). Анализ описания античными авторами посещения Александром святилища Аммона в оазисе Сива не входит в наши задачи. Несомненно, что посещение Александром этого храмового центра, египетского по своей специфике [Kuhlmann, 1988; Bruhn, 2010], однако издавна известного в эллинском мире, и его признание именно там сыном Зевса-Аммона (Амона-Ра) были изначально рассчитаны на «ретрансляцию» этого представления, базового для системы его царского культа, в греко-македонскую среду (см. подробнее: [Ладынин, 2016 (2)]). Следует обратить внимание, что свидетельства о содержании предсказаний оракула Аммона Александру, восходящие непосредственно к Каллисфену и к традиции «вульгаты», различаются (см. подробнее настоящую главу, § 2.2.1); а стяженное сообщение Арриана (*Arr. Anab. III.4.5*) должно было, очевидно, закамуфлировать практическую идеологическую цель эпизода в оазисе. Как мы уже сказали, в античной традиции нет единого мнения о маршруте обратного пути Александра из оазиса Сива в Египет: если авторы традиции «вульгаты» (см. выше) и Аристобул считают, что он вновь шел той же дорогой, что по пути туда, то Птолемей утверждает, что македонский царь пошел прямо на Мемфис новым путем через пустыню «другой дорогой, на Мемфис» (*Ptolemaios. FGrHist. 138. F. 9; Aristoboulos. FGrHist. 139. F. 15 = Arr. Anab. III. 4. 5: ἀνέζηυξεν ἐπ' Αἰγύπτου, ὡς μὲν Ἀριστόβουλος λέγει, τὴν αὐτὴν ὀπίσω ὁδόν, ὡς δὲ Πτολεμαῖος ὁ Λάγου, ἄλλην εὐθεῖαν ὡς ἐπὶ Μέμφιν*). Подтверждением

⁸ А. Босворт считает, что появлению Александра в Тире предшествовала карательная экспедиция против «самаритов», убивших его наместника в Сирии Андромаха (*Curt. IV.8.9—10*) [Bosworth, 1980, p. 278]; однако по существу Курций Руф говорит не столько об отдельной экспедиции царя, сколько о его спешке в Восточное Средиземноморье с целью добиться выдачи виновных и расправиться с ними (см. также: [Seibert, 1985, S. 90]). Судя по всему, все действия Александра, описанные в *Curt. IV.8.11—16*, совершаются в одном и том же месте, и притом последний параграф этого пассажа достаточно отчетливо показывает, что это Тир; в таком случае, Тир был непосредственной целью движения Александра из Египта и согласно Курцию Руфу.

справедливости версии Птолемея, казалось бы, могла бы быть находка в оазисе Бахария памятника, несущего на себе египетскую титулатуру Александра и греческое посвящение от его имени «отцу Аммону»; однако мы придерживаемся мнения о фиктивности как этого памятника, так и данного сообщения Птолемея, весьма вероятно, сходного с ним по своей пропагандистской направленности (см. подробно главу 4, § 4.5). Возвращение Александра в Египет по тому маршруту, которым он шел и в оазис Сива, кажется все же более вероятным, как и оценка Я. Зайбертом вероятного времени его возвращения в Мемфис – февраль 331 г. до н.э. [Seibert, 1985, S. 86].

Согласно Арриану, после возвращения в Мемфис Александр принимал посольства со всей Греции, устроил торжественное шествие войска и греческие агоны и совершил жертвоприношение «Зевсу-Царю» (*Arr. Anab.* III.5.1—2: Εἰς Μέμφιν δὲ αὐτῷ πρεσβεῖαι τε πολλὰ ἐκ τῆς Ἑλλάδος ἦκον... ἐνταῦθα θύει τῷ Διὶ τῷ βασιλεῖ καὶ πομπεύει ξὺν τῇ στρατιᾷ ἐν τοῖς ὅπλοις καὶ ἀγῶνα ποιεῖ γυμνικὸν καὶ μουσικόν), в котором есть основания видеть египетский ритуал, адресованный, видимо, Амону-Ра [Bosworth, 1977, p. 55 (серьезный аргумент – наблюдение, что данным сочетанием имени и эпikleзы Арриан, как правило, обозначает негреческие божества); ср.: Ehrenberg, 1926, S. 41; Hölbl, 2001, p. 11]⁹. Сообщение о прибытии к Александру в Мемфис посольств содержится также в «Итинерарии Александра» (*Itin Alex.* 53: ...*Memphim redit quo sibi legationes Graecae convenerant*). По-видимому, оба эти известия коррелируются с приведенным Страбоном сообщением Каллисфена о том, что в это время в Мемфисе появляются посольства малоазийских оракулов в Бранхидах, Милете и Эритрее, сообщившие о чудесах, связанных с пребыванием Александра в этих городах, и подтвердившие его божественное происхождение (*Kallisthenes.* FGrHist. 124. F. 14a = *Strab.* XVII. 1. 43; см. также настоящую главу, § 2.2.1). Таким образом, намерение Александра «транслировать» максимально широко в эллинском мире обретенную в Египте идею своего богосыновства не вызывает сомнений. Вероятно, в соответствии с последовательностью изложения Арриана, на второе пребывание Александра в Мемфисе пришлось какие-то мероприятия по организации управления страной (см. выше), после чего (очевидно, очень скоро) македонский царь покинул Египет.

Как известно, после примерно четырех месяцев, проведенных в Египте (очевидно, с середины ноября 332 по середину марта 331 г. до н.э.), Александр Великий уже не возвращался в эту страну. Египет находился под управлением созданной им администрации, руководство

⁹ Вряд ли верное суждение по данному поводу принадлежит Э. Корнеманну и, с небольшой вариацией, В.В. Струве, полагавшим, что в данном фрагменте Арриана мы видим едва ли не первое упоминание культа Сараписа: [Kornemann, 1925, p. 239; Струве, 2003 (1), с. 118].

которой, изначально «распределенное» между несколькими лицами, в итоге фактически перешло к Клеомену из Навкратиса. Этот грек, родившийся в Египте, возглавил строительство Александрии, финансовую администрацию страны и в последующей традиции считался ответственным за всевозможные ущемления интересов египтян и в особенности их культов (см. главу 3, § 3.3). Административным центром Египта при этом остался Мемфис. Мы допускаем, что некоторые представители египетской элиты могли оказаться в определенных обстоятельствах при дворе македонского царя в Азии (см. там же, § 3.5), однако в целом Египет на протяжении царствования Александра оказался важной экономически и стратегически, однако не имеющей каких-то особенных привилегий областью его державы. В известном смысле Александр воспроизвел в Египте (как и в Вавилонии) практику предоставления этим древним странам статуса «царств личной унии» в составе межрегиональной державы (когда ее правитель принимал в них местный царский титул), которой придерживались Ахемениды, от Кира II до Дария I; однако, как и в ту эпоху, данное преимущество носило, по сути дела, сугубо моральный характер. Судя по ожесточенности египетской реакции на деятельность Клеомена, ни особый статус Египта, ни значимость его традиции в формировании в греко-македонской среде концепции царского культа Александра не повлияли на его намерение эксплуатировать эту страну так же, как и другие его владения.

Сразу после смерти Александра Великого в Вавилоне в июне 323 г. до н.э. Птолемей, сын Лага, до этого один из наиболее близких соратников Александра (его телохранитель, а затем полководец), бывший, весьма вероятно, не менее чем на десять лет старше самого царя (см. подробно: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.2, комм. «а»; см. в целом о нем: [Seibert, 1969; Ellis, 1994; Huss, 2001, S. 90—96; Heckel, 2006, p. 235—238]), предложил принципиально преобразовать управление державой Александра. По его мнению, следовало не обсуждать вопрос о его легитимном преемнике, а наделить властью совещание полководцев Александра, собирающихся у его трона и при этом правящих отдельными областями (*Curt.* X.6.15; *Iust.* XIII.2.11—12). Примечательно, что позднее, в 310-е гг. до н.э. к модели «посмертного царствования» Александра, «представленного» его трон и регалиями в особой палатке, превращенной в культовое место, прибегнул Эвмен (*Plut.* Eum. 13.3—4; *Diod.* XVIII. 61) [Anson, 2004, p. 150—152] (см. подробнее главу 5, § 5.2). Как известно, на совещании военачальников Александра в Вавилоне победило мнение о необходимости передачи царского статуса сразу двум наследникам – Филиппу Арридею, сводному брату Александра, и еще не родившемуся его сыну от Роксаны Александру (IV), который появился на свет не позднее сентября 323 г. до н.э. При этом реальные властные полномочия перешли к стратегу Европы Антипатру, простату (представителю царей в Европе) Кратеру и хилиарху (командующему

конницей) Пердикке, принявшему на себя полномочия военачальника и попечителя царской власти в державе в целом (см. также: [Hammond, Griffiths, 1988, p. 98—107; Hammond, 1989, p. 235—243; Meuss, 2009]). В этом качестве Пердикка предпринял распределение сатрапий между полководцами Александра, причем Птолемей получил Египет и прилегающие к нему с запада области (см. «“Стела сатрапа”»: перевод и комментарий», Экскурс 1; см. в целом об урегулировании после смерти Александра: *Diod.* XVIII.2—3; *Iust.* XIII.4; *Curt.* X.6—7, 10; *Arr. Succ.* 1.1—7; *Dexippus.* FGrHist. 100. F. 8 §1—7). Наконец, некоему Арридею [Heckel, 2006, p. 53] было поручено перевезти тело Александра в святилище Аммона в Египте и подготовить для этого погребальную повозку (*Diod.* XVIII.3.5; *Iust.* XIII.4.6; Юстин ошибочно говорит в этой связи о царе Арридее)¹⁰.

Таким образом, по решению Пердикки и полководцев Александра Птолемей в середине 323 г. до н.э. стал правителем Египта с титулом сатрапа и не позже ноября этого года прибыл в страну [Дройзен, 1893, с. 53, прим. 18; см. также, с разбором источников: Литвиненко, 1998, с. 156, прим. 25]. По-видимому, в роли агента центральной власти державы при нем должен был выступать назначенный его гипархом Клеомен из Навкратиса (см. отсылки к источникам в главе 3, § 3.3.1); однако, вступив в свои полномочия, Птолемей его казнил (*Paus.* I.6.3). Неясно в точности, когда именно это произошло и имело ли место сколько-нибудь долгое «сосуществование» этих двух наместников Египта. Очевидно, однако, что единоличным правителем Египта Птолемей стал не позднее весны 321 г. до н.э., когда в Мемфис был привезен захваченный им гроб с телом Александра. Возможно, как считал Ю.Н. Литвиненко, Птолемею пришлось столкнуться с сопротивлением Клеомена и брать Мемфис, воспользовавшись страгемой, подсказанной ему Состратом Книдским [Литвиненко, 1998]. Диодор Сицилийский, следующий в изложении событий времени диадохов за Иеронимом из Кардии, говорит о «добронравии» (ἐπιείκεια) Птолемея, начавшего по прибытии в Египет приобретать расположение множества людей и при этом, с помощью богатой казны, оставленной Клеоменом, формировать наемную армию (*Diod.* XVIII.14.1; cf. *Iust.* XIII.6.18—19; см.: [Литвиненко, 1998, с. 156—157]; см. об источниках XVIII—XIX книг Диодора: [Hornblower, 1981, p. 18—75; Кошеленко, 1982, с. 68—69; Marincola, 2007, p. 177]; см. о жесте Птолемея по отношению к египтянам, связанном с финансированием погребения Аписа, настоящую главу, § 2.3.2). Египетские документы начала сатрапии Птолемея, очевидно, начиная с середины 323 г. до н.э., датировались годами формального царствования Филиппа

¹⁰ См. в целом об эпохе диадохов (323—281 гг. до н.э.) и об истории Египта в это время: [Seibert, 1983; Hammond, Griffiths, 1988, p. 97—179; Hölbl, 2001, p. 14—20; Huss, 2001, S. 81—191; Anson, 2014]. Хронологию событий конца 320-х – 310-х гг. до н.э. мы приводим в соответствии со схемой Т. Бойи, представляющейся нам в целом обоснованной, хотя, вне сомнения, не снимающей все дискуссионные вопросы [Boiy, 2007].

Арридея, с предполагаемым ретроактивным отнесением к нему, согласно принципам летосчисления I тыс. до н.э., всего египетского 324/3 г. [Pestman, 1967, p. 10—11; cf. Beckerath, 1997, S. 10; Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 46]. В известном смысле такой принцип датировки расходился с признанием наследниками Александра Великого как Филиппа Арридея, так и его сына от Роксаны. Формально датировки годами только одного из этих царей соответствовали практике египетского летосчисления I тыс. до н.э., в котором датировки годами соправлений или двойные датировки неизвестны; кроме того, фактическим непосредственным преемником Александра был и в самом деле Филипп Арридей, коль скоро рождения Александра (IV) еще предстояло ожидать. Трудно сказать, имел ли в виду Птолемей, придерживаясь такого датировочного принципа, поставить под сомнение легитимный статус именно Александра (IV). Заметно, однако, что обоснование власти Филиппа Арридея в его титулатуре, по-видимому, выделяющей аспект устройства жизни Египта, и в программах храмового строительства времени его формального царствования в Египте (см. § 2.3.1) выглядит более полным и привязанным к предполагаемой миссии этого царя в Египте, чем в случае сына Роксаны.

Первые военные действия Птолемея в качестве сатрапа Египта (видимо, в 322 г. до н.э.) были направлены против спартанца Тиброна, пытавшегося установить свою власть над Киреной, отошедшей Птолемею, согласно решению диадохов в Вавилоне. Против Тиброна, по просьбе изгнанных им знатных киренцев, был отправлен военачальник Офелл, которому удалось захватить своего противника и установить контроль над областью Кирены (*Diod.* XVIII.19.2—21.9; *Arr. Succ.* 9.16—18; *Strab.* XVII.3.21; *Iust.* XIII.6.20, *Marmor Parium*, FGrHist. 239. В 10—11). Следующим, гораздо более ярким демаршем Птолемея в 321 г. до н.э. стало похищение наконец приготовленного погребального кортежа Александра Великого (*Diod.* XVIII.26—27). Трудно сказать, переменилось ли первоначальное намерение похоронить Александра в Египте или же сведения о нем вообще были плодом традиции, благожелательной к Птолемею, однако Пердикка принял решение отправить кортеж с телом Александра в Эги, в традиционное место погребения македонских царей (*Paus.* I.6.3; *Arr. Succ.* 9.25). Согласно Диодору, Птолемей принял тело Александра у Арридея, распорядившись кортежем, в Сирии (*Diod.* XVIII.28.2—3), однако Арриан констатирует, что это было сделано против воли Пердикки (*ibid.*), а Страбон прямо говорит, что Птолемей отбил тело Александра (правда, не у Арридея, а у Пердикки: *ibid.*). В итоге тело Александра было доставлено в Мемфис, а затем (вероятно, уже после провозглашения Птолемея царем) в ставшую столицей Александрию, где около 290—289 гг. до н.э. был учрежден сплавивший население Египта вокруг его македонских царей эпонимный культ Александра и его преемников Птолемеев (см.:

[Erskine, 2002; Ладынин, 2016 (1), с. 276—277, 290—291 (с отсылками к источникам)]. Действия Птолемея (в особенности захват тела Александра), который к тому же сумел установить дружественные отношения с Антипатром (*Diod. XVIII.14.2, 25.4*), сильно встревожили Пердикку, выступившего (видимо, весной 320 г. до н.э.) в поход на Египет с войском, в котором находились оба царя. Эта кампания, наряду с успешными действиями сторонника Пердикки Эвмена против Кратера в Малой Азии, составляет т.н. первую войну диадохов. Готовясь к отражению противника, Птолемей разместил во всех ключевых пунктах Египта гарнизоны и обеспечил себе лояльность войск. После неудачи штурма т.н. «Крепости верблюдов» и попытки переправиться через Нил и подступить к Мемфису Пердикка был убит собственными военачальниками (*Diod. XVIII.33—37; Arr. Succ. 9.28; Plut. Eum. 8.2—3; Iust. XIII.8.1—3*) [Seibert, 1969, S. 118—128; Heckel, 2006, p. 202; Anson, 2016].

Проявив почтение к царям (*Arr. Succ. I.29*), Птолемей, однако, не воспользовался возможностью стать при них опекуном и регентом (*Diod. XVIII.36.6*). На последовавшем совещании диадохов в Трипарадейсе в конце лета 320 г. до н.э. регентом державы был провозглашен Антипатр, начавший борьбу в Азии с Эвменом (вторая война диадохов – 319—315 гг. до н.э.), а Птолемей получил подтверждение своих полномочий сатрапа в Египте и власти над областью Кирены (*Diod. XVIII.39; Arr. Succ. 9.30—38*). Весной 319 г. до н.э. Антипатр вернулся с царями в Македонию и через некоторое время умер; после этого в 319—318 гг. до н.э. Птолемей захватил у сатрапа Лаомедонта Митиленского Сирию и Финикию (*Diod. XVIII. 43; App. Syr. 52; Marmor Parium, FGrHist. 239. В 12*), однако вскоре его вытеснил с этих территорий Эвмен (*Diod. XVIII.63.6; 73.2*). В ходе второй войны диадохов складывается альянс сына Антипатра Кассандра, сатрапа Вавилонии Селевка, сатрапа Фракии Лисимаха, стратега Азии Антигона и Птолемея против нового регента Полиперхона, опиравшегося на поддержку Олимпиады, и Эвмена. Осенью 317 г. до н.э. Олимпиада в Македонии приказала убить Филиппа Арридея и его супругу Адею-Эвридику (*Iust. XIV.14.5.10; Diod. XIX.11.4—7; Ael. Var. hist. XIII.36*), однако вскоре и сама была предана казни по приказу захватившего ее Кассандра, опиравшегося на поддержку войскового собрания (*Diod. XIX.51; Iust. XIV.6.6—12*). В Египте репликой этих событий стала смена формального царя и летосчисления по годам его царствования. Не позднее весны 316 г. до н.э. документы стали датироваться Годом 1 Александра (IV) (см. подробнее «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.1, комм. «а»), и данное летосчисление сохранялось вплоть до формального провозглашения Птолемея царем, т.е. и в течение нескольких лет после гибели Роксаны и ее сына (см. ниже).

Со времени захвата двора Олимпиады Кассандром в конце 317 г. до н.э. Александр (IV) и его мать находились в руках Кассандра. Однако после победы над Эвменом зимой 317—316

гг. поборником сохранения единства державы Аргеадов стал Антигон: в 316 г. он вынудил бежать из Вавилонии к Птолемею Селевка (*Diod. XIX.55.2—56.1*). Весной 315 г. до н.э. Птолемей, Селевк, Лисимах и Кассандр предъявили Антигону ультиматум, в котором потребовали признания их участия в предыдущей победе Антигона и передачи им ряда земель (в частности, Селевку – Месопотамии и Птолемею – Восточного Средиземноморья: *Diod. XIX.57.1; App. Syr. 53*; при этом Птолемей, видимо, еще с конца 320—х гг. поддерживал прочный союз с рядом правителей Кипра: *Arr. Succ. 10.6*). Началась третья война диадохов (315—311 гг. до н.э.), в которой самым ярким успехом Птолемея и Селевка стала победа над войсками сына Антигона Деметрия в битве при Газе осенью 312 г. до н.э. После нее Селевк смог занять на некоторое время Вавилонию, а Птолемей установил контроль над Палестиной, Финикией и, вероятно, частью Сирии (Северная Сирия и Киликия должны были остаться под контролем Деметрия). Завершение этой кампании в 311 г. до н.э. было неудачным для обоих союзников: Селевк вновь покинул Месопотамию, а полководец Птолемея Килл весной 311 г. до н.э. потерпел от Деметрия поражение, после чего Восточное Средиземноморье было занято превосходящими силами Антигона (*Diod. XIX. 80—85, 93—94*; см. о событиях этой кампании: [Seibert, 1969, S. 148—151; Winnicki, 1989, 1991]). Вместе с тем значение именно этого этапа в деятельности Птолемея и Селевка и в истории и официальной традиции основанных ими династий трудно переоценить. Именно с 312/11 г. до н.э. берут начало своего отсчета как хорошо известная «эра Селевкидов» [Bickerman, 1943, p. 74, n. 7—8; Бикерман, 1976, с. 66], так, по-видимому, и гораздо менее известная, но зафиксированная в одном из птолемеевских монетных типов «эра Лагидов», или «эра Сотера» [Ладынин, 2005 (3)]. Согласно Диодору, накануне вступления в Месопотамию при обращении Селевка к оракулу Бранхидов божество приветствовало его как «царя Селевка», а явившийся ему во сне Александр дал ему ясный знак о его грядущей власти (*Diod. XIX. 90.4*); в Египет якобы прилетел феникс в ознаменование нового этапа его истории (см. подробно главу 5, § 5.4). Наконец, примерно тогда же Птолемей перенес столицу Египта в Александрию, притом что подобная акция опять же ассоциировалась в египетских представлениях с началом новой эпохи (см. настоящую главу, § 2.4.2, «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», П.3.б, комм. «з»). Достаточно заметным и, безусловно, более успешным, чем кампания в Восточном Средиземноморье, свершением стало подавление восстания Кирены против власти Птолемея в 313—312 гг. до н.э. (см. подробно там же, Экскурс 1).

Очевидно, что идеологемы, порожденные этим временем, были признаны обозначить начало государственной самостоятельности владений Птолемея и Селевка в рамках эллинистической ойкумены: по сути дела, внятной заявкой на подобный статус владений

диadoхов был уже ультиматум, предъявленный Антигону его противниками в 315 г. до н.э. Мы помним, что широкая самостоятельность его владений составляла цель Птолемея еще со времен совещания наследников Александра после его смерти в Вавилоне. Однако возможность для ее реализации открылась лишь в 310-е гг. до н.э., после перенесения резиденции царей и регентов державы Аргеадов из ее естественного центра в Месопотамии и Западном Иране в Македонию и фактической ломки ее инфраструктуры, сложившейся при Александре. Характерным образом, практически открытое стремление Птолемея к самостоятельности с середины 310-х гг. до н.э. получило внятные реплики в его пропаганде в Египте, включающей в себя едва ли случайное умаление статуса формального царя. В царствование Александра (IV) прекращается строительная программа в Фивах, призванная выявлять сакральный статус царя и ведшаяся в царствования Александра Великого и Филиппа Арридея, и в храмовом строительстве, ведущемся в ряде местных центров, отсутствует какая-либо идеологическая концепция (см. настоящую главу, § 2.3.1). А в титулатуре Александра (IV), вероятно, составленной уже в начале его царствования, легко увидеть указание на то, что сакральная власть осуществляется не им в его личном качестве, а преимущественно получившим воплощение в нем божеством (см. настоящую главу, § 2.2.3).

К концу третьей войны диadoхов в 311 г. до н.э. сложилась ситуация, в которой Антигон со своим сыном Деметрием остались непобедимы для своих противников, но и сами не смогли их разгромить в их владениях (за исключением Селевка, осенью этого года переместившегося из Месопотамии в Западный Иран). Эта ситуация была скреплена осенью 311 г. [Voüy 2007, p. 65, 146, 150] мирным соглашением между участниками войны, за исключением «выбывшего из игры» после новой потери Вавилонии Селевка. Согласно его подробному изложению Диодором, Кассандр получал статус «стратега Европы» вплоть до совершеннолетия Александра (IV), Лисимах сохранял владения во Фракии, Птолемей – в Египте и прилегающих областях Африки, Антигон – ведущую роль в Азии, а полисы Греции признавались автономными (*Diod. XIX.105.1: ἐν δὲ ταύταις ἦν Κάσανδρον μὲν εἶναι στρατηγὸν τῆς Εὐρώπης, μέχρι ἂν Ἀλέξανδρος ὁ ἐκ Ῥωξάνης εἰς ἡλικίαν ἔλθῃ, καὶ Λυσίμαχον μὲν τῆς Θράκης κυριεύειν, Πτολεμαῖον δὲ τῆς Αἰγύπτου καὶ τῶν συνοριζουσῶν ταύτῃ πόλεων κατὰ τε τὴν Λιβύην καὶ τὴν Ἀραβίαν, Ἀντίγονον δὲ ἀφηγεῖσθαι τῆς Ἀσίας πάσης, τοὺς δὲ Ἕλληνας αὐτονόμους εἶναι*; см. в связи с последним пропагандистским условием: RC 1 = OGIS 5) [Simpson, 1954; Landucci Gattinoni, 1985]. Описательное и несколько обыденное повествование Диодора не должно затенять знаменательный факт: статус Кассандра и Антигона не предполагал их формального верховенства по отношению к другим диadoхам, а полномочия участников этого договора в их сферах влияния не имели ограничений ни по времени, ни по

объему. Очевидно, они становились полновластными хозяевами отданных областей, не имея только формального царского статуса. Закономерно, что как раз на этом этапе статус правителей-военачальников приобрел новую реплику в важнейшей из формул документального протокола – в датировках. В грекоязычном папирусе из Элефантины мы видим двойную датировку македонским месяцем дием 7-го года царствования Александра (IV), сына Александра Великого и Роксаны, и 14-м года сатрапии Птолемея (pEleph. 1, сткк. 1—2: *Ἀλεξάνδρου τοῦ Ἀλεξάνδρου βασιλεύοντος ἔτει ἑβδόμῳ, Πτολεμαίου σατραπεύοντος ἔτει τεσσαρεσκαίδεκάτῳ μηνὸς Δίου*¹¹). Уникальность этого документа не позволяет сказать, насколько подобный датировочный протокол был распространен в Египте; стоит, однако, обратить внимание, что, согласно вавилонской «Хронике диадохов», аналогичная система датировок была введена в 311 г. до н.э. в Месопотамии для клинописных документов Селевком (правда, оставшимся за бортом соглашения 311 г. до н.э.) [Grayson, 1975, p. 25, 115—119]¹². Похоже, что на данном этапе идея сочетания чисто формальной верховной власти царя-Аргеада в масштабе всей державы и полной фактической власти правителей-военачальников в землях, отданных им в управление, как говорится, носилась в воздухе, отвечая чаяниям большинства диадохов. Весьма вероятно, что такая идея предопределялась и некоторыми особенностями македонской царской власти. По мнению Н. Хэммонда, она носила ритуалистический характер, ее принадлежность дому Теменидов/Аргеадов связывалась с его происхождением от Геракла, а осуществление было сопряжено с функцией посредничества македонского царя между своим народом и богами [Hammond, 1989, p. 16—18, 21—24]. Соответственно, притязания на формальный царский статус со стороны кого-либо, не принадлежащего к царскому роду, были по меньшей мере крайне затруднены, и формирование для военачальников полновластного, но не царского статуса было наиболее простым способом удовлетворить их амбиции. Примечательно, что, по-видимому, его дополнением были попытки некоторых диадохов вступить в родство с царским родом. Можно привести по крайней мере два примера браков диадохов с женщинами из дома Аргеадов – женитьбу Пердикки на сестре Александра Клеопатре и Кассандра на дочери Филиппа II от фессалийки Никесиполиды Фессалоники. В 308

¹¹ Э. Гржибек соотносит эту датировку с 17 июля—15 августа 310 г. до н.э. [Grzybeck, 1990, p. 182 (Tab. II)].

¹² Мы пользуемся этим текстом в транслитерации и переводе Б. ван дер Спека (URL: http://www.livius.org/cg-cm/chronicles/bchp-diadochi/diadochi_01.html; дата обращения: 30.04.2017). «Год 7 Антигона военачальника... [Месяц 1, Селе]вк сказал следующее: “Год 7 Антиг[она военачальника как год 6 Александра, сына Александра] и Селевка военачальника вы будете считать”» (Verso, сткк. n'-4': [MU 7.KAM ^mAn-ti-gu-nu-su ^{lu}GAL.ERÍN.MEŠ ... ..] [.. ..] x x [.. ..] [BAL.RI ^dUTU.U]D./DU\A u BAL.RI ^dUTU.ŠU /šá\ BAR[?] [.. ..] .. ..] [^mSi-lu-uk]-ku iq-bi um-ma MU 7.KAM ^mAn-ti-g[u-nu-su^{lu} GAL.ERÍN.MEŠ MU 6.KAM ^mA-lik-sa-an-dar A-šú šá] /KI.MIN u\ ^mSi-lu-uk-ku^{lu}GAL ^{lu}ERÍN.MEŠ ŠID.MEŠ ITI S[IG₄ ... ..] .. ..]).

г. до н.э. из-за руки Клеопатры спорили трое диадохов – Птолемей, Лисимах и Антигон, и в итоге она была убита по приказу последнего из них, после того как отдала предпочтение Птолемею (см. сводки источников по данным эпизодам: [Hadley, 1964, p. 22, nn. 63—65; Carney, 2010]). В рамках египетской традиции стремление Птолемея к полновластию реализовывалось, разумеется, иначе. В «Стеле сатрапа» (см. настоящую главу, § 2.4.1, 2.4.2), а также, по-видимому, в менее значительном автобиографическом тексте «анонима из Баклии» (см. § 2.4.3), которые должны отражать восприятие сатрапа Египта после заключения мира 311 г. до н.э., мы видим перенесение на него многих топосов традиционной презентации легитимных царей, а также своеобразное «отщепление» от их сакрального статуса в пользу Птолемея отдельных компонентов (в частности, способности внушать врагу страх на поле боя). Похоже, что тенденция египетской пропаганды Птолемея в это время состояла в наращивании применительно к нему мотивов, ассоциирующихся с царским статусом, естественным результатом чего должно было, разумеется, быть его принятие.

Весьма вероятно, что фундаментальным препятствием к длительному сохранению режима, сложившегося в эллинистической ойкумене по условиям мира 311 г. до н.э., были не только противоречия между диадохами, но и опять же одна из черт македонской государственности – то, что царь должен был быть не только ритуалистом, но (при отсутствии к этому непреодолимых, как в случае с Арридеем, препятствий) и военачальником, опирающимся на поддержку военной знати и войскового собрания. Между тем к началу 300-х гг. до н.э. от возраста взрослого воина и, соответственно, полновластного правителя Александра (IV) отделял уже совсем незначительный срок; при этом его сводный брат – Геракл, сын Александра Великого и Барсины – был ещё старше, и в македонской элите существовали настроения, которые могли привести его на престол. По мнению Н. Хэммонда, Александр (IV) был убит Кассандром (спустя некоторое время после убийства по его же наущению Полиперхоном сына Барсины), по-видимому, около 309 г. до н.э. (см. с отсылками к источникам: [Hammond, Walbank, 1988, p. 164—167])¹³. Несомненно, это было сделано, чтобы исключить для диадохов (прежде всего, имевших своей базой Балканский полуостров) необходимость считаться с ограничениями, которые исходили бы от легитимного царя-Аргеада после его совершеннолетия. Показательно, однако, что после этого мы сталкиваемся со своеобразной

¹³ Н. Хэммонд полагал, что данное событие произошло не раньше лета и не позже осени 309 г. до н.э., т.е. в промежуток между появлением Полиперхона с Барсиной и Гераклом на границах Македонии и соглашением с ним Кассандра и четырнадцатилетием сына Роксаны – достижением им традиционного для Македонии возраста царских «пажей». Ср. с указанием Паросской хроники, датирующим это событие архонтством в Афинах Гиеромнемона, т.е. 310/309 г. до н.э.: *Marmor Parium*, FGrHist. 239. В 18. См. также мнение, согласно которому возвышение Геракла в качестве возможного престолонаследника могло иметь место после убийства сына Роксаны (также в пределах 310/9 г., в соответствии с указанием Паросской хроники; см. ниже): [Landucci Gattinoni, 2010, p. 117—118].

ситуацией «посмертного правления» сразу в ряде областей державы Аргеадов. В египетских и в месопотамских клинописных документах вплоть до 305—304 гг. до н.э. сохраняется фиктивное летоисчисление по годам царствования Александра (IV), что, по-видимому, избавляло фактических правителей этих земель от необходимости легитимировать свою власть иначе, чем исходящей от него санкцией [Samuel, 1962, p. 3; Pestman, 1967, p. 12—13; Scharrer, 1999, S. 99; Voüy, 2000; 2007, p. 22—37].

Мир 311 г. до н.э. должен был восприниматься Птолемеем как временный компромисс в том числе и потому, что он не обеспечил ему владений за пределами Африки. Вместе с тем уже в 311/10 г. до н.э. Кипр оказывается под властью стратега Менелая – брата Птолемея (*Marmor Parium*. FGGrHist. 239. В 17; *Diod.* XX.21.1—3). В 310 г. под предлогом принуждения Антигона к выполнению условия договора о свободе греческих полисов Птолемей ведет военные действия в Киликии (*Diod.* XX.19.3—5); в 309—308 гг. он старается создать свои опорные пункты на юго-западе Малой Азии (id. 27.1—2) [Bagnall, 1976, p. 89—91; Hölbl, 2001, p. 19, 31, n. 39], на Косе (id. 3; здесь рождается будущий Птолемей II Филадельф: *Marmor Parium*. FGGrHist. 239. В 19) и в Балканской Греции (*Diod.* XX.37.1—2; *Diog. Laert.* II.115). Тогда же наместник Кирены Офелл пытается начать войну против Карфагена в союзе с Агафоклом Сиракузским, но оказывается им казнен, и Кирена выпадает из-под власти Птолемея до конца 300-х гг. до н.э. (*Diod.* XX.40—43; *Paus.* I.6.8). В 306 г. до н.э. Деметрию удается нанести Птолемею тяжелое поражение в морской битве при Саламине Кипрском (*Diod.* XX.46—52; *Plut.* Dem. 15—16) [Hauben, 1976], после чего Кипр остается потерян для Птолемея до середины 290-х гг. В ноябре 306 г. Антигон и Деметрий планируют даже вторжение в Египет с востока через Пелусий, однако все же не решаются на него из-за укрепленности этого форпоста (см. наше прим. 4) и трудностей снабжения войска (*Diod.* XX.73—76; *Plut.* Dem. 19.1—3; *Paus.* I.6.6). Возможно, что именно под влиянием обстановки этого периода начала 300-х гг. до н.э., начавшегося с мира 311 г. до н.э., в течение которого Птолемей сохранил лишь минимум внешних владений и считался с возможностью вторжения в Египет, в пропаганде, адресованной его египетским подданным, усилились мотивы изоляционизма и презентации чужеземных государств и правителей как извечных врагов Египта (см. главу 4, § 4.1.3, 4.3.2, 4.3.3, 4.4).

Прямым следствием победы Антигона при Саламине стало то, что она побудила его преодолеть рубеж, до тех пор соблюдавшийся диадохами, и провозгласить себя царем, а своего сына Деметрия соправителем (*Diod.* XX.53.2; *Plut.* Dem. 18.1; *App.* Syr. 54; *Iust.* XV.2.10). Вслед за этим в течение, видимо, двух-трех лет царские титулы принимают его противники [Müller, 1973; Gruen, 1985]. Согласно исторической традиции, Птолемей был провозглашен царем его войском немедленно, в порядке реакции на демарш Антигона, соответственно, еще в

306 г. до н.э. (*Diod.* XX.53.3; *Plut.* Dem. 18.2; *App.* Ibid.; *Iust.* XV.2.11). Возможно, что в основе этих свидетельств лежит какой-то единый источник [Samuel, 1962, p. 8], причем его сведения соотносятся с данными рKöln 6.247 (фрагмента родосской истории: [Lehmann, 1988]). Вместе с тем «Паросская хроника» относит принятие Птолемеем царского титула к архонтству в Афинах Евксениппа, т.е. к периоду между 23 июля 305 г. и 11 июля 304 г. (*Marmor Parium.* FGrHist. 239. В 23), и аналогичные сведения можно найти у Евсевия [Samuel, 1962, p. 5; Anson, 2014, p. 184]. Египетские документы фиксируют датировки Годом 2 Птолемея в 304/3 г. до н.э. [Pestman, 1967, p. 12—13]; в таком случае его Год 1 должен приходиться на египетский год, продолжавшийся с 7 ноября 305 г. по 6 ноября 304 г., и тогда «перекрывающийся» период года архонтства Евксениппа и Года 1 Птолемея по египетскому летосчислению – это 7 ноября 305 г. – 11 июля 304 г. По мнению ряда исследователей, сведения о провозглашении Птолемея царем сразу в ответ на демарш Деметрия отражают принятие им титула βασιλεύς, не имевшее протокольных последствий, в то время как летосчисление его годами началось позднее [Lehmann, 1988, S. 1; Hölbl, 2001, p. 20]; вместе с тем возможно, что сведения исторической традиции ошибочны и недостоверны и Птолемей действительно был провозглашен царем позже [Gruen, 1985, p. 253]. Возможно, днем провозглашения царского статуса Птолемея была избрана очередная годовщина смерти Александра по македонскому календарю – 28 даисия, т.е. в рамках указанного периода 12 января 304 г. до н.э. [Grzybeck, 1990, p. 90, 96—97]. Вряд ли провозглашение Птолемея царем проводилось отдельно «для македонян и греков» и «для египтян»; трудно сказать, сопровождалось ли оно какими-то египетскими ритуалами (в частности, прошел ли Птолемей коронацию), однако достоверных свидетельств в пользу этого нет.

На этом событии история Египта под реальной или формальной властью первой из двух владевших им македонских династий – дома Аргеадов – завершается. Нам остается кратко рассмотреть ход событий внешнеполитической истории государства Птолемеев в конце IV и в первые десятилетия III в. до н.э. [Hölbl, 2001, p. 20—46; Huss, 2001, S. 192—331; Grainger, 2010], послуживших фоном для появления ряда идеологов, которые мы рассматриваем в нашей работе (см. главу 4, § 4.5, главу 6, § 6.4). В 301 г. до н.э., после гибели Антигона в ходе войны с новой коалицией его противников (четвертая война диадохов) в битве при Ипсе, Птолемей I получает часть его владений – Восточное Средиземноморье, за исключением его северной части (область, известную как Келесирия). Северную и центральную Сирию получил союзник Птолемея I Селевк I; этот район стал центром основанной им державы Селевкидов, а ее соприкосновение здесь с владениями Птолемеев стало одной из причин т.н. Сирийских войн между двумя державами. Другой их причиной стала борьба этих держав за земли и форпосты

на средиземноморском побережье Малой Азии: уже в 290-е гг. до н.э. Птолемей I вернул себе вблизи нее Кипр, а также захватил Памфилию, а в 280-е гг. стал протектором т.н. Союза несиотов («островитян»), объединившего полисы Киклад. Владения Птолемея за пределами Египта не составляли единого целого, но их сеть покрывала обширные морские пространства, причем связи с местными полисами подкреплялись частой помощью им со стороны царя.

О подробностях ряде войн между государствами Птолемеев и Селевкидов в III в. до н.э., в отсутствие восходящей к их дворам исторической традиции, мы знаем чрезвычайно мало. По-видимому, первой из таких войн была т.н. «война за сирийское наследство» (280—279 гг. до н.э.), вспыхнувшая между Птолемеем II и Антиохом I, преемником Селевка I, вскоре после смерти последнего (281 г. до н.э.). Вероятно, именно тогда, воспользовавшись переходной ситуацией в государстве Селевкидов, Птолемей II расширил свои владения в Малой Азии. Прямые и косвенные эпиграфические свидетельства птолемеевских власти и военного присутствия обнаруживаются после этого на о. Самос, в городах Западной Малой Азии Милете, Стратоникии, Амизоне, Галикарнассе; среди птолемеевских владений оказывается Киликия. По сути дела, возник своего рода «мост» между ядром владений Птолемеев – Восточным Средиземноморьем и Кипром – и их отдаленными форпостами в Эгейском бассейне (зона «несиотов»); однако, «построив» такой мост, царь Египта оказался перед необходимостью не только защищать его, но в ряде случаев и расширять свою экспансию. В 274—271 гг. до н.э. Птолемей II вновь вел с Антиохом I т.н. 1-ю Сирийскую войну: селевкидский царь готовился к вторжению в Египет, однако его сделали невозможным какие-то хозяйственные проблемы государства Селевкидов и разразившаяся эпидемия. Мир между Птолемеем II и Антиохом I в 271 г. до н.э. зафиксировал соотношение сил между ними, которое существовало до войны, однако не означал прекращения противоречий между ними. Вместе с тем в середине 270-х гг. до н.э. Птолемеи рассчитывали на дальнейшие успехи в противостоянии с Селевкидами и в расширении своего присутствия в Эгейском бассейне, в т.ч. на территории Греции: неслучайно в середине 270-х гг. до н.э. в их пропаганде исключительно важное место занимают мотивы ничем не ограниченной экспансии.

Во время т.н. Хремонидовой войны (267—261 гг. до н.э.) птолемеевское государство и Македония воевали в Эгеиде и на плацдармах в Греции, в т.ч. в Аттике. Несмотря на некоторые успехи в Эгеиде (приобретение контроля над Эфесом и, возможно, Лесбосом, Ферой, Кеосом, пунктами в Арголиде и на востоке Крита), Птолемею II не удалось создать в Греции систему сильных союзных городов, независимых от Македонии. Вскоре после этого началась 2-я Сирийская война, протекавшая опять же в основном в Эгеиде (260—254 гг. до н.э.): по ее итогам противник Птолемея II Антиох II Теос получает Ионию (с Эфесом и Милетом), о.

Самос, значительные территории на южном побережье Малой Азии в Киликии и Памфилии. Кроме того, в ходе этой войны Македонии, победившей птолемеевский флот при о. Кос в 258 г. до н.э., по-видимому, удастся лишить Птолемея опоры на Киклады (о. Андрос переходит к концу 250-х гг. до н.э. в руки Антигона Гоната). Именно на этом этапе выявились те естественные пределы экспансии государства Птолемеев, которые были заданы имевшимися у них ресурсами и практическими возможностями для эффективного ведения войны на удалении от центра их державы.

2.2. Египетские титулатуры царей дома Аргеадов

2.2.1. Хоровы имена Александра Великого: эволюция и значение

Как хорошо известно египтологам, в любую эпоху древнеегипетской истории традиционные царские титулатуры играли исключительную роль в самопрезентации и пропаганде их обладателей¹. Последовательность из пяти царских имён, точный порядок которых твёрдо определился в начале Среднего царства, составлялась при вступлении царя на престол, при этом каждое из первых четырёх имён, входивших в её состав, представляло собой определённого рода девиз, и в целом они провозглашали программу соответствующего царствования. Исключением из этого общего правила не были и те эпохи Позднего и греко-римского времени, когда Египет находился под властью чужеземцев, не имевших отношения к его собственной культурно-религиозной традиции. Традиционные титулатуры составлялись для первых двух персидских царей, владевших Египтом, — Камбиса II и Дария I, для царей македонских династий Аргеадов и Птолемеев и для римских императоров вплоть до Диоклетиана². Вместе с тем, можно достаточно определенно сказать, что смысл некоторых из этих титулов для египтян I тыс. до н.э. должен был быть уже туманен. Это относится в первую очередь к именам Обеих Владычиц и Хора Златого (см. об этом титуле: [Берлев, 1979, с. 41–59]), и в ряде случаев, с начала I тыс до н.э., эти имена отсутствуют у царей, легитимность власти которых в глазах самих египтян не должна была бы оспариваться (титулатуры ряда ливийских правителей: [Bonhême, 1987, p. 256—257]; титулатуры Камбиса и Дария I: [Blöbaum, 2006, S. 392–396]). Главные топосы царской сакральности в эту эпоху (как, на самом деле, и ранее) выражались тремя важнейшими титулами: Хоровым именем, описывавшим царя как временное земное вместилище бога неба и находящегося в нем солнца Хора [Большаков, 2000, с. 73–87]; т.н. «солнечным именем», которое вводилось титулом «царь Верхнего и Нижнего Египта» (см. подробнее, с отсылками к современной литературе: [Blöbaum, 2006, S. 62–70]), включало в себя компонент R^c и, видимо, описывало царя как вместилище особого божества, связанного по природе с солнечным богом, но все же существовавшего обособленно от него; и титулом «сын Ра», который предшествовал личному

¹ См. в целом о древнеегипетских царских титулатурах: [Beckerath, 1999, S. 1–33; Leprohon, 2013, p. 7–20]. Ниже общая информация об отдельных царских титулах дается по этим изданиям, если не оговорено иначе.

² См. титулатуры царей нубийской XXV и персидской XXVII династий: [Blöbaum, 2006, S. 313–327, 344–346]; царей династии Аргеадов: [Blöbaum, 2006, S. 419–428]; Птолемеев: [Beckerath, 1999, S. 234–247]; римских императоров: [Grenier, 1989].

имени и указывал, по буквальному своему смыслу, на физическое рождение царя от солнечного бога (см. подробнее об этих представлениях главу 1, § 1.1.1).

Хорошо известно, хотя, как правило, и не проговаривается специально, что первые три имени стандартной египетской царской титулатуры – Хорово имя, имя Обеих Владычиц и «золотое имя» – наиболее насыщены в концептуальном плане. Если личное имя царя бралось в готовом и стандартном виде из древнеегипетского ономастикона, часто сужаемого до традиции отдельного рода правителей, а имя *nsw-bity* конструировалось из ограниченного числа компонентов, часто уже имевших прецеденты в более ранних титулатурах, по довольно стереотипным моделям [Bonhême, 1987, p. 262; Beckerath, 1999, S. 22—23], то как раз создание первых трех царских титулов предполагало бóльшую степень свободы в формулировании девизов данного царствования идей и, соответственно, бóльшие возможности для идеологических новаций (хотя, разумеется, при этом могла происходить и апелляция к мотивам более ранних титулатур). При этом, как мы увидим в ходе нашего анализа (правда, на материале титулатур не Александра Великого, а его преемников из дома Аргеадов; см. настоящую главу, § 2.2.3), основную смысловую нагрузку на себя принимали Хоровы имена, а имена Обеих Владычиц и «золотые» скорее развивали и комментировали их содержание либо вводили в титулатуру дополнительные, менее существенные, оттенки.

Древнеегипетская царская титулатура Александра Великого хорошо известна и обсуждалась в литературе достаточно подробно (см. раздел «Степень изученности проблемы» во введении). Из традиционных пяти царских имён несомненные памятники времени Александра Великого в Египте фиксируют только три: Хорово имя; «солнечное имя» царя Верхнего и Нижнего Египта; и личное имя в сочетании с титулом «сын Ра» [Blöbaum, 2006, S. 419–423; Bosch-Puche, 2013; 2014 (2)]. Как отмечалось, отсутствие имён Обеих Владычиц и Хора Златого в его титулатуре не является для I тыс. до н.э. необычайной аномалией: в этом отношении естественной параллелью титулатуре Александра можно считать также трёхсоставную титулатуру Камбиса II, зафиксированную на стеле его Года 6 из мемфисского Серапеума [Posener, 1936, p. 35—36; Blöbaum, 2006, S. 392]. Признание этого Ахеменида легитимным царем Верхнего и Нижнего Египта, по меньшей мере, частью египетской элиты, как и его собственная заинтересованность в этом не подлежат сомнению [Posener, 1936, p. 1—26; Lloyd, 1982 (2)]; и три имени, составленные для него и для Александра, удостоверяют их сакральность в глазах египтян вполне надёжно. В написаниях «солнечного» и личного имён Александра есть определенная вариативность [Blöbaum, 2006, S. 421–422; Bosch-Puche, 2013, p. 142–154 (о «солнечном» имени Александра); 2014 (2), p. 89–98 (о личном имени Александра)]. Однако написания его личного имени всего лишь транскрибируют его греко-

македонскую форму при помощи иероглифических знаков³, а его «солнечное» имя известно лишь в одном варианте, хотя его чтение остается в некоторой степени дискуссионным (оно может быть прочитано либо *Stp.n-R^c Mry-Imn* «Избранный Ра, Любимый Амоном» [Beckerath, 1999, S. 232–233] либо *Mry-R^c Stp.n-Imn* «Любимый Ра, Избранный Амоном» [Meulenaere, 1991, p. 55—57]; см. подробно настоящую главу, § 2.2.4).

В отличие от этих титулов, Хорово имя Александра засвидетельствовано в Египте в двух вариантах, причём один из них в свою очередь распадается на три «субварианта», представляющие последовательные сокращения наиболее полного базового варианта. Все известные формы этого имени мы приводим в нижеследующей таблице:

Таблица 2.1. Хорово имя Александра Великого

№	Форма имени и перевод	Местонахождение
1.	<i>mk-Kmt</i> «Защищающий Египет / Защитник Египта» [Blöbaum, 2006, S. 419 (H1, H4); Bosch-Puche, 2013, p. 132 (I)]	Луксор, святилище процессионной барки Амона-Ра, восстановленное при Александре Великом: северный фасад (PM ² II. 147; LD IV. 4c) [Abd-el-Razig, 1984, S. 36, Taf. 10]; противоположные святилищу косяки входа в помещение Аменхотепа III, обновлявшиеся одновременно с возведением святилища (PM ² II. 136e—f) [Abd-el-Razig, 1984, S. 56; см. с детальной характеристикой: Bosch-Puche, 2014 (2), p. 64].
2а.	<i>ḥq3 qn tkn-ḥ3swt</i> («Властитель храбрый,	Карнак, святилище Тутмоса III Ахмену,

³ Как мы оговаривали во введении к работе, мы не видим необходимости специально подробно останавливаться на титулатуре Александра Великого в датировках современных ему демотических документов (см. раздел «Источниковая база работы»). Иератические и иероглифические документы и надписи с датировками годами Александра Великого немногочисленны: в стеле Vicheum 2 такая датировка его Годом 4 имеет более развернутую форму «при Величестве царя Верхнего [и Нижнего Египта Мерира Сетепенимене, сыне Ра Александре]» (см. подробно, главу 4, § 4.2), в перечне храмового инвентаря от Года 2 Александра из «дома Маат» в Фивах (возможно, храма Маат в Карнаке) [Jasnow, 1994] (см. главу 3, § 3.2, прим. 16) и в граффито Анхпахереда из Луксора (см. настоящий раздел, ниже) – более короткую форму «при Величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Александре». Полный перечень датированных текстов времени Аргеадов в Египте на сегодняшний день доступен на ресурсе Trismegistos (URL: <http://www.trismegistos.org/>; дата обращения: 30.04.2017).

	наступающий на чужеземные страны») [Blöbaum, 2006, S. 419 (H3); Bosch-Puche, 2013, p. 133 (II.2)]	помещение, восстановленное при Александре Великом, надпись (PM ² II. 119 (394a—d); Urk. II. 6.14).
2б.	<i>ḥqꜣ qn</i> («Властитель храбрый») [Blöbaum, 2006, S. 419 (H2, H5); Bosch-Puche, 2013, p. 133 (II.1)]	Карнак, святилище Тутмоса III Ахмену, помещение, восстановленное при Александре Великом, правая стена, сцена, изображающая Александра перед Амоном (PM ² II. 119 (396); LD IV. 3с); там же, задняя стена, сцена, изображающая Александра в сопровождении Хапи перед Амоном (PM ² II. 120 (397); LD IV. 3а). Гермополь, храм бога Тота, фасад (не сохранился, в соответствии с рисунком Дж.Г. Уилкинсона; PM. IV. 167) [Winter, 2005, S. 209, Abb. 2] (рисунок 2.4).
2в.	<i>qn</i> («Храбрый, храбрец») [Blöbaum, 2006, S. 419 (H7); Bosch-Puche, 2013, p. 133 (II.3)]	Гермополь, храм бога Тота, фрагмент архитрава [Bittel, Hermann, 1934, S. 37—38, Abb. 17a—b; Roeder, 1959, S. 300; Winter, 2005, S. 210. Abb. 3a—b] ⁴

Вариативность в формах Хорова имени Александра также нельзя считать чем-то необычным: она зафиксирована для разных царей египетской истории, начиная с Ментухотепа III, объединившего Египет в конце XXI в. до н.э., в финале I Переходного периода [Stock, 1949, S. 78–79; Gardiner, 1956; Arnold, 1969; Beckerath, 1982]. Небольшие вариации дополнительных эпитетов в Хоровых именах известны у большого числа царей, в т.ч., незадолго до Александра,

⁴ Помимо Хорова имени, на данном блоке присутствует «солнечное» имя *mry-R^c Stp.n-Imn* (см. ниже, § 2.2.4). М. Шово и Кр. Тьер обращают внимание, что данный титул, как и компонент *qn* в Хоровом имени, присутствуют также в титулатуре Птолемея I [Chauveau, Thiers, 2006, p. 391] (см. также ниже, § 2.2.3). На наш взгляд, наличие в Гермополе несомненных картушей с «солнечным» и личными именами Александра Великого [Winter, 2005, S. 212, Abb. 4], завершение строительства в Гермополе после Александра Великого, в царствование Филиппа Арридея (см. настоящую главу, § 2.3.1), а также отсутствие иных свидетельств строительства там в царствование Птолемея I (уже после принятия им царского титула в 305/4 г. до н.э.) [Arnold, 1999, p. 156], побуждают скорее считать вместе с публикаторами этого фрагмента, что он относится к царствованию Александра Великого.

у Нектанеба II [Blöbaum, 2006, S. 411]. Основная форма Хорова имени варьировалась в I тыс. до н.э. у Пианхи [Blöbaum, 2006, S. 366], Шебитку [Blöbaum, 2006, S. 371] и Неферита II [Blöbaum, 2006, S. 398]; Ф. Боск-Пуче добавляет к их числу Акориса [Bosch-Puche, 2013, p. 136, n. 20], но то, что он имеет в виду, — это не смена имени как таковая, а узурпация памятника его предшественника Псамуфа, на котором сохранилось начертание его имени [Blöbaum, 2006, S. 400, Anm. 84]. Распределение этих различных форм Хорова имени не было локальным (так, оба основных варианта Хорова имени Шабаки зафиксированы в Карнаке); следовательно, эта вариативность должна объясняться последовательными изменениями протокола на протяжении соответствующего царствования. Уместно задать вопрос, можно ли заметить подобную же эволюцию протокола Александра на его египетских памятниках?

Самым ранним из памятников Александра в Египта должно быть святилище барки Амона-Ра в Луксоре (PM² II. 324—326 (143—150) [Abd-el-Razig, 1984]; см. также настоящую главу, § 2.3.1). Изначально оно было возведено при Аменхотепе III (возможно, из дерева, с четырьмя опорными колоннами из камня [Arnold, 1999, p. 138, n. 6; 340]), но при Александре фактически собрано заново, как позволяют судить его ритуальные сцены, в которых представлен исключительно этот царь и при этом отсутствуют следы «переписывания» на него более ранних царских титулов. Граффито от имени жреца Анхпахереда на северо-восточной внешней стене двора Аменхотепа III в Луксорском храме (PM² II. 335 (219) [Abder-Razig, 1983, p. 211—218; Jansen-Winkel, 2013]; Рисунок 2.1; см. также главу 3, § 3.2) сообщает, что строительные работы в Луксоре начались под его руководством в 1 *3ht* I Года 1 Александра (стлб. 5: *ḥ3t-zp 1 1 tpy 3ht sw 1 hr ḥm (n) nsw-bity 3rksndrys*). Первый публикатор данного граффито⁵ М. Абд эр-Разиг читал в этом месте «Год 3» [Abder-Razig, 1983, p. 213]; однако к этому чтению внес коррективу К. Янсен-Винкельн [Jansen-Winkel, 2001 (1), S. 180; 2013, S. 2; 5, Komm. 12; Taf. II], и, согласно частному сообщению Ф. Боск-Пуче, видевшему данную надпись *in situ*, эта корректура надежна. Основываясь на ней, Ж. Горр предложил считать, что «Александр» в данном тексте — это Александр (IV), сын Александра Великого и Роксаны. Соответственно, работы, начатые под руководством Анхпахереда в *prt* II Года 4 Филиппа Арридея (датировка в стлб. 1 граффито, собственно, относящаяся ко времени его составления, — апрель—май 320 г. до н.э.; М. Абд эр-Разиг читал в данном случае *prt* I [Abder-Razig, 1983, p. 211—212], однако чтение Горра подтверждено последней публикацией граффито К. Янсен-Винкельна: [Jansen-Winkel, 2013, S. 2, Taf. II]), должны были завершиться в *3ht* I 1-го года Александра (IV) (ноябрь—декабрь 317 г. до н.э.) [Gorke, 2009 (1), p. 54—55]. Такая трактовка

⁵ Транскрипция этого текста, опубликованная Ж. Даресси [Daressy, 1893 (1), p. 33—34], носила чисто сигнальный характер; см. об истории его изучения: [Jansen-Winkel, 2013, S. 1, Anm. 7].

кажется нам уязвимой по причине того, что граффито Анхпахереда явно описывает его руководство сооружением весьма значимого объекта Луксорского храма. Однако при Александре (IV) никаких работ там не велось вовсе [Chauveau, Thiers, 2006, p. 395–396] (см. также настоящую главу, § 2.3.1), и думается, что этого достаточно, чтобы совершенно определенно соотнести имя «Александр» в данном граффито с Александром Великим. При этом датировка 1 *ḥt* I Года 1 Александра Великого соответствует 14 ноября 332 г. до н.э. и, в таком случае, приходится буквально на первый месяц пребывания Александра в Египте (см. настоящую главу, § 2.1)! Столь точная дата может, разумеется, быть и условной [Jansen-Winkel, 2013, S. 5. Komm. 12; Bosch-Puche, 2014 (2), p. 81–22. n. 152]; однако так или иначе она указывает на начало этих работ в первые месяцы Года 1 Александра, т.е. в начале египетского календарного года, соответствующего 332/1 г. до н.э.

М. Абд эль-Разиг считал, что граффито описывает возведение какой-то постройки в храме Аменхотепа III в Луксоре [Abder-Razig, 1983, p. 217], но из его слов не было ясно, имел ли он в виду святилище барки или какое-то другое сооружение. Несколько лет назад немецкая исследовательница Д. Шефер констатировала очень определенно, но без особой аргументации, что в граффито имеется в виду именно святилище барки [Schäfer, 2007, S. 59 (“ein Art Bauinschrift für das Alexandersanktuar”)]. А в совсем недавней подробной публикации текста граффито К. Янсен-Винкельн высказал серьезные сомнения по поводу того, что охарактеризованное в нём сооружение может быть одним из тех, что известны нам сегодня от времени Аргеадов в районе Фив [Jansen-Winkel, 2013, S. 9]. По его мнению, употреблённый в тексте термин «дом золота» (*pr-nbw*; стбб. 5, 9) не применим ни к святилищу барки в Луксоре, сооруженному при Александре, ни к святилищу барки в Карнаке, выстроенному уже после его смерти, в формальное царствование Филиппа Арридея (PM² II 99—102).

Рассмотрим, однако, свидетельства этой надписи более подробно. Согласно нему, в 1 *ḥt* I Года 1 Александра Анхпахеред заложил новое сооружение внутри «дома золота Аменопета» («протянул я шнур, распустил я веревку в доме золота Аменопета (следуют эпитеты этого божества)»; стлб. 5: *pd.i šs wh^c.i w3w3(t) m pr-nbw n 'Imn-Ḳpt...* [Jansen-Winkel, 2013, S. 2—3]). М. Абд эль-Разиг указал, что термин «дом золота» не обязательно обозначает сокровищницу, но может относиться и к помещению, где сохранялись части тела бога (Wb. I. 517.8–9)⁶. Святилище барки в Луксоре было предназначено для того, чтобы вмещать проявление Амона-Ра, прибывающее из Карнака во время праздника Опет [Bell, 1997, p. 158, 293, n. 101]: если обозначение «дом золота» действительно может относиться к

⁶ Данное словосочетание может служить обозначением маммизи — особого сооружения в египетских храмах Позднего и греко-римского времени, посвящённого рождению ребенка четы божеств. [Daumas, 1958, p. 348, n. 4; 514; Abder-Razig, 1983, p. 217].

вместилищу божественной плоти, то оно соответствует назначению этого сооружения⁷. Далее, Анхпахеред указывает измерения возведенного им сооружения (стлб. 6): его «высота» (т.е. длина: *k3w*) составила 11 «локтей бога» (*mḥ-ntr*; 577,5 см.)⁸; «глубина его под крышей» (т.е. высота: *mdw.f ḥr k3pw*) – 9 «локтей бога» (= 472,5 см.); а знаки, фиксирующие ширину (*wsh*) сооружения были прочитаны как 6½ «локтей бога» (= 341.25 см.) М. Абд эль-Разигом [Abder-Razig, 1983, p. 212–213] и как 5½ «локтей бога» (= 288.75 см.) К. Янсен-Винкельном [Jansen-Winkel, 2013, S. 2–3, Taf. III] (Рисунок 2.2)⁹.

Странным образом, исследователи граффито прошли мимо такой возможности к его интерпретации, как сравнение этих цифр с реальными измерениями святилища барки в Луксоре. Прежде чем попытаться его провести, стоит сделать два замечания. Во-первых, легко заметить, что Анхпахеред избегает в своих измерениях дробей: «поллоктя» появляется у него лишь тогда, когда он оказывается перед необходимостью привести точное измерение действительно очень небольшого отрезка. Во-вторых, определение им высоты святилища как «глубины его под крышей» ясно показывает, что он говорит о внутренних, а не о внешних размерах этого сооружения. Между тем, в святилище барки в Луксоре, возведенном Александром, имелось пустое пространство над крышей: по мнению М. Абд эль-Разига, оно могло использоваться каким-то образом при предсказаниях оракула [Abd-el-Razig, 1984, S. 9, Taf. III] (Рисунок 2.3). Таким образом, высота внутреннего помещения святилища была существенно ниже, чем его общая высота извне. С этими оговорками сравнение реальных размеров святилища Александра в Луксоре [Abd-el-Razig, 1984, Taf. I, III] с цифрами в граффито даст следующие результаты:

Длина: реальная – 600 см. (= 11.43 «локтей бога»); в граффито – 577.5 см. (с округлением в меньшую сторону до 11 «локтей бога»);

Ширина: реальная – 360 см. (= 6.86 «локтей бога»); в граффито, согласно чтению М. Абд эль-Разига, – 341.25 см.¹⁰ (с округлением в меньшую сторону до 6½ «локтей бога»);

⁷ М. Абд эль-Разиг читает в конце стлб. 6: *grḥ.f w3h(t) ʕ3t* «завершил он (переход повествования с 1 на 3 л., встречающийся в древнеегипетских автобиографиях) процессионное святилище храма» [Abder-Razig, 1983, p. 213, n. 15]. При такой трактовке использование восстановленного Анхпахередом помещения для хранения процессионной барки (весьма вероятно, при достижении ею Луксорского храма во время празднования Опета; см. выше) вырисовывалось бы вполне определенно; однако К. Янсен-Винкельн установил чтение данного фрагмента как *grḥ n w3h ʕ3t* («завершение укладывания камня») [Jansen-Winkel, 2013, S. 2–3].

⁸ См. об этой единице измерения, с библиографией: [Jansen-Winkel, 2013, S. 6, Komm. 17]. Один «локоть бога» составляет 52,5 см.: [Jansen-Winkel, 2013, S. 9, Anm. 12; Vleeming, 1980, Sp. 1209].

⁹ Восстановление М. Абд эль-Разига не кажется нам невозможным; см. приведенную в его публикации и в иллюстрациях к настоящей работе фотографию.

¹⁰ 288,75 см., согласно чтению К. Янсен-Винкельна (см. выше), хотя сопоставление, которое мы проводим сейчас, само по себе дает определенный аргумент в пользу более раннего чтения М. Абд эль-Разига.

Высота внутреннего помещения: реальная – 490 см. (= 9.33 «локтей бога»); в граффито – 472.5 см. (с округлением в меньшую сторону до 9 «локтей бога»).

В целом можно сказать, что приведенные в граффито Анхпахереда цифры соответствуют реальным измерениям святилища барки в Луксоре, возведенного при Александре, практически идеально, если допустить, что они округлены в меньшую сторону. Остается оценить правдоподобность еще одного указания граффито – о том, что работа в святилище была завершена к 9 *3ht* II того же Года 1 Александра (к 23 декабря 332 г. до н.э.), т.е. за 39 дней («завершение укладывания камня вплоть до 9 *3ht* II в этот год, /что/ составляет 39 дней»; стлб. 6-7: *grḥ n w3ḥ ʿ3t nfrw(t) (r) 2 3ht sw 9 m rnpt tn mḥ hrw 39*) [Jansen-Winkel, 2013, S. 2–3]. Пожалуй, в связи с этим стоит обратиться к вопросу о том, что в принципе стало причиной восстановления при Александре этого памятника уже очень далекой эпохи, причем такого восстановления, которое было равнозначно его возведению заново? Д. Арнольд допускал, что деревянные части святилища барки в Луксорском храме, возведенного при Аменхотепе III были полностью разрушены, а его опорные столбы – повреждены персами во время второго завоевания ими Египта (343—332 гг. до н.э.), что и вызвало необходимость в его полной реконструкции при Александре [Arnold, 1999, p. 138]. На наш взгляд, даже независимо от того, насколько достоверны свидетельства о якобы необычайных святотатствах Артаксеркса III в Египте (см. главу 4, § 4.4), было бы странно, если бы персы, решив в принципе посягнуть на сооружения столь значимого культового центра, как Луксор, ограничились бы сугубо «точечным» разрушением святилища барки. Между тем тот же Арнольд приводит аргументы в пользу того, что сооружение при Филиппе Арридее святилища барки в Карнаке было реализацией замысла еще Нектанеба II, начавшего расчищать центральную часть этого храмового комплекса; а Э. Блит обращает внимание, что сами крупные гранитные блоки этого святилища больше напоминают постройки Нектанеба II, нежели птолемеевские сооружения из небольших блоков песчаника [Blyth, 2006, p. 223]. Иными словами, в Карнаке в царствование Нектанеба II для реконструкции святилища барки был даже заготовлен камень, и работы не начались, очевидно, лишь из-за обрушившегося на страну персидского завоевания. Достаточно логично предположить, что подобные же планы реконструкции имелись при Нектанебе II и в отношении святилища барки в Луксоре, при том что строительная программа, ведшаяся в Фивах при XXX династии и возобновленная при Аргеадах и сводилась к восстановлению инфраструктуры процессионных путей, в которую входили оба эти святилища (см. настоящую главу, § 2.3.1). В случае, если проведение работ в Луксоре тоже было подготовлено еще при XXX династии, а также учитывая, что сооружение, о котором мы говорим, очень невелико, не

следует удивляться тому, что оно и в самом деле могло быть восстановлено чуть больше чем за месяц.

Отождествив сооружение, о котором идет речь в граффито Анхпахереда, со святилищем барки в Луксоре, мы должны заключить, что его возведение послужило, в известном смысле, «инаугурацией» царствования Александра в Египте. В таком случае Хорово имя Александра *mk-Kmt* («Защищающий Египет/Защитник Египта»), засвидетельствованное только в Луксоре (вариант 1 в таблице 2.1), должно было быть составлено для него практически в момент его вступления в Египет. Поскольку это событие положило конец второму персидскому владычеству, мотив этого имени, т.е. защита страны [Kahl, 2002, S. 35—36], должен был быть чрезвычайно актуален именно в это время. Кроме того, следует учитывать, что эпитеты Хорова имени Александра, находившие параллели в более ранних царских титулатурах, обозначали его преемственность по отношению к предшественникам. Эпитет *mk-Kmt* засвидетельствовано в имени Обоих Владычиц Рамсеса II *mk-Kmt w^f-h3swt* («Защитник Египта, Склоняющий чужеземные страны»), Хоровом имени Сети II *k3-nht mk-Kmt* («Мощный бык, Защитник Египта»), имени Обоих Владычиц Рамсеса IV *mk-Kmt w^f-pdt-9* («Защитник Египта, Склоняющий Девять Луков»), Хоровом имени Нектанеба II *mry-t3wy mk-Kmt* «Любимый Обеими Землями, Защитник Египта»; а Хорово имя Александра *tkn-h3swt*, о котором мы будем говорить дальше, находит аналогии в имени Обоих Владычиц Нектанеба II *shr-ib-ntrw tkn-h3swt* («Радующий сердце богов, Наступающий на чужеземные страны»; см. отсылки к этим вероятным прототипам царского имени Александра: [Blöbaum, 2006, S. 419]). Мотив преемственности между Александром и Нектанебом II — последним царём XXX династии и непосредственным предшественником Александра в ряду легитимных египетских царей — кажется особенно значимым (тем более что позднее в греко-египетской традиции он породил даже фикцию рождения Александра от Нектанеба II; см. главу 5, § 5.5) [Hölbl, 1992 (1), p. 273]. Вместе с тем даже репертуар имен этого египетского царя и тем более египетский царский ономастикон в целом были достаточно велики, чтобы выбрать среди них для Александра имена с достаточно разным «месседжем». В таком случае в составлении протокола Александра, как, вероятно, и любого другого царя Верхнего и Нижнего Египта, задача подбора эпитетов по смыслу, который формировал определенную пропагандистскую концепцию, должна была быть первичной по сравнению с задачей обоснования преемственности по отношению к тем или иным конкретным предшественникам.

Как уже было сказано, другое Хорово имя Александра в полной форме *hq3 qn tkn-h3swt* («Властитель храбрый, наступающий на чужеземные страны»; вариант 2а в таблице 2.1), а также в сокращенной *hq3 qn* («Властитель храбрый»; вариант 2б в таблице 2.1)

засвидетельствовано в помещении, восстановленном Александром в храме Ахмену в Карнаке, который был в свое время возведен Тутмосом III (PM². II. 119–20 (394–398) [Barguet, 1962, p. 192–197; Schäfer, 2007, Taf. 1–18 (фотографии Шт. Пфайффера)]; см. также настоящую главу, § 2.3.1). Кроме того, в этой же и в еще более сокращенной форме *qn* («Храбрый, храбрец»; вариант 2в в таблице 2.1) это имя встречается в храме Тота в Гермополе, где также засвидетельствовано строительство Аргеадов (PM. IV. 165, 167; см. настоящий раздел, ниже, и также настоящую главу, § 2.3.1). Выше мы уже отметили очевидную аналогию между наиболее полной формой этого имени и именем Обоих Владычиц Нектанеба II. Менее заметна, но, вполне вероятно, также не случайна аналогия компонента *qn* в Хоровом имени Александра, который мог, как мы видим, быть и полной его формой, с полностью совпадающими с ним именами Обоих Владычиц Акориса [Blöbaum, 2006, S. 401, 419] и Нектанеба I [Blöbaum, 2006, S. 406 (уникальная форма данного имени, зафиксированная на сфинксах из Медамуда), 419], а также, более удаленно, с «золотыми именами» Псамметиха I (также полностью совпадающим) [Blöbaum, 2006, S. 379, 419] и Рамсеса III (*qnw nb ḥpšwy ir-ḫš.f-r-mr.f-m-s3-ḥftyw.f* «Богатырь, владыка обоих мощных дланей своих, создавший границу свою по желанию своему в качестве защиты от врагов») [Beckerath, 1999, S. 164—165; Blöbaum, 2006, S. 419].

Это Хорово имя Александра Великого, безусловно, отличается от зафиксированного в Луксоре по своему мотиву: в своей наиболее полной форме, присутствующей в надписях помещения в Ахмену, оно отражает не просто защиту страны, но наступление во внешний мир. Чтобы быть отмеченным в царском имени, такое наступление, разумеется, должно было иметь перспективу успеха: вместе с тем сам использованный в нем глагол *tkn* со значением «наступать, приближаться» (Wb. V. 334. 7) [Bosch-Puche, 2013, p. 133, n. 12] предполагает, что это «наступление» ещё не завершено, и его исход не известен. Возможно, этого достаточно, чтобы заключить, что оно было составлено для Александра еще до его решающих побед над персами в 331–330 гг. до н.э. При этом античная традиция позволяет, как кажется, понять, когда именно этот мотив наступления и ещё не состоявшейся, но предсказуемой победы мог быть актуален в пропаганде Александра: это время после посещения им оракула Зевса-Аммона (Амона-Ра) в оазисе Сива. Единственный из ответов оракула Александру, о котором сообщил придворный историограф македонского царя Каллисфен, — это, как мы знаем по цитированию его труда Страбоном, признание Александра сыном Зевса; однако, согласно тому же сообщению Каллисфена, по возвращении из оазиса в Мемфис Александр встретил милетских послов с сообщением от их местных оракулов не только о его богосыновстве, но и о будущей

победе Александра при Гавгамелах¹¹. Согласно А.Б. Босворту, «мы можем быть уверены, что милетцы действительно послали оракулы в Мемфис», поскольку иначе «было бы достаточно простого заявления милетцев... чтобы сделать из Каллисфена посмешище» [Bosworth, 1977, p. 73]. Кажется, с этим суждением можно согласиться; и хотя упоминание битвы при Гавгамелах могло быть добавлено Каллисфеном в его свидетельство уже *ex eventu*, нет надобности сомневаться, что это посольство могло принести Александру предсказание о некоей великой победе над персами. Как заметил Э. Фредрихсмайр в связи с более поздними сообщениями традиции Клитарха Александрийского (см. настоящую главу, § 2.1, прим. 6), что оракул Аммона обещал Александру владычество над всем миром (*Diod. XVII.51.2; Curt. IV.7.26; Iust. XI.11.10; Plut. Alex. 27.6*), «даже если в этом контексте мы примем за “мир” ойкумену, состоящую из персидской державы на востоке и бассейна Средиземного моря на западе, нет оснований для утверждения Клитарха, что уже к этому времени (ко времени посещения оракула в оазисе Сива. — *И.Л.*) Александр возымел аппетит на все это» [Fredricksmeyer, 1991, p. 201–202]. Пассаж труда Каллисфена, переданный Страбоном, показывает, что скорее, как и другие оракулы, к которым обращался Александр или его отец Филипп, оракул в оазисе Сива более или менее определенно возвестил ему грядущую победу над Персией [Fredricksmeyer, 1991, p. 202]. Актуальность этого пропагандистского мотива именно при возвращении Александра из оазиса Сива позволяет допустить, что как раз тогда для него могло быть составлено новое Хорово имя. Повторим еще раз, что, по крайней мере, составление его до того, как исход войны с Персией был решен, кажется бесспорным.

Дальнейшую историю этого имени Александра можно проследить по тем данным, которые имеются у нас о строительстве Аргеадов в храме Гота в Гермополе. Археологически этот храм сохранился очень плохо из-за разрушений начала XIX в.; однако фасад его пронаоса

¹¹ «... прорицатель в точных выражениях сказал царю, что он — сын Зевса. К этому рассказу Каллисфен прибавляет, подобно трагическому поэту, еще следующее: после того как Аполлон покинул оракул у Бранхидов, с тех пор как святилище было разграблено Бранхидами (которые во времена Ксеркса держали сторону персов), иссяк и источник; однако с прибытием Александра не только источник вновь появился, но и милетские послы доставили в Мемфис много изречений оракула относительно рождения Александра от Зевса, о предстоящей победе около Арбел, кончине Дария и попытках восстания в Лакедемоне. Каллисфен говорит, что Эритрейская Афинаида также возвестила о божественном происхождении Александра, ибо, по его словам, эта пророчица была похожа на древнюю Эритрейскую Сивиллу» (пер. Г.А. Стратоновского по: [Страбон, 1964, с. 814]; *Kallisthenes. FGrHist. 124. F. 14a = Strab. XVII. 1. 43: τοῦτο ἐντοί ῥητῶς εἰπεῖν τὸν ἄνθρωπον πρὸς τὸν βασιλέα ὅτι εἴη Διὸς υἱός. προστραγῶδει δὲ τούτοις ὁ Καλλισθένης, ὅτι τοῦ Ἀπόλλωνος τὸ ἐν Βραγχίδαῖς μαντεῖον ἐκλελοιπότης, ἐξ ὅτου τὸ ἱερόν ὑπὸ τῶν Βραγχιδῶν σεσύλητο ἐπὶ Ξέρξου περσισάντων, ἐκλελοιπυίας δὲ καὶ τῆς κρήνης, τότε ἢ τε κρήνη ἀνάσχοι καὶ μαντεῖα πολλὰ οἱ Μιλησίων πρέσβεις κομίσειεν εἰς Μέμφιν περὶ τῆς ἐκ Διὸς γενέσεως τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ τῆς ἐσομένης περὶ Ἀρβηλα νίκης καὶ τοῦ Δαρείου θανάτου καὶ τῶν ἐν Λακεδαίμονι νεωτερισμῶν· περὶ δὲ τῆς εὐγενείας καὶ τὴν Ἐρυθραίαν Ἀθηναῖδα φησὶν ἀνειπεῖν· καὶ γὰρ ταύτην ὁμοίαν γενέσθαι τῇ παλαιᾷ Σιβύλλῃ τῇ Ἐρυθραίᾳ).*

был зарисован Дж.Г. Уилкинсоном в 1822 г. (PM. IV. 167, отсылка “Wilkinson MSS.* I, 133”; рукописи Уилкинсона с его зарисовками, сделанными в Египте, хранятся в Bodleyan Library в Оксфорде). Эта зарисовка [Winter, 2005, S. 209, Abb. 2] (*Рисунок 2.4*) воспроизводит (правда, достаточно схематично) надписи на исчезнувшем портике храма: в верхней его части шли титулы преемника Александра в Египте Филиппа Арридея, при котором строительство в храме Тота в Гермополе было завершено, а ниже находилась большая композиция с титулатурой Александра. Его Хорово имя здесь выглядит как $\dot{h}q\dot{z} qn$ (вариант 2б в таблице 2.1), очевидно представляя собой сокращение его полного варианта $\dot{h}q\dot{z} qn tkn-\dot{h}^3swt$. По мнению исследователя остатков гермопольского храма С. Снейпа, нет убедительных оснований для привязки ко времени Александра сооружения портика в Гермополе, если только не считать копии его текстов, выполненные Уилкинсоном, совершенно достоверными [Snape, Bailey, 1988, p. 3]. Вместе с тем присутствие в Гермополе сокращенного варианта того же имени Александра (qn ; вариант 2в в таблице 2.1) [Winter, 2005, S. 210. Abb. 3a–b] снимает, кажется, сомнения в их достоверности. Если это Хорово имя Александра сохранялось на портике храма Тота столь демонстративно после смерти царя, когда строительство велось уже от имени его преемника, есть основания думать, что оно не менялось вплоть до конца его царствования.

2.2.2. Ἀλέξανδρος – «защитник Египта»? О возможном происхождении раннего Хорова имени Александра Великого

Выше, в § 2.2.1 мы постарались показать, что самой ранней формой Хорова имени Александра Великого было имя *mk-Kmt* («Защищающий Египет/Защитник Египта»): оно было зафиксировано в святилище барки Амона-Ра в Луксоре в ходе его реставрации, очевидно, сразу вслед за вступлением Александра в Египет, и по своему смыслу вполне отвечало ситуации прекращения им второго персидского владычества в Египте. Примечательно, что этот титул – не единственное египетское обозначение с подобным же смыслом, которое было отнесено к македонскому царю. В «Большой биографической надписи» Петосириса, жреца храма Тота в Гермополе, в его гробнице в некрополе Туна эль-Гебель [Lefebvre, 1923—1924], идет речь о его деятельности на посту *лесониса*, т. е. главы хозяйства храма Тота, которая, как мы стараемся показать, пришлась на время после описанного в этом же тексте периода второго персидского владычества в Египте (см. главу 3, § 3.4.1). По словам Петосириса, он исполнял эту службу, «/в то время как,/ однако, /был/ властитель чужеземных стран в качестве защитника Египта (букв. “над Египтом”)» (стлбб. 27–28: *iw sw ḥq3 nw ḥ3swt m ndty ḥr Kmt*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 137; t. 2, p. 54]. Что касается первого компонента этого обозначения *ḥq3 nw ḥ3swt*, он известен в Египте II—I тыс. до н.э. в иной, прямогенитивной форме (*ḥq3 ḥ3swt*), и употреблялся в случаях, когда возникала необходимость обозначить власть чужеземного правителя Египта над территориями за его пределами, составлявшими для этого правителя его коренной домен (см. главу 3, § 3.4.1, а также, с отсылками к литературе: [Немировский, 2001 (1), с. 101—102, прим. 8]). Второй же компонент – словосочетание «защитник Египта» – иногда пробовали интерпретировать просто как своеобразное обозначение его правителя, в чем-то схожее с известным в новое время термином «протектор, регент»; однако такие попытки представляются бесперспективными лексикографически (см. главу 3, § 3.4.1, в т.ч. прим. 12). По-видимому, следует все же трактовать это словосочетание исходя из содержащихся в нем, насколько можно судить, религиозных коннотаций (традиция обозначения Хора и других богов термином *ndty* – «защитник, мститель» – в составе разных эпитетов хорошо засвидетельствована; см. главу 3, § 3.4.1), а также из его контекста в надписи Петосириса – следующего за содержащей его фразой описания второго персидского владычества. Однако очевидно, что в этом контексте «защитником/мстителем Египта» должен был быть назван правитель, изгнавший персов, и исторически им был именно Александр, к которому, по нашему мнению, и относится данный эпитет (см. подробно там же). Сейчас, однако, мы обратим внимание лишь на один момент – фактическое совпадение этого эпитета по смыслу, несмотря на использование в нем несколько

иных слов и специфичность их коннотаций, с Хоровым именем Александра, засвидетельствованным в Луксоре.

Подобное совпадение могло бы показаться случайностью, если бы мы не знали еще один, причем, бесспорно, не случайный его пример, зафиксированный на памятнике из храма Амона в оазисе Бахария [Bosch-Puche, 2008] (см. главу 4, § 4.5). Данный памятник обращает на себя внимание своими текстами – древнеегипетской надписью, содержащей уникальную пятисоставную царскую титулатуру Александра и едва ли не еще более примечательной древнегреческой надписью «Царь Александр – отцу Аммону» (см. подробное описание памятника и отсылки к его публикации в указанном разделе). При всей соблазнительности отнесения этого памятника ко времени Александра [Bosch-Puche, 2008, p. 33] мы думаем, что это все же подделка, изготовленная в силу ряда идеологических мотивов уже в эпоху Птолемеев, в первые десятилетия III в. до н.э. (см. подробно нашу аргументацию там же). В древнеегипетской титулатуре Александра на этом памятнике присвоенное ему имя Хора Златого выглядит следующим образом: «Хор Златой Мо(щный) бык, защищающий Египет, властитель Великой зелени, (всего,) что обходит солнечный диск» (*Hr nbw k3 n(ht) hwi B3q(t) hq3 w3d(-wr) šn(t)-itn*) [Bosch-Puche, 2008, p. 33]. Наиболее примечателен, с нашей точки зрения, конечно, базовый компонент этого имени – словосочетание *hwi B3q(t)*, опять же означающее «защищающий Египет» (см. там же, комм. «д»). Можно отметить полную аналогию ему в титулатуре второго царя XXX династии Тахоса – в его имени Хора Златого *hwi B3q(t) w^f-h3swt* («Защищающий Египет, склоняющий чужеземные страны» [Blöbaum, 2006, S. 409]; обратим внимание, что второй компонент этого имени совпадает с компонентом имени Обоих Владычиц *mk-Kmt w^f-h3swt* в титулатуре Рамсеса II, при том что другой компонент этого же имени совпадает с Хоровым именем Александра; см. настоящую главу, § 2.2.1). Однако мотивом для включения эпитета *hwi B3q(t)* в титулатуру Александра на памятнике из Бахарии была, скорее, не эта аналогия, а его полное смысловое и структурное (хотя опять же не лексическое!) сходство с ранним Хоровым именем Александра, зафиксированным в Луксоре.

Рассмотренные нами памятники создают впечатление, что по некоей причине ассоциация с Александром сочетания лексем со значением «защитник Египта» отложилась в восприятии египтян весьма прочно. Очевидно, впервые, в самом начале владычества Александра над Египтом, эта ассоциация проявилась в Хоровом имени Александра *mk-Kmt* в его титулатуре в Луксоре. Как мы уже говорили, создатели данной титулатуры, формируя этот ее компонент, использовали эпитет, уже стандартный в репертуаре царских имен и тем самым выявлявший связь Александра с предшественниками; вместе с тем сам этот репертуар был достаточно обширен, чтобы решить такую задачу выявления преемства при помощи эпитета

практически с любым смыслом! Иными словами, выбирая эпитет для Хорова имени Александра, его египетские идеологи, конечно, ориентировались на желательный для них смысл, и этим смыслом, по неким причинам, стало именно лексическое значение «защитник Египта». Ассоциация этого смысла с образом Александра возникает уже при этом, очевидно, закрепляется в сознании египтян и затем актуализируется вновь существенно позже, не менее, чем через тридцать лет, в надписях гробницы Петосириса и памятника из Бахарии. Думается, что память о связи данного сочетания лексем с ранней титулатурой Александра не утратилась, коль скоро мы видим его аналоги на памятнике из Бахарии именно в составе царской титулатуры, а в надписи Петосириса – во всяком случае, в характеристике властного статуса Александра. При этом обращение создателей обоих этих памятников именно к ранней титулатуре Александра закономерно исходя из их целей: в своей надписи Петосирис говорит об Александре именно в связи с самым началом его власти над Египтом (по сути дела, в связи с ее установлением), а бахарийский памятник и вовсе был призван имитировать реальный памятник Александра 332/331 г. до н.э. (см. главу 4, § 4.5). Вместе с тем весьма примечательно следующее: на данном этапе ассоциированное с Александром сочетание лексем «защитник Египта» уже утратило связь как с точной формой его Хорова имени в Луксоре, так и конкретно именно с этим компонентом его царской титулатуры. Иными словами, египтяне рубежа IV и III вв. и первых десятилетий III в. до н.э. неплохо помнили, что Александра когда-то, на заре македонского времени, называли «Защитник Египта», но почему-то забыли, какую в точности лексическую форму имело это именование.

Подобное явление выглядит довольно необычно: во всех государствах мира принципиально важные идеологемы (в том числе и мотив защиты страны как в обороне, так и в наступлении против окружающего мира, актуальный в пропаганде царей Египта I тыс. до н.э. – завоевателей страны или узурпаторов [Kahl, 2002, S. 35—36]) облачаются в словесную форму, санкционированную властью. Далее о них помнят, возможно, и с искажением этой формы, но, во всяком случае, не с полной ее утратой и в отвлечении от нее. Теоретически можно было бы допустить, что в разговорном языке конца IV в. до н.э., относительно близком демотическому, применительно к Александру бытовало в каком-то стандартном и неизменном виде именование «Защитник Египта»; а адекватные ему эпитеты в титулатурах Александра и в надписи Петосириса представляют собой переложение этого именования на среднеегипетский язык этих текстов (см. об этих этапах развития древнеегипетского языка: [Коростовцев, 1963, с. 202–206, 211–216]). Обратившись к демотической лексикографии, можно увидеть, что из всех вариантов этого именования Александра наиболее полное соответствие в демотических текстах получает словосочетание *ndty hr Kmt* в надписи Петосириса (в названии культовой статуи Птолемея V

Эпифана в знаменитом Розеттском декрете [Erichsen, 1954, S. 123, 235]; стк. 23 демотического текста: *nd Bqy*; ср. стк. 6 среднеегипетского иероглифического текста: *nd n B3qt*; см.: Urk. II. 189). Однако и остальные известные нам варианты этого именованя в демотическом языке, при наличии в нем соответствующих глаголов (CDD: M. 258–259: *mky*; CDD: H. 40: *hwy*), отнюдь не невозможны; соответственно, определить вероятную предпочтительную и стандартную демотическую форму этого именованя не получается. Кроме того, подобное обращение к лексикографии не может дать ответа собственно на вопрос, почему столь значимым именованем Александра стал именно его эпитет «Защитник Египта».

На наш взгляд, удовлетворительное объяснение интересующего нас явления может быть неожиданно простым. Как хорошо известно, само имя «Александр» (Ἀλέξανδρος), характерное для представителей македонского царского дома Аргеадов и широко распространенное и вне его (LGPN IV. 14–17), на древнегреческом языке означает «защитник людей» (LSJ 62). Трудно сказать, сталкивались ли египтяне с обладателями этого имени до македонского завоевания, однако даже независимо от того, насколько оно было для них ново, базовые установки их культуры [Большаков, 2001, с. 65–69; Vittmann, 2013 (1–2)] ориентировали их на то, чтобы обратить внимание на его значение у нового властителя Египта. Если в древнегреческой ономастике значение этого имени довольно неопределенно (оно имеет в виду некую защиту «людей вообще»), то в восприятии египтян, исходя из задач, обычных для их правителей, а также из обостренного восприятия положения их страны в мире, которое, безусловно, было им свойственно после десятилетий персидской угрозы и второго персидского завоевания, конкретизация значения имени Александра применительно к защите Египта была закономерна. В свете этого объяснить феномен бытования египетских именованя Александра со значением «защитник Египта» можно было бы следующим образом. Раннее Хорово имя Александра, зафиксированное в Луксоре, по-видимому, представляло собой, по сути дела, переложение средствами репертуара египетских царских имен значения его личного имени, с отмеченной нами его конкретизацией. При этом сам механизм такого построения его египетского титула отпечатлелся в памяти египтян лучше, чем его конкретные форма и положение в титулатуре, и в дальнейшем при необходимости воспроизводился по той же логике, но уже иными лексическими средствами.

Последний вопрос в связи с этим явлением, на который хотелось бы найти ответ, касается того, почему данное именоване Александра актуализируется спустя не менее трех десятилетий после его вступления в Египет, очевидно, уже в царствование Птолемея I Сотера. Думается, что объяснение этому можно найти в закономерностях официозной пропаганды в Египте начала македонского времени. Одним из самых ярких ее проявлений стал сюжет, в

дальнейшем перешедший в позднеантичный «Роман об Александре», но, как считается, впервые обретший последовательную письменную фиксацию в первые десятилетия III в. до н. э. Согласно нему Александр был сыном бежавшего из Египта в Македонию царя Нектанеба (исторического Нектанеба II) и вступил в Египет, чтобы освободить его от чужеземных врагов, которые и вынудили в свое время спастись бегством его отца (см. главу 5, § 5.5); кроме того, в тесной связи с этим сюжетом проводится мысль о том, что Александр как миродержавный правитель был преемником и едва ли не новым воплощением легендарного египетского царя Сесонхосиса, некогда завоевавшего весь мир (см. главу 6, § 6.1, 6.4). Пропагандистская направленность этих сюжетов очевидна, а его мотивы – и защиты Египта Александром, изгнавшим из страны ее врагов, и его миродержавия – находят отражение в совокупности царских имен, присвоенных Александру в титулатуре на памятнике из Бахарии (см. главу 4, § 4.5). На наш взгляд, фраза надписи Петосириса о «властителе чужеземных стран в качестве защитника Египта» звучит несколько двусмысленно: пожалуй, в ней чувствуется оттенок иронии. Надо сказать, что создатели гробницы Петосириса в ее текстах и оформлении старались последовательно воздерживаться от какого-либо признания легитимности и сакрального статуса македонских правителей Египта: собственно, весьма показательна и сама описательная характеристика, отнесенная в надписи Петосириса применительно к Александру вместо недвусмысленного царского титула (см. главу 3, § 3.4.1). Таким образом, если реплика именованья Александра «Защитником Египта» в титулатуре, приписанной ему на памятнике из Бахарии, может быть отражением пропаганды, ведшейся в египетской среде в начале правления Птолемеев, то сходная реплика в надписи Петосириса, напротив, может фиксировать несколько раздраженную реакцию ее составителя на промакедонскую пропаганду в целом.

2.2.3. Хоровы имена, имена Обоих Владычиц и Хора Златого Филиппа Арридея и Александра (IV), сына Александра Великого и Роксаны

Как мы видели по смыслу эпитетов, составляющих Хоровы имена Александра Великого (см. настоящую главу, § 2.2.1), их общий мотив, выраженный в обоих их вариантах, – это мощь царя как воителя, обороняющего Египет и обрушивающегося на чужеземные страны, при том что эти части земного мира достаточно отчетливо противопоставлены друг другу. Отход от этого мотива мы видим в титулатуре преемника Александра Великого в Египте Филиппа Арридея, чьи первые три имени (как мы говорили, в наибольшей степени отражающие актуальные для соответствующего царствования концепты) в известных нам вариантах выглядят следующим образом:

Таблица 2.2. Хоровы имена, имя Обоих Владычиц и имя Хора Златого Филиппа Арридея

Титул	Форма имени и перевод	Расположение
Хорово имя	<i>w3d-t3wy</i> «Зеленящий ¹ Обе Земли» [Blöbaum, 2006, S. 424 (H1, H3)]	Гермополь, храм бога Тота, фрагмент фасада, титулатура на основании колонны (PM IV. 167; Urk. II. 9.8) [Spencer, 1989, pl. 51] Там же, блоки портика [Snare, Bailey, 1988, p. 90—93, pl. 28, 30].
	<i>k3 nḥt mry m3ʿt</i> «Мощный телец, любимый (богиней) Маат» [Blöbaum, 2006, S. 424 (H2)]	Луксор, блок с рельефом (PM ² II. 338) [Fakhry, 1934, p. 90] Карнак, святилище барки Амона-Ра («гранитное святилище»), строительный текст (PM ² II. 101; Urk. II. 10.13).

¹ Т.е. обеспечивающий им не только процветание, но и обновление. А.-И. Блэбаум специально оговаривает чтение основы данного эпитета в именно как *w3d* [Blöbaum, 2006, S. 424, Anm. 148; cf. Meulenaere, 1991, p. 53]; ср. его чтение как *ḥw* и, соответственно, Хорова имени как *ḥw-t3wy* «Защищающий Обе Земли»: [Beckerath, 1999, S. 233—234], которое, однако, можно считать исключенным благодаря весьма отчетливым написаниям на блоках портика в Гермополе. О возможности каузативного употребления глагола *w3d* см.: Wb. I. 265.1; [Wilson, 1997, p. 201]; о его семантическом поле в целом: Wb. I. 264—266.

		Нуб Таха, блок [Junker, 1930, S. 29] ²
Имя Обоих Владычиц	<i>ḥq3 ḥ3swt</i> «Властитель чужеземных стран» [Blöbaum, 2006, S. 424]	Гермополь, фрагмент фасада, титулатура на основании колонны; см., кроме ук. соч.: [Daressy, 1888, p. 143]
Имя Хора Златого	<i>mry-rḥyt</i> «Любимый (людьми-) <i>pexum</i> » [Blöbaum, 2006, S. 424 (G1, G2)]	Гермополь, там же ³ .

Как видно, лишь один из эпитетов в составе Хоровых имен Филиппа Арридея – *k3 nḥt* – отчасти связан с мотивом военной мощи царя; при этом он, к тому же, был стандартным начальным компонентом в Хоровых именах множества царей XVIII—XXIII династий [Beckerath, 1999, S. 10] (ряда их памятников в Карнаке и Луксоре коснулись восстановления при Александре Великом и Филиппе Арридее; см. настоящую главу, § 2.3.1). Основной же мотив этих имен – это явно устройство царем внутренней жизни страны (отчасти с ним может перекликаться зафиксированное в Гермополе имя Хора Златого Филиппа Арридея *mry-rḥyt* – «Любимый (людьми-) *pexum*»). Мотив власти над чужеземными странами в титулатуре Арридея «вытеснен» в его имя Обоих Владычиц *ḥq3 ḥ3swt*, которое представляет собой эпитет, указывающий на наличие у данного правителя домена за пределами Египта (см. настоящую главу, § 2.2.2, главу 3, § 3.4.1, с отсылками к: [Немировский, 2001 (1), с. 101—102, прим. 8])⁴; тем самым данный «внеегипетский» мотив четко «разведен» с мотивом власти над Египтом и его устройства, звучащим в Хоровых именах Арридея. Заметим, однако, что сам этот мотив его Хоровых имен сформулирован все же общо, без акцентирования в нем какого-то более

² Атрибуция архитектора из Нуб Таха с этим именем Филиппу Арридею оспаривалась Х. де Мельнере, заметившим, что оно засвидетельствовано только в фиванских памятниках царствования Филиппа Арридея [Meulenaere, 1991, p. 54]. Однако активность времени Аргеадов в районе Телль эль-Иэхудие засвидетельствована фрагментом клепсидры VM 933 с именем Александра Великого (см. главу 3, § 3.1.2).

³ Стоит обратить внимание, что все приведенные три царских имени Филиппа Арридея, зафиксированные в Гермополе, отражены также и на зарисовке Дж.Г. Уилкинсона (см. настоящую главу, § 2.2.1, рисунок 2.2).

⁴ По мнению Г. Хёльбля «эрудированный, национально мыслящий египтянин» мог увидеть в этом имени имплицитное и, разумеется, неблагоприятное сопоставление македонского царя с гиксосскими правителями прошлого [Hölbl, 1992 (2), p. 274; cf. Hölbl, 2001, p. 79]. Подобный пейоратив непосредственно в царском протоколе кажется очень маловероятным сам по себе; однако, кроме того, А.А. Немировский убедительно показал, что словосочетание *ḥq3w ḥ3swt* («властители чужеземных стран»), вопреки прочно утвердившемуся в египтологии мнению, не имеет отношения к зафиксированному Манефоном именованию ὕκωός [Немировский, 2013].

конкретного аспекта, который мог бы стать лозунгом царствования Арридея и концепцией его титулатуры, как это имело место с военными мотивами в Хоровых именах Александра Великого.

Сформулированную внятно и при этом необычайно значимую (хотя и не имеющую отношения к реальной власти над страной) концепцию мы вновь находим в первых трех именах преемника Филиппа Арридея в качестве формального сакрального царя Египта Александра (IV), сына Александра Великого и Роксаны (см. о его роли в концепции «Стелы сатрапа» 311 г. до н.э. главу 3, § 3.1.3). Данная часть его титулатуры в известных нам ее вариантах выглядит следующим образом:

Таблица 2.3. Варианты Хорова имени, имени Обоих Владычиц и имени Хора Златого Александра (IV)

Титул	Форма имени и перевод	Расположение
Хорово имя	<i>ḥwnw wsr-pḥty</i> «Юноша, могучий мощью» [Blöbaum, 2006, S. 426 (H1, H2)];	Севернит, фрагмент рельефа (PM IV. 43) [Edgar, 1911, p. 92]. Буто, «Стела сатрапа» (PM IV. 49; Urk. II. 12.13).
	<i>ḥwnw</i> «Юноша» [Blöbaum, 2006, S. 426 (H3)]	Севернит, фрагмент рельефа (PM IV. 43) [Edgar, 1911, p. 94]
Имя Обоих Владычиц	<i>mry-ntrw rdi-n.f i3wt-n-it.f</i> «Возлюбленный богами, которому передан сан отца его» [Blöbaum, 2006, S. 426 (N, N2)]	Буто, «Стела сатрапа» (Urk. II. 12.14). Фрагмент рельефа (CM JE 43978) [Daressy, 1912, p. 286]
Имя Хора Златого	<i>ḥq3 qn (?) m t3 (r) dr.f</i> «Властитель храбрый (?) в земле (до) пределов ее» [Blöbaum, 2006, S. 426 (G)]	Буто, «Стела сатрапа» (Urk. II. 12.16)
	<i>ḥq3 n t3 (r) dr.f</i> «Властитель земли (до) пределов ее» [Blöbaum, 2006, S. 426 (G2)] ⁵	Фрагмент рельефа (CM JE 43978) [Daressy, 1912, p. 286]

⁵ А.-И. Блёбаум считает, что вторая форма имени Хора Златого Александра (IV) является вариантом первого, отличающимся от него лишь употреблением в первом случае предлога *m*, во втором – частицы

В титулатуру Александра (IV) впервые в египетской традиции включается Хорово имя *ḥwnw* («Юноша»), в полном варианте – «Юноша, могучий мощью» (*ḥwnw wsr-pḥty*). Эпитет *wsr-pḥty*, вошедший в полный вариант этого имени, находит ближайшую по времени аналогию в титулатурах царей XXIX династии – в редкой форме Хорова имени Акориса *ʿ3-pḥty mʿr-zpw* («Великий мощью, успешный делами») [Blöbaum, 2006, S. 400 (Horusname: IV, H10)] и в совпадающем с ним Хоровом имени Псамуфа [Blöbaum, 2006, S. 403]. Более отдаленные аналогии этим эпитетам обнаруживаются в царских титулатурах времени борьбы с «народами моря» – в имени Обоих Владычиц Мернептаха *ʿ3-pḥty wr-nḥtw* «Великий мощью, большой победами» [Beckerath, 1999, S. 156—157 (N4)]; Хоровом имени *k3 nḥt wr pḥty* «Мощный бык, большой мощью», которое носили Сети II [Beckerath, 1999, S. 158—159 (H1—2)], Саптах [Beckerath, 1999, S. 162—163 (H5 – с дополнением ...*mi-Imn* «подобно Амону»; H6)] и Сетнахт [Beckerath, 1999, S. 164—165]; до некоторой степени – Хоровом имени Рамсеса III *k3 nḥt m3i pḥty nḥt-ꜥ nb ḥpš ḥ3q Sttyw* «Мощный бык, Лев мощи, сильный рукой, владыка длани, прогоняющий *сечетуи*» [Beckerath, 1999, S. 164—165]). В связи с этим уместно вспомнить отмеченную нами аналогию между компонентом Хорова имени Александра Великого *qn* и титулатурами Акориса и Рамсеса III (см. настоящую главу, § 2.2.1). При этом смысл Хорова имени Александра (IV), в свете его базового компонента «Юноша», совершенно очевиден: оно представляет собой аллюзию на царский статус юного Хора, сына Осириса и Исиды, обретенный им в итоге его борьбы с Сетом за наследство своего отца⁶.

Последний мотив конкретизируется в имени Обоих Владычиц Александра (IV) *mry-ntrw rdi-n.f i3wt-n-it.f* («Возлюбленный богами, которому передан сан отца его»). Думается, не стоит забывать, что сын Александра Великого был рожден Роксаной уже после смерти своего отца (см. настоящую главу, § 2.1); и в свете этого обстоятельства перенесение на него мотивов, связанных с Хором, также рожденным Исидой уже после смерти Осириса, выглядело особенно

косвенного генетива в форме *n* (тем более что и эта разница может нивелироваться, поскольку знак

GG(SL) N₃₅ = Montpellier N₅₆₁ в птолемеевских текстах известен в фонетическом значении *m* [Valeurs phonétiques..., 1988—1995, t. 3, p. 465]. На наш взгляд, разница между этими двумя вариантами

может быть более существенна. В иероглифическом написании первого из них (   ) мы

видим знак GG(SL) D₄₀ , который, строго говоря, нехарактерен для написания слова *ḥq3* («правитель, властитель»; Wb. III. 170), но зато неизменно присутствует в написании словосочетания *ḥq3 qn* в Хоровом имени Александра Великого (см. настоящую главу, § 2.2.1) [Blöbaum, 2006, S. 419]. Нельзя исключить, что в данном случае мы имеем дело с разными формами данного титула Александра (IV), из которых вторая, безусловно, является упрощением первой.

⁶ Эпитет *wsr-pḥty* фиксируется применительно к целому ряду богов в связи с их качеством воителей, но, на наш взгляд, не образует определенной отсылки к конкретному образу одного из них: LÄGG II. 573.

обоснованным. Подобная отсылка к образу сына Исиды и Осириса в конце IV в. до н.э. вообще кажется весьма своевременной. Еще накануне эллинизма представление о царе как о воплощении Хора, сына Осириса и Исиды, актуализируется в официальном культе статуй т.н. «соколов-Нектанебов» (см. главу 1, § 1.1.2). А непосредственно в раннемакедонское время идея о том, что именно Хор – это предвечный властитель Египта и мира, способный править ими даже и не воплощаясь в земном царе, проявляется в оформлении клепсидры из Государственного Эрмитажа и в концепции «Стеле сатрапа» (см. главу 3, § 3.1.2, 3.1.3). При этом именно Хорово имя Александра (IV) представляет собой, по сути дела, первую явную инвазию образа сына Осириса и Исиды в царскую титулатуру и знаменует внятно проговоренное в ее рамках отступление от традиционного представления о боге царского Хорова имени как о мифологическом Хоре Старшем.

Аналогии Хоровым именам Александра (IV) и его отца обнаруживаются в Хоровом имени Птолемея I Сотера *wr-pḥty nsw qni* («Большой мощью, царь сильный»), зафиксированном на блоке из Тарране [Beckerath, 1999, S. 234—235; Naville, Griffith, 1890, p. 62]. Его первый компонент напоминает Хорово имя Александра (IV) и в то же время находит полную аналогию в совпадающих Хоровых именах Саптаха и Сетнахта *k3 nḥt wr pḥty* (см. выше)⁷. Второй же его компонент, казалось бы, повторяет базовый элемент одного из вариантов Хорова имени Александра Великого *ḥq3-qnw tkn-ḥ3swt*, но вводит в него при этом необычный нюанс – замену именования *ḥq3* на *nsw*, гораздо менее ожидаемое в составе одного из царских имен. В титулатуре Птолемея I не актуализируется введенный в Хорово имя Александра (IV) мотив воплощения в нем Хора, сына Осириса и Исиды, – возможно потому, что он не был сыном своего предшественника на египетском престоле, да и вступил на него в 305/4 г. до н.э. в далеко не юном возрасте (не менее 50, а возможно, и более 60 лет от роду; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», П.2, комм. «а»). Характерно, однако, что эпитет *qn*⁸ повторяется в Хоровом имени сына и преемника Птолемея I Птолемея II Филадельфа в сочетании, уже не оставляющим особых сомнений в его связи с образом Хора, сына Осириса и Исиды, – *ḥwnw qn* («Юноша сильный») [Beckerath, 1999, S. 234—235 (со ссылкой на Urk. II. 157)]; при этом его имя Обоих Владычиц выглядит как *wr-pḥty* («Великий мощью») [Beckerath, 1999, S. 234—235] и, как видно, полностью совпадает с первым компонентом Хорова имени Птолемея I. Далее, на протяжении эпохи Птолемеев использование в царских титулатурах эпитетов *ḥwnw* (в составе

⁷ Форму *wr-pḥty* имеет также один из компонентов имени Обоих Владычиц Александра Великого в его полной титулатуре на памятнике из оазиса Бахария (см. главу 4, § 4.5).

⁸ Видимо, демотической вариацией термина *qn*, причем соположенной, как сам он в Хоровом имени Александра, с титулом *ḥq3*, является слово *tl* («сильный, крепкий, ревностный» с подтекстом «героический» [Большаков, Суцевский, 1991, с. 21]) в имени Обоих Владычиц Птолемея I *ity-m-šhm ḥq3 tl* («Схватывающий в мощи, властитель сильный») [Beckerath, 1999, S. 234—235].

Хорова имени – у Птолемея IV, V, VIII, X, XII, Цезариона) и *wr-pḥty* (в имени Обоих Владычиц – у Птолемея IV, V, IX, XII; в имени Хора Златого – у Птолемея III, VI, VIII) становится, по сути дела, систематическим [Beckerath, 1999, S. 236—247]. В связи с этим нужно обратить внимание, что эпитет *wr-pḥty* известен как весьма частотный у Хора Бехдетского; однако эта его коннотация, засвидетельствованная в Эдфу и Дендера, явно складывается на протяжении эллинистического времени (LÄGG II. 437—439)⁹, вполне вероятно, путем перенесения на это божество эпитета, ставшего обычным в царской титулатуре.

В связи с этим стоит обратить внимание на характер употребления эпитетов, стойко ассоциирующихся с божествами, в титулатурах первых императоров, владевших Египтом, – Августа и Тиберия. Совпадающий у них наиболее полный вариант их Хоровых имен выглядит следующим образом: *tm³-ꜥ wr-pḥty ḥwnw-bnr-mrwt ḥq³-ḥq³w stp.n-Pth-Nnw-it-ntrw* («Мощный дланью, Большой мощью, Юноша, сладостный любовью, Властитель властителей, избранный Птахом-Нуном, отцом богов»); при этом зафиксированное для Августа тронное имя представляет собой своего рода «отщепление» одного из компонентов этого обширного имени – *ḥq³ ḥq³w stp.n-Pth* [Beckerath, 1999, S. 248—249; ср.: Beckerath, 1999, S. 252—253 (титулатура Тиберия)]. По существу, данные титулы представляют собой не сколько-нибудь индивидуализирующие обозначения их обладателей, а аккумуляцию в связи с ними эпитетов богов (преимущественно Хора¹⁰), практически не оставляющую сомнений, что в основе этих титулов лежит идея сакральной власти над земным миром не столько соответствующего правителя, сколько непосредственно бога¹¹. Легко заметить, что, в отличие от египетского

⁹ А.-И. Блёбаум отмечает употребление этого эпитета в Позднее время лишь как одной из описательных характеристик царской мощи, вне коннотаций, связанных с каким-то определенным образом божества: [Blöbaum, 2006, S. 80, 86].

¹⁰ См. об эпитетах *ḥwnw nfr* и *bnr-mrwt* применительно к богу Хору в различных его аспектах: LÄGG V 96, II. 802. Собранный в справочнике К. Лейтца материал показывает достаточно ясно, что употребление этих эпитетов применительно к Харахте, Хармахису и Хароерису сугубо единично, а применительно к Хору Бехдетскому – ограничено примерами греко-римского времени (в основном из Эдфу) и, скорее всего, представляет собой подчеркивание применительно к образу этого божества его аспекта сына верховного бога; по преимуществу же эти эпитеты относятся к Хору в его аспекте сына Осириса и Исида. Об эпитете *tm³-ꜥ*, восходящем еще к образу бога Хора как носителя царственности III тыс. до н.э., см. главу 1, § 1.2 (в связи с надписями наоса из Сафт эль-Хенне), главу 3, § 3.1.2. Ассоциация эпитета *wr-pḥty* с образом Хора Бехдетского к началу римского времени, несомненно, уже состоялась (см. выше). Об употреблении эпитета *ḥq³-ḥq³w* применительно к божествам, в т.ч. к Хору: Wb. III. 171.13; LÄGG. V. 518, а также: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.б, комм. «д».

¹¹ Как правило, интерпретаторы этих титулатур обращали внимание на содержащийся в них (в частности, в титулатуре Августа) компонент *ḥq³ ḥq³w* («властитель властителей»). Ж.-К. Гренье предполагал, что он восходил в эпитету βασιλεὺς βασιλέων, который носил в 30-е гг. до н.э. Цезарион [Grenier, 1986; 1989, p. 19]; Г. Хельбль, напротив, категорически оспаривал его неегипетские коннотации и считал, что этот эпитет, в соответствии со своим значением в египетской традиции, отождествляет Августа с одним из богов [Hölbl, 1992 (2)]. Ф. Боск-Пуше в недавней статье попытался предложить более полное объяснение состава титулатуры Августа, связав сразу целый ряд ее эпитетов с присутствующими, по его мнению, в титулатуре Александра и сочтя ее, соответственно, одним из

протокола первых императоров, титулатуры их предшественников Птолемеев составлялись гораздо более индивидуализированно для каждого из них; более того, после Птолемея II эпитеты *hwnw* и *wr-phty*, последний из которых со временем ассоциируется с Хором Бехдетским, входят в очень пространные титулы и, скорее всего, выглядят не столь акцентированно на фоне их полного состава. Однако само включение эпитетов богов в царские имена, на наш взгляд, диктовалось теми же соображениями, что и комплектование из них титулатур первых императоров, – стремлением выразить, хотя бы и не столь подчеркнуто, идею прямого присутствия в земном мире божества, представленного в особе царя.

Понятно, что эта идея в принципе была тем заметнее, чем лаконичнее был компонент царской титулатуры, включающий в себя соответствующий эпитет; и в этом смысле обращают на себя внимание как раз Хоровы имена Александра (IV) (особенно в контексте его имени Обоих Владычиц) и Птолемея II, включавшие в себя эпитеты Хора, сына Осириса и Исиды. Ранее, в титулатуре Нектанеба I в принципе схожая идея была выражена в его Хоровом имени *tm3-ꜥ*, которое воспроизвело один из древнейших эпитетов Хора (см. главу 1, § 1.1.2); однако по сравнению с ним титул Александра (IV) дает гораздо более определенную отсылку к конкретному мифологическому мотиву, к тому же принадлежащему к мифологии Осириса и Исиды, в принципе новой для царских титулатур. Думается, что столь внятная отсылка была призвана подчеркнуть, что сакральный статус Александра (IV) целиком и полностью зависел от воплощения в нем божества, которое не просто сохраняло по отношению к нему самостоятельность и иерархическое старшинство, но и, в известном смысле, и являлось исполнителем функций сакральной власти (см. о генезисе этого представления в египетской идеологии Позднего времени главу 1, § 1.1.1 – в особенности о концепции стелы Па-ди-Усир-Па-Ра из Фаюма времени Дария I, 1.1.2; о его реализации в концепции «Стелы сатрапа», относящейся собственно к формальному царствованию Александра (IV) главу 3, § 3.1.3). Такая расстановка акцентов в титулатуре Александра (IV) и предполагаемое ею смещение царской сакральности с него на божество, в общем, не вызывает удивления, если учесть, что не только его статус в Египте был сугубо формален, но и сам находился вне его пределов, а качества реального самостоятельного правителя страны все в большей мере переходили к сатрапу Птолемею (см. настоящую главу, § 2.4). В дальнейшем же воспроизводство этих акцентов, с

проявлений в принципе характерного для времени Августа феномена *imitatio Alexandri* [Bosch-Puche, 2015]. Фактически это единственная попытка дать полную интерпретацию состава титулатуры Августа, но и она неудовлетворительна, так как не учитывает, что эпитет *tm3-ꜥ*, открывающий эту титулатуру и в начале македонского времени засвидетельствованный на фрагменте клепсидры из Государственного Эрмитажа, на самом деле, не является царским именем Александра (см. главу 3, § 3.1.2). Нам представляется, что предлагаемая нами гипотеза дает более последовательное и полное объяснение семантики египетских титулатур римских императоров.

разным уровнем их интенсивности, применительно к Птолемеям и римским императорам, разумеется, было связано со сходным отношением к ним, как к правителям, которые так или иначе оставались чуждыми египетской религиозно-идеологической традиции и порой не скрывали прямой враждебности к ней.

Завершая разговор о первых трех именах в титулатуре Александра (IV), следует отметить в ней и такой важный нюанс, как исключение из нее эпитетов, связанных с властью над чужеземными странами. Единственное указание на территориальную протяженность власти царя мы видим в его имени Хора Златого $\dot{h}q3 \dot{q}n (?) m t3 (r) \dot{d}r.f$ («Властитель храбрый (?) в земле (до) пределов ее») или $\dot{h}q3 n t3 (r) \dot{d}r.f$ («Властитель земли (до) пределов ее»). Первый вариант этого имени (разумеется, в случае правильности нашей его интерпретации; см. наше прим. 5 в настоящем разделе) может содержать отсылку к Хорову имени Александра Великого (в его вариантах 2а—в, согласно таблице 2.1). Кроме того, определенной аналогией этому имени является Хорово имя Александра Великого на памятнике из оазиса Бахария $Hr \dot{h}q3 \dot{h}q3w nw t3 (r) \dot{d}r.f$ «Хор Властитель властителей земли (до) пределов ее» (см. главу 4, § 4.5, комм. «б»). Ряд эпитетов богов, описывающих их власть над Египтом, схожи с данным титулом Александра (IV) по смыслу и структурно (прежде всего базовым для них компонентом $\dot{h}q3$)¹², но ни один среди них не тождествен ему. Как представляется, этот титул и должен интерпретироваться не с точки зрения каких-либо возможных религиозных коннотаций, а, так сказать, по номинальному его звучанию. Как мы знаем, с эпохи Нового царства понятие $t3$ («земля») могло более или менее явно включать в себя и подвластные Египту чужеземные страны, которые, однако, воспринимались при этом как периферия по отношению к его естественному «ядру» – уникальной территории долины Нила (см. главу 1, § 1.2). Показательно, что в имени Хора Златого Александра (IV) мы не видим какого-либо специального упоминания чужеземных стран ($h3swt$), которые, как мы помним, упоминались в контексте наступления на них в Хоровом имени Александра (в его варианте 2а, согласно таблице 2.1) и как владения египетского царя – в имени Хора Златого Филиппа Арридея. Объяснение этому естественно найти в той эволюции геополитического положения Египта, которая имела место на протяжении конца 320—310-х гг. до н.э. Если в начале этого периода, при Александре и в начале формального царствования Филиппа Арридея, Египет был интегрирован в надрегиональное государство, находившееся под властью его формального царя и вполне жизнеспособное, то далее, в формальное царствование Александра (IV), он проходит уже на обломках этой державы свое становление в качестве регионального государства под реальной властью сатрапа Птолемея (см. настоящую главу, § 2.1). Думается, что именно

¹² $\dot{h}q3 n Kmt$ (LÄGG V 526); $\dot{h}q3 t3$ (ibid.); $\dot{h}q3 m t3$ (ibid.); $\dot{h}q3 n t3 r \dot{c}w.f$ (ibid.); $\dot{h}q3 t3 pn$ (id. 526); $\dot{h}q3 t3wy$ (id. 528).

последняя ситуация, с довольно четким ограничением реальных пределов могущества Египта, и отразилась в данном титуле македонского царя – вопреки тому, что, находясь неизменно за пределами страны, он, казалось бы, мог считаться именно надрегиональным правителем (ср. [Hölbl, 1992 (1), p. 274—275; 2001, p. 79]), но в полном соответствии с той тенденцией изоляционизма, которая наметилась в официальной идеологии времени сатрапии Птолемея (см. главу 4, § 4.3.2, 4.3.3, 4.4). В таком случае термин *t3* в данном царском титуле должен обозначать в первую очередь Египет и, может быть, иметь также в виду «дополняющие» его очень немногочисленные внешние владения, которые был способен удерживать сатрап Птолемей.

Наконец, еще одна особенность не только титулатуры Александра (IV), но и титулатуры его отца – это наличие в них аналогий с титулатурами египетских царей XXIX-XXX династий и времени борьбы с «народами моря». У Александра Великого они выражены не слишком заметно – на уровне схождения компонента *qn* в его Хоровом имени с именем Обоих Владычиц Акориса и с компонентом в имени Хора Златого Рамсеса III, а также скорее случайного схождения Хорова имени *mk-Kmt* с компонентом Хорова имени Сети II (см. настоящую главу, § 2.2.3); однако у Александра (IV) эти аналогии выражены гораздо ярче благодаря наличию в его Хоровом имени компонента *wr-phty*. В неслучайности этих аналогий убеждает, на наш взгляд, зафиксированное даже более масштабно схождение между титулатурами царей XXIX династии и времени борьбы с «народами моря» (см. главу 6, § 6.2.3). По-видимому, именно эта далекая эпоха была своего рода моделью восстановления египетской государственности после спровоцированного чужеземцами глубокого кризиса, аллюзии на которую появлялись в титулатурах царей IV в. до н.э., с теми или иными основаниями претендовавших на подобную же миссию (см. о сведениях Манефона о царе Аменофисе и о втором завоевании Египта гиксосами в главе 1, § 1.3.2).

2.2.4. «Солнечные имена» царей дома Аргеадов

В 1991 г. появилась статья Х. де Мёльнере, посвященная титулатуре второго представителя дома Аргеадов на египетском престоле Филиппа Арридея, в которой был поставлен и, по-видимому, оптимальным образом решен вопрос о порядке чтения имен *nsw-bity* как Филиппа Арридея, так и Александра Великого [Meulenaere, 1991]. Бельгийский исследователь обратил внимание, что имя *nsw-bity* Филиппа Арридея известно в двух вариантах, зафиксированных соответственно в Фивах (в «гранитном святилище» барки Амона-Ра в Карнаке и недалеко от него [Blöbaum, 2006, S. 425 (T1, T6—T8)]; см., например,

начертания в строительной надписи Филиппа Арридея в этом святилище: ; РМ II². 101 (296); Urk. II. 10.5, 10.14 [Blöbaum, 2006, S. 425 (T7—T8)]¹ и вне Фив (посвятительный

текст в храме Тота в Гермополе: ; Urk. II. 9.10 [Blöbaum, 2006, S. 425 (T3, T5);

Spencer, 1989, pl. 51]; фрагмент рельефа из Севеннита: [Blöbaum, 2006, S. 425 (T4); Edgar, 1911, p. 91]). Традиционное чтение данного имени в его «нефиванском» варианте – *Stp.n-k3-R^c Mry-Imn* («Избранный Двойником Ра, любимый Амоном» [Beckerath, 1999, S. 232—233 (T2—4)]) – по мнению де Мёльнере, вызывает определенные возражения: обычно в царских эпитетах с компонентом *stp.n* за ним следует имя бога, являющееся агентивом данной относительной формы, и в этом положении никогда не встречается слово *k3* [Meulenaere, 1991, p. 54]. Сообразно этому, де Мёльнере предложил рассмотреть возможность альтернативного чтения данного имени – *Mry-k3-R^c Stp.n-Imn* («Любимый Двойником Ра, Избранный Амоном»), – при котором, как видно, его компоненты *k3-R^c* и *Imn* поменялись бы своими местами относительно причастных конструкций. Чтобы верифицировать эту возможность, Де Мёльнере обратился к именам *nsw-bity* Нектанеба II (*Sndm-ib-R^c Stp.n-Inhr*) [Blöbaum, 2006, S. 414—415] и Птолемея II (*Wsr-k3(-n)-R^c Mry-Imn*) [Beckerath, 1999, S. 234—235], в которых связь теофорных компонентов с причастными конструкциями не вызывала сомнений. По написаниям этих имен, в особенности расположенным вертикально, хорошо заметно, что в них имена богов вынесены

¹ Ввиду принципиальной однотипности и многочисленности, по сравнению с первыми тремя именами египетской царской титулатуры, начертаний «солнечных имен» Аргеадов мы не видим практической необходимости давать их исчерпывающую сводку. Подробная классификация вариантов начертания «солнечного имени» Александра Великого проведена Ф. Боск-Пуче [Bosch-Puche, 2013, p. 142—154].

на первое место, а за ними идут причастные конструкции, причем порядок расположения имен богов полностью соответствует последовательности, в которой содержащие их конструкции расположены в царском имени: первое имя бога связано с первой из этих конструкций, а второе – со второй [Meulenaere, 1991, p. 55—56]. Применение этого надежно установленного принципа чтения к имени *nsw-bity* Филиппа Арридея в «нефиванском» варианте подтвердило, что оно должно читаться именно как предполагал де Мёльнере – *Mry-k3-R^c Stp.n-Imn* («Любимый Двойником Ра, Избранный Амоном»); фиванский же его вариант, соответственно, следует читать *Mry-R^c Stp.n-Imn* «Любимый Ра, Избранный Амоном» [Meulenaere, 1991, p. 57]. Серьезное преимущество предложенного бельгийским исследователем чтения состоит в том, что конструкции, основанные на относительной форме *stp.n*, в норме не употреблялись в качестве самостоятельного имени [Bonhême, 1988, p. 265—266; Blöbaum, 2006, S. 239], в то время как для конструкций, основанных на причастии *mry*, это возможно (см. ниже приведенные нами примеры «солнечных» имен, которые, с определенной вероятностью, могут быть сочтены «прототипами» «солнечного» имени Александра Великого). По сути дела, интерпретация де Мёльнере позволяет избежать допущения о серьезном отступлении от нормы в царском протоколе Филиппа Арридея и в целом дома Аргеадов².

Понятно, что «правило де Мёльнере» естественно распространить и на чтение других царских имен рубежа Позднего и македонского времени, в том числе на имена *nsw-bity* Александра Великого и Александра (IV). Если в случае с последним данное правило подтверждает и ранее принятое чтение его имени *H^c-ib R^c Stp.n-Imn* [Blöbaum, 2006, S. 427], то применительно к Александру Великому оно дает основание усомниться в чтении его имени как

² По этой причине не может быть принято суждение Б. Меню о том, что общий для титулатур Аргеадов принцип построения их имен царей Верхнего и Нижнего Египта состоит в вынесении на первое место эпитета *Stp.n-Imn*. Хотя бельгийская исследовательница утверждает, что следует при построении этого вывода «правилу де Мёльнере», она не показывает для этого реальных оснований на материале памятников [Menu, 1998, p. 257—258]. Чтение де Мёльнере принято большинством исследователей, обращающихся к именам *nsw-bity* Аргеадов: [Kahl, 2002, S. 35, Anm. 35; Funke, 2005, S. 45—56; Blöbaum, 2006, S. 425]. Ю. фон Бекерат не пересмотрел традиционное чтение «солнечных имен» Арридея *Stp.n-k3-R^c Mry-Imn* и *Stp.n-R^c Mry-Imn* и после публикации де Мёльнера (возможно, не обратив на нее серьезного внимания ввиду масштаба своей общей работы по классификации царских имен всех эпох египетской истории) [Beckerath, 1999, S. 232—233]. Характерным образом, не решается сделать выбор между традиционным чтением и следованием «правилу де Мёльнере» Ф. Боск-Пуче [Bosch-Puche, 2013, p. 151].

Может показаться, что в «правило де Мёльнере» не укладывается чтение приведенного нами «солнечного имени Арридея на фрагменте из Севеннита. Следует, однако, обратить внимание на направление чтения знаков в нем, надежно устанавливаемое по ориентации знака GG(SL) U₂₁ , – справа налево. В таком случае в группе, состоящей из знаков, обозначающих богов, первым окажется имя Амона, а следующим за ним теофорным компонентом будет, видимо, словосочетание *k3-R^c*. Итоговым чтением этого написания будет в таком случае *Stp.n-Imn Mry-k3-R^c* – с инверсией эпитетов по сравнению с правильным их размещением в царском имени, но без нарушения того соотношения между теофорными компонентами и причастными конструкциями в составе царских имен, которое устанавливается согласно «правилу де Мёльнере».

Stp.n-R^c Mry-Imn («Избранный Ра, Любимый Амоном») [Beckerath, 1999, S. 232—233] в пользу *Mry-R^c Stp.n-Imn* («Любимый Ра, Избранный Амоном») [Blöbaum, 2006, S. 421]. Заметим, что последняя корректура выглядит весьма осмысленно еще и по следующему основанию: имя *Stp.n-R^c Mry-Imn* представляло бы собой, по сути дела, сочетание сразу двух эпитетов, сопутствовавших царским именам, но не употреблявшихся обычно отдельно от них [Bonhême, 1987, p. 265—266], что было бы еще более заметным отступлением от норм египетского протокола, чем самостоятельное употребление одной лишь конструкции с основой *stp.n*. Напротив, словосочетание *Mry-R^c* в качестве значимой основы имени *nsw-bity* выглядит вполне правдоподобно. Задолго до начала египетского эллинизма такое же «солнечное имя» встречается у Пепи I [Blöbaum, 2006, S. 421; cf. Beckerath, 1999, S. 62—63]; в более близкой ретроспективе «двусоставные» имена *nsw-bity* носят первые Ахемениды (см. главу 1, § 1.1.1), причем в храме Амона в Хибисе этот титул Дария I известен в форме *mr(i)y-Imn-R^c* («любимый Амоном-Ра»), в том числе в сочетании с разными дополнительными эпитетами [Blöbaum, 2006, S. 394 (T3—T12)]; и, наконец, *k3 nht mry-R^c* («Мощный бык, любимый Ра») – это базовый компонент Хоровых имен Шешонка I и его преемника Осоркона I [Beckerath, 1999, S. 184—185]³.

Достаточно очевидно, что титулатура Филиппа Арридея в ее фиванском варианте, по сути дела, воспроизводит имя *nsw-bity* его сводного брата и великого предшественника; однако выявленные параллели к данному титулу Александра Великого позволяют поставить вопрос, какая из них могла стать моделью этого имени обоих царей-Аргеадов. Едва ли есть основания думать в связи с этим о «солнечном имени» Пепи I; естественно задуматься, не воспроизводит ли оно по крайней мере двусоставную структуру имен *nsw-bity* первых Ахеменидов, как предшественников Александра в установлении чужеземной власти над Египтом⁴. Кроме того, исключительно значимой нам кажется параллель между именем *nsw-bity* Александра и Хоровыми именами первых царей XXII династии. Античная рецепция египетской традиции в конце IV в. до н.э. отразила образ великого царя египетского прошлого – завоевателя и устроителя – с именем «Сесонхосис», и связь формы этого имени с ливийско-египетским *Ššnq*

³ Странно, что А.-И. Блэбаум прошла в своем превосходном терминологическом исследовании мимо этой параллели титулу Александра Великого.

⁴ Сугубо локальное распространение имени *nsw-bity* Дария I *mr(i)y-Imn-R^c* (см. выше) затрудняет предположение о том, что оно могло бы быть непосредственной моделью данного титула Александра. Равным образом, лучше воздержаться от соблазнительного предположения о том, что воспроизводство структуры имен Ахеменидов могло бы быть связано с проведением преемства между Александром и ними как правителями межрегиональной державы в Азии. Несомненно, что имя *nsw-bity* было составлено для македонского царя уже при вступлении в Египет в 332 г. до н.э., когда разгром Дария III и соединение под властью Александра всех владений Ахеменидов еще не осуществились (в частности, оно фиксируется в его наиболее ранних титулатурах в Луксоре [Blöbaum, 2006, S. 421 (T10—T12)]; см. настоящую главу, § 2.2.1).

не требует особых доказательств (см. главу 6, § 6.2.2, 6.3.1). Более того, греко-египетская традиция «Романа об Александре», восходящая к первой половине III в. до н.э. (см. главу 5, § 5.5), напрямую соотносит именно с этим образом Александра Великого как царя Египта, именуя его «возрожденным Сесонхосисом, миродержавцем» (Hist. Alex. Magni, A. I.34.2; см. главу 6, § 6.4). В данном образе оказываются контаминированы реминисценции как Сенусерта I – устроителя египетского общества, – так и царей-завоевателей II тыс. до н.э., реминисценции которых были подверстаны к образу и имени Сенусерта III (Сесостриса античной традиции) и, наконец, собственно Шешонка I; а выявление логики этой контаминации составляет отдельную задачу нашей работы (см. в целом главу 6). Сейчас мы лишь констатируем, что само наличие этого сложного образа и соотнесение его с образом Александра в греко-египетской традиции начала эллинизма позволяет допустить, что параллель между его именем *nsw-bity* и титулатурой Шешонка I не случайна⁵. Вместе с тем само по себе такое допущение все же нельзя считать надежным аргументом в пользу того, что представление об Александре как о «возрожденном Сесонхосисе» полностью оформилось уже в его царствование: традиция «Романа об Александре» позволяет судить о его сложении лишь в начале птолемеевского времени.

Наблюдения Х. де Мельнере о чтении теофорных царских имен позволяют сделать небольшое, но весьма важное наблюдение об именах *nsw-bity* всех трех представителей царей дома Аргеадов: получается, что стандартным дополнением к этому титулу имени оказывается эпитет *Stp.n-Imn*. Думается, что особо гадать о его происхождении не приходится: скорее всего, в титулатуре Александра Великого этот эпитет восходил к прославленному эпизоду его признания («избрания») сыном Амона при посещении храма в оазисе Сива⁶, а затем клишировался в титулатурах его преемников.

Характерно также, что резкое изменение в имени *nsw-bity* мы видим при Александре (IV): данное его имя *H^c-ib-R^c* («Ликующе сердце Ра») включает в себя компонент – *ib-* в соответствии с моделью, принятой при XXVI династии [Blöbaum, 2006, S. 92]; собственно говоря, оно совпадает с именем последнего ее легитимного представителя Априя [Blöbaum, 2006, S. 214]. Отклонение на этом этапе структуры имени *nsw-bity* от «двусоставной»

⁵ Показательно, что имя *nsw-bity* Нектанеба I [Blöbaum, 2006, S. 407] и одна из форм этого титула Птолемея I [Kuhlmann, 1998, S. 469—472] явным образом воспроизводят этот же титул Сенусерта I *hpr-k3-R^c* [Beckerath, 1999, S. 82—83], будучи связаны, судя по всему, с этим же комплексом представлений о великом царе египетского прошлого (см. подробнее главу 5, § 5.2, главу 6, § 6.2.3).

⁶ Ср. с появлением его личного имени в титуле «сына Ра» в сочетании с эпитетом «Сын Амона» в оформлении храма Тота в Гермополе (фасад храма, рисунок Дж.Г. Уилкинсона [Winter, 2005, S. 209, Abb. 2; Bosch-Puche, 2008, p. 39, n. 36]; фрагмент архитрава [Winter, 2005, S. 210. Abb. 3a–b; Bosch-Puche, 2008, p. 39, n. 37]) и на памятнике из оазиса Бахария [Bosch-Puche, 2008, p. 33, 39]; cf. [Hölbl, 1992 (1), p. 274; Bosch-Puche, 2014 (2), p. 96—97]. Об эпизоде в оазисе Сива см. главу 2, § 2.1.

модели начала персидского времени в сторону модели династии, устраненной с египетского престола персами, представляется весьма показательным. Вполне возможно, что оно соотносится с общим повышением враждебности к прежним азиатским странам, в формальное царствование Александре (IV) по большей части находившихся под властью противников сатрапа Египта Птолемея (ср. с нашими замечаниями выше об исключении мотивов, связанных с чужеземными странами, из первых трех царских имен сына Роксаны; см. также главу 4, § 4.3.2, 4.3.3, 4.4).

2.2.5. Вопрос о вариативности египетских царских имен Аргеадов

Как мы видели выше, ряд египетских царских имен представителей дома Аргеадов известен более чем в одном варианте, причем некоторые из этих вариантов имеют достаточно определенную привязку к храмовым центрам, где присутствуют памятники этих правителей. Пожалуй, наименее вариативной во всем протоколе Аргеадов является титулатура Александра (IV): хотя мы выделяем по два варианта для его Хорова имени и имени Хора Златого (см. таблицу 2.3), но они совершенно явно представляют собой более и менее полные варианты одной и той же первоосновы каждого из этих имен. В титулатуре Александра Великого вариативно опять же его Хорово имя: формально можно выделить до четырех его вариантов, но три из них (варианты 2а—в в таблице 2.1) так же, как и у его сына от Роксаны, явным образом представляют собой полную и сокращенные формы одного и того же имени. При этом Хорово имя Александра, известное в трех вариантах, засвидетельствовано и в Карнаке и в Гермополе и, соответственно, с некоторой осторожностью может считаться распространенным по всему Египту; в отличие от него «одновариантное» Хорово имя *mk-Kmt* является сугубо локальным, будучи засвидетельствовано только в святилище барки, реконструированной при Александре в Луксоре. Максимальной вариативность царского «протокола» оказывается при Филиппе Арридее. Его Хорово имя известно в двух совершенно не связанных между собой вариантах, из которых имя *k3 nht mry m3t* засвидетельствовано достаточно широко и также может восприниматься как общеегипетское, а имя *w3d-t3wy* наблюдается лишь в храме Тота в Гермополе, в том числе в единственном примере полной, пятикомпонентной, титулатуры этого правителя¹. Особенно показательным оказывается такой исключительно важный компонент титулатуры Филиппа Арридея, как его имя *nsw-bity*, известное в варианте из святилища барки Амона-Ра в Карнаке *Mry-Rc Stp.n-Imn* (как говорилось, он воспроизводит тот же титул Александра Великого) и в варианте *Mry-k3-Rc Stp.n-Imn* в ряде памятников за пределами Фив. Таким образом, два наиболее полных варианта египетской царской титулатуры Филиппа Арридея – из «гранитного святилища» в Карнаке² и

¹ Титулатура на основании колонны (см. таблицу 2.2) *ḥnh Hr w3d-t3wy Nbtj hq3 ḥ3swt nsw-bity nb t3wy mry-k3-Rc stp.n-Imn z3-Rc nb ḥw P-h-y-w-rw-y-w-p-w3-s mry Dḥwtj nb Ḥmnw di ḥnh mi Rc* «Да живет Хор Зеленающий Обе Земли, Обе Владычицы Властитель чужеземных стран, Хор Златой Любимый /людьми-/рехит, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Обеих Земель Мерикара Сетепенимен, сын Ра, владыка воссияний Филипп, любимый Тотом, владыкой Гермополя, наделенный жизнью, подобно Ра» (Urk. II. 9. 7—12).

² Строительный текст (см. таблицу 2.2): *Hr k3-nht mry-M3t nsw-bity mry-Rc stp.n-Imn z3-Rc P-rw-y-p-w-s3* «Хор Мощный телец, любимый (богиней) Маат, царь Верхнего и Нижнего Египта Мерира Сетепенимен, сын Ра Филипп» (Urk. II. 10. 13—14).

из Гермополя – сильно отличаются друг от друга по форме Хоровых имен и имен *nsw-bity* и по полноте (соответственно, три и все пять компонентов).

Для уяснения особенностей египетского протокола Филиппа Арридея вариативность его имени *nsw-bity* особенно показательна. Примеры такого рода исключительно редки: так, в титулатуре Ментухотепа II, о вариативности которой мы уже говорили в связи с Хоровыми именами Александра Великого (см. настоящую главу, § 2.2.1), данное его имя оставалось неизменным. В обозримой ретроспективе и перспективе времени Аргеадов аналогичную вариативность мы видим в титулатурах Дария I и Птолемея I (см. отсылки к литературе выше), т.е. иноземных правителей, владевших Египтом в весьма динамичные эпохи его истории. Мы не рискуем предложить какое-либо идеологическое объяснение различиям в формах имени *nsw-bity* Филиппа Арридея в святилище барки Амона-Ра в Карнаке и в памятниках за пределами Фив. Вместе с тем сама эта вариативность хорошо согласуется с отсутствием по-настоящему последовательной и внятной общей концепции в его титулатуре в целом (о чем мы упоминали, анализируя ее первые три компонента; см. настоящую главу, § 2.2.3). Невольно хочется сказать, что подобная вариативность протокола Арридея (весьма вероятно, отражающая определенный концептуальный поиск) связана с переходным характером самого времени его формального царствования в Египте: на его протяжении Египет под властью Птолемея начал свой путь к самостоятельности, однако конкретные формы его нового положения еще не определились, да и саму межрегиональную державу Аргеадов было еще рано считать обреченной. При этом совершенно особое место в памятниках Филиппа Арридея занимает его полная пятикомпонентная титулатура из Гермополя: учитывая, что строительство в Гермополе было одним из главных проектов времени Аргеадов в Египте, завершенным именно при Арридее (см. настоящую главу, § 2.3.1), можно допустить, что этот исключительно полный протокол был составлен для столь значимого храмового комплекса специально. Заметим, что в контексте большого строительного проекта в одном из наиболее важных египетских храмов становится понятен и смысл введенного в этот протокол и не имеющего аналогов вне Гермополя Хорова имени *w3d-Ḥwy*: оно более определено по своему смыслу, чем *k3 nḥt mry m3ꜥt*, и однозначно связано с устроительской деятельностью царя в пределах Египта.

Что же касается титулатуры Александра (IV), то, при отсутствии у нее вариативности и уже отмеченной четкости ее концепции, можно думать, что она была составлена с самого начала его формального царствования с расчетом на отражение в ней чисто символического характера его статуса в Египте и фактического перехода сакральной власти от него к божеству. Понятно, что импульс к этому должен был исходить от сатрапа Птолемея, безусловно,

заинтересованного в идеологическом ослаблении позиций центральной власти державы Аргеадов в своих владениях.

***

Подводя итог нашим наблюдениям над египетским царским «протоколом» Аргеадов, стоит вспомнить о высказанных более двух десятилетий назад сомнениях С. Бёрстайна в том, что титулатура Александра Великого, при содержащихся в ней «неправильностях», свидетельствует о заинтересованности македонских завоевателей в оформлении своей власти над Египтом согласно его традиции и что ее составление не было чисто формальным актом со стороны жрецов (см. раздел «Степень изученности проблемы» во введении). На наш взгляд, нам удалось показать, что вариативность титулатуры Александра не следует переоценивать, а в ее компонентах достаточно определенно угадываются пропагандистские мотивы, порожденные конъюнктурой его времени, вплоть до выделения в ее эволюции этапов, соответствующих отдельным годам его царствования. Понятно, что конкретные формы этой пропаганды, адекватные топике древнеегипетской идеологии, могли быть выработаны только представителями египетской элиты, прежде всего жречества, однако ее ведение отвечало интересам новых македонских властей Египта и, очевидным образом предполагало импульс с их стороны. Сказанное будет едва ли не более справедливо применительно к египетской титулатуре Александра (IV); лишь для титулатуры Филиппа Арридея можно предполагать неполную оформленность ее концепции, объяснимую историческими особенностями его формального царствования. В целом же вывод о том, что составление царского «протокола» Аргеадов ни в какой мере не предоставлялось на бесконтрольное усмотрение египетского жречества и, тем более, не становилось предметом «свободного творчества» отдельных храмовых центров, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

2.3. *Аргеады – египетские цари ритуала*

2.3.1. Храмовое строительство начала македонского времени в Египте

Наряду с непосредственным участием египетских царей в совершении ритуала, храмовое строительство по крайней мере с начала II тыс. до н.э. являлось важнейшим видом их деятельности, в котором они проявляли свое качество посредников между земным миром и богами (см. главу 1, § 1.1.1). В эпохи иноземных владычеств осуществление от имени того или иного правителя храмового строительства в Египте было важнейшим показателем его стремления принять на себя статус легитимного сакрального царя. Так, фактическое прекращение этой деятельности в период второго персидского владычества [Arnold, 1999, p. 137], как, собственно, и на протяжении первого персидского владычества после времени Дария I [Arnold, 1999, p. 92], служит наглядным подтверждением отсутствия заинтересованности в этом со стороны персидских правителей этих эпох. Что касается храмового строительства времени Аргеадов, оно стало известно исследователям с начала становления научной египтологии, однако лишь со сравнительно недавних пор обратило на себя специальное внимание (см. раздел «Степень изученности проблемы» во введении). Как справедливо заметили в одной из наиболее серьезных статей по данному вопросу М. Шово и Кр. Тьер, самая масштабная программа строительства Александра и его преемников в Фивах носила характер восстановления памятников прежних эпох (прежде всего, Нового царства) [Chauveau, Thiers, 2006, p. 398]. С этой точки зрения анализ изобразительной программы памятников Аргеадов, которая повторяла, хотя теперь от их имени, древние образцы, дал бы не так много с точки зрения выявления специфических религиозно-идеологических тенденций начала македонского времени. Более важным нам представляется понять, по какому принципу в эту эпоху вообще намечались памятники, подлежащие восстановлению.

Как мы показали в обзоре историографии во введении к нашей работе (см. раздел «Степень изученности проблемы»), полемика между исследователями памятников Аргеадов велась преимущественно по вопросу о том, следует ли приписывать их храмовому строительству серьезную политическую актуальность (в частности, видеть в их фиванских памятниках стремление провести связь между их временем и эпохой Нового царства). В зависимости от этого исследователи считали оправданным приписывать инициативу этого строительства к самим македонским царям (или, по крайней мере, их агентам в Египте, формировавшим в их интересах злободневную идеологическую концепцию) или же считать это строительство простым продолжением программ, начатых еще египетскими царями IV в. до

н.э., которое осуществлялось прежде всего по инициативе жречества. Как представляется, обе эти позиции игнорируют такой важный момент, как сильная концентрация храмового строительства Аргеадов в двух центрах – в Фивах и в Гермополе. Между тем объяснение «интереса» македонских правителей именно к этим культовым центрам не должно сводиться просто к констатации их древности и значимости, при наличии в долине Нила множества древних и хорошо известных святилищ. Равным образом, вывод о том, что на протяжении IV—III вв. до н.э. в Фивах реализовывалась некая единая программа храмового строительства, не должен снимать или затенять вопрос о причинах ее значимости и о ее возможной политико-идеологической актуальности. В случае, если в основе этой программы лежала определенная концепция, хотя бы и восходящая еще к египетским династиям IV в. до н.э., весьма вероятно, что именно ее полезность для целей идеологов македонских правителей и была основанием к тому, чтобы избирательно продолжить от их имени именно эту программу. Прояснить эти моменты позволит более подробное обращение к памятникам храмового строительства Аргеадов в Египте.

Удачным образом, египетские памятники Александра и его преемников-Аргеадов сравнительно немногочисленны и легко обозримы; данные о них мы включаем в предлагаемую здесь таблицу. В ней учтены только те памятники, которые являются непосредственно частями храмовых построек. Основные центры строительных программ времени Александра Великого и Филиппа Арридея – Фивы и Гермополь – вынесены для этих царствований на первое место; остальные храмовые центры, где засвидетельствовано строительство Аргеадов, приводятся в последовательности с севера на юг¹.

Таблица 2.4. Памятники храмового строительства в Египте царствований Александра Великого, Филиппа Арридея и Александра (IV)

<i>Местоположение памятников</i>	<i>Общая характеристика памятников</i>
----------------------------------	--

¹ См. также более ранние индексы храмового строительства этого времени: [Huß, 1994 (1), S. 26—27 (памятники царствований Филиппа Арридея и Александра (IV)); Rondot, 1997, p. 274—276 (памятники царствования Александра (IV)); Menu, 1998, p. 256, n. 22; Blöbaum, 2006, p. 361—363, 419—428; Chauveau, Thiers, 2006, p. 390—396]; см. также общую характеристику храмового строительства в Египте времени Аргеадов: [Arnold, 1999, p. 138—141, 320, 339—340]. Помимо собственно фрагментов храмовых построек, учтенных в нашей таблице, Д. Арнольд упоминает известный по изображениям на монетах римского времени храм Иисиды в восточной части Александрии, по-видимому, возведенный при Александре согласно египетской строительной традиции [Arnold, 1999, p. 138].

Александр Великий

<i>Александр Великий</i>	
Фивы, Карнак	
Святылище Ахмену (юбилейный храм Тутмоса III): помещения посвященные Сокару (PM ² II. 119—120 (394—398)).	Восстановление помещений, узурпированных у Тутмоса III [Barguet, 1962, p. 192—197; Schäfer, 2007, S. 60—63, pl. 1—18 (фотографии Шт. Пфайффера)]. Надпись с титулатурой Александра над входом (Urk. II. 6. 14—16; PM ² II. 120 (394a—d)); строительная надпись с описанием восстановления помещения рядом с почитательным текстом Тутмоса III (Urk. II. 7. 4—11; PM ² II. 120 (397)).
Храм Амона-Ра: IV пилон PM ² II. 79 (202g—h).	Восстановление ворот. Надпись Александра о восстановлении на основании южной стороны (PM ² II. 79 (202h)) [Legrain, 1905, p. 42 (26); Grothoff, 1996, Dok. 9h]; восстановление текстов Шабак и рельефов Тутмоса III Александром на основании внешней северной стороны (PM ² II. 79 (202g)) [Chauveau, Thiers, 2006, p. 391].
Храм Амона-Ра: проход между IV и V пилонами (PM ² II. 83 (215): “Base, two lines of later text” (?)).	Возможно, восстановление: незавершенная почитательная надпись на юго-восточном косяке, северная сторона [Traunecker, 1987, p. 352, n. 29].
Храм Амона-Ра: преддверие VI пилона (PM ² II. 86 (228)).	Возможно, восстановление сцен Тутмоса III по обеим сторонам прохода [Traunecker, 1987, p. 352, n. 29]
Храм Хонсу: вход в пилон (PM ² II. 228 (12a—c)).	Узурпация пилона Пиноджема I: сцены на левом косяке, на правой стороне архитрава и на левой стороне прохода, изображающие Александра совершающим приношения богам [Schäfer, 2007, pl. 20—25 (фотографии Шт. Пфайффера)].
Внешняя стена	Восстановление святилища Хонсу-Неферхотепа,

<p>Карнакского комплекса, юго-восточный угол: часовня Хонсу-Неферхотепа.</p>	<p>отождествленного с Шу, которое было построено при Нектанебе I и предназначено для имитации посещения этим богом Мединет Абу [Traunecker, 1982; 1987, p. 347—351 (два блока, которые, по-видимому, находились в пространстве между храмом Опет и «воротами Эвергета» и относились к часовне Хонсу-Неферхотепа)].</p>
<p>Ворота во внешней стене Карнакского комплекса, перед храмом Хонсу («Ворота Эвергета»; РМ² II. 225—227).</p>	<p>Возможно, проект монументальных ворот и начало его реализации [Traunecker, 1987, p. 353 (согласно Тронекеру, второй блок из святилища Хонсу-Неферхотепа несет на себе упоминание проекта, который осуществлялся при Александре и должен был включать в себя всю совокупность работ на участке храма Хонсу, возможно, и сооружение ворот во внешней стене); Schäfer, 2007, S. 65].</p>
<p>Участок храма Амона-Ра в карнаке: фрагменты карнизов (6), рельеф (1), косяки дверных проходов (2).</p>	<p>Свидетельства строительства на храмовом участке, очевидно, частично происходящие из известных памятников [Thiers, 2010, p. 374—379, fig. 1—4].</p>
<p>Фивы, Луксор</p> <p>Святилище барки божества (РМ² II. 324—326).</p>	<p>Постройка, заменившая аналогичную, возведенную при Аменхотепе III [Abd-el-Razig, 1984] (см. также настоящую главу, § 2.2.1).</p>
<p>Гермополь</p> <p>Храм Тота: фасад (РМ IV. 165, 167).</p>	<p>Продолжение работ, начатых царями XXX династии: фрагмент архитрава с титулатурой Александра Великого (см. настоящую главу, § 2.2.1, таблицу 2.1, вариант 2в Хорова имени Александра, с отсылками к публикациям); блок из стены прохода с картушами Александра и именами богов Гермополя</p>

	[Schwentzel, 1999, p. 166—169; Winter, 2005, S. 212, Abb. 4]; рельеф [Roeder, 1959, S. 300, Taf. 67d; Winter, 2005, S. 210—211].
Оазис Бахария, Каср эль-Мегисба Храм Амона-Ра и Хора (PM VII. 310—311)	Весьма вероятно, «псевдопамятник», призванный подтвердить идеологему, сформированную применительно ко времени Александра уже в первые десятилетия III в. до н.э. в рамках пропаганды Птолемеев; см. главу 4, § 4.5.
<i>Александр Великий и Филипп Арридей</i>	
Фивы, Луксор Северо-западная стена: граффито Анхпахереда PM ² II. 335 (219).	Надпись, описывающая восстановление святилище барки в Луксоре в начале царствования Александра и продолжение строительных работ в Фивах при Филиппе Арридее (см., с подробными отсылками к публикациям и литературе, настоящую главу, § 2.2.1, главу 3, § 3.2).
Гермополь Храм Тота: фасад (PM IV. 165, 167).	Продолжение работ, начатых царями XXX династии: портик храма с титулатурами обоих царей (рисунок Дж. Г. Уилкинсона; см. настоящую главу, § 2.2.1, <i>Рисунок 2.4</i>); титулатура Филиппа Арридея на основании колонны (Urk. II. 9. 7—12; см. настоящую главу, § 2.2.5, прим. 1); многочисленные фрагментарные титулатуры Филиппа Арридея на блоках фасада и колонн [Snape, Bailey, 1988]; блок CM 31/5/25/9, изображающий Филиппа Арридея перед Тотом (указано: [Chauveau, Thiers, 2006, p. 394]).
<i>Филипп Арридей</i>	

<p>Фивы, Карнак</p> <p>Святылище барки божества («гранитное святилище»; РМ² II. 98—101).</p>	<p>Постройка, заменившая аналогичную времени Тутмоса III, в свою очередь, возведенную на месте «красной часовни» Хатшепсут; см. восстановительную надпись Филиппа Арридея (РМ² II. 100 (287—288); 101 (296); Urk. II. 10. 5—16) [Barguet, 1962, p. 136—141; Lacau, Chevrier, 1977, p. 402—412]; блоки из святилища из Бостона (MFA 75.11; РМ² II. 100 (289)) [Bothmer, 1952] и Каира (СМ JE 36712; РМ² II. 102).</p>
<p>Помещение, примыкающее к западной стороне «гранитного святилища» с севера (РМ² II. 91 (260b)).</p>	<p>Восстановление рельефов Тутмоса III над входом [Jéquier, 1924, pl. 2(3)].</p>
<p>Помещение к северо-западу от гранитного святилища (РМ² II. 90 (248)).</p>	<p>Рельефы с изображениями Филиппа Арридея, приносящего жертвы Амону, на стене, отделяющей помещение от «вестибюля» «гранитного святилища» [Barguet, 1962, p. 133]; восстановительный текст Филиппа Арридея (Urk. II. 9.14—16).</p>
<p>Фивы, Луксор</p> <p>Процессионная колоннада, вход (РМ² II. 313 (72a—b)).</p>	<p>Картуши Филиппа Арридея [Daressy, 1893 (2), p. 40—41; Aufrère, Golvin, Goyon, 1991, t. 1, p. 141]</p>
<p>Атрибис</p> <p>Храм Хора Хентихети.</p>	<p>Блок с именем Филиппа Арридея [Rowe, 1938, p. 529; Vernus, 1974, 171 (doc. 142)]; блок с «солнечным» именем <i>Mry-R^c Stp.n-Imn</i> [Mysliwiec, 1999, p. 79—80, fig. 52]².</p>

² Это «солнечное» имя известно у Александра Великого, Филиппа Арридея и Птолемея I (см. главу 2, § 2.2.4), и М. Шово и К. Тьер относят этот памятник с долей неуверенности к царствованию Александра [Chauveau, Thiers, 2007, p. 390]. Однако хорошо засвидетельствованное в памятниках Джд-Хора

Хорбейт (Тух эль-Карамус) Храм Амона-Ра (PM. IV. 27).	Фундамент храма: заклад, содержащий глазурованную пластинку с картушем [Navelle, Griffith, 1890, p. 28—30, 53—56, pl. VIII(B), XVII(8); Snape, 1986, p. 24; Arnold, 1992, S. 210 (112); cf. Chauveau, Thiers, 2006, p. 393].
Севеннит Храм Онуриса-Шу (PM IV. 43).	Вероятно, продолжение работ, начатых XXX династией: фрагменты карниза, с картушами (3) [Edgar, 1911, p. 91 (1—2); Arnold, 1992, p. 217 (122); Spencer, 1999].
Нуб Таха близ Телль эль-Иэхудие Храм Атума (?) (PM IV. 58)	Архитрав с Хоровым именем <i>k3 nḥt mry m3ʿt</i> , приписываемым Филиппу Арридею (см. настоящую главу, § 2.2.3, таблицу 2.2, а также прим. 2).
<i>Александр (IV)</i>	
Хорбейт (Тух эль-Карамус)	Стела из каменоломен Масары, засвидетельствовавшая добычу камня для храма, Год 4 Александра [Spiegelberg, 1905, p. 222] ³ .
Севеннит	

строительство в Атрибисе в формальное царствование Филиппа Арридея скорее должно было бы побудить отнести его к этому времени.

³ Большинство исследователей [Chauveau, Thiers, 2006, p. 390; Bosch-Puche, Moje, 2015, p. 341] принимают мнение Шпигельберга об отнесении этой стелы к времени Александра Великого. Однако, как мы видели выше, заклад при основании храма в Хорбейте относится к царствованию Филиппа Арридея. Не разумнее ли в таком случае считать «царя Александра», фигурирующего в датировке этой стелы, преемником Арридея Александром (IV)?

<p>Храм Онуриса-Шу (PM IV. 43).</p>	<p>См. выше, о строительстве царствования Филиппа Арридея в этом храме: многочисленные блоки гранитных рельефов с надписями и изображениями Александра (IV) [Edgar, 1911, p. 91—92 (3—4); Kamal, 1906, p. 90—91 (I—II); Spencer, 1999], в т.ч. Louvre E10970 [Cleopatra's Egypt, 1988, p. 98—99 (No. 11)], Ny Carlsberg ÆIN 1061 [Koeford-Petersen, 1956, p. 48 (No. 59), pl. LIX – с неверной атрибуцией к храму в Бехбейт эль-Хагаре, ср.: Chauveau, Thiers, 2006, p. 395] и др.</p>
<p>Спеос Артемидос «Малый спеос» (PM IV. 165)</p>	<p>Карниз с фризом царских картушей; архитрав с двойной сценой, изображающей царя приносящим жертвы местным божествам [Chauveau, Thiers, 2006, p. 395].</p>
<p>Туна эль-Гебель (близ Гермополя) Некрополь священных животных (ибисов и павианов), т.н. «галерея С»</p>	<p>Фрагмент с картушем, блок со сценой «соединения Обеих Земель» и титулатурой Александра (IV), в сочетании с упоминанием «Тота, главы девятки» [Kessler, 1998, S. 5—6, 10].</p>
<p>Элефантина Храм Хнума (PM V. 227).</p>	<p>Рельефное оформление ворот храма [Bickel, 1998]: завершение работ, начатых в рамках строительной программы Нектанеба II [Bickel, 1998, S. 117].</p>

Оценивая строительную деятельность времени Аргеадов в Египте, следует иметь в виду следующие моменты⁴. Во-первых, главными центрами храмового строительства в Египте в

⁴ Ниже, за исключением тех случаев, когда это представляется существенно необходимым, мы не повторяем отсылки к публикациям памятников, приведенные выше в таблице.

царствования Александра Великого и его непосредственного преемника Филиппа Арридея (т.е. до 317 г. до н.э.; см. настоящую главу, § 2.1), без сомнения, следует считать Фивы и Гермополь. В случае если предложенные нами интерпретации блока из Атрибиса и стелы из Масары верны и эти предметы не относятся к царствованию Александра, то строительство от его имени вообще велось только в этих двух важнейших культовых центрах⁵. В то же время в течение формального царствования Александра (IV), начиная с 317/6 г. до н.э., строительная деятельность распределяется – по крайней мере на первый взгляд, довольно бессистемно – сразу по целому ряду местных культовых центров. По-видимому, рубеж, после которого строительство Аргеадов оказалось подобным образом «децентрализовано», пришелся еще на финал царствования Филиппа Арридея: об этом, на наш взгляд, говорит присутствие в одном из этих местных храмов – в храме Онуриса-Шу в Севенните – фрагментов с титулатурами как этого царя, так и сменившего его сына Роксаны. Эта «децентрализация» привела к остановке работ на основных площадках предыдущих царствований: при Александре (IV) прекратилось строительство в Фивах, а в Гермополе не продолжились работы в большом храме Тота, и лишь была возведена небольшая постройка в Туна эль-Гебель. Кроме того, в целом уменьшился масштаб строительных программ: в это время мы не наблюдаем активности, сопоставимой со сравнительно широко задуманным строительством Александра Великого и Филиппа Арридея в Фивах. Среди провинциальных памятников царствования Александра (IV), наверное, можно обратить внимание на активность в Дельте: помимо перечисленных выше памятников, ее свидетельствами служат, возможно, блок *Besançon A.995-7-1*⁶, а также знаменитая «Стела сатрапа», фиксирующая благодеяния сатрапа Птолемея жречеству Буто на Году 7 Александра (IV) (см. о ней в нашей работе далее).

Во-вторых, строительство царствований Александра Великого и Филиппа Арридея в Фивах обнаруживает такую характерную черту, как значительная роль в оформлении их памятников образа итифаллического Амона Камутефа (см. также: [Schäfer, 2007, S. 58, 60—63]). Так, в помещении храма Ахмену, узурпированном Александром у Тутмоса III, мы обнаруживаем два регистра сцен совершения им ритуалов как перед Амоном-Ра в обычной карнакской ипостаси, так и перед итифаллическим Амоном (в частности, специфичную для

⁵ О памятнике из Бахарии, который его издатели относили к времени Александра Великого, см. главу 4, § 4.5.

⁶ Публикатор памятника предостерег от его атрибуции Саису, равно как и от того, чтобы рассматривать его в контексте «Стелы сатрапа», в которой саисские культы также играют некоторую роль (см. ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», III.1.б, комм. «й», «л»), исключительно на том основании, что он изображает Александра (IV) перед Нейт [Rondot, 1997, p. 274—278, esp. 276]. Не оспаривая это, мы полагаем, что, во всяком случае, происхождение этого блока из Дельты вероятно. Еще один блок времени Александра (IV), найденный в Каире (СМ JE 43978; PM IV. 73) [Daressy, 1912, p. 286], может, как и найденная в Каире «Стела сатрапа», происходить из Дельты, если только не имеет мемфисского происхождения.

него сцену принесения латука: РМ² II. 119 (396) [Schäfer, 2007, Taf. 3]; *Рисунок 2.5*). Посвятительная надпись, проходящая по периметру основания стены этого святилища, составлена в двух «редакциях», в одной из которых присутствуют эпитеты Амона карнакского, а в другой – Амона в его аспекте божества творения и плодородия [Sethe, 1929, S. 19, § 23]⁷. Сходным образом, в луксорском святилище барки прослеживается на редкость последовательное совмещение образов Амона-Ра «владыки престолов обеих земель» и Амона Камутефа, проявляющееся в едва ли не попарном чередовании соответствующих ритуальных сцен (*Рисунок 2.6*). Главным сооружением царствования Филиппа Арридея следует, бесспорно, считать т.н. «гранитное святилище», служившее местопребыванием барки Амона-Ра в Карнаке и возведенное взамен аналогичного святилища времени Тутмоса III, в свое время также сменившего т.н. «красную часовню» Хатшепсут. «Гранитное святилище» делится выступами центральной части его боковых стен на две части: левая (северная) стена его первой, ближней к входу части примыкает непосредственно к помещению, где хранилась статуя итифаллического Амона Камутефа, и это отразилось в оформлении ее внешней стороны (РМ II². 99 (287)) [Barguet, 1962, p. 140]. Сцены почитания итифаллического Амона присутствуют также на внутренней стороне северной стены «гранитного святилища» в обеих его частях, причем во второй, дальней от входа части святилища эти сцены противопоставлены сценам почитания Амона в его обычном облике на противоположной, южной стене (РМ II². 101 (294, 296)) [Barguet, 1962, p. 138]. Наконец, принесение жертв Александром Амону-Камутефу представлено и на архитраве пилона храма Хонсу (РМ II². 228 (12a—b)) [Schäfer, 2007, Taf. 20—21].

В-третьих, религиозно-идеологическое значение этого же памятника времени Филиппа Арридея во многом определяется комплексом сцен на внешней стороне его южной стены, в ее левой части, которая ближе к входу (РМ II². 100 (290)) [Legrain, 1917, p. 24—25]. Нижние три регистра этой стены содержат сцены, связанные с «Прекрасным праздником Долины», который, как известно, включал в себя «путешествие» барки со статуей божества из Карнака на западный берег Нила в Дейр эль-Бахри [Schott, 1953; Traunecker, Le Saout, Masson, 1981,

⁷ «Обновление памятника/, которое/ сделал [царь Верхнего и Нижнего Египта] Мерира Сетепенамон сын Ра Александр, живущий вечно, после того как обнаружил он его, возведенный (букв. “был (он) в возведении”) при Величестве Хора Мощного быка, Воссиявшего в Фивах, владыки Обеих Земель Менхеперра, сына Ра Тутмоса Семахеперу (“Соединяющего образы”; возможно, ошибочное написание эпитета *nfr hprw* – “Прекрасный образами” – *И.Л.*), любимого Амоном-Ра, владыкой неба, царем богов, (владыкой) /всего/ созданного /и/ будущего, /принадлежащим/ началу времен, /которому/ нет предшествовавшего (вариант: “Амоном-Ра, владыкой престолов Обеих Земель, находящимся перед Ипет-Сут, владыкой неба, земли, гор”), наделенным жизнью» (Urk. II. 7. 4-11: *sm3wy mnw irt.n [nsw-bity nb t3wy] Mry-R^c Stp.n-Imn z3-R^c 3rwksindrz nḥ dt m-ḥt gm.n.f sw iw wn(f) m sipy hr ḥm n Hr k3-nḥt ḥ^c-m-w3s(t) nb t3wy Mn-ḥpr-R^c z3-R^c Dḥwty-msw zm3-ḥprw mry Imn-R^c nb pt nsw ntrw (nb) qm3 wnnty dr-^c n dr-^c.f* (вариант: *Imn-R^c nb nswt t3wy ḥnty Ipt-swt nb pt t3 mw dww) di nḥ*; см. также [Barguet, 1962, p. 194—195]).

р. 134—137; Naguib, 1991; Bell, 1997, р. 136—137, 286]. Считается, что восстановление «гранитного святилища» при Филиппе Арридее тщательно воспроизводило его первоначальный облик при Тутмосе III, включая, разумеется, и изобразительный ряд [Legrain, 1917, р. 14—15]: однако составляющие его ритуальные сцены были, разумеется, «переписаны» на имя Филиппа Арридея. Особенно красноречивы сцены верхнего, четвертого, регистра этой стены, которые изображают церемонию царской коронации в Карнаке, распадающуюся на четыре последовательных этапа: вступление царя в пределы храмового комплекса, с его очищением Хором и Тотом; его коронация Тотом и Хором; введение царя внутрь храма Атумом и Монту; его интронизация Амоном-Ра подле вскармливающей грудью младенца богини Аменит [Legrain, 1917, р. 14—15; Gardiner, 1950, pl. II; Barguet, 1953 (2), р. 151, fig.] (*Рисунок 2.7*). Понятно, что для этого царя с сугубо формальным статусом, ни разу на протяжении своего царствования не ступившего на землю Египта, сцены коронации на внешней стене «гранитного святилища» приобретали особое легитимирующее значение. Вместе с тем стоит обратить внимание и на следующий момент: П. Барге давно показал, что при XVIII династии обряд очищения, входивший в первую часть ритуала, должен был совершаться перед IV пилоном, первая коронация – в пространстве между IV и V пилонами; а интронизация – в колонном зале за V пилоном [Barguet, 1953 (2), р. 148; cf. Blyth, 2006, р. 79]. Однако, по существу, это и есть пункты на центральной оси Карнакского храма, в которых при Александре Великом были проведены восстановления! Добавим к этому, что сам данный ритуал был вплетен в программу празднеств, проводившихся с участием царя (таких, как годовщина коронации, хеб-сед и, вероятно, Опет) [Gardiner, 1950, р. 6; Blyth, 2006, р. 79] и предшествовал вступлению царя собственно в святилище барки.

Эта и другие черты строительства Аргеадов в фиванских храмах позволяют выделить довольно очевидную его закономерность: целью этой строительной деятельности явным образом была реконструкция инфраструктуры, предназначенной для праздничных процессий (ср. с фактически подводящими к этому тезису замечаниями Кл. Тронекера: [Traunecker, 1987, р. 352—353]). Как мы видим (см. таблицу 2.4), при Александре Великом и Филиппе Арридее были полностью обновлены два центральных святилища барки божества в Карнакском и Луксорском комплексе, а в царствование Александра Великого реставрировались храмовые пилоны, через которые пролегал путь праздничных процессий, и была реконструирована часовня во внешней стене карнакского комплекса к югу от храма Опет, предназначенная для остановки барки Хонсу Неферхотепа. Более того, сцены процессии во время «прекрасного праздника Долины» занимают, как мы говорили, существенное место в оформлении «гранитного святилища» Филиппа Арридея, будучи соположены с ключевой по своему

значению сценой его коронации – ритуала, также входившего в программу праздников. По-видимому, как раз сцены «гранитного святилища» указывают напрямую один из праздников, осуществление которых мотивировало строительство Аргеадов в Фивах. Кл. Тронекер обратил внимание, что реконструированная при Александре часовня Хонсу Неферхотепа аналогична по своему назначению исходному варианту этого сооружения – часовне этого божества, отождествленного с Шу, которая была встроена в стену Карнакского комплекса при Нектанебе I для имитации в его пределах более сложного обряда ритуального посещения этим богом храма в Мединет Абу [Traunecker, 1982, p. 352]. В таком случае, эта постройка Александра должна была служить той же цели и, тем самым, быть связана с почитанием карнакским богом Амона Кематефа и «восьмерки» божеств, предсуществовавших творению мира, культ которых локализовался в Мединет Абу (см. о культах Мединет Абу: [Sethe, 1929; Thissen, 1989; Klotz, 2008 (2), p. 177—188]; см. также далее, в связи с ритуалом посещения Амоном карнакским Кематефа – т.н. «праздником декады»). Более или менее очевидно, с какими другими праздниками должны были так или иначе быть связаны прочие постройки Аргеадов в Фивах. Так, отстроенное при Александре заново святилище барки в Луксорском храме было, собственно говоря, не местопребыванием собственного божества этого культового комплекса (для этой цели служило помещение в южной части храма), а вместилищем статуи Амона-Ра карнакского при посещении им Луксора во время праздника Опет [Bell, 1997, p. 156; см. об этом празднике: Миронова, 2011]. Известно, что именно с Опетом, а также с «праздником долины» были связаны существенные черты в оформлении «красной часовни» Хатшепсут в Карнаке, которую при Тутмосе III сменило «гранитное святилище», отстроенное заново при Филиппе Арридее (см., например: [Haeny, 1997, p. 103, с отсылками к литературе]). Наконец, американский исследователь Луксорского комплекса Л. Бэлл обратил внимание, что именно в помещениях юбилейного храма Тутмоса III Ахмену в Карнаке был особенно выражен мотив возрождения жизненных сил божества и царя. С этим мотивом был тесно связан праздник Опет, и, по мнению Бэлла, весьма вероятно, что Ахмену было местопребыванием барки царя, задействованной в этом празднике. Согласно Бэлли, параллельное восстановление при Александре помещений Ахмену в Карнаке и святилища барки в Луксоре не случайно: по сути дела, эти строительные работы осуществляются в одном из начальных и в конечном пунктах процессии праздника Опет [Bell, 1997, p. 158; 293, n. 101]. В таком случае было бы естественно ассоциировать с Опетом (вероятно, с его финалом, представлявшим собой возвращение божества из Луксора в Карнак) мотив царской коронации в сценах «гранитного святилища» и, возможно, работы царствования Александра на центральной оси Карнакского комплекса.

Еще один фиванский праздник, который приобретает особое значение как раз в IV в. до н.э., накануне македонского завоевания Египта, – это т.н. «праздник декады», т.е. посещение раз в десять дней ипостасью Амона, чтимой в Луксорском храме (т.н. Аменапетом), храма в Мединет Абу, для принесения заупокойных даров погребенным там его отцу Амону Кематефу и восьми божествам, связанным с творением мира [Doresse, 1971—1979; Parker, Leclant, Goyon, 1979, p. 80—87, esp. 81—84; Traunecker, Le Saout, Masson, 1981, p. 130—134; Herbin, 1984, p. 105—127; Thissen, 1989]. Заметим, однако, что именно этот праздник, похоже, не отразился в строительной деятельности Аргеадов в Фивах: мы не видим ее свидетельств ни в помещениях Луксорского храма, связанных с образом Аменапета, ни в Мединет Абу. С одной стороны, подобная ситуация могла быть связана с тем, что определенные работы по реконструкции этого комплекса, обеспечившие ему к началу македонского времени вполне приемлемое состояние, проводились, как мы еще увидим, в течение IV в. до н.э., при царях XXIX и XXX династий. В то же время понятно, что выбор приоритетов в храмовом строительстве определялся далеко не только чисто практической потребностью в реконструкции обветшавших построек, но и иными, прежде всего идеологическими соображениями. Тот факт, что исключительно важные в фиванском регионе в IV в. до н.э. культы Мединет Абу представлены в строительной деятельности Аргеадов всего лишь одним малозначительным святилищем Хонсу Неферхотепа на пути его процессии в этот храмовый центр, может оказаться по-своему симптоматичным.

На самом деле, на данном этапе наших рассуждений для оценки строительной программы, осуществлявшейся от имени Аргеадов в Фивах, материала памятников только их времени становится уже недостаточно. Мы оказываемся перед необходимостью рассмотреть это строительство в более широком хронологическом контексте, прежде всего в сопоставлении со строительством в этих комплексах предшественников македонских царей. Оценивая храмовое строительство в Фивах в I тыс. до н.э. (см. в целом: [Barguet, 1980, Sp. 344—349; Blyth, 2006, 185—224]), приходится констатировать снижение его интенсивности по сравнению с эпохой Нового царства и изменение его религиозных приоритетов. В Позднее время Фивы уже не могли быть центром почитания Амона как царского божества и покровителя внешнеполитической активности Египта: со снижением актуальности этих аспектов Амона в начале III Переходного периода, а также с перемещением царской власти на север страны Кл. Тронекер связывает рост значения «праздника декады» и проявляющихся в нем качеств Амона как бога-демиурга и олицетворения плодородия [Traunecker, Le Saout, Masson, 1981, p. 145]. Строительную деятельность большинства царей III Переходного периода, а также Саисского времени на территории фиванских храмов можно назвать сугубо эпизодической: пожалуй,

лишь время XXV династии, придававшей Фивам особое значение (прежде всего, царствование Тахарки) оказывается единственным и, при значимости культа Амона в Напате, довольно понятным исключением из этого правила. Один из самых значительных памятников Тахарки в Фивах – это святилище на берегу Священного озера в Карнакском комплексе. Как показывают его надписи, исследованные Ж.-Кл. Гойоном, особое значение в этом святилище имело своего рода преображение Амона именно в аспекте бога творческой силы после посещения Мединет Абу [Parker, Leclant, Goyon, 1979, p. 80—87; Traunecker, Le Saout, Masson, 1981, p. 138; cf. Arnold, 1999, p. 51, 53—54]. По существу, уже в этой постройке мы наблюдаем некую вариацию луксорского «праздника декады» применительно к образу Амона, чтимому в Карнаке.

После Тахарки сколько-нибудь активное строительство на территории Карнака вновь почти что замирает, чтобы возобновиться лишь в начале IV в. до н.э., после первого освобождения Египта от персидского владычества. Мы не знаем памятников непосредственного освободителя страны и единственного царя XXVIII династии Амиртея ни в Фивах, ни где-либо еще. Зато первые цари XXIX династии Неферит I и Псамуф начинают строить к западу от Карнакского комплекса святилище, служащее для остановки барки божества во время праздничной процессии. Это святилище, завершенное и в итоге полностью узурпированное царем XXIX династии Акорисом (PM² II. 23), было в 1970—80-е гг. изучено и опубликовано группой французских исследователей во главе с Кл. Тронекером [Traunecker, 1979, p. 408, 411, 412, 423; Traunecker, Le Saout, Masson, 1981; Arnold, 1999, p. 100—101; см. также старую сводку памятников IV в. до н.э. в египетских храмах: Kienitz, 1953, S. 190—232]. В надписях этого важнейшего сооружения XXIX династии в Фивах, как и в святилище Тахарки, на первый план выходит связь культов Карнака и Мединет Абу. Речь идет о совершении Амоном карнакским, приобретающим при этом аспект бога плодородия, заупокойных обрядов богам, погребенным в Мединет Абу, т.е. опять же о карнакской вариации «праздника декады» [Traunecker, Le Saout, Masson, 1981, p. 113—120]. Помимо этого, Акорис возводит непосредственно на территории Мединет Абу боковое крыло малого храма этого комплекса, в оформлении которого преобладают сцены посещения храма царем (PM² II. 472—473) и сооружает в этом же храме колонны (id. 467—468) [Traunecker, 1979, p. 413; Traunecker, Le Saout, Masson, 1981, p. 15—16, 120—125]. По мнению Кл. Тронекера, значение этих ритуальных посещений Мединет Абу божествами Восточных Фив становится к этому времени столь велико, что они фактически поглощают собой прежний «прекрасный праздник Долины». Во всяком случае, мотивы, связанные именно с этим комплексом на западном берегу Нила, явно играют в храмовом строительстве XXIX династии

очень значимую, едва ли не первостепенную роль [Traunecker, Le Saout, Masson, 1981, p. 134—137]⁸.

Ситуация существенно меняется при XXX династии. С одной стороны, ее основатель Нектанеб I продолжает строительство в Мединет Абу, начатое наиболее значительным среди его предшественников – Акорисом. Здесь он реставрирует второй пилон малого храма (PM² II. 465), узурпирует его колоннаду, возведенную в саисское время (id. 463—464), возводит к западу от этого храма ворота (id. 474—475). В то же время на восточном берегу Фив, в рамках весьма активной строительной деятельности, им же начинается осуществляться программа, суть которой покажется нам весьма знакомой. Нектанеб I окружает территорию Карнакского комплекса новой стеной (id. 21) [Barguet, 1962, p. 29—33; Nabashi, 1970, p. 229—235, fig., pls. XXIIa—b; Traunecker, 1975, p. 147, n. 2; Abd er-Raziq, 1978, S. 111—115, Taf. 25a]; при нем в этой стене сооружаются ворота с восточной (PM² II. 208) и юго-западной (id. 245: перед храмом Опет; позднее узурпированы Птолемеями) сторон, а также, возможно, большой I пилон к западу от храма Амона-Ра (PM² II. 23) [Blyth, 2006, p. 219—220]; в возведенную им стену встраивается часовня Хонсу Неферхотепа, отождествленного с Шу, восстановленная затем при Александре (см. выше). При Нектанебе I была построена процессионная аллея от храма Мут на запад, к берегу Нила [Cabrol, 2001, p. 143—145]; при нем окружается стеной северный комплекс Карнака, посвященный Монту, и с южной стороны этой стены, перед храмом Маат, возводятся ворота (PM² II. 11). Наконец – и это особенно показательно, – Нектанеб I сооружает аллею сфинксов, соединяющую Карнак с Луксором (id. 255, 302), и завершающие ее ворота в окаймляющей Луксорский комплекс кирпичной стене (id. 302; см. также о концепции размещенных в этой аллее изображений царя перед сфинксами главу 1, § 1.1.2) [Abd el-Razik, 1968]. Строительство этого царя в Карнаке не исчерпывается этими сооружениями: достаточно сказать, что именно он, судя по всему, начинает строительство чрезвычайно значимого в эллинистическое время храма Опет: PM² II. 245—251 [Arnold, 1999, p. 116]⁹.

⁸ Разумеется, нельзя игнорировать и такие памятники этих царей в Карнаке, как начатый при Акорисе и завершенный при Нектанебе I «дом рождения» Хорпара в комплексе Монту (PM² II. 10—11), склады жертвенных приношений, реконструировавшиеся Неферитом I, Псамуфом и Акорисом на южном берегу Священного озера (id. 222) [Traunecker, 1979, p. 408, 411, 412; Blyth, 2006, p. 213—214], храм Хонсу к юго-востоку от Карнакского комплекса (PM² II. 254 [Traunecker, 1979, p. 408]. Здесь обнаруживаются не только блоки с изображением Неферита I, но и такой «своевременный» по своей идеологической тенденции именно в начале IV в. до н.э. памятник, как «Стела Бентреш»; главу 1, § 1.2). Вместе с тем эти памятники либо представляют собой дань лишь нарождающейся концепции обоснования царской власти с помощью т.н. *маммизи* («дом рождения» Хорпара) [Daumas, 1958], либо являются скорее единичными и в любом случае не вписываются в столь давний контекст, как строительство этих царей, связанное с куклами Мединет Абу.

⁹ Помимо этого, в Карнаке при Нектанебе I надо отметить продолжение работ в начатом Акорисом храме Хорпара в комплексе Монту; сооружение храма Хонсупахереда (по сути дела, «дома рождения» в рамках Карнакского комплекса) в комплексе Мут (PM² II. 270—272); часовни, пристроенные к храму

Однако именно перечисленных памятниках Нектанеба I, на наш взгляд, проявляется стремление как бы заново обозначить границы Карнакского и Луксорского комплексов и их составных частей, а также пути, которые связывали их между собой и с другими фиванскими храмами. Трудно представить себе, чтобы подобное стремление могло бы возникнуть иначе, как в ходе обустройства инфраструктуры, обеспечивающей праздничные процессии. При этом сооружение величественной аллеи сфинксов между Карнаком и Луксором, похоже, показывает, что приоритетное значение для Нектанеба I приобретают процессии, связывающие эти два комплекса Восточных Фив (прежде всего, по-видимому, праздник Опет¹⁰), а не ритуалы Мединет Абу, как при XXIX династии. В царствование Тахоса и Нектанеба II мы, казалось бы, не видим прямого продолжения этой деятельности основателя XXX династии; в то же время Д. Арнольд выдвинул предположение, что реконструкция «гранитного святилища», законченного, как мы знаем, при Филиппе Арридее, была начата при Нектанебе II [Arnold, 1999, p. 131, 339 (n. 128); cf. Blyth, 2006, p. 223] (см. также настоящую главу, § 2.2.1)¹¹. В случае, если это предположение справедливо, мы можем заключить, что при XXX династии в Фивах была завершена реконструкция путей для проведения праздничных процессий и начата аналогичная работа применительно к связанным с ними святилищам.

В свете сказанного строительная деятельность Аргеадов в Фивах предстает перед нами естественным продолжением программы, начатой еще при XXX династии. В высшей степени показательным является прямое пересечение этих программ, по-видимому, сразу в двух пунктах – в восстановлении святилища Хонсу Неферхотепа во внешней стене Карнакского комплекса, и в реконструкции святилища барки в Карнаке, если справедливо предположение о том, что она была запланирована еще при XXX династии. Вместе с тем, на наш взгляд, активность Аргеадов

Амона-Ра с востока (id. 217); святилище, пристроенное к храму Мут с юга (id. 258—259: ‘contra-temple’); рельефы в храме Хонсу (id. 243).

¹⁰ См. довольно отчетливые аллюзии на связь сооружения аллеи сфинксов именно с Опетом в надписях на сфинксах: *...rdi.n.i w3t nfrt n (i)t Imn phr m inbw rd m mnw sthn.tw m hrrw(t) nbw* «...Построил (букв. “дал”) я прекрасную дорогу для (о)тца /моего/ Амона, окруженную стенами, посаженную деревьями-*mnw*, украшенную цветами всякими» (надпись Нектанеба I на пьедестале сфинкса O2); *w3t ir.n.f n it Imn r irt hn.f nfr m Ipt-rs(y)t nn w3t nfr mitt.s hnt dt* «Дорога, /которую/ сделал он для (о)тца /его/ Амона, чтобы делать процессию его прекрасную в Ипет-ресит (Луксор – И.Л.), нет дороги прекрасной подобной ей, прежде вечности» (надпись на пьедестале сфинкса E4) [Abd el-Razik, 1968, p. 157; Cabrol, 2001, p. 290, textes 6, 4]. Ср. надпись на пьедестале сфинкса O3: *nsw wr mnw m Ipt-rs(y)t shb Ipt-swt m k3t.f r^c-nb...* «Царь великий памятниками в Ипет-ресит, /который/ сделал ликующим Ипет-сут (Карнак – И.Л.) в работе его, /на/ каждый день...» [Cabrol, 2001, p. 291, texte 7].

¹¹ Кроме того, в Карнаке при Тахосе возводится небольшая часовня у северной стороны храма Хонсу [Laroche, Traunecker, 1980, p. 167—196, pl. XLVII—LI]; фрагменты Тахоса и Нектанеба II имеются в самом храме Хонсу (PM² II. 233, 243); при Нектанебе II возводится небольшой храм Амона к западу от святилища Хонсу в его комплексе (id. 15) и к востоку от комплекса Мут (id. 275); также ведутся работы в святилище Хонсу к юго-востоку от Карнакского комплекса [Arnold, 1999, p. 132, n. 131], где в свое время были засвидетельствованы работы Неферита I; в Мединет Абу при Нектанебе II обустроен священный источник (PM² II. 475).

в Фивах позволяет и более адекватно оценить идеологическое значение этой программы в целом на протяжении IV в. до н.э. В масштабах храмового строительства Нектанебов I и II по всему Египту Фивы кажутся лишь одной из великого множества его площадок; однако в царствования Александра Великого и Филиппа Арридея они определенно «оттягивают на себя» более половины его общего объема. На наш взгляд, это следует объяснить не какими-либо специфическими предпочтениями раннемакедонского времени, а той концептуальной значимостью, которая должна была придаваться строительству в Фивах с первой половины IV в. до н.э. До тех пор, пока правители Египта вели строительство сразу во многих культовых центрах страны (особенно яркой фигурой в этом смысле предстает Нектанеб II) [Jenni, 1998, p. 87—100; Arnold, 1999, p. 124—134], эта значимость могла теряться из виду¹². Однако она сразу стала заметна после завоевания страны македонянами, которые перестали расходовать средства на большую часть этого строительства, но продолжили именно ту его линию, которая, в рамках египетской идеологической традиции, наиболее содействовала укреплению царской власти, перешедшей теперь к ним. По-видимому, с точки зрения любого царского дома Позднего времени, стремившегося к политической и идеологической централизации страны под своей властью, Фивы, благодаря своей славе, восходящей к II тыс. до н.э., были одним из ключевых для этой цели мест. Свидетельством этого уже в начале IV в. до н.э. можно считать, в частности, «Стелу Бентреш» – текст, утверждающий торжество Египта над его иноземными недоброжелателями в категориях, связанных с сугубо фиванским культом Хонсу (см. главу 1, § 1.2). Кроме того, роль древней и славной столицы была прочно закреплена за Фивами в позднеегипетской исторической традиции, которая известна нам через посредство Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского и сведения которой весьма ярко перекликаются с мотивами т.н. «храмовых монографий» из Фив эллинистического времени (см. главу 6, § 6.3.3, в т.ч. прим. 4)¹³.

Однако, как уже говорилось, в I тыс. до н.э. в фиванских культах произошла определенная трансформация религиозных приоритетов, и прямое продолжение традиции культа Амона как царского божества и тем более как покровителя военных успехов фараона стало невозможным. По-настоящему живой частью фиванских культов в Позднее время были,

¹² Впрочем, стоит обратить внимание на мнение А. Каброль, согласно которому совокупность надписей на постаментах сфинксов Нектанеба I представляет собой развернутую характеристику его деятельности в египетских храмах, своего рода «папирус Харрис I в скульптурном варианте» [Cabrol, 2001, p. 296 (“*papyrus Harris I en ronde-bosse*”)]. Если это суждение верно, то сам выбор для подобной самопрезентации Фив подчеркивает их значимость в строительной активности времени XXX династии.

¹³ С мотивами этих своеобразных текстов, утверждающих глубочайшую древность Фив, перекликается, кстати, одна из надписей на сфинксах Нектанеба I (постамент сфинксов O7 и O31): *sm3.n.f W3st niwt nhḥ mshnt nfrt n ntrywt di.sn ḥnh w3s nb snb nb mi Rḥ dt* «Обновил он Фивы, город вечности, место рождения прекрасное богинь, /чтобы/ дали они /ему/ жизнь и прочность всякие, здоровье всякое, подобно Ра, вечно» [Cabrol, 2001, p. 293, texte 15].

по-видимому, праздники и связанный с ними процессионный церемониал; но мы видели, что и здесь обозначился явный крен в сторону обрядов, связанных с почитанием Амона как демиурга и бога плодородия в Мединет Абу. В таком случае задачей царей IV в. до н.э., вновь начавших заботиться об укреплении своей власти, в сфере фиванских культов стало перенесение акцента с ритуалов Мединет Абу на более древние празднества, такие как Опет или «Прекрасный праздник Долины», в которых особое значение приобретала фигура царя. Не случайно наиболее важные памятники, вновь отстроенные Аргеадами в Фивах, восходят ко времени максимальной роли этого культового центра в царской идеологии – XVIII династии: ко времени Тутмоса III – «гранитное святилище» и помещения храма Ахмену, Аменхотепа III – святилище барки в Луксоре. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что именно этой задаче была подчинена программа обустройства процессионной инфраструктуры в Фивах, начатая при Нектанебе I и фактически завершенная при Филиппе Арридее. Как мы видели, надписи Нектанеба I на постаментах сфинксов процессионной аллеи упоминают праздник, в ходе которого происходит движение процессии из Карнака в Луксор и которым, весьма вероятно, является Опет (см. выше, прим. 10). Еще один такой текст дает более широкое описание строительства этого царя в Фвах, понятого как сооружение многочисленных ворот: «Создал он пилоны великие, достигающие неба, в качестве работы благодетельной вечности...» (надписи на постаментах сфинксов O6 и O30: *ir.n.f bḥnwt ʿ3w(t) ḥr tkn ḥrt m k3t mnḥt nt nḥḥ*) [Cabrol, 2001, p. 293, texte 14]. Особенно показательны в этом смысле сцены «праздника Долины», которые мы видим на южной стене «гранитного святилища» Арридея: если верно мнение Тронекера о том, что этот праздник к IV в. до н.э. был фактически поглощен ритуалами Мединет Абу (см. выше), то тщательное восстановление в оформлении святилища этих сцен можно счесть своего рода возвратом к первоначальному значению этого праздника. Вполне понятно присутствие образа итифаллического Амона в оформлении помещений Ахмену, «гранитного святилища» и луксорского святилища барки при Аргеадах. Этот аспект божества, связанный с плодородием, играл существенную роль в фиванских праздниках с эпохи Нового царства, и в памятниках Аргеадов его, скорее всего, не следует связывать с влиянием культов Мединет Абу I тыс. до н.э.¹⁴ Разумеется, полностью проигнорировать ритуалы этого культового центра в предполагаемой нами программе фиванского строительства было невозможно. Однако показательно, что часовня Нектанеба I и Александра, встроенная в стену Карнакского комплекса и связанная с ритуалами Мединет Абу, во-первых, представляет собой очень

¹⁴ Еще одним немаловажным моментом могло быть то, что именно итифаллический Амон был, видимо, божеством оракула оазиса Сива, где состоялось знаменитое признание Александра Великого сыном божества в 331 г. до н.э.: [Kuhlmann, 1988, S. 119—123; независимо: Ладынин, 1998, с. 39—46], см. также главу 5, § 5.2.

незначительный памятник, во-вторых, предполагает, по сути дела, не реальное путешествие Амона карнакского на западный берег Нила, а именно его имитацию в пределах Карнака, причем с участием младшего из его божеств – Хонсу. Наш обзор фиванской строительной программы будет неполным, если мы не упомянем такие ее реплики уже в птолемеевское время, как, например, сооружение знаменитых «ворот Эвергета», или Баб эль-Амара, перед храмом Хонсу, в возведенной Нектанебом I южной стене Карнакского комплекса Амона-Ра (возможно, как говорилось выше, начатых еще в царствование Александра Великого), а также ворот Баб эль-Абд в северной стене комплекса Монту (PM² II. 225—227, 2—4) [Arnold, 1999, p. 166—168; Clère, 1961; Aufrère, 2000]; однако обращение к этим репликам заведомо превысило бы наши задачи.

Анализ наиболее концептуально насыщенных памятников Александра Великого и Филиппа Арридея в фиванских храмах и их более ранних аналогов вполне закономерно оттянул на себя большую часть нашего внимания в настоящем разделе. Однако выше мы уже говорили, что еще одним важным центром их строительной деятельности был Гермополь, где в эти царствования было завершено строительство большого храма бога Тота, а также начаты работы в некрополе священных животных в Туна эль-Гебель (позднее, кстати, они были продолжены в царствование Птолемея I [Gabra, 1939, p. 490 suiv.; Arnold, 1999, p. 156]). Следует заметить, что начато это строительство, как и пресловутая фиванская программа, было при Нектанебе I, который вообще отличал именно этот местный храмовый центр (возможно, ввиду содействия с его стороны его вступлению на престол) [Snape, Bailey, 1988, p. 6—7; Arnold, 1999, p. 111, n. 68]. Откровенно говоря, нам трудно назвать какие-либо иные мотивы для строительства Аргеадов в Гермополе; однако, так или иначе, это строительство потеряло свою приоритетную значимость в царствование Александра (IV). Если восстановление храма Тота при его предшественниках было, несомненно, частью большой государственной программы, то сооружение при нем небольшого святилища в Туна эль-Гебель – это, скорее, местная инициатива, обусловленная текущими культовыми нуждами.

Эта деталь в развитии строительства в Гермополе при Аргеадах является частью более широкого явления на рубеже царствований Филиппа Арридея и Александра (IV), которое мы уже обозначили условно термином «децентрализация»: как раз на этом этапе прекратились работы в крупных культовых центрах, и строительство переместилось в местные храмы. На наш взгляд, подобное изменение достаточно просто объяснить развитием политической и, соответственно, идеологической ситуации как в Египте, так и в масштабах раннеэллинистической ойкумены в целом. Начало формального царствования в Египте Филиппа Арридея было последним отрезком времени, на протяжении которого еще

существовала возможность удержать державу Александра от распада; соответственно, в Египте еще ощущалась потребность македонских властей в легитимации власти этого правителя средствами, имевшимися в арсенале местной идеологии. К рубежу 320-х и 310-х гг. до н.э. стало ясно, что Египет под властью сатрапа Птолемея движется к фактической самостоятельности: при этом сам Птолемей был еще далек от принятия на себя царского статуса, но вряд ли излишне усердствовал в пропаганде легитимности формальных царей, находившихся далеко за пределами страны. В этой ситуации, окончательно обозначившейся к середине и особенно к концу 310-х гг. до н.э. (см. настоящую главу, § 2.2.3 – о Хоровом имени Александра (IV), 2.4.1, 2.4.2, главу 3, § 3.1.3), для него было совершенно логично свернуть фиванскую строительную программу, возвышавшую именно царей-Аргеадов, и ограничить храмовое строительство работами небольшого масштаба, которые были инициированы местными группировками египетской элиты и субсидирование которых обеспечивало приемлемые отношения с ними. Нельзя исключить и то, что в определенной мере эти работы осуществлялись непосредственно усилиями египетского жречества, по аналогии с деятельностью Петосириса (см. главу 3, § 3.2): тогда появление в некоторых памятниках этого времени титулатур Александра (IV) пришлось бы считать формальностью вдвойне, не предполагающей участия македонских властей Египта в их сооружении. Тем не менее такое предположение едва ли справедливо в отношении всех строительных работ данного периода: некоторые из них, в частности работы на территории храма Онуриса-Шу в Севенните и Хнума в Элефантине явно продолжают строительство, начатое при Нектанебе II, для которого тоже было характерно внимание к местным культовым центрам [Arnold, 1999, p. 127—128, 134; Jenni, 1998]¹⁵. Существенно, что отмеченная нами «децентрализация» и сравнительно низкая интенсивность храмового строительства будет в дальнейшем характерна и для царствования Птолемея Сотера в Египте. Судя по целому ряду признаков, с определенного момента он пришел к выводу, что его власть над страной опирается прежде всего на поддержку ее новой греко-македонской элиты и, стало быть, поиску религиозно-идеологических средств воздействия на ее местное население можно и не уделять приоритетного внимания. Такая ситуация сохранялась вплоть до 240-х гг. до н.э., когда, при Птолемеи III Эвергете, она впервые привела к острому кризису в отношениях македонской династии с египтянами, – кризису, одним из следствий которого, кстати, стало частичное возобновление фиванской строительной программы [Ладынин, 2016 (1)].

В заключение хотелось бы сказать несколько слов по поводу весьма несправедливого вопроса: есть ли у нас основания всерьез полагать, что инициатива в строительной

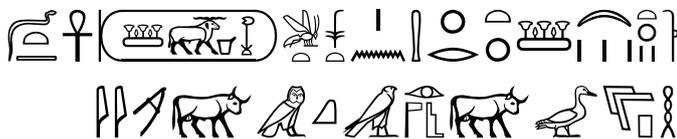
¹⁵ Следует вспомнить, что именно работы по оформлению храма Онуриса-Шу в Севенните играют знаковую роль в истории падения власти Нектанеба II согласно т.н. «Сну Нектанеба» (см. главу 5, § 5.5).

деятельности, ведшейся в Египте от имени Александра Великого и его преемников, действительно исходила от его новых македонских хозяев? На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. В пользу этого, прежде всего, говорит явно целенаправленный выбор в качестве приоритета этой деятельности при Александре Великом и Филиппе Арридее фиванской строительной программы, содействовавшей их легитимации и укреплению позиций царской власти. Далее, ряд примеров – и прежде всего деятельность наместника Александра Великого в Египте Клеомена из Навкратиса (см. главу 3, § 3.3) – показывает, что в распоряжении македонских завоевателей имелись определенные кадры людей эллинской культуры и при этом уроженцев Египта, хорошо знакомых с ситуацией в стране и способных использовать традиционные средства манипуляции ею. Наконец, нужно иметь в виду, что в начале македонского периода истории Египта эта страна еще далеко не была тем полиэтничным и сильно эллинизированным организмом, каким она стала уже при Птолемах. Присутствие греков и македонян за пределами Навкратиса и ряда военных поселений – в том числе и Александрии, еще не приобретшей свой полисный статус – было тогда еще ограниченным. Соответственно, выстраивание отношений с местным населением Египта и в особенности с его элитой, чуткой к сохранению традиционной идеологии страны, было для македонских властей на порядок более актуальным, чем несколькими десятилетиями позже. Сознательное использование македонянами в этих целях тех же идеологических средств, которые, судя по всему, были задействованы еще царями XXX династии, не только не удивляет, но, напротив, кажется вполне естественным.

2.3.2. Александр, сатрап Птолемей и бык Апис

В настоящем разделе мы намерены рассмотреть несколько сообщений источников, которые, как нам представляется, связаны между собой, поскольку должны относиться к жизни одного и того же священного животного – быка Аписа, чтившегося как воплощение бога Осириса-Хапи (*Wsir/*(T)st-irt)-Hp*; см. в целом о культуре Аписа: [Otto, 1938; Vercoutter, 1975; Коростовцев, 1976, с. 14—15; Kessler, 1989, S. 56—149; Meyrat, 2012; Thompson, 2012, p. 177—246]) в мемфисском Серапеуме с середины 330-х до конца 320-х гг. до н.э. Эти сообщения (одна иероглифическая надпись и два свидетельства античных авторов) известны и обсуждаются в литературе достаточно давно; однако попытки выявить связь между ними предпринимались очень немногими авторами, содержали серьезные ошибки и пока ни разу не доводились до конца. Между тем наблюдения над этими сообщениями позволят не только уточнить последовательность Аписов, которые чтились в Мемфисе в IV в. до н.э., но и сделать некоторые замечания о месте этого культа, необычайно важного в I тыс. до н.э., в религиозной деятельности и пропаганде Александра Великого и Птолемея в качестве сатрапа Египта. При этом данная пропаганда была нацелена на презентацию первого из них в качестве полноценного сакрального царя Египта, а второго – в качестве попечителя его культов.

Первое из этих свидетельств – надпись на крышке саркофага Аписа, которая должна находиться *in situ* в Серапеуме (PM III²/2. 804). По словам издавшего ее Б. Ганна, этот саркофаг из черного гранита значительно меньше обычных размеров (правда, Ганн не приводит его измерения) и мог принадлежать Апису, умершему еще теленком [Gunn, 1926, p. 86]. Качество надписи хорошее, знаки размещены в две строки с направлением чтения справа налево, высота знаков в стк. 1 – 3 см, в стк. 2 – 3,5 см, общая длина надписи 31 см. Текст надписи следующий [Brugsch, 1891, S. 968; Gunn, 1926, p. 87]:

h3t-zp 2 3bd 3 3ht hr hm.n nsw-bity H3-b3-s3 ʿnh dt | mry Hp-Wsir nb (?) Qm

Год 2, месяц третий *ахет* при Величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Хаббаша, живущего вечно, любимого Аписом-Осирисом, владыкой (?) Кем (Серапеума?).

Как видно, данный памятник несет на себе датировку Годом 2 Хаббаша, правителя, очевидно, неегипетского происхождения (вероятнее всего, нубийца), установившего власть над всем Египтом вплоть до побережья Средиземного моря, на протяжении короткого перерыва во втором владычестве персов в середине 330-х гг. до н.э. (по-видимому, в промежутке между убийством Артаксеркса III в августе—сентябре 338 г. до н.э. и воцарением Дария III в конце 336 – начале 335 г. до н.э.; см. настоящую главу, § 2.1, «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «Г»). Судя по всему, р. dem. Louvre N2430 с точной датировкой *ꜥht* III Года 2 Дария III, т.е. январем—февралем 334 г. до н.э., указывает на время, когда власть персов над Египтом была несомненно восстановлена (см. главу 4, § 4.1.1); а начало выступления Хаббаша должно было придтись на ноябрь 338—январь 337 гг. до н.э. либо через год, на ноябрь 337—январь 336 гг. до н.э. (см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «Г»). Третий месяц *axet*, которым датирован саркофаг Аписа, соответствовал 15 января – 13 февраля в 341—338 гг. до н.э. и 14 января—12 февраля в 337—334 гг. до н.э. В таком случае *ꜥht* III Года 2 Хаббаша – это январь—февраль 336, либо в крайнем случае 335 г. до н.э., если только к этому времени персы еще не успели восстановить контроль над Египтом, поскольку уже на 336/335 г. до н.э. должен был приходиться египетский Год 1 Дария III.

Самый поздний известный нам случай смерти Аписа и последующего обретения нового священного быка до второго персидского владычества зафиксирован в рZagreb 597—2, где идет речь о погребении в царствование Нектанеба II (и одновременно с отражением этим царем персидского нападения) Аписа, прожившего 6 лет и 8 месяцев [Meurat, 2014]¹. По-видимому, в данном случае имеется в виду «преемник» Аписа, умершего на Году 2 последнего царя XXX династии Нектанеба II, т.е. в 357/6 г. до н.э. [Devauchelle, 1994 (2), p. 107], а его погребение должно быть синхронно с персидским нападением 351 г. до н.э. (*Diod.* XVI.40, 44, 48; *Isocr.* V.101) [Lloyd, 1994 (2), p. 349]². Если Б. Ганн прав в том, что саркофаг Года 2 Хаббаша был изготовлен для Аписа, умершего теленком, то им никоим образом не мог быть бык, обретенный в 351 г. до н.э. или около этого времени. Остается считать, что Апис, погребенный при Хаббаше, был обретен уже в период второго персидского владычества и очень скоро умер. Похожий случай мы видим, кстати, в начале первого персидского владычества, когда Апис, обретенный, видимо, в Году 6 Камбисе, т.е. в 524 г. до н.э. [Posener, 1936, p. 30—36 (nrs. 3—4)], умер на Году 4 Дария I, т.е. в 518 г. до н.э. [Posener, 1936, p. 36—41 (nr. 5)]. На ум невольно

¹ Мы благодарны проф. И.Ф. Кваку (Гейдельберг, Германия) за указание на этот ранее неизвестный нам источник.

² Обратим внимание, что в таком случае данный источник дает точное подтверждение датировке этого нападения, о которой А.Б. Ллойд говорит лишь как о наиболее правдоподобной гипотезе [Lloyd, 1994 (2), p. 349, n. 56].

приходит связать недолгую жизнь этих животных с более тяжелыми, чем обыкновенно, условиями, выпавшими на их долю, но так ли это на самом деле, мы, конечно, не узнаем.

В то же время о судьбе одного из священных быков – современников второго персидского владычества – нам сообщает греко-египетская традиция об этом времени, восходящая, очевидно, к началу эллинизма и уверяющая среди прочего, что завоеватель Египта Артаксеркс III убил и даже съел Аписа (см. о ней подробно главу 4, § 4.4). Минимальную достоверность этому сюжету (вне всякого сомнения, фиктивному) могла сообщить действительная смерть Аписа в это время (точно так же как аналогичный топос применительно к Камбису, известный прежде всего в передаче Геродота, в конечном счете, опирался на действительную смерть Аписа в 524 г. до н.э.; см. об этом топосе подробнее главу 1, § 1.2). Весьма вероятно, что Аписом, которого якобы убил Артаксеркс III, считался бык, обретенный в 357 г. до н.э. Определяя наиболее вероятное время его реальной смерти, надо обратить внимание, во-первых, опять же на замечание Б. Ганна о размерах саркофага Аписа, погребенного при Хаббаше. В случае, если бы его предшественник умер в начале второго персидского владычества, около 343—342 гг. и новый Апис был бы обретен тогда же, то к середине 330-х гг. до н.э. он достиг бы обычных размеров взрослого животного. Во-вторых, в одном из сообщений словаря «Суда», относящемся к греко-египетской традиции об убийстве Аписа Артаксерксом III, убийца последнего Багой, якобы съевший его мясо, представлен египтянином, явно мстящим царю за его кощунство (см. главу 4, § 4.4). Очевидно, сам мотив гибели царя в возмездие за убийство им священного быка оказывается калькой с соответствующего рассказа Геродота о Камбисе, однако согласно последнему персидский царь погиб очень вскоре после убийства им Аписа (*Hdt.* III.64). Исходя из этого, было бы логично ожидать, что Артаксеркс в полной версии данного сюжета, известного нам только по краткой и поздней реплике, должен был погибнуть в Персии вскоре после убийства им Аписа в Египте. В таком случае действительную смерть Аписа, обретенного при Нектанебе II, можно было бы отнести к 338 г. до н.э., и тогда его «преемник», погребенный при Хаббаше, был бы на момент своей смерти и в самом деле всего лишь 2—3 лет от роду. Возможно, что, коль скоро речь идет действительно о теленке, следует предпочесть более раннюю из возможных дат его смерти – начало 336 г. до н.э., при которой его возраст мог не достигнуть и 2 лет.

Так или иначе, для наших целей более существенно то, что прямо не упоминается в надписи на крышке саркофага Аписа, погребенного при Хаббаше, но следует из нее очевидным образом: за смертью этого животного в начале 336 или 335 г. должны были последовать обретение и интронизация нового Аписа. Как представляется, именно к этому новому священному животному должно относиться одно из сообщений «Анабасиса» Арриана о

пребывании Александра в Египте в 332—331 гг. до н.э.: Александр прибыл в Мемфис, где приносил жертвы «как прочим тамошним богам, так особенно и Апису», и устроил агоны, на которые собрались знаменитейшие артисты Эллады (*Arr. Anab.* III.1.4: ἦκεν ἐς Μέμφιν: καὶ θύει ἐκεῖ τοῖς τε ἄλλοις θεοῖς καὶ τῷ Ἄπιδι καὶ ἀγῶνα ἐποίησε γυμνικόν τε καὶ μουσικόν: ἦκον δὲ αὐτῷ οἱ ἀμφὶ ταῦτα τεχνῖται ἐκ τῆς Ἑλλάδος οἱ δοκιμώτατοι). Сообщение об этом в магистральной традиции историков Александра уникально: его аналогов нет ни в жизнеописании Александра Плутарха, ни в сведениях авторов «вульгаты» – Диодора Сицилийского, Курция Руфа и Юстина (см. настоящую главу, § 2.1, прим. 6). Однако, как известно, Арриан ориентировался в своем произведении об Александре прежде всего на сведения современников царя Птолемея и Аристубула (см. там же, прим. 5), причем описание событий, происходивших в Мемфисе, было бы логично скорее возводить к Птолемею. Достоверность данного свидетельства не подлежит особым сомнениям не только в силу пресловутой репутации Птолемея как очень правдивого историка (см. настоящую главу, § 2.1, прим. 5), но и поскольку довольно трудно представить себе тенденцию, которая побудила бы его измыслить это сообщение (последнее соображение равным образом относилось бы и к Аристубулу). Отсутствие упоминаний об участии Александра в ритуале, связанном с Аписом, у авторов «вульгаты» можно объяснить достаточно просто. Для автора их прототипа Клитарха Александрийского центральными эпизодами пребывания Александра в Египте были, бесспорно, посещение им оракула в оазисе Сива и основание Александрии, причем, как уже говорилось (см. § 2.1), чтобы оттенить последнее свершение царя и представить его случившимся уже после его признания сыном бога, Клитарх, видимо, даже поместил его, вопреки реальности, не до, а после посещения Александром оазиса Сива. Неудивительно, если Клитарх в таком случае купировал ряд эпизодов пребывания Александра в Мемфисе, которые, по его мнению, «конкурировали» бы по своей значимости с теми, что акцентировал он сам.

Упоминание Птолемея и Арриана об устроенных Александром в Мемфисе агонах не должно вводить в заблуждение в связи с характером ритуала, в котором царь принял участие. Как уже говорилось (см. настоящую главу, § 2.1, прим. 7), организация праздника, приобретающего резонанс во всем греческом мире, представляла собой хорошо известный прием Александра, использовавшийся им для привлечения внимания к своим важнейшим политическим акциям, какой, безусловно, были занятие Египта и развернувшиеся при этом события. Однако египетская специфика упоминаемого Аррианом ритуала, связанного с Аписом, не вызывает особых сомнений. Нам уже случалось обращать внимание [Ладынин, 1999, с. 70], что сообщение Арриана чрезвычайно важно в следующем отношении: поскольку в Египте не было практики свободного совершения жертвоприношений

[Altenmüller, 1982, Sp. 582; Большаков, 2001, с. 246; Демидчик, 2005, с. 18], а Александр, разумеется, не имел египетского жреческого сана, единственным качеством, которое могло позволить ему беспрепятственно принять участие в египетском ритуале, было собственно качество легитимного сакрального царя. Обратим внимание, что, помимо этого эпизода, Александр, согласно Арриану, принял участие еще в одном, очевидно, в египетском ритуале – жертвоприношении «Зевсу-царю» – после возвращения в Мемфис из оазиса Сива (*Arr. Anab.* III.5.2; см. настоящую главу, § 2.1). Соответственно, эти сообщения Арриана служат надежным показателем того, что, во-первых, Александр действительно был признан сакральным царем как минимум жречеством Мемфиса (но, учитывая столичный статус этого города, несомненно, и всего Египта), и, во-вторых, что он сам проявлял добрую волю к тому, чтобы выступать в этом качестве, и, стало быть, легитимация его власти в Египте в соответствии с местной традицией была для него значима.

Насколько можно судить, Александр вступил в Египет около середины ноября 332 г. до н.э., причем его появление в Мемфисе было отделено от вступления в страну минимальным сроком (см. настоящую главу, § 2.1). В таком случае его участие в Мемфисе в египетских ритуалах, включая какой-то из ритуалов Аписа, также приходится на конец 332 г. до н.э. – на декабрь или, может быть, даже и на ноябрь. Нет сомнений, что если бы Александр принял участие именно в празднестве, связанном с обретением Аписа, то Птолемей, а за ним Арриан специально упомянули бы об этом³. В таком случае, наиболее вероятно, что ритуал, в котором участвовал Александр, был связан с Аписом, сменившим погребенного при Хаббаше, и, соответственно, что последний был обретен достаточно быстро, за какой-то достаточно значительный срок до вступления Александра в Египет. Вряд ли мы сильно ошибемся, если будем отсчитывать срок его жизни фактически непосредственно от года смерти его предшественника, т.е. от 336 или 335 г. до н.э.

Сообщение Арриана вызывает большой соблазн высказать какие-то предположения по поводу того, в каких именно египетских ритуалах принял участие Александр; однако его степенность заставляет с самого начала признать, что сколько-нибудь определенное суждение по этому поводу невозможно. Похож на это сообщение рассказ Светония о том, как Тит в 71 г. н.э., после взятия им Иерусалима и его провозглашения армией императором в традиционном исходном смысле этого титула, оказался в Мемфисе по пути в Александрию и участвовал в ритуале обретения нового Аписа, возложив при этом на себя диадему: это было воспринято его

³ По правдоподобному мнению Шт. Пфайффера, участие Александра в ритуале, связанном с Аписом, в какой-то мере составляет антитезу постулировавшемуся античной традицией убийству Аписа Камбисом [Pfeiffer, 2014, p. 94—95]. Если это так, то сам факт того, что Александр, как и Камбис, был свидетелем обретения Аписа, но повел себя в связи с этим совершенно иначе, чем безумный персидский царь, был бы в традиции несомненно обыгран.

отцом Веспасианом как знак его стремления к единоличной власти⁴. На основе этого сообщения Д. Томпсон делает предположение, что царь в эллинистическое время мог принимать участие в ритуалах обретения Аписа [Thompson, 2012, p. 183]; однако выше мы уже высказали мнение, что Апис, в ритуале которого участвовал Александр должен был быть обретен существенно раньше. В таком случае сообщение Светония важно прежде всего как подтверждение нашего мнения, что иноземный правитель мог принять участие в таком ритуале только в качестве сакрального царя, в норме единственного в мире (в ином случае этот мнимый или реальный демарш Тита не вызвал бы у его отца опасений).

Вместе с тем в связи с пребыванием Александра в Мемфисе имеется свидетельство ряда версий позднеантичного «Романа об Александре» (в том числе особенно значимой «версии А»): Александр, прибыв в Мемфис, был якобы возведен на престол в тронном зале Гефеста и облачен, как египетский царь (Hist. Alex. Magni, A. I.34.2: ἐπειδὴ δὲ εἰς τὴν Μέμφιν παρεγένετο, ἐνεθρόνιζον αὐτὸν εἰς τὸ τοῦ Ἡφαιστοῦ ἱερὸν θρονοστήριον καὶ ἐστόλιζον ὡς Αἰγύπτιον βασιλέα). На первый взгляд данное сообщение может показаться описанием коронации Александра по египетскому обряду, в связи с чем закономерно встает вопрос о его достоверности. Аргументом против нее не будет специфика «Романа об Александре» – беллетристического произведения, изобилующего фантастическими эпизодами и анахронизмами⁵: последовательность сюжетов и эпизодов «Романа...» может быть неправдоподобной, но по отдельности по крайней мере некоторые из них вполне могут восходить к реальности! Исходя из этого, некоторые исследователи признавали историчность данного сообщения «Романа...» и допускали, что в Мемфисе Александр действительно прошел ритуал египетской коронации [Bergman, 1968, S. 92—94; Koenen, 1977, S. 30—31; Huss, 2001, S. 58; скептическая позиция по данному вопросу отражена в работах: Badian, 1985, p. 433, n. 1; Bosworth, 1988, p. 70—71; Burstein, 1991, p. 139; Burstein, 1994, p. 382, n. 1; Stewart, 1993, p. 174; Hölbl, 2001, p. 9—10; характерным образом, в сравнительно недавней работе, специально

⁴ «Это внушило подозрение, что он задумал отложиться от отца и стать царем на востоке; и он сам укрепил это подозрение, когда во время поездки в Александрию, при освящении мемфисского быка Аписа выступил в диадеме: таков был древний обычай при этом священном обряде, но нашлись люди, которые истолковали это иначе. Поэтому он поспешил в Италию, на грузовом судне добрался до Регия и до Путеол, оттуда, не мешкая, бросился в Рим, и словно опровергая пустые о себе слухи, приветствовал не ожидавшего его отца: “Вот и я, батюшка, вот и я!”» (пер. М. Л. Гаспарова по: [Светоний, 1988, с. 269]; Suet. Div. Tit. 5.3: *Unde nata suspicio est, quasi desciscere a patre Orientisque sibi regnum vindicare temptasset; quam suspicionem auxit, postquam Alexandriam petens in consecrando apud Memphim bove Apide diadema gestavit, de more quidem ritumque priscae religionis; sed non deerant qui sequius interpretarentur. Quare festinans in Italiam, cum Regium, dein Puteolos oneraria nave appulisset, Romam inde contendit expeditissimus inopinantique patri, velut arguens rumorum de se temeritatem: “Veni,” inquit, “pater, veni.”*)

⁵ Так, например, в «Романе...» вступление Александра в Египет приходится после посещения им оазиса Аммона (Hist. Alex. Magni, A. I.30) и основания им Александрии (id. 31—33); см. главу 4, § 4.5; см. об этом произведении в целом главу 5, § 5.5.

посвященной проблеме коронации македонских правителей Египта, по этому вопросу не высказано определенного мнения: Stadler, 2012, S. 62].

В свое время мы думали, что данное сообщение может иметь в виду не сложный ритуал коронации, который, по мнению Д. Редфорда [Redford, 1967, p. 21] и В. Барты [Barta, 1980], проходили не все египетские цари, а менее значимый ритуал интронизации, которой, напротив, маркировал вступление на престол каждого из них [Ладынин, 1999]. Сейчас мы хотели бы оценить это сообщение исходя из одной аналогии, на которую не обратили тогда внимания. Римский автор Нигидий Фигул подробно описывает ритуал вступления египетского царя во власть⁶: по его словам, он проходил в мемфисском храме, где якобы был убит Тифон (Сет), и, хотя уточнения в связи с этим в его свидетельстве нет, очевидно, что речь идет о мемфисском храме Птаха [Thompson, 2012, p. 136—137]. Данный ритуал включал в себя как восшествие царя на престол, так и его облачение «с надлежащим благочестием»: как видно, в этих деталях сведения римского автора совпадают с сообщением «Романа об Александре» о церемонии, совершенной над македонским царем в Мемфисе. Однако в то же время частью описанного Нигидием Фигулом ритуала было шествие царя с Аписом, находящимся под ярмом, по одной из частей города, причем царь должен был испытать при этом усталость; ритуал включал в себя другие обряды, в том числе принесение царем клятв, связанных с его будущим правлением, и завершалась возложением на него «диадемы». В связи с данным ритуалом Нигидий Фигул упоминает не только Аписа, но, как мы видели, Тифона, а также Исиду, жрец которой приводил царя к клятвам. В целом сложность описанной римским автором церемонии не позволяет свести ее к простой интронизации, а скорее побуждает видеть в нем позднюю разновидность коронационного ритуала, вероятно, несколько видоизмененную в античном восприятии.

---

⁶ «Тифон был убит в египетском храме в Мемфисе, где был обычай прославлять на царском престоле царей, которые вступали на царство. Там прежде всего они посвящались в священные обряды. Затем (был) обряд, (согласно которому они), облаченные с надлежащим благочестием, налагали ярмо на быка, которого именуют Аписом и которого египтяне считают величайшим богом, проводя его по одной части города, чтобы, устав от (этого) труда, они познали людскую нужду, и чтобы им было запрещено злоупотреблять слишком жестоко тем, что им подвластно. И жрец Исиды вводил их в место, которое именуется *adytos*, и побуждал их дать клятву, (что) не будет изменяться ни месяц, ни вставной день, ни малый праздник, но (что) будут исполняться 365 дней, как установлено с древних времен. Затем на них налагалась другая клятва: что постоянно и вечно земля и вода должны охраняться и поддерживаться (в состоянии, пригодном для земледелия). Тогда только, с диадемой, помещенной на их голову, они обретали царство египтян» (*Nigidius Figulus. De Sphaera, 98: Typhon interficitur in templo Aegypti Memphi, ibi mos fuit solio regio decorare reges, qui regna ineunt. Ibi enim sacris initiantur primus. Inde ritus satis religiose tunicatos tauro, quem Apim adpellant, iugum portare, quem deum maximum Aegyptii existimant vicumque unum perducentes, ut labore periti existimentur humanae necessitatis, crudelius, quae sub eis sunt, abuti vetantur. Deducunturque a sacerdote Isidis in locum, qui nominatur adytos, et iure iurando adiguntur, neque mensem neque diem intercalandum iurare neque minus festum diem <non> immutatos, sed ccclxv peracturos, sicut institutum sit ab antiquis. Deinde alterum illis iusiurandum imponi: statim semper terram aquamque custodiendam comparandamque. Tum demum diademate imposito potiuntur Aegyptiorum regno;* цит. по: [Bergman, 1968, S. 95]).

Данное описание было создано в первой половине I в. до н.э. и должно отражать практику Птолемеев, тогда еще царствовавших в Египте и со II в. до н.э. придававшим особенное значение мемфисским культам и, в частности, культу Аписа (см., например: [Hölbl, 2001, p. 281—282]). Поэтому, строго говоря, нельзя утверждать с определенностью, что ранее, в том числе в начале македонского времени, египетский коронационный ритуал выглядел именно так. Вместе с тем, во-первых, некоторые моменты в описании Нигидия Фигула, несомненно, отражают черты доэллинистической египетской традиции: так, по правдоподобию мнению Я. Бергмана, описание шествия царя с Аписом – это ритуал «бега Аписа», входивший в число царских ритуалов с древнейших времен [Bergmann, 1968, S. 96, со ссылкой на Bonnet, 1952, S. 49; о его упоминании в летописи Палермского камня см.: Wilkinson, 2000, p. 117—118]. Во-вторых, само упоминание Нигидием Фигулом обряда с участием Аписа, разумеется, побуждает сопоставить его описание с интересующим нас сообщением Арриана. Здесь правомерно задать вопрос, представляли ли собой упомянутые Аррианом жертвоприношения «другим богам» и Апису целую серию ритуалов, происходивших в течение пребывания Александра в Мемфисе, или какой-то один сложный церемониал. Обратим внимание, что само сообщение Арриана содержит конструкцию τε... καί..., которая, выражая сочинительную связь между двумя однородными членами, выделяет среди них второй [Черный, 2008, с. 610 (§ 151d)]; а им в данном случае оказывается словосочетание τῷ Ἀπίδι. Таким образом, получается, что среди мемфисских богов Александр в особенности почтил Аписа, что, при всей значимости этого культа в позднем Египте, не может не удивлять: в перечне *ряда* жертвоприношений мемфисским богам на первое место скорее вышел бы Птах, который в греческой передаче был бы назван Гефестом⁷. Однако подчеркивание роли Аписа в действиях Александра было бы совсем неудивительно, если бы сообщение Арриана восходило к описанию ритуала, подобного тому, о котором писал Нигидий Фигул: ожидаемым образом, в таком описании на первое место вышло бы примечательное шествие Александра с Аписом, а менее яркое участие в ритуале других богов отошло бы на второй план. То, что другие боги вообще фигурировали в ритуале, о котором говорит Нигидий Фигул, не столь очевидно, но собственно египетские свидетельства о коронационном ритуале (например, его описание его совершения в надписях Хатшепсут в ее заупокойном храме в Дейр эль-Бахри: Urk. IV. 254—265) позволяют констатировать, что оно имело место.

⁷ Следует отметить, что близкий к Арриану позднеантичный «Итинерарий Александра» [Kubitschek, 1916; Bosworth, 1980, p. 38—39] вообще не упоминает о роли Аписа в обрядах, совершенных Александром при вступлении в Мемфис (Itin. 48: *ibique diis Aegypti facit et sacros agonas exsequitur*).

Казалось бы, предложенной нами интерпретации сообщения Арриана противоречит то, что он сам однозначно характеризует действия Александра в Мемфисе как жертвоприношения египетским богам, в то время как коронационный ритуал их как будто не включал. Однако мы не знаем в точности, каким образом этот эпизод был охарактеризован в труде Птолемея, видимо, являвшемся прототипом сообщения Арриана. О самом же Арриане можно с определенностью сказать, что он не только писал спустя четыре с лишним века после времени Александра, но и не был осведомлен о египетской религии, а эпизод в Мемфисе мог показаться ему не столь значимым. Существен и еще один момент: похоже, что Арриан в принципе не желал акцентировать использование Александром в своих целях египетских ритуалов, в частности, сжав описание знаменитого прорицания оракула храма Амона-Ра (Зевса-Аммона) в оазисе Сива, провозгласившего богосыновство македонского царя, до одной необычайно уклончивой фразы⁸. Вполне допустимо считать, что более нюансированное описание этого эпизода Птолемеем превратилось у Арриана, не придавшего ему особого значения, в простое упоминание о жертвоприношении, то есть о самом типичном ритуале, который может быть совершен по отношению к божеству.

В случае если интерпретация сообщения Арриана по аналогии с фрагментом Нигидия Фигула справедлива, приходится признать, что оно отражает прохождение Александром в Мемфисе в конце 332 г. до н.э. египетского коронационного ритуала. Но тогда приходится согласиться и с тем, что этот же вполне реальный эпизод отразился и в «Романе об Александре»! Объяснимо и то, что примечательная роль Аписа в коронационном ритуале не отмечена в его описании в «Романе...»: это произведение в связи с пребыванием Александра в Египте уделяет внимание прежде всего его образу – установлению его сходства с древнейших царем-завоевателем Сесонхосисом и его происхождения от последнего египетского царя Нектанеба (см. главу 5, § 5.5, и главу 6). В свете этого упоминание о том, что Александр должным образом обрел сакральную царскую власть, безусловно, значимо; однако оно дано стяженно и без красочных подробностей, которые могли бы отвлечь от значимых для создателей данного рассказа идеологических мотивов.

---

⁸ «Александр подивился этой земле (оазису – *И. Л.*) и спросил бога; услышав, то, что ему пришлось по душе, как он говорил, он вернулся в Египет» (*Arr. Anab. III. 4.5: ἐνταῦθα Ἀλέξανδρος τὸν τε χῶρον ἐθαύμασε καὶ τῷ θεῷ ἐχρήσατο· καὶ ἀκούσας ὅσα αὐτῷ πρὸς θυμοῦ ἦν, ὡς ἔλεγε, ἀνέζευξεν ἐπ' Αἰγύπτου*). Трудно представить себе, чтобы эти стяженность и уклончивость шли от Птолемея, который достаточно рано, уже на рубеже 320—310-х гг. до н.э., ввел изображения Александра с «рогами Аммона» в свой монетный чекан [Mørkholm, 1991, p. 63, fig. 90; Dahmen, 2007, p. 11, pl. 4] (см. главу 5, § 5.3) и в таком случае вовсе не стеснялся мотива его богосыновства. Характерно, что в упоминавшемся (см. предыдущее примечание) близком Арриану «Итинерарии Александра» получение царем оракула Зевса-Аммона о том, что он сын бога, упомянуто совершенно открыто (*Itin. 53: hinc patris dei oraculis confirmatus Memphin redit...*).

Стоит заметить, что на Году 5 Александра Великого (328/7 г. до н.э.) памятники Серапеума фиксируют смерть и погребение матери Аписа по имени Та-Исет [Smith, Andrews, Davies, 2011, p. 146—147]. Ф. Боск-Пуче уже высказывал мнение, что, весьма вероятно, это и есть мать Аписа, ритуал с участием которого происходил во время пребывания Александра в Мемфисе [Bosch-Puche, 2012, p. 255].

Наконец, последнее свидетельство, к которому мы обратимся в настоящем разделе, – это сообщение I книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, в котором говорится о внимании, проявленном к культу Аписа Птолемеем сыном Лага еще до его вступления на престол, в пору его сатрапии в Египте. Согласно Диодору, после смерти Александра и вскоре после установления власти Птолемея над Египтом, в Мемфисе от старости умер Апис; предпринявший его погребение жрец не только израсходовал на это всю отпущенную на содержание быка сумму, но и одолжил у Птолемея 50 талантов (*Diod. I.84.4: μετὰ γὰρ τὴν Ἀλεξάνδρου τελευτὴν, Πτολεμαίου τοῦ Λάγου παρεληφότος ἄρτι τὴν Αἴγυπτον, ἔτυχεν ἐν Μέμφει τελευτήσας ὁ Ἄπιδι γήρᾳ· ὁ δὲ τὴν ἐπιμέλειαν ἔχων αὐτοῦ τὴν τε ἡτοιμασμένην χορηγίαν, οὕσαν πάνυ πολλήν, εἰς ταφὴν ἅπασαν ἐδαπάνησε καὶ παρὰ τοῦ Πτολεμαίου πεντήκοντα ἀργυρίου τάλαντα προσεδανείσατο*). По самому общему впечатлению от этого свидетельства, его можно отнести к эпизоду конца 320-х гг. до н.э.: указание на то, что Птолемей в это время только что принял под свою власть Египет (Πτολεμαίου τοῦ Λάγου παρεληφότος ἄρτι τὴν Αἴγυπτον), безусловно, должно относиться к началу его сатрапии, при том что в полномочия сатрапа Египта он вступил в 323 г. до н.э., действительно, вскоре после смерти Александра [Burton, 1972, p. 244] (см. настоящую главу, § 2.1). Немаловажно и то, что I книга Диодора в целом должна восходить к труду о Египте Гекатея Абдерского, который, вероятно, и писал при дворе Птолемея как еще сатрапа Египта (см. подробно главу 6, § 6.3.3). Достаточно очевидно, какой смысл должен был вкладывать в это сообщение Гекатей Абдерский: Египет в его описании представлен весьма позитивно, и упоминание о помощи Птолемея его культам – это элемент его апологетики (возможно, опять же с оттенком противопоставления его действия топосу, связанному с Камбисом, и в особенности сюжетам о святотатствах против священных животных, приписанных Артаксерксу III и отчасти Клеомену из Навкратиса, которые, видимо, приобрели бытование как раз во время сатрапии Птолемея: см. главу 3, § 3.3.2, главу 4, § 4.4).

Точное содержание фрагмента Диодора, как кажется, не позволяет согласиться с мнением исследователя некрополя матерей Аписов Х.С. Смита и следующих за ним Д. Томпсон и Ф. Боска-Пуче: эти исследователи полагают, что упоминаемый Диодором Апис – это бык,

рожденный коровой Таурет и проживший 22 года, бальзамирование которого началось 16 *zht* I Года 6 Птолемея I, т.е. 21 ноября 300 г. до н.э. (стела Louvre IM39, сткк. 1—2; cf. [Devauchelle, 1994 (2), p. 84; Smith, 1972: Table 5; Thompson, 2012, p. 106, 263; Bosch-Puche, 2012, p. 255, n. 70]). Строго говоря, даже если допустить, что, говоря о начале власти Птолемея над Египтом, Диодор имел ввиду именно принятие им царского титула в «год царей», т.е. в египетский 305/4 г. до н.э. (см. настоящую главу, § 2.1), Год 6 его царствования – это все равно не самое его начало, о котором можно сказать, что Птолемей тогда только что принял страну под свою власть! Вместе с тем сведения об Аписе, рожденном Таурет, важны для интерпретации сообщения Диодора: если 22-й год его жизни приходится на 300 год до н.э., то, в таком случае, он должен был родиться около 322 г. до н.э. Естественнее всего считать, что он и был обретен в начале сатрапии Птолемея, вслед за смертью и погребением предыдущего Аписа; и в таком случае последние события можно достаточно точно датировать действительно концом 323 или 322 г. до н.э. Получается, что этот Апис, родившийся в 336 или 335 г. до н.э. и в 332 г., возможно, ставший участником коронации Александра в Мемфисе, прожил сравнительно недолго – около 12—14 лет; однако это вполне возможно, коль скоро памятники Серапеума фиксируют и меньшие сроки жизни священных быков. Это несколько противоречит слова Диодора о том, что этот бык умер от старости; однако трудно сказать, во-первых, насколько точно Диодор в данном случае воспроизвел сведения своего прототипа – труда Гекатея Абдерского, а во-вторых, насколько и сам последний был осведомлен о точном возрасте погребенного при содействии Птолемея быка. Вполне возможно, что данное сообщение просто называет самую обыкновенную причину смерти Аписа, имея в виду в принципе то, что это животное умерло не от чьего-то насилия, а естественным образом.

Подводя итоги нашим наблюдениям, отметим, что эпизоды, которые мы в нем рассмотрели, едва ли были субъективно необычайно важны для первых македонских правителей Египта, но вместе с тем они крайне показательны для оценки их религиозно-идеологического курса в этой стране (вернее, для самой констатации того факта, что такой осознанный курс в принципе имел место). Разумеется, среди них наиболее важен эпизод с участием Александра в Мемфисе в ритуале, связанном с культом Аписом. В известном смысле, для египтолога он должен быть более значим, чем знаменитое посещение Александром оазиса Сива: если признание его там сыном Амона-Ра было ориентировано прежде всего на трансляцию на греко-македонскую аудиторию, то мемфисский эпизод представлял собой самопозиционирование Александра перед своими новыми египетскими подданными. Сообщение об этом, по меньшей мере, позволяет сказать с полной уверенностью, что

признание Александра Великого легитимным сакральным царем Египта не было чисто формальным актом египетских жрецов, не зависевшим от его доброй воли к этому.

2.4. Сатрапия Птолемея в Египте в отражении иероглифических источников

2.4.1. Особенности властного статуса Птолемея в Египте. Обозначения сатрапа Птолемея в иероглифических текстах

Время правления Птолемея в Египте в качестве его сатрапа (323—305/4 гг. до н.э.) составляет бóльшую часть периода формального царствования в этой стране дома Аргеадов и при этом достаточно неоднородно в плане как объема реальной власти Птолемея, так в определенной мере и ее оформления. По существу, переломным этапом на протяжении этого периода стала третья война диадохов 315—311 гг. до н.э. Победа в ходе нее Птолемея и Селевка над Деметрием в битве при Газе в конце 312 г. до н.э. была оценена как триумф, эффект которого не был «погашен» даже неудачами кампании 311 г. до н.э., когда Птолемей был вытеснен из Восточного Средиземноморья, тем более что за этим последовал мир 311 г. до н.э с фактическим признанием независимого статуса диадохов (см. подробнее настоящую главу, § 2.1). Неудивительно, что именно 312/311 г. до н.э. был оценен как начало в истории Египта некоей новой эпохи, якобы ознаменованное даже очередным явлением феникса (см. главу 5, § 5.4).

Ожидаемо, что события этого этапа истории Египта должны были как-то отразиться в иероглифических источниках, самым информативным из которых стала «Стела сатрапа». Данный памятник, получивший свое название в соответствии с содержанием его текста, представляет собой плиту из черного гранита высотой 1,85 м. и шириной 1,18 м., которую обнаружили в 1870 г. вделанной в стену мечети Шейхун в Каире (PM IV. 73; *Рисунок Прил. 1*). По мнению некоторых исследователей, первоначально этот памятник был воздвигнут в Саисе (PM IV. 49) [Bianchi, 1984, Sp. 492]; однако это мнение базируется исключительно на упоминании Саиса в стк. 11 текста «Стелы...», каковое, на самом деле, едва ли указывает место ее происхождения (см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.б, комм. «и»). Поэтому вполне можно присоединиться к суждению Д. Шефер о наиболее вероятном происхождении «Стелы...» из Буто, в пользу храмов которого и был составлен ее текст [Schäfer, 2011, S. 31]. В настоящее время «Стела сатрапа» хранится в Каирском музее (CM 22182 = JE 22263) [Kamal, 1904, t. 1, p. 168—171; t. 2, pl. LVI]. Навершие стелы скруглено, и в нем размещен ряд рельефных изображений (см. описание и перевод сопровождающих их надписей: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», I). По своему художественному стилю рельефы «Стелы сатрапа» близки некоторым другим памятникам рубежа эпохи фараонов и египетского эллинизма (например, рельефам времени Нектанеба II и Птолемея II Филадельфа из Бехбейт

эль-Хагара, Галерея Уолтерса, Балтимор, 22.201 и 22.200) [Bianchi, 1984, Sp. 492; cf. Steindorf, 1946, p. 75, 76; pls. LIV, XLIV (Cat. Nos. 254, 257)]. Язык текста «Стелы сатрапа» – позднесреднеегипетский, с особенностями начертаний, характерными для иероглифических текстов IV в. до н.э. и со сравнительно небольшой долей написаний, которые затем получают развитие в птолемеевское время (см. там же, II.1, комм. «г» и III.1.a, комм. «а»; II.1, комм. «е», II.3.в, комм. «и» и III.1.a, комм. «и»; III.1.a, комм. «л»; см. удобную и компактную характеристику таких написаний: [Perdu, 1985, p. 92—95]). Основная часть текста «Стелы...» размещена в 18 строк, расположенных ниже рельефа. Примечательно четкое членение текста: первые 6 полных строк посвящены характеристике личности сатрапа Птолемея и его деяний конца 310-х гг. до н.э. (см. там же, II), а с начала 7 строки идет изложение истории земельного угодья «Земля Уаджит», закрепление которого по решению сатрапа Птолемеем за храмами Буто и фиксировал текст «Стелы...» (см. там же, III). Значение «Стелы сатрапа» как источника сведений о восприятии македонских правителей Египта начала македонского времени трудно переоценить. По сути дела, сколько-нибудь сопоставимые по объему нарративы, целенаправленно посвященные характеристике македонского правителя Египта, встречаются нам позднее лишь при Птолемее II Филадельфе (восхваление царя в надписи статуи Louvre C123: Urk. II. 76—78; Мендесская стела: Urk. II. 33—36 [Schäfer, 2011, S. 239—276]; Пифомская стела: id. 85—88 [Thiers, 2007; Schäfer, 2011, S. 207—238]; и др.), а для времени формальных царствований Аргеадов в Египте этот памятник уникален. В силу подобной его значимости мы выносим полный комментированный перевод его текста в приложение к нашей работе.

«Стела сатрапа» датирована *3ḥt* I Года 7 формального царствования в Египте Александра (IV) (стк. 1, Urk. II. 12.12—13.2: *ḥ3t-zp 7-t tpy 3ḥt hr ḥm n* [следует полная египетская царская титулатура Александра (IV)] *z3 Rḥ Irwkwzidrz ḥnh dt...*), т.е. ноябрем-декабрем 311 г. до н.э. (см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.1, комм. «а»). Очевидно, что этот памятник и был создан на протяжении данного календарного года, уже после заключения мирного договора диадохом осенью 311 г. до н.э. [Voüy 2007, p. 65, 146, 150], и его текст отражает восприятие власти сатрапа Птолемея в данной ситуации. Формально данный памятник не является царским: собственно говоря, при маленьком сыне Роксаны, находившемся, как и все Аргеады, за пределами Египта, царский памятник в точном смысле слова не мог появиться. Вместе с тем назначение «Стелы...» состояло в том, чтобы зафиксировать закрепление Птолемеем угодья под названием «Земля Уаджит» за храмами Буто: соответственно, инициатива возведения этого памятника явно принадлежала жречеству, еще в домакедонское время систематически генерировавшему мотивы официальной идеологии и принимавшему на себя функцию оценки в

ее категориях царской деятельности (см. подробнее главу 1, § 1.1.1, 1.1.2). При этом, коль скоро само фиксируемое действие Птолемея являлось благодеянием храмам, текст «Стелы...» не мог не быть предельно лояльным к нему и явно вобрал в себя многие мотивы официальной пропаганды данного времени. В таком случае достаточно закономерно, что из египетских памятников начала македонского времени именно «Стела сатрапа» дала наиболее подробное осмысление статуса Птолемея как полновластного правителя Египта; а естественным образом для него с точки зрения формы должны были стать более ранние царские тексты¹.

Помимо «Стелы сатрапа», упоминания Птолемея как полновластного правителя нецарского статуса присутствуют, по-видимому, в нескольких частных биографических текстах: в «Большой биографической надписи» раннеэллинистической гробницы жреца Петосириса в Туна эль-Гебель близ Гермополя [Lefebvre, 1923—1924] (см. подробнее об этом лице и о его памятнике главу 3, § 3.2, 3.4), в надписи на статуе т.н. «мемфисского анонима» (Wien ÄS 20; нижняя часть надписи разрушена) [Rogge, 1992, S. 145—152; см. также: Derchain, 2000, p. 18—19; Gorre, 2009 (1), p. 216—219 (nr. 43)] и в надписи на статуе т.н. «анонима из Баклии» (Национальный музей Карфагена, Тунис, 883.1; см. подробно настоящую главу, § 2.4.3) [Drioton, 1960—1961, p. 17—24, pl. I—IV; Zivie, 1975, p. 149—150]. В отличие от «Стелы сатрапа», эти памятники не несут на себе точной датировки, однако очевидно, что их владельцы были современниками сатрапии Птолемея. Как считается, гробница Петосириса может датироваться рубежом IV и III вв. до н.э., т.е. временем, когда Птолемей уже принял царский статус (см. главу 3, § 3.4.1). В принципе, нет оснований исключать, что к его царствованию относятся и две статуи «анонимов», принадлежащие по стилистическим критериям и палеографии их текстов принадлежат к началу эллинизма; однако, так или иначе, все эти три памятника не содержат свидетельств признания царского статуса Птолемея их владельцами. Вместе с тем характер их текстов скорее побуждает думать, что они могут отражать статус Птолемея как полновластного правителя после его формализации мирным договором 311 г. до н.э. Возможно, этот статус Птолемея был автоматически распространен в текстах этих памятников и на этап его царствования, в силу достаточно хорошо засвидетельствованного нежелания египетской элиты признавать македонских царей полноценными сакральными правителями (см. в целом главу 3). Сравнительный лаконизм свидетельств этих памятников (а в случае с памятником «анонима из Баклии» — не идеальная

¹ К их числу из текстов IV в. до н.э. может быть причислена «Стела Навкратиса» (см. подробнее главу 1, § 1.1.2): определенное сходство ее текста со «Стелой сатрапа» проявляется, в частности, в том, что он тоже распадается на две части — восхваление Нектанеба I и изложение его конкретного решения, связанного с податями, собираемыми в Навкратисе.

его сохранность) располагает к тому, чтобы рассматривать их в контексте хорошо сохранившегося и чрезвычайно информативного источника, каким является «Стела сатрапа».

Наиболее широкий спектр обозначений Птолемея в данном качестве обнаруживается именно в тексте «Стелы сатрапа». Уже первая повествовательная фраза ее текста, следующая за датировкой, звучит следующим образом: «/Когда был/ он (Александр (IV) – *И.Л.*) царем в Обейх Землях /и/ чужеземных странах, /когда было/ Величество его в Азии (см. о значении в данном контексте термина *Stt* главу 4, § 4.3.1. – *И.Л.*), тогда был вождь великий в Египте, Птолемея имя его» (стк. 2, Urk. II. 13.3—5: *iw.f m nsw m t3wy h3swt iw hm.f m-ht Stt iw wn wr 3 m B3qt Ptrwmys rn.f*). Использованное в данном случае обозначение Птолемея повторяется еще раз в начале второй части текста «Стелы...», где речь идет о его знакомстве с историей земельного угодья «Земля Уаджит» и о его закреплении за храмами Буто: «Искал вождь этот великий (букв. “был вождь этот великий на искании”) полезного для богов Юга /и/ Севера» (стк. 7, id. 16. 5: *wn wr pn 3 hr h3 3h n ntrw Šm3w Mhw*). Далее это же обозначение в соположении с иероглифической транскрипцией слова «сатрап» повторяется в тексте «Стелы...» еще раз, когда в ней как бы воспроизводится диктовка Птолемеем его решения относительно «Земли Уаджит»: «Сказал вождь этот великий: “Дайте же, чтобы был сделан указ в записи Месту писания писцов царских учета, в следующих словах (букв. “в сказанном”): Птолемея, сатрап... (следует текст указа Птолемея)”» (стк. 13, id. 19.3—7: *d(d).n wr pn 3 iw imi ir.tw wdt m zš r st nt zš n zš-nsw nt hsb m dd Pdrwmyz p(3) hšdrpn...*). Наконец, обозначение Птолемея как «вождя» в сочетании с еще одним титулом – «властитель» (*h3*) – появляется в конце текста «Стелы...», после завершения текста указа Птолемея²: «Все целиком (букв. “в протяжении /его/”), принесенное царем Верхнего и Нижнего Египта Сенентененом Сетепенптахом, сыном Ра Хаббашем, живущим вечно, для богов Пе-Деп, повторил вождь этот, властитель великий Египта Птолемея, приношения для богов Пе-Деп, навечно. Воздаяние этому, сделанное для него: даны ему доблесть /и/ мощь в качестве обаяния сердца, для страха его по чужеземным странам целиком» (сткк. 16—18, id. 21.1—9: *nn r 3w h3q.n z(t) nsw-bity nb t3wy Snn-Tnn Stp-n-Pth z3 R^c H3b3š3 3nh dt n ntrw P-Dp whm wr pn h3 3 n Kmt Ptdrwmyz h3qw n ntrw P-Dp dt isw n nn ir n.f di n.f qn(t) nht m ndm-ib r snd.f m-ht h3swt mi qd.zn*).

Прежде чем перейти к анализу конкретных терминов власти, использованных в «Стеле сатрапа» применительно к Птолемею, стоит отметить, что на сравнительно большой текст их в

² На наш взгляд, велики основания считать, что цитируемый в «Стеле сатрапа» текст указа завершается словом «...навечно» в стк. 16 (*dt*; Urk. II. 20.16). Следующие за этим фразы, в которых Птолемея именуется не транскрипцией титула «сатрап», а египетскими обозначениями и речь о нем идет в 3 л., должны представлять собой оценку его действий, исходящую от составителей текста «Стелы...». Заведомо не относятся к тексту указа Птолемея завершающие фразы «Стель», содержащие сугубо египетские по своей специфике проклятия тем, кто осмелится нарушить ее установления (стк. 18, id. 21.10—22.1).

принципе не так уж много. Понятно, что в царских текстах, которые мы уже назвали естественным образцом для «Стелы сатрапа», сколько-нибудь полные именованья царей тоже относительно редки, а наиболее частотным их обозначением является термин «Величество» (*hm*). Будучи по своей функции в речи сплошь и рядом полным аналогом личного местоимения 3 л., он вместе с тем содержит в себе указание на сакральность, присущую личности царя (см. главу 1, § 1.1.1). Как мы уже сказали, в ситуации 311 г. до н.э. признание за Птолемеем царского статуса и, соответственно, сакральности в египетских представлениях исключалось. Уникальность же его статуса скорее должна была бы побуждать к тому, чтобы оговаривать его, повторяя соответствующие ему обозначения «в среднем» чаще, чем полное обозначение царя в обычном царском тексте. Вместе с тем «Стела сатрапа» присваивает Птолемею ряд качеств и функций, которые в норме подобали бы легитимному сакральному царю (см. ниже, а также настоящую главу, § 2.4.2). Соответственно, «незлоупотребление» его полными обозначениями в тексте «Стелы...», сведение упоминаний о нем к личному местоимению как таковому может быть способом указать, что фактический статус сатрапа Птолемея, присущий в силу сложившихся обстоятельств ему лично, оказывается в известном смысле более значим, нежели присвоенное ему формально полномочие без царского статуса.

Из приведенных фрагментов текста «Стелы сатрапа» очевидно, что главным для ее составителей обозначением Птолемея было словосочетание *wr ʕ3* (букв. «вождь, вождь великий») с разными уточняющими добавлениями. Основа этого термина – слово *wr*, издавна обозначавшее чужеземных правителей стран и народов, более примитивных, чем Египет, и не равных ему (Wb. I. 329.16): будучи субстантивом от прилагательного со значением «большой, многочисленный, старший» (id. 326—327), оно тем самым имеет точную семантику «старейшина, вождь по старшинству». Словосочетание *wr ʕ3* в эпоху Нового царства обозначало хеттских царей (id. 20; Wb. Belegst. I. 57; см. египетско-хеттский договор 1270 г. до н.э.: KRI II. 226—232) [Drioton, 1960—1961, p. 18], а в первой половине и середине I тыс. до н.э. – военных правителей ливийского происхождения (Wb. I. 329.19), в т.ч. в составе обозначений *wr ʕ3 n M[šwš]* и *wr ʕ3 n Rbw* [Jansen-Winkel, 2000, S. 7—8]. Однако наиболее существенные аналогии термину, употребленному в «Стеле сатрапа», мы обнаруживаем в текстах ахеменидского времени. Они появляются уже в автобиографической надписи современника начала первого персидского владычества, знаменитого Уджахорреснета: так, завоевание страны Камбисом описывается в этом тексте следующим образом: «Вступил (букв. “прихождение это, сделанное...”) вождь великий владыки чужеземной страны всякой Камбис к Египту, /причем/ чужеземцы чужеземной страны всякой были вместе с ним. Овладел он страной этой целиком; сделали они местопребывание свое там. Стал он властителем великим Египта, вождем великим

чужеземной страны всякой» (стлбб. 11—12: *iy pw ir.n wr ʕ3 n nb n ḥ3st nb Kmbitt r Kmt is ḥ3st(yw) nw ḥ3st nb ḥnʕ.f ḥq3.n.f t3 pn r 3wt.f ir.zn sndm.zn im wn.f m ḥq3 ʕ3 n Kmt wr ʕ3 n ḥ3st nb*) [Posener, 1936, p. 6]. Рассказ же о своем возвращении в Египет после пребывания в Иране Уджахорреснет начинает с упоминания о соответствующем приказе Дария I: «Приказал мне Величество царя Верхнего и Нижнего Египта Дария, живущего вечно, /чтобы/ вернулся я в Египет, /когда/ Величество его /было/ в Эламе, /когда был/ он в качестве вождя великого чужеземной страны всякой /и/ властителя великого Египта» (стлб. 43: *iw wd.n ḥm n nsw-bity Ndrwiwt ʕnh dt iy.i r Kmt is ḥm.f m ʕrmi is sw m wr ʕ3 n ḥ3st nb ḥq3 ʕ3 n Kmt*) [Posener, 1936, p. 21]. В дальнейшем, в текстах Дария I, именно термин *wr* используется при передаче средствами египетского языка знаменитого ахеменидского титула «царь царей» (*p3 wr n n3 wrw*) [Blöbaum, 2006, S. 60]; см. также главу 4, § 4.5).

Вместе с тем как персидские цари в надписи Уджахорреснета, так и Птолемей в «Стеле сатрапа», наряду с термином *wr* и, как мы видели, в прямом соположении с ним, именуются также и термином *ḥq3* («властитель»). Данный термин является субстантивированным причастием глагола «властвовать» (Wb. III. 170; в надписи Уджахорреснета именно он описывает установление Камбисом власти над Египтом), а спектр его употреблений шире, чем у термина *wr*: он обозначает власть богов, египетских сакральных царей и царей чужеземных стран, полномочия номархов, входит как составная часть в титулы чиновников (id. 171). Очевидным образом, этот термин обозначает различные проявления фактической власти, при этом не акцентируя специально ее сакральность, когда употребляется по отношению к богам и египетским царям, и ее «примитивный» характер, – когда обозначает чужеземных правителей. Примечательно, что употребление этого термина в последнем смысле, по наблюдениям исследователя египетской терминологии международных отношений Д. Лортона, резко сокращается в эпоху XVIII династии. Даже чужеземных правителей высшего ранга – царей Митанни, Вавилона, Хеттского царства, Ассирии – египтяне этого времени явно предпочитали именовать *p3 wr* (уже со свойственным новоегипетскому языку артиклем), а не *ḥq3* [Lorton, 1974, p. 62, 64—65]³. Кроме того, в определенных контекстах термин *wr* мог обозначать вассала более значимого правителя, именуемого *ḥq3* [Lorton, 1974, p. 61]. Соответственно, конструирование египетского соответствия ахеменидскому титулу «царь царей» в форме *p3 wr n n3 wrw* было достаточно полным перенесением на реалии I тыс. до н.э. новоегипетского

³ В этом смысле именование, в частности, хеттских царей термином *wr ʕ3* представляет собой способ выстраивания иерархии в мире неегипетских правителей. Невольно думается, что, оказавшись с началом эпохи Нового царства перед необходимостью выстраивать отношения с великими переднеазиатскими державами, сопоставимыми с Египтом по своему потенциалу, египтяне попытались скомпенсировать ощущение утраты своей исключительности употреблением по отношению к их правителям более уничижительного из двух в принципе возможных терминов.

словоупотребления термина *wr* (вплоть до последовательного воспроизведения в нем артиклей, что, впрочем, должно было соответствовать и языковой норме I тыс. до н.э.).

Как кажется, в употреблении терминов *wr* и *ḥq3* в надписи Уджахорреснета проявились две закономерности. Во-первых, весьма очевидным образом первый из них употребляется для описания власти персидских царей над «чужеземными странами», а второй – над Египтом, и при этом само их употребление обособлено от констатации сакрального статуса правителя. Так, в пассаже о Дарии мы видим сначала его титулатуру как сакрального царя, а затем, причем в определенном отрыве от нее, указание, что он был «вождем великим» «чужеземных стран» и «властителем великим» Египта. Во-вторых, статус Камбиса при его появлении в Египте описывается только обозначением «вождь великий владыки чужеземной страны всякой»; далее констатируется, что он «овладел» Египтом, и тогда, помимо своего исходного статуса, он приобретает и статус «властителя великого Египта» (стлб. 12; см. цитату выше). При этом хотя употребление этого обозначения, как мы сказали, обособлено от утверждения сакральности правителя, оно все же не независимо от ее наличия: в следующей же за провозглашением Камбиса «властителем великим Египта» фразе он именуется термином «Величество», прямо указывающим на его сакральность (стлб. 12: *wḏ n.i ḥm.f i3wt wr swnw* «Дал (букв. “приказал”) мне Величество его сан старшего /среди/ врачей...») [Posener, 1936, p. 6]. Хорошо известно, что, в египетских представлениях, царская сакральность не может быть приобретена – она прирожденна и выявляется в момент воцарения (см. главу 1, § 1.1.1, в т.ч. прим. 24 о термине *inpw*). По-видимому, с довольно подробным описанием этого мы и сталкиваемся в данном пассаже надписи Уджахорреснета, причем свершение Камбиса, которое позволяет выявить в нем это качество, – это и есть установление им фактической власти над Египтом.

Похоже, что в «Стеле сатрапа» мы видим, по сути дела, нечто аналогичное. В первом упоминании о Птолемее он, как мы помним, обозначен словосочетанием «вождь великий в Египте» (Urk. II. 13.5: *wr ʕ m B3qt*). Понятно, что реально власть Птолемея осуществлялась на территории Египта и сравнительно немногих на данном этапе внешних владений; однако данная формулировка, похоже, оттеняет ее исходный неегипетский характер уточнением, что речь идет о «великом вожде» не Египта, а «в Египте» (то есть власть, приобретенная данным правителем вне Египта и по чужим для него нормам, осуществляется на его территории; о чтении употребленного в этом контексте предлога см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.1, комм. «з»). Далее то же самое обозначение повторяется применительно к Птолемею дважды (id. 16.5: *wr pn ʕ3*; 19.3: *wr pn ʕ3*), а обозначение «властитель великий Египта» появляется в параллели с ним (id. 21.4: *wr pn ḥq3 ʕ3 n Kmt*) только во фразе, подводящей итог закреплению Птолемею угодья «Земля Уаджит» за храмами Буто. При этом принципиально

важен следующий момент: согласно тексту «Стелы...», воздаяние Птолемею за его благодеяние храмам Буто будет состоять в даровании ему (без сомнения, богами) «доблести /и/ мощи в качестве обаяния сердца, для страха его по чужеземным странам целиком». Иными словами, не меняя своего нецарского статуса, Птолемей якобы приобретает при этом способность внушать своим врагам на поле боя парализующий их иррациональный страх, которая, по египетским представлениям, принадлежит только легитимным сакральным царям (см. главу 1, § 1.2). Примечательна и сама возможность «отщепления» этого качества, согласно концепции «Стелы...», от полного царского статуса и приобретения его лицом, формально такого статуса не имеющим; однако для наших целей наиболее существенно, что приобретение этого качества Птолемеем совмещается с изменением в его именовании. Как Камбис, установив власть над Египтом, обнаружил в себе качества его легитимного царя и выявил в себе сакральность, так, очевидно, и Птолемей, исполнив перед храмами Буто долг, подобающий сакральному царю, выявил в себе если не этот статус в целом (в ситуации 311 г. до н.э. он все еще не мог претендовать на него прямо), то, во всяком случае, некоторые его составляющие, и это сказалось на всей совокупности его способностей и проявилось в его именовании. Таким образом, можно сказать, что в «Стеле сатрапа» то формальное изменение характера власти и статуса Птолемея, которое в реальности состоялось по итогам третьей войны диадохов и было закреплено условиями мира 311 г. до н.э., было отнесено всецело за счет проявления им определенных качеств сакрального царя во внутриегипетских делах.

Стоит обратить внимание и на еще один примечательный нюанс написания обозначения Птолемея *wt* в тексте «Стелы сатрапа», любопытным образом выдающий некую «египтизацию» его статуса после благодеяния храмам Буто. В первых двух случаях его употребления (Urk. II. 13.5, 16.5) оно выписан знаком, изображающим человека в египетской одежде и с посохом, но с пером на голове (A_{109h} или его варианты). Несомненно, что такое написание лишней раз напоминает о неегипетском происхождении власти Птолемея. Отличие этого написания от написания слова *wtw* в контексте кампании сатрапа Египта в Восточном Средиземноморье, применительно к якобы уведенным им в плен правителям (стк. 5, Urk. II. 15.9), состоит в том, что в последнем случае использован вариант данного знака, изображающий человека держащим в левой руке оружие (A_{109B}). Однако в контексте принятия Птолемеем решения о возвращении храмам «Земли Уаджит» (id. 19.3) и описания воздаяния ему за это (id. 21.4) перо в написании слова *wt* исчезает, и оно выписывается знаком A_{21A} (– с некоторым отличием от «согбенного» знака GG(SL) A₁₉ , с помощью которого

выписано слово *wrw* применительно к находившимся при Птолемеях знатым египтянам; стк. 7, Urk. II. 16.6).

Последний существенный момент, связанный с обозначениями Птолемея в тексте «Стелы сатрапа», – это появление в начале его указа об угодье «Земля Уаджит» собственно его титула «сатрап», выписанного в иероглифической транскрипции (*p(3) ḥšdrpn*). Следует обратить внимание, что, во-первых, обладатели ранга сатрапа обозначались в египетских текстах с помощью транскрипции самого этого слова очень редко⁴, в то время как обычно использовались описательные обозначения их статуса [Vittmann, 2003, S. 114, 272—273 (Anm. 106—107)]. Во-вторых, сама иероглифическая передача слова «сатрап» в тексте «Стелы...», как и в других случаях, оптимальным образом соответствует его форме собственно в иранских языках: примечательно, что и использованный в его написании детерминатив GG(SL) D₄₀ () по своей семантике оптимально соответствует буквальному значению слова «сатрап» в древнеперсидском языке – «защитник царства»⁵. Несомненно, что языковая практика, которая привела к употреблению в данном контексте не одного из египетских обозначений Птолемея, а именно транскрипции слова «сатрап», была не персидской или ираноязычной, а греческой: судя по всему, составители текста «Стелы...» стремились представить данный его фрагмент как цитирование оригинального указа Птолемея, который, естественно, должен был быть грекоязычным⁶. Однако египтяне, несомненно, сознавали, что официальный грекоязычный титул Птолемея «сатрап» восходит к иранской первооснове: в таком случае они, очевидно, предпочитали не импровизировать способ передачи этого греческого слова, а воспользоваться иероглифическим соответствием самому его иранскому прототипу, коль скоро оно уже более или менее устоялось⁷.

⁴ В документальных источниках этот титул появляется дважды: в демотическом папирусе V в. до н.э., где обозначает наместника южной части Египта (*ḥštrpn ʔ šṯ rs* – «сатрап южной области»); и на остраконе времени Александра, где относится к назначенному Александром наместником, опять же, одной из частей страны Петесису (см. главу 3, § 3.3.1, прим. 1). Кроме того, один раз это слово или производное от него (*ḥštrpj.w = σατραπεία?*) встречается в литературном папирусе (p.dem.Berlin 13640, l. 29) [Spiegelberg, 1932, p. 173; см.: Vittmann, 2003, S. 114, 272 (Anm. 105); Schäfer, 2011, S. 166, Anm. 664].

⁵ Вероятное *ḥšabrāna в мидийском языке [Schmitt, 1999, S. 171, Anm 9]; *xšaçaṣpāvan* (букв. «защитник царства») в древнеперсидском языке [Kent, 1950, p. 181; см.: Vittmann, 2003, S. 272 (Anm. 104)].

⁶ Мы не думаем, что имеем дело в данном случае с действительным цитированием этого документа, поскольку соответствующий фрагмент текста «Стелы...» (сткк. 13—16; Urk. II. 19.7—20.16) слишком насыщен сугубо египетской спецификой.

⁷ В 2005 г. мы высказали предположение, что форма обозначения *Ḥšryš(3)*, которое в «Стеле сатрапа» с наибольшей вероятностью обозначает нанесшего ущерб храмам Буто Артаксеркса III, объясняется тем, что египтяне использовали соответствие ему для обозначения данного царя мнимый общий корень, который обнаружили в греческом звучании имен «Ксеркс» и «Артаксеркс» [Ladynin, 2005, p. 101] (см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», Экскурс 2). Позднее ряд исследователей (в прямой

В других надписях начала македонского времени, которые, как можно считать, упоминают сатрапа Птолемея, используются обозначения, основанные на терминах *ḥq3* и *wr*, в принципе схожие с теми, что мы видим в «Стеле сатрапа». В «Большой биографической надписи» Петосириса содержится фраза, относящаяся, судя по ее месту в тексте, к относительно позднему этапу карьеры гермопольского жреца: «Вот хвалим (я) властителем Египта, любим я придворными его» (стлб. 87—88: *iw ḥs(.i) ḥr ḥq3 nw Kmt iw mr.i ḥr šny.f*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 144; t. 2, p. 59]. Сходную фразу мы видим в автобиографической надписи на статуе «мемфисского анонима»: «Воистину, во времена *хау-небу* был я призван властителем (букв. “было воззвание ко мне властителя...”) Земли возлюбленной, /ибо/ любил он меня и знал советы (мои). Приказал [он(?)].... (надпись разрушена)» (стлб. 4: *is m rkw Ḥ3w-nbw nis.tw r.i in ḥq3 t3{wy}-mry mr.n.f wi rh.n.f shrw(.i) rdi.n[f?]*) [Rogge, 1992, S. 146, 149; cf. Gorre, 2009 (1), p. 218]. В обоих случаях идентификация правителя, упоминаемого в надписях, как Птолемея определяется отнесением данных памятников к началу эллинизма и одновременно тем, что сам этот правитель прочно обосновался на территории Египта: исторически этим правителем мог быть только Птолемей⁸. Как мы видим, он именуется нецарским титулом, хотя гробница Петосириса с достаточно высокой вероятностью относится ко времени уже после его воцарения, а для статуи «мемфисского анонима» это во всяком случае не исключено (см. выше). При этом ряд черт гробницы Петосириса с достаточной определенностью фиксируют нежелание ее владельца признавать македонских правителей сакральными царями, способными совершать ритуал (см. главу 3, § 3.4). В рамках такой тенденции именование Птолемея даже после его воцарения прежним титулом правителя Египта нецарского статуса было бы, безусловно, предпочтительно.

Отдельный комплекс проблем связан с именованями чужеземного правителя, который, по нашему мнению, с наибольшей вероятностью является сатрапом Птолемеем, в

полемике с нами – Г. Витман) подчеркивали полное фонетическое совпадение этого обозначения с персидской формой имени Ксеркса (*Xšayršā*), что, по их мнению, исключало отождествление данного царя с Артаксерксом III (см. подробно и с отсылками к публикациям там же). Однако рассмотренный нами случай употребления в тексте «Стелы...» слова «сатрап», как представляется, убедительно показывает, что при передаче греческого слова, восходившего к персидской первооснове, составители данного текста предпочитали использовать иероглифическую передачу именно этой первоосновы, а не ее греческой производной. Усмотрев в греческой форме имен «Артаксеркс» (Ἀρταξέρξης) и «Ксеркс» (Ξέρξης) общий элемент (*-ξέρξης), они, безусловно, соотнесли бы его собственно с именем «Ксеркс» и вполне могли попытаться передать его с помощью иероглифического соответствия его персидской форме. Такие соответствия, правда, отличные от формы имени, употребленной в тексте «Стелы...», в египетской иероглифической традиции имелись (см. там же).

⁸ Спекулятивно можно было бы допустить, что это мог быть Клеомен из Навкратиса; однако речь в текстах явно идет о полностью самостоятельном (по крайней мере *de facto*) правителе, к тому же пользующемся расположением со стороны египтян. Утверждать и то и другое применительно к Клеомену было бы неправильно (см. главу 3, § 3.3).

биографической надписи на статуе «анонима из Баклии». Решение этих проблем тесно связано с сопоставлением этого текста с текстом «Стелы сатрапа» и его терминологией, однако его версию, представляющуюся нам правдоподобной, мы предложим далее, в отдельном разделе нашей работы (см. настоящую главу, § 2.4.3). Подводя итог нашим нынешним наблюдениям, можно констатировать, что подбор обозначений для сатрапа Птолемея в известных нам иероглифических текстах, отражающих время, когда он носил этот титул, никоим образом не был случайным. Как мы видели, составителям этих текстов удавалось весьма успешно передавать нюансы статуса Птолемея, оформившегося в ходе политических процессов в эллинистической ойкумене, в египетских категориях, опираясь при этом, в частности, на опыт презентации чужеземной власти в период первого персидского владычества.

2.4.2. Особенности презентации деяний Птолемея в «Стеле сатрапа»

Как мы констатировали при анализе терминов власти, использованных по отношению к сатрапу Птолемею в тексте «Стелы сатрапа» (см. настоящую главу, § 2.4.1), в основе этого текста лежит достаточно продуманная концепция, учитывающая особенности его реального статуса во главе Египта; а сам его образ является для данного текста, безусловно, центральным. В таком случае чрезвычайно важно суммировать и оценить особенности его презентации в «Стеле сатрапа» и понять, насколько он соотносится с традиционным для египтян представлением о правителе их страны, в абсолютном большинстве случаев наделявшимся сакральным царским статусом. Как уже говорилось, принципиальная особенность исторической ситуации, отразившейся в «Стеле...», и состояла в том, что Птолемей данным статусом не обладал. Однако, хотя в тексте «Стелы...» в качестве сакрального царя упоминается Александр (IV), находившийся в 311 г. до н.э. за его пределами (см. главу 3, § 3.1.3, главу 4, § 4.3.1, 4.3.2), именно Птолемей характеризуется, по сути дела, как совершенно самостоятельный и полновластный правитель Египта¹.

Подробную характеристику Птолемея в этом качестве дает посвященный ему своеобразный панегирик – не связанное с какими-либо конкретными событиями хвалебное перечисление его качеств (сткк. 2—3, Urk. II. 13.7—14.6; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.2). Для удобства нашей аргументации приведем сейчас этот не очень большой фрагмент целиком, нумеруя при этом составляющие его компоненты:

(1) Человек молодой это, (2) сильный руками своими (букв. «его»), (3) полезный советом, (4) мощный войском, (5) стойкий (букв. «толстый сердцем»), (6) твердый шагом (букв. «прочный сандалиями»), (7) нападающий яростно, (8) /тот, кто/ не показывал /врагу/ спину свою (букв. «нет давания спины его»), (9) отвращающий лицо врагов его в сражении с ними (букв. «их»), (10) точный рукой, /так что когда/ схватывает он

¹ Пожалуй, затруднительно привести другой пример ситуации, когда полновластный правитель Египта, воспринимаемый в качестве такового, не был бы сакральным царем, хотя бы и с некоторыми ограничениями его статуса (как, например, царь Хаббаш, сакральность которого, в соответствии с концепцией «Стелы сатрапа», оказывается неполной; см. главу 3, § 3.1.3). Корректность побуждает упомянуть о таких эпизодах, как возвышение при Ментухотеpe III/IV визиря Аменемхета (будущего Аменемхета I), сопровождавшееся «чудесами» во время организованных им экспедиций, что, очевидно, указывало на особое покровительство ему божества [Демидчик, 2005, с. 159—163], и особенно регентство Хоремхеба (очевидно, при Тутанхамоне), отмеченное в его биографической надписи («Поместил он (бог – *И.Л.*) его в расположение (букв. “любовь”) царя времени его, (причем) сердце царя /было/ довольно знаниями его, радостно защитой его. Дал он (царь или бог, но по соотносению с предыдущей фразой весьма вероятно, что второй – *И.Л.*) его (Хоремхеба – *И.Л.*) к /тому, чтобы быть/ “устаи, находящимися над землей”, к установлению законов Обеих Земель в качестве правителя земли этой целиком»; Urk. IV. 2114. 15—16: *rdi.f [sw r mryt n nsw] n rk.f ib n nsw htp(w) m rht.f h^cwy n stp.f rdi.n.f sw r r3-hr(y) nw t3 r mni hpw t3wy m iry-p^t n t3 pn mi qd.f*); однако в обоих случаях речь о зависимости их полномочий от власти современного им сакрального царя выделена в соответствующих свидетельствах совершенно отчетливо.

лук, /то/ нет выстрела с промахом, (11) гонящий врагов мечом своим посреди сражения, /так что/ не остается никого около него. (12) Удалец, обе руки которого не отразит никто (букв. «не отразит никто обе руки его»), (13) не обращается вспять вышедшее (букв. «нет обращения вспять в качестве вышедшего») из уст его. (14) Нет подобного ему /ни/ в Обеих Землях, /ни/ в чужеземных странах².

При установлении связей между словами в данном фрагменте и ее членении на синтагмы, которое представляется нам правильным, в нем можно выделить четырнадцать эпитетов, относящихся к Птолемею. Стилистическая особенность этого фрагмента явно состоит в нарастании сложности его составляющих. Первые семь эпитетов предельно лаконичны (по сути дела, это последовательность прилагательных, в том числе в сочетании с конкретизирующим сферу проявления выражаемого им признака существительного [Gardiner, 1957, p. 67, § 88.2]). Последующие эпитеты более распространены, представляя собой в том числе отдельные предложения (8, 13, 14) или даже сформированные с их использованием более сложные конструкции (10—12). При этом десять из них (2, 4—12) описывают качества Птолемея как воина и полководца: обращает на себя внимание, что это скорее качества первого, нежели второго, связанные с физической силой, храбростью и воинским искусством. Очень отдаленной смысловой аналогией такому описанию качеств правителя-полководца в египетской традиции можно считать хорошо известные надписи Сенусерта III на его пограничных стелах в Нубии: как обратил внимание А.Е. Демидчик, в них расширение и последующее удержание рубежей египетских владений в этом регионе представлено как сугубо личное свершение царя, достигнутое при помощи его практических военных способностей [Демидчик, 2005, с. 170—173] (см. также главу 6, § 6.2.1). Вместе с тем если применительно к Сенусерту III такая подчеркнуто прагматичная презентация его военных успехов контрастировала с религиозно-идеологическим представлением о всевластии царя в мире и о помощи ему в его войнах божества, обращающей врага в бегство [Демидчик, 2005, с. 24, 146—147], и поэтому должна была, видимо, восприниматься как нечто не вполне обычное³, то применительно к правителю нецарского статуса это был естественный способ презентации его военной мощи. Характерным образом, в панегирике не находит прямого отражения элемент царской сакральности, которым Птолемей был наделен в воздаяние за закрепление «Земли Уаджит» за храмам Буто, – его способность внушать страх чужеземным врагам (Urk. II. 21.8—9: *qn(t) nht m ndm-ib r snd.f m-ht h3swt* «доблесть /и/ мощь в качестве обаяния сердца, для страха

² *z rnp(i) pw qn m g(3)bt.y.f(y) 3h zh shm mš^c wm(t) ib mn tbt y tkn qnd n rdi(.f) s3.f ifn hr n rqww(3).f m h3.zn q(3) d(rt) hf^c.n.f šmr(t) n st r th htht m zh^c.f imit(w) h3 n h^c m h(3)w.f pr-^c n hsf.tw wy.f(y) n n m pr(t) m r.f n mitt.f m t3wy h3swt.*

³ Возможно, с этим связана и долговечность вероятного бытования данных текстов Сенусерта III и памяти о них, что сказалось в античной традиции о «стелах Сесостриса» (см. главу 6, § 6.2.1).

его по чужеземным странам целиком»; см. настоящую главу, § 2.4.1). Очевидно, столь нестандартная передача одной из составляющих сакральной власти лицу нецарского статуса не могла быть представлена в тексте «Стелы...» слишком акцентированно.

Вместе с тем достаточно показателен вероятный имплицитный смысл ряда эпитетов, составляющих панегирик Птолемею. Полезная работа по выявлению параллелей им вне «Стелы сатрапа» была проведена в посвященной этому памятнику книге Д. Шефер [Schäfer, 2011, p. 67—74]. В целом, согласно наблюдениям этой исследовательницы и с учетом некоторых поправками к ее пониманию текста «Стелы...», распределение параллелей к эпитетам Птолемея в панегирике «Стелы сатрапа» оказывается следующим⁴:

обнаруживают параллели среди эпитетов царей и богов (3), (5), (10), (11), (12), (13);

обнаруживают параллели среди эпитетов как царей и богов, так и лиц нецарского статуса (6), (14);

обнаруживают параллели вне системы стандартных эпитетов (2);

не имеют прямых параллелей (1), (4)⁵, (5), (8), (9).

Подобная картина позволяет согласиться с выводом Шефер о том, что практически большая часть эпитетов в панегирике Птолемею заимствована из лексики, связанной с царской властью [Schäfer, 2011, S. 74 (Die meisten Epiteta sind dem königlichen Bereich entnommen)]. В определенной мере это переносит на Птолемея качество легитимного царя на уровне не титула, а менее формализованных описательных характеристик.

Среди эпитетов панегирика стоит, пожалуй, обратить особое внимание на два. Первый – это открывающее панегирик словосочетание $z\ rnp(i)$ («человек молодой»). Д. Шефер справедливо говорит, что утверждение о молодости Птолемея хорошо совмещается с приписываемыми ему физическими и душевными силами. Вместе с тем она же отмечает его расхождение с реальностью, поскольку Птолемей в 311 г. до н.э. был далеко не молод (ему было около 56 или 45 лет; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.2, комм. «а») и обращает внимание, что использование в данном эпитете прилагательного $rnp(i)$, а не существительного $hwnw$ («юноша») может объясняться как раз неуместностью последнего применительно к человеку возраста Птолемея [Schäfer, 2011, S. 67, Komm. ‘a’] (ср. с нашими замечаниями о его царской титулатуре в настоящей главе, § 2.2.3). Примечательно, однако, что Хорово имя Александра (IV), вероятно, переносящее на него одно из качеств юного Хора, сына Осириса и Исиды, включает в себя слово $hwnw$ и звучит как «Юноша, могучий (своей) мощью»

⁴ Более подробно параллели к отдельным эпитетам в составе панегирика Птолемею рассматриваются в комментариях к данному фрагменту перевода «Стелы сатрапа».

⁵ Мы понимаем этот эпитет иначе, чем Д. Шефер; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.2, комм. «д».

(*ḥwnw wsr-pḥty*; см. подробнее там же); весьма вероятно, что данный эпитет Птолемея в панегирике является фактически аллюзией на Хорово имя царя и подчеркивает наличие такого же качества у сатрапа Египта. Далее, выражение *nb rnp(i)* («владыка молодой») засвидетельствовано в эпоху Нового царства применительно к Рамсесу II в «Поэме о Кадешской битве» (KRI II. 5. § 7) и к Рамсесу III в его текстах из Мединет Абу – в надписях Годов 5 [Epigraphic Survey, 1932, pl. 80; Edgerton, Wilson, 1936, p. 74] и 11 [Epigraphic Survey, 1930, pl. 27; Edgerton, Wilson, 1936, p. 20] и в надписи на южной стороне «окна явлений» [Epigraphic Survey, 1932, pl. 114; Edgerton, Wilson, 1936, p. 141]. Напомним, что мы обнаруживаем определенное сходство некоторых египетских царских титулов Аргеадов и титулатур царей XXIX и, ранее, XIX—XX династий (см. настоящую главу, § 2.2.3, главу 6, § 6.2.3), так что в принципе можно допустить связь между эпитетом Птолемея *z rnp(i)* и данным эпитетом рамессидского времени. Наконец, не стоит забывать о значении «молодой, юный, младший», которое было установлено О.Д. Берлевым для царского эпитета *ntr nfr*, парного эпитету верховного солнечного божества *ntr ʕ3*, и указывало на связь и иерархическую соподчиненность между ними в структуре мироздания (см. главу 1, § 1.1.1). Характерным образом, глагол проявления качества и признака *rnp(i)* имеет значение «омолаживаться, возрождаться» в применении к божествам и усопшим (Wb. II. 432.14—18), которое свойственно и прилагательному *nfr*, в частности, в эпитете Осириса *Wnnw-nfr* [Берлев, 2003]. Понятно, что появление в эпитете Птолемея слова *z* («человек») должно было бы исключить его истолкование как указание на божественность его обладателя, однако чисто семантическая связь слова *rnp(i)* с прилагательным *nfr* в составе эпитета божества могла все же в данном случае обыгрываться. В связи с этим стоит обратиться к следующему нашему наблюдению (см. главу 5, § 5.1, 5.2): в концепции, представлявшей начало македонского времени как рубеж между большими циклами истории Египта, Александр принимал на себя роль царя, своими действиями прекратившего бедствия финала завершающегося исторического цикла, а Птолемей – правителя-«грюндера» начинающегося нового цикла, при том что на предыдущих рубежах между циклами эти роли «распределялись» между царями – отцом и сыном (см. также главу 1, § 1.3.2). В этом смысле Птолемей оказывается по отношению к Александру в положении младшего правителя-преемника, что, возможно, проявлялось и в египетских коннотациях его знаменитого эпитета «Сотер». Трудно утверждать с полной определенностью, что в основе эпитета Птолемея *z rnp(i)* лежит именно эта концепция; однако такую возможность стоит принять во внимание.

Второй эпитет Птолемея в панегирике «Стелы сатрапа», заслуживающий особого внимания, – это появляющаяся ближе к его концу фраза «не обращается вспять вышедшее

(букв. «нет обращения вспять в качестве вышедшего») из уст его» (*n ʕn m pr(t) m r.f.*). По своему номинальному значению эта фраза может быть понята и просто как указание на неуклонное выполнение всех решений и приказов сатрапа Птолемея. Однако, комментируя ее, Д. Шефер со ссылкой на работу Э. Отто отметила, что ее параллели обозначают исключительно качество божества или царя, которое последний может обрести по воле богов, а именно присущее этим сакральным существам творческое слово [Schäfer, 2011, S. 73, Komm. ‘n’; Otto, 1964, S. 15, 18, 65, 106—107; cf. LÄGG III. 480a—b]. Стоит обратить внимание, что в некоторых контекстах, указанных Отто, это качество прямо соположено со способностью его обладателя безошибочно познавать и претворять в жизнь норму миропорядка *maat* (Dendara IV. 14; Edfou I. 56; см. о понятии *maat* главу 1, § 1.1.1, 1.3.1). Примечательным образом, в «Книге победы над Сетом», один из списков которой был записан спустя четыре года после создания «Стелы сатрапа» (см. главу 1, § 1.2), сходным образом описывается данное качество бога-демиурга и царя богов Ра-Характе: «отдают приказы /и/ делают согласно сказанному (букв. “в качестве сказанного”) им, не обратится вспять вышедшее из уст его» (Urk. VI. 17.11—12: *wḏy.tw mdwt iry.tw m ḏḏ.f nn ʕn.tw pr m r.f.*). В таком случае данный эпитет является хотя и имплицитным, но совершенно определенным указанием на наличие у сатрапа Птолемея важнейшего аспекта сакральности, в норме принадлежащего только легитимному царю.

Прежде чем перейти к разговору об отражении образа Птолемея в следующей за панегириком исторической части «Стелы сатрапа», скажем несколько слов о его довольно стяженной характеристике в связи с принятым им решением вернуть уголье «Земля Уаджит» храмам Буто (см. главу 3, § 3.1.3, главу 4, § 4.1.4, «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III). По существу, текст констатирует, что Птолемей «искал... полезного для богов Юга /и/ Севера» (стк. 7, Urk. II. 16.5: *wn wr pn ʕ hr ḥḥ ʕḥ n ntrw šmʕw Mḥw*), издал в ответ на обращенную к нему просьбу указ о возвращении «Земли Уаджит» храмам («Стела...» приводит его предполагаемый текст: сткк. 13—16, id. 19.3—20.6) и что именно за это ему были дарованы «доблесть /и/ мощь в качестве обаяния сердца, для страха его по чужеземным странам целиком» (см. подробнее настоящую главу, § 2.4.1). Несмотря на скупость, с которой охарактеризованы эти действия Птолемея (похоже, составителей текста «Стелы...» в этой ее части гораздо больше занимали повороты истории «Земли Уаджит»), их значение трудно переоценить. Именно в этих деяниях Птолемей предстает благочестивым донатором египетских храмов, исполняющим, по существу, царскую функцию и достаточно закономерно приобретающим за это важную составляющую царской сакральности. Примечателен и еще один момент – формулировка просьбы Птолемею о закреплении «Земли Уаджит» за храмами Буто: «Дай же, чтобы было сделано повторение (букв. “обновление”) этого (букв. “его”) от

имени твоего в принесении этого для богов Пе-Деп во второй раз, в возмещение благополучия (букв. “делания благополучным”) времени (букв. “случая”) твоего!» (сткк. 12—13, id. 18.17—19.2: *imi whm.tw sm3wy.f hr rn.k hr hnk.f n ntrw P-Dp m sn-nw sp m-isw n zm^crt zp.k*). Очевидно, что под «благополучием времени» Птолемея имеются в виду его свершения, описанные в исторической части «Стелы сатрапа» (к отражению в ней образа Птолемея мы обратимся ниже): в таком случае, по точному смыслу обращенной к Птолемею просьбы, успех этих свершений (в том числе и военных предприятий) определяется содействием ему со стороны богов. По-видимому, такое содействие не обязательно предполагает сакральность того, на кого оно обращено; однако, учитывая значимость свершений Птолемея, можно сказать, что и этот нюанс «Стелы...» приближает его статус к царскому.

В исторической части «Стелы сатрапа» («“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.3) Птолемей оказывается центральной фигурой во всех отразившихся в ней эпизодах. Он возвращает в египетские храмы изображения богов и священные предметы, в свое время похищенные персами и увезенные в Азию (сткк. 3–4, Urk. II. 14. 9–11; см. там же, II.3.а, главу 4, § 4.1.2); он переносит «местопребывание свое» (*hnw.f*) и, соответственно, столицу Египта в Александрию (стк. 4, Urk. II. 14. 13–16; см. там же, II.3.б); он совершает походы, в которых угадываются кампания 312—311 гг. до н.э. в Восточном Средиземноморье, отмеченная триумфом Птолемея и Селевка над Деметрием в битве при Газе (стк. 4–6, Urk. II. 15. 2–10; см. там же, II.3.в), и, по-видимому, подавление восстания в Кирене в 313—312 или в 312 гг. до н.э. (стк. 6, Urk. II. 15.12–16; см. там же, II.3.г, Экскурс 1). Понятно, что обнаружить в Азии египетские культовые предметы и затем вернуть их в храмы, которые их утратили, Птолемей мог только в результате своих войн; и если их описание следует за описанием этого деяния, а не предшествует ему, то само перечисление этих эпизодов соответствует не их реальной хронологии, а какому-то иному принципу – очевидно, их важности с точки зрения составителей текста «Стелы...». В таком случае для них мирные дела Птолемея, связанные с обустройством жизни Египта и ее возвращением к норме (в той мере, в какой эта норма была нарушена в свое время похищением культовых предметов), были явно важнее и приоритетнее, чем его военные успехи. Заметим, что это опять же согласуется с ролью Птолемея как «грюндера» нового цикла в истории Египта, которая вырисовывается по ряду источников (см. главу 5, § 5.1, 5.2), а также и с представлением, что такой новый цикл и начался непосредственно в конце 310-х гг. до н.э., будучи отмечен даже явлением феникса (см. там же, § 5.4).

Сообщение «Стелы сатрапа» о возвращении в Египет из Азии культовых предметов, ранее похищенных персами, оказывается первым в ряду его аналогов в источниках эллинистического времени. Подобные свершения (по-видимому, вполне реальные)

эллинистические источники приписывают царям династии Птолемеев (от Птолемея II Филадельфа до Птолемея IV Филопатора), и они служат важнейшим поводом для их прославления и для воздания им культовых почестей (см. главу 4, § 4.1.2). Строго говоря, мы не можем сказать, что сообщение об этом деянии Птолемея в тексте «Стелы...» переносит на него царское качество, поскольку раньше вообще не было связанного с этим сюжетом пропагандистского клише; вместе с тем показательно, что в дальнейшем оно ассоциируется именно с царями. Весьма вероятно, что значимость этого мотива в пропаганде Птолемеев вообще связана с ограниченностью возможностей их идеологов в том, чтобы представить своих героев сакральными царями-ритуалистами иначе как на уровне чистой фикции. По-видимому, по крайней мере первые четыре Птолемея не проходили египетского коронационного обряда (см., например: [Burstein, 1991, p. 140], и, хотя храмовые рельефы по традиции изображали их совершающими ритуал, было ясно, что их реальная причастность к египетской религиозной жизни была невелика (собственно, это предполагалось достаточно высокой изоляцией греко-македонской элиты Египта от его основного населения) [Ладынин, 2016 (1), с. 266—282]. Между тем пропагандистский акцент на эпизодах возвращения Птолемеями в ходе их войн культовых предметов в египетские храмы, с одной стороны, представлял их действительными попечителями культов страны, что подобало царям согласно египетским представлениям, а с другой – не требовал создания фикции их реального участия в функционировании этих культов. Неудивительно, что впервые этот мотив проявляется в «Стеле сатрапа» применительно к правителю, которого не только было проблематично представить реальным исполнителем ритуалов в египетских храмах, но который и вообще не являлся формально сакральным царем.

Что касается перенесения Птолемеем столицы в Александрию, нет сомнений, что и в предшествующей истории Египта подобное деяние рассматривалось как сугубо царская прерогатива и при этом как судьбоносное событие в истории страны [Струве, 2003 (1), с. 106—109]. Полная смена столицы и места расположения царского некрополя в истории Египта вообще была чрезвычайно редким явлением. Так, с начала Древнего и до конца Среднего царства египтяне прочно придерживались представления, что они должны располагаться в районе Мемфиса. Именно туда стремились вернуть свою резиденцию царь X династии Хети Уахкара – отец Мерикара и автор знаменитого поучения, претендовавший на то, что ему удалось стабилизировать страну после бедствий I Переходного периода [Демидчик, 2005, с. 35], а затем и основатель XII династии Аменемхет I, действительно прекративший эти бедствия. В начале Нового царства столицей и местоположением царского некрополя стали Фивы, не потерявшие свое значение и при перемещении резиденции царя на север страны при Хоремхебе и Рамессидах; а в Позднее время столица и погребения царей переместились на север страны –

сначала в Танис и Саис, а в персидское время и при последних династиях IV в. до н.э. вновь в Мемфис. Ответственность решения о полной смене царской столицы требовала его подробного обоснования: достаточно привести в пример огромные по объему тексты пограничных стел Ахетатона, в которых такое обоснование приводилось для сооружения Эхнатона своей столицы [Sandman, 1938, p. 119—131]⁶. Представление о выделении в истории Египта больших периодов по принципу местоположения царской резиденции – якобы сначала в Фивах, а затем в Мемфисе – фиксируется в начале эллинизма в восходящем к сведениям египетских информаторов труде об истории Египта Гекатея Абдерского. Этот труд, известный нам в передаче I книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, был с наибольшей вероятностью создан при дворе сатрапа Птолемея в 310-е гг. до н.э., т.е., собственно, на том же этапе, на котором была создана и «Стела сатрапа» (см. подробнее главу 6, § 6.3.3). Зависимость сведений Гекатея и Диодора о периодизации истории Египта по данному принципу от чисто египетских представлений особенно ярко проявилась в свидетельстве о переносе столицы в Мемфис царем Ухоревсом (*Diod. I.50.6—8*): в нем А.Е. Демидчик увидел (как представляется, справедливо) реминисценции обустройства там резиденции Хети Уахкара [Демидчик, 2010, с. 7—8]. Стоит обратить внимание на следующий момент: хотя при описании египетского побережья Средиземного моря Диодор (очевидно, вслед за Гекатеем) не упоминает Александрию, что было возможно только на раннем этапе ее истории, когда она еще не превратилась в крупнейший центр эллинистической ойкумены (*Diod. I.31.1—2*), он тем не менее говорит, что «мемфисский период» истории Египта продолжался вплоть до времени Александра, который основал город, носящий его имя⁷. К этому сообщению примыкает краткая характеристика Александрии как места приложения усилий многих царей Египта и второго города в мире: однако само такое определение Александрии («вторым городом» она могла быть только после Рима), как и слова о том, что подробно речь о ней пойдет в ином, должном

⁶ На этот пример именно в связи с ответственностью акта перемены царской столицы справедливо обратил внимание в одном из своих выступлений А.Е. Демидчик.

⁷ «Поэтому-то с того времени начали умяляться Фивы и возрастать Мемфис, вплоть до времени царя Александра (ибо после того, как он основал соименный себе город на море, все последующие властители Египта почитали для себя делом чести заботиться о его возрастании). Одни старались украсить его роскошными дворцами, другие – храмами и гаванями, третьи – достопамятными дарами и зданиями настолько, что большинство мнило [Александрию] первым или вторым городом среди всех городов ойкумены» (пер. А.Г. Алексаняна по: [Диодор, 2015, с. 6—7]; *Diod. I. 50.6—7*: διόπερ ἀπὸ τούτων τῶν χρόνων ἤρξατο ταπεινοῦσθαι μὲν τὰ περὶ τὰς Θήβας, αὐξεσθαι δὲ τὰ περὶ τὴν Μέμφιν, ἕως Ἀλεξάνδρου τοῦ βασιλέως· τούτου γὰρ ἐπὶ θαλάττῃ τὴν ἐπώνυμον αὐτῷ πόλιν οἰκίσαντος οἱ κατὰ τὸ ἐξῆς βασιλεύσαντες τῆς Αἰγύπτου πάντες ἐφιλοτιμήθησαν εἰς τὴν ταύτης αὐξήσιν. οἱ μὲν γὰρ βασιλείοις μεγαλοπρεπέσιν, οἱ δὲ νεωρίοις καὶ λιμέσιν, οἱ δ' ἑτέροις ἀναθήμασι καὶ κατασκευάσμασιν ἀξιολόγοις ἐπὶ τοσοῦτον ἐκόσμησαν αὐτὴν ὥστε παρὰ τοῖς πλείστοις πρώτην ἢ δευτέραν ἀριθμεῖσθαι τῶν κατὰ τὴν οἰκουμένην πόλεων).

месте (собственно, в связи с ее основанием Александром в другой книге «Исторической библиотеки»: *Diod. XVII. 52*), показывают, что данная характеристика идет от компилятора Гекатея Диодора. Однако само определение границ «мемфисского периода» в истории Египта, в том числе его завершения переносом столицы в Александрию, должно, несомненно, восходить к Гекатею и его информаторам! Иными словами, уже на раннем этапе истории Александрии, в период сатрапии Птолемея, когда ее столичный статус только обозначился, основание этого города Александром и его превращение в столицу при Птолемее было представлено как завершение одного и, очевидно, начало другого большого периода. По-видимому, и данное сообщение Гекатея и Диодора, и акцент на перенесении столицы в Александрию в «Стеле сатрапа» отражают один и тот же пропагандистский мотив, который, очевидно, использовался достаточно широко и представлял Птолемея рубежной фигурой в истории Египта и, как мы уже говорили, основоположником нового исторического цикла.

Наконец, в тексте «Стелы сатрапа» Птолемей оказывается в центре событий обеих описанных в ней военных кампаний: это было справедливо применительно к кампании 312 г. до н.э. в Восточном Средиземноморье, которая была наивысшим триумфом противников Антигона в ходе третьей войны диадохов, и несправедливо применительно к операции против Кирены, в которой Птолемей не принимал личного участия. Подобное искажение, строго говоря, не невозможно в египетской традиции при описании военного предприятия, инициированного тем или иным правителем и осуществленного от его имени его агентами; однако достаточно закономерно, что текст «Стелы...» изображает с большим пафосом первый, а не второй из этих походов (см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», Экскурс 1). Описание первого похода содержит яркий пассаж, относящийся, судя по всему, к ключевому событию кампании 312—311 гг. до н.э. — битве при Газе: «Вошел он в пределы их (“людей хару”, упоминаемых в данном контексте в качестве противников Птолемея, см. там же, II.3.в, комм. «г» — *И.Л.*), /причем было/ сердце его сильно подобно хищной птице, преследующей пичужек (букв “за пичужками”). Схватил он их разом (букв. “в один раз”» (стк. 5, *Urk. II. 15.6—8*: *ḥq.f m ḥnw.zn ib.f šhm mi drd m-ḥt šfnw it.n.f z(n) m sp wḥ*). Напротив, собственно военные события киренской кампании охарактеризованы лишь одной краткой фразой, напоминающей фразу из предыдущего пассажа: «Схватил он их («людей) Ир-мер-а/Мер-мер-а»; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», Экскурс 1 — *И.Л.*) в миг один» (стк. 6, *Urk. II. 15.13*: *it.f zn m 3t wḥt*). Описание битвы при Газе примечательно не только своим принципиальным соответствием стилистике традиционных египетских военных текстов, живописующих ярость царя в бою и его предопределенность к победе. Д. Шефер, по-видимому, справедливо обратила внимание, что «хищная птица» (*Wb. V. 596: drt*), с которой сравнивается

Птолемей, – это, скорее всего, сокол или ястреб, и в таком случае данная метафора, по сути дела, замещает традиционное для египетских текстов сравнение царя с соколом (ср., например, знаменитый пассаж Sin. R21) [Schäfer, 2011, S. 105, Komm. ‘i’, с отсылкой к употреблению этого же слова в схожей метафоре, относящейся к царевичу Осоркону в «Хронике Осоркона»: Caminos, 1958, p. 78, n. ‘g’]. Иными словами, в данном контексте мы опять же сталкиваемся с имплицитным, но вместе с тем весьма четко прописанным перенесением на сатрапа Птолемея элементов образа сакрального царя.

Думается, приведенных фрагментов текста «Стелы сатрапа» вполне достаточно для того, чтобы сделать определенный вывод. Его составители избегали применительно к Птолемею царской метафоры, так сказать, «первого плана» – эпитетов и сравнений, которые ассоциировалась бы с образом сакрального царя совершенно недвусмысленно и однозначно; однако при этом они систематически прибегали к образам, которые были связаны с такой метафорой посредством достаточно очевидных ассоциаций. Тем самым царские характеристики прилагались к Птолемею в тексте «Стелы...» хотя и ослабленным, но все же весьма определенным образом. Чрезвычайно показательным, что само качество деяний Птолемея, описанных в тексте «Стелы сатрапа», предполагает наличие у совершающего их правителя совершенно независимой власти над Египтом и, в норме, царского статуса. Весьма вероятно, что характеристика этих деяний в «Стеле...» призвана также придать Птолемею ореол основоположника новой исторической эпохи, что следует и из идеологических мотивов, содержащихся в других источниках (см. главу 5, § 5.4. об отнесении к 312 г. до н.э. очередного явления феникса в Египте). Невозможность придать Птолемею в ситуации конца 310-х гг. до н.э. напрямую качества правителя ритуалиста в значительной степени компенсируется презентацией его в качестве благодетеля египетских храмов – применительно как к храмам Буто, земельное угодье которых он им возвращает, так и к храмам Египта в целом, в которые он возвращает похищенные из них священные предметы. Необычайно важно, что в воздаяние за это на Птолемея переносится одна из важнейших составляющих сакрального статуса – способность внушать страх чужеземным врагам. Как нам представляется, подобная тенденция «Стелы сатрапа» четко показывает, что для ее составителей (и, несомненно, для определявших их позицию официальных идеологов Птолемея) режим, предусмотренный миром 311 г. до н.э., – сосуществование неограниченной фактической власти сатрапа Египта и номинальной верховной власти царя дома Аргеадов – был временным явлением и в его длительном сохранении не было заинтересованности. По сути дела, та презентация, которую образ Птолемея получил в «Стеле...» и которая пока была рассчитана на восприятие в египетской среде, была важным этапом на пути к качественному повышению статуса сатрапа Египта –

принятию им царского титула, произошедшего менее чем через десять лет после создания данного текста.

2.4.3. Автобиографическая надпись на статуе «анонима из Баклии»: сатрап Птолемей – сакральный правитель нецарского статуса?

В Национальном музее Карфагена (также называемом Musée Lavignerie; Тунис) находится памятник, заслуживающий внимания в связи с историей Египта конца IV в. до н.э. (883.1). Это торс статуи высокого качества из диорита высотой 23,5 см.; голова и руки статуи, как и вся ее нижняя часть не сохранились. Статуя изображала знатного египтянина, одетого, в соответствии со стилем, принятым с саисского времени, в плотно прилегающую к телу рубашку с V-образным вырезом и в высоко подпоясанную юбку; на груди у него находится расположенная горизонтально большая цилиндрическая печать, появляющаяся в скульптурных изображениях с персидского времени (*Рисунок 2.8*). Весьма вероятно, что эта статуя была наофорной, но наос с изображением божества, который должен был быть в руках у персонажа статуи, не сохранился. Сзади статуи имеется опорный столб, навершием которого должен был служить пирамидион: от последнего сохранился только низ с частью сцены почитания триады богов. На опорном столбе находилась надпись биографического содержания в четыре столбца (с ориентацией знаков и последовательности столбцов справа налево), от которой сохранилось около половины, с начала столбцов (*Рисунок 2.9*); именно эта надпись будет далее в центре нашего внимания. Имя владельца статуи в надписи не упоминается. Судя по надписям данного памятника, он происходит из XV нижеегипетского нома с центром в г. Баху (*Bḥw*, также *Pr-Dḥwty-wp-rḥwy* «Дом Тота, который рассуживает двоих (Хора и Сета)»; совр. Баклия) [Montet, 1957, p. 137—142; Helck, 1972, S. 190—191; Zivie, 1975]. Каким образом и когда именно он попал на территорию Туниса, неизвестно, но очевидно, что это могло произойти как в эпоху эллинизма (возможно, через посредство Киренаики¹), так и в римское время. Неизвестно и то, каким образом этот памятник был обнаружен в Тунисе: в 1883 г. он был приобретен у местного жителя и с тех пор находился в музейном собрании.

В египтологических публикациях этот памятник был впервые упомянут П. Монтэ в связи с раскопками, которые велись в начале 1950-х гг. в Аполлонии (Киренаика) [Montet, 1954, p. 260]. В 1959 г. Э. Дриотон представил доклад об этом памятнике во Французской академии надписей и изящной словесности: полагая, что упоминаемый в надписи на статуе чужеземный правитель должен быть персидским царем, он предположил, что владелец статуи был коллаборационистом, имевшим дело с Дарием I в пору его визита в Египет в 518 г. до н.э. [Drioton, 1959, p. 444—445]. В реплике на доклад Дриотона П. Монтэ, который независимо от

¹ П. Монтэ предположил, что владелец статуи мог быть посланником сатрапа Птолемея в Карфаген и привезти ее в Тунис при исполнении своей миссии [Montet, 1959 (2), p. 447], однако это суждение все же чисто спекулятивно.

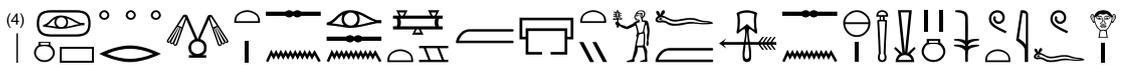
него подробно познакомился с этим памятником, обратил внимание на особенности написаний в его надписях ряда знаков (GG(SL) Q₃ □, GG(SL) F₄ , A₃₁₁ , GG(SL) D₂ , а также на аналогии с другими памятниками скульптуры, которые, по его мнению, позволили уверенно отнести его к раннеэллинистическому времени [Montet, 1959 (2), p. 445—447]². Подробная публикация статуи Э. Дриотоном вышла в свет спустя около двух лет после этой дискуссии и уже после его смерти [Drioton, 1960—1961]. В ней египтолог скорректировал свою прежнюю датировку и, предположив, что в стлб. 4 надписи на опорном столбе идет речь о депортации из Египта квалифицированных ремесленников [Drioton, 1960—1961, p. 21—22], высказал мнение, что появление этого памятника и события в жизни его владельца можно связать со временем вторжения в Египет Артаксеркса III [Drioton, 1960—1961, p. 23—24]³. В конечном счете мнение о датировке этой статуи не ранее второго персидского владычества, а возможно и началом птолемеевского времени перешло в сводную работу по памятникам Баклии А.-П. Зиви [Zivie, 1975, p. 149—154, Doc. 43, surt. 150].

Ниже мы приводим надпись на опорном столбе статуи «анонима из Баклии» в иероглифической транскрипции, транслитерации и переводе. Транскрипция приводится согласно публикации Э. Дриотона и фактическому воспроизведению по ней иероглифики в книге А.-П. Зиви, с учетом ряда предложенных им корректив. Следует учесть, что Зиви не проводил непосредственного исследования памятника и не работал с его фотографиями, помимо опубликованных Дриотоном; не имели такой возможности и мы, при том что Зиви, безусловно, верно отметил невозможность серьезных эмендаций по фотографиям Дриотона [Zivie, 1975, p. 151]). Перевод надписи Дриотоном был весьма уверенным, однако вызвал ряд сомнений у Зиви, который оставил некоторые места текста вовсе без перевода. На наш взгляд, в последнем может и не быть необходимости, хотя ряд нюансов в транскрипции и переводе Дриотона и требует корректировки.

² Монтэ обратил особенное внимание на сходство данной статуи со статуей Паихааса I в. до н.э., найденной им в Танисе (СМ JE 67093) [Montet, 1946, p. 69—70, 105—112, pl. XXI—XXVII; Zivie-Coche, 2000, p. 441—482; 2004, p. 235—290]: в частности, на груди Паихааса находится такая же цилиндрическая печать. Также можно отметить, что опорный столб стелофорной статуи упоминаемого в надписи на статуе Паихааса Панемерита [Montet, 1946, p. 50—59, 67—68, 82—105, pl. IX—XVII] завершается пирамидионом.

³ Слова Дриотона “Si l’on tient pour improbable que cette inscription puisse relater des événements survenus sous le règne de Darius...” [Drioton, 1960—1961, p. 23], показывают, что он, хотя и не слишком охотно и не в явной форме, прислушался к мнению П. Монтэ о датировочных критериях данного памятника.

*iry-p^ct h3ty-^c [s]h^c n wr 3 m-hr-ib wrw m(-m) wrw 3q pry m pr-šm^cw pr-mhw fk Dḥwty 3 3 nb
B^cḥw ḥnty ḥwt-[ntr]... | z(n?) n^c.f m mr [...] ntr [3] nb B^cḥw m šn(y).f 3q.f r ḥwt-^cnh.f ḥf[y].f znn n
[...]ḥty whm(f) thnw n ḥwt-ntr.f q3b hr (wn m-b3ḥ?)... | hr wr [3] m-mtr nst.f šzp n.f (или: šzp.n.f sw)
nsw wr 3 nb.f rdi.n.f (n.f) mkt (?) [n?] nbw r zšš m pr-šm^cw pr-mhw iw.f m-isw rth (?) rdit.f zwr[... m
inr ḥd nfr n] | 3nw r dmdyt.zn ir.zn w3t m rwty ihy.f m-sti.zn zp tpy sn-nw swt iw.f hr nh trwy qnw n
hnwt*

(1) Князь и правитель^a, восхваленный вождем^b великим^b среди^г вождей^п среди^e вельмож^ж /Египта/, входящий /и/ выходящий^з из Дома юга /и/ Дома севера^и, /жрец-/фек^й Тота, дважды великого^к, владыки Баху, находящегося перед подворьем [бога]^л... (2) и(х?). Плыл он по каналу^м...^н ...бог [великий], владыка Баху, в местопребывании^о его. Вошел он во «вместилище жизни»^п его; взглянул он на образ^р ...^с ...восстановил («повторил») (он) скрытые (образы богов?)^т храма его, удвоенные относительно (/того, что/ было прежде?)... (3) ...подле^у вождя великого^б вблизи престола его^ф. Был радушен к нему (или: «Принял он его,»)^х царь (?), «вождь великий»^{б, ц}, господин его; дал он (ему?)^ч амулет (?)^ш (из) золота для игры на сестре^ш в Доме юга /и/ Доме севера^и; вот это в возмещение ужаса^б. Сделал он увеличение^{б¹}... [в камне белом прекрасном^б] (4) известняка в должное время их, /всякий раз как/ делали они дорогу (т.е.

отправлялись) наружу³. Играл¹⁰ он перед^я ними один /и/ другой раз; /и/ он же играл на сестре^{aa} много раз плаваний...

а. В Позднее и эллинистическое время – традиционные наследственные титулы, не имеющие отношения к реальным властным полномочиям [Берлев, Ходжаш, 2004, с. 193].

б. Согласно П. Монтэ, термин *wr* в употреблении применительно к правителю пишется в данной надписи при помощи знака – изображением стоящего человека в короне из двух перьев и с бараньими рогами [Montet, 1959 (2), p. 446] (см. выше). Наблюдение Монтэ, в котором он был полностью уверен, кажется достоверным, однако в транскрипциях Э. Дриотона оно не отразилось (ср. ниже, наш комм. «ц», с отсылкой к примечанию А.-П. Зиви). Фонетическое значение данного знака не вызывает особых сомнений, однако его ассоциация с образом бога Амона очевидна. Такое написание могло бы навести на соблазнительную мысль, что оно относится к сыну Амона-Ра (Зевса-Аммона) Александру Великому, однако, на наш взгляд, это невозможно исторически. Как мы увидим далее, стлбб. 2—3 нашей надписи рассказывают о посещении данным правителем XV нижеегипетского нома, находящегося в центральной Дельте, и оно не вписывается в известные нам перемещения Александра по Египту (см. настоящую главу, § 2.1). Скорее, в рамках интерпретации, которая кажется нам справедливой и согласно которой термин *wr* ³ относится в данной надписи к сатрапу Птолемею (см. наш след. комм. «в»), можно предположить, что в обсуждаемом написании проявилась ассоциация с монетным типом, который был введен Птолемеем в Египте уже на рубеже 320—310-х гг. до н.э. (изображение головы Александра, покрытой скальпом слона с хоботом и бивнями, завязанной двумя змеями на шее эгидой и с «рогами Аммона», выступающими надо лбом [Mørkholm, 1991, p. 63 and fig. 90; Dahmen, 2007, p. 11, pl. 4]; см. о вероятной широкой известности этого монетного типа в контексте идеологии и пропаганды сатрапии Птолемея главу 5, § 5.3).

в. Термин *wr* ³ («вождь великий») здесь (по-видимому, в развернутой форме *wr* ³ *m-ḥr-ib* *wr* – «вождь великий среди вождей»; см. ниже, комм. «д»), а также ниже, в стлб. 3, явно служит основным обозначением чужеземного правителя, с которым имел дело «аноним из Баклии». Основа этого термина – слово *wr*, с давних пор обозначавшее чужеземных правителей стран и народов, считавшихся более примитивными, чем Египет, и заведомо ему не равных, в том числе в ряде случаев ахеменидских царей (см. подробно настоящую главу, § 2.4.1). При интерпретации нашего памятника Э. Дриотон относил данное обозначение к персидским царям – к Дарию I, а затем к Артаксерксу III (см. выше). Учитывая, что «аноним из Баклии» контактировал с «вождем великим» непосредственно, на территории своего нома, было

мыслимо отождествлять его лишь с теми правителями, пребывание которых в Египте было засвидетельствовано достоверно, и, тем самым, данное обозначение не могло относиться к двум последним Ахеменидам – Арсесу и Дарию III. В пользу соотнесения этого обозначения с Дарием I теоретически могли бы говорить случаи употребления термина *wr* в египетских текстах применительно к нему. Однако в докладе 1959 г. Дриотон не привел их, очевидно, в силу его конспективности, а для отнесения данного обозначения к Артаксерксу III они в любом случае ничего не дали бы; примеров же именовании последнего царя терминами *wr* ʕ или *wr* нет.

П. Монтэ, датировавший памятник раннеэллинистическим временем, напомнил, что термином *wr* ʕ именовался сатрап Птолемей [Montet, 1959 (2), p. 447]; при этом он, вне всякого сомнения, имел в виду именование Птолемея в «Стеле сатрапа» (см. подробно настоящую главу, § 2.4.1). На наш взгляд, отнесение этого именовании к сатрапу Птолемею оптимально обосновано как этими параллелями в терминологии «Стелы...», так и датировкой и содержанием текста на памятнике «анонима из Баклии» (см. ниже).

г. Транскрипция Э. Дриотона: [Drioton, 1960—1961, p. 17]; по замечанию А.-П.

Зиви, следует читать не , а скорее *r* как фонетический комплемент *hr* [Zivie, 1975, p. 151, n. 'c'], что мы отражаем в нашей транскрипции. Само употребление предлога *m-hr-ib* нарушает аналогию между именованием сатрапа Птолемея (*wr* ʕ *m-hr-ib wrw*) и партитивными конструкциями, использующими термин *wr*, которые передавали титул «царь царей» в текстах начала ахеменидского времени (*p3 wr n n3 wrw* [Blöbaum, 2006, S. 60]; см. настоящую главу, § 2.4.1, главу 4, § 4.5).

д. Очевидно, среди диадохов – наследников Александра.

е. О смешении написаний предлогов *m-m* и *m* в птолемеевское время см.: [Wilson, 1997, p. 392].

ж. Обращает на себя внимание передача фонетического значения *wr* при помощи знака GG(SL) Z₃₅ ✕ (cf. [Valeurs phonétiques..., 1988—1995, t. 4, p. 829]) – иного, чем знак с тем же фонетическим значением, употребленный в обозначении правителя непосредственно выше (см. наш комм. «б»). На наш взгляд, употребление в этом пассаже двух различных знаков с одинаковым фонетическим значением служит для того, чтобы разграничить выражаемые ими лексические значения и показать, что сначала слово *wr* относится к чужеземным правителям, а затем – к египетским вельможам.

з. См.: [Valeurs phonétiques..., 1988—1995, t. 1, p. 200 (знак Montpellier D₁₀₂₉)].

и. По мнению Э. Дриотона, «Дом юга /и/ дом севера» – дворец правителя [Drioton, 1960—1961, p. 18]. В контекстах, в которых этот термин появляется в данном столбце (жреческая титулатура владельца статуи) и в стлб. 3 (очевидно, совершение им ритуалов) он скорее относится к какому-то из главных сооружений храма в Баху.

й. Буквально «лысый», титул жреца в XV нижеегипетском номе [Montet, 1957, t. 1, p. 137—138].

к. Транскрипция Э. Дриотона: (*Hr Zm3-t3wy*) [Drioton, 1960—1961, p. 18—19]. По мнению А.-П. Зиви, в данном контексте скорее следует читать именование Тота [Zivie, 1975, p. 151, n. 'd', 'e'], которое мы и отразили в нашей иероглифической транскрипции.

л. А.-П. Зиви выразил сомнение в чтении последних сохранившихся слов столбца *hnty hwt-ntr* и в том, что они могут содержать ранее неизвестный эпитет Тота [Zivie, 1975, p. 152, comm. 'e'].

м. Транскрипция Э. Дриотона: [Drioton, 1960—1961, p. 19]. Согласно А.-П. Зиви, вместо можно предположить [Zivie, 1975, p. 151, n. 'g'], причем в речь может идти о канале *Mn(n)t*, находившегося в Баху недалеко от храма [Zivie, 1975, p. 153, comm. 'f']. В нашей иероглифической транскрипции отражено чтение Зиви.

н. Транскрипция Э. Дриотона: (*sn-t3.f n...* «поцеловал землю он для...») [Drioton, 1960—1961, p. 19]. А.-П. Зиви обратил внимание, что на фотографии отсутствует , а вместо скорее следует читать [Zivie, 1975, p. 151—152, n. 'h', 'i']; соответственно, дать последовательный перевод всего этого фрагмента проблематично [Zivie, 1975, p. 152, comm. 'f']. В нашей иероглифической транскрипции отражено чтение Зиви.

о. Э. Дриотон транслитерировал данное слово как *štyt* [Drioton, 1960—1961, p. 19], находя ему соответствие в обозначении мемфисского святилища Сокара (Wb. IV.559.4). Между тем *šnyt* – обозначение местопребывания божества, известное в составе словосочетания в «Книге мертвых» (Wb. IV.504.1).

п. Внутреннее помещение храма, в котором пребывает и, в частности, вкушает пищу божество [Drioton, 1960—1961, p. 19].

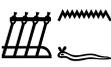
р. Несомненно, речь идет о чтимом изображении божества, находящемся во «вместилище жизни». Не вполне понятно, относится ли знак к слову *znn* (cf. Wb. IV. 460; в таком случае оно может иметь форму мн., а не ед. ч.) или же обозначает частицу косвенного генетива.

с. Транскрипция Э. Дриотона: (*Hnty-hty*) [Drioton, 1960—1961, p. 19—20]; А.-П. Зиви сомневается в чтении первого знака [Zivie, 1975, 152, n. ‘j’].

т. Об употреблении глагола *thn* для характеристики образов богов см.: [Wilson, 1997, p. 1151]; подобный смысл слова *thnw* в данном случае подсказывается, как кажется, предшествующим контекстом. Вариант написания этого слова через известен (Wb. V.327, 484); детерминатив кажется избыточным и заимствованным от однокоренных слов (Wb. V.327. 1—7).

у. = *hr* (Wb. III.315).

ф. = *m-mtr* (Wb. II.172.1) [Drioton, 1960—1961, p. 20]; по мнению А.-П. Зиви, чтение первого знака вызывает сомнения [Zivie, 1975, 152, n. ‘k’], однако данный предлог в целом выглядит здесь логично. Вероятно, речь должна идти о нахождении владельца статуи вместе с «вождем великим» у престола бога.

х. Э. Дриотон переводит фрагмент : “Le Très grand Roi, son maître, fut accueillant pour lui” [Drioton, 1960—1961, p. 20], исходя из значения глагола *šzp* с управлением через предлог *n* в данном контексте «быть приятным, радушным, расположенным к кому-либо» (Wb. IV.534.1). Такое понимание предполагает, что знак должен входить в написание слова *nsw*, по поводу присутствия которого в этом фрагменте возможны сомнения (см. следующий комментарий). А.-П. Зиви воздержался от перевода данного глагола, хотя само написание у него сомнений не вызвало [Zivie, 1975, p. 152]. На наш взгляд, возможно и то, что знак соответствует зависимому местоимению *sw* («его» = владельца статуи).

ц. Транскрипция и перевод фрагмента Э. Дриотоном: “Le Très grand Roi” (*nsw-š-wr(t?)*) [Drioton, 1960—1961, p. 20]. В рамках его интерпретации данного текста, этот эпитет, известный только по данному памятнику, должен был относиться к одному из персидских царей (см. выше). Как видно, его основой является титул *nsw*, употребляемый по отношению к легитимным сакральным царям Египта (см. главу 1, § 1.1.1). В свете этого его было бы допустимо отнести к действительно признававшемуся таковым Дарию I, но проблематично, особенно в рассказе о событиях прошлого – к Артаксерксу III, за которым такой статус, очевидно, не признавался и которому в начале македонского времени приписывались кощунства в храмах Египта (см. главу 4, § 4.1.1, 4.4). Заметим, что вполне позитивное

отношение «анонима из Баклии» к контактам с «вождем великим» вообще очень совмещается с отрицательным образом Артаксеркса III, который сформировался в египетской среде и отразился в античной традиции, равно как и с тем фактом, что последние Ахемениды не стремились представить себя сакральными царями Египта (см. там же, а также § 4.3.3). Это составляет очень серьезное возражение против интерпретации Дриотона. А.-П. Зиви обратил внимание на то, что именно в данном написании мы видим написание термина *wr* при помощи знака , а восстановление его первого знака как раз сомнительно [Zivie, 1975, p. 152, n. '1', 'm']; вместе с тем, если оно все же достоверно, было бы вернее считать, что словосочетание 𓆎 *wr* не является определением к *nsw*, а стоит по отношению к этому слову в аппозиции (“Le roi, le Très grand”) [Zivie, 1975, p. 152, 153, comm. '1']. Мысль Зиви кажется нам верной, однако, на наш взгляд, следует зайти дальше, чем он, и допустить, что в данном написании мы видим не 𓆎 *wr*, а тот же эпитет *wr* 𓆎 , что и в других фрагментах данного текста, только выписанный с перестановкой знаков. Эпитет *nsw wr* 𓆎 («царь, вождь великий») было бы мыслимо отнести к сатрапу Птолемею, в случае если статуя «анонима из Баклии» была изготовлена уже после принятия им царского титула в 305/4 г. до н.э. Тогда в ключевом для данного текста эпизоде получения владельцем статуи почестей от правителя последний именовался бы титулами, актуальными как на момент этого эпизода, так и на момент создания статуи (с понятным вынесением на первое место царского титула, как более значимого).

ч. По мнению Э. Дриотона и А.-П. Зиви, *sdm.f* пассивный (*rdi n.f mkt*; “Il lui fut donné...” [Drioton, 1960—1961, p. 20]; “lui fut donné...” [Zivie, 1975, p. 152]). На наш взгляд, не менее правдоподобно предположить здесь гаплографическое написание, при котором компонент *.n.f* в глагольной форме *rdi.n.f* передает также и следующее за ней косвенное дополнение.

ш. Транскрипция Э. Дриотона [Drioton, 1960—1961, p. 21; cf. Valeurs phonétiques..., 1988—1995, t. 4, p. 581 (Montpellier QR₆₅); Wb. II.160.22) вызвала у А.-П. Зиви сомнения [Zivie, 1975, 152, n. 'n']. Мы не видим смысловых препятствий к тому, чтобы следовать пониманию текста Дриотонем, поскольку содержание фрагмента – передача правителем владельцу статуи какого-то культового предмета из золота, связанного с исполнением музыки в храме на сестре, – как кажется, не вызывает сомнений. Заметим, что, коль скоро этот предмета был вручен владельцу статуи для игры на сестре (см. наш следующий комментарий), это и должен был быть, скорее всего, систр.

щ. Э. Дриотон и А.-П. Зиви поняли данное словосочетание с предлогом *r* как конструкцию «*r* футуральности» (“...au titre de Musicien...” [Drioton, 1960—1961, p. 21]; “(et) de devenir musicien...” [Zivie, 1975, p. 152, 153, comm. 'o']). На наш взгляд, в этом может и не быть

необходимости, а предлог *r* может иметь просто значение указания цели [Gardiner, 1957, p. 126, § 163.4].

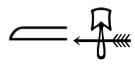
ъ. Употребленный здесь глагол *rth* обозначал способность легитимного царя парализовывать врагов и подвластных людей ужасом, вызываемым его сакральностью [Демидчик, 2005, с. 146—148]. Способность сатрапа Птолемея вселять ужас в чужеземных врагов, которая могла предполагать наличие у него неких сакральных качеств, приданных ему за благодеяния храмам Буто, отмечается и в «Стеле сатрапа» (сткк. 17—18, Urk. II.21.9; см. настоящую главу, § 2.4.1, 2.4.2). Вместе с тем смысл рассматриваемого пассажа состоит как будто в том, что «вождь великий» одаривает жреца храма Баху «в возмещение» некоего действия *rth*, совершенного этим правителем здесь же, в Египте. Казалось бы, это могло бы быть аргументом в пользу того, что речь идет все же о разгромившем Египет Артаксерксе III; однако признание за ним способности совершать действие *rth* было бы неотделимо от признания его сакральности, что проблематично по уже приведенным основаниям (см. наш комм. «ц»). Возможно, в конечном счете, речь идет просто о том, что владелец статуи в присутствии правителя, наделенного сакральностью, испытывает трепет, что вообще встречается в египетских описаниях аудиенций у легитимного царя (см., например, классический в этом отношении эпизод «Рассказа Синухета»: Sin. B252—256). Заметим, что для целостности текста мы переводим заключительный фрагмент стлб. 3 по транскрипции Э. Дриотона, в то время как А.-П. Зиви вообще отказался от его перевода, начиная с упоминания «Дома юга (и) Дома севера» [Zivie, 1975, 153, comm. 'p'].

ы Речь должна идти о действии царя или владельца статуи по расширению храмовых построек (Wb. IV.70.5) или, может быть, украшению статуи божества (Wb. IV.70.22).

ь. Восстановление конца стлб. 3 на основании наличия в начале стлб. 4 слова ḥnw , входящего в стандартный оборот *m inr ḥd nfr n ḥnw*: cf. Wb. I.191.1. Исходя из последующего (см. ниже, комм. «э»), «ю», «аа»), речь может идти о помещениях, в которых статуи божеств находились и/или из которых они выступали в процессии «в должное время их».

э. По мнению Э. Дриотона, речь идет о депортации большого числа египетских ремесленников, возводивших упомянутые до этого сооружения из известняка (“...de calcaire en leur totalité. Ils firent route à l'étranger” [Drioton, 1960—1961, p. 21]). На наш взгляд, такая интерпретация достаточно произвольна, и ей может быть предложена альтернатива исходя из предположения, что во второй половине стлб. 4 речь идет о ритуальных действиях, совершаемых владельцем статуи и соотносящихся с упоминанием в стлб. 3 его наделения золотым систром (см. наши комм. «ш» и «щ»). Отправляться наружу из храма могли статуи богов во время праздничных процессий.

ю. По мнению Э. Дриотона, данный глагол выписан знаком, представляющим стоящего человека, который держит в протянутой руке парус; соответственно, исследователь установил его значение как *βi-ῥw* (Wb. I.574.1: «вести корабль под парусом», букв. «нести ветер»), переведя содержащую его фразу: “Il fit voile devant eux une première fois et une seconde fois” [Drioton, 1960—1961, p. 22]. А.-П. Зиви привел замечания Дриотона по форме данного знака и воспроизвел его перевод, заметив, что, возможно, речь шла о каких-то случаях доставки в Баху известняка водным путем [Zivie, 1975, p. 152, n. ‘o’, 154, comm. ‘s’ et ‘t’]. Вместе с тем каталог иероглифических знаков греко-римского времени знака описанной Дриотоном формы не фиксирует. Сходным же с его описанием знакам Montpellier A₃₄₉ (); именно он был употреблен при наборе данного фрагмента текста в изданиях статуи) и Montpellier A₃₄₇ () [Valeurs phonétiques..., 1988—1995, t. 1, p. 21] свойственно передавать фонетическое значение *ihi*, которое соответствует глаголу «играть на музыкальном инструменте», частому в текстах греко-римского времени (Wb. I.122). На наш взгляд, речь и должна идти об игре владельца статуи на сестре (очевидно, входящей в его жреческие обязанности) перед статуями богов во время их «выхождения» в процессиях.

я. = *m-sti* (Wb. IV.332.7) [Drioton, 1960—1961, p. 22, comm. ‘b’].

аа. По мнению Э. Дриотона, знак в данном случае передает глагол *mʔc* (Wb. II.24.6: «вести корабль под парусом»), соответственно, аналогичный глаголу, употребленному в предыдущей фразе (см. наш комм. «ю»). Мы также считаем, что эти глаголы аналогичны, однако, на наш взгляд, данный знак скорее должен иметь фонетическое значение *nh* (Montpellier P₃₁₃) [Valeurs phonétiques..., 1988—1995, t. 3, p. 569] и соответствовать глаголу *nhī*, употребляемому опять же в связи с игрой на сестре (Wb. II.305.10). В данном случае речь опять же может идти об игре владельца статуи во время процессии – на этот раз, очевидно, во время следования статуй богов по воде.

***

Суммируем теперь важнейшие заключения, к которым, на наш взгляд, позволяет прийти исследование автобиографической надписи на статуе «анонима из Баклии». Основание для таких заключений дает отождествление правителя из текста на статуе «анонима из Баклии» с Птолемеем и отнесение описанного в нем эпизода к его сатрапии. Значение этого свидетельства выявляется особенно отчетливо при его сравнении со «Стелой сатрапа». Как мы помним, в центре внимания ее составителей было закрепление Птолемеем за храмами Буто земельного

угоды – благочестивое дело, которое, однако, не предполагало его прямого вовлечения в дела, связанные с культом, и недвусмысленного признания за ним сакральных качеств. В тексте «анонима из Баклии» мы видим куда более непосредственное вовлечение сатрапа Птолемея в жизнь одного из египетских храмов. Жалуя его жрецу драгоценный культовый предмет, он, по сути дела, действует как глава религиозной жизни Египта и уподобляется в этом смысле фараону; а констатация за ним способности наводить ужас-*rth* равнозначна признанию за ним сакральности. Разумеется, если данный памятник был изготовлен уже после провозглашения Птолемея царем, некоторые из этих мотивов могут быть «наведенными» от той высшей степени сакральности, которая, в египетских представлениях, была сопряжена с царским статусом. Вместе с тем сам эпизод появления Птолемея еще в период его сатрапии в египетском храме, по сути дела, в качестве сакрального правителя, безусловно, реален. В таком случае, если только в нашем понимании этого текста нет какой-то фундаментальной ошибки, он отражает самопозиционирование сатрапа Птолемея в качестве полноценного правителя Египта, которое зашло значительно дальше, чем в случае «Стелы сатрапа». Учитывая, что последняя датируется 311 г. до н.э., можно предположить, что эпизод, отразившийся в нашем тексте, следует датировать временем, еще более близким к провозглашению Птолемея царем, – вероятно, началом или серединой 300-х гг. до н.э.

ГЛАВА 3. ОППОЗИЦИОННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТИ МАКЕДОНСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ В ЕГИПТЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ IV В. ДО Н.Э.

3.1. *«Царствование богов»: отказ македонским правителям в легитимном царском статусе и случаи его перенесения на богов*

3.1.1. Автобиографические надписи на памятниках Сематауитефнахта, Хора и семьи Пашериентаисуи

Среди не слишком многочисленных частных памятников, относящихся к началу македонского времени в Египте, есть несколько связанных с Гераклеополем и его культурами. Общей для них чертой оказывается то, что нежелание их владельцев признавать легитимность новых македонских правителей Египта нашло выражение в четкой и довольно единообразной концепции максимального прославления местного божества и перенесения на него сакрального царского статуса.

Наиболее информативна в этом отношении автобиографическая надпись вельможи Сематауитефнахта на т.н. Неаполитанской стеле, получившей название по месту своего хранения (Неаполь, Национальный археологический музей, 1035). Данный памятник был обнаружен в храме Исиды в Помпеях во время их классических раскопок в 1765 г.: он представляет собой прямоугольную плиту высотой 105 см. и шириной 44 см. [La collezione... 1989, p. 142 ff. (nr. 15); Pirelli, 1998; Verhoeven, 2005]. Возможно, что исходно эта плита представляла собой часть монументальной стелофорной статуи: ее ранние описания указывают на наличие иероглифов и на ее боковых гранях [Tresson, 1930, p. 369—371]. Лицевая сторона плиты увенчана фризом из 14 фигур, который является на самом деле энигматической надписью, «шифрующей» имя и эпитеты бога Херишефа (Urk. II. 1.13) [Perdu, 1985, p. 96—97]. Под этим фризом располагается 20 горизонтальных и ориентированных справа налево строк основного текста надписи (иероглифическая транскрипция: Urk. II. 1—6; переводы и комментарии: [Tresson, 1930, p. 382—384; Roeder, 1959, S. 214—219; Lichtheim, 1980, p. 41—44; Perdu 1985; Тураев, 1936, с. 164; Перепелкин, 2000, с. 462—463]). Содержание надписи на стеле – автобиография вельможи Сематауитефнахта из Гераклеополя, – позволяет, как мы увидим дальше, надежно датировать памятник концом IV или, с меньшей вероятностью, началом III вв. до н.э. По-видимому, данный памятник происходит из гераклеопольского храма Херишефа,

откуда он мог быть доставлен в Италию уже в римское время; в Помпеях он был использован в оформлении пилястра храма Исиды (PM VII. 418) [Tresson, 1930, p. 369; Malaise, 1972, p. 274]. Текст Неаполитанской стелы постоянно находится в поле зрения египтологов, занимающихся сюжетами IV в. до н.э. [Känel, 1984, p. 120—125; Röblier-Köhler, 1991, S. 282—284 (Nr. 86a); Burkard, 1994, S. 39—40; Menu, 1995 (1), p. 84—86; Gorre, 2009 (1), p. 210—215 (nr. 42)].

«Герой» автобиографического текста Неаполитанской стелы был представителем местной знати гераклеопольского нома. Его имя «Сематауитефнахт» (PN I. 296: *Zm3-t3wy-t3y.f-nht* – «Его сила – “Объединитель Обеих Земель”»); *Zm3-t3wy* – эпитет ряда древнеегипетских богов, в т.ч. гераклеопольского бога Херишефа (LÄGG VI. 313 (13)) в I тыс. до н.э. неоднократно засвидетельствовано именно для выходцев из Гераклеополя [Mokhtar, 1983, p. 209]. Так, на рубеже IX и VIII вв. его носит сановник Сематауитефнахт, сын Анхсематауи [Mokhtar, 1983, p. 129—130]; а в середине VII в. до н.э. некий Сематауитефнахт, сын Петеисе, был местным правителем Гераклеополя, унаследовавшим от своего отца этот пост и целый ряд административных и жреческих титулов (в т.ч. характерный титул «начальника кораблей») и поддерживавшим основателя XXVI династии Псамметиха I при его возвышении [Kitchen, 1986, p. 234—235, 402—403, 485, tab. 16]. П. Каплони допускал, что Сематауитефнахт Неаполитанской стелы мог быть потомком именно этого рода «начальников кораблей» VII в. до н.э. [Kaplony, 1971, p. 258]. Такая возможность недоказуема, но и отрицать ее категорически не следует; так или иначе, на протяжении правления XXVI династии и первого персидского владычества этот род должен был постепенно растерять свое реальное влияние и превратиться просто в знатную семью, сохраняющую определенные наследственные титулы. Что касается «героя» автобиографии Неаполитанской стелы, его происхождение и статус четко указаны в начале этого текста: «Князь и правитель, казначей царя Нижнего Египта, “единственный друг” /царя/, /жрец-/“слуга бога” Хора, владыки Хебену, /жрец-/“слуга бога” богов Антилопьего нома, /жрец-/“слуга бога” Сематауи в (букв. – нисба косвенного генетива) Иат-Хеху, “уста бога”, “стоящий над берегом”, начальник /жрецов-/уабов Сохмет в земле до пределов ее, Сематауитефнахт, сын “владыки зерна” /жреца-/“слуги бога” Амона-Ра, владыки Пер-Шат, Джедсематауиефанха, рожденный владычицей дома Анхет...» (сткк. 1—3, Urk. II. 2. 3—10: *iry-p^ct h3ty-^c sd3wty-bity smr-w^cty hm-ntr n Hr nb Hbnw hm-ntr n ntrw M3-hd hm-ntr n Zm3-t3wy n Bt-hhw r-ntr hry-idb imy-r w^cb(w) Shmt m t3 (r) dr.f Zm3-t3wy-t3y.f-nht z3 n nb npr hm-ntr n Imn-R^c nb Pr-š3t Dd-Zm3-t3wy-i(w).f-^cnḥ ir.n nb(t)-pr ḥnht*). Насколько можно судить по данному фрагменту, наиболее важную роль в жизни Сематауитефнахта, как, видимо, и его предков, играли жреческие полномочия, связанные с культурами Среднего Египта – Гераклеополя, вблизи которого располагалось место Иат-Хеху [Perdu, 1985, p. 97, comm. ‘f’], но также и XVI

верхнеегипетского нома (титулы ««слуга бога» Хора, владыки Хебену», «жрец богов Антилопьего нома»: [Meulenaere, 1969, p. 21 ff.; Perdu, 1985, p. 97, comm. 'd']]). Нежреческие титулы в этом фрагменте являются традиционными наследственными («князь и правитель» [Берлев, 2004, с. 193]) либо связаны с положением их обладателя при царском дворе («единственный друг»); ср. с указаниями текста о близости Сематауитефнахта к царскому двору – см. ниже) и вряд ли отражают его реальные властные полномочия. Иными словами, у нас вряд ли есть основания считать Сематауитефнахта сколько-нибудь самостоятельным местным правителем, подобным «начальникам кораблей» VII в. до н.э.

Как показывает текст надписи (сткк. 7—14), в свое время Сематауитефнахт выдвинулся при дворе XXX династии (очевидно, в царствование Нектанеба II). Во время второго персидского владычества (343—332 гг. до н.э.) он, по-видимому, был депортирован в Азию в составе корпорации «жрецов-уабов Сохмет», во главе которой встал по воле персидского царя (см. главу 4, § 4.1.3). Далее он увидел во сне гераклеопольского бога Херишефа и получил от него повеление вернуться в Гераклеополь вместе с обещанием сопровождать его при этом; благодаря этому он благополучно вернулся домой и завершил свой жизненный путь:

Ты (т.е. Херишеф) открыл (букв. «расширил») /мне/ частый доступ в царский дворец, /причем/ сердце благого бога /было/ довольно /тем, что/ я говорил. Ты отличил меня среди множества, когда обратил (букв. «сделал») ты спину свою к Египту. Ты вложил (букв. «дал») любовь ко мне (букв. «любовь меня») в сердце властителя Азии. Сделал он (т.е. «властитель Азии») для меня должность начальника /жрецов-уабов Сохмет на место брата матери моей, начальника /жрецов-уабов Сохмет Юга и Севера Нахтхенеба. Ты защитил меня в битве хау-небу, после того как отразил ты Азию; убивали они (т.е. хау-небу) множество возле меня, /но/ не поднялась ничья рука (букв. «рука его») против меня. Привиделось во сне затем Величество твое и сказало мне: «Вернись в Гераклеополь. Смотри, (я) с тобой». Пересек я чужеземные страны, будучи один, проплыл я Великую Зелень, не боялся я, зная/, что/ не нарушаю (я) сказанное тобой, достиг я Гераклеополя, /так что/ не был снят волос с головы моей. /Как было/ начало (мое) благодаря тебе в качестве ме(ста) благого, /так/ завершил ты конец (мой): дал ты для (меня) срок долгий в радости сердца¹.

По тексту стелы легко заметить, что с момента падения XXX династии для героя Неаполитанской стелы пресекался ряд легитимных сакральных царей, реально правивших в Египте. В восприятии Сематауитефнахта последним из них, в «царский дворец» (*pr-nsw*) которого он получил свободный доступ и который обозначен в тексте эпитетом «благой бог»

¹ Urk. II. 3.12—5.2: *wsh.n.k nmt n pr-nsw ib n ntr-nfr hr hr dd.i tn.n.k wi hnt hh m ir.n.k s3.k r B3qt di.k mrt.i m ib n hq3 n Stt s|mrw.f dw3 n.i ntr ir.n.f n.i i3t imy-r w^cb(w) Shmt m st sn n mwt.i imy-r w^cb(w) Shmt Šm^cw Mhw Nht-hnb mk.n.k wi m ^ch3 n H3w-nbw(t) dr hsf.n.k Stt sm3.zn hh m-gswy.i n β ^cf r.i m33.tw m ^c[wy hr-s3 hm.k hr dd n.i iz rk r Nn-nsw mk wi hn^c.k smd.i h3swt w^c.kwi d3.i w3d-wr n snd.i rh.kwi n th.n.(i) dd.k s3h.i Nn-nsw n it sn(y) hr tp.i h3t(i) m-^c.k m b(w) nfr s^crk.n.k phwy(i) di.k n(i) ^ch3w k3 m ndm-ib.*

(*ntr nfr*; см. о его значении: [Берлев, 2003]), был, вероятно, Нектанеб II. Персидский царь, сделавший Сематауитефнахта «начальником /жрецов-/уабов Сохмет», обозначен сугубо описательным эпитетом «правитель Азии» (*ḥqꜣ n Stt*) и не наделяется никакими ритуальными или жреческими качествами применительно к египетским культам: просто вакансия главы корпорации жрецов-врачей, которая открылась в результате смерти исполнявшего эти обязанности жреца, была заполнена по воле правителя, во владениях которого эти жрецы-специалисты находились (см. подробнее главу 4, § 4.1.3). Что же касается новых македонских правителей Египта, в том числе Александра, они не упоминаются в тексте вовсе: более того, подспудно их появление на Востоке окружено мрачным ореолом, порожденным описанием резни, от которой спасся Сематауитефнахт. Естественно, что об их статусе царей-ритуалистов в тексте не может идти и речи.

Вместе с тем связь Сематауитефнахта с гераклеопольским богом Херишефом и ощущение непрестанного покровительства с его стороны играет в личной судьбе гераклеопольского вельможи исключительную роль. По существу именно этой связи посвящен текст автобиографии, представляющей собой обращение к этому божеству: мы видим, что, согласно ней, Херишеф обеспечивал Сематауитефнахту милость со стороны Нектанеба II и ахеменидского царя, спасение при наступлении македонян на Восток, благополучное возвращение в Египет и счастливое завершение жизненного пути. С Херишефом оказываются связаны и заупокойные чаяния Сематауитефнахта, поскольку возгласение для него гераклеопольскими жрецами заупокойных похвал гарантируется, согласно заключительному пассажию текста, воздаянием от этого бога (сткк. 15—20):

О *уаб* всякий, сопровождающий бога этого почтенного Херишефа, царя Обеих Земель, Харахти, владыку (до) пределов, барана благодетельного в Гераклеополе, Атума, находящегося перед Нарет: /жрец/-«царь» барана, достойного передними частями /его/; /жрец/-«слуга барана» быка оплодотворяющего, /жрец/-«владыка связывания» владыки берегов, /жрец/-«сын, любимый им» царя Обеих Земель, входящий в небо /и/ видящий находящегося там – Херишефа, царя Обеих Земель, целостного (*tm*), находящегося в своем саркофаге, соединяющегося (*hnm*) с богом великим в гробнице царя Верхнего и Нижнего Египта Уннефера, – прочны имена ваши на земле под похвалами Херишефа царя Обеих Земель, при говорении: «Да благословят тебя боги /и/ богини, находящиеся в Гераклеополе, хвалимый богом его, почтенный от нома его Сематауитефнахт»; полезно для вас самих повторение другим имен ваших после лет².

² Urk. II. 5.5—6.8: *i w^cb nb šms ntr pn šps Ḥry-šf nsw tꜣwy Ḥr-ꜣḥty nb(-r)-dr bꜣ mnḥ m Nn-nsw Tm ḥnty N^crt nsw n {t} bꜣ šf-ḥꜣtyw ḥm bꜣ n kꜣ st ḥqꜣ ḥrk n ḥqꜣ idbw zꜣ-mr.f n nsw-tꜣwy ḥq r pt ḥf im(y).s Ḥry-šf nsw tꜣwy Tm ḥnty dbꜣt.f hnm ntr ḥꜣ m ḥꜣyt nsw-bity Wn-nfr mn rn(w).tn tp tꜣ hr ḥsw(t) n Ḥry-šf nsw tꜣwy ḥr dd ḥs tw ntrw ntrywt imyw Nn-nsw ḥsw n ntr.f imꜣḥw n sp^ct.f Zmꜣ-tꜣwy-tꜣy.f-nḥt ꜣḥ n.tn dz.tn dm ky rn(w).tn m-ḥt rnpwt. См. подробный комментарий по фигурирующим в данном пассаже реалиям: [Perdu, 1985, p. 111—113].*

Текст Неаполитанской стелы конструирует для Херишефа на редкость полный и детализированный образ универсального бога-демиурга. В своей обобщающей работе о Гераклеополе М. Гамаль-эль-Дин Мохтар констатирует, что такая тенденция в Позднее и греко-римская время характерна для ряда «бараньих» богов (Банебджеда, Хнума в Элефантине и в Эсне) [Mokhtar, 1983, p. 167], однако сопоставимых примеров для Херишефа он все же не приводит. В начале автобиографии Сематауитефнахта мы видим особый пассаж, в котором подробно прописывается солярный и, говоря более широко, светоносный аспект Херишефа (сткк. 3—7):

О владыка богов, Херишеф, царь Обеих Земель, властитель берегов, /тот/, кто сияет (букв. «сияет он») /и/ освещается земля, /тот, у кого/ солнечный диск – левое око его, месяц – правое око его, /а/ свет – ба его, /тот,/ из чьего носа (букв. «из носа его») выходит северный ветер, чтобы оживить все (букв. «вещь каждую»): я – слуга твой, сердце мое на воде твоей, наполнено сердце мое тобой. Не поддерживал (букв. “не делал воссуществовавшим я”) /никакой/ город кроме города твоего; не упустил я показать (букв. «дать») силы его (города) каждому, /причем/ сердце мое искало праведное в доме твоём день каждый. Сделал ты для меня в качестве благого за это множество раз³.

В конце надписи в обращении к жрецам этот же мотив подкрепляется отождествлением Херишефа с Харахти (имеющим прецедент в ливийское время – см. стелу Петубаста [Daressy, 1921, p. 140; Mokhtar, 1983, p. 169]). Здесь же, в конце надписи, вводится мотив тождества Херишефа с богами-демиургами. Сначала Херишеф отождествляется с «Атумом, находящимся перед Нарет» (обозначение Гераклеопольского нома, связанное с представлением об одноименном священном дереве, которое заключало в себе душу Осириса [Mokhtar, 1983, p. 33—42, 50]). Затем мы видим его пространное именование, в котором его эпитетами фактически становятся имена Атума и Хнума: по-видимому, именно их этимологии расшифровываются в обозначениях «Целостный (*tm*), находящийся в своем саркофаге» и «Соединяющийся (*hnm*) с богом великим в гробнице царя Верхнего и Нижнего Египта Уннефера» [Perdu, 1985, p. 113, comm. ‘h’]. Весьма примечательно именование Херишефа в обращении к жрецам хорошо известным специфическим эпитетом бога-демиурга *nb-r-dr* (LÄGG. III. 795—797). Наконец, качества Херишефа как универсального бога оттеняет любопытный и, кажется, пока не обсуждавшийся нюанс: по смыслу текста Неаполитанской

³ Urk. II. 2.15—3.11: *i nb ntrw Hry-šf nsw tbyw ḥqḏ idbw wbn.f šsp t3 ʔbt.f pw itn wnmt.f pw iḥ b3.f pw šw pr mḥyt m fnd.f r sḥnḥ ḥt nb(t) ink ḥm.k ib.i ḥr mw.k mḥ ib.i im.k n šḥpr.n.i niwt wpw niwt.k n wš.n.i rdit b3w.z n ḥr-nb ib.i ḥr ḥḥ bw m3ḥ m pr.k hrw nb ir.n.k n.i m nfr r.zn n ḥḥ n zp.*

стелы, «власть» местного бога Гераклеополя выходит далеко за пределы его нома, и он оказывается в состоянии опекать своего почитателя даже на чужбине⁴.

Два других памятника раннемакедонского времени, связанных с Гераклеополем, – это статуи вельможи по имени Хор (см. просопографические издания: [Chevereau, 1985, p. 173—174 (Nr. 260); Gorre, 2009 (1), p. 198—209 (Nr. 41)]). Одна из них была, по-видимому, как и Неаполитанская стела, обнаружена в Италии (возможно, в *Iseum Campense* на Марсовом поле Рима) и сейчас хранится в Лувре (Louvre A88) [Vercoutter, 1950, p. 85—100, pl. I—III; Perdu, 2012, p. 356—355]; другая была найдена в Александрии и находится там в Греко-римском музее (без инвентарного номера) [Vercoutter, 1950, p. 100—108, pl. IV—V]. На задних опорных столбах обеих статуй помещены сравнительно похожие биографические надписи. Обративший внимание на александрийскую статую Ж. Даресси [Daressy, 1904, p. 127], а затем исследовавший тексты обеих статуй Ж. Веркуттер отметили общность их стиля, позволявшего отнести их неопределенно к Позднему времени, начиная с XXVI династии [Vercoutter, 1950, p. 100, 109]. Более четким критерием для их датировки стали особенности некоторых написаний в текстах александрийской статуе, приближавшие ее, по мнению Веркуттера, к птолемеевскому времени; написания в тексте луврской статуи представлялись более классическими, что позволило считать ее более ранней [Vercoutter, 1950, p. 110]. Кроме того, важным датировочным критерием оказывается содержание обоих биографических текстов: в них идет речь о бедствиях и насилии в Гераклеополе и, шире, в Египте, с которыми пришлось иметь дело Хору⁵, и, сопоставляя эти упоминания с особенностями написаний александрийской статуи, можно заключить, что Хор был современником второго персидского владычества и начала македонского времени (ср. [Perdu, 2012, p. 356]).

На луврской статуе Хор носит титул «управляющий округом Гераклеополя, начальник войска», и, кроме того, отмечен статус его отца – «первенствующего войском в округе Бусириса Псамметиха» (стлб. 1: *hrp w n Nny-nsw imy-r-mšc Hr z3 n ḥ3ty mšc m w n Ddw Pzmtk*) [Vercoutter, 1950, p. 88; Perdu, 2012, p. 361—362]. На александрийской статуе Хор именуется

⁴ Ср. с принципиально схожим развитием представления о Яхве на этапе пророческого движения (согласно «Книге пророка Ионы»): [Шифман, 1987, с. 44].

⁵ Луврская статуя, стлб. 1: «отражающий врагов его (Гераклеополя – *И.Л.*), защищающий находящихся (букв. “загостившихся, припозднившихся” [Vercoutter, 1950, p. 92—93]) на улицах его словно внутри храма /его/, сокрушающий заговорщиков (букв. “союзников”) в округе его» (*hsf šn^cw.z mk d3t-hr m mr.z mi ḥt ḥyt dr zm3yw m w.z*) [Vercoutter, 1950, p. 87—88; Perdu, 2012, p. 361—362]; александрийская статуя, стлб. 2: «половодье для города его, /когда/ страна в опустошении» (*ḥ^cpy n niwt.f t3 m wš*) [Vercoutter, 1950, p. 103]; стлб. 3: «Дал ты почтение ко мне (букв. “мое”) в сердца людей, /а/ враги (мои?) пали от резни твоей» (*di.k šf.i m ibw rmt ḥftyw hrw n š^c.k*) [Vercoutter, 1950, p. 104].

«управляющий округом Бусириса (или Мендеса?)⁶, Гелиополя /и/ (города), имя которого “Город” (?)⁷, князь, на[чальник войска]» (стлб. 2: *hrp w n Ddw Twnw niwt rn.z h3ty-ꜥ [i]m[y-r-mšꜥ(?)...]*) [Vercoutter, 1950, p. 103]. По мнению Ж. Веркуттера, во время изготовления александрийской статуи Хор, управлявший несколькими областями Дельты, был более значимой фигурой, чем при изготовлении луврской статуи, на которой упоминается его управление только Гераклеополем [Vercoutter, 1950, p. 111—112]. В своей книге о взаимоотношениях жречества и правителей эллинистического Египта Ж. Горр справедливо подчеркнул, что в текстах обеих статуй речь идет о делах Хора в Гераклеополе; кроме того, среди городов, находившихся под управлением Хора, только Гераклеополь был действительно важным центром, и в македонское время во главе него скорее должен был стоять непосредственный представитель завоевателей, а не египтянин. В таком случае полномочия Хора как правителя Гераклеополя должны были относиться ко времени XXX династии и, видимо, продолжаться в каком-то виде на протяжении второго персидского владычества. В македонское же время он, видимо, получил в качестве «утешительного приза» какие-то формальные полномочия над областями Дельты, но все равно должен был вспоминать о своих гераклеопольских полномочиях как о времени наибольшей административной самостоятельности [Gorre, 2009 (1), p. 204—207] (см. ниже, настоящую главу, § 3.2). Думается, что в целом построение Горра справедливо; так или иначе, в обоих текстах в центре внимания находятся взаимоотношения их героя именно с культурами Гераклеополя.

Тексты на статуях Хора значительно короче и менее выразительны, чем автобиография Сематауитефнахта, однако в своей концепции памятники обоих этих сановников схожи. Как и автобиография Сематауитефнахта, надписи Хора никак не упоминают македонских правителей Египта. В известном смысле они идут дальше, чем текст Неаполитанской стелы, поскольку не упоминают никаких реальных земных правителей вообще: хотя эти тексты сохранились не полностью, все же мы явно видим большую их часть, и непохоже, чтобы какие-либо упоминания такого рода были в них разрушены. Как и для Сематауитефнахта, для Хора его связь с богом Херишефом принципиально важна как исток его жизненного успеха, и его тексты также представляют собой обращение к этому богу. Обширный фрагмент надписи на луврской статуе, содержащий своего рода «декларацию верности» Хора богу Херишефу во многом

⁶ В надписи на александрийской статуе написание , что может быть как ошибочным написанием

Ddw (Бусирис; ср. стлб. 1 луврской статуи: , так и написанием названия *Ddt* (Мендес; cf. [Montet, 1957, t. 1, p. 144]).

⁷ По мнению Ж. Веркуттера, эпитет Гелиополя [Vercoutter, 1950, p. 107, comm. ‘m’; Gorre, 2009 (1), p. 199]. П.-М. Шевро считает, что это обозначение г. Меседет (совр. Мостаи) в южной части Дельты [Chevereau, 1985, p. 355].

совпадает с аналогичным фрагментом в начале автобиографии Сематауитефнахта (см. его цитирование выше): «я верный (“входящий сердцем”), ходящий на воде твоей, наполнил я сердце тобой. Путь прекрасный следующего за Величеством твоим; сделал ты сердце мое к нему (к пути), /причем/ ты сердце мое искало правды (букв. «места правого») в доме [твоем]» (стлб. 1⁸; ср. надпись на александрийской статуе, стлб. 3: «это я – правый сердцем, ходящий на воде твоей, страх твой в сердце моем день каждый»⁹). В рассматриваемых нами надписях присутствует эпитет Херишефа «владыка (всех) богов», выявляющий его качество верховного божества (Неаполитанская стела, стк. 3, Urk. II. 3.15: *nb ntrw*; надпись на луврской статуе, стлб. 3: *nb ntrw* [Vercoutter, 1950, p. 89]; надпись на александрийской статуе, стлб. 3: (*nb*) *ntrw nbw* [Vercoutter, 1950, p. 103, 107, comm. ‘o’]). Согласно М. Мохтару, он не встречается на других памятниках этого культа (лишь на статуе Хотепа времени Нового царства засвидетельствован эпитет «царь богов» – *nsw ntrw* [Mokhtar, 1983, p. 154]). Совсем необычным проявлением этого же качества Херишефа, кажется, совсем не находящим аналогий в других памятниках, оказывается упоминание в надписи на луврской статуе Хора этого божества в ассоциации с «эннеадой богов его» (стлб. 4: *Hry-šf hn^c psdt-ntrw.f*) [Vercoutter, 1950, p. 90; Perdu, 2012, p. 361—362].

Вместе с тем общая черта памятников Сематауитефнахта и Хора, к которой мы в особенности хотели бы привлечь внимание, – это наделение упоминаемых в них богов властными эпитетами. Для Херишефа в этих текстах характерны именованья «царь Обеих Земель» (*nsw t3wy*; Неаполитанская стела, надпись наверхия, Urk. II. 1.12—13; стк. 3, id. 2.15; сткк. 15, 17, id. 5.5, 12, 15; надпись на луврской статуе, стлб. 1 [Vercoutter, 1950, p. 88; Perdu, 2012, p. 361—362]) и «властитель берегов» (*hq3 idbw*; Неаполитанская стела, надпись наверхия, Urk. II. 1.12—13; стк. 4, id. 2.15; стк. 16, id. 5.11; надпись на луврской статуе, стлб. 1), обозначающие его власть над Египтом. В автобиографии Сематауитефнахта и в луврской надписи Хора фигурирует титулатура Осириса как «царя Верхнего и Нижнего Египта Уннефера». В первом тексте она появляется в обращении к жрецам, в эпитете Херишефа, указывающем на его соединение с Осирисом в его гробнице (Неаполитанская стела, сткк. 17—18: «...соединяющегося с богом великим в гробнице царя Верхнего и Нижнего Египта Уннефера»¹⁰), во втором – в связи с сооружением Хором столов для жертвоприношений, один из которых находился в Нареф, т.е. в месте чтимой в Гераклеополе гробницы Осириса (стлб. 3:

⁸ *ink ʕq-ib šm hr mw.k mh.n.i ib im.k w3t nfrt nt šms hm.k ir.n.k ib.i r.z ib.i hr hḥ bw m3^c m pr[k]* [Vercoutter, 1950, p. 88; Perdu, 2012, p. 361—362].

⁹ *ink m3^c ib šm hr mw.k snd.k m ib.i hrw nb* [Vercoutter, 1950, p. 103].

¹⁰ Urk. II. 5.17—6.1: *hnm ntr ʕ3 m h3yt nsw-bity Wn-nfr*.

«другой – в Нареф, небе царя Верхнего и Нижнего Египта Уннефера...»¹¹ (см.: [Mokhtar, 1983, p. 188—190]; собственно, понятно, что в первом контексте речь также идет о Нареф). Нужно обратить внимание, что оба божества, наделяемые таким образом титулами сакральных правителей, в религиозных представлениях Гераклеополя тесно связаны. Как указывает Мохтар, ссылаясь в этой связи как на мнение Х. Кееса [Kees, 1933, S. 328], так и на памятники Среднего царства (стела Аменемхета [Hassan, 1928, p. 100]) и ливийского времени (статуя Сематауитефнахта [Daressy, 1921, p. 141]), идентификация Херишефа с Осирисом должна восходить еще к I Переходному периоду и сохранялась вплоть до I тыс. до н.э. [Mokhtar, 1983, p. 169—170].

В самих по себе этих особенностях гераклеопольских памятников начала македонского времени нет ничего необычного. «Царь Обеих Земель» и «владыка берегов» – это связанные между собой эпитеты Херишефа, известные с Нового царства [Mokhtar, 1983, p. 151—152], а царский эпитет Осириса Уннефера не удивителен в контексте стойкого представления о Гераклеополе как о месте коронации Осириса и Хора [Mokhtar, 1983, p. 185 (с отсылками к источникам); Yooyotte, 1977, p. 145, 147—148 (согласно Ж. Йойотту, это представление восходит к Среднему царству)], битвы между Хором и Сетом [Mokhtar, 1983, p. 186 (с отсылками к источникам)] и, в конечном счете, как о месте реального погребения Осириса (см. выше о Нареф). Примечательно, однако, каким образом властные эпитеты богов смыкаются с отсутствием в картине, рисуемой в этими текстами, сакральных правителей в земном мире. Получается, что сакральным царем, правившим в Египте и непосредственно в Гераклеополе в мифологическом прошлом, был умерший Осирис, а в актуальности начала македонского времени единственным таким правителем признается бог Херишеф, наделенный чертами демиурга и универсального бога!

Сопоставимый пример столь же внятного перенесения царского качества на божество в эту же эпоху и тоже в частном памятнике мы можем обнаружить лишь в тексте на скульптурной группе Пашериентаисуи и его родителей из Ксоиса (СМ JE 36576) [Jansen-Winkel, 2001 (1), Bd. 1, S. 136—164; Bd 2, S. 393—399, Taf. 54—56; Guerneur, 2004; 2005, p. 159—161]. Этот памятник (скульптура из диорита или граувакки, 59,5 см. высоты, 53 см. фронтальной ширины, 38 см. ширины боковых сторон) был обнаружен Ж. Легреном в Карнаке в 1904 г. и отнесен по стилистическим и эпиграфическим признакам к концу XXX династии – началу македонского времени [Guerneur, 2004, p. 245—247], Изначально он был помещен в храм неким Ахаметом и изображал его отца, жреца Амона из Ксоиса в Нижнем Египте Пашериентаисуи (*P3-šry-(n)-t3-iswy* – «Сын овцы») [Thirion, 1982—1983, p. 103—104; 2001,

¹¹ *ky m Nrrf pt n nsw-bity Wnn-nfr...* [Vercoutter, 1950, p. 89—90; Perdu, 2012, p. 361—362].

р. 273; Guerneur, 2004, р. 249, comm. ‘f’]), мать Танеферетиу ((*T3*)-*nfirt-iyw* – «Прекрасная пришла»), PN I. 361, II 395 [Guerneur, 2004, р. 248, comm. ‘a’]) и деда (отца отца) Ашახета (*ʕš3-ḥt* – «Богатый вещами»), PN I. 71 [Guerneur, 2004, р. 249, comm. ‘h’]). Одна из надписей этого памятника (текст E² на задней опорной плите, стлб. E1) содержит следующее обращение к богу Амону: «О бог божественный, царь богов, совершенный, отличный, изначальный образами, *ба* /среди/ *ба* /других богов/, царь царей, тот, по обличью которого не воссуществовал ни один /другой/ бог, владыка престолов Обеих Земель»¹²). Характерно, что на этом же памятнике мы видим в контексте биографии отца Пашериентаисуи жреца Ашახета, по-видимому, упоминание бедственного состояния Фив в период второго персидского владычества (см. главу 4, § 4.1.4). Конечно, данный фрагмент эпиграфического памятника куда менее полон, чем концептуальная надпись Сематауитефнахта. Существенно также, что в начале македонского времени данная концепция «царственности богов», как говорится, носилась в воздухе именно в среде гераклеопольской элиты, судя по тому что она отразилась сразу в нескольких памятниках ее представителей.

Пожалуй, стоит обратить внимание на еще одну особенность рассмотренных надписей, убеждающую, что присвоение властных эпитетов богам не является в чистом виде данью религиозной традиции, а сопряжено именно с принципиальным отказом земным правителям в статусе сакральных царей-ритуалистов. Если этот статус переносится на богов, то сугубо земная функция попечения о простых людей столь же явно (и более акцентированно, чем в других текстах начала македонского времени) переносится на владельцев данных памятников. Особенно подробно этот момент «прописан» в надписях Хора и Пашериентаисуи: «...[полезн]ый в Гераклеополе, бодрствующий над обновлением Нарет, делающий процветающим Гераклеополь, отражающий врагов его, защищающий находящихся (букв. “загостившихся, припозднившихся”) на улицах его словно внутри храма /его/, сокрушающий заговорщиков (букв. “союзников”) в округе его (надпись на луврской статуе, стлб. 1)¹³; «убежище (из) меди (для) людей» (надпись на александрийской статуе, стлб. 1: *ib{t} n bi3 (n) mrt* [Vercoutter, 1950, р. 102—103]), «отвращение его – не умеющий (букв. «знающий») награждать, владыка списков больших, чем двойное хлебохранилище, широкий хлебом, зиждящий множество в городе его, половодье для города его, /когда/ страна в опустошении» (надпись на александрийской статуе, стлб. 2)¹⁴; «Да продлится срок жизни /его/, большой

¹² *i ntr ntry nsw ntrw twt tni p3wty hprw b3 b3wʼImn nsw nsww iwty ntr hpr r qd.f nb nswt t3wy* [Guerneur, 2004, р. 264].

¹³ ...[3]*ḥw m Nny-nsw rz ḥr zm3 Nʕrt swd3 Nny-nsw ḥsf šnʕw.z mk d3t-ḥr m mr.z mi ḥt iḥyt dr zm3yw m w.z* [Vercoutter, 1950, р. 87—88 ; Perdu, 2012, р. 361—362].

¹⁴ *bwt.f ḥm fq3 nb rhy ʕš3 r šnwty ʕš3 w3ḥy t ʕnh ḥḥ m niwt.f ḥʕpy n niwt.f t3 m wš* [Vercoutter, 1950, р. 102—103].

воздаяниями, великий любовью у всякого находящегося на земле, владыка пищи, богатый жертвенными дарами, собирающий богатства всякие, дающий хлеб голодному, питье жаждущему, одеяния находящемуся в наготе» (надпись на скульптурной группе Пашериентаисуи и его родителей, текст E4, стлбб. E16—E17)¹⁵. В автобиографии Сематауитефнахта этот мотив выражен более косвенно и стяженно, но, в общем, вполне определенно: «Не поддерживал (букв. “не делал воссуществовавшим я”) /никакой/ город кроме города твоего» (стк. 6, Urk. II. 3.8: *n šhpr.n.i niwt wprw niwt.k*). Очевидно, по мысли составителей данных текстов, те практические функции, которые не могут исполнять непосредственно боги, находящиеся в трансценденции, должны осуществлять на земле вельможи, благодетельные для своих городов и номов, но нет никакого, даже чисто формального или символического смысла утверждать их осуществление чужеземными правителями. При этом примечательно следующее: мы уже говорили, что, по вескому мнению Ж. Горр, деяния Хора, описанные в текстах на обеих его статуях, относятся ко времени его службы в Гераклеополе. Однако в надписи на его александрийской статуе, более поздней и относящейся, видимо, к раннемакедонскому времени, когда хаос второго персидского владычества было позади и во главе Египта встали цари-Аргеады и их наместники, данный мотив выражен подробнее, чем в надписи луврской статуе, более ранней и, возможно, как раз современной второму персидскому владычеству.

Возвращаясь теперь к вопросу о подчеркнутом перенесении в надписях гераклеопольских вельмож властных качеств на божества, следует признать, что констатация этого сама по себе не составляет принципиально нового наблюдения. Значение автобиографии Сематауитефнахта и памятников Хора как свидетельств перенесения сакрального царского статуса с земного правителя на божество было должным образом оценено, в частности, в исследовании У. Рёсслер-Кёлер [Rössler-Köhler, 1991, S. 282—284 (nr. 85 – автобиография Сематауитефнахта), 280—282 (nr. 84a—b – памятники Хора)]. Более важно понять, каковы были предпосылки к тому, чтобы в этих памятниках раннемакедонского времени данный мотив прозвучал особенно внятно. Думается, что достаточно удовлетворительное объяснение этому дает сама специфика Гераклеополя и в какой-то мере персоналий людей, о памятниках которых мы ведем разговор. Мы уже сказали об очень давней «вписанности» Гераклеополя в религиозную традицию Египта в связи с важнейшими мотивами мифа об Осирисе. Вместе с тем в I тыс. до н.э. этот город становится резиденцией одной из ветвей ливийского царского дома; имя «Сематауитефнахт» в ту пору, как мы помним, хорошо засвидетельствовано, а принадлежность его обладателя – современника второго персидского владычества и начала

¹⁵ *q3 ḥw(f) wr isww ʕ3 mrt hr tpy t3 nb k3 ʕš(3) ḥtpw (?) ʕrf šspw nbw rdi t3 n ḥqr wrḥ n ib ḥbs (n) wn m ḥwy* [Guérmeur, 2004, p. 271—272].

македонского времени к знати Гераклеополя, прочно укорененной в этом городе, не вызывает сомнений. В таком случае ощущение давнего религиозного и политического престижа Гераклеополя – важнейший фактор самосознания его элиты – должно было в начале македонского времени вступить в противоречие с такой печальной реальностью, как невнимание к этому городу новых властей страны и, очевидно, их незаинтересованность в выстраивании отношений с его знатью. Суммирование папирологических данных об эллинистическом Гераклеополе – дело будущего; однако все же можно сказать, что ко времени Птолемея II здесь была достаточно мощная зона неегипетских военных поселений, позволявшая македонским властям действовать без какой-либо оглядки на местную элиту [Salmenkivi, 2008, p. 183—190]. А если посмотреть на такой надежный критерий заботы правителей о том или ином храмовом центре, как строительство на его территории, легко убедиться, что как раз Гераклеополь был обойден вниманием македонских царей на всем протяжении их владычества в Египте (см.: [Arnold, 1999, p. 137—224]).

В свете этого уместно вспомнить, что, согласно сложившейся в III в. до н.э. «Демотической хронике», новый легитимный царь, который будет править Египтом после «греков», откроет храмы и станет приносить в них жертвы, должен выйти именно из Гераклеополя и его появлению будет радоваться прежде всего «жрец Херишефа». Точная интерпретация этого фрагмента «Демотической хроники», во всяком случае, на нынешнем этапе ее изучения, едва ли достижима (см. подробнее главу 5, § 5.1). Понятно, однако, что на уровне своего буквального звучания он, по крайней мере, обозначает вполне определенную проблему – невнимание новых властителей страны к египетским культам, побуждающее даже говорить о необходимости вновь открывать храмы, причем особенно остро эта проблема ощущается в Гераклеополе.

Между прочим, точно таким же образом за счет своего рода «духовного сопротивления» древнего и авторитетного религиозного центра власти македонян, не уделявшей ему внимания, можно объяснить и подробное прописывание царского статуса Амона в памятнике Пашериентаису из Ксоиса¹⁶. Понятно, однако, что подобная реакция на новые времена в этом совсем небольшом городке Дельты, с давних пор, а может быть и вообще никогда не являвшемся политическим центром страны¹⁷, должна была быть слабее.

Строго говоря, рассмотренные в настоящем разделе памятники не являются единственными свидетельствами перенесения царского статуса на божество в начале

¹⁶ См. о представлениях, связанных с глубокой древностью Ксоиса и с его ролью в мифологическом прошлом Египта: [Sauneron, 1983, p. 127—130; Vernus, 1986, Sp. 1303—1304; Guermeur, Thiers, 2001, p. 197, 215.

¹⁷ См. скептическую оценку свидетельств Манефона о Ксоисе как резиденции XIV династии (Manetho, Frgg. 41a—c) в начале II Переходного периода: [Ryholt, 1997, p. 104].

македонского времени. Элементы данной манипуляции присутствуют в текстах, которые нам предстоит рассмотреть в связи с частной инициативой в храмовом строительстве этой эпохи (см. настоящую главу, § 3.2). Так, в граффито Анхпахереда из Луксора есть указание на то, что именно бог Амон («владыка богов») назначил его на должность «управляющего работ в доме его в чудесных делах его» (см. там же, прим. 4); далее в контексте описания строительной деятельности Анхпахереда в этом качестве мы видим обширный пассаж, перечисляющий эпитеты Амона как верховного бога пантеона (см. там же, прим. 11). Схожий пассаж мы видим и в соседнем граффито Капепхамонту (см. там же, прим. 10). В автобиографических надписях на памятниках Джед-Хора из Атрибиса (см. там же) мы видим признание местного бога Атрибиса Хенти-хети властителем нома и силой, направляющей действия владельца статуи. Примечательно, что при этом на Хенти-хети переносится эпитет «владыка маат» (см. полное цитирование в § 3.2, прим. 23), предполагающий, что его обладатель наделяется способностью к постижению норм миропорядка и совершению согласных с ним действий, то есть на практике прежде всего совершения ритуала (см. главу 1, § 1.1.1). Нет сомнений, что общая тенденция, побуждавшая составителей этих текстов оттенять правительский статус божества, была в целом той же самой, что и в памятниках, рассмотренных в настоящем разделе. Вместе с тем в этих случаях данная тенденция реализуется не полностью: в граффито Анхпахереда и Капепхамонту и в надписях Джед-Хора речь все же идет о власти Амона и Хенти-хети в мире богов, а не буквально в земном мире, и мы не видим наделения их в точном смысле слова царскими титулами. А Анхпахеред и Джед-хор и вовсе признают сакральный статус царей дома Аргеадов, помещая в своих текстах их титулы (см. титулатуры Александра Великого и Филиппа Арридея в граффито Анхпахереда в главе 2, § 2.2.1, и в настоящей главе, § 3.2, прим. 4); правда, Джед-Хор допускает при этом определенную «оговорку», поскольку в его надписи в титулатуре Филиппа Арридея на месте «солнечного» имени этого царя помещен пустой картуш: (см. § 3.2, прим. 20; о смысле данной манипуляции в начале македонского времени см. § 3.1.2, 3.1.3). По-видимому, причины, по которым данная тенденция выражена более явно в памятниках гераклеопольских вельмож и Пашериентаисуи, и в самом деле носят локальный характер.

3.1.2. Клепсидра из Государственного Эрмитажа начала македонского времени (ДВ 2507а) и ее аналоги: «неформальное» восприятие власти Аргеадов в египетских храмах

Надписи на памятниках гераклеопольских вельмож и, менее ярко, на скульптурной группе Пашериентаисуи, зафиксировали перенесение статуса сакрального царя на божество и, тем самым, отказ в данном статусе правителям дома Аргеадов, согласно представлениям владельцев этих памятников. Вместе с тем их представления – это все же позиция отдельных частных лиц, которая не обязательно соответствует преобладающему настроению египетской элиты начала македонского времени. Для его оценки несравненно более показательными были бы памятники, которые отразили бы восприятие македонских царей жречеством – корпорацией, которая, как мы говорили, в значительной мере принявшей на себя в Позднее время функцию поддержания традиционной идеологии и оценки в ее категориях отдельных правителей (см. главу 1, § 1.1). Вместе с тем отражение подобной позиции жречества было бы бессмысленно искать в сооружениях, возведенных от имени Александра Великого и его преемников на египетском престоле в рамках официальных строительных программ (см. главу 2, § 2.3.1). Понятно, что такие памятники представляли бы этих правителей сакральными царями, совершающими ритуал, поскольку таково было их предназначение. Что же касается «неподцензурных» памятников, которые были бы связаны с отправлением культа и при этом фиксировали бы реальное отношение его исполнителей к правителю, признаваемому в данный момент сакральным царем, сам их поиск мог бы стать непростой задачей. Речь в этой связи могла бы идти о каких-то небольших предметах культовой утвари, изобразительное оформление которых, с одной стороны, было бы достаточно сложно, чтобы отражать определенную концепцию, а с другой, практически не контролировались бы, в силу малодоступности таких предметов для кого-либо, кроме жрецов, непосредственно исполнявших ритуал. Счастливым образом, памятником, принадлежащим именно к этой категории, представляется фрагмент клепсидры, т.е. водяных часов, использовавшихся в храмовом ритуале, который находится в Государственном Эрмитаже (ДВ 2507а) и относится ко времени Аргеадов (*Рисунок 3.1*).

Место происхождения этого памятника точно неизвестно; однако, по мнению ряда исследователей, другой частью тоже же самого культового предмета является фрагмент верхней части клепсидры из Национального археологического музея в Неаполе (2327) [Borchardt, 1920, S. 11; Шолпо, 1939, с. 166; Lodomez, 2007, p. 65]. В надписи на нем упомянуто

крайне малоизвестное божество *Wsir-m3nw hry-ib-W3st* («Осирис Западной горы¹, находящийся посреди Фив»; cf. LÄGG II. 546c) [Lodomez, 2007, p. 67, fig. 4], второй компонент имени которого, как видно, содержит название города Фив; и это можно было бы счесть указанием на место происхождения интересующего нас фрагмента клепсидры. Он стал известен (вероятно, был обнаружен в Риме, возможно, в *Iseum Campense* на Марсовом поле) еще до становления академической египтологии: впервые он был описан Афанасием Кирхером в середине XVII в. (вместе с другим фрагментом клепсидры, сейчас также хранящимся в Эрмитаже: ДВ 8698 [Шолпо, 1939, с. 161—162, 165—166, табл. II]), когда находился в *Museo Gaddiano* во Флоренции [Kircher, 1652—1654, vol. III, p. 384—386]. Затем неизвестным путем он попал в коллекцию князя С.М. Голицына и, наконец, в Императорский Эрмитаж в Санкт-Петербурге: он фигурирует в первом и до сих пор единственном полном описании его египетской коллекции, созданном В.С. Голенищевым [Golénischeff, 1891, p. 374—376; см. последующие публикации: Шолпо, 1939, с. 155—161; Большаков, 2007; 2011, с. 96—99; cf. Rouillet, 1972, p. 145, pl. CCXXV—CCXXVI, fig. 337—339 (no. 327)].

Интересующий нас памятник представляет собой обломок большого сосуда в форме усеченного конуса: его дно отсутствует, и первоначальная высота неизвестна (сейчас измерения фрагмента клепсидры следующие: высота – 33,5 см, ширина – 31 см и толщина – 8 см). Внешняя сторона клепсидры была оформлена в центральной части широким фризом сцен, изображающих царя приносящим жертвы богам, которые олицетворяют четные месяцы календарного года и которых сопровождают богини, олицетворяющие нечетные месяцы. Фигуры на сохранившемся фрагменте соответствуют 11-му, 12-му и 1-му месяцам: в сцене, занимающей его большую часть (справа и в центре) царь приносит жертву (12-й месяц), и за ним стоит богиня Ипет-Хеметес (11-й месяц; LÄGG I. 219—220) [Большаков, 2007; 2011, с. 98]²; в сцене слева изображена богиня Техит (1-й месяц; LÄGG VII. 436) [Большаков, 2007; 2011, с. 98]³, несомненно, также стоящая позади царя (от этой сцены сохранилась только вертикальная надпись, некоторые декоративные элементы и спина богини, голова которой увенчана пером). Соответственно, данный фрагмент клепсидры – это ее центральная часть, причем роль разделителя между сценами с участием божеств первого и последнего месяцев года играет *serex* (изображение фасада дворца с находящимся наверху соколом-Хором, в

¹ Имеется в виду гора, находящаяся на крайнем западе земного мира и обозначающая его пределы (Wb. П.29).

² Ранние исследователи памятника считали, что это богиня Нейт: [Golénischeff, 1891, p. 374—375; Шолпо, 1939, с. 159].

³ Ранние исследователи памятника считали, что это богиня Маат: [Golénischeff, 1891, p. 375; Шолпо, 1939, с. 158]. Важная аналогия, предоставляющая возможность правильной идентификации обеих богинь, – фрагмент клепсидры из *Museo Barrasco*; см. LÄGG. Loci cit. и отсылки к его публикациям далее.

который заключено царское Хорово имя; см.: [Beckerath, 1999, S. 6—8; Большаков, 2000, с. 74]). Аналогичный разделитель-*serex* обнаруживается на фрагменте клепсидры из *Museo Barrasco* в Риме (инвентарный номер 27) [Iside..., 1997, p. 395, no V.13; Lodomez, 2007, p. 73]; судя по его центральному положению, он должен был быть уникален во фризе (хотя теоретически можно допустить, что какой-то парный разделитель находился на противоположной стороне часов, между изображениями богов 6-го и 7-го месяцев). Имя в *serexe* на эрмитажной клепсидре – *tm³-ꜥ* («Мощный дланью»), и нам еще предстоит обратиться к его интерпретации. Под *serexom* должна была находиться фигурка бабуина, символизовавшая бога Тота как изобретателя письма, счета и исчисления времени, из фаллоса которого вытекали капли воды; однако сохранились только следы этой фигурки и отверстие в стенке сосуда [Шолпо, 1939, с. 158; cf. Borchartd, 1920, S. 6B]. *Serex* над ними занимает всю высоту фрагмента; сцены фриза справа и слева от него ограничены знаками жезлов-*w³s* () и сверху «перекрыты» изображениями неба (*pt*,)". Над этими знаками размещена надпись вокруг верхнего края клепсидры: она должна была состоять из двух частей, начинавшихся, соответственно, справа и слева от *serexa*, причем они должны были быть идентичны и, возможно, разграничивались предполагаемым разделителем на противоположной стороне сосуда. Ниже фриза со сценами жертвоприношений вокруг сосуда шли еще две строки надписей.

Ниже мы приводим перевод надписей на фрагменте клепсидры с нашими комментариями.

I. Над верхним краем сосуда

Над фризом, справа от *serexa*, слева направо::

nfr wnwṯ ir.n Ḏḥwtj ḥft...

Прекрасен^a час (прекрасна служба?)^b, совершенная (-ая?) Тотом перед...

а. Чтение знака, изображающего бабуина и находящегося в начале обеих надписей на верхнем крае клепсидры как *nfr* («прекрасный», в данном случае, очевидно, в значении сказуемого-прилагательного) предложено В.С. Голенищевым [Golénischeff, 1891, p. 375 (“Propice est (ou ‘soit’) l’heure qu’a fait Thoth lorsque...”)] и подтверждается современным

индексом иероглифических знаков греко-римского времени (Montpellier F₅₄₇) [Valeurs phonétiques..., 1988–1995, t. 1, p. 244]. Н.А. Шолпо предложил понимание этого знака как сокращенного написания *šbt* (иначе *wnšb* или *wtt*: Wb. IV. 438.8), что, по его мнению, могло означать «водяные часы» [Шолпо, 1939, с. 167]; однако такой перевод сомнителен. Выбор знака бабуина для написания очень частотного слова *nfr* в данном случае явно мотивирован аллюзией на образ Тота. Согласно О.Д. Берлеву [Berlev, Hodjash, 1982, p. 185], знак бабуина следует читать как *dd*, а получающееся при этом словосочетание *dd-wnwt* в начале надписи означает просто «часы» (ср. с греческим ὥρολόγιον: LSJ 2037; Montpellier F₅₄₇, 549 [Valeurs phonétiques..., 1988–1995, t. 1, p. 244–245]); эта интерпретация принята Г. Лодомецом [Lodomez, 2007, p. 65, n. 46], правда, с отсылкой к ее критике как спекулятивной [Cleopatra's Egypt, 1988, p. 222–223, no. 115].

б. «Служба» – регулярно совершаемая, распределенная по времени работа (например, жреческих черед в храме: Wb. I. 317), по сути дела, второе значение слова *wnwt*, в написании не отличающееся от него же в значении «час» (id. 316). Учитывая, что назначение клепсидры состоит в исчислении времени при совершении ритуала, значение «час» представляется все же более вероятным.

Над фризом, слева от сереха, справа налево:

nfr wnwt ir.n [Dḥwty]...

Прекрасен^а час (прекрасна служба?)^б, совершенная (-ая?) [Тотом]... (ождается повторение текста справа от *сереха*).

II. Изображения фриза.

(1) Сцена, соответствующая 12-му и 11-му месяцам, справа от *сереха*, фигуры слева направо: сокологоловый Ра-Харахте с солнечным диском на голове, стоящий лицом направо; царь, обращенный лицом к нему, в венце *3tf*, с курительницей в руке; богиня Ипет-Хеметес в нижнеегипетском венце позади царя, простирающая руки жестом защиты.

(а) Фигура Ра-Харахте.

Над головой, справа налево:

mry Rꜥ-Hr-3hty

Возлюбленный Ра-Характе^B (эпитет царя).

в. Если допустить, что данный эпитет содержит аллюзию на одно из имен царя, к которому он относится, то этим царем может быть Александр Великий (с «солнечным» именем *Mry-Rꜥ Stp.n-Imn* «Любимый Ра, Избранный Амоном»; см. главу 2, § 2.2.4). Вместе с тем придавать этому эпитету характер такой аллюзии совершенно необязательно.

Позади бога, вертикально, с ориентацией знаков справа налево:

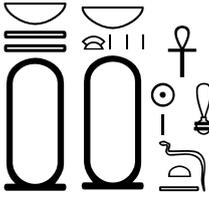

dd mdw di.n(.i) n.k ꜥnh w3s nb snby nb 3w(t)-ib nb mi Rꜥ dt

Произнесение слов: «(Я) дала тебе всю жизнь /и/ прочность, все здоровье, всю радость (букв. «широту сердца») подобно Ра, вечно» (слова, обращенные богом к царю).

(б) Фигура царя.

Впереди и выше него, вертикально, с ориентацией знаков слева направо:

nb t3wy (пустой картуш)

nb h'w (пустой картуш)

nh mi R dt

«Владыка Обеих Земель^Г ... владыка воссияний^{Г, Д}, живущий, подобно Ра, вечно».

г. Эпитеты, обычно предшествующие, соответственно, «тронному», или «солнечному», и личному именам царя; см. об их употреблении: [Beckerath, 1999, S. 30; Vlöbaum, 2006, S. 42—43, 54—55 (Taf. 6)]. Можно обратить внимание, что в данном случае за этими эпитетами не следуют, как ожидалось бы, соответствующие титулы – *nsw-bity* («царь Верхнего и Нижнего Египта») и *z3 R* («сын Ра»).

д. О значении термина *h'w* (Wb. III. 241.13—16) и связанного с ним глагола применительно к царю (id. 239.15, 240.8—11) как обозначения, по сути дела, любого его торжественного появления, от появления на аудиенциях, праздниках, перед армией и т.п. до ритуалов интронизации и коронации см.: [Redford, 1967, p. 3—27; Barta 1980].

Перед царем, внизу, справа от жезла-*w3s* в руке Ра-Харахте, вертикально, с ориентацией знаков слева направо:

[nf]r sntr ir.f di nh

[Прекра]сен^е ладан, делает он давание жизни (относится к жертвоприношению, совершаемому царем).

[*di.*]n.(i) n.k h^c.k 3q(.k) pt rs(yt) mi R^c dt

[Дала] (я) тебе, чтобы воссиял^д ты /и/ поднялся^ж (ты) на южное³ небо, подобно Ра, навечно.

ж. Данный перевод также следует версии В.С. Голенищева (правда, как мы увидим, не безупречной): “[Je t’accorde] que tu t’éleves au ciel méridional comme le soleil, éternellement” [Golénischeff, 1891, p. 374]. Есть основание восстановить предполагаемое пропущенное местоимение-суффикс .k после 3q, по аналогии с h^c.k до этого; правда, данная интерпретация содержит то затруднение, что глагол *i3q*, *3q* в значении «подниматься к небу» должен быть непереходным и управлять дополнением через предлог *r* (Wb. I. 33.16—17, 21.11—20). Вместе с тем в языке IV в. до н.э. можно допустить отступление от классической среднегипетской языковой нормы, а интерпретация Голенищева выглядит состоятельно чисто содержательно.

з. В *rs[yt]* знак GG(SL) M₂₃ () очевидно, заменяет стандартный в данном значении знак GG(SL) M₂₄ (; cf. [Gardiner, 1957, p. 482]).

(2) Сцена, соответствующая 1-му месяцу, слева от *сереха*: сохранившиеся очертания принадлежат фигуре богини Техит в правой части сцены; ее затылок увенчан пером, левая рука опущена за спиной и держит знак жизни.

Позади богини, вертикально, с ориентацией знаков слева направо:

dd mdw di.n(i) n.k ḥnh w3ś nb śnby nb 3w(t)-ib nb ḥḥ hr st Hr dt

Произнесение слов: «(Я) дала тебе всю жизнь /и/ прочность, все здоровье, всю радость (букв. «широту сердца»), воссияние^д на престоле Хора вечно» (слова, обращенные богиней к царю).

III. Нижняя часть сосуда

(1) Верхний регистр, под фризом, справа от *serexa*, слева направо:

ḥnh ntr nfr nb ir(t) ḥt z3 Rḥ 3rwksindrs ir.n.f...

/Да/ живет бог прекрасный^н, владыка совершения вещей^и, сын Ра Александр, /который/ сделал...

и. См. об этом эпитете и в целом о специфике представлений о божественной природе египетского легитимного царя-ритуалиста главу 1, § 1.1.

й. Эпитет, обозначающий способность царя к эффективному, вызывающему ответ со стороны богов исполнению ритуала (см. подробно: [Routledge, 2001, p. 162—221]). Появлялся в отдельных ситуациях со времени Древнего царства, а также при Ментухотепе II [Демидчик, 2005, с. 23, прим. 2; 48], но прочно вошел в употребление со времени Сенусерта I [Демидчик, 2005, с. 49, прим. 1]. Стоит обратить внимание, что данный эпитет употреблялся в определенном сочетании с эпитетом *tmḥ-ḥ* [Blumenthal, 1970, S. 133—134; Blöbaum, 2006, S. 84, 101], который на данном фрагменте клепсидры, как мы видели, помещен в *serex* в качестве Хорова имени. По существу, эти эпитеты обозначают два неразрывно связанных качества легитимного царя, имеющие важнейший сакральный аспект: собственно способность совершать ритуалы и способность подчинять внешний мир. См. ниже, а также главу 6, § 6.2.3.

Под сценами фриза, слева от *serexa*, справа налево:

ḥnh ntr

/Да/ живет бог прекрасный³... (ожидается повторение текста справа от *serexa*).

(2) Нижний регистр, под сценой 12-го и 11-го месяцев, слева направо:

r ir(t) ht ... ḥf[t]

...чтобы совершать вещи (букв. «к совершению вещей»)^к... напротив^л...

к. Т.е. чтобы совершать ритуал; см. выше комм. «й».

л. В.С. Голенищев счел этот фрагмент нечитаемым (“La deuxième ligne est presque illisible” [Golénischeff, 1891, p. 375]); действительно, его трудно понять, за исключением словосочетания *r ir(t) ht* и угадывающегося в его конце достаточно надежно предлога *ḥft*.

Проблемы интерпретации данного фрагмента клепсидры связаны с пониманием царских имен, помещенных на нем. Собственно говоря, единственное среди них личное имя – это «Александр» в надписи на нижней части сосуда, под сценами 12-го и 11-го месяцев. Оно может принадлежать как Александру Великому, так и его сыну от брака с Роксаной Александру (IV). Картуши над фигурой царя в сцене жертвоприношения оставлены пустыми, и причины этого – один из вопросов, возникающих в связи с данным памятником. Другой вопрос связан с Хоровым именем *tm3-ḥ*, помещенным в *serexa*: никто из царей дома Аргеадов не получал в Египте этого титула (см. главу 2, § 2.2.1, 2.2.3), а единственным носившим его царем IV в. до н.э. был Нектанеб I [Beckerath, 1999, S. 226—227; Vlöbaum, 2006, S. 405]. Интерпретатору данного памятника следует решить, позволяет ли данное сочетание царских имен определить, к какому именно царствованию Аргеадов он относится.

Исследователи начала XX в. исходили из принятого тогда и оказавшегося неверным представления, что Хорово имя *tm3-ḥ*, как и египетское личное имя *Nḥt-nb.f* («Силен владыка

его)), принадлежали Нектанебу II⁴ – отцу Александра Великого, согласно «Роману об Александре» (см. главу 5, § 5.5). А. Видеманн, который первым из египтологов обратился к эрмитажному фрагменту клепсидры, предположил, что данное сочетание имен относилось к Александру, как не просто к сыну, но и к новому воплощению Нектанеба II, в соответствии со словами «Романа...»: «Этот бежавший из Египта сильный, храбрый старший царь (и) властитель вернется спустя время на землю Египта молодым, отбросив старческое в своем облике, обойдя мир и даровав вам подчинение врагов» (см. подробное цитирование в главе 5, § 5.5, прим. 5). В таком случае данный памятник следовало бы со всей определенностью отнести к времени Александра Великого [Wiedemann, 1900]; данную позицию разделил в своей публикации Н.А. Шолпо [Шолпо, 1939, с. 159—161]. Однако еще до этого В.В. Струве предложил более сложную версию, согласно которой личное имя «Александр» следовало отнести к сыну Роксану, а Хорово имя *tm3-c* – к сатрапу Птолемею, соответственно, допуская претензии последнего на соправление с ним еще при его жизни [Струве, 1927, с. 144—145]. Спекулятивность этой версии очевидна: чтобы сделать ее допустимой, пришлось бы, по сути дела, *ex nihilo*, постулировать пресловутое формальное соправление Птолемея с Александром (IV)! Так или иначе, эти мнения утратили основания с установлением принадлежности Хорова имени *tm3-c* Нектанебу I, а не II. Единственная интерпретация, учитывающая это обстоятельство, была предложена хранителем египетской коллекции Государственного Эрмитажа А.О. Большаковым. По его мнению, Хорово имя *tm3-c*, безусловно, принадлежит Нектанебу I, а имя «Александр» в надписи в нижней части клепсидры – Александру Великому. Наличие Хорового имени Нектанеба I на этом памятнике Большаков объясняет тем, что он был связан «с каким-то строительным проектом, начатым Нектанебом I и завершенным при Александре»⁵. Соответственно, «имя Нектанеба I могло быть помещено на памятник в знак заслуг предшественника», или же, судя по наличию пустых картушей в ритуальных сценах на памятнике, его концепция могла отражать деятельность сразу всех царей – предшественников Александра, а Нектанеб I был отмечен среди них специально как ближайший к македонскому времени основоположник царского дома [Большаков, 2011, с. 98—99; ср. Большаков, 2007]. Возможность того, что данный памятник относится ко времени Александра (IV) в рамках этой интерпретации отмечается, поскольку он «был ребенком, правителем чисто номинальным, и храмовая активность в его годы была ничтожной» [Большаков, 2011, с. 98]. Такое суждение достаточно противоречиво, поскольку само по себе

⁴ Имена *Nḥt-nb.f* Нектанеба I и *Nḥt-Ḥr-Ḥbyṯ* («Силен Хор /города/ *Ḥbyṯ*») Нектанеба II считались эквивалентными вплоть до открытия «Демотической хроники»: [Spiegelberg, 1914, S. 6; cf. Clère, 1951; Kienitz, 1953, S. 199].

⁵ Заметим от себя, что, развивая эту гипотезу, можно было бы допустить, что такой «точкой пересечения» строительных программ обоих царей был Гермополь (см. главу 2, § 2.3.1).

содержит констатацию, что храмовое строительство от имени этого царя все же велось, а, стало быть, препятствия к тому, чтобы от его же имени велось и оформление культовой утвари едва ли были. Кроме того, следовало бы учесть наличие фрагментов клепсидры, несших на себе имя Филиппа Арридея как формального легитимного царя Египта (см. ниже) – правителя, по сути дела, нисколько не менее эфемерного, чем сын Роксаны! Наконец, не столь безупречна и интерпретация появления на этом памятнике Хорова имени Нектанеба I: если с возможной «знаковостью» именно этого царствования в Египте накануне македонского времени можно согласиться (см. главу 6, § 6.2.3), то непонятно, почему этот царь все же оказался представлен на памятнике исключительно Хоровым именем⁶. В заключение этого небольшого обзора интерпретаций данного памятника стоит привести мнение Г. Лодомеца, в определенной мере близкое позиции А.О. Большакова. Согласно ему, данное Хорово имя, безусловно, принадлежит Александру Великому как основателю новой династии, который принял имя основателя предыдущей династии в рамках курса на легитимацию своей власти и в знак преемственности от своего предшественника [Lodomez, 2007, p. 64]. Мнение Лодомеца было без особых сомнений воспринято Ф. Боск-Пуче в его обзоре египетских царских имен Александра Великого [Bosch-Puche, 2013, p. 135, n. 18]. Как видно, исследователи, считавшие возможным приписать данное Хорово имя Александру Великому, обошли возникающее при этом совершенно закономерным образом затруднение: если данное имя оказывается столь концептуально насыщенным (а в рамках предположения, что оно обозначает преемственность от основоположника XXX династии, получается именно так), почему оно совершенно не отразилось в основных памятниках времени Александра в Египте?

На наш взгляд, именно это затруднение, носящее принципиальный характер, а также спорность аргументов в пользу того, что на данном памятнике представлено имя Нектанеба I, побуждают обсудить возможность, что заключенное в *serex* имя *tm^c-^c* не принадлежит какому-то конкретному царю вообще. Как мы уже отметили, этот эпитет в применении к царю тесно связан с эпитетом *nb irt ht*, обозначающим его способность совершать ритуал, и в определенной мере дополняет его, отражая также сакрализованную его способность сокрушать врагов и подчинять чужие страны (см. комм. «й»). При этом он употребляется с древнейших времен по отношению к богу Хору в его качестве сакрального царя-воителя и в очень тесной связи с образом реального земного царя (LÄGG VII. 463k) [Демидчик, 2005, с. 17]. Так, на рельефе Пепи I из Вади Магхара, представляющем сокрушение чужеземных врагов Египта, эпитет *tm³-^c* отнесен не собственно к царю, а скорее к его ассоциации с Хором, представленным в верхней

⁶ Возможность того, что остальные компоненты титулатуры Нектанеба I были оторваны от Хорова имени и «рассыпаны» по несохранившимся фрагментам клепсидры кажется настолько неправдоподобной, что ее, кажется, можно не обсуждать.

части рельефа в образе крылатого солнечного диска [Gardiner, Peet, 1952, pl. VIII, no. 16.]; схожая композиция обнаруживается на одном из рельефов Сети I [Eldamaty, 1999, fig. 7]. Чрезвычайно показательно, что в текстах наоса из Сафт эль-Хенне непосредственно в IV в. до н.э. эпитет *tm^{c-c}* употребляется по отношению и к Нектанебу I, временем которого датируется этот памятник, и к богу Хору в контексте убийства им змея Апопа и поражения чужеземных врагов Египта (см. главу 1, § 1.2) [Schumacher, 1988, S. 163, 167—168; cf. Roeder, 1914, S. 58—99, Taf. 17—32, 33b]. Наконец, в таком же значении данный эпитет фиксируется и в птолемеевских храмовых надписях (Wb. Belegst. V. 55(367.20); Édfou I. 132, 150, 483). Если же говорить об употреблении эпитета *tm^{c-c}* в царских титулатурах, то хорошей иллюстрацией в связи с его истоками и значением можно считать надпись Года 6 Тахарки о высоком разливе Нила. В ней в составе пятичленной титулатуры царя его «солнечное» имя представляет собой широко развернутую последовательность эпитетов, связывающих его с богами, среди которых мы видим следующий: «Царь Верхнего и Нижнего Египта Хор Мощный дланью, владыка Обоих Земель, владыка совершения вещей» (*nsw-bity Hr tm^{c-c} nb t3wy nb ir(t) ht*; FHN I. 148 [Blöbaum, 2006, S. 193]). Достаточно очевидно, что в этом случае сакральные качества царя специально «прописываются» путем его отождествления с богом Хором, который обладает ими заведомо; при этом эпитеты Хора вводятся отдельным титулом, выражающим, очевидным образом, царский статус этого бога. Едва ли могут быть сомнения в том, что эпитет *tm^{c-c}* был принят Нектанебом I в качестве Хорова имени для того, чтобы подчеркнуть постоянное присутствие в нем победоносного божества (см. главу 1, § 1.1.2 и главу 6, § 6.2.3); позднее он встречается в составе титулатур римских императоров, которые, как уже отмечалось, представляют собой аккумуляцию применительно к ним эпитетов божества (см. главу 2, § 2.2.3). Иными словами, в тех случаях, когда данный эпитет встречается в царских титулатурах, он, с наибольшей вероятностью, называет качество царя, не присущее ему лично, а тесно связанное с воплощением в нем божества.

В связи с этим стоит обратиться к пока не обсуждавшемуся нами вопросу о значении пустых картушей, присутствующих на фрагменте эрмитажной клепсидры в сцене совершения царем ритуала перед Ра-Харахте (весьма вероятно, что они присутствовали и в других сценах на несохранившихся частях клепсидры). Надежные параллели данной особенности нашего памятника дают другие фрагменты клепсидр, хранящиеся в Британском музее и, характерным образом, также относящиеся к началу македонского времени. Фрагмент BM 933 из Телль эль-Иехудиэ относится к царствованию Александра Великого (это видно по его «солнечному» имени *mry-R^c stp.n-Imn* в надписи под фризом ритуальных сцен; см. о его «солнечном» имени главу 2, § 2.2.3) и изображает царя также с пустыми картушами над ним в сцене совершения

ритуала перед Хонсу и божеством, изображение которого не сохранилось [James, 1979, p. 190, fig. 45; Lodomez, 2007, p. 57—61, fig. 1]⁷. В правой части фрагмента BM 938, относящегося к царствованию Филиппа Арридея, изображен совершающий ритуал царь в нижнеегипетской короне, над которым находятся заполненные картуши (его личное имя в картуше появляется также в надписи над фризом ритуальных сцен); однако в сцене вручения латука итифаллическому божеству в левой части фрагмента присутствуют пустые картуши [Quirke, Spencer, 1992, p. 177, fig. 138; Lodomez, 2007, p. 69—70, fig. 6]. Пустые картуши либо картуши, заполненные условным обозначением *pr-ꜣ* («Фараон»), которое не отнесется к какому-либо конкретному правителю, при изображении царя в ритуальных сценах – это хорошо известная черта египетских памятников греко-римского времени, в особенности эпохи римского владычества над Египтом: в это время жрецы не слишком стремились совершать ритуал от лица правителя, находившегося далеко и не чувствовавшего связи с египетской религиозной традицией, однако нуждались в том, чтобы обозначить, хотя бы символически, существование некоего условного правителя, от лица которого они действовали [Derchain, 1962, p. 62—63; Eldamaty, 2005; 2007; 2009; ср. Burstein, 1991]. Думается, в точности такие же мотивы обусловили и наличие пустых картушей на фрагментах клепсидр начала македонского времени. Примечательно, что на них имя одного из царей дома Аргеадов могло быть обрамлено картушем, что свидетельствовало о признании за ним сакрального статуса (см. главу 1, § 1.1.1), и даже введено эпитетом *nb irt ht*, свидетельствующим о его способности совершать ритуал, – *вне фриза ритуальных сцен*; однако в самих этих сценах его написания избегали или, по крайней мере, вписывали его не в каждую из этих сцен (как на фрагменте BM 938).

Иными словами, чисто формальная, «протокольная» констатация легитимного сакрального статуса македонских царей четко отделялась от их реального представления исполнителями ритуала (характерным образом, не в записи титула, а именно в изображении соответствующей сцены!), причем последнее явно признавалось нежелательным. В справедливости предложенной нами интерпретации убеждает то, что явно такие же мотивы обусловили появление пустых картушей над изображениями совершающего ритуал царя в наверху «Стелы сатрапа», хотя в самом ее тексте присутствует полная царская титулатура современника ее создания Александра (IV), констатирующая его сакральный статус (см. настоящую главу, § 3.1.3). При этом среди рассмотренных фрагментов клепсидр начала

⁷ Г. Лодомец относит к одной и той же клепсидре, помимо данного фрагмента, также фрагменты Louvre E30890 [Lodomez, 2007, p. 60—61, fig. 2], Berlin 30508 [Lodomez, 2007, p. 60—61, fig. 3] и находящийся в частной коллекции [Cleopatra's Egypt, 1988, p. 222—223, no. 115; cf. Lodomez, 2007, p. 62—63, 74—75 (3)]. На последнем фрагменте над изображением царя также размещены пустые картуши.

македонского времени наиболее «красноречивым» оказывается, на наш взгляд, именно эрмитажный фрагмент, который мы охарактеризовали с максимальной подробностью. По нашему мнению, его оформление не только отражает непризнание сакрального статуса македонского царя (Александра Великого или Александра (IV)), но и прямо указывает, на кого именно этот статус в данной ситуации, с точки зрения создателей данного памятника, был перенесен. Очевидно, таким носителем сакральности оказывался бог Хор, который под именем *tm^c-c*, заключенным на данном фрагменте клепсидры в *serex*, представлен непосредственно в качестве царя Египта! Это опять же находит прямую аналогию в концепции «Стелы сатрапа» (см. также настоящую главу, § 3.1.3) и должно быть тесно связано с представлением о «деривативной» сакральности царей, зависящей от воплощения в них божества (собственно, Хора): как мы говорили, это представление проявляется в ряде памятников I тыс. до н.э. и предполагает, что божество может и не пожелать воплощаться в недостойном этого правителе и осуществлять свою сакральную власть непосредственно (см. главу 1, § 1.1.1).

Таким образом, можно сказать, что в оформлении фрагментов клепсидр – предметов культовой утвари, внешний вид должен был контролироваться с точки зрения его соответствия официальной идеологической концепции, по крайней мере, менее тщательно, нежели ритуальные сцены на стенах храмов, – проявилось хотя и введенное в определенные границы, но все же весьма явное нежелание признавать македонских царей династии Аргеадов сакральными правителями, реально совершавшими ритуал, а также стремление перенести эту функцию на божество. В таком случае и аналогичная тенденция, отразившаяся в ряде частных памятниках с разной степенью полноты (см. настоящую главу, § 3.1.1, конец), объясняется не просто личной позицией их заказчиков и владельцев, но и вписывается в гораздо более широкую тенденцию.

3.1.3. Царский статус Александра (IV) и Хаббаша и концепция «царствования Хора» в «Стеле сатрапа»

По существу, единственным источником начала македонского времени, в котором образ одного из царей-Аргеадов разработан хотя бы в минимальной мере и при этом не на уровне его презентации в стандартных храмовых сценах (ср. главу 2, § 2.3.1), а с учетом действительной специфики его времени, является «Стела сатрапа». Как уже говорилось, для составителей ее текста реальным самостоятельным правителем Египта, образ которого был сформирован максимально подробно, с использованием стилистики и фразеологии традиционных царских надписей и с перенесением на него некоторых компонентов сакрального статуса, был сатрап Птолемей (см. там же, § 2.4.1, 2.4.2). Однако при этом в тексте «Стелы...» в качестве сакрального царя Египта представлен Александр (IV), сына Александра Великого и Роксаны. Упоминания о нем сосредоточены в самом начале текста и, по сути дела, тесно связаны с открывающей его датировкой (см. также «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.1):

Год 7-й, первый /месяц сезона/ *ахет*, при Величестве Хора, Юноши, могучего (своей) мощью, Обоих Владычиц Возлюбленного богами, /того,/ которому передан сан отца его, Хора Златого, властителя в земле до пределов ее, царя Верхнего и Нижнего Египта Хаа-иб-Ра Сетепенимена («Ликует сердце Ра, Избранного Амоном»), сына Ра Александра, живущего вечно, любимого богами Пе-Деп. /Когда был/ он царем в Обоих Землях /и/ чужеземных странах, /когда было/ Величество его в Азии, тогда был вождь великий в Египте, Птолемей имя его¹.

Как видно, эта датировка включает полную титулатуру Александра (IV) в сопровождении эпитета, указывающего на покровительство царю местных богов Буто – храмового центра, с которым, собственно, и связано само назначение «Стелы сатрапа» (фиксация в ней распоряжения Птолемея о закреплении за храмами Буто угодья «Земля Уаджит»). Принципиально важно, что по отношению к царю дважды употреблено обозначение «Величество», указывающее на воплощение в нем божества и, соответственно, на сакральный характер его власти (см. главу 1, § 1.1.1). Вместе с тем вне титулатуры Александра (IV) единственное упоминание о его властных полномочиях – это утверждение, что он был «царем в Обоих Землях /и/ чужеземных странах», в то время как Птолемей осуществлял фактическую власть в Египте. В данном контексте применительно к Александру (IV) употреблен термин *nsw*, однозначно обозначающий статус сакрального правителя. Однако едва ли случайно, что, во-

¹ Urk. II. 12.12—13.5: *ḥ3t-zp 7-t tpy 3ḥt ḥr ḥm n Ḥr ḥwn wsr-pḥty Nbty mry-ntrw rdi-n.f-ḥwt-n(t)-it.f Ḥr nbw ḥq3 m t3 (r)-dr.f nsw-bity nb t3wy Ḥꜣꜣ-ib-Rꜣ stp.n-Imn z3 Rꜣ Irwkwidrz ꜥḥ dt mry-ntrw P-Dp iw.f m nsw m t3wy ḥ3swt iw ḥm.f m-ḥnt Stt iw wn wr ꜣ m B3qt Ptrwmys rn.f.*

первых, сама формулировка этой фразы утверждает именно его пребывание в статусе, а не совершение им каких-либо действий, а во-вторых, с ним совершенно не связываются какие бы то ни было полномочия фактической власти (описываемые, в частности, с помощью глагола *ḥq3* и его производных; см. главу 2, § 2.4.1). Применительно к территории Египта фактическая власть Александра (IV) исключалась (по крайней мере, на момент создания «Стелы...») его пребыванием за ее пределами; однако, похоже, составители данного текста не пытались продемонстрировать его власть и над землями, где он находился, а лишь констатировали сам факт этого, к тому же не уточняя его причины. При этом приобретение сатрапом Птолемеем власти над Египтом не связывается с волей Александра (IV) или с его расположением к Птолемею даже на уровне чистой фразы, что в принципе было возможно в рамках египетской традиции (см. фрагмент биографической надписи Хоремхеба о его регентстве – глава 2, § 2.4.2, прим. 1). Тем самым в тексте «Стелы...» статус формального царя Александра (IV) и реальные властные полномочия сатрапа Птолемея в Египте, по существу, полностью разведены.

Однако наиболее ярко характер восприятия создателями «Стелы сатрапа» Александра (IV) в качестве сакрального царя проявляется не в тексте этого памятника, а в изобразительном оформлении его навершия. Композиционно оно разделено на две части, и в каждой из них изображен царь, приносящий жертвенные дары богам (см. подробную характеристику изображений и перевод надписей навершия: «“Стела сатрапа”»: перевод и комментарий», I, *Рисунок Прил. 2*). В левой части навершия царь подносит иероглифический знак *šht* (поле) увенчанному двойным венцом богу Хору (там же, I.2), в правой – сосуды богине Уаджит в красном венце (там же, I.3) [Schäfer, 2011, S. 48—51]. В Позднее время сцена «принесения поля» была характерна для памятников, связанных с передачей земель храмам и, по-видимому, отсюда перешла в храмовые ритуальные сцены (там же, I.2.г, комм. «а»). Поэтому явно не случайно, что бенефициарий этого действия в сцене левой части навершия «Стелы...» – это бог Хор, который является центральной фигурой в истории угоды «Земля Уаджит», в свое время изложенной царю Хаббашу и побудившей его к действиям в пользу храмов Буто, повторенных затем Птолемеем (см. главу 4, § 4.1.4, «“Стела сатрапа”»: перевод и комментарий», III.1). Передача же Птолемеем «Земли Уаджит» храмам Буто, согласно тексту «Стелы...», адресована непосредственно этому божеству и богине Уаджит: «“Земля Уаджит”, дал я ее Хору – мстителю отца своего, владыке Пе, Уаджит, владычице Пе-Деп» (стк. 13, Urk. II. 19.8—9: *p3-t3-n-W3dt di.i s(w) n Hr ndty (i)t.f nb P W3dt nb(t) P Dp*). Очевидно, что ритуальное действие царя, изображенное в левом поле навершия, прямо соотносится с зафиксированным в тексте «Стелы...» закреплением за храмами Буто «Земли Уаджит» – реальным действием сатрапа Птолемея (сткк. 13—16; Urk. II. 19.3—20.16; см. «“Стела сатрапа”»: перевод и комментарий»,

III.2), вследствие которого к нему, по-видимому, перешло одно из качеств сакральной власти, а также изменился термин, описывающий его полномочия (см. главу 2, § 2.4.1). Понятно, что Птолемея, при отсутствии у него статуса сакрального правителя, было невозможно изобразить в навершии «Стелы...» непосредственно совершающим ритуал; в то же время у создателей памятника явно не было и желания изображать в такой роли Александра (IV), не имевшего к благодеянию Птолемея никакого отношения. Похоже, что выход был найден в помещении над изображениями царя в обеих частях навершия пустых картушей (полная содержащая их надпись: *nsw-bity ( ) z3 R^c ( ) di ḥnb nb snby nb ḥwt-ib nb mi R^c dt* «Царь Верхнего и Нижнего Египта (пустой картуш), сын Ра (пустой картуш), наделенный жизнью всей, здоровьем всем, радостью (букв. “широтой сердца”) всей подобно Ра вечно»).

Изображение в данной сцене «царя вообще», чисто условного исполнителя ритуала, позволяло не приписывать формальному царю Египта действий в пользу храмов Буто даже в порядке фикции и лишней раз оттеняло тот факт, что их реальным исполнителем был сатрап Птолемей. Вместе с тем такая «нестыковка» между смыслом изобразительного оформления «Стелы сатрапа» и ее текстом, где сакральным царем все же назван Александр (IV), чрезвычайно напоминает то, что мы видели на фрагментах клепсидр начала македонского времени (см. настоящую главу, § 3.1.2). Похоже, единство концепции этих памятников начала македонского времени проявилось и в том, что их создатели явно считали более обязывающим утверждение сакрального статуса правителя в их изобразительной части, а не в тексте: возможно, оно представлялось более действенным в передаче реальности земного мира, в полном соответствии с давней египетской традицией (ср. [Большаков, 2003]). Титулы, удостоверяющие сакральный статус македонских правителей, могли присутствовать в надписях вне ритуальных сцен как на клепсидах, так и на «Стеле сатрапа», но их изображение совершающими ритуал исключалось полностью или хотя бы частично. «Идеологическое различие» между клепсидами и «Стелой сатрапа» состоит, на наш взгляд, в том, что если оформление клепсидр должно было отразить оппозиционное отношение жречества к македонской власти, выразившееся в неприятии царей-Аргеадов в качестве сакральных правителей Египта, то создатели «Стелы...», напротив, были, безусловно, лояльны к македонянину Птолемею. В данном случае прием, изначально призванный выражать оппозиционные настроения, был, по сути дела, воспринят официальным памятником, когда его создатели оказались перед задачей продемонстрировать предпочтение чужеземному правителю нецарского статуса по сравнению формальным сакральным царем – также чужеземцем и к тому же практически не связанным с Египтом. Стоит также заметить, что мотивы создателей «Стелы сатрапа» при введении пустых картушей в ритуальную сцену,

благодаря тексту, фактически комментирующему ее, несравненно более очевидны для ее исследователей (ср. трактовки, схожие с нашей: [Roeder, 1959, S. 100; Hölbl, 2001, p. 83]²), нежели для египтологов, обращавшихся к материалу клепсидр.

Вместе с тем еще одним сакральным царем, статус которого «прописан» в тексте «Стелы...», является Хаббаш, овладевший Египтом в интервале второго персидского владычества в середине 330-х гг. до н.э. (см. главу 2, § 2.1, 2.3.2, «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «г»). Из текста «Стелы...» мы узнаем, что, инспектируя Дельту Нила, чтобы оценить готовность к отражению нападения персов с моря, Хаббаш оказался в Буто и там узнал о конфискации у «богов Пе-Деп» угодья под названием «Земля Уаджит» «врагом *Hšryš(š)*» – как мы считаем, Артаксерксом III (см. главу 4, § 4.3.3, «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», Экскурс 2). Согласно адресованному Хаббашу рассказу, в наказание за это бог Хор, чтимый в Буто и охарактеризованный в данном контексте пространной последовательностью эпитетов, ряд из которых переносят на него царский статус (сткк. 10—11: «Государь, господин наш, Хор, сын Исиды, сын Осириса, властитель властителей, царь царей Верхнего Египта, царь царей Нижнего Египта, мститель отца его, владыка Пе, первенствующий среди богов, воссуществовавших после /него/, тот, после которого нет царя...»³; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.б, комм. «в—е») «нанес удар» (стк. 11, Urk. II. 18.4: *wdi.n.f*; см. там же, комм. «ж») чужеземному правителю и покарал его. По логике обращенного к Хаббашу рассказа, именно вследствие этого в Египте и возник «вакуум власти», который оказался заполнен возвышением Хаббаша. Услышав об этом, Хаббаш воздал должное мощи Хора и произнес фразу, которая для нас чрезвычайно значима: «Бог этот удалой среди богов, после которого не воссуществовал царь, пусть будет дано, /чтобы/ был я помещен на путь Величества его, на котором живет /каждый/ царь (букв. “живет /каждый/ царь на нем”))» (сткк. 11—12⁴; см. там же, комм. «м—п»). В ответ на это жрецы и знатные люди Буто

² Х. Бругш полагал, что пустые картуши в навершии «Стелы сатрапа» отражают перенесение царского статуса на Птолемея по мотивам «политической интриги» [Brugsch, 1871, S. 9]; К. Вахсмут [Wachsmut, 1871, S. 468] и У. Вилькен [Wilcken, 1897, S. 86—87] думали, что они служат намеком на уже произошедшую к этому времени смерть Александра (IV). Г. Лодомец считал, что изображение в навершии так или иначе должно соответствовать образу Александра (IV) [Lodomez, 2003, p. 434—435, p. 3], и к нему, хотя и в довольно неопределенной формулировке, присоединилась Д. Шефер [Schäfer, 2011, S. 55]. Стоит особо обратить внимание на мнение Р. Ритнера, согласно которому пустые картуши свидетельствуют о признании сакральным царем не реального земного правителя, а бога [Ritner, 1980, p. 136]; ср. с нашими построениями далее в настоящем разделе. Что касается предположения о возможном намеке на смерть Александра (IV), оно отпадает, поскольку он был убит лишь в 310/9 г. до н.э. (см. главу 2, § 2.1).

³ Urk. II. 17.15—18.3: *ity nb.n Hr-z3-3st z3 Wsir ḥq3 ḥq3w nsw nsww bity bityw ndty (i)t.f nb P ḥ3ty ntrw ḥpr(w) hr-s3 nn nsw ḥr-s3.f*.

⁴ Id. 18.8—11: *ntr pn pr-ḥ m-m ntrw n ḥpr nsw ḥr-s3.f iw imi di.tw(.i) ḥr w3t n ḥm.f ḥnḥ nsw ḥr.s*.

предложили Хаббашу издать указ о возвращении «богам Пе-Деп» «Земли Уаджит» (стк. 12, Urk. II. 18.12—14), и на этом повествование о данном эпизоде обрывается.

В данном фрагменте текста «Стелы сатрапа» обнаруживается несколько интересных и важных нюансов в соотношении статусов чтимого в Буто бога Хора и царя Хаббаша. Прежде всего, обращает на себя внимание четко «прописанный» в нем царский статус Хора, в особенности повторяющийся в двух вариантах его эпитет, утверждающий, что «после» него (т.е., очевидно, после его царствования в мифологическое время) нет и не будет другого царя. По-видимому, данный эпитет основан на представлении о том, что царствование Хора не прекращается с древнейших времен, поскольку он воплощается в каждом истинном царе (см. ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», III.1.б, комм. «е»). В образе Хаббаша заметно несколько черт, складывающихся, в общем, в единую картину. Прежде всего, он не выглядит правителем, изгнавшим из Египта Артаксеркса III, и составители «Стелы» не пытаются приписать ему это деяние даже в порядке фикции (ср., например, со введением такой фикции применительно к сатрапу Птолемею в описании ведшейся в 310-е гг. до н.э. военной кампании в Кирене: ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», Экскурс 1). Вступая в Дельту, Хаббаш, согласно «Стеле сатрапа», очевидно, приходит уже «на все готовое» и пользуется результатами предыдущей победы над чужеземными врагами «удалого бога» – Хора в его царском качестве. Закрепление Хаббашем «Земли Уаджит» за храмами Буто выглядит делом полезным, но лишенным специфически ритуального оттенка; кроме того, это благодеяние Хаббаш совершает лишь с подсказки жрецов, как это делает спустя два с лишним десятилетия правитель нецарского статуса – сатрап Птолемей. Наконец, любопытный нюанс обнаруживается в титулатуре Хаббаша в «Стеле сатрапа», которая выглядит как «царь Верхнего и Нижнего Египта Сенентенен Сетепенптах (“Подобие Татенена, Избранный Птахом”), сын Ра Хаббаш»; стк. 7, Urk. II. 16.8: *nsw-bity Snn-Tnn Stp-n-Pth z3 R^c H3bbš3*; cf. [Beckerath, 1999, S. 230—231]). Как видно, имя Хаббаша как царя Верхнего и Нижнего Египта, известное, кстати, в фиксации только на «Стеле сатрапа» [Schneider, 1996, p. 37], состоит из двух теофорных компонент с именами мемфисских божеств⁵, но не солнечного бога Ра! Между тем, как мы уже упоминали (см. главу 1, § 1.1.1), в I Переходный период о ряде царей, по-видимому, складывалось представление, что они обладают ослабленной способностью к совершению ритуала; и это представление проявлялось в том, что современники избегали называть их «солнечными» теофорными именами, да и сами они в ряде случаев их не принимали [(Берлев,) Шэхаб эль-Дин, 1993, с. 90; Демидчик, 2005, с. 46—47]. Кроме того, А.Е. Демидчик обратил в связи с этим

⁵ По мнению ряда исследователей, вкуче с находкой в Мемфисе нескольких памятников с именем Хаббаша, это свидетельствует о его опоре на этот город и коронации там [Тураев, 1935, т. 2, с. 163; Spalinger, 1978 (2), S. 142; Huß, 1993, p. 107—108].

внимание на некоторых царей VIII династии, принявших (по-видимому, по тем же соображениям) теофорные имена не в честь Ра [Демидчик, 2005, с. 47; см.: Beckerath, 1999, S. 66—69]: особенно примечателен среди них царь *Hwi-wi-Hrw* с теофорным именем *Nfr-k3w-Hr*, заведомо отличным от его личного имени и, стало быть, составленным специально, но при этом без упоминания солнечного бога [Beckerath, 1999, S. 68—69]. Таким образом, несмотря на формально легитимный статус Хаббаша, предполагающий его наделение уникальным титулом царя Верхнего и Нижнего Египта и признание сыном Ра, он довольно очевидным образом позиционируется (вероятно, не только авторами «Стелы сатрапа», но и составителями его титулатуры, формировавшими концепцию его власти), правителем, как минимум, с ослабленными сакральными качествами!

Данное заключение кажется тем более правдоподобным, что, похоже, получает подтверждение в собственных словах Хаббаша о его стремлении быть направленным «на путь Величества его (Хора)». Они чрезвычайно значимы, поскольку содержат отсылку к важнейшей в I тыс. до н.э. категории древнеегипетской этики и идеологии «путь бога». Как мы уже говорили (см. главу 1, § 1.1.2), это понятие, по-видимому, обозначает человеческий опыт, причем непрерывно пополняемый, относительно такого образа жизни, который содействует благожелательности бога к ведущему его человеку. Что касается египетских царей, то в иероглифических надписях IV—III вв. до н.э. пребывание «на пути» бога утверждалось применительно к Нектанебу I в «Стеле Навкратиса» и к Птолею II в «Мендесской стеле»; а в «Демотической хронике», отражающей идеологическую ситуацию времени XXVIII—XXX династий, отступление от «пути бога» царя Псамуфа считалось основанием для его лишения (вне сомнения, по воле божества) царской власти. Иными словами, в представлениях египтян IV—III вв. до н.э. пребывание царя на «пути бога», т.е. соблюдение им определенных предъявляемых ему императивно требований, было непременным условием наличия у него полноценной легитимности. Соответственно, когда Хаббаш говорит, что надеется быть «помещенным на путь Величества его», он тем самым констатирует, что в момент произнесения этих слов на данном пути не находится – хотя в идеале на нем пребывает (в словоупотреблении «Стелы...», «живет») «/каждый/ царь». Трудно представить себе более откровенное признание самим египетским царем неполноценности своего сакрального статуса! При этом Хаббаш говорит все же не о «пути бога» вообще, а о «пути» Хора как существа, которое стоит, по крайней мере, на момент произнесения этих его слов, несоизмеримо выше него и, очевидно, не находится с ним ни в какой прочной связи. По-видимому, встать «на путь Величества его» для Хаббаша и значит стать «Величеством» Хора, средством его проявления в

земном мире, через которое этот бог и правил бы (по точному смыслу египетского слова *ḥm*: см. главу 1, § 1.1.1), и, тем самым, настоящим царем!

Как мы видим, убеждение Хаббаша в том, что он до тех пор таковым не являлся, не было несовместимо с его титулом царя Верхнего и Нижнего Египта, теофорным именем, титулом «сын Ра», а также с именованим его «Величеством» (см.: Urk. II. 16.10, 16.15, 16.17, 17.5, 17.8, 17.14, 18.14; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», Ш.1.а, комм. «д»). Последний момент требует объяснения, так как такое именование предполагает все же, что Хаббаш считался к описываемому в «Стеле» моменту вместилищем некоего божества. По мнению О.Д. Берлева, именование царя «Величеством» было связано прежде всего с его единосущностью солнечному богу, восприятием его как находящегося на земле «младшего солнца», что получало выражение в «солнечном» имени царя Верхнего и Нижнего Египта: «...реальный царь, скажем, Аменемхэ III, является всего только *ḥm* младшего солнца Намарэ» [Берлев, 1972, с. 38]. Ю.Я. Перепелкин был, по-видимому, более точен, говоря, что царское божество – это «некое солнечное существо, в чем-то и как-то отличное от видимого солнца» [Перепелкин, 1979, с. 268] (см. главу 1, § 1.1.1, в т.ч. прим. 2). Однако, по аналогии с «солнечным» именем, остается считать, что исходно Хаббаш воспринимался как вместилище сакральности, связанной с божествами, которые были упомянуты в его теофорном имени (в частности, с Татененом, «подобием» которого это имя его называло). Судя по смыслу слов Хаббаша, этой степени сакральности не было достаточно для приобретения качеств истинного царя, среди которых была бы наиболее ценна способность одерживать гарантированную победу над врагом. Очевидно, создатели «Стелы» считали, что данные качества царь может приобрести, только став вместилищем бога Хора.

Если мы посмотрим, насколько это наше наблюдение подтверждается другими египетскими источниками конца Позднего времени, то будем вознаграждены на редкость показательным его подтверждением. Как мы помним, именно от воплощения в Дарии I бога Хора зависело наличие у персидского царя сакрального статуса, согласно стеле Па-ди-Усир-Па-Ра из Фаюма (см. главу 1, § 1.1.1). В IV в. до н.э. скульптурные группы «соколов-Нектанебов» были призваны выразить и подкрепить тождество с царем Нектанебом II Хора, сына Исиды; Нектанеб I, по-видимому, пытался выразить сходную идею при помощи скульптурных групп, которые изображали его перед сфинксом и образовали аллею между Карнаком и Луксором, и, кроме того, неслучайно принял в качестве Хорова имени реальный эпитет бога Хора *tm³-ḥ* («мощный дланью»; см. там же, § 1.1.2). В начале македонского времени Хорово имя Александра (IV), присутствующее в том же самом тексте «Стелы сатрапа», а затем Хоровых имен Птолемея II и ряда его преемников показывает, что данный титул указывает, по-

видимому, на воплощение в царе именно Хора, сына Осириса и Исиды (в отличие от раннего времени, когда он, несомненно, имел в виду Хора «старшего»; см. главу 2, § 2.2.3). Наконец, отождествление царя с Хором мы видим в 210-е гг. до н.э. в «декрете Рафии»: согласно его демотическому тексту, во время битвы при Рафии Птолемей IV «истреблял своих врагов, подобно Хору, сыну Исиды» (стк. 12: *r h p3 gy n sm3 n3y=f s3b.w r.ir Hr p3 Is.t3 h3.t*), и далее это стало основанием для введения в египетских храмах культа статуй Птолемея IV именно в отождествлении с Хором (под названием «Птолемей-Хор, мститель отца своего, прекрасный победой своей»; стк. 32: *Ptrwmys Hr nd it.f n3-ʿn n3y=f knkn*; ср. стк. 41; [Thissen, 1966, S. 55, 67—68, 78]). Как мы говорили, стремление царей XXX династии закрепить присутствие в них божества независимо от его воли, посредством полумагических приемов, заслужили осуждение; зато эпизод с Хаббашем в «Стеле сатрапа», похоже, показывает, каким образом, в представлениях египетских жрецов IV в. до н.э., можно было достичь этого «непредосудительным» способом. Рекомендация жрецов Пе-Деп Хаббашу вернуть «Землю Уаджит» владевшим ею искони храмам – это ответ на его слова о желании быть помещенным «на путь Величества его». В таком случае становится ясна и аллюзия этой фразы на понятие «путь бога» в его религиозно-этическом значении: получается, что присутствия в себе бога достигает царь, безупречный в следовании стандарту благого поведения и прежде всего благодетельности по отношению к храмам.

Как мы говорили в связи с представлениями о царской власти в Египте IV в. до н.э., именно благодетельность к храмам была тогда базовым критерием позитивной оценки того или иного царствования: судя по отражению идеологической ситуации этого времени в «Демотической хронике», отступление царя от этого своего долга могло повлечь утрату власти им или его сыном (явным образом, по воле божества). Очевидно, что само утверждение возможности (и, собственно, в ряде ситуаций необходимости) утраты царем своего статуса предполагало и утрату им в таких случаях сакральности, хотя механизм этого в данном тексте не затрагивался. Похоже, что как раз слова «Стелы сатрапа», связанные с «помещением» Хаббаша на «путь бога», позволяют понять, как это происходило: очевидно, бог присутствовал в царе с какого-то момента, когда тот проявлял свое благочестие в должной, «пороговой» для этого мере и, далее, на «срок достойного поведения». При этом присутствие в правителе божества, по-видимому, не обеспечивалось его статусом, описываемым титулатурой⁶: очевидно, оно целиком и полностью зависело от воли божества, считавшегося сакральным правителем Египта *par excellence* – Хора. Очевидно, однако, что целиком и полностью в воле

⁶ В отличие от Хаббаша полноценные титулатуры были у всех правителей XXIX—XXX династий; мы не знаем титулатуры Амиртея, но его царствование вообще не засвидетельствовано надежно в известных памятниках (см. подробнее главу 6, § 6.2.3).

божества было не только вмещение в особу царя при его соответствии необходимым для этого условиям, но и возможность данную особу покинуть, если это соответствие прекращалось. По-видимому, именно таким образом должны были быть объясняться случаи утраты власти царями IV в. до н.э., отразившиеся в «Демотической хронике».

Наконец, необычайно важным является еще один момент, следующий из текста «Стелы сатрапа», как нам кажется, достаточно определенно. Как мы сказали, нанесение удара по персам было в «Стеле...» не приписано Хаббашу, а охарактеризовано как непосредственное свершение Хора. Согласно нашему предположению, Хаббаш в рамках концепции «Стелы...» мог стать полноценным сакральным царем при соблюдении им определенных условий, однако в описываемый момент он им еще не стал и, учитывая кратковременность его правления, по-видимому, не должен был стать им вообще. Кто на момент появления Хаббаша в Буто был действительным полновластным сакральным царем Египта и мира? Думается, по смыслу слов представителей бутосской знати, с которыми согласен и Хаббаш, таковым приходится признать непосредственно бога Хора. Очевидно, по логике текста «Стелы сатрапа» с момента прекращения XXX династии полный объем сакральной власти стал осуществляться непосредственно этим богом, и это положение должно было сохраниться до тех пор, пока власть над Египтом не перейдет вновь к правителю, в котором, в соответствии с его личными качествами, сможет вместиться божество.

Произошло ли это, по мысли авторов концепции «Стелы сатрапа», на момент ее создания в 311 г. до н.э.? В настоящем разделе нашей работы мы уже констатировали их нежелание изображать македонского царя совершающим ритуал в сцене наворачия «Стелы...»; а Хорово имя Александра (IV), зафиксированное как в ее тексте «Стелы...», так и в других памятниках, может, как мы говорили (см. главу 2, § 2.2.3), утверждать не просто воплощение в нем Хора, сына Осириса и Исиды, но и перенесение непосредственно на этого бога сакральной власти (по весьма полной аналогии с фаюмской стелой времени Дария I). Пожалуй, стоит обратить внимание на еще одну деталь в оформлении наворачия «Стелы сатрапа», а именно на царский двойной венец на голове Хора в его левой части. Сам по себе этот атрибут данного божества может показаться достаточно рутинным (LÄGG V. 230. A2), но в свете концепции, присутствующей в тексте «Стелы...» в эпизоде с участием Хаббаша он, как представляется, должен акцентировать его царский статус не только в этот момент прошлого, но и в актуальное время создания «Стелы...» (ср. с позицией по данному вопросу Р. Ритнера; см. настоящий раздел, выше, прим. 2). В таком случае можно думать, что в концепции «Стелы сатрапа» статус сакрального царя Египта, в норме единый, был по состоянию на 311 г. до н.э. распределен весьма сложным образом. Александр (IV) был формальным обладателем титула легитимного

сакрального царя; бог Хор признавался предвечным сакральным царем Египта, который был способен принять соответствующие функции в земном мире непосредственно на себя и, весьма вероятно, делал это в текущей ситуации; наконец, сатрап Птолемей осуществлял ряд практических действий, составлявших миссию именно сакрального царя (прежде всего, попечение о храмах Египта) и, в воздаяние за это, приобрел некоторые составляющие сакрального статуса (см. главу 2, § 2.4.1, 2.4.2).

Оценивая это сложное построение, следует констатировать, что, как и в случае со включением в оформление «Стелы...» пустых картушей, оно фактически было основано на манипуляции, сопряженной с оппозицией македонской власти – на перенесении сакрального статуса с реального земного царя на божество (см. настоящую главу, § 3.1.1). Вместе с тем в данном случае эта манипуляция выражала не неприятие чужеземной власти над Египтом, а, напротив, наращивание «идеологической поддержки» такому ее представителю, как сатрап Птолемей, – разумеется, в ущерб формальному царю-Аргеаду. При этом читатели текста «Стелы...» могли вывести из эпизода с Хаббашем весьма важное следствие как раз применительно к сатрапу Птолемию. В свое время в ответ на слова Хаббаша: «...пусть будет дано, /чтобы/ был я помещен на путь Величества его, на котором живет /каждый/ царь», – жрецы рекомендовали ему в первую очередь проявить благодетельность к храмам Буто и вернуть им «Землю Уаджит». Учитывая, что такая же рекомендация была дана Птолемию (««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», III.1.в) и тот ее исполнил (там же, III.2), для него можно было ожидать такого же следствия от этого действия, как и для Хаббаша: он также мог оказаться в результате этого на «пути бога». В сущности, согласно тексту «Стелы...», эта возможность уже начала реализовываться, коль скоро Птолемей получил в воздаяние за свое благодеяние пресловутую способность внушать страх чужеземным врагам, являющуюся частью сакрального статуса (см. там же, III.3, главу 2, § 2.4.1). Иными словами, текст «Стелы сатрапа» не очень явно и с использованием идеологических приемов, восходящих скорее к оппозиции македонской власти над Египтом, обозначает путь для обретения Птолемеем сакрального статуса, полным выражением которого закономерно стало бы принятие им титула царя.

3.2. Строительная деятельность частных лиц в египетских храмах в период второго персидского владычества и в начале македонского времени

Вопрос о том, кому принадлежала практическая инициатива в осуществлении программ храмового строительства начала македонского времени, чрезвычайно важен для выяснения, в какой мере они действительно формировались идеологами царей-Аргеадов, а позднее сатрапа Птолемея и осуществлялись для легитимации их власти над Египтом (см. главу 2, § 2.3.1). Определенная полярность в решении этого вопроса наметилась еще в 1980—1990-е гг (см. более подробную характеристику полемики по этому вопросу во введении, в разделе «Степень изученности проблемы»). Так, если Ф. Мартинес считал, что храмовое строительство Александра было призвано установить его преемственность от эпохи Нового царства и целенаправленно служило его легитимации [Martinez, 1989, p. 115—116], то С. Бёрстайн констатировал, что роль македонского царя ограничивалась разрешением «предпринять скромную программу строительства в египетских храмах» [Burstein, 1991, p. 144—145]. С этой точки зрения инициативу храмового строительства и конкретные детали и его программ, конечно, следовало скорее приписывать египетским жрецам. В конце 1990-х гг. Б. Меню высказала, казалось бы, компромиссное суждение: отводя большую роль в храмовом строительстве времени Аргеадов жречеству [Menu, 1998, p. 254—255], она допустила и прямую санкцию Александром строительства в Фивах, усвязывавшего его с царями XVIII династии [Menu, 1998, p. 261]. В ответ на это М. Шово и Кр. Тьер отметили, что в в храмовом строительстве Аргеадов в Египте было вообще мало оригинального и концептуального, и оно в основном сводилось к восстановлению прежних памятников, а в его осуществлении неизменно возрастала роль частных лиц [Chauveau, Thiers, 2006, p. 397—399]. Последние они инициировали и в значительной мере финансировали работы в храмах, проявляя благочестие к местным богам и благотворительность к храмам и жителям своего нома (см. также: [Thiers, 2006, p. 275—301]).

Среди высказанных мнений позиция М. Шово и К. Тьера в наибольшей степени опирается на знакомство со всем комплексом памятников этого времени и заслуживает обсуждения. Эти исследователи, безусловно, правы в критике стремления Б. Меню увидеть сложную концепцию буквально во всех аспектах строительства времени Аргеадов в Египте. Однако их собственное суждение о нем должно, очевидно, предполагать следующий принцип его организации: жрецы сами планировали строительные работы и либо финансировали их за счет собственных ресурсов храмов, либо обращались с соответствующими просьбами к

государству, представленному македонскими властями, которые эти просьбы удовлетворяли. То, что конкретные строительные решения в отдельно взятых храмах действительно вырабатывались и осуществлялись их жречеством, а также местными элитами, и наиболее вероятно *a priori*, и находит подтверждение в источниках, о которых мы будем говорить подробнее. Менее вероятен, на наш взгляд, тот механизм финансирования храмового строительства, который, как мы сказали, согласуется с позицией Шово и Тьера. Свидетельства античной традиции об организации хозяйства Египта агентом Александра Клеоменом из Навкратиса не оставляют сомнений, что оно – и в первую очередь его храмовая составляющая – было поставлено под плотный и жесткий контроль македонской администрации (см. ниже, настоящую главу, § 3.3). Произвольное расходование храмами существенных средств без санкции администрации было маловероятно; и равным образом было бы маловероятно автоматическое утверждение соответствующих просьб со стороны храмов, без их соотнесения с приоритетами македонских властей Египта. Стоит обратить внимание и на еще один аспект данной проблемы, который не затрагивался в названных работах специально, но весьма значим в свете исследования У. Рёсслер-Кёлер терминологии частных надписей Позднего и греко-римского времени, содержащих оценку царской власти. Поскольку храмовое строительство (как и в целом участие в религиозной жизни) было важнейшей легитимирующей деятельностью царя и предполагало совершение от его имени определенных ритуалов (в частности, закладки храмов; см. далее), то открытое принятие на себя тем или иным частным лицом инициативы в этой сфере, по сути дела, составляло присвоение царских полномочий и показывало неприятие этим лицом современного ему царя в качестве легитимного [Rössler-Köhler, 1991, S. 24—25]. Соответственно, если бы в пользу частной (вернее, нецарской – хотя бы и жреческой) инициативы в храмовом строительстве начала македонского времени нашлись бы совершенно определенные свидетельства источников, их можно было бы трактовать как еще одно указание на неприятие египетской элитой сакрального статуса царей-Аргеадов.

Выше мы уже постарались показать (см. главу 2, § 2.3.1), что при Александре Великом и в формальное царствование Филиппа Арридея храмовое строительство в Египте велось в основном в рамках немногочисленных (фактически всего двух – фиванской и гермопольской) программ, решавших задачи презентации македонских царей как обладателей сакрального статуса. Концепции этих программ, безусловно, разрабатывались на базе предшествующей традиции египетским жречеством. Мы можем заблуждаться, определяя содержание и смысл этих концепций; однако сам факт концентрации строительства при Александре и в значительной степени в годы Филиппа Арридея во всего двух, притом очень важных, культовых центрах непреложен, и вряд ли его можно объяснить иначе, чем побуждением,

исходившим от македонской администрации. Как мы говорили, «децентрализация» строительной деятельности по целому ряду храмов (по преимуществу, провинциальных), без сколько-нибудь выраженной его концепции, намечается в годы Филиппа Арридея и окончательно определяется в формальное царствование Александра, сына Александра Великого и Роксаны. Видимо, на этом этапе мы и сталкиваемся с храмовым строительством, которое осуществлялось по инициативе жрецов и местной знати при чисто реагирующем содействии македонских властей. Если бы подобная ситуация имела место, как считают М. Шово и Кр. Тьер, на всем протяжении времени Аргеадов, точно такую же картину «децентрализации» мы наблюдали бы в храмовом строительстве в Египте уже при Александре.

Вместе с тем для М. Шово и Кр. Тьера решающим аргументом в пользу их суждения были не общие оценки храмового строительства при Аргеадах, а свидетельства памятников жрецов и представителей местной знати, которые, как представлялось исследователям, направляли эту деятельность: Анхпахереда и Капепхамонту (или Капепхамона; см. ниже) из Фив, Джед-Хора из Атрибиса, Петосириса из Гермополя и Хора из Гераклеополя [Chauveau, Thiers, 2006, p. 389, 399]. Попробуем обратиться к этим памятникам и выяснить, насколько они подтверждают мнение французских египтологов.

Двое фиванских жрецов – Анхпахеред и Капепхамонту – оставили на северо-восточной части внешней стены двора Аменхотепа III в Луксоре граффити, по единодушному мнению исследователей относящиеся к работам времени Аргеадов в этом храмовом комплексе, в которых эти жрецы участвовали. Граффито Анхпахереда (*ḥnh-p3-ḥrd*; PM² П. 335 (219b) [Daressy, 1893 (1); Abder-Razig, 1983; Jansen-Winkel, 2013]; см. о данной персоналии: [Gorre, 2009 (1), p. 52—57 (nr. 13)]¹ – обладателя титулов, характеризующих его как жреца высокого статуса², отчасти унаследованного им от его отца Инара (*Irt-Ḥr-r.w*)³, – датировано *prt* II Года 4 Филиппа Арридея (стлб. 1; март–апрель 320 г. до н.э.) и сообщает особенно подробно о закладке храмовых построек в Луксоре при Александре Великом и Филиппе

¹ Мы основываемся на транскрипции и переводе этого текста К. Янсен-Винкельном, вносящих существенные коррективы по сравнению с интерпретацией М. Абд эр-Разига (*Рисунок 2.1*).

² «“Слуга бога” Амона в Ипет-сут, /жрец-/семати Камутефа, первенствующего в Фивах, “знакомый царя”, (царский) писец, писец Амона, который на счислении четырех черед /жрецов/, управляющий работ в доме Амона в чудесных делах (строительных работах – *И.Л.*) для владыки богов Анх(па)херед...» (стлбб. 1—2: *ḥm-ntr Imn m Ipt-swt zm3ty n K3-mwt.f ḥnty W3st rh-nsw zš(-nsw) zš Imn iw.f ip n p3 4 z3w ḥrp k3t n pr Imn m bi3(w)t n nb ntrw ḥnh(-p3)-ḥrd...*) [Jansen-Winkel, 2013, S. 2, Taf. II]. Семати – жреческий титул, связанный с почитанием Мина и Амона как итифаллического бога творения, плодородия и жизненных сил: [Sethe, 1929, S. 20 (§ 27)]; см. о значении этого аспекта Амона в деятельности фиванских жрецов времени Аргеадов ниже. О значении титула *rh-nsw* в греко-римское время как имеющего сугубо культовое значение см.: [Gorre, 2009 (3)].

³ «...Сын “слуги бога” Амона в Ипет-сут, “знакового царя” и (царского) писца Инара...» (стлбб. 2—3: *z3 n ḥm-ntr Imn m Ipt-swt rh-nsw zš(-nsw) Irt-Ḥr-r.w*) [Jansen-Winkel, 2013, S. 2, Taf. II]. Инару, сыну *Ns-Ini-ḥrt*, принадлежит статуя CM JE 37989 [Jansen-Winkel, 2001 (1), S. 179—184 (Nr. 29); Jansen-Winkel, 2013, S. 4, Komm. 3].

Арридее с приведением соответствующих датировок. Согласно нему, в самом начале царствования Александра Великого (согласно содержащейся в стлб. 5 надписи датировке в чтении К. Янсен-Винкельна, 1 *3ht* I его Года 1, т.е. 14 ноября 332 г. до н.э.; см. об этой датировке главу 2, § 2.2.1), Анхпахеред осуществил закладку некоего помещения в храме Аменапета Луксорского. Начатые тем самым работы продолжались вплоть до 9 *3ht* II этого же года (22 декабря 332 г. до н.э.) и длились 39 дней (стлбб. 5—7; см. там же). Как мы постарались показать, помещение, о закладке которого идет речь, судя по ряду признаков (в том числе по приведенным в стлб. 6 граффито его измерениям), – это святилище барки Амона-Ра в Луксоре, куда из Карнака в ходе празднования Опега прибывала в процессии статуя божества: оно было изначально возведено при Аменхотепе III и реконструировано при Александре (см. подробно там же).

Далее граффито сообщает о датированном 1 *3ht* III Года 4 Филиппа Арридея (т.е. 10 января 320 г. до н.э.; см. главу 2, § 2.1) назначении Анхпахереда (характерным образом, богом Амоном, а не царем, что, вероятно, связано с чисто формальным статусом македонского царя в Египте) «управляющим работ в доме его (бога – *И.Л.*) в чудесных делах (строительных работах – *И.Л.*) его»⁴. В этом качестве Анхпахеред предпринимает восстановление еще одного «дома золота Амона-Ра, царя богов»⁵ – как считает К. Янсен-Винкельн, очевидно, исходя из эпитета божества, в Карнакском храме [Jansen-Winkel, 2013, S. 3, 8]. При этом термин, обозначающий данную постройку («дом золота»), совпадает с обозначением восстановленного ранее Анхпахередом святилища барки Амона-Ра в Луксоре; а строительная активность формального царствования Филиппа Арридея в Карнаке была, насколько нам известно, сосредоточена вокруг «гранитного святилища», в свое время возведенного при Тутмосе III в замену более ранней постройки времени Хатшепсут (см. главу 2, § 2.3.1). Данное святилище, как и луксорское, было местопребыванием барки Амона-Ра, и, судя по его оформлению, играло значимую роль в совершении Прекрасного праздника долины («путешествия» барки божества из Карнака на

⁴ «Год 3, третий месяц *axet*, день 1 при Величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Филиппа. В день этот повторил владыка богов похвалы /свои/; назначил (букв. “дал”) он меня в качестве управляющего работ в доме его в чудесных делах его» (стлбб. 7—8: *ḥ3t-zp 3 3bd 3 3ht hr ḥm (n) nsw-bity Prwpys3 hrw pn whm nb ntrw ḥzwt rdi.n.f wi m hrp k3t m pr.f m bi3(w)t.f*) [Jansen-Winkel, 2013, S. 3, Taf. II].

⁵ «Первый /месяц/ *nepet*, день 7 в год этот. В день этот протянул я шнур, распустил я веревку в доме золота Амона-Ра, царя богов, в песчанике прекрасном крепком; “высота” (*k3w*, длина – *И.Л.*) его локтей бога 14 /с/ четвертью внутри зала с колоннами (?); ширина его локтей бога ... (?), место покоя (?) (в) зале с колоннами; “глубина его под крышей” (*mdw.f hr k3pw*, высота – *И.Л.*) девять локтей /с/ третью... Завершение под камнем вплоть (до) четвертого месяца шему, дня 1[4], в год этот, /что составляет/ до семи месяцев /у/ трети» (стлбб. 8—9: *tpy prt sw 7 m rnpt tn hrw pn pd.i šs wh^c.i w3w3(t) m pr-nbw n Imn-R^c nsw-ntrw m inr nfr rwd q3w.f mh-ntr 14 r-4 (m) hn(w) iwnyt wsh.f mh-ntr (?) hnw n iwnyt mdw.f hr k3pw mh-ntr 9 r-3 grḥ hr 3t nfrw(t r) IV šmw sw I[6] m rnpt tn r 3bd 7 r-3*) [Jansen-Winkel, 2013, S. 3, Taf. II (с незначительными коррективами)].

западный берег Нила в Дейр эль-Бахри; см. там же о роли сцен этого праздника в оформлении «гранитного святилища»).

В принципе было бы логично думать, что реконструкция двух важнейших объектов инфраструктуры праздничных процессий в фиванских храмах (при том что именно на таких объектах, как мы постарались показать, была сосредоточена строительная деятельность времени Аргеадов в Фивах; см. там же) осуществлялась одним и тем же лицом. В пользу того, что «дом золота Амона-Ра, царя богов» в Карнаке, восстановленный Анхпахередом, – это «гранитное святилище», возможно, имеется некоторое подтверждение в тексте его граффито. Как мы заметили при анализе сообщения, относящегося к реконструкции Анхпахередом святилища барки в Луксоре, в нем указаны внутренние измерения этой постройки с их округлением в меньшую сторону (см. главу 2, § 2.2.1). «Гранитное святилище» делится на две части – «переднюю», занимающую чуть меньше ее половины, и отделенное от нее выступами стены собственно помещение для барки. Их внутренние измерения составляют, соответственно, 6,04 м (ок. 11,5 локтей) длины x 4,22 м (ок. 8 локтей) ширины x 5,97 м (ок. 11,25 локтей) высоты и 8,09 м (ок. 15,5 локтей) длины x 4,32 м (ок. 8 локтей) ширины x 5,27 м (ок. 10 локтей) высоты [Carloti, 1995, p. 82—83] (Рисунок 3.2). Фигурирующие в стлб. 9 граффито дробь логичнее всего отнести к указанию измерений «дома золота Амона-Ра, царя богов» (интерпретируя текст граффито, К. Янсен-Винкельн, на наш взгляд, неоправданно оторвал их от предшествующих им целых чисел). В таком случае достаточно надежно читающиеся длина и высота этой постройки составляют 14 локтей с четвертью и 9 локтей с третью, что сопоставимо с внутренними измерениями помещения для барки, хотя и предполагает их сильное (большее, чем при указании измерений луксорского святилища) уменьшение. Первые знаки в указании ширины восстановленной Анхпахередом постройки повреждены и читаются плохо. В свое время М. Абд эль-Разиг восстанавливал его чтение как «6» ($\overline{\text{III}}\overline{\text{P}}$) [Abder-Razig, 1983, S. 212, 214]; К. Янсен-Винкельн с определенной неуверенностью понял данное написание как «14», хотя предложенная им иероглифическая транскрипция скорее восстанавливает в его верхнем регистре какое-то подобие удвоения знака GG(SL) Q₃ $\overline{\text{P}}$ ($\overline{\text{III}}\overline{\text{P}}$) [Jansen-Winkel, 2013, S. 3, Taf. II]. В принципе возможно допустить, что данное написание соответствует числу «8» ($\overline{\text{III}}$), что совпадало бы с реальной шириной «гранитного святилища». Объяснить, почему Анхпахеред указал в своей надписи измерения только этого помещения, а не «гранитного святилища» в целом, возможно, если учесть его большую по сравнению с «передней» функциональную важность, как места непосредственного размещения барки (представить себе, что он отвечал за оформление только этого помещения, а не всей постройки, можно, но все же

это менее вероятно). Альтернативной интерпретацией этого сообщения, которую, при значительном расхождении измерений, указанных в граффито, с реальными размерами помещения для барки в «гранитном святилище», нельзя не оговорить, было бы допущение, что в нем все же идет речь о какой-то иной (возможно, несохранившейся) постройке формального царствования Филиппа Арридея в Фивах (может быть, и не в Карнаке, а в Луксоре). Однако употребление по отношению к ней того же термина «дом золота», что и в обозначении святилища барки в Луксоре, заставляет думать, что это так или иначе какой-то объект процессионной инфраструктуры, предназначенной для пребывания барки со статуей божества (см. об этом термине главу 2, § 2.2.1).

Рядом с граффито Анхпахереда находится граффито Капепхамонту (*K3p.f-ḥ3-Mntw*⁶; «прекрасное имя»⁷ – Па-ди-Аменепет, *P3-di-Imn-ipt*; РМ² II. 335 (219a)) [Jansen-Winkel, 2005], принадлежащее жрецу, который носил титулы «отца бога» и «слуги бога» Амона в Ипет-сут⁸ и стоял в фиванской иерархии ниже Анхпахереда [Gorre, 2009 (1), p. 59 (с замечанием, что в Позднее время эта иерархическая разница может быть не так уж существенна)]. Специфический луксорский аспект Амона (Аменепета⁹) как итифаллического бога творения и жизненных сил проявился и в теофорном «прекрасном имени» этого жреца, и в обращении к богу в начале его надписи¹⁰; характерным образом, аналогичные мотивы присутствуют и в ряде эпитетов в обращении Анхпахереда к Амону-Ра в начале второй части его граффито¹¹. По сравнению с Анхпахередом меньше был не только статус Капепхамонту, но и значимость предпринятых им работ: в его граффито говорится, что, найдя «носимый образ» божества «впавшим в

⁶ По чтению Ж. Горра, *K3p.f-ḥ3-Imn* [Gorre, 2009 (1), p. 59]; Х. де Мельнере колебался между этими двумя чтениями [Meulenaere, 1966, p. 20, n. 96]. См. в целом об этой персоналии: [Gorre, 2009 (1), p. 59—61 (nr. 15)].

⁷ О «прекрасном имени» у египтян см.: PN II. 6—8; [Берлев, 2003].

⁸ Рамочный столбец справа: *it ntr hm (ntr) n Imn m Ipt-swt*. К. Янсен-Винкельн сводит этот титул только к *it ntr n Imn m Ipt-swt* [Jansen-Winkel, 2005, S. 35, Taf. XV]; мы следуем чтению Ж. Горра, которое представляется нам верным [Gorre, 2009 (1), p. 62].

⁹ О специфике этого обозначения Амона см.: [Sethe, 1929, S. 20. § 26]; LÄGG I. 309—310.

¹⁰ «О Аменепет, бык с поднятой рукой, самец богов, бог великий живой, стоящий над богами, образ этот Ра...» (стк. 1 справа: *i Imn-Ipt k3 k3-ḥ3 By ntrw ntr ʕ3 ḥḥ hry ntrw snn pw n Rḥ...*) [Jansen-Winkel, 2005, S. 35, Taf. XV].

¹¹ «О Амон-Ра, царь богов, сокровенный именем его, создавший богов, священный обоими горизонтами, принадлежащий древнейшему времени Обеих Земель, священный рукой, сделавший то, что /есть/, создавший существующее, бог благородный, освещающий Обе Земли, отражающий в оке всю землю, баран великий богов, бог великий начала времен, проходящий вечность-*nḥḥ*, начинающий воссуществование /вещей/, дающий открывание лица (?)... в обители ока-*уджат* своего...» (стлбб. 10—12: *i Imn-Rḥ nsw-ntrw imn-rn.f ir ntrw dsr ʕḥty p3wty t3wy dsr-ḥ ir nt(t) qm3 wn(n)t ntr šps šḥd t3wy ptr t3 mi qd.f b3 wr n ntrw ntr ʕ3 n dr-ḥ zb nḥḥ š3(ḥ) ḥpr rdi wn-ḥr... m k3r wd3t.f...*) [Jansen-Winkel, 2013, S. 3, Taf. II]. Об эпитетах Амона как божества творения и жизненных сил, в том числе в итифаллическом облике, см. в целом: [Sethe, 1929, S. 18—20. § 22—26].

разрушение», он обновил его и изготовил для него новый наос¹². Термин *sšmw* (Wb. IV. 291), обозначающий здесь образ бога, сопровождается детерминативом, который явно изображает процессионную ладью, по-видимому, с помещенной в нее статуей Аменапета Луксорского ( ). Соответственно, очевидно, что речь в граффито Капеххамонту идет именно о восстановлении процессионной статуи [Jansen-Winkel, 2005, S. 37, Anm. 18]¹³, однако при этом и она сама, и ее наос явно постоянно находятся в Луксоре. Это позволяет заключить, что предпринятая им реставрация едва ли имела место в восстановленном при Александре святилище барки, где Амон-Ра карнакский был лишь гостем в дни празднования Опеа. Очевидно, Капеххамонту восстановил в святилище Аменапета, чтимого собственно в Луксоре, статую и наос этого божества, которые, как считалось, находились на месте «первохолма», где произошел акт творения (PM² II. 331. XIX) [Brunner, 1977, Taf. 57, 60; Bell, 1997, p. 156]. В таком случае процессией, в которой данное изображение было задействовано, мог быть прежде всего «праздник декады», состоявший в посещении раз в десять дней Аменапетом его отца Амона Кематефа в Мединет Абу (см. главу 2, § 2.3.1; собственно, этот праздник упоминается в граффито прямо¹⁴).

Переходя теперь к оценке этих фиванских свидетельств, отметим, прежде всего, что они не дают оснований считать Анхпахереда и тем более Капеххамонту, так сказать, «авторами концепций» тех восстановлений, в которых они приняли участие. Несомненно, что оба эти жреца описывают свои действия сугубо как их исполнители, пусть даже весьма довольные своей ролью. Анхпахеред описывает повторную закладку возведенных при его участии построек, каждый раз говоря о «распускании шнура» и «протягивании веревки» им самим: иными словами, он упоминает о совершении им ритуала, который теоретически должен был бы быть приписан царю и богине Сешат [Zibelius, 1982, Sp. 385—386]. Однако даже в источнике, принадлежащем времени, когда о перенесении царского статуса на кого-либо помимо царя не могло идти речи, – в тексте «Берлинского кожаного свитка», описывающем основание храмов Сенусертом I, – упоминается совершение этого обряда, причем в присутствии самого царя, не

¹² «Нашел я носимый образ этот впавшим в разрушение. Восстановил я его до состояния его прежнего. Омолодил я плоть его в качестве повторения жизни, удовлетворил я Двойника его /жертвенными дарами/ в качестве того, что желал он. Сделал я для него обитель из кедра, чтобы поместить носимый образ в нее» (строки текста позади изображения жреца в левой части граффито: *gm.n.i sšmw pn w3w3 r w3s s'ḥ3.n.i sw r wnn.f ḥntt srnp.n.i dt.f m wḥm ḥḥ šḥtp.i k3.f m mr.f ir.n.i n.f k3r m ḥḥ r ḥnq sšmw im.f*) [Jansen-Winkel, 2005, S. 36, Taf. XV] (с коррективами по: [Gorre, 2009 (1), p. 60]).

¹³ О внешнем виде итифаллического изображения Аменапета, использовавшегося в процессиях, см.: [Doresse, 1971; 1973; Bell, 1997, p. 299, n. 159, 161].

¹⁴ «О уабы, /которые/ вступают в храм этот, поместите меня подле места, /где/ возносятся хвалы благодетельные, /чтобы/ восхвалил вас бог великий живой, стоящий над богами, во время ритуалов его первого дня декады» (текст справа перед изображением жреца, сткк. 4—6: *i w'ḥ(w) ḥq.zn r r-pr pn imi wi m-ḥ b(w) ḥḥ ḥzw mnḥw ḥz tn ntr ḥ3 ḥḥ ḥry ntrw m irw.f tpy 10*; Jansen-Winkel, 2005, S. 36, Taf. XV; см. также о данном фрагменте граффито: [Doresse, 1973, p. 134 [179]; 1979, p. 45].

им самим, а жрецом–херихебом, «находящимся над священной книгой»¹⁵. Думается, что при наличии подобного примера не стоит принимать за посягательство на царскую прерогативу и слова граффито Анхпахереда. Стоит иметь в виду, что приписывание данного ритуала непосредственно царю было бы в данном случае бьющей в глаза фикцией: Александр за неполные пять месяцев своего пребывания в Египте не был в Фивах, а Филипп Арридей вообще не находился на египетской земле, иначе как в лагере вторгнувшегося в ее пределы в 320 г. до н.э. регента державы Аргеадов Пердикки (см. главу 2, § 2.1). Скорее всего, Анхпахеред просто описал с законной гордостью действия, которые он совершил в действительности, причем в датировках его надписи мы видим упоминания правителей, от лица которых эти действия совершались. Во всех этих датировках Александр и Филипп Арридей последовательно именуется титулом *nsw-bity*, и применительно к ним употреблен термин *hm* («Величество»), характеризующий их как носителей сакральности (см. главу 1, § 1.1.1). Не составляет в этом смысле исключения и указание на то, что Анхпахеред получил своих полномочия «управляющего работ» от бога (см. выше наше прим. 4), – хотя оно, казалось бы, полностью сводило на нет реальность сакрального статуса македонского царя! В надписи Капефхамонту предпринятая им реконструкция приписывается ему одному, без каких-либо прямых или косвенных ссылок на авторитет сакрального царя; однако ее характер – не возведение или реставрация храмовых помещений, а поновление утвари¹⁶, – в общем, скромнее, чем у работ Анхпахереда. Кроме того, как мы сказали, действия Капефхамонту были, по-видимому, связаны с луксорским культом Аменапета в его взаимодействии с Мединет Абу, т.е. с теми фиванскими культурами, которые не затрагивались программой восстановления процессионной инфраструктуры Карнака и Луксора, начатой при XXX династии и подхваченной Аргеадами (см. главу 2, § 2.3.1). В таком случае эти действия могли быть вызваны практической

¹⁵ «...херихеб, писец священной книги, на протягивании шнура, распускании веревки ...» (Lcd. 2.14—15: *hry-hb zš -md3t-ntr hr pd šš wh^c (w3)w3yt*).

¹⁶ Любопытно, что забота о поновлении храмовой утвари в царствования Аргеадов проявляется, кажется, и в появлении множества клепсидр, очевидно, вновь изготовленных и несущих на себе имена царей этого дома (см. настоящую главу, § 3.1.2) [Lodomez, 2007]. Кроме того, в нашем распоряжении есть перечень храмового инвентаря от Года 2 Александра из некоего «дома Маат» в Фивах (возможно, храма Маат в Карнаке) [Varille, 1942; Jasnow, 1994]. Р. Джаснов допускал, хотя и считал недоказуемым, что перечень из «дома Маат» был составлен в ходе некоей общей инвентаризации храмового имущества в Египте, проведенной по приказу Александра (вернее, новых македонских властей страны) [Jasnow, 1994, p. 100]. На наш взгляд, побуждение обновить храмовый инвентарь было совершенно естественно после завершения особенно тяжелого периода в жизни Египта – второго персидского владычества: можно было рассчитывать на определенное содействие в этом новых македонских властей страны, которые позиционировали себя в качестве противников персов и защитников Египта от их угрозы. Хотя они явно не стремились к широкому храмовому строительству (вероятно, из-за его дороговизны), они едва ли могли отказать в не слишком больших тратах на утварь, не навлекая при этом на себя недовольство и не дезавуируя полностью свой «имидж» защитников Египта. Любая инвентаризация храмового имущества в начале их владычества должна была, вероятно, сопровождаться обсуждением сметы таких трат.

необходимостью – действительным обветшанием статуи и наоса божества, – но не пересекались с приоритетами храмовой деятельности времени Аргеадов.

О строительстве времени Филиппа Арридея в храме Хенти-Хети в Атрибисе идет речь в надписях Дждед-Хора по прозвищу «Спаситель» (*p3 šd*) [Gorre, 2009 (1), p. 352—364 (nr. 70)] на его целительной статуе SM 46341 [Jélinkova-Reymond, 1956]. Главным строительным свершением Дждед-Хора было сооружение в атрибисском храмовом комплексе святилища-*уабет*¹⁷ священных соколов Хенти-Хети со всей его инфраструктурой (окружающими его и храм в целом стенами, двором, колодцем и вновь насаженным садом¹⁸). Дждед-Хор говорит о сооружении этих построек как о собственном предприятии, однако в связи со святилищем-*уабет* поясняет, что на его части, находившейся на крыше и изготовленной из дерева, было начертано «имя великое Величества его» (очевидно, полная царская титулатура)¹⁹. Идентифицировать царя, который имеется в виду в данном случае, позволяет картуш с личным именем Филиппа Арридея в тексте магической надписи на этом же памятнике Дждед-Хора²⁰, а также блоки с именем этого царя, обнаруженные в Атрибисе²¹. Заметим, что отношение Дждед-Хора к македонскому царю двойственно. По крайней мере один блок из Атрибиса, по-видимому, несет на себе «солнечное имя» Арридея, а в биографической надписи своей статуи Дждед-Хор, как мы видели, употребляет применительно к нему термин *hm*, обозначающий присутствие в нем сакральности; однако в магической надписи на том же памятнике картуш, предназначенный для «солнечного имени» царя, пуст, что указывает на сомнения в его сакральном статусе²². Кроме того, хотя Дждед-Хор и не переносит на Хенти-Хети царского

¹⁷ Возвышенная часовня для совершения ритуалов (например, для новогоднего обряда выставления статуй божеств – на крыше, в храмах Эдфу и Дендера) рядом с открытым двором: [Arnold, 1999, p. 277; Coppens, 2007].

¹⁸ Биографическая надпись, стлбб. 15—19 [Jélinkova-Reymond, 1956, p. 96—99]. Кроме того, в надписях на данном памятнике (магическая надпись, стлбб. 130—131; биографическая надпись, стлбб. 20—21) [Jélinkova-Reymond, 1956, p. 65—66, 96, 99—100], на наофорной статуе SM 4/6/9/1 [Vernus, 1978, p. 193—194 (Doc. 161)] и на пьедестале статуи OI 10589 [Sherman, 1981, p. 88, 90] Дждед-Хор говорит также о своей заботе о бальзамировании и погребении священных соколов.

¹⁹ «...сень из кедра на крыше, надписанная именем великим Величества его» (стлбб. 19—20: *gpt m š m hrt ht hr rn wr n hm.f*) [Jélinkova-Reymond, 1956, p. 96, 99]. Термин *gpt* Е. Елинкова-Реймонд перевела как *trône*, отметив его как *hapax* [Jélinkova-Reymond, 1956, p. 99, n. 2]; по-видимому, это вариант написания слова *gbt*, обозначающего некое возвышенное местопребывание в текстах птолемеевского времени [Wilson, 1997, p. 1097—1098].

²⁰ «Да живет бог благой, владыка Обеих Земель (*пустой картуш*), сын Ра Филипп, живущий вечно, любимый Хором Хенти-Хети, владыкой Кем-ур» (магическая надпись, стлбб. 132—133: *šnh ntr nfr nb Bwy ( ) z3 R^c P-rw-p-z šnh dt mry Hr Hnty-hty nb Km-wr*) [Jélinkova-Reymond, 1956, p. 65—66].

²¹ Блок с личным именем («Филипп») [Rowe, 1938, p. 529; Vernus, 1978, p. 171 (doc. 142)]; блок с «солнечным» именем *Mry-R^c Stp.n-Imm* [Myśliwiec, 1999, S. 79—80, Abb. 52] (см. о последнем памятнике главу 2, § 2.3.1, прим. 2).

²² Е. Елинкова-Реймонд объясняла это тем, что целительная статуя Дждед-Хора могла быть завершена в самом начале формального царствования Филиппа Арридея, когда, очевидно, его официальный «протокол» еще не определился [Jélinkova-Reymond, 1956, p. 66, n. 2; ср. Gorre, 2009 (1), p. 363]. См.

статуса в точном смысле слова, но все же именует его эпитетами, характеризующими его как владыку богов и людей, в том числе эпитетом *nb m3ʿt*, а также связывает собственные дела с исполнением его воли²³. Французский исследователь Ж. Горр обратил внимание, что Джед-Хор не носит никаких жреческих титулов; таким образом, будучи, по-видимому, ведущей фигурой в религиозной жизни Атрибиса начала македонского времени, он исполнял эту роль без каких-либо формальных оснований к этому [Gorre, 2009 (1), p. 361]. Показательно также и «темное происхождение» Джед-Хора, не приведенного при указании филиации титулов своего отца. Очевидно, он был «новым человеком» кануна и начала македонского времени, достигшим влияния в пределах своего нома благодаря личным качествам [Gorre, 2009 (1), p. 360]. Из его биографии мы узнаем из, что он умело управлял хозяйством атрибисского храма (стлбб. 26—28, 31—34 [Jélinkova-Reymond, 1956, p. 101—105, 106-107]), а при строительстве святилища провел такую операцию, требовавшую и затрат, и определенной дипломатии, как выкуп части храмового участка, занятой под расквартирование македонских солдат (стлбб. 23—26, 29 [Jélinkova-Reymond, 1956, p. 101, 103—104; Thiers, 1995, p. 501 (Doc. 4)])²⁴. Ж. Горр полагает, что царская титулатура на памятнике Джед-Хора вообще свидетельствует о какой-то особой его близости к власти [Gorre, 2009 (1), p. 360], однако из других сведений его надписей это никак не следует, а его отношение к «чужеземцам» (*h3styw*) приходится признать скорее негативным, коль скоро именно от них он считает нужным защищать погребения священных соколов²⁵.

наши замечания о значении пустых картушей на памятниках начала македонского времени в настоящей главе, § 3.1.2, 3.1.3.

²³ «О господин мой Хенти-Хети, владыка Кем-ур, стоящий над богами, [владыка маат, /который/ жи]вет ею, ведущий сердца богов /и/ людей, ведешь ты сердце мое к исполнению советов Сокола/, находящегося/ внутри Иат-Маат...» (стлбб. 9—10: *i nb.i Hnty-hty nb Km-wr hry ntrw [nb m3ʿt ʿnh.f im.s sšm ib n ntrw rmt sšm.k ib.i r ir šhrw n P3-bik m-hnw ʿ3t-M3ʿt]* [Jélinkova-Reymond, 1956, p. 93—94]. Ср. полностью аналогичный пассаж на пьедестале статуи OI 10589, стлбб. F10—F11 [Sherman, 1981, p. 86, fig. 1; 90].

²⁴ Как показывают источники, расквартирование на территории храмов было излюбленным приемом размещения войск чужеземных завоевателей в Египте, с начала персидского времени: в знаменитой надписи на наофорной статуе современника первого персидского завоевания Египта Уджахорреснета устранение их присутствия в саисском храме Нейт характеризуется как одно из важнейших его свершений (стлбб. 17—22) [Posener, 1936, p. 498—500 (Doc. 3)]. Предотвращению конфликтов воинских контингентов со жрецами при размещении в районе некрополя священных животных в Саккара был, очевидно, посвящен приказ начальника войск Певкеста, запрещающий вторжения в жреческие помещения: «(Приказ) Певкеста: никому не входить – помещение жреца» ([μ]]Πευκέστου· ἢ μὴ παραπορεύεσθαι μηδένα· ἢ ἱερείως τὸ οἴκημα) [Turner, 1974]. Кроме того, накануне и в начале македонского времени действия, направленные на защиту храмовых владений как от захватов египтянами, так, возможно, и от размещения чужеземных войск, совершают, помимо Джед-Хора в Атрибисе, также Петосирус в Гермополе (см. ниже наше прим. 31) и Хор в Гераклеополе (см. ниже наше прим. 35, упоминание надписи на статуе Louvre A88 о сносе неких построек, вероятно, возведенных в пределах храма без должной санкции [Thiers, 1995, p. 504—505. (Doc. 5)].

²⁵ Целительная статуя, магическая надпись, сткк. 130—131: «...делавший погребение Сокола там, чтобы спрятать их от чужеземцев дальних» (*ir qrs n p3 bik im r imn zn r h3st(y)w hry(w)*); цит. по: [Sherman, 1981, p. 95, comm. 'u']. Данный фрагмент магической надписи на целительной статуе Джед-Хора приведен в

Сообразно сказанному, строительство в Атрибисе действительно правомерно возвести к частной инициативе Джед-Хора. Следует лишь обратить внимание, что и в рамках этой инициативы Джед-Хор не игнорирует сакрального статуса македонского царя (применительно к Филиппу Арридею чисто формального, но, видимо, актуального для ритуалов в помещениях, восстановленных Джед-Хором) и что эта инициатива реализуется именно в царствование Филиппа Арридея, когда, видимо, уже обозначился отказ македонской власти от концептуальных строительных программ и «децентрализация» храмового строительства (см. выше, главу 2, § 2.3.1).

Несомненно, на начало македонского времени приходится исполнение обязанностей *лесониса* (главы хозяйства) храма Тота в Гермополе Петосирисом, принадлежавшим к старому местному жреческому роду (см. подробнее о нем и о его гробнице настоящую главу, § 3.4). Сведения об этом мы черпаем из текстов его гробницы в Туна эль-Гебель, в особенности из «Большой биографической надписи» Петосириса (надпись 81) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 136—145; t. 2, p. 53—59; t. 3, pl. XXVIII—XXX, XXXI—XXXIV]. В ней Петосирис говорит о значительном увеличении им доходов гермопольского храма по сравнению со временем до его *лесонии* (очевидно, на это время приходилось второе персидское владычество в Египте)²⁶ и о предпринятых им восстановительных работах. Его усилиями в гермопольском комплексе были обновлены храм Ра²⁷, некий «Дом жен богов»²⁸, святилища богинь Нехеметауи в двух ее

публикации Э. Дж. Шерман в соответствии со сделанной по ее просьбе коллацией Дж. П. Аллена; чтение этого фрагмента Е. Елинковой-Реймонд [Jélinkova-Reymond, 1956, p. 65—66] содержит ошибки, которые, однако, воспроизвел Ж. Горр [Gorre, 2009 (1), p. 354]. Ср. надпись на пьедестале статуи ОI 10589: «Я сделал погребения их (соколов – И.Л.) в некрополе Черного быка (название Атрибисского нома – И.Л.), скрытые там от чужеземцев» (*ir.n.i qrs.zn m R3-st3w hr mḥtt n K3-kmt sdq(w) im tp-ᶜ ḥ3st(yw)*) [Sherman, 1981, p. 88, fig. 3, 90, 95, comm. ‘u’].

²⁶ «После (времени бедствий – И.Л.) стал я лесонисом Тота, владыки Гермополя. Сделал я, что стал храм Тота подобно состоянию его прежнему. Сделал я/, что/ приносились жертвы внутри него /и что/ каждый уаб /был/ к часу его. Увеличил я /число/ уабов его; умножил (я) /число/ храмовых часовых жрецов его. Выдвинул я слуг его всех, дал я наставление /работникам-/семдет его, не уменьшал я приношения в храме его. Наполнил я зернохранилища его пшеницей и эммером, сокровищницу его – вещами всякими прекрасными. Дал я избыток относительно бытности /его/ прежней. Вот человек всякий города на почитании бога для меня» (стлбб. 33—42: *m-ḥt ir.i imy-r-šn Dḥwty nb Ḥmnw di.i wn ḥt-ntr nty Dḥwty mi šhr.z ḥnt(y) di.i ḥpr ḥwt nb m-ḥnt.z wᶜb nb r tr.f zwr.i wᶜb.w.f z3ᶜ[i] wnwḥt-ḥt-ntr.f dnw.i ḥmw.f nbw di.i tp-rd n smd.f nn ḥb.i šbw m r-pr{t}.f mḥ.i šnwt.f m it bt pr-ḥd.f m ḥt nb(t) nfr(t) di.i ḥ3w ḥr wn im ḥnt iw z nb n niwt ḥr dw3 ntr n.i*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 138; t. 2, p. 54—55].

²⁷ «Протягивал я шнур, распускал я веревку, чтобы заложить храм Ра в парке, соорудил я их в камне белом прекрасном известняка, отделанном работой всякой; двери его в кедре, покрытом медью Азии, Дал я/, что/ доволен Ра, вскормленный внутри Острова пламени, там» (стлбб. 47—51: *pd.i šs whᶜ.i w3ww r znt ḥt-ntr nty Rᶜ m št ᶜ3 ḥws(.i) zn m inr ḥd nfr (n) ᶜn ᶜrk m k3t nb sb3wy irw m ᶜš nbd n ḥmt Stt rdi.i ḥtp Rᶜ rr ḥnt iw ḥt im*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 138; t. 2, p. 55].

²⁸ «Построил я “Дом жен богов” внутри “Дома Восьмерки”, поскольку нашел я дом их обветшавшим, /в то время как/ они пребывали (букв. “удовольствовались”) в доме Тота, владыки Хемену, /который/ называют “Праздничный зал жен богов” (букв.: “Говорят люди /в отношении него/ “Праздничный зал жен богов”)), лицо его к востоку» (стлбб. 52—56: *ḥws.i pr n n3 ḥmwḥt-ntrw m-ḥnw-n pr Ḥmnw dr gm.i pr.zn*

ипостасях («Совершающей существование» и «Царской матери»), очевидно, связанной с Хатхор)²⁹ и Хекет³⁰, а также священный сад, связанный с представлением о том, что именно на территории Гермополя произошло творение мира³¹. В связи с первой из этих реставраций, в самом начале обширного пассажа, относящегося к строительству Петосириса, он говорит о совершении им ритуала закладки храма: «Протягивал я шнур, распускал я веревку, чтобы заложить храм Ра...». Далее этот ритуал не упоминается, но каждая реставрация, осуществленная Петосирисом, характеризуется исключительно как его личное свершение. Единственный эпизод его соприкосновения с македонскими властями, прямо упоминаемый в его «Большой биографической надписи» – получение похвалы от «правителя Египта» (очевидно, сатрапа Птолемея) и его двора: данный правитель лишь оценивает деятельность Петосириса, но, согласно его надписи, никак в ней не участвует³².

Если в случае граффито Анхпахереда мы усомнились, что описание совершения им закладки намекает на присвоение им частицы ритуальных функций царя, то в случае с Петосирисом правомерно предположить именно это. Тексты гробницы Петосириса ясно показывают, что последними носителями сакральности, владевшими Египтом, для него были

iw iw.zn htp m ht nty Dhwtj nb Hmnw hbyt n3 hmwt-ntrw dd rmt r.z hr.z r ibbt) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 139; t. 2, p. 55—56].

²⁹ «Построил я также Дом Нехеметауи в качестве делания (для) Унут также, Дом Хатхор, владычицы сикоморы южной, Нехеметауи, матери царской, также. Построил (я) их в камне белом прекрасном известняка, отделанном работой всякой. Дал я, чтобы пребывали (букв. “удовольствовались”) богини эти там» (стлбб. 56—60: *hws.i pr Nhmt-ꜥwy m irt (n) Wnwt mitt pr n Hwt-Hr (nbt) nht rsyt Nhmt-ꜥwy mwt-nsu mitt hws.(i) zn m inr hd nfr (n) ꜥn ꜥrk m k3t nb rdi.i htp ntryw(t) ipn im*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 140; t. 2, p. 56].

³⁰ «Вот “Дом Хекет”, говорят о нем из уст в уста. Был он разрушен с давних времен; схватывала его вода каждый год; вот, не было обоих оснований его в соответствии с книгами, кроме того/, что/ называют /его/ “Дом Хекет”. Не было кирпича с известняком там. Восставание это, сделанное богиней этой там. Возвал я к писцу храма богини этой, дал я ему серебро без счета его, чтобы сделать памятники там в день этот. Окружил я постройку большую стеной ее, чтобы не давать схватывание водой. Был я на совещании со знающими всеми относительно планов ритуала. Вышла богиня эта к нему вместе с упокоением ее там, с тех пор как узнала она /это/» (стлбб. 73—82: *iw pr hq3t hr.tw r.f m r r r wn.f sw3h dr hnty it.n z(w) mw m hr-rnpt iw nn znty.f r ury (i)m wp-hr pr hq3t hr.tw r.(f) nn wn dbt hnꜥ inr im ꜥhꜥ pw ir.n ntrt tn im n(i)s.i r zš ht-ntr n ntrt tn rdi.i n.f nbw-hd nn dnw.z r ir mnw im m hrw pn phr.i wnty (?) wr m phr.f r tm rdi it mw wn.i hr ndty rh ht nb r šzrw nt-ꜥ šm ntrt tn r.f hnꜥ htp.z im š3ꜥ-m rh.z*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 142—143; t. 2, p. 57—58].

³¹ «Простер я руку мою позади парка великого, чтобы не ходил по нему народ, ибо место /это/, в котором появился Ра (е) первый раз, когда земля была окружена водами, «дом рождения» богов всех, начавших существование издавна, ибо воссуществовало существо всякое в нем» (стлбб. 60—64: *dsr.(n.)i h3 š-3 z3w hnd.f in h3w-mrw hr-nty bt hpr Rꜥ im.f m zp tpy iw t3 phr m nw pr mshn(t) n ntrw nb š3 hpr dr-ꜥ hr-nty hpr hpr(w) nb im.f*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 140; t. 2, p. 56]; фрагменты, выделенные в переводе курсивом, восполнены по стлбб. 19—20 надписи 61 гробницы Петосириса [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 102; t. 2, p. 36]; см. также: [Thiers, 1995, p. 502—503. (Doc. 5)]. Употребленный в данном контексте термин *h3w-mrw* (Wb. П. 98.6) обозначает некую достаточно расплывчатую категорию «профанного» населения и появляется в текстах, говорящих о посягательстве на храмовые владения, с начала III Переходного периода [Thiers, 1995, p. 496, comm. ‘e’. (Doc. 2)].

³² «Вот хвалим (я) властителем Египта, любим я придворными его» (стлбб. 87-88: *iw hs.(i) hr hq3 nw Kmt iw mr.i hr šny.f*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 144; t. 2, p. 59].

цари XXX династии (см. настоящую главу, § 3.4.2). Сам же Петосирис напрямую представлен в сугубо царской роли непосредственного исполнителя ритуалов (принесения жертв Осирису в разных его ипостасях, связанным с ним женским богиням Исиде и Нефтиде, божеству загробного мира Сокару в отождествлении с Осирисом и местному богу Гермополя Тоту) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 45–48 (inscriptions 15–22); t. 2, p. 5–7; t. 3, pl. VI, 1–2], а также употребляет в ряде случаев по отношению к себе традиционное царское благопожелание «/да будет он/ жив, силен, здоров» (*ḥnḥ wd3 snb*; см. общую отсылку к случаям его употребления в словаре к текстам гробницы: [Lefebvre, 1923—1924, t. 3, p. 24]). Можно ли на основании всего сказанного заключить, что Петосирис в период своей действительно был единственным инициатором строительства в гермопольском храме? Насколько нам известно, исследователи до сих пор не обратили внимания, что среди построек Петосириса мы не видим собственно храма Тота. Между тем возведение его пронаоса, которое завершило его реконструкцию, начатую еще при XXX династии, – это важнейшая составляющая храмового строительства в Египте в царствования Александра и Филиппа Арридея, которая уступает по своей значимости только ведшимся от их имени реконструкциям в Фивах (см. главу 2, § 2.3.1). Получается, что Петосирис, по точному смыслу его биографического текста, не был причастен к строительству, которое должно было вестись в Гермополе в рамках этой официальной строительной программы именно в годы его *лесонии*. Вместе с тем это было бы просто невозможно, учитывая его положение в храмовой администрации; и в этой связи уместно отметить следующие моменты. Во-первых, как мы уже говорили, уже при Александре храмовые хозяйства были поставлены под контроль македонской администрации: нет сомнений, что в первую очередь под этот контроль должны были попасть значительные храмы, к которым гермопольский храм Тота относился без сомнения. Если Петосирису удалось увеличить его доходы (и, в частности, выделить значительные ресурсы на свои реконструкции), это, безусловно, должно было произойти с ведома и при содействии македонских властей, причем предположение об их мотивах в этом напрашивается само собой: скорее всего, Петосирис воспользовался теми ресурсами, которые вообще поступали в гермопольский храм как на приоритетную с точки зрения властей «строительную площадку». Во-вторых, в самой «Биографической надписи» есть примечательная фраза: «Дал я серебро, золото, драгоценные камни всякие настоящие, сделал прекрасным я сердце “слугам бога” с работами всякими в “доме золота”. Сердце мое почтенно (*im3ḥ*) из-за этого»³³. В этой фразе привлекает внимание упоминание неких «работ в “доме золота”», сопутствующих деятельности Петосириса (в частности, предоставляющих ему возможность финансировать храм и его жречество), но вроде бы не тождественных его

³³ Стлбб. 43—45: *di.i nbw-ḥd nbw ʿ3{t} nb m3ʿ{t} snfr.i ib n ḥmw-ntr ḥnʿ ir k3t nb m ḥt-nbw iw ib.i im3ḥ ḥr.z* [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 138; t. 2, p. 55].

собственному строительству. Не следует ли увидеть в этой фразе аллюзию на строительные работы, развернувшиеся в гермопольском храме по воле македонских властей? Так или иначе, Петосирис фактически «проигнорировал» в своих биографических текстах основную строительную программу, которая должна была осуществляться при нем в Гермополе, возможно, следуя и в этом своему принципиальному отказу македонским царям в сакральном статусе, – хотя постройки, возведенные по его инициативе, были, с большой вероятностью, «побочным продуктом» этой масштабной строительной программы.

Наконец, еще один современник начала македонского времени в Египте, приписывающий себе строительство в городе, с которым он тесно связан, – это уже известный нам (см. настоящую главу, § 3.1.1) Хор – «начальник войска» и управитель Гераклеополя и ряда городов Дельты (в т.ч. Бусириса или Мендеса и Гелиополя), чьи две статуи находятся в Лувре (Louvre A88) и в музее Александрии³⁴. Наиболее подробно его строительную деятельность характеризует надпись на луврской статуе. Согласно ней, Хор возвел в Гераклеополе портик во дворе храма Херишефа (только это сооружение упоминается также в надписи из Александрии), восстановил в его культовом комплексе «святилище Нижнего Египта», «святилище Верхнего Египта», «святилище Севера и Юга» и храм Нехебкау, возвел стену вокруг священного озера и двор в святилище Хебесбегет³⁵. Хор не упоминает о совершении им ритуала закладки святилищ, однако, согласно текстам его памятников, связывает всю свою деятельность исключительно с собственной инициативой. Как уже говорилось, серьезная проблема, связанная с интерпретацией памятников Хора, – это датировка как их самих, так и его деятельности, описанной в их текстах: стилистически эти статуи могут быть отнесены в целом к Позднему времени, начиная с саисской эпохи, а сужение этой датировки до кануна и начала

³⁴ См. об инициативе Хора в ведении храмового строительства, с частичным переводом надписи на луврской статуе: [Spencer, 2011, p. 462—463].

³⁵ Стлбб. 2—3: «...портик в преддвории великом Херишефа в работе великолепной (букв. “великой”), не было подобной ей, колонны /его/ в граните, ворота /его/ в кедре прекрасном Ливана, изображения солнечного диска многочисленные в золоте в качестве подобия горизонту неба, стены южная /и/ северная его в камне белом прекрасном известняка, дверной проем дверь в граните, отделанный золотом, наличники /его/ в электре. Вот обновил я святилище южное, святилище северное, святилище обеих земель в месте этом вместе с подворьем Нехебкау. Вот воздвиг я стену позади озера Маа, /и/ снес я место в... (Сделал) священным я “двор войска” позади Хебес-бегет. Вот, сделал я работы великие в доме Херишефа, владыки богов, поистине» (*hntt m wb^c(yt) ʕ3(t) nt Hry-šf m k3t ʕ3(t) n wn mitt.z wh3w m m3t h3yt m ʕš nfr n Hnty-š ʕpyw ʕš3{t} m nbw m znw r 3ht n pt inb(.z) rs mh{.z} m inr hq nfr n ʕn wmt m m3t hrp m nbw ʕ3 m dʕm iw zm3.n.i itrt-šm^ct itrt-mht itrt-t3wy m st tn hn^c ht nt Nhb-k3w iw qd.n.i inb h3 š M3^c hm^c.n.i b(w) m ... [s]dsr.n.i wsh^t-mš^c r h3 n Hbs-bgt iw ir.n.i k3t ʕ3t m pr Hry-šf nb ntrw m mtr*) [Vercoutter, 1950, p. 88—89; Perdu, 2012, p. 362]. О термине *wsh^t-mš^c*, обозначающем обширный двор перед пронаосом храма, предназначенный для рядовых египтян, не имевших права входить во внутренние помещения храма, см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», П.3.г, комм. «д». Ср. с несравненно более кратким (в том числе и в силу худшей сохранности памятника) сообщением надписи на статуе из Александрии: «Вот сделал я портик великий снаружи преддвория великого Херишефа; колоннада его в граните, ворота [/его/ в кедре прекрасном...]» (стлб. 3: *iw ir.n.(i) hntt ʕ3(t) m r-rwty wb^c ʕ3 nt Hry-šf wh3w.f m m3t h3yt [m ʕš nfr]*) [Vercoutter, 1950, p. 103].

македонского времени по чисто формальным признакам было возможно лишь на основе ряда иероглифических написаний, а также по их содержанию. Мы помним, что их тексты не только описывают некие тяжелые потрясения, которые постигли Египет (несомненно, время второго персидского владычества), но и не упоминают совершенно реальных правителей страны и переносят царский статус на богов (Херишефа и Осириса), по аналогии с Неаполитанской стелой Сематауитефнахта, также тесно связанной с Гераклеополем и безусловно относящейся к началу македонского времени (см. настоящую главу, § 3.1.1).

Что касается датировки строительной деятельности Хора в Гераклеополе, стоит прислушаться к недавнему суждению по данному вопросу Ж. Горра, согласно которому луврская статуя должна относиться к самому началу чужеземного владычества над Египтом (по-видимому, ко второму персидскому владычеству). Соответственно, титул Хора, свидетельствующий о его реальных полномочиях по управлению Гераклеополем, представлен на ней «по инерции» от предыдущей эпохи XXX династии. Вероятно, на ее время приходится и масштабное строительство в храмовом комплексе Херишефа, в то время как сведения о защите Хором жителей Гераклеополя могут относиться уже ко второму персидскому владычеству. По-видимому, в начале македонского времени Хор приобретает менее значимые посты в областях Дельты, фигурирующие в тексте его александрийской статуи, хотя уже давнее строительство в Гераклеополе упомянуто и здесь, как самое важное дело его жизни (см. [Gorre, 2009 (1), p. 204—207], а также настоящую главу, § 3.1.1). Достоинством построений Горра является то, что они согласуются с материалом собственно остатков гераклеопольских храмов. В отличие от начала македонского времени, для царствования Нектанеба II здесь действительно зафиксирована определенная активность: в Гераклеополе обнаружен фрагмент гранитного наоса с его именем, а из Билифии к северо-востоку от Гераклеополя происходит один из знаменитых «соколов-Нектанебов» [Jenni, 1998, S. 94] (см. об этих изображениях Нектанеба II перед богом Хором главу 1, § 1.1.2). Иными словами, памятники Хора представляют обобщенную картину его деятельности, лишенную внятной хронологии, причем если построения Ж. Горра верны, то описанное в них храмовое строительство возведено к сугубо личной инициативе этого вельможи, как минимум, в неполном соответствии реальности (при царях XXX династии, даже иницируя те или иные работы, он должен был действовать от их имени).

Подводя теперь итог собранным нами сведениям, мы можем, на наш взгляд, констатировать следующее: ни один из частных текстов начала македонского времени не дает оснований для того, чтобы возвести строительство, осуществлявшееся в рамках главных программ этого времени – в Фивах и в Гермополе, – к инициативе жрецов или представителей

элиты этих местных центров. Те работы, которые действительно инициируют лица такого статуса, выглядят более ограниченными по своему масштабу, причем пример деятельности Петосириса показывает, что они, видимо, могли носить подчиненный характер по отношению к строительству в рамках официальной программы. Не стоит переоценивать и то, в какой мере персонажи наших текстов, говоря о строительной деятельности и даже о совершении ими ритуала закладки храмов, стремились нанести ущерб «ритуальной полноценности» царей дома Аргеадов, и, соответственно, насколько эти тексты были проявлениями оппозиционности македонской власти. По сути дела, это справедливо лишь применительно к надписям горобницы Петосириса, который, судя по всему, не принимал их как сакральных правителей принципиально (см. настоящую главу, § 3.4). Вообще же можно сказать, что деятельность в храмах Египта времени Аргеадов распадается на две составляющие: сравнительно масштабное строительство, мотивированное идеологически, и реставрация отдельных построек, в сочетании с поновлением утвари, в том числе и по причине их реального износа (нет оснований не верить в этом свидетельствам, содержащимся, в частности, в надписи Капепхамонту). Понятно, что в первом случае инициативу соответствующих действий и связанные с ними расходы должна была принимать на себя центральная власть страны, а во втором случае – сами храмы, хотя, возможно, и при содействии от государства. Однако едва ли это составляло какую-то специфику раннемакедонского времени, выбиваясь из реальной картины взаимодействия храмов и государства на большем протяжении египетской истории.

3.3. *Античная традиция о Клеомене из Навкратиса и ее древнеегипетские коннотации*

3.3.1. Проблема статуса и характера властных полномочий Клеомена из Навкратиса

Изучение начала македонского времени в Египте невозможно без обращения к личности Клеомена из Навкратиса – как видно по его этникону, уроженца древней общегреческой колонии на западе Дельты Нила [Stähelin, 1921, S. 710—712; Berve, 1926, S. 210—211 (Nr. 210); Heskell, 2006, p. 88—89; об эллинистическом Навкратисе см.: Cohen, 2006, p. 414—416]. Античные источники однозначно указывают на его лидерство в администрации Египта, созданной Александром Великим в 332 г. до н.э., которое сохранялось вплоть до прихода к власти над страной в качестве сатрапа Птолемея, сына Лага (в 323 г. до н.э. он попытался вступить с ним в противостояние, но потерпел в этом поражением и был казнен Птолемеем; см. с подробными отсылками к источникам: [Литвиненко, 1998, с. 156—158]; см. также главу 2, § 2.1). Вместе с тем в античных свидетельствах о Клеомене много неясного: мы не только ничего не знаем о его биографии до македонского завоевания Египта, но, как увидим далее, едва ли можем с полной уверенностью судить о его формальном статусе во главе египетской администрации (прежде всего, о том, носил ли он титул сатрапа). Попытки прояснить этот момент предпринимались не раз, в том числе и крупнейшими исследователями начального периода эллинизма [Andreades, 1929, p. 16-18; Groningen, 1925; 1933, p. 183ff.; Seibert, 1969, S. 39-51; 1972 (1), S. 125—126; 1972 (2); Vogt, 1971; Polanyi, 1977, p. 240-251; Le Rider, 1997]; и если они до сих пор не привели к однозначному результату, то вряд ли он будет достигнут и нами. Наша задача состоит скорее в том, чтобы наметить подходы к решению некоторых спорных вопросов, связанных с личностью и статусом Клеомена, исходя из того, каковы были его практические функции в Египте и какими, судя по источникам, должны были быть его взаимоотношения с Александром и место в элите созданной им державы. Решение этой задачи представляется нам существенным для верной оценки традиции о нем, которая зафиксирована одним из античных источников и восходит, насколько мы можем судить, к оценке этого деятеля находившимися под его управлением египтянами (см. далее § 3.3.2).

Античная традиция дает весьма четкое описание организации Александром Великим управления Египтом в ходе его пребывания в этой стране в 332—331 гг. до н.э. (см. главу 2, § 2.1). Согласно Арриану, формальными заместителями двух частей страны стали Долоасп и Петисис: их Арриан называет «номархами Египта» и считает египтянами по происхождению

(Arr. III. 5.2: δύο μὲν νομάρχας Αἰγύπτου κατέστησεν Αἰγυπτίους, Δολόασπιν καὶ Πέτισιν). Находка в Мемфисе (в зоне некрополя священных животных в Саккара) демотического остракона с именем Петисиса¹ позволяет заключить, что в его «зону ответственности» мог входить Нижний Египет, хотя скоро последовала его отставка, после которой Долоасп стал единственным наместником страны (ibid.). Как мы видим, статус титульных наместников Египта был предоставлен не македонянам и не эллинам. Петисис, как видно по его имени, был точно египтянином, а Долоасп, по предположению Х. Бенгтсона, [Bengtson, 1952, S. 5, Anm. 1] мог быть не египтянином, как думал Арриан, а персом (мнение Х. Бенгтсона повторяет ряд других исследователей: [Yoyotte, 1989, p. 82; Huss, 2001, S. 72, Anm. 10; Chauveau, Thiers, 2006, p. 380; Rowlandson, 2010, p. 238—239]; египтянином Долоаспа считает, не уделяя данному сюжету большого внимания, В. Хекель [Heckel, 2006, p. 115])². При

¹ Данный остракон содержит следующий демотический текст (в транслитерации по: [Smith, 1989, p. 185]):

1.....]3rgstr3s h(.t) (?)
2.....]. P3-di-ist p3 ihštrpny

Очевидно, стк. 1 содержит имя «Александр» – без картуша и благопожелания $\text{'}(nh) w(d3) s(nb)$ («да будет жив, силен, здоров»), что позволило публикатору допустить, что в данном случае в документе упомянуто не царское имя; на наш взгляд, это все же не так (см. такое же мнение: [Bosch-Puche, Moje, 2015, p. 341]). В стк. 2, несомненно, читается собственное имя, древнегреческую транскрипцию которого мы видим у Арриана (PN I. 121 (Nr. 18): *p3-di-3st* «данный Исидой») и демотическая транскрипция иранского титула «сатрап» (см. о данном слове в демотических текстах: DWL 04608; в иероглифических текстах транскрипция слова «сатрап» встречается только применительно к Птолемию в «Стеле сатрапа» – см. главу 2, § 2.4.1). Возможны две интерпретации текста этого остракона, причем степень его сохранности не позволяет предпочесть одну из них. В соответствии с первой сочетание слов в стк. 2 следует читать как «Педиисе сатрап»; в таком случае Петисису было передано по крайней мере на время титульное наместничество надо всем Египтом, о чем не говорит Арриан, либо же его полномочия в зоне его ответственности описывались этим титулом (ср. с титулом *hštrpn t3 št rs* «сатрап южной области» в одном демотическом документе персидского времени: [Smith, 1992, p. 296]). Альтернативная интерпретация состоит в том, что данный остракон представляет собой начало письма («Педиисе – сатрапу» или нечто подобное). Тогда перед нами документ, фиксирующий некое обращение или отношение Петисиса к титульному наместнику Египта – может быть, Долоаспу, если его возвышение оставило Петисиса наместником низшего ранга. Едва ли адресатом этого послания мог быть Клеомен из Навкратиса, письмо к которому, скорее всего, не было бы демотическим текстом.

² При обсуждении нашей публикации о Клеомене из Навкратисе [Ладынин, 2013] нам пришлось встретиться с доводом М.Д. Бухарина против персидской «идентификации» Долоаспа, основанном на том, что в древнеперсидских именах *l не встречается. Признаем в связи с этим, что мнение по данному поводу Г. Бенгтсона и его последователей, действительно, не получило обоснования с позиций лингвистики. Вместе с тем, во-первых, для наших построений в принципе совершенно достаточно того, что это имя очевидно не греческое. Во-вторых, следует учесть, что в данном случае перед нами не аутентичная форма данного имени, а его древнегреческая передача; между тем л известна, в частности, в передаче ряда скифских (не персидских, но иранских!) имен, отражающей свойственный скифскому языку фонетический процесс (см., с отсылками к литературе: [Иванчик, 2009, с. 63 и сл.]). Кроме того, несмотря на слияние в индоиранских языках на раннем этапе *l и *r [Соколов, 1979, с. 244], греческая передача r через л (правда, уже византийская, и не в древне-, а в среднеперсидском личном имени) все же известна: *Ĵurābzīn* - Δολαβζάν [Justi, 1895, S. 8—9]. Финальный же компонент интересующего нас

этом, по мнению А.Б. Босворта, к этим сановникам были приставлены в качестве специальных «наблюдателей» некие Эсхил и Эфипп, сын Халкидея (*Arr.* III. 5.3; cf. *Curt.* IV. 8.4) [Bosworth, 1980, p. 276]. Помимо этого, в Египте было создано командование введенными туда воинскими контингентами, естественно, укомплектованное македонянами. Назначенные Александром начальники стояли во главе двух групп войск, занимавших, очевидно, две части страны (согласно Арриану, ими были Певкест сын Макартата во главе войск, занимавших Мемфис³ и, очевидно, север страны, и Балакр сын Аминты – во главе войск, видимо, размещенных на юге⁴; *id.* 5), нильской флотилии (Полемон сын Ферамена; *Arr.*, *Curt.* *ibid.*), двух важнейших крепостей – Мемфиса и Пелусия (соответственно, гетайры Панталеонт из Пидны и Полемон сын Мегакла из Пеллы; *Arr.* *id.* 3). Кроме того, отдельное командование было учреждено для военных контингентов, которые были обозначены Аррианом термином ξένοι и, по мнению некоторых исследователей, вобрали в себя военных поселенцев прежней ахеменидской службы в Египте, будучи предшественниками κάτοικοι эллинистического времени (их возглавил этолиец Ликид; *ibid.*) [Schachermeyer, 1973, S. 238, Anm. 263; Bosworth, 1980, p. 275]. Очевидно, что именно полномочия македонских и греческих военачальников и представляли реальную силу и власть в Египте, вошедшем во владения Александра. Вообще же, согласно Арриану, разделение власти над Египтом между целым рядом функционеров объяснялось тем, что, будучи поражен природными особенностями этой страны и ее естественной защищенностью, Александр опасался доверить управление ею единоличному наместнику (*Arr.* *id.* 7).

По сути дела, в особые административные округа Египта Александром были выделены приграничные районы «Ливии» (крайняя северо-западная область Египта, которая стала осваиваться с основанием Александрии и была включена в систему египетских номов по

имени -αοτις - имеет надежную этимологию в древнеперсидском aspa- «лошадь» [Kent, 1950, p. 173]. В качестве полного древнеперсидского (или неперсидского иранского?) соответствия древнегреческой передаче Δολόασπις можно было бы предположить нечто подобное словосочетанию Dāraya- + aspa- (по аналогии с ахеменидскими именами Dārayava^hu-«Держащий добро», Vištāspa- «Тот, у кого наготове лошади»: [Kent, 1950, p. 189, 209]). Разумеется, автору настоящей работы, не имеющему специальной подготовки ираниста, трудно настаивать на данном предположении.

³ Судя по находке в Саккара папируса с краткой фиксацией его приказа о запрете входить в жреческое помещение, который, очевидно, был адресован воинам, расквартированным в районе некрополя священных животных (см. настоящую главу, § 3.2, прим. 24).

⁴ По мнению Берве, эти группировки были размещены соответственно в Нижнем и Верхнем Египте [Berve, 1926, S. 260]. Возможно, более прав Бенгтсон, считавший, что, как и ранее на протяжении I тыс. до н.э., они соответствовали военно-административному делению страны на Фиваиду и Северный Египет (с границей, проходящей между ними в районе эль-Хибе) [Bengtson, 1952, S. 9]. Логично считать, что в этом случае таким же могло быть и территориальное разграничение полномочий Петисия и Долоаспа.

крайней мере ко времени первых Птолемеев; cf. pRev. Laws. Col. 31a) и «Аравии у Герополя» (cf. *ibid.* - XX ном Нижнего Египта) [Helck, 1972, S. 170ff., 197ff., 212 (Karte 12)]. Во главе первого из этих округов был поставлен Аполлоний сын Харина, во главе второго – Клеомен из Навкратиса (*Arr.* III. 5.4: Λιβύης δὲ τῆς προσχωρῶν ἄρχειν δίδωσιν Ἀπολλῶνιον Χαρίνου, Ἀραβίας δὲ τῆς πρὸς Ἡρώων πόλει Κλεομένην τὸν ἐκ Ναυκρατίας) [Bosworth, 1980, p. 276-277]⁵. При этом уже на данном этапе, согласно Арриану, управителю Аравии был поручен сбор податей с номархов, которым было вверено управление их «номами» согласно прежним обычаям Египта (*id.*: καὶ τοῦτω (Κλεομενῷ – *И.Л.*) παρηγγέλλετο τοὺς μὲν νομάρχας ἔαν ἄρχειν τῶν νομῶν τῶν κατὰ σφᾶς καθάπερ ἐκ παλαιοῦ καθειστήκει). Как представляется, правы исследователи, которые считают, что в данном контексте «номархи» - это упомянутые выше Петисис и Долоасп, а «номы», соответственно, - вверенные им части страны [Badian, 1965, p. 171—172]⁶. В таком случае уже со времени пребывания Александра в Египте Клеомен из Навкратиса был поставлен над формальными наместниками страны в качестве ее главного финансового администратора. Это, безусловно, стало предпосылкой для его дальнейшего возвышения вплоть до первенствующего положения в администрации Египта при Александре.

Другой предпосылкой для этого стала, без сомнения, деятельность Клеомена по сооружению и заселению Александрии Египетской. Античная традиция указывает вполне определенно, что эта задача была прямо поручена Клеомену Александром (*[Arist.] Oec.* II. 33c: Ἀλεξάνδρου <τε> τοῦ βασιλέως ἐντειλαμένου αὐτῷ οἰκίσαι πόλιν πρὸς τῇ Φάρῳ...; характерно, что сам этникон Клеомена у Псевдо-Аристотеля – «александриец», а не «навкратиец»: *id.* 33a: Κλεομένης Ἀλεξανδροῦς Αἰγύπτου σατραπεύων...; cf. *Iust.* XIII. 4.11: *cui ad tradendam provinciam Cleomenes, qui Alexandriam aedificaverat, datur*)⁷. То, что

⁵ Ср. о «либиархии» птолемеевского времени: *Polyb.* XV. 25. 12 [Bengtson, 1952, S. 157]; о полномочиях «арабархов»: *OGIS.* II. 256-258. Данные административные институты обнаруживают сходство с полномочиями управителей «Ливии» и «Аравии» эпохи Александра и, возможно, восходят именно к ним.

⁶ По мнению Ж. Йойотта [Yoyotte, 1989, p. 81—82], полномочия Петисиса и Долоаспа прямо восходили к полномочиям т.н. *сенти*, возглавлявших экономическую администрацию трех частей Египта в середине IV в. до н.э. Это весьма вероятно, т.к. при фактическом изъятии из компетенции Петисиса и Долоаспа военной сферы им оставалось, по существу, руководство государственным хозяйством (об их причастности к этому очевидно говорит их подчинение Клеомену в сфере финансов). В то же время их формальный статус высших администраторов страны должен был предполагать, что по крайней мере теоретически их контролю подлежит более широкая сфера, чем только экономика.

⁷ В «версии А» «Романа об Александре» Клеомен из Навкратиса представлен участником основания города (более того, советчиком царя в связи с этим: *Hist. Alex. Magni*, A. I. 31.5). Едва ли это свидетельство достоверно: оно не находит подтверждения ни в одном из описаний основания Александрии у историков Александра (см. об этом эпизоде в целом: [Fraser, 1972, vol. 1, p. 3—7; vol. 2,

строительство Александрии стало делом человека, контролировавшего финансы Египта, достаточно естественно⁸; напомним, однако, что администратором района Александрии был исходно не Клеомен, а Аполлоний сын Харина (см. выше). Хотя Курций Руф и уточняет, что Клеомену с самого начала был доверен сбор налогов и с областей, управлявшихся Аполлонием (*Curt.* IV. 8.5), все же очевидно, что эта функция не тождественна прямому управлению соответствующими территориями (без чего градоосновательная деятельность на них была бы невозможна). Видимо, управление районом Александрии должно было с определенного момента уйти из полномочий Аполлония и перейти к Клеомену, причем, исходя из того, что вообще известно о последнем, весьма вероятно, что это стало результатом какой-то интриги (возможно, сначала фактического оттеснения Аполлония от этих функций, а затем уже формального их закрепления царем за Клеоменом). Причины, по которым Клеомен стремился к руководству возведением и заселением Александрии, очевидны: эта миссия выводила его на прямой контакт с царем, причем контакт весьма значимый, поскольку сооружение этого города без сомнения было для Александра своего рода «личным проектом». В связи с этим показательно, что на исходе своей жизни Александр поручает Клеомену в известном смысле еще более «личное» дело – возведение в Александрии храмов Гефестиона. Согласно сообщению Арриана (см. о вероятной зависимости данного сообщения Арриана от труда Птолемея об Александре: [Hammond, 1993, p. 304—305]), Александр в последний год своей жизни, после того как оракул Аммона санкционировал установление героических почестей Гефестиону (*Arr. Anab.* VII. 23.6), прислал Клеомену – «человеку худому, натворившему много несправедливостей в Египте» (*ibid.*: ἀνδρὶ κακῷ καὶ πολλὰ ἀδικήματα ἀδίκησαντι ἐν Αἰγύπτῳ) – повеление позаботиться об установлении этого культа в Александрии (*id.* 7-8), с обещанием в таком случае простить Клеомену все прежние и будущие проступки (*id.* 8: εἴ τί τι πρότερον ἡμάρτηκας, ἀφήσω σε τούτου, καὶ τὸ λοιπόν, ὅπηλίκον ἂν ἀμάρτης, οὐδὲν πείση ἐξ ἐμοῦ ἄχαρι). Подробное (по мнению Арриана – мелочное) перечисление почестей, которые надлежало воздать Гефестиону – вплоть до требования александрийским купцам пользоваться перстнями-печатами с его изображением – наводит на мысль о Клеомене как о хорошем проводнике царской воли, в том числе и когда она обременительна для подданных, и о

р. 1—12]). Скорее, традиция «Романа...» делает Клеомена его участником исходя из его последующей хорошо известной роли в становлении этого города; см. также наше следующее примечание.

⁸ В «версии В» «Романа...» Александр, обязывая египтян платить ему дани, прежде собиравшиеся в пользу Дария, говорит, что цель этого – не его обогащение, а строительство на их земле города, который станет столицей всего обитаемого мира (*id.*, *rec.* β'. I. 34). Очевидно, что эти слова представляют собой аллюзию именно на фискальную деятельность Клеомена, представляющуюся уже неразделимой с сооружением Александрии.

том, что Александр ценил его «эффективность» именно в такого рода делах. Однако следствием подобного положения Клеомена с неизбежностью становилась стать столь прочная «ассоциация» его с Александром и делами последнего в Египте, что отношение египтян к Клеомену должно было включать реакцию не только собственно на его мероприятия, но и, шире, вообще на плюсы и минусы начала македонского владычества над их страной (см. настоящую главу, § 3.3.2).

Наконец, еще один весьма важный нюанс в полномочиях Клеомена из Навкратиса состоял в том, что их общепризнанной основой, придавшей этому деятелю немалую одиозность, была сфера хозяйства и финансов. Особенное место в ней занимало развитие хлебной торговли Египта. Сама миссия Клеомена по обустройству Александрии предполагала, согласно «Экономике» Псевдо-Аристотеля (см. об этом источнике подробнее § 3.3.2), концентрацию в новом городе морской торговли (*[Arist.] Oec. II. 33c*), а некоторые стратагемы по извлечению дохода, приписываемые в этом источнике Клеомену, связаны с экспортом египетского хлеба (*id. 33a, e*). Об усилиях Клеомена, направленных на создание для этой цели инфраструктуры за пределами Египта и на извлечение из хлебного экспорта максимальной выгоды, говорит и речь «Против Дионисодора» (*[Demosth.] XLVI. 8*). Как мы помним, даже в связи с почестями, которые Клеомен должен был воздать умершему Гефестиону, Александр, согласно Арриану, специально оговорил, что одна из них будет состоять в использовании перстней-печатей с его изображениями купцами при оформлении их договоров в Александрии (*Arr. VII. 23.7*). Подобный характер деятельности Клеомена привел исследователей даже к обсуждению вопроса о том, был ли он «финансовым гением» своего времени [*Seibert, 1969, S. 44; Polanyi, 1977, p. 243*] или же его действия, напротив, заслуживают в этом отношении некоей критики [*Vogt, 1971; cf. Le Rider, 1997, p. 72*].

Не включаясь в это обсуждение (и не будучи уверены в его плодотворности), мы в то же время должны сказать, что сама постановка подобного вопроса, может быть, не очень заметно, но достаточно тесно связана с вопросом о целях приобретения Александром Великим Египта. В литературе уже давно высказывалось мнение, что одной из этих целей было установление контроля за крупнейшим в Средиземноморье центром хлебного экспорта, при том что второй важнейший в IV в. до н.э. путь поступления зерна в полисы Балканской Греции – через Черноморские проливы из Северного Причерноморья – прочно контролировался уже отцом Александра [*Cohen, 1931; cf. Seibert, 1972 (1), S. 111*]. Концентрируя в своих руках контроль над путями и отчасти над источниками поступления хлеба в греческие полисы, Александр тем самым значительно усиливал в них свое политическое влияние⁹. В таком случае значение

⁹ См. о роли этого фактора в политике эллинистических правителей: [Трофимова, 1961, с. 59 сл.]/

деятельности Клеомена для Александра должно было определяться не только «личным», субъективно важным для него аспектом обустройства Александрии Египетской, но и не менее значимыми объективными экономическим и политическим аспектами этого. Разумеется, важна была и деятельность Клеомена как организатора налогообложения Египта и, соответственно, больших поступлений в общеимперскую казну; однако как раз она едва ли предопределила бы особый персональный контакт между Клеоменом и Александром. При этом, однако, Клеомен оказывался в своеобразном положении администратора (к тому же не просто главы хозяйства и финансов крупного региона, а его фактического правителя), не имеющего практически никакого отношения к военной сфере и «специализирующегося» на сугубо меркантильных делах, – и это в государстве, в котором военные заслуги по преимуществу определяли положение людей при особе царя и их право на занятие видных постов в государственной иерархии¹⁰. Эта особенность положения Клеомена, несомненно, предопределяла для него некоторое «аутсайдерство» среди других высших сановников державы Александра, которое и не замедлило сказаться после смерти царя, когда о сохранении за Клеоменом высшего статуса в администрации Египта не велось и речи. Было бы ошибкой думать, что данная особенность могла остаться незаметной для тех, кто наблюдал македонский «истэблишмент» времени Александра хотя и несколько со стороны, но все же в неизбежно тесном соприкосновении с ним, – для египтян. При прочной, как мы говорили, «ассоциации» Клеомена с делами Александра в Египте и вместе с тем при его «аутсайдерстве» по отношению к военному окружению царя, он оказывался не только естественной, но и весьма удобной мишенью для недовольства египтян новым этапом чужеземного господства над их страной (см. далее § 3.3.2).

Охарактеризовав важнейшие черты фактических полномочий Клеомена из Навкратиса в Египте, мы подходим теперь к вопросу о его формальном статусе, который, как мы уже говорили, сложен в решении. Как мы видели, находясь в Египте, Александр Великий не назначил Клеомена на должность сатрапа этой страны; однако сообщения ряда источников звучат в том смысле, что он ее все же занимал (см. подробнее ниже). Ряд исследователей считает, что Клеомен стал сатрапом Египта уже после отбытия Александра Великого из Египта, то ли присвоив его себе самостоятельно и поставив Александра перед свершившимся фактом [Vogt, 1971], то ли получив его от царя в какой-то неизвестной нам ситуации [Groningen, 1925, p. 111—113 (по мнению данного автора, ради большей эффективности миссии Клеомена по

---

¹⁰ В отличие от Клеомена, даже знаменитый Гарпал был все же вписан в круг с македонской военной знати своим прямым родством с Аргеадами, хотя физическая неспособность делала его непригодным для чисто военной карьеры: [Heckel, 2006, p. 129].

сооружению Александрии); Seibert, 1969, S. 43]¹¹. На наш взгляд, уязвимы обе эти версии. Первую из них – узурпацию Клеоменом титула сатрапа – следует, как кажется, отвести уже по тому соображению, что Александр менее всего был правителем, которого было возможно поставить перед свершившимся фактом, в особенности в вопросе управления столь значимой территорией, как Египет¹². Что касается второй версии, то, на наш взгляд, есть все основания присоединиться к вопросу, который задает Ж. Ле Ридер [Le Rider, 1997, p. 75]: с какой целью Александр стал бы повышать статус Клеомена? В самом деле, нет серьезных оснований думать, что задачи, поставленные Александром перед Клеоменом в связи с организацией экономики Египта и сооружением Александрии, не могли быть выполнены в рамках полномочий, которые, как мы знаем об этом достоверно, были предоставлены ему царем в этих сферах. В то же время мы помним указание Арриана о нежелании Александра допускать концентрацию власти над этой страной в одних руках (см. выше): наделение Клеомена формализованным статусом единоличного наместника Египта по инициативе Александра было бы немыслимо без отказа от таких соображений. Собственно говоря, статус наместника Египта (исходно не единоличный, но в итоге ставший таковым вопреки замыслу Александра) предусматривался при организации управления Египтом в полномочиях «номархов» Петисиса и Долоаспа. Как мы помним, последний в итоге стал единственным титульным наместником Египта; и, скорее всего, именно один из этих сановников был обозначен как «сатрап» в демотическом остраконе времени Александра из Саккара (см. наше прим. 1). То, что данный статус был придан Александром не македонянину или греку, а людям Востока, несомненно, не случайность, а обдуманый шаг, который можно объяснить, с одной стороны, стремлением продемонстрировать самоотстранение завоевателей от формально высшей должности в Египте, а с другой – все же ограничить ее обладателей в их реальной власти (понятно, что уроженцы Востока не распоряжались бы размещенными в Египте македонскими контингентами). В таком случае

---

¹¹ Показательным образом, суждений по данному вопросу не высказывает автор обобщающей работы о сатрапиях времени Александра и диадохов Х. Клинкотт. В ней он говорит о Клеомене как о сатрапе [Klinkott, 2000, S. 19] и даже показывает графически в одной из таблиц, что тот должен был соединить в своих руках полномочия, принадлежавшие исходно «номарху» Долоаспу и управителю района Александрии Аполлонию [Klinkott, 2000, S. 79], однако от того, чтобы пояснить повествовательльно, как именно это должно было произойти, он воздерживается.

¹² Этого же мнения придерживается Я. Зайберт, который считает, что Клеомен сумел настоять перед Александром на повышении его статуса, опираясь при этом на собственные наемные отряды (именно их обеспечением ему, по мнению данного автора, пришлось заниматься согласно одному из сообщений «Экономики» Псевдо-Аристотеля: [Arist.] Оес. II. 39) [Seibert, 1969, S. 43—44]. Такая возможность маловероятна, если судить по ситуации, в которой Клеомен оказался при вступлении во власть над Египтом Птолемея в 323 г. до н.э.: тогда на его сторону встала лишь очень небольшая группа войск, находившихся вместе с ним в Мемфисе [Литвиненко, 1998, с. 158—159]. Гибельный для Клеомена исход этого противостояния как нельзя лучше показывает, что его наемные войска, во всяком случае, не были бы реальной угрозой для армии державы Аргеадов.

передача статуса сатрапа Клеомену была бы весьма значимым отступлением Александра от этой политики.

Как мы уже сказали, основанием для постановки вопроса о наличии у Клеомена этого статуса служат свидетельства ряда источников. Так, Павсаний говорит об убийстве Птолемеем Клеомена, которого назначил «осуществлять в Египте власть сатрапа» Александр (*Paus.* I.6.3: αὐτὸς δὲ ἐς Αἴγυπτον διαβὰς Κλεομένην τε ἀπέκτεινεν, ὃν σατραπεύειν Αἰγύπτου κατέστησεν Ἀλέξανδρος). Сходное описание властных полномочий Клеомена при помощи глагола *σατραπεύω* мы видим в начале сообщения о нем трактата Псевдо-Аристотеля (*[Arist.]* *Οес.* II. 33a: Κλεομένης Ἀλεξανδρεὺς Αἰγύπτου σατραπεύων...). О «сатрапии» Клеомена, полученной им от Александра, говорится в связи с его подчинением новому сатрапу Египта Птолемею после смерти Александра в сообщениях Арриана и Дексиппа, известных в передаче Фотия (*Arr. Succ.* 1.5: Κλεομένης δὲ ὁ ἐξ Ἀλεξάνδρου τῆς σατραπείας ταύτης ἄρχειν τεταγμένος Πτολεμαίῳ ὑπαρχος εἶναι; *Dexippus.* *FGrHist.* 100. F. 8, § 2: ὁ δὲ τῷ βασιλεῖ Ἀλεξάνδρῳ ἐπὶ τῇ σατραπείᾳ ταύτῃ τεταγμένος Κλεομένης ὑπαρχος Πτολεμαίῳ ἀποκατέστη). В связи с этими свидетельствами мы хотели бы обратить внимание на несколько моментов. Прежде всего, мы видим в них не термин «сатрап» (*σατράπης*) как таковой, а лишь производные от него (формы глагола *σατραπεύω* и слово *σατραπεία*), описывающие власть Клеомена. В ряде свидетельств его статус в Египте описан без употребления и этих терминов (*[Demosth.]* *LVI.* 7: Κλεομένους τοῦ ἐν Αἰγύπτῳ ἄρχαντος; *Hist. Alex. Magni,* A. III. 19: Κλεομένην Αἰγύπτου ἐπιμελητήν); при этом титул сатрапа ни разу не приписан ему в таком знаменитом своей достоверностью источнике, как «Анабасис» Арриана¹³. Далее, стоит обратить внимание на смысловой и отчасти исторический контекст сообщений, в которых статус Клеомена описывается при помощи производных от слова «сатрап». В случае «Экономики» Псевдо-Аристотеля это описание типа т.н. «сатраповской экономики» (см. далее § 3.3.2); соответственно, употребление глагола *σατραπεύω* при описании деятельности Клеомена здесь в какой-то мере может быть продиктовано ее соответствием именно этой хозяйственной модели. Что же касается сообщений Павсания, а также Арриана и Дексиппа,

¹³ Теоретически умолчание о наличии у Клеомена статуса сатрапа в «Анабасисе» Арриана можно было бы объяснить враждебностью к нему автора одного из первоисточников этого произведения – Птолемея Сотера, столкнувшегося с Клеоменом при своем утверждении в Египте в конце 320-х гг. до н.э. (см. выше мнение Н. Хэммонда об аутентичности труду Птолемея сообщений VII книги Арриана о Клеомене). Вместе с тем, учитывая, что свое произведение Птолемей писал спустя не столь долгий срок со времени Александра, подобное искажение реальности могло не достигнуть своей цели, столкнувшись с критикой со стороны тех, кто помнил реальный статус Клеомена.

которых цитировал Фотий, они посвящены установлению власти над Египтом Птолемея, который, как мы знаем наверняка, носил титул сатрапа этой страны. Соответственно, Клеомен упоминается здесь не просто как управитель Египта, подчиненный македонскому царю, а именно как предшественник в этом качестве Птолемея, причем ставший теперь его подчиненным как сатрапа в должности гипарха (об этом говорят Арриан и Дексипп; ср. *Iust.* XIII.4.14). Как видно, в данном контексте полномочия Клеомена при Александре тесно соотнесены с последующим статусом Птолемея как сатрапа Египта; поэтому не было бы удивительно, если бы данное обозначение было перенесено на прежние полномочия Клеомена независимо от того, как они на самом деле определялись формально, так сказать, «по аналогии» с Птолемеем. Кроме того, схождения между этими цитатами, приведенными Фотием, столь существенны, что должны объясняться либо связью между соответствующими произведениями (зависимостью их обоих от общего первоисточника или использованием труда Арриана более поздним автором Дексиппом [Schwartz, 1905]), либо же сходной перефразировкой тематически близких сообщений самим Фотием. Понятно, что, если мы имеем дело с последним, то сам термин *σατραπεία*, как описание власти Клеомена над Египтом, может исходить от эпитоматора; и в таком случае его соответствие реальному статусу Клеомена достаточно проблематично.

В этой связи нам хотелось бы обозначить следующий вопрос, выходящий за рамки нашей непосредственной темы: обязательно ли считать производные от термина «сатрап» *termini technici* для обозначения соответствующего формального статуса, или же они могут использоваться и иначе, как, скорее, описательная характеристика единоличной административной власти над тем или иным регионом, независимо от формального статуса ее обладателя? Надо сказать, что в недавней обобщающей работе Х. Клинкотта, посвященной институту сатрапов в Ахеменидской державе, этот вопрос не ставится в явной форме; однако можно понять, что ее автор скорее исходит из того, что и термин «сатрап» и производные от него в античных источниках обозначают соответствующий формальный статус. Если же источники дают основания понять этот термин иначе, то речь идет не о вариации в его значении, а скорее о неверном его употреблении в значении, которое корректно передается термином «гипарх» [Klinkott, 2005, S. 28—37, bes. 35—36 und Anm. 22 (о «сатрапском» статусе наместника Эолиды Зения и даже его жены Мании)]. В отечественном антиковедении примерно такого же мнения о значении термина «сатрап» придерживается Э.В. Рунг; между тем в недавней публикации он обратил внимание на его применение к управителям как больших объединений, включавших в себя по несколько сатрапий (например, Кира Младшего, бывшего в 407—401 гг. «сатрапом» сразу Лидии, Великой Фригии и Каппадокии), так и

территориальных единиц внутри сатрапий. По мнению Рунга, попытки выделить четко разграниченные «этажи» в административной иерархии державы Ахеменидов и соотнести корректное употребление термина «сатрап» лишь с одним из них были бы искусственны: как он говорит, «разумнее предположить, что одни сатрапы руководили другими сатрапами на основании особых полномочий, предоставляемых царем» [Рунг, 2012, с. 31]. Заметим, однако, что такое допущение само по себе выводит употребление термина «сатрап» за пределы обозначения наместников основных территориальных округов державы Ахеменидов и придает ему значение термина, относящегося к любым чиновникам, поставленным над той или иной территорией. В то же время в адресованном нам частном письме Э.В. Рунг обратил внимание на сообщение Ксенофонта о Мании – жене подчиненного Фарнабаза правителя Эолиды Зения, должность которого была определена как «сатрап» (*Xen. Hell. III. 1.10*). Это обозначение имело ввиду управление небольшим округом, выделенным внутри, так сказать, «стандартной» сатрапии, что, в частности, побудило Х. Клинкотта считать его употребление ошибкой Ксенофонта [Klinkott, 2005, S. 35—36 und Anm. 22]¹⁴. После смерти мужа Мании «Фарнабаз признал справедливым, чтобы его жена осуществляла власть сатрапа» (*id. 12: ὁ Φαρνάβαζος ἔγνων δεῖν τῆν γυναῖκα σατραπεύειν*), коль скоро она выразила готовность исправно собирать и передавать Фарнабазу подати, положенные с Эолиды, как это делал ее муж. Затруднение, порождаемое терминологией этого сообщения, очевидно: если статус Зения как сатрапа может быть признан реальным, исходя из того расширительного истолкования этого термина, которое предлагает Э.В. Рунг, то Мания, будучи женщиной, вряд ли вообще могла быть наделена данным титулом, так сказать, «всерьез». Собственно говоря, мы и не видим в данном фрагменте употребления по отношению к Мании как таковых титулов «сатрап» или «гипарх», по достаточно полной аналогии с Клеоменом из Навкратиса. Между тем, смысл данного сообщения ясен: независимо от формальной стороны дела, речь в нем идет об исполнении Манией обязанностей по управлению соответствующей территорией и, в частности, по сбору с нее доходов (именно это в первую очередь входило в обязанности Клеомена в Египта, чья деятельность рассматривалась с небольшой временной дистанции в «Экономике» Псевдо-Аристотеля как один из примеров «сатраповской экономии»). Не следует ли в таком случае заключить, что и термин «сатрап» и производные от него могут в

¹⁴ Х. Клинкотт обращает внимание, что далее Ксенофонт именуется вдову и преемницу Зения Манию «правильным» в этом контексте термином «гипарх» (*Xen. Hell. III. 1.12*). Заметим, кстати, что здесь Клинкотт серьезно ошибается: Ксенофонт не называет Манию «гипархом», а лишь говорит, что при визитах Фарнабаза в ее владения она принимала его много лучше и любезнее всех прочих гипархов (*καὶ ὁπότε ἐκεῖνος εἰς τὴν χώραν καταβαίνοι, πολὺ πάντων τῶν ὑπάρχων κάλλιστα καὶ ἤδιστα ἐδέχετο αὐτόν*).

древнегреческих источниках IV в. до н.э. служить все же характеристикой фактической власти единоличного администратора над той или иной территорией, даже независимо от ее формального статуса, и что именно с таким словоупотреблением мы сталкиваемся в ряде сообщений о Клеомене из Навкратиса?

На этом допущении мы завершим наши наблюдения над античной традицией о положении этого деятеля времени Александра во главе Египта. Как уже было сказано, эти наблюдения так или иначе едва ли позволят решить вопрос о формальном статусе Клеомена однозначно. В то же время принципиально важны, на наш взгляд, специализация Клеомена на хозяйственно-финансовой сфере, не столь уж типичная в элите державы Александра и связанное с этим его «аутсайдерство» среди делавших в ней погоду военачальников. Думается, эти факторы определили несравненно большую зависимость Клеомена от расположения македонского царя, чем может показаться из сообщений источников.

3.3.2. «Стратегемы» Клеомена из Навкратиса в Псевдо-Аристотелевой «Экономике» и древнеегипетская традиция

Как мы видели в предыдущем разделе, античная традиция об управлении Египтом при Александре и о роли, которую играл в нем Клеомен из Навкратиса, сравнительно скупа на детали; однако и из нее можно вывести общее впечатление о его жесткости и готовности не считаться с препятствиями, в том числе моральными, при осуществлении своих полномочий (что, однако, не побуждало Александра расстаться с ним в его качестве главы администрации Египта). Вместе с тем существует комплекс античных свидетельств о Клеомене, в котором это же впечатление о нем формируется при помощи особенно красочных сюжетов с его участием; и в них, как нам представляется, можно обнаружить прямое влияние египетской традиции. Это сообщения о Клеомене из Навкратиса, содержащиеся в посвященном ему пространном пассаже «Экономики» – трактата, который приписывался Аристотелю, но, как считается сейчас, объединяет три произведения перипатетической школы, появившиеся в последней четверти IV в. до н.э. [Groningen, 1933, p. 183—193, 204—205; Le Rider, 1997, p. 71; Аристотель, 1969, с. 217; Zoepffel, 2006, S. 626—629, 633; см. также: Wilcken, 1901; Жебелев, 1937, Eddy, 1961, p. 268—270, 309].

II книга «Экономики», к которой и относятся сообщения о Клеомене, представляет собой в структуре этого текста отдельный трактат, посвященный характеристике четырех типов «экономий» ([*Arist.*] *Оес.* II. 1 ff.), т.е. систем финансового управления и извлечения дохода, – «царской», «сатраповской», «полисной» и «частной» (id. 2: Οἰκονομίαι δὲ εἰσὶ τέτταρες... βασιλική, σατραπική, πολιτική, ἰδιωτική)¹. Эта характеристика, если не считать краткого обобщающего описания этих четырех хозяйственных систем в начале трактата, дается посредством конкретных примеров, относящихся к каждой из них, – анекдотов, в которых описываются направленные на извлечение прибыли ухищрения деятелей всех четырех систем. Описание финансовых ухищрений Клеомена (id. 33, 39), как и соседствующие с ним сообщения о стратегемах других наместников Ахеменидов и Александра (id. 31—32, 34, 38), формируют представление об арсенале «сатраповской экономии».

Согласно одному из этих сообщений, «когда он (Клеомен – *И.Л.*) переплывал тот ном, божеством которого является крокодил»², этим животным был схвачен его раб; после этого,

¹ По мнению ряда исследователей, этот трактат был создан в Селевкидском государстве или в начале его истории, ок. 300 г. до н.э. [Descat, 2003, p. 154], или в царствование Антиоха I [Aperghis, 2004, p. 135].

² В данном случае речь идет, несомненно, не о каком-то из двух «больших» номов, на которые Египет был разделен при установлении формального наместничества Петисиса и Долоаспа (см. настоящую

объявив местным жрецам, что он подвергся нападению и собирается покарать за это крокодилов, Клеомен велел открыть на них охоту и отступился от своего намерения, лишь когда жрецы заплатили ему, «собрав сколько смогли золота» (здесь и ниже цитируется перевод Г.А. Тароняна [Аристотель, 1969, с. 235—236])³. Второе сообщение, примыкающее к предыдущему, рассказывает о намерении Клеомена во время сооружения Александрии переместить туда из района Канопского русла торговый порт и переселить «жрецов и тех, кто владеет там имуществом». Получив мзду за отказ от этого намерения, Клеомен затем вернулся с требованием внести дополнительную сумму, составляющую «разницу в том, чтобы торговый порт был здесь, а не там»; когда жрецы и жители порта ответили, что не смогут этого сделать, он все-таки переселил их⁴. Третье сообщение говорит о том, что Клеомен сообщил египетским жрецам о чрезмерности расходов страны на храмы и необходимости «закрыть некоторые храмы и распустить большую часть жрецов». Тогда жрецы «каждый лично и все сообща, отдали храмовые деньги, так как думали, что он действительно собирается сделать это, а каждый хотел, чтобы и храм его оставался у них, и сам он оставался жрецом»⁵.

Как заметно из самих этих сообщений, приписанные в них Клеомену приемы, как правило (если не считать не очень ясного в этом смысле эпизода с охотой на крокодилов), не служат его личной выгоде, а нацелены на наращивание доходов государства, вернее одной из

главу, § 3.3.1), а об одной из традиционных мелких единиц территориального деления (*cf.* [Helck, 1972]). Судя по употребленному здесь глаголу, среди номов, где существовало почитание крокодила, в данном случае должен иметься в виду не Фаюм, перемещение внутри которого скорее было бы сухопутным, а какой-то из номов долины Нила, в котором течение реки действительно можно было «переплыть» (может быть, 6-й верхнеегипетский ном, где крокодил чтился под именем *Ykr* и его изображение помещалось на номовый штандарт; о номах, где чтились крокодилы, см.: [Kákosy, 1980, S. 801—811]). По мнению ряда исследователей, номом, о котором идет речь, был именно Фаюм: [Groningen, 1933, p. 185; Eddy, 1961, p. 270 (С. Эдди ошибочно считает, что в данном сообщении прямо упоминается Крокодилополь)].

³ [Arist.] *Оес.* II. 2.33b: Διαπλέοντος δ' αὐτοῦ τὸν νομόν, οὗ ἔστι θεὸς ὁ κροκόδειλος, ἠρπάσθη τις τῶν παίδων αὐτοῦ. Καλέσας οὖν τοὺς ἱερεῖς ἔφη πρότερος ἀδικηθεὶς ἀμύνεσθαι τοὺς κροκοδείλους, καὶ προσέταξε θηρεῦειν αὐτούς. Οἱ δὲ ἱερεῖς, ἵνα μὴ ὁ θεὸς αὐτῶν καταφρονηθῆ, συναγαγόντες ὅσον ἠδύναντο χρυσίον ἔδοσαν αὐτῶ καὶ οὕτως ἐπαύσατο

⁴ Id. 33c: Ἀλεξάνδρου <τε> τοῦ βασιλέως ἐντειλαμένου αὐτῶ οἰκίσαι πόλιν πρὸς τῇ Φάρῳ καὶ τὸ ἐμπόριον τὸ πρότερον ὃν ἐπὶ τοῦ Κανώβου ἐνταῦθα ποιῆσαι, καταπλεύσας εἰς τὸν Κανώβον πρὸς τοὺς ἱερεῖς καὶ τοὺς κτήματα ἔχοντας ἐκεῖ ἐπὶ τούτῳ ἦκειν ἔφη ὥστε μετοικίσαι αὐτούς. Οἱ <δὲ> ἱερεῖς καὶ οἱ κάτοικοι εἰσενέγκαντες χρήματα ἔδωκαν ἴν' ἔᾳ κατὰ χώραν αὐτοῖς τὸ ἐμπόριον. Ὁ δὲ λαβὼν τότε μὲν ἀπηλλάγη, εἶτα δὲ καταπλεύσας, ἐπεὶ ἦν εὐτρεπῆ αὐτῶ τὰ πρὸς τὴν οἰκοδομίαν, ἤτει αὐτοὺς χρήματα ὑπερβάλλον τῶ πλήθει· τοῦτο γὰρ αὐτῶ τὸ διάφορον εἶναι, τὸ αὐτοῦ εἶναι τὸ ἐμπόριον καὶ μὴ ἐκεῖ. Ἐπεὶ δ' οὐκ ἂν ἔφασαν δύνασθαι δοῦναι, μετῴκισεν αὐτούς.

⁵ Id. 33f: Τοὺς τε ἱερεῖς καλέσας ἔφησε πολὺ τὸ ἀνάλωμα ἐν τῇ χώρᾳ γίνεσθαι εἰς τὰ ἱερά· δεῖν οὖν καὶ τῶν ἱερῶν τινα καὶ τῶν ἱερέων τὸ πλῆθος καταλυθῆναι. Οἱ δὲ ἱερεῖς καὶ ἰδίᾳ ἕκαστος καὶ κοινῇ τὰ ἱερά χρήματα ἐδίδοσαν, οἰόμενοι τε αὐτὸν τῇ ἀληθείᾳ τοῦτο ποιεῖν, καὶ ἕκαστος βουλόμενος τὸ τε ἱερόν τὸ αὐτοῦ εἶναι κατὰ χώραν καὶ τὸς ἱερέυς.

его частей, вверенной Клеомену. Стоит обратить внимание и на еще один момент: эти приемы, будучи по существу проявлением изобретательности и авантюриности Клеомена, с формальной точки зрения, не были чистым произволом. В каждом из трех случаях, о которых мы сказали, он использовал в своих целях некую ситуацию, которая утрировалась им, но, в общем, не была им надумана. Так, сохранение старых египетских центров морской торговли действительно должно было идти вразрез с царской волей о ее сосредоточении в Александрии; непроизводительные расходы на культы и содержание жрецов действительно могли наносить ущерб другим государственным нуждам; и даже для угрозы Клеомена открыть охоту на священных крокодилов, как мы увидим, можно было, в принципе, найти осмысленное обоснование. Всякий раз Клеомен действует по одной и той же «отработанной схеме»: он, так сказать, «обозначает проблему», далее в категорической форме предлагает выход, заведомо болезненный для подвластных ему египтян, и подталкивает их к альтернативному выходу, сопряженному с отчислениями в пользу его казны⁶. Сообразно этому, протест египтян, явственный в данных сообщениях, направлен лично против Клеомена, ввиду его непреклонности в сочетании с изобретательностью, но не как частного лица, а именно как агента государства. Иначе говоря, этот протест распространяется и на государство, поощрившее Клеомена к подобным действиям.

Заметим, что в совсем явной форме мотив обусловленности действий Клеомена волей Александра, их явно выраженной санкции со стороны царя звучит в уже рассматривавшемся сообщении Арриана с цитатой письма Александра Клеомену (см. настоящую главу, § 3.3.1). Не менее показательным, что в данном сообщении звучит также весьма внятный мотив осуждения вместе с Клеоменом и Александра – причем, по-видимому, не только за готовность «попустить» Клеомену его несправедливости. Как мы помним, поводом для письма Александра Клеомену было разрешение оракула Аммона установить умершему Гепестиону героические почести (см.

---

⁶ Эпизод с перемещением торгового порта из района Канопского русла Дельты показывает, что, при неспособности египтян понести соответствующие расходы, Клеомен был готов без особых колебаний прибегнуть исходно к намеченным им болезненным мерам. Заметим, что по аналогичной «схеме» Клеомен действует и в ситуации, которую мы оставили вне нашего обсуждения: когда возник голод, «в других местах сильный, в Египте более умеренный», Клеомен сначала запретил вывоз хлеба, а затем, в ответ на протесты номархов, что он лишает их средств, достаточных хотя бы для уплаты податей, разрешил его, установив высокую экспортную пошлину (*[Arist.] Оес. II. 2.33a, 1352a.17—24*; такая стратегия хорошо согласуется с предполагаемым некоторыми исследователями стремлением македонских властей контролировать экспорт хлеба из Египта – см. выше, § 3.3.1). В двух других случаях – разоблачая поставщика, попытавшегося завязать закупочные цены на доставленные им товары (*id. 33d*), и предоставляя возможность поставщикам продать государству свои товары по столь же выгодным ценам, что и коммерсантам (*id. 33e*), – Клеомен и вовсе выступает в роли справедливого правителя, блюдущего свои интересы, но и не позволяющего ущемлять интересы тех, кто в системе торговли занимает одновременно и ключевое, и самое уязвимое место.

там же) – вслед за запрещением чтить его как бога (*Arr. Anab.* VII. 14.3)⁷. Иными словами, согласно этому сообщению, оракул Аммона – египетский, но широко известный в греческом мире храмовый центр, сыгравший хорошо известную роль в провозглашении Александра сыном бога (см. главу 2, § 2.1), – по сути дела, отверг требование македонского царя, бывшее в его исходной форме чрезмерным и к тому же продиктованное сугубо личными мотивами⁸. При этом сами поручения, которые Александр дает Клеомену, – соорудить огромный и необычайно роскошный храм Гефестиона и добиться от купцов использования печатей с его изображением (*id.* 7) – хорошо согласуются с качествами Клеомена, выходящими на первый план в традиции о нем в «Экономике»: его умением мобилизовывать финансовые ресурсы вверенной ему страны и вмешиваться при этом в жизнь ее жителей. Учитывая, что данное сообщение Арриана, по видимому, восходит к труду Птолемея (см. отсылку к мнению Н. Хэммонда в настоящей главе, § 3.3.1), т.е., хронологически, ко времени не позднее конца 280-х гг. до н.э., а возможно и существенно раньше [Маринович, 1982, с. 29—30; Zambrini, 2007, р. 212, 217—218], мы вряд ли ошибемся, сказав, что по своей тенденции и по времени появления оно стоит близко к традиции о Клеомене, отразившейся в «Экономике» (вплоть до предположения об исходной принадлежности к ней).

Тезис, который мы постараемся обосновать в связи с сообщениями II книги «Экономики» о Клеомене из Навкратиса, состоит в том, что в самом выборе их сюжетов проявляется влияние традиционной древнеегипетской идеологии и пропаганды, а именно топосов, которые использовались в ней для презентации дурных правителей – египтян и чужеземцев. Можно сказать уже заранее, что если подобное влияние удастся выявить, то это будет иметь значение для решения вопроса о достоверности данных сообщений. Образам «нелюбимых» в египетской традиции царей (в особенности царей-чужеземцев) стойкие негативные клише древнеегипетской пропаганды (например, хорошо известный мотив кощунств против священных животных) могли навязываться вопреки реальности, лишь в порядке реакции на некоторые их дела, заслужившие нерасположение главного «компилятора» этой традиции – жречества (см. главу 1, § 1.2). Невозможно точно определить, не было ли у каждого из сообщений, которые мы проанализируем, какой-то минимальной основы в реальности; однако при установлении их сходства с древнеегипетскими пропагандистскими

⁷ С. Эдди неверно решил, что данные сообщения представляют собой разные, противоречащие одна другой традиции: [Eddy, 1961, 270, n. 26]. В действительности они явным образом дополняют друг друга.

⁸ Раздражение, которое вызвали усилия Александра в последний год его жизни, направленные как на героизацию Гефестиона, так и на самообожествление, отразилось, в частности, в «Надгробной речи» Гиперида: *Hyperr.* VI. 21 [Herrmann, 2009, р. 88—91].

клише будет вероятно, что именно определенная подгонка под них реальности образовала эти сообщения в их полной форме.

Прежде всего, мы обратимся к сообщению об угрозе Клеомена открыть в одном из египетских номов охоту на священных крокодилов. В данном эпизоде весьма характерна сама позиция Клеомена, в рамках которой он считает нападение крокодила «нападением» божества и уведомляет об этом «специалистов» по ритуальному контакту с ним – его жрецов. Понятно, что такая позиция для Клеомена в этом сообщении обеспечивает действенность его стратегаемы; однако в конечном счете она берет свою основу в чисто египетском представлении о том, что священные крокодилы воплощают божество⁹ либо являются агентами его воли, причем именно агрессивно-карающими агентами¹⁰, так что за ущерб, нанесенный одним из них, вполне реально воздать божеству возмездием другим животным¹¹. Этот сюжет вызывает вполне отчетливую ассоциацию с топосом святотатств против священных животных – одним из базовых для негативной презентации чужеземных правителей Египта, по меньшей мере, со времени Геродота, рассказавшего об убийстве персидским царем Камбисом Аписа (см. главу 1, § 1.2). Непосредственно в начале македонского времени этот топос был актуализирован в традиции о якобы имевших место святотатствах Артаксеркса III в храмах Египта после его завоевания в начале второго персидского владычества (см. главу 4, § 4.4), а также в описании таких же святотатств Сета при его вторжении в Египет в «Книге победы над Сетом», сложившейся ранее, но бытовавшей, как показывает датировка одного из ее списков, в 300-е гг. до н.э. (см. главу 1, § 1.2). При этом сходство мотивов «Книги победы...» и традиции об Артаксерксе III таково, что нет особых сомнений в формировании второй по моделям, заданным в рамках первой.

Восприятие Клеомена именно как иноземца, допускающее перенесение на него топоса, который сформировался применительно к иноземным правителям, вполне понятна. Будучи уроженцем греческого полиса, хотя бы и расположенного в Египте, и, следовательно, не являясь носителем собственно египетской религиозной традиции, он и должен был восприниматься по отношению к ней как чужак (см., кстати: [Eddy, 1961, p. 309]), тем более что

⁹ О характере воплощения божества в священном животном (его качестве вместилища «силы»-ба божества) см.: [Демидчик, 2001, Kessler, 2003, p. 57 ff.].

¹⁰ См. в точности такое качество крокодила в двух эпизодах среднеегипетских сказок папируса Весткар – о наказании неверной жены херихеба Убаинера (pWestc. 3.1 ff.) и о попытке служанки Реддждет донести о рождении ее хозяйкой трех сыновей божества и будущих царей (pWestc. 12.19, 26), а также в сообщении Манефона о гибели жестокого царя Ахтоя (*Manetho*, Frgg. 27—28a—b) [Vernus, 1991].

¹¹ Против этой «логики» можно было бы возразить, что возмездие, которое планировал учинить Клеомен, было непропорционально понесенному им ущербу. Заметим, однако, что, во-первых, этот ущерб был сам по себе серьезен, поскольку состоял в лишении жизни человека, хотя бы и раба; во-вторых, стратегема Клеомена вовсе не предполагала истребления *всех* крокодилов данного нома – в ходе начатой им охоты были бы убиты *некоторые* из них, подобно тому, как от нападения крокодила погиб *некто* из его свиты.

к тому же был агентом установившего власть над Египтом чужеземного царя. Охота же на священных животных – это вариация темы кощунств против них, вполне закономерная в свете тех форм, которые эта тема приобретает в «Книге победы над Сетом». Разумеется, рассказ «Экономики» о Клеомене менее драматичен, чем описание злодеяний Сета или основанные на их переосмыслении «свидетельства» традиции об Артаксерксе III; а сама угроза Клеомена выглядит вполне исполнимой, как и остальные стратагеми, приписанные ему в «Экономике». Повторим еще раз: мы не можем судить, не было ли у этого рассказа о Клеомене какой-то минимальной основы в реальности; вместе с тем, если бы он и в самом деле попытался осуществить приписанную ему угрозу, то актуализировал бы применительно к себе стойкий и однозначно негативный топос древнеегипетской пропаганды, о чем, как уроженец Египта, с достаточно высокой вероятностью должен был знать.

Отметим и еще один момент: к античной традиции о завоевании Египта Артаксерксом (как мы видели, также вобравшей в себя мотив святотатств против священных животных) относится свидетельство Диодора о том, что Багой якобы вернул египтянам за большое количество золота и серебра священные тексты, ранее похищенные Артаксерксом III (см. подробно главу 4, § 4.1.2). Схождение рассказа о намерении Клеомена охотиться на священных крокодилов с традицией о втором персидском владычестве над Египтом оказывается, таким образом, двойным – в приписывании Клеомену кощунства, схожего с теми, что совершал Артаксеркс III, и готовности отказаться от этого кощунства ради наживы. Использование в рассказе о Клеомене тех же мотивов, что и в традиции о втором персидском владычестве, говорит если не о его создании по этому образцу, то, во всяком случае, о том, что формирование в сознании египтян этих пропагандистски окрашенных реминисценций, перешедших затем в античные свидетельства, происходило одновременно или было разнесено по времени очень незначительно.

При этом в указанном нами сообщении о Багое проявился еще один стойкий пропагандистский топос, подробно засвидетельствованный в официальных текстах уже птолемеевского времени, – представление о том, что персидские завоеватели вывезли из Египта большое число изображений богов и иных предметов, связанных с культом (см. главу 4, § 4.1.2). Действием именно этого порядка должно было быть и пресловутое похищение Артаксерксом священных текстов, согласно Диодору, тем более что они (т.н. «души Ра») упоминаются в подобной связи в самом раннем проявлении данного топоса в «Стеле сатрапа» 311 г. до н.э. (см. подробно там же). Стоит обратить внимание на еще один момент: согласно традиции о втором персидском владычестве, при Артаксерксе III практиковались также и депортации египтян, причем их распространение на некоторые категории жрецов было,

очевидно, близко по своему значению вывозу культовых предметов (в том смысле, что лишало жителей Египта необходимых для ритуального взаимодействия с божествами посредников; см. наши наблюдения в связи с автобиографической надписью Сематауитефнахта на Неаполитанской стеле в главе 4, § 4.1.3). Между тем, как мы видели, еще одно из сообщений «Экономики» о Клеомене из Навкратиса говорит о переселении им из района Канопского русла в Александрию «жрецов и тех, кто владеет там имуществом» ([*Arist.*] Оес. II. 33с). Как видно, подвергшиеся этому переселению воспринимаются в данном контексте как своего рода корпорация. Для автора раннеэллинистического прототипа трактата «Экономика», принадлежавшего к античной полисной традиции, было, пожалуй, естественно искать формы самоорганизации и у людей других культур; однако именно в Египте времени Птолемеев мы и в самом деле сталкиваемся с представлением, что при каждом местном храме существует своего рода сообщество верующих¹², причем их совокупность, реализующаяся на т.н. жреческих синодах, являлась в известном смысле представительством всего Египта (см. подробно и с отсылками к источникам и литературе: [Ладынин, 2009 (2); 2016 (1), с. 281—292]). Выше мы уже говорили о весьма вероятной, как минимум, параллельности сложения в начале македонского времени традиций о втором персидском владычестве и о Клеомене. Исходя из этого, кажется вполне правдоподобным, что мотив депортации жрецов, «привязанный» к воспоминаниям о втором персидском владычестве (и вообще весьма памятный, ввиду наиболее вероятной, на наш взгляд, историчности этой акции персов), был востребован и при формировании представления о «злых делах» Клеомена (в этом случае без каких-то специальных религиозных коннотаций). Заметим и в связи с этим сообщением, что решить, не было ли у него хотя бы минимальной основы в реальности, едва ли возможно; однако само включение этого сюжета в рассказ о Клеомене, отпечатлевшийся во II книге «Экономики», могло быть мотивировано именно его аллюзиями на эпоху второго персидского владычества.

Наконец, сообщение об угрозе Клеомена «сэкономить» на храмовых расходах, сократив число и храмов и жрецов в Египте, полностью, вплоть до текстуального совпадения, аналогично сообщению самого трактата «Экономика» о стратега царя Таоса, т.е. Тахоса, направленной на мобилизацию ресурсов страны накануне его наступательной войны с Персией ([*Arist.*] Оес. II. 25а—b: Таос, по инициативе его афинского советника Хабрия, угрожал закрытием храмов и роспуском их жречества, но затем ограничился взиманием с храмов 9/10 их доходов; cf. *Polyaen.* III. 5—7) [Will, 1960 (1); Дандамаев, 1985, с. 244—245; Briant, 1996,

¹² В частности, для них в структуре его сооружений было предусмотрено особое пространство — обширный двор перед пронаосом, называемый *wšht-mšꜥ*, «зал войска», т.е., в словоупотреблении греко-римского времени, народа: см. «Стела сатрапа»: перевод и комментарий», II.3.г, комм. «д».

р. 682—683]. Аллюзия на мероприятия этого царя в «Демотической хронике» (см. главу 1, § 1.1.2) красноречиво свидетельствует о резко негативном их восприятии в традиции, сформированной египетской элитой и, очевидно, растиражированной в рамках оппозиционной царской власти пропаганды IV в. до н.э. Между тем один из базовых для древнеегипетской традиции и ее античной рецепции образов «нечестивого царя» создается историческими реминисценциями. Согласно замечанию А.Е. Демидчика, негативный образ Хуфу/Хеопса в сведениях Геродота и, конкретнее, в свидетельстве о закрытии им всех храмов Египта (*Hdt.* II. 124—126), может быть связан с давними воспоминаниями о том, что при нем и его преемниках концентрация ресурсов страны на сооружении пирамидальных гробниц привела культы богов в жалкое состояние (см. подробнее главу 1, § 1.3.1). В какой-то мере в опоре на этот мотив, присутствовавший в египетской традиции издавна (по крайней мере, со времени сложения еще в I Переходном периоде отразивших образ Хуфу сказок папируса Весткар; см. там же, наше прим. 3), ущемление интересов храмов по своекорыстным мотивам стало стандартным клише пропагандистского образа «нечестивого царя», который мы видим, в частности, в «Демотической хронике» применительно к Тахосу. Сообщение же «Экономики» о Таосе/Тахосе производит впечатление «расшифровки» этого общего клише, свойственного образу Тахоса, как мы можем судить по сообщению «Демотической хроники», в виде рассказа о его конкретных действиях. Схождение сообщений «Экономики» о Тахосе и о Клеомене заставляет думать, что они восходят к какой-то общей традиции – несомненно, происходящей из Египта, поскольку собирание сведений об управлении Клеоменом этой страной во всяком случае не было возможно и актуально за ее пределами. В связи с вопросом об историчности данных сообщений «Экономики» не вызывает сомнений, что и Тахос накануне большой войны с Ахеменидской державы (и, вполне вероятно, в опоре на советы его греческих приближенных), и Клеомен в условиях централизации Египта под македонской властью должны были установить достаточно высокую степень контроля над хозяйствами храмов. Однако в обоих случаях это едва ли могло обернуться их закрытием или даже внятно «озвученной» угрозой такого рода, поскольку подобные действия должны были непоправимо дискредитировать в глазах египтян и Тахоса, и Александра с точки зрения их готовности и способности полноценно совершать ритуал¹³. В таком случае номинальный смысл обоих этих сообщений едва ли

¹³ См. памятники Тахоса, в основном, из египетских храмов, что само по себе свидетельствует и о внимании к ним, и о сохранении их функционирования в его царствование: [Blöbaum, 2006, S. 355]. О заинтересованности Александра, реализованной через его агентов в Египте, в создании представления о себе как о полноценном царе-ритуалисте, говорит, как мы видели, многое (см. в целом главу 2). Вместе с тем поводом для данного сообщения о Клеомене в какой-то мере мог быть специфический характер этого строительства – его осуществления в рамках очень небольшого числа программ (в Фивах и в Гермополе), при едва ли не забвении других культовых центров. Это могло быть ассоциировано, как в

соответствует реальности, и в них мы видим, по меньшей мере, сильное утрирование того, что могло послужить их исторической основой.

При этом на Клеомена отчасти был перенесен тот же, что и на Тахоса, негативный ореол, сопряженный, как мы сказали, с египетским пропагандистским топосом «нечестивого царя» (в данном случае не чужеземца, а как раз египтянина!); однако «стратагема» Клеомена имеет параллель в действиях не только Тахоса, но и Хабрия. Иными словами, «вина» за планировавшееся ущемление интересов египетских храмов в одном случае была поделена между царем Египта и чужеземцем, а в другом случае перенесена на чужеземца целиком. На наш взгляд, можно сказать, что в известном нам из II книги «Экономики» описании этих стратагем Тахоса с Хабрием и Клеомена мы видим синтез двух мотивов древнеегипетской пропаганды – образа «нечестивого царя» и представления о враждебности чужеземцев египетским культам (см. выше, об описаниях чужеземных завоеваний и о «Книге победы над Сетом»). Синтез этот произошел в опоре на некие реальные обстоятельства и в очень ограниченных масштабах, будучи привязан непосредственно к их описанию. Можно думать, что подобная пропагандистская основа сообщений о Тахосе и Клеомене не была понятна уже компилятору раннеэллинистического прототипа II книги «Экономики».

Таким образом, представленные нами наблюдения, как нам представляется, позволяют придти к мысли о значительной вероятности того, что на образ Клеомена, известный нам по II книге «Экономики», оказали воздействие топосы древнеегипетской пропаганды, использовавшиеся в негативной презентации правителей-египтян и чужеземных завоевателей. Если говорить о механизме формирования этого образа, то можно думать, что оно происходило во взаимодействии с оценкой других фигур истории Египта IV в. до н.э.: об этом говорит фактическое соотнесение образов Клеомена и Тахоса явно в рамках единой традиции. Будучи сформирован с использованием категорий, свойственных именно древнеегипетской среде, на том ее уровне, на котором осуществлялось конструирование пропагандистских концептов, этот образ должен был затем как минимум отразиться в некоем грекоязычном нарративе египетского происхождения, который и стал известен компилятору прототипа II книги «Экономики». Практически невозможно судить о том, имелся ли у этого нарратива какой-либо египетский аналог. Если все же допустить возможность этого, то им, скорее всего, должны были быть демотические новеллы, аналогичные тем, которые, по нашему мнению, могли запечатлеть традицию о святотатствах в Египте Артаксеркса III (см. главу 4, § 4.4) и которые, вероятно, лежали в основе сюжетов александрийского прототипа «Романа об Александре» (см. о демотической версии «Сна Нектанеба» – т.н. «Пророчестве Петесиса» – в главе 5, § 5.5).

свое время и концентрация культового строительства IV династии в царском некрополе, с «закрытием» храмов.

Для определения времени формирования этой традиции о Клеомене существенны следующие моменты. Во-первых, весьма показательной кажется вводная фраза второго из рассмотренных нами свидетельств: «Когда царь Александр поручил ему заселить город около Фароса...» ([*Arist.*] *Оес.* II. 33c: Ἀλεξάνδρου <τε> τοῦ βασιλέως ἐντειλαμένου αὐτῷ οἰκίσαι πόλιν πρὸς τῇ Φάρῳ...). Обращают на себя внимание краткое, «обыденное» именование Александра как правителя если не современности, то, во всяком случае, очень недавнего прошлого, а также описательное обозначение Александрии, наводящее на мысль, что ее собственное название еще не очень известно. Это позволяет заключить, что содержащий данную фразу комплекс сведений оформился еще до перенесения в Александрию столицы Египта около 312 г. до н.э. (см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.3.б, комм. «з») либо вскоре после этого, когда она была еще непривычна и малоизвестна в этом качестве (ср. с замечанием О. Мёррея о вероятной малоизвестности Александрии в пору создания произведения о Египте Гекатея Абдерского: [Murray, 1970, p. 143—144, n. 6]; см. главу 6, § 6.3.3, прим. 1). Во-вторых, как мы постарались показать, в формировании этой традиции фундаментальную роль сыграло восприятие египетских идеологов, актуализированных применительно к Клеомену. Между тем достаточно интенсивное греко-египетское взаимодействие, в рамках которого это могло произойти, хорошо засвидетельствовано как раз в исторической ситуации сатрапии Птолемея, ок. 310-х гг. до н.э., созданием произведения о Египте Гекатея Абдерского (см. там же). Очевидно, что общую тенденцию этого комплекса сведений о Клеомене можно обозначить как стремление к его дискредитации что в принципе должно было отвечать интересам устранившего его Птолемея; а противопоставление Клеомена как дурного правителя Птолемею как правителю попечительному должно было упрочивать его положение в Египте (см., например: [Литвиненко, 1998, с. 158]). Сообразно этому, естественно заключить, что негативная традиция о Клеомене могла сформироваться в рамках пропагандистской деятельности Птолемея и его окружения. Трудно сказать, было ли формирование данной традиции о Клеомене делом непосредственно идеологов Птолемея или же они взяли на вооружение те связанные с образом Клеомена мотивы, которые уже сформировались и имели бытование в египетских кругах. Отметим, однако, что именно такое использования в интересах Птолемея мотивов и манипуляций, изначально выражавших оппозицию македонской царской власти, казалось нам вероятным, когда мы говорили о презентации Александра (IV) в «Стеле сатрапа» (см. настоящую главу, § 3.1.3).

Если наше предположение об использовании в этом комплексе традиционных египетских идеологов верно, то это идеологемы, так сказать, «высшего уровня» — соответствующие негативной презентации правителя-египтянина или чужеземного завоевателя

царского статуса. В таком случае несоответствие формального статуса Клеомена «уровню критики», который был использован против него, может означать, что сама эта критика имела в виду (по крайней мере, имплицитно) не только его самого, но и правителя, агентом которого он был, т.е. Александра, бывшего и «завоевателем» Египта, и его формально легитимным царем. Трудно сказать уверенно, в какой мере подобная двойная направленность пропагандистского значения этих сюжетов учитывалась идеологами Птолемея и не преследовалась ли ими цель оттенить преимущества власти Птолемея по сравнению не только с наместничеством Клеомена, но и в целом с началом македонского владычества при Александре. На наш взгляд, такую возможность следует иметь в виду. Если сообщение о письме Александра Клеомену, известное нам через посредство Арриана (см. настоящую главу, § 3.3.1), изначально относилось тому комплексу сюжетов, о котором мы говорим в этом разделе, то с такой его ее направленностью хорошо согласуется мотив полной санкционированности действий Клеомена царем, звучащий в этом сообщении.

3.4. Гробница Петосириса в Туна эль-Гебель: жрец, цари и боги

3.4.1. «Правитель чужеземных стран – защитник Египта»: вопрос об идентификации чужеземного властителя Египта в «Большой автобиографической надписи» гробницы Петосириса

Гробница жреца Петосириса (PN I. 123: *P3-di-Wsir*/(I)st-irt*) «Данный Осирисом») в некрополе Туна эль-Гебель близ Гермополя (PM IV. 169—174; см. в целом о нем: [Kessler, 1981, S. 83—109; 1986; Aufrère, Golvin, 1997, p. 211—217]) привлекает внимание исследователей со времени ее исследования и публикации Г. Лефевром в 1910—1920-е гг. [Lefebvre, 1923—1924; Nakaten, 1982; 1986 (неопубликованная диссертация); Rössler-Köhler, 1991, S. 287—292 (Nr. 87); Большаков, 2001, с. 235. прим. 1 (оценка значения данного памятника); Cherpion, Gout, Corteggiani, 2007] (см. также литературу, цитируемую ниже; *Рисунок 3.3*)¹ Ее оформление, совмещающее в себе художественные принципы традиционного искусства древнего Египта с необычайно яркими эллинизирующими мотивами, поистине уникально, и нам еще предстоит обратиться к его концептуальным особенностям (см. настоящую главу, § 3.4.2). Вместе с тем не менее значимы ее тексты, в особенности биографические надписи, составленные от имени Петосириса и его родичей и относящиеся к немногочисленным иероглифическим свидетельствам о кануне и начале македонского времени. Датировка гробницы Петосириса рубежом IV и III вв. до н.э. (царствованием Птолемея I) установлена достаточно оценочно [Nakaten, 1982, S. 995, 997, Anm. 11; cf. Bianchi, 2007, p. 685, n. 65]: в текстах же этого памятника, как и большинства частных памятников данного времени, не упоминаются собственные имена правителей, бывших современниками их владельцев. Соответственно, точная историческая интерпретация текстов гробницы Петосириса, идентификация их «персонажей» и определение того, о каких периода времени в них идет речь, составляет серьезную исследовательскую проблему.

Наиболее информативна т.н. «Большая биографическая надпись» Петосириса, подробно описывающая его деятельность на посту лесониса (*mr-šn*, *λεσῶνις*), т.е. главы хозяйства [Cenival, 1972, t. 1, p. 154—159; Zauzich, 1980, S. 1008—1009] храма Тота в Гермополе

¹ Анонсированная на ряде сайтов новейшая работа по гробнице Петосириса, которая должна была выйти в издательстве Otto Harrassowitz (*Klose St. Das Grab des Petosiris, Eine griechisch-ägyptische Synthese: Thematische, ikonographische und stilistische Untersuchungen eines frühptolemaischen Grabes in Mittelagyp ten. (Philippika; 43)*), насколько можно судить, пока не вышла в свет (см., например: <https://portal.dnb.de/opac.htm?method=simpleSearch&cqlMode=true&query=idn%3D1009985892>; дата обращения: 30.04.2017).

(надпись 81 по изданию Г. Лефевра) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 136—145; t. 2, p. 53—59; t. 3. Pl. XXVIII—XXX, XXXI—XXXIV; см. переводы: Otto, 1954, S. 180—183; Lichtheim, 1973—1980, vol. 3, p. 45—49]. В ней исторической интерпретации подлежат в первую очередь сведения большого фрагмента, который следует за вступительным отрывком автобиографии Петосириса и фактически открывает описание его деятельности лесониса (стлб. 22—35) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 137; t. 2, p. 54]. Приведем этот фрагмент в иероглифической транскрипции, а также в транслитерации и переводе, которые получают ниже в ряде моментов более подробное обоснование:

(26)

ir.n.i rnpt 7 m imy-r-šn nw ntr pn hr

(27)

hrp htpw-ntr.f nn gm db3(.i) im iw sw

(28)

hq3 nw h3swt m ndty hr Kmt iw nn ht

(29)

nb hr st.z hnt(y) dr w3(w) iw h3 hpr m-

(30)

-hnt B3qt rs m nšn mh m swh

(31)

šm rmt m tp hnz nn hwt-ntr

(32)

nb hr smd.z w3b(w) hr m tm rh

hpr im

Провел (букв. «сделал») я семь лет в качестве *лесониса* бога этого на управлении «божественным довольствием»² его, без нахождения вины (моей) там, /в то время как,/ однако, /был/ властитель чужеземных стран в качестве защитника Египта, /причем/ не было вещи всякой в месте ее прежнем с давних пор, /ибо/ борьба началась в Египте /и был/ юг в мятеже (букв. «буре») /и/ север – в развале³; ходили люди с головами, обращенными в обе стороны (?); не было храма какого-либо (букв. «всякого») при челяди⁴ его, /причем были/ уабы удалены в незнании⁵ происходящего там.

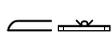
Как мы видим, в данном отрывке описывается вступление Петосириса в должность *лесониса* в пору бедственного положения Египта и владычества над ним чужеземного правителя; по существу, он содержит наиболее подробную характеристику исторических обстоятельств этого этапа карьеры Петосириса. Об этих же обстоятельствах идет речь еще в двух текстах гробницы Петосириса, составленных от его имени, однако здесь они описаны гораздо более сжато (надпись 59, стлб. 2: *rdi n.i mr-šn n Dḥwty nb Ḥmnw m rnpt 7 rmt ḥ3swt m ḥq3 Kmt* «была дана мне /должность/ *лесониса* Тота, владыки Гермополя, в течение семи лет, /когда/ люди чужеземных стран /были/ во владычестве Египтом» [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 79—80; t. 2, p. 32]; надпись 62, стлб. 2—3: (*ir.n.i rnpt 7 m*) *mr-šn n Dḥwty nb ḥmnw ḥr ir(t) ḥt nb nfr m pr.f... rmt ḥ3swt m ḥq3 B3kt* «(Провел (“сделал”) я) я семь лет в качестве *лесониса* Тота, владыки Гермополя, на совершении вещей всяких прекрасных в доме его... (следует характеристика деятельности Петосириса), /когда/ люди чужеземных стран /были/ во владычестве Египтом» [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 82; t. 2, p. 38]). Главный вывод, который

² Храмовыми доходами; см. о значении этого термина главу 4, § 4.1.4.

³ Употребленное в данном случае слово транслитерировано Г. Лефевром *swḥ* [Lefebvre, 1923—1924, t. 3, p. 46 (“révolution”)]. «Словарь египетского языка» его не учитывает; сводный египетско-немецкий словарь Р. Ханнига придает, очевидно, связанному с ним глаголу *swḥ3* значение «раскалываться, разрываться» (“zerbersten”; HWÄD 679), от которого мы отталкиваемся при нашем переводе.

⁴ Несомненно, вариант термина *smdt*, известного значительно раньше (Wb. IV. 147) [Богословский, 1983, с. 133—249].

⁵ По-видимому, предлог в сочетании с инфинитивом отрицательного значения (конструкцией, состоящей из инфинитива отрицательного глагола и отрицательного дополнения: [Gardiner, 1957,

р. 265—266, § 348]). Иные интерпретации написания (допущения, что в ней мы видим глагольную форму с отрицательной частицей *n* или конструкцию с отрицательно-относительным

прилагательным *iwty* [Gardiner, 1957, p. 152—153, § 202—203]) маловероятны: – без сомнения, предлог *m*, за которым не может следовать глагольная форма с частицей *n*, а в написаниях *iwty* не

находится места детерминативу Y_1 . Употребление инфинитива отрицательного значения в данном контексте, где за предлогом должна следовать глагольная форма, способная к субстантивации, видимо, наиболее ожидаемо; см.: [Engsheden, 2003, p. 209].

следует из этих описаний, – синхронность семи лет *лесонии* Петосириса и чужеземного владычества над Египтом; и этот вывод хорошо согласуется с «Большой биографической надписью». Что касается интерпретации приведенного ее фрагмента, то в связи с ним возникает прежде всего вопрос о том, кем был пресловутый «властитель чужеземных стран в качестве защитника Египта» и, соответственно, с каким именно чужеземным владычеством совпадал срок *лесонии* Петосириса.

Разумеется, варианты ответов на эти вопросы уже представлены в историографии. Первооткрыватель гробницы Петосириса Г. Лефевр считал, что *лесония* Петосириса пришлась на годы второго персидского владычества и, соответственно, упоминаемый в данном фрагменте «властитель чужеземных стран» – это один из последних Ахеменидов, владевших Египтом (Артаксеркс III Ох или Дарий III Кодоман). При этом он ориентировался прежде всего на сходство между описанием бедствий Египта в тексте гробницы Петосириса и сведениями античной традиции о разграблении египетских храмов и кощунствах в них Артаксеркса III [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 10—12] (см. главу 4, § 4.4). Среди современных исследователей фактически повторили его мнение Д. Девошелль и Д. Редфорд [Devauchelle, 1995 (2), p. 78—79; Redford, 2001, p. 39]. Практически невозможно принять всерьез выдвинутое вскоре после публикации Г. Лефевра предположение Э. Кавеньяка о том, что гробницу Петосириса можно было бы датировать не вторым, а финалом первого персидского владычества и последующими смутными временами [Cavaignac, 1929, p. 56—57]: на столь раннем этапе исключительно сильная эллинизация ее оформления была бы необъяснима. Другая альтернатива интерпретации Лефевра была предложена Ф.-В. фон Биссингом, откликнувшимся на исследования гробницы Петосириса одним из первых, еще до ее полной публикации. Этот исследователь обратил внимание на сходство эпитета «властитель чужеземных стран» с именем Обоих Владычиц формального преемника Александра Великого на египетском престоле Филиппа Арридея *hq3 h3swt* («Властитель чужеземных стран»), кстати, зафиксированным именно в Гермополе (см. главу 2, § 2.2.3). Соответственно, описанные Петосирисом бедствия Египта и его храмов, по мнению фон Биссинга, должны были быть связаны с воздействием на внутреннюю ситуацию в Египте войн диадохов [Bissing, 1923, S. 1—3]. Позиция фон Биссинга отличается от суждения Лефевра своей опорой на предполагаемое схождение эпитетов, зафиксированных памятниками, что всегда привлекательно для египтологов; возможно, именно это побудило спустя тридцать лет присоединиться к ней такого блестящего исследователя, как Э. Отто [Otto, 1954, S. 181, Anm. 4]. Между тем данное предположение не выдерживает никакой критики с исторической точки зрения: собственно говоря, какие внутренние бедствия должна была принести Египту борьба диадохов, разворачивавшаяся по преимуществу за его пределами? Единственная

попытка врагов Птолемея вторгнуться в Египет, достигшая реализации, – это кампания Пердикки в 320 г. до н.э., которая, однако, была быстро и успешно отражена и кончилась для ее инициатора плачевно (см. главу 2, § 2.1). Кроме того, имя Обеих Владычиц, особенно в Позднее время, – явно не тот титул, который был бы использован как обозначение египетского царя, так сказать, «по умолчанию» (см. о титулатурах египетских царей I тыс. до н.э. главу 2, § 2.2.1); а наделение качеством «мстителя за Египет» македонского царя, который ни разу не ступил на египетскую землю, выглядело бы очень странно, даже если допустить полную лояльность Петосириса к новой власти Египта.

Вместе с тем опять же еще в 1920-е гг., в своем исследовании, посвященном Манефону, В.В. Струве заметил, что интересующий нас эпитет может относиться к Александру Великому как освободителю Египта от персов: «Александр... “правитель чужеземных стран, защитник Египта”, пришел в долину Нила, чтобы спасти несчастную страну от жестокого персидского ига» [Струве, 2003 (2), с. 351]. В 1990—е гг. бельгийская исследовательница Б. Меню опубликовала серию статей о текстах гробницы Петосириса [Menu, 1994; 1995 (2); 1996; 1998], в которых высказала предположение, что его *лесония* Петосириса приходилась на начало македонского времени. В обоснование этого она привела хронологию жизни Петосириса и его родственников. Если старший брат Петосириса Дждетотефанх, став *лесонисом* в гермопольского храма Тота еще при XXX династии (видимо, в конце правления Нектанеба II; надпись 102, стлб. 4: *stp.n nsw r mitt.f nb r hrp hwt-ntr nty Dḥwty nb Ḥmnw* «/тот, кого/ выбрал царь⁶ среди (букв. “от”) равных ему, чтобы управлять храмом Тота, владыки Гермополя») [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 185; t. 2, p. 75], умер при чужеземном владычестве (при персах или в начале македонского времени)⁷, то уже по этой причине деятельность сменившего его Петосириса должна была протекать при македонянах. А описание бедственного положения гермопольского храма, с пресловутым упоминанием «властителя чужеземных стран», должно, по мнению исследовательницы, относиться ко времени непосредственно до начала *лесонии* Петосириса [Menu, 1994, p. 323]. Станным образом Меню не уточняет, кем все-таки должен был быть с ее точки зрения пресловутый «властитель чужеземных стран» [Menu, 1994, p. 323—324; 1998, p. 250]; однако, явно не считая его одним из Аргеадов, она тем самым оставляет лишь возможность атрибуции этого эпитета одному из Ахеменидов. Более внятно это же

⁶ Принципиально употребление в данном контексте термина *nsw*, который должен относиться к легитимному царю XXX династии (см. ниже).

⁷ Б. Меню справедливо обращает внимание на то, что в надписях гробницы Петосириса, посвященных Дждетотефанху (надписи 100, 102), в отличие от тех, что относятся к жизни отца его и Петосириса Сишу (особенно в надписи 90), нет упоминаний о милостях, исходящих от царя. Из этого она заключает, что на протяжении большей части *лесонии* Дждетотефанха легитимной царской власти в Египте уже не было [Menu, 1994, p. 318]; в то же время в ряде текстов есть косвенные указания на то, что Дждетотефанх во время своей *лесонии* мог быть современником бедствий Египта [Menu, 1994, p. 319].

мнение высказал в своей недавней фундаментальной работе о египетском жречестве эллинистического времени французский исследователь Ж. Горр: *лесония* Петосириса могла начаться еще при втором персидском владычестве, но завершилась, вне сомнений, уже в македонское время [Gorre, 2009 (1), p. 188—189]⁸.

Легко заметить, что сегодняшний исследовательский консенсус по поводу интерпретации интересующего нас фрагмента «Большой биографической надписи» Петосириса фактически сложился на основе уже очень давнего мнения ее первого исследователя Г. Лефевра: его исходное мнение о том, что бедствия египетских храмов, описанные в тексте, приходятся на второе персидское владычество, было поддержано Д. Девошеллем и Д. Редфордом и, с отмеченными нами нюансами, Б. Меню и Ж. Горром. Вне данного консенсуса оказываются позиции С. Накатен и Г. Брэкманна [Broekman, 2006, S. 99—100], присоединившихся к версии фон Биссинга и Отто (выше мы уже привели возражения против нее), а также Д. Кесслера. Последний пробовал обосновать причастность Петосириса к культу Осириса в образе бабуина и ибиса, с которыми было связано строительство в Туна эль-Гебель времени сатрапии Птолемея и формального царствования в Египте Александра (IV) [Kessler, 1998, S. 5—6, 10, 127]). Соответственно, Кесслер думал, что *лесония* Петосириса пришлась на время активного взаимодействия египетской храмовой элиты с македонскими властями Египта при Птолемеях [Kessler, 1998, S. 129] и что, возможно, именно последний, в период своей сатрапии, и обозначен пресловутым эпитетом *ḥq3 nw ḥ3swt m ndty ḥr Kmt* [Kessler, 2007, p. 336, n. 19—20]. В литературе уже высказывались возражения против этих

⁸ Для суждений и Б. Меню и Ж. Горра о Петосирисе как современнике македонян большое значение имеет пассаж «Большой биографической надписи» Петосириса, завершающий описание его *лесонии* и гласящий: «Вот хвалим (я) властителем Египта, любим я придворными его» (стлб. 87: *iw ḥs(.i) ḥr ḥq3 nw Kmt iw mr.i ḥr šny.f*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 144; t. 2, p. 59]. Это упоминание «правителя Египта» исследовательница относит к Александру Великому с особенной уверенностью, хотя и со сравнительно слабым обоснованием: по ее суждению, термин *ḥq3* в применении к обладателю данного эпитета означает «того, кто правит согласно правилам *maat*, доброго пастыря» в соответствии с исконной семантикой знака GG(SL) S₃₈ (𐀓), используемого в данном написании [Menu, 1998, p. 250—251]. Сообразно этому, данное обозначение обязательно должно относиться к Александру и обуславливаться концепцией его власти над Египтом, согласной с нормами *maat*, наличие которой постулирует исследовательница [Menu, 1999, p. 353—356]. Согласно Меню, эпитет *ḥq3 nw Kmt* принципиально отличен в тексте надписи и от термина *ḥq3 nw ḥ3swt*, и от титула *nsw-bity*, который применяется строго к царям XXX династии [Menu, 1998, p. 250] (исследовательница не поясняет, почему последний не может быть применен к македонскому царю, при наличии концепции его царствования, столь благоприятной в свете традиционной идеологии Египта). Меню игнорирует соображение, которое представляется нам ключевым для интерпретации данного упоминания «правителя Египта» – о том, что похвалы его и его придворных в адрес Петосириса выглядят реальными. В таком случае крайне маловероятно, чтобы они исходили от Александра, находившегося в Египте считанные месяцы, притом что Петосирис, как можно судить по текстам его гробницы, Египта не покидал. Так же, как и Б. Меню, идентифицирует «правителя Египта» В. Хусс [Huß, 1994 (1), S. 137—138]; по мнению Ж. Горра, скорее всего, справедливому, «правителем Египта» должен быть сатрап Птолемей (см. главу 2, § 2.4.1).

допущений Д. Кесслера, как достаточно произвольных в плане религиозной интерпретации некоторых черт оформления гробницы Петосириса [Gorre, 2009 (1), p. 190—191, n. 515]. Добавим к этому, что исторически, при соотнесении *лесонии* Петосириса со временем сатрапии Птолемея (и, более того, ее начала – с приходом Птолемея к власти в Египте), содержащееся в «Большой биографической надписи» описание бедствий страны пришлось бы соотнести с этим же временем или с предшествовавшим ему царствованием Александра Великого. Очевидно, что характеристика любого из этих периодов как времени хаоса и безначалия была бы нереалистична даже с позиции крайней враждебности к македонским правителям Египта⁹.

На наш взгляд, большинству исследовательских позиций, которые мы охарактеризовали, не хватает твердых оснований, которые имели бы опору собственно в тексте источника. Между тем об одном таком основании, которое кажется неколебимым, мы фактически уже сказали: согласно «Большой биографической надписи» Петосириса, его *лесония* была синхронна власти над Египтом пресловутого «властителя чужеземных стран». Чтобы окончательно убедиться в этом, нужно сказать несколько слов о синтаксических особенностях интересующего нас фрагмента. Ряд существенных замечаний в связи с этим сделал в упоминавшейся работе Ж. Горр: по его мнению, чрезвычайно важно понять значение в «Большой биографической надписи» предложений, вводимых частицей *iw*. Исследователь обратил внимание на наличие в таком предложении, говорящем о «властителе чужеземных стран», частицы *sw* – варианта среднеегипетской энклитики *swt*, которая выражала противительную связь содержащего ее высказывания с предыдущим [Gorre, 2009 (1), p. 187; см. об энклитике *swt*: Gardiner, 1957, p. 187—188 (§ 254)]. Тем самым это предложение оказывается тесно связано по смыслу с начальной фразой данного периода, открывающейся словами «Провел (я) 7 лет в качестве *лесониса...*». В то же время, по замечанию Горра, стандартной повествовательной формой в «Большой биографической надписи» является *sdm.f*; соответственно, форму *sdm.n.f* в начале данного периода (*ir.n.i rnpt 7... «Провел (я) 7 лет...»*) можно, в терминологии «стандартной теории» древнеегипетского языка, назвать эмфатической, с рематизацией содержащегося в ней сообщения (приданием ему в периоде статуса главного, содержащего принципиально важную новую информацию) [Gorre, 2009 (1), p. 187; см. о значении данных терминов: Allen, 2010, p. 379—381]. Кроме того, как указывает Э. Энгсхеден, в текстах IV в. до н.э. употребление *iw*

⁹ Д. Кесслер говорит по данному поводу, что «борьба между севером и югом Египта представляется топосом, который мог быть актуализирован каким-то образом борьбой Птолемея с другими диадохами либо борьбой внутри македонского царского дома» [Kessler, 2007, p. 336, n. 20]. Насильственность подобного объяснения совершенно очевидна: во-первых, описание бедствий храмов в данном фрагменте «Большой биографической надписи» Петосириса достаточно конкретно, чтобы он в целом не сводился к топосам; во-вторых, трудно было бы понять, каким образом даже и топосы, связанные с описанием бедствий Египта могли быть применены к событиям войн диадохов за его пределами.

перед отрицательной формой местоименно-суффиксного спряжения с *nn* придавало ей значение подчинения по отношению к предшествующему высказыванию [Engsheden, 2003, p. 204]. По сути дела, сходную конструкцию, хотя и не с субстантивированной глагольной формой, а просто с существительным после *nn*, мы видим в предложении «не было вещи всякой в месте ее прежнем...» (*iw nn ht nb hr st.z hnt(y)*). Таким образом, в рассматриваемом нами периоде, скорее всего, можно выделить главное предложение – собственно сообщение о семилетней *лесонии* Петосириса, – за которым следуют по крайней мере два предложения, введенные *iw* и являющиеся придаточными времени и условия. Сообразно этому, нахождение власти над Египтом в руках «властителя чужеземных стран» и бедственное положение страны действительно оказываются синхронны отправлению Петосирисом функций *лесониса*, согласно «Большой биографической надписи», причем, как мы видели, в других текстах его гробницы эти же исторические обстоятельства описываются как господство над Египтом «людей чужеземных стран».

Следующий постулат, который можно вывести на основании «Большой биографической надписи», – это идентификация бедствий Египта, которые стали причиной тяжелого положения его храмов к началу *лесонии* Петосириса. Как мы отметили выше, в свое время Г. Лефевр пришел к выводу, что эти бедствия приходятся на время второго персидского владычества, преимущественно на основании их соотнесения со сведениями античной традиции. Между тем в самой этой традиции, помимо сравнительно анекдотических сведений о кощунствах Артаксеркса III (см. главу 4, § 4.4), есть свидетельства о вторжении в Египет македонского «солдата удачи» Аминты накануне вступления в страну Александра. А прямые и косвенные данные источников свидетельствуют о сохранении в первые годы после завоевания Артаксеркса каких-то остатков государственности XXX династии на юге страны [Ladynin, 2010, p. 531—532] и о выступлении в середине 330-х гг. до н.э. против персов Хаббаша, которое охватило весь Египет с юга на север (см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «г»; см. в целом об этом историческом периоде главу 2, § 2.1). Иными словами, характеристика бедствий Египта в «Большой биографической надписи» как тяжелой смуты, связанной с вооруженной борьбой, хорошо согласуется с реальной картиной второго персидского владычества, причем в истории Египта второй половины IV в. до н.э. мы не видим иного периода сопоставимой тяжести. Таким образом, хотя предложенная Лефевром идентификация картины бедствий Египта в «Большой биографической надписи» и не основана на однозначных указаниях этого текста, от нее и сегодня нет никаких причин отказываться.

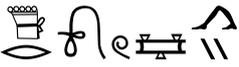
Как представляется, непреложные постулаты, которые могут быть выведены из «Большой биографической надписи» Петосириса, исчерпываются уже названными, а именно

установлением синхронности власти иноземцев над Египтом и *лесонии* Петосириса и соотносением бедствий страны, описанных в этом тексте, со временем второго персидского владычества. Что касается идентификации пресловутого «властителя чужеземных стран» и «защитника Египта», она зависит прежде всего от того, как его владычество в стране соотносится с пресловутой эпохой бедствий. Как мы видели, в свое время Г. Лефевр, а вслед за ним и ряд других исследователей были уверены, что эти два явления истории Египта совпадают, и, соответственно, пресловутый «властитель чужеземных стран» – это виновный в бедствиях Египта Ахеменид, а *лесония* Петосириса началась под его властью. По существу, точно так же считали и сторонники идентификации «властителя чужеземных стран» как Филиппа Арридея.

Между тем текст источника может показать, что основания для подобной презумпции далеко не столь однозначны. Обратимся к фрагменту «Большой биографической надписи», который представляет собой переход от определения исторических обстоятельств *лесонии* Петосириса к описанию бедствий Египта. Переводчики данного текста, как правило, трактовали

начертание *dr* () в данном фрагменте как предлог, связанный со следующей за ним глагольной фразой *w3 ʕh3* (), а подписанный под знаком GG(SL) D₃₄ () знак

GG(SL) D₂₁ () – как предлог *r*, приходя к итоговому чтению ...*dr w3 ʕh3 r hpr m-hnt B3qt* «с тех пор как началась (букв. “настала... к становлению”) борьба внутри Египта»¹⁰. Между тем

«Словарь египетского языка» фиксирует для греко-римского времени выражение *dr w3w* («с давних пор»; Wb. I. 246.4:) , хорошо подходящее по смыслу к интерпретации данного фрагмента и вполне согласующееся с его графикой (пропуск в нем нескольких знаков

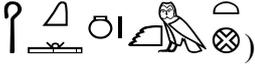
полного написания этого выражения, как и замена знака GG(SL) N₃₁ () на GG(SL) Y₁ () , в общем, не вызывают особого удивления). Кроме того, знак GG(SL) D₂₁ правомерно понять как ложноглагольную связку *iw*, в соответствии со способом ее позднего написания (Wb. I. 42.12 [Vucichl, 1983, p. 37]; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.1, комм. «е»), зафиксированном и в текстах гробницы Петосириса [Lefebvre, 1923—1924, t. 3, p. 19 (Г. Лефевр говорит о 22 случаях такого написания в текстах гробницы)]. Если допустить, что в данном

¹⁰ См. существующие переводы этого фрагмента: “...depuis que les luttes se déroulaient dans l’interieur de l’Égypte...” [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 137; cf. Menu, 1994, p. 323]; “...seit die Kämpfe in Ägypten begonnen hatte...” [Otto, 1954, S. 181]; “...since fighting had started in Egypt...” [Lichtheim, 1973—1980, vol. 3, p. 46]; “...depuis que le luttes se déroulaient dans l’interieur de l’Égypte” [Gorre, 2009 (1), p. 179]; ср. с нашей прежней позицией: Ladynin, 2005, p. 106—107 (“...since the struggle came into being inside Egypt...”).

фрагменте *iw* и *ḥ3* поменялись местами по чисто композиционным соображениям, то мы можем придти к следующему итоговому чтению включающего данный фрагмент пассажа «Большой биографической надписи»: «...причем не было вещи всякой в месте ее прежнем с давних пор, /ибо/ борьба началась в Египте /и был/ юг в мятеже (букв. «буре») /и/ север – в развале» (стлбб. 28—30: *iw nn ht nb hr st.z hnt(y) dr w3(w) iw ḥ3 hpr m-hnt B3k3t rs m nšn mh m swh*). При этом связка *iw*, чтение которой мы установили, должна вводить конструкцию «*iw*+подлежащее+сказуемое-статив», которую мы видим в надписях гробницы Петосириса в функции придаточного предложения и в других случаях (например, в стлб. 25 этой же надписи: *iw.f rh.t(i) snd.f m ib.i* «.../ибо/ он знал страх его в сердце моем»). Существенное преимущество такой интерпретации данного фрагмента состоит в том, что она позволяет обойтись без допущения избыточного нагромождения в нем глаголов (*dr w3 ḥ3 r hpr m-hnt Kmt* – букв. «с тех пор как настала борьба к становлению в Египте»), каковое допущение неизбежно при его традиционном переводе¹¹. Эта интерпретация позволяет заключить, что бедствия Египта как таковые отнесены в «Большой биографической надписи» ко времени давнему и, по-видимому, предшествующему как началу *лесонии* Петосириса, так произошедшему синхронно установлению власти над Египтом «властителя чужеземных стран».

Вместе с тем, помимо уточнения смысловых связей между отдельными фразами в интересующем нас фрагменте «Большой биографической надписи», важнейшим для его интерпретации будет истолкование самого составного обозначения «властитель чужеземных стран в качестве защитника Египта» (*hq3 nw ḥ3swt m ndty hr Kmt*). Традиционное в египтологии XX в. соотнесение термина *hq3 ḥ3swt* с манефоновским термином «гиксос» могло бы привести к предположению, что в данном случае применительно к чужеземному правителю актуализируются воспоминания о самой ненавистной эпохе владычества иноземцев в Египте; однако убедительные аргументы А.А. Немировского против такой интерпретации термина «гиксос» позволяют подобное предположение исключить [Немировский, 2013, с. 153—166]. Судя по всему, данный термин по своему значению не отличается от иных случаев его употребления, в том числе в текстах I тыс. до н.э. – в именовании Шебитко *hq3 ḥ3swt* на одном из его фиванских памятников [Leclant, 1965, p. 59—61, § 16, pl. 36—37; Blöbaum, 2006, S. 51, 102] или в пресловутом имени Обоих Владычиц Филиппа Арридея. Судя по всему, он обозначает власть египетского царя чужеземного происхождения, к которому он относится, над обширными неегипетскими территориями, составляющими его коренной домен [Немировский, 2001 (1), с. 101—102, прим. 8 (с отсылками к литературе)]. В указанных нами

¹¹ Некоторые нюансы данной интерпретации были предложены нашими учениками К.В. Кузьминым и К.С. Сорокиной во время учебных занятий по чтению «Большой биографической надписи» Петосириса, о чем мы не можем не упомянуть с благодарностью.

случаях этот термин относится к обладателям легитимного царского статуса в Египте, однако сам по себе указанием на него не является. Базовый же его компонент *ḥqꜣ* служит описательной характеристикой фактической власти и в этом смысле может употребляться по отношению как к египетским богам и правителям, так и к правителям чужеземных стран (см. главу 2, § 2.4.1). При этом следует обратить внимание на такую деталь написания слова *ḥqꜣ* в интересующем нас обозначении в «Большой автобиографической надписи», как его детерминатив. Это знак A_{304E}, представляющий собой фигуру сидящего правителя в двойном венце, с бородкой и с жезлом-*ḥqꜣ* в руках (). Двойной венец, безусловно, является в древнеегипетской традиции одной из инсигний легитимного сакрального правителя, способного совершать ритуал и обозначаемого титулом *nsw-bity* («царь Верхнего и Нижнего Египта», в сокращенной, более обыденной форме – *nsw*, «царь»; см. главу 1, § 1.1.1). Вместе с тем словоупотребление надписей гробницы Петосириса позволяет с уверенностью сказать, что данный титул (притом именно в сокращенной форме) употребляется в них строго по отношению к царям XXX династии и, соответственно, Петосирис не желал признавать сакрального статуса за кем-либо из хозяев Египта после падения этого царского дома [Lefebvre, 1923—1924, t. 3, p. 35; Menu, 1994, p. 316, 320; 1998, p. 249] (см. более подробные отсылки к соответствующим надписям гробницы и связанные с ними замечания о биографии Петосириса и членов его семьи в настоящей главе, § 3.4.2). Слово *ḥqꜣ* употребляется в текстах гробницы Петосириса еще в нескольких случаях, по преимуществу в эпитетах и именах богов [Lefebvre, 1923—1924, t. 3, p. 41]. Единственный случай, помимо рассматриваемого нами обозначения, когда оно употреблено применительно к реальному правителю, – это упоминание в конце «Большой биографической надписи» о похвалах Петосирису от «владельца Египта» (*ḥqꜣ nw Kmt* -) , в котором правомерно видеть сатрапа Птолемея, и от его двора (см. выше наше прим. 8); при этом ни в одном из этих случаев мы не обнаруживаем в написании этого слова такого же или аналогичного ему детерминатива. Сопоставимое написание слова *ḥqꜣ* мы обнаруживаем в надписи на статуэтке старшего сына царя Нектанеба II (поверхность опорного столба, стлб. 1) [Clère, 1951, p. 138]: там оно выписано сочетанием знаков GG(SL) S₃₈ и GG(SL) A₄₄ () , последний из которых представляет собой фигуру сидящего правителя в белом венце и с плетью в руках и прямо ассоциируется с термином *nsw* [Gardiner, 1957, p. 446]. По нашему мнению, на данном памятнике это обозначение может относиться к Александру Великому (см. настоящую главу, § 3.5.2; ср. с идентификацией обладателя интересующего нас обозначения в надписи гробницы Петосириса, которое мы обоснуем ниже). По своему смыслу подобное написание могло быть предназначено для обозначения правителя, который был

неприемлем в качестве сакрального для составителей соответствующих текстов, но при этом имел царский титул; указанием на последний при помощи, по сути дела, аллюзии и мог стать ассоциированный с царским титулом детерминатив в написании слова, обозначающего фактическую власть данного правителя. Скажем сразу, что наличие подобной аллюзии в написании эпитета *ḥqꜣ nw ḥꜣswt* в нашем фрагменте позволяет усомниться в его отнесении к одному из последних Ахеменидов ввиду фактического отсутствия у них легитимного царского статуса в Египте (см. главу 4, § 4.1.1).

Что касается второго компонента интересующего нас обозначения – эпитета *ndty ḥr Kmt*, – исследователи, относившие его как раз к кому-то из Ахеменидов, в свое время оказывались перед непростой задачей отвести в данном случае базовое значение слова *ndty* «защитник, мститель» (Wb. II. 376) [Wilson, 1997, p. 563] и обосновать возможность его употребления как обозначения правителя¹². При этом целый ряд из них, по-видимому, оценив возникающие при этом трудности, постарался избежать их при помощи заведомо описательного или неопределенного перевода данного слова [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 137 (“...alors qu’un roi des pays étrangers était en puissance en Égypte...”); см. сохранение этого сугубо описательного перевода в других франкоязычных работах: Menu, 1994, p. 323; Gorre, 2009 (1), p. 179; ср.: Redford, 2001, p. 38 (“...when all the while a foreign ruler was a dominus over Egypt...”). Вместе с тем уйти от этих трудностей все-таки невозможно, поскольку столь нестандартное значение слова *ndty* не получает сколько-нибудь надежного лексикографического подтверждения; напротив, конструкция *ndty-ḥr...* ярко засвидетельствована в выражении, несущем сугубо позитивные религиозно-идеологические коннотации, – в эпитете бога Хора *ndty-ḥr-it.f* («защитник, мститель отца своего»: Wb. II. 376.11; LÄGG IV. 589; см. также главу 5, § 5.2). Собственно говоря, и значение данного эпитета «защитник Египта» сильно противоречило бы его атрибуции одному из последних Ахеменидов при том отношении к ним, которое сложилось в египетской среде; однако отмеченных его религиозные коннотации и наличие у него внятного оттенка значения «мститель за Египет» делает такую его атрибуцию и вовсе невозможной. Более того, подобное его понимание побуждает поставить вопрос о его отнесении к правителю, который, исторически, в ситуации последних десятилетий IV в. до н.э. и в самом деле мог с определенными основаниями считаться «мстителем за Египет», – к Александру Великому, как в свое время и думал В.В. Струве.

¹² Ср. с вариантами перевода, в которых данное слово явно предстает таким обозначением, очевидно, по аналогии с хорошо известным английским обозначением регента protector: “Es war aber ein Herrscher der Fremdländer als Protektor über Ägypten” [Otto, 1954, S. 181]; “...while the Ruler-of-foreign-countries was Protector in Egypt” [Lichtheim, 1973—1980, vol. 3, p. 46].

Между тем эпитет *ndty hr Kmt* действительно находит достаточно полную и до сих пор не обсужденную исследователями аналогию в египетской царской титулатуре Александра. Его Хорово имя, зафиксированное, по-видимому, в самом начале македонской власти над Египтом в реконструированном святилище барки Амона-Ра в Луксорском храме, выглядит как *mk-Kmt* – «защитник Египта» (см. главу 2, § 2.2.1, 2.2.2). Как видно, само по себе Хорово имя Александра выражает мотив именно защиты им Египта от внешних врагов; отмеченное нами вероятное изменение этого мотива в сторону мщения за Египет в эпитете *ndty hr Kmt* легко объяснить его контекстом в надписи Петосируса, а именно реминисценциями второго персидского владычества. Как известно, вторжение Артаксеркса III в Египет получает и в античных свидетельствах (см. главу 4, § 4.4), и в «Стеле сатрапа» (см. там же, § 4.3.3) отчетливую ассоциацию с известным по «Книге победы над Сетом» IV в. до н.э. (см. главу 1, § 1.2) мотивом вторжения Сета в Египет, которое сопровождалось, в частности, нанесением этим богом большого ущерба храмам. Последнее опять же соотносится со сведениями «Большой биографической надписи» об их состоянии в пору бедствий Египта. Правитель, изгнавший персов из Египта и тем самым сделавший вновь возможным нормальное отправление культов, вполне естественным образом мог быть назван «мстителем за Египет», причем это наименование определенным образом сопоставляло бы его с Хором, изгнавшим Сета из Египта¹³.

Предложенное истолкование обозначения чужеземного правителя во фрагменте «Большой биографической надписи» гробницы Петосируса позволяет вполне уверенно соотнести начало его *лесонии* с царствованием в Египте Александра Великого и с македонским завоеванием. Тогда смута в стране, вызвавшая тяжелое положение египетских храмов, действительно характеризуется в тексте как дело прошлое, хотя его последствия, с которыми столкнулся Петосирус, еще не были преодолены. Отношение самого Петосируса к Александру оказывается амбивалентным: с одной стороны, эпитет *ndty hr Kmt* рисует его в позитивном свете; с другой – обозначение *hq3 nw h3swt* подчеркивает неегипетские истоки его власти, а также сугубо фактический ее характер, без признания за ним статуса сакрального правителя. В таком случае неясно, какое значение имеет в данном фрагменте именование Александра эпитетом, содержащим не просто идеологические, но религиозные коннотации: понятно, что

¹³ Прямой и полной аналогии эпитету *ndty hr Kmt* в обозначениях египетских богов нет; наиболее близкие аналоги – *ndty-n-itrty* («защитник обоих святилищ»; LÄGG IV 590); *ndty mnḥ n niwwt sp3wt* («защитник благодетельный городов и номов»; id. 592); *ndty-mnḥ-n-qbhwy* (id. 593; «защитник благой обоих областей воды»); *ndty-n-niwwt* («защитник городов»; ibid.), *ndty-n-niwwt-sp3wt* («защитник городов и номов»; ibid.), *ndty-nfr-n-niwwt-sp3wt* («защитник прекрасный городов и номов»; ibid.), *ndty-n-gsw-prw-ntrw* («защитник храмов богов»; id. 595), *ndty-n-t-r-3wf* («защитник земли в ширь ее»; ibid.); *3ndty-n-t3wy* («защитник обеих земель»; ibid.).

сопоставление с богом правителя, которому отказано в сакральном характере его власти, выглядит чрезвычайно странно. На наш взгляд, в основе употребления данного эпитета может лежать несколько мотивов, причем составитель «Большой биографической надписи» мог иметь в виду и более одного из них. Прежде всего, религиозные коннотации эпитета *ndty hr Kmt* могли все же быть использованы лишь для придания соответствующему пассажи некоторого «колорита»; сам он мог читаться прежде всего буквально, характеризуя роль, которую Александр исполнил в действительности, освободив Египте от власти персов. Далее, дело могло обстоять сложнее и быть связано с характерным для Египта IV в. до н.э. представлением о том, что сакральный статус царя не имманентен его личности, а определяется присутствием в нем божества (Хора, сына Исиды; см. главу 1, § 1.1.2, настоящую главу, § 3.1.3). Тем самым слова о том, что «властитель чужеземных стран» оказался в качестве «защитника Египта», могли быть репликой этого представления применительно к Александру, в котором как-то должно было выявиться присутствие божества, коль скоро его признали царем Верхнего и Нижнего Египта (очевидно, репликой несколько иронической, учитывая, что эта и другие надписи гробницы Петосириса все же отказывают македонским царям в полноценном сакральном статусе). Наконец, возможно, стоит обратить внимание на следующую за этим эпитетом фразу «не было вещи всякой в месте ее прежнем с давних пор», которая характеризует в целом ситуацию в стране до появления «властителя чужеземных стран в качестве защитника Египта». Можно допустить, что данная фраза содержит отсылку к мотиву инверсии нормального положения вещей, традиционному в древнеегипетских описаниях бедствий страны еще с эпохи I Переходного периода. В Позднее и греко-римское время он был актуален как раз в характеристиках эпох чужеземного владычества, и, в частности, мы видим его в таких текстах египетской традиции, как «Оракул горшечника» и «Оракул ягненка» [Dillery, 2004, p. 387—406; Thissen, 2002, S. 113—138; Koenen, 2002, S. 139—188]. Нельзя исключить, что данная фраза связана с предшествующей ей по смыслу; в таком случае сам факт того, что во «властителе чужеземных стран» обнаруживается (в том или ином смысле) «мститель за Египет» составители текста принимают за проявление (пожалуй, наиболее фундаментальное) пресловутой инверсии нормы по всей стране. Если смысл данного периода текста именно таков, можно думать, что в нем опять же должна звучать доля горькой иронии в связи с признанием Александра царем Верхнего и Нижнего Египта: правитель-чужеземец в этом качестве воспринимается как фигура, способная появиться лишь на фоне множественных и масштабных отступлений Египта от нормального состояния. Подобное восприятие власти македонского царя полностью согласуется с отказом ему в надписях Петосириса в статусе полноценного сакрального правителя Египта.

3.4.2. Гробница Петосириса и ее «мир-двойник»: интерпретация концепции памятника в свете в свете настроений египетской элиты начала македонского времени

Гробница Петосириса, будучи сразу после ее обнаружения оценена как весьма интересный памятник, тем не менее сравнительно редко становилась предметом подробного специального исследования. Еще в 1920—1930-е гг. росписи ее пронаоса, в частности сцена жертвоприношения быка на его южной стене, стали предметом полемики между П. Монте [Montet, 1926] и Ш. Пикаром [Picard, 1931], в связи с проявившимся здесь влиянием персидского или греческого искусства (как представляется, предпочтительно мнение Пикара о греческом влиянии на эти росписи: [Colobova, Ladynin, 2006, p. 31]). Однако, как мы упоминали выше, диссертация С. Накатен [Nakaten, 1986], посвященная этому памятнику, осталась неопубликованной; а монография Шт. Клозе (судя ее названию, с подробным содержательным и стилистическим анализом его изобразительной программы) пока не вышла в свет (см. настоящую главу, § 3.4.1, прим. 1). На фоне относительно небольшой историографии гробницы Петосириса справедливыми и существенными, хотя и очень краткими, оказываются замечания А.О. Большакова в его монографии «Человек и его Двойник» и в основополагающей статье об изображении и тексте как двух языках древнеегипетской культуры. Петербургский исследователь проводит линию преемственности между гробницей Петосириса и памятниками несравненно более раннего времени, вплоть до Древнего царства, обращая внимание на то, что она оказывается одним из немногих погребений I тыс. до н.э., в которых широко представлены сцены земной, повседневной жизни [Большаков, 2001, с. 235, прим. 1; 2003, с. 19]. Помимо гробницы Петосириса подобные сцены, по замечанию Большакова, встречаются еще в «эфиопско-саисских архаизациях»; однако само понятие архаизации предполагает, что эти памятники копируют не только структуру изобразительного ряда, но и стилистику их староегипетских аналогов. Если учесть «новаторство» гробницы Петосириса, проявившееся в мощном греческом влиянии на стилистику именно сцен повседневной жизни, приходится полностью согласиться со словами Большакова, что она – «памятник странный и уникальный». Попыткой найти некое объяснение этому и является настоящий раздел нашей работы.

Как было показано выше, гробница Петосириса должна датироваться приблизительно рубежом IV и III вв. до н.э., что вполне согласуется с нашим мнением об отнесении к царствованию Александра Великого его службы *лесониса* в храме бога Тота в Гермополе. Непосредственно в погребальной камере гробницы Петосириса были помещены саркофаги его самого [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 201—203], его супруги Ренепетнофрет (*Rnpt-nfirt*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 201—203] и, судя по всему, двух их детей (имя одного из них

неизвестно; второго звали Тотрех – *Dhwty-rh*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 203—204]. Вместе с тем, как мы увидим далее, в часовне гробницы Петосириса были помещены тексты и изображения, связанные с погребением и обеспечением посмертного блаженства его отца и старшего брата. Петосирис принадлежал к роду гермопольских жрецов, возвышение которого должно было совпадать с возвышением Гермополя в начале XXX династии, по неясным причинам, но, возможно, в связи с обстоятельствами прихода Нектанеба I к власти. Тогда в Гермополе была развернута обширная строительная программа, завершившаяся лишь в македонское время, в формальное царствование сводного брата Александра Великого Филиппа Арридея [Arnold, 1999, p. 111—113, 131, 138, 139] (см. также главу 2, § 2.3.1). Согласно надписям гробницы Петосириса, все представители его рода, начиная с его дела Дждтотетфанха (*Dd-Dhwty-iw.f-^cnh*) Старшего, культ которого в гробнице не засвидетельствован [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 3], носили жреческие титулы «Старший [из] пяти» (*wr-d3w*) и «управитель престолов» (*hrp-nswt*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 1—2]. Эти титулы указывают если не на высшее, то, во всяком случае, на заметное положение в гермопольской иерархии. Отец Петосириса Сишу (*(Ny)-s(w)-šw*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 3] управлял (*hrp*) гермопольским храмом Тота, причем в одном случае речь идет о его назначении на эту должность «Величеством его» (очевидно, царем; надпись 90, стлб. 1 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 151; t. 2, p. 69; t. 3, pl. LI]; ср. надпись 69, стлб. 16, где речь идет о его назначении на храмовую должность по воле Тота [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 126; t. 2, p. 45; t. 3, pl. XXV.1]). В надписи 90 присутствует целая последовательность эпитетов, указывающих на расположение к Сишу некоего легитимного царя (*nsw*; несомненно, одного из царей XXX династии; см. выше отсылку к данной надписи). А в надписи 69 (стлбб. 10—16) подробно описывается личное общение Сишу с царем (в том числе то, как он говорил тому правду: стлбб. 11—12, ср. надпись 90, стлб. 2 и, косвенно, надпись 128, стлб. 2 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 162; t. 2, p. 91; t. 3, pl. LVI.1]), а также получение от него награды и титула «управителя страны этой» (*iry t3 pn*). Судя по тому, что преемник Сишу во главе гермопольского храма, его сын и старший брат Петосириса Дждтотетфанх, сменил своего отца по воле царя (вне сомнения, последнего царя XXX династии и вообще независимого Египта Нектанеба II – 359/8—342/1 гг. до н.э.; надпись 102, стлб. 4 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 185; t. 2, p. 75; t. 3, pl. LIV.1]), Сишу умер еще до наступления второго персидского владычества.

Б. Меню вполне справедливо обращает внимание на то, что в текстах гробницы Петосириса, посвященных Дждтотетфанху (надписи 100 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 183—184; t. 2, p. 73—74; t. 3, pl. LI] и 102 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 184—185; t. 2, p. 74—75; t. 3, pl. LIV.1]), в отличие от тех, что относятся к жизни Сишу, нет упоминаний о царских милостях,

сопровождавших его карьеру. Из этого она заключает вывод, что значительная часть карьеры Сишу пришлось на время после 343 г. до н.э., когда легитимной царской власти в Египте уже не было [Menu, 1994, p. 318]. Кроме того, в ряде текстов можно уловить намеки на то, что Дждтотефанх при исполнении своих обязанностей был свидетелем бедствий Египта и гермопольского храма и, судя по оправданиям его в неких вредоносных делах, едва ли не был в них вовлечен (надпись 138, стлб. 2: *h3p [h]t hr sšm nw ḥ htm r.f hr sdm.n.f* «закрывающий глаза (букв. “покрывающий [те]ло”) относительно поведения дворца, запечатывающий рот свой относительно услышанного им» [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 194; t. 2, p. 95—96; t. 3, pl. LV.1]; надпись 70, стлб. 5—6: *nn ḥb.i šbw m rw-prw n (i)r(.i) ht r t3 pn m3ḥt ḥnḥ.i nn dš.z r.i dt* «не похищал я приношения в храмах, не (де)лал (я) ничего против земли этой, истина со мной /и/ не покинет она меня вечно» [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 172; t. 2, p. 45; t. 3, pl. XXXIX]; ср. с оправданиями Дждтотефанха перед загробным судом в надписи 63, стлбб. 2—3 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 168; t. 2, p. 39; t. 3, pl. XXIV.1]). Меню также замечает, что тексты, связанные с Дждтотефанхом, не приписывают ему хорошего управления храмом и не утверждают за ним отсутствия какой-либо связанной с этим вины [Menu, 1994, p. 319]. Предположение Меню о том, что Дждтотефанх был не только современником и, возможно, участником событий второго персидского владычества, но даже был казнен за коллаборационизм с персами [Menu, 1994, p. 320], кажется чрезмерным; вместе с тем сама датировка его деятельности этим временем весьма вероятна. При этом Петосирис говорит, что после возведения им гробницы Дждтотефанха вознаградил ее строителей щедро, «как делалось прежде, /когда/ был царь во дворце» (надпись 106, стлбб. 15—16: *mi irt dr m-b3h iw wn nsw m ḥ* [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 187; t. 2, p. 77; t. 3, pl. L]). Естественно думать, что эти расходы – явно немалые – Петосирис понес в бытность лесонисом, т.е. уже в начале македонского времени; в таком случае, Дждтотефанх должен был умереть накануне его или, во всяком случае, незадолго до него, как видно, в отсутствие с точки зрения Петосириса легитимной царской власти в Египте.

По своему плану гробница Петосириса проста и структурно напоминает типичный храм греко-римского времени [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 13—30; t. 3, pl. I—III; Nakaten, 1982, Kol. 995—996; о модели «гробницы-храма», характерной для египетской традиции со времени Нового царства, см.: Assmann, 1987; 2003; Тарасенко, 2009, с. 40—42] (Рисунок 3.4). Фасад ее, обращенный к северу, образован четырьмя колоннами, соединенными интерколумниями и увенчанными растительными капителями двух типов, которые расположены симметрично по центру [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 43—48; t. 3, pl. VI]. Непосредственно за фасадом находится пронаос, соединенный проходом с полностью закрытой часовней [Lefebvre, 1923—

1924, t. 1, p. 49—108; t. 3, pl. VII—XXII] (*Рисунок 3.5*); под ней находится погребальная камера, в которой помещались саркофаги Петосириса, его жены и двоих детей [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 201—206; t. 3, pl. LVII—LVIII]. По четырем сторонам погребальной камеры в часовне расположены квадратные столбы [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 153—166, 188—196; t. 3, pl. LV—LVI]. Общую закономерность размещения и стилистики изображений гробницы можно сформулировать следующим образом: по преимуществу пронаос оформлен сценами повседневной жизни, а часовня – сценами совершения ритуала и изображениями усопших перед божествами, причем если в сценах пронаоса явно видно греческое влияние, то в сценах часовни столь же строго соблюдается египетский канон. В этом общем для оформления гробницы правиле имеются два исключения. Во-первых, в пронаосе, в среднем регистре его южной стены, мы видим в целом, вполне традиционные, испытывающие лишь минимальное воздействие эллинизации сцены почитания Петосириса и Ренепетнофрет их детьми: сыновьями в сценах слева от входа в часовню [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 100—107; t. 3, pl. XVI, XVIII) и дочерьми – справа [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 84—90; t. 3, pl. XVI, XVII] (*Рисунок 3.6*). Во-вторых, явно эллинизирующими оказываются следующие ритуальные сцены: процессия носителей заупокойных даров – на основаниях западной [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 180—183, 1924, pl. XLVI—XLIX] и восточной [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 145—148; pl. XXXV—XXXVI] (*Рисунок 3.7*) стен часовни; принесение даров (по-видимому, жене Петосириса Ренепетнофрет) – на основании южной стены пронаоса слева от входа в часовню [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 107—108; t. 3, pl. XX—XXI]; и очень известная сцена жертвоприношения быка – на основании южной стены пронаоса справа от входа в часовню [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 93—94; t. 3, pl. XIX, XXII.2] (*Рисунок 3.8*; именно в связи с последней сценой в свое время обсуждался вопрос о возможности персидского влияния на стилистику гробницы). Наконец, еще одна особенность рассматриваемой гробницы состоит в том, что все сцены ее часовни, исключая изображения на основании ее стен, связаны с посмертной судьбой не Петосириса и его жены, а его старших родственников: сцены восточной части часовни посвящены его отцу Сишу, а западной – старшему брату Дждетотефанху [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 119—120; *et sq.*]. Как видно, из обозначившихся перед нами закономерностей оформления гробницы Петосириса следует одно вполне фундаментальное заключение: в ней совершенно отсутствуют сцены, в которых Петосирис или его супруга были бы изображены перед богами! Кроме того, среди сцен, связанных с обеспечением посмертного бытия Петосириса и Ренепетнофрет, только две – их почитание сыновьями и дочерьми – выдержаны в традиционной египетской стилистике. Напротив, среди сцен, преследующих ту же цель применительно к старшим родственникам Петосириса, в таком же «абсолютном меньшинстве»

оказываются сцены эллинизирующие: как уже говорилось, в часовне они представлены только процессиями носителей даров на восточной стене, в изобразительном ряду, посвященном Сишу, и на западной – в «ряду Джедтотефанха».

Сцены традиционной стилистики в часовне гробнице Петосириса посвящены следующим сюжетам. На восточной стене, в среднем регистре изображены погребальная процессия Сишу и принесение ему в качестве заупокойной жертвы быка, с отрезанием его ноги (*Рисунок 3.9*; см. об этом мотиве, с отсылками к литературе: [Большаков, 2003, с. 7]). В верхнем регистре мы видим изображение ритуала «отверзания уст и очей» [Матье, 1996, с. 135—146] мумии Сишу, причем в его совершении участвуют Петосирис и дочери усопшего [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 128—145; t. 3, pl. XXVIII—XXXIV]. В южной части стены верхний и средний регистры соединяются и все их пространство занимает изображение внука Сишу, «очищающего» его мумию водой. [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 131—132; t. 3, pl. XXXI, XXXII]. Заметим, что ни в одной сцене восточной стены, связанной с Сишу, мы не видим изображений божеств (так, четыре сына Хора, участвующие в ритуале «отверзания уст и очей», – это изображающие соответствующих богов жрецы [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 132]). В сценах адорации перед богами Сишу появляется лишь на гранях столбов в восточной части часовни: перед рядом не названных по именам богов на северной и южной гранях столба А в южной части часовни [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 153—156]; перед божеством, изображение которого разрушено, Хором Хентимерти, Шу и Тефнут на восточной грани столба С в северной ее части [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 164]; перед Хепри, Имсети и Анубисом – на ее западной грани [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 165]. Из двух самых обширных текстов на восточной стене часовни один, в среднем регистре, – это т.н. «Большая биографическая надпись» Петосириса (см. отсылку выше), а другой, в верхнем регистре (надпись 82), связан с изображенным здесь ритуалом «отверзания уст и очей» [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 130—132; t. 2, p. 33—35; t. 3, pl. XXVIII—XXX].

В отличие от восточной стены часовни, западная стена, посвященная посмертной судьбе Джедтотефанха, оформлена сценами, изображающими не погребальные ритуалы, а собственно его вступление в загробный мир. В верхнем регистре усопший изображен в адорации перед божествами, связанными с Дуатом и пребыванием там солнечного бога [Lefebvre, 1924, pl. XXXIX—XLVI] (*Рисунок 3.10*), – девятью божествами в образе павианов (надпись 71(а): *rnw nw ntrw ḥsyw R^c m dwʒt* «имена богов, восхваляющих Ра в Дуате») [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 172—173; t. 2, p. 46; t. 3, pl. XXXIX, XLII, XLIII], божествами двенадцати часов (надпись 73(а): *rnw nw ntrw sšmy(w) ntr ʒ^c* «имена богов, сопровождающих бога великого») [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 173—175; t. 2, p. 47; t. 3, pl. XXXIX, XLIII] и двенадцатью уреями (надпись

75: *ntrw ntrw shd kkw m dw3t* «имена богов, освещающих тьму в Дуате») [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 175; t. 2, p. 48; t. 3, pl. XL, XLIV]. Также в сценах этого регистра Дждтотефанх приносит жертвы четырем быкам [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 175—176; t. 3, pl. XL—XLI, XLIV—XLV] и, наконец, предстает на загробном суде перед Осирисом Хентииментиу [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 176—177; t. 3, pl. XLI, XLV]. Средний регистр стены полностью занят несколько сокращенной записью 18—й главы Книги Мертвых, сопровождаемой иллюстрирующим ее изобразительным рядом [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 177—180; t. 2, p. 50—53; t. 3, pl. XXXIX—XLI, XLIII—LV]. Столбы в западной части гробницы также связаны с посмертной судьбой Дждтотефанха: подобно Сишу на противоположных столбах он предстает здесь в адорации перед божествами: перед также не названными по именам богами на северной и южной гранях столба В в южной части часовни [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 188—191]; перед Атумом, Осирисом, Хапи и Анубисом на восточной грани столба D в северной ее части [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 195—196]; перед Кебехсенуфом, Гебом и двумя антропоморфными божествами – на его западной грани [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 196].

Сцены на боковых простенках северной и южной стен гробницы, в среднем регистре, изображают воздание почестей усопшим от переживших их родственников. На северной стене таким адорантом оказывается только Петосирис (на западном простенке он чит Дждтотефанха [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 169—171; t. 3, pl. XXV.2], на восточном – Сишу [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 124—127; t. 3, pl. XXV.1]), на южной стене – как Дждтотефанх (он чит Сишу на сцене восточного простенка [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 152; t. 3, pl. XXXVII]), так и Петосирис (он чит Дждтотефанха на сцене западного простенка [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 186—188; t. 3, pl. L]). Характерно, что верхний регистр на восточной стороне северной стены часовни занят сценой получения Сишу и его супругой Нюфретренипет «очищения» от богини Нут [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 124; t. 3, pl. XXV.1]. На симметричной западной стороне сцена верхнего регистра разрушена, но, вероятно, она должна была изображать Дждтотефанха с его женой перед каким-либо женским божеством: учитывая достаточно высокую роль осирических сюжетов в оформлении западной стены часовни, можно допустить, что ею была Исида. Наконец, на южной стене часовни мы видим целый ряд изображений Сишу и Дждтотефанха, чтящих различных богов. В верхнем регистре западной стороны Сишу изображен в адорации перед девятью «богами, чтящими Ра» (надпись 84(a): *ntrw dw3y(w?) R5*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 151; t. 2, p. 65; t. 3, pl. XXXVII]; в симметричной сцене на восточной стороне Дждтотефанх чтит «богов, чтящих владык Эннеады» (II:L; Nr 105(a): *ntrw dw3y(w) nbw psdt*) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 186; t. 2, p. 76; t. 3, pl. L]; и в симметричных сценах на пилястрах южной стены оба усопших чтят по три божества,

названных по именам (Сишу – Атума, Серкет и Хора [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 149; t. 3, pl. LIV.1]; Дждтотефанх – Анха, Чеси и Демеджи [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 184; t. 3, pl. LIV.2]).

Центральная композиция южной стены часовни оказывается едва ли не самой значительной среди ее культовых сцен [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 197—201; t. 3, pl. LII, LIII] (*Рисунок 3.11*). В ее верхнем регистре помещены симметричные изображения Сишу и Дждтотефанха перед Осирисом, сидящим на троне (за спиной его стоят, соответственно, Исида и Нефтида); а средний регистр представляет собой знаменитую сцену воскресения Осириса в виде скарабея, находящегося на *серехе*, между богинями Уаджит и Нехбет. Помимо записи 18-й главы Книги Мертвых на западной стене часовни, аллюзии на этот текст, а также, по мнению Г. Лефевра, на Тексты пирамид, встречаются на пилястрах у входа (надписи 63 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 167—168; t. 2, p. 39—40] и 66 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 120—123; t. 2, p. 41—43]) и в некоторых других надписях. На столбах южной части часовни и пилястрах ее южной стены имеются тексты формул *hṯp-di-nsw* (см. с подробными отсылками к литературе: [Большаков, 2006, с. 189—193]) и «О, живущие, сущие на земле...» (*i ʿnhw tpyw t3*; см. об этой формуле на этапе ранней древности в истории Египта: [Берлев, 1962]), составленные в пользу Сишу (надписи 89 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 150; t. 2, p. 68—69; t. 3, pl. LIV.1] и 116 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 158—160; t. 2, p. 83—84; t. 3, pl. LV.2]) и Дждтотефанха (надпись 102 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 184—185; t. 2, p. 74—75; t. 3, pl. LIV.2] и 125 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 191—192; t. 2, p. 88—89; t. 3, pl. XXIII.3]).

Суммируя наблюдения над оформлением часовни гробницы, можно констатировать резкое различие в сценах ее восточной стены, фиксирующих исключительно заупокойный ритуал, и западной, фиксирующих столь же исключительно судьбу усопшего в загробном мире. Складывается впечатление, что в изобразительных рядах, связанных с Сишу и Дждтотефанхом создатели гробницы попытались продемонстрировать отдельно друг от друга ритуальный и «мифологический» аспекты посмертной судьбы человека. Напомним, что вне этих последовательностей изображений находятся эллинизирующие сцены принесения даров у основания восточной и западной стен часовни: сцены эти также должны быть связаны с посмертным бытием, соответственно, Сишу и Дждтотефанха и не обнаруживают при этом никаких сущностных различий.

Выше уже говорилось о ритуальных сценах, помещенных на южной стене пронаоса гробницы. Напомним, что единственной аллюзией на погребальный ритуал среди них можно считать сцену жертвоприношения быка на ее западной стороне (см. наши отсылки выше) – причем аллюзия эта основательно размыта подчеркнута эллинизирующим характером этой

сцены. Пилястры южной стены пронаоса по обеим сторонам входа в часовню – это единственные места в гробнице, где мы обнаруживаем начертание формулы *hṯp-di-nsu* в пользу Петосириса (надписи 53 и 54 [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 109—110; t. 2, p. 26—27]), причем она адресована не только богам, как правило, фигурирующим в этой формуле (Осирису в ипостасях Хентииментиу и Кинокефала/*p[3]-ḥn*, т.е. в отождествлении с Тотом, и Анубису), но и солярным богам (Ра-Хараhti к востоку и Атуму к западу от входа). Гимн солнцу (надпись 60) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 95—100; t. 2, p. 33—35; t. 3, pl. XXII.1] помещен также в верхнем регистре над сценой почитания Петосириса и его жены их сыновьями, к западу от входа; возможно, некий аналог этому тексту был расположен симметрично ему, но сейчас этот верхний регистр над сценой почитания супругов дочерьми полностью разрушен [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 84]. Стоит заметить, что, строго говоря, размещение гимна солнцу *над* указанной ритуальной сценой соответствует ожидаемому расположению естественного источника света при совершении ритуала, так что стоит подумать, не был ли данный текст предназначен, так сказать, для «освещения» соответствующей части гробницы (ср. о вероятном происхождении образа Осириса как бога неугасимого света наземных помещений гробницы: [Большаков, 2001, с. 103—107]). Сцены почитания Петосириса и Ренепетнофрет их детьми характерны тем, что в них, с возможной поправкой на элементы уже эллинистической стилистики, мы, без сомнения, видим те «условные» изображения прижизненного облика владельцев гробницы, которые хорошо известны по памятникам Древнего царства [Lefebvre, 1924, pl. XVI—XVIII; ср.: Большаков, 2001, с. 150—167, 193—194]. При этом весьма симптоматичны слова, с которыми дети Петосириса и Ренепетнофрет обращаются к своим родителям. В надписи к востоку от входа в часовню слова сыновей владельцев гробницы (надпись 61) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 100—107; t. 2, p. 35—38; t. 3, pl. XVI, XVIII] лишены какого-либо ритуального содержания и представляют собой своего рода панегирическую биографию Петосириса (перекликающуюся с «Большой автобиографической надписью»). В симметричной сцене к западу от входа дочери Петосириса призывают на него милость целого ряда богов (надпись 58) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 85—90; t. 2, p. 29—32; t. 3, pl. XVI, XVII], – однако исключительно с тем, чтобы они посылали ему за гробом как можно больше всяческих материальных благ. Дочери Петосириса подчеркивают, что призываемые ими боги обеспечат специально для их отца не только всевозможные богатства (надпись 58, стлбб. 17—19), но и протекание природных процессов, необходимых для их воспроизводства, и труд занятых в их созидании работников (стлбб. 22—27). Единственная аллюзия собственно на посмертную участь Петосириса – это упоминание Анубиса в связи с его мумификацией (стлб. 28).

Показательно, что и в этом случае какие бы то ни было «мифологические» коннотации его загробного бытия обходятся, а речь идет о консервации его тела как таковой.

Слова дочерей Петосириса о его посмертном благополучии – это, по сути дела, сжатая аннотация сцен повседневной жизни, которые размещены на остальных трех стенах пронаоса его гробницы. Сцены восточной стены изображают полевые работы [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 67—79; t. 3, pl. XIII] (*Рисунок 3.12*), западной – работы в виноградниках [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 59—67; t. 3, pl. XII]. Сцены на интерколумниях, ограничивающих пронаос с северной, фасадной стороны изображают труд ремесленников и именно они показались нам с самого начала особенно примечательными. Исследователи давно обратили внимание, что на этих сценах мы видим изготовление ритонов, украшенных головами животных [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 51—52; t. 3, pl. VII, IX], парадной кровати с ножками в виде протом львов, украшенной фигурами греческих крылатых сфинксов [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 57—59; t. 3, pl. IX, XI], сосудов, воспроизводящих формы греческой керамики, предмета не вполне понятного назначения с украшениями в виде протом животных и какой-то вариации коринфской капители, увенчанного крылатым Эротом [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 52—53; t. 3, pl. VIII, IX] (*Рисунок 3.13*). Вся эта роскошь так или иначе принадлежит к греческой или иранской художественной традиции¹; однако изготовители ее, по своему облику, – явные египтяне! На наш взгляд, едва ли может идти речь о существовании в таком, в общем, провинциальном центре, как Гермополь, местных ремесленных мастерских, которые производили бы имитации столь разнообразных предметов престижного потребления. Более того, при той экономической интеграции зоны Средиземноморья и Переднего Востока, которая была достигнута к началу эллинистической эпохи, эти предметы, вне сомнения, ввозились в Египте из-за рубежа, а не изготавливались на месте. Какое значение могут иметь подобные сцены явно отсутствующего в реальности изготовления египетскими мастерами импортных товаров? На наш взгляд, только одно: эти сцены имеют место не в реальной жизни, а в некоем

¹ См. довольно подробные замечания Г. Колбэрна о предметах, «ассоциирующихся» с Ахеменидской державой (в частности, ритонах), которые присутствуют в сценах гробницы Петосириса, и об их находках в Египте: [Colburn, 2015, p. 186—196]. Колбэрн обращает внимание на то, что Петосирис предпочитает изображать изготовление этих предметов, а не их использование (к примеру, в сценах пира), и объясняет это его стремлением приписать себе высокий статус «царя или сатрапа». В целом исследователь объясняет эти мотивы оформления гробницы желанием Петосириса перенести какие-то «ассоциации», связанные с Ахеменидской державой, на себя и показать, что его восприятие второго персидского владычества не столь однозначно, как могло бы показаться по содержанию надписей [Colburn, 2015, p. 195—196]. Как представляется, данная интерпретация не учитывает, что, наряду с «ахеменидскими» предметами, сцены гробницы Петосириса показывают и предметы, явно связанные с греческой традицией. Так, в сцене, изображающей изготовление предмета, увенчанного Эротом, справа от нее изображено поднесение полуобнаженным работником своему начальнику двух сосудов: в левой руке – скорее, воспроизводящего греческие формы и в правой руке – ритона. В таком случае речь должна идти об изготовлении в «мире» гробницы Петосириса не специфически «ахеменидских», а в целом иноземных по своей специфике престижных предметов.

замкнутом на себя мире, пребывая в котором совершать какие-либо покупки в мире обычном невозможно в принципе. Ответ на вопрос, что это за мир, кажется совершенно очевидным: это известный по гробницам Древнего царства «мир-Двойник» [Большаков, 2001, с. 197—224], сконструированный для Петосириса и его супруги Ренепетнофрет! Посмертное благополучие этой супружеской четы в их «мире-Двойнике» обеспечивают сцены работ на восточной, западной и северной стенах пронаоса, а центром его, без сомнения, являются изображения супругов на южной стене, пребывающих, судя по всему, под немеркнущим солнечным светом и выслушивающих благопожелания своих детей.

Наше предположение о конструировании в гробнице Петосириса «мира-Двойника» дает логичное объяснение тому нарочито контрастирующему стыку эллинизирующей и традиционной стилистики изображений, который мы в ней наблюдаем. Согласно выводам А.О. Большакова, «мир-Двойник» – это четко ограниченная, замкнутая на себя и, если культ в гробнице совершается непрерывно, вечная реплика мира реального, в том виде, который он имеет в момент сооружения погребального комплекса. Между тем к концу IV в. до н.э. жизнь Египта уже успела подвергнуться определенной эллинизации, проявившейся, видимо, и в том, что представитель провинциального жречества уже не мыслил своего посмертного комфорта без ставших привычными импортных предметов престижного потребления. Соответственно, эллинизация сцен повседневной жизни маркирует их принадлежность к «миру-Двойнику» Петосириса, воспроизводящему современную ему реальность. В таком случае мы должны отнести к этому иллюзорному миру и эллинизирующие сцены на основании восточной и западной стен часовни гробницы: изображенные там процессии носителей даров (характерные и для оформления наземных помещений гробниц III тыс. до н.э. [Большаков, 1986, с. 126]) приходится признать той частью посмертного достатка Петосириса, которой он поделился со своими старшими родственниками Сишу и Джедтотефанхом в «их» локусах своей гробницы. Понятно и то, почему определенные группы изображений в гробнице остаются традиционными по своей стилистике. Как известно, в принципе не может принадлежать к «миру-Двойнику» все, что относится к миру богов, включая и связанный с Осирисом загробный мир [Большаков, 2001, с. 226—227]. Более того, изображения богов должны быть каноничны (и, соответственно, выдержаны в традиционной египетской стилистике) уже потому, что истинный их облик, недоступный восприятию людей, они, по-видимому, передавать вообще не могут [Большаков, 2003, с. 9—10, с отсылкой к древнеегипетской категории *ḥm*; см. о ранних плоскостных изображениях божеств в виде их статуй: Большаков, 2003, с. 15]). Сам Петосирис, как недвусмысленно свидетельствуют его титулования и биографические тексты, при всей «эллинизации» своих вкусов и привычек, сознавал себя именно как египетским

(гермопольским) жрецом высокого ранга; соответственно, и его «условное» изображение в гробнице должно быть в целом традиционным (решить окончательно вопрос об элементах эллинизации одежды и предметов мебелировки в изображениях Петосириса, Ренепетнофрет и их детей мы пока все же не рискуем). Что касается сцен погребения Сишу на восточной стене часовни, то, по-видимому, совершенно не случайно размещение, по сути дела, рядом с ними «Большой биографической надписи» Петосириса. Известно, что события жизни владельцев гробниц Древнего царства никогда не фиксировались в их изобразительном ряду и, напротив, всегда излагались в виде текста в биографических надписях [Большаков, Суцевский, 1991, с. 8—9; Большаков, 2003, с. 11—12]. Очевидно, что событиям прошлого не было места в «мирах-Двойниках», во-первых, формировавшихся уже после того, как эти события утратили актуальность, и, во-вторых, обретавших после своего возникновения статичный и «вневременной» характер. Соответственно, погребение Сишу, как эпизод прошлого и, в том числе, биографии самого Петосириса, заведомо лежит вне «мира-Двойника» его гробницы; однако традиционная стилистика этих сцен часовни может иметь и еще одно обоснование – то, что смерть Сишу, несомненно, имела место еще в доэллинистическую пору.

Разумеется, многие категории, связанные с представлениями о «мире-Двойнике», и приемы его конструирования в I тыс. до н.э. были уже не теми, что в Древнем царстве. Так, в гробнице Петосириса мы не видим не только статуи ее владельца «согласно жизни» [Большаков, 2001, с. 167—196], которая теоретически могла быть утрачена, но и подходящего для нее помещения, что уже наводит на мысль об ее отсутствии с самого начала; однако ее индивидуализирующая роль могла быть перенесена и на саркофаг, находившийся в погребальной камере. В сценах, изображающих Петосириса на южной стене пронаоса посреди его «мира-Двойника», нет никаких следов староегипетской «формулы видения», интерпретированной А.О. Большаковым [Большаков, 2001, с. 50, 57]; что касается места в текстах гробницы самой лексемы *k3*, она в них, безусловно, присутствует, однако не играет роли универсального идентификатора всех персонажей сцен повседневной жизни, как это было в гробницах Древнего царства [Большаков, 2001, с. 58—60]. Вместе с тем наблюдения над оформлением гробницы Петосириса как единой системой подводят нас к двум весьма существенным выводам. Во-первых, заметна очень четкая оппозиция между изобразительными рядами, с одной стороны, пронаоса и часовни, с другой, – восточной и западной стен внутри часовни. Это позволяет заключить, что создатели гробницы четко разделяли в своем сознании «ритуально-техническую» сторону погребения, состоящую в создании и «оживлении» мумии (восточная стена, посмертная судьба Сишу), судьбу покойного в мире Осириса (западная стена, посмертная судьба Дждтотефанха) и конструирование «мира-Двойника» как совершенно

особый, полностью внемифологический способ обеспечения посмертного бытия (пронаос, посмертная судьба Петосириса). Во-вторых, концентрация сцен, формирующих «мир-Двойник» Петосириса, в пространстве пронаоса его гробницы, говорит о сохранении представления об этом мире как целостном и замкнутом на себя единстве.

В заключение остановимся на вопросе, с необходимостью встающим в связи с нашими построениями: какой причудливый склад ума мог побудить египетского жреца на рубеже IV—III вв. до н.э., хотя бы и в столь древнем духовном центре, как Гермополь, совместить необычайное новаторство в стилистике своего погребения с такой архаичной его концепцией, как конструирование «мира-Двойника»? Для начала вспомним, что отказ от этой концепции в конце III тыс. до н.э. в значительной, если не в решающей мере был продиктован материальной невозможностью поддерживать гробничный культ в условиях острого кризиса конца Древнего царства и I Переходного периода [Большаков, 2001, с. 231]. Как мы уже видели по сценам ремесленного производства в гробнице Петосириса, неприятие ее владельцем македонских правителей как легитимных царей Египта не мешало ему наслаждаться импортными новинками, доступными во многом благодаря их владычеству и интеграции долины Нила в эллинистическую ойкумену. По-видимому, Петосирис признавал, что в формирующемся эллинистическом обществе, которое обещало быть прочной структурой, его наследникам придется беспокоиться о своем статусе, но едва ли о материальном достатке, и средства для поддержания культа в его гробнице у них и у гермопольского храма, скорее всего, будут. С другой стороны, как мы видели, отцу Петосириса Сишу довелось уйти в иной мир еще в эпоху XXX династии (вероятно, при Нектанебе II), т.е. еще в пору наличия в Египте и мире сакрального правителя, который был способен обеспечить полноценное совершение ритуалов, необходимых для обретения загробной жизни в царстве Осириса. Мы говорили о том, что старший брат Петосириса Дждтотефанх умер накануне македонского владычества или незадолго до него, т.е. уже в ситуации отсутствия такого сакрального правителя. Тем не менее Петосирис едва ли случайно (хотя и в сугубо прагматическом контексте расплаты с работниками, соорудившими гробницу его брата) подчеркивает, что его гробница строилась, «как делалось прежде, /когда/ был царь во дворце» (см. выше отсылку к надписи 106); а несколькими строками раньше говорит: «Боги в сопровождении Осириса внутри нее (гробницы Дждтотефанха – *И.Л*), каждый из них на совершении защиты твоей» (стлб. 12: *ntrw imyw ht Wsir m-ḥnt.z wʿn b im.zn ḥr ir(t) z3.k*). Иными словами, по тем или иным причинам Петосирис совершил погребение Дждтотефанха с апелляцией к божествам загробного мира и так, как если бы в Египте имелся сакральный правитель, даже несмотря на его отсутствие. Вместе с тем самому владельцу гробницы довелось жить и умереть при правителях, которые обосновались в

его стране прочно и которых, как наглядно показывают особенности его биографических текстов, он все же категорически не хотел признать легитимными царями Верхнего и Нижнего Египта (см. настоящую главу, § 3.4.1). По-видимому, Петосирис придавал особенное значение тому, что, несмотря на все материальное благополучие вновь наступившей эпохи чужеземного владычества, нормальные отношения Египта с богами, возможные только при посредничестве истинного сакрального правителя, были теперь нарушены. В таком случае именно это могло побудить его прибегнуть к очень древнему способу обеспечения своего посмертного существования по модели «мира-Двойника», которое не зависело принципиальным образом ни от наличия во главе Египта сакрального царя, ни, по сути дела, от какого-либо вмешательства богов вообще. Несколько противоречит этому предположению наличие в гробнице Петосириса составленной в его пользу формулы *ḥtp-di-nsw*, которая содержит апелляцию к сакральным силам как богов, так и царя. Однако сама эта формула более чем за два тысячелетия настолько прочно вошла в египетскую традицию заупокойного культа, что отказаться от ее начертания, скорее всего, было невозможно независимо от особенностей концепции данной гробницы.

3.5. *Египтяне при азиатском дворе Александра? Вероятное восприятие власти и статуса Александра Великого в двух частных памятниках начала македонского времени*

3.5.1. Автобиографическая надпись Уннефера из Саккара

В настоящем разделе мы обратимся к памятнику с достаточно сложной судьбой, который до сих пор не был полностью опубликован, хотя явно относится к одному из ключевых эпизодов взаимодействия Египта с внешним миром на протяжении IV в. до н.э. и в связи с этим уже не раз использовался египтологами-историками. Как мы постараемся показать ниже, адекватность единственной подробной исторической интерпретации, которую этот источник получил на сегодняшний день, вызывает серьезные вопросы. Разумеется, по-настоящему снять эти вопросы можно только при полноценной публикации данного памятника; в силу этого его интерпретация в этом разделе носит лишь предположительный характер. Однако если она справедлива, то мы можем приобщить его данные к другим свидетельствам о начале македонского времени в Египте, в том числе о восприятии представителями его элиты царей дома Аргеадов.

В 1850 г., в ходе поисков мемфисского Серапеума, зачинатель археологического изучения древнего Египта О. Мариэтт обнаружил в Саккара целый ряд частных гробниц. Среди них была гробница Уннефера (PN I. 79: *Wn-nfr(w)*) – «Сущий благим», т.е. ставший омоложенным и возрожденным после смерти, собственно, эпитет Осириса [Берлев, 2003 (с подробными отсылками к литературе)]; в частой в западных публикациях грецизирующей транскрипции – «Оннофрис», в соответствии с греческой формой этого имени Ὀννώφρις), сына Паинму (*P3-in-mw*), жившего, как стало в дальнейшем ясно, во второй половине IV в. до н.э. (см. расположение гробницы: РМ III²/2. 503—504, map: pl. 46 (E-2)). Мариэтт исключительно высоко оценил качество этого сооружения: по его словам, «ни одна другая гробница не может дать лучшего представления о том, чем должен был быть некрополь Саккара в ту пору, когда множество гробниц, столь же тщательно отделанных, как и эта, украшали его аллеи» [Mariette, 1882, t. 1, p. 11]. Между тем уже во времена Мариэтта от гробницы Уннефера сохранились лишь стены, возвышавшиеся на 1,5 м. над землей. По-видимому, они еще существовали в 1869 г., когда Мариэтт показывал памятники Саккара создателям Суэцкого канала Исмаил-паше, Ассим-паше и Ф. де Лессепсу: согласно более поздним воспоминаниям одного из рабочих Мариэтта, для них была открыта погребальная

камера гробницы Уннефера [Quibell, 1923, p. 14]. В 1910-е гг., когда в Саккара работал Дж. Квибелл, стен гробницы Уннефера уже не было: Квибелл извлек из ее погребальной камеры саркофаг Уннефера и сфотографировал сохранившиеся низ стен и облицовку пола гробницы¹. По сути дела, с тех пор исследования остатков этой гробницы *in situ* не проводились (так, Д. Арнольд приводит ее план в своей статье согласно фотографиям Квибелла) [Arnold, 1997 (2), p. 35, 44 (fig. 6)], а единственной основой для реконструкции ее оформления служат эстампажи ее стен, выполненные по поручению Мариэтта Т. Девериа и с середины XIX в. находящиеся в Лувре [Kaenel, 1980, p. 32]². Надо сказать, что эти материалы пользовались не бóльшим вниманием египтологов, чем археологические остатки гробницы Уннефера. За все время хранения эстампажей в Лувре попытка их изучения была предпринята лишь в 1960-1970-е гг. (по инициативе и при благожелательном внимании, хотя и без прямого участия крупнейшего французского исследователя Позднего времени в Египте Ж. Йойотта), однако она так и не увенчалась их изданием [Kaenel, 1980, p. 32—33].

Основой для определения времени жизни Уннефера (и, соответственно, для датировки его гробницы) служат надписи его саркофага (ММА 11.154.1а, в)³. Согласно ним, Уннефер был ««слугой бога» Нектанеба-сокола⁴, «слугой бога» образов отца царя, начальника войска Чахепиму⁵», т.е. исполнял жреческие функции, связанные с культом изображений Нектанеба II

¹ Согласно характеристике Квибелла, небольшие вытянутые блоки, из которых сложена гробница Уннефера, характерны для построек XXX династии [Quibell, 1923, p. 14, pls. XXXVI—XXXVII]. Стоит, однако, отметить, что черты различия между египетскими частными гробницами времени XXX династии и раннептолемеевского времени установлены сравнительно плохо, ввиду немногочисленности твердо датированных памятников второй половины IV в. до н.э. [Dodson, 2010, p. 824].

² Среди документов Т. Девериа, хранящихся в Лувре, архивное дело № 5387 содержит 95 эстампажей, выполненных в гробнице Уннефера (сообщение заведующей документацией Отдела египетских древностей Музея Лувра Э. Давид от 4 сентября 2012 г.; ср.: РМ III²/2. 503—504; [Arnold, 1997 (2), p. 34].

³ Специальная публикация этого памятника отсутствует; см. электронный ресурс: <http://metmuseum.org/Collections/search-the-collections/100009270> (дата обращения: 30.04.2017); о месте данного саркофага в ряду аналогичных памятников XXX династии и о религиозном значении его оформления см.: [Manassa, 2007, vol. 1, p. 5, 19, 21, 29, 42, 63, 70].

⁴ *hm-ntr Nht-Hr-Hbyt-p3-bik*; cf. [Meulenaere, 1960, p. 93]; о скульптурных группах «соколов-Нектанебов см. главу 1, § 1.1.2, и [Ладынин, 2009 (4)]. Ф. фон Кенель приводит серию титулов Уннефера, «обнаруженных на стенах его гробницы и на гранитном саркофаге» [Känel, 1984, p. 198—199], включая рассматриваемые нами (см. настоящее и следующее примечания), однако не указывает их точного размещения.

⁵ *hm-ntr n twt n it-nsw imy-r-mšc T3-Hp-imw* [Meulenaere, 1963, S. 91]. Чахепиму – отец Нектанеба II, которому, согласно античной традиции, было доверено управление Египтом в период войны Тахоса (др.-егип. Джед-Хор – предшественника Нектанеба II на престоле) против персов и который содействовал перевороту, приведшему на престол его сына (*Diod.* XV. 92. 3—5); по мнению Х. де Мельнера, брат Тахоса, коль скоро Нектанеб II считается его племянником (*Plut.* Ages. 37. 3) [Meulenaere, 1963, S. 91—93]. Единственный известный памятник Чахепиму – статуя ММА 08.205.1 (см.: [Petrie, 1909, p. 13, pl. 31—33; Chevereau, 1985, p. 154—155], а также электронный ресурс: <http://metmuseum.org/Collections/search-the-collections/100009166>; дата обращения: 30.04.2017); надписи на ней включают царское имя Нектанеба II и титул *sn nsw it bity* – «брат царя Верхнего Египта /и/ отец царя Нижнего Египта» или, может быть, «брат /и/ отец царя Верхнего и Нижнего Египта». А. Энгсхеден

и его отца (ср.: [Otto, 1957, S. 201—203]); соответственно, пик его жреческой и чиновной карьеры приходился на время не ранее царствования Нектанеба II (359/8—342/1 гг. до н.э.). Надо сказать, что данной синхронизацией исчерпываются сколько-нибудь точные (как видно, и в этом случае лишь относительно точные) сведения о жизни Уннефера⁶. Большая же часть суждений о ней, высказанных на сегодняшний день в литературе, так или иначе восходят к интерпретации автобиографической надписи Уннефера на внешней стороне восточной стены его гробницы, которая была предложена Ф. фон Кенель. Именно эта французская исследовательница, по предложению Ж. Йойотта, явно интересовавшегося этим текстом, но, видимо, не имевшего времени для непосредственной работы с ним, планировала опубликовать тексты гробницы Уннефера по данным эстампам. Она начала готовить их перевод и в 1980 г. сделала во Французском обществе египтологии, а затем опубликовала в его «Бюллетене» сообщение об автобиографической надписи Уннефера [Kaenel, 1980, p. 31—45]. Трудно судить о том, до какой стадии были доведены фон Кенель ее изыскания, связанные с гробницей Уннефера. Материал его титулов она использовала в своей монографии о древнеегипетских жрецах Сохмет и Серкет, связанных по своим функциям с медицинской сферой [Känel, 1984], однако публикация эстампажей Девериа осталась ею не реализованной; а с конца 1980-х гг. работы фон Кенель вообще практически не появляются⁷.

заметил, что в надписях на этой статуе не отмечено его рождение от царя (Нектанеба I – отца Тахоса); исходя из этого, он предположил, что греч. ἀνεξίτος, обозначающее родство Нектанеба II и Тахоса у Плутарха (loc. cit.), следует понимать как «двоюродный брат, кузен», а не «племянник» (см., кстати, русский перевод К.П. Лампсакова: [Плутарх, 1994, т. 2, с. 59]), и что эпитет *sn nsw* («брат царя...») на статуе Чахепиму обозначает его родство не с Тахосом, а с Нектанебом I [Engsheden, 2006, p. 63—65]. Подобное уточнение возможно, хотя и не абсолютно доказательно и так или иначе не влияет на наши дальнейшие аргументы в настоящей работе (для них принципиально отцовство Чахепиму по отношению к Нектанебу II, считающееся надежно установленным по совокупности сведений памятников его самого и Уннефера).

⁶ Предположение Х. де Мёльнере о том, что Уннефер был отцом современника XXX династии визиря Харсиеси, основанное на его филиации согласно одному из его памятников [Meulenaere, 1960, p. 92—93 (1)] и воспринятое некоторыми исследователями [Arnold, 1997 (2), p. 34], кажется нам достаточно произвольным. Учитывая, что Харсиеси хотя и стал визирем, с высокой вероятностью, при Нектанебе II, но, очевидно, был и современником Нектанеба I [Meulenaere, 1957, S. 235—236], не менее весомым было бы и допущение, что он и Уннефер – владелиц гробницы в Саккара – принадлежали к одному поколению. Имя отца Харсиеси, при высочайшей распространенности в Египте имени «Уннефер» (см. о его значении как эпитета Осириса выше), быть сильным аргументом в пользу предположения де Мёльнере не может заведомо. Что же касается связи с религиозной жизнью Бехбейт эль-Хагара и Харсиеси [Meulenaere, 1957, S. 233—235], и Уннефера (судя по его титулам, явно меньшей [Känel, 1984, p. 198—201]), то это может быть совпадением, вполне вероятным при значимости этого религиозного центра в царствование Нектанеба II [Favard-Meeks, 2003, S. 97—108].

⁷ Последняя из них, известная нам [Känel, 2002], отделена от предыдущей [Känel, 1988] почти 15-летним сроком. По любопытному совпадению, согласно сведениям Ф. фон Кенель, в конце 1960-х гг. из египтологии ушел Ю. де Новьен, также занимавшийся по предложению Ж. Йойотта текстами гробницы Уннефера по эстампам Девериа: [Kaenel, 1980, p. 33].

В своей публикации 1980 г. Ф. фон Кенель изложила содержание автобиографической надписи Уннефера и воспроизвела факсимиле небольшой ее части [Kaenel, 1980, p. 42—45, fig. 6] (Рисунок 3.14)⁸; ряд важных терминов, встречающихся в данном источнике, был приведен в транслитерации в тексте публикации. Надпись была размещена на стене гробницы столбцами, ориентированными слева направо; уже ко времени работ Мариетта и Девериа в Саккара она сохранилась лишь частично, поскольку разрушенились верх и левая (южная) часть несшей надпись стены гробницы (последнее не позволяет точно определить число ее столбцов; сохранилось их 39). В первых сохранившихся столбцах (x+1 – x+4) речь идет о погребении быка Аписа, в котором участвовал Уннефер, и о поиске затем нового священного быка, которого, опять же его заботами, удалось найти в районе Гелиополя. Далее следует упоминание о том, что некий правитель⁹ «...[покинул] Египет со своим войском» и «...[отправился] к Азии. Однако, был советник¹⁰ в его окружении...» (видимо, стлбб. x+5 – x+6; роль данного вельможи в описываемых событиях остается неясной). В дальнейшем Уннефера постигли бедствия; он был арестован, и в связи с ним велось дознание на самом высоком уровне: «...достиг приказ¹¹ начальника, управлявшего Землей (возлюбленной)¹²... достиг приказ начальника, управлявшего Землей возлюбленной, чтобы взять... [Прив]ели (меня) к нему; был я в оковах из меди¹³; был каждый слаб сердцем¹⁴ за меня. Не...» (стлбб. x+7 – x+10: ...*spr wstn r wr hrp t3 | [mry]*... *spr wstn r wr hrp t3 mry r it*... [*i*]n.tw(*i*) n.f iw.i m nt(i)t nt bi3 wn b(w)-nb nn(y)-ib hr.i n.|...). В результате дознания у пресловутого правителя Египта судьба Уннефера переменилась к лучшему: «...подле него. Вопросил он меня; слышал он слова мои, великие похвалой в сердце его. Защитил он меня...» (стлб. x+10: (r?)-gs.f nd.n.f wi sdm.f mdt.i ʕ3 hzw m ib.f hwt.n.f wi...). Уннефер был полностью оправдан и даже получил дары (стлбб. x+11); затем он отправился в

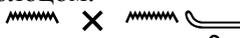
⁸ Ниже мы приводим изложение автобиографической надписи Уннефера согласно указанной публикации Ф. фон Кенель. Цитаты из надписи приводятся в соответствии с ее французским переводом, который, при возможности, дополняется транслитерацией древнеегипетского текста и отчасти корректируется на его основе.

⁹ По-видимому, в этом контексте появляется термин *nsw* (легитимный царь Египта), о наличии которого в надписи Ф. фон Кенель говорит далее [Kaenel, 1980, p. 44].

¹⁰ “Chancellor” [Kaenel, 1980, p. 42]; древнеегипетское соответствие данного слова не указано.

¹¹ Согласно Ф. фон Кенель, “клеветническое письмо» (“une lettre mensongère” [Kaenel, 1980, p. 42]: см. ниже, наше прим. 21. Данный перевод необходимо скорректировать исходя из глоссы берлинского «Словаря египетского языка», фиксирующей для данного слова *wstn* в греко-римское время значение «приказ», в т.ч. царский (Wb. I. 367).

¹² Уверенное восстановление по аналогии со следующим столбцом.

¹³ “Des liens en cuivre” [Kaenel, 1980, p. 42]. В тексте – ; cf. *nti* (Wb. II. 351. 6; GWÄD 440).

¹⁴ В тексте – ; cf. *nmi* (Wb. II. 275; GWÄD 416)?

Азию с флотом транспортных и боевых кораблей (*kbnt*¹⁵): «достигнул я места, где находился владыка Обеих Земель (*ḥqꜣ tꜣwy*), нашел я его в стране Су» (стлб. х+16 – х+18; согласно комментарию Ж. Йойотта, внесенному в публикацию фон Кенель непосредственно от его имени, это обозначение с наибольшей вероятностью соответствовало персидским Сузам¹⁶). В Азии Уннефер получил аудиенцию у некоего правителя, что произвело на него огромное впечатление и было исключительно важно для его дальнейшей судьбы: «Я же оставался в молчании. Тогда он сказал мне: “Не печалься из-за этого. (Вот) приказ мой: поспеши вернуться в страну, где ты родился”» (стлб. х+23). После этого Уннефер отправился на родину: «...после этого, вернулся я в Египет. Я нашел посланца начальника, управлявшего Египтом... обнял он меня, покрыв он меня поцелуями, провел он день со мной и, пока день не окончился, расспрашивал обо всем...» (стлб. х+25 – х+26). Автобиография заканчивается упоминанием о сооружении гробницы Уннефера в Серапеуме (стлб. х+29).

В статье Ф. фон Кенель была предложена и историческая интерпретация данного источника. По ее мнению, бедствия Уннефера в Египте были связаны с тем, что он стал жертвой клеветы; очистившись от нее перед пресловутым правителем Египта нецарского статуса («начальником, управлявшим Землей возлюбленной» – *wr ḥrp tꜣ mry*), он отправился в Азию, чтобы предстать перед находившимся там царем Египта. В Азии Уннефер провел некоторое (неясно, насколько продолжительное) время, причем фон Кенель приписывала ему в течение этого времени занятия медицинской практикой. Основанием для предположения об этом был один из жреческих титулов Уннефера *ḥrp Srqt* («Заклинатель Серкет») [Känel, 1984, p. 198—199; cf. Burkard, 1994, S. 40—42], а также аналогия с другими египтянами, оказывавшимися в Азии, – с Уджахорреснетом в начале первого персидского владычества¹⁷ и с

¹⁵ См. о данном термине: [Darnell, 1992], а также «“Стела сатрапа”»: перевод и комментарий», П.З.в, комм. «б». В данном эпизоде, в его изложении Ф. фон Кенель, далеко не все понятно: по ее словам, Уннефер возглавлял эту флотилию (“A la tête de la flotte... Onnophris s'embarque ensuite pour l'Asie...” [Kaenel, 1980, p. 44]); однако это совершенно не отразилось в известных нам его титулах [Känel, 1984, p. 198—201] (ср. с титулами Уджахорреснета на его наофорной статуе, среди которых, несмотря на его также преимущественно жреческое амплуа, мы видим указание на временное командование флотом при Амасисе и Псамметихе III [Posener, 1936, p. 6—7]). Скорее всего, Уннефер отправился в Азию не в военном качестве; впрочем, чтобы судить об этом эпизоде с уверенностью, необходимо прямое обращение к соответствующему фрагменту его автобиографии.

¹⁶ “[On pensera évidemment à Suse, la capitale du roi perse, en égyptien Soush...]” [Kaenel, 1980, p. 45, n. 20, со ссылкой на: Edel, Mayrhofer, 1970, p. 5—7]. Заметим, что при подобном понимании этого обозначения путешествие в Азию Уннефера (и, очевидно, всей миссии египтян, в составе которой он его проделал), скорее всего, не могло быть исключительно морским.

¹⁷ Уджахорреснет носил титул *wr swnw* («начальник, старший врачей»), закрепленный за ним Камбисом, который также сделал его своим «другом» (*smr*) и «управляющим дворцом» (*ḥrp-ḥ*) [Posener, 1936, p. 7]. Из этого, по аналогии с известными сообщениями Геродота (*Hdt.* III. 1, 129—130), порой делается заключение, что он стал врачом при персидском дворе (см., например: [Burkard, 1994 S. 42—43]). Строго говоря, из текста автобиографии Уджахорреснета, в том числе из описания его пребывания в Иране при Дарии I [Posener, 1936, p. 22], это вовсе не следует.

Сематауитефнахтом в годы второго персидского владычества (см. главу 3, § 3.1.1, главу 4, § 4.1.2); иных оснований для этого, насколько позволяет судить надпись Уннефера в изложении фон Кенель, нет. В конце концов Уннефер оказывается при дворе чужеземного правителя, который и обращается к нему с утешительными словами и побуждает его вернуться на родину. Сама формулировка этого предложения показывает, по справедливому, на наш взгляд, мнению фон Кенель, что оно исходит не от божества (как, например, в случае Сематауитефнахта), а от вполне реального правителя, притом неегиптянина. Фон Кенель относит злоключения Уннефера к эпизоду войны царя XXX династии Тахоса с державой Ахеменидов (ок. 359 г. до н.э.), которая закончилась его низложением с престола и бегством в Персию, а также прекращением военных действий новым египетским царем Нектанебом II (см. выше наше прим. 5; [Дандамаев, 1985, с. 244—245 (с датировкой 360 г. до н.э.); Salmon, 1985, p. 163-164; Briant, 1996, p. 682—683, 1019]). Как считала исследовательница, Уннефер отправился в Азию, чтобы предстать перед воевавшим там Тахосом, но в результате последующих событий оказался каким-то образом в ахеменидской метрополии, где и предстал, очевидно, перед Артаксерксом II и III (смена первого вторым на престоле произошла как раз в ходе войны с Египтом) [Kaenel, 1980, p. 41—45]. Достаточно важным основанием для помещения событий жизни Уннефера именно в этот исторический контекст является, по мнению фон Кенель, его сан жреца культовых изображений Чахепиму и Нектанеба II, что побуждает числить его среди их сторонников в коллизии переворота, произошедшего во время азиатской кампании Тахоса [Kaenel, 1980, p. 40—41].

Данная интерпретация, со времени публикации Ф. фон Кенель, воспроизводилась в литературе с разной степенью подробности многократно (см.: [Burkard, 1994, S. 40—42; Briant, 1996, p. 878—879, 1019; Bard, 1999, p. 846; Vittmann, 2003, S. 142—143; Perdu, 2010, p. 155—156]; настоящий перечень, несомненно, не является полным); вместе с тем никто, насколько нам известно, не пытался оценить ее критически (тем более верифицировать на основе нового прямого обращения к материалам гробницы Уннефера). Между тем, как нам представляется, критический взгляд на данную интерпретацию необходим. Очевидно, что она не может получить прямого и полного обоснования из самого текста источника, коль скоро в нем не приведено ни одного собственного имени тех лиц, с которыми взаимодействовал Уннефер. Иными словами, состоятельность этой интерпретации определяется целиком и полностью тем, насколько последовательное и непротиворечивое объяснение содержания данного текста и всех его особенностей она предлагает. Между тем серьезный анализ интерпретации Ф. фон Кенель должен, по нашему мнению, с необходимостью привести к

заклучению, что о последовательности и непротиворечивости в данном случае не может быть и речи.

Как мы видели, для интерпретации Ф. фон Кенель существенно допущение, что Уннефер, отправившись в Азию на аудиенцию к Тахосу, в итоге каким-то образом оказался при дворе персидского царя и на аудиенции у него удостоился его милости. Это допущение объясняет, каким образом Уннефер мог быть принят правителем-неегиптянином, к тому же «найдя» перед этим египетского царя Тахоса, по предположению Ж. Йойотта, в персидской столице Сузах. Однако оказаться в Сузах одновременно и у Тахоса и при дворе персидского царя Уннефер мог только в одном случае – если он стал каким-то образом свидетелем или участником (вольным или невольным) перехода Тахоса к персам. Сознательное участие Уннефера в этом плохо совместимо с предположением фон Кенель (впрочем, достаточно произвольным) о его политических симпатиях к «партии» Нектанеба и его отца Чахепиму – мятежников против Тахоса; но и независимо от этого, после подобного визита в Сузы Уннефер едва ли получил бы милостивый прием при возвращении в Египет, где уже царствовал свергнувший Тахоса Нектанеб II. В связи с этим правомерно вспомнить, что Сематауитефнахт, оказавшийся в Персии после завоевания Египта Артаксерксом III и в принципе оценивавший свою способность снискать милость Великого царя позитивно, все же не стал живописать в своей автобиографии какие-либо эпизоды личного общения с ним (хотя оно, по-видимому, имело место; см. главу 4, § 4.1.2). Между тем личный контакт с царем – это хорошо известный топос автобиографий древнеегипетских вельмож с эпохи Древнего царства. Исходя из этого, было бы естественно предположить, что аудиенция, описанная Уннефером (причем, кажется, весьма подробно) была ему предоставлена хоть и за пределами Египта, но все же не одним из Ахеменидов, а именно египетским легитимным царем.

Судя по характеристике, которую автобиография Уннефера получила в публикации Ф. фон Кенель, события его жизни получают в ней весьма неравномерное освещение. Правда, трудно судить о том, сколь обширной была несохранившаяся начальная часть этого текста; а публикация фон Кенель оставляет в тени около 10 завершающих ее столбцов. Однако по крайней мере 22 ее столбца ($x+5$ – $x+26$ – вероятно, не менее половины ее общего объема), должны быть посвящены фактически одному и тому же сюжету – злоклучениям Уннефера, начавшимся в Египте и завершившимся после его путешествия в Азию. Полным разрешением возникшей вокруг Уннефера острой ситуации явно стала аудиенция, полученная им в Азии: об этом свидетельствуют не только слова правителя, обращенные на ней к Уннеферу, но в особенности прием, который был оказан ему после и, очевидным образом, вследствие этого в Египте. Между тем было бы совершенно невероятно, чтобы подобную силу для судьбы

египтянина на его родине в эпоху XXX династии имело бы расположение к нему Великого царя, тем более в ситуации, когда с ним велась или только что закончилась война и когда он принял у себя низложенного царя Египта. При этом не следует забывать, что поводом к действиям в отношении Уннефера в Египте стало получение пресловутым «начальником, управлявшим Землей возлюбленной» (*wr hrp t3 mry*), какого-то приказа от вышестоящего лица (см. выше и наше прим. 11). Однако, коль скоро сам этот сановник, по смыслу его титула, был наместником всего Египта, назначенным царем явно в связи со своим отбытием из пределов страны (о последнем в тексте, как мы помним, говорится прямо), то и вышестоящим лицом по отношению к нему и должен быть сам этот царь!¹⁸ В таком случае логика рассказа Уннефера о его злключениях становится довольно очевидной: он попадает в некую немилость и оказывается доставлен на дознание к наместнику Египта; наместник, разобравшись в его деле, освобождает его, но отправляет для окончательной санкции своего решения на аудиенцию к самому царю; наконец, эта аудиенция происходит, и судьба Уннефера решается благоприятно. Однако тогда мы опять же должны заключить, что в Азии Уннефер был принят не кем-то из Ахеменидов середины IV в. до н.э., чья власть не распространялась на Египет, а его легитимным и реально правившим царем, который, однако, находился за пределами Египта и, возможно, был при этом неегиптянином.

Стоит обратить внимание, что из интерпретации Ф. фон Кенель автобиографии Уннефера фактически выпал один эпизод, притом весьма существенный, поскольку как раз для него можно попробовать найти точное хронологическое соответствие, – похороны Аписа и обретение нового священного быка при участии Уннефера, упомянутые в начале текста, еще до его злключения. Известные нам свидетельства фиксируют на протяжении IV в. до н.э., в пределах правления последних местных царских династий, смерть и погребение Аписов в следующие годы: Год 2 царя XXIX династии Неферита I (ок. 397/6 г. до н.э.; царствовал ок. 398/7–392/1 гг. до н.э.), Год 3 царя XXIX династии Акориса (ок. 390/89 г. до н.э.; царствовал ок. 392/1–379/8 гг. до н.э.), Год 3 царя XXX династии Нектанеба I (ок. 377/6 г. до н.э.; царствовал ок. 379/8—361/0 гг. до н.э.), Год 3 Нектанеба II (ок. 357/6 г. до н.э.; см. характеристику источников: [Devauchelle, 1994 (2), p. 106—108]). Кроме того, сравнительно недавно был опубликован рZagreb 597-2, где идет речь о погребении в царствование Нектанеба II (и

¹⁸ Г. Виттман в своей характеристике автобиографии Уннефера указывает, что этот сановник тождествен с иноземным правителем, с которым имел дело Уннефер [Vittmann, 2003, S. 143]. Такое указание свидетельствует о невнимательности, с которой Виттман познакомился с характеристикой данного источника в публикации Ф. фон Кенель и, может быть, в некоторой мере, о противоречивости его интерпретации, предложенной фон Кенель. Вместе с тем, совершая данную ошибку, Виттман, без сомнения, ориентировался на случаи употребления термина *wr* применительно к ахеменидским властителям Египта в надписях их времени (см. об этом термине и о таком его употреблении главу 2, § 2.4.1).

одновременно с отражением этим царем персидского нападения – очевидно, 351 г. до н.э.) Аписа, прожившего 6 лет и 8 месяцев [Meyrat, 2014] (см. подробнее главу 2, § 2.3.2) и, очевидно, следовавшего за умершим на Году 3 Нектанеба II. При предложенном фон Кенель соотношении содержания автобиографии Уннефера с событиями азиатской кампании Тахоса (359 г. до н.э.) заведомо не могут рассматриваться как более ранние события смерть Аписа на Году 3 Нектанеба II (и тем более в 351 г. до н.э.!) и еще более позднее обретение нового быка. В источниках нет сведений о смерти Аписа и о поисках нового священного быка в годы перед воцарением Нектанеба II, при Тахосе или в последние годы Нектанеба I (в целом на протяжении 360-х гг. до н.э.), а сохранность источников, связанных с культом Аписа, в общем, не побуждает допустить, что какой-то из таких эпизодов на протяжении IV в. до н.э. остался нам неизвестен¹⁹. Теоретически можно было считать, что эпизод, о котором идет речь в начале автобиографии Уннефера, – это смерть Аписа на Году 3 Нектанеба I и последующее обретение священного быка. Хотя эти события и отделены от азиатской кампании Тахоса значительным промежутком времени – более чем полутора десятилетиям, – исключить априорно, что они упомянуты в автобиографии Уннефера, конечно, было бы нельзя. Однако тогда большая часть его карьеры пришлось бы на царствование Нектанеба I, при том что весьма важный жреческий сан Уннефера был связан с культом изображений членов царской династии. Было бы несколько странно, если, начав карьеру, весьма вероятно, даже не при Нектанебе I, а при ком-то из его предшественников и, соответственно, основательно выдвинувшись именно в его царствование, он оказался бы жрецом изображений Нектанеба II и Чахепиму, но не Нектанеба I, хотя культ изображений последнего также засвидетельствован [Otto, 1957, S. 202; Meulenaere, 1960, p. 92 (1), 94 (4—6), 95 (8), 96 (10)]! Как видно, при соотношении событий автобиографии Уннефера, связанных с культом Аписа, с известными нам конкретными эпизодами времени XXX династии, возникают серьезные трудности; и это опять же побуждает задуматься о степени обоснованности интерпретации этого источника, предложенной фон Кенель.

Наконец, еще один важнейший для интерпретации автобиографии Уннефера момент – это определение личности наместника Египта, называемого в данном тексте «начальник, управлявший Землей возлюбленной» (*wr hrp t3 mry*). Если события, описанные в автобиографии Уннефера, действительно разворачивались во время азиатской кампании Тахоса и накануне переворота, приведшего на египетский престол Нектанеба II, то единственным лицом, положению которого соответствовало бы это обозначение, был бы, согласно сведениям

¹⁹ Бык, который, будучи обретен после смерти Аписа на Году 3 Нектанеба I, умер бы на Году 3 Нектанеба II, должен был, как видно из приведенных нами датировок, прожить несколько меньше 20 лет, что вполне правдоподобно: при Дарии I известен пример жизни Аписа с Года 4 по Год 31 этого царя [Devauchelle, 1994 (2), p. 103].

античной традиции, отец Нектанеба II Чахепиму (см. наше прим. 5). Однако, как мы знаем, Уннефер был жрецом культовых изображений Чахепиму, как отца царя, и его имя в составе соответствующего титула присутствовало в надписи на саркофаге Уннефера (см. там же). Достаточно трудно объяснить, почему в автобиографической надписи в гробнице Уннефера, в погребальной камере которой и находился этот саркофаг, Чахепиму не назван ни личным именем, ни титулом «отец царя» (как легко понять, важнейшим), а лишь при помощи описательной характеристики его властного статуса.

Между тем именно эта характеристика, соответствующая власти над Египтом сановника нецарского статуса, который действует от имени и по поручению царя (своего рода «регента Египта»), достаточно примечательна; при этом она ни разу не была предметом специального внимания Ф. фон Кенель и исследователей, ориентировавшихся на ее публикацию. Аналогии этому обозначению, близкие хронологически к IV в. до н.э. или просто относящиеся к нему, можно усмотреть в ряде обозначений ахеменидских царей в египетских иероглифических надписях их времени с употреблением термина *wr* и в несомненных или вероятных обозначениях Птолемея в египетских иероглифических текстах, относящихся к времени его сатрапии в Египте (см. главу 2, § 2.4.1). Исходя из того, что уже было нами сказано, достаточно очевидно, что обозначение *wr hrp t3 mry* в автобиографии Уннефера относится не к суверенному правителю Египта высшего, царского, статуса (какими являлись Ахемениды в эпоху первого персидского владычества в Египте), а именно к его наместнику. Сообразно этому, для определения исторического контекста событий жизни Уннефера их нужно соотносить с такой эпохой (очевидно, уже после Нектанеба II, с культом которого Уннефер был связан), когда Египет был частью межрегиональной державы, а ее правитель признавался легитимным египетским царем и управлял Египтом через своего наместника.

Характерным образом, двое проницательных исследователей эллинистического Египта, М. Шово и Кр. Тьер, уже высказывали мимоходом и скорее в имплицитной форме мнение, что гробницу Уннефера можно было бы вписать в контекст событий не середины IV в. до н.э., а второго персидского владычества [Chauveau, Thiers, 2006, p. 388]²⁰, т.е. кануна македонского завоевания Египта. Вместе с тем Артаксеркс III, Арсес и Дарий III, действительно, правившие в течение этих лет Египтом через посредство своих наместников (см. главу 2, § 2.1), – малоподходящие кандидаты на отождествление с пресловутым правителем, аудиенция у которого решила судьбу Уннефера. Прежде всего, в целью путешествия Уннефера в Азию в его автобиографии достаточно однозначно названа встреча с легитимным египетским царем;

²⁰ В перечне иероглифических автобиографических текстов, относящихся к кануну и началу македонского времени в Египет, приведен перевод Ф. фон Кенель фрагментов автобиографии Уннефера и сделана ремарка: “L’identité des personnages est incertaine: Téôds, Artaxerxès III?”.

однако ни один из последних персидских правителей Египта, судя по всему, не только не признавался в этом качестве египтянами, но и не претендовал на такое признание (см. главу 4, § 4.1.1). Указание на подобную цель путешествия Уннефера в Азию применительно ко второму персидскому владычеству попросту не имело бы смысла. Далее, выше мы уже сказали, что уроженец Гераклеополя Сематуитефнахт, в период второго персидского владычества оказавшийся в Персии (очевидно, депортированный туда вместе со своей жреческой корпорацией; см. главу 4, § 4.1.3) и снискавший себе милость Великого царя и его приближенных, воздержался от того, чтобы распространяться в своей автобиографии о контактах с этими чужеземцами. Причины этого достаточно прозрачны: в начале македонского времени, к которому и относится надпись Сематауитефнахта, второе персидское владычество было оценено негативно, и, соответственно, подчеркивание близости с его прямыми виновниками было бы воспринято без одобрения. Когда Сематауитефнахт все же говорит о своем возвышении при персидском дворе, он стремится продемонстрировать проявившееся в этом покровительство ему местного бога Гераклеополя Херишефа, а не факт близости к Великому царю. Между тем мы видели, что в автобиографии Уннефера его аудиенция у владеющего Египтом правителя-чужеземца оценена сугубо позитивно – как по ее следствиям в судьбе Уннефера, так и по вполне лояльному, насколько можно судить, его отношению к этому правителю. Думается, что такая оценка аудиенции египтянина у одного из Великих царей времени второго персидского владычества в Египте была бы невозможна в египетском памятнике ни непосредственно этого периода, ни следующего за ним начала македонского времени.

Среди отмеченных нами аналогий обозначению *wr ḥrp t3 mry* в автобиографии Уннефера в особенности обращают на себя внимание определенным структурным сходством с ним как раз обозначения в иероглифических источниках Птолемея как сатрапа Египта (*wr ʕ3 m B3qt*, *wr pn ʕ3*, *ḥq3 ʕ3 n Kmt* в «Стеле сатрапа»; *wr ʕ3 m-ḥr-ib wrw*, *wr [ʕ3]*, возможно, *nsw wr ʕ3* в надписи на статуе «анонима из Баклии»; см. главу 2, § 2.4.1, 2.4.3). Вместе с тем едва ли можно представить, чтобы события автобиографии Уннефера развернулись в период наместничества Птолемея в Египте. Судя по всему, что нам известно, Птолемей не стал бы согласовывать свои решения по управлению страной ни с какой «вышестоящей инстанцией» на уровне центральных властей державы Аргеадов, даже пока таковые реально существовали; тем более, царем, принявшим Уннефера в Азии и решившим его судьбу, не мог быть ни один из формальных обладателей царского статуса в это время – ни Филипп Арридей, ни малолетний сын Александра Великого и Роксаны! Однако в таком случае стоит обдумать возможность того, что события автобиографии Уннефера могли происходить, когда на престоле Египта и

включавшей его межрегиональной державы находился не формальный, а вполне реальный, полновластный царь династии Аргеадов – сам Александр Великий.

Как представляется, чисто археологические особенности гробницы Уннефера не противоречат данному предположению (см. наше прим. 1); вместе с тем оно сразу объяснило бы очень многие детали автобиографии Уннефера. Так, получило бы надежную хронологическую привязку участие Уннефера в погребении умершего и обретении нового Аписа: погребение Аписа засвидетельствовано незадолго до македонского завоевания Египта в середине 330-х гг. до н.э., на Году 2 Хаббаша (см. главу 2, § 2.3.2). Очевидным образом, следующее в тексте упоминание об уходе из Египта некоего царя с войском можно было бы отнести к отбытию из Египта Александра Великого весной 331 г. до н.э. А среди вопросов, наиболее существенных для интерпретации данного источника, можно было бы подойти к ответу на тот, который касается причин обрушившихся на Уннефера в Египте бедствий. Как нам представляется, единственный деятель администрации Египта при Александре, который по своему фактическому положению мог бы быть обозначен как «начальник, управлявший Землей возлюбленной», – это Клеомен из Навкратиса, деятельность которого была в значительной мере направлена на подчинение македонской власти ресурсов египетских храмов (см. настоящую главу, § 3.3). Думается, что именно в этой сфере взаимодействия новых македонских властей Египта и его местной элиты могла возникнуть ситуация, приведшая к аресту одного из египетских жрецов (тем более, что о конфликтах с ними Клеомена прямо сообщает античная традиция). Наконец, можно довольно точно сказать, когда Уннефер мог получить аудиенцию у македонского царя в Сузах. На протяжении своего царствования Александр находился в этой древней столице дважды – во время занятия Месопотамии и Ирана в конце 331 г. до н.э. [Nawotka, 2010, p. 243—247] и уже по окончании Восточного похода, на протяжении весны 324 г. до н.э. [Nawotka, 2010, p. 337—349]. Прибытие к его двору Уннефера логичнее отнести ко второму из этих эпизодов, а не к первому, когда еще не был довершен разгром Ахеменидской державы. Стоит заметить, что именно Сузы были той столицей Александра, в которую он вступил при возвращении из Восточного похода; именно там весной 324 г. состоялась такая широко распропагандированная акция, как массовое бракосочетание греков и македонян из окружения Александра и женщин Востока; и появление миссии из Египта здесь и в столь значимый момент его царствования было бы вполне естественно.

В связи с этим стоит обратить внимание на еще один нюанс автобиографии Уннефера – пресловутый документ, ставший импульсом к проведению дознания относительно него «начальником, управлявшим Землей возлюбленной». Ф. фон Кенель считала, что употребленное в данном контексте слово *wstn* обозначает клеветническое письмо, на основании

которого Уннефер и был арестован. Очевидной предпосылкой к такой интерпретации стала фраза: «достиг приказ начальника, управлявшего Землей возлюбленной, чтобы взять...» («...меня», согласно восстановлению фон Кенель²¹). Удачным образом, в публикации Ф. фон Кенель воспроизведен эстампаж именно этого фрагмента надписи [Kaenel, 1980, p. 43, fig. 6] (*Рисунок 3.14*): по нему хорошо видно, что текст, следующий за глаголом «взять» (*it*), не сохранился и исследовательница восстановила за ним личное местоимение, исходя из собственного понимания данного фрагмента. Между тем, прежде всего, слово *wstn* в данном случае, как уже говорилось (см. наше прим. 11), обозначает с наибольшей вероятностью не частный донос, а приказ, поступивший к наместнику Египта от вышестоящего лица, т.е., очевидным образом, от царя. Даже независимо от предложенного нами отнесения событий жизни Уннефера ко времени Александра, трудно представить, чтобы правитель межрегиональной державы, включавшей в себя и Египет, посвятил бы специальное послание своему наместнику «персональному делу» жреца не самого высшего статуса. Однако было бы вполне вероятно, что, если бы подобные «персональные дела» превратились бы в Египте в систему и стали бы возникать во множестве, то его наместник получил бы от царя требование разобраться в этой ситуации и лично определить степень виновности их фигурантов. Мы рискнули бы допустить, что именно послание Александра с подобным требованием, адресованным Клеомену, и упоминается в автобиографии Уннефера. В этом контексте глагол *it* совершенно не обязательно означал бы арест или заключение (*cf.* Wb. I. 149.12) Уннефера или, возможно, целой группы египтян высокого статуса, но не с меньшим успехом мог бы обозначать и их доставку (*id.* 14—15) на дознание к Клеомену или хотя бы и к самому царю. Хорошо известно в цитате Арриана письмо Александра Клеомену из Навкратиса, направленное ему после смерти Гефестиона, видимо, в начале 323 г. до н.э.: в нем царь обещал Клеомену прощение за все прежние и будущие проступки, если тот проявит усердие во введении в Александрии посмертного культа Гефестиона (*Arr. Anab.* VII. 23.6-8; о вероятном заимствовании Аррианом этой цитаты из труда Птолемея, согласно мнению Н. Хэммонда, см. настоящую главу, § 3.3.1). Как видно, одной из предпосылок к написанию Александром этого письма должны были быть жалобы на Клеомена, которые, очевидным образом, должны были поступить от жертв его злоупотреблений, т.е. прежде всего египтян. По смыслу процитированного Аррианом фрагмента видно, что, объявляя Клеомену прощение, Александр все же квалифицирует его действия как проступки, которые, видимо, подлежали по крайней

²¹ «...une lettre mensongère est arrivée au Grand qui gouverne l'Égypte dans le but de [me] faire arrêter...» [Kaenel, 1980, p. 42].

мере частичному исправлению²²; соответственно, пресловутый «приказ», упоминаемый в автобиографии Уннефера и мог быть реакцией царя на жалобы на Клеомена. Однако если Уннефер действительно впал в немилость и подвергся репрессиям вследствие политики Клеомена в Египте, а освободился из узилища после приказа Александра, направленного на корректировку этой политики, то его судьба вообще предстает примером устранения несправедливости по воле и с личным участием царя – поучительным и, безусловно, достойным стать ядром гробничной автобиографии.

Подводя итог нашим построениям в настоящем разделе, мы должны, разумеется, констатировать, что они не могут считаться в точном смысле слова доказанными, - как, впрочем, и интерпретация автобиографии Уннефера, предложенная Ф. фон Кенель. Если доказательное определение исторического контекста этого источника в принципе возможно, то, безусловно, лишь на основе подробного знакомства со всеми материалами, связанными с гробницей Уннефера. Вместе с тем, на наш взгляд, несомненно, что альтернативу интерпретации фон Кенель приходится искать так или иначе. В случае справедливости нашего варианта такой альтернативы в распоряжении исследователей имеется поистине уникальный источник, фиксирующий непосредственное восприятие египтянином высокого статуса тех людей, которые создали эллинистическую государственность в его стране. Кроме того, чрезвычайно показательна сама возможность интерпретации этого источника в свете античной традиции о Клеомене из Навкратиса: в известной мере она подкрепляет высказанное нами предположение о том, что на эту традицию повлияло восприятие Клеомена египтянами сквозь призму традиционных топосов их мировоззрения (см. настоящую главу, § 3.3.2).

Вместе с тем в контексте общей темы настоящей главы – оппозиционного восприятия власти македонских царей в Египте последней трети IV в. до н.э. – этот источник, при условии справедливости нашей интерпретации, существен прежде всего тем отношением к Александру Великому, которое в нем отразилось. Единственный сообщенный в публикации фон Кенель эпитет правителя, который принял Уннефера в Азии, - *ḥqꜣ tꜣwy* – вполне мыслим в качестве обозначения сакрального легитимного царя, но встречается не слишком часто²³ и, строго

²² Выше (см. настоящую главу, § 3.3.1) мы высказали мнение о несамостоятельности Клеомена в его политике, по-видимому, очевидной и его египетским современникам; весьма вероятно, что «прощение» Клеомена и было связано с тем, что инициатива его действий принадлежала самому царю, а их осуждение было прежде всего декларативным. Это не исключает возможного пересмотра некоторых из этих действий, прежде всего, репрессий против представителей элиты Египта, ухудшавших позиции македонской власти в этой стране; собственно, без подобного «исправления отдельных ошибок» сугубая декларативность осуждения Клеомена Александром была бы совершенно очевидной.

²³ В корпусе царских текстов Позднего времени А.-И. Блѐбаум вообще отмечает всего два случая его употребления – применительно к Нектанебу I в «Стеле Навкратиса» и в идентичной ей по содержанию стеле из Гераклеяна [Blöbaum, 2006, S. 51] (см. о них в главе 1, § 1.1.2), - хотя вряд ли его употребление как царского обозначения в данный период этим действительно исчерпывается.

говоря, не обязательно является таковым «по умолчанию», поскольку может относиться и к божеству (LÄGG V. 528). Публикация фон Кенель не позволяет судить об остальных обозначениях этого правителя, однако ясно, что если бы какие-то из них однозначно указывали бы на его статус царя Верхнего и Нижнего Египта (в частности, если бы среди них было обозначение *ḥm*, указывающее на наличие у него сакральности; см. главу 1, § 1.1.1), то предложенная ранее проблематичная интерпретация надписи Уннефера просто не смогла бы появиться. В таком случае мы можем констатировать, что, если в данном контексте речь идет действительно об Александре Великом, то по отношению к нему употреблены обозначения, хотя и опознаваемые для его египетских современников, но не содержащие определенных коннотаций его сакрального царского статуса. Вряд ли это можно трактовать иначе, как проявление нежелания Уннефера признавать этот статус за македонским царем - даже в контексте контакта с ним, оцениваемого в целом явно позитивно.

3.5.2. Надписи на статуэтке сына Нектанеба II

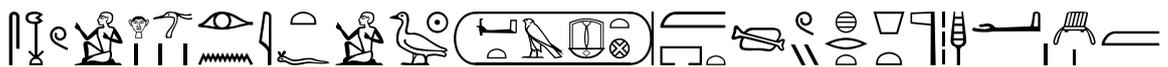
Статуэтка старшего сына царя Нектанеба II, имя которого не сохранилось, представляет собой изготовленное из отлично отполированного базальта укрепленное на опорном столбе изображение стоящего человека, в переднике, с выдвинутой вперед левой ногой, руками, протянутыми вдоль корпуса (*Рисунок 3.15*). Статуэтка повреждена: отсутствуют голова, левая рука, ноги ниже коленей, части заднего опорного столба и постамент; в центральной части опорного столба имеется отверстие для крепления, повредившее иероглифический текст. Высота памятника – 0,44 м., что позволяет оценить его вероятную высоту в сохранном состоянии ок. 0,70 м. [Clère, 1951, p. 136]. В связи с повреждениями памятника Б. Меню высказала мнение, что они были нанесены в храме Исиды в Бехбейт эль-Хагара, куда он был посвящен в качестве вотива (см. наш комм. «ц»), в знак *damnatio memoriae* обладателя этого памятника, запятнавшего себя сотрудничеством с персами [Menu, 1995 (1), p. 86—87]; однако это предположение кажется совершенно произвольным. На груди статуэтки находится амулет, изображающий в профиль, с лицом, обращенным вправо, богиню – с наибольшей вероятностью, Исиду, судя по изображению престола над ее головой и значимости этого божества в тексте надписей памятника. Б. Меню настаивала, что данный амулет – это судейский знак, изображающий богиню Маат: по ее мнению, изображение Исиды на памятнике, посвященном в храм Бехбейт эль-Хагара, не было бы повреждено, а если бы и было, то лишь наряду с упоминаниями этой богини в тексте надписей [Menu, 1995 (1), p. 86, n. 14]. Очевидно, что это допущение лежит в русле общей идеи исследовательницы о целенаправленном повреждении статуэтки (как мы уже сказали, эта идея произвольна). Памятник публиковался дважды [Capart, 1947, p. 272—276; Clère, 1951, p. 135—156, pl. 1] и неоднократно упоминался в литературе в связи с началом македонского времени в Египте [Chevereau, 1985, p. 155—156, doc. 229; Perdu, 1985, p. 101, comm. ‘a’, p. 105—106, comm. ‘i’; Menu, 1995 (1), p. 86—87; Gorre, 2009 (1), p. 378—380, nr. 74]. Судьба памятника в настоящее время нам неизвестна: в 1935 г. он находился в Париже в коллекции Д. Келекяна, предоставившего возможность изучить его Ж.-Ж. Клеру [Clère, 1951, p. 136], но, по-видимому, через некоторое время после этого (уже к 1947 г.) попал в собрание Аракель-паши Нубара [Capart, 1947, p. 272; Montet, 1957, t. 1, p. 108, n. 8; Chevereau, 1985, p. 155].

Надписи статуэтки сохранились лишь частично – на поверхности и левой боковой стороне опорного столба; именно они делают этот памятник необычайно важным свидетельством начала македонского времени. Особенности языка и написаний в целом

соответствуют специфике текстов IV в. до н.э. [Clère, 1951, p. 137—138; ср., в связи с Неаполитанской стелой Сематауитефнахта: Perdu, 1985, p. 92—95].

Ниже мы приводим надписи на статуэтке старшего сына Нектанеба II в иероглифической транскрипции, транслитерации и переводе, а также наши комментарии к ним. Транскрипция и транслитерация следуют публикации Ж.-Ж. Клера и предложенным в ней интерпретациям иероглифических написаний, которые представляются нам обоснованными; за отдельными исключениями, мы не поясняем специально мотивировки этих интерпретаций.

А. Надпись на поверхности опорного столба (стлбб. 1—3, справа налево; Рисунок 3.16):

[iry-p^ct] ḥ3ty-^c bnr mrt m ib n ḥq3 sb3 nsw ndr sb3t.f šm ḥr mw n nb.f dns mhw(t) wšb r nfr
im3ḥ(y) ḥr ntr.f niwty mr(y) n (i)tf(f) ḥs(y) n mwt.f i3m ib ḥr hnw[f] [— — —] | iz r ḥtp im wd3-*qd* ḥr

*rmṯ ḥq ib nfr sšm mr m3ḥt bw(t).f[is]ft tn(y) ntr ḥr qm3 n.f ib.f ir(y) ḥsw(t) ntr.f(m) ḥrt-hrw z3-nsw wr
mr(y).f imy-r-mšḥ wr tpy n ḥm.f[dd.f i nbt (ḥnwt?).i] | [...] wr [...] Sbqt m Ntrt St wrt mwt-ntr nb(t)
Ḥbyṯ sdm ddw(.i) ink ḥm.t wd3.wi dw3 k3t(.t) ḥnwt(.i) šḥ3 wi ḥr 3ḥt ir.n it(.i) z3 Rḥ Nḥt-Ḥr-Ḥbyṯ m pr.t
isw wi (или isw.i(?)) ḥr.t ḥnwt ntrw ḥḥw ḥw m [ndm-ib — — —]*

(1) [Князь] /и/ правитель^а, сладостный любовью в сердце властителя^б, ученик царя, прилежающий учению его^в, ходящий на воде владыки^г его, веский суждениями^д, отвечающий удачно (букв. «к благу»), почтенный^е у бога своего городского^ж, любимый отцом (своим), хвалимый матерью своей, приятный сердцу у ближних своих^з... (2) /тот, чья (?)/ гробница^и для пребывания в довольстве в ней (букв. «там»), процветающий свойствами /своими/ перед людьми (букв. «у людей»), верный сердцем, благой поведением, любящий *маат*, /тот/, чье отвращение (букв. «отвращение его») *исефет*^н, отличенный богом за то, что замыслило (букв. «создало»^к) для него сердце его, /тот, в отношении которого/ совершают хвалы бога (букв. «совершают хвалы бога его») (в качестве) доли ежедневной, сын царя старший, любимый им, первый военачальник великий Величества его^п... [Говорит он: «О госпожа (владычица?) моя^м...] (3) великий (старший?)^н... Себекет /в городе/ *Ntrt*^о, Исида великая, мать богов^п, влады(чица) /города/ *Ḥbyṯ*^о, выслушай слова (мои)! Я – слуга твой! Как процветает тот, кто читит Двойника^р (твоего), владычица (моя)! Помни меня за полезное, сделанное отцом (моим) сыном Ра^с Нектанебом в доме твоём^т; дай возмещение (букв. «возмести») мне от тебя (или: возмещение мое от тебя (?)), владычица богов^п, срок долгий в [сладо́сти сердца]...

а. В Позднее и эллинистическое время – традиционные наследственные титулы [Берлев, Ходжаш, 2004, с. 193].

б. Обращает на себя внимание написание слова *ḥq3* – сочетанием знаков GG(SL) S₃₈ и A₄₄ , при очевидной ассоциации последнего со словом *nsw* [Gardiner, 1957, p. 446]. Ближайшей аналогией этому написанию можно считать написание слова *ḥq3* в «Большой биографической надписи» гробницы Петосириса в составе эпитета *ḥq3 nw ḥ3swt m ndty ḥr Kmt* («властитель чужеземных стран в качестве защитника Египта»; стлб. 28) – , где мы также обнаруживаем детерминатив, явным образом ассоциирующийся со статусом легитимного царя (знак A_{304E} – сидящего правителя в двойном венце, с бородкой и с жезлом-*ḥq3* в руках) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 137; t. 2, p. 54]. По нашему мнению, этот эпитет в надписи гробницы Петосириса относится к Александру Великому; использование же в нем этого детерминатива указывало на сакральный царский статус Александра без прямого именован

его царем, что для Петосируса было, видимо, неприемлемо (см. настоящую главу, § 3.4.1). При этом эпитет «сладостный любовью в сердце властителя» хорошо соотносится со словами сына Нектанеба II о его пребывании за пределами Египта, во время которого богиня Исида «возвысила... место мое в сердце властителя их (чужеземцев – *И.Л.*)» (надпись на левой боковой стороне опорного столба, стлб. 4; см. ниже). Очевидно, «властитель», упоминаемый в обоих фрагментах надписей на данном памятнике – одно и то же историческое лицо. При этом, как мы видим по комментируемому сейчас эпитету, он должен быть наделен статусом легитимного царя Верхнего и Нижнего Египта, хотя по каким-то причинам (вполне вероятно, по тем же, что и в «Большой биографической надписи» гробницы Петосируса) в надписях данного памятника об этом не говорится прямо. Ниже (наш комм. «ч») мы оговорим возможность того, что сын Нектанеба II побывал в греко-македонском окружении Александра Великого в Азии во время Восточного похода. В таком случае нам кажется серьезной вероятностью того, что и «властитель», упоминаемый в данном эпитете, – это Александр.

в. Ср. с эпитетом на саркофаге коптосского вельможи Сену времени Птолемея II Филадельфа: *ndr hr sb3t n ntr nfr* «прилежащий к учению благого бога», т.е., очевидно, царя (Urk. II. 59.16) [Clère, 1951, p. 139—140, comm. 'с']. Как видно, данный эпитет в принципе не является исключительной принадлежностью членов царского дома, но в случае рассматриваемого памятника может приобретать и дополнительное специфическое значение.

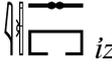
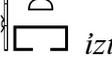
г. По-видимому, обобщенное обозначение любого вышестоящего правителя, в иерархическом соподчинении с которым мог на протяжении своей карьеры находиться сын Нектанеба II.

д. О выражении *dns mhwt* в древнеегипетских автобиографических текстах и его значении см. статью Ж.-Ж. Клера [Clère, 1949, p. 38—42].

е. Традиционная характеристика усопшего, получающего посмертный культ [Berlev, Hodjash, 1982, p. 24, n. 'e'].

ж. Указание на связь получения усопшим посмертного культа с храмом его нома. В таком случае есть основания считать, что сын Нектанеба II был погребен в Севеннитском номе, боги которого упоминаются в этом тексте, и/или что в один из его храмов была помещена данная статуэтка (см. уверенное мнение о ее происхождении из Севеннита: [Gorre, 2009 (1), p. 378] См. далее комм. «х», «ц»).

з. Было бы соблазнительно (хотя и недоказуемо) считать, что словосочетание *hnw.f* в данном контексте относится к родовой группировке потомков XXX династии, которая, возможно, существовала в начале македонского времени и была связана с Севеннитским номом [Kaplony, 1971, p. 257—258; Spalinger, 1978 (2), S. 143—145, 153].

и. Начертание Ж.-Ж. Клер считал возможным соотнести как с *iz* «гробница» (Wb. I. 126), «палата, мастерская» (id. 127), так и с *izt* «дворец» (id. 127) [Clère, 1951, p. 142, comm. ‘j’]; учитывая связь данного памятника с посмертным существованием его владельца, первый из этих вариантов нам кажется предпочтительным.

й. Б. Меню высказала мнение, что данный эпитет сына Нектанеба II, вкупе с изображением богини Маат на амулете на его груди, должен служить признаком его судейского достоинства [Menu, 1995 (1), p. 86]. На наш взгляд, частота указаний древнеегипетских автобиографий на следование их героев *маат*, естественным дополнением чего является и их отвращение в *исефет* [Clère, 1951, p. 143, comm. ‘n’; Lichtheim, 1992; Heise, 2007, S. 321], делает такую интерпретацию совершенно избыточной. Вместе с тем нельзя пройти мимо такой близкой аналогии данному эпитету из области царской пропаганды, как одна из начальных фраз «Стелы удочерения Нейтикерт» Псамметиха I: «ибо я царь, любящий *маат*, ложь – это отвращение для меня (букв. “мое”) зачатое» (сткк. 3—4: *ntt ink nsw mr m3t bwt.i dsrt i(w)ms* [Caminos, 1964, p. 74, pl. VIII]). Вполне возможно, что столь яркое и декларативное развертывание данного мотива в надписи рассматриваемого нами памятника опять же приобретает особое значение ввиду царского происхождения его владельца (ср. с нашим комм. «в»).

к. Ж.-Ж. Клер читает данную отглагольную форму как *qm3* (возможно, *qm3(t)*), указывая, что влияние иератики объясняет ее написание не со стандартным знаком GG(SL) G₄₁ () , а со знаком, изображающим ту же птицу с опущенными крыльями (очевидно, GG(SL) G₃₉ – ; ср. с не совсем точной, расходящейся с воспроизведением этого знака на фотографии памятника, транскрипцией самого Клера: [Clère, 1951, p. 143, comm. “o”]. Вместе с тем в греко-римское время известно написание данного глагольного корня при помощи лигатуры Montpellier G₇₈₇ [Valeurs phonétiques..., 1988–1995, t. 1, p. 332], фактически образованной знаками GG(SL) T₁₄ () и GG(SL) G₃₉. По сути дела, в данном фрагменте надписей нашего памятника мы и видим соположение этих двух знаков вне лигатуры или, может быть, даже и их сочетание в лигатуре (качество фотографии в публикации Ж.-Ж. Клера не позволяет установить это в точности).

л. Титул «военачальник» (*imy-r-mš*) фиксируется для основателя XXX династии Нектанеба I до его вступления на престол на его стеле из Гермополя [Roeder, 1954, p. 389; Meulenaere, 1963, S. 90; Chevereau, 1985, p. 154, doc. 227] и для отца Нектанеба II и сына или брата Нектанеба I Чахепиму на его статуе (ММА 08.205.1; см. настоящую главу, § 3.5.1,

прим. 5). Титул, полностью аналогичный титулу сына Нектанеба II, фиксируется на саркофаге «генерала» Нектанеба (*Nht-nb.f*; Berlin ÄS 7; Urk. II. 25.3) [Chevereau, 1985, p. 156—157, doc. 156; Gorre, 2009 (1), p. 396—401 (nr. 79)]; при этом, судя по данному памятнику, военные титулы имелись и у его предков и родственников [Chevereau, 1985, p. 157] – отца Падиимена (Urk. II. 26.5: *imy-r-mšꜥ wr*) и деда Несубанебджеда (id. 26.7: *imy-r-mšꜥ*), а также деда по матери последнего, отца Нектанеба I Джд-Хора (id. 26.10: *imy-r-mšꜥ*). Кроме того, П.-М. Шевро обращает внимание на памятник Джд-Хора, либо тождественного упомянутому, либо, возможно, являющегося его отцом (Wien ÄS 185) [Wreszinsky, 1906, S. 185; Spalinger, 1978 (2), S. 153; Chevereau, 1985, p. 156—157]). Таким образом, военные титулы были принадлежностью севеннитского знатного рода, давшего Египту XXX династию (см. выше наш комм. «з»), во всех поколениях IV в. до н.э. и, видимо, в нескольких его ветвях. В какой мере они были связаны с реальными полномочиями членов данного рода, живших в македонское время, – сына Нектанеба II и «генерала» Нектанеба? В случае с последним его титул «начальник (букв. “владыка”) чужеземцев в /номе/ Восточное Преддверье» (Urk. II. 24.2: *ḥqꜣ ḥꜣst(yw) m Ḥnty-ꜥbty*) и некоторые упоминания биографического текста его саркофага (Urk. II. 25.13—17) указывают на его военную деятельность (видимо, связанную с командованием контингентами наемников-неегиптян – *ḥꜣstyw*) как на нечто реальное [Gorre, 2009 (1), p. 399—400 (nr. 79)]¹; реальность же военных полномочий сына Нектанеба II казалась некоторым исследователям более проблематичной [Gorre, 2009 (1), p. 379—380]. Мы вернемся к этому вопросу в связи с биографической частью надписей на его статуэтке (см. ниже комм. «ч», «ш», «щ»).

м. Начальные слова данного пассажа восстанавливаются Ж.-Ж. Клером по соображениям вероятности и по аналогии с другими текстами [Clère, 1951, p. 145, comm. ‘a’].

н. С наибольшей вероятностью, *wr*.

о. Центры почитания Исиды: *Nirt* – город Севеннитского (XII нижеегипетского) нома (с именованием здесь богини *Sbqt* [Montet, 1957, t. 1, p. 108; Favard-Meeks, 2002, p. 29—45]); *Hbyt* (греч. Исейон, совр. Бехбейт эль-Хагар) – город XVII нижеегипетского нома, тесно связанный с Севеннитом [Montet, 1957, t. 1, p. 107; Helck, 1972, S. 180—181]. Как известно, название последнего города входило в личное имя Нектанеба II (*Nht-Ḥr-Ḥbyt* – «Силен Хор /города/ Хебит» [Beckerath, 1999, S. 228—229; Blöbaum, 2006, S. 416—418]).

¹ Среди более ранних исследователей Х. Бенгтсон считал, что эти полномочия могли включать командование вспомогательными войсками, не включавшими в себя греков и македонян, при первых Птолемах [Bengtson, 1952, S. 22-23]. П.-М. Шевро допускал, что «генерал» Нектанеб командовал египетскими контингентами, участвовавшими в войнах диадохов [Chevereau, 1985, p. 354]; по мнению Х. де Мельнера, командные полномочия Нектанеба, исходя из специфики его титулов, вообще должны приходиться еще на время XXX династии [Meulenaere, 1986, p. 204]. А. Энгсхеден вообще допускает, что он мог принимать участие в безуспешном отражении нашествия Артаксеркса III на Египет [Engsheden, 2006, p. 69—70].

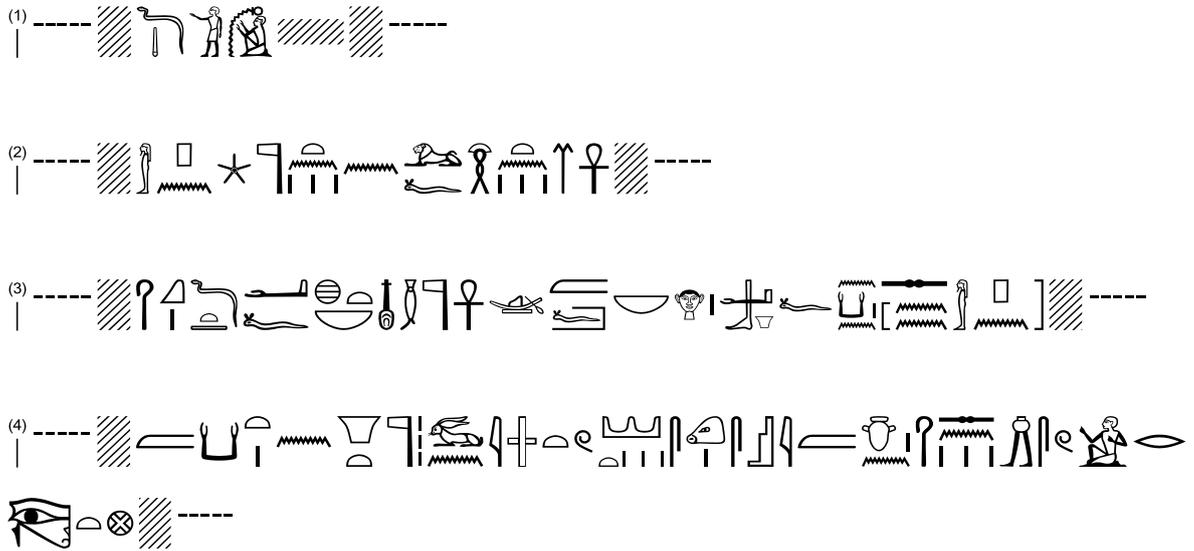
п. Эпитеты Иисиды как верховного божества. Обратим внимание, что, утверждая верховенство и владычество богини в пантеоне (ср. с аналогичными мотивами применительно к разным божествам в разных памятниках начала македонского времени – см. настоящую главу, § 3.1.1, 3.2), надписи на статуэтке сына Нектанеба II не переносят на Иисиду качества сакрального царя – в отличие, прежде всего, от памятников вельмож из Гераклеополя – Неаполитанской стелы Сематауитефнахта и памятников Хора, а также, в меньшей мере, от надписи на скульптурной группе Пашериентаисуи (см. подробно § 3.1.1).

р. $k3t$ – форма слова $k3$ при его употреблении применительно к богиням в греко-римское время (Wb. V. 89.12—13).

с. Показательно, что сын Нектанеба II приводит лишь личное имя своего отца в сочетании с титулом сына Ра, но не титул царя Верхнего и Нижнего Египта в сочетании с «солнечным» именем: этого царского имени отца владельца рассматриваемого памятника мы в его надписях вообще не видим. Едва ли это связано с тем, что в качестве благодетеля храма Нектанеб II должен предстать в надписях его сына в качестве не царя, а лишь «частного лица» со специфическим «отчеством». Скорее, подобное «усечение» компонентов титулатуры Нектанеба II, устанавливающих его солнечную природу, могут быть связаны с тем, что ущербность этой природы была продемонстрирована утратой им власти над Египтом (ср. с неупоминанием «солнечных» имен царей I Переходного периода в памятниках их современников либо с неупотреблением в теофорных именах некоторых из них компонента R^c , а также с несколько «дефектным» «тронным» именем Хаббаша – см. об этих моментах подробно главу 1, § 1.1.1, настоящую главу, § 3.1.3).

т. Строительная деятельность Нектанеба II в храме Иисиды в Севеннитском номе (в Бехбейт эль-Хагаре) хорошо засвидетельствована памятниками [Jenni, 1998, S. 87—89; Favard-Meeks, 2003] и, кроме того, имеет большое значение в греко-египетской традиции. Согласно грекоязычному, но, без сомнения, имевшему египетский прототип тексту, известному под названием «Сон Нектанеба», именно «недоделки» (незавершенность иероглифических надписей в ритуальных сценах) в храме Иисиды, которые Нектанеб пытался безуспешно устранить, стали причиной гнева богини и, в конечном счете, потери Нектанебом власти над страной (см. подробно главу 5, § 5.5). В этом тексте не оговорено точно, где располагался пресловутый храм Иисиды, а из пунктов Севеннитского нома упоминается только сам Севеннит; однако, учитывая, что в Севенните строительство Нектанеба II было связано с культом Онуриса-Шу, в данном тексте имплицитно может, все же, иметься в виду храм в *Hbyt/Исейоне*. Таким образом, в обоснование своего права претендовать на заступничество Иисиды сын Нектанеба II приводит действительно хорошо известные деяния своего отца.

Б. Надпись на левой боковой стороне опорного столба (стлбб. 1-4, слева направо; Рисунок 3.17).

dd-mdw i w^cb [nb — — —] | ...znn pn dw3 tn ntr n nb.f w3h.tn m ^cnh [dd.tn htp-di-nsw (n) Wsir — — —] | hq3 dt di.f ht nb(t) nfr(t) bnr(t) ^cnh(t) ntr im m pr nb hr ^cb3.f n k3 n nb [znn pn — — —] | m k3t.i(?) n hnwt ntrw wn.i imytw h3st(y)w shnt.s st.i m ib n hq3.zn in.s wi r B3kt [— — —]

(1) Произнесение слов: о уаб [всякий... которые пройдут]^y (2) возле подобия^ф этого: почтите вы бога ради владельца его /и будете/ долги вы в жизни[, если скажете: «Жертва, которую дает царь Осирису»...] (3) владыка вечности. Даст он^x вещи всякие прекрасные, сладостные, которыми живет бог, в выхождении всяком на алтарь его для Двойника владельца [подобия^ф этого...]^ц (4) ...в работе моей (?) для владычицы богов^п. Когда был я среди чужеземцев^ч, возвысила она место мое в сердце властителя их^ш, принесла она меня в Египет^щ...

у. Не определяя транскрипции и транслитерации данного пассажа в лакуне, Ж.-Ж. Клер с оправданной уверенностью восстанавливает его смысл [Clère, 1951, p. 147]. Очевидным образом, по смыслу содержащегося в стлбб. 1-2 призыва, в начале стлб. 2 должно было находиться перечисление категорий жрецов, служивших в храме, в который была посвящена данная статуэтка.

ф. В первом случае: ; во втором: ; Ж.-Ж. Клер с уверенностью устанавливает чтение *znn* по наличию знака GG(SL) O₃₄ в начале второго из этих написаний и

по ряду примеров сходного словоупотребления применительно к статуям [Clère, 1951, p. 147, comm. 'b', 'd'].

х. Ж.-Ж. Клер соотнес эпитет «владыка вечности» с образом Осириса (LÄGG V. 531) и восстановил выше формулу *ḥtp-di-nsw* с его упоминанием [Clère, 1951, p. 147, comm. 'c']. Тем самым он идентифицировал божество, к которому должно было быть обращено поклонение тех, к кому обращен призыв в данной надписи, и которое должно было оказывать благодеяния сыну Нектанеба II через посредство статуэтки, посвященной в его храм (см. следующий комментарий). В храме в Бехбейт эль-Хагаре, где засвидетельствовано строительство Нектанеба II, важную роль играло почитание Осириса Хемага [Favard-Meeks, 2003]; не следует ли в таком случае считать, что статуэтка его старшего сына была помещена именно туда?

ц. Данный пассаж делает понятным назначение статуэтки сына Нектанеба II: очевидно, она была помещена в храм для того, чтобы представлять его Двойник за жертвенным столом божества и обеспечивать ему посмертную пищу; ср., в частности, с «вотивными» статуями из т.н. «карнакского тайника» [Trésors d'Égypte, 2004, p. 20—22; Ладынин, 2011 (1), с. 9].

ч. Эта фраза – по сути дела, единственная сохранившаяся из биографической части надписей статуэтки сына Нектанеба II – без сомнения, определяет историческое значение данного памятника. Его исследователи традиционно соотносили ее со сведениями автобиографии Сематауитефнахта на «Неаполитанской стеле» о его пребывании в метрополии Ахеменидской державы при дворе Великого царя (Urk. II. 3.16—4.2) [Perdu, 1985, p. 103—108]. Считалось, что она является свидетельством аналогичного эпизода в жизненном пути сына Нектанеба II (см. главу 4, § 4.1.2). Среди исследователей его памятника Ж. Капар упоминал возможность того, что он был пленником или заложником персов [Capart, 1947, p. 276]; Ж.-Ж. Клер не сделал выбора между этой возможностью и предположением о его коллаборационизме с персами [Clère, 1951, p. 153]; Б. Меню видимо склонилась к последнему варианту [Menu, 1995 (1), p. 86—87]; а Ж. Горр не высказал сколько-нибудь определенных суждений по данному поводу [Gorre, 2009 (1), p. 379—380]. Вместе с тем, как нам представляется, ни один из этих исследователей не уделил должного внимания самой лексике данной ключевой фразы.

Местонахождение сына Нектанеба II на некотором этапе его жизни определено в ней с помощью словосочетания *imytw ḥ3st(y)w*; значение употребленного в нем предлога – «между, среди» (Wb. I. 76.3; HWÄD 78—79). В эллинистическое время было допустимо его употребление в качестве эквивалента локативного предлога *m* [Wilson, 1997, p. 68—69], однако такое его значение предполагало введение им субстантивов ед.ч. В анализируемой надписи форма мн.ч., введенная предлогом *imytw*, побуждала исследователей переводить его в соответствии с его базовым значением: “Quand (j')étais parmi les étrangers...” [Capart, 1947,

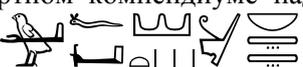
р. 275]; “Alors que j’étais parmi les peuples étrangers...” [Clère, 1951, p. 148]. Заметим, что данный предлог вообще редок, в надписях на статуэтке сына Нектанеба II встречается один раз и его введение в данном случае явно должно иметь какую-то специфическую мотивацию.

Второй компонент данного словосочетания – слово мн.ч. $h3st(y)w$ (𐀓𐀓𐀓), истолкованное, как мы видим, исследователями нашего текста именно как «чужеземцы» (Wb. II. 235—236), а не как «чужеземные страны, нагорья, пустыни» (Wb. II. 234—235; см. о значении этого термина в древнеегипетских представлениях, с отсылками к литературе, главу 1, § 1.2). Надо сказать, что ни один из исследователей не сформулировал основания к такому переводу, хотя они представляются очевидными. Первое из них – это как раз базовое значение предлога *imytw*: если осмысленность словосочетания «между чужеземными странами», «среди чужеземных стран» (но как-будто бы не в пределах одной из них) оказывается под вопросом, то словосочетание «между чужеземцев», «среди чужеземцев» никаких вопросов не вызывает. Далее, тексты начала македонского времени включают ряд примеров употребления данного слова именно в значении «чужеземцы» (к этим примерам мы еще обратимся ниже). Вместе с тем и его выбор в данном контексте не столь уж очевиден: в тех случаях, когда составители текстов данного времени оказывались перед необходимостью упомянуть Ахеменидскую державу, они достаточно систематически избирали для этой цели широкое обозначение не группы людей, а территории – термин *Stt*, в I тыс. до н.э. вообще ассоциированный с межрегиональными державами Ближнего и Среднего Востока (см. там же). Разумеется, возможность того, что Ахеменидская держава была бы обозначена термином, обозначающим группу людей, нельзя считать исключенной. Обратим, однако, внимание, что в случае надписи сына Нектанеба II подбор именно такого «группового» термина был, очевидно, целенаправленным, о чем говорит и специфика употребленного в сочетании с ним предлога.

Посмотрим теперь, какие именно примеры употребления термина $h3st(y)w$ как широкого обозначения людей, населяющих земли за пределами Египта, встречаются в древнеегипетских текстах начала македонского времени. Вельможа Джед-Хор из Атрибиса, перечисляя свои заслуги перед храмом местного бога Хенти-Хети, говорит о погребении им священных соколов: «...делавший погребение Сокола там, чтобы спрятать их от чужеземцев дальних» (целительная статуя SM 46341, магическая надпись, сткк. 130—131: *ir qrs n p3 bik im r imn zn r h3st(y)w hry(w)* [Sherman, 1981, p. 95, comm. ‘u’]); «Я сделал погребения их (соколов – И.Л.) в некрополе Черного быка (название Атрибисского нома – И.Л.), скрытые там от чужеземцев» (надпись на пьедестале статуи Oriental Institute 10589: *ir.n.i qrs.zn m R3-st3w hr mhyt n K3-kmt sdq(w) im tp-c h3st(y)w* [Sherman, 1981, p. 88, fig. 3, 90, 95, comm. ‘u’]). Памятники Джед-Хора относятся к эпохе диадохов, и его действия, очевидно, были направлены на сохранение погребений соколов

от солдат, размещенных македонскими властями на территории храма (см. настоящую главу, § 3.2). На своем саркофаге «генерал» Нектанеб, как мы упоминали, именуется «начальником (букв. “владыкой”) чужеземцев в /номе/ Восточное Преддверье» (см. выше, комм. «л»), т.е., очевидно, командующим неких неегипетских (но и вряд ли греко-македонских) контингентов, размещенных в пограничном XIV нижнеегипетском номе. В другом случае в текстах этого же памятника Нектанеб именуется «оплотом чужеземцев (несомненно, в том же смысле этого слова, с общим значением данного выражения “крепость с гарнизоном из чужеземцев” – И.Л.) для владыки Обеих Земель» ($m(n)fy \ h3st(y)w \ n \ nb \ t3wy^2$). Наконец, отличное от собственно слова $h3st(y)w$, но практически тождественное ему по значению словосочетание $rmt \ h3swt$ («люди чужеземных стран») мы видим в нескольких текстах гробницы Петосириса в Туна эль-Гебель: «была дана мне (должность) *лесониса* (главы храмового хозяйства – И.Л.) Тота, владыки Гермополя, в течение семи лет, /когда/ люди чужеземных стран /были/ во владычестве Египтом» (надпись 59, стк. 2: $rdi \ n.i \ mr-\dot{s}n \ n \ Dhwty \ nb \ Hmnw \ m \ rnpt \ 7 \ rmt \ h3swt \ m \ hq3 \ Kmt$) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 80; t. 2, p. 32]; «(Провел (букв. “сделал”) я семь лет в качестве) *лесониса* Тота, владыки Гермополя, на совершении вещей всяких прекрасных в доме его (следует характеристика деятельности Петосириса)... /когда/ люди чужеземных стран /были/ во владычестве Египтом» (надпись 62, стк. 2—3: ($ir.n.i \ rnpt \ 7 \ m$) $mr-\dot{s}n \ n \ Dhwty \ nb \ Hmnw \ hr \ ir(t) \ ht \ nb \ nfr \ m \ pr.f... \ rmt \ h3swt \ m \ hq3 \ B3qt...$) [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 82; t. 2, p. 38].

² , согласно транскрипции Ж. Горра [Gorre, 2009 (1), p. 398]; см. значение слова $mwnf$, mny : FCD 106; [Wilson, 1997, p. 429]. В стандартном компендиуме надписей греко-римского времени К. Зете данный эпитет транскрибирован иначе: $w3f \ h3swt/h3st(y)w \ n \ nb \ t3wy$ «одолевающ(в)ший чужеземные страны/чужеземцев для владыки Обеих Земель» (Urk. II. 25.17). Подобное чтение подсказывается самой стандартностью пропагандистского выражения $w3f \ h3swt$, появляющегося в составе царских титулатур (Wb. I. 285.13—14; см. эпитеты в составе имен Обеих Владычиц Сети I и Рамсеса II: [Beckerath, 1999, S. 150—153], а также имени Хора Златого Тахоса [Beckerath, 1999, S. 226—227; Blöbaum, 2006, S. 409]. Вместе с тем сам сугубо царский характер данного эпитета, как по предыдущим прецедентам его употребления, так и по предполагаемому им смыслу (наступление на жителей чужеземных стран, инициатива и успех которого, согласно египетским представлениям, находятся во власти сакрального царя; см. главу 1, § 1.2) делает его употребление по отношению к лицу нецарского статуса, каким, безусловно, был «генерал» Нектанеба, маловероятным. В свете этого трактовка Ж. Горра может быть предпочтительной. А. Энгсхеден как раз считает, что в данном случае «генерал» Нектанеб присваивает себе царские именованья [Engsheden, 2006, p. 69]. Однако внимательный взгляд на их последовательность в предшествующем пассаже: «стена /для/ каждого из-за характера его доброго, сражающийся за Египет, находящийся среди *семдет* в /номе/ *Imt* (cf. Urk. II. 25, Anm. ‘a’), оплот из меди позади него (Египта? – И.Л.), защищающий Египет в день битвы...» (Urk. II. 25.13—15: $inb \ nb \ hr \ bi3.f \ nfr \ h3 \ hr \ Kmt \ imy \ smd(t) \ m \ Imt \ ibw \ n \ bi3 \ h3-tp.f \ nh \ B3qt \ hrw-dmd...$), – показывает, что на него, скорее, переносятся обозначения, которые могли бы прилагаться к номовому правителю, в благодеяния которого входит также и защита его подданных. Показательно также, что все эти эпитеты носят сугубо «оборонительный» характер, в отличие от смысла эпитета $w3f \ h3swt$.

вероятной и подкрепляется достаточно серьезными аргументами (см. также наш следующий комментарий).

ш. В рамках традиционной в историографии интерпретации данного сообщения «властитель их (чужеземцев – *И.Л.*)» признавался одним из последних Ахеменидов, владевших Египтом в 343—332 гг. до н.э. (ср. с соответствующим пассажем Неаполитанской стелы о благорасположении к Сематауитефнахту «властителя Азии» (Urk. II. 3.16: *ḥqʒ Stt*). Наше предположение, высказанное в предыдущем комментарии, позволяет допустить, что в данном случае речь идет об Александре Великом. Дополнительным аргументом в пользу этого может считаться благожелательность к Александру фиктивной традиции о его рождении от Нектанеба II, отразившейся в «Романе об Александре» и, возможно, связанной в какой-то мере по своему возникновению с пропагандой группировки потомков XXX династии (см. выше наши комм. «з», «л»). Кроме того, мы обратили внимание на особенность написания слова *ḥqʒ* в эпитете сына Нектанеба II «сладостный любовью в сердце властителя» (надпись на поверхности опорного столба, стлб. 1; наш комм. «б»). В случае, если «властитель» в этом эпитете и в комментируемой сейчас фразе – одно лицо (что, как мы сказали, весьма вероятно), то употребление в первом случае детерминатива, являющегося, по существу, аллюзией на статус легитимного царя Верхнего и Нижнего Египта, делает отнесение данного обозначения к кому-либо из последних Ахеменидов проблематичным. Насколько можно судить, египтяне не признавали ни за кем из них сакрального царского статуса (см. главу 4, § 4.1.1), а их репутация в египетском восприятии начала македонского времени была в целом неблагоприятной (см. там же и § 4.4).

щ. Однозначное свидетельство пребывания сына Нектанеба II за пределами Египта. Следует обратить внимание, что, в отличие от «Неаполитанской стелы» Сематауитефнахта (см. настоящую главу, § 3.1.1), надписи на рассматриваемом памятнике ничего не говорят о защите его владельца богиней-покровительницей от опасностей, связанных с войной; при этом сама анализируемая нами сейчас фраза выглядит коротким, но завершенным описанием пребывания сына Нектанеба II за пределами Египта. В таком случае, если это его пребывание там пришлось на время Александра, оно не должно было быть связано с его участием в Восточном походе в военном качестве (см. наш комм. «л»; ср. с возможным появлением при дворе Александра в Сузах целой группы египетских вельмож, согласно предложенной нами интерпретации автобиографической надписи Уннефера из Саккара: см. настоящую главу, § 3.5.1).

Подводя некоторый итог нашим наблюдениям в настоящем разделе, мы, как и в связи с автобиографической надписью Уннефера, должны констатировать, что сделанные на их основе заключения носят предположительный характер. Вместе с тем в случае их справедливости мы можем отметить сходство надписи Уннефера и надписей на статуэтке сына Нектанеба II в следующем отношении: если эти надписи действительно отражают взаимодействие владельцев данных памятников с Александром Великим, то оно имело для них сугубо положительные последствия и было оценено позитивно, как момент, заслуживающий отражения в автобиографическом тексте. Однако мы видим, что и в надписях на статуэтке Нектанеба II к правителю, с которым он имел дело, отнесено обозначение, не имеющее прямых коннотаций сакрального царского статуса (наши комм. «б», «ш»); наличие у него данного статуса угадывается лишь благодаря намеку в иероглифическом написании (комм. «б»). То, что схожий «намеки», видимо, присутствует и во фрагменте «Большой биографической надписи» Петосириса, относящемся к началу македонского владычества в Египте, чрезвычайно показательно: возможно, подобный прием в обозначении Александра в частных иероглифических текстах был относительно широко укоренившейся практикой. В таком случае, в соотнесении с текстом из гробницы Петосириса, надписи в гробнице Уннефера и на статуэтке сына Нектанеба II могут быть показателем консенсуса египетской элиты по поводу непризнания сакрального царского статуса Александра Великого и, очевидно, его преемников-Аргеадов – даже в случаях упоминания этих правителей в сугубо положительных контекстах.

ГЛАВА 4. МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ АЗИАТСКАЯ ДЕРЖАВА В ВОСПРИЯТИИ ЕГИПТЯН В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ IV – В НАЧАЛЕ III ВВ. ДО Н.Э.

4.1. Накануне эллинизма: второе персидское владычество в Египте в свидетельствах египетских и античных источников

4.1.1. Вопрос о формальной легитимности Артаксеркса III и Дария III в качестве сакральных царей Египта

Вступление Александра Великого в Египет и начало в его истории македонского времени стало для этой страны, по сути дела, сменой одного чужеземного владычества другим, причем оба эти владычества опирались на одну и ту же территориальную базу – межрегиональную державу, охватывающую земли Ближнего и Среднего Востока, которая была создана Ахеменидами и покорена македонским царем (см. главу 1, § 1.2). Соответственно, важнейшей составляющей самосознания египтян в начале македонского времени и их отношения к своим новым чужеземным правителям должно было стать определенное понимание места Египта в составе межрегиональной азиатской державы либо характера взаимодействия с ней. Понятно, что и македонские правители Египта, несмотря на утверждение их сакральной легитимности, не могли оцениваться как воздействующая на него внешняя, чужеземная силы. В связи с этим можно сразу сказать, что подобную оценку царей дома Аргеадов (прежде всего, Александра Великого, который единственный из них был для Египта реальным, хотя и действующим издали правителем) едва ли возможно найти в собственно египетских источниках. Презентация царей-Аргеадов как в их официальных, так и в частных памятниках весьма лаконична и не предполагает сколько-нибудь развернутого дискурса об их чужеземном происхождении и опоре на внеегипетские владения. А в известной нам негативной традиции о наместнике Александра Великого Клеомене из Навкратиса (см. главу 3, § 3.3) обсуждение его связи с внеегипетской государственностью отсутствует в силу высокой и достаточно агрессивной концентрации осуждения на нем лично. Напротив, восприятие в качестве сугубо внешней силы Ахеменидов, владевших Египтом до Александра, а также самой державы Аргеадов на этапе сатрапии Птолемея, когда его противники владели ее бóльшей, азиатской частью, отразилось достаточно полно как в античных, так и в собственно египетских

источниках (прежде всего, в наиболее информативном тексте начала македонского времени – в «Стеле сатрапа»).

Как мы увидим далее (см. настоящую главу, § 4.3.2, 4.4), именно опыт второго персидского владычества стал обоснованием для крайне негативной оценки власти над Египтом, осуществляемой из-за его пределов, а также аргументом против сколько-нибудь активного соприкосновения Египта с внешним миром. Эти пропагандистские тенденции стали по определенным причинам особенно актуальны во время сатрапии Птолемея. Однако подобный взгляд на второе персидское владычество не только был ретроспективным, но и явно предполагал серьезное сгущение красок и обращение к негативным топосам позднеегипетской идеологии. Чтобы правильно оценить этот взгляд, стоит сначала обратиться к свидетельствам о статусе последних Ахеменидов в Египте и об их взаимоотношениях с его населением, которые, как мы можем предполагать, содержат наименьшие искажения.

Немедленная реакция египтян на македонское завоевание не могла не определяться их отношением к предыдущим завоевателям-персам и тем, в какой мере они были рады видеть альтернативу персидской власти в лице македонян. В нашем распоряжении есть два комплекса античных свидетельств, показывающих нескрываемую враждебность в Египте к последним Ахеменидам. С одной стороны, это античная традиция о святотатствах Артаксеркса III по отношению к египетским культам, рисующая персидского царя исключительно черными красками, но сложившаяся, очевидно, существенно позже событий, к которым отнесены ее свидетельства (см. настоящую главу, § 4.4). С другой стороны, это сообщения историков Александра – Квинта Курция Руфа и Диодора Сицилийского – о готовности египтян приветствовать в качестве освободителя от персов даже авантюриста Аминту (см. главу 2, § 2.1) и об их энтузиазме по поводу вступления в их страну Александра¹. В упоминании Диодора в одном из этих сообщений о «нечестии» персов может звучать мотив, который в полную силу представлен как раз в традиции о святотатствах Артаксеркса III. Отметим, однако, что оба эти свидетельства принадлежат к традиции т.н. «вульгаты», которая с наибольшей вероятностью восходит к произведению Клитарха Александрийского, созданному, как представляется, не

¹ «Египтяне, давно уже враждебно относившиеся к персидским правителям, считая, что они алчны и высокомерны, с нетерпением ожидали прибытия Александра; они с радостью приняли даже перебежчика Аминту, пришедшего к ним добиваться власти. Итак, в Пелусий, где ожидалось вступление царя, собралось множество народа» (пер. В.С. Соколова и А.Ч. Козаржевского, ред. О.В. Смыки по: [Курций Руф, 1993, с. 62]; *Curt. IV. 7. 1—2: Aegyptii, olim Persarum opibus infensi, quippe avare et superbe imperitatum sibi esse credebant, ad spem adventus eius erexerant animos, utpote qui Amyntam quoque transfugam et cum precario imperio venientem laeti recepissent. Igitur ingens multitudo Pelusium, qua intraturus videbatur, convenerat*); «Египтяне радостно приняли македонян, поскольку персы вели себя нечестиво по отношению к их храмам и правили насильственно» (*Diod. XVII. 49. 2: οἱ γὰρ Αἰγύπτιοι τῶν Περσῶν ἠσεβηκότων εἰς τὰ ἱερά καὶ βιαίως ἀρχόντων ἄσμενοι προσεδέξαντο τοὺς Μακεδόνας*).

ранее второй четверти III в. до н.э. и достаточно апологетической по отношению к Александру². Думается, что нет оснований ставить под сомнение радость большинства египтян в связи с низвержением второго персидского владычества; однако сделать однозначный вывод об их необычайном и искреннем энтузиазме по поводу утверждения в Египте Александра (равно как и о его возможных причинах) на основании лишь этих сообщений было бы неосторожно.

Собственно египетские свидетельства, относящиеся ко второму персидскому владычеству, распадаются на две группы: памятники и документы непосредственно этого периода и свидетельства надписей начала македонского времени. Вторую группу свидетельств мы подробно рассмотрим ниже (см. настоящую главу, § 4.1.2—4.1.4, 4.3.3); сейчас мы лишь отметим, что, поскольку они относятся уже ко времени правления в Египте македонских царей, мы можем рассчитывать увидеть в них картину второго персидского владычества лишь в явном или имплицитном соотношении с последовавшим за ним историческим периодом, в качестве его экспозиции. Очевидно, что в таком случае и отношение в этих текстах ко времени последних Ахеменидов может нести на себе отпечаток тех идеологических и пропагандистских тенденций, которые свойственны уже началу эллинизма.

Что же касается источников первой группы, они сравнительно немногочисленны. Французский демотист Д. Девошелль, внимательно проанализировав ряд свидетельств (прежде всего, демотических документальных папирусов), атрибуция которых второму персидскому владычеству обсуждалась в литературе, пришел к выводу, что она не вызывает сомнений лишь для p.dem.Louvre N 2430, содержащего датировку *ꜣht* III Годом 2 «фараона, (да будет) ж(ив), с(илен), з(доров), Дария, (да будет) ж(ив), с(илен), з(доров)» (*ꜣht-sp 2-t ibd 3 ꜣht n pr-ꜥ3 ꜥ. w. s Driws ꜥ. w. s.*). По палеографическим и, что более существенно, просопографическим критериям этот документ может быть отнесен к данному периоду, и, соответственно, упоминаемый в его

² В источниковедении времени Александра присутствовала всегда [Маринович, 1982, с. 33—34] и особенно окрепла в последнее время [Prandi, 1996; Zambrini, 2007, p. 212, 216—217] позиция, согласно которой труд Клитарха об Александре появился очень рано – между 310—300 гг. до н.э. Однако У. Тарн считал, что труд Клитарха был написан в Александрии не раньше 280—270-х гг. до н.э., а возможно и позже, в основном, в опоре на сведения Аристобула, который был участником Восточного похода [Tarn, 1948, vol. 2, p. 16—29; Маринович, 1982, с. 33]. В 2000 г. Р. Хаззард добавил к его позиции ряд аргументов, которые, по его мнению, должны указывать на датировку труда Клитарха временем Птолемея II Филадельфа: это риторический стиль данного труда; придание в нем царствованию Александра ряда дионисийских черт (ср. с дионисийскими мотивами в празднестве времени Филадельфа в Александрии, известном по описанию Калликсена Родосского); упоминание прибывшего якобы к Александру римского посольства (FGrHist. 137. F. 31 = *Plin.* N.H. III.3.57—58), возможно, реплицирующее установление птолемеевским Египтом контактов с Римом после Пирровой войны; а также интерпретация, которую Клитарх дает эпитету Птолемея I «Сотер» (см. о последнем, а также об описании Калликсена главу 5, § 5.2) [Hazzard, 2000, p. 7—17]. Спорность многих положений данной работы Хаззарда не мешает тому, что приведенный им аргумент в связи с упоминанием Клитархом посольства римлян к Александру представляется справедливым и чрезвычайно весомым. О понятии «вульгаты» (восходящей к труду Клитарха традиции об Александре Диодора Сицилийского, Курция Руфа и Юстина) см. главу 2, § 2.1, прим. 6.

датировке правитель – это Дарий III [Devauchelle, 1995 (1), p. 43; см. публикацию источника: Senival, 1966]. Вне поля зрения Девошелля осталась опубликованная позднее серия имитаций афинских тетрадрахм, выпущенная от имени Артаксеркса III (до 338 г. до н.э.), с демотической легендой «Артаксеркс фараон, (да будет) ж(ив), с(илен), з(доров)» (*3rthššš pr-š3 ʿ.w.s.*) [Vleeming, 2001, p. 1—4 (nos 1—11)]. Кроме того, высказывалось мнение, что иератическое начертание имени «Дарий» (*Truwsu*) в картуше, представляющее собой одну из надписей в комплексе погребений коров – матерей священных быков Аписов в Саккара, относится именно к Дарию III [Smith, 1972, p. 179, n. 2; Bosch-Puche, 2012, p. 253, n. 56]. Если это так, то, учитывая, что данная стела должна относиться к погребению коровы Таисе, которое имело место в Год 5 Александра Великого, мы можем иметь дело с еще одним памятником, который упоминает Дария III (в неясном контексте) уже при Александре (в этом отношении он будет близок стеле *Bucheum 2*, которую мы рассмотрим ниже; см. настоящую главу, § 4.2)³. По сути дела, известные на сегодняшний день египетские памятники, современные последним Ахеменидам, исчерпываются этим очень небольшим перечнем.

В связи с этими памятниками необходимо принять во внимание следующие моменты. Как мы видим, один из них – это документальный папирус, датированный Годом 2 Дария III. При отсчете лет его царствования в Египте от вступления на персидский престол (в конце 336 – начале 335 гг. до н.э.) [Briant, 1996, p. 796, 1060] и причислении египетского года, в течение которого оно произошло (ноябрь 336 – ноябрь 335 гг. до н.э. [Beckerath, 1997, S. 198—199]), к его царствованию, в соответствии с практикой середины – второй половины I тыс. до н.э. [Beckerath, 1997, S. 10; Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 46], *3ht* III Год 2 Дария III в Египте – это январь—февраль 334 г. до н.э. В таком случае по крайней мере на этот момент, а, вероятнее всего, и на всем протяжении египетского 335/4 г. в Египте не было иной власти, кроме персидской (см. также главу 2, § 2.3.2). Даже независимо от того, что деловые документы заведомо должны были составляться с расчетом на их предъявление администрации и, соответственно, с определенной протокольной лояльностью к персидскому царю, в это время у египтян в принципе не было иной основы для летосчисления, кроме отсчета лет царствования Дария III, как бы они к нему не относились. Что касается легенды египетской монетной серии Артаксеркса III, она заведомо должна отражать не реальное признание его египтянами, а его собственное позиционирование в качестве владыки Египта, а также презентацию такого успеха,

³ См., однако, последнюю публикацию данной надписи, согласно которой нет уверенности, не связана ли данная надпись с одним из персидских царей этого имени V в. до н.э. [Smith, Andrews, Davies, 2011, p. 146—147].

как возвращение этой страны под власть Ахеменидов перед окружающим миром⁴. В связи с последним уместно вспомнить, что монетная чеканка Египта в IV в. до н.э. в принципе была рассчитана не столько на внутреннее обращение, сколько на платежи наемникам и внешние торговые контакты: в связи с этим она и имитировала самый популярный в торговле этого времени монетный тип – знаменитые афинские «совы» [Daumas, 1977]. Позднее же, когда при Дарии III египетская чеканка становится, видимо, сугубо практическим, лишенным идеологического подтекста делом, в легендах монет вообще появляются имена сатрапов, а не царей, причем не в демотическом, а в арамейском написании [Nicolet-Pierre, 1979]. Наконец, «протоколы» последних Ахеменидов в их египетских памятниках именуют их исключительно титулом *pr-ʕ3* («дом великий» – словосочетание, ставшее, как известно, основой для древнееврейского «фараон»; Wb. II. 516; CDD: P. 69—77; DWL 02002; [Beckerath, 1999, S. 31]). С формальной точки зрения это неудивительно, поскольку в демотических документах для обозначения царей используется именно этот термин. Вместе с тем легко доказать, что, в отличие от однозначных именовании сакральных легитимных царей *nsw-bity* и *nsw* (см. главу 1, § 1.1.1) он мог обозначать и правителей, не имевших этого статуса. Так, именно термин *pr-ʕ3* употребляется применительно к персидским царям V в. до н.э. при передаче их неегипетского титула «Великий царь» (*pr-ʕ3 p3 ʕ3* – в написании после заключенного в картуш личного имени)⁵; а в эллинистическое время, в «декрете Рафии», посвященном событиям 4-й Сирийской войны, мы видим его в совсем уж неожиданном применении к Антиоху III (СМ 31088, стк. 10 демотического текста) [Gauthier, Sottas, 1925, p. 34; Thissen, 1966, S. 13]. Иными словами, «протоколы» последних Ахеменидов с их именованьями этим титулом, разумеется, констатируют их фактическую власть над Египтом, однако едва ли могут служить

⁴ Самопрезентация Артаксеркса III в качестве восстановителя персидской власти над Египтом проявляется в коммеморативных печатях, связываемых с его завоеванием Египта при Артаксерксе III: из Государственного Эрмитажа с изображением персидского царя, пронзающего копьём врага в египетской короне *ʕtf* [Hinz, 1979, S. 31; Briant, 1996, p. 227, fig. 12a—b]; из ГМИИ им. А.С. Пушкина с изображением персидского царя, ведущего за собой трех связанных пленников, один из которых увенчан египетской короной [Шилейко, 1925; ср. Дандамаев, 1985, с. 182 (о возможности датировки обоих указанных памятников временем Артаксеркса I и их связи с разгромом восстания Инара)]; из коллекции Э.Т. Ньюэлла со сценой триумфа персидского царя над скифами, слева от которой помещен сильно стилизованный картуш (серех?) с персидской надписью «Артаксерксу», увенчанный двумя головами сокола в двойных коронах Верхнего и Нижнего Египта [Osten, 1934, p. 66, 166, pl. XXXI; см. Берзина, 1996, с. 23]. Мы упоминаем об этих памятниках, чтобы отвести предположение, что в последнем из них проявляется в какой-либо мере восприятие персидским царем египетских атрибутов сакральной царственности и стремление к принятию соответствующего статуса. Думается, его можно расценивать подобным образом не в большей мере, чем помещение флага со свастикой над Триумфальной аркой в Париже в 1940 г. – как стремление немецких оккупантов «приписать» к глорификации побед Наполеона I.

⁵ Подобные титулатуры характерны для надписей на каменных вазах времени этих царей, обнаруженных за пределами Египта [Posener, 1936, p. 141 (Ксеркс); Posener, 1936, p. 146, Савельева, Смирнов, 1972, с. 110 (Артаксеркс I); Posener, 1936, p. 151 (личное имя царя не сохранилось)].

подтверждением признания за ними сакрального статуса и связанной с ним способности совершать ритуал. Памятники, которые фиксировали бы, в соответствии с египетской традицией, более полные египетские титулатуры последних Ахеменидов, с именами, характеризовавшими их сакральный статус, отсутствуют; есть все основания думать, что для них, как и для Ахеменидов V в. до н.э., начиная с Ксеркса [Beckerath, 1999, S. 220—221; Vlöbaum, 2006, S. 397], такие титулатуры просто не составлялись. Наконец, необходимо отметить полное отсутствие свидетельств строительной активности последних Ахеменидов в египетских храмах [Arnold, 1999, p. 137]. Это уже совсем ярко демонстрирует их незаинтересованность в принятии на себя качеств легитимных царей-ритуалистов, каковые должны были проявляться в храмовых сценах, изображающих совершение царями обрядов, а также, согласно прочно укорененным представлениям IV в. до н.э. (см. главу 1, § 1.1.2) в целом в попечении о храмах. В свете сказанного совсем не удивительно, что в исходной версии труда Манефона, появившейся в первой половине III в. до н.э., упоминание «XXXI династии» египетских царей, состоявшей из Артаксеркса III, Арсеса и Дария III, скорее всего, отсутствовало (см. главу 1, § 1.3.2).

Иными словами, общая картина, которую мы можем восстановить по источникам второго персидского владычества, свидетельствует скорее о непризнании последних Ахеменидов легитимными сакральными царями Египта, а также об их собственной незаинтересованности в этом. Последнее не вызывает особого удивления: если в эпоху первого персидского владычества мы видим, что если Камбис и Дарий I принимают египетский царский статус (см. об этом и об их египетских титулатурах главу 1, § 1.1.1) и сравнительно активно строят в египетских храмах [Arnold, 1999, p. 91—92], придавая Египту в составе своих владений особое положение «царства личной унии», то их преемники, начиная с Ксеркса, относятся к этому равнодушно (отчасти в порядке реакции на восстания в Египте в V в. до н.э., отчасти из большей приверженности персидской религии и высокомерия по отношению к другим религиям) и даже не имеют полносоставных египетских титулатур.

С этой весьма стройной картиной мог бы диссонировать лишь один необычный памятник – скульптурное изображение человека в парике и со следами урея надо лбом, в длинном ожерелье, украшенном изображениями горных козлов, и в обернутом вокруг туловища одеянии, из-за пояса которого высунута рукоять кинжала (Бруклинский музей, 71.139; гранит, высота 79 см.; по-видимому, изображение было во весь рост, но сохранилось только в виде торса; происхождение неизвестно; *Рисунок 4.1*). Трактовка лица этой скульптуры близка к образцам XXX династии, однако украшения ожерелья и одеяние обнаруживают явное иранское влияние [Josephson, 1997, p. 2], что дало исследователям основание отнести ее ко

времени второго персидского владычества. По мнению Р. Бианки, считавшего, что голова этой статуи была увенчана уреем, эта скульптура вообще изображает персидского царя – Артаксеркса III или Дария III [Bianchi, 1979, p. 71]. Дж. Джозефсон, однако, обращает внимание на то, что парик не бывает царским атрибутом, и считает изображенного сатрапом или иным чиновником высокого ранга этого времени [Josephson, 1997, p. 2]⁶. Мы не беремся предложить исчерпывающую интерпретацию этого памятника, обнаруживающего столь причудливое сочетание разных черт; однако отсутствие на нем каких-либо надписей (в том числе на заднем опорном столбе) и надежно различимых царских атрибутов позволяет все же думать, что это не царский памятник.

---

⁶ Такое предположение не объясняет наличия на данной статуе следов урея – атрибута, предполагающего сакральный статус изображенного. Однако, возможно, его наличие на статуе вообще не следует предполагать: так, нынешние хранители египетской коллекции Бруклинского музея допускают, что в надлобной части статуи сохранилась чисто техническая деталь, использовавшаяся скульптором для того, чтобы удерживать статую при ее изготовлении [Egyptian Man..., 2017].

4.1.2. Похищение культовой утвари и священных книг из египетских храмов в период второго персидского владычества

Одно из заключительных сообщений обширного фрагмента XVI книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, в котором описан захват Артаксерксом III Египта (Diod. XVI. 40—51) [Тураев, 1935, т. 2, с. 158—161], звучит следующим образом: «Артаксеркс, завоевав весь Египет и срыв стены важнейших городов, разграбил храмы и собрал множество золота и серебра и унес из древних храмов записи, которые потом Багой за большие деньги продал назад египетским жрецам»¹. Данное сообщение (очевидно, восходящее к одной из греческих всеобщих историй IV в. до н.э. – к труду Эфора из Ким или Феопомпа Хиосского [Hammond, 1938—1939; Marincola, 2007, p. 177; Ruzicka, 2012, p. 179; Colburn, 2015, p. 167, n. 5]), в той мере, в какой оно становилось предметом специального внимания, неоднократно трактовалось как свидетельство похищения Артаксерксом III из египетских храмов архивов, возможно, исторического содержания [Тураев, 1935, т. 2, с. 161 («...унес из храмов древние документы...»); Briant, 1996, p. 706 (“...il emporta meme les Annales sacrées...”)]. Как нам представляется, подобное понимание этого сообщения достаточно уязвимо. Очевидно, что словосочетание ἐκ τῶν ἀρχαίων ἱερῶν так или иначе относится не к содержанию этих текстов, а указывает, откуда они были похищены; в то же время слово ἀναγραφή по своему лексическому значению (LSJ 101) явным образом не сводимо лишь к обозначению каких-либо документов или исторических записей.

Между тем сообщение о возвращении в Египет похищенных из его храмов священных текстов мы обнаруживаем в иероглифическом тексте «Стелы сатрапа» 311 г. до н.э. Его фрагмент, описывающий возвращение сатрапом Птолемеем в Египет утраченных ранее культовых предметов выглядит следующим образом: «Принес он образы богов, найденные в Азии, с утварью всякой, “душами Ра” всякими, принадлежащими храмам юга /и/ севера. Вернул (букв. “дал”) он их на места их» (сткк. 3—4, Urk. II. 14.9—11: *in.n.f hmw n ntrw gm(w) m-hnt Stt hn^c dbhw nb(w) b3w R^c nb(w) nw gs(w)-prw rs mh^w rdi.n.f s(n) hr s(w)t.zn*) [Schäfer, 2011, S. 74—83]. Использованный в данном фрагменте термин *b3w R^c* обозначает священные тексты, хранившиеся в храмах и, конечно, не равнозначные по своему содержанию и значению обычным историческим или, тем более, хозяйственным документам (см.: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.3.a, комм. «Г»).

¹ Diod. XVI. 51.2: Ἀρταξέρξης δὲ παραλαβὼν πᾶσαν τὴν Αἴγυπτον καὶ τῶν ἀξιολογωτάτων πόλεων τὰ τεῖχη περιελὼν τὰ μὲν ἱερὰ συλήσας ἤθροισεν ἀργύρου τε καὶ χρυσοῦ πλῆθος, ἀπήνεγκε δὲ καὶ τὰς ἐκ τῶν ἀρχαίων ἱερῶν ἀναγραφάς, ἃς ὕστερον Βαγῶας πολλῶν χρημάτων ἀπελύτρωσε τοῖς ἱερεῦσι τῶν Αἰγυπτίων.

Данное сообщение «Стелы сатрапа» является первым в целом ряду других сообщений источников эллинистического времени или восходящей к нему традиции о возвращении царями династии Птолемеев культовых предметов, в свое время похищенных чужеземными завоевателями из египетских храмов (Пифомский декрет времени Птолемея II Филадельфа: Urk. II. 91.6—9 [Thiers, 2007, p. 39—44]; трехязычный Александрийский декрет времени Птолемея III Эвергета [Altenmüller, el-Masri, Thissen, 2012, S. 97—102]; трехязычный Канопский декрет времени Птолемея III Эвергета: Urk. II. 128.11—129.2; OGIS. I. 56.10—11, демотический текст: [Spiegelberg, 1922, S. 7—8], см.: [Pfeiffer, 2004, S. 84—88]; надпись из Адулиса времени Птолемея III Эвергета: OGIS I. 54.20—22; «декрет Рафии» времени Птолемея IV Филопатора [Gauthier, Sottas, 1925, p. 36; Thissen, 1966, S. 59—60]; сведения Порфирия Тирского, известные в передаче блаженного Иеронима: FGrHist. 260. F. 43 = Hieronym. Comm. i. Dan. 11. 6—9). В наши цели сейчас не входит подробный анализ этих сообщений, тем более что эта задача уже решалась, в том числе и при нашем участии [Winnicki, 1994; Ладынин, 2002 (3); 2007]. Для нынешних наших целей достаточно сказать, что, ввиду наличия в некоторых из этих сообщений деталей, которые едва ли могли быть вымышлены, мы не видим оснований и смысла оспаривать их принципиальную историчность (см. также главу 1, § 1.2). Соответственно, нам представляется вполне вероятным, что и в ходе кампаний 310-х гг. до н.э. сатрап Птолемей мог захватить и вернуть в Египет какое-то количество культовых предметов, в свое время захваченных персами и, видимо, оказавшихся на территории Восточного Средиземноморья. Существенно, что, по-видимому, в связи со свершениями Александра и сатрапа Птолемея возмездие за «наосы богов Египта... Ниневии, в стране *Ἰσῆρ*» упоминается в демотическом «Оракуле ягненка» (см. главу 5, § 5.3).

Очевидно, что отразившееся в данном сообщении «Стелы сатрапа» деяние Птолемея могло быть совершено сатрапом Птолемеем лишь в результате его войн в Азии в 310-е гг. до н.э.²; соответственно, обозначение *Stt* в данном контексте должно относиться к региону, который был захвачен ходом их боевых действий. Скорее всего, составители «Стелы сатрапа» имели в виду, что священные предметы были возвращены Птолемеем в финале описанной в этом тексте в традиционной стилистике египетских военных надписей кампании 312—311 гг.

² В свое время О. Буше-Леклерк, сомневаясь в историчности данного сообщения, высказал мнение о том, что если оно все же соответствует действительности, то Птолемей должен доставить из Азии пресловутые культовые предметы при своем вступлении в Египет в качестве вновь назначенного сатрапа в конце 323 г. до н.э. [Bouché-Leclercq, 1903, p. 11]. На наш взгляд, главным доводом против этого мнения служит тот факт, что подобная акция Птолемея заведомо имела смысл лишь в целях повышения им своего престижа до уровня самостоятельного правителя Египта – продолжателя традиции фараонов. Соответственно, эта акция вызвала бы немедленное (причем на этапе ее подготовки, пока Птолемей еще не оказался в Египте, скорее всего, успешное) противодействие регента державы Аргеадов Пердикки, опасавшегося устремлений сатрапа Египта; ср. с недовольством Пердикки захоронением в Египте около 321 г. тела Александра (см. главу 2, § 2.1).

до н.э. (см. описание этой кампании: «“Стела сатрапа”»: перевод и комментарий», П.З.в). В то же время, даже если допустить, что возвращение священных предметов произошло в ходе какой-то другой кампании Птолемея в Азии, то за весь период с 323 г. до н.э. и до времени составления «Стелы» ею мог быть только захват сатрапом Египта у Лаомедонта Митиленского после смерти Антипатра в 319—318 гг. до н.э. по сути дела, тех же территорий Восточного Средиземноморья, откуда его вскоре вытеснил Эвмен (*Diod. XVIII.63.6; 73.2*; см. о военных кампаниях сатрапа Птолемея в Азии в 310-е гг. см. [Seibert, 1969, S. 129—137, 148—151; Winnicki, 1989, 1991; Hölbl, 2001, p. 16—18; Huss, 2001, S. 121—165]).

Заметим, что территория, на которой, как видно, протекали обе азиатские кампании Птолемея 310-х гг., при описании в «Стеле сатрапа» более поздней из них была обозначена как «страна /людей/ Хару» (стк. 5, Утк. II. 15.4: *p3 t3 n H3r(w)*); см. «“Стела сатрапа”»: перевод и комментарий», П.З.в, комм. «г»). Появление в сообщении «Стелы...» о возвращении Птолемеем культовых предметов другого обозначения, явно относящегося к этой же территории, – *Stt* – в принципе может быть обычным случаем употребления более широкого, но все равно корректного термина вместо более узкого. Однако в контексте возвращения Птолемеем египетских культовых предметов оно, как кажется, приобретает особую мотивировку. В сообщениях птолемеевских текстов III в. до н.э., о которых мы говорили выше, вина за похищение священных предметов вполне однозначно возлагается на Персию; при этом нет оснований думать, что те из них, которые, как считалось, вернул в Египет еще сатрап Птолемей, были утрачены при иных обстоятельствах, нежели предметы, возвращенные его уже царственными преемниками. Соответственно, территория Восточного Средиземноморья, на которой священные предметы были или считались обнаружены сатрапом Птолемеем, могла быть названа *Stt* по ассоциации с обозначавшимся данным термином государством, которое включало эту территорию прежде и несло ответственность за похищение этих предметов. Как уже было показано на примере ряда источников (см. главу 1, § 1.2), в Позднее время этот термин систематически служит обозначением межрегиональных азиатских держав, с которыми взаимодействовал Египет. А в текстах начала македонского времени – в автобиографической надписи гераклеопольского вельможи Сематауитефнахта на т.н. Неаполитанской стеле (см. главу 3, § 3.1.1, и главу 4, § 4.1.2) и по крайней мере еще в одном фрагменте «Стелы сатрапа», значение которого не вызывает сомнений (см. «“Стела сатрапа”»: перевод и комментарий», III.1.а, комм. «ж»), – данный термин, явно в рамках словоупотребления, характерного в целом для Позднего времени, обозначает Ахеменидскую державу.

В связи с этим стоит обратить особое внимание на то, что в иероглифических текстах декретов Птолемея II и III страны, откуда эти цари вернули египетские священные предметы,

также обозначены *Stt*, причем это обозначение соотносится с иероглифическими транскрипциями хоронима «Персия». Пифомский декрет Птолемея II Филадельфа описывает кампанию 274 г. до н.э. в начале 1-й Сирийской войны (274—271 гг. до н.э.) [Winnicki, 1990] следующим образом: «Выступил царь к стране³ Азии, достиг он Персии⁴, нашел он богов Египта там в долготу /их/, принес он их в Египет» (сткк. 10—11, Urk. II. 91.6—9: *šm nsw r tšyt Stt ph.n.f r P3rstt gm.f ntrw B3qt im m 3w in.f zn r Kmt*). Интерпретация данного фрагмента вызвала довольно большую дискуссию: на сегодняшний день, по сути дела, сформировался консенсус

по поводу того, что первое из фигурирующих в нем обозначений () – это *Stt* (см.: [Lorton, 1971, p. 161; Thiers, 2007, p. 39]). Что касается написания *P3rstt* (   ), идея, что оно должно быть понято как иероглифическая транскрипция слова «Персия» [Gauthier, 1925—1931, t. II, p. 46], на сегодняшний день практически отвергнута, и оно считается транскрипцией хоронима «Палестина» [Lorton, 1971, p. 163; Winnicki, 1990, p. 157—167; Thiers, 2007, p. 40; ср., однако: Bresciani, 1983, p. 22—23; Briant, 2003, p. 177]. Нам кажется, что такое его понимание уязвимо по двум причинам. Во-первых, текст явно представляет *P3rstt* целью кампании и территорией, находящейся вне контроля государства Птолемеев, т.е. принадлежащей Селевкидам: очевидно, что будь эта территория владением Птолемеев, то похищенные ранее и находящиеся там статуи египетских богов были бы возвращены на свои места в храмах много раньше. Однако в начале 1-й Сирийской войны Палестина как раз и находилась под властью Птолемея II⁵, и трудно представить себе причину, по которой название этой страны следовало бы перенести на селевкидскую Сирию, где разворачивалась кампания 274 г. до н.э. [Winnicki, 1990, p. 167]⁶. Во-вторых, появление обозначения «Палестина» в

³   – вариант слова *tš* (Wb. V. 328), в свою очередь являющегося вариантом *tšš* (id. 234—236; ср. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.3.г, комм. «б»). Из вариантов перевода «рубеж, граница» (id. V. 235) и «земля, страна» (id. 236; очевидно, с демотическим влиянием: DWL07453; [Erichsen, 1954, S. 656; Winnicki, 1990, p. 158]) в данном случае, ввиду присутствия в написании

детерминатива N₂₅ () , явно предпочтителен второй (ср.: [Thiers, 2007, p. 39—40]).

⁴ Э. Энгсхеден высказывал мнение о возможности понять *ph.n.f r P3rstt* как придаточное предложение обстоятельства [Engsheden, 2003, p. 178 (“Quand il eut atteint la Palestine, il y trouva les dieux égyptiens ensemble...”)]; такую возможность стоит учитывать [Thiers, 2007, p. 39], однако она не влияет на нашу аргументацию сколько-нибудь серьезно.

⁵ Собственно, Восточное Средиземноморье к югу от реки Элевтерос (совр. Нахр эль-Кабир) оставалось под птолемеевским контролем со времени битвы при Ипсе и последовавшего за ней раздела владений Антигона [Hölbl, 2001, p. 22—23; Grainger, 2010, p. 37—53].

⁶ Я.К. Винницкий допускал, что обозначение «Палестина» является в данном фрагменте обозначением птолемеевской провинции Сирия-Финикия и что, соответственно, в кампании 274 г. до н.э. Птолемей II не пересек ее границу с селевкидскими владениями по реке Элевтерос [Winnicki, 1990, p. 166]. Однако такое допущение противоречит тому, что, по смыслу текста, данная кампания разворачивалась именно

иероглифической транскрипции в Пифомском декрете вообще выглядело бы весьма странно: его параллели в птолемеевских текстах не засвидетельствованы и не встречаются позже VII в. до н.э.⁷, так что даже сохранение этого обозначения и иероглифической письменной традиции вплоть до птолемеевского времени могло бы вызвать сомнения. Наконец, сторонники трактовки данного написания как хоронима «Палестина» должны игнорировать или отрицать очевидный параллелизм между словосочетаниями *r tšyt Stt* и *r P3rstt* в обсуждаемом фрагменте; между тем, это чрезвычайно существенный момент, т.к. этот параллелизм предполагает и определенную равнозначность данных словосочетаний. Обозначение *tšyt Stt*, по-видимому, называет цель кампании Птолемея II, имея ввиду, что ею было современная ему межрегиональная азиатская держава – государство Селевкидов⁸. Обозначение *P3rstt* могло быть параллелью для *Stt*, только если оно означало именно «Персия», т.е. указывало бы на ту же самую территорию в соответствии с ее прежней интеграцией под властью Ахеменидов; само же использование подобной параллели в тексте должно объясняться необходимостью указать на державу, ответственную в свое время за похищение священных предметов из Египта. В тексте Пифомской стелы это обозначение, очевидно, прилагалось к государству Селевкидов, характеризуя его как преемника Ахеменидской державы не только по своему геополитическому статусу, но и по враждебности Египту. Такая интерпретация исключала бы допущение, что, согласно данному тексту, кампания Птолемея II была направлена против Персии в чисто территориальном смысле этого слова (неправдоподобность этого и послужила аргументом для отказа от понимания данного написания как транскрипции слова «Персия» [Lorton, 1971, p. 161; Thiers, 2007, p. 40]).

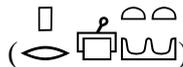
В декретах времени Птолемея III Эвергета, восхваляющих его за возвращение священных предметов из Азии во время 3-й Сирийской войны (246—241 гг. до н.э.), соотношение обозначения *Stt* и его производных с транскрипцией хоронима «Персия» несравненно очевиднее, благодаря тому, что это билингвы и значение их иероглифического текста четко пояснено его греческой параллелью. В Александрийском декрете 243 г. до н.э. идет речь о возвращении Птолемею III в Египет священных предметов, которые были похищены «во времена притеснения храмов азиатами подлыми Персии» (стк. 9: *n tr n nkn prw-*

на селевкидской территории, тем более что опять же трудно представить, по каким причинам эта провинция в целом была бы обозначена именно как «Палестина».

⁷ См. список случаев употребления этого обозначения в иероглифических текстах: [Winnicki, 1990, p. 164, tab. 'e']; Винницкий ошибочно относит номер 4 в своем списке к XXII династии; см. об отнесении статуэтки «посланца Ханаана и Палестины» (*wprwtj n p3 Kn^cn n Prst*; Галерея Уолтерса, Балтимор, 221203) Падиисе к концу VII в. до н.э.: [Spalinger, 1977, p. 229].

⁸ Учитывая, что такое значение термина *Stt* для текстов I тыс. до н.э. кажется надежно установленным (см. главу 1, § 1.2), было бы едва ли правомерно сужать его значение в данном контексте только до территории селевкидской Сирии [Thiers, 2007, p. 39—40].

ntrw in Sttyw hsyw nw Prs; ср. стк. 14 греческого текста: ἐν τῇ ἐπιτὰ ἰ[ε]ρὰ ἀδικίαι ὑ[πὸ τῶν Πέρσων [Altenmüller, el-Masri, Thissen, 2012, S. 98—99]). Схожий пассаж содержится и в Канопском декрете, описывающем это свершение Птолемея III следующим образом: «изображения богов, унесенные (букв. “схваченные”) подлыми /из/ Персии вовне Египта, – /после того как/ выступил Его Величество к странам Азии, спас он их (изображения богов – *И.Л.*) /и/ принес он их в страну Египта» (стк. 6 стелы CM 22187 из Таниса, Urk. II 128. 11—129.2: *shmw ntrw it(w) n hzyw nw Prs3tt r-rwt B3qt wd3.n hm.f n t3w Stt nhm(n.f) sw in.n.f zw r t3 Kmt*) [Pfeiffer, 2004, S. 85]. Соответствие написания *Prs3tt* (, появляющегося в данном случае в контексте событий не настоящего, а прошлого, хорониму «Персия» опять же не вызывает сомнений благодаря греческой параллели (OGIS I. 56, l. 10—11: καὶ τὰ ἐξενεγχθέντα ἐκ τῆς χώρας ἱερὰ ἀγάλματα ὑπὸ τῶν Περσῶν ἐξστρατεύσας ὁ βασιλεὺς ἀνέσωσεν εἰς Αἴγ[υπτο]ν). Как видно, обозначения *Stt* и *Prs3tt* здесь не соотнесены напрямую, однако употребление первого из них по отношению к государству Селевкидов во всяком случае мотивировано его актуальным качеством межрегиональной азиатской державы. В этом смысле как, вероятно, косвенным образом и по ассоциации с самим сюжетом возвращения похищенных священных предметов, государство Селевкидов опять же соотнесено с Ахеменидской державой в качестве ее преемника. При этом явное фонетическое сходство обозначения *Prs3tt* с написанием Пифомского декрета служит еще одним аргументом в пользу того, чтобы соотнести и последнее с хоронимом «Персия». В целом приведенные фрагменты птолемеевских надписей устанавливают соотнесение обозначения *Stt* в контексте данного сюжета с хоронимом «Персия» и с Ахеменидской державой достаточно надежно и позволяют уверенно предполагать его и для аналогичного по содержанию фрагмента «Стелы сатрапа».

Еще один чрезвычайно важный момент, который нужно учитывать при его интерпретации данного фрагмента текста «Стелы сатрапа», связан с тем, что этот источник в целом призван зафиксировать закрепление за храмами Буто угодья под названием «Земля Уаджит» (сткк. 7—18, Urk. II. 16.5—22.1; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III [Schäfer, 2011, S. 162—190], доходы от которого были конфискованы у них Артаксерксом III в период второго персидского владычества. Соответственно, реминисценции этого времени, на наш взгляд, напрямую связанные с образом Артаксеркса III (сткк. 8—11, Urk. II. 17.1—18.6; «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», Эккурс 2), играют в этом тексте важнейшую роль. В их контексте составителям «Стелы» могло показаться избыточным специальное прямое указание на виновника похищения из Египта пресловутых культовых предметов, в том числе

«душ Ра»: весьма вероятно, что «по умолчанию» таковым признавался именно Артаксеркс III, виновный в ущемлении интересов бутосских храмов.

В таком случае исторические обстоятельства утраты египетскими храмами «душ Ра», согласно тексту «Стелы сатрапа», оказываются чрезвычайно схожими с теми, о которых рассказывает Диодор: можно сказать, что свидетельство «Стелы сатрапа» о возвращении Птолемеем культовой утвари и священных текстов напрямую перекликается с сообщением Диодора и, по меньшей мере, подтверждает его связь с аутентичной египетской традицией. Вместе с тем само по себе наличие такой связи между этими свидетельствами еще не доказывает их историчности в точном смысле слова. Египетская традиция могла приписать Артаксерксу III деяние, которого он не совершал в действительности и которое, выглядя более правдоподобно, чем анекдотические сообщения о его кощунствах в храмах Египта (см. настоящую главу, § 4.4), все же было бы вызвано к жизни той же тенденцией, что и они. В связи с этим следует все же вспомнить, что практикой, к которой персы прибегали достаточно систематически, в том числе, насколько можно судить, и в Египте в период первого персидского владычества, был репрессивный захват культовых предметов в храмах побежденных народов (см. главу 1, § 1.2). Насколько можно судить по автобиографической надписи Сематауитефнахта на Неаполитанской стеле, содержание которой, безусловно, соответствует действительности, именно побуждение изъять у египтян один из посредников во взаимодействии с богами обусловило депортацию персами целой корпорации египетских жрецов в период второго персидского владычества (см. ниже, § 4.1.3). Между тем, насколько можно судить по сообщению Диодора, получение выкупа за захваченные записи не было изначальной целью Артаксеркса III; а представить себе их чисто материальную ценность с точки зрения персов, которая побудила бы тех захватить их в качестве добычи, достаточно проблематично. В таком случае единственным правдоподобным мотивом их захвата остается как раз характер этих текстов – очевидно, их религиозное содержание и связь с культовой практикой, что побудило бы персов приписывать этим текстам, так же как культовой утвари и жрецам, посредничество во взаимодействии египтян с богами. В соотнесении и в сочетании с рассмотренными фрагментами «Стелы сатрапа» сообщение Диодора позволяет сделать обоснованное предположение о том, что в период второго персидского владычества кампания по репрессивному вывозу из Египта предметов, связанных с культом, действительно проводилась.

Определенные сомнения может вызвать роль, отведенная в сообщении Диодора Багой. В античной традиции о святотатствах, якобы совершенных Артаксерксом III в Египте и расписанных самыми черными красками, Багой представлен египтянином, якобы отомстившим

за них персидскому царю и восстановившим поруганную тем справедливость (см. настоящую главу, § 4.4). В сообщении Диодора Багой, безусловно, не египтянин, мотив его поступка – не месть персидскому царю, а корысть, и само это сообщение не столь красочно, как традиция о святотатствах Артаксеркса, а главное, лишено свойственных ей аллюзий на египетские религиозные сюжеты. Вместе с тем чисто «фактографически» Багою приписывается схожая роль и в этой традиции, и в свидетельстве Диодора. Учитывая, что традиция о святотатствах Артаксеркса III в Египте представляется совершенно фиктивной, а данная роль Багоя оказывается существенным компонентом в ряде принадлежащих к ней сообщений, можно допустить, что как раз сведения о получении им выкупа за священные тексты проникли к Диодору или к автору его первоисточника из этой традиции и недостоверны. Однако сам факт захвата священных текстов персами в свете характерной для них и хорошо засвидетельствованной практики, а также показательной параллели в тексте «Стелы сатрапа» особых сомнений не вызывает.

4.1.3. Свидетельства о депортациях египтян в период второго персидского владычества

Византийский словарь «Суда», созданный в X в. на основе компиляции сведений обширного массива античной традиции [Dickey, 2007, p. 90—91], содержит в одной из своих глосс следующее сообщение: «...также он (Артаксеркс III) оторвал множество египтян (от их) жен и детей (и) безжалостно увел в Персию» (s.v. ἄσατο: Αἰγυπτίων τε λεῶν πάνπολυ ἀποσπάσας γαμετῶν καὶ τέκνων ἐς Πέρσας ἤγαγεν ἀνοίκτως¹) [Schwartz, 1949, p. 71]. Данное свидетельство предваряется в этой же глоссе сообщением о святотатстве Артаксеркса III против священного козла, чтимого в Мендесе (см. настоящую главу, § 4.4), но и тематически, и по своему менее анекдотичному характеру от него отличается. Сама по себе практика депортаций населения покоренных стран создателями ближневосточных межрегиональных империй I тыс. до н.э. утвердилась еще в новоассирийское время [История древнего Востока..., 2004, с. 354—355], и хорошо известно, что персы к ней прибегали неоднократно [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 179—180; Briant, 1996, p. 521—523, 980—981; Фрай, 2002, с. 154]. В данном сообщении довольно внятно вырисовывается специфика проведенной Артаксерксом III в Египте депортации. Речь идет не о тотальном перемещении целых групп населения, при котором была бы сохранена их половозрастная структура и в результате которого они, например, влились бы в состав трудового населения ахеменидской метрополии (*курташ*) [Briant, 1996, p. 446—448], а о разлучении со своими семьями мужчин, т.е. о депортации самостоятельных представителей населения Египта (очевидно, отобранных по какому-то принципу, введенному завоевателями). В принципе, подобная нюансировка этого сообщения может быть признаком его достоверности; однако понятно, что его верификация может быть проведена, прежде всего, при соотнесении с ним сведений имеющихся в нашем распоряжении египетских источников.

С сообщением «Суды» можно соотнести упоминание демотического «Оракула ягненка» о депортациях египетской молодежи «в Сирию», скорее всего, также относящееся к событиям второго персидского владычества (см. главу 5, § 5.3). Вместе с тем источник, который, на наш взгляд, может быть привлечен к верификации этого сообщения с наибольшими основаниями, — это автобиографическая надпись гераклеопольского вельможи Сематауитефнахта на Неаполитанской стеле. Как мы помним (см. главу 3, § 3.1.1), в начале своего жизненного пути Сематауитефнахт достаточно успешно начал карьеру при дворе одного из последних царей XXX династии (вероятнее всего, Нектанеба II). Однако событие, которым, по единодушному

¹ Здесь и далее глоссы словаря «Суда» цитируются по изданию А. Адлер [Suida..., 1928—1937], текст которого положен в основу ресурса “Suda On Line: Byzantine Lexicography” (URL: <http://www.stoa.org/sol/>; дата обращения: 30.04.2017).

мнению исследователей, могло быть только установление в Египте второго персидского владычества в 343 г. до н.э., привело не только к концу этой карьеры, но и к тому, что сам он оказался за пределами Египта. При этом попечение Херишефа о своем слуге не прекратилось и позволило ему не только снискать расположение персидского царя, но и уцелеть при разгроме персов македонянами (см. подробнее ниже). Примечателен следующий момент в автобиографии Сематауитефнахта: его пребывание при персидском дворе и расположение к нему Великого царя не было для него такой самоценностью, какой, в канонах древнеегипетских автобиографий, была бы близость к легитимному царю Верхнего и Нижнего Египта. В той мере, в какой речь об этом идет в тексте надписи, это делается прежде всего для того, чтобы предьявить доказательствам покровительства Сематауитефнахту со стороны гераклеопольского бога Херишефа. Приведем в связи с этим соответствующий фрагмент текста стелы полностью (сткк. 8—11):

Ты (Херишеф – *И.Л.*) отличил меня среди множества, когда обратил (букв. «сделал») ты спину свою к Египту. Ты вложил (букв. «дал») любовь ко мне (букв. «любовь меня») в сердце властителя Азии. Сделал он (т.е. «властитель Азии») для меня должность начальника /жрецов-/уабов Сохмет на место брата матери моей, начальника /жрецов-/уабов Сохмет Юга и Севера Нахтхенеба. Ты защитил меня в битве *хау-небу*, с тех пор как как отразил ты Азию; убивали они (т.е. *хау-небу*) множество возле (букв. “с обеих сторон”) меня, /но/ не поднялась ничья рука (букв. “рука его”) против меня².

Как мы видим, приведенный фрагмент, строго говоря, не содержит прямых указаний на то, что описанные в нем события происходили за пределами Египта, в Азии. Вместе с тем это очевидно по тому, что далее текст описывает возвращение Сематауитефнахта в Египет через ряд чужеземных стран и «Великую Зелень» (см. о данном термине как об обозначении мирового океана и его составляющих: [Helck, 1980 (2)]; ср. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», П.З.б, комм. «д»), т.е., в данном контексте, явным образом, по Средиземному морю (сткк. 12—13):

Прошел я чужеземные страны (букв. «нагорья»), будучи один, переправился я через Великую зелень; не страшился я, зная, /что/ не преступаю (я) сказанного тобой (т.е. богом Херишефом)³.

² Urk. II. 3.11—4.6: *tn.n.k wi hnt hh m ir.n.k s3.k r B3qt di.k mrt.i m ib n hq3 n Stt s|mrw.f dw3 n.i ntr ir.n.f n.i 3t imy-r w^cb Shmt m st sn n mwt.i imy-r w^cb Shmt Šm^cw Mhw Nht-hnb mk.n.k wi m ^ch3 n H3w-nbw(t) dr hsf.n.k Stt sm3.zn hh m-gswy.i n f3 ^c.f r.i.*

³ Urk. II. 4.11—15: *smd.i h3swt w^c.kwi d3.i W3d-wr n snd.i rh.kwi n th.n(i) dd.k.*

Не вызывает сомнений, что термин *Stt*, появляющийся в Неаполитанской стеле, здесь, как и в ряде других источников I тыс. до н.э., служит политонимом, обозначающим межрегиональную азиатскую державу (см. главу 1, § 1.2), при том что в конце VI – IV вв. до н.э. ею была держава Ахеменидов. Соответственно, обозначение «властитель Азии» (*hq3 n Stt*) должно относиться к одному из владевших Египтом последних Ахеменидов – Артаксерксу III, Арсесу или Дарию III, а возможно, имперсонально, ко всем ним сразу [Perdu, 1985, p. 105—106, comm. ‘i’], а слова о «битве *хау-небу*»⁴ после того, как бог Херишеф «отразил Азию» – к какому-то из эпизодов разгрома державы Ахеменидов Александром Великим. Таким образом, слова Неаполитанской стелы о милостях «властителя Азии» и его придворных к Сематауитефнахту следует понять, как свидетельство его реального пребывания при дворе Великого царя в метрополии его державы.

В работах, посвященных Неаполитанской стеле, достаточно давно было высказано мнение о том, что именно могло снискать Сематауитефнахту расположение персидского царя и его придворных: как известно, жрецы Сохмет были специалистами по медицине [Känel, 1984], и в то же время существует целый ряд примеров пребывания египетских медиков при персидском дворе [Burkard, 1994]. Поэтому довольно прочно утвердившееся мнение, что именно врачебное искусство позволило нашему герою выдвинуться в ахеменидской метрополии [Tresson, 1930, p. 389—390; Burkard, 1994, S. 39—40; Menu, 1995 (1), p. 85, n. 10] кажется вполне оправданным. Почти столь же определенно суждение о том, что вообще привело Сематауитефнахта в Азию: еще П. Трессон в 1930 г. обратил внимание на упоминание «битвы *хау-небу*», в которой герою текста удалось уцелеть благодаря покровительству Херишефа. Исследователь на редкость буквально воспринял слова об истреблении подле Сематауитефнахта «множества» (букв. «миллиона» – *hh*) азиатских воинов и, обратившись к статистике персидских потерь в ходе войны с Александром, заключил, что наш герой участвовал в качестве врача (разумеется, исходя из содержания текста, на стороне персов) в битве при Гавгамелах, с максимальной численностью сошедшихся в ней македонских и персидских войск [Tresson, 1930, p. 390—391]. Некоторые исследователи допускали, что речь могла идти о битве при Иссе, участие в которой

⁴ Термин *Hw-nbwt* в эту эпоху становится одним из наиболее употребительных обозначений греков (ср. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», П.3.б, комм. «е») и в данном контексте, несомненно, относится к войскам Александра [Perdu, 1985, p. 107, comm. ‘o’]. Ср. с мнением Кл. Вандерслеена, считавшего *Hw-nbwt* во всех случаях обозначением территорий Восточного Средиземноморья, которое в этом фрагменте автобиографии Сематауитефнахта якобы указывает на локализацию описываемых боевых действий в Сирии [Vandersleyen, 1971, p. 148]. Применительно к данному фрагменту это предположение опровергается присутствием в нем фразы «убивали они множество возле меня» (*sm3.zn hh m-gswy.i*), в которой местоимение *zn* («они») очевидно согласовано с *Hw-nbw(t)* [Perdu, 1985, p. 108, comm. ‘s’]. По смыслу оно должно обозначать тех, кто истреблял персидское войско и/или окружение Великого царя, – т.е. заведомо македонян и греков – независимо от того, где это истребление происходило.

египетских контингентов под командованием сатрапа Сабака засвидетельствовано в античной традиции (*Arr. Anab.* II. 11. 8; *Diod.* XVII. 34.5; *Curt.* III. 11.10; IV. 1.28; [Schäfer, 1890, S. 97; Тураев, 1935, т. 2, с. 164]; см. мнение, согласно которой речь идет об одной из этих двух битв: [Perdu, 1985, p. 108, comm. 't'; Burkard, 1994, S. 40]), однако суть дела от этого не менялась. Участие Сематауитефнахта в войне с македонянами на стороне персов представлялось вполне добровольным, и тем самым он приобретал сомнительную репутацию человека, пошедшего на сотрудничество с завоевателями своей родины [Spalinger, 1978 (2), S. 153; Huß, 1997, S. 139; Перепелкин, 2000, с. 462—464]. Очевидной моделью такого сотрудничества служит хорошо известная автобиография Уджахорреснета – современника Камбиса и Дария I Уджахорреснета, содействовавшего легитимации их власти над Египтом и побывавшего на протяжении своей жизни в Иране [Posener, 1936, p. 1—26; Lloyd, 1982; Huß, 1997, S. 135—136].

Вместе с тем мнение о том, что Сематауитефнахт (или, во всяком случае, составитель его автобиографии) не был столь уж лоялен к персидским властителям Египта высказал А.Б. Ллойд. Согласно этому исследователю, Неаполитанская стела отказывала им в легитимном, согласно египетским представлениям, царском статусе (соответственно, Великий царь и именуется в ее тексте всего лишь «властитель Азии»); более того, создатель стелы якобы «неприкрыто ликовал» по поводу разгрома персов при Иссе или при Гавгамелах [Lloyd, 1982, p. 178—179]. Сомнительно, что в точности такое настроение можно обнаружить в данном источнике; однако предполагаемый коллаборационизм Сематауитефнахта в пользу персов и правда плохо совместим с идеологической тенденцией Неаполитанской стелы. Сематауитефнахт, в отличие от знаменитого Уджахорреснета, действительно не признает персидского правителя легитимным сакральным царем Верхнего и Нижнего Египта; однако это теоретически можно объяснить самим составлением данного текста уже под властью македонян, когда позитивные реминисценции второго персидского владычества могли не приветствоваться. Более существенно, на наш взгляд, что, как мы уже видели Неаполитанская стела вообще не признает полноценным царем Египта никого из его реальных хозяев со времени падения XXX династии, а царский статус недвусмысленно и в весьма ярких выражениях переносится на бога Херишефа (см. главу 3, § 3.1.1). Сама данная манипуляция означает, что составитель Неаполитанской стелы не делал принципиальной разницы между персидскими и македонскими завоевателями Египта и считал их в равной мере лишенными легитимной царской власти, сопряженной со способностью совершать ритуал. Подобная позиция, зафиксированная данным памятником, достаточно плохо вяжется с возможностью коллаборационизма его владельца по отношению к этим чужеземными правителям (по крайней мере, на уровне подлинной лояльности к ним).

Как представляется, при решении вопроса о коллаборационизме Сематауитефнахта нельзя основываться только на фрагменте стелы, относящемся к войне с Александром: даже если он дает основания говорить о прямом участии героя стелы в этой войне, что не столь уж очевидно (см. ниже), неясно, было ли это участие добровольным или вынужденным. На наш взгляд, гораздо более интересный материал для размышлений предоставляет сообщение о том, что персидский царь наделил Сематауитефнахта египетским жреческим саном, нетривиальное по двум причинам. Во-первых, как мы видели, отношение последних Ахеменидов к религиозно-идеологической традиции жизни Египта никоим образом нельзя назвать заинтересованным: в частности, достаточно ясно, что они не стремились принимать на себя подобающие легитимному египетскому царю обязанности главы и попечителя египетских культов (см. настоящую главу, § 4.1.1). Таким образом, то, что один из этих царей наделяет Сематауитефнахта египетским саном «начальника /жрецов-/уабов Сохмет» (*imy-r w^cb Shmt*) диссонирует с основной тенденцией их политики в Египте. Во-вторых, весьма необычно, что это назначение произошло, судя по тексту Неаполитанской стелы, когда Сематауитефнахт находился за пределами Египта, при персидском дворе. В качестве единственной альтернативы этому можно было бы допустить, что он был наделен этим саном Артаксерксом III в Египте непосредственно после завоевания этой страны, когда персидский царь находился в ее пределах. Однако, как видно из текста, Сематауитефнахт успел еще до своего назначения провести довольно длительное время при дворе персидского царя, в среде его приближенных, именуемых «семерами». Судя по самому употреблению этого египетского обозначения придворных, речь идет именно о постоянном дворе в одной из центральных царских резиденций в Иране или Вавилонии, а не о том чисто военном окружении, которое могло сопровождать Артаксеркса в Египте (в таком случае речь скорее шла бы не о «семерах», а о «войске» - *mš^c* – персидского царя и его начальниках). Кроме того, непосредственно к упоминанию о назначении Сематауитефнахта примыкает рассказ о событиях войны с Александром, уже вне всякого сомнения разворачивавшихся в Азии. Наконец, показателен сам титул назначения, которое Сематауитефнахт получил от персидского царя: если его предшественник в должности и родной дядя по матери Нахтхенеб именовался «начальником /жрецов-/уабов Сохмет Юга и Севера» (*imy-r w^cb Shmt Rs Mhw Nht-hnb*), то из титула нашего героя упоминание «Юга и Севера» (т.е. обеих частей Египта) по каким-то причинам выпадает. Это объяснимо как раз в том случае, если данный жреческий сан был получен им вне Египта и их упоминание в соответствующем титуле теряло смысл. Правда, в перечислении званий Сематауитефнахта в начале Неаполитанской стелы этот титул выглядит как «начальник (жрецов)-уабов Сохмет в земле (до) пределов ее» (стк. 2, Urk. II. 2.8: *imy-r w^cb(w) Shmt m t3 (r)*

dr.f). Исследовательница иерархии жрецов Сохмет и Серкет Фр. фон Кенель увидела в данном титуле уникальное распространение полномочий Сематауитефнахта не только на Египет, но и на весь мир в целом [Känel, 1984, p. 249 (“directeur des prêtres-ouâb de Sekhmet dans toute la terre”, à savoir ἡ οἰκουμένη = la totalité du monde civilisé...)]. Подобную интерпретацию нельзя исключить, в особенности если Сематауитефнахт получил свой титул в бытность при персидском дворе и стал благодаря нему главой данной жреческой корпорации на всей территории Ахеменидской державы, т.е., действительно, в большей части известного египтянам мира. В то же время и при более «сниженном» понимании выражения «в земле до пределов ее» в смысле «во всем Египте» данную форму титула Сематауитефнахта можно считать модификацией его первоначального «персидского», не содержавшего этого словосочетания, варианта, которая была связана с возвращением обладателя этого титула в Египет⁵.

Думается, что назначение Сематауитефнахта «начальником /жрецов-/уабов Сохмет», хотя и произошло вне Египта, вряд ли имело чисто церемониальное или престижное значение. Если бы один из последних Ахеменидов просто пожелал возвысить своего приближенного-египтянина, он пожаловал бы ему не египетский жреческий сан, едва ли имеющий ценность с точки зрения персов, а персидский придворный титул (который «конвертировался» бы в египетском восприятии в обозначение «семера», применяющееся в Неаполитанской стеле к персидским придворным, или во что-то подобное). Весьма показательно также, что получение этого сана сделало Сематауитефнахта преемником другого египетского жреца, к тому же его родственника. Напрашивается предположение, что этот его предшественник получил свой сан еще в независимом Египте, а в эпоху второго персидского владычества, так же как и наш герой, оказался в Персии, сохраняя при этом свой сан; причиной же, по которой его пост стал вакантным, могла быть его смерть или глубокая старость⁶. И обладание данным жреческим

⁵ Можно обратить внимание, что в титулатуре Александра, сына Александра Великого и Роксаны, как формального царя Египта (с 317 по 305/4 гг. до н.э.) «золотое имя» выглядит как *ḥqꜣ (qn?) m(n) tꜣ (r) dr.f* («властитель в земле (или земли) (до) пределов ее»; см. главу 2, § 2.2.3). Как представляется, оно отмечено некоторой неопределенностью в плане того, включаются ли во владения этого правителя земли за пределами Египта: это может предполагаться при интерпретации термина *tꜣ* – «земля» – как обозначения земного мира в целом; однако мыслимо и его прочтение как обозначения одного Египта (Wb. V. 212.6, 215; как мы говорили, такое его прочтение нам кажется более вероятным). Возможно, эта неопределенность предполагается и в данной формулировке титула Сематауитефнахта, который, вероятно, был современником формального царствования сына Роксаны.

⁶ О том, что могла представлять собой пресловутая коллегия жрецов Сохмет за пределами Египта, мы еще скажем ниже; однако очевидно, что организацией, могущей хотя бы в малейшей мере беспокоить своими действиями или влиянием персидские власти, она не была. Соответственно, нет оснований думать, что персидский царь стал бы вмешиваться в отношения внутри этой коллегии и заменять одного ее главу еще при его жизни другим. Столь же маловероятно и то, что предшественник Сематауитефнахта пал жертвой репрессий со стороны персидских властей – при наличии за ним какой-то серьезной вины перед персами на его место едва ли был бы поставлен его близкий родственник. Напротив, его смерть или достижение им очень преклонного возраста весьма вероятны, учитывая его

саном, и его передача от одного жреца к другому могли иметь смысл для всех участвовавших в этом лиц, включая санкционировавшего эту передачу персидского государя, только в том случае, если данный сан предполагал какие-то вполне реальные религиозные полномочия. В таком случае остается предположить, что оба эти жреца в точном соответствии с их титулами осуществляли руководство египетской жреческой коллегией *уабов* Сохмет, в составе которой они, по-видимому, и оказались на чужбине.

Трудно представить себе, чтобы принадлежавшие к этой коллегии жрецы покинули Египет по собственной воле. В связи с этим стоит обратить внимание на предположение, высказанное в свое время Ф. Дершеном, о том, что египетские жрецы, побывавшие, как мы знаем по связанным с ними источникам, в персидской метрополии, могли оказаться там в результате осуществленных Ахеменидами депортаций [Derchain, 1965, p. 150]. Едва ли справедливое в его отнесении этим египтологом к Уджахорреснету [Huß, 1997, S. 125, Anm. 27], оно, на наш взгляд, может объяснить появление в Азии Сематауитефнахта в составе всей жреческой корпорации. Обсуждая такую возможность, естественно поставить вопрос о том, что в принципе могло побудить персидских завоевателей Египта к этой акции. Чтобы ответить на него, стоит обратить внимание на фразу, открывающую рассказ о возвышении Сематауитефнахта при персидском дворе: «Ты (бог Херишеф – *И.Л.*) отличил меня среди множества, с тех пор как обратил (букв. “сделал”) ты спину свою к Египту» (стк. 8, Urk. II. 3.14—15: *tn.n.k wi hnt hh m ir.n.k s3.k r B3qt*). Как заметил Ж.-Ж. Клер, употребленное здесь выражение *iri s3 r* (букв. «сделать спину к...») чрезвычайно близко к идиоме *rdi s3 r* («дать спину к...»), которая может иметь значение «покинуть» (*cf.* Wb. IV. 9.14) [Daumas, 1952, p. 243]. Соответственно, в процитированной фразе речь может идти о том, что герой Неаполитанской стелы не был оставлен милостями Херишефа, после того, как тот покинул Египет в буквальном смысле слова. По мнению Клера, данная фраза относится к завоеванию Египта Артаксерксом III и содержит аллюзию на вывоз из египетских храмов культовых предметов, в том числе, вероятно, и главной чтимой статуи Херишефа из Гераклеополя [Clère, 1951, p. 152, n. 5]. Автор стандартного на сегодняшний день исследования Неаполитанской стелы О. Пердю не оспаривает чисто языковую сторону данной интерпретации, но считает, что смысл данной фразы не столь буквален. По его мнению, составитель текста стелы исходил из того, что Херишеф, отвернувшись от Египта, сделал то же самое по отношению к ближневосточной государственности вообще и, «перейдя на сторону» македонян и греков, обеспечил им победу

принадлежность к поколению родителей нашего героя (тем более что тот и сам ко времени своего пребывания в Азии, учитывая его предыдущую карьеру при египетском дворе, был, скорее всего, уже не юношей).

над Ахеменидами (в соответствии со смыслом слов «...отразил ты Азию») [Perdu, 1985, p. 105, comm. 'g'].

Спорность подобной интерпретации достаточно очевидна: текст не дает оснований считать, что слова о «повороте» Херишефа от Египта следует отнести и к противостоянию державы Ахеменидов с Александром, а не только ко второму персидскому завоеванию Египта. Можно было бы считать, что данная фраза характеризует время после падения XXX династии как «полосу неудач» в истории Египта, на протяжении которой боги, включая Херишефа, отвернулись от страны, лишив ее своего покровительства (ср. с характеристикой подобной ситуации в амарнское время в «Реставрационной стеле» Тутанхамона: Utk. IV. 2027) [Демидчик, 2005, с. 44—45]. Однако с таким смыслом этой фразы, пожалуй, плохо сочеталось бы присутствующее в Неаполитанской стеле представление о Херишефе как о сакральном царе Египта, предполагающее его попечение об этой стране и, разумеется, присутствие в ней. В таком случае стоит вернуться к предположению Ж.-Ж. Клера о более конкретном значении данной фразы как аллюзии на проведение персами в эпоху второго персидского владычества конфискации и вывоза из Египта предметов храмового культа. Думается, уместно предположение о том, что имплицитно Неаполитанская стела ставит появление Сематауитефнахта при персидском дворе в связь с проведением подобной акции в Египте его персидскими завоевателями.

Характер этой связи становится, на наш взгляд, понятным, если взглянуть на религиозные функции жрецов-*уабов* Сохмет и причины, по которым они оказываются специалистами в области медицины. Как известно, Сохмет – это свирепая богиня, способная принести людям гибель от болезней; однако в силу этого она оказывается повелительницей болезней и держит под своим контролем не только гибель, но и исцеление от них. Соответственно, жреческое служение Сохмет – это контакт с личной силой божества, стоящей за человеческими болезнями, который дают возможность ее умиротворить [Känel, 1984, p. 235—239]. Чисто практической стороной такого «контакта», неотделимой от его ритуальных аспектов, было, конечно, профессиональное знание медицины. Таким образом, владеющие как религиозными, так и медицинскими знаниями *уабы* Сохмет сами по себе служили для населения Египта важнейшими посредниками в контакте с этим божеством. Их депортация исключала саму возможность такого контакта, угрожая стране всей силой олицетворенных в образе Сохмет эпидемий, и с этой точки зрения была для Ахеменидов столь же целесообразна, как и изъятие из египетских храмов культовых предметов. Судя по близости «начальников /жрецов-/*уабов* Сохмет» к персидскому двору, депортированные жрецы должны были быть размещены в метрополии Ахеменидской державы. Трудно сказать, насколько персы принимали

в расчет пользу от переселения к себе целого отряда прославленных на весь Передний Восток врачей; однако в любом случае, оказавшись на чужбине, они, скорее всего, были вынуждены прибегнуть к своему представляющему высокую ценность занятию для элементарного заработка.

Вернемся в заключение к вопросу о возможном участии Сематауитефнахта в войне персов с Александром. Прежде всего, стоит отказаться от попыток сколько-нибудь буквальной интерпретации упоминания «миллиона» жертв нашествия *хау-небу*, павших подле Сематауитефнахта. Очевидно, что данное слово служит чисто идиоматическим обозначением множества, как в одной из предшествующих фраз того же фрагмента, начинающейся со слов: «Ты отличил меня среди множества (букв. опять же “миллиона”)...». Пресловутое упоминание «битвы *хау-небу*» не только заведомо не поддается точной идентификации с каким-то конкретным сражением Александра с персами, но, весьма вероятно, и не требует такой точной идентификации, так как может служить общим обозначением их борьбы. В то же время в тексте стелы есть уточнение, что защита Херишефа пригодилась ее герою уже на том этапе «битвы», когда бог окончательно «отразил Азию» (*dr ḥsf.n.k Stt*). Употребление в данном случае глагола завершённого действия в сочетании с предлогом *dr*, обозначающим пространственный или временной предел, определенно показывает, что «отражение Азии» предшествовало защите богом Сематауитефнахта (Wb. V. 592—593) [Engsheden, 2003, p. 124—126; Kurth, 2008, T. 2, S. 959], то есть в ней определенно обозначился перелом в пользу македонян. На наш взгляд, такое упоминание должно относиться ко времени после решающей для Восточного похода Александра битвы при Гавгамелах, то есть к военным действиям конца 331—330 гг. до н.э., когда Александр занял Вавилонию и Иран – области метрополии Ахеменидов, где, собственно, и должны были быть размещены *уабы* Сохмет. Едва ли депортированный Сематауитефнахт подключился бы к борьбе персов против Александра, в особенности на этом заключительном ее этапе, по доброй воле. Нельзя исключить, что он мог быть мобилизован персами в качестве своего рода «военного врача»; однако практически равновероятно, что он просто находился в ахеменидской метрополии во время ее занятия Александром, естественно, рискуя жизнью, как любой непосредственный свидетель такого события. В связи с этим стоит заметить, что, в отличие от занятых ранее Вавилонии и Сузианы, македоняне столкнулись с особенно сильным сопротивлением в Персиде и, в свою очередь, вели себя чрезвычайно жестоко [Шахермайр, 1984, с. 170—177; Nawotka, 2010, p. 252—253], так что можно предположить, что Сематауитефнахт встретил приход Александра именно здесь.

Таким образом, Неаполитанская стела, при справедливости предложенной нами ее интерпретации, может служить подтверждением как историчности сообщения словаря «Суды»

о депортациях египтян во время второго персидского владычества, так и высказанного нами предположения о проведении персами тогда же кампании по изъятию из храмов Египта культовых предметов (см. настоящую главу, § 4.1.2). По сути дела, корпорация *уабов* Сохмет играла в своей совокупности роль «одушевленного» посредника в контакте египтян с божеством, близкую той, которую играли конфисковывавшиеся персами священные предметы (см. главу 1, § 1.2).

Еще одно свидетельство, обычно привлекаемое исследователями в связи с возможностью пребывания египтян при дворе Великого царя во время второго персидского владычества, содержится в надписях на небольшом скульптурном изображении, принадлежавшем, как следует из них, старшему сыну последнего царя XXX династии Нектанеба II [Clère, 1951; Gorre, 2009 (1), p. 378—380 (nr. 74)]. Как правило, один из фрагментов этих текстов трактуется как свидетельство пребывания этого потомка царского рода в державе Ахеменидов, однако, как нам представляется, возможна и альтернативная его интерпретация, при которой данный эпизод следует отнести ко времени Александра Великого. Эта интерпретация обоснована нами в другой части нашей работы (глава 3, § 3.5.2), и сейчас мы ограничиваемся указанием на нее.

4.1.4. Положение египетских храмов в период второго персидского владычества в сведениях «Стелы сатрапа» и других иероглифических источников

В сообщении Диодора Сицилийского о завоевании Египта Артаксерксом III есть среди прочего упоминание о разграблении им храмов (см. настоящую главу, § 4.1.2, прим. 1). Помимо него, в иероглифических текстах начала македонского времени есть несколько свидетельств о положении египетских храмов в период второго персидского владычества. Среди них наиболее информативно сообщение «Стелы сатрапа» о «Земле Уаджит», закрепление которой за храмами Буто являлось, по сути дела, главной целью создателей этого памятника. Согласно адресованному сатрапу Птолемию рассказу египетского вельможи, в свое время область Буто посетил во время инспекционной поездки по Дельте Нила царь Хаббаш (см. главу 2, § 2.1, 2.3.2, главу 3, § 3.1.3, настоящую главу, § 4.1.1, ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «г»). Задав своим спутникам вопрос о принадлежащей храмам Буто «низине», он получил на него следующий ответ (стк. 8):

Сказали они перед Величеством его: «Низина, “Земля Уаджит” название ее, принадлежала она богам Пе-Деп изначально, пока не отнял (букв. “обратил вспять, попятил”) ее враг *Hšryš*: не сделал он вещей из нее для богов Пе-Деп»¹.

В связи с историей пресловутой «Земли Уаджит» мы стараемся показать, что с наибольшими основаниями упоминаемый как ее захватчик «враг *Hšryš*(3)» – это вернувшийся Египет под власть Ахеменидов Артаксеркс III (см. настоящую главу, § 4.3.3, ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», Экскурс 2). Х. Гёдикке справедливо подчеркнул религиозную коннотацию употребленного в данном фрагменте выражения *iri ht*, которое означает совершение ритуала [Goedicke, 1985, p. 39; Routledge, 2001]. Тем самым действия «врага *Hšryš*(3)» по отношению к храму Буто рассматривались составителями «Стелы...» как насильственное прекращение осуществляемого в нем культа, т.е. как преднамеренное святотатство. Однако детерминатив GG(SL) N₁₈ (☞), присутствующий здесь в написании слова *ht* (ср. также написание в стк. 10, Urk. II. 17.13), по-видимому, соответствует знаку X_{4E} (☞), в греко-римское время появляющемся в слове *ht* как в обозначении пищи (ср.:

¹ Urk. II. 16.17—17.4: *dd.zn m-b3h hm.f P3-t3-n-W3dyt rn.f n(y)-s(w) ntrw P-Dp tp-^c hnt ^cn (9) s(w) hfty Hšryš nn ir.n.f ht im.f n ntrw P-Dp.*

Wb. I. 124.5: (*i*)*ht* – Speisen, Mahlzeit;). Иными словами, сам смысл выражения *iri ht* оказывается ассоциирован как с пищевыми жертвоприношениями, так и, думается, с материальным обеспечением («кормлением») бутоского храма от пресловутой «Земли Уаджит» (ср. с употреблением этого же знака в написании словосочетания *htpw-ntr*, обозначавшем долю

доходов храмового хозяйства, шедшую непосредственно на обеспечение храма: ;

Wb. III. 185) [Стучевский, 1962, с. 33—43; и далее]. Согласно указанию авторов «Словаря

египетского языка», в греко-римское время написания употребляются прежде всего в написаниях термина *htpw-ntr* как обозначения земельной собственности (Wb. III. 185.14).

Однако такое значение данного слова в рассматриваемых контекстах «Стелы сатрапа», кажется, исключается, смыслом фразы «Не сделал он вещей из нее («Земли Уаджит») для богов Пе-Деп», надежно разводящей понятия самого земельного угодья и поступающих от него «вещей». Таким образом, «вещи» от угодья «Земля Уаджит» – явно доходы от него, которые должны были бы поступать в распоряжение бутоского храма.

Обратим внимание, что далее, когда Хаббаш повторяет от своего лица жрецам и знатым людям Буто сообщенные ему сведения о «Земле Уаджит» (стк. 10: «Вот, говорят они: “Враг *Hšryš3*, причинил он случай злой Пе-Деп, схватил он вещи его”»²), он говорит о конфискации «врагом *Hšryš(3)*» доходов от нее, но не самой земельной собственности. Прочная же ассоциация этого ущерба с личностью данного правителя позволяет думать о какой-то его персональной вовлеченности в его нанесение – во всяком случае, о том, что оно произошло во время пребывания этого правителя в Египте.

Как видно из этих фрагментов «Стелы сатрапа», не вполне ясно, насколько сама принадлежность храмам Буто «Земли Уаджит» была поставлена «врагом *Hšryš(3)*» под сомнение; однако он конфисковал ее доходы, очевидно, в пользу государственной власти, представленной им самим. Далее жрецы и представители знати Буто обратились к Хаббашу с просьбой вернуть храмам Буто доходы с этого угодья (сткк. 12—13, Urk. II. 18.12—14), которую тот, очевидно, удовлетворил. Повторение этого благочестивого акта сатрапом Птолемеем (сткк. 12—16, Urk. II. 18.17—20.16) позволяет весьма уверенно реконструировать судьбу «Земли Уаджит» после царствования Хаббаша. Очевидно, после восстановления власти персов над Египтом при Дарии III доходы этого угодья были вновь перенаправлены на пользу государственной власти, и это положение оставалось неизменным вплоть до времени составления «Стелы сатрапа», когда это угодье было торжественно отдано бутоскому храму

² Urk. II. 17.11—13: *mtn d(d).zn hfty Hšryš3 ir.n.f zp dw r P-Dp it.n.f hwt.f.*

навсегда. Характерно, что в таком случае ущемление прав храмов Буто продолжалось и в течение царствований Александра Великого и его преемников. В таком случае восстановление прав храмов на доходы от «Земли Уаджит» сатрапом Птолемеем служит основанием для благоприятного для него сравнения не только с Артаксерксом III, но, имплицитно, и с его непосредственными предшественниками во главе Египта уже в македонское время (ср. с традицией о Клеомене из Навкратиса, известной нам в античной передаче – см. главу 3, § 3.3.2).

Помимо «Стелы сатрапа», сопоставимые с ее свидетельствами сведения о положении египетских храмов в период второго персидского владычества имеются в древнеегипетских биографических источниках начала македонского времени. Прежде всего, такая информация содержится в «Большой автобиографической надписи» из гробницы Петосириса в некрополе Туна эль-Гебель близ Гермополя (см. подробнее об этой гробнице и о данном тексте главу 3, § 3.4). Во фрагменте этой надписи, описывающем вступление Петосириса в обязанности *лесониса* (*mr-šn*, Λεσώνις), т.е. главы хозяйства, храма Тота в Гермополе, очевидно, уже после македонского завоевания, охарактеризована и «экспозиция» этой деятельности в эпоху второго персидского владычества (стлбб. 28—33; см. обоснование хронологических привязок данных сюжетов надписи Петосириса, а также иероглифический текст данного фрагмента в главе 3, § 3.4.1):

...не было вещи всякой в месте ее прежнем с давних пор, /ибо/ борьба началась в Египте /и был/ юг в мятеже (букв. «буре») /и/ север – в развале; ходили люди с головами, обращенными в обе стороны (?); не было храма какого-либо (букв. «всякого») при челяди его, /причем были/ уабы удалены в незнании происходящего там³.

Очевидным образом, описание внутренней борьбы в Египте должно относиться к разным эпизодам второго персидского владычества (вероятно, начиная собственно со вторжения в Египет Артаксеркса III в 343 г. до н.э.), и трудности храма Тота в Гермополе, с которыми пришлось справиться Петосирису, были вызваны именно установлением чужеземной власти над Египтом. По-видимому, гермопольский храм, как и храм в Буто, согласно «Стеле сатрапа», также постигло изъятие его хозяйства из-под контроля жрецов с перенаправлением его доходов чужеземной администрации. В связи с этим стоит обратить внимание на одну из вводных фраз рассказа «Большой автобиографической надписи», которая явно противопоставляется последней фразе процитированного фрагмента: «Сделал я, что стал храм Тота подобно состоянию его прежнему. Сделал я, что происходили вещи по прежнему обычаю его /и/ что каждый уаб /был/ к часу его» (стлбб. 34—36: *di.i wn ḥwt-ntr nty Dḥwty*

³ *iw nn ḥt nb ḥr st.z ḥnt(y) dr w3(w) iw ḥ3 ḥpr m-ḥnt B3k3t rs m nšn mḥ m swḥ šm rmt m tp ḥns nn ḥwt-ntr nb ḥr smd.z w^cb(w) ḥr m tm rḥ ḥpr im* [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 137; t. 2, p. 54].

mi shr.z hnt(y) di.i hpr hwt nb(t) m-hnt.z w^cb nb r tr.f [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 138; t. 2, p. 54]).

Словосочетание *hwt nb(t)* в стлб. 35 выписано , т.е., как и в стк. 9 «Стелы сатрапа», в контексте изъятия доходов бутоского храма «врагом *Hšryš(3)*», с детерминативом GG(SL) N₁₈ () , ассоциированным с пищевыми жертвоприношениями, и, видимо, с материальным обеспечением храма. Иными словами, хотя последующие слова ассоциируются со своевременным отправлением ритуалов, данное сообщение, по-видимому, указывает и на возобновление при Петосирисе снабжения храма в должном для этого объеме. Характерным образом, обозначение деятельности Петосириса во главе хозяйства гермопольского храма «лесонис бога этого на управлении “божественным довольствием” его» («Большая автобиографическая надпись», стлбб. 26—27: *mr-šn nw ntr pn hr hrp htpw-ntr.f* [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 137; t. 2, p. 54]), по существу, акцентирует его роль в обеспечении храмовых доходов.

Важно также верно понять значение словосочетания *m-hnt.z*, характеризующее в рассматриваемом пассаже пресловутое совершение жертв в гермопольском храме. Строго говоря, нет препятствий к тому, чтобы увидеть в нем сочетание местоимения-суффикса со сложным предлогом, имеющим (особенно в позднее и эллинистическое время) значение «в» (Wb. III. 302.11—12) [Jansen-Winkel, 1996, p. 193—194 (§ 320); Wilson, 1997, p. 737], с общим значением «в нем, внутри него» (имелся бы ввиду храм). Однако большинство исследователей надписи видели в *hnt* субстантив, обозначающий прежнее состояние храма (ср. Wb. III. 304.9: *mi hnt* «как прежде», а также значение слова *hnty* в предыдущем пассаже данной надписи, при том что содержащее его словосочетание *mi shr.z hnt(y)* находится с *m hnt.z* в явном параллелизме)⁴. Думается, что такое понимание данной фразы в самом деле оправданно, и в таком случае она приписывает Петосирису восстановление материального снабжения гермопольского храма, обеспечивавшего совершение в нем ритуала, на уровне до персидского завоевания.

В этой связи интерес представляет и такой нюанс в описании в «Большой автобиографической надписи» внутренней борьбы в Египте, как упоминание об «удалении» из храмов уабов «в незнании происходящего там». Б. Меню предположила, что здесь мы видим аллюзию на депортацию жрецов из египетских храмов в Персию после завоевания Артаксеркса III [Menu, 1995 (1), p. 89, n. 24]. При всей соблазнительности этого предположения и его соответствии нашим наблюдениям (см. настоящую главу, § 4.1.2), оно все же едва ли верно,

⁴ См.: [Otto, 1954, S. 181 (“Ich liess alle Opfer nach ihrem früheren Art geschehen”); Lichtheim, 1980, p. 304 (“I caused every rite to be as before”)]; ср. [Lefebvre, 1923—1924, t. 1, p. 138 (“...je fis que toutes les choses y fussent retablies...”)].

поскольку у составителей данного текста вряд ли были основания описывать такую акцию персов завуалировано, на уровне аллюзии, а пояснение о том, что депортированные не знали, что происходит в храмах, было бы избыточно до нелепости. Скорее эти слова стоит понять буквально, как указание на отстранение жрецов от управления храмами, связанное с его передачей созданной завоевателями администрации (несомненно, для подчинения их пользе храмовых доходов). Соответственно, прекращение или хотя бы некое изменение этого ненормального положения должен иметь в виду Петосирус, говоря о возвращении им тех же уабов к их ритуальным обязанностям в гермопольском храме. В целом описанное в «Большой автобиографической надписи» положение египетских храмов после завоевания Артаксеркса III, актуальное и для Гермополя, – отстранение жрецов от функций управления при очевидной передаче храмовых доходов персидской администрации – достаточно близко соотносится с ситуацией, описанной для этого же времени в «Стеле сатрапа» применительно к «Земле Уаджит».

Еще один источник, который приходится упомянуть в связи с положением египетских храмов в эпоху второго персидского владычества, – это надпись на скульптурной группе жреца Пашериентаисуи (см. об этом памятнике главу 3, § 3.1.1). Сейчас для нас важно упоминание в надписи на задней опорной плите памятника (текст E4) о благодеяниях отца Пашериентаисуи жреца Ашახета по отношению к Фивам: «...поместивший руки свои позади “слуг бога” Фив, с тех пор как впал город в скорбь» (стлб. 17: *rdi {t} ʿwy.f(y) ḥ3 ḥmw-ntr W3st dr w3 niwt m <h> nn(w)*) [Guernier, 2004, p. 271—272]. По мнению И. Гермёра, в данном случае речь должна идти о тягостном положении Фив именно во время второго персидского владычества [Guernier, 2004, p. 278—279, comm. ‘v’], когда один из изображенных в составе скульптурной группы оказывал фиванским жрецам какую-то поддержку. Разумеется, такое понимание данного свидетельства остается предположительным.

Насколько нам известно, других свидетельств иероглифических источников, которые можно было бы однозначно связать с положением египетских храмов в период второго персидского владычества, нет⁵.

⁵ Стремление к полному охвату материала побуждает нас упомянуть о демотическом графитто из храма Сатис в Элефантине, которое относится, по-видимому, к Году 2 Птолемея II Филадельфа (282/281 г. до н.э.) и в котором содержится следующий пассаж: «Места отдохновения Сотис великой, владычицы Элефантины, пришли в разрушение, (когда) мидянин пришел в Египет. (Палимпсест:) (Но) фараон /уже давно/ мидянина из Египта, из канцелярии, его прибежища /изгнал?!/ Он (мидянин – И.Л.) сделал [тебя, Египет, вдовой (?)], /так что/ 120 серебряных монет за артабу зерна /следовало платить?!/» (*ir=w ḥrḥr n p3 ʿwj-ḥtp n Spdt ʿ3t nbt Jb p3 Mdj iw n Kmj (Palimpsest) //// Pr-ʿ3 [ʿnh wdʿ snb] [p3] Mdj r Kmj r n3 ḥjw rn bw-nḥtj iw=f ir.tj... ḥd 120 r p3 rdb swt*) [Kaplony-Heckel, 1987, S. 160—161]; перевод и транслитерация приводятся в соответствии с данной публикацией). Учитывая датировку этого свидетельства, весьма вероятно, что оно относится именно ко второму персидскому владычеству как последнему до эпохи эллинизма эпизоду, которое можно называть «приходом мидянина». Однако, строго говоря,

***

Подводя некоторый итог нашим наблюдениям над данными египетских и античных источников, которые связаны со вторым персидским владычеством и представляются нам заслуживающими доверия, можно констатировать, что на протяжении этого периода цари дома Ахеменидов, по-видимому, не признавались легитимными сакральными царями Египта и сами не стремились к этому. Их индифферентность к египетской религиозной жизни проявилась в отсутствии храмового строительства от их имени. Кроме того, они совершили в Египте ряд действий, которые могли быть восприняты (или, во всяком случае, представлены в антиперсидской пропаганде) как кощунства – очевидно, прибегли в соответствии с их давней практикой к репрессивному вывозу из египетских храмов изображений богов и культовых предметов, а также конфисковали в свою пользу храмовые доходы. Напомним в связи с последним моментом, что схожие действия персидских властей в начале первого персидского владычества могли стать поводом для формирования негативного образа Камбиса (в частности, для приписывания ему убийства Аписа: см. главу 1, § 1.2). В целом нет особых сомнений, что курс, принятый Ахеменидами в отношении Египта, должен был вызвать там недовольство и мог пробудить энтузиазм в связи с приходом Александра Великого и, соответственно, с падением их власти. При этом рассмотренные нами данные, строго говоря, не подтверждают содержащиеся в античной традиции сведения о святотатствах в египетских храмах Артаксеркса III (см. настоящую главу, § 4.4).

категорически исключить его отнесение (возможно, в качестве фикции) еще к первому персидскому владычеству, нельзя. Трудно определить и то, кто является «фараоном», упоминаемом в этом контексте.

4.2. Дарий III в стеле Бухеума Года 4 Александра Великого

Среди памятников времени Александра Великого, происходящих из Египта, имеется стела Года 4 его царствования, связанная со смертью священного быка Бухиса (Bucheum 2¹ = BM 1697+1719; PM V 158) [Mond, Myers, Fairman, 1934, vol. 2, p. 3 (перевод); vol. 3, pl. XXXVII (2) (фотография), XXXVIIa (2) (иероглифическая транскрипция); Bosch-Puche, 2012, p. 256—262] (Рисунок 4.2). Почитание в городе Армант в Фиванском номе быка, который считался воплощением фиванского бога Монту в тесной ассоциации с солнечным божеством Ра, приобрело особое значение в эпоху XXX династии, при Нектанебе II, и далее было воспринято греко-римским временем. Упоминания об этом культе встречались в античных источниках и легли в основу интерпретации комплексов погребений священных быков (т.н. Бухеума) и коров – их матерей, который был обнаружен в Арманте в 1928—1929 и 1931—1932 гг. в ходе раскопок британских исследователей Г. Фэрмана и О. Майерса [Mond, Myers, Fairman, 1934; Otto, 1938, S. 40—49; Otto, 1975 (3); Goldbrunner, 2004]. Среди памятников, обнаруженных в ходе этих двух кампаний, была и стела времени Александра Великого, оказавшаяся в собрании Британского музея.

Внешне данный памятник исключительно близок первой из стел Бухеума, которая относится к Году 14 Нектанеба II (346/5 г. до н.э.; Bucheum 1; публикация: [Mond, Myers, Fairman, 1934, vol. 2, p. 2; vol. 3, pl. XXXVII, XXXVIIa]). Стела представляет собой каменную плиту со скругленным навершием, оформленным частым на таких памятниках изображением крылатого солнечного диска (Хора Бехдетского). Ширина стелы – 40 см; максимальная высота сохранившихся фрагментов – 49 см, толщина – 11,5 см [Bosch-Puche, 2012, p. 256]). Стела расколота на две части – верхнюю, с изображениями и фрагментом первой строки текста (BM 1697), и нижнюю, с фрагментами остальных шести строк текста (BM 1719); низ стелы и большие фрагменты слева и справа от центра не сохранились. В верхней части памятника помещена сцена поднесения царем вина священному быку, стоящему на постаменте, похожем на гробницу с обозначенным входом в нее; между ними находится небольшой жертвенный столик с цветком лотоса и сосудом с вином (см. о данной сцене: [Goldbrunner, 2004, S. 43—47]). Под сценой расположены шесть строк текста надписи, содержащей сведения об умершем священном быке, с направлением знаков справа налево.

¹ При кратком обозначении стел Бухеума здесь и ниже мы придерживаемся порядковых номеров, соответствующих их расположению в стандартном издании Р. Монда, О. Майерса и Г. Фэрмана (cf. [Goldbrunner, 2004, S. 83—84]).

Ниже мы приводим надписи на стеле в иероглифической транскрипции, транслитерации и переводе, с их индексацией в соответствии с изданием Р. Монда, О. Майерса и Г. Фэрмана. Перевод сопровождается необходимыми комментариями.

А: Под изображением крылатого солнечного диска, симметрично по обе стороны ниспадающих от его середины уреев, строкой, с направлением знаков с левой стороны уреев – слева направо, с правой стороны – справа налево:

Bḥdty ntr ʿ3 nb pt

(Хор) Бехдетский, бог великий, владыка неба.

В: Над изображением быка, стоящего на пьедестале, строкой, с направлением знаков справа налево:

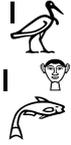

mry b3 ʿnh [n Rʿ] di ʿnh dt

Любимый *ба* живым [Ра]^а, наделенный жизнью вечно.

а. «Живое *ба*» того или иного божества – его воплощение в чем-либо (священном животном, небесном светиле, другом божестве: [Berlev, Hodjash, 1982, p. 198, comm. ‘g’]; о категории *ба* см.: [Zabkar, 1968; Демидчик, 2001, с. 80—82; Берлев, Ходжаш, 2004, с. 249]). Эпитет «любимый *ба* живым [Ра]» по своему смыслу должен относиться к совершающему ритуал царю (таким образом, он является своего рода «расширением» его именованья в D; ср. также восстановление царского эпитета в G, сткк. 1—2). Восстановление написания I – по аналогии со стелой Vucheum 1, B.

С: Перед изображением быка, столбцом, с направлением знаков справа налево:

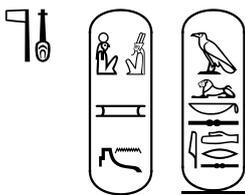

B3-hr-h3t

Бухис^б.

б. Употребленное здесь древнеегипетское обозначение священного животного переводится как «Ба и труп (букв. “Ба на трупе”)» [Goldbrunner, 2004, S. 133—135; см. об употреблении предлога *hr* для выражения сочинения: Gardiner, 1957, p. 69, § 91.1]. Сама грецизированная форма имени «Бухис», встречающаяся в греко-египетских текстах (Βοῦχις, Βόχις, Βοῦκις; cf. *Macr. Saturn. I.* 20—21: *Bacis*) [Maspero, 1901 (1), p. 48], должна восходить к другому варианту обозначения читившегося в Арманте священного быка – *B3-3h* > *B(3)h* [Otto, 1938, S. 48—49; Goldbrunner, 2004, S. 9, 125—126, 136]. Очевидна связь с мотивом посмертного возрождения тела как обозначения *B3-hr-h3t* [Goldbrunner, 2004, S. 134], так и обозначения *B3-3h*. При этом нельзя согласиться с Л. Голдбруннером, считающим, что форма *B3-3h* является реинтерпретацией *b(3)h* [Goldbrunner, 2004, S. 135]. На наш взгляд, связь этих форм должна была бы быть скорее обратной, причем в значении базовой формы *B3-3h* видна семантика термина *3h* как обозначения «просветленного» – возрожденного к посмертному существованию усопшего [Berlev, Hodge, 1982, p. 72, comm. ‘h’]. Таким образом, она должна означать что-то вроде «ба воскрешенное, возрожденное, просветленное» и, очевидно, быть близкой по смыслу к более ранней форме *B3-hr-h3t*.

D: Перед изображением приносящего жертву царя, столбцами, с направлением знаков слева направо:

ntr nfr Mry-R^c Stp.n-Imn Irwkwidrz

Благой бог^в, Мерира («Любимый Ра») Сетепенимен («Тот, которого избрал Амон»)^г, Александр.

в. См. об этом эпитете и в целом о специфике представлений о божественной природе египетского легитимного царя-ритуалиста главу 1, § 1.1.1.

г. См. о «тронном» (или «солнечном») имени Александра Великого в составе его египетской титулатуры главу 2, § 2.2.4. В сцене наверху стелы (очевидно, по основаниям, связанным исключительно с ее композицией) нет начертания титула *nsw-bity* («царь Верхнего и Нижнего Египта»), связанного с «солнечным» именем Александра, а также титула «сын Ра», связанного с его личным именем (см. далее, комм. «ж»).

F: Перед изображением приносящего жертву царя, ниже D, столбцом, с направлением знаков слева направо:

hnk irp

Принесение вина.

G: Надпись, содержащая сведения о священном быке: в нижней части стелы, шесть строк, с направлением знаков справа налево; восстановление текста – по аналогии со другими стелами Бухеума (см. отсылки к ним в комментариях ниже).

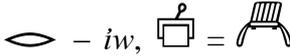
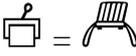
а также позволяет достаточно уверенно восстановить в лакуне далее его титул «сын Ра» (ср. выше, комм. «Г»).

з. Восстановление лакуны по аналогии со стелой Buceum 1, G, сткк. 1—2.

и. Восстановление от начала лакуны по аналогии со стелой Buceum 1, G, стк. 2.

й. Восстановление данного словосочетания по аналогии со стелой Года 13 Птолемея II (Buceum 3) [Mond, Myers, Fairman, 1934, vol. 3, pl. XXXVIII, XXXVIIIa], G, стк. 2.

к. Имя коровы – матери священного животного.

л. – *iw*, = *3w* [Mond, Myers, Fairman, 1934, vol. 2, p. 2]. См. о передаче *iw* в

позднесреднеегипетских текстах с помощью знака GG(SL) D₂₁ : «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», П.1, комм. «е».

м. Восстановление от начала лакуны по аналогии со стелой Buceum 1, G, стк. 3, Buceum 3, G, стк. 2. Далее в стк. 3 и в начале стк. 4, по аналогиям с другими стелами Бухеума, должно следовать указание даты его рождения (ср. стелу Buceum 3, G, стк. 2—3; нет сомнений, что к этому указанию должна относиться и датировка в Buceum 1, G, стк. 5: [Goldbrunner, 2004, S. 102]. Однако сохранность памятника не позволяет восстановить формулу датировки рождения священного быка сколько-нибудь точно.

н. Соединение датировки рождения священного быка (см. предыдущий комментарий) с именованием царя, при котором оно произошло, можно восстановить двумя немного отличающимися вариантами – с введением в него термина «Величество» (см. наш комм. «е»: «год такой-то, месяц такой-то, день такой-то Величества царя Верхнего и Нижнего Египта (*n hm (n) nsw-bity*)...»); ср. стелу Buceum 1, G, стк. 5) либо без него («год такой-то, месяц такой-то, (день такой-то?) царя Верхнего и Нижнего Египта (*(n) nsw-bity*)...»); ср. стелу Buceum 3, G, стк. 3; стелу Года 19 Птолемея VI (Buceum 8, G, стк. 3) [Mond, Myers, Fairman, 1934, vol. 3, pl. XL, XLa], по аналогии с датировкой нашей стелы в стк. 1 и с датировкой рождения священного быка

о. Единственное известное иероглифическое написание личного имени Дария III Кодомана [Beckerath, 1999, S. 230—231], в целом близкое форме этого имени, хорошо засвидетельствованной египетскими памятниками для Дария I [Beckerath, 1999, S. 220—221; Vlöbaum, 2006, S. 396]. По мнению первоиздателей нашей стелы, к которому присоединяется и Л. Голдбруннер, упоминание Дария III связано с интронизацией при нем священного быка; Голдбруннер замечает в связи с этим, что в таком случае религиозные новации, породившие почитание Бухисов при XXX династии, продолжились при втором персидском владычестве 343—332 гг. до н.э., причем с неким участием в этом персидских хозяев Египта этого времени

[Mond, Myers, Fairman, 1934, vol. 2, p. 28; Goldbrunner, 2004, S. 53—54, 140, 288—289]. Выше, однако, мы постарались показать, что сама структура надписи нашей стелы, какой она видится в свете аналогий с другими памятниками этой же группы, побуждает связывать упоминание Дария III именно с рождением священного быка (см. наш комм. «м»). Кроме того, датировка его рождения скорее всего должна фигурировать в данной надписи, коль скоро в ее стк. 3 должна была быть исчислена продолжительность его жизни. Основания для того, чтобы сомневаться в такой интерпретации упоминания Дария III, связаны с отсутствием в комплексе Бухеума каких-либо упоминаний, а также погребения, которые можно было бы атрибутировать священному быку – гипотетическому «преемнику» быка стелы Buceum 1 и «предшественнику» быка нашей стелы, который жил бы в промежутке между смертью быка стелы Buceum 1 в 346/5 г. до н.э. и владычеством в Египте Дария III (336/5²—332 гг. до н.э.). Кроме того, если бы бык, умерший на Году 4 Александра Великого, родился бы при Дарии III, то получилось бы, что он жил очень недолго, менее 10 лет. Соответственно, первоиздатели стел Бухеума и Л. Голдбруннер сочли, что бык нашей стелы родился еще при Нектанебе II, около времени смерти быка стелы Buceum 1, был его «преемником» и прожил около 17—18 лет [Mond, Myers, Fairman, 1934, vol. 2, p. 28; Goldbrunner, 2004, S. 102].

Слабость этой гипотезы – прежде всего в предполагаемой ею «корректировке» применительно к нашей стеле достаточно жесткого формуляра стел Бухеума, но также и в произвольности ее оснований. Прежде всего, трудно найти причину, по которой священный бык, родившийся еще при Нектанебе II, был бы интронизирован лишь при Дарии III, т.е. спустя около 10 лет после его рождения. Далее, нельзя признать по-настоящему вескими возражения против самого допущения, что между быками стел Buceum 1 и Buceum 2 «вклинивалось» еще одно священное животное, неизвестное нам по памятникам. Сохранность комплекса Бухеума вообще не идеальна, причем как раз для эпохи второго персидского владычества, с царившей во время нее смутой, имелась вероятность, что соответствующие памятники могли пострадать или даже не были бы сооружены³. В таком случае как бык стелы Buceum 2, так и его гипотетический предшественник должны были жить недолго (последний, исходя из приведенных нами выше дат, прожил бы чуть меньше или чуть больше 10 лет); однако, строго

² О вероятном времени прекращения антиперсидского выступления под руководством Хаббаша и восстановления в Египте персидской власти Дария III см. главу 2, § 2.3.2, «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «г».

³ Можно согласиться с первоиздателями стел Бухеума, что Бухис едва ли пал жертвой святотатств против священных животных, приписываемых Артаксерксу III и с наибольшей вероятностью баснословных [Mond, Myers, Fairman, 1934, vol. 2, p. 28] (см. настоящую главу, § 4.4). Однако общая тяжелая обстановка этого времени, в том числе происходившая в Египте вооруженная борьба, могли породить всевозможные проблемы для отправления данного культа, вплоть до невозможности осуществить должное погребение священного быка.

говоря, и это не невозможно (ср., например, с довольно небольшими сроками жизни некоторых Аписов – см. главу 2, § 2.3.2, главу 3, § 3.5.1). Вместе с тем стоит серьезно отнестись и к высказанному недавно предположению Ф. Боск-Пуче, согласно которому в развитии культа Бухисов, институционализация которого при XXX династии, по сути дела, лишь началась, вообще мог иметь место интервал, пришедшийся на последние годы Нектанеба II и второго персидского владычества [Bosch-Puche, 2012, p. 261—262]. В таком случае, обретение быка стелы Buceum 2 (вполне возможно, уже при Александре, если его рождение датировалось последними месяцами царствования Дария III; см. ниже наш комм. «х») было бы возобновлением этого прерванного культа. Это хорошо соотносилось бы с оживлением, принесенным в жизнь фиванских храмов македонским завоеванием, и с теми тенденциями преемственности от религиозных предпочтений XXX династии, которые при этом проявились (см. о фиванской программе храмового строительства, инициированной при Александре и продолжавшейся в формальное царствование в Египте Филиппа Арридея главу 2, § 2.3.1).

п. Должно следовать указание на место рождения священного быка (ср. Buceum 8, G, стк. 4).

р. Название определенной части Фиванского нома, каким—то образом связанной с интронизацией священного быка [Goldbrunner, 2004, S. 54, 242—243].

с. Место неясное, по-видимому, из-за допущенной в стеле путаницы нескольких вводных частиц (*hr, ist, rf*) [Mond, Myers, Fairman, 1934, vol. 2, p. 3].

т. Восстановление формы страдательного залога *shn.tw.f* – по аналогии со стелой Buceum 3, G, стк. 4 [Goldbrunner, 2004, S. 51].

у. Должно следовать указание на конкретное место интронизации священного быка – Фивы или Армант [Goldbrunner, 2004, S. 242—246].

ф. Датировка интронизации священного быка – ср. стелы Buceum 1, G, сткк. 4—5; Buceum 3, G, сткк. 3—4.

х. Мы не считаем корректным вносить в предлагаемые транскрипцию, транслитерацию и перевод нашей стелы какое-либо конкретное восстановление данной лакуны, поскольку определение его отдельных составляющих было бы слишком гадательным; вместе с тем о содержании этой лакуны можно высказать некоторое суждение. Сохранившаяся часть стк. 6 нашей стелы практически полностью фиксирует заключительную фразу формуляра стел Бухеума, относящуюся к погребению быка. В ее аналогах, использованных нами при восстановлении в предыдущей стк. 5 датировки интронизации священного быка, данная датировка примыкает непосредственно к заключительной фразе и при этом не содержит упоминания царя, по царствованию которого она приводится (очевидно, составители текста

стелы «принимают по умолчанию», что эта датировка приведена по тому же царствованию, в которое священный бык родился). Легко заметить, что в нашей стеле в начале стк. 6 перед заключительной фразой формуляра имеется достаточно значительная лакуна; по идее, она должна быть заполнена каким-то компонентом датировки интронизации, примыкающим к заключительной фразе. Однако в предыдущей стк. 5 конечная лакуна составляет более 40% ее общей протяженности; как представляется, она вполне могла вместить и указание на место интронизации быка (см. наш комм. «у»), и дату этого события. По-видимому, в нашей стеле датировки выписывались достаточно компактно (ср. стк. 1), и дата интронизации вполне могла уместиться в стк. 5 целиком. Можно допустить, что при компактном написании и названия места интронизации (например, если им был Армант, как в случае стелы *Bucheum 1, G*, стк. 5, и его название *Ṭwnw-šmꜥw* было бы выписано сочетанием знаков ; ср. *Bucheum 8, G*, стк. 6) в стк. 5 после датировки могли быть выписаны и компоненты относящегося к ней царского титула. В таком случае в начале стк. 6 оставалась бы, как мы уже сказали, значительная лакуна, пожалуй, слишком свободная для заполнения ее лишь стяженным именованием царя (ср. с датировкой рождения Бухиса в стеле *Bucheum 1, G*, сткк. 4—5: *ḥ3t-zp] 3 3bd 1 3ḥt sw 16 n ḥm (n) nsw-bity ꜥnh dt* «...год] 3, месяц 1 *axem*, день 16 Величества царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего вечно...» – без указания личного имени Нектанеба II, по царствованию которого эта датировка дана). Естественнее всего было бы восстановление в этой лакуне такой составной части датировки, как имя царя; однако, исходя из сказанного выше, это имело бы смысл лишь в том случае, если бы интронизация быка произошла бы не в то же царствование, что его рождение, а в следующее за ним, и составители стелы должны были бы это оговорить специально. В таком случае в начале стк. 6 можно было бы допустить наличие какого-то упоминания Александра Великого – возможно, картуша с его личным именем и благопожеланием *ꜥnh dt*, по аналогии с упоминанием в стк. 4 Дария III. Выше (см. наш комм. «о») мы уже высказали предположение о возможности обретения и интронизации в начале правления Александра священного быка, родившегося еще при персидской власти в Египте, и о том, какое религиозно-идеологическое значение имел бы такой акт. Предложенная нами интерпретация стк. 6 нашей стелы могла бы дать дополнительный аргумент в пользу этого предположения, хотя верифицировать ее сколько-нибудь надежно, при той сохранности, которую имеет наш памятник, не получается.

Переходя теперь к рассмотрению исторических проблем, встающих в связи с интерпретацией данного памятника, скажем сразу, что важнейшей среди них нам представляется характер упоминания в его основной надписи Дария III Кодомана. Как уже

было сказано, в египетских иероглифических текстах оно уникально, причем не только для Дария III, но и вообще для персидских царей, владевших Египтом на протяжении второго персидского владычества (см. настоящую главу, § 4.1.1). Обращает на себя внимание исключительная лояльность этого упоминания по отношению к этому правителю. Хотя в надписи не приводится его «солнечное» имя (скорее всего, ввиду его фактического отсутствия, как и вообще египетских царских титулатур последних Ахеменидов), по отношению к нему употреблены титул *nsw-bity*, обозначающий легитимных сакральных царей Египта, причем не в более обыденном сокращении *nsw*, а в полной форме (ср. наш комм. «г»), и применяемое к ним же благопожелание *ʿnh dt* («живущий вечно»). Само личное имя царя заключено в картуш, маркирующий его природную связь с солнцем и, соответственно, сакральность (см. главу 1, § 1.1.1). Иными словами, по номинальному смыслу данного упоминания, в стеле Bouché 2 Дарий III является предшествовавшим Александру легитимным царем Египта, в свое время обладавшим сакральностью и, очевидно, способностью совершать ритуал.

Отчасти именно подобный смысл упоминания Дария III на данном памятнике стал основой для мнения Л. Голдбруннера, согласно которому вероятная интронизация Бухиса при этом персидском царе (см. выше наши комм. «м», «о») была связана с поддержкой им новаций в культе этого священного быка, начатых Нектанбом II [Goldbrunner, 2004, S. 102]. Надо сказать, что сама формулировка этого мнения вызывает совершенно естественное возражение: Дарий III не бывал в Египте [Briant, 1996, p. 738—739], и достаточно сложно представить, чтобы он не только был как-то заинтересован в почитании Бухисов, но и вообще знал о нем что-то определенное. Собственно говоря, цель упоминания Дария III на нашей стеле сугубо практическая – обозначение по его царствованию года рождения священного быка; соответственно, это упоминание отнюдь не обязательно предполагает реальное вовлечение персидского царя либо его представителей в Египте в культовые действия в Бухеуме. Разумеется, не следует считать качественно большим и вовлечение в данный культ Александра Великого. На наш взгляд, весьма вероятно, что «реанимация» почитания Бухисов произошла в начале его царствования в Египте по инициативе местных советников его администрации и в рамках религиозно-идеологического курса, нацеленного на легитимацию его власти в стране. Однако изображение его в сцене наверху стелы совершающим жертвоприношение священному быку – это, как и изображения Александра в ритуальных сценах восстановленных при нем фиванских храмов, полнейшая условность (“Of the three individuals mentioned – Darius, Alexander, and Bouchis – the only one to play an active role and to have a real existence in this setting (albeit in death) is Bouchis” [Briant, 2012, p. 105]).

Вместе с тем и независимо от участия Дария III в отправлении культа Бухисов, статус сакрального царя-ритуалиста приписан ему в тексте нашей стелы, как мы уже сказали, самим его царским «протоколом» (как, кстати, и Александру Великому). Как показывают рассмотренные нами выше свидетельства источников, отразивших ситуацию второго персидского владычества (см. настоящую главу, § 4.1, особенно § 4.1.1), такая презентация Дария III плохо согласуется с реальностью, в которой последние Ахемениды не признавались легитимными сакральными царями Египта, да, судя по всему, и не стремились к такому признанию и не давали особых оснований для лояльности к ним со стороны их египетских подданных. В таком случае, если смену скорее негативного отношения к ним на подчеркнуто лояльное, зафиксированное в царствование Александра Великого в стеле *Vischeum 2*, было бы проблематично объяснить исходя из настроения собственно египтян, остается подумать, нельзя ли сделать это, предполагая определенное воздействие на него новых македонских хозяев страны.

Прежде чем высказать наше суждение по этому поводу, обратим внимание на еще один немаловажный нюанс: если в свое время при Камбисе отсчет лет его царствования в Египте был начат не с завоевания им Египта, а с его вступления на престол в 530 г. до н.э. [Дандамаев, 1985, с. 59; *Ancient Egyptian Chronology*, 2006, p. 266, 276], то при Александре его Год 1 в Египте совпадал с годом его вступления в страну (14 ноября 332 – 13 ноября 331 г. до н.э.; о времени вступления Александра в Египет и о начале его Года 1 см. главу 2, § 2.1, 2.2.1). Иными словами, если представители египетской элиты, формировавшие идеологию начала персидского времени в Египте, не признавали сакрального статуса не только Псамметиха III, но и Амасиса (по крайней мере для последних лет его царствования) и переносили его на Камбиса, то при Александре было сочтено необходимым признавать Дария III если и не наделенным сакральностью, то, во всяком случае, бесспорным и законным правителем Египта вплоть до вступления в страну македонян. Очевидно, что выбор столь идеологически обязывающего протокольного момента, как модель летосчисления, не мог происходить без согласования с македонской властью. Между тем по античным источникам мы хорошо знаем, что переход к Александру качества «царя Азии» (вплоть до предполагаемого сюзеренитета над Дарием III) в его собственном представлении совершился после того как утрата Дарием III данного качества, вместе с расположением богов, выявилась в ходе успехов Александра в Малой Азии, в особенности при победе при Иссе (именно после нее данное представление было изложено Александром в его ответе на письмо Дария: *Arr. Anab.* II. 14, 25; *Diod.* XVII. 39, 54; *Curt.* IV. 1.7—14, 5.1—8, 11.1—22; *Iust.* XI.12; отчасти *Plut. Alex.* 29.4) [Mehl, 1980—1981, p. 184—186; Nawotka, 2010, p. 181—183]. Думается, что сходной логикой македоняне могли

руководствоваться и в своем восприятии установления власти Александра над Египтом: он стал правителем этой страны с того момента, когда реальную власть над ней ему передали боги, и вплоть до данного момента предшественником его в этом качестве, как и в качестве правителя межрегиональной державы, охватывающей весь Ближний и Средней Восток («царя Азии», в греческом словоупотреблении: см. главу 1, § 1.2), был именно Дарий III.

Заметим, что моментом, после которого Александр не просто обозначил свою претензию на статус «царя Азии», а добился его формального признания за собой со стороны своего греко-македонского окружения, стала его победа при Гавгамелах. Как хорошо известно, в 330 г. до н.э. преемство его власти над Ближним и Средним Востоком от Ахеменидов оформляется окончательно (вплоть до введения персидского придворного церемониала для его греко-македонского окружения [Goukowsky, 1979, p. 30—34; Nawotka, 2010, p. 251, 261—262]). Одновременно меняются лозунги, под которыми продолжается его Восточный поход: из войны возмездия персам, ведшейся Македонией и Коринфским союзом, он превращается в акт возмездия Бессу как убийце Дария III и узурпатору его власти, ставшему угрозой и для державы Александра (*Curt.* VI. 3. 9—18; *Iust.* XII. 3. 3; *Plut.* Alex. 43) [Nawotka, 2010, p. 259 ff.]. Сообразно этому, на данном этапе уже погибший персидский царь должен был не просто считаться предшественником Александра во главе межрегиональной азиатской державы, но и в принципе восприниматься более благожелательно, чем раньше. Бесс был захвачен Александром в середине 329 г. до н.э.: казнь его готовилась долго и последовала лишь в следующем году, а о пропагандистском значении этого события говорит чеканка именно в этом году монет с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, по мнению ряда исследователей, открыто провозгласившей перед греками и македонянами преемство Александра от Ахеменидов [Nawotka, 2010, p. 271—272].

Если допустить, что и в стеле Buceum 2, датирующейся последними месяцами 329 г. до н.э., также отразились пропагандистские мотивы, исходившие на этом этапе от окружения Александра Великого, то характер упоминания в ее тексте Дария III получает полное и непротиворечивое объяснение. Подчеркивание преемства Александра как правителя межрегиональной азиатской державы от Дария, при более благожелательном взгляде на последнего, в ритуальном контексте данного памятника не могло не выразиться в наделении их обоих равновесными статусами царей Верхнего и Нижнего Египта. Таким образом, в этой особенности стелы Buceum 2 с достаточно высокой вероятностью отразилось не реальное восприятие персидского царя, современное его власти над Египтом, а имеющий с ним мало общего идеологический нюанс уже македонского времени.

4.3. Египет и внешний мир в концепции «Стелы сатрапа»

4.3.1. «Когда было/ Величество его в Азии...»: межрегиональная держава Аргеадов в «Стеле сатрапа»

В начале основного текста «Стелы сатрапа» за датировкой идет следующая фраза: «Когда был/ он (Александр (IV) – *И.Л.*) царем в Обеих Землях /и в/ чужеземных странах, /когда было/ Величество его в Азии, тогда был вождь великий в Египте, Птолемей имя его» (стк. 2, Urk. II. 13.3—5: *iw.f m nsw m t3wy h3swt iw hm.f m-hnt Stt iw wn wr ʕ3 m B3qt Ptrwmys rn.f*; см. подробнее: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.1). Примечательной особенностью этой фразы оказывается фактический смысл употребленного в ней обозначения *Stt*, которому в нашем переводе соответствует слово «Азия» (см. о его значении хоронима, а не этнонима: там же, комм. «д»). Антиковедам прекрасно известно, что с тех пор как Антипатр, ставший после совещания диадохов в Трипарадейсе регентом при царях-наследниках Александра Великого, перевез их в Македонию (видимо, около 320 г. до н.э.; *Arr. Succ.* 38; *Diod.* XVIII. 39.7), Александр IV не покидал Балканского полуострова. В 311 г. до н. э., когда была составлена «Стела сатрапа», он находился в заточении у Кассандра в Амфиполе (cf. *Diod.* XVIII. 52.4; *Iust.* XIV. 6.13; см. в целом о соответствующих деталях истории Македонии времени диадохов и ее хронологии: [Hammond, Griffiths, 1988, p. 123—179; Voüy, 2007, p. 148—150 (хронологическая таблица)]). Таким образом, территорией, которой, исходя из точных исторических реалий конца 310-х гг. до н.э., соответствует слово *Stt* в данном фрагменте, должна быть Македония.

Подобное употребление данного обозначения представляется уникальным и, как таковое, требует объяснения. Хорошо известно, что обозначение *Stt/Stt* и производные от него *Sttyw/Sttyw* в египетских иероглифических текстах с начала III тыс. до н.э. неизменно относились к землям к востоку и северо-востоку от Египта и к их обитателям (что и породило существующую в литературе традицию их условного перевода как «Азия» и «азиаты»; см. о вероятной этимологии и о значении этого термина, с подробными отсылками к литературе, главу 1, § 1.2). На наш взгляд, несомненно, что обозначение *Stt* в приведенной фразе не могло служить указанием на неегипетские земли вообще: в таком смысле, с наибольшей степенью вероятности, было бы употреблено менее конкретное по своему значению слово *h3swt* (ср. другие фрагменты «Стелы сатрапа»: Urk. II. 13.3, 14.6, 21.9, а также главу 3, § 3.5.2, комм. «ч»). Казалось бы, все возможные недоумения по поводу интересующего нас фрагмента может снять предположение о том, что употребление в нем обозначения *Stt* представляет собой ошибку

составителей иероглифического текста «Стелы». В то же время достаточно очевидно, что подобная ошибка могла быть допущена ими только в случае если реальное местонахождение Александра (IV) было им неизвестно, так как мало их интересовало или/и сведения об этом не были им доступны. Представить себе людей, очевидно, входящих в образованную чиновную или храмовую элиту, ощущающих благодаря своей службе связь с тысячелетней сакральной монархией и при этом абсолютно равнодушных к вопросу, где находится легитимный (хотя бы и чисто формальный) сакральный царь и какова его судьба, достаточно затруднительно. Между тем, в условиях полной превратностей борьбы между диадохами именно участь представителей дома Аргеадов, в том числе их добровольное или вынужденное присутствие в том или ином лагере, в значительной мере определяли уровень притязаний участников этой борьбы, степень ее напряженности и ее возможные последствия для разных частей прежней державы Александра, включая Египет. Нет особых сомнений, что его местная элита также должна была это прекрасно сознавать. Соответственно, все доступные подробности о судьбе Александра IV заведомо не могли не быть в центре внимания представителей египетской элиты, включая и составителей «Стелы сатрапа».

Однако как раз сведения о его нахождении в плену у Кассандра в Македонии столь же заведомо не составляли никакой тайны! Нет сомнения, что казнь по наущению Кассандра Олимпиады и захват им Роксаны и Александра IV в 316 г. до н.э. (*Diod. XIX. 51—52; Iust. XIV. 6. 6—13*) немедленно стали известны всей греко-македонской ойкумене. Очень скоро обвинение в этом Кассандра и требование об освобождении царственных узников было публично «озвучено» Антигоном (*Diod. XIX. 61. 1—3*); а в договоре диадохов 311 г. до н.э., близком по времени к составлению «Стелы сатрапа», пребыванию молодого царя под властью Кассандра неявно придавался законный статус провозглашением Кассандра «стратегом Европы» до тех пор, пока Александр IV не достигнет совершеннолетия (*id. 105.1*). Следовательно, для того чтобы достоверно выяснить местонахождение легитимного фараона, составителям текста «Стелы сатрапа», если они об этом не знали и так, понадобилось бы в крайнем случае спросить об этом кого-нибудь из служивших сатрапу Птолемею греко-македонских военных или чиновников. Подобные контакты авторов этого текста тем более вероятны, что, как мы имели случай убедиться, сама презентация образа Птолемея в тексте «Стелы...» достаточно четко соответствовала и текущему политическому моменту и, очевидно, явно озвученному или предполагаемому «идеологическому заказу» со стороны македонских властей (см. главу 2, § 2.4.1, 2.4.2). Учитывая все сказанное, возможность неведения создателей «Стелы сатрапа» относительно того, где на самом деле находился Александр IV, как и их случайной ошибки в этом вопросе, представляется, по сути дела, пренебрежимой.

Соответственно, нам кажется правомерным исходить из того, что, употребляя в интересующем нас фрагменте «Стелы сатрапа» обозначение *Stt*, ее составители не видели затруднений в том, чтобы отнести его именно к Македонии. Можно обратить внимание, что, строго говоря, в некоторых памятниках Нового царства термин *Stt* и его производные, по-видимому, прилагаются к территориям и народам Эгейского бассейна [Сафронов, 2010, с. 88—90; 2011; 2017]; однако вряд ли его появление в данном контексте «Стелы...» есть рефлекс этого уже далекого ко времени ее создания прошлого. Как мы знаем, сам по себе этот термин в I тыс. до н.э. регулярно употреблялся в качестве обозначения соседствовавшей с Египтом межрегиональной азиатской державы (соответственно, Новоассирийского, Нововавилонского или Ахеменидского государства; см. главу 1, § 1.2). Именно в этом смысле он употребляется с наибольшей вероятностью применительно к державе Ахеменидов в двух фрагментах «Стелы сатрапа» (сткк. 3—4, Urk. II. 14.9—11, см. настоящую главу, § 4.1.2; стк. 8, Urk. II. 16.14, см.: ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «ж»), а также в автобиографии Сематауитефнахта на Неаполитанской стеле (Urk. II. 3.16, 4.4; см. настоящую главу, § 4.1.3). Подобное употребление данного термина заведомо не было единственным способом обозначения межрегиональной азиатской державы и, в частности, державы Ахеменидов в египетских источниках¹. В то же время, учитывая, что данное значение термина *Stt* проявилось в двух фрагментах текста «Стелы сатрапа», кажется вполне правомерным ориентироваться на него и при интерпретации третьего и последнего случая его употребления в том же источнике. Иными словами, стоит попытаться объяснить обозначение Македонии как *Stt* в интересующем нас сейчас пассаже тем, что создатели текста «Стелы...» по каким-то причинам соотносили эту страну с державой Ахеменидов и/или с межрегиональной государственностью, одной из исторических форм которой эта держава была.

Для начала мы можем констатировать, что соотнесение с Ахеменидской державой того государства, которое создал сам Александром в результате своих завоеваний, было бы совершенно понятно по геополитическим основаниям: собственно, он и завоевал владения Ахеменидов, общий объем которых и описывался египтянами с помощью термина *Stt*. Кроме того, мы говорили о источниках, согласно которым после решающих побед Александра над персами к ним перешел статус владыки межрегиональной державы, описывавшийся в греческой традиции титулом «царь Азии», а в вавилонской – по-видимому, титулом «царь вселенной» (см. главу 1, § 1.2). Вместе с тем похоже, что связь между Ахеменидами и

¹ Достаточно хорошо засвидетельствовано прямое или косвенное употребление по отношению к Ахеменидскому государству, его правителям и подданным термина *h3swt* и конструкций с ним в надписи на наофорной статуе Уджахорреснета (стлбб. 11, 18, 43, 44; см.: [Posener, 1936, p. 6—7, 14—15, 21—22]), в «Демотической хронике» (характерным образом, в отличие от греков и македонян: p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto*. II.25; cf. [Johnson, 1974, p. 5, n. 20]).

Александром могла осознаваться современниками последнего и на более сущностном уровне, нежели с точки зрения преемственности между ними во главе межрегиональной азиатской державы. Стоит вспомнить, что и ряд современных исследователей воспринимает Александра, с определенной точки зрения, как «последнего Ахеменида». Основания для этого дают следование Александра персидской политической традиции (не только принятие персидского царского антуража, но и укрепление системы сатрапий), возвращение Александром в состав «царства стран» индийских земель, входивших в него при Дарии I, его градостроительство, происходившее на территориях, освоение которых уже началось при Ахеменидах (например, район городища Ай-Ханум), и предполагавшее чисто «восточный», неполисный статус новых поселений греко-македонских воинов². Что касается восприятия Александра как продолжателя монархии Ахеменидов его восточными подданными, существенные сведения об этом может, как представляется, дать традиция, которая лежит за пределами не только египетской культуры, но и хронологических рамок древности, хотя, очевидным образом, берет свои истоки именно в ней. Хорошо известен мощный пласт средневековых восточных реминисценций об Александре/Искандаре, представленных иранской и связанной с нею арабской историко-литературной и фольклорной традицией. В этом массиве источников прослеживаются две диаметрально противоположных оценки правления Александра. Одна из них, представленная средневековыми зороастрийскими текстами («Арта-Вираф намак», «Меног-и Храт», «Большой Бундахишн») и сложившаяся на волне отторжения в сасанидское время идущей от Александра традиции эллинистической государственности на иранских землях, является резко негативной. Она не только содержит обвинения македонского царя в избиениях персидской знати, зороастрийского духовенства и разрушении храмов огня, но и прямо объявляет его агентом злого начала мироздания [Abel, 1966, p. 120; Badian, 1985, p. 491, n. 2; Бойс, 1994, с. 97—98; Бриан, 2007, с. 317—324 (подробные отсылки к средневековым арабским и иранским источникам см. в используемой нами литературе)]. Другая оценка деятельности Александра (возможное время возникновения которой нам еще предстоит определить), напротив, сугубо положительна. Так, в арабской классической исторической литературе I тыс. н.э. (хрониках Якуби, Динавари, ат-Табари, Масуди и Талаби), восходящей в данной части к персидской традиции, Александр предстает благим законным шахом Ирана, оказывающимся побочным сыном шаха Дараба (Dârâb, или Dârâ al-Akbar; по-видимому, реминисценция образа Дария I) и сводным братом, благородным победителем и в конечном счете зятем Дары (Dârâ al-Aghar; без

² См.: [Ghirshman, 1976, p. 207, 211; Briant, 1982]; о статусе и особенностях основывавшихся Александром на Востоке поселений: [Кошеленко, 1972; 1979, с. 212—214]; об иранской традиции в антураже власти Александра см.: [Goukowsky, 1978, p. 31, 43—44, 58]; об иранских влияниях на античную традицию об Александре: [Jamzadeh, 2012].

сомнения, Дарий III) [Abel, 1966, p. 121—124 (образ Александра в хронике ат-Табари); Бриан, 2007, с. 333—334]. В эпоху «возрождения» иранского культурного самосознания в исламское время в X в. хронист Балами и знаменитый кодификатор «Шах-намэ» Фирдоуси сообщают те же, что и арабские хронисты, сведения об иранском царском происхождении Александра, царствование которого после победы над Дарой причисляется к ряду благих правлений шахов Кейянидов. В несколько переосмысленном виде эти сведения переходят и в последующую литературную традицию (произведения Низами, Амир Хосрова, Джами) [Abel, 1966, p. 125—133 (образ Александра у Фирдоуси и Низами); Бертельс, 1948, с. 19 сл.; Костюхин, 1972, с. 64—70; Брагинский, 1980; о культурном развитии Ирана в IX—X вв. см. в целом и вкратце: Фрай, 2002, с. 337—344].

Возникновение подобной подчеркнута позитивной традиции об Александре в рамках сасанидской зороастрийской идеологии, по понятным причинам, совершенно исключается³; однако не более вероятно и ее формирование в ходе какой бы то ни было полемики с зороастризмом в сасанидское или исламское время. Трудно представить, чтобы подобная полемика развернулась бы по столь незлободневному поводу, как деяния правителя более чем полутысячелетней давности, и привела бы к полному замещению представлений о нем зороастрийской исторической концепции, хотя другие ее компоненты (предание о Кейянидах, позитивное отношение к сасанидским шахам Варахрану V/Бахрам Гуру и Хосрову I Ануширвану и т.д.) перешли в последующую традицию почти без изменений⁴. Более вероятно, что позитивная традиция об Александре к началу средних веков носила в иранском мировоззрении общеизвестный, сравнимый по своей популярности с эпическими сюжетами характер (чем и объясняется ее подключение к циклу «Шах-намэ»). Соответственно, она должна была сложиться в иранской среде значительно раньше, когда могла иметь

³ По мнению Е.Э. Бертельса, представление об Александре как законном шахе Ирана, долженствующее создать фикцию непрерывности передачи *фарра* (благодати царственности) от Ахеменидов к Сасанидам, могло возникнуть как раз в их официальной идеологии [Бертельс, 1948, с. 12—13]. На наш взгляд, это невозможно, так как легитимность самих Сасанидов зиждилась на категорическом отрицании обладания *фарром* эллинистическими династиями и на идее его непосредственной передачи от Ахеменидов их прямым потомкам Сасанидам (см.: [Книга деяний Ардашира, 1987]. Совмещение же с этим обоснованием легитимности Сасанидов иной, прямо противоположной его версии в рамках мировоззрения догматического зороастризма кажется весьма проблематичным.

⁴ А. Абель высказал мнение о возникновении позитивного образа Александра в иранской традиции лишь в исламское время, под влиянием содержащихся в мусульманском мировоззрении универалистских тенденций, в контексте которых образ дошедшего до пределов мира македонского царя оказывался окружен совершенно особым, почти пророческим ореолом [Abel, 1966, p. 119, 134]. На наш взгляд, это предположение не объясняет, каким образом внешняя по отношению к иранской традиции исламская концепция могла привести к полному вытеснению из нее (причем в эпоху весьма бережного к ней отношения в IX—X вв.) более раннего образа Александра, в случае если, как следует из построений Абеля, он был негативным, и почему Александр оказался включен в данную традицию не как «вселенский», а именно как иранский правитель.

политическую и идеологическую актуальность в плане противопоставления Александра каким-то более поздним правителям, в отличие от него, не соответствовавшим стандарту идеального иранского царя. Исходя из этого, следует признать невозможным сложение этой традиции в парфянское время, поскольку противопоставление Александра как идеального правителя Ирана Аршакидам, не только проводившим не менее «иранофильскую» политику, чем Александр⁵, но и ставившим его в своих внешнеполитических лозунгах в один ряд с Киrom, как создателя «мировой державы» под иранской эгидой (*Tac. Ann. VI.31*) [Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 44, 46], заведомо не имело бы смысла. Подчеркнутая лояльность иранцев к Александру могла быть по-настоящему оправдана только в первые десятилетия после его смерти, когда стала очевидна разница между его курсом и политикой резкой эллинизации, которую стали проводить Селевкиды⁶. Соответственно, именно к этому периоду и имеет смысл отнести возникновение позитивного образа Александра как благого правителя Ирана (ср. с аналогичными выводами: [Eddy, 1961, p. 73 ff.; Vadian, 1985, p. 492, n. 1]).

Очевидно, что аргументом в пользу предлагаемой нами датировки возникновения позитивного восприятия Александра в Иране, может служить наличие в средневековой восточной традиции о нем компонентов, появление которых может быть отнесено к раннеэллинистическому времени. В связи с этим необходимо ввести оговорку, связанную с общепризнанным влиянием на данную традицию «Романа об Александре», хотя и сохранившего в модифицированном виде ряд реалий эпохи Александра, но сложившегося в окончательном виде лишь в позднеантичное время (не ранее III в.; см. главу 5, § 5.5). Так, было бы весьма соблазнительно возвести свидетельства арабских и иранских авторов о великодушии Александра к умирающему Дарию, его торжественном погребении, отмщении за его смерть и женитьбе на его дочери к реминисценциям о соответствующих эпизодах царствования Александра, прочно закрепившимся в памяти иранцев благодаря приданному им *publicity*. В то же время однозначный вывод об этом оказывается невозможен в силу очевидной близости этих свидетельств с соответствующими фрагментами «Романа об Александре» (в частности, в

---

⁵ «Сбалансированный подход» к проблеме межкультурного взаимодействия и истоков политической традиции Парфянской державы (признание значимости в ее истории как иранской, в том числе восходящей к Ахеменидам, так и эллинской и плохо изученной семитской составляющих; см.: [Бадер, 1989]), конечно, не исключает ее признания более ориентализированной, нежели государство Селевкидов, в силу чисто иранских происхождения и религиозной принадлежности ее династии и сильного воздействия на ее политику со стороны парфянской родовой знати [Фрай, 2002, с. 242—283; Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 37—59].

⁶ Этот поворот в сторону эллинизации был хорошо прослежен Г.А. Кошеленко на примере деятельности Селевкидов по основанию полисов и предоставлению полисного статуса созданным Александром военным поселениям с целью их превращения в свою важнейшую опору [Кошеленко, 1972, с. 76—78; 1979, с. 224—225].

ошибочном именовании дочери Дария Роксаной: Hist. Alex. Magni, A. II. 20—21), говорящей скорее об их заимствовании из него. Представление восточной средневековой традиции об Александре как о побочном сыне шаха Дараба также обнаруживает сходство с важнейшим мотивом «Романа...», согласно которому Александр, как известно, оказывается сыном последнего египетского царя Нектанеба, бежавшего в Македонию и обольстившего царицу Олимпиаду. Очень показателен, однако, сам факт того, что, в отличие от всех средневековых версий «Романа» (см. в целом: [Companion to Alexander Literature, 2011]), где истинным отцом его главного героя остается фараон Нектанеб, у арабских и иранских средневековых авторов происходит его «замена» Дарабом. По мнению исследователей «Романа...», прототип содержащихся в нем «египтизирующих» сюжетов сложился в Александрии, на основе египетской традиции, около первой половины III в. до н.э.; при этом входящая в число этих сюжетов фикция происхождения Александра от Нектанеба служила исходно средством легитимации Александра и его преемников Птолемеев как правителей Египта в сознании его населения (см. главу 5, § 5.5). Очевидно, что перенесение данной фикции в иранский контекст, с заменой в ней фараона Нектанеба на шаха Дараба, могло быть вызвано только аналогичной потребностью в легитимации Александра как преемника Ахеменидов в иранской среде. Следовательно, оно должно было произойти еще в то время, когда первоначальный легитимирующий смысл этого сюжета не только не был утрачен, но, напротив, отчетливо осознавался, вероятно, еще сохраняя свою актуальность. Соответственно, логично предположить, что заимствование и переосмысление иранской традицией фикции восточного происхождения Александра произошло рано, в период бытования вероятного египетского прототипа «Романа», и, возможно, имело место на уровне знакомства даже не с оформившимся его текстом, а лишь с легкой в его основу сюжетной конструкцией, которая приобрела широкую известность.

Таким образом, по ряду оснований возникновение традиции, основанной на восприятии Александра как благого правителя Ирана и продолжателя его государственности, можно отнести к раннеэллинистическому времени, то есть к ближайшим десятилетиям после его смерти. Соответственно, можно и придти к выводу, что в его основе должно было лежать восприятие его деятельности и созданной им державы как продолжения политической традиции Ахеменидов или, во всяком случае, межрегиональной азиатской державы, основой которой были иранские земли. Представляется логичным, что подобным образом политическая деятельность и держава Александра должны были восприниматься не только иранцами, но и в целом его подданными на покоренных территориях Востока. В связи с этим весьма показательным рассмотренным нами изменением в презентации Дария III перед египтянами,

которое проявилось в стеле Buceum 2 и было связано, как мы считаем, с подчеркиванием в пропаганде Александра, начиная с 330—329 гг. до н.э., его преемства от персидского царя (см. настоящую главу, § 4.2).

Остается выяснить, каким образом к геополитическому единству, перешедшему из-под власти Ахеменидов к Александру и обозначавшемуся египтянами термином *Stt*, была подключена и Македония. С наибольшей вероятностью, различия в статусе Александра по отношению к Македонии, греческим полисам и завоеванным им восточным странам были для его восточных подданных заведомо смутными и неактуальными. Скорее, все территории в рамках сферы влияния Александра мыслились ими как единая держава, а его власть по отношению ко всем этим землям – как аналог власти древневосточного монарха. Не говоря о том, что такое восприятие вполне соответствовало бы личным устремлениям Александра, оно стало совершенно корректным с формальной точки зрения после слияния всех земель в его сфере влияния в единую автократическую структуру в конце его царствования. Прямые указания на принятие решения об этом содержатся, на наш взгляд, в описании античными авторами завершения мятежа македонских ветеранов Александра в Описе в начале 324 г. Согласно сообщению об этом Арриана, восходящему, по-видимому, к произведению Птолемея и комментировавшемуся особенно часто, в знак примирения со своими воинами, Александр устроил торжественный пир с участием как македонян, так и варваров, на котором среди прочего «молились о разных благах и о согласии и общности государства у македонян и у персов» (*Arr. Anab.* VII. 11. 9: εὐχέτο δὲ τὰ τε ἄλλα [καὶ τὰ] ἀγαθὰ καὶ ὁμόνοιάν τε καὶ κοινωσίαν τῆς ἀρχῆς Μακεδόσι καὶ Πέρσασιν). В первой половине – середине XX в. ряд авторов (в частности, У. Тарн) высказали предположение о том, что эта молитва на пиру стала одним из проявлений искреннего и исключительно важного для Александра лично его стремления достигнуть слияния находившихся под его властью народов [Tarn, 1948, vol. 2, p. 442—443; подробнее о дискуссии по проблеме «единства человечества» в политике Александра см.: Seibert, 1972 (1), S. 186—191]. Соглашаясь с мнениями критиков данного предположения о натянутости привлекаемых в его пользу аргументов, следует все же отметить, что они не предложили какой-либо альтернативной интерпретации данного фрагмента Арриана, видя в нем лишь отражение вполне рядового эпизода [Badian, 1958, S. 428—432; Bosworth, 1988, p. 160—161]. Как кажется, ошибочными являются попытки интерпретации данного сообщения в отрыве от коррелирующегося с ним фрагмента речи Александра перед его немакедонскими воинами в Описе в изложении Курция Руфа. Помимо общих фраз о равенстве персов и македонян в военной доблести и о необходимости их взаимного уважения к культуре друг друга, Курций вкладывает в уста Александра четкие дефиниции, которые, вероятно,

«модернизируют» описываемый эпизод в духе развитой у римлян правовой терминологии, но, скорее всего, довольно точно передают суть дела: «в Азии и Европе существует одно и то же царство... Те, кто будет жить под властью одного и того же царя, должны быть одного и того же права» (*Curt. X. 3. 13—14: Asiae et Europae unum atque idem regnum est... Eiusdem iuris esse debent, qui sub eodem rege victuri sunt*). Иными словами, с точки зрения античных авторов, в Описе Александр фактически провозгласил слияние всех так или иначе подвластных ему земель Европы и Азии в единую структуру, и в ее основу легла оформившаяся за время восточного похода автократия македонского царя (см. теперь в целом об эпизоде в Описе: [Olbrycht, 2009]). Практическим воплощением этой декларации стало начавшееся в том же году распространение на греческие полисы и Македонию культа Александра, сложившегося в его окружении на востоке и, на наш взгляд, в неразрывной связи с ним, его абсолютной власти (см., с отсылками к источникам и литературе: [Ladynin, 2004]). Одновременно Александр намеревался крепче привязать Македонию к автократической структуре своей державы, вызвав связанного со старомакедонской знатью Антипатра на Восток во главе свежих войск и назначив новым наместником Македонии преданного ему Кратера (*Arr. Anab. VII.12.4—5; Iust. XII. 12.9*).

Провозглашенное Александром единство его державы должно было стать правовой и исторической основой для создания после его смерти единой (по крайней мере теоретически) для всех македонских владений и в Европе и в Азии политической структуры во главе с формальными царями-наследниками и, в начале, с единоличным фактическим правителем-регентом. Мир 311 г. до н.э., завершивший третью войну диадохов и заключенный незадолго до создания «Стелы сатрапа», формально подтвердил единство державы Аргеадов и статус Александра (IV) как ее главы (см. главу 2, § 2.1). Соответственно, употребление в «Стеле сатрапа» по отношению к Македонии обозначения *Stt* с наибольшей вероятностью мотивировано тем, что она была одной из важнейших составных частей державы Аргеадов, которая в восприятии египтян и других народов Востока должна была представляться продолжением державы Ахеменидов с добавлением к таковой земель Балканского полуострова.

4.3.2. «Азия», Египет и войны Птолемея в 310-е гг. до н.э. в «Стеле сатрапа»

В случае если наша интерпретация обозначения *Stt* в применении к Македонии в начальном фрагменте текста «Стелы сатрапа» верна (см. предыдущий раздел), она создает определенную основу для сопоставления презентации в этом источнике державы Аргеадов с отношением к ней, которое угадывается по стеле Висхеум 2 Года 4 Александра Великого. Мы уже говорили, что преемственность между Александром и Дарием III, подчеркивавшаяся с 330—329 гг. до н.э. в пропаганде македонского царя, проявилась в этом памятнике в наделении Дария III, вопреки его реальным притязаниям и восприятию в Египте, статусом легитимного сакрального царя (см. настоящую главу, § 4.2). Иными словами, коль скоро Александр позиционировал себя как преемника Дария III во главе межрегиональной азиатской державы и в то же время был признан «своим» сакральным царем в Египте, этот же статус должен был быть присвоен ретроспективно и его предшественнику-Ахемениду. Напротив, в «Стеле сатрапа» держава Аргеадов, находящаяся под формальной властью Александра (IV), обозначена термином *Stt*, который не только традиционен в перечислении врагов Египта (среди пресловутых «Девяти луков»; см. главу 1, § 1.2), но и ассоциируется в самом тексте «Стелы...» с угрозой, в свое время исходившей от Ахеменидской державы (в связи с возвращением Птолемеем из Азии изображений богов и культовой утвари – сткк. 3—4, Urk. II. 14.9—11, см. настоящую главу, § 4.1.2; в описании действий царя Хаббаша по обороне Египта в середине 330—х гг. до н.э. – стк. 8, Urk. II. 16.14, см.: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «ж»). Соответственно, держава Аргеадов фактически представлена как нечто «чужое» по отношению к Египту, причем начальный фрагмент текста «Стелы...», по сути дела, не констатирует реальной власти над ней Александра (IV). В нем охарактеризован его статус, который, по точному смыслу соответствующих слов, может носить и формальный характер («Когда был/ он царем в Обеих Землях /и в/ чужеземных странах...»), а далее указано лишь, что *Stt* является его местопребыванием, причем составители текста обходят деликатный вопрос о том, как именно сакральный царь Египта попал туда и что он там делает (см. также главу 3, § 3.1.3). Еще более четко в данном фрагменте сформулирована мысль о том, что на *Stt* не распространяется власть Птолемея: его статус и объем полномочий внятно ограничены одним Египтом. Получается, что «Обе Земли» и «чужеземные страны» соединены статусом Александра (IV) как универсального сакрального правителя, но геополитические понятия «Азия» и «Египет» при этом достаточно последовательно разведены. Это хорошо согласуется с положением фактической самостоятельности, которое Египет под властью сатрапа Птолемея приобрел по итогам третьей войны диадохов и по условиям мира 311 г. до н.э. (главу 2, § 2.1).

Кампания 312—311 гг. до н.э., в ходе которой Птолемей вместе с Селевком воевал против Деметрия и Антигона, представлена в тексте «Стелы сатрапа» (сткк. 5—6, Urk. II. 15.1—10; см.: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.3.в) как противостояние не со всем надрегиональным единством *Stt* (хотя объем владений противников Птолемея допускал бы и такое словоупотребление), а лишь с одним из его регионов, к которому отнесена вариация достаточно традиционного со времен Нового царства обозначения Восточного Средиземноморья: «...выступил он (букв. “выступление это, сделанное им”) с войском его в страну /людей/ хару, /поскольку/ были они в войне с ним» (стк. 5, Urk. II. 15.4—5: *šm(t) pw ir.n.f ḥn^c mš^c.f r p3 t3 n Ḥ3rw wn.zn ḥr ḥ3 ḥn^c.f*; см. там же, комм. «г»). Возможно, таким образом составители «Стелы...» старались избежать впечатления, что Птолемей борется в целом с межрегиональной государственностью, недавно возглавлявшейся Александром, да и теперь, хотя лишь номинально, возглавляемой его сыном, а также лишнего напоминания, что Египет противостоит в этой борьбе всему Ближнему Востоку под началом Антигона (предыдущие «туры» такого противостояния в I тыс. до н.э. кончались для Египта неудачно). Вместе с тем и пресловутая «страна /людей/ хару» не представлена как зависимая от Египта ни до, ни даже после кампании против нее. Итогом этого похода становится возвращение Птолемея в Египет с добычей («Увел (букв. “принес”) он вождей их, конницу их, морские суда их, богатства (букв. “чудеса”) их все в Египет»; сткк. 5—6, Urk. II. 15.9—10: *in.f wrw.sn ssm(wt).zn kbn(wt).zn bi3(wt).zn nb(wt) r B3qt*), но не закрепление этой территории на дальнейшую перспективу за Египтом. С большими основаниями в качестве территории изначально зависимой, мятежной, но в итоге возвращенной под власть Египта могла бы быть охарактеризована Кирена в сообщении о втором походе Птолемея («рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а»; стк. 6, Urk. II. 15.12—15; «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.3.г), однако и она такой характеристики не получает. Очевидно, составители «Стелы...» считали возможным утверждать владычество Египта над всем миром либо не делать этого применительно ни к одной из чужеземных стран, и последовательно придерживались второго варианта. Правда, полнота власти Птолемея над «рубежом Ир-мер-а/Мер-мер-а» оттенена тем, что репрессии против ее обитателей, описанные в тексте «Стелы...» (стк. 6, Urk. II. 15.14—15), носят более тотальный характер, нежели ущерб, нанесенный «/людям/ хару».

Наконец, любопытный и, на наш взгляд, пока еще никак не оцененный нюанс «Стелы сатрапа» состоит в том, что, согласно ней, военные свершения Птолемея имеют место в войнах, не начатых им инициативно, а как будто спровоцированных его противниками. Как мы видели, описание кампании 312—311 гг. оговаривает, что она была совершена «в страну /людей/ хару,

которые были в войне с ним (т.е. с Птолемеем)...»¹. Описание киренской кампании также сообщает, что в результате нее на «(людей) Ир-мер-а/Мер-мер-а» обрушились кары «в качестве возмездия за /то, что/ сделали они против Египта» (Urk. II. 15.16: *m-isw ir.zn r B3qt*). Едва ли это случайно, поскольку традиционным египетским военным текстам скорее было свойственно прославлять способность царя самому обрушиться на врага. Можно было бы допустить, что подобная позиция составителей «Стелы...» призвана завуалировать неуспех конкретных кампаний, о которых в данном тексте идет речь. Однако это все же не так, поскольку в связи с действительно неуспешной для Птолемея кампанией в Восточном Средиземноморье составители текста превосходно обошлись обычным приемом египетских военных текстов – презентацией любого исхода военной кампании как успеха (см.: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.3.в, комм. «й»). Понятно, что в связи с экспедицией против Кирены, вполне успешной по своим итогам, и вовсе не возникало надобности ни в каких ухищрениях. В таком случае, коль скоро мотив наступательных войн столь подчеркнуто несвойствен тексту «Стелы сатрапа» (хотя боевые качества ее главного героя и его способность внушать страх к врагу в ней акцентированы: см. главу 2, § 2.4.2), можно заключить, что концепция «Стелы...» вообще не включает в себя призыв к экспансии Египта во внешний мир, а скорее призывает к чему-то противоположному. В связи с этим уместно вернуться к нашему наблюдению о том, что «мирные» свершения Птолемея (возвращение в Египет похищенных персами культовых предметов и перенос столицы в Александрию) вообще вынесены в исторической части «Стелы сатрапа» на первое место перед описаниями его кампаний в Восточном Средиземноморье и в Кирене. Как мы уже говорили, такое расположение соответствующих фрагментов, расходящееся с хронологией описанных в них событий, очевидно, отражает значимость и приоритетность этих событий с точки зрения составителей текста «Стелы...» и в целом идеологов Птолемея (см. главу 2, § 2.4.2). Меньшая приоритетность его военных дел хорошо согласуется с отсутствием в этом тексте призыва к внешней экспансии.

Посмотрев на характеристики, которые прилагаются в тексте «Стелы сатрапа» к чужеземным странам и к войнам, которые ведет с ними его главный герой, обратимся теперь к характеристике в нем самого Египта. Неудивительно, что в идеологически насыщенном нарративе, каким является текст «Стелы сатрапа», мы встречаем и такое обозначение Египта, как «Обе Земли» (Wb. V.217-219: *t3wy*), которое совмещает в себе качества политонима и указания на особое место в мире этой страны (речной долины с высокопродуктивным земледелием, предназначенной для служения богам, в отличие от «нагорий»-*h3swt*; см. главу 1,

¹ Необычность такой активной роли противников Египта была отмечена Д. Шефер [Schäfer, 2011, S. 104—105, Комм. ‘h’], однако проведенные ею в связи с этим грамматические и синтаксические выкладки, по сути дела, никак эту необычность не устранили и не объяснили.

§ 1.2). Примечательно, что в тех случаях, когда этот термин встречается не в составе эпитетов правителя (Urk. II. 12.17: *nsw-bity nb t3wy ꜥꜥ-ib-Rꜥ Stp-n-ꜥmn* «царь Верхнего и Нижнего Египта Хаа-иб-ра Сетепенимен» – в титулатуре Александра (IV); id. 20.2: *nsw-bity nb t3wy ꜥꜥꜥꜥꜥꜥ ꜥꜥꜥ ꜥꜥꜥ dt* «царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Обеих Земель Хаббаш, живущий вечно»; id. 21.2: *nsw-bity nb t3wy Snn-Tnn Stp-n-Pth z3 Rꜥ ꜥꜥꜥꜥꜥꜥ ꜥꜥꜥ dt* «царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Обеих Земель Сенен-Тенен Сетепенпах, сын Ра Хаббаш, живущий вечно») или божества (id. 20.10: *nb(t) t3wy W3dyt* «владычица Обеих Земель Уаджит»; id. 21.17: *iw.f m hh nty wp(t) t3wy hrw nšny.z* «вот он в пламени “Открывающей Обе Земли в день ярости ее”»), а просто в повествовательном тексте, он неизменно выступает в противопоставлении термину *h3swt* (id. 13.3: *iw.f m nsw m t3wy h3swt* «.../в то время как/ он был царем в Обеих Землях /и/ в чужеземных странах» – о сыне Роксаны; id. 14.6: *n mitt.f m t3wy h3swt* «нет равного ему в Обеих Землях /и/ в чужеземных странах» – о сатрапе Птолемею).

Когда же составители текста «Стелы...» считают нужным обозначить Египет просто географическим термином, они, характерным образом, часто используют слово *B3qt*, связанное с представлением о Египте как о сияющем оке божества и подчеркивающее его особое место и исключительность в мире (см. главу 1, § 1.2). Такое обозначение встречается в тексте «Стелы...» во вводном пассаже, констатирующем пребывание Александра (IV) в Азии и одновременную власть Птолемея над Египтом, и далее при описании доставки добычи из Восточного Средиземноморья в Египет в ходе кампании 312—311 гг. до н.э. и при характеристике кампании против Кирены как возмездия за зло, причиненного Египту (см. отсылки к источнику и цитаты выше, в настоящем и предыдущем разделах). Наряду с этим термином Египет обозначается в тексте «Стелы...» и более стандартным географическим термином *Kmt* (Wb. V. 126—127). Он появляется в описаниях возвращения Птолемея в страну после военных кампаний («Направился он в Египет (букв. «приближение это, сделанное им к Египту»), /причем/ сердце его было радостно (букв. «сладостно») от того, /что/ он сделал»; стк. 6, Urk. II. 15.17: *spr pw ir.n.f r Kmt ib ndm m nn ir.n.f*, см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.3.д) и попечения царя Хаббаша в середине 330-х гг. до н.э. о защите страны от нападения персидских кораблей («...чтобы отразить корабли Азии от Египта»; стк. 7, id. 16.14: *r hsf kbn(wt) nty Stt r Kmt*, см. там же, III.1.а), а также в титуле сатрапа Птолемея в конце текста «Стелы...» («вождь этот, властитель великий Египта Птолемею»; стк. 17, id. 21.4: *wr pn hq3 ꜥ3 n Kmt Ptdrwmuz*; см. там же, III.3, а также главу 2, § 2.4.1). Как видно, термин *Kmt* употреблен только в одном контексте, содержащем оттенок противопоставления Египта чужеземным странам, – в описании защиты Египта от нападения с моря при Хаббаше; в остальных подобных контекстах употребляется термин *B3qt*. Примечательна также вариативность в употреблении

данных терминов в титулах сатрапа Птолемея: во вводном пассаже «Стелы...», в контексте противопоставления Азии, где находится формальный легитимный царь, Египту, которым фактически правит Птолемей, последний обозначен *wr ʕ3 m B3qt*, в то время как в стк. 17, где такого противопоставления нет, он именуется *hq3 ʕ3 n Kmt*. Похоже, в целом составители «Стелы...» исходили из того, что термин *Kmt* следует применять для обозначения Египта вне контекста его противопоставления чужеземным странам и защиты от исходящей из них угрозы, а термин *B3qt* – в подобном контексте. Очевидно, что подобное употребление последнего термина чрезвычайно схоже с его появлением в контекстах, предполагающих противопоставление и враждебность Египта и внешнего мира (в частности, «Азии»- *Stt*), в надписях наоса из Сафт эль-Хенне времени Нектанеба I и в более поздних эпиграфических памятниках греко-римского времени (см. главу 1, § 1.2).

Таким образом, отмеченные особенности текста «Стелы сатрапа» позволяют заключить, что ее концепция предполагает последовательное и весьма жесткое противопоставление Египта, как уникальной страны в мире, и чужеземных стран. Последние, по смыслу ряда сообщений (о похищении персами в прошлом священных предметов из египетских храмов и об ущемлении Артаксерксом III храмов Буто: см. настоящую главу, § 4.1.2, 4.3.3, 4.3.4, ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», II.3.а, III.1), предстают в качестве источника опасности для Египта и в особенности для его культов. Похоже, что в данное противопоставление вовлечена и держава Аргеадов, обозначенная термином *Stt* в начальном фрагменте «Стелы сатрапа» и, как мы видели, в его формулировках четко отделенная от Египта под властью Птолемея. Аргументом против такого заключения могло бы послужить то, что, как мы постарались обосновать в предыдущем разделе, термин *Stt* в данном фрагменте фактографически относится к совершенно конкретному региону этой державы – к Македонии, как местопребыванию Александра (IV), которая находилась под властью не противников Птолемея, а, напротив, его союзника в третьей войне диадохов Кассандра (собственно, и сам юный царь со своей матерью Роксаной был в его руках). Вместе с тем мир 311 г. до н.э., заключенный, по-видимому, раньше создания «Стелы сатрапа», прекратил эту войну и предоставил самому Кассандру полномочия, действительные, по сути дела, в масштабах всей державы – быть стратегом Европы вплоть до совершеннолетия сына Роксаны. По сути дела, сходные полномочия утверждались в Азии за главным противником Птолемея Антигоном, так что оба эти диадоха, по букве данного соглашения, в равной мере становились функционерами межрегиональной державы Аргеадов в целом (см. главу 2, § 2.1).

Строго говоря, само противопоставление в тексте «Стелы...» Египта остальной части державы Аргеадов противоречило условиям мира 311 г. (как, собственно, и признанию

Александра (IV) сакральным царем Египта). Понятно, однако, что оно мотивировалось как враждебностью Птолемею Антигона и Деметрия, стремившихся к сохранению по возможности более прочного единства державы и в ситуации 311 г. до н.э. контролировавших большую часть ее азиатских сатрапий, так и самой концепцией «Стелы...», в которой Птолемей должен был представлен основоположником нового этапа в истории, разумеется, независимого Египта.

4.3.3. «Враг *Hšryš(3)*»: образ Артаксеркса III в «Стеле сатрапа» и его коннотации

Прямое присутствие чужеземных врагов в пределах Египта представлено в тексте «Стелы сатрапа» в описании действий, очевидно, Артаксеркса III и учрежденных им властей по отношению к храмам Буто, последствия которых пришлось устранять царю середины 330-х гг. до н.э. Хаббашу (сткк. 8—11; Urk. II. 16.15—18.6; см. настоящую главу, § 4.1.4, ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», III.1, Экскурс 2). Сейчас для нас принципиальна не суть этих злодеяний, а терминология, употребленная в связи с ними по отношению к врагам Египта. Имя Артаксеркса III, имеющее в тексте «Стелы...» форму *Hšryš* или *Hšryš3*, неизменно предваряется словом *hftu* (Wb.III. 276–277: «враг, супротивник»; стк. 9, Urk. II. 17.3: ; стк. 10, id. 17.12, стк. 11, id. 18.4:). В одном случае он назван одним этим словом *hftu*, без личного имени (стк. 9, Urk. II. 17.10:). Как видно, при этом детерминативом личного имени персидского царя является не стандартный знак GG(SL) A₁, а знак A_{13G} (– враг с отсеченной головой, стоящий на коленях, со связанными вместе руками и ногами) либо его модификация с ножом, вонзенным в горло врага (). Само же слово *hftu* детерминируется или выписывается идеографически модификацией этого знака в знак A_{219C} (, – такая же фигура пленника, привязанного за шею к столбу).

В связи с детерминативом имени *Hšryš(3)* Д. Шефер [Schäfer, 2011, S. 149] обратила внимание на интересное сообщение Плутарха с отсылкой к Кастору Родосскому: согласно нему, египтяне клеймили предназначенных в жертву рыжих быков печатью с изображением коленопреклоненного человека со связанными руками и приставленным к горлу мечом, которое ассоциировалось с образом Тифона (Сета)¹. Как уже говорилось, в «Книге победы над Сетом» мы также видим употребление термина *hftu* в единственном и во множественном числах, соответственно, применительно к Сету и к его союзникам, и это слово также имеет детерминатив со сходной семантикой (вариант знака GG(SL) A₁₄ – изображение врага, в

¹ «Египтяне, считая, что Тифон был красным, приносят также в жертву рыжих быков... На предназначенного в жертву быка ставят клеймо жрецы, именуемые сфрагистами, причем печать, как свидетельствует Кастор, имеет резное изображение человека, опустившегося на колени; руки у него связаны за спиной и к горлу приставлен меч» (пер. Н.Н. Трухиной [Плутарх, 1977, с. 263]; FGrHist. 250. F. 17=Plut. De Is. et Os. 31: Αἰγύπτιοι δὲ πυρρόχροον γεγονέναι τὸν Τυφῶνα νομίζοντες καὶ τῶν βοῶν τοὺς πυρροὺς καθιερεύουσιν... τὸν δὲ μέλλοντα θύεσθαι βοῦν οἱ σφραγισταὶ λεγόμενοι τῶν ἱερέων κατεσημαίνοντο, τῆς σφραγίδος, ὡς ἱστορεῖ Κάστωρ, γλυφὴν μὲν ἐχούσης ἄνθρωπον εἰς γόνυ καθεϊκότα ταῖς χερσὶν ὀπίσω περιηγμένας, ἔχοντα κατὰ τῆς σφαγῆς ξίφος ἐγκείμενον).

голову которого вонзен топор). Кроме того, этот же знак дополняет в ряде случаев относящееся к Сету местоимение-суффикс 2 л. *.k*. А в магических папирусах Солт 825 и Жюмильак имеются виньетки, изображающие, соответственно, связанных пленников с головами азиатов и животного Сета [Derchain, 1965, figs. X—XIIa] и находящегося под тронном Осириса перевернутого Сета со связанными руками и головой осла [Vandier, 1962, pl. X].

Подобная система аналогий написаниям обозначений чужеземного правителя в «Стеле сатрапа» должна повлечь за собой вывод и о его ассоциации с образом вторгнувшегося в Египет Сета. Это полностью согласуется и с сопоставлением с этим же богом Артаксеркса III в известной через греческое посредство египетской традиции о его святотатствах (см. настоящую главу, § 4.4; правда, Д. Шефер считает это основание для идентификации *Hšryš(3)* и Артаксеркса III недостаточным, полагая, что с Сетом мог быть сопоставлен любой «враг богов» [Schäfer, 2011, S. 149]). При этом рассказ жрецов Буто Хаббашу о «враге *Hšryš(3)*» обнаруживает определенное сходство с «Книгой победы над Сетом» и в таких нюансах, как повторный характер вторжения персов в Египет при Артаксерксе III и нанесение решающего удара по этому врагу не каким-либо земным противником, а самим богом Хором (сткк. 10—11, Urk. II. 17.15—18.3; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.б).

Обсуждая эти показательные параллели между характеристиками «врага *Hšryš(3)*» в «Стеле сатрапа» и бога Сета в позднеегипетских религиозных текстах, прежде всего в «Книге победы над Сетом», уместно затронуть и еще один вопрос: каково, собственно, значение пресловутых детерминативов при слове *hftu*, изображающих человека с ножом в горле или топором в голове, в обоих этих текстах? Строго говоря, он не необходим в написании данного слова: более того, стандартен для его написания, согласно «Словарю египетского языка», детерминатив GG(SL) A₁₃ (- сидящий человек со связанными за спиной руками; Wb. III. 276). Между тем очевидно, что вонзившееся в горло или голову оружие означает смерть: так, знак GG(SL) A₁₄ (человек, вонзивший себе в голову топор) входит в стандартное написание собственно слова *m(w)t* – «мертвый, мертвец» (Wb. II. 165). В таком случае термин *hftu* в его употреблении как в «Стеле сатрапа», так и в «Книге победы над Сетом» ассоциирован в некоем смысле со смертью того, к кому он относится. Можно было бы сказать, что смысл такой ассоциации при написании слова *hftu*, обозначающего Сета и его союзников, в «Книге победы над Сетом» связан с характером отразившейся в этом тексте магической практики, призванной как бы «обезвредить наверняка» этих врагов. Такое «обезвреживание» и будет тождественно лишению их жизни и должно, очевидно, привести Сета и его присных в состояние «мертвецов», очень ярко охарактеризованное во фрагменте «Книги победы...» о смерти Сета «в круге чужеземных стран», к которому мы обращались выше (Urk. VI. 29.8—15; см. главу 1, § 1.2).

Что касается появления подобного знака в написаниях имени и эпитета Артаксеркса III в «Стеле сатрапа», его, конечно, нельзя объяснить просто фактом того, что к моменту общения Хаббаша со жрецами Буто, сообщившими ему о злодеяниях персидского царя, последний был уже мертв. В египетской письменности нет нормы детерминирования таким знаком имен людей, умерших насильственно, да и описанные в тексте события с участием Артаксеркса III, разумеется, происходили во время его жизни. В таком случае остается видеть в таких написаниях не слишком явное указание на то, что ненавистный персидский царь еще при его жизни в некоем смысле уподобляется мертвому. С одной стороны, это не слишком удивительно в свете уже упоминавшегося нами египетского представления о врагах царя как об «убитых-живых» [Берлев, 1989, с. 88; Демидчик, 2005, с. 25, 138—149] (см. подробнее главу 1, § 1.2). Вместе с тем это давнее представление, как кажется, могло приобрести новое звучание в свете реализовавшегося в указанном фрагменте «Книги победы над Сетом» концепта «круга чужеземных стран», обитателем которого оказывается «мертвец»-Сет (см. там же). Возможно, что, как и в этом концепте, в уподоблении Артаксеркса III в тексте «Стеле сатрапа» богу зла и одновременно мертвецу следует увидеть намек на полную чуждость Египту чужеземных стран, несовместимую с возможностью полноценных контактов с ними и даже их эффективного подчинения. В этой связи уместно вспомнить и то, что появление записи «Книги победы над Сетом» в рВМ 10252 датируется Годом 11 Александра (IV) (307/306 г. до н.э.), т.е. четырьмя годами позже «Стелы сатрапа», и приходится на время даже не компромиссного мира между Птолемеем и его противниками, а возобновления их открытого противостояния (см. там же).

Таким образом, мы, думается, имеем право сказать, что между «Книгой победы над Сетом» и «Стелой сатрапа» обнаруживается неожиданное по своей полноте сходство в оценке места Египта в мире и возможностей его взаимодействия с чужеземными странами, а также в семантике презентации их правителей, по сути дела, в прямом сопоставлении с богом зла Сетом. Присутствие в «Стеле...» подобных мотивов делает совершенно понятной и фактически содержащуюся в ней рекомендацию правителям Египта воздерживаться от внешней экспансии. Коль скоро силы внешнего мира столь тесно ассоциированы с самой персонификацией злого начала в мироздании, их лучше сторониться и в крайнем случае занимать по отношению к ним оборонительную позицию. Как видно, мы можем констатировать наличие в «Стеле сатрапа» чрезвычайно последовательной и получившей всестороннюю проработку концепции взаимодействия Египта с внешним миром, в т.ч. и с межрегиональной азиатской державой в ее разных исторических проявлениях.

4.4. *Античная традиция о кощунствах Артаксеркса III против священных животных и вопрос о ее датировке*

Одним из наиболее стойких топосов, связанных со вторым персидским владычеством в античной (в том числе в позднеантичной) традиции является приписывание завоевателю Египта Артаксерксу III Оху святотатств против чтимых в этой стране священных животных [Schwartz, 1949, p. 68—71]. Прежде всего, этому царю приписывается убийство чтившегося в Мемфисе священного быка Аписа (см. в целом о его культе, с отсылками к литературе, главу 2, § 2.3.2): краткое, обобщенное и несколько утрированное сообщение об этом есть в византийском словаре «Суда»¹. Насколько мы знаем, при обращении к этому топосу пока не отмечалось, что более детализированные его изложения в целом соответствуют двум сюжетам: Артаксеркс III съедает Аписа и сам оказывается за это съеден; Артаксеркс III, именуемый египтянами «ослом» (т.е. сопоставляемый с животным бога Сета [Te Velde 1967, p. 26] – нюанс, который античные авторы не удержали) приносит Аписа в жертву «ослу», т.е., очевидно, Сету². Первый сюжет отразили сообщения опять же словаря «Суда»³, причем речь в них идет о съедении не только Аписа, но и священного животного Мендеса (в тексте упоминается козел, на самом деле в Мендесе чтился баран [Meulenaere, 1982, S. 44])⁴. Опять же в «Суде» говорится о том, что Багой, который при этом оказывается египтянином, мстя за убийство Аписа, съел Оха и сделал из его костей рукояти ножей⁵; согласно схожему сообщению Клавдия Элиана, Багой отдал тело Оха на съедение кошкам – египетским священным животным⁶ (ср. с ролью,

¹ «Нагромождая зло на зло. Перс Ох поработил Египет, убил Аписа и разрушил Мемфис, нагромождая зло на зло» (Κακοῖς ἐπισωρεύων κακά: Ὀχος ὁ Πέρσης Αἴγυπτον ἠνδραποδίσατο καὶ ἀπέκτεινε τὸν Ἄπιν καὶ κατέκοψε τὸν Μέμφιν, κακοῖς ἐπισωρεύων κακά)..

² Не стоит ли считать данный мотив в том числе отдаленной и переосмысленной репликой мотива преимущественного почитания Сета гиксосскими царями, не фиксирующегося в традиции о гиксосах Манефона (см. ниже), зато хорошо известного в «Сказке об Алопи и Секененра» (pSall. 1. I.3)?

³ «Аписы. Ох, убив Аписа, хотел отдать его мясникам, чтобы они разрубили его на куски мяса и приготовили на обед» (Ἄπιδες: ...Ὀχος τὸν Ἄπιν ἀποκτείνας ἐβούλετο αὐτὸν τοῖς μαγείροις παραβαλεῖν, ἵνα αὐτὸν κρεουργήσωσι καὶ παρασκευάσωσιν ἐπὶ δεῖπνον; ср. с полностью аналогичным сообщением глоссы Ὀχος: ὄνομα κύριον).

⁴ «Пресытился: наелся досыта, насытился. Об Охе персе. (Этот) несчастный принес в жертву в Мендесе священного козла Пана и, приготовив его (в пищу) разнообразными способами, пресытился на празднике» (Ἄσατο: ἐκορέσθη, ἐνεφορήθη. περὶ Ὀχου τοῦ Πέρσου. τὸν ἐν Μένδῃ τράγον Πανὸς ἱερὸν κατέθυσέ τε καὶ σκευάσας ποικίλως ταύτην ὁ δυστυχῆς ἄρα τὴν δαῖτα ἄσατο).

⁵ «Рукоятями... ..Багой египтянин убил Оха перса и съел его мясо, но кости переделал в рукояти ножей» (Suida, s. v. λαβαῖς... ὅτι Βαγῶας ὁ Αἰγύπτιος ἔσφαξεν Ὀχον τὸν Πέρσην καὶ τὰ μὲν κρέατα ἔφαγε, τὰ δὲ ὀστέα μαχαιρῶν εἰργάσατο λαβάς).

⁶ «Рассказывают, что евнух Багой, родом египтянин, убил Артаксеркса Оха и, разрубив тело на куски, бросил на съедение кошкам; похоронен же в царской усыпальнице был вместо Артаксеркса кто-то другой. Багою было мало убить Оха: из бедренных костей царя он сделал рукояти для мечей; в этом

отведенной Багою в сообщении Диодора о захвате Артаксерксом III египетских священных текстов: см. настоящую главу, § 4.1.2). Показательно, что в сюжете о мести Багоя можно найти косвенную отсылку к сюжету об убийстве Аписа Камбисом и о его последующей судьбе, известному прежде всего по свидетельству Геродота. Камбис умер от раны в бедро в том же месте, куда он поразил священного быка (*Hdt.* III. 64), так что весьма вероятно, что мотив убийства и съедения Артаксеркса является вычурной экстраполяцией на его судьбу того же «талионного» принципа возмездия: Артаксеркс был съеден, поскольку он съел священное животное. Второй сюжет – о жертвоприношении Аписа «ослу» – отразился в сообщении Плутарха со ссылкой на Динона Колофонского (см. об этом авторе далее): согласно ему, Ох, которого египтяне ненавидели и называли ослом, заколол в отместку Аписа со словами: «Не сомневайтесь, этот осел съест вашего быка»⁷. Очевидно, в этом сообщении мотивы съедения и жертвоприношения Аписа тесно переплелись: Ох явно говорит о собственном намерении съесть быка, но коль скоро египтяне отождествляют его с «ослом»-Сетом, это действие и приобретает смысл принесения богу подобной жертвенной пищи. Вне такого переплетения, просто о принесении Охом Аписа в жертву «ослу», сообщает Элиан⁸, добавляющий в другом случае дополняет его указанием, что египтяне – почитатели «Сараписа» (в этом контексте явно Осириса, с которым связан Апис) – ненавидят осла, т.е. Сета, и что Ох убил Аписа, чтобы уязвить их⁹. Достаточно понятно, что эти два сообщения Элиана восходят к единому

находило себе выход его ожесточение; Багой возненавидел царя за то, что тот во время своего пребывания в Египте, как прежде Камбиз, убил Аписа» (пер. С.В. Поляковой [Элиан, 1995, с. 51]; *Ael.* V.H. VI. 8: Ἀρταξέρξην τὸν καὶ Ὀχον ἐπικληθέντα, ὅτε ἐπεβούλευσεν αὐτῷ Βαγῶας ὁ εὐνοῦχος, ὃς ἦν Αἰγύπτιος, φασὶν ἀναιρεθέντα καὶ κατακοπέντα τοῖς αἰλούροισι παραβληθῆναι· ἐτάφη δὲ τις ἄλλος ἀντ' αὐτοῦ καὶ ἀπεδόθη ταῖς βασιλικαῖς θήκαις. τῷ δὲ Βαγῶα οὐκ ἀπέχρησε τὸ ἀποκτεῖναι τὸν Ὀχον, ἀλλὰ γὰρ καὶ ἐκ τῶν μηρῶν αὐτοῦ λαβὰς μαχαιρῶν ἐποίησε, τὸ φονικὸν αὐτοῦ ἐνδεικνύμενος διὰ τούτων. ἐμίσησε δὲ αὐτόν, ἐπεὶ τὸν Ἀπὶν ἐν Αἰγύπτῳ γενόμενος ἀπέκτεινε καὶ οὗτος, ὡς ὁ Καμβύσης πρότερον).

⁷ «...ненавидя из всех персидских царей более всего Оха как человека преступного и кровожадного, они (египтяне – *И.Л.*) назвали его ослом. А он, воскликнув: «Не сомневайтесь, этот осел съест вашего быка»,— заколол Аписа; так об этом свидетельствует Дейнон» (пер. Н.Н. Трухиной [Плутарх, 1977, с. 263]; *FGrHist.* 690. F. 21 = *Plut.* De Is. et Os. 31: διὸ καὶ τῶν Περσικῶν βασιλέων ἐχθραίνοντες μάλιστα τὸν Ὀχον ὡς ἐναγῆ καὶ μιᾶρόν, ὄνον ἐπωνόμασαν. κακῆϊνος εἰπὼν ὁ μέντοι ὄνος οὗτος ὑμῶν κατευωχῆσεται τὸν βούν' ἔθυσσε τὸν Ἀπὶν, ὡς Δείνων ἰστόρηκεν).

⁸ «...Египтяне называли Оха на своем языке ослом, сравнивая его тугодумие с несмышленостью этого животного. В отместку он заколол Аписа в жертву ослу» (пер. С.В. Поляковой [Элиан, 1995, с. 44]; *Ael.* Var. Hist. IV. 8: Ὅτι τὸν Ὀχον οἱ Αἰγύπτιοι τῇ ἐπιχωρίῳ φωνῇ Ὀνον ἐκάλου, τὸ νωθὲς αὐτοῦ τῆς γνώμης ἐκ τῆς ἀσθενείας τοῦ ζώου διαβάλλοντες. ἀνθ' ὧν ἐκεῖνος τὸν Ἀπὶν πρὸς βίαν κατέθυσεν Ὀνω).

⁹ «И те, кто придерживаются почитания Сараписа, ненавидят осла. Зная это, Ох перс убил Аписа и обожествил осла, желая до крайности уязвить египтян. И он отдал должное священному быку, не меньше и не легче, чем Камбис, первый совершивший такое святотатство» (*Ael.* De nat. anim. X. 28: ἀλλὰ καὶ ὅσοι περὶ τὴν θρησκείαν ἔχουσι τὴν τοῦ Σαράπιδος μισοῦσι τὸν ὄνον. τοῦτό τοι καὶ

прототипу, который к тому же схож с сообщением Плутарха, восходящим к Динону; в таком случае едва ли будет слишком смело допустить, что уже этот историк передавал сюжет об Артаксерксе III, сопоставленном с «ослом»-Сетом и приносящим Аписа ему в жертву. Что касается первого сюжета (съедения Артаксерксом III Аписа), его связь с исторической традицией не вырисовывается столь четко; однако вряд ли можно сомневаться, что оба эти сюжета взаимосвязаны и были порождены одними и теми же условиями.

Причудливость этих свидетельств об Артаксерксе III, а также их вариативность, невольно наводящая на мысль именно о вариациях топоса, а не о передаче реального, пусть даже выходящего из ряда вон эпизода, бросаются в глаза. Мы уже говорили, что знаменитый сюжет убийства Аписа Камбисом, наиболее подробно изложенный Геродотом, не только не находит подтверждения в египетских свидетельствах, но и встречается в них прямое противоречие; к тому же подобное святотатство шло вразрез с тем отношением к чужим культам, которого, как правило, придерживались Ахемениды. Тем не менее, по-видимому, именно этот сюжет стал основой топоса святотатств врагов, вторгающихся в Египет, по отношению к его культам, который проявился в сведениях Манефона о втором завоевании Египта гиксосами в союзе с египетскими прокаженными и в «Книге победы над Сетом» (см. главу 1, § 1.2). Как мы видели, в сообщениях о святотатствах Артаксеркса III легко опознаваемы коннотации, связанные с образом Сета: возможно, такой коннотацией является приписывание персидскому царю убийства не только Аписа (по очевидной аналогии с Камбисом), но и священного животного Мендеса, поскольку «Книга победы...» приписывала Сету подобные святотатства сразу в ряде египетских храмов. Весьма показательно и то, что сообщения данной традиции приписывают Артаксерксу III убийство Аписа с целью как его съедения, так и принесения в жертву «ослу», причем порой (у Плутарха), эти две цели неразделимы. По-видимому, эта двойственность имеет прямую аналогию в сведениях Манефона, согласно которым при втором завоевании Египта гиксосами соединившиеся с ними местные прокаженные сознательно извращали ритуал, убивая в храмах не обычных жертвенных животных, а священных, и с целью не принести жертву, а употребить их мясо в пищу. В свою очередь, этот мотив согласуется с умыслом принципиального искажения ритуала, который приписывается Сету в «Книге победы...».

Исходя из сказанного, достаточно очевидны как египетские истоки традиции о святотатствах Артаксеркса, так и ее фиктивность. Вместе с тем в связи с ней стоит задать следующий, крайне мало обсуждавшийся вопрос: когда, собственно, она сформировалась?

---

⁷Ὁχος ὁ Πέρσης εἰδὼς ἀπέκτεινε μὲν τὸν Ἄπιν, ἐξεθέωσε δὲ τὸν ὄνον, ἐς τὰ ἔσχατα λυτῆσαι θέλων τοὺς Αἰγυπτίους. ἔδωκε δὲ ἄρα καὶ αὐτὸς δίκας τῷ ἱερωῖ βοῖ οὐ μεμπτὰς οὐδὲ ἥττονας Καμβύσου τοῦ πρώτου τῆν θεοσυλίαν ταύτην τετολμηκότος).

Очевидно, что это могло произойти лишь на том этапе, когда в адресованной египтянам пропаганде была актуальна крайне негативная презентация второго персидского владычества; и в первую очередь в связи с этим думается собственно о времени Александра, вступление которого в Египет это владычество прекратило. Однако это напрашивающееся предположение не находит сколько-нибудь прямого подтверждения в источниках. Свидетельства о втором персидском владычестве, которые можно считать достоверными (в частности, рассказ Диодора Сицилийского о завоевании Египта Артаксерксом III, восходящий к всеобщим историям Эфора и Феопомпа) не сообщают ничего о кощунствах персидского царя по отношению к священным животным (см. настоящую главу, § 4.1). Несколько иначе выглядят свидетельства Диодора и Курция Руфа об энтузиазме египтян по поводу вступления в их страну Александра, которые, вероятно, восходят к сведениям Клитарха Александрийского. В сообщении об этом Диодора есть упоминание не только об алчности и высокомерии персов, но и об их «нечестии» по отношению к египетским храмам (*Diod. XVII. 49.2*; см. подробно, с цитированием соответствующих фрагментов источников настоящую главу, § 4.1.1, прим. 1). Однако и в этом случае мы не видим даже стяженных описаний их кощунств и вообще каких-либо персонализированных выпадов против последних персидских царей в связи с их властью над Египтом. Иными словами, если сюжет убийства Аписа Камбисом известен нам подробнее всего по изложению Геродота, т.е. из магистральной исторической традиции, то святотатства, приписываемые Артаксерксу III, не отразились в ней, если не считать труд о Персии Дина Колофонского, на которого ссылался Плутарх. В таком случае этот мотив, скорее всего, не был актуален в пропаганде, которая окружала появление Александра в Египте и опосредованно отразилась в свидетельствах об этом его историков.

Последнее находит подтверждение еще и в следующем: как мы видели, стела *Bucheum 2*, посвященная смерти священного быка Бухиса в начале Года 4 царствования Александра Великого в Египте, т.е. в ноябре—декабре 329 г. до н.э., фактически утверждает *post factum* за Дарием III статус легитимного сакрального правителя. Как мы уже постарались показать, столь лояльное отношение к уже умершему персидскому царю, очевидно, контрастирующее, со скорее негативным отношением к Ахеменидам в период второго персидского владычества, может быть объяснено изменением в пропаганде Александра в масштабах всей его державы (см. настоящую главу, § 4.2). Вместе с тем, даже при всей своей конъюнктурности, подобная «смена вех» в его египетской пропаганде было бы затруднительно, если бы за два года до этого та же пропаганда приписывала бы близкому предшественнику Дария святотатства в египетских храмах.

По мнению Г. Колбэрна, негативное восприятие второго персидского владычества в Египте, отразившееся в античной традиции, было сформировано в эпоху Птолемеев и, в частности, было связано с пропагандой, которую Птолемей, сын Лага, вел в пору своей сатрапии в Египте [Colburn, 2015]. Ее свидетельством Колбэрн считает, в частности, «Стелу сатрапа» 311 г. до н.э., в которой Птолемей представлен как правитель, возмещающий ущерб, в свое время нанесенный Египту персами [Colburn, 2015, p. 173-179]. Как будет видно из дальнейшего, мы согласны с общим выводом этого исследователя, однако некоторые его аргументы, на наш взгляд, уязвимы. Так, Колбэрн принимает как данность влияние птолемеевской традиции на сведения Диодора о завоевании Египта Артаксерксом III (хотя в подтверждение этого лишь констатирует, что автор возможного первоисточника Диодора Феопомп умер при дворе Птолемея I), и говорит, что под влиянием общего негативного отношения к этому периоду более поздние авторы перенесли на образ Артаксеркса III мотив убийства священного животного, восходящий к Геродоту [Colburn, 2015, p. 181—182]. Последнее особенно неправдоподобно, поскольку, как мы уже сказали, такая манипуляция была возможна лишь в условиях актуальности негативной презентации второго персидского владычества; и если ее можно отнести ко времени сатрапии Птолемея, то, очевидно, тогда же нужно искать и истоки фиктивной традиции о святотатствах Артаксеркса III. Попробуем посмотреть, какие к этому могут быть основания.

Колбэрн совершенно верно говорит о том, что, согласно «Стеле сатрапа», Птолемей вернул изображения богов и культовую утварь, в свое время похищенную из Египта персами (см. настоящую главу, § 4.1.2) и возвратил храмам Буто угоды, доходы с которого в свое время были конфискованы Артаксерксом III (см. главу 2, § 2.4.1, 2.4.2, настоящую главу, § 4.1.4). Однако, помимо этого, «Стела сатрапа», как мы видели, вопреки давней традиции египетских официальных текстов, не утверждает владычество Египта над миром и не призывает к наступательным войнам, хотя ее главный герой, сатрап Птолемей, является замечательным военачальником и воином; иными словами, концепция этого текста включает отказ от внешней экспансии, которая, по-видимому, признается необычайно опасной (см. настоящую главу, § 4.3.2). Природа этой опасности достаточно очевидна, коль скоро на Артаксеркса III, дела которого представлены в тексте «Стелы...» своего рода моделью внешней угрозы для Египта, недвусмысленно переносятся мотивы, связанные с богом зла (см. § 4.3.3). Учитывая резкий изоляционизм этих концептов «Стелы сатрапа», было бы, в общем, неудивительно одновременное появление на менее официальном уровне пропаганды фикции святотатств того же Артаксеркса III против священных животных. Собственно говоря, такая фикция была бы достаточно закономерным (по сути, повторяющим механизм возникновения сюжета об

убийстве Аписа Камбисом) утрированием того реального урона, который персидское владычество принесло египетским храмам и их культурам.

Еще одним основанием для отнесения возникновения этой фикции ко времени сатрапии Птолемея может послужить некоторое ее сходство с традицией о Клеомене из Навкратиса, отразившейся во II книге «Экономики», приписывавшейся Аристотелю (см. главу 3, § 3.3.2): мы помним, что один из ее сюжетов приписывает Клеомену намерение открыть охоту на почитавшихся египтянами крокодилов ([*Arist.*] *Оес.* II. 33b). Как мы уже говорили, эта негативная традиция о Клеомене – противнике Птолемея на этапе его вступления во власть над Египтом – могла быть актуальна только во время его сатрапии. При этом перенесение на Клеомена топоса святотатств против священных животных, типичного для негативной презентации чужеземных правителей, должна была противопоставить его Птолемею как «хорошему правителю», несомненно, в восприятии египтян. В таком случае мы вправе сделать вывод об актуализации этого топоса как раз во времена сатрапии Птолемея, при том что в традиции о святотатствах Артаксеркса III он представлен несравненно ярче, чем в традиции о Клеомене.

Наконец, нельзя не обсудить тот единственный датировочный признак, который содержится непосредственно в одном из свидетельств о святотатствах Артаксеркса III, а именно уже упоминавшуюся отсылку Плутарха к труду Динона Колофонского Περσικά. Именно эта отсылка является *terminus post quem* при датировке этого труда и позволяет сказать, что он был создан не раньше завоевания Артаксерксом III Египта в 343 г. до н.э. [Lenfant, 2009, p. 52]. Что касается *terminus ante quem* труда Динона, то он, по сути дела, зависит от определения времени его жизни, а оно, в свою очередь, – от сообщения Плиния Старшего, согласно которому Динон был отцом одного из историков Александра Клитарха Александрийского (FGrHist. 137. T. 2 = 690. T. 2 = *Plin.* N.H. X. 136: *Dinon Clitarchi celebrati auctoris pater*). В случае, если, как считает ряд исследователей, труд Клитарха об Александре появился очень рано, между 310—300 гг. до н.э., вероятно и сравнительно раннее, еще в 330-е гг., если не к 340 г., появление труда его отца [Lenfant, 2009, p. 52—53]: тогда наши соображения о возникновении мотива святотатств Артаксеркса III во время сатрапии Птолемея становятся шаткими. Однако при отнесении *акме* Клитарха к 280—270-м гг. до н.э., в соответствии с той точкой зрения, которая и кажется нам справедливой (см. настоящую главу, § 4.1.1, прим. 2), появляется возможность к тому, чтобы сдвинуть и датировку труда его отца позже, вплоть до конца IV в. до н.э., когда в нем могли проявиться идеологические мотивы времени сатрапии Птолемея. Стоит обратить внимание и на мнение Л. Пирсона [Pearson, 1960, p. 226], согласно которому, Динон хотя и родился в Колофоне в Малой Азии, как указывает его этникон, но мог быть современником Александра и

окончить свои дни в эллинистическом Египте, на что может указывать проегипетская тенденция ряда его сообщений (не только о святотатствах Артаксеркса, но и о якобы египетском происхождении матери Камбиса II Нитетис: FGrHist. 690. F. 11 = *Athen.* XIII. 560e—f) [Lenfant, 2009, p. 149—151; ср. Ладынин, 2006 (2)]. Если это так, достаточно логично допустить, что труд Динона о Персии (вероятно, доведенный до ее разгрома Александром) был своего рода предысторией эллинистической ойкумены, соответствующей идеологическим тенденциям начала времени Птолемеев (вероятно, конца IV в. до н.э.), причем далее Динон как бы передал исполнение этого «идеологического заказа» (уже применительно ко времени Александра) своему сыну. Во всяком случае, становится понятным глуховатое упоминание Клитархом нечестия персов в контексте вступления Александра в Египет, отразившееся в передаче Диодора: подробно развивать тему святотатств Артаксеркса III, в условиях успешной экспансии Птолемеев в начале III в. до н.э. и, соответственно, их отхода от концепции изоляционизма Египта, для Клитарха не имело смысла, но и пройти совсем мимо сюжета, запечатленного его отцом, он, видимо, не хотел.

Таким образом, нам представляется, что во время сатрапии Птолемея пропаганда изоляционизма Египта велась на двух уровнях. Оди из них – «официозный» – породил в частности текст «Стелы сатрапа», выдержанный в стилистике традиционных царских надписей; на этом уровне были задействованы некоторые мотивы «Книги победы над Сетом», но в целом при обращении к такому примеру ущерба Египту извне, как второе персидское владычество, не предполагалось каких-то серьезных искажений и вымыслов. Вместе с тем велась и пропаганда на «неофициальном» уровне, гораздо более красочная и рассчитанная на массовую циркуляцию: именно она активно использовала тоpos святотатств чужеземного правителя против священных животных в его перенесении Артаксеркса III и Клеомена. Трудно представить себе в точности, какую именно форму имело распространение этой традиции об Артаксерксе III в египетской среде. Однако, учитывая, что другим очевидным примером подобной «неофициальной пропаганды» начала эллинизма были сюжеты, отразившиеся в итоге в «Романе об Александре», можно думать, что, по аналогии с ними, данная традиция отразилась на первых порах в небольших демотических новеллах, содержание которых стало достаточно быстро известно и грекоязычной публике (см. о демотической и грекоязычной версиях т.н. «Сна Нектанеба» в главе 5, § 5.5).

В заключение не только этого раздела, но и в целом нашего обращения к теме изоляционизма в пропаганде, адресовавшейся во времена сатрапии Птолемея египтянам, остановимся на вопросе, который возникает в связи с этим закономерно: зачем идеологам македонского правителя вообще понадобилось конструировать мотивы, всячески обличавшие

во внешнем мире источники страшных опасностей для Египта? Как мы говорили, изоляционистская концепция «Книги победы над Сетом» сложилась на протяжении IV в. до н.э. в условиях, когда египетское государство XXVIII—XXX династий не только не могло вести внешнюю экспансию, но и непрерывно ожидало нападения персов без полной уверенности в его успешном отражении (см. главу 1, § 1.2). Историческая ситуация времени сатрапии Птолемея, особенно после того, как определился исход третьей войны диадохов, а затем продолжилось противостояние с Антиохом и Деметрием, была в принципе схожей; и, коль скоро Птолемей был заинтересован в собственной презентации в качестве благого правителя Египта, его идеологи должны были показать, что он поддерживает существование его государственности без потерь. Как и «Книга победы над Сетом», концепция «Стелы сатрапа» должна была, по-видимому, показать (или, по крайней мере, констатировать), что от невозможности внешней экспансии Египет ничего не теряет, поскольку стремиться к ней попросту нет оснований. При этом к мотивам пропаганды Птолемея могло добавляться и еще одно соображение. Говоря о правдоподобности сообщений античной традиции об энтузиазме египтян при вступлении в их страну Александра, мы связали такую их реакцию с недовольством вторым персидским владычеством; однако, по сути дела, такое объяснение недостаточно, так как египтяне не могли не понимать, что одно чужеземное господство над их страной сменилось при этом другим. Уже на протяжении царствования Александра миссия Клеомена в Египте должна была развеять какие бы то ни было иллюзии по поводу того, что новое, македонское, господство будет качественно менее обременительно по сравнению с господством персидским. В дальнейшем Птолемей был в глазах египтян, разумеется, также агентом внешней по отношению к их стране силы. При этом его курс на обособление от державы Аргеадов, определившийся уже в начале его власти над Египтом, не обязательно выглядел в глазах египтян преимуществом: если центральная власть межрегиональной державы хотя бы была далеко от Египта и не зависела исключительно от его ресурсов, то для Птолемея он был метрополией, несшей все бремя содержания создаваемой им государственности. «При прочих равных» в подобной ситуации у египтян не было бы особых оснований предпочитать власть Птолемея власти его противников среди диадохов. Соответственно, Птолемей не мог не быть заинтересован в том, чтобы обеспечить именно себе преимущественную лояльность и поддержку египтян. Очевидно, средством для этого служила не только самопрезентация в качестве благодетеля египетских культов и защитника Египта от врагов, но и наглядная, на конкретных и более или менее недавних примерах, демонстрация того, что любая власть над Египтом, исходящая из-за его пределов, несет для него необычайную опасность.

4.5. *Александр Великий как правитель мировой державы в титулатуре на памятнике из оазиса Бахария: проблемы интерпретации*

Памятник, несущий на себе уникальную титулатуру Александра Великого, к которому мы обратимся в настоящем разделе, интересен и важен для изучения идеологических тенденций раннеэллинистического Египта. Вместе с тем, в силу стечения обстоятельств, а также хорошо известной скорее описательной, нежели интерпретационной интенции современных египтологических исследований, он в течение долгого времени оставался «под спудом». Впервые он был опубликован обнаружившим его А. Фахри, в томе серии «Египетские пустыни», посвященном оазису Бахария. В этом издании Фахри ограничился тем, что предельно кратко охарактеризовал памятник и привел его фотографию, названную им (не вполне справедливо) «очень хорошей»; детальную же его публикацию он «зарезервировал» для третьего тома данной серии [Fakhry, 1950, p. 46—47, pl. XXVI (cf. 47: The photograph is, however, very good and can be depended on)]. Однако этому тому не было суждено появиться, и фотография в названном издании вплоть до 2000-х гг. оставалась единственным воспроизведением данного памятника, доступным египтологам. Учитывая, что издания древностей оазисов – далеко не самые читаемые в массиве египтологической литературы, не приходится удивляться, что в эти годы данный памятник был известен только тем, кто в принципе был хорошо эрудирован в памятниках египетского эллинизма. Показательно, что он не был учтен Ю. фон Бекератом в его индексе древнеегипетских царских имен [Beckerath, 1999, S. 232—233]. В 1997 г. фрагмент этого памятника, содержащий имя жреца, был опубликован в прорисовке Ф. Коленом [Colin, 1997, p. 95, fig. 3]. Лишь в 2005 г. Э. Винтер обратил на него внимание в связи с титулатурой Александра в каталоге выставки, посвященной взаимодействиям между Египтом и античным миром. В небольшом очерке в этом каталоге о памятниках Александра в Египте Винтер, в частности, предложил по фотографии Фахри чтение Хорова имени Александра на данном памятнике (*ḥq3 ḥq3w m t3 r dr.f*) [Winter, 2005, p. 207]¹. Почти одновременно появилась сводка по терминологии царской пропаганды Позднего времени А.-И. Блэбаум, в которой исследовательница привела восстановление все по той же не особенно качественной фотографии полного чтения данной титулатуры [Blöbaum, 2006, S. 423]. Наконец, к данному памятнику специально обратился каталонский египтолог Ф. Боск-Пуче: он впервые полноценным образом издал этот памятник и при этом, в частности, практически полностью подтвердил чтение титулатуры Александра, предложенное А.-И. Блэбаум [Bosch-

¹ Автор глубоко благодарен проф. Э. Винтеру – куратору его стажировки в Центре изучения греко-римского Египта Трирского университета (Германия) в 1999 г., – еще тогда впервые обратившему его внимание на этот памятник.

Puche, 2008; 2009 (2); 2013, p. 134, 138—142]. В заключение этого небольшого историографического экскурса можно упомянуть статью М. Хирцбауэра о легитимации Александра на материале из Каср эль-Мегисба [Hirzbauer, 2011]. Существенно не только само появление этой небольшой и, в общем, описательной статьи, но и то, что руководитель магистерской работы этого исследователя в Венском университете² – это Г. Хёльбль, крупнейший историк птолемеевского Египта, превосходно знающий и античные и египетские источники (см. его суждения непосредственно в связи со временем Александра в Египте: [Hölbl, 1997, p. 22—27; 2001, p. 9—14]). Наконец, в антиковедческой литературе в 2009 г. греческая надпись этого памятника была учтена в очередном томе *Supplementum epigraphicum Graecum* (SEG LIX. 1764); а в 2015 г. этот ее включил в свой компендиум греческих и латинских надписей эллинистического и римского Египта Шт. Пфайффер [Pfeiffer, 2015, S. 18—22, Nr. 1]. Таким образом, можно сказать, что данный памятник на сегодняшний день не слишком быстро, но верно перемещается с периферии в фокус исследовательского кругозора и, вне всякого сомнения, будет еще не раз обсуждаться и египтологами, и антиковедами.

Археологические работы А. Фахри, в ходе которых и была сделана интересующая нас находка, велись в 1938—1945 гг. в 5 км. к югу от деревни эль-Каср, в месте, издавна известном местным жителям под названием Каср эль-Мегисба [Fakhry, 1939; 1941]. В ходе них был раскопан культовый комплекс, который состоял из двух помещений – часовни и пронаоса, – возведенных из песчаника, а также множества примыкающих к ним помещений из кирпичасырца; снаружи комплекс был обнесен кирпичной стеной (PM VII. 310—311; см план храма: Fakhry, 1950, p. 41—44, fig. 29). На задней стене часовни находятся ритуальные сцены, в которых исполнителем ритуала, судя по надписям, представлен Александр. Боги, которым он приносит жертвы, были идентифицированы А. Фахри как Амон-Ра и Мут в сцене слева и Хор и Исида в сцене справа (PM VII. 311; прорисовка сцен: [Fakhry, 1950, p. 44—46, fig. 30]); соответственно им был решен и вопрос о культах данного комплекса. Согласно значительно более позднему замечанию Фр. Колена, иконография данных сцен дает для этого не столь уж твердые основания [Colin, 1999, p. 95; cf. Guerneur, 2005, p. 434]; однако Амон упоминается в граффито римского времени на западном косяке каменных ворот во внешней стене святилища [Colin, 1999, p. 91—94], а также в надписях на интересующем нас памятнике (см. ниже), и, соответственно, почитание в святилище по крайней мере Амона не вызывает сомнений.

Собственно интересующий нас памятник (*Рисунок 4.3*) был обнаружен А. Фахри перед воротами внешней стены [Fakhry, 1950, p. 46], скорее всего, не на том месте, где он был первоначально установлен [Bosch-Puche, 2008, p. 32]. В настоящее время он находится в

² Tempelbau und Herrscherlegitimierung unter den Argeaden und dem ersten Ptolemäer (название приводится по: <http://www.univie.ac.at/egyptology/Forschung.html>; дата обращения: 30.04.2017).

трактовки последних написаний можно привести примеры использования написаний удвоением знака для выражения мн. ч. слова *t3w* в птолемеевских текстах⁴.

б. Относительно схожим с данным компонентом титулатуры Александра можно считать имя Хора Златого его сына от брака с Роксаной Александра *ḥq3 q(n?) m t3 (r) dr.f* («Властитель храбрый в земле до пределов ее») или *ḥq3 n t3 (r) dr.f* («Властитель земли до пределов ее»; см. главу 2, § 2.2.3)⁵. М.В. Панов (Новосибирск) в частном обсуждении рассматриваемого нами памятника высказал предположение, что, принимая начертание детерминатива множественности (утроением знака GG(SL) N₃₃; см наш комм. «а») за случайное и читая только знак GG(SL) W₂₄ ($\overline{\text{O}}$), можно истолковать его как написание предлога *m* (ср. Montpellier W₅₁₅ [Valeurs phonétiques..., 1988–1995, t. 4, p. 805])⁶ и, соответственно, данный титул в целом – как *ḥq3 ḥq3w m t3 r dr.f*, по аналогии с титулом сына Роксаны. Считая нужным упомянуть об этом предположении, мы все же не видим оснований считать появление здесь детерминатива множественности случайностью; его наличие в таком случае скорее должно побудить трактовать сочетание с ним утроения GG(SL) N₃₃ как написание частицы косвенного генитива, согласованной с предшествующим существительным мн.ч.

в. Знак GG(SL) E₂₃ ($\overline{\text{P}}$) в имени Обоих Владычиц может быть прочитан и как *m3w* «лев» (как это делает публикатор памятника Ф. Боск-Пуче), и как *nb* «господин» (см: Wb. II. 227; Montpellier E₄₀₁, E₄₀₃, E₄₀₇ [Valeurs phonétiques..., 1988–1995, t. 1, 235]; ср в частности написание имени Нектанеба I *Nḥt-nb.f* [Beckerath, 1999, S. 226—227 (E1, E2); Blöbaum, 2006, S. 408 (E1, E2, E10, E12, E17)]). Первый вариант прочтения этого знака кажется предпочтительным, исходя из аналогий, которые обнаруживаются между следующим компонентом этого имени *wr pḥty* и титулами царей конца XIX и начала XX династий, т.е. времени борьбы Египта с «народами моря» (их в связи с содержащим компонент *wr pḥty* Хоровым именем Александра (IV) мы подробно привели в главе 2, § 2.2.3). Особенно примечательно сходство с рассматриваемым

⁴ Например, на статуе Птолемея II с виллы Альбани (Urk. II. 70.8), в Канопском декрете (id. 128. 12) [Pfeiffer, 2004, S. 84], в «декрете Рафии» [Gauthier, Sottas, 1925, p. 25], в надписи в честь «богов-Эвергетов» на воротах храма Хонсу в Карнаке (Urk. II. 157.10). См. о слиянии в птолемеевское время в произношении окончаний дв.ч. и мн.ч. в связи с оборотной стороной этого явления – перенесением написаний, характерных для мн.ч. (детерминативов множественности) на словосочетания, выражающие по смыслу значение дв.ч.: [Kurth, 2007—2008, T. 2, S. 645—646 (§ 103)]; cf. Wb. V 219.11.

⁵ В одной из наших предшествующих публикаций мы высказали мнение о том, что данное имя сына Роксаны могло быть вариацией Хорова имени его отца на рассматриваемом нами памятнике: [Ладынин, 2008 (3), с. 249] (в этой работе мы придерживались его датировки временем Александра). В свете датировки и интерпретации данного памятника, которые мы обосновываем теперь, мы должны констатировать, что зависимость между этими именами может быть только обратной.

⁶ Не обсуждая данного вопроса подробно, так же читают данный знак Э. Винтер [Winter, 2005, S. 207] и А.-И. Блэбаум [Blöbaum, 2006, S. 423]. Предлагая альтернативу их чтению, Ф. Боск-Пуче не обосновывает ее и не ссылается в этой связи на их публикации.

именем Александра Великого одного из вариантов Хорова имени Рамсеса III *k3 nḥt m3i pḥty nḥt-ḥ nb ḥpš ḥ3q Sttyw* («Мощный бык, Лев силы, сильный рукой, владыка длани, прогоняющий сечетью») [Beckerath, 1999, S. 164—165]: и уверенное чтение в нем знака E₂₃ как *m3i* (слово *nb* в нем же выписано стандартно, знаком GG(SL) V₃₀) , как представляется, позволяет прочесть аналогичным образом и данный знак в имени Александра. В неслучайности сходства этого имени в данной титулатуре Александра с титулатурами XIX—XX династий убеждает появление также в IV в. до н.э. подобных же аналогий в титулатурах царей XXIX династии (см. главу 6, § 6.2.3).

г. Чтение А.-И. Блэбаум (см. ссылку выше): *it(y)-t3wy-m-ḥwy.f* «схватывающий Обе Земли руками своими».

д. Чтение А.-И. Блэбаум: *iwḥ(w)-t3wy* («наследник Обеих Земель»). Согласно Ф. Боск-Пуче, в словосочетании *ḥwi B3q(t)* слова расположены инверсивно [Bosch-Puche, 2008, p. 34, comm. 'd']. О сходстве эпитета *ḥwi B3q(t)* по смыслу с ранним Хоровым именем Александра Великого и о вероятных предпосылках этого см. главу 2, § 2.2.2.

е. Согласно Ф. Боск-Пуче, *šnw n itn*; нам, однако, кажется более правильным в написании считать знак GG(SL) N₃₅ (*n*) фонетическим компонентом к GG(SL) V₉ (*šn*) и в транслитерации восстановить в конце слова пропущенное (достаточно закономерно для позднего и греко-римского времени) окончание *-t*. непонятно, однако, откуда при иероглифической транскрипции берется второе *-n-*; кроме того, думается, что восстановление финального *-t* хотя бы в транслитерации необходимо в любом случае.

ж. Эпитет «сын Амона», предшествующий личному имени Александра на данном памятнике, отсутствует в его титулатуре внутри святилища в Каср эль-Мегисба. Аналогичный эпитет в памятниках Александра в Египте встречается только на портике храма Тота в Гермополе (не сохранился, известен по зарисовкам Дж.Г. Уилкинсона [Bosch-Puche, 2008, p. 39, n. 36; см: Bailey, Snape, 1988, p. 116—117, pl. 49; Winter, 2005, S. 209, Abb. 2]; см. главу 2, § 2.2.1, Рисунок 2.2) и может быть восстановлен на одном из блоков, по-видимому, происходящем из Гермополя [Bosch-Puche, 2008, p. 39, n. 37; см: Winter, 2005, S. 211—212, Abb. 4] (см. там же). Наличие данного эпитета в титулатуре Александра на рассматриваемом памятнике позволило его публикатору соотнести содержащую его иероглифическую надпись по смыслу (настойчивому утверждению богосыновства Александра) с надписью греческой (см. ниже) и, соответственно, считать их одновременными [Bosch-Puche, 2008, p. 39].

з. Не совсем полное написание личного имени Александра – особенность, встречающаяся в других надписях храма в Каср эль-Мегисба [Fakhry, 1950, p. 45—46; Bosch-Puche, 2008, p. 36,

строки начинается в 6 см под карнизом памятника и занимает пространство размером 20 см в ширину и 14 см в высоту [Bosch-Puche, 2008, p. 37, 44 (fig. 11—13)] (SEG LIX 1764; Рисунок 4.5). Приведем текст этой надписи:

Βασιλεὺς | Ἀλέξανδρος | Ἀμμωνι | τ[ῶ]ι πατρί

«Царь Александр⁷ – отцу Аммону».

л. В третьем слоге вместо *альфы* выписана *дельта* со слегка прогнутой вниз нижней горизонтальной чертой.

Подобное посвящение от имени Александра Великого богу Аммону в качестве его отца, при аутентичности данного памятника времени Александра имело бы фундаментальное значение для антиковедения. Если бы оно и не полностью закрыло давнюю дискуссию о том, насколько значимо было во время Александра и для него самого его провозглашение сыном бога в оазисе Сива (см. главу 2, § 2.1, а также [Ладынин, 2016 (2), с. 191—194]), то, во всяком случае, резко склонило бы чашу весов в пользу тех, кто признает эту значимость максимальной.

Таким образом, важнейшим моментом для интерпретации этого памятника является определение его датировки, которое позволило бы заключить, были ли идеологические тенденции, отразившиеся в его надписях, действительно актуальны для царствования Александра. Отнесение святилища в Каср эль-Мегисба, где был обнаружен данный памятник, ко времени Александра Великого не вызывало сомнений у открывшего его А. Фахри и перешло в другие работы⁷. Подобная датировка святилища *в целом* не вызывает прямых возражений: в ее пользу говорят, в частности, «солнечное» и личное имена Александра на задней стене часовни, достаточно хорошо соотносящиеся с его титулатурами на египетских памятниках его времени⁸.

⁷ См. наши ссылки на публикации А. Фахри выше, а также, например, [Guermeur, 2005, p. 433—434; Winter, 2005, S. 207, Anm. 31 (по мнению Э. Винтера, храм в Бахарии был заложен Александром на обратном пути из оазиса Сива; сам же «алтарь» он квалифицирует как «уникальное свидетельство религиозно-политической концепции Александра или, по крайней мере, тогдашнего египетского жречества»); Hirzbaueg 2011, 49].

⁸ Столбец между двумя ритуальными сценами, содержащий эти имена, выглядит, согласно А. Фахри, следующим образом: [Fakhry, 1950, p. 45]. Начальные знаки столбца интерпретируются с трудом. На наш взгляд, нельзя исключить ошибки

Фахри в их воспроизведении, но, если верно его предположение о том, что сочетание знаков соответствует имени бога *Imn*, то вряд ли начало столбца, вплоть до титула , относится к царской

Однако автоматическое распространение этой же датировки и на рассматриваемый нами памятник не столь очевидно. Его датировку временем Александра защищает и его публикатор Ф. Боск-Пуче, который счел необходимым привести для нее обоснование: не выделив необходимых для этого палеографических признаков в иероглифических надписях памятника, он постарался привязать к царствованию Александра его греческую надпись [Bosch-Puche, 2008, p. 37–38; cf. Pfeiffer, 2015, S. 18 (принятие этой датировки)].

К последнему моменту мы еще вернемся; в целом же решение вопроса о датировке данного памятника должно, несомненно, вытекать из комплексного анализа его особенностей, важнейшими среди которых являются не только древнегреческое посвящение, но, конечно, и титулатура Александра. Последняя среди известных нам титулатур Александра уникальна – не только полным составом пяти царских имен, но и резким отступлением от тех форм Хорова имени Александра, которые зафиксированы в его памятниках внутри Египта (см. главу 2, § 2.2.1, 2.2.2). Достаточно очевидно, что форма Хорова имени Александра на памятнике из Каср эль-Мегисба несводима к тем, что мы видим в его памятниках в Египте. Существенно иной оказывается и, так сказать, тематика титулатуры Александра на памятнике из Каср эль-Мегисба. Мы уже говорили о том, что основная тема титулатуры Александра на его памятниках в долине Нила, проявляющаяся в его Хоровых имен, – это мощь воителя, обороняющего Египет и обрушивающегося на чужеземные страны, при том что эти части земного мира противопоставлены друг другу (см. там же). Мотив защиты Египта в титулатуре на памятнике из Каср эль-Мегисба присутствует: так, эпитет в составе «золотого имени» Александра *ḥwi B3q(t)* («обороняющий Египет») – это очевидная реплика его имени *mk-Kmt*, зафиксированного в Луксоре, смысл которого, по определенным причинам, похоже, вообще надолго отпечатлелся в памяти египтян (см. также § 2.2.2). Однако в целом эпитеты титулатуры на данном памятнике объединены прописанной чрезвычайно ярко и достаточно необычно (см., например, эпитет *ḥq3 w3d(-wr) šn(t)-itn* в имени Хора Златого, использующий весьма редкий в подобных контекстах

титулатуре. Если бы было иначе, то тогда с высокой вероятностью знак служил бы началом Хорова имени, которому надо было бы искать соответствие среди известных титулатур Александра. Против интерпретации начала столбца как части титулатуры говорит и отсутствие сереха в соположении со знаком , и то, что сама сохранившаяся часть столбца занимает далеко не всю высоту стены (можно было бы ожидать, что серех с Хоровым именем размещался бы максимально близко к потолку, начиная титулатуру и служа как бы ее обрамлением сверху). Начертания «солнечного» и личного имен Александра в данном столбце не слишком обращают на себя внимание по сравнению с их аналогами внутри Египта [Blöbaum, 2006, S. 419–422], если не считать не совсем полное написание его личного имени. Как мы уже заметили (см. наш комм. «ж» в настоящем разделе), в большинстве этих начертаний при личном имени, в отличие от титулатуры на «алтаре», нет добавления «сын Амона».

термин *w3d-wr*⁹) идеей его миродержавия, с размыванием даже и границы между Египтом и чужеземными странами, обыкновенно очень четкой. Так, в Хоровом имени выражение ...*t3 (r) dr.f* «...земля (до) пределов ее», при сопутствующем ему мотиве множественности правителей, явно имеет в виду мир в целом, без деления на Египет и чужеземные страны. А в эпитете имени Обейх Владычиц *it dww t3w h3swt* «схватывающий горы, земли, чужеземные страны» традиционная для египетского сознания парная оппозиция «земель» и «чужеземных стран» подрывается введением в данную последовательность третьего компонента¹⁰ Различие между мотивами обороны Египта и его наступления на внешний мир в Хоровых именах Александра на его памятниках в долине Нила с одной стороны, и миродержавия царя Египта – Александра – на памятнике из Каср эль-Мегисба, с другой, столь очевидно, что априорно можно было бы высказать предположение о составлении для Александра уже после его решающих побед над Ахеменидами новой титулатуры взамен составленной для него ранее, во время его пребывания в Египте, когда мотив защиты последнего от еще несокрушенной державы Ахеменидов и наступления против нее еще имел смысл.

Однако, по нашему убеждению, такое предположение было бы неверным. Как мы хорошо знаем по граффито Анхпахереда из Луксора (см. главу 2, § 2.2.1), реконструкция святилища барки в этом храме началась в первый месяц Года 1 Александра, т.е., по сути дела, при вступлении Александра в Египет, и завершилась достаточно быстро. Мы помним, что именно в Луксоре фиксируется форма Хорова имени Александра *mk-Kmt* («Защитник Египта»), которую, принимая во внимание время реконструкции святилища барки, правомерно считать

⁹ Мы разделяем его традиционное истолкование как обозначения моря, в некоторых случаях – мирового океана: Wb. I. 269. 12–16; [Helck, 1980 (2)]; ср. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.3.б, комм. «д». В относительно близких хронологически и по смыслу контекстах данный термин встречается при Птолемеях IX – в его имени Обейх Владычиц «Великий мощью, мощный в отношении Великой зелени, схватывающий наследие Обейх Земель в качестве правого голосом» (*wr phty shm w3d-wr ity-iw^c-t3wy m m3^c-hrw* [Beckerath, 1999, S. 242–243, N3]) и при Птолемеях XI Александре II – в титулатуре Хора Бехдетского в надписи из храма в Эдфу «Великий мощью, управляющий Великой зеленью, схватывающий наследие Обейх Земель в качестве правого голосом» (Édfou V. 1: *wr phty hrp w3d-wr it iw^c t3wy m m3^c hrw*). Заметим, однако, что оба эти примера явно содержат в себе мотив вступления бога Хора и уподобляемого ему царя по праву («в качестве правого голосом») в наследование власти над Египтом, чего совершенно нет в титулатуре Александра на рассматриваемом нами памятнике. Доэллинистические тексты использование данного термина для характеристики царского миродержавия, кажется, не фиксируют; см. [Grimal, 1986; Vlöbaum, 2006].

¹⁰ Из характера употребления термина *h3st* следует, что территория «чужеземных стран»/«нагорий, пустынь» начиналась непосредственно за пределами орошаемой земли долины Нила, и соответственно этот термин служил обозначением окаймляющих ее пустынь (см. подробно: [Демидчик, 2005, с. 132—178]). Возможно, в таком случае на памятнике из Каср эль-Мегисба понятия *t3w* и *h3swt* вообще употреблены вне свойственных им культурно-религиозных коннотаций (*t3* – долина Нила, населенная египтянами, единственное место, пригодное для высокопродуктивного земледелия и служения богам; *h3swt* – противопологаемые долине Нила по всем этим параметрам чужеземные страны: см. главу 1, § 1.2), а в исключительно «ландшафтном» значении, подкрепляемом помещением в одном ряду с ними и термина *dww* («схватывающий горы, долины и пустыни»). В чем-то аналогичным образом эпитет имени Хора Златого *hq3 w3d(-wr) sn(t)-itn* использует еще более широкие, «космологические» категории.

более ранней, составленной непосредственно при вступлении Александра в Египет. При этом в помещениях святилища Ахмену в Карнаке, восстановленных при Александре, мы видим вариант этого имени *hq3-qnw tkn-h3swt* («Властитель храбрый, наступающий на чужеземные страны»), который представляется более поздним, соотнесенный со временем решающих столкновений македонского царя с персами в 331 г. до н.э. Насколько мы можем судить, строительство в Фивах не прекращалось на протяжении всего царствования Александра (об этом свидетельствуют и данные граффити Анхпахереда, и органичное продолжение начатых при Александре работ уже при его преемнике Филиппе Арридее), причем именно Фивы были важнейшей из «строительных площадок» его царствования в Египте. То же самое относится и к реконструкции храма Тома в Гермополе, где также засвидетельствована более поздняя форма Хорова имени Александра и строительные работы продолжились в царствование Филиппа Арридея (см. главу 2, § 2.3.1). Учитывая это, можно сказать, что если бы подчинение Ахеменидской державы Александром действительно было бы отмечено составлением для него в Египте новой, причем необычайно яркой египетской титулатуры, которую мы и видим на памятнике из Бахарии, то ее отсутствие в памятниках этих двух храмовых центров было бы необычайно странно и практически необъяснимо.

Присутствие в титулатуре Александра на памятнике из Каср эль-Мегисба мотива миродержавия побуждает искать аналоги и самому этому мотиву, и конкретным терминам, в которых он выражен. В этом смысле весьма показателен поиск аналогий эпитетам *it dww t3w h3swt* («схватывающий горы, земли, чужеземные страны») в имени Обоих Владычиц и *hq3 w3d(-wr) šn(t)-itn* («властитель Великой зелени (и) окружаемого солнечным диском») – в имени Хора Златого. Полные совпадения с этими эпитетами в других памятниках найти не удастся, хотя в какой-то мере с ними можно сопоставить эпитет Дария I в одной из надписей храма Амона в Хибисе, также использующий широкие космологические термины: «[сын(?)] Амона, долгий... бог] благой, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка совершения вещей, Хор властителей, владыка горних /и/ дольных, запада /и/ востока, сын Ра Дарий» (*[z3(?)] 'Imn w[3h...ntr] nfr nsw-bity nb t3wy nb ir(t) ht Hr w hq3w nb hr(t) hrt imnty i3bty z3 R'Intrwyš3*) [Davies, 1953, pl. 29; Vlöbaum, 2006, S. 56]). Значимые компоненты этих эпитетов – выражение *iti t3w (nbw)* («схватить все страны»), а также выражения, использующие словосочетание *šn(nt)-itn* («окружаемое солнечным диском»), в том числе в форме *hq3 šn(nt)-itn* («править окружаемым солнечным диском»), известны со Среднего царства и становятся особенно употребительными в памятниках царей-завоевателей Нового царства¹¹. В I тыс. до н.э. выражение *iti t3w (nbw)*

¹¹ О выражении *iti* в пропагандистских текстах Среднего царства см [Blumenthal, 1970, S. 223–224]; *iti t3w nbw* в текстах Нового царства и позднее: [Grimal, 1986, p. 687, n. 716]. О словосочетании *šn(nt)-itn* в

засвидетельствовано в целом ряде памятников XXV династии [Blöbaum, 2006, S. 58]; выражений со словосочетанием *šn(nt)-itn* мы в это время и, насколько нам известно, ранее, в III Переходный период, не видим. В то же время и тот и другой термин оказываются хорошо засвидетельствованы опять же в памятниках Дария I – в надписях на его египетской статуе, найденной в Сузах, и на стелах, возведенных в районе канала Нил – Красное море. В надписи 2 на статуе из Суз (на складках туники царя) Дарий именуется «/тем,/ чья мощь схватила все земли» (стлб. 1: *iti šhm.f t3w nbw*), «/тем, кого/ Атум, владыка Гелиополя, избрал к /тому, чтобы быть/ господином окружаемого солнечным диском» (стлб. 2: *stp.n (I)tm nb Twnw r nb n šn nb n itn*) и кому Атум «приказал схватить страны все» (там же: *wdt.f n.f itt t3w nbw*¹²). Эти же слова применительно к Дарию присутствуют – также в контексте его предопределенности к власти божеством – в текстах стелы из Телль эль-Масхута, вообще очень примечательной своей концепцией рождения Дария от Нейт и его изначальной предназначенности по воле богов к миродержавию¹³. По поводу обоих этих памятников уместно заметить, что специфически

контекстах, связанных с властью царя над миром, в текстах Среднего царства см: [Blumenthal, 1970, S. 199–200]; см. в том числе выражение *ḥq3 šnnt itn*: [Blumenthal, 1970, S. 200, со ссылкой на: Petrie, 1896, pl. XII(3), l. 6]; о выражении *ḥq3 šnnt itn* и близких ему эпитетах в эпоху Нового царства см: [Lorton, 1974, p. 32–33, 37 (*ḥq3 n šnt itn/ḥq3 šnnt itn*), 15–16, 18 (*nb n šnt itn/nb šnnt itn*)].

¹² Ж. Йойотт, публиковавший египетские тексты на статуе Дария из Суз, истолковал начертание удвоение знака GG(SL) N₁₇ в данных фрагментах как форму дв.ч. (*t3wy* «Обе Земли»), переводя,

соответственно, словосочетание *t3wy nbw* ( ) как *chacune de Deux Terres* ([Yoyotte, 1974, p. 182, 213, fig. 29; Le palais de Darius, 2010, p. 279–280]. А.-И. Блэбаум интерпретирует данные фрагменты так же и по аналогии с ними восстанавливает и один из фрагментов в стеле из Телль эль-Масхуты [Blöbaum, 2006, S. 58, Tab. 8 (7, 9, 10)]. На наш взгляд, такая трактовка уязвима. Прежде всего, в текстах статуи Дария в слове *nbw* акцентированно выписано окончание *w* (знаком GG(SL) G₄₃); очевидно, что это написание выражает согласование *nbw* с предшествующим словом будь то в мн.ч. или в дв.ч. (см. о фонетическом совпадении соответствующих окончаний в I тыс. до н.э. наш комм. «а» к надписям памятника из Бахарии), но, во всяком случае, вряд ли будет выражать значение ед.ч. (собственно говоря, синтаксическая связь этого слова в ед.ч. с предшествующим *t3wy* или *t3w* при итоговом значении словосочетания «каждая из Обеих Земель/из земель» кажется очень туманной). Соответственно, для данного словосочетания можно предполагать перевод «Обе Земли все» или «земли все», но едва ли «каждая из Обеих Земель/из земель». Между тем перевод «Обе Земли все» можно считать исключенным заведомо по смыслу: все необходимое для данного понятия значение собирательности двух составных частей страны в соответствии с египетской традицией заложено в форму дв.ч. *t3wy* и не требует подкрепления определительным местоимением *nb*. Соответственно, понимание данного словосочетания как *t3w nbw* «земли все» явно предпочтительно; само же по себе использование написаний, соответствующих внешне дв.ч., в значении мн.ч., как мы уже говорили (см. указанный комментарий), вещь достаточно известная.

¹³ О Дарии говорится, что он был избран богом «к /тому, чтобы быть/ господином всего окружаемого солнечным диском» (стк. 2: *...stp.n Nt r n] b n šn nb n itn*; восстановление А.-И. Блэбаум: [Blöbaum, 2006, S. 53, 241, 252; cf. Posener, 1936, p. 55]) и что Нейт «приказала ему схватывание всех чужеземных стран» (стк. 2–3: *wd.n.s n.f [it t3w nbw]*; восстановление А.-И. Блэбаум: [Blöbaum, 2006, S. 58, 245; cf. [Posener, 1936, p. 55]). Если во втором случае то, что агент действия – Нейт, очевидно из формы ж.р. местоимения-суффикса, то в первом случае восстановление имени Нейт не находит опоры в издании текста Ж. Познером; последний в своем переводе не восстановил даже слово *nb* [Posener, 1936, p. 58], хотя и оговаривал, что его наличие в памятнике предполагал В.С. Голенищев [Posener, 1936, p. 59, n. 'a']. Согласно переводу Познера предполагается, что божеством, предопределившим власть Дария над

персидские мотивы в них, можно сказать, бьют через край. В текстах их обоих присутствует египетский перевод персидской царской титулатуры (см. ниже); на них имеется традиционный для персидских текстов, хотя и оформленный в египетской стилистике перечень подвластных царю стран, в числе которых есть и Египет [Roaf, 1974, p. 73–160; Le palais de Darius, 2010, p. 288–296]; а статуя из Суз, хотя и изготовленная в Египте, изображает Дария в персидском одеянии [Le palais de Darius, 2010, p. 256–274].

Еще один компонент титулатуры Александра на памятнике из Каср эль-Мегисба, который связан с мотивом его миродержавия и заслуживает специального и внимательного обсуждения с точки зрения поиска его аналогий, – это Хорово имя *ḥqꜣ ḥqꜣw nw tꜣ (r) dr.f* («Властитель властителей земли (до) пределов ее»), как мы говорили, принципиально отличное от Хорова имени Александра в его памятниках в пределах Египта. На основании чтения этого имени Э. Винтером и А.-И. Блѣбаум и с учетом хорошо известного взаимодействия идеологии времени Александра с традицией Ахеменидов (см. в т.ч. главу 4, § 4.3.1) напрашивается предположение, что это имя представляет собой, по существу, перевод в египетские термины знаменитого персидского царского титула «царь царей» [Ладынин, 2008 (3), с. 248 сл.], восходившего, как считается, к традициям Месопотамии и Урарту [Frye, 1964, p. 36–37; Kienast, 1979, S. 351–364; Schmitt, 2017]. Вместе с тем нельзя не упомянуть, что словосочетание *ḥqꜣ ḥqꜣw* известно в собственно египетской традиции применительно к реальному земному правителю¹⁴ по крайней мере с эпохи Нового царства в контекстах, связанных с его властью над внешним миром¹⁵. При Рамсесе II один из его чтимых колоссов в Карнаке получает имя *ḥqꜣ n ḥqꜣw m tꜣw nbw* (кстати, напоминающее рассматриваемое нами имя Александра)¹⁶, а на стеле Рахотепа, отражающей, по-видимому, почитание Рамсеса II в Пер-Рамсесе и его округе, его колосс именуется *R^c-ms-sw ḥqꜣ ḥqꜣw* [Habashi, 1969, p. 33–34]. Именно это обозначение

ḥn nb n itn, был Ра, а не Нейт. Мы не знаем, проводила ли А.-И. Блѣбаум коллацию данного текста по подлиннику, хранящемуся в Каирском музее (СМ 1182).

¹⁴ Очевидно, целесообразно вынести за рамки нашего нынешнего обсуждения употребление данного выражения по отношению к богам (характерным образом, также с эпохи Нового царства: Wb. III. 171.13). Заметим, что вариант такого его употребления в эпоху Аргеадов мы видим в эпитете Хора в «Стеле сатрапа» *ḥqꜣ ḥqꜣw nsw nsww bity bityw* (стк. 10, Urk. II. 17.17; «властитель властителей, царь царей Верхнего Египта, царь царей Нижнего Египта»; см., в т.ч. о проблематичных интерпретациях данных партитивных конструкций, предложенных Д. Лортоном и Х. Гёдике: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.б, комм. «д»). О значении слова *ḥqꜣ* как основного для египетской традиции обозначения фактической власти правителя см. главу 2, § 2.4.1.

¹⁵ См. для XVIII династии сводку: [Lorton, 1974, p. 33–35, 37]. Д. Лортон обращает внимание, что данное выражение можно считать засвидетельствованным не ранее времени Тутмоса III, поскольку не подтверждаются его предполагавшиеся употребления в эпоху Среднего царства (в гробнице Siut IV: [Brunner, 1937, S. 52; Lorton, 1974, p. 48, n. 22]; на фрагменте сосуда из Библа: [Montet, 1941, p. 37, fig. 12; Lorton, 1974, p. 56, n. 132]).

¹⁶ Фрагмент, найденный во дворе VIII пилона Карнакского храма: [Le Saout, 1982, p. 267]. По замечанию Н.-Кр. Грималя, Рамсес III принимает эпитет *ḥqꜣ ḥqꜣw ity 3ḥ n it.f*, служащий дополнением к его личному имени (KRI V. 283.9) именно как реплику имени чтимого колосса Рамсеса II [Grimal, 1986, p. 577, n. 94].

культовых изображений Рамсеса II представляется нам ключом к пониманию значения выражения *ḥq3 ḥq3w*. Как хорошо известно, другим распространенным именем колоссов Рамсеса II было *R^c ḥq3w* – «Ра властителей» [Nabashi, 1969, p. 41—42; Grimal, 1986, p. 372—373 (с подробными отсылками к литературе)]¹⁷. Вполне логично считать, что оба эти обозначения колоссов Рамсеса близки по смыслу. В таком случае, имя *ḥq3 n ḥq3w m t3w nbw* (как, вероятно, и более стяженная форма этого выражения, а также как, несомненно, и имя *R^c ḥq3w*) должно обозначать связанную с сакральностью царя его способность осуществлять властвовать над чужими землями, поддерживая в них миропорядок и побеждая находящиеся в них врагов (очевидно, она и была объектом почитания, которое адресовалось колоссам Рамсеса). В I тыс. до н.э. мы, кажется, не встречаем выражения *ḥq3 ḥq3w* применительно к реальным правителям, за частичным исключением так называемой «Стелы из песчаника» времени Пианхи. В надписи на этом памятнике из Джебель-Баркала мы видим употребленный по отношению к Пианхи эпитет «Благой бог, царь царей /и/ властителей» (стк. 2: *ntr nfr nsw nsww ḥq3w*; FHN I. 58), адекватно передающий его статус по отношению к ряду правителей Египта, который описан наиболее подробно в его хорошо известной победной стеле (см. главу 1, § 1.1.1).

В эпоху Ахеменидов мы видим выражение *ḥq3 ḥq3w* лишь в одном, зато исключительно показательном памятнике – в граффито из Вади-Хаммамат персидского управителя Коптоса Атиявахии. Включенная в него титулатура Дария I выглядит следующим образом: *...nsw-bity ntr nfr nb t3wy z3 R^c nb [ḥ3w] ḥq3 t3wy ḥq3 ḥq3w nb pḥty Trywhš 'nh mi R^c* («...царь Верхнего и Нижнего Египта, благой бог, владыка Обеих Земель, владыка [воссияний], властитель Обеих Земель, властитель властителей, владыка мощи») [Goyon, 1957, p. 118—120, pl. XXXIV; cf. Posener, 1936, p. 117—124; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 115, 300; Klotz, 2008 (1), p. 113—115]. На наш взгляд, нет оснований сомневаться, что в надписи, сделанной по приказу персидского чиновника (а, как считают некоторые исследователи, возможно, и непосредственно им), данное выражение могло быть лишь эквивалентом персидского царского титула. При этом предполагаемому нами еще для эпохи Нового царства значению этого термина как нельзя лучше соответствует сама концепция сакральной власти персидского царя над всем миром, предопределенной волей богов. Проявления этой концепции мы видим в ряде памятников Дария I, в особенности в стеле из Телль эль-Масхуты (см. выше); однако наиболее близко к семантическому полю выражения *ḥq3 ḥq3w* она выражена в уже цитировавшемся эпитете Дария в надписи из Хибиса, который включает в себя словосочетание *Ḥrw ḥq3w* («Хор властителей»;

¹⁷ Такие же названия имелись и у чтимых колоссов Аменхотепа III (*ḥq3 ḥq3w* – у «колоссов Мемнона» в Фивах, *R^c ḥq3w* – у колосса, оставшегося неизвлеченным из карьера в Асуане: [Bickel, 2002, p. 68, 77]).

очевидно его смысловое сходство с именем колоссов Рамсеса II «Ра властителей»). Кроме того, как мы уже говорили (см. главу 2, § 2.4.1), в памятниках Дария I (помимо названных нами выше, также и в стеле из Кабре) мы встречаем иной вариант передачи персидского царского титула. В своей наиболее полной форме (в надписи 2 на статуе из Суз, стлб.4) выглядит следующим образом: «царь Верхнего и Нижнего Египта [Дари]й, живущий вечно, великий (ахем. “царь великий”), вождь вождей (ахем. “царь царей”), набольший земли (ахем. “царь стран”), сын “отца бога” Виштаспы, Ахеменид» (*nsw-bity nb t3wy [Intryw]šš ċnh dt p3 ċ3 p3 wr n n3 wrw p3 hry n p3 [t3 z3] it-ntr Wšštis3p Bħminš*) [Yoyotte, 1974, p. 182, 213, fig. 29; Le palais de Darius, 2010, p. 279–280]¹⁸. Использование при передаче персидского термина «царь царей» египетского слова *wr* («вождь, старейшина»), обозначающего чужеземных правителей, заведомо неравных сакральному царю Египта (Wb. I. 329.16; см. главу 2, § 2.4.1)¹⁹, было, по-видимому, призвано оттенить сугубо внеегипетское происхождение данного термина. Вместе с тем принципиально, что данные памятники фиксируют сам факт знакомства египтян с персидским титулом «царь царей». Трудно представить себе, чтобы от них ускользало его структурное и смысловое сходство с выражением *ħq3 ħq3w*, причем прямым подтверждением такого осознания ими можно считать как раз приведенные нами эпитеты Дария I в граффито Атиявахии и в надписи из Хибиса.

Возвращаясь теперь к Хорову имени *ħq3 ħq3w nw t3 (r) dr.f* в титулатуре Александра на памятнике из Каср эль-Мегисба, мы можем теперь вернуться к высказанному с самого начала допущению, что оно представляет собой реплику персидского царского титула. Очевидно, что это именование было значимо и в категориях египетской религии и идеологии, выражая, как и его более ранние аналоги, идею власти сакрального царя над миром. Весьма показательным, что самым близким по времени его точным аналогом будет как раз словоупотребление граффито Атиявахии ахеменидского времени применительно к Дарию I! При этом понятно, чем именно могли быть актуализированы ахеменидские ассоциации применительно к Александру: несомненно, принятием им статуса преемника Ахеменидов после разгрома их державы, в 331–

¹⁸ См. в главе 2, § 2.4.1. его употребление в автобиографической надписи Уджакхорреснета; ср. также в стеле из Тель эль-Масхуты, стк. 4–5: *nsw-bity nb t3wy Intrywšš ċnh dt p3 ċ3 p3 wr n n3 wrw p3... Wšštis3py Bħminš p3 ċ3* («царь Верхнего и Нижнего Египта Дарий, живой вечно, великий, вождь вождей, [...сын “отца бога” Ви]штаспы, Ахеменид, великий»; [Posener, 1936, p. 55]; в стеле из Кабре, стк. 4: ... *p3 wr n n3 wrw ...* («вождь вождей»; [Posener, 1936, p. 74]; памятник чрезвычайно разрушен). Об эпитете «отец бога» как обозначении человека нецарского статуса, бывшего отцом царя – основателя династии, см. [Yoyotte, 1974, p. 182, n. 4; Berlev 1981, 363, n. 15].

¹⁹ Очевидно некоторое влияние демотического языка на передачу в этих текстах средствами среднеегипетского языка персидской царской титулатуры (частое употребление артиклей, использование в передаче титула «царь стран» нетипичного для среднеегипетских текстов термина *hry*: CDD: *H.* 219). Однако слово *wr* свою специфику обозначения чужеземных «вождей», о которой мы говорим ниже, сохраняет и в демотическом языке (CDD: *W.* 111–112; приведенное здесь исключение – эпитет Осириса *wr r p3 t3 dr.f* – очевидным образом не имеет отношения к делу).

330 гг. до н.э., воспринятым в античной традиции было в целом воспринято как переход власти над «царством Азии» от персов к македонянам (см. главу 1, § 1.2, настоящую главу, § 4.2, 4.3.1). Надо думать, что при конструировании какого-либо египетского описания этого статуса Александра использовать термин *wr*, как это делалось применительно к Ахеменидам, было бы невозможно: если Ахемениды в египетском восприятии были чужеземными правителями, в которых выявился статус легитимных сакральных царей, то применительно к Александру, позиционировавшемуся в качестве освободителя страны от этих чужеземцев, господство которых расценивалось однозначно негативно (см. настоящую главу, § 4.1), акцентировать при помощи этого термина его собственное неегипетское происхождение было бы нежелательно. В такой ситуации использование термина *ḥqꜣ*, и прежде часто описывавшего власть царя за пределами Египта, напрашивалось бы само собой. Стоит обратить внимание и на еще один нюанс: в египетских соответствиях персидской титулатуре Дария ее компонент «царь стран» передавался не вполне уверенно реконструируемым словосочетанием, в котором, очевидно, использовалось слово *tꜣ* или *tꜣw* (см. выше, в надписи 2 на статуе из Суз: *pꜣ ḥry n pꜣ [tꜣ?]*). Было бы достаточно правдоподобно увидеть в Хоровом имени *ḥqꜣ ḥqꜣw nw tꜣ (r) dr.f* своего рода совмещение с выражением *ḥqꜣ ḥqꜣw* этого титула, с устранением из него несреднеегипетского компонента *pꜣ ḥry*.

Текст столбца слева от титулатуры Александра с именем жреца, которому, очевидно, приписывалось установление данного памятника, дает для его интерпретации мало. Что же касается грекоязычной надписи на левой боковой грани памятника, то смысл ее как таковой, пожалуй, не нуждается в пояснениях – за исключением именованного божества, сыном которого назван Александр. Как мы хорошо знаем по фрагментам источников, восходящим ко времени Александра (в частности, к труду его историографа и идеолога его царствования Каллисфена), божеством, сыном которого он провозглашался в греко-македонской среде, был прежде всего греческий Зевс, а не Аммон [Tarn 1948, vol. 2, 349–350, 356–359; Bosworth, 1988, p. 278, 282; Ладынин 2016 (2), с. 195, 217—218]. Упоминание Аммона в грекоязычной надписи времени Александра, в особенности являющейся посвящением от имени самого царя, в общем представляется анахронистичным.

Серьезные вопросы вызывает предложенная Ф. Боск-Пуче интерпретация палеографических особенностей этой надписи: по существу, именно она является единственным обоснованным в его публикации критерием датировки памятника из Каср эль-Мегисба. Как мы уже говорили, Боск-Пуче уверенно относит данную надпись к царствованию Александра. Критерии для данной датировки определены самим Ф. Боск-Пуче следующим образом: «сосуществование старых черт (форма *альфы*, *кси* и *сигмы*) с другими, которые

начинают проявляться с эпохи Александра (искривление черт, отходящих вправо, уменьшение скругленных букв и укорачивание средней черты в некоторых буквах)» [Bosch-Puche, 2008, p. 37, со ссылкой на Guarducci, 1967, p. 370–371, 380–384]²⁰. Легко понять, что вторая группа признаков, в лучшем случае, позволяет датировать данную надпись временем *не раньше* царствования Александра (собственно, благодаря его упоминанию в ней, никто и не усомнился бы в этом!), но не дает оснований ограничивать датировку этим временем. Что же касается черт эллинистического времени, об отсутствии которых в надписи говорит Ф. Боск-Пуче, то само их перечисление достаточно хрестоматийно для любого руководства по эпиграфике: написание альфы с прогнутой вниз срединной чертой, *кси* – тремя горизонтальными чертами без срединной вертикальной и смена «четырёхчертной» *сигмы* лунарной – это признаки, позволяющие датировать грекоязычную надпись временем не ранее III в. до н.э. [Woodhead, 1992, p. 64]. Как замечают специалисты, и *наличие* в надписи этих признаков должно использоваться как датировочный признак с осторожностью: в частности, Б.Х. Маклин относит появление в надписях новой формы *альфы* к длительному периоду – с III по I в. до н.э. [McLean, 2002, p. 41]. Однако *отсутствие* этих признаков во всяком случае не может трактоваться как безусловное основание для удревления надписи, учитывая, что ряд памятников (в особенности, не частных, а официальных) имеет тенденцию к сохранению архаичных начертаний [McLean, 2002, p. 41]. Если же мы обратимся к собственно памятникам греческой эпиграфики из Египта начала македонского времени, то увидим следующую картину: нелунарная *сигма* и *альфа* не с прогнутой, а с чуть скошенной или прямой срединной чертой надёжно засвидетельствованы в памятниках времени Птолемея I или II²¹. Что касается формы

²⁰ Ближайшими аналогиями надписи на «алтаре» Александра Ф. Боск-Пуче считает эпиграфические памятники Габалат-Такрура в оазисе Сива [Bosch-Puche, 2008, p. 37, n. 33]. Заметим, однако, что их исследователь У. Брашир определяет их датировку достаточно широким временным диапазоном – раннептолемеевским временем в целом (конец IV – начало III вв. до н.э. [Brashear, 1988]). Можно усомниться в такой детали, которую Ф. Боск-Пуче явно относит к «старым чертам» надписи, как наличие в *кси* в имени Ἀλέξ<α>νδρος горизонтальных черт равной длины. Судя по фотографии в публикации, в этой букве срединная горизонтальная черта может казаться удлиненной влево благодаря особенностям камня; а нижняя горизонтальная черта явно длиннее средней и верхней. В таком случае в *кси*, как и в *эпсилоне*, наблюдается укорачивание срединной черты, которое относится к эпиграфическим особенностям уже начала эллинизма.

²¹ Посвящение Сарапису и Исиде времени Птолемея I; *альфа* со слегка склоненной вправо срединной чертой, нелунарная *сигма* со слегка откинутыми вверх и вниз внешними чертами [Bernand, 2001, № 1, p. 17–18, pl. 1.1]; посвящение Сарапису и Исиде из Кармуса первой четверти III в. до н.э.; *альфа* с прямой или слегка склоненной вправо срединной чертой, нелунарная *сигма* с откинутыми вверх и вниз внешними чертами: [Bernand, 2001, № 2, p. 19–20, pl. 1.2]; посвящение Сарапису и Исиде из Кармуса начала III в. до н.э.; *альфа* со склоненной вправо срединной чертой, нелунарная *сигма* со слегка откинутыми вверх и вниз внешними чертами [Bernand, 2001, № 4, p. 27–28, pl. 1.4]; посвящение «богам-Адельфам» времени Птолемея II; *альфа* с чуть склоненной вправо срединной чертой, нелунарная *сигма* со слегка откинутыми вверх и вниз внешними чертами, *омикрон* без уменьшения размеров [Bernand, 2001, № 9, p. 37, pl. 5.9].

кси, ее написание тремя горизонтальными чертами действительно появляется уже при Птолемее II²²; однако вместе с тем можно отметить и случаи сохранения написания *кси* с вертикальной чертой, причем не только в начале птолемеевского времени²³. Иными словами, совокупность палеографических признаков, которую Ф. Боск-Пуче использует для сужения датировки греческой надписи на памятнике и самого памятника до времени Александра, ни в коем случае нельзя считать невозможной для следующей, уже птолемеевской эпохи истории Египта.

Обратим внимание на еще один момент: как мы отмечали (комм. «л»), в надписи на «алтаре» в имени «Александр» вторая *альфа* оказалась ошибочно заменена *дельтой* со слегка прогнутой вниз нижней горизонтальной чертой. Очевидная ошибка в столь «ответственном» месте надписи выглядит настолько странно, что одним из способов ее объяснить представляется предположение о ее «камуфлирующем» характере. Возможно, при нанесении надписи на памятник резчик ошибся и начал высекать в этом месте *альфу* с прогнутой срединной чертой, как это уже было принято в его время. Далее, не имея возможности спрямить эту черту и в то же время находясь перед необходимостью исключить из надписи такие особенности, которые заведомо не допустили бы ее отнесение ко времени Александра, он предпочел «усугубить» свою ошибку и переделать *альфу* в *дельту*, форма которой не была датирующим признаком. Можно представить, что по определенным соображениям (прежде всего, из элементарной экономии труда и стоимости материала) подобная манипуляция могла быть более приемлемой, чем изготовление памятника полностью заново. Разумеется, такое предположение подлежит критике со стороны профессиональных эпиграфистов. Тем не менее и независимо от его справедливости можно видеть, что палеография этой надписи не дает оснований к тому, чтобы исключить ее датировку (и, соответственно, датировку всего памятника) началом птолемеевского времени.

Как нам представляется, ключевым моментом для интерпретации данного памятника является резкое расхождение между зафиксированной на нем титулатурой Александра и другими его титулованиями на памятниках внутри Египта. Выше мы уже сказали о

²² Посвящение Арсиное Филадельфе времени Птолемея II; здесь данное начертание *кси* и нелунарная сигма со спрямленными, а не откинутыми внешними чертами сосуществует со «старой формой» *альфы* [Bernand, 2001, № 10, р. 38–40, pl. 4.10]; агональная надпись из Мемфиса 267 г. до н.э.; здесь со «старыми формами» *альфы* и *сигмы* сосуществует написание *кси*, в котором средняя из трех горизонтальных черт почти сведена к точке: SEG XXVII.1114; [Koenen, 1977].

²³ Посвящение александрийца Эйдоса Птолемею I из Дейр эль-Абьяда близ Сохага: *кси* с вертикальной чертой и укороченной срединной чертой и сосуществуют в этой надписи с *альфой* с прогнутой срединной чертой нелунарной *сигмой* со спрямленными внешними чертами [Wagner, Rondot 1994]; база статуи с посвящением экзегета Дионисия Клеопатре III (в надписи наблюдаются нелунарная *сигма* со спрямленными внешними чертами, *альфа* с прямой срединной чертой, *кси* с вертикальной чертой и укороченной срединной чертой [Bernand, 1970, р. 2, р. 239 (№ 10); 1970, р. 3, pl. 4.2–3].

необъяснимости отсутствия такой титулатуры, если бы она была составлена для Александра на протяжении его жизни, на его памятниках внутри Египта, равно как и об отсутствии ее в других надписях храма в Каср эль-Мегисба. Вместе с тем в грекоязычной надписи данного памятника обнаруживается особенность, которую, как мы отмечали, для времени Александра можно считать анахронизмом, – именование божества, считающегося его отцом, не Зевсом, а Аммоном. На наш взгляд, эти моменты побуждают со всей серьезностью поставить вопрос о том, не может ли так называемый «алтарь» из Каср эль-Мегисба быть «псевдопамятником», созданным существенно позже правления Александра, но при этом по неким соображениям заявленным как памятник, созданный при нем.

Тенденция, в рамках которой могла быть произведена такая манипуляция, угадывается достаточно легко: это построение своего рода «египетской мифологии» Александра, центральным эпизодом которой должно было стать посещение им оазиса Сива и признание его сыном божества со стороны местного оракула. Тогда и некоторые нюансы иероглифического текста памятника неслучайно содержат отсылки на культ Амона в оазисе Сива и, по-видимому, на акт признания Александра сыном божества его оракулом (см. комм. «ж», «и»). Среди античных нарративов наиболее подробно (со специальным описанием оазиса Сива, чтимого в его святилище культового предмета оазиса Аммона и способа прорицания его оракула и, наконец, собственно с именованием божественного отца Александра Аммоном) этот эпизод был растиражирован в традиции «вульгаты», восходящей к труду Клитарха Александрийского (в произведениях Диодора Сицилийского, Курция Руфа и Юстина; см. их сведения об эпизоде в оазисе: *Diod.* XVII. 49—51; *Curt.* IV. 7; *Iust.* XI. 11; см. о традиции «вульгаты» главу 2, § 2.1, прим. 6). Можно думать, что это произведение об Александре было создано не ранее второй четверти III в. до н.э. (см. главу 4, § 4.1.1, прим. 2) и призвано сыграть определенную роль в постулировании тесной преемственности дома Птолемеев от Александра (см. о роли Клитарха в реинтерпретации эпитета Птолемея I «Сотер» главу 5, § 5.2). Данная идеологическая манипуляция должна была быть актуальна в связи с конституированием в первые десятилетия III в. до н.э. династического культа Птолемеев, в котором занимал свое место Александр (см.: [Ладынин, 2016 (1)]; соответственно, было бы вполне логично, чтобы на этом же этапе она приобрела определенные «материальные подтверждения».

В связи с последним моментом уместно заметить, что, по мнению ряда исследователей, святилище Амона в Каср эль-Мегисба и могло быть возведено в качестве коммеморатива на предполагаемом пути Александра из оазиса Сива, после его провозглашения там сыном божества, через Ливийскую пустыню в Мемфис [Aufrère, Golvin, Goyon, 1994, t. 3, p. 136, 152; Winter, 2005, S. 207; Bosch-Puche, 2008, p. 30]. Как мы уже говорили (см. главу 2, § 2.1), в

античных источниках зафиксированы две версии маршрута обратного пути Александра из оазиса Сива в Мемфис. Согласно первой, в наиболее явной форме представленной в цитируемом Аррианом фрагменте Аристобула, Александр вернулся в Египет тем же путем, что и шел в оазис, т.е. вдоль морского побережья и через Дельту; согласно другой, примыкающей к этому фрагменту в цитировании Арриана и восходящей к Птолемию, Александр возвращался из оазиса «другой дорогой, на Мемфис» (*Ptolemaios*. FGrHist. 138. F. 9; *Aristoboulos*. FGrHist. 139. F. 15 = *Arr.* III. 4. 5: ἀνέζευξεν ἐπ' Αἰγύπτου, ὡς μὲν Ἀριστόβουλος λέγει, τὴν αὐτὴν ὀπίσω ὁδόν, ὡς δὲ Πτολεμαῖος ὁ Λάγου, ἄλλην εὐθεῖαν ὡς ἐπὶ Μέμφιν). Первая версия косвенно согласуется с данными авторов «вульгаты», сообщающих об основании македонским царем Александрии Египетской на обратном пути из оазиса (*Curt.* IV. 8. 1–2; *Diod.* XVII. 52; *Iust.* XI. 11. 13), что, однако, могло быть связано и со стремлением поместить основание этого города уже после знаменательного эпизода в оазисе. Вместе с тем версия о возвращении Александра из оазиса тем же путем, каким он туда шел, кажется более правдоподобной, как говорится, по общим соображениям: не страшась препятствий, Александр, все же, едва ли стремился к бессмысленному риску, с которым был бы сопряжен прямой путь от оазиса Сива через пустыню в Египет [Welles, 1962, S. 279]. В таком случае свидетельство Птолемея должно быть сочтено фиктивным. В связи с этим уместно вспомнить замечание Ю. Борзы о противоречии в свидетельствах Птолемея, относящихся к посещению Александром оазиса: во фрагменте Птолемея, описывающем путь Александра в оазис, сообщается, что чудесные говорящие змеи, двигавшиеся перед войском Александра, указывали ему путь в оазис и «затем назад» (ὀπίσω αὐθις), причем само последнее выражение предполагает возвращение Александра тем же путем, что он шел в оазис (*Ptolemaios*. FGrHist. 138. F. 8 = *Arr.* Anab. III. 3. 5: Πτολεμαῖος μὲν δὴ ὁ Λάγου λέγει δράκοντας δύο ἰέναι πρὸ τοῦ στρατεύματος φωνὴν ἰέντας, καὶ τούτοις Ἀλέξανδρον κελεῦσαι ἔπεσθαι τοὺς ἡγεμόνας πιστεύσαντας τῷ θεῷ, τοὺς δὲ ἡγήσασθαι τὴν ὁδὸν τὴν τε ἐς τὸ μαντεῖον καὶ ὀπίσω αὐθις) [Borza, 1967]. По мнению А.Б. Босворта, разночтения между этими двумя версиями обратного пути Александра из оазиса Сива в Египет следует объяснить ошибкой цитировавшего Птолемея Арриана: последний мог принять краткое сообщение Птолемея о том, что из оазиса Александр вернулся в Мемфис, как подразумевающее иной и более краткий, чем подробно описанный у Аристобула путь Александра в оазис, маршрут его возвращения оттуда [Bosworth, 1988, p. 274]. Можно также упомянуть маловероятное предположение Н. Хэммонда, согласно которому противопоставление в цитировании Арриана версий Аристобула и Птолемея связано не с маршрутом, а с обстоятельствами обратного пути Александра – а именно с тем, что его

проводниками, как и на пути в оазис, должны были стать, согласно Аристобулу, вороны, а согласно Птолемею – змеи [Hammond, 1983, p. 227]. Не следует ли, однако, заключить, что внятно прописанная у Птолемея версия о возвращении Александра прямым путем через пустыню в Мемфис была частью фикции, которую его идеологи уже начали конструировать, в то время как противоречащее ей словосочетание ὀπίσω αὐθις в описании чуда со змеями – «проговорка» о том, как обстояло дело в действительности? Заметим, что если это именно так²⁴, то в труде Птолемея начала конструироваться «египетская мифология» Александра, отличная по набору сюжетов от той, что предложил (видимо, позже) Клитарх и затем оставшаяся «недовостребованной». Именно в рамках этой «мифологии», предполагавшей следование Александра из оазиса Сива в Мемфис прямым путем через пустыню, и могла возникнуть потребность в том, чтобы продемонстрировать реальность этого маршрута при помощи изученного нами памятника. Мы не рискуем с уверенностью предположить, был ли он помещен в храмовый комплекс в Каср эль-Мегисба, действительно возникший во время Александра, или же и сооружение самого комплекса было плодом указанной манипуляции; во всяком случае, и последний вариант не кажется нам невозможным.

Стоит обратить внимание и на еще один момент, который может быть существен для датировки памятника из Каср эль-Мегисба. Как известно, один из мотивов «Роман об Александре» представлял Александра Великого сыном последнего настоящего египетского царя Нектанеба II (см. главу 5, § 5.5), а также властителем, возвращающим Египет к нормальному положению его доминирования в мире, которое существовало в древнейшие времена царствования великого завоевателя Сесонхосиса (см. главу 6). Данный мотив должен восходить к кругу новелл (схожих с демотическими сюжетами «Сна Нектанеба» и «Пророчества Петесиса»), которые бытовали в египетской среде и оформились также в некоей греческой версии не позднее первой половины III в. до н.э. (см. главу 5, § 5.5). К сюжетам «Романа об Александре», восходящим к прототипу этого времени, должен, судя по всему, относиться и рассказ о посещении им оракула Аммона - не только до основания Александрии, но, характерным образом, даже до его вступления в Египет! Согласно этому рассказу, Александр поставил в храме оракула алтарь с надписью: «Отцу богу Аммону Александр посвятил» (Hist. Alex. Magni, A. I.30.5: Πατρί θεῷ Ἀμμωνι Ἀλέξανδρος ἔθηκεν). Сходство данной надписи с той, что мы видим на памятнике из Каср эль-Мегисбы, очевидно²⁵; кроме

²⁴ О наличии в труде Птолемея черт тенденциозности, вопреки общеизвестному мнению о его высокой объективности, см. главу 2, § 2.1, прим. 5.

²⁵ В связи с греческой надписью на опубликованном им памятнике Ф. Боск-Пуче приводил свидетельство Флавия Филострата, согласно которому, на алтарях, возведенных на Гифасисе, имелись

того, примечательно, что, как, явным образом, и этот памятник, сюжеты «Романа...» на изначальном этапе их бытования адресовывались египетской среде. В таком случае весьма вероятно, что данный памятник и фикция, отразившаяся в итоге в «Романе об Александре», и появились в рамках одной и той же пропагандистской тенденции начала правления Птолемеев. При этом двуязычие памятника из Каср эль-Мегисба может служить достаточно наглядной иллюстрацией к тому, насколько быстро пропагандистские мотивы, адресованные египтянам, могли отразиться уже в грекоязычной фиксации.

Вернемся, однако, вновь к титулатуре Александра на памятнике из Каср эль-Мегисба. По смыслу составляющих ее имен, этот памятник явно был призван продемонстрировать актуальность для времени Александра представления о нем именно как о сыне Аммона и вписать его царский статус в Египте в контекст его образа «царя Азии» – победителя Ахеменидов, их преемника во главе межрегиональной державы и, по сути дела, властелина всего мира. Весьма существенно, что, если наша интерпретация этого памятника верна, то он должен был появиться более или менее синхронно с пропагандистским мотивом презентации Александра как «возрожденного Сесонхосиса», проявившимся в итоге в «Романе об Александре» и восходящим к первой половине III в. до н.э. Кроме того, примерно тогда же прорицание Александру оракула Аммона в оазисе Сива было представлено Клитархом в его труде как обещание Александру миродержавия (*Diod. XVII.51.2; Curt. IV.7.26; Iust. XI.11.10; Plut. Alex. 27.6*; о том, что такая формулировка этого ответа принадлежит Клитарху, см.: [Fredricksmeyer, 1991, p. 199—201]; см. также главу 2, § 2.2.1). Иными словами, очевидно, на данном этапе в пропаганде Птолемеев очень явно обозначился мотив миродержавия Александра как легитимного царя Египта.

Чтобы оценить предпосылки к актуализации этого мотива, следует, разумеется, посмотреть на исторический контекст, в котором он должен был появиться. Как мы отмечали выше, «смена вех» Александром в восприятии Дария III на этапе 330—329 гг. до н.э. проявилась в египетских памятниках не в подчеркивании миродержавия македонского царя, а, неожиданным образом, в презентации последнего Ахеменида как легитимного царя Египта (см. настоящую главу, § 4.2). То, что египетские идеологи Александра, похоже, не стали тогда подчеркивать именно его миродержавие, достаточно понятно, поскольку этот мотив мог слишком нежелательным образом подчеркнуть неегипетскую основу его власти, несравненно большую актуальность для Александра власти над межрегиональной азиатской державой, а не над Египтом и по сути сработать против целей его пропаганды, адресованной египтянам. Далее,

---

надписи «Отцу Аммону» Πατρί Ἀμμωνι; *Flav. Philostr. Apoll. Tyan. II. 43*) [Bosch-Puche, 2008, p. 39]; очевидно, однако, что аналогия с данным сообщением «Романа об Александре» полнее и показательнее.

в сатрапию Птолемея, невозможность внешней экспансии и, в течение длительного времени, победы над противниками правителя Египта привела, как мы видели, к актуализации противопоставления Египта чужеземным странам и к презентации их и власти над Египтом, исходящей с их территории, как величайшей опасности (см. настоящую главу, § 4.3, 4.4). После победы Птолемея I и его союзников над Антигоном в битве при Ипсе ситуация стала меняться: уже Птолемей I Сотер подчиняет в течение своего царствования ряд земель за пределами Египта; а при его сыне Птолемее II возможности для внешней экспансии как будто еще более расширяются (см. главу 2, § 2.1). Мотив миродержавия в это время находит отражение и в описании Клитархом эпизода в оазисе Аммона, и в программе грандиозной праздничной процессии в Александрии в 270-е гг. до н.э.: характерным образом, он в ней соединяется с мотивом преемственности Птолемеев от Александра, а также, кстати, хотя и менее заметно, с мотивом его рождения от Аммона. Использование именно в этой ситуации данных мотивов в пропаганде Птолемеев, которая была адресована их египетским подданным и могла проявиться в памятнике из Бахарии, было весьма логично, поскольку позволяло связать их реальные и обозначающиеся в перспективе успехи с представлением об изначальной легитимности утвердившихся в Египте македонских царей.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ладынин Иван Андреевич

Начало македонского времени

в категориях традиционного мировоззрения древних египтян

конца IV – начала III вв. до н.э.

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Том 2

Москва – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	с. 2—3
ГЛАВА 5. ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЧАЛА МАКЕДОНСКОГО ВРЕМЕНИ В ЕГИПЕТСКИХ ИСТОРИКО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ КОНСТРУКТАХ.....	с. 4—55
5.1 <i>«Демотическая хроника»: Александр Великий и Птолемей, сын Лага как рубежные фигуры третьего и четвертого циклов египетской истории.....</i>	с. 4—8
5.2. <i>Σωτήρ = ndty: к значению культового эпитета Птолемея, сына Лага в свете конструктов позднеегипетской историографии.....</i>	с. 9—18
5.3. <i>«Пророчество ягненка»: Александр Великий - «царь-избавитель» финала третьего цикла египетской истории.....</i>	с. 19—34
5.4. <i>Манефон и феникс: синхронизация циклов истории Египта с мифологическими циклами обновления мира.....</i>	с. 35—44
5.5. <i>«Роман об Александре»: Нектанеб и Александр Великий – «царь-отец» и «царь-сын» финала третьего цикла египетской истории.....</i>	с. 45—55
ГЛАВА 6. ОБРАЗЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО И ДРЕВНЕЙШЕГО ЕГИПЕТСКОГО ЦАРЯ – ЗАВОЕВАТЕЛЯ И УСТРОИТЕЛЯ – В ГРЕКО- ЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ НАЧАЛА ЭЛЛИНИЗМА.....	с. 56—160
6.1. <i>Александр Великий – «возрожденный Сесонхосис, миродержавец» - во фрагментах «Романа об Александре».....</i>	с. 56—59
6.2. <i>Великий египетский царь – завоеватель и устроитель – в произведениях древнегреческих авторов V—IV вв. до н.э. ....</i>	с. 60—107
6.2.1. <i>«Стелы Сесостриса»: контаминированные реминисценции египетской экспансии II тыс. до н.э. в образе великого египетского царя-воителя в «Истории» Геродота.....</i>	с. 60—70
6.2.2. <i>Сведения Дикеарха Мессенского о великом египетском царе – завоевателе и устроителе.....</i>	с. 71—97
6.2.3. <i>Сенусерт I в пропаганде XXX династии в Египте и генезис образа великого египетского царя-устроителя в древнегреческой традиции IV в. до н.э.</i>	с. 98—107
6.3. <i>Контаминация реалий, связанных с египетскими царями – завоевателями</i>	

<i>и устроителями в свидетельствах древнегреческой традиции</i>	с. 108—140
6.3.1. «Сесонхосис» = «Шешонк»: форма имени великого египетского царя-устроителя в свидетельствах Дикеарха Мессенского и Манефона Севеннитского.....	с. 108—111
6.3.2. Войны Шешонка I в Азии и их вероятное отражение в традиции о великом египетском царе-завоевателе.....	с. 112—119
6.3.3. Сведения Гекатея Абдерского/Диодора Сицилийского о царе Сесоосисе: реминисценции царствования Сенусерта I и в целом конца I Переходного периода и начала Среднего царства.....	с. 120—133
6.3.4. Сведения Гекатея Абдерского/Диодора Сицилийского о царе Сесоосисе: реминисценции войн Среднего и Нового царства и преобразований начала ливийского времени.....	с. 134—140
6.4. <i>От Сесонхосиса к Александру: «единый цикл» истории Египта в традиции кануна и начала эллинистического времени</i>	с. 141—160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	с. 161—173
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	с. 174—179
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	с. 180—257
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	с. 258—260
СПИСОК ТАБЛИЦ.....	с. 261
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	с. 262—288
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	с. 289—381
<i>«Стела сатрапа»: перевод и комментарий</i>	с. 289—360
<i>Экскурс 1: Вторая кампания Птолемея и вопрос о «рубеже Ир-мер-а»</i>	с. 361—372
<i>Экскурс 2: «Враг Ḥšryš(3)» в египтологических исследованиях</i>	с. 373—381

ГЛАВА 5. ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЧАЛА МАКЕДОНСКОГО ВРЕМЕНИ В ЕГИПЕТСКИХ ИСТОРИКО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ КОНСТРУКТАХ

5.1. «Демотическая хроника»: Александр Великий и Птолемей, сын Лага как рубежные фигуры третьего и четвертого циклов египетской истории

Как мы постарались показать выше (см. главу 1, § 1.3.2), в рамках конструкта, который «состыковывал» в труде Манефона Севеннитского большие циклы истории Египта, фигура царя-избавителя должна была завершать, а не начинать такой большой цикл, а за ней должна появляться фигура царя-«грюндера» нового цикла. По сути дела, сам Отец египетской истории был современником и свидетелем если не завершения третьего такого цикла, то во всяком случае начала четвертого, соответствовавшего эллинистическому времени. Коль скоро циклическая схема истории Египта свойственна не только его труду, но и в целом позднеегипетской историографии (см. также наши замечания в настоящей главе, § 5.5), было бы правомерно искать отсутствующие у Манефона указания на то, какими были рубежные фигуры между этими историческими циклами, в других источниках, относящихся или восходящих к началу эллинизма и имеющих не сколько историческое, сколько идеологическое и пропагандистское содержание.

К сожалению, собственно древнеегипетских источников, которые представляли бы собой литературные или «публицистические» нарративы и могли бы содержать такие указания, очень немного. Однако среди них, пожалуй, в первую очередь обращают на себя внимание некоторые сообщения «Демотической хроники». Как уже упоминалось (см. об этом тексте и о его изданиях главу 1, § 1.1.2), этот своеобразный источник был, видимо, создан в известном нам виде в III в. до н.э. и в форме последовательности речений характеризовал историю Египта на протяжении IV в. до н.э., вплоть до начала македонского времени. Перспектива этого исторического периода, вырисовывающаяся в «Демотической хронике» – приход к власти над Египтом в результате некоего «восстания» (*bgs*; p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto*. III.7) правителя из Гераклеополя (*id.* II.14—17, II.23—III.17), при котором в стране водворится благоденствие, т.е. прежде всего нормальное осуществление ритуала, до этого как будто и вовсе пресекшееся (*id.* III.3—4: «Будущий правитель отворит [врата] храмов и даст приносить жертвы богам»; И.Ф. Квак справедливо сопоставил эту перспективу с обетованием прихода благого царя Амени в «Пророчестве Неферти»: [Quack, 2009, S. 34]; ср. pErm. 1116B. 59—60; см. подробнее главу 1, § 1.3.1).

Долгое время исследователи отдавали предпочтение мнению, что под правителем из Гераклеополя не имеется в виду никакое реальное историческое лицо и что это обетование относится к неопределенному моменту в будущем, когда Египет сначала постигнут бедствия, связанные с отступлением его правителей от праведности, а затем их придется преодолевать [Lloyd, 1982, p. 42; Johnson, 1983, p. 65]. Относительно недавно Х. Фельбер высказал мнение, что «Демотическая хроника» в целом представляет собой промакедонский текст [Felber, 2002, S. 106—112]; соответственно, именно правители македонского времени должны в его системе образов играть сугубо благую роль. По мнению исследователя, значительная роль Геракла в птолемеевской пропаганде позволяет ассоциировать с Гераклеополем и с его местным культом бога Херишефа, сопоставлявшегося с Гераклом, никого иного, как Птолемея I Сотера; соответственно, именно он и должен быть пресловутым благим правителем из Гераклеополя [Felber, 2002, S. 108—109].

Интерпретация Фельбера выглядит по меньшей мере не менее обоснованной, чем более ранние версии, которым она служит альтернативой. Кроме того, ее безусловное достоинство и привлекательность состоят в учете фундаментальной особенности «Демотической хроники»: при всех сложностях в «расшифровке» ее иносказаний, все они конкретны и должны относиться к совершенно определенным, уже состоявшимся ко времени создания текста историческим эпизодам. Можно обратить внимание и на такие моменты, совместимые с этой интерпретацией: как раз в годы сатрапии Птолемея прекращается централизация храмового строительства в Египте вокруг наиболее значимых центров, и основной акцент в нем перемещается в местные храмы (см. главу 2, § 2.3.1); а о роли Птолемея как благочестивого донатора храмов уже на этом этапе подробно говорит «Стела сатрапа» 311 г. до н.э. (см. главу 2, § 2.4.1, 2.4.2, главу 3, § 3.1.3, «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III). На наш взгляд, вполне возможно, что именно это и имеется в виду под пресловутым открытием храмов при правителе из Гераклеополя.

Корректива к интерпретации Х. Фельбера, которую можно было бы внести уже сейчас, относится к его трактовке фраз: «Первая череда, она приблизилась к запорам. — Это значит: правитель, который появится (*hpr*) в Египте, он приблизится к запорам. Это фараон, который отопрет запоры. Вторая череда, это та, которая отперла. — Это значит: это второй правитель, который их (запоры) отопрет. Третья череда, это та, которая отперла перед уреем. Это значит: третий правитель, который будет, владычеству которого будут радоваться» (p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto*. II.19—21). Фельбер полагает, что данная серия предсказаний относится к последовательности царей дома Аргеадов, формально занимавших престол Египта, — к Александру Великому, Филиппу Арридею, Александру (IV), сыну Александра Великого и Роксаны [Felber, 2002, S. 108]. На наш взгляд, это маловероятно, в особенности учитывая, что

последний и вовсе не участвовал реально в египетских делах и столь значимая характеристика его царствования была бы заведомо неоправданна. Более правдоподобно, что речь идет действительно о трех «чередах» правителей, владевших Египтом в течение всего прослеженного в «Демотической хронике» времени, т.е. IV в. до н.э.: об относительно слабых правителях XXVIII—XXIX династий, о царях XXX династии (см. о презентации в «Демотической хронике» тех и других главу 1, § 1.1.2) и, наконец, о македонских царях. Тогда «третий правитель... владычеству которого будут радоваться» и который открыл, очевидно, «третью череду», – это Александр Великий, оказывающийся в таком случае царем, избежавшим бедствия третьего цикла египетской истории и завершивший его своим царствованием¹. Видимо, «радость» по поводу его воцарения может быть связана с прекращением при нем бедствий второго персидского владычества² – при том что подлинным устроителем жизни наново становится «гераклеополитанин» Птолемей (с его приходом пресловутая последовательность «черед» и будет исчерпана).

Разумеется, связать Александра и Птолемея филиацией было невозможно, хотя в греко-египетской традиции «Романа об Александре» они и оказываются сводными братьями (Hist. Alex. Magni, A. III.32) [Berg, 1973, p. 386], а в официальной идеологии Птолемеев происхождение как их, так и Аргеадов возводилось к общему мифологическому предку – Гераклу (*Theocr.* XVII.20—27; см. также об «Энкомии Птолемею» Феокрита настоящую главу, § 5.2). Однако применительно к правителям недавнего на то время прошлого, еще не успевшего стать темой легендарной традиции с ее специфическими законами, это могло быть и не столь существенно.

Вместе с тем нельзя не упомянуть, что изучение «Демотической хроники» (как интерпретация ее содержания, так и собственно установление чтения ее текста на современном уровне изучения демотического языка) пока далеко от достижения окончательных результатов.

¹ Этой трактовке не противоречит известная в отечественной египтологии благодаря В.В. Струве интерпретация как аллюзии на македонское завоевание Египта и воцарение в нем Александра заключительного пассажа «Демотической хроники»: «Это ионийцы, которые приходят в Египет. Они управляют Египтом долгое время. Живут собаки, и большая собака найдет еду» (пер. В.В. Струве; p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto* VI.20—21) [Spiegelberg, 1914, S. 22, Anm. 2; Струве, 1927, с. 137; Johnson, 1984, S. 123; Jasnow, 1997, p. 102]. По-видимому, этот фрагмент «Демотической хроники» возник независимо от ее начальной части, включающей речение о «чередах», и они были смещены уже в результате компиляции ее варианта, легшего в основу доступного нам списка III в. до н.э. (см. далее о суждениях Й.Ф. Квака о гетерогенности данного текста); тем самым употребление в этих фрагментах разной метафоры не должно вызывать удивления. По правдоподобному мнению П. Каплони, данная метафора аналогична употреблению выражений «стая соколов» или «стая шакалов» как аллюзий на царскую власть, предполагающей отождествление ее носителей со священными животными Хора и Упуаута и засвидетельствованной, в частности, в Текстах саркофагов (например, СТ II. 42b). При этом трудно понять, имеется ли в виду под «большой собакой» пресловутый правитель из Гераклеополя, Александр или Птолемей [Kaplony, 1971, p. 258-259].

² Об антиперсидской тенденции в «Демотической хронике» писала Дж. Джонсон: [Johnson, 1983, p. 65; 1984, p. 121—122].

Уже вслед за Х. Фельбером свое мнение об этом источнике высказал автор его новейшего перевода Й.Ф. Квак. Он совершенно справедливо обратил внимание на следы редактирования и, по-видимому, очень длительного бытования этого произведения. Нет сомнений, что его смысл и сюжеты актуализировались в разные исторические эпохи, а само оно очень трудно в понимании, поскольку в распоряжении современных исследователей, по-видимому, не более половины его первоначального текста [Quack, 2009, S. 25]. По мнению Квака, первоначальная его версия была создана при последнем царе XXX династии Нектанебе II (359/8—342/1 гг. до н.э.) и призвана обосновать правомерность переворота, в результате которого он пришел к власти, устранив своего предшественника Тахоса. В замысле этого прототипа именно Нектанеб II и мог быть представлен обетованным правителем из Гераклеополя, в то время как против Нектанеба I и Тахоса (современников того момента, к которому отнесено произнесение речений «Хроники») было направлено пропагандистское содержание этого текста [Quack, 2009, S. 28—29]. Дальнейшее переосмысление этого прототипа середины IV в. до н.э. имело место уже незадолго до кодификации доступной нам рукописи. Так, под «восстанием» можно понимать те движения в египетской среде, направленные против птолемеевской власти, которые начались во второй половине III в. до н.э. (в особенности в пору IV Сирийской войны и битвы при Рафии, с хорошо известной ролью египтян в ее успешном для Птолемея IV исходе) [Quack, 2009, S. 37—38].

Что же касается правителя из Гераклеополя, то Квак фактически возвращается к традиционной трактовке его образа как условного и отнесенного к неопределенному будущему. Для исследователя принципиально важно, что «Демотическая хроника» дважды относит его правление ко времени «после персов и греков» (p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto*. II.25, III.1) и, таким образом, он не может быть представителем македонской династии [Quack, 2009, S. 29, 31—32, 37]. Можно заметить, что в рамках трактовки Х. Фельбера в этой связи пришлось бы допустить, что «греками» для создателей «Хроники» были цари династии Аргеадов, правившие в Египте реально и формально в в 332—305/4 гг. до н.э., в то время как пришедший на смену им Птолемей I был квалифицирован уже как «свой», египетский благой царь.

По существу, как здравые, так и уязвимые суждения присутствуют в позициях и Фельбера, и Квака, причем едва ли их необходимо считать жестко альтернативными. Так, предположение Квака об исходном значении образа правителя из Гераклеополя вовсе не исключает возможности его переосмысления (в том числе и «в пользу» Птолемея I) уже на рубеже IV-III вв. до н.э., тем более что обогащение первоначального текста соответствующими этой эпохе реалиями признает и сам этот исследователь. Однако решительный вывод в пользу одной из этих позиций невозможен, по крайней мере, на нынешнем этапе изучения текста «Демотической хроники», в отсутствие ее полноценного издания, соответствующего

нынешнему уровню изучению демотических текстов. Поэтому, считая нужным охарактеризовать позицию Х. Фельбера как созвучную нашим собственным построениям и добавляя к ней свои коррективы, мы все же не можем настаивать безоговорочно на ее справедливости.

5.2. Σωτήρ = *ndty*: к значению культового эпитета Птолемея, сына Лага в свете конструкторов позднеегипетской историографии

Торжественная процессия в Александрии в царствование Птолемея II Филадельфа, описание которой Калликсеном Родосским (автором второй половины – конца III в. до н.э. [Rice, 1983, p. 209—210] или II в. до н.э. [Hazzard, 2000, p. 63—64]) «Об Александрии» (Περὶ Ἀλεξανδρείας) [Stewart, 2014] было передано Афинеем (FGrHist. 627. F. 2 = *Athen.* V.197c—203b), – это, без сомнения, один из самых красочных и вместе с тем дискуссионных сюжетов, связанных с идеологией и пропагандой Птолемеев. Внимание к этому давно известному свидетельству возросло после публикации посвященной ему в 1983 г. специальной монографии М. Райса [Rice, 1983], и наиболее часто дискуссии вокруг него касались вопроса о датировке этого эпизода¹. Вместе с тем в 2000 г. в работе Д. Томпсон [Thompson, 2000] были показана, с одной стороны, неполнота всех возможных аргументов в связи с точной датировкой александрийской процессии, а с другой стороны – значимость этого эпизода как такового, независимо от его хронологических коннотаций, ввиду его необычайной концептуальной насыщенности и выразительного использования в нем средств визуальной пропаганды. Что же касается собственно описания Калликсена Родосского, Томпсон, в частности, справедливо и с замечательной для антиковеда эрудицией продемонстрировала значимость в антураже процессии, организованной Филадельфом и в принципе «адресованной» публике из числа македонян и греков, ряда древнеегипетских мотивов².

Согласно прочно укоренившемуся мнению исследователей, описанная Калликсеном Родосским процессия (вернее, растянувшаяся на целый день череда торжественных процессий; см. подробный разбор их последовательности: [Stewart, 1995, p. 253—254]) была частью Птолемей (Πτολεμαῖα). Это празднество в честь Птолемея I Сотера было установлено вскоре после его смерти Филадельфом, праздновалось каждые четыре года, претендовало на панэллинский статус и было призвано создать систему идеологических связей между домом Птолемеев и центрами их влияния на периферии их владений и за их пределами [Iossif, 2012]. Именно в документе, связанном с этим празднеством, – в декрете Союза несиотов из Никурии

¹ Нам представляется справедливым мнение исследователей, относящих его к середине 270-х гг. до н.э., весьма вероятно, к зиме 275—274 гг. [Kuzmin, Ladynin, 2014, p. 120].

² Возможное египетское убранство быков, предназначенных для жертвоприношения (*Athen.* V.202a) [Thompson, 2000, p. 369]; египетские мотивы, вызывающие ассоциацию еще со сценами заупокойного храма Хатшепсут в Дейр эль-Бахри, в презентации в процессии дани Эфиопии (*Athen.* V.200f, 201a) [Thompson, 2000, p. 372]; египетские мотивы, связанные с исчислением времени празднества (*Athen.* V.197d, 198b) [Thompson, 2000, p. 374].

(IG XII.7.506 = Syll. 390) о принятии приглашения к участию в нем, вероятно, в 279—278 гг. до н.э. [Bagnall, 1976, p. 80]³, – был, по-видимому, впервые зафиксирован эпиграфически сам эпитет Птолемея I «Сотер». Во фрагменте Калликсена Родосского этот эпитет встречается в описании такой составной части празднества, как «процессия Александра», в которой несли множество хрисоэлефантинных тронов с возложенными на них венками: при этом на «троне Птолемея Сотера» лежал венок, сделанный из десяти тысяч золотых частей (Athen. V.202b: ἐπὶ δὲ τὸν Πτολεμαίου τοῦ Σωτῆρος θρόνον στέφανος ἐπέκειτο ἐκ μυρίων κατεσκευασμένος χρυσῶν). Как представляется, именование Птолемея «Сотером» в характерном культовом контексте в декрете из Никурии позволяет считать, что и у Калликсена он появляется, отражая реалии самого описываемого им празднества, а не словоупотребление, характерное для времени этого автора.

Помимо этого, вторая по порядку процессия празднества была посвящена «предкам царей» (вероятно, Птолемея Филадельфа и его наследника [Walbank, 1984, p. 53]), т.е., очевидным образом, Птолемею I и его супруге Беренике (Athen. V.197d: ἔπειθ' ἡ τοῖς τῶν βασιλέων γονεῦσι κατωνομασμένη). Статуи Птолемея и Александра Великого, увенчанные венками и сопровождаемые статуями Арете, Приапа и города Коринфа, заняли место на одной повозке в конце «процессии Диониса» (id. 201d: Ἀλεξάνδρου δὲ καὶ Πτολεμαίου ἀγάλματα, ἐστεφανωμένα στεφάνοις κισσίνοις ἐκ χρυσοῦ· τὸ δὲ τῆς Ἀρετῆς ἄγαλμα τὸ παρεστὸς τῶι Πτολεμαίωι στέφανον εἶχεν ἐλαίας χρυσοῦν· καὶ Πρίαπος δ' αὐτοῖς συμπαρήν, ἔχων στέφανον κίσσινον ἐκ χρυσοῦ. Κόρινθος δ' ἡ πόλις παρεστῶσα τῶι Πτολεμαίωι ἐστεφάνωτο διαδήματι χρυσῶι). А в ходе церемонии, которая предшествовала завершавшей празднество «процессии вечерней звезды», Птолемею I и Беренике I были посвящены три статуи в золотых колесницах и культовые участки в Додоне (id. 203a: εἰκόσι· Πτολεμαῖος δὲ [ὁ πρῶτος] καὶ Βερενίκη εἰκόσι τρισὶν ἐφ' ἀρμάτων χρυσῶν καὶ τεμένεσιν ἐν Δωδώνη). Значимость образа Птолемея I в устроенном его сыном празднестве, несмотря на относительную немногочисленность посвященных непосредственно ему эпизодов, не вызывает сомнений и согласуется с общим выводом о том, что празднество в целом было призвано укрепить именно его почитание, вписанное в определенный контекст [Thompson, 2000, p. 366, 378, 380].

³ Ср. с мнением о датировке этого декрета 263 г. до н.э.: [Hazard, 2000, p. 47—58, 168—175]. Ключевой аргумент против подобного понижения его датировки – упоминание в нем Филокла Сидонского, который неизвестен по другим эпиграфическим документам позднее 279 г. до н.э. [Thompson, 2000, p. 385, n. 82]

Наша задача при обращении к описанию Калликсена состоит, разумеется, не в анализе этого контекста во всей его совокупности (такая работа уже проведена, в частности, в статье Д. Томпсон), а в том, чтобы выделить в нем некоторые принципиально важные мотивы, формировавшие, как нам кажется, представление о Птолемеях I в пропаганде начала правления его сына. Один из этих мотивов – позиционирование в качестве династического предшественника Птолемея II Филадельфа не одного его отца, но вместе с ним и Александра Великого. Основа для этого была заложена самим Птолемеем I, устроившим в Александрии погребение ее основателя и учредившего в его честь эпонимный культ, призванный сплотить вокруг царского дома всех находившихся в Египте греков и македонян (см. главу 2, § 2.1). А в «Энкомии Птолемею», созданном Феокритом, вероятно, в конце 270-х гг. до н.э. [Kuzmin, Ladynin, 2015, p. 120; ср. Hunter, 2003, p. 183] мы видим уже хорошо проработанную мифологию, в рамках которой Александр и Птолемей I сидят вместе за пиршественным столом богов, составляя ряд обожествленных предков главного героя «Энкомия» Филадельфа (*Theocr.* XVII.13—19) [Erskine, 2014, p. 42]. Что же касается праздника, устроенного Филадельфом, мы говорили о ставшей его частью специальной «процессии Александра», в которую был включен и «трон Птолемея Сотера», и о совместном появлении на одной повозке статуй Александра и Птолемея I в процессии Диониса. Стоит заметить, что и сама идея «трона Птолемея Сотера», очевидно, символизировавшая его посмертное участие в торжестве, содержала в себе определенную отсылку к традиции, связанной с Александром. После его смерти, согласно Курцию Руфу, на совещании военачальников Пердикка выставил трон, на котором находились диадема, одеяние и оружие Александра, а также переданное им Пердикке за день до того кольцо (*Curt.* X.6.4). А несколькими годами позже Эвмен пытался, по сути дела, создать фикцию осуществления им посмертной воли Александра, ссылаясь на свой сон, согласно которому тот якобы продолжал управлять своей державой, и проводя совещания полководцев опять же в палатке, в которой был выставлен трон с диадемой, скипетром и доспехами Александра (*Diod.* XVIII.60.5—61.3; *Plut.* Eum. 13.3—4) [Thompson, 2000, p. 379; Anson, 2004, p. 150—151].

Вместе с тем наиболее примечательным элементом торжества, в котором мотив преемственности Птолемея от Александра дополнялся определенными коннотациями, было, безусловно, совместное появление их статуй в процессии Диониса. В появлении на одной повозке с ними статуи Арете, было бы, на наш взгляд, правомерно увидеть аллюзию на поддержание Александром и Птолемеем благого миропорядка («истины»-*m3t* представлений древних египтян), составлявшее их долг как царей Верхнего и Нижнего Египта (см. главу 1, § 1.1.1). Самым же неожиданным и любопытным может оказаться истолкование появления рядом со статуями Птолемея и Александра изображения божества, которое Калликсен назвал

Приап. Насколько можно судить, священный предмет неправильной формы, который, согласно историкам Александра, ориентировавшимся на свидетельства Клитарха Александрийского⁴, использовался в прорицании оракула Зевса-Аммона (Амона-Ра) в оазисе Сива (*Curt.* IV.7.22—23; *Diod.* XVII.50.6), был, на самом деле, своеобразным закрытым изображением итифаллического Амона-Камутефа. Иконография этого божества хорошо известна, в частности, по оформлению фиванских храмов [Kuhlmann, 1988, S. 119—123; независимо: Ладынин, 1998, с. 39—46]; думается, что репликой образа именно этого божества и могла быть пресловутая «статуя Приапа», призванная, очевидно, ввести в программу праздника Филадельфа аллюзию на важнейший эпизод пребывания Александра в Египте. Однако в таком случае приходится констатировать, что связь между Птолемеем и Александром была не просто выражена в данном элементе праздника Филадельфа весьма акцентированно, но при этом и целенаправленно обогащена специфически египетскими мотивами.

В свете сказанного весьма существенно и то, что сам эпитет «Сотер», актуализирующийся, как мы видели, как раз в праздновании Птолемей в 270-е гг. до н.э., в традиции Клитарха Александрийского приобретает выраженное значение особой связи, существовавшей между Птолемеем I и Александром: Птолемей якобы получил это прозвище за спасение Александра во время штурма города оксидраков в Индии. Арриан передает свидетельство об этом, не указывая его первоисточник, но оговаривая его недостоверность, поскольку, согласно труду самого Птолемея, он не участвовал в этом сражении (*Arr.* VI.11.8)⁵. Курций Руф, сообщая о том же самом противоречии, указывает, что об участии Птолемея в этой битве (очевидно, в контексте спасения им Александра) говорили Клитарх и Тимаген

⁴ Сообщения о пребывании Александра в оазисе Сива у Квинта Курция Руфа, Диодора Сицилийского и Помпея Трога в передаче эпитомы Юстина должны восходить к Клитарху и с точки зрения Н. Хэммонда, в целом критикующего теорию «Клитарховой вульгаты» в ее классическом варианте [Hammond, 1983, p. 43, 99, 122] (см. также главу 2, § 2.1, 2.2.1, главу 4, § 4.5).

⁵ «Самой же большой несообразностью в этих историях об Александре я считаю следующее. Некоторые пишут, что Птолемей, сын Лага, поднялся по лестнице за Александром вместе с Певкестом и закрыл упавшего царя щитом, почему и получил прозвище «Спасителя». Между тем сам Птолемей пишет, что он в этом сражении не участвовал, а бился в других местах и с другими варварами, предводительствуя сам войском. Да будет сделано мной это отступление: пусть узнают потомки, каких трудов стоит рассказать о великих событиях и бедствиях» (пер. М.Е. Сергеев по: [Арриан, 1993, с. 165]; τὸ δὲ δὴ μέγιστον πλημμέλημα τῶν συγγραψάντων τὰ ἀμφὶ Ἀλέξανδρον ἐκεῖνο τίθεμαι ἔγωγε. Πτολεμαῖον γὰρ τὸν Λάγου ἔστιν οἱ ἀνέγραψαν ξυναναβῆναι τε Ἀλεξάνδρῳ κατὰ τὴν κλίμακα ὁμοῦ Πευκέστα καὶ ὑπερασπίσαι κειμένου, καὶ ἐπὶ τῷδε Σωτῆρα ἐπικληθῆναι τὸν Πτολεμαῖον· καίτοι αὐτὸς Πτολεμαῖος ἀναγράφεν οὐδὲ παραγενέσθαι τούτῳ τῷ ἔργῳ, ἀλλὰ στρατιᾶς γὰρ αὐτὸς ἡγούμενος ἄλλας μάχεσθαι μάχας καὶ πρὸς ἄλλους βαρβάρους. ταῦτα μὲν δὴ ἐν ἐκβολῇ τοῦ λόγου ἀναγεγράφθω μοι, ὡς μὴ ἀταλαίπωρον γίνεσθαι τοῖς ἔπειτα ἀνθρώποις τὴν ὑπὲρ τῶν τηλικούτων ἔργων τε καὶ παθημάτων ἀφήγησιν).

(FGrHist. 137. F. 24 = *Curt.* IX.5.21)⁶. Поскольку Тимаген писал уже в I в. до н.э. [Hazzard, 2000, p. 17], очевидно, что эта интерпретация эпитета Птолемея I восходит именно к Клитарху. При этом данное сообщение Клитарха играет ключевую роль в выкладках современных исследователей о соотношении времени его создания его труда со временем создания труда Птолемея: по преобладающему в наши дни мнению, Клитарх не мог писать позже Птолемея, поскольку в таком случае был бы вынужден обвинять (очевидно, неосновательно) самого царя во лжи, по крайней мере, в связи с делом в стране оксидраков [Bosworth, 1997, p. 214; Zambrini, 2007, p. 216]. Вместе с тем У. Тарн в свое время высказал мнение, что труд Клитарха был написан не раньше 280-х гг. до н.э., а ряд существенных аргументов в пользу его соответствия тем реалиям, которые должны были появиться в царствование Птолемея II Филадельфа, был приведен Р. Хаззардом (см. также главу 2, § 2.1, прим. 6, главу 4, § 4.1.1, прим. 2).

Как нам представляется, эпизод с предполагаемым участием Птолемея в осаде города оксидраков действительно весьма важен для определения и датировки, и идеологической тенденции труда Клитарха: исследователи достаточно давно пришли к выводу, что сама жизнь в Александрии должна была побуждать Клитарха идти в фарватере птолемеевской идеологии [Маринович, 1982, с. 32; Bosworth, 1997, p. 213; Zambrini, 2007, p. 216]. Как известно, согласно Павсанию, Птолемей получил прозвище «Сотер» от родосцев⁷, и Хр. Хабихт высказал в связи с этим предположение, поддержанное рядом исследователей, что эта почесть была благодарностью за снятие с их города осады Деметрия Полиоркета в 304 г. до н.э. [Habicht, 1970, S. 109; Hauben, 1977, p. 339; Will, 1979—1982, t. 1, p. 201; Berthold, 1984, p. 78; Walbank, 1984, p. 92]. Интерпретация Хабихта, строго говоря, не может считаться доказанной, но правдоподобие ее очевидно. Достаточно сказать, что Антигон и Деметрий получили от афинян эпитет Θεοὶ Σωτῆρες за освобождение их от тирании Деметрия Фалерского еще в 307

⁶ «Историки Клитарх и Тимаген утверждают, будто Птолемей, который позднее стал царем, принимал участие в этой битве. Сам же он хотя и не был склонен умалять свою славу, оставил свидетельство, что он не участвовал в деле, но был послан в поход. Вот каковы были у составителей старинных записей о деяниях небрежность или, что не меньший порок, легковерие!» (пер. В.С. Соколова и А.Ч. Козаржевского по: [Курций Руф, 1993, с. 213]; *Ptolemaeum, qui postea regnavit, huic pugnae adfuisse auctor est Clitarchus et Timagenes. Sed ipse, scilicet gloriae suae non refragatus, afuisse se missum in expeditionem memoriae tradidit. Tanta componentium vetusta rerum monumenta vel securitas vel, par huic vitium, credulitas fuit!*).

⁷ «Перед входом в театр, который называют Одеоном, стоят статуи египетских царей. Общее всем им имя — Птолемеи, но каждому дается еще свое собственное прозвище: один называется «Филометор» (любящий мать или любимец матери), другой — «Филадельф» (любящий брата), сына Лага называют «Сотером» (Спасителем), так как это имя ему дали родосцы» (пер. С.П. Кондратьева по: [Павсаний, 2002, т. 1, с. 34]; *Paus.* I.8.6: οὐ θεάτρον δὲ ὁ καλοῦσιν Ωιδεῖον ἀνδριάντες πρὸ τῆς ἐσόδου βασιλέων εἰσὶν Αἰγυπτίων. ὀνόματα μὲν δὴ κατὰ τὰ αὐτὰ Πτολεμαῖοι σφισιν, ἄλλη δὲ ἐπίκλησις ἄλλω: καὶ γὰρ Φιλομήτορα καλοῦσι καὶ Φιλάδελφον ἕτερον, τὸν δὲ τοῦ Λάγου Σωτῆρα παραδόντων Ῥοδίων τὸ ὄνομα).

г. до н.э. (*Plut. Dem.* 10.3—4), так что наделение Птолемея в 304 г. до н.э. (т.е. на протяжении «года царей», импульс которому дали именно Антигон и Деметрий!) таким же эпитетом за сходное свершение выглядело вполне логичной «ответной акцией»⁸. Однако в таком случае легко понять, что та версия эпизода осады города оксидраков, которой придерживался Клитарх, фактически была призвана дать эпитету Птолемея I «Сотер» новое объяснение, которое вписывалось бы в представление об особой связи между ним и Александром! Очевидно, что насущная необходимость в этом могла появиться не раньше того времени, когда сам эпитет Птолемея I «Сотер» начал рассматриваться как его культовое имя, т.е. с наибольшей вероятностью уже после его смерти, в 270-е гг. до н.э., когда, в частности, оформлялась традиция регулярного празднования Птолемей в его честь. То, что такое новое объяснение эпитета Птолемея дал именно Клитарх, хорошо соотносится с поздней датировкой его труда. При этом расхождение между объяснением эпитета «Сотер» у Клитарха и сведениями самого Птолемея об осаде города оксидраков могло быть не столь уж важно: введение новых официозных идеологем порождает подобные затруднения сплошь и рядом, а умолчание самого Птолемея об этой его заслуге в тех же рамках его официального культа при необходимости можно было легко объяснить хотя бы его скромностью.

То, что особая личная связь Птолемея с Александром стала выглядеть в рамках этого идеологического конструкта как спасение им великого царя, определялось, в конечном счете, спецификой эпитета Птолемея, ко времени манипуляции Клитарха уже устоявшегося в религиозной и идеологической традиции греческого мира. Однако в дальнейшем в позднесреднеегипетских текстах птолемеевского времени стандартным соответствием эпитету «боги-Сотеры», обозначающему царскую чету Птолемея I и Береники I, стало словосочетание *ntrwy ndtywy* – «боги-защитники, мстители» (например: *Urk.* II.156.8; 171.2) [Beckerath, 1999, S. 234—235]. Эпитет *ndty* – «защитник» – в древнеегипетской религиозной традиции может считаться одним из базовых для выражения отношения между божественным сыном, играющим роль попечителя и в том или ином смысле защитника от опасностей своего

⁸ Свидетельство Павсания и основанная на нем интерпретация Хр. Хабихта оспаривались Р.А. Хаззардом. Помимо предполагаемой ненадежности свидетельств Павсания и отсутствия подтверждающих его сведения родоских источников, Хаззард указывает на умолчание об этой конкретной почести Диодора, говорящего лишь об обожествлении Птолемея родосцами и посвящении ему священного участка (*Diod.* XX.100.3—4) [Hazzard, 1992]. Обратим, однако, внимание на следующее: нет сомнений, что Клитарх был одним из важнейших первоисточников сведений Диодора в том, что касалось времени Александра (см. главу 2, § 2.1, прим. 6), и при этом он, как мы видим, объяснял эпитет Птолемея I спасением им Александра при осаде города оксидраков. Описание сражения с оксидраками в труде Диодора имеется (*Diod.* XVII.98—99); логично допустить, что, независимо от того, насколько достоверным казался Диодору рассказ о спасении Александра при этом Птолемеем (об этом Диодор не говорит), он принял к сведению, что эпитет «Сотер» был привязан птолемеевской пропагандой именно к этому эпизоду и, соответственно, не придавал значения его связи со снятием осады Родоса. На наш взгляд, для современного исследователя решающее значение должны все же иметь сведения Диодора о культовых почестях Птолемею от родосцев, согласующиеся со свидетельством Павсания.

божественного отца (LÄGG. IV.588). «Защитником» мог быть реальный царь по отношению к солнечному божеству, считавшемуся его физическим отцом (см., например, т.н. «Поэтическую стелу» Тутмоса III с обращенными к нему словами бога Амона: «Сын мой, защитник мой, Менхеперра, живущий вечно...»; Urk. IV.611.17: *z3.i ndty.i Mn-hpr-R^c ʿnh dt*), либо, что особенно показатель, бог Хор по отношению к своему отцу Осирису – как податель ему заупокойных жертв и мститель Сету за его страдания и смерть (см., например, смысл его эпитета *Hr-ndty-it.f* или *Hr-nd-it.f*, греч. Ἀρενδότης; LÄGG. V.268—270) [Koenen, 1993, p. 63]. В таком случае, введение для Птолемея I культового эпитета «Сотер» в древнеегипетских категориях определяло для него роль младшего бога-защитника при некоем старшем божестве; а изложенная Клитархом официальная легенда достаточно внятно показывает, что таким старшим божеством мог быть сочтен Александр Великий!

Любопытно, что мотивы, позволявшие как бы соотнести Птолемея с богом Хором при Александре-«Осирисе» можно было на самом деле обнаружить не только в его эпитете «Сотер». В первую очередь этому содействовала забота Птолемея о сохранении набальзамированного тела Александра, его погребении в Египте (в Мемфисе, а затем и в Александрии) и в установлении для него культовых почестей (см. главу 2, § 2.1). Как известно, погребение умершего царя, отождествленного с Осирисом, и совершение жертвоприношений в его пользу составляло согласно древнеегипетским представлениям миссию его сына – живущего царя, отождествляемого с Хором, – по меньшей мере со времени записи Текстов пирамид в конце Древнего царства [Матье, 1996, с. 202—203; Кеес, 2005, с. 236—237, 242—245]. А дионисийские мотивы праздника Филадельфа, описанного Калликсеном, которые служили метафорой широких, шедших по всему миру завоеваний и представляли собой отсылку к восточному походу Александра [Rice, 1984, p. 84—85; Stewart, 1993, p. 235—238, 256—257; Thompson, 2000, p. 378; ср. с дионисийскими мотивами, внесенными в описание восточного похода Клитархом: Hazzard, 2000, p. 8—10], обнаруживают аналогию в походах, приписанных Осирису в мифологическом прошлом. Сведения об этом мы видим в I книге «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (*Diod. I.17—20*), и, хотя мы не можем быть уверены, что они восходят к легшему в основу большей ее части трактату Гекатея Абдерского о Египте конца IV в. до н.э. (см. ниже главу 6, § 6.3.3), нет сомнений, что данный мотив оказывается актуален именно в эпоху эллинизма (см. главу 1, § 1.3.2, прим. 11). При напрашивающемся соотнесении этого мотива с завоеваниями Александра в образе последнего обнаруживается одна из черт Осириса, характерных для греческой рецепции его образа в данную эпоху.

Сказанное нами вовсе не должно стать основой для утверждения, что преемственность между Александром и Птолемеем в идеологемах начала правления Филадельфа однозначно

отождествлялась с отношением Осириса и Хора в египетских мифологических представлениях. Прежде всего, сама легенда о происхождении эпитета Птолемея I «Сотер», изложенная Клитархом, имела для греко-македонской среды значение и совершенно независимо от такого отождествления; а последовательному его проведению не могло не мешать то, что Александр и Птолемей, как это было общеизвестно, не были отцом и сыном (версия их фиктивного родства называет Птолемея сводным братом Александра, но и она осталась сугубо беллетристической и маргинальной; см. о ней в греко-египетской традиции «Романа об Александре» § 5.1, 5.5; ср. [Koenen, 1993, p. 44—45]). Вместе с тем именно отношение двух правителей – отца и сына, – в известной мере и в самом деле сходное с отношением Осириса и Хора, присваивается, как мы выяснили, в представлениях позднеегипетской историографии рубежным фигурам, стоящим на стыке больших эпох (см. главу 1, § 1.3.2). В принципе это может объяснять (по крайней мере, в том, что касается значимости данной идеологемы в ее египетских коннотациях, столь заметных в антураже праздника Филадельфа, который описал Калликсен Родосский) и перенесение на Птолемея I эпитета «Сотер» в характерном сопряжении с его ролью «спасителя» и «защитника» по отношению к Александру.

Подтверждением этого предположения в собственно египетских памятниках могут послужить случаи употребления по отношению к Птолемею I имени царя Верхнего и Нижнего Египта *Hpr-k3-R^c Stp.n-Imn* («Воссуществует Двойник (бога) Ра», Избранный Амоном»). Этот титул Птолемея Сотера известен по двум свидетельствам – по упоминанию надписи из пещерного храма Эйе в эс-Саламуни, относящемуся, по-видимому, к супруге Птолемея II Арсиное II (...*z3t nsw n Hpr-k3-R^c Ptlmys ḥmt nsw...* «...дочь царя Хеперкара Птолемея, жена царицы [Арсиной]...»), и по краткой титулатуре Птолемея I на блоке из Каирского музея JE 43610 ([*nsw-bity*] *Hpr-k3-R^c Stp.n-Imn Ptlwmys di ʿnh dt* «царь Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара Сетепенамон, сын Ра Птолемей, наделенный жизнью вечно»). Первое из этих свидетельств было замечено еще Р. Лепсиусом, который и соотнес впервые имя *Hpr-k3-R^c* с Птолемеем I (LD. Text. II.165; ср. [Tarn, 1929, p. 138—139; Шолпо, 1939, с. 160]). Однако в 1981 г., ввиду отсутствия других свидетельств этого имени *nsw-bity* Птолемея I, немецкий исследователь Кл. Кульман предположил, что имя *Hpr-k3-R^c* в данной надписи принадлежит точно носившему его Нектанебу I [Kuhlmann, 1981, S. 267—279]. По высказанному им мнению, собственное имя *Ptlmys* в этой надписи принадлежало некоей связанной с этим царем родством и почему-то носившей македонское имя даме Птолемаиде (ср. [Huss, 1994, S. 111]). Мнение Кульмана послужило, видимо, достаточным основанием для того, чтобы Ю. фон Бекерат проигнорировал данное царское имя применительно к Птолемею I в своем хорошо известном справочнике по древнеегипетской царской ономастике [Beckerath, 1999, S. 232—233]. В дальнейшем, однако, Кл. Кульман обратил внимание на упомянутый фрагмент из Каирского

музея с данным титулом Птолемея I: его соотнесение с данными надписи из эс-Саламуни сделало атрибуцию этому царю имени *nsw-bity Hpr-k3-R^c*, причем с сопутствующим эпитетом *Stp.n-Imn*, совершенно надежной [Kuhlmann, 1998].

Значение данного титула Птолемея I определяется тем, что он совпадает с аналогичным именем Сенусерта I [Beckerath, 1999, S. 82—83; Blöbaum, 2006, S. 407] – Сесонхосиса Манефона, стоявшего в начале его XII династии, открывавшего исторический цикл его второго томоса и пользовавшегося вполне заслуженной репутацией царя – устроителя египетского общества (см. главу 1, § 1.3.2, главу 6, § 6.2.2, 6.2.3). Очевидно, что наделение этим именем Птолемея I было сопряжено с приданием ему таких же качеств устроителя общества и основоположника нового исторического периода, причем сама эта манипуляция повторяла принятие этого же имени, очевидно, по сходным мотивам основателем XXX династии Нектанебом I в начале IV в. до н.э. (см. главу 6, § 6.2.3). Вместе с тем само выявление у Птолемея этих качеств в рамках циклической исторической концепции, которой придерживался Манефон, предполагало, что Птолемей является преемником некоего царя, утвердившего в Египте порядок после периода бедствий. Исторически таким царем был именно Александр, а завершившимся благодаря его усилиям временем бедствий – второе персидское владычество, ко времени сатрапии Птолемея окрашенное в восприятии египтян самыми черными красками (см. главу 4, § 4.4).

Примечательно, что как раз на канун введения культа Птолемея Сотера – последние годы его царствования в соправлении с Птолемеем II – пришлась, по-видимому, столь значимая идеологическая новация, осуществленная с участием Манефона Севеннитского, как введение в Александрии культа Сараписа⁹. Весьма вероятно, что именно на последующие годы царствования Филадельфа приходится и *акме* Отца египетской истории, на протяжении которого он создал свой знаменитый труд (см. выше главу 1, § 1.3.2, прим. 1). Явно к царствованию Филадельфа, причем уже ко времени после появления в Египте Арсинои II в середине 270-х гг. до н.э. [Kuzmin, Ladygin, 2014, p. 118], относится надпись из эс-Саламуни с упоминанием «дочери царя Хеперкара Птолемея». Вместе с тем само это царское имя,

⁹ Античная традиция говорит об участии Манефона во введении культа Сараписа Птолемеем I (*Plut. De Is. et Os.* 28; *Mor.* 984a—b; *Tac. Hist.* IV.83—84); Климент Александрийский сообщает в связи со введением культа Сараписа легенду, сходную с изложенной Плутархом и Тацитом, но приписывает его Птолемею II (*Clem. Al. Protr.* IV.42—43); Кирилл Александрийский (*Cyr. C. Jul.* I.13) относит его к 124 Олимпиаде, т.е. к 284—281 гг. до н.э., соответствующим соправлению Птолемея I и II. Думается, что данное соответствие оптимально разрешает противоречие в отнесении этого события к царствованию Сотера или Филадельфа. Согласно Иерониму в греческой версии Евсевия данное событие произошло в 286 г. до н.э. [Schoene, 1875, vol. II, p. 119], согласно армянской версии – в 278 г. [Schoene, 1875, vol. II, p. 120], что опять же «подтягивает» его датировку к рубежу царствований Сотера и Филадельфа.

безусловно, должно было быть принято самим Птолемеем I при его жизни¹⁰, хотя крайняя малочисленность фиксирующих его памятников позволяет думать, что это могло произойти на исходе его правления (может быть, в годы соправления с Филадельфом). Наконец, непременным условием постулирования преемственности между Александром и Птолемеем I должно было стать прямое соположение их правлений в системе летосчисления. В этой связи нельзя не упомянуть эфесские папирусы конца царствования Сотера и времени его соправления с Филадельфом с высокими датировками, вне сомнений, отсчитывавшимися от смерти Александра (pEleph. 2: горпией Года 40 Птолемея, т.е. май-июнь или июнь-июль 284 г. до н.э.; pEleph. 3: гиперберетей Года 41 Птолемея, т.е. январь-февраль или февраль-март 282 г. до н.э.; pEleph. 4: артемисий Года 41 Птолемея, т.е. июнь-июль или июль-август 282 г. до н.э.; см. приведенные альтернативные варианты датировок по месяцам: [Grzybeck, 1990, p. 184, pl. III; Samuel, 1962, p. 163—166]). В таком случае мы вправе сказать, что если конструирование основных идеологем, которые постулировали уподобленную филиации преемственность между Александром и Птолемеем I, могло придти к началу правления Филадельфа, то как минимум определенная подготовка этого демарша (введение совместимой с ним системы летосчисления и принятие Птолемеем I египетского царского имени, переносящего на него качество царя – строителя Египта и преемника царя, водворившего в стране мир) происходила еще при Сотере.

---

¹⁰ Нам, кажется, неизвестны случаи посмертного составления традиционной царской титулатуры для правителей Египта. Мы обращались к «алтарю» из оазиса Бахария, относящемуся, по нашему мнению, к началу III в. до н.э., на котором зафиксирована титулатура Александра Великого, неизвестная на памятниках его времени внутри страны. Однако в этом случае речь шла о целенаправленном создании уже в птолемеевское время памятника, который можно было бы выдать в пропагандистских целях за относящийся ко времени Александра, а титулатуру царя на нем – за его реальную титулатуру (см. главу 4, § 4.5). Крайне маловероятно, чтобы протокол Птолемея I в надписи из эс-Саламуни имел в своей основе какую-то сопоставимую манипуляцию.

5.3. «Пророчество ягненка»: Александр Великий – «царь-избавитель» финала третьего цикла египетской истории

Более определенные указания на то, что качество египетского царя, преодолевшего большие бедствия, придается Александру Великому, содержатся, на наш взгляд, в еще одном демотическом источнике греко-римского времени – в тексте, известном под названием «Пророчество ягненка». По-видимому, сюжет, послуживший его мизансценой, был в позднеегипетской традиции, что называется, на слуху. Манефон сообщает, что в царствование Бокхориса (*Manetho. Fragg.* 64, 65a: Βόχχωρις; frg. 65b: *Bocchoris*) – второго и последнего царя саисской XXIV династии (*B3k-n-rn.f*) [Beckerath, 1999, S. 202], казненного Сабаконем (историческим напатским завоевателем Шабакой) – «заговорил ягненок» (Frgg. 64—65). В поврежденном фрагменте Африкана рядом с этим сообщением мы видим в неясном контексте цифру «990 лет» (Frg. 64: Βόχχωρις Σαῖτης, ἔτη ς', ἐφ' οὗ ἀρνίον ἐφθέγγετο . . . ἔτη ΠΘϚ'). Позднеантичный (II—III вв. до н.э.) автор Клавдий Элиан сообщает о том же, добавляя, что этот родившийся при Бокхорисе ягненок был восьминогим, двуххвостым и двухголовым и, стало быть, о четырех рогах¹. Если сведения Элиана выглядят фантастично, пожалуй, с любой точки зрения (ср., впрочем, с вариантом облика Амона-Ра в образе барана с венцом из четырех перьев: LÄGG I.320, Dg), то описание трактата Псевдо-Плутарха «Об александрийских пословицах» получает, по крайней мере, довольно понятное соответствие в иконографии египетских божеств. Согласно ему, на голове заговорившего ягненка был урей с перьями в четыре локтя высоты², что явно соотносится с обликом Амона-Ра, традиционно увенчанного уреем и двумя перьями (LÄGG I.320, Db—d). При этом если в исторической традиции Гекатея Абдерского и Диодора царь Бокхорис памятен как благой и мудрый законодатель (*Diod.* I.65.1; 79; 94.5), то взгляд на него позднеантичной традиции гораздо менее однозначен. Тот же Элиан приписывает ему попытку натравить на священного быка Мневиса другого быка, которая, впрочем,

¹ «Египтяне рассказывают (хотя они нимало меня не убедили), рассказывают, в самом деле, что при знаменитом Бокхорисе родился ягненок восьминогий и двуххвостый и заговорил. И они говорят, что у ягненка было две головы и что он родился четырехрогим» (*Ael. De nat. anim.* XII.3: λέγουσιν Αἰγύπτιοι, καὶ ἐμὲ μὲν ἤκιστα πείθουσι, λέγουσι δ' οὖν ἄρνα καὶ ὀκτάπουν καὶ δίκερρον κατὰ τὸν Βόκχοριν τὸν ἀδόμενον ἐκεῖνον γενέσθαι, καὶ ῥῆξαι φωνήν. καὶ δύο κεφαλὰς ἄδουσι τῆς ἀρνός, καὶ τετραέκρω γενέσθαι φασὶ τὴν αὐτήν).

² «С тобой ягненок поговорил?» Египтяне записали, будто он говорил человеческим голосом: обнаружилось, что у него на голове был пернатый царский змей высотой в четыре локтя; и кому-то из царей он возвещал грядущее» (*Ps.Plut. De prov. Alex.*, ed. Crusius, p. 12 (21): τὸ ἀρνίον σοι λελάληκεν: Αἰγύπτιοι τοῦτο ἀνέγραφαν ὡς ἀνθρώπεια φωνῆ λαλήσαν· εὐρέθη δὲ ἔχον βασιλείον δράκοντα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ πτερωτὸν ἔχοντα μῆκος πήχεων δ', καὶ τῶν βασιλέων τινὶ λελάληκε τὰ μέλλοντα).

кончилась неудачей (*Ael. De nat. anim. XI.11*); а Плутарх говорит о нем как раз как о правителе жестоким, так что богиня Исида была вынуждена послать ему змею, обвиняющую его чело и побуждающую его решать различные дела справедливо³ (очевидно, что здесь мы видим своеобразное переосмысление древней символики урея, к которой мы еще вернемся).

Следует заметить, что, во-первых, все эти поздние сообщения должны иметь египетскую первооснову – как по прослеживаемым в них мотивам, так и поскольку проблематично представить себе заинтересованность самих античных авторов во введении негативных черт в образ Бокхориса. Во-вторых, у Диодора мы не видим не только этого «негатива», но и известия о заговорившем при этом Бокхорисе ягненке, хотя, казалось бы, при его яркости, его можно было бы ожидать у любого автора, писавшего об этом царе. Между тем впервые мы его обнаруживаем у Манефона, причем наличие у Элиана сообщения и об этом и о нечестии Бокхориса позволяет предположить, что эти сведения образуют некий комплекс, очевидно, уже бытовавший к началу эллинизма и придававший Бокхорису черты некоей знаковой фигуры завершившегося третьего исторического цикла.

Понять, в чем именно состояла «знаковость» образа Бокхориса довольно легко по совокупности сведений о нем, которая накопилась в античной традиции. В ней он предстал и очень значимой фигурой по своим вполне благим делам (прежде всего, законодательной деятельности), и правителем, уклонявшимся от норм праведности и тем самым навлекшим на Египет бедствия, и, наконец, отчасти современником, отчасти предшественником этих бедствий. Очевидно, к этим бедствиям следует отнести пребывание напатских царей XXV династии у власти над Египтом в конце VIII – первой половине VII вв. до н.э. Следы резко негативного восприятия этого периода заметны и в известиях Геродота и Диодора о Сабаконе/Шабакке (*Hdt. II.137, 139—140; Diod. I.65*), и в сохраненном у Страбона сообщении о Теарконе/Тахарке (*FGrHist. 715. F. 11a = Strabo XV.1.6—8*) [Ладынин, 2012 (1)], и в перенесении в демотических сказаниях о Сатни-Хаэмуасе (p.dem. BM 604. II.29—IV.24) и их реплике в «Моралиях» Плутарха (*Plut. Sap. Conv. 6=Mor. 151b*) на противостояние Египта и Нубии мотивов, которые в новоегипетской традиции (в «Сказке об Апопи и Секененра»: pSall. 1. I.8—II.8) применялись к противостоянию с гиксосами [Ладынин, 2009 (1)]. Вместе с тем неясно, в какой мере такое восприятие напатских правителей было характерно для Манефона: в его труде XXV династия включается в список египетских царских домов как «своя», легитимная, без каких-либо оговорок (*Manetho. Frgg. 66—67*). Возможно, для Манефона

³ «О египтянине Бокхорисе, родившемся по природе жестоким, говорят, что его осеяла сверху змея, посланная Исидой и обвинявшая вокруг его головы, чтобы он судил справедливо» (*Plut. De vit. pud. 3=Mor. 529f: τῷ μὲν γὰρ Αἰγυπτίῳ Βοκχόριδι φύσει χαλεπῶ γενομένῳ τὴν ἀσπίδα λέγουσιν ὑπὸ τῆς Ἰσίδος ἐπιπεμφθεῖσαν καὶ τῇ κεφαλῇ περιελιχθεῖσαν ἄνωθεν ἐπισκιάζειν, ἵνα κρίνῃ δικαίως*).

настоящим бедствием, которому предстояло обрушиться на Египет, было его грядущее противостояние с великими державами Передней Азии; и в этой связи можно вспомнить уже очень давнее мнение о том, что противостояние Египта с Ассирией началось сразу после Бокхориса, а, может быть, и еще при нем [Moret, 1903, p. 25—26; Тураев, 1935, т. 2, с. 43; ср. о столкновении с Саргоном II современника Бокхориса из царствовавшей в Танисе XXII династии, кончившемся изъявлениями им вассальной покорности: Kitchen, 1986, p. 376, § 336]. Мы уже говорили, что обросший всеми этими подробностями образ Бокхориса, по-видимому, маркирует в позднеегипетской исторической схеме «надлом» цикла I тыс. до н.э., после которого страна начинает скатываться от благополучия к бедствиям (см. главу 1, § 1.3.2)⁴. Наиболее четкой, хотя и чрезвычайно отдаленной по датировке соответствующих текстов аналогией такого «надлома» в египетской традиции восприятия прошлого будет характеристика начала IV династии в литературных произведениях I Переходного периода – Среднего царства: Бокхорис слышит о грядущих бедствиях страны от пресловутого ягненка подобно тому, как царю Снофру их возвестил мудрец Неферти. Собственно, и амбивалентность образа Бокхориса в античной традиции о нем находит параллели и в образе Снофру в «Пророчестве Неферти» (см. главу 1, § 1.3.1, прим. 6), и в образе царя Аменофиса в сюжете о нем, переданном Иосифом Флавием (как мы помним, Аменофис оказался способен и на крайнюю жестокость, и на раскаяние в ней и свершения, оцененные в конечном счете позитивно; см. главу 1, § 1.3.2).

Уже упомянутое нами «Пророчество ягненка» – это демотический текст, сохранившийся в записи на одном из папирусов Австрийской национальной библиотеки, который был обнаружен в Сохнопайю Несос в Фаюме в 1891 г. и вскоре приобретен в составе более обширного собрания эрцгерцогом Райнером (p.dem.Vindob. 10000; ниже мы ссылаемся на этот источник, не указывая специально его обозначение). На протяжении конца XIX и XX в. к этому тексту неоднократно обращались исследователи [Krall, 1898; Moret, 1903, p. 36—39; Janssen, 1954]. В нашей работе мы опираемся на публикацию К.-Т. Цауцигом его транслитерации и перевода, считающуюся на сегодняшний день стандартной [Zauzich, 1983], и относительно недавний перевод Х.-Я. Тиссена, вносящий к этой публикации некоторые важные коррективы [Thissen, 2002; см. также: Devauchelle, 1994 (1), p. 27—30]. Колофон папируса содержит точную датировку его записи – 8 месоре Года 33 «Цезаря», т.е. Октавиана Августа, как формального царя Египта (Ш.10—11), что соответствует 1 августа 4 г. н.э. [Thissen, 2002,

---

⁴ Недавно К.В. Кузьмин высказал предположение, что в образе Бокхориса, жившего накануне чужеземного вторжения, слились воспоминания о царе XXIV династии и о правителе Атрибиса *B3k-n-nfi* кануна и времени ассирийского вторжения в Египет (670—660-е гг. до н.э.) [Кузьмин К.В., 2014 (2)]. Гетерогенность традиции, отразившейся в таких источниках, как «Демотическая хроника» и тексты, связанные с Бокхорисом, очевидна и отмечалась неоднократно; однако это предположение не меняет ту роль образа Бокхориса в схеме циклов египетской истории, о которой мы говорим.

S. 119]. Кодификация этого текста в римское время только кажется очень поздней: на самом деле, она характерна для многих классических демотических произведений, без сомнения, появившихся много раньше. Так, например, сложение «Эпоса о Петубасте», папирусные списки которого датируются I—II вв. до н.э., принято возводить к первой половине III в. до н.э. [Kitchen, 1986, p. 461, n. 163]. Начало текста «Пророчества...» утрачено, но можно понять, что некоему египтянину по имени Пасанхор (*P3-s3-n-Hr* – «сын Хора»), очевидно, состоящему при дворе Бокхориса, стала известна книга, в которой описывались грядущие бедствия Египта. Первый столбец текста представляет собой, очевидно, пересказ сообщений этой книги – о том, как люди перестанут «говорить истину» (I.16); как произойдет известная со времен среднеегипетского «Речения Ипувера» инверсия социального порядка, когда «богач станет бедняком» (I.14; ср. pLeiden I.344 *recto*. VII.8—IX.1); как нарушится нормальное совершение храмового ритуала (I.17—19 – данный фрагмент сильно разрушен); и, наконец, как на Египет обрушится внешняя опасность, связанная с приходом некоего «мидянина» (I.22: *p3 Mty*; II.21: *p3 Md*)⁵. Второй столбец текста связан, очевидно, уже с диалогом Пасанхора с пресловутым ягненком, предсказания которого уточнили содержание этой книги: после ряда деталей описание ягненком бедствий Египта завершается упоминаниями депортаций египетской молодежи «в Сирию» (II.14: *r p3 t3 Hr*; ср. II.12) и плача во всех знаменитых египетских городах (II.17—18). Когда ягненок оканчивает свои предсказания, устрешенный Пасанхор спросил его: «Случится ли это (так), что мы не узнаем об этом заранее?» (II.19—20). В ответ ягненок произнес слова, на которых в основном и сосредоточится наше дальнейшее внимание: «Это будет, когда я стану уреем на челе фараона (*iꜣry n d3d3 pr-ꜣ3*), который будет по исполнении 900 лет; я усилю Египет. Что до мидянина, который обратил взор к Египту, он удалится в чужеземные страны и далекие места (*r n3 h3s.t.w r n3y=w m3ꜣ pr-bnr r [md(.t)]*). Ложь (*ꜣd*) погибнет, закон и порядок (*p3 hp t3 wpy.t*) появятся, оплатят цену наосов богов Египта за них Ниневию, в стране *Išꜣr* (*ꜣditꜣ p3 swn n n3 g3.w n3 ntr.w Kmy r-r=w r Nnyw3 p3 tš p3 Išꜣr*). Будет, что египтяне пойдут в Сирию (*r p3 t3 Hr*), они будут править ее округами, они найдут там наосы богов Египта (*g3.w n3 ntr.w Kmy*)» (II.20—III.1). Закончив свое прорицание еще несколькими пассажами, ягненок умер; после этого Пасанхор отправился к фараону Бокхорису, перед которым развернули пресловутую книгу. В ответ на его вопрос, все ли описанное в ней постигнет Египет, Пасанхор сообщил, по-видимому, важнейшее сверх уже известного из книги, что он почерпнул из предсказаний ягненка, – что эти события начнутся раньше, чем Бокхорис умрет (III.8). После этого царь приказывает похоронить ягненка в «золотом алтаре» «подобно

⁵ Об употреблении этого обозначения по отношению к персам в «Демотической хронике» (p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto*. I.22, II.21) и в одном граффито из Элефантины [Vittmann, 1997] см.: [Thissen, 2002, S. 122—123].

богу (*m qty.t ntr*)» (Ш.9; имеется в виду, очевидно, сходство этого церемониала не с погребением царя, а именно с помещением изображения божества в наос).

«Пророчество ягненка» обнаруживает сходство с другим текстом эллинистического времени, относящимся к жанру «описаний бедствий страны» – т.н. «Оракулом горшечника» (P₁ = pGraf; P₂ = pRainer; P₃ = pOxy. 2332; P₄ = PSI VIII 982) [Koenen, 1968; 2002]. Мизансцена этого текста отнесена ко времени Аменофиса – очевидно, того же царя, при котором Египет, согласно Манефону, был захвачен прокаженными и гиксосами. В то же время описание в этом тексте грядущих бедствий относится не к этим событиям, а к македонскому времени, которое видится его создателям гибельным для Египта. Соответствующие предсказания вложены в уста некоего «горшечника», который раздражается ими непосредственно в присутствии царя в храме Исиды и Осириса и, доведя их до конца, как и пресловутый ягненок, умирает. Само именование этого предсказателя «горшечником» не вполне понятно и может представлять собой намек на бога Хнума [Koenen, 1968, S. 184; Kerkeslager, 1998, p. 68, n. 7] – как известно, бараноголового, что служит дополнительной параллелью к «Пророчеству ягненка». Совсем четкой параллелью между этими двумя текстами считается упоминание в них обоих царей с двумя и пятьюдесятью пятью годами правления (Ш.5: *pa-t3-2.t, pa-t3-55*; P₂ I.19: {ὁ δὲ τὰ δύο ἔ[τ]η...}; P₃ Ш.32: ὁ δὲ τὰ πεντήκοντα πέντε ἔτη). Существенно, что в этой связи мы видим в «Оракуле горшечника» прямую отсылку к «Пророчеству ягненка» – указание, что при этих царях исполнится «зло, которое Бахарису (Бохкорису) возвестил ягненок» (P₃ Ш.34: τὰ κακὰ ἃ [Β]αχάρει ἀπήγγειλεν ὁ ἀμ{μ}νός; см. эмендации к данному отрывку Л. Кёнена: [Koenen, 2002, S. 157, Komm. 52]). В этих двух царях ряд исследователей видел, соответственно, Харсиеси, поднявшего восстание в Верхнем Египте и на некоторое время принявшего царский титул в 131—130 гг. до н.э., и Птолемея VIII Эвергета II, на царствование которого эти события пришлись [Koenen, 1984; 2002, S. 156—157, Komm. 50—51; ср. Thissen, 2002, S. 124—125]. Сообразно этому, в «мидянине» «Пророчества ягненка» считали возможным видеть селевкидского царя Антиоха IV, вторгшегося в Египет во время 6-й Сирийской войны в 168 г. до н.э. и якобы также упоминаемого в «Оракуле горшечника»: P₂ I.16; P₃ I.30 [Meurer, 1997, S. 194, Anm. 53; Thissen, 2002, S. 123—124; Koenen, 2002, S. 156, Komm. 48]). Наличие в «Оракуле горшечника» этих деталей, при том что описываемые в нем бедствия отнесены непосредственно к современности его создателей, а обетованное избавление от них – к неопределимому будущему, позволило датировать сложение этого текста последней третью II в. до н.э. Их же присутствие в «Пророчестве ягненка», по мнению Х.-Я. Тиссена, должно либо объясняться интерполяцией, изменившей его первоначальный текст, либо опять же (как считает

он сам) служить же реальным датировочным признаком, указывающим на исторические условия его возникновения [Thissen, 2002, S. 124—125].

Альтернативное истолкование ряда содержащихся в «Пророчестве...» реалий было предложено совсем недавно И.-Ф. Кваком. По его мнению, их древнейший пласт в этом произведении, бытовавшем долго и подвергавшемся многократному редактированию, восходит еще к времени саисской XXVI династии – концу VII или началу VI вв. до н.э. Соответственно, пресловутый царь с пятьюдесятью пятью годами правления – это, вероятно, Псамметих I; а упоминание гибели Ассирии в контексте возмездия за бедствия Египта должно быть основано как на рефлексх ассирийского владычества в Египте в 670—660-е гг. до н.э., так и на реальной судьбе этого государства в конце VII в. до н.э. Содержащиеся же в «Пророчестве...» упоминания «мидянина» и греков должны быть интерполяциями, внесенными в текст при последующих редактированиях [Quack, 2011 (1)].

В рамках рассмотренных нами интерпретаций приход царя – спасителя Египта и изгонителя его врагов - в «Пророчестве ягненка», как и в «Оракуле горшечника», отнесен в некую перспективу, еще не осуществившуюся на момент оформления этого текста. Между тем это не так, судя по ряду реалий, опознаваемых в предсказании об этом царе и позволяющих, на наш взгляд, идентифицировать его достаточно уверенно.

Впервые его идентификация, которую мы постараемся обосновать, была предложена В.В. Струве в его труде о Манефоне. Опираясь на сообщение Манефона в передаче Африкана, что при Бокхорисе «ягненок возвестил 990 лет»⁶ (см. выше), Струве высказал мнение, что эти 990 лет должны отсчитываться согласно т.н. «эре Менофтеса» [Струве, 2003 (2), с. 351], т.е. от последнего по времени «апокатастасиса» – совпадения гелиакического восхода *Spdt/Cотиса* (Сириуса) с календарным Новым годом [Берлев, 1999 (1), с. 59]. Это ключевое для египетской календарной системы событие имело место в 1322 г. до н.э., т.е., согласно Струве при Сети I, чье «солнечное» имя *Mn-m3^ct-R^c* должно было дать основу для греческой формы «Менофрес» (*ἀπὸ Μενόφθεωσ), преобразовавшейся затем в труде позднего автора Феона в «Менофрес» в упоминании «годов по Менофресу» (τὰ ἀπὸ Μενόφρεωσ), т.е. летосчисления, связанного с гелиакическим восходом Сотиса [Струве, 2003 (1), с. 199—208; см. также: Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 442—443; Ладынин, 2016 (3), с. 89—92]. Отсчет 990 лет от 1322 г. до н.э. с завидной точностью приводил к 332 г. до н.э., т.е. к дате вступления в Египет Александра Великого, в котором Струве и видел обетованного ягненком при Бокхорисе царя-спасителя.

⁶ Так перевел это сообщение Струве, с недолжной уверенностью элиминируя имеющуюся в тексте лакуну между словами «ягненок заговорил» и указанием временного срока [Струве, 2003 (2), с. 351].

На сегодняшний день интерпретация В.В. Струве пресловутой «эры Менофреса» безнадежно устарела: отсчет царствования Сети I следует начинать не ранее чем с 1305 или 1304 г. до н.э., причем его правление должно было составить около 14-15 лет, а его преемник Рамсес II должен был вступить на престол в 1290 г. до н.э. (согласно т.н. «средней» хронологии Нового царства; в общепринятой сейчас на Западе, но скорее всего неверной «короткой» хронологии Нового царства эта датировка приходится еще позже: [Ладынин, Немировский, 2001 (3), с. 216—217, прим. 9; Beckerath, 1997, S. 118]). Эти соображения исключают соотнесение «апокатастасиса» 1322 г. с царствованием Сети I. Кроме того, как блестяще показал О.Д. Берлев, форма имени «Менофрес» у Феона, скорее всего, соответствует египетскому слову «Мемфисец» (*Mn-nfry*) – вероятному прозвищу Джосера, при котором имел место первый «апокатастасис», т.е., собственно говоря, было введено «летосчисление Сотиса» [Берлев, 1999 (1), с. 59—61]. В то же время, как вполне здраво допустил Струве, само упоминание в сообщении Манефона точного срока в 990 лет (как и в «Пророчестве ягненка», несомненно, связанного с ним срока в 900 лет) должно иметь в виду, что этот срок на момент оформления текста уже исполнился. При этом царствование исторического Бокхориса началось в 720-е гг. до н.э. (см. о вариантах его датировки: [Beckerath, 1997, S. 93; Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 261—263, 492]), а реминисценции о нем у Манефона и, очевидно, вообще в позднеегипетской историографии имеют вполне определенную привязку к кануну напатского (в грекоязычной традиции - «эфиопского») владычества⁷. Соответственно, исчисление 900- или 990-летнего срока от самого времени предсказаний ягненка при Бокхорисе привело бы нас к неправдоподобному допущению, что их исполнение лежало в перспективе не только для создателей этого текста, но даже для его кодификатора в 4 г. до н.э., причем почему-то не в неопределенном будущем, а в точно датированной его точке, около 180-х или 270-х гг. до н.э.

Вместе с тем, как мы уже сказали, в описании прихода царя-спасителя в «Пророчестве ягненка» содержатся некоторые узнаваемые реалии. Собственно говоря, их можно усмотреть уже в предсказаниях ягненка о грядущих бедствиях Египта, которые, как мы говорили, включают депортации египтян чужеземными завоевателями на чужбину. Насколько известно, для чужеземных завоевателей Египта подобная акция напрямую засвидетельствована лишь в словаре «Суда» применительно к Артаксерксу III Suda, s. v. ἄσχατο), причем мы обращали внимание на данные т.н. Неаполитанской стелы Сематауитефнахта, согласующиеся с этим свидетельством и показывающие, что такие депортации действительно проводились в Египте в

⁷ Выше (прим. 4) мы учли мнение К.В. Кузьмина о возможной контаминации образов царя Бокхориса и правителя Атрибиса середины VII в. до н.э. Понятно, однако, что полученный в ее рамках образ был бы ассоциирован с местом в хронологии египетской истории именно царя.

период второго персидского владычества (см. главу 4, § 4.1.3). Демотический хороним *Hr*, относящийся к стране, куда депортировались египтяне, явно восходит к *H3rw* текстов II тыс. до н.э. [Gardiner, 1947, vol. 1, p. 180*—187*] и обозначает Восточное Средиземноморье или один из конкретных его регионов – Финикию (ср. со словоупотреблением иероглифических и демотических версий птолемеевских текстов III в. до н.э.: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», П.З.в, комм. «Г»). Депортация египтян, по крайней мере большей части тех из них, кого вынудили покинуть родную страну, именно в эти сравнительно недалекие районы не вызывает особого удивления⁸. Принципиально, однако, что, таким образом, мы можем, кажется, «привязать» соответствующие предсказания ягненка именно ко второму персидскому владычеству в Египте и кануну македонского завоевания.

Еще больше нам могут сказать слова ягненка о том, что грядущее возмездие врагам Египта оплатит им «за наосы богов Египта» и при этом будет направлено против «Ниневии, в стране *Išr*». По-видимому, здесь мы видим аллюзию на такой частый в птолемеевских текстах мотив, как конфискация азиатскими врагами Египта изображений богов и иной храмовой утвари. Такие акции, судя по всему, действительно практиковалась персами при подавлении египетского восстания 480-х гг. до н.э. и опять же при завоевании Египта Артаксерксом III (см. главу 1, § 1.2, главу 4, § 4.1.2), и, следовательно, появление этого мотива, как и упоминание до того депортаций, не расходится с тем, что главным врагом Египта в «Пророчестве ягненка» представлен именно «мидянин». Как, в таком случае, трактовать упоминание в качестве главного «адресата» возмездия, причитающегося персам, именно Ниневии? Прочтение обозначения, с использованием которого описана локализация Ниневии, небесспорно: если К.-Т. Цауциг транслитерирует его как *Išr* и, соответственно, переводит прямо «ассирийцы» [Zauzich, 1983, S. 24] (ср. с хоронимом, который мы видели в птолемеевских декретах в соположении с термином *Hr*), то Х.-Я. Тиссен считает, что палеографически ему лучше соответствует транслитерация *Imr* («амориты») [Thissen, 1998, p. 1045]. Вместе с тем интерпретация обозначения *Nnyw3* как «Ниневия» не только не вызывает возражений, но и подтверждается еще одним демотическим фрагментом [Thissen, 1998, *ibid.*, со ссылкой на: Hoffmann, 1995, S. 34], при том что этот город и его округа, кажется, не ассоциируются с аморейским расселением II тыс. до н.э., а невозможность их локализации в Сирии (по полной аналогии с термином *Išr* в птолемеевских декретах) не требует обоснования. Напротив, вполне осмысленно выглядит упоминание Ниневии и именно ассирийцев в контексте эпохи Бокхориса:

⁸ В отличие от них Сематауитефнахт (см. главу 4, § 4.1.3) имел случай оказаться собственно в иранской метрополии державы Ахеменидов, видимо, благодаря особому значению своей корпорации корпорации «*уабов Сохмет*», т.е., собственно говоря, профессиональных врачей-врачевателей.

мы уже говорили о соприкосновении уже в его время Египта и Ассирии – исторически первой межрегиональной азиатской державы, грозившей Египту.

Вместе с тем это основание и даже преемственность от Ассирии Ахеменидов, постулируемая как некоторыми изводами их собственной идеологии, так и греческими представлениями о «царстве Азии» (см. главу 1, § 1.2, главу 6, § 6.4), едва ли достаточны для привязки главного удара по ахеменидским врагам Египта именно к Ниневии. На наш взгляд, стоит вспомнить о том, что именно область, известная в эллинистическое время как Адиабена и соответствующая исторической метрополии Ассирии [Wittke, Olshausen, Szydlak, 2007, S. 118; ср. S. 46—47], стала ареной сражения при Гавгамелах (или Арбелах; ср. с обозначением ее части «Арбелитида» [Fraenkel, 1895]), определившего судьбу державы Ахеменидов. Именно эта победа стала основанием для уже официального принятия Александром Великим титула «царь Азии» (см. подробнее главу 1, § 1.2). Таким образом, есть основания думать, что предсказания ягненка в нашем тексте «стягиваются» к эпохе македонского завоевания Востока и что именно Александр представлен в нем как царь-спаситель, который прекратит бедствия Египта, связанные с иноземцами.

Вместе с тем нельзя не признать, что до сих пор в пользу этого тезиса аргументы мы выдвинули лишь косвенные аргументы. Возможно, прямым аргументом, ключевым для нашей интерпретации, станет одна из фраз «Пророчества ягненка», которая может быть понята однозначно на основе хорошо известной иконографической традиции; мы имеем в виду фразу: «Это будет, когда я стану уреем на челе фараона...». Очевидна связь этой фразы с мотивом, зафиксированным Плутархом непосредственно в связи с Бокхорисом – о том, как Исида послала ему змею, ставшую его уреем и не позволявшую ему вершить дела вопреки справедливости. Сам этот мотив симптоматичен как раз в свете египетской идеологии IV в. до н.э., когда в ней, судя по некоторым признакам, укрепляется представление о присутствии в легитимном благочестивом царе божества, как бы «внешнем» по отношению к его личности (см. главу 1, § 1.1.1, 1.1.2). Что же касается собственно фразы ягненка о намерении «стать уреем на челе фараона», напомним, что он, судя по пернатому урею, приписанному ему в сообщении Псевдо-Плутарха, воплощал Амона-Ра. Традицию изображения правителя с атрибутами Амона-Ра, связанными с обликом барана, не приходится искать долго. Вне сомнения, это та традиция изображения Александра с рогами Зевса-Аммона (т.е. Амона-Ра в его перенесении в греческую религию), которая сложилась на заре эллинистического времени, по сути дела, еще при его жизни⁹.

⁹ См. сообщение Эфиппа об обычае публичных появлений Александра по торжественным случаям с атрибутами своего божественного отца: FGrHist. 126. F.5.= *Athen.* XII.537e.

Подобное предположение, которое кажется нам достаточно обоснованным, в сочетании с некоторыми другими признаками, может привести к существенным выводам по поводу точной хронологической атрибуции реалий, относящихся к образу правителя-избавителя, в той редакции «Пророчества ягненка», которая нам доступна. Достаточно очевидно, что для включения в этот пропагандистский текст иконография Александра с «рогами Аммона» должна была быть растиражирована очень основательно – настолько, чтобы аллюзия на нее была понятна не только грекам и македонянам, но и египтянам. В качестве средства для этого, наиболее массового по своему воздействию и оказывающего его на обе эти достаточно изолированные одна от другой этнокультурные группы, сам собой приходит на ум монетный чекан. Монетный тип с изображением головы Александра, покрытой скальпом слона с хоботом и бивнями, завязанной двумя змеями на шее эгидой и с «рогами Аммона» на висках был введен сатрапом Египта Птолемеем – будущим Птолемеем I – уже на рубеже 320—310-х гг. до н.э. [Mørkholm, 1991, p. 63, fig. 90; Dahmen, 2007, p. 11, pl. 4] (*Рисунок 5.1*). Этот тип отличается от типа изображения Александра только с «рогами Аммона» на висках, ставшего в итоге классическим (впервые он сложился в монетах Лисимаха, появившихся около 297 г. до н.э. [Mørkholm, 1991, p. 27, 81, fig. 178—179, 181—182; Dahmen, 2007, p. 16, pl. 8], и, пожалуй, вызывает больше ассоциаций именно с уреем. Далее, развивая тему датировки этого текста, можно сказать, что упоминание битвы при Гавгамелах на уровне аллюзии, адресованной при этом именно египтянам, а не грекам и македонянам, конечно, зная биографию Александра лучше, было возможно, пожалуй, лишь спустя сравнительно немного времени после Восточного похода. При этом, хотя военно-политическим итогом деятельности Александра в «Пророчестве ягненка» представлено фиктивное установление в его лице египетской гегемонии, она распространяется не на весь мир (как, например, в идеологическом конструкте, реализовавшемся в «Романе об Александре»; см. главу 6, § 6.1, 6.4), а только на Восточное Средиземноморье. Это хорошо соответствует той ограниченности внешнеполитических возможностей Египта, которая, как мы уже говорили (см. главу 4, § 4.3.2, 4.4), хорошо осознавалась в период сатрапии Птолемея и не была преодолена и в первые десятилетия после его воцарения (по существу, попытки очень широкой внешней экспансии, порождающей и соответствующие идеологические реплики, были предприняты лишь Птолемеем II Филадельфом; см. главу 2, § 2.1, главу 4, § 4.5, главу 6, § 6.4). Наконец, упоминание пресловутого обретения в Азии «наосов богов» соотносится с мотивом возвращения захваченных персами статуй богов и храмовой утвари Птолемеями, который в египетских текстах иероглифических обозначается впервые тогда же, в «Стеле сатрапа» 311 г. до н.э. (см. главу 4, § 4.1.2). По всем этим основаниям нам кажется возможным отнести кодификацию «Пророчества ягненка» в форме, отразившей рассмотренную нами систему образов и метафор,

к этапу генезиса птолемеевской государственности в 310—300-е гг. до н.э. либо немногим позднее. В таком случае ряд встречающихся в тексте реалий (прежде всего, пресловутый 55-летний срок правления одного из упоминающихся в тексте царей) следует либо, вопреки мнению Х.-Я. Тиссена, считать вторичными напластованиями, говорящими о его редактировании во II в. до н.э., либо, может быть, в соответствии с предположением И.-Ф. Квака, возвести к древнейшему этапу бытования этой традиции еще в саисское время. Подчеркнем специально, что предложенная нами интерпретация не предreshает вопроса ни о времени зарождения традиции «Пророчества ягненка», ни о продолжительности ее бытования, ни о времени окончательного сложения той версии этого текста, которая доступна современным исследователям.

Таким образом, наш главный вывод в связи с «Пророчеством ягненка» сводится к тому, что благоприятный исход бедствий Египта в конце третьего цикла его истории связывается в рассмотренных нами фрагментах этого текста с установлением власти Александра Великого и македонской династии¹⁰: Александр, направляемый в своих делах «уреем на челе» его, оказывается царем, прекратившим бедствия Египта в рамках этого исторического цикла, которые, похоже, как бы «стягиваются» к кануну его времени – второму персидскому владычеству. Если в «Пророчестве...» действительно присутствует система аллюзий именно на этот период, то его описание практически замещает память об остальных эпохах чужеземного владычества в I тыс. до н.э. Заметим для сравнения, что и в «Пророчестве Неферти» единственной опознаваемой реалией описанных в нем бедствий оказывается упоминание завершающего их царя Амени/Аменемхета I, что, в какой-то мере, подтягивает весь их период к кануну его воцарения. Соответственно, понятным становится и обозначение враждебной Египту силы не во множественном, а в единственном числе как «мидийца», который в конце концов «удалится в чужеземные страны». Возможно, речь в данном случае идет непосредственно об Артаксерксе III, основательно демонизированном и в египетской, и в грекоязычной традиции о втором персидском владычестве на этапе сатрапии Птолемея (см. главу 4, § 4.3.3, 4.4). Если наше предположение верно, то в таком случае обсуждаемые нами фрагменты «Пророчества ягненка» могли появиться в рамках вошедшей в него

¹⁰ Строго говоря, предсказание ягненка, что он станет «уреем на челе фараона» дано в ответ на вопрос о времени не избавления Египта от бедствий, а их наступления. Традиция изображения Александра с рогами Зевса-Аммона маркирует представление о его рождении от этого божества; а родился он в 356 г. до н.э. и теоретически мог считаться легитимным царем Египта с самого момента утраты власти Нектанебом II и/или смерти в 343—341 гг. до н.э. (см. главу 2, § 2.1; ср. с ретроактивным исчислением царствования Камбиса II с 530 г. до н.э.: [Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 267—268; 276—277, 461], аналогов которому в царствование Александра в Египте, впрочем, не было). Соответственно, появление Александра в мире в качестве будущего царя-спасителя Египта, действительно, предшествует (либо оказывается синхронно) бедствиям этой страны при втором персидском владычестве.

разновременной традиции на том же самом этапе начала эллинизма, когда подобная идеологическая манипуляция была бы актуальна.

Последний и существенный момент, который остался нами не разобран, – это пресловутый 900-летний срок, по истечении которого в Египет должен придти избавитель в лице Александра. Очевидно, «Пророчество ягненка» вносит здесь некоторое искажение, и правильная его продолжительность – это все же 990 лет, упоминаемые Манефоном в контексте царствования Бокхориса. Примечательно, что этот срок, похоже, вообще соответствует приблизительной продолжительности больших исторических циклов в представлениях самих египтян, не слишком расходившихся с реальностью. Как мы помним (см. главу 1, § 1.3.1), в Туринском царском списке суммирование лет царствований династий III тыс. до н.э., от Менеса и до конца «дома Тети», т.е. непосредственно до катастрофы I Переходного периода, составило 955 лет, 9 месяцев и 15 дней (Tur. IV.16—17) [Beckerath, 1997, S. 209]. По общим соображениям, этот срок должен был бы соответствовать длине третьего цикла египетской истории, начавшегося еще до времени Бокхориса; и в таком случае в логике позднеегипетской исторической схемы его «точкой отсчета» должны были стать события, представленные у Манефона в сюжете о царе Аменофисе и владычестве в Египте чужеземцев и прокаженных (см. главу 1, § 1.3.2). Вместе с тем, у этой цифры есть, так сказать, и «нумерологический» аспект. 990 лет – это удевятикратная продолжительность идеального для египтян 110-летнего срока человеческой жизни, а кроме того, по-видимому, срок правления солнечного бога, согласно Манефону¹¹, и какой-то связанный с ним цикл, притом что в «Оракуле ягненка» прямо говорится, что в образе этого животного выступает солнечное божество (ср. с определением содержания оракула в его тексте: «проклятие, которое сделал Ра Египту», III. 12: *p3 shwy r.ir [p3]*)

¹¹ Определяя продолжительность царствований богов, Синкелл приводит цифру Манефона в 11985 лет, из которых 9000 лет правил Гефест (*Manetho. Frg. 3*). Обыкновенно греческий образ бога-демиурга (ремесленника) Гефеста считается соответствующим египетскому Птаху, чтившемуся в Мемфисе [Коростовцев, 1976, с. 78]. Заметим, однако, что в труде Манефона Гефест помещен в самое начало династии богов и за ним следует Гелиос (очевидное соответствие египетскому Ра как по функции данных божеств, так и по смыслу их имен: *Frgg. 1, 3—4*). На наш взгляд, подобное соотнесение у Манефона образов Гефеста и Гелиоса может быть связано не с тем, что он ориентируется на мемфисскую концепцию творения, в которой богом-демиургом был Птах, а разводит соединенные в едином синкретическом образе египетской религии функции Атума – бога-творца мира и Ра – бога, ставшего первым царем сотворенного мира; следовательно, Гефест Манефона должен соответствовать как раз Атуму. Одновременно мы видим в свидетельстве Синкелла мнение некоторых неназванных им «историков», согласно которым исключительно высокие цифры, приведенные Манефоном, объясняются тем, что за годы царствований богов были приняты лунные месяцы: таким образом, реальное царствование Гефеста продолжалось бы $727\frac{3}{4}$ года. Не соглашаясь с «историками», Синкелл, однако, приводит продолжительности царствований богов, очевидно, в соответствии с их пересчетом: царствование Гефеста, согласно его перечню царей-богов, продолжалось $727\frac{3}{4}$ года, Гелиоса – $80\frac{1}{6}$ года (*Frg. 3*). Между тем обратный пересчет последней продолжительности (исходя из того, что Манефон изначально имел в виду все же именно годы, а не лунные месяцы), дал бы продолжительность царствования Гелиоса в 991,4 года, что, очевидно, соответствовало бы исходной цифре в 990 лет [Кузьмин К.В., 2014 (1), с. 173].

R^c Kmy; «чему Ра дал произойти в Египте», I. 20: *p3 R^c dy.t [hpr].w Kmy*; ср. также с античными описаниями ягненка, заговорившего при Бокхорисе, в которых угадываются черты Амона-Ра, – см. выше). Наконец, необычайно значимо именно «нумерологически» оказывается уже обсуждавшееся нами совпадение, отмеченное в свое время В.В. Струве: год вступления Александра Великого в Египет – 332 г. до н.э. – действительно отделен от «апокатастасиса» 1322 г. до н.э. сроком в 990 лет. Очевидно, что обнаружить это совпадение на основе накапливавшейся календарной погрешности египтянам – современникам Александра – было посильно не в меньшей степени, чем современным египтологам.

В связи с этим стоит обратить внимание на следующий нюанс в передаче сведений Манефона Африканом: в его изводе мы находим сумму царствований XX-XXXI династий, объединенных в третьем томосе труда Манефона, равную 1050 годам (*Manetho. Frg. 75a: Ομοῦ ἔτη τρίτου τόμου αν'*) и тем самым существенно превышающую результат правильного суммирования сроков этих династий. В целом их продолжительности, согласно изводам Африкана и Евсевия, выглядят следующим образом:

Таблица 5.1. Продолжительность династий третьего томаса Манефона, согласно изводам Евсевия и Африкана

Династия	Синкелл, согласно Африкану	Синкелл, согласно Евсевию:	Евсевий, армянская версия
XX	135 (Frg. 57a)	178 (Frg. 57b)	172 (Frg. 57c)
XXI	130 (Frg. 58)	130 (Frg. 59a)	130 (Frg. 59b)
XXII	120 (116) ¹² (Frg. 60)	49 ¹³ (Frg. 61a)	49 (Frg. 61b)
XXIII	89 (Frg. 62)	44 ¹⁴ (Frg. 63a)	44 (Frg. 63b)
XXIV	6 (одно царствование Бокхориса; Frg. 64)	44 (Frg. 65a)	44 (Frg. 65b)
XXV	40 (Frg. 66)	44 (Frg. 67a)	44 (Frg. 67b)
XXVI	150 лет и 6 месяцев (Frg. 68)	163 (Frg. 69a)	167 (Frg. 69b)

¹² Суммирование реальных сроков царствований.

¹³ Согласно как Синкеллу, так и армянской версии Евсевий суммирует продолжительности трех первых царствований XXII династии, игнорируя остальные. Продолжительности первых двух царствований совпадают со сведениями Африкана (продолжительность третьего царствования у Африкана отдельно не указана).

¹⁴ Согласно как Синкеллу, так и армянской версии Евсевий суммирует продолжительности трех первых царствований XXII династии, игнорируя четвертое; с данными Африкана совпадает только продолжительность третьего царствования (Псаммуса) – 10 лет. У. Уодделл обращает внимание, что цифра «44» приводится у Евсевия для продолжительностей правления XXIII, XXIV и XXV династий, что может объясняться его ошибкой [Manetho, 1980, p. 165, n. 4].

XXVII	124 года и 4 месяца (Frg. 70)	120 лет и 4 месяца (Frg. 71a)	120 лет и 4 месяца (Frg. 71b)
XXVIII	6 (Frg. 72a)	6 (Frg. 72b)	6 (Frg. 72c)
XXIX	20 лет и 4 месяца (Frg. 73a)	21 год и 4 месяца (Frg. 73b)	21 год и 4 месяца (Frg. 73c)
XXX	38 (Frg. 74a)	20 (Frg. 74b)	20 (Frg. 74c)
XXXI	2+3+4 (Frg. 75a)	6+4+6 (Frg. 75b)	6+4+6 (Frg. 75c)
<i>Итого:</i>	868 лет (862 года) и 2 месяца	835 лет и 8 месяцев	833 года и 8 месяцев

Как представляется, суммирующая цифра в 1050 лет не могла появиться стараниями христианских хронографов, которые провели бы суммирование продолжительностей правления отдельных династий третьего томоса чисто механически и поэтому правильно. Еще труднее представить, чтобы это суммирование шло от самого Манефона: надо думать, сам он представлял себе разницу между механическим суммированием продолжительностей отдельных династий и реальной продолжительностью третьего томоса; однако последняя, вне всякого сомнения, должна была быть не длиннее, а короче первой, поскольку правления некоторых династий Манефона перекрывались¹⁵. На наш взгляд, напрашивается предположение, что сумма в 1050 лет восходит к традиции неких напластований на схеме Манефона, которая, возможно, отразилась в его эпитоме, использованной христианскими хронографами. В связи с этим примечательно, что в данном суммировании учитывается и продолжительность царствований персидской XXXI династии, которой, очевидно, не было в изначальном перечне царских домов у Манефона и которая была интерполирована в его традицию, видимо, как раз на уровне его эпитомы (см. главу 1, § 1.3.2). Однако очевидно, что такое увеличение продолжительности третьего томоса было возможно лишь за счет «приплюсовывания» к ней какого-то еще срока. Само по себе напрашивается предположение, что им мог быть срок последней во втором томосе Манефона XIX династии, которая,

¹⁵ Так, исторический Тахарка («Таркос» или «Таракос») занимает у Манефона место в перечне эфиопских царей XXV династии с 18 (согласно Африкану) или, округленно, 20 (согласно Евсевию) годами царствования. Очевидно, реальное 26-летнее царствование Тахарки уменьшено у Манефона ровно на тот 8-летний срок, который отведен в его перечне царей XXVI династии «Нехао» - отцу Псамметиха I Нехо I. В таком случае финал царствования Тахарки, и начало правления Нехо I (якобы как самостоятельного царя, но реально в качестве вассала ассирийцев) должны были быть заданы для Манефона и, видимо, в целом для традиции, к которой он принадлежал, одним и тем же событием – вторжением в Египет Асархаддона в 671 г. до н.э. (исторически оно и было направлено против Тахарки и сделало Нехо ставленником Ассирии с формальным царским статусом [Redford, 1992 (1), p. 360—364; Beckerath, 1997, S. 84—93]). Однако если Манефон отдавал себе отчет в смысле соответствующих сроков для Тахарки и Нехо I, он должен был и понимать, что предшествующие последнему царствования саисцев «Стефината» (7 лет) и «Нехепсо» (6 лет; см. об идентификации этих правителей: [Perdu, 2002, p. 1220—1233, 1241]) в его схеме должны совпадать по времени с царствованием «Таркоса»/«Таракоса».

соответственно, вопреки членению истории Египта самим Манефоном, оказывалась отнесена к историческому циклу его третьего томоса.

«Фактографические» основания к такой манипуляции можно было обнаружить в том сходстве рубежей XVIII—XIX и XIX—XX династий, которое привело к совмещению реминисценций об этих событиях и у самого Манефона в рассказе о Сетосе-Рамессесе (см. также главу 1, § 1.3.2. и [Ладынин, 2009 (3)]), а также в сходстве имен первых царей XIX и XX династий – Сетоса и Сетоса-Рамессеса у Манефона, Сети I и Сетнахта в исторической реальности. Весьма вероятно, что к этому смешению двух рубежных эпох времени Нового царства примешивалось и еще одно основание - независимое от этой путаницы восприятие собственно начала XIX династии, на основании реминисценций, восходивших к постамарнскому времени и к царствованиям исторических Сети I и Рамсеса II, как времени великих внешнеполитических свершения и начала новой эпохи. Отчасти мы уже говорили об этом в связи с рассказом Манефона о царе Сетосе, именуемом также Рамессесом и Египтом (*Manetho. Frg. 50 = Ios. C. Ar. I. 15. § 98—102*; см. главу 1, § 1.3.2, прим. 15): как мы отметили, Манефон не мог обойти упоминанием этот исторический сюжет, хотя он был для него явно маргинальным и плохо укладывался в его историческую схему. Однако эксцерпторы Манефона могли отнестись к нему совершенно иначе, особенно если они исходили из соотнесения с данным временем «апокатастасиса» 1322 г. до н.э. и начала нового цикла Сотиса. Понятно, что соотнесение с этим событием начала третьего томоса египетской истории было чрезвычайно выгодно, поскольку позволяло «обыграть» в ярком «нумерологическом» ключе срок в 990 лет от него до прихода в Египет Александра. Думается, что такая же манипуляция должна была лечь в основу и соответствующего пассажа «Оракула ягненка».

Продолжительность правления XIX династии Манефона определяется, согласно Африкану, в 209 лет (*frg. 55*; реальное суммирование ее царствований, с учетом разночтения в годах царствования Рапсака, дало бы также 204 года), а согласно Евсевию - в 194 года (*frgg. 56a—b*; см. таблицу 1.2 в главе 1, § 1.3.2). Выше мы упоминали, что Африкан, очевидно, редактировал список царей этого дома и что ему, в частности, должна принадлежать интерполяция в него царствования Рамессеса с 60-ю годами (вероятно, Сетоса-Рамессеса из начала XX династии; см. главу 1, § 1.3.2). Однако, несмотря на эту интерполяцию, общая продолжительность XIX династии у Африкана расходится с цифрой Евсевия всего на 15 лет (если учитывать реальную сумму ее царствований, согласно Африкану, то лишь на 10 лет), и в таком случае, примерно 200-летний срок этого дома, очевидно, соответствует изначальной цифре Манефона. Соответственно, суммирование сводных цифр третьего томоса и продолжительности XIX династии, согласно Африкану и Евсевию, даст, с учетом разночтений между реальными и постулируемыми хронографами суммами царствований по династиям,

следующие результаты: 868 лет и 2 месяца + 209 лет = 1077 лет и 2 месяца; 862 года и 2 месяца + 209 лет = 1071 год и 2 месяца; 868 лет и 2 месяца + 204 года = 1072 года и 2 месяца; 862 года и 2 месяца + 204 года = 1066 лет и 2 месяца; 835 лет и 8 месяцев + 194 года = 1029 лет и 8 месяцев; 833 года и 8 месяцев + 194 года = 1027 лет и 8 месяцев. Как мы видим, такое суммирование, проведенное с использованием данных Африкана, хотя и не соответствует идеально зафиксированному им итогу третьего томоса в 1050 лет, но весьма ему близко. Разница между этими итоговыми цифрами объяснима за счет как возможного «перехлеста» (по крайней мере частичного) правлений некоторых династий Манефона (см. выше, прим. 15), так и элементарного искажения Африканом тех исходных цифр, на которые ориентировались инициаторы обсуждаемой нами манипуляции.

Вместе с тем 1050 лет, зафиксированные у Африкана, как и полученные нами суммирующие цифры XIX династии и третьего томоса – это все еще не «искомые» 990 лет, отделяющие «апокатастасис» 1322 г. до н.э. от вступления в Египет Александра. Думается, что в связи с этим следует учесть еще два нюанса. Во-первых, в исторической реальности этот «апокатастасис» пришелся не на начало, а по крайней мере на середину царствования Хоремхеба (около 1334—1306 гг. до н.э.). Более того, он резко смещался к финалу этого царствования (примерно на Год 43 Хоремхеба) при причислении к нему, согласно рамессидской практике, царствований амарнского времени (со вступления на престол Эхнатона около 1365 г. до н.э.) [Ладынин, Немировский, 2001 (1), с. 85; Beckerath, 1997, S. 116; *Ancient Egyptian Chronology*, 2006, p. 209]. Во-вторых, XIX династия Манефона открывается царствованием Сетоса, продолжавшимся, согласно Африкану, 51 год, а согласно Евсевию – 55 лет. Отбрасывание цифры этого порядка от зафиксированного Африканом итога третьего томоса в 1050 лет, по сути дела, даст приближение к пресловутому сроку в 990 лет. Иными словами, «обыгрывание» этого срока в рамках обсуждаемой манипуляции могло строиться на синхронизации «апокатастасиса» не с самым началом исторического цикла третьего томоса Манефона, а с финалом его первого царствования, что в свою очередь должно было основываться на реминисценциях о его реальном месте в рамках первого постамарнского царствования Хоремхеба.

5.4. Манефон и феникс: синхронизация циклов истории Египта с мифологическими циклами обновления и возрождения мира

Важнейшей составляющей представлений древних египтян об эволюции мира и связанных с ней временных циклах был образ феникса (егип. *bnw*). Согласно древнеегипетским источникам и свидетельствам античной рецепции египетской традиции, появление этой птицы знаменовало обновление и возрождение мира в начале некоего нового большого периода. Это хорошо согласуется с ассоциацией феникса с богами-творцами Атумом и Ра и с возрождающимся богом Осирисом, а также с мотивом явления феникса из Аравии или Индии, т.е. с востока, откуда, собственно, в мир является восходящее, возродившееся солнце (см. подробные отсылки к источникам: [Bonnet, 1952, S. 594—596; Kákosy, 1982]). Периоды, по истечении которых происходило явление феникса, исчислялись в античной традиции по-разному. Если Геродот со ссылкой на информаторов из Гелиополя (*Hdt.* II.73) говорит о 500-летнем сроке между появлениями феникса в храме Гелиоса для погребения тела собственного отца, то в сообщении Тацита, о котором мы еще будем говорить, упоминаются сроки его жизни и в 500 лет, и в 1461 год (*Tac. Ann.* VI.28), причем последний срок обращает на себя внимание своим совпадением с циклом Сотиса. Характерным образом, во время совпадения гелиакического восхода Сириуса с календарным Новым годом («апокатастасиса») 138/139 г. н.э., а также и немного позднее, в 142/143 гг. н.э., император Антонин Пий отчеканил золотые монеты с изображением феникса и с легендой AION (т.е. с именем эллинистического божества, персонифицирующего время) [Broek, 1972, p. 70]. Вместе с тем известен собственно египетский эпитет птицы бену «владыка хеб-седа» [Bonnet, 1952, S. 596] и ее ассоциация с деревом *ushed* (*Urk.* IV. 591), что показывает связь ее образа и с продолжительностью отдельных царствований; а Гореполлон (II.57) вообще считал феникса символом «долговременного обновления» (*ἀποκατάστασιν πολύχροσιον*), т.е. начала нового временного цикла большой протяженности, без уточнения его специфики. Иными словами, египтяне, по-видимому, не связывали явление феникса жестко с началом какого-то определенного по своей специфике цикла, а считали, что оно может маркировать разные ситуации этого рода. В таком случае было бы естественно проверить, не сопрягаются ли случаи появления в Египте феникса, засвидетельствованные в древних источниках, с рубежами между томосами труда Манефона. Понятно, что такое сопряжение между ними послужило бы надежным доказательством того, что три томоса действительно соответствуют очень крупным историческим циклам, представление о которых присутствовало в сознании египтян.

Наиболее полный перечень таких случаев, делящих историю Египта на действительно крупные периоды, приведен Тацитом в уже упоминавшемся сообщении «Анналов». Говоря о мнимом явлении феникса в принципат Тиберия, в 34 г. н.э., Тацит приводит разные свидетельства о числе лет, разделяющих такие эпизоды. По его словам, в связанной с этим традиции обычен срок в 500 лет, но есть также и люди, которые «утверждают, что один срок истекает за 1461 год, а также что прежние птицы прилетали впервые при владычестве Сесосиса, затем Амасиса, затем Птолемея, который из македонян царствовал третьим». На основании этих свидетельств Тацит выражает сомнение в том, что при Тиберии в Египте действительно появлялся феникс: «Древность темна; но между Птолемеем и Тиберием было менее двухсот пятидесяти лет»¹.

Как нам представляется, наиболее очевидно отождествление первого среди перечисленных Тацитом вслед за его информаторами случая появления феникса: «Сесосис» - это стяжение формы имени «Сесоосис», которая в традиции Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского относится, как мы еще покажем, к образу, основанному в очень высокой мере на реминисценциях исторического Сенусерта I; в такой же стяженной форме это имя появляется и в иных свидетельствах латинской традиции (см. подробно главу 6, § 6.3.3). По сути дела, уже этого было бы достаточно для соотнесения данного эпизода явления феникса с рубежом между первым и вторым томосами Манефона, а именно с открывающим второй томос царствованием Сенусерта I/Сесонхосиса. Однако этот вывод дополнительно подкрепляется свидетельством, представленным недавно И. Трнка-Амрайн на конференции «“Роман об Александре”: история и литература» (Вроцлавский университет, октябрь 2015 г.). В докладе “Interlocking Legends: Alexander, Sesonchosis and Semiramis”, посвященном фрагментам «Романа о Сесонхосисе» (см. об этом произведении главу 6, § 6.1, 6.3.3), эта исследовательница продемонстрировала пока не опубликованный папирусный отрывок, в котором идет речь о явлении феникса в царствование Сесонхосиса (рОху. 5263. П. 21—30; в соответствии с просьбой нашей коллеги, мы не приводим его в подробной цитате). Согласно известному сюжету «Романа о Сесонхосисе», его герой – аналог исторического Сенусерта I – накануне или в начале своего правления претерпевает некие бедствия и оказывается в изгнании в Аравии (там разворачивается его романтическая история с девушкой, возможно, носившей имя Меамерис), а затем возвращается в Египет, чтобы стать полновластным царем [O’Sullivan, 1984, S. 44]. Как представляется, именно к этому сюжету относится приведенный нашей коллегой фрагмент (который она сама, едва ли справедливо, предпочитает связывать со смертью Сесонхосиса):

¹ *...de numero annorum varia traduntur. maxime vulgatum quingentorum spatium: sunt qui adseverent mille quadringentos sexaginta unum interici, prioresque alites Sesoside primum, post Amaside dominantibus, dein Ptolemaeo, qui ex Macedonibus tertius regnavit, in civitatem cui Heliopolis nomen advolavisse... sed antiquitas quidem obscura: inter Ptolemaeum ac Tiberium minus ducenti quinquaginta anni fuerunt.*

устроив каким-то образом судьбу девушки, Сесонхосис переплывает море (несомненно, Красное море) и видит птицу с ярким многоцветным оперением. Повествователь «Романа...» сразу именуется ее фениксом, однако для современников Сесонхосиса эта птица была еще безымянной: собственно говоря, царь и дает ей это название, из чего можно заключить, что данный рассказ был призван описать первое в опыте египтян явление феникса.

Несколько сложнее идентифицировать третий из упомянутых Тацитом эпизодов появления феникса – «при владычестве... Птолемея, который из македонян царствовал третьим». Как показывает оценка Тацитом срока, отделяющего время Тиберия от правления этого царя, сам римский историк явно считал его Птолемеем III, правившим в 246—222 гг. до н.э. (уже о его отце Птолемеи II Филадельфе нельзя было бы сказать, что его отделяет от Тиберия менее 250 лет). Примечательна сугубо «римская» специфика этого суждения Тацита. Вообще македонская власть была установлена в Египте Александром Великим, но Тацит, похоже, до такой степени не допускает, что Александр мог быть поставлен в один ряд с Птолемеями, к которым римляне относились сравнительно презрительно (ср., например, *Suet. Div. Aug.* 18), что принимает во внимание только последовательность правлений внутри их дома. Вместе с тем формально третьим македонским правителем Египта следует считать Александра (IV) (см. главу 2, § 2.1); если же исходить из системы летосчисления, принятой, по крайней мере, в конце правления Птолемея I и причислявшей к его царствованию в Египте все время со смерти Александра Великого (см. настоящую главу, § 5.2), то третьим македонским правителем Египта должен быть Птолемей II Филадельф, и такая возможность для интерпретации сообщения Тацита учитывалась [Fraser, 1972, vol. 2, p. 989, n. 213].

Однако, на наш взгляд, все совершенно проясняется благодаря сообщению, приписанному некоему сенатору Манилию и переданному Плинием Старшим. Согласно нему, жизненный цикл феникса продолжается 540 лет и совпадает с продолжительностью т.н. «великого года», причем 215-й год этого цикла пришелся на консульство Публия Лициния и Гнея Корнелия, то есть на 97 г. до н.э.² Возможно, именно выражение этой хронологической привязки в римской системе летосчисления по годам консулов, не отсылавшей непосредственно к начальной точке «великого года», привело к тому, что данное сообщение, насколько нам известно, не ставилось в связь с сообщением Тацита; однако, согласно нему, феникс должен был появиться в Египте в 312 г. до н.э., то есть в период сатрапии Птолемея.

² «Манилий также сообщает что период великого года совпадает с жизнью этой птицы... и что год в этом периоде был 215-й, как сообщено им, в консульство Публия Лициния и Гнея Корнелия (97 г. до н.э.)...» (*Plin. Mai. Hist. nat. X.2: ...cum huius alitis vita magni conversionem anni fieri prodit idem Manilius... et fuisse eius conversionis annum prodente se P. Licinio Cn. Cornelio cons. ccxv*) [Broek, 1972, p. 68—69 etc.]. Мы глубоко признательны К.В. Кузьмину, обратившему наше внимание на это сообщение.

Между тем именно этот рубеж, похоже, был воспринят в идеологии державы Птолемеев как начало ее самостоятельного государственного бытия (см. о репликах этого в тексте «Стелы сатрапа» главу 2, § 2.4.2) и, в частности, стал начальной точкой т.н. «эры Сотера» - малоизвестной системы летосчисления, зафиксированной в некоторых выпусках птолемеевских монет в III—II вв. до н.э. [Ладынин, 2005 (3)]. Иными словами, основания счесть именно этот момент началом нового цикла в истории Египта, маркированным появлением феникса, были вполне серьезны. При этом как раз для конца 310-х гг. до н.э. засвидетельствована уникальная и, несомненно, бытовавшая очень недолго система летосчисления по годам царствования Александра (IV) и сатрапии Птолемея (см. главу 2, § 2.1). Учитывая, что, как мы уже сказали, Александр (IV) формально и в самом деле был третьим македонским царем Египта, легко представить, как подобная двойная датировка могла на том этапе, когда ее реальный смысл был уже непонятен, преобразоваться в отсылку к правлению «Птолемея, который из македонян царствовал третьим».

Наконец, наиболее трудно в интерпретации упоминание Тацитом второго эпизода появления феникса, отнесенного, как мы видим, к царствованию некоего Амасиса (*AbI. Amaside*). Очевидно, данная форма имени передает древнеегипетское имя «Яхмос» (PN I. 12: *Tḥ-ms*), однако это, безусловно, не царь XXVI династии, правивший накануне персидского завоевания Египта. В царском списке Манефона в передаче христианских хронографов сходное имя Амос (*Manetho. Frg. 52.1: Ἀμός*), или Амосис (*frg. 53a.1: Ἀμωσις*; *frg. 53b.1: Amoses*), принадлежит первому царю XVIII династии, изгнавшему гиксосов и очевидным образом соответствующему историческому Яхмосу I. Передавая версию царского списка Манефона согласно Африкану, Синкелл замечает, что, как считается, именно при этом царе Моисей вышел из Египта, но, согласно исчислению самого Синкелла, он в это царствование должен был быть еще слишком юн³. Без каких-либо оговорок, в чисто утвердительном смысле сообщение об исходе евреев во главе с Моисеем из Египта при Амосисе, взявшем Аварис, встречается во фрагменте грекоязычного трактата египетского жреца I в. до н.э. Птолемея Мендесского, который цитируют христианские авторы Татиан (*FGrHist. 611. F. 1a = Tat. Or. ad Gr. 38*) и Климент Александрийский (*F. 1b = Clem. Strom. I.101.3*). Наконец, согласно еще одному христианскому автору Феофилу, Моисей возглавлял евреев, когда они были изгнаны из Египта

³ Ὁν πρῶτος Ἀμός, ἐφ' οὗ Μωϋσῆς ἐξῆλθεν ἐξ Αἰγύπτου, ὡς ἡμεῖς ἀποδεκνύομεν, ὡς δὲ ἡ παροῦσα ψῆφος ἀναγκάζει ἐπὶ τούτου τὸν Μωϋσέα συμβαίνει νέον ἔτι εἶναι. Альтернативное отнесение Исхода в изводе Евсевия к времени царя Хебреса, или Кенхереса (*Frgg. 53a—b*), то есть, очевидно, Тутанхамона [Helck, 1956, S. 41], должно быть связано с перенесением на эпоху восстановления традиционных культов после амарнской реформы (то есть, в целом, в представлениях египтян, восстановления нормы после крайнего разлада во взаимоотношениях между миром и богами) мотива, связанного в «академической» версии Манефона с исходом потрясений Египта во времена Аменофиса и Сетоса-Рамессеса.

«при царе Фараоне, имя которого было Тетмосис» (*Manetho. Frg. 51 = Theoph. Ad Autolyc. III.19: Ὁ δὲ Μωσῆς ὀδηγήσας τοὺς Ἰουδαίους, ὡς ἔφθημεν εἰρηκέναι, ἐκβεβλημένους ἀπὸ γῆς Αἰγύπτου ὑπὸ βασιλέως Φαραὼ οὗ τοῦνομα Τέθμοσις*): несмотря на отличие этого имени от форм, производных от имени «Яхмос», сам этот правитель открывает ряд царей, полностью аналогичный XVIII династии Манефона.

О том, что именно этот царь, в основе образа которого лежат реминисценции об историческом Яхмосе I, и должен быть «Амасисом» сообщения Тацита, говорит еще одно свидетельство о появлении феникса, содержащееся во фрагменте трагедии «Исход» (Ἐξαγωγή) еврейского грекоязычного автора эллинистического времени Езекииля Трагика. Время жизни этого автора следует датировать, судя по некоторым признакам, концом II в. до н.э. [Allen, 2007, p. 7], а сам он был необычайно интересной фигурой. Будучи превосходно знаком с гомеровскими поэмами, трудом Геродота, древнегреческой драматургией, он создал с помощью классических выразительных средств трагедию о ключевом эпизоде библейской истории, и ее фрагменты оказались самыми обширными из дошедших до нас остатков драматических произведений эпохи эллинизма [Fraser, 1972, vol. 1, p. 707—709; Jacobson, 1983; Holladay, 1989, p. 301—529]. Завершающий эпизод этого произведения – приход евреев после пересечения Красного моря в оазис Элим на его восточном побережье (см. Исх. 15:27, Чис. 33.9). Последний по порядку фрагмент трагедии Езекииля содержит обращенные к Моисею слова разведчика, описывающего эту местность и рассказывающего об увиденном там фениксе – «странном и удивительном существе», казавшемся «царем всех птиц» (255—268) [Broek, 1972, p. 121]. Подробное описание феникса в данном фрагменте оказывается вторым по времени после данного Геродотом, однако само его появление в контексте сюжета трагедии Езекииля весьма необычно: как известно, среди «египтизмов», присутствующих в Ветхом завете в контексте истории Иосифа, пребывания евреев в Египте и описания Исхода, нет каких-либо эпизодов, в которых фигурировал бы феникс.

Объясняя его появление в трагедии Езекииля, ее издатель Г. Джекобсон ссылается на мнение автора основной работы по восприятию образа феникса в античной и раннехристианской традиции Р. ван ден Брока [Broek, 1972, p. 113 ff.]: согласно ему, для пропагандистов было достаточно обычно привязывать к явлению феникса события, значимость которых они утверждали, и с этой точки зрения Исход мог быть одним из них. Кроме того, поскольку в исторической судьбе евреев Исход имел значение искупления и возрождения, ассоциация с ним символики феникса была уместна по ее смыслу [Jacobson, 1983, p. 159]. Оба суждения Джекобсона могут быть оспорены: явление феникса было специфически египетским пропагандистским топосом, и подчеркивать с его помощью значимость Исхода не стали бы ни

египетские или греко-египетские пропагандисты, вообще настроенные скорее антисемитски, ни сами евреи. Сравнительно недавно Дж. Хит предложила отнести описание феникса у Езекииля за счет особенностей видения, свойственных эллинистической литературе и проявляющихся в эпизоде прихода евреев в Элим [Heath, 2006]; однако такое построение больше похоже на уход от объяснения, нежели на его поиск. Между тем ассоциация Исхода с явлением феникса зафиксирована, помимо трагедии Езекииля, еще и в коптской «Проповеди о Марии» VI в. н.э., содержащей следующие слова: «Когда бог вывел детей Израиля из Египта рукой Моисея, феникс показался в храме Она, города солнца» [Broek, 1972, p. 121; Jacobson, 1983, p. 159]. Как видно, в отличие от трагедии Езекииля, коптская проповедь не делает наблюдения феникса одним из эпизодов Исхода, а лишь синхронизирует Исход и явление феникса, причем описание последнего весьма схоже с независимыми от библейского контекста описаниями античных авторов (прежде всего Геродота). Похоже, что ассоциация Исхода и одного из эпизодов явления феникса в Египте – это черта комментирования Ветхого завета, специфичная именно для Египта. Видимо, она проявляется у Езекииля и в коптской проповеди VI в. независимо и основана на реминисценции, вообще внешней по отношению к Ветхому завету, – на представлении египтян и их культурных наследников коптов о том, что один из эпизодов явления феникса имел место во времена, соответствующие в еврейской традиции Исходу.

Однако, как мы помним (см. подробно, с отсылками к соответствующим источникам главу 1, § 1.3.2), в «академической» версии позднеегипетской историографии, представленной трудом Манефона, события Исхода твердо и, можно сказать, с подробным концептуальным обоснованием этого привязаны к финалу владычества в Египте прокаженных и присоединившихся к ним гиксосов. Это владычество наступило при царе Аменофисе и было ниспровергнуто усилиями его совместно с сыном Сетосом-Рамессесом, при том что эти цари соответствуют историческим Мернептаху и Сетнахту! Именно Сетнахту памятники начала XX династии (в особенности «Большой папирус Харрис») приписывают прекращение периода смуты и скверны, а его «Элефантинская стела» фиксирует изгнание из Египта неких «азиатов», что хорошо коррелируется с сюжетом об Исходе. С этой точки зрения (так сказать, «противоположной» восприятию «противников» Египта – создателей ветхозаветной традиции), именно время Сетнахта и его соответствий в последующих реминисценциях – это начало новой эпохи в истории Египта, когда можно было бы ожидать явления феникса, причем для египтян этот этап их истории и его «маркер» были бы значимы и по основаниям, совершенно независимым от событий Исхода. Соотнесение этих фактов именно как независимых мы, судя по всему, видим в тексте коптской «Проповеди о Марии»; однако Езекииль, по-видимому, предпочел «пересадить» этот египетский мотив собственно в историю Исхода, сделав наблюдение феникса одним из знамений евреям на пути к обетованной земле. Примечательно,

что даже в этом случае, по сути дела, выдерживается соответствие этого мотива египетским представлениям: евреи видят феникса на восточном побережье Красного моря, то есть на том пути с востока, который эта птица и должна проделать по направлению к Египту.

Соотнесение явления феникса с временем Сетоса-Рамессеса/Сетнахта было бы закономерно и по аналогии с его явлением при Сесосисе, или Сесонхосисе/Сенусерте I: в обоих случаях это событие пришлось бы на правление «царей-грюндеров», устраивающих Египет заново после катастрофы, которая постигла страну и была преодолена усилиями царей – их отцов. Однако, как мы видим, ряд сообщений, появляющихся в контексте традиции Манефона, а также принадлежащих к другим ответвлениям позднеегипетской историографии, относят Исход к завершению первого, а не второго владычества гиксосов в Египте. При этом свидетельство Тацита о явлении феникса при Амасисе позволяет считать, что к этому же времени в рамках данной манипуляции оказывалось отнесено и начало нового цикла истории Египта. Подобное смешение этапов начала XVIII и начала XX династий, строго говоря, имеет ряд фактических оснований. Амасис/Амос(ис)/Яхмос I, как и Сетос-Рамессес/Сетнахт, ниспроверг владычество в Египте чужеземцев, которых позднеегипетская традиция, представленная Манефоном, именovala гиксосами; а в специфической фиванской традиции, отразившейся в одном из рельефов Рамессеума, Яхмос I, наряду с Менесом и Ментухотепом II, входит в ряд правителей, открывающих крупные этапы истории Египта (см. главу 1, § 1.3.1). Вместе с тем смешение этих этапов никоим образом не могло исходить из сведений Манефона, четко разделявшего первое и второе владычества гиксосов и столь же четко связавшего именно с последним Исход (об этом мы можем судить совершенно уверенно благодаря подробному цитированию соответствующего фрагмента его труда Иосифом Флавием). Еще менее можно винить в этой путанице христианских хронографов, не имевших адекватного знания истории Египта и тем самым не способных выявить в ее разных этапах и встречающихся на этих этапах персоналиях какие-либо сходные черты (очевидно, не усмотрев такого сходства между ними, их было бы невозможно и спутать).

Думается, что главное основание для этой путаницы прямо указано Тацитом, говорящим, что эпизоды появления феникса в Египте разделяет срок в 1461 год. Похоже, что традиция, соотносящая Исход, то есть одно из ключевых событий начала третьего цикла истории Египта, с началом XVIII династии, попросту стремится приписать этому циклу продолжительность жизненного цикла феникса, равного циклу Сотиса и завершающегося, очевидно, в 312 г. до н.э., в момент появления нового феникса при сатрапе Птолемею. Однако, чтобы сделать это, необходимо было представить соответствующие выкладки со сроками правления составлявших этот исторический цикл династий, иными словами, провести манипуляцию, сходную по своей цели и сущности с той, которая, как мы предположили,

позволяла соотнести начало третьего цикла истории Египта с «апокатастасисом» 1322 г. до н.э. и уместить между ним и вступлением в Египет Александра Великого срок в 990 лет (см. настоящую главу, § 5.3). Очевидно, в рамках этой манипуляции пришлось бы «приплюсовать» к продолжительности цикла третьего тома Манефона срок не только XIX, но и XVIII династии. Срок правления последнего царского дома в традиции Манефона указан с серьезными разночтениями: Африкан определяет его в 263 года (*Manetho. Frg. 52*); Евсевий, как в передаче Синкелла, так и в армянской версии, - в 348 лет (*Frgg. 53a—b*); и, наконец, Иосиф Флавий в своей обширной цитате оригинального текста Манефона – в 393 года, явно с причислением к этому сроку 59 лет Сетоса, в версиях царского списка у хронографов относящегося уже к XIX династии (таким образом собственно XVIII династия насчитывала бы около 334 лет, а по точному суммированию указанных Флавием сроков отдельных царствований – 332 года и 5 месяцев; *Manetho. Frg. 54 = Ios. C. Ap. I.25. § 231*; см. нашу таблицу 1.1 в главе 1, § 1.3.2). При этом сумма лет, приведенная Африканом, - это явно результат его собственных вычислений, в то время как соответствующая цифра Евсевия, совпадающая лишь с одним из четырех возможных вариантов суммирования приводимых им продолжительностей отдельных царствований, скорее должна быть взята из использованной хронографом традиции. Чрезвычайно существенно, что сравнительно высокая цифра, соотносящаяся с суммированием Евсевия, получается на основании данных цитаты Флавия: исходя из этого, мы можем быть уверены, что около 330—340 лет было отведено XVIII династии в оригинальном тексте Манефона. Как мы помним, при сложении продолжительностей XIX династии и династий третьего тома Манефона мы получили результат в диапазоне 1066—1077 лет с использованием цифр извода Африкана и около 1027—1029 лет – с использованием цифр извода Евсевия (см. настоящую главу, § 5.3). Очевидно, что прибавление к этой продолжительности срока XVIII династии в 330 или 340 лет, а также 20 лет, отделявших финал третьего тома Манефона (вступление Александра Великого в Египет) от появления феникса в 312 г. до н.э. дало бы нам общую сумму порядка 1420—1440 лет на основании цифр Африкана и порядка 1380—1390 лет – на основании цифр Евсевия. Конечно, оценивая порядок этих цифр, мы (как и в случае с «обыгрыванием» 990-летнего срока между «апокатастасисом» и вступлением Александра в Египет, которое рассматривалось в предыдущем разделе) не имеем в своем распоряжении в точности тех данных, которыми пользовались инициаторы этой манипуляции. Кроме того, вполне допустимо, что они и сами не достигли полной точности в «подгонке» промежутка времени от начала XVIII династии до 312 г. до н.э. под «искомый» идеальный срок в 1461 год. Тем не менее думается, что наши оценки подтверждают наличие подобных «нумерологических» мотивов в отнесении ко времени

первого царя XVIII династии начала третьего цикла истории Египта и, соответственно, Исхода и синхронного ему явления феникса.

Обратим внимание, что хронологические данные традиции Манефона скорее должны подтвердить наличие срока, равного жизненному циклу феникса в соответствии с сообщением Тацита, и между царствованиями «Сесосиса»/Сенусерта I и «Амасиса» - основателя XVIII династии. В целом продолжительность правлений династий второго тома Манефона определяется согласно и Африкану, и Евсевию в 2121 год (Frgg. 55—56⁴); изъятие из этого срока продолжительностей правления XIX и XVIII династий, оцененных, соответственно, около 200 и 330—340 лет, дало бы разность около 1580—1590 лет. Понятно, что этот срок существенно превышает период в 1461 год, однако он во всяком случае с ним сопоставим. Кроме того, оценивая его согласно данным традиции Манефона, мы опять же можем рассчитывать лишь на приближение к цифрам, использованным инициаторами данной манипуляции: в частности, мы не знаем, насколько те могли быть в курсе значительного совпадения между сроками династий исторического II Переходного периода, которые были известны Манефону (см. наш предыдущий раздел, прим. 15).

Подводя итог нашей интерпретации сообщения Тацита о периодах, связанных с появлениями в Египте феникса, можно достаточно уверенно констатировать, что оно восходит к некоей египетской традиции, которая стремилась соотнести циклы истории Египта, известные «академической» позднеегипетской историографии (в том числе в лице Манефона), с представлением о жизненных циклах этой мифической птицы. Нет сомнений, что сама по себе эта традиция не являлась «академической», а, напротив, представляла собой вариант сугубо массовой, «профанной» пропаганды, мобилизовавшей для своих целей яркие мифологические сюжеты и, так сказать, приемы нумерологии. Вместе с тем необычайно важно, во-первых, что синхронизация в этой традиции появлений феникса с рубежными эпизодами в исторической схеме Манефона либо с их закономерными аналогами надежно подтверждает наше предположение о наличии в основе его труда циклической концепции. Во-вторых, не менее важна привязка последнего известного информаторам Тацита случая появления феникса к началу птолемеевского времени, а именно, в соответствии с предложенной нами интерпретацией, к 312 г. до н.э. Выше мы высказали мнение, что основой для сообщения Тацита стала некая изначальная информация, датировавшая явление феникса годом царствования Александра (IV) и сатрапии Птолемея: если мы в этом правы, то данная информация и должна восходить ко времени, когда употреблялась такая датировочная формула, т.е., очевидно, к концу 310-х – 300-м гг. до н.э. В таком случае представление о новом

---

⁴ Версия Синкелла согласно Евсевию дает цифру в 1121 год (Frg. 56a), что является несомненной ошибкой Синкелла (в армянской версии Евсевия мы видим цифру в 2121 год: frg. 56b).

появлении феникса в 312 г. до н.э. и должно было сложиться тогда же; и это согласуется с тем, что значимость данного этапа в становлении эллинистической государственности Египта была, пожалуй, заметнее с близкой дистанции. Если предложенная нами интерпретация сообщения Тацита верна, то оно является, пожалуй, самым надежным аргументом в пользу того, что Птолемей Сотер в адресованной египтянам пропаганде рассматривался как «грюндер» новой большой исторической эпохи, деятельность которого была сопоставима с деяниями царей Египта, открывших второй и третий циклы его истории.

5.5. *«Роман об Александре»: Нектанеб и Александр – «царь-отец» и «царь-сын» финала третьего цикла египетской истории*

Среди древнейших составляющих позднеантичного «Романа об Александре» (см. в целом: [Ausfeld, 1907; Merkelbach, 1977; Boyle, 1977; Hägg, 1983, p. 125—140; Jouanno, 2002; Stoneman, 2008; Бертельс, 1948; Кинжалов, 1955; Кузнецова, 1969; Костюхин, 1972]) мы видим комплекс мотивов, связанных с египетским происхождением Александра Великого – его рождением от близости царицы Олимпиады и бежавшего в Македонию после захвата его владений чужеземцами египетского царя Нектанеба. В литературе высказывалось мнение о появлении этого комплекса в виде связного нарратива в Александрии не позже времени первых Птолемеев. Так, Б. Берг возводил к этому прототипу следующие сюжеты, отразившиеся в окончательной кодификации «Романа об Александре»¹: собственно бегство Нектанеба и появление на свет Александра (Hist. Alex. Magni, A. I.1—12); основание Александрии, вступление Александра в Египет и его коронация в Мемфисе (id. 30—34); посещение переодетым Александром лагеря Дария (id. II.13—15); путешествие Александра в эфиопское царство Кандаки (id. III.18—24); соглашение Пердикки и Птолемея о разделе наследия Александра (id. 32); похороны Александра в Мемфисе, а затем в Александрии (id. 33) [Berg, 1973]. Для датировки содержавшего эти сюжеты александрийского прототипа существенны тот факт, что Птолемей Сотер представлен в предпоследнем из названных эпизодов сводным братом и, стало быть, законным наследником Александра (ср. [Koenen, 1993, p. 44—45]), а равно и в целом мотив легитимации власти над Египтом македонского дома, якобы восходящего к его исконной династии. По мнению Берга, это позволяет привязать возникновение данного нарратива ко времени, когда такие идеологические задачи были актуальны, – к «очень ранней дате, хотя, может быть, и не ко времени жизни Птолемея», но, во всяком случае, не позднее чем к первой половине III в. до н.э. [Berg, 1973, p. 387]. Наибольший интерес для нас в рамках этого комплекса будет представлять, пожалуй, самый идеологически окрашенный и эффектный его сюжет – о рождении Александра от последнего египетского царя Нектанеба.

---

¹ Здесь и далее в цитировании и изложении его содержания, если не оговорено иначе, мы следуем т.н. «версии А» (Hist. Alex. Magni, A); о рукописях и архетипах «Романа об Александре» см.: [Bergson, 1965, p. V—XXV; Greek Alexander Romance, 1991, p. 28—32]; переводы текста «Романа...» см. в: [Поздняя греческая проза, 1960, с. 397—416 (фрагменты); Pfister, 1978 (перевод «версии А» и наиболее значимых фрагментов других версий); Greek Alexander Romance, 1991 (перевод т.н. «версии β» согласно манускрипту L)].

В целом этот сюжет хорошо известен. Согласно первым главам «Романа...», египетскому царю Нектанебу долгое время удавалось отражать нападения врагов благодаря своему магическому искусству (Hist. Alex. Magni, A. I.1; о египетских истоках представления о Нектанебе как о волшебнике см.: [Васильева, Ладынин, 2012]). Получив в очередной раз известие о нашествии огромного многоплеменного войска (характерным образом, в перечислении составлявших его народов Азии на первое место вынесены скифы²), Нектанеб решил прибегнуть к своей обычной практике. Однако, войдя в свой покой и приступив к колдовству, он «увидел, вглядевшись в сосуд, что боги египтян правят кораблями враждебных варваров» (id. 3.1: εἶδε τοὺς τῶν Αἰγυπτίων θεοὺς τὰ τῶν πολεμίων βαρβάρων πλοιάρια διακυβερωῶντας; очевидно, эту фразу нужно понять буквально – в том смысле, что он увидел богов стоящими у рулей слепленных им из воска моделей кораблей или же что его взору одновременно открылась такая же картина на настоящих кораблях вражеского флота). Поняв благодаря этому, что «царь египтян уже предан богами» (τὸν τῶν Αἰγυπτίων βασιλέα ὑπὸ τῶν μακάρων ἤδη προδοσίαν ἐσχικέναι), Нектанеб изменил свою внешность, захватил казну и бежал из страны через Пелусий (id. 3.2). Египет же подпал под власть врагов, и его жители обратились к «праотцу богов» Гефесту³ с вопросом, что стало с их царем (id. 3.4: ἠξίωσαν οἱ Αἰγύπτιοι τὸν προπάτορα τῶν θεῶν Ἦφαιστον, τί ἄρα ὁ τῆς Αἰγύπτου βασιλεὺς ἐγένετο). Гефест дал им совет задать этот вопрос «невидимому богу Синопы» (явным образом, Сарапису⁴), и его оракул изрек следующее: «Этот бежавший из Египта сильный, храбрый старший царь (и) властитель вернется спустя время на землю Египта

² «Итак, когда, благодаря многоопытности этого мужа, он пробыл царем уже достаточно долгое время, некто из числа тех, кого римляне зовут *exploratores*, а греки – “разведчики”, сказал ему: “О великий Нектанеб, я был послан следить за тем, все ли пребывает в мире. Сейчас наступает несметная толпа из тысяч врагов: есть среди них и скифы, и арабы, и оксидраки, и иберы, и сирийцы, и кавконы, и лапаты, и боспорийцы, и агры, и залвы, и халдеи, и месопотамийцы, и агриофаги, и эвонимиты, и все многочисленные народы, какие есть на востоке”» (Hist. Alex. Magni, A. I.2.1—2: Οὕτως οὖν διὰ τῆς πολυπειρίας τοῦ ἀνδρὸς τοῦ βασιλείου διαμένοντος μετὰ ἰκανὸν χρόνον ἐκ τῶν παρὰ Ῥωμαίους καλουμένων ἐκπλωρατόρων, παρὰ δὲ τοῖς Ἑλλησι κατασκόπων παρῶν ποτέ τις οὕτως εἶπε τῷ βασιλεῖ· Μέγιστε Νεκτανεβώ, παραπεμφάμενος πάντα τὸ ἐν εἰρήνῃ εἶναι ἐπίσκεψαι. ἐπίκειται γὰρ νέφος οὐκ ὀλίγον μυρίων ἐχθρῶν· εἰσὶ γὰρ Σκύθαι καὶ Ἄραβες καὶ Ὀξύδρακες <καὶ Ἴβηρες> καὶ Σῆρες καὶ Καύκωνες καὶ † Λάπατες καὶ Βοσπόριοι καὶ Ἄγροι καὶ † Ζαλβοὶ καὶ Χαλδαῖοι καὶ Μεσοποτάμιοι καὶ Ἀγριοφάγοι καὶ Εὐωνυμίται καὶ ὅσα ἐστὶν ἔθνη ἐπὶ τῆς ἀνατολῆς μεγάλα...).

³ См. о вероятном соотношении имени Гефеста с образом египетского бога Атума § 5.3, прим. 11. О том, что Атуму может соответствовать и Гефест данного фрагмента «Романа об Александре», свидетельствует, на наш взгляд, его эпитет «праотец богов», соответствующий его качеству создателю всего сущего в мире.

⁴ Ср. с хорошо известными синопскими коннотациями в легенде о создании культа Сараписа Птолемеем Сотером при участии экзегета Тимофея и Манефона; см. отсылки к литературе по данному вопросу в связи с биографией Манефона Севеннитского в главе 1, § 1.3.2, прим. 1, и в главе 5, § 5.2, прим. 10.

молодым, отбросив старческое в своем облике, обойдя мир и даровав вам подчинение врагов»⁵. После бегства Нектанеб попал в столицу Македонии Пеллу, где приобрел славу как предсказатель и стал известен царице Олимпиаде (id. 4). Она спросила его, не оставит ли ее муж, царь Филипп, и узнала, что спустя время это произойдет, но еще до этого ей предстоит родить сына, который отомстит Филиппу за ее обиды, от близости с богом. По словам Нектанеба, этим богом окажется ливийский Аммон, который предстанет перед царицей, сменив несколько обличей: змея, собственно Аммона с рогами, Геракла, Диониса и, наконец, самого Нектанеба (id. 4—6). Можно понять, что Нектанеб вновь прибегнул к своему магическому искусству, чтобы появиться перед царицей в этих обличьях и овладеть ею (id. 7); и в результате этого, в сопровождении знаменующих его грядущее величие продигий, на свет появился Александр (id. 11—12)⁶. Последний эпизод «Романа...», в котором мы вновь видим Нектанеба в его качестве волшебника, – это его появление перед Филиппом в образе змея, с тем чтобы убедить его, что находящийся во чреве его жены ребенок зачат действительно в близости с богом, а не в банальном адюльтере (id. 10). Затем случилось так, что Нектанеб был убит подростком двенадцатилетним Александром, услышавшим от Филиппа, что, будучи подобен ему в воинском искусстве, он не похож на него своей внешностью. Умирая, Нектанеб сказал, что знал о предстоящей смерти от руки собственного сына, и сообщил Александру историю его появления на свет; Александр впал в скорбь от собственного поступка и принес тело Нектанеба Олимпиаде, которая похоронила его в роскошной гробнице (id. 14). Наконец, когда Александр вступил в Египет (id. 34), он увидел в Мемфисе статую из черного камня, на пьедестале которой были начертаны слова оракула о возвращении бежавшего из Египта царя (id. 34.5: “Ο φυγῶν βασιλεὺς πάλιν ἦξει ἐν Αἰγύπτῳ, οὐ γηράσκων ἀλλὰ νεάζων, καὶ τοὺς ἡμῶν ἐχθροὺς Πέρσας ἡμῖν ὑποτάξει”). Услышав эти слова от египтян, Александр поведал им о своем рождении от Нектанеба и, следовательно, об исполнении предсказания (id. 34.6).

⁵ Hist. Alex. Magni, A. I.3.4—5: ὁ δὲ ἔπεμψεν αὐτοῖς χρησμόν, πρὸς τὸν ἀόρατον τοῦ Σινωπίου παραστῆναι, ὃς χρησμοδοτεῖ αὐτοῖς οὕτως: ‘Αἴγυπτον ὁ φυγῶν κραταῖος ἄλκιμος πρέσβυς βασιλεὺς δυνάστης ἦξει μετὰ χρόνον νέος, τὸ γηραλέον ἀποβαλὼν τύπων εἶδος, κόσμον κυκλεύσας, ἐπὶ τὸ Αἰγύπτου πεδίον, ἐχθρῶν ὑποταγὴν διδοὺς ἡμῖν.’

⁶ Согласно «Роману...», рождение Александра сопровождалось грозой и землетрясением, «словно пришел в движение весь мир» (Hist. Alex. Magni, A. I.12.9: ἀστραπὴ γέγονεν, βροντὴ ἐξήχησε, σεισμὸς ἐγένετο, ὥστε τὸν πάντα κόσμον συγκινηθῆναι); ср. с другими аналогичными мотивами античной традиции: сон Олимпиады накануне брачной ночи, будто ей в чрево ударила молния: *Plut. Alex. 2.3*; сон Филиппа, будто он накладывает на чрево Олимпиады печать с изображением льва, и его истолкование прорицателем Аристандром из Телмесса: *Plut. Alex. 2.4*; Hist. Alex. Magni, A. I.8; появление в день рождения Александра на крыше дворца его отца двух орлов: *Iust. XII.16.5*; получение Филиппом вместе с вестью о рождении сына благоприятных известий о победе Пармениона над иллирийцами и его квадриги на Олимпийских играх: *Iust. XII.6.6*, *Plut. Alex. 3.8*. О сюжете рождения Александра от змея в магистральной античной традиции см.: [Ладынин, 2005 (2)].

Хотя о политических и идеологических тенденциях, определивших возникновение сюжета о египетском происхождении Александра (в том числе о его импликациях в собственно египетской традиции), на сегодняшний день сказано немало [Perry, 1966; Jasnow, 1997; Jouanno, 2002, p. 57—125; Matthey, 2013; Струве, 1927; Кинжалов, 1962; Коростовцев, 1964; и др.], некоторые принципиальные и на самом деле довольно очевидные акценты в этой проблеме все еще не расставлены. В частности, это относится к вопросу об инициаторах и о вероятном адресате пропагандистского мотива, заложенного в этой фикции. Нам приходилось обращаться к ее близкому аналогу – известной в передаче Геродота и Афинейя легенде о египетском родстве Камбиса (о его рождении от дочери Априя Нитетис или о его браке с ней: *Hdt.* III.1—2; *Athen.* XIII.560d—f;) [Ладынин, 2006 (2)]. В связи с этой легендой мы отметили, что в египетских памятниках Камбиса и Александра к данным фикциям нет никаких отсылок⁷, а власть этих чужеземцев над Египтом, без сомнения, обосновывалась при помощи базового египетского представления о персональной (определяющейся фактом рождения от божества и присутствием сакрального начала), а не династической легитимности каждого фараона (см. также главу 1, § 1.1.1). Сказанное, разумеется, относится к официальной доктрине, предлагавшейся этими правителями и/или учрежденной ими администрацией их египетским подданным. Что же касается их собственного взгляда на их право владеть Египтом, здесь ситуация еще яснее – для Камбиса и Александра совершенно достаточным «обоснованием» завоевания Египта, безусловно, были возможность и целесообразность этой акции (для Александра, весьма вероятно, не только в ее военном аспекте, но и в связи с возможностью «популяризовать» примененные к себе египетские представления о царской сакральности уже в «своем», греко-македонском, кругу; см. главу 2, § 2.1, а также [Ладынин, 2016 (2)]). Таким образом, в случаях и Камбиса и Александра фикции их египетского родства никоим образом не могли иметь статус принятых ими официозов, а, скорее всего, были лишь средством их неофициальной пропаганды, которая получала распространение в виде ходивших в народе легенд и была насущна даже не для завоевателей Египта, а для коллаборировавшей с ними местной элиты, желавшей оправдать свою позицию.

С этим хорошо согласуется и следующий момент: обе названные нами фикции при содержащихся в них натяжках не могли быть рассчитаны на сколько-нибудь серьезное восприятие со стороны представителей египетской элиты, осведомленных не только о реальном происхождении Камбиса и Александра, но и о времени их рождения и о его соотношении с другими историческими событиями. Применительно к сюжету о Нитетис на это первым

---

⁷ Давнюю попытку усмотреть отсылку к фикции происхождения Александра от Нектанеба в сочетании титулов на фрагменте раннеэллинистической клепсидры из Государственного Эрмитажа (№ ДВ 2507а) [Wiedemann, 1900; Шолпо, 1939] нельзя считать основательной; см. главу 3, § 3.1.2.

обратил внимание сам Геродот, указавший, что, по сведениям самих персов, женой Кира и матерью Камбиса была их соплеменница Кассандана, а вовсе не египтянка. Далее, очень показательны наличие двух версий легенды о Нитетис, отводивших ей в персидской царской семье разное место. Одна из них, восходящая по словам Геродота к персидским информаторам (что подтверждается параллелью из труда заведомо ориентированного на персидские источники Ктесия Книдского: FGrHist. 688. F. 13a = Athen. XIII.560d—e), называет мужем Нитетис завоевателя Египта Камбиса. Согласно другой версии, восходящей к сведениям египтян (что опять же подтверждается параллелью во фрагментах греческого автора, жившего в Египте, Ликея из Навкрата: FGrHist. 613. F. 1 = Athen. XIII.560f; там же ссылка Афиней на Динона Колофонского – *ср.* FGrHist. 690. F. 11), мужем Нитетис был основатель великой Персидской державы Кир II, а Камбис оказывался тем самым сыном Нитетис. Различие в содержании этих версий идеально соотносится с разницей между породившими их традициями: как египтяне, так и персы стремились оптимально согласовать легенду о Нитетис с событийным рядом своей собственной истории, не заботясь об анахронизмах, возникавших при этом в его соотношении с историей, так сказать, «противоположной стороны». Говоря более конкретно, коль скоро персы не могли проигнорировать рождение Камбиса от Кассанданы, в их версии легенды Нитетис могла быть только женой, но не матерью этого царя, хотя в таком случае их пресловутый брак должен был иметь место спустя несколько десятилетий после устранения с египетского престола Априя, а его дочь была бы основательно старше своего жениха. Напротив, для египтян было важно поместить брак Нитетис и персидского царя максимально близко ко времени узурпации Амасисом власти у Априя в 570—567 гг. до н.э. [Ладынин, 2006 (1), с. 90—91]: соответственно, персидским царем – персонажем этой легенды, мог быть только Кир II, но никоим образом не Камбис, хотя и Кир стал царем мидо-персидского «царства стран» лишь в конце 550-х гг. до н.э. и в его время, особенно в начале его правления, отношения с Египтом еще не стояли в повестке дня персидской политики.

Что касается легенды о египетском происхождении Александра, ее неувязки еще более очевидны и вопиющи: достаточно сказать, что он родился без малого за 13 лет до второго персидского завоевания Египта и бегства царя Нектанеба II из страны в конце 340-х гг. до н.э. (см. о некоторых проблемах, связанных с вопросом о его бегстве: [Tögök, 2009, p. 372—376; Ladynin, 2010])! Кроме того, едва ли приходится специально комментировать степень правдоподобия сведений как о рождении Александра от Нектанеба, так и о том, что Птолемей Сотер был его сводным братом. Оба эти сюжета выглядят не просто фикциями, но конструктами, искусственность которых была бы в глаза любому современнику персидского и македонского завоеваний Египта, мало-мальски знакомому с их предысторией. Желание «поверить» в них (в том числе благодаря их романтическому колориту, вызывавшему симпатию

и к юной Нитетис, ставшей жертвой Амасиса, и к Нектанебу – плуту на престоле, неплохо устроившемуся и в изгнании) могло возникнуть прежде всего у людей из народа.

Подобное заключение о происхождении и характере этих фикций позволяет прежде всего определенно сказать, что фиксирующие их греческие тексты, вне сомнения, восходят к египетской традиции. В свое время американский демотист Р. Джаснов предположил, что у «Романа об Александре» в его «египетской части», связанной с образом Нектанеба (собственно, у предполагаемого александрийского нарратива времени первых Птолемеев), с большой вероятностью существовал текстуальный египетский прототип [Jasnow, 1997, p. 103]. Вскоре это предположение блестяще подтвердилось благодаря находке К. Рихолтом, исследовавшим т.н. «тебтюнискую библиотеку» III в. н.э., нескольких папирусов с т.н. «Пророчеством Петесиса» (pCarlsberg 424, 499, 559+PSI inv. D60, pCarlsberg 562) [Ryholt, 1998; 2002; 2012, p. 157—170, pls. 20—21] – демотической версией «Сна Нектанеба», давно известного грекоязычного текста, примыкающего к «египетской» сюжетной линии «Романа об Александре» (pLeiden I.396; перевод: [Gauger, 2002]; см. также: [Коростовцев, 2001, с. 180—181; Matthey, 2013, p. 124—138]). Жанровая принадлежность как «Сна Нектанеба», так и предполагаемого прототипа соответствующих сюжетов «Романа об Александре», достаточно очевидна. Это новеллистические тексты, активно абсорбировавшие фольклорные приемы и вообще характерные для презентации египтянами своего прошлого, по сути дела, со становления соответствующей литературной традиции в I Переходный период (см. наши замечания о первоисточниках, близких по своей форме фольклору и художественной литературе, которые активно использовала позднеегипетская историография, во введении и в главе 1, § 1.3.2). Таким образом, именно египетская историко-литературная традиция оказывается наиболее уместным контекстом для интерпретации сюжета о Нектанебе и Александре – в плане как его сопоставления со свойственной ей системой образов и мотивов, так и определения места, который этот сюжет должен занять в формируемой этой традицией общей схеме истории Египта.

Содержащиеся в данных фрагментах «Романа...» аллюзии на египетскую традицию (включая ее базовые идеологические представления) наглядно подтверждают целесообразность их интерпретации в ее свете, в сопоставлении с принадлежащими к ней источниками. Так, к числу явных «египтизмов» «Романа...» относится сама «техника» колдовства при помощи воска, к которой прибегает Нектанеб. У египтолога она не может не вызвать ассоциаций со второй новеллой сказок папируса Весткар, где маг Убаинер наказывает свою неверную жену и ее любовника с помощью воскового крокодила, превращающегося в озере, где они купаются, в настоящего (pWestcar II.23—IV.7) [Eyre, 1992]. Кроме того, подобная «техника» именно в «боевом» применении, к которому прибегал Нектанеб в «Романе...», засвидетельствована в

египетских магических текстах IV в. до н.э., содержащих «рецепты» боевой магии против внешних врагов Египта, которую полагалось проводить на восковых изображениях богов, олицетворявших зло (Сета и Апопа), и их спутников – в т.н. «Книге победы над Сетом», в «Книге низвержения Апопа», в магическом рSalt 825 (см. в целом об этих текстах главу 1, § 1.2). Принятие Нектанебом при соблазнении Олимпиады обличий бога еще в конце XIX в. напомнило ряду исследователей тексты Нового царства о чудесном рождении царя, в которых бог Амон является его матери, чтобы соединиться с ней, в обличье ее супруга-царя (запись легенды о рождении Хатшепсут из ее заупокойного храма в Дейр эль-Бахри: Urk. IV.216—234; о рождении Аменхотепа III из Луксорского храма: id. 1713—1722; перевод: BAR. II. § 187—212, 841) [Maspero, 1897, p. 25; Moret, 1902, p. 67—68; Merkelbach, 1977, S. 77—83; Коростовцев, 1964; о данном мотиве новоегипетских текстов см.: Brunner, 1964]. Данная аналогия тем более правомерна, что, хотя в позднеантичном романе такой трюк Нектанеба выглядит типичной принадлежностью любовной авантюры, тем не менее, в других фрагментах того же произведения мы видим вполне серьезные по своему контексту именованию Александра сыном Аммона (Hist. Alex. Magni, A. I.35.5; III.33), предполагающие, что божество и в самом деле присутствовало в Нектанебе при зачатии его сына. Наконец, весьма симптоматично само представление, по сути дела, о буквальном, физическом возвращении Нектанеба в Египет в лице его сына Александра (id. 3.4—5, 34.4—5; во втором случае к нему примыкает и провозглашение Александра «реинкарнацией» древнейшего царя-завоевателя Сесонхосиса – см. главу 6, § 6.1, 6.4), возможно, содержащее аллюзию на одно из базовых представлений египетской царской идеологии – о единосущности всех царей Египта, плоть каждого из которых представляет собой частицу плоти бога Солнца [Berlev, 1981, p. 362—363; 373, n. 12].

Что касается примыкающего к данному сюжету «Романа об Александре» грекоязычного текста «Сон Нектанеба» (см. ссылки на публикации выше), интересующий нас мотив рождения Александра Великого от Нектанеба в нем не проявился⁸. Действие этого текста отнесено к ночи с 21 на 22 фармути Года 16 Нектанеба по египетскому календарю (pLeiden I.396. II.1.1; 5—6 июля 343 г. до н.э.) [Gauger, 2002, S. 195; *ср.* Spalinger 1992], т.е. к кануну вторжения в Египет Артаксеркса III. Царь Нектанеб обращается к богам с просьбой о предсказании будущего и видит во сне, как перед Исидой, окруженной богами, предстает чтимый в родовом гнезде XXX династии нижеегипетском городе Севенните бог Онурис (в греческом соответствии – Арес) и жалуется, что строительные работы в его севеннитском храме не завершены. Пробудившись,

⁸ В недавней публикации текстов из тебтюнесской библиотеки К. Рихолт опубликовал продолжение «Пророчества Петесиса» [Ryholt, 2012, p. 157—167] и высказал обоснованное косвенными, но вполне убедительными аргументами предположение, что этот текст должен был содержать эпизод получения Нектанебом II пророчества бога Хорура о его бегстве из Египта, рождении у него сына и последующем освобождении тем Египта от чужеземцев [Ryholt, 2012, p. 164—167].

Нектанеб выясняет, что незавершенными остались иероглифические надписи на стенах храма; он отправляет в Севеннит некоего Петесиса – лучшего в Египте мастера по таким работам; но тот встречает в Севенните красавицу и, очевидно, так и не выполняет царское поручение. Можно понять, что обрушившееся на Египет за этим нашествие персов и является карой за небрежность царя по отношению к храмам богов (вероятно, проявившуюся не только в этом случае).

Явление божества царю с важными сообщениями во сне является довольно частым мотивом египетской традиции («Стела сфинкса» Тутмоса IV: Urk. IV.1539—1544; BAR. II. § 810—815; [Klug, 1992, S. 296—304]; «Стела сна»: Танутамона: FHN I.193—209; [Grimal, 1981 (2), p. 3—20, pls. I—IV]; см. в целом: [Zibelius-Chen, 1988; Szpakowska, 2003]), в эллинистическое время сказавшимся в легенде о создании Птолемеем Сотером культа Сараписа (см. выше; согласно ней, царь увидел этого бога или его чтимое изображение во сне: *Tac.* IV.83; *Plut. De Is. et Os.* 28). По сути дела, именно содержащий этот мотив «Сон Нектанеба» позволяет определить место и роль образа последнего царя Египта в истории его страны на рубеже эллинизма, которое отвела ему сложившаяся о нем традиция. Весьма отчетливой параллелью сюжету этого текста можно считать начало рассказа о бедствиях Египта при царе Аменофисе – нашествии прокаженных и чужеземцев – в версии греко-египетского автора I в. до н.э. Херемона Александрийского (о данном сюжете в традиции как Манефона, так, отчасти, и Херемона см. главу 1, § 1.3.2). В версии Херемона причина гонения Аменофиса на египетских прокаженных выглядит следующим образом: царь в ходе войны разрушает храм Исиды, богиня является ему во сне с упреком и именно после этого он, по совету жреца, изгоняет из Египта ритуально нечистых (FGrHist. 618. F. 1 = *Ios. C. Ap.* I.32. § 288—290). Данная параллель сюжету о сне Нектанеба, конечно, не случайна и должна вместе с ним восходить к одному и тому же топосу египетской традиции – образу царя, чья небрежность в религиозной сфере в сочетании с жесткими и несправедливыми действиями обрушивает на Египет и крайне тяжелые практические следствия того и другого, и, насколько можно судить, гнев богов (мы говорили, что, помимо Аменофиса, такое «амплуа» в труде Манефона отведено, по-видимому, и Суфису/Хуфу в историческом цикле первого томоса; см. также см. главу 1, § 1.3.2). Нектанеб в тексте «Сна...», безусловно, является виновником бедствия, обрушивающегося затем на Египет, – второго персидского завоевания. Что же касается «Романа об Александре», то, как мы помним, согласно нему, Нектанеб увидел во время своего колдовства, что египетские боги направляли идущие на его страну вражеские корабли. Хотя текст «Романа...» и называет это «предательством» богов по отношению к Египту, характерное для египтян представление об их благости (см. с отсылками к источникам и литературе: [Ладынин, 2002 (2), с. 159, прим. 6]) исключает возможность несправедливого вреда с их стороны, и в таком случае их «агрессия»

против Нектанеба должна быть опять же воздаянием за какое-то его нечестие. Таким образом, мы вправе заключить, что представление о Нектанебе как о царе, повинном в силу каких-то своих действий в катастрофе второго персидского завоевания, свойственно новеллистической традиции о нем в целом.

Параллелизм сюжетов о Нектанебе и Аменофисе, констатированный нами на применительно к их версиям в «Сне Нектанеба» и во фрагменте Херемона Александрийского, представлялся значительно более широким венгерскому исследователю-нубиологу Л. Тёрёку. В опоре на мимоходное замечание П.М. Фрэзера [Fraser, 1972, vol. 1, p. 508—509; vol. 2, p. 952, p. 34] он предположил, что топос бегства Нектанеба из Египта (согласно традиции «Романа...» в Македонию; согласно Диодору – в Эфиопию, как и в случае с Аменофисом: *Diod. XVI.51.1*) вообще представляет собой кальку сюжета об Аменофисе [Török, 1986, p. 43ff.; 1988, p. 145; 1989, p. 70]. В связи с упомянутым фрагментом Диодора мы обосновали в отдельной публикации не только его историчность, но и структурно-концептуальный, а не фактологический, как казалось Л. Тёрёку, характер сходений между сюжетами об Аменофисе и Нектанебе [Ladynin, 2010]. Структурно оба эти сюжета включают следующие компоненты (непосредственно присутствующие в текстах или, как отмеченный нами мотив вины Нектанеба в «Романе...», отчетливо в них реконструируемые): нечестие царя; гнев за это богов, о котором царю становится известно раньше, чем он на него обрушивается; вторжение чужеземных врагов и бегство царя на чужбину; изгнание врагов и восстановление в Египте порядка самим царем и/или его сыном (Аменофисом при содействии его сына Рампсеса в версии Манефона: *Ios. С. Ар. I.27. § 251*; сыном Аменофиса Рамессесом в версии Херемона: *id. I.32. § 292*; Александром, в котором, как мы видели, воплощен и его отец Нектанеб – в «Романе...»).

Более ранним из этих двух сюжетов, как нам представляется, должен быть сюжет об Аменофисе. Манефон фиксирует его вполне оформленным в своем труде в первой половине III в. до н.э., когда прототип «Романа...» должен был проходить еще фазу становления, причем достоверность этого сюжета явно не вызывала у египетского историографа сомнений. Тем самым он едва ли был для него совершенно новым конструктом. Схождение этих двух сюжетов, на наш взгляд, следует отнести за счет нескольких факторов. Прежде всего, достаточно заметно было элементарное внешнее сходство с сюжетом об Аменофисе действительных обстоятельств падения XXX династии – массивного внешнего вторжения и бегства царя, с последующим сравнительно скорым изгнанием захватчиков (вплоть до близости сроков 13-летнего владычества прокаженных и чужеземцев над Египтом при Аменофисе и примерно 12-летнего второго персидского владычества 343—332 гг. до н.э.

[Eddy, 1961, p. 286)]⁹. Далее, сам образ Аменофиса к концу египетского Позднего времени стал, по-видимому, своего рода эталоном нечестивого правителя: об этом говорит отнесение именно к царствованию Аменофиса действия «Оракула горшечника», сложившегося во II или I в. до н.э. в эллинистическом Египте (см. настоящую главу, § 5.3). Подобное эталонное значение сюжета об Аменофисе опять же может считаться признаком его бытования еще до появления труда Манефона: едва ли оно было бы признано за относительно недавним по времени его возникновения сюжетом. Соответственно, сюжет об Аменофисе мог если не послужить в точном смысле слова моделью для новеллистической традиции о другом царе с репутацией скорее негативной, то, во всяком случае, оказать на нее серьезное влияние.

Как мы уже говорили, несмотря на структурообразующую роль сакральной царской власти для древнеегипетского общества, в его традицию все же входила возможность явного или имплицитного осуждения царя за отступления от долга совершения ритуала и поддержания своими действиями миропорядка (см. подробно главу 1, § 1.1.1, 1.1.2). Примерами царей, подвергавшихся за это осуждению, нам представлялись Хуфу в сказках папируса Весткар и тождественный ему Суфис в труде Манефона, а также Аменофис в сюжете Манефона о египетских прокаженных, переданном Иосифом Флавием. Как мы говорили, оба последних персонажа оказываются своего рода «царями-эзотериками», склонными к каким-то своеобразным, очевидно не сводящимся к обычному храмовому служению ритуальным практикам (см. главу 1, § 1.3.2). По сути дела, подобным эзотериком предстает в «Романе об Александре» и «волшебник Нектанеб», с образом которого связано не вполне проговоренное, но все же весьма отчетливое осуждение: большая беда, постигшая при нем Египет, должна быть связана с виной более тяжелой, чем приписываемое ему в «Романе...» плутовство. В «Сне Нектанеба» эта вина вырисовывается совершенно явно: это небрежность в отношении храмов богов (как мы говорили, проявившаяся, наверное, не только в случае с севеннитским храмом Онуриса). Подобный мотив вызывает некоторые ассоциации с предполагаемой виной Хуфу в небрежении к храмам египетских богов согласно сказкам папируса Весткар и свидетельствам Геродота (см. подробнее главу 1, § 1.3.1) и тем значением, которое критерий благодетельности по отношению к храмам имел для оценки деятельности царей IV в. до н.э. в «Демотической хронике» (см. главу 1, § 1.1.2). Однако применительно к Нектанебу его осуждение за небрежение храмами выглядит довольно неожиданно, учитывая, что именно исторический Нектанеб II среди египетских царей IV в. до н.э. вел наиболее масштабное храмовое

---

⁹ Что касается схождения этих сроков, то оно могло бы навести исследователя на мысль об уподоблении продолжительности бедствий Египта при Аменофисе тому времени, на которое вступление в Египте Александра отстояло от вторжения Артаксеркса III. Однако, как мы говорили выше (см. главу 1, § 1.3.2), пресловутые 13 лет владычества прокаженных и чужеземцев при Аменофисе *действительно* примерно соответствуют продолжительности смутного времени в конце XIX династии.

строительство (см., в частности, главу 2, § 2.3.1)! В «Романе...» Нектанеб привержен магическим практикам, что составляет очевидную аналогию с «царями-эзотериками» предыдущих этапов истории Египта, однако, в отличие от Хуфу и Аменофиса, жестокость или пренебрежение жизнью и страданиями людей ему несвойственны вовсе. Похоже, что «негатив» в образе Нектанеба состоит именно в его склонности к боевой магии, в которой проявляется и банальная трусость, приводящая к нежеланию выйти на поле боя с врагами, и сопряженный с этим отказ от типичной для египетского царя-воителя апелляции на поле боя к поддержке богов и предпочтение этой форме, по сути дела, ритуального взаимодействия с ними магических практик [Васильева, Ладынин, 2012, с. 12—15]¹⁰.

Таким образом своим пренебрежением нормальным взаимодействием с богами Нектанеб обрушивает на Египет бедствия, соответствующие в исторической реальности второму персидскому владычеству, а в схеме истории Египта, представленной в труде Манефона, завершающие цикл его третьего томоса. Легко понять, что тем самым он исполняет роль, присущую в конструкте, разграничивающем у Манефона большие исторические циклы (см. главу 1, § 1.3.2), пресловутому «царю-отцу»; «царем-сыном» при нем, в рамках той пропагандистской фикции, которая отразилась в «Романе об Александре», оказывается, естественно, сам македонский завоеватель Египта. По смыслу предсказания, данного египтянам после бегства Нектанеба оракулом Гефеста, именно Александру выпадает миссия царя-основоположника нового исторического цикла, который не просто восстановит прежнее независимое положение Египта, но и в некоем смысле подчинит ему его захватчиков (см. главу 6). При этом мотив воплощения Нектанеба в Александре, присутствующий в «Романе...», по-видимому, имеет особое значение именно в связи с данным конструктом: надо думать, именно таким образом исполняется его «требование», чтобы бедствия конца исторического цикла избывались также усилиями завершающего его правителя, т.е. Нектанеба.

---

¹⁰ Единственный из известных нам исследователей, также ставящий вопрос о причинах осуждения Нектанеба, гнева на него богов и его последующего бегства из Египта, – Ф. Маттеи [Matthey, 2013, p. 139—141] – ограничивается констатацией бесполезности сопротивления царя пошедшим против него богам, при том что саму эту ситуацию считает аналогичной «уходу» богов от Египта в ситуациях, когда его постигает хаос (к ним он относит, в частности, состояние страны, описанное в «Пророчестве Неферти», не связывая его каким-либо рациональным образом с предшествующими действиями царей).

ГЛАВА 6. ОБРАЗЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО И ДРЕВНЕЙШЕГО ЕГИПЕТСКОГО ЦАРЯ – ЗАВОЕВАТЕЛЯ И УСТРОИТЕЛЯ – В ГРЕКО-ЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ НАЧАЛА ЭЛЛИНИЗМА

6.1. Александр Великий – «возрожденный Сесонхосис, миродержавец» - во фрагментах «Романа об Александре»

Во фрагментах «Романа об Александре», очевидно, восходящих к его александрийскому прототипу III в. до н.э. (см. главу 5, § 5.5), есть ряд пассажей, в которых новый македонский властитель Египта сопоставлен с царем египетского прошлого, именуемым «Сесонхосис» и владевшим едва ли не всем миром. Согласно описанию в «версии А» «Романа...» вступления Александра в Египет, жрецы, встречавшие македонского царя во всех номах Египта с изображениями богов в руках, провозглашали его «возрожденным¹ Сесонхосисом, миродержавцем» (Hist. Alex. Magni, A. I.34.2: ὑπαντῶντες <δὲ> τῷ Ἀλεξάνδρῳ κατὰ πᾶσαν πόλιν οἱ προφήται τοὺς ἰδίους θεοὺς κομίζοντες ἀνηγόρευον αὐτὸν νέον Σεσόχῳσιν κοσμοκράτορα; см. также главу 2, § 2.1). Очевидно, что само приписывание этого именно жрецам возводит данное именование Александра к той исконно египетской традиции, которую они представляли. Этим «мотив Сесонхосиса» в «версии А» «Романа...» не исчерпывается. Согласно ее повествованию, в Египте, при основании Александрии, македонский царь увидел обелиски, «которые еще и сейчас находятся в Серапеуме снаружи ограды», узнал, что они принадлежат «царю-миродержавцу Сесонхосису» и познакомился с соответствующей иероглифической надписью на них: «Царь Египта Сесонхосис, миродержавец, посвятил (это) Сарапису, явленному богу всего мира» (id. 33.6: Βασιλεὺς Αἰγύπτου Σεσόχῳσιν κοσμοκράτῳ τῷ προφανεῖ τοῦ κόσμου θεῷ Σαράπι ἀνέθηκεν)². В третьей книге «версии А», в фиктивном письме Александра Аристотелю, мы видим описание того, как его страдавшее от жажды войско достигло построенного Сесонхосисом колодца с надписью «Сесонхосис, миродержавец, сделал источник воды для тех, кто переплывет Эритрейское море» (id. III.17.17:

¹ Используя такой вариант перевода слова νέος, мы ориентируемся как на весь спектр его значений («молодой», «новый» в смысле вновь повторившийся – о молодой луне, о новом дне месяца; LSJ 1169), так и на контекст, в котором оно здесь употреблено (соположенное с данным пассажем сообщение о знакомстве Александра с оракулом, предсказавшим явление в его лице омолодившегося Нектанеба: Hist. Alex. Magni, A. I. 34.5; см. главу 5, § 5.5), подсказывающий, как кажется, его значение «вновь явившийся, возрожденный».

² Аналоги этому и другим фрагментам с упоминанием Сесонхосиса «версии А» присутствуют в ее латинском переводе Юлия Валерия [Kuebler, 1888; Demandt, 2015, S. 173, 519, Anm. 90].

‘Σεσόγχωσις κοσμοκράτωρ ὕδρευμα ἐποίησα τοῖς τὴν ἐρυθρὰν θάλασσαν πλωϊζομένοις’). В эфиопском царстве Кандаки Александр спустился в пещеру, в которой «обитали боги»: там он нашел уже известного ему по посещению храма в Ливии бога Сараписа, но сначала увидел людей с пылающими глазами, один из которых назвал себя «миродержавцем царем Сесонхосисом, ставшим сотрапезником богов» (III.24.2: ἐγὼ εἰμι Σεσόγχωσις κοσμοκράτωρ βασιλεύς, συνδίαίτος [με] θεῶν γενόμενος), и признался, что не так счастлив, как Александр³. Наконец, при описании погребения Александра в Египте «версия А» говорит, что жители Мемфиса, выйдя в Пелусий, куда прибыло тело царя, по их обычаю, с играющими на флейтах музыкантами и с изображениями богов, ввезли его в Мемфис как «Сесонхосиса, миродержавца (и) полубога» (ἐπεὶ δὲ εἰς Πηλούσιον ἦλθον, οἱ Μεμφῖται ὑπήντησαν σὺν αὐληταῖς καὶ ἀγάλμασιν κατὰ τὸ εἰωθὸς καὶ εἰσήγαγον εἰς Μέμφιν ὡς Σεσόγχωσιν κοσμοκράτορα ἡμίθεον; по существу, это сообщение симметрично сообщению о встрече Александра при его вступлении в Египет). После этого верховный жрец Мемфиса повелел похоронить Александра в основанной им Александрии, поскольку место, где он будет покоиться, будет в безопасности от войн и смут (id. 34.4—5).

Как мы видим, в ряде этих фрагментов звучит отчетливое указание на то, что Александр является повторением и едва ли не новым воплощением легендарного царя египетского прошлого, причем сходство между ними состоит прежде всего в величии их завоеваний. По сути дела, еще более внятно этот мотив представлен в одном из эпизодов «версии γ» «Романа...»: согласно нему, египтяне опознали в пришедшем покорить их Александре сына бежавшего из Египта Нектанеба и сообщили ему об оракуле, некогда возвестившем о возвращении этого царя в обновленном обличе. При этом, поскольку Александр явился к ним уже после великих побед в Азии и вместе с присоединившимися к нему персами, они сказали: «Ныне Египет вновь станет начальствовать, как это было нам суждено» (Hist. Alex. Magni, γ.Π.26: “τανῦν δὲ πάλιν Αἴγυπτος φυλαρχήσειεν, καθάπερ ἡμῖν νενόμισται...”), - и далее встретили македонян не как врагов, а как людей, возвративших им царя, восхваляя и приветствуя их, и вновь говорили: «Снова правит Египет!» (id. 27: καὶ οὐχ ὡς πολεμίους αὐτοὺς ἡγούμενοι, ἀλλ' ὡς τὸν βασιλέα αὐτοῖς ἐπιφέροντες, εὐφημοῦντες

³ Восходящая к «версии А» армянская версия «Романа...» добавляет, что, по словам Сесонхосиса, в отличие от его собственного имени, имя Александра после множества совершенных им подвигов не будет забыто [Kroll, 1926, S. 123].

δὲ καὶ χαίροντες καὶ “πάλιν ἄρχει Αἴγυπτος” ἔλεγον⁴. Таким образом, по смыслу данных эпизодов двух версий «Романа об Александре», его главный протагонист, став царем Египта и одновременно достигнув миродержавия, будто бы воссоздал прежнее господствующее положение Египта в мире. Само же такое положение, как видно и по приведенным фрагментам, и по ряду других свидетельств античной традиции, должно было ассоциироваться с образом древнейшего египетского царя Сесонхосиса.

Как данные свидетельства «Романа об Александре», так и другие сообщения античной традиции (особенно свидетельство Дикеарха Мессенского - см. настоящую главу, § 6.2.2) недвусмысленно показывают, что с определенного этапа на образ египетского царя по имени Сесонхосис были перенесены те великие свершения, которые ранее (прежде всего в труде Геродота) связывались с царем Сесострисом (см. ниже § 6.2.1). Эти свершения состояли в достижении Египтом если не миродержавия, то, во всяком случае, владычества над всем кругом земель, входивших в состав переднеазиатских «мировых держав» I тыс. до н.э. По сути дела, с определенного этапа имена «Сесострис» и «Сесонхосис» взаимозаменяемы в качестве обозначений величайшего в истории Египта завоевателя, а также устроителя его общества. Уже в позднеантичное время представление о царе Сесонхосисе отразилось в т.н. «Романе о Сесонхосисе» – известном только фрагментарно грекоязычном произведении, которое описывает его деяния в характерном для этой эпохи беллетристическом ключе (см. главу 5, § 5.4 - в связи с сюжетом данного произведения о фениксе, а также настоящую главу, § 6.3.3). Помимо грекоязычных папирусов, известны также и демотические папирусы и остракон римского времени, которые фиксируют сюжеты, близкие к этому же произведению или даже вошедшие в него, и именуют его героя *S-wsr* (форма имени, представляющая несомненный вариант среднеегипетского имени «Сенусерт» – *Z-n-wsrt* (p.dem. Carlsberg 411, 412; o.dem.Leipzig UB 2213; см. подробнее § 6.3.3).

Таким образом, традиция «Романа об Александре» включает в себя сопоставление Александра Великого с неким царем далекого египетского прошлого, образ которого оказывается одним из самых заметных в античной презентации истории Египта и находит внятные соответствия собственно в позднеегипетской традиции. Сама четкость и повторяемость этого сопоставления позволяет сказать, что оно представлялось авторам

---

⁴ Примечательно, что в «версии γ» мотив преемства Александра от египетских царей и какого-либо сопоставления с ними представлен как нежелательный для самого героя. Когда в Мемфисе его коронует статуя Нектанеба, на груди которой начертано, что тот, кто будет ею коронован, – сын Нектанеба, Александр стирает эту надпись, поскольку не хочет, чтобы об этом было известно (Hist. Alex. Magni, γ.Π.27). Когда в пустыне войско Александра обнаруживает стелу Сесонхосиса с надписью, согласно которой в земли, лежащие далее, вступить нельзя, Александр закрывает эту надпись плащом и возвещает, что, напротив, согласно этой надписи далее его ждет другой и лучший мир (id. 31) [Zadorojnyi, 2013, p. 378–379].

египетского прототипа «Романа...» необычайно значимым и содержательным в плане заложенных в него идеологем. Как мы говорили, представление о давней интеграции земель Ближнего и Среднего Востока в единое надрегиональное государство, власть над которым переходила от одного народа к другому, было свойственно не только греческой, но и египетской традиции (см. главу 1, § 1.2, главу 4, § 4.3.1, 4.3.2). В египетской традиции можно также выделить мотив определенной преемственности во враждебности этого государства Египту на разных этапах истории (например, в перенесении на селевкидскую державу некоторых элементов того одиума, который несли на себе Ахемениды как виновники похищения из египетских храмов культовых предметов и изображений богов: см. главу 4, § 4.1.2). Что же касается представлений о древнейшем египетском царе - завоевателе и создателе миродержавия, то сама их интенция выдает их египетское происхождение. Трудно представить себе основания, по которым такое представление было бы создано в рамках греческой традиции, в то время как для египтян оно было своего рода «идеологический реваншем» за поражение в противостоянии с великими державами I тыс. до н.э., ставшее особенно горьким как раз в эпоху Геродота, когда Египет был владением Ахеменидов. Очевидно, что сопоставление Александра Великого с египетским царем-завоевателем под именем Сесонхосис должно было отражать некий вариант его восприятия в египетской среде в контексте данной идеологемы в ее «переложении» на ситуацию начала македонского времени.

Наша дальнейшая задача состоит в том, чтобы по возможности с максимальной полнотой восстановить этапы эволюции античной традиции, связанной с данным образом и с именем «Сесонхосиса», до формирования греко-египетского прототипа «Романа об Александре» и на этой основе, с учетом возможно большего числа нюансов интерпретировать отразившееся в «Романе...» сопоставление Александра Великого с этим персонажем египетского прошлого.

6.2. *Великий египетский царь – завоеватель и устроитель – в произведениях древнегреческих авторов V-IV в. до н.э.*

6.2.1. «Стелы Сесостриса»: контаминированные реминисценции египетской экспансии II тыс. до н.э. в образе великого египетского царя-воителя в «Истории» Геродота

Образ великого царя-воителя, правившего в Египте в далеком прошлом и известного под именем Сесострис (Σέσωστρις), мы впервые обнаруживаем в античной традиции в «египетском логосе» труда Геродота Галикарнасского (см. в целом об образе Сесостриса: [Sethe, 1900; Sethe, 1904; Kees, 1923; Malaise, 1966; Lloyd, 1988 (2), p. 16—37, а также также Asheri, Lloyd, Corcella, 2007, p. 313—320; Obsomer, 1989; Иванчик, 1999; 2005, с. 190—219]). Согласно Геродоту, Сесострис, покорив сначала с флотом народы, обитавшие по берегам Эритрейского моря, двинулся с большим войском по суше в Азию и подчинил себе все народы, бывшие на его пути, пока не переправился в Европу и не достиг земель скифов и фракийцев. «В честь тех из них (завоевываемых народов. – *И.Л.*), кого он встречал, кто был храбр и яростно сражался за свободу, он воздвигал в (их) странах столпы (στήλας), сообщавшие в надписях имя его (данного народа. – *И.Л.*) и его родины и как он подчинил их силой; чьи же города он брал не встречая сопротивления и легко, о тех он писал на столпах так же, как и о тех, кто среди (покоренных) народов оказывались мужественными, но добавлял к надписи (изображение) женских половых органов, желая показать, что они были трусами»¹. Наличие, по мнению Геродота, подобных памятников во Фракии показывало, что египетское войско Сесостриса действительно там побывало (*Hdt.* II.103). Кроме того, хотя, согласно «отцу истории», к его времени большинства этих памятников уже не было, он все же утверждал, что сам видел стелы с изображениями женских половых органов в «палестинской Сирии» (ἐν δὲ τῇ Παλαιστίνῃ Συρίῃ), и описал два рельефа, якобы находящихся в Ионии («на пути из Эфеса в Фокею» и «из Сард в Смирну»; *id.* 106), с изображением Сесостриса и иероглифической надписью: «Я покорил эту землю своими плечами» («Ἐγὼ τήνδε τὴν χώραν ὤμοισι τοῖσι ἐμοῖσι ἐκτησάμην»).

¹ *Hdt.* II.102: Ὅτεοισι μὲν νῦν αὐτῶν ἀλκίμοισι ἐνετύγχανε καὶ δεινῶς μαχομένοιισι περὶ τῆς ἐλευθερίας, τούτοιισι μὲν στήλας ἐνίστη ἐς τὰς χώρας διὰ γραμμάτων λεγούσας τό τε ἑωυτοῦ οὔνομα καὶ τῆς πάτρης καὶ ὡς δυνάμι τῇ ἑωυτοῦ κατεστρέψατό σφεας· ὅτεων δὲ ἀμαχητὶ καὶ εὐπετέως παρέλαβε τὰς πόλεις, τούτοιισι δὲ ἐνέγραφε ἐν τῆσι στήλησι κατὰ ταῦτὰ καὶ τοῖσι ἀνδρηίοισι τῶν ἐθνέων γενομένοιισι καὶ δὴ καὶ αἰδοῖα γυναικὸς προσενέγραφε, δῆλα βουλόμενος ποιέειν ὡς εἶσαν ἀνάλκιδες.

Аналогичный рассказ мы встречаем применительно к царю Сесоосису у Диодора Сицилийского, чьи сведения о Египте восходят к автору последней четверти IV в. до н.э. Гекатею Абдерскому (*Diod. I.55*; см. подробнее о зависимости сведений Диодора от Гекатея настоящую главу, § 6.3.3), в сведениях Дикеарха о Сесонхосисе, переданных в схолиях к Аполлонию Родосскому (см. ниже, § 6.2.2), и у Манефона применительно к царю его XII династии, которого он, как и Геродот, именуется «Сесострис» (*Manetho. Fragg. 34.3, 35.3, 36.3*; см. также главу 1, § 1.3.2 о его соответствии историческому Сенусерту III). Согласно Гекатею и Диодору, надписи на памятниках Сесоосиса гласили: «Эту землю царь царей и владыка владык Сесоосис подчинил собственным оружием»². Кроме того, во всех этих источниках, кроме схолий, имеется понятное по своей логике искажение рассказа Геродота: египетский царь изображал на своих памятниках не только женские половые органы в знак побед над трусливыми противниками, но и мужские – в знак побед над противниками храбрыми. «Знаковость» восходящего к Геродоту сюжета о стелах для представления античной традиции о Сесострисе проявилась в том, что именно он в качестве не просто главной, но, по сути дела, единственной подробности о завоеваниях этого царя был воспроизведен во фрагментах Манефона и в схолиях к Аполлонию Родосскому.

Рассказ о «стелах Сесостриса» достаточно подробно обсуждался в научных публикациях, посвященных сведениям античных авторов, прежде всего Геродота, о великом египетском царе-завоевателе. Наиболее резко в плане отрицания его достоверности высказался автор египтологического комментария ко II книге Геродота А.Б. Ллойд. По его мнению, египтянам в принципе было несвойственно возвеличивать доблесть своих врагов, а знак

² *Diod. I.55.7*: “Τήνδε τὴν χώραν ὄπλοις κατεστρέψατο τοῖς ἑαυτοῦ βασιλεὺς βασιλέων καὶ δεσπότης δεσποτῶν Σεσόωσις”. О коннотациях титула βασιλεὺς βασιλέων в античной традиции см.: [Bevan, 1902, p. 241—244; Griffiths, 1953, p. 145—154]. В процитированных нами фрагментах Геродота и Диодора выражение ὄμοιοι τοῖσι ἐμοῖσι может быть сопоставлено с египетскими пропагандистскими клише, утверждающими совершение завоеваний «руками» или «обеими руками» (ꜥw, ꜥwy) или «дланыю» (*hprš*) царя (см., применительно к Позднему времени: [Blöbaum, 2006, S. 82—85]). Дуализм же выражения βασιλεὺς βασιλέων καὶ δεσπότης δεσποτῶν может вызвать ассоциацию с базовым египетским термином, обозначающим легитимного царя-ритуалиста, «царь Верхнего и Нижнего Египта» (*nsw-bity*; см. главу 1, § 1.1.1) либо же с дихотомией терминов *nsw-bity* или *nsw* («царь»), которые могли относиться только к египетскому царю-ритуалисту, и *hqꜣ* («властитель») – обозначения любого фактического правителя (см. главу 2, § 2.4.1). Дж.Гв. Гриффитс считал возможным интерпретировать данное именование египетского царя у Диодора, сопоставляя его с эпитетом *nsw nsww hqꜣ hqꜣw*, впервые употребляющимся применительно к Аменхотепу II [Griffiths, 1953, p. 150; Vlasius, 2003, S. 332]. Ср., кстати, необычный пассаж «Стелы сатрапа» 311 г. до н.э., содержащий – правда, в применении к божеству, а не к земному царю – эпитет *hqꜣ hqꜣw nsw nsww bity bityw* – «властитель властителей, царь царей Верхнего Египта, царь царей Нижнего Египта» (Urk. II.17.17; см. ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», III.1.б, комм. «д»).

GG(SL) N₄₁, символизирующий женское лоно (³), хотя и имеется в иероглифической письменности, но был бы неопознаваем в этом смысле для неегиптянина. Сообразно этим замечаниям, Ллойд предлагает считать данный сюжет Геродота чистой фикцией [Lloyd, 1988 (2), p. 20; Asheri, Lloyd, Corcella, 2007, p. 314]. Прямо противоположную позицию занял бельгийский исследователь памятников египетской XII династии и традиции о ней Кл. Обсоне [Obsomer, 1989]: по его мнению, сведения Геродота о Сесострисе следует рассматривать в прочной связи с реалиями царствования Сенусерта III. Само соответствие грецизированной формы имени «Сесострис» египетскому «Сенусерт» не вызывает сомнений у исследователей по крайней мере с начала XX в. [Sethe, 1900, S. 4—9; 1904, S. 43—57; Malaise, 1966, p. 244—249]. Следовательно, соотнесение рассказа Геродота и других авторов с деятельностью Сенусерта III – крупнейшего царя-воителя с этим именем – совершенно естественно, тем более что на его место в последовательности XII династии «определяет» царя с именем «Сесострис» и Манефон. Как считает Обсоне, сведения о войнах Сесостриса, перешедшие к Геродоту из египетской жреческой традиции, необходимо возводить к данным стел Сенусерта III из крепости Семне и с острова Уронарти о его войне в Нубии на Году 16 его царствования (см. ниже), а упоминаемые Геродотом памятники – отождествить с самими этими стелами. При этом направленность сухопутного похода Сесостриса в Азию и Европу представляется бельгийскому египтологу интерпретацией, исходящей от Геродота, а не от его египетских информаторов. Наконец, надо заметить, что описанные Геродотом «памятники Сесостриса» в Азии получили весьма (даже, может быть, излишне) уверенную идентификацию со стороны современных исследователей. Если стелы в «палестинской Сирии» предлагалось отождествлять с памятниками Рамсеса II в Нахр эль-Кельбе к северу от Бейрута или в Бет-Шеане в Палестине, то изображение «на пути из Эфеса в Фокею» получило гораздо более точное соответствие в одном из хеттских рельефов в проходе Карабель в Западной Малой Азии (см. об этом, с отсылками к литературе: [Иванчик, 1999, с. 8—9; 2005, с. 193—195, рис. 13]). В целом же о попытках Геродота «подтвердить» предание о стелах реальными памятниками А.И. Иванчик, занимавшийся в нашей историографии сюжетом о Сесострисе больше всех,

³ Изображение наполненного сосуда, служащее, как подтверждают написания Древнего царства, закономерной заменой *vulva* (ср. вне египетской традиции Песн. 4:12), с употреблением в качестве

корневого знака в слове *hmt* ( ) – «женщина, жена» (Wb. III.76—77) – и в качестве фонетического знака *hm* в большинстве слов с данным сочетанием согласных звуков [Gardiner, 1957, p. 492]. Тождественно слову *hmt* «жена» в фонетическом написании, звучании и семантике употребленного знака слово *hmt*

( ) – «матка коровы, матка женщины, женские половые органы» (Wb. III.76.1—3).

заметил, что историк «готов был приписать египетскому завоевателю едва ли не любые древние стелы и даже наскальные рельефы», применительно к европейским территориям скифов и фракийцев, включая, возможно, и «каменные бабы» кочевников [Иванчик, 1999, с. 10; 2005, с. 194].

Подобное суждение кажется справедливым в том, что касается метода Геродота; однако оно едва ли объясняет происхождение сюжета о походе Сесостриса в Азию и Европу. Предположение Кл. Обсоме, что сама подобная направленность сухопутных (διὰ τῆς ἠπείρου) походов Сесостриса есть интерпретация Геродота, которую он распространил на полученные от египтян данные о нубийском походе Сенусерта III, выглядит сугубо произвольным. Учитывая детальность сведений Геродота о делах Сесостриса в Азии и в Европе, трудно представить, чтобы они были целиком измышлены греческим историком. Кроме того, деяния исторического Сенусерта III включали, как известно, и поход, хотя и сравнительно недалекий, в Азию (его упоминает стела Хусебека из Абидоса Manchester 3306) [Garstang, 1901, p. 32—33, pls. IV, V; Sethe, 1928 (1), S. 82—83; см. перевод О.Д. Берлева: Хрестоматия по истории древнего Востока, 1980, т. 1, с. 38—39]; и, допуская сохранение до времени Геродота детальных реминисценций о нубийской войне его Гола 16, нельзя исключать того же самого и для его азиатского похода. Что касается пресловутого поиска Геродотом памятников Сесостриса в Азии, опять же трудно представить, чтобы сама его идея исходила полностью от «отца истории»: несравненно логичнее думать, что он отталкивался при этом от изначальной уверенности в наличии там этих памятников, также почерпнутой от своих египетских информаторов. Сообразно этому, первооснову представления о том, что некий царь-завоеватель, тождественный Сесострису, воевал в Азии и оставил там свои памятники, стоит поискать собственно в египетской традиции.

Прежде чем приступить к этому поиску, попробуем независимо от него оценить, какие основания имелись к тому, чтобы к середине I тыс. до н.э. в принципе сохранилась живая память о Сенусерте III как о царе, оставившем свои памятники за пределами Египта. Мы имеем в виду прежде всего уже упоминавшееся мнение Кл. Обсоме, что эта память была связана с реминисценциями нубийской войны его Гола 16, запечатлевшимися в его стелах из Семне и Уронарти. Скажем сразу, что предполагать прямое знакомство информаторов Геродота с этими памятниками *in situ*, на территории Нубии было бы наивно. Очевидно, что они могли запечатлеться подобным образом в исторической памяти египтян только в случае, если получили определенное бытование в неэпиграфической историко-литературной традиции и, более того, были восприняты в ее рамках как нечто «знаковое» для самого представления о времени Сенусерта III. Основания для такого предположения весьма серьезны: в связи с этим нужно обратиться к подробно обоснованному мнению А.Е. Демидчика о том, что надписи с

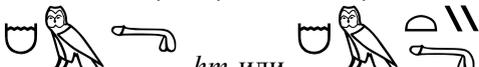
описанием деяний царей Среднего царства за пределами Египта, помещавшиеся на его рубежах и периферии, были важнейшими инструментами их пропаганды внутри Египта [Демидчик, 2005, с. 158—167]. Очевидно, что при этом они должны были переписываться и читаться на папирусе или иных неэпиграфических носителях. Подобное значение явно следует признать и за надписями Сенусерта III его Года 16 в Семне (Berlin 1157) [Sethe, 1928 (1), S. 83—85; Barta, 1974; перевод: [Literature of Ancient Egypt, 2003, p. 337—338]) и Уронарти (Khartoum 3) [Janssen, 1973]. Данные совпадающие тексты описывают военные дела этого царя, существенно продвинувшие границу Египта на юг, констатируют, что эта граница установлена прочно, и связывают это свершение, характерным образом, не с содействием Сенусерту III со стороны богов, а с его собственными превосходными качествами полководца и правителя [Демидчик, 2005, с. 171]. Весьма важен и еще один момент: согласно данным текстам, главная заслуга царя на момент их создания и на обозримую перспективу состояла не в дальнейшей экспансии, а прежде всего в удержании сформированного им нубийского рубежа [Демидчик, 2005, с. 173]. Таким образом, в его сознании и в пропаганде были четко разделены чисто теоретическое преобладание Египта над всем миром и реальное подчинение территорий в его сфере влияния политическими и в особенности военными средствами.

Как раз в связи с этим в надписях Года 16 Сенусерта III появляется своего рода «военное морализирование», вложенное в уста самого царя: «...ибо что до молчания после нападения, укрепление это сердца врага. Ярость – это храбрость, отступление – это убогость. Отступивший на границе своей *cunnus est verus*, ибо повинуетя нубиец брошенному слову (букв. “падению слова”); это ответ ему делает отступление его; /если/ проявляют ярость к нему, /то/ обращает он спину; /если/ отступают, /то/ впадает он в ярость» (Berlin 1157, сткк. 9—12 = Khartoum 3, сткк. 6—10: ...*dr-ntt ir gr m-ht ꜥh ꜥhm-ib ꜥw n hrw qnt ꜥw 3d hzt ꜥw hm-ht hm ꜥw m3ꜥ rwd hr t3š.f dr-ntt sdm n3hs r hr n r in wšb.f dd hm.f 3d.t(w) r.f dd.f s3.f hm-ht(.tw) w3.f r 3d*). Собственно говоря, именно здесь мы и видим противопоставление военной силы, способной противостоять чужому натиску, и силы, несостоятельной перед ним, хотя это противопоставление и прилагается к египтянам, а не к их врагам. Совсем замечательным образом этот пассаж содержит, по сути, общенное слово *hm* (Wb. III.80.7), которое и пишется с использованием пресловутого иероглифического знака GG(SL) N₄₁, связанного с семантикой женских половых органов (см. прим. 3). Похоже, оно еще и связано игрой слов с омонимичным ему и повторяющемся в этом же пассаже причастием *hm* – «отступающий» (ср. Wb. III.79; также в варианте *hm-ht* – «отступающий назад», id. 79.3)⁴.

⁴ *hm ꜥw m3ꜥ rwd hr t3š.f* – Berlin 1157, сткк. 10—11 (“One who is driven from his border is a real coward” [Literature of Ancient Egypt, 2003, p. 338]) = Khartoum 3, сткк. 8 (“Really unvirile is he who is debarred from his frontier” [Janssen, 1953, p. 54]); ср. “c’est un couard” [Obsomer, 1989, p. 74], «оттесненный со своей

Совпадение рассмотренного пассажа нубийских стел Года 16 Сенусерта III по семантике и фактически по смыслу с пресловутым «оформлением» «стел Сесостриса» согласно Геродоту столь полно, что, как представляется, не может быть случайным, тем более что данный текст, как показывает его запись сразу на двух стелах, явно тиражировался в пропагандистских целях. По-видимому, он приобрел известность в неэпиграфических списках в пределах Египта⁵ и содействовал тому, чтобы сформировать (если не просто сформировал) представление о Сенусерте III как о выдающемся воителе. Напомним, что в этом тексте была акцентирована связь успехов этого царя с его личными качествами, а не с его сакральным статусом и не с помощью ему богов – при том что другие цари-воители были склонны как минимум не забывать именно эти аспекты! Очевидно, при этом оставалось известно и происхождение данного текста – сам факт того, что его «официальной публикацией» были памятники Сенусерта III в Нубии. При прочном закреплении в памяти о Сенусерте III ассоциации с его

границы – (трусливая) баба» [Демидчик, 2005, с. 171]. Кл. Обсоне обращает внимание на присутствие в тексте стел Сенусерта III знака GG(SL) N₄₁, однако воспроизводит в связи с ним мнение О. Армэйора, согласно которому он связан с семантикой женских половых органов лишь косвенно и поэтому сообщение Геродота не может представлять аллюзию на его смысл, а является чистым вымыслом [Obsomer, 1989, p. 51; Armayor, 1980, p. 67]. Данное возражение Армэйора представляется нам надуманным. На присутствие этого слова в данном пассаже обратил внимание А. Блазиус [Blasius, 2003, S. 331], указывая, однако, неверно его транслитерацию (*hmty*, а не *hm*) и соответствующую ему глоссу берлинского «Словаря...» (Wb. III.80.8, а не 80.7) и отчасти ошибаясь при указании его местонахождения в надписи (он дает отсылку к стеле из Семне и стк. 8, что, как видно, соответствует

месту этого слова в стеле из Уронарти). В написаниях слов *hm* или *hmty* семантика знака GG(SL) N₄₁ и само употребление данного слова по отношению к воинам-мужчинам акцентированы наличием в нем же детерминатива D₅₂ (изображение фаллоса). Обратим внимание, что пейоративный смысл этим словам, собственно, и обеспечивает совмещение в них знаков с противоположной гендерной семантикой, что опровергает построения Армэйора. В Позднее время чрезвычайно близкое словоупотребление обнаруживается в одной фразе «Стелы Пианхи»: «не совершает /ничего/ войско, командир которого – баба» (стк. 15: *n km.n ms^c tsw.f m hmty*; см. комментарий

Н.-Кр. Грималья в связи с употребленным здесь словом : “*hmty*, “poltron”, plutôt qu’“eunuque”, ...le mot étant une denomination péjorative à rapprocher de *hmt* (“mignon” (?))...” [Grimal, 1981 (1), p. 33, comm. 75]). В рамках данного семантического горизонта можно рассмотреть и фразу той же «Стелы Пианхи» «превращаешь ты (Пианхи. – И.Л.) мужчину (букв. “самца”) в женщину» (сткк. 157—158: *ir.k k3 m hmt*). Смысл ее, по сути, тот же: имеется в виду способность Пианхи, как легитимного правителя, находящегося под покровительством богов, повергать в бессилие противников на поле боя [Демидчик, 2000, с. 27—31; Демидчик, 2005, с. 146]. Однако здесь слово *hmt* – это уже не рассмотренный нами пейоратив, а просто слово «женщина».

⁵ Кл. Обсоне высказал мнение, что по иератическому папирусному списку Геродота знакомили с содержанием стел Сенусерта III жрецы в Мемфисе и что в таком случае связь знака с семантикой женских половых органов могла возникнуть именно в силу особенностей его начертания в иератике [Obsomer, 1989, p. 122]. Последнее допущение кажется нам избыточным, как избыточным и несколько наивным представляется и построение Обсоне структурных соответствий между текстами стел Сенусерта III и сообщения *Hdt.* II.102 [Obsomer, 1989, p. 74—75]. По сути дела, Обсоне исходит из того, что текст стел Сенусерта III оставался известен вплоть до времени Геродота в совершенно не преобразованном виде. На наш взгляд, возможность этого не столь уж велика, и, главное, это необязательно для того, чтобы необычная самопрезентация этого царя отпечатлелась в последующей традиции о нем.

памятниками на чужой земле (повторим еще раз, что, в сущности, обо всем необходимом для этого позаботились сам царь и его пропагандисты) механизм его дальнейшего проникновения в античную традицию о Сесострисе, в общем, не вызывает вопросов. Вместе с тем пока для нас остается неясно, каким образом этот топос ассоциировался с пресловутыми войнами Сесостриса в Азии. Для самого Сенусерта III его кампания в Сирии-Палестине явно была менее важна, чем расширение и закрепление египетского присутствия в Нубии, а масштабы ее не давали никаких оснований воспринять ее как глобальное предприятие, каким рисует войны Сесостриса Геродот.

Свидетельства о сооружении в Азии памятников завоеваний фараонов в древнеегипетской традиции имеются, хотя они и связаны не с Сенусертом III и не со Средним царством, а со следующей большой эпохой египетской истории. Поистине удивительно, что, кажется, ни один из исследователей, занимавшихся сюжетом о «стелах Сесостриса», не уделил внимания упоминаниям о пограничных стелах, возведенных Тутмосом I у достигнутого к его времени рубежа азиатских владений Египта по Евфрату [Helck, 1975; Meyer, 1986, Sp. 536; Gundlach, 2003, S. 153, Abb. 1; Redford, 2003, p. 222, n. 8 (с отсылками к старой литературе)]. Между тем в «Анналах» Тутмоса III содержится упоминание о том, что во время похода против Митанни в его Год 33 (1457 г. до н.э.) этот царь, переправившись через Евфрат, возвел стелу «рядом со стелой отца его царя Верхнего и Нижнего Египта Аахеперкара», т.е. Тутмоса I (Urk. IV.697.3—5: [*d3t Phr-wr n Nhryn3 in hm.fr-h3t mšꜥ.fr h3t mšꜥ.fr i3b*])*ty mw pn smn.n.f ky r-gs wd n it.f nsw-bity ʿ3-hpr-k3-Rꜥ*; см. сообщение об этом же деянии в стеле Тутмоса III из Джебель-Баркала: id. 1232.11—12; краткое сообщение о нем же и отсылку к нему в связи с установкой Тутмосом III победной стелы в районе 4-го порога в Нубии – в стеле из Арманта: id. 1246.2, 5—6) [Helck, 1975, Sp. 897, Anm. 9; Galàn, 1995, p. 148—150; Redford, 2003, p. 107, 155]. Обращаясь к Томбосской стеле Тутмоса I, возведенной им в Нубии в районе 3-го порога, мы видим в ней описание его военных свершений (конкретно – похода в Нубию на его Году 2, т.е. около последних десятилетий XVI в. до н.э.⁶) и суммарную характеристику его владений. Их точные

⁶ Абсолютная хронология начала XVIII династии (по царствованию Тутмоса II включительно) устанавливается с очень большой долей гипотетичности. Согласно Ю. фон Бекерату, Тутмос I вступил на престол около 1508 или 1501 г. до н.э. и царствовал 10—15 лет [Beckerath, 1997, S. 121]; учитывая, что этот исследователь принимает т.н. «короткую» хронологию новоэгипетской истории (Год 1 Тутмоса III = 1479 г. до н.э.; см. наше предыдущее примечание), «конвертация» его выкладок в систему «средней» хронологии приведет к повышению его дат примерно на 11 лет. В новейшей работе по хронологии древнего Египта [Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 199—201, 492], как представляется, чрезмерно занижены датировки царствований Тутмоса I (1493—1483 гг. до н.э.) и II (1482—1480 гг. до н.э.), преимущественно за счет принятия ее авторами минимальных из возможных продолжительностей царствования Тутмоса II (соответственно, 10 лет и 3 года, в отличие от 10—15 и не менее чем 13, согласно Ю. фон Бекерату [Beckerath, 1997, S. 120—121]; ср. с возможностью помещения «Эберс-даты» Года 9 Аменхотепа II на конец 1540-х—1530-е гг. до н.э., согласно А.А. Немировскому [Ладынин, Немировский, 2001 (3), с. 223]).

географические границы описываются фразой: «Южная граница его вплоть до южных пределов земли этой (т.е. Нубии. – *И.Л.*), северная – вплоть до воды этой перевернутой, текущей вниз в южном направлении (букв. “в течении вверх”» (Urk. IV.85.13—14: *Bš.f rsy r ḥntyw ʔ pn mḥy r mw pf qdw ḥdd m ḥnty*; см. также главу 1, § 1.2). Характерно, что эта конфигурация границ утверждается в Томбосской стеле как уже сложившаяся на начало правления Тутмоса I и подкрепленная его действиями в Нубии. В этом смысле данный текст очень близок стелам Сенусерта III, поскольку, хотя в нем и говорится о некотором расширении сферы египетского влияния, главной задачей его персонажа все же представляется прежде всего закрепление и удержание ее границ. Таким образом, сооружение Тутмосом I маркирующих эти границы стел у Евфрата (как, кстати, и Томбосской стелы на рубеже египетской Нубии, находящемся теперь южнее, чем в Среднее царство) полностью аналогично акции Сенусерта III; и вряд ли будет ошибкой считать, что Тутмос I попросту воспроизвел ее, зная о ней из пропагандистских текстов его предшественника. Заметим, что уже само сходство этих акций создавало определенную предпосылку для контаминации в позднейшей исторической памяти этих двух этапов египетских завоеваний, с подтягиванием их к фигуре наиболее знаменитого из царей-завоевателей, т.е., несомненно, Сенусерта III/Сесостриса. В то же время у подобной контаминации были и более серьезные основания, связанные со спецификой египетских источников о времени Нового царства и с некоторыми закономерностями восприятия египтянами своего прошлого.

Некоторое время назад наш коллега А.А. Немировский заметил в распределении египетских источников о завоеваниях времени Нового царства⁷ следующую закономерность. От царствований Яхмоса I и Аменхотепа I, непосредственно примыкающих к изгнанию из Египта гиксосов, практически не осталось памятников, делающих акцент на их внешнеполитических свершениях, хотя свершения эти были необычайно масштабными: после изгнания гиксосов в середине XVI в. до н.э. египтяне автоматически унаследовали всю их сферу влияния в Восточном Средиземноморье, до Центральной Сирии включительно [Немировский, 2001 (1), с. 130—131]. Первым царем, начавшим прославлять свои военные свершения (причем в сравнении с последующими эпохами, хотя и броскими, но изолированными штрихами – в частности, в Томбосской стеле), был в конце XVI в. как раз Тутмос I. Лишь через три десятилетия после него, в середине XV в. до н.э., начинается время, когда цари – Тутмос III и его сын Аменхотеп II – воспевают свои войны, не жалея усилий, с беспрецедентной подробностью в описании и военных кампаний, и эпизодов собственного героизма на поле боя

⁷ См. для начала Нового царства их сводку, чрезвычайно удобную своей компактностью и насыщенностью отсылками к источникам: [Redford, 2003, p. 185—194]. Мы глубоко благодарны А.А. Немировскому за подробное обсуждение источников по данному периоду, в ходе которого им и было сформулировано это ценное наблюдение.

(см., кроме упомянутой работы Д.Б. Редфорда: [Der Manuelian, 1987; Spalinger, 1982; Большаков, Сушевский, 1991, с. 14—16; Дейнека, 1992]). По существу, именно к образцам этого времени восходит и вся последующая традиция военных текстов Нового царства. Если мы обратимся к картине, запечатленной спустя более чем тысячелетие Манефоном Севеннитским, то обнаружим, что, как мы уже говорили подробно в связи с его исторической схемой (см. наш главу 1, § 1.3.2), египетский историк полностью «подверстал» к эпизоду изгнания гиксосов весь период активных войн Египта и Митанни в середине XV в. до н.э., заодно и «лишив» Египет его территориальных приобретений. Результатом этих войн, по Манефону, становится соседство Египта с «новогиксосским» государством с центром в Иерусалиме, которое оказывается тем самым на его ближайшей азиатской периферии.

Думается, что подобное искажение Манефоном истории XVIII династии может, помимо иных причин, объясняться и неравномерностью в ее освещении собственно египетскими источниками этого времени. Очевидно, из всего массива их данных в памяти египтян Позднего времени удержался лишь сам выход их предков на некие азиатские рубежи, оформленный сооружением пресловутых пограничных стел, – событие, примечательное своим сходством с необычайно распропагандированной акцией Сенусерта III и не в малой степени поэтому отложившееся в памяти. В то же время было забыто, что обретение этих рубежей было не разовым событием, а содержанием нескольких этапов истории начала Нового царства. При этом следует вполне оценить тот факт, что узнать о приобретении Египтом азиатской сферы влияния непосредственно при изгнании гиксосов современникам и коллегам Манефона было не просто трудно (см. подробнее о предпосылках к искажениям II тыс. до н.э. в труде Манефона наш главу 1, § 1.3.2): учитывая отмеченные нами особенности египетских источников этого времени, взять эту информацию в «готовом», эксплицитном, виде им, как и современным исследователям, было попросту негде! В источниках Нового царства они могли заметить эпизоды войн XVIII династии, «прописанные» наиболее подробно и впечатляюще, например, описание битвы при Мегиддо, известное по «Анналам» Тутмоса, и, как мы говорили, повлиявшее на описание Манефоном изгнания гиксосов из Авариса. Но в таком случае позднеегипетские историографы и должны были именно «подверстывать» эти эпизоды к тем значимым военным событиям начала Нового царства, о которых знали наверняка, – а единственным, по сути дела, таким событием для них и было изгнание гиксосов из Египта! Именно это событие и было в итоге воспринято как целый этап, историческим соответствием которому была египетская экспансия XVIII династии, со всеми составляющими ее событиями.

Вероятно, связь этих наших рассуждений с сюжетом о «стелах Сесостриса» стала уже достаточно прозрачной. Мы полагаем, что выход египтян на некий азиатский рубеж, оформленный воздвижением пограничных стел, оказался в исторической памяти I тыс. до н.э.

оторван от времени начала XVIII династии и переассоциирован с царствованием Сенусерта III/Сесостриса. Последнее было воспринято даже не просто как пик и/или эталон наступательных военных успехов Египта, а как единственный их эпизод на весь период египетской истории, соответствующий историческому II тыс. до н.э. (во всяком случае, в том ее изводе, знаковой фигурой которого был именно Сесострис и который и реализовался в схеме труда Манефона; см. главу 1, § 1.3.2, прим. 15). Мы уже назвали целый ряд предпосылок для подобной реинтерпретации: это и явная ориентация царей, возводивших свои стелы на Евфрате, на образец, заданный Сенусертом III; и несомненный успех этого царя в пропаганде своего «имиджа» самого успешного воителя; и тот элементарный факт, что в исторической реальности он тоже воевал в Азии. Стоит отметить и такую деталь, как сохранение в позднеегипетской традиции реминисценции о том, что сам предел азиатских завоеваний Египта пролегал именно по реке. Правда, в рецепции Геродота и других античных авторов этой рекой был уже не Евфрат, а Фасис (*Hdt.* II.103; *Iord. Get.* 6; ср.: *Iust.* II.2.1) или Танаис (*Diod.* I.55.4; *cp. id.* II.43.4—6), которые представлялись границей между Европой и Азией, а также между оседлыми народами и кочевым скифским миром [Иванчик, 1999, с. 17, 22—29; 2005, с. 203, 208—214].

В заключение нашего обращения к сюжету «стел Сесостриса» остановимся именно на данном нюансе «речного рубежа» завоеваний этого царя и на его возможных соответствиях в собственно египетской традиции. Выше (см. главу 1, § 1.2) мы говорили о том, что египтянам Нового царства было свойственно не универсалистское, а вполне прагматическое восприятие пределов своего могущества во внешнем мире, с выделением четкой границы их сферы влияния («пределов земли»), которая, по-видимому, в ряде случаев должна была быть ассоциирована с важнейшей водной преградой - с рекой Евфрат. Досточно закономерным образом, лежащие по ту ее сторону коренные земли Митанни – главного соперника Египта в эпоху XVIII династии – в новоегипетской «Сказке об обреченном царевиче» воспринимаются не просто как чужая страна, а как особый мир, живущий по законам волшебной сказки. Отталкиваясь от сравнения с этим мотивом, можно считать, что, пройдя свой путь до Фасиса или Танаиса и выйдя на соприкосновение с кочевым миром, Сесострис античной традиции в принципе достиг пределов «нормального» мира, заселенного оседлыми «цивилизованными» народами. Далее начинался принципиально иной мир кочевников, противоположный тому, который был им покорен, и несущий в себе для него угрозу. Аналоги подобному космологическому противопоставлению легко найти в исконных древнеегипетских представлениях о разнице между обитателями «земли», т.е. собственно Египта, и окружающих ее «нагорий», или «пустынь», при том что включение в понятие «земли» еще и ее внешних владений Египта мы видели в текстах Нового царства. Однако предполагаемое нами противопоставление конгломерата владений Сесостриса

окружающему его миру кочевников – это несомненная новация I тыс. до н.э.⁸ Такой же, только, видимо, более конъюнктурной новацией следует считать и «подключение» к сюжету о Сесострисе фикции его проникновения на земли Европы и победы над скифами (*Hdt.* II.110), построенной, как уже совершенно справедливо отмечалось исследователями, чтобы представить его в выгодном свете по сравнению с не сумевшими победить скифов Ахеменидами [Иванчик, 1999, с. 10—12; 2005, с. 196—198; см. также Ладынин, 2014 (2)].

---

⁸ Невольно ассоциируется с этим мотивом знаменитое противопоставление Ирана и Турана в сознании иранских оседлых земледельческих народов [Фрай, 2002, с. 66—80]. Непосредственное влияние иранских представлений на сюжет о Сесострисе теоретически допустимо, особенно учитывая, что его кодификация Геродотом приходится как раз на время персидского владычества в Египте. Однако более существенно, что нашествия кочевников евразийской степи – киммерийцев и скифов – были бедствием, с которым в конце VIII—VII вв. до н.э. столкнулись все народы Ближнего и Среднего Востока, не исключая и египтян (*Hdt.* I.105; см. главу 1, § 1.2).

6.2.2. Сведения Дикеарха Мессенского о великом египетском царе – завоевателе и устроителе

До Манефона и до времени появления прототипа «Романа об Александра» единственным греческим автором, который, возможно, называл древнего египетского царя именем «Сесонхосис», причем сделал это в том числе в связи с его завоеваниями, был ученик Аристотеля Дикеарх Мессенский, *акме* творчества которого приходится на последние десятилетия IV в. до н.э. О деяниях великого египетского царя Дикеарх писал в своем произведении «Жизнь Эллады» (*Βίος Ἑλλάδος*), весьма широком по своим задачам. В нем представитель школы перипатетиков стремился дать обзор истории и культуры Греции в контексте развития всего человечества: сообразно этому, он описал самые ранние, доцивилизационные этапы его истории (естественное состояние человечества в пору «жизни Крона», этап пастушеской жизни и возникновение земледелия) и становление цивилизации в Египте и Месопотамии [Ах, 2000, S. 339—348]. Судя по такому «территориальному охвату», «Жизнь Эллады» создавалась уже после походов Александра Македонского и формирования эллинистической ойкумены [Alonzo-Nunez, 1997, p. 56—57; ср. с отнесением *акме* Дикеарха Мессенского к 310-м гг. до н.э.: Martini, 1905, Sp. 547]. Именно к соответствующему рассказу о Египте и относятся сообщения Дикеарха о древнем царе этой страны.

Труд Дикеарха сохранился только во фрагментах, и данные сообщения известны нам в цитировании схолиев к IV книге «Аргонавтики» Аполлония Родосского. Два основных списка схолиев – *codex Laurentianus XXXII.9* X в. (L) [Schade, Eleuteri, 2001, p. 41; Иванчик, 1999, с. 18; 2005, с. 41], и *codex Parisinus 2727* XV в. (P) [Schade, Eleuteri, 2001, p. 45; Иванчик, 1999, с. 18; 2005, с. 41] – разнятся в передаче формы имени египетского царя, что не могло не породить разногласий по поводу того, какой она была собственно у Дикеарха. При этом приходится констатировать, что решить этот вопрос, опираясь на стандартное издание схолиев к Аполлонию Родосскому К. Венделя 1935 г. [Wendel, 1935, p. 277—278], невозможно: расхождения между двумя списками учтены в нем без должной подробности и (в том числе в интересующем нас фрагменте) достаточно неаккуратно [Dickey, 2007, p. 63]¹. Нам представляется необходимым предпринять сплошное сравнение схолиев в той их части, которая нас интересует. Текст L мы приводим не по сводному и содержащему эмендации изданию Венделя, а по ориентирующемуся именно на L изданию Г. Кайля [Keil, 1854, p. 496—497; ср. Mooney, 1912, p. 57; Dickey, 2007, p. 63], текст P – по единственному воспроизводящему его

¹ В частности, К. Вендель не отмечает принципиально важное для нас расхождение между L и P в форме имени египетского царя в схолии к IV 277 [Wendel, 1935, p. 278, l. 15]. Текст схолиев, установленный К. Венделем, был положен в основу недавнего издания с французским переводом Г. Лашно, которое, к сожалению, не было нам доступно [Scholies à Apollonios de Rhodes, 2010; ср. Delattre, 2011].

полностью изданию Г. Шефера [Schaefer, 1813, p. 288—289; ср. Dickey, 2007, p. 63], а также разбиваем интересующий нас фрагмент схолиев, для удобства сопоставления обеих их версий, на смысловые блоки (мы обозначаем их буквами латинского алфавита от А до Н, вводя при необходимости и более дробную индексацию):

Таблица 6.1. Схолии к IV книге «Аргонавтики» Аполлония Родосского (272-277) по codex Laurentianus XXXII.9 (L) и codex Parisinus 2727 (P)

L		P	
А: Общие сведения о египетском царе, включая его характеристику как великого завоевателя.			
272—274: ἐνθεν δὴ τινὰ Σεσόγῳσις Αἰγύπτου πάσης βασιλεὺς μετὰ Ἰσίδου τὸν Ἰσίδου καὶ Ὀσίριδος παῖδα τὴν μὲν Ἀσίαν ὀρμήσας πᾶσαν κατεστρέψατο, ὁμοίως καὶ τὰ πλεῖστα τῆς Εὐρώπης.	Отсюда некто...: Сесонхосис, царь всего Египта после Гора, сына Исиды и Осириса, напав на Азию, покорил (ее) всю, так же как и большую часть Европы.	272—276: Τὸ δὲ ἐνθεν δὴ τινὰ περὶ τοῦ Σεσωγῳσίδου λέγει. Οὗτος γὰρ Αἰγύπτου πάσης βασιλεύσας μετὰ Ἰσίδου τὸν Ὀσίριδος καὶ Ἰσίδου παῖδα, τὴν τε Ἀσίαν ὀρμήσας πᾶσαν κατεστρέψατο, καὶ μέρη πλεῖστα τῆς Εὐρώπης.	(Слова) <i>отсюда</i> <i>некто...</i> (Аполлоний) говорит о Сесонхосисе. Он, будучи царем всего Египта после Гора, сына Осириса и Исиды, напав на Азию, покорил (ее) всю и большую часть Европы.
В: Подробности о войнах египетского царя.			
В1: отсылка к Геродоту.			
ἀκριβέστερον δὲ ἔστι τὰ περὶ αὐτοῦ παρὰ Ἡρόδοτον.	А точнее о нем есть у Геродота.	ἀκριβέστερον δὲ τὰ περὶ αὐτοῦ Ἡρόδοτος	А точнее о нем рассказывает Геродот.

		διηγείται.	
B2: отсылка к Феопомпу.			
Θεόπομπος δὲ ἐν τρίτῳ Σέσωστριν αὐτὸν καλεῖ.	А Феопомп в третьей (книге) называет его Сесострисом ² .		
B3: рассказ о стелах.			
Ἡρόδοτος δὲ προστίθισιν, ὅτι, εἰ μὲν τινὰς πολέμῳ κατέστρεψεν, στήλας ἐτίθει πῶς ἐνίκησεν· εἰ δὲ παρεχώρουν, γυναικεῖον ταῖς στήλαις αἰδοῖον προσετίθει σύμβολον τῆς μαλακίας.	А Геродот добавляет, что, если он покорял кого-либо войной, то воздвигал стелы(, в которых говорил), как одержал победу; а если ему сдавались, то добавлял на стелах женские половые органы (как) знак слабости ³ .	προστίθισι δὲ καὶ τοῦτο, ὡς εἰ μὲν τινὰς τῷ πολέμῳ καταστρέψειε, στήλας ἀνέστη τῆς νίκης σύμβολα· εἰ δὲ τινὰς ἄνευ πολέμου χειρώσαιτο, γυναικεῖον αἰδοῖον προσετίθει ταῖς στήλαις τῆς σφῶν μαλακίας σημείον.	И он добавляет и то, что всякий раз как (этот царь) кого-то покорял войной, (то) ставил стелы (как) знаки победы; если же кого-то одолевал без войны, то добавлял на стелах женские половые органы (как) признак их (его противников) слабости.
		B2: отсылка к Феопомпу.	
		Θεόπομπος δὲ ἐν τῷ γ' Σέσωστριν αὐτὸν καλεῖ.	А Феопомп в третьей (книге) называет его Сесострисом.
C: Давность времени египетского царя.			
περὶ δὲ τῶν χρόνων, καθ' οὓς ἐγένετο Σεσόγχωσις, ὁ μὲν	А о временах, в которые жил Сесонхосис, Аполлоний говорит <i>ведь довольно много</i>	περὶ δὲ τοὺς χρόνους, καθ' οὓς ἐγένετο ὁ Σέσωστρις,	А о временах, в которые жил Сесострис, Аполлоний говорит только это: <i>ведь</i>

² См. подробно [Ладынин, 2011 (3)].

³ См. подробно настоящую главу, § 6.2.1.

Ἀπολλώνιος φησι π ο λ ὕ ς γ ᾶ ρ ἄ δ η ν ἐ π ε ν ῆ ν ο θ ε ν α ἰ ῶ ν. ⁴	уже минуло времени.	Ἀπολλώνιος δὲ τοῦτο μόνον φησὶ π ο λ ὕ ς γ ᾶ ρ ἄ δ η ν ἐ π ε ν ῆ ν ο θ ε ν α ἰ ῶ ν.	довольно много уже минуло времени.
D: Египетский царь – устроитель общественного строя.			
Δικαίαρχος ⁵ δὲ ἐν α' ⁶ καὶ νόμους αὐτὸν ⁷ θεῖναι λέγει,	А Дикеарх в первой ⁸ (книге) говорит, что		

⁴ К. Вендель переносит всю эту фразу в схолий к IV 276 [Wendel, 1935, p. 278, *comm. ad 6*]; см. ниже наше прим. 10).

⁵ Frg. 57a Wehrli (от Δικαίαρχος ... до ... ἐπιβαίνειν в блоке E, с эмендацией – см. следующее прим.); frg. 58 Fortenbaugh-Schütrumpf (от Δικαίαρχος ... до ... Σεσόγῳσιν в блоке E). Cp. frg. 57b Wehrli: “ib. (= Apoll. Rhod. IV 272—274. – И.Л.) Schol. vulg.: φησὶν δὲ Δικαίαρχος ἐν δευτέρῳ [καὶ] Ἑλληνικοῦ βίου <καὶ τοῦτο> Σεσογῳσίδι μεμεληκέναι (cp. schol. Parisinum καὶ τοῦτο δὲ φησι Δικαίαρχος ἐν β' Ἑλληνικοῦ βίου Σεσώστριδι μεμεληκέναι). καὶ νόμους αὐτὸν θέσθαι λέγει ὥστε μηδένα καταλίπειν κτλ.” Отсылка к источнику данного текстуального фрагмента дана Верли неаккуратно: под *schol(ia) vulg(ata)* в старых (уже на время появления компендиума Верли) изданиях поэмы Аполлония Родосского и комментариев к ней понимается текст схолиев, который был помещен в первоиздании Аполлония Родосского, напечатанном во Флоренции в 1496 г.: этот текст был основан на L, но не воспроизводил данную рукопись в точности [Mooney, 1912, p. 56; cp. Apollonius Rhodius, 1912, p. XIII; Wendel, 1932, S. 1]. В исследованиях первой половины XIX в. *scholia vulgata* использовались наряду с P вплоть до полноценного издания Л Г. Кайлем (см., например, отсылки к *scholia vulgata* при комментировании интересующего нас фрагмента Дикеарха в FHG II.236—237). Frg. 57b Wehrli действительно воспроизводит текст изданий, основанных на *scholia vulgata* (напр.: [Schaefer, 1813, p. 588; Wellauer, 1828, vol. 2, p. 162]), с эмендациями Ф. Верли (впрочем, вставка <καὶ τοῦτο> имеется, хотя и не обозначена как интерполяция издателя, у А. Веллауэра). Во frg. 57b Wehrli примечательна форма имени египетского царя (Σεσόγῳσίδι), появляющаяся в связи с описанием его социальных преобразований; однако, поскольку она заведомо восходит к первоизданию раннего Нового времени, то едва ли ценна для определения формы данного имени в оригинальном тексте схолиев.

⁶ У К. Венделя: Δικαίαρχος δὲ ἐν α' Ἑλλάδος βίου (fg 7 M. II 235) Σεσόγῳσιν καὶ νόμους [αὐτὸν] θεῖναι λέγει...; в передаче названия труда Дикеарха и имени царя издатель явно ориентируется на фразу в конце данного схолия в L [Wendel, 1935, p. 277]. Ф. Верли (frg. 57a) принимает чтение Венделя, добавляя свою конъектуру: Δικαίαρχος δὲ ἐν α' Ἑλλάδος βίου Σεσόγῳσιν (sc. αὐτὸν καλεῖ)... [Wehrli, 1967, S. 26; cp. Murray, 1970, p. 171 (“Wehrli’s reading of the text is awkward”)]. В новейшем издании фрагментов Дикеарха воспроизводится чтение К. Венделя без исключения слова αὐτὸν (frg. 58 Fortenbaugh-Schütrumpf; см. следующее примечание).

⁷ Данное слово К. Венделем исключено [Wendel, 1935, p. 277; cp. Murray, 1970, p. 171 (“...the text offered by C. Wendel... requires the deletion of the redundant [αὐτὸν]”)].

⁸ В списке L все цитируемые в интересующем нас фрагменте схолиев сообщения Дикеарха возведены к 1-й книге его «Жизни Эллады», исключая неясное упоминание 2-й книги в плохо сохранившейся фразе

<p>ὥστε μηδένα καταλιπεῖν τὴν πατρῶαν τέχνην· τοῦτο γὰρ ὑπολαμβάνειν ἀρχὴν εἶναι πλεονεξίας.</p>	<p>он и установил законы, чтобы никто не бросал отцовское ремесло, ибо считал это началом стяжательства.</p>	
<p>Е: Египетский царь – изобретатель верховой езды.</p>		
<p>καὶ πρῶτόν φησιν αὐτὸν εὕρηκέναι ἵππων ἀνθρώπων ἐπιβαίνειν. οἱ δὲ ταῦτα τὸν Ὀρον, οὐ τὸν Σεσόγχωσιν.</p>	<p>И говорит (Дикеарх), что он был первым, кто обнаружил, что человек может садиться верхом; а другие (говорят), что это (обнаружил) Гор, а не Сесонхосис.</p>	
<p>Ф: Египетский царь – основатель городов.</p>		
<p>276. ἢ ἔ καὶ οὐ· ποὐ λὺς γὰρ ἄδη· ἢ γὰρ ἐκλελοίπασί τινες τῶν πόλεων κἂν μετωνομασμέναι καὶ⁹ ἀγνοοῦνται,</p>	<p><i>Иные и нет: ведь довольно много уже...: Ведь уже перестали существовать некоторые из (этих) городов, даже если они переименованы и неизвестно, кем</i></p>	

в конце схождения к стк. IV 276, которую мы приводим вне нашей классификации смысловых блоков (см. ниже). В списке Р сообщение об исчислении лет от времени египетского царя до первой Олимпиады относится к 1-й книге «Жизни Эллады», а о законодательстве и устройтельской деятельности – ко 2-й. Ф. Верли считает это ошибкой, исходя и из наблюдений над другими фрагментами Дикеарха, и из того, что разбивка описания деяний египетского царя на две книги в принципе маловероятна [Wehrli, 1967, p. 59]; этого же мнения придерживается и сравнительно недавний исследователь Дикеарха В. Акс [Ax, 2000, S. 340, Anm. 10].

⁹ Данное слово К. Венделем исключено: ... μετωνομασμέναι [καὶ] ἀγνοοῦνται... [Wendel, 1935, p. 278].

<p>ὕφ' οὗ τυγχάνουσιν ἐκτισμέναι· τούτου δὲ τὸν χρόνον αἴτιον γεγενῆσθαι¹⁰.</p>	<p>они были основаны¹¹: виной же этому время.</p>		
G: Исчисление срока, прошедшего со времени египетского царя.			
<p>Δικαίαρχος¹² ἐν πρώτῳ μετὰ τὸν Ἰσιδος καὶ Ἄσιδος Ὄρον βασιλέα γεγονέναι Σεσόγῳσιν <λέγει>¹³. γίνεται δὲ ἀπὸ Σεσογώσεως ἐπὶ τὴν Νείλου βασιλείαν ἔτη βφ', <ἀπὸ δὲ τῆς Νείλου βασιλείας ἐπὶ τὴν Ἰλίου ἄλωσιν ζ',>¹⁴ ἀπὸ δὲ τῆς Ἰλίου ἄλώσεως ἐπὶ τὴν α'</p>	<p>Дикеарх в первой (книге говорит), что после Гора, сына Исиды и Осириса был царем Сесонхосис. Прошло от Сесонхосиса до царствования Нила 2500 лет, <от царствования Нила до взятия Илиона 7 лет,> от взятия же Илиона до первой олимпиады 436 лет, всего 2943.</p>	<p>Δικαίαρχος¹⁵ δὲ ἐν α' μετὰ τὸν Ἄσιδος καὶ Ἰσιδος Ὄρον βασιλέα φησὶ γεγονέναι Σέσωστριν· ὥστε γίνεσθαι ἀπὸ μὲν τῆς Σεσώστριδος βασιλείας μέχρι τοῦ Νείλου ἔτη βφ', ἀπὸ τῆς Νείλου βασιλείας μέχρι τῆς α' Ὀλυμπιάδος ἔτη υλς', ὡς εἶναι τὰ πάντα ὁμοῦ ἔτη</p>	<p>А Дикеарх в первой (книге) говорит, что царем после (сына) Осириса и Исиды Гора стал Сесострис: так что прошло после царствования Сесостриса до (царствования) Нила 2500 лет, от царствования Нила до первой олимпиады 436 лет, так что все вместе составляет (букв. «есть») 2936 лет.</p>

¹⁰ После данной фразы К. Вендель интерполирует фразу из предыдущего схолия (περὶ... α ἰ ὶ ν; см. выше наше прим. 4), вероятно, мотивируя это ее смысловой связью с последующим блоком D [Wendel, 1935, p. 278, *comm. ad 6*].

¹¹ Ср. более последовательный в смысловом отношении вариант *scholia vulgata* (см. наше прим. 5): ἢ γὰρ ἐκλελοίπασιν τινὲς τῶν πόλεων, ἢ μετονομασθεῖσαι ἀγνοοῦνται, ὕφ' οὗ τυγχάνουσιν ἐκτισμέναι «Ведь некоторые из (этих) городов или перестали существовать, или же о них, переименованных, неизвестно, кем они были основаны...» [Schaefer, 1813, p. 588].

¹² Frg. 58a Wehrli (от Δικαίαρχος... до ... βτδμγ', с указанием на последующую поврежденную фразу); frg. 59 Fortenbaugh-Schütrumpf (от Δικαίαρχος... до ... βτδμγ').

¹³ Восстановление Г. Кайля по флорентийскому первоизданию [Keil, 1853, p. 496] (см. наше прим. 5), не учтенное издателями фрагментов Дикеарха.

¹⁴ Конъектура Г. Кайля [Keil, 1854, p. 497; ср. Wendel, 1935, p. 278]; см. ниже в основном тексте настоящего раздела и ниже в настоящей главе, § 6.4.

¹⁵ Frg. 58b Wehrli (от Δικαίαρχος... до ... βτδλς').

Ἰολυμπιάδα υλς', όμοῦ β/Ἰμγ'.		β/Ἰλς'.	
Δικαίαρχος δέ φησιν ἐν β' Ἑλλάδος βίου Σεσόγχωσιν.... μέχρις αὐτοῦ εἶναι ¹⁶ .	А Дикеарх говорит во второй (книге) «Жизни Эллады», что Сесонхосис... был до него...		
		D/E: Египетский царь – устроитель общественного строя/изобретатель верховой езды.	
		καὶ νόμους δὲ λέγει Δικαίαρχος αὐτὸν τεθεικέναι, μηδένα ἐκλείπειν τὴν πατρῶαν τέχνην· τοῦτο γὰρ ᾤετο ἀρχὴν εἶναι πλεονεξίας. καὶ πρῶτον δὲ εὕρηκέναι ἵππον ἐπιβαίνειν ἄνθρωπον. ἄλλοι δὲ ταῦτα εἰς Ἔρωρον ἀναφέρουσι. καὶ	И Дикеарх говорит, что он (царь) установил законы, чтобы) никто не оставлял отцовское ремесло: ведь это он считал началом стяжательства. И (что) он первым обнаружил, что человек может садиться верхом. А другие это возводят к Гору. И Дикеарх во второй (книге) «Эллинской жизни» говорит, что это

¹⁶ К. Вендель считает, что μέχρις αὐτοῦ относится к схолию к IV 277/78, и устраняет Δικαίαρχος δέ φησιν ἐν β' Ἑλλάδος βίου Σεσόγχωσιν [Wendel, 1935, p. 277, *comm. ad* 24; p. 278, *comm. ad* 14]. Данная отсылка ко 2-й книге «Жизни Эллады» находит соответствие в P (см. ниже, конечную суммирующую фразу в смысловом блоке D/E, и наше прим. 8); здесь, ввиду ее плохой сохранности, мы помещаем ее вне смысловых блоков.

	<p>τοῦτο δέ φησι Δικαίαρχος ἐν β' Ἑλληνικοῦ βίου Σεσώστριδι μεμεληκέναι¹⁷.</p>	<p>было заботой Сесостриса.</p>	
F: Египетский царь – основатель городов.			
	<p>Ὅ γε μὴν Ἀπολλώνιος εἰπὼν, τὰ μὲν οὐ ποθι νετάουσι¹⁸, ἐπήγαγεν, ἢ ἐκαὶ οὐ δηλῶν διὰ τούτου, ὅτι αἱ μὲν τῶν πόλεων παντάπασιν ἐκλελοίπασιν, αἱ δὲ μετωνομάσθησαν, καὶ ἀγνοεῖται, ὑφ' οὔ τυγχάνουσι ἐκτισμέναι.</p>	<p>Аполлоний, сказав: «одни еще населены», – прибавил: «иные и нет», – показывая этим, что одни из городов совершенно перестали существовать, а другие были переименованы, и неизвестно, кем они основаны.</p>	
H: Основание египетским царем Эи.			
<p>277: Αἰῖά γε μὴν ἔτι νῦν μένει· τὴν Αἰῖάν φησιν ἀπὸ τῶν</p>	<p>Эя же еще и сейчас остаётся...: (Аполлоний) говорит, что Эя со времен Сесонхосиса</p>	<p>277 sq.: τὴν δὲ Αἰῖαν φησὶ ἀπὸ τῶν Σεσώστριδος χρόνων μένειν</p>	<p>(Аполлоний) говорит, что Эя остаётся нерушима со времен Сесостриса, и о</p>

¹⁷ Ср. frg. 57b Wehrli (наше прим. 5). Данная суммирующая фраза списка P (отсутствующая в L, но при этом каким-то образом восполненная в основанных в основном на этом списке «флорентийских схолиях»), явно относится к деятельности египетского царя как изобретателя разных установлений и навыков людей («культурного героя») в целом; именно благодаря ее наличию мы не можем развести в списке P смысловые блоки D и E.

¹⁸ Слова Аполлония цитируются в P с искажением; без искажения они выглядят следующим образом: τὰ μὲν ἢ ποθι ναιετάουσι (см. полную цитату стихотворного отрывка Аполлония ниже).

Σεσογχώσεως χρόνων ¹⁹ μένειν ἄθραυστον καὶ τοὺς ἐκείνων ἀπογόνους τῶν ἀπὸ Σεσογχώσεως κατοικισθέντων.	осталась нерушима, и о потомках тех, что были поселены со времени Сесонхосиса...	ἄθραυστον, καὶ τοὺς ἐκείνων ἀπογόνους τῶν ὑπὸ Σεσώστριδος κατοικισθέντων.	потомках тех, что были поселены Сесострисом...
--	--	---	--

По мнению издателя фрагментов Дикеарха Ф. Верли, именно L сохранил форму имени египетского царя, которая употреблялась Дикеархом; в схолиях L она противопоставлена форме «Сесострис», которую употребляет упоминаемый здесь Феопомп; появление же формы имени «Сесострис» в P при отсылках к Дикеарху следует считать искажением²⁰. Еще в 1970 г. с этим мнением Верли полемизировал О. Мёррей [Murray, 1970, p. 171]. Во-первых, он подчеркнул, что вне данных схолиев именование «Сесонхосис» зафиксировано только в греко-египетских текстах, маргинальных для античной традиции в целом: у Манефона, в «Романе об Александре» и «Романе о Сесонхосисе» (см. главу 1, § 1.3.2, настоящую главу, § 6.1, 6.3.1, 6.3.3). Во-вторых, он отметил явную переключку сообщений Дикеарха о законодательной деятельности данного царя со сведениями «Политики» Аристотеля, который именуется «Сесострис» (см. ниже), и высказал мнение, что у этих двух тесно связанных авторов данное именование, скорее, всего, должно совпадать. При этом наличие в схолиях указания, что Феопомп именовал египетского царя «Сесострис», при отсутствии такой же оговорки в связи с Геродотом (как точно известно, именовавшем его так же) свидетельствует о «путанице с номенклатурой» в данном списке. Наконец, Мёррей считал, что, следуя Верли и принимая передачу Дикеарха в схолиях L за аутентичную, трудно понять, откуда в его передаче в P появляется форма имени «Сесострис»: с его точки зрения, именно список P передает исходное именование египетского царя у Дикеарха²¹.

Легче всего отводится первый аргумент О. Мёррея, который касается маргинальности греко-египетской традиции, фиксирующей форму имени «Сесонхосис». Так или иначе,

¹⁹ Здесь К. Вендель интерполирует слова из фразы в конце схолия к IV 272—74: μέχρις αὐτοῦ (в данном контексте: «до его времени (букв. “до него”)») [Wendel, 1935, p. 278, *comm. ad* 14] (см. наше прим. 16).

²⁰ “Für die Identität von Sesonchosis mit Sesostris s. Kees RE 2 A 1861. Nach dem fr. 57a vorausgehenden Scholientext braucht die zweite der beiden Namensformen («Сесострис». – *И.Л.*) Theopomp, und diesem wird D. (т.е. употребление Дикеархом формы имени «Сесонхосис». – *И.Л.*) gegenübergestellt. Die Variante des Parisinus ist also unrichtig” [Wehrli, 1967, S. 59].

²¹ “...I would... believe the Parisinus to be right in portraying Dicaearchus as using the usual ‘Sesostris’” [Murray, 1970, p. 171].

традиция эта уже существует спустя лишь несколько десятилетий после времени Дикеарха (см. о времени появления александрийского прототипа «Романа об Александре» и труда Манефона главу 1, § 1.3.2. и главу 5, § 5.5), и исключить *a priori*, что этот автор, писавший о Египте и, соответственно, интересовавшийся им, мог быть знаком с каким-то ранним, неизвестным нам ее изводом, никак нельзя. Что касается остальных аргументов Мёррея, они в дальнейшем были развиты А.И. Иванчиком, специально занимавшимся античной традицией о великом египетском царе-завоевателе [Иванчик, 1999, с. 18—19; 2005, с. 204—205] (все связанные с данным фрагментом схолиев аргументы А.И. Иванчика, к которым мы обращаемся здесь и ниже в настоящем разделе, если иное не указано нами специально, представлены на этих страницах его работ). Этот исследователь оговаривает независимость (по крайней мере, частичную) списка Р от L²², но при этом считает, что нет оснований «для того, чтобы предпочесть вариант cod. Laurentianus или Parisinus» как аутентичный в передаче сообщения Дикеарха. В списке L Иванчик обращает внимание не только на отсутствие указаний на именование египетского царя Сесострисом у Геродота, но и на то, что во фразе «А Феопомп в третьей (книге) называет его Сесострисом» чувствуется противопоставление предшествующим сведениям – как считает Иванчик, «отнюдь не мнению Дикеарха, а Геродота» (данное наблюдение обосновано цитатой схолиев по списку L, но явно отнесено к содержанию схолиев как таковому, вне зависимости от конкретного списка²³). Из этого можно заключить, что «схолиаст считает, будто Геродот использовал форму “Сесонхосис”»; соответственно, «искажение геродотовской формы имени египетского царя не позволяет полагаться на свидетельство схолиаста в этом отношении и для Дикеарха». Так или иначе, учитывая, что в схолиях списка L в связи с цитированием Дикеарха появляется форма имени «Сесонхосис», а в списке Р – «Сесострис», для определения его исходной формы у самого Дикеарха «контекст... не дает никакой опоры». В то же время очевидное, по мнению Иванчика, «единство традиции Аристотеля и Дикеарха в их информации о египетском царе» заставляет предполагать его единообразное именование ими обоими, при том что Аристотель, как мы знаем точно, именовал его «Сесострис» (см. ниже и настоящую главу, § 6.2.3). Как мы видим, мнение А.И. Иванчика непосредственно опирается на два тезиса – о том, что схолии содержат ошибочную презумпцию именованья египетского царя Сесонхосисом у Геродота, и о том, что Аристотель и Дикеарх одинаково именовали этого персонажа Сесострисом.

²² “On Wehrli’s view it is difficult to explain why the Parisinus (which probably goes back to a different archetype: C. Wendel, *Scholia in Apollonium Rhodium Vetera* (1935), p. xv) should have the variant ‘Sesostris’” [Murray, 1970, p. 171].

²³ Взгляд с позиций А.И. Иванчика на текст схолиев списка Р мог бы привести к такому же наблюдению: коль скоро в них именование египетского царя у Геродота тоже не оговаривается специально, то на изложение его сведений «по умолчанию» распространяется форма имени, употребленная в начале схолиев (в смысловом блоке А), – «Сесонхосис»; см. ниже.

Обращение к списку Р показывает, однако, прежде всего, что форма имени «Сесонхосис» все же присутствует в нем в начальной фразе схолия к сткк. IV 272—276, как и в списке L (смысловый блок А), хотя и с вариацией в долготе второй гласной (Σεσόγῳσις в L, Σεσωγῳσίδος в Р). При этом во всем рассматриваемом фрагменте схолиев и в L, и в Р формы имени «Сесонхосис» и «Сесострис» употребляются по отношению к египетскому царю как равнозначные, причем равнозначность эта не оговаривается специально. За специальное указание на этот счет можно было бы принять фразу, практически полностью идентичную в обоих списках: «А Феопомп в третьей (книге) называет его Сесострисом», – однако на самом деле она не столько оговаривает равнозначность этих форм имени, сколько сообщает, какую именно из них употреблял Феопомп. Существенно, что, судя по самому характеру этой фразы, присутствие в схолиях обеих форм имени восходит к их автору, а не к переписчикам кодексов. При этом отсутствие оговорки об их равнозначности показывает, что и для автора схолиев и, в его понимании, для его читателей эта равнозначность была самоочевидной, объясняясь, по-видимому, вариативностью, типичной для передачи собственного имени одного языка средствами другого²⁴. Довольно очевидно, какую форму имени автор соответствующих схолиев считал по определенным основаниям «более правильной» или, во всяком случае, базовой: несомненно, это форма «Сесонхосис», содержащаяся в обоих списках в начале нашего фрагмента схолиев, в смысловом блоке А.

Анализируя далее расхождения между L и Р, мы обратим внимание на различие в исчислении лет, прошедших со времен данного царя и до первой олимпиады (как видно, это известие с полной надежностью восходит к Дикеарху!). Данное расхождение стало основой для конъектуры Г. Кайля, предложенной еще в середине XIX в. и с тех пор не оспаривавшейся. Список L исчисляет этот срок как сумму лет «от Сесонхосиса до царствования Нила» (2500 лет) и «от взятия... Илиона до первой олимпиады» (436 лет), давая при этом их сводную цифру 2943 года (на 7 лет меньше, чем было бы правильно). Список Р указывает суммы лет «от Сесонхосиса до царствования Нила» и «от царствования Нила до первой Олимпиады», приводя те же цифры, что и другой список, и суммируя их правильно (2936 лет). Г. Кайль сопоставил «зазор» между двумя рубежами, указанными в списке L, – царствованием Нила и взятием Илиона – с лишними 7 годами в итоговой цифре этого же списка, и уверенно дополнил

²⁴ Подобным же образом в русском словоупотреблении были бы равнозначны именованья английского короля династии Плантагенетов «Иоанн Безземельный» и «король Джон», а употребление одного из них, при понимании аутентичности английской языковой форме только второго, зависело бы от чисто «вкусового» предпочтения конкретного автора. Схолиаст наверняка не имел представления, что употребляемые им формы имени восходят к разным фонетически египетским прототипам, являвшимся именами царей разных исторических эпох (см. настоящую главу, § 6.3.1), а ориентировался на их равнозначное употребление в использованных им первоисточниках.

исчисление лет в схолии еще одним сроком: «от царствования Нила до взятия Илиона 7 лет». По-видимому, это семилетие и в самом деле было пропущено по ошибке на каком-то этапе традиции передачи схолиев (см. о смысле его выделения в особый хронологический подпериод и в целом о хронологии Дикеарха в передаче схолиаста настоящую главу, § 6.4). Очевидно, что линия традиции, к которой относится список Р, восходила к какому-то прототипу, где также имелся данный пропуск и наблюдалась порожденная им «нестыковка»; однако в рамках традиции списка Р на каком-то этапе была предпринята попытка скорректировать эту нестыковку, пересчитав «правильно» суммарную продолжительность времени от пресловутого царя до первой Олимпиады.

Еще один показательный нюанс мы можем заметить, сличая расположение сведений схолиев в списках L (последовательность сведений в этом списке мы использовали для введения нашего членения фрагмента на смысловые блоки А—Н) и Р (здесь соответствующие смысловые блоки представлены в следующем порядке: А—В—С—G—D/E—F—H). Прежде всего, необходимо признать, что список Р более твердо, чем L, удерживает смысловую связь между блоками С (давность времени египетского царя, с цитатой стк. IV 276 поэмы Аполлония) и G (исчисление срока, прошедшего со времени египетского царя, – по сути, собственно комментарий к соответствующим словам Аполлония, основанный на данных Дикеарха), а также D (устройство египетским царем общественного строя своей страны) и E (изобретение им верховой езды). Блоки первой из названных пар в списке Р соположены, второй – по сути дела, слиты воедино, будучи объединены заключительной суммирующей фразой, которая должна относиться к деятельности египетского царя как своего рода «культурного героя», взятой в целом (καὶ τοῦτο δὲ φησι Δικαίαρχος ἐν β' Ἑλληνικοῦ βίου Σεσώστριδι μεμεληκέναι; см. наше прим. 17). Вместе с тем было бы естественно ожидать, что общая последовательность схолиев к данному фрагменту поэмы Аполлония должна задаваться самой последовательностью его строк и содержащихся в них слов²⁵. Реконструируя такую

²⁵ Стихотворный перевод Г.Ф. Церетели:

Молвят: оттуда исшед, и Азию всю, и Европу
Некий муж обошел, положась на дружин своих смелость,
Силу и мощь, и в этом своем походе без счета
Он городов населил, из которых одни существуют,
Нет уж других, ибо много веков с той поры миновало.

Эя стоит и теперь еще твердо, и внуки живут в ней

Тех мужей, коих он поселенцами в Эе оставил... [Александрийская поэзия, 1972, с. 259] (Apoll. Rhod. Argonaut. IV 272—278:

ἔνθεν δὴ τινά φασι πέριξ διὰ πᾶσαν ὀδεῦσαι
Εὐρώπην Ἀσίην τε, βίην καὶ κάρτεϊ λαῶν
σφωιτέρων θάρσει τε πεποιθότα· μυρία δ' ἄστη
νάσσατ' ἐποικόμενος, τὰ μὲν ἢ ποθι ναιετάουσιν

«правильную последовательность», мы должны, по-видимому, придти к следующей схеме: А (общие сведения о египетском царе, являющиеся комментарием к его упоминанию в стк. IV 272—274) – (В+D+E – сведения о его войнах и устройтельской деятельности, расширяющие сведения блока А) – F (сведения о его градоосновании – комментарий к упоминанию об этом в стк. IV 275—276) – (С+G – цитата из Аполлония в стк. IV 276 «ведь довольно уже минуло времени...» и хронологический комментарий к ним) – Н (комментарий к упоминанию Эи в стк. IV 277—278). Кстати, именно этой последовательности придерживается в своей реконструкции текста схолиев К. Вендель. Между тем в обоих списках схолиев данная последовательность нарушается частичным либо полным вынесением комментария к словам «ведь довольно уже минуло времени...» (стк. IV 276) перед комментарием к упоминанию о градоосновании египетского царя. В L это нарушение ограничивается тем, что ближе к началу фрагмента схолиев, непосредственно после сведений о войнах египетского царя (блок В), появляется собственно блок С, цитирующий слова Аполлония. Основной же хронологический комментарий к этим словам (блок G) находится, в соответствии с последовательностью слов в стихотворном отрывке, после комментария к упоминанию о его градоосновании (блок F; при этом в списке L блоки F и G вместе образуют комментарий к стк. IV 276, в начале которого частично вновь повторяются пресловутые слова о давности времени: «Иные и нет: ведь довольно уже...»). В P, однако, непосредственно после сведений о войнах египетского царя появляются в соположении оба смысловых блока, относящиеся к словам «ведь довольно уже минуло времени...» – и цитирующий их блок С, и комментирующий блок G; при этом сведения об устройтельстве египетского царя (блок D/E) и о его градоосновании (блок F), соположенные и в L, перемещаются ближе к концу фрагмента схолиев. Объяснить обе эти особенности списка P довольно несложно: благодаря ним тематически близкие сведения – блоков С и G (о времени египетского царя) и блоков F и H (соответственно, о его градоосновании вообще и конкретно об основании Эи) оказываются стянуты вместе (по сути дела, результатом сходного, только более прочного, стяжения представляется и появление в P единого смыслового блока D/E, посвященного устройтельству египетского царя). Однако при этом в списке P не только существенно сильнее, чем в L, искажается последовательность сведений схолиев, заданная порядком соответствующих стихов (комментарий к IV 276 – блоки С и G – оказывается в полном объеме размещен прежде комментария к IV 275—276 – блока F), но и сведения об устройтельстве египетского царя, которые, как говорилось, наиболее логично связываются с

ἡὲ καὶ οὐ, πολὺς γὰρ ἄδην ἐπενήνοθεν αἰών·
 Αἰῶν γέ μῃν ἔτι νῦν μένει ἔμπεδον, υἰώνοι τε
 τῶνδ' ἀνδρῶν οὐς ὄσγε καθίσσατο ναίμεν Αἴαν...).

вводной информацией о нем²⁶ и в этом смысле стоят в одном ряду со сведениями о его завоеваниях, оказываются гораздо более основательно, чем в L, оторваны от их естественного контекста – блоков А—В. Думается, что объяснить наблюдаемые в списке Р стяжения тематически близких сведений, как и пресловутый «пересчет» суммарных лет приведенных Дикеархом сроков, можно корректированием текста схолиев на каком-то этапе традиции, приведшей к появлению списка Р²⁷. Наши наблюдения по данному поводу не ставят под сомнение независимость Р от L; однако и безотносительно к этому, в рамках традиции, породившей Р, текст интересующего нас фрагмента схолиев, очевидно, подвергся более основательной модификации, чем в рамках традиции списка L. Отметим в связи с этим и еще одну важнейшую особенность списка Р – серьезное искажение в нем стихотворной цитаты из стк. IV 275 (см. выше прим. 18). Разумеется, трудно утверждать, что данное искажение было внесено на том же этапе, что и предполагаемые нами изменения структуры схолиев в традиции списка Р, однако во всяком случае оно демонстрирует отступление именно этой традиции от аутентичного древнего текста весьма наглядно.

Чем в свете этого можно объяснить практически сплошное употребление именованного «Сесострис» в списке Р в тех случаях, где в L мы видим «Сесонхосис»? На наш взгляд, оно может быть результатом переосмысления переписчиком исходного текста, принципиальную закономерность которого (несомненно, общую для всех письменных культур архаики), удачно сформулировал Д.С. Лихачев: «Писец, как правило, стремится от трудного к легкому, от непривычного к привычному, от незнакомого к знакомому» [Лихачев, 2006, с. 47]. Форма имени египетского царя «Сесострис», введенная Геродотом и затем воспринятая целым рядом других греческих авторов, включая и сохранившего свой авторитет в эпоху средневековья Аристотеля, действительно, могла восприниматься как более привычная и нормативная и менее специфичная, чем «Сесонхосис». Тем не менее от последней формы имени не смогла уйти и

²⁶ Заметим, что ни в словах Аполлония, которые непосредственно комментируются в рассматриваемых нами схолиях, ни в иных пассажах соответствующего фрагмента его поэмы, нет упоминаний, комментариев к которым с необходимостью включал бы рассказ об устройательской деятельности египетского царя. Теоретически этот рассказ мог бы быть ассоциирован с упоминанием о его градоосновании; однако мы видим, что ни в L, ни в Р он не относится к комментарию соответствующего стихотворного пассажа (сткк. IV 275—276 со словами *ἦε καὶ οὐ*). При этом по своему смыслу рассказ об устройательстве египетского царя мог быть связан как раз с сюжетом его завоеваний (см. конкретнее ниже) и, соответственно, опять-таки тяготеет к смысловому блоку А.

²⁷ Обратим внимание на следующее: если в списке L все цитируемые в интересующем нас фрагменте схолиев сообщения Дикеарха возведены к 1-й книге его «Жизни Эллады», то, согласно Р, сообщение об исчислении лет от времени египетского царя до первой Олимпиады относится к его 1-й книге, а о законодательстве и устройательской деятельности – ко 2-й. Ф. Верли считает это ошибкой, исходя из наблюдений над другими фрагментами Дикеарха, и из того, что разбивка описания деяний египетского царя на две книги в принципе маловероятна [Wehrli, 1967, S. 59]. Не является ли отнесение соответствующего сообщения в списке Р ко 2-й книге «Жизни Эллады» еще одной манипуляцией, связанной с преобразованиями в его традиции данного фрагмента схолиев?

традиция списка Р в самом «знаковом» месте соответствующего фрагмента схолиев – его первой фразе. Присутствие здесь именованного «Сесонхосис», несомненно, указывает, что оно и имелось и в прототипе традиции списка Р и вообще было исконным для данного фрагмента схолиев. Далее, в связи с цитированием Феопомпа, в схолиях «всплыло» именование «Сесострис». Очевидно, последующий фрагмент схолиев в традиции списка Р мог быть отредактирован – бессознательно, а скорее вполне целенаправленно – «под» это более стандартное именование²⁸.

Подобное предположение, во-первых, пока не является вполне обоснованным; во-вторых, оно никак не исключает совершенно аналогичного допущения в связи со списком L: если в нем в интересующем нас отрывке мы видим употребление формы имени «Сесонхосис» повсеместно, за исключением прямой отсылки к иной форме у Феопомпа, не является ли и оно результатом такой же единообразной редакции данного отрывка? Как представляется, в связи с этим стоит попытаться установить, употребляется ли именование «Сесонхосис» в схолиях списка L, так сказать, чисто механически или же оно связано с каким-то однородным смысловым контекстом.

Прежде всего, обратим внимание, что такой контекст – сведения о преемстве царя данного имени от богов – отчетливо виден в схолиях в смысловом блоке А в обоих списках: в L эта форма имени и данные сведения присутствуют в одной фразе, в Р они встречаются в двух тесно соположенных фразах. Далее в списке L в схолии к сткк. IV 272—74 в первую очередь приводятся сведения о завоеваниях египетского царя, с отсылками к Геродоту и Феопомпу (блок В). Приведенные во второй части этого схолия сведения Дикеарха, содержащие именование «Сесонхосис» (о введении этим царем наследственности занятий из поколения в поколение и об изобретении им верховой езды – блоки D и E) хотя и могли до некоторой степени быть ассоциированы с его завоеваниями²⁹, но по своему существу касались иной темы – его деятельности устроителя египетского общества и, в более широком плане, едва ли не «культурного героя». Из блоков D и E второй содержит прямое именование египетского царя Сесонхосисом; при этом, хотя приведенное здесь сообщение об изобретении верховой езды не

²⁸ Что достаточно хорошо согласовывалось бы с отмеченной К. Венделем фундаментальной особенностью списка Р: *Auctor recensiois Parisinae corpus scholiorum antiquum, quod e codice L potissimum novimus, per omnes partes ita retractavit, ut vix unum scholium non mutaretur. Et semper quidem maxime in eo opera posuit, ut sententias traditas in elegantiore formam redigeret, difficultates aut rerum aut verborum removerat, omnia plane et aperte diceret. Quo consilio locos exempli corruptos vel praetermisit vel commutavit, scholia geminata in unum contraxit, scholia, quae ei supervacanea videbantur, eiecit* [Wendel, 1935, p. XV].

²⁹ Ассоциация с этим мотивом сообщения об изобретении верховой езды была бы вполне очевидна; в связи с рассказом о введении Сесонхосисом наследственности занятий см. в прим. 32 отсылку к сообщению Диодора о создании Сесоосисом – персонажем, аналогичным Сесонхосису, – системы наделения землей профессиональных воинов, также составивших наследственное сословие.

египетским царем, как утверждал Дикеарх, а самим богом Гором возведено к «другим» (отличным от Дикеарха) информаторам, очевидно, однако, что от последних в схолий перешли сведения, альтернативные данным Дикеарха. Весьма показательно, что пресловутые «другие» не названы автором схолия поименно. Исходя из этого, можно думать, что их сведения появились в его распоряжении не в результате его собственных изысканий, а из свидетельств того же Дикеарха, очевидно, добросовестно приведшего не только принятую им версию об изобретении верховой езды египетским царем, но и отличные от нее сведения.

Что касается блока D, то, хотя К. Вендель, а за ним и исследователи Дикеарха, уверенно реконструировали в соответствующем пассаже схолий форму имени «Сесонхосис» (см. прим. 6), реально в списке L мы ее в этом контексте все же не видим. Вместе с тем тематически блоки D и E сопряжены, как мы говорили, весьма близко, в том числе и чисто стилистически: по сути дела, E органично продолжает пассаж, началом которого является D. Судя по этому, форма имени египетского царя, употребленная в списке L в конце E, очевидно, распространяется по умолчанию также и на D. При этом в связи с D следует сделать еще одно очень важное замечание: как считал О.Д. Берлев [Берлев, 1984, с. 34 и прим. 15]³⁰, переданное здесь сообщение Дикеарха представляет собой, наряду с сообщениями Геродота³¹ и Диодора³², позднюю реминисценцию великой социальной реформы Сенусерта I в начале XII династии (см. также подробнее настоящую главу, § 6.2.3). Логика Берлева, который в рамках своего тезиса свел эти сообщения вместе, ясна: все они, по крайней мере, в некоторой их части, должны восходить к одному и тому же блоку реминисценций, хотя, строго говоря, в них не совпадают не только формы имени египетского царя, но и суть приписываемых ему действий. Однако, так или иначе, во всех этих античных свидетельствах (с наибольшей подробностью и внятностью – как раз в сообщении Дикеарха) идет речь о давнем, восходящем к эпохе величайшего царя прошлого, существовании в Египте системы наследственных групп, сформированных по

³⁰ «Случайно ли, что Ахтой, очевидно, при Сенвосре I (Сесострисе) или раньше, при его предшественнике, первым дает такое описание (фактическую характеристику распределения юношей по профессиональным разрядам в рамках т.н. системы смотров. – *И.Л.*)? Не отражает ли действительность, которую он описал, реформаторскую деятельность первых царей XII династии? При последних царях Египта именно так и считали (прим. 15: Данные греческих писателей – Геродота, Дикеарха, Диодора)».

³¹ Вероятно, имелись в виду сообщение о проведенной Сесострисом масштабной реформе – уравнительном распределении земли между египтянами с сообразной раскладкой податей (*Hdt.* II.109) и не связанные с его образом сообщения о корпоративном устройстве современного Геродоту египетского общества (*Hdt.* II.164 – о его организации египетского общества по разрядам, наследственный характер которых не акцентируется специально, но очевиден из самого их обозначения γένεα, ср. LSJ 344; *Hdt.* II.164—166 – о живущих в определенных номах разрядах профессиональных воинов гермотибиев и каласириев, с акцентом на наследственный характер последнего).

³² Нет сомнений, что имелись в виду сведения Гекатея Абдерского/Диодора о создании царем Сесосисом в структуре египетского общества наследственного военного сословия, которое он сформировал из своих сверстников – начальников его войска, – распределив между ними участки земли (*Diod.* I.54.5—6; см. подробно настоящую главу, § 6.3.4).

принципу общности занятий их членов. Между тем как раз О.Д. Берлев выявил в Египте Среднего царства систему государственного распределения «царских хемуу» по профессиональным разрядам; и именно о ней он и говорил в своей работе, посвященной «Поучению Ахтоя, сына Дуауфа...» и содержащей отсылку к античной традиции [Берлев, 1984]³³. Очевидное отличие этой системы от описанной Дикеархом и другими античными авторами состояло в том, что в ее рамках распределение людей по профессиям формально не было даже пожизненным³⁴. Однако оно могло с самого начала быть фактически наследственным, поскольку юноши, естественно, причислялись к профессиональным разрядам в соответствии с теми умениями, которыми овладевали, живя в семье. Кроме того, современники египетского Позднего времени, разумеется, знали эту систему в том виде, в каком она существовала в эту эпоху, когда, вне активного вмешательства государства в ее функционирование, она должна была «перейти на саморегулирование» и стать наследственной. Очевидно, что реплицирующее эту реалию и указывающее на ее истоки сообщение Дикеарха должно восходить к египетской традиции. Характерно, что то же самое может быть сказано и о сообщении блока Е об изобретении верховой езды не Сесонхосисом, а богом Гором, которое, как мы сказали, с определенной вероятностью восходит также к Дикеарху³⁵.

³³ В наиболее явной и обязывающей форме суть наблюдений О.Д. Берлева, связанных с этим явлением, изложена в следующем обобщающем очерке: [Виноградов, 1997, с. 169—170].

³⁴ Мы не беремся сказать, в какой мере это преобразование, по замыслу его инициаторов, могло преследовать задачу, в соответствии со словами Дикеарха, отвратить людей от стяжательства. Конечно, введение государственного распределения работников в начале XII династии должно было быть нацелено и на то, чтобы изжить последствия I Переходного периода, когда многие египтяне стремились уклониться от государственных повинностей, вплоть до бегства из страны (см. в связи с этим: [Демидчик, 1999; 2009]). Делая это, а также выбирая, в той мере, в какой это было возможно, свои занятия, они, естественно, руководствовались материальными соображениями (о стремлении людей всячески наживаться на своих занятиях много говорится, в частности, в «Жалобах поселянина»). Однако акцент на этом у Дикеарха и форма, в которой он об этом говорит, – скорее всего, плод морализаторства Аристотеля, учеником которого был Дикеарх, на тему о преимуществах созидания материальных ценностей (*экономики*) перед занятиями, связанными с торговлей и ростовщичеством и ориентированными на наживу без созидания (*хрематистикой*; *Arist. Pol. I.3, 1256a—1258a*).

³⁵ «...Как гласит предание, Осирис, явившись Гору из царства мертвых, тренировал и упражнял его для боя, а затем спросил, что он считает самым прекрасным на свете. Когда тот ответил: отомстить за отца и мать, которым причинили зло, – снова спросил, какое животное кажется ему самым полезным для того, кто идет на битву. Услышав в ответ от Гора “конь”, он удивился и стал допытываться, почему конь, а не лев. Тогда Гор сказал, что лев нужен тем, кто нуждается в защите, а конь нужен, чтобы отрезать и уничтожить бегущего врага» (пер. Н.Н. Трухиной [Плутарх, 1977, с. 257]; *Plut. De Is. et Os. 19: ἐπειτα τῷ Ὄρω τὸν Ὀσίριον ἐξ Αἴδου παραγενόμενον διαπνεεῖν ἐπὶ τὴν μάχην καὶ ἀσκεῖν, εἶτα διερωτῆσαι τί κάλλιστον ἠγεῖται τοῦ δὲ φήσαντος ‘τῷ πατρὶ καὶ μητρὶ τιμωρεῖν κακῶς παθοῦσιν’ δεύτερον ἐρέσθαι τί χρησιμώτατον οἶεται ζῶον εἰς μάχην ἐξιοῦσι: τοῦ δ’ Ὄρου ‘ἵππον’ εἰπόντος, ἐπιθαυμάσαι καὶ διαπορῆσαι, πῶς οὐ λέοντα μᾶλλον ἀλλ’ ἵππον εἶπεν. εἰπεῖν οὖν τὸν Ὄρον ὡς λέων μὲν ὠφέλιμον ἐπιδεομένῳ βοηθείας, ἵππος δὲ φεύγοντα διασπάσαι καὶ καταναλῶσαι τὸν πολέμιον). В контексте этого мотива (египетского по своему происхождению, как, очевидно, и все изложение мифа об Осирисе в трактате Плутарха) можно было считать, что именно Хор изобрел верховую езду как боевое искусство для своих сражений с Сетом – разумеется, раньше пресловутого*

В схолии к стк. IV 276, в «хронологическом» комментарии к словам о давности времени египетского царя («Иные и нет: ведь довольно уже...»; блок G) именование «Сесонхосис» употреблено в сообщении Дикеарха о преемстве данного царя от Гора, сына Исиды и Осириса, и о точной продолжительности данного срока (в котором проявились специфически египетские реалии; см. настоящую главу, § 6.4). Прямое упоминание Дикеарха в качестве источника данного сообщения позволяет уверенно возвести к нему же и сведения начального пассажа нашего отрывка схолиев о преемстве Сесонхосиса от богов (блок A). Достаточно очевидно, что данное указание на первенство Сесонхосиса среди сменивших богов царей-людей не может не ассоциироваться с темой его устроительской деятельности. При этом весьма показателен такой момент, как презентация его в качестве преемника именно Гора, сына Исиды и Осириса. А.Е. Демидчик раскрыл смысл топоса «времени Хора» в египетских текстах I Переходного периода (конец III тыс. до н.э.): когда в «Поучении царю Мерикара» заходит речь об укладе жизни кочевника-азиата, который «сражается со времен Хора» (pErm. 1116A. 93: *iw.f hr ḥz dr rk Hr*), то, очевидно, имеется в виду давняя эпоха, когда окончательно побежденный в ходе борьбы за наследие Осириса Сет был выдворен со своими присными из Египта в окружающие его «нагорья» [Демидчик, 2005, с. 132—135] (ср. в «Речении Ипувера»: «...предопределенное ...вам... во время Хора, в пор[у девятки богов]»; pLeid. I.344 *recto*. 1.7: *n3y š3[w]t ...n.tn... m rk Hr m h3[w psdt ntrw]*). По существу, это событие – заселение земель за пределами Египта – стало «завершающим штрихом» поры устроения земного мира, когда власть над ним принадлежала непосредственно богам. Соответственно, именно царствование Хора знаменует рубеж между этой порой «космогенеза» и последующими временами, когда боги в своем непосредственном качестве покинули землю (ср. *Manetho*. Frg. 1.1: помещение Хора последним в династии богов; frg. 3: помещение его первым в т.н. династии полубогов; frg. 4: ошибочное и корректируемое на основе логики мифа об Осирисе помещение его царствования перед царствованием Тифона/Сета). Таким образом, сообщение о преемстве Сесонхосиса от Гора следует через посредство Дикеарха возвести опять же к египетской традиции³⁶.

Наконец, в схолии к IV 277—78a (об Эе; блок H) именование «Сесонхосис» появляется в контексте завоеваний египетского царя и его колонизационной деятельности, без указания используемых при этом первоисточников. Сравнив этот схолий с разобранными нами предыдущими, мы придем к следующему очень важному наблюдению: по сути дела, это

египетского царя. См. подробнее об этом мотиве в сообщении Плутарха, с отсылками к другим источникам и литературе: [Васильева, 2004, с. 207; Guerneur, 2012, p. 378, n. 22].

³⁶ По замечанию У. Тальманна, в «Аргонавтике» Аполлония Родосского завоевания и колонизационная активность великого египетского царя также отнесены к древнейшей эпохе [Thalman, 2011, p. 43 (“primordial stage in the development of the cosmos and of human culture”)], что хорошо согласуется со сведениями о нем Дикеарха.

единственный во всем рассматриваемом отрывке случай употребления именованного «Сесонхосис» вне вполне достоверного «египтизирующего» контекста, но, очевидно, с имплицитной отсылкой к сюжету античной традиции о проникновении египтян в Колхиду/Эю, признававшемуся достоверным со времен Геродота (*Hdt.* II, 104; Hunter, 2008, p. 104; Mori, 2008, p. 16; Caneva, 2012, p. 58—59; см. об Эе: Иванчик, 2005, с. 62—64). Связь же и этого сообщения с устройательской деятельностью египетского царя вполне очевидна.

Подводя некоторый итог сказанному, можно сказать, что в употреблении именованного «Сесонхосис» в схолиях списка L просматривается, по сути дела, троякая закономерность: оно связано с характеристикой устройательской деятельности данного царя; за исключением одного случая (схолий об Эе) оно появляется в специфическом «египтизирующем» контексте; и, наконец, в подобном контексте оно связано с прямыми отсылками к труду Дикеарха.

Констатация последнего момента пока еще не равнозначна утверждению, что именование «Сесонхосис» и перешло в схолии именно из труда Дикеарха. Напомним, однако, еще раз, что в начальном пассаже нашего отрывка схолиев (смысловый блок А) это именование появляется – явно как «знаковое» для всего этого отрывка – в обоих списках. Трудно представить себе, что при подобном значении этого именованного оно было бы введено в схолии без какой-либо отсылки к его первоисточнику. Мы говорили о том, что вне рассматриваемого нами фрагмента это именование встречается только в специфической греко-египетской традиции. Излишне говорить, что ничего похожего на отсылки к ней в наших схолиях мы не видели: в них упоминаются только Геродот, Феопомп и Дикеарх, а также некие не названные первоисточники («другие»; как мы уже сказали, данная форма имени египетского царя едва ли могла быть заимствована из них, а сами эти свидетельства с определенной вероятностью проникли в схолии опять же через посредство Дикеарха). Из сведений Феопомпа в схолиях только и указано, что этот автор именовал египетского царя Сесострисом, и не доверять этому как будто нет оснований. Что касается Геродота, то мы твердо знаем, что реальным источником данной формы имени его труд быть не мог; однако мы уже упоминали точку зрения О. Мёррея и А.И. Иванчика, согласно которой в схолиях присутствует ложное представление об именовании египетского царя у Геродота «Сесонхосисом». В таком случае автор соответствующих схолиев мог бы ошибочно считать Геродота первоисточником (или, по крайней мере, один из первоисточников) данной формы имени. Обратим внимание, что мнение об этом А.И. Иванчик сформулировал на основе текста списка L; однако, с учетом того, что форма имени «Сесонхосис» присутствует и в начале схолиев в списке P, оно должно было бы быть справедливо и применительно к ним. Вообще же Иванчик не оговаривает специально, в частности, то, что последовательность сведений в схолиях P несколько иная, чем в L, и отсылка к Феопомпу в них (B2) не примыкает непосредственно к отсылке к Геродоту с его упоминанием

(B1), а отделяется от нее изложением сюжета о стелах (B3), так что само предполагаемое противопоставление двух авторов в Р следовало бы считать, по крайней мере, менее резко выраженным, чем в L.

Надо сказать, что заблуждение схолиаста по поводу источника хорошо известного и, несомненно, доступного для уточнений, выглядит странно не только *a priori*, но и по характеру последующего пересказа в схолиях рассказа Геродота о победных стелах египетского царя. В передаче этого рассказа в раннеэллинистическое время, у Гекатея Абдерского, известного в изложении Диодора, и у Манефона, мы видим характерное искажение: в местах побед египетского царя над народами, оказавшими ему сопротивление, возводились стелы, на которых, помимо описания этих побед или вместо него, помещалось изображение мужских половых органов (*Diod. I.55; Manetho. Frgg. 34.3, 35.3, 36.3*; см. выше, настоящую главу, § 6.2.1). Показательно, что в изложении схолиев мы этого искажения не видим. Соответственно, стоит все же обсудить возможность того, что их автор знал труд Геродота и не заблуждался по поводу употребленной в нем формы имени, но не видел особых оснований оговаривать его специально.

На наш взгляд, смысловые связи во фрагменте схолиев, включающем отсылку к Геродоту, следует восстанавливать с учетом того, к чему, собственно, эти схолии относятся, т.е. самих стихов Аполлония Родосского. Между тем в них (см. выше прим. 25) речь идет о совершенно определенном аспекте деятельности великого египетского царя – о его завоеваниях, охвативших едва ли не весь мир, а также о градоосновании как их естественной производной. Именно тема завоеваний египетского царя и комментируется в схолиях к данным строкам в первую очередь. В списке L в начальных фразах рассматриваемого нами фрагмента схолиев (смысловой блок А) очень стяженно, пока без отсылки к первоисточникам заложена вся существенная информация о египетском царе – и о его преемстве от богов, и о его завоеваниях. Упоминание здесь его преемства от богов не связано с темой его завоеваний, однако совершенно оправдано, исходя из элементарной необходимости обозначить в начале подобного «справочного» свидетельства место персонажа, о котором идет речь, в хронологии (относительной, заданной поколениями богов, которая в связи с древнейшей мифологической историей заведомо скажет больше, чем безликие многотысячелетние цифры). Далее, однако, схолии указывают, что «точнее» (ἀκριβέστερον³⁷) сведения об этом царе (τὰ περὶ αὐτοῦ) сообщаются у Геродота (смысловой блок В1; в Р его естественным продолжением оказывается В3 – рассказ о стелах египетского царя). В сопоставлении с содержанием смыслового блока А подобная оценка сведений Геродота заведомо не будет полной и справедливой: в А

³⁷ Не «наиболее точно», как переводит А.И. Иванчик; ср. LSJ 55.

упоминается преемство египетского царя от богов, а об этом Геродот как раз не говорит ни слова³⁸! Между тем сама форма сравнительной степени ἀκριβέστερον предполагает наличие в данном фрагменте либо в его контексте прямой или косвенной отсылки к тому, в связи с чем такое сравнение проводится; и в данном случае ее не приходится долго искать – имплицитно она задана самой темой завоеваний египетского царя в комментируемом стихотворном фрагменте. В таком случае суть и смысл отсылки сходя к Геродоту сводятся к совершенно справедливому утверждению, что его труд дает гораздо более подробную и конкретную, чем у Аполлония Родосского, характеристику завоеваний египетского царя³⁹; но то, как именно Геродот его называет, не имеет при этом большого значения.

Предполагаемое заблуждение автора схолиев списка L по этому поводу, по мнению А.И. Иванчика, подтверждалось, как мы помним, тем, что указание на именование египетского царя у Феопомпа Сесострисом (смысловый блок В2), казалось бы, противопоставлено в схолиях предыдущим сведениям, исходящим от Геродота (В1). Заметим, однако, что, во-первых, «маркер» противопоставления в древнегреческом языке – частицу δέ [Соболевский, 1948 (2), с. 352, § 1422] – мы видим не только в В2 с отсылкой к Феопомпу, но, согласно списку L, и в предшествующем и последующем блоках В1 и В3; в списке Р эта частица также присутствует во всех этих смысловых блоках при том, что их последовательность, как упоминалось, выглядит иначе (В1—В3—В2). В принципе последовательное противопоставление этих высказываний друг другу может носить вообще не смысловой, а более слабый стилистически-интонационный характер (ср. LSJ 371: δέ, 2b); но если все-таки мы имеем дело с системой именно смысловых противопоставлений, то она заведомо вовлекает в себя не только блок В2 с отсылкой к Феопомпу и непосредственно предшествующее ему высказывание. Это особенно хорошо видно по тексту списка L, где первый элемент данной системы противопоставлений – сообщение о войнах Сесонхосиса во вводной фразе схолиев (блок А) – маркирован, согласно хорошо известному синтаксическому правилу, частицей μέν [Соболевский, 1948 (2), с. 352, § 1422]. Соответственно, этому сообщению противопоставляется содержащая частицу δέ отсылка

³⁸ В развитие тезиса О. Мёррея и А.И. Иванчика об ошибке схолиаста в передаче формы имени египетского царя у Геродота можно было бы допустить, что он, также вопреки истине, считал, что у того имеются сведения и о преемстве его персонажа от богов, однако в таком случае получилась бы совсем уж удивительная картина: схолиаст дал бы отсылку к хорошо известному историческому произведению, в буквальном и самом компрометирующем для себя смысле слова не имея о нем ни малейшего представления! О том, что прямое знакомство схолиаста с текстом Геродота вероятно, мы говорили выше.

³⁹ Теоретически еще более подробный, чем у Геродота, рассказ о том же самом схолиаст мог бы обнаружить в свидетельствах Гекатея Абдерского, известных нам через посредство Диодора Сицилийского (*Diod.* I.53—58; см. настоящую главу, § 4.3.4); однако игнорирование им данной традиции легко объяснить употреблением в ней иного, нежели известные ему, именованья египетского царя – «Сесоосис» (см. ниже).

к Геродоту (B1); идущая же далее отсылка к Феопомпу (B2 – опять же с δέ) может противопоставляться не обязательно строго предшествующей ей фразе, но и всему предыдущему пассажи (A+B1), включая его начальное сообщение, маркированное μέν. При этом вполне достаточным основанием для противопоставления отсылки к Геродоту стяженному описанию войн египетского царя в блоке А могла быть гораздо большая подробность сведений об этом Геродота (безразлично к именованию у него данного персонажа). В случае же с отсылкой к Феопомпу таким основанием могло быть действительно использованное им именование, соотношенное, однако, не с предшествующей отсылкой к Геродоту, а опять же с начальным элементом системы противопоставлений – сведениями блока А, где он именуется «Сесонхосис». Иными словами, систему смысловых связей в данной части схолиев списка L можно представить следующим образом: «Сесонхосис, преемник богов, завоевал Азию и большую часть Европы (А) – а подробнее, чем здесь (= в А), об этих завоеваниях говорит Геродот (B1) – а иначе, чем здесь (= в А), его именует (в другом рассказе о его завоеваниях, как мы знаем, в Европе; см. [Ладынин, 2011 (3)]) Феопомп (B2)». При обращении к списку P мы увидим, на самом деле ту же самую схему с поправкой на соположение (и, очевидно, частичное слияние) с блоком B1 блока B3 (рассказ о стелах египетского царя; отчасти он может быть и противопоставлен B1 по смыслу, как отличающийся от обобщенной отсылки к Геродоту существенный нюанс – «а помимо общего рассказа об этих завоеваниях Геродот передает рассказ о стелах...»). Подобная схема представляется нам достаточно непротиворечивой и позволяющей обойтись без предположения об ошибке автора схолиев в вопросе о форме имени египетского царя у Геродота.

Если это предположение удастся отвести, Геродот, разумеется, не может быть даже мнимым (в ошибочном представлении автора схолиев) источником именованного «Сесонхосис» в обсуждаемом нами отрывке. Однако в таком случае единственный из упоминаемых здесь авторов, о котором мы по крайней мере *не знаем в точности*, не именовал ли он данного царя «Сесонхосис», – это Дикеарх. Подчеркнем следующую немаловажную деталь: список P удерживает именование «Сесонхосис» в контексте преемства египетского царя от богов, который связан со сведениями Дикеарха заведомо! При этом яркая «египтизирующая» специфика данного контекста позволяет, похоже, понять, почему именование «Сесонхосис» стало для схолиаста столь «знаковым»: очевидно, оно и представлялось более адекватным египетскому языку по сравнению с традиционной грецизацией «Сесострис» и, соответственно, более уместным в столь отчетливой связи с египетскими реалиями! Напомним, что анализировать контексты употребления имени «Сесонхосис» в схолиях списка L мы начали для того, чтобы выяснить, встраивается ли оно в какой-либо однородный содержательный контекст

соответствующих сообщений. Мы постарались показать, что в списке L такое его «встраивание» в «египтизирующие» описания устроительской деятельности с прямыми отсылками к Дикеарху как будто просматривается. Теперь мы можем добавить к этому, что с данной точки зрения немотивированным выглядит появление именованного «Сесострис» в таком же «египтизирующем» контексте преемства царя от богов и с отсылкой к Дикеарху в списке P, в смысловом блоке G (в хронологическом комментарии словам *ведь довольно уже минуло времени*). Его появление здесь «рассогласовано» с употреблением формы имени «Сесонхосис» в смысловом блоке A согласно тому же самому списку P, в таком же контексте (как мы сказали, тоже восходящем к Дикеарху), и наиболее логично объясняется как раз предполагавшимся нами редактированием всего интересующего нас отрывка схолиев списка P, кроме начального пассажа, «под» «стандартное» именование «Сесострис».

Проговорим теперь некоторые заключения, в пользу которых мы, как представляется, сумели привести определенные аргументы. Схолии в списке P на каком-то этапе эволюции традиции, к которой он принадлежит, подверглись более основательному редактированию, чем схолии списка L, и именно этим можно объяснить замещение в них формы имени «Сесонхосис» на «Сесострис». Последовательное употребление именованного «Сесонхосис» в списке L, напротив, можно объяснить не проведенным в рамках традиции этого списка единообразным редактированием, а связать с содержанием соответствующих сообщений, восходящих, очевидно, к единому первоисточнику. Значение именованного «Сесонхосис» в обоих рассматриваемых списках схолиев существенно, а само это именование достаточно специфично (во всяком случае, в отличие от именованного «Сесострис», не общеизвестно), так что возможность его проникновения в текст схолиев без указания первоисточника крайне невелика. При этом, кажется, имеется возможность интерпретировать текст схолиев без допущения, что их автор заблуждался по поводу формы имени египетского царя у Геродота; соответственно, этот автор не мог быть сочтен первоисточником именованного «Сесонхосис» в схолиях даже ошибочно. В таком случае отпадают прямые основания опасаться, что схолиаст мог исказить форму имени египетского царя у Дикеарха; и если бы появилась возможность определить, какой из двух списков передает соответствующее сообщение без искажений, ему в этом вопросе стоило бы доверять. Однако в таком случае предпочтение, очевидно, следует отдать списку L, в котором форма имени египетского царя, возведенная к Дикеарху, как мы сказали, совпадает при ее употреблении в равнозначном контексте (в сведениях о преемстве данного царя от богов – в смысловых блоках A и G)⁴⁰ и, следовательно, согласиться, что, судя по

⁴⁰ При предпочтении списка P (и, соответственно, допущении, что Дикеарх, согласно ему, именовал египетского царя «Сесострис») мы, понятным образом, были бы вынуждены признать, что форма его

схолиям L, Дикеарх именовал этого персонажа «Сесонхосис». Предпочтение в этом отношении списка L хорошо согласуется и с нашими аргументами в пользу того, что в традиции списка P происходило более основательное редактирование списка схолиев.

Попробуем теперь обсудить второй существенный тезис, подкрепляющий мнение А.И. Иванчика об именовании египетского царя у Дикеарха «Сесострис», – тезис о вероятном «единстве традиции Дикеарха и Аристотеля», каковое, при том, что последний в «Политике» и «Метеорологике» именуется египетского царя «Сесострис», позволяло бы ожидать и от его прямого ученика Дикеарха использования «той же формы этого имени». На наш взгляд, о «единстве традиции» этих двух авторов можно говорить, имея в виду общий для них интерес к истокам социального строя Египта, обеспечившего этой стране стабильность. Вместе с тем конкретные сведения Аристотеля и Дикеарха достаточно разнятся по степени их подробности и явственности их связи с данными, которые могли так или иначе восходить к египетским информаторам.

Аристотель в «Политике» (*Arist. Pol.* VII 9, 1—5, 1329b) говорит об организации общества на основе его разделения на функциональные группы и, в частности, отделения воинов от земледельцев. Сесостриса он упоминает как древнейшего среди законодателей прошлого, установивших такой порядок (помимо него, он называет Миноса, оговаривая, что тот жил значительно позднее Сесостриса), а также ссылается на пример Египта, уже не упоминая специально Сесостриса, как на доказательство чрезвычайной древности такого порядка (οὗτοι γὰρ ἀρχαίότατοι μὲν δοκοῦσιν εἶναι, νόμων δὲ τετυχῆκασιν <ἀεὶ> καὶ τάξεως πολιτικῆς). В «Метеорологике» (I.14, 352b) Аристотель сообщает, что именно Сесострис (а за ним Дарий I) первым прорыл знаменитый канал, соединяющий Нил с Красным морем. После него это сделал Дарий I, причем оба они отказались от своего намерения, выяснив, что уровень моря был выше, чем долины Нила, из-за опасения, что соленая морская вода смешается с нильской. В связи с этими свидетельствами Аристотеля А.И. Иванчик отметил, что они «не вполне согласуются с геродотовскими, однако легко могут быть из них выведены» [Иванчик, 1999, с. 12; 2005, с. 199], и это в особенности справедливо применительно к свидетельствам о красноморском канале. Как известно, Геродот приписывает его сооружение Нехо II (Νεκῶς; *Hdt.* II.158), причем внятно обозначает связь этого деяния с экспансией (вернее, попытками экспансии) этого царя на Средиземном и Красном морях (*id.* 159). Соотнесение этих свидетельств с позиций своего рода их «рационалистической критики» с передаваемыми Геродотом же сведениями о войнах Сесостриса и о масштабном строительстве им каналов (*id.* 108), действительно могло привести

имени «Сесонхосис» в начальном пассаже схолиев проникла в их текст без должного обоснования, что, как мы говорили, маловероятно.

к редукции самостоятельной персоналии Нехо и ее подверстыванию к образу Сесостриса (см. о редукционистской тенденции позднеегипетской историографии главу 1, § 1.3.2). В случае со сведениями об устройении Сесострисом египетского общества дело обстоит сложнее: Аристотель и правда не сообщает об устройстве египетского общества ничего, что не было бы так или иначе сообщено и Геродотом вне связи с деяниями Сесостриса (см. наше прим. 31), однако он данную связь постулирует, причем явно акцентирует в образе этого царя черты устроителя общества, а не завоевателя. О завоеваниях Сесостриса он не говорит прямо вовсе ничего, хотя, как мы уже сказали, в соотнесении со сведениями Геродота сооружение им красноморского канала ассоциируется именно с военной сферой. А.И. Иванчик отметил и еще одно отступление свидетельств Аристотеля от данных Геродота – указание на то, что Сесострис жил значительно раньше Миноса: согласно относительной хронологии, выводимой по труду Геродота, они были бы практически современниками. Можно согласиться с тем, что Аристотель едва ли детально «вникал в эти хронологические расчеты». Однако так или иначе, указание на давность эпохи Сесостриса даже по сравнению с мифологическим прошлым Крита и Греции нужно объяснить не просто «общим мнением греческих авторов о большей древности египетской культуры и египетского социального устройства по сравнению с греческими», но именно стремлением отнести к этой глубокой древности создание Сесострисом в Египте системы функциональных групп.

Аналогия сведениям Аристотеля о возникновении такой системы в результате единовременной социальной реформы обнаруживается до его времени в речи Исократы «Бусириис» (создана между 390 и 380 гг. до н.э.) [Livingstone, 2001, p. 44]. В ней эта реформа приписывается одноименному египетскому царю (*Isocr.* XI.15 ff.), а само появление этих сведений у Исократы показывает, что представление о таком царе – устроителе социального строя Египта «в начале времен» – проникло в греческую традицию уже после Геродота, очевидно, в начале IV в. до н.э. (см. подробно настоящую главу, § 6.2.3). Существенный нюанс в данном представлении, который мы видим в его изложении Аристотелем, – это как раз привязка предполагаемого устройства египетского общества к деятельности Сесостриса, с отнесением его царствования к глубокой древности (по сути, к опять же к «началу времен»). Именно этот нюанс и оказывается действительно общим для изложения данного сюжета и Аристотелем, и Дикеархом. Вместе с тем сведения Аристотеля о деятельности Сесостриса как устроителя ограничиваются, по сути, ее констатацией и самой общей характеристикой; у Дикеарха они выглядят конкретнее благодаря его сообщению о механизме разделения египетского общества на функциональные группы – запрете детям отказываться от занятий отцов. В связи с известным Аристотелю мотивом сооружения Сесострисом канала между Нилом и Красным морем следует заметить, что он не теряется в последующей античной

традиции: с некоторыми вариациями его передают Страбон (*Strabo* XVII.1.38) и Плиний Старший (*Plin. Mai. Hist. nat.* VI.165), а также уже средневековая арабская традиция [Kees, 1923, Sp. 1872; Redmount, 1995, p. 129—130]. Если бы Дикеарх ориентировался на сведения Аристотеля о Сесострисе, то можно было бы ожидать появления этого мотива в его свидетельствах в изложении схолиаста: по значимости своей он, во всяком случае, не уступал бы пресловутому указанию на изобретение египетским царем верховой езды. Наконец, у Аристотеля мы не видим имеющегося у Дикеарха указания на преемство египетского царя от богов (в более ранней греческой традиции с этим мотивом сопоставимы разве что сведения Исократов о происхождении Бусириса; однако понятно, что сообщение Дикеарха полностью самостоятельно по отношению к ним), а также отмеченных нами в его изложении специфически египтизирующих мотивов. Подводя итог сопоставлению данных Аристотеля и Дикеарха о легендарном египетском царе, можно сказать, что они оказываются сходны (в известной мере, действительно едины) по принципиальному восприятию его деятельности как оптимального примера рациональной организации общества, осуществленной одновременно и просуществовавшей исторически очень долгий срок. Вместе с тем изложение этих данных Дикеархом обнаруживает иной подбор сюжетов, оказывается конкретнее, чем у Аристотеля, и ближе к египетской традиции, причем именно в последнем, как кажется, проявляется принадлежность труда Дикеарха к качественно новому этапу знакомства с ней греческих авторов, начавшемуся после прочного закрепления македонян в странах Востока.

Как мы уже говорили, «Жизнь Эллады» Дикеарха Мессенского, судя по обширным экскурсам этого произведения в сюжеты, связанные с цивилизациями Востока, с наибольшей вероятностью была создана уже после завоеваний Александра Македонского. Примечательно, что примерно тогда же появляется произведение Гекатея Абдерского о Египте (см. настоящую главу, § 6.3.3), в котором тоже проявился интерес к предполагаемой доцивилизационной фазе истории человечества, опять же прослеживаемой на египетском примере (*Diod.* I.43, *cp. id.* 8). Сообразно этому, для обоих авторов было естественно внимание к образам «культурных героев», которые принесли человечеству различные инновации, сформировавшие цивилизованную жизнь (для Гекатея ими были боги, в особенности Осирис и Исида – *Diod.* I.14—18 [Легенда об Исиде и Осирисе, 2000, с. 108—112, 118—120]⁴¹, для Дикеарха, как мы

⁴¹ В литературе высказывались сомнения в связи с принадлежностью ряда начальных глав труда Диодора Гекатею Абдерскому, а не более поздним авторам, в частности Посидонию. Из интересующих нас в настоящий момент фрагментов к ним относится часть т.н. θεολογούμενα (повествования о богах, к которому мы дали сейчас отсылку; так, непосредственно оспаривалось возведение к Гекатею *Diod.* I.11—13 [Spoerri, 1959, S. 164—212; Burton, 1972, p. 66, 70], а также *Diod.* I.8 (характеристика примитивной жизни людей [Spoerri, 1959, S. 132—160; Burton, 1972, p. 48]). Не вдаваясь в детали, отметим следующие существенные моменты, позволяющие усомниться в правомерности данных построений. Во-первых, постулирующие их исследователи по общим соображениям отводят

видели, по крайней мере отчасти – великий египетский царь, о котором он писал). При этом, как отмечают исследователи, Гекатей в своем произведении уточняет сразу целый ряд форм имен египетских царей относительно их традиционных еще со времени Геродота вариантов, очевидно, на основе их актуального в конце IV в. до н.э. звучания: это относится и к имени великого египетского царя-завоевателя, которого Гекатей называет не «Сесострис», а «Сесоосис» (Σεσόωσις; см. ниже настоящую главу, § 6.3.4) [Burstein, 1992, p. 48]. В таком уточнении и видится одно из проявлений нового этапа в восприятии греческой культурой египетской традиции, о котором мы говорили. Тогда едва ли нужно удивляться, что Дикеарх, создавая свое произведение в это время, в условиях качественного пополнения сведений греков о Египте, использовал иную, чем Аристотель, форму имени египетского царя, которую, как в своем случае Гекатей, счел более аутентичной.

Формулируя наш итоговый в настоящем разделе вывод – о том, что в труде Дикеарха около последних десятилетий IV в. до н.э. появляются сведения о великом египетском царе, устройтеле человеческой жизни и общества и одновременно завоевателе, который жил непосредственно после эпохи царей-богов и именовался Сесонхосис, – мы не возьмем на себя смелость сказать, что считаем его *доказанным* в точном смысле этого слова. Скорее, аргументы в его пользу кажутся нам более весомыми и формирующими более последовательную схему логических связей внутри рассмотренного нами фрагмента схолиев, чем аргументы против этого допущения. Принимая это допущение, мы можем констатировать, что это самый ранний известный нам случай появления в древнегреческой традиции данной формы имени, которая, как мы помним, актуализируется в «Романе об Александре» при сопоставлении с обозначаемым ею правителем македонского царя.

прямые свидетельства собственно античных авторов (*Diog. Laert.* I.10 и *Plut. De Is. et Os.* 9), дающие основания возводить к Гекатею соответственно *Diod.* I.11 и *Diod.* I.13.2 [Burton, 1972, p. 7]. Во-вторых, мотив изначальной примитивной жизни египтян повторяется у Диодора уже не во вводной части его I книги, а в изложении в ней египетской истории (*Diod.* I.43). А. Бёртон сочла возможным возвести это изложение в целом (*id.* 43—68) к труду Геродота, который Диодор использовал с рядом корректив [Burton, 1972, p. 25 ff.]. А.Б. Ллойд отметил в связи с этим, что само наличие данных корректив, учитывая метод работы Диодора, наводит на мысль, что он использовал основанный в значительной степени на Геродоте первоисточник, в котором они уже имелись и которым с очень высокой степенью вероятности был именно труд Гекатея Абдерского [Lloyd, 1974, p. 288; по нашему мнению, Гекатей в своих исторических сведениях ориентировался не столько на труд Геродота как таковой, сколько на ту же, что и его предшественник, египетскую традицию, причем воспроизводил ее с большей детальностью: Ladynin, 2015]. В связи с *Diod.* I 43 надо заметить, что как раз этому фрагменту аналогов у Геродота нет, и в таком случае есть основания возвести его именно непосредственно к Гекатею; однако если это так, то едва ли имеет смысл возводить к иному первоисточнику и тематически схожую главу *Diod.* I.8. О. Мёррей не сомневался, что θεολογούμενα в полном их объеме (*id.* 10—29), а также *Diod.* I.43 восходят к труду Гекатея [Murray, 1970, p. 146]. Как представляется, есть основания возвести к труду Гекатея Абдерского во всяком случае интересующий нас фрагмент *Diod.* I.14—18, тесно связанный по смыслу с мотивом изначального примитивного состояния человечества. О вероятности, что данный мотив в труде Гекатея (в части, известной через посредство именно *Diod.* I.7—8) восходит к Демокриту см., с литературой: [Dillery, 1998, p. 256, n. 5].

6.2.3. Сенусерт I в пропаганде XXX династии в Египте и генезис образа великого египетского царя-строителя в античной традиции IV в. до н.э.

В предыдущем разделе мы обратили внимание на суждение О.Д. Берлева (сформулированное, как и многие его ценнейшие наблюдения, кратко и не вполне явно – во всяком случае, без четкой отсылки к соответствующим фрагментам источников), согласно которому в свидетельствах «греческих писателей – Геродота, Дикеарха, Диодора» - отразились позднеегипетские реминисценции великих социальных преобразований Сенусерта I в начале XII династии [Берлев, 1984, с. 34 и прим. 15]. Мы видели, что деятельность строителя оказывается важнейшим слагаемым в образе царя Сесонхосиса, представленном в конце IV в. до н.э. в труде Дикеарха Мессенского и явно основанном на рецепции сведений египетской традиции (см. настоящую главу, § 6.2.2). Более того, очевидно, что данный мотив выражен в данном образе на порядок более явно, чем в образе Сесостриса в рецепции египетской традиции Геродотом: в нем мотив строительства отнесен даже не на второй, а, можно сказать, на третий план по сравнению с великими завоеваниями, а упоминания об этом даются лишь вскользь, без фокусирования на них внимания читателя (см. § 6.2.2, прим. 31). В связи с этим нельзя не задать вопрос о том, какие именно факторы обусловили подобную актуализацию мотива строительской деятельности царя далекой древности, связанную, очевидно, действительно с реминисценциями Сенусерта I в сознании египтян в предэллинистическое время.

Подойти к решению данного вопроса нам кажется предпочтительным через обращение к царской титулатуре основателя XXX династии Нектанеба I (см. также об идеологических тенденциях и оценке его времени главу 1, § 1.1.2). Одним из ее самых концептуально насыщенных компонентов, помимо Хорова имени $\underline{tm}^3\text{-}^c$ (см. ниже), представляется его имя царя Верхнего и Нижнего Египта $\underline{Hpr}\text{-}k^3\text{-}R^c$ ¹, в котором сразу бросается в глаза его совпадение с тем же титулом Сенусерта I [Beckerath, 1999, S. 82—83; Vlöbaum, 2006, S. 407; о титулатуре Сенусерта I и о ее идеологических коннотациях см. теперь: Gundlach, 2008]. Причины, по которым отсылки именно к этому царствованию могли быть востребованы в пропаганде основателей последующих египетских царских династий, достаточно очевидны. Как мы видели при нашем обращении к свидетельствам Манефона, именно Сенусерт I воспринимался как основоположник нового большого цикла египетской истории, наступившего после преодоления бедствий исторического I Переходного периода (см. главу 1, § 1.3.2), и важнейшим основанием

¹ Полная титулатура Нектанеба I: Н. $\underline{tm}^3\text{-}^c$ («Мощный дланью»); N. (1) $\underline{smnh}\text{-}t^3\text{-}w$ (Благотельствующий Обе Земли); (2) $\underline{qnrw}$ («Богатырь»; засвидетельствовано только одним памятником – сфинксами из Медамуда: [Bisson de la Roque, 1927, p. 116—117]; G. $\underline{ir}(y)\text{-}mr(y)\text{-}t\text{-}ntrw$ («Совершающий угодное богам»); Т. $\underline{Hpr}\text{-}k^3\text{-}R^c$ («Воссуществовал Двойник Ра»); Е. $\underline{Nht}\text{-}nb.f$ («Силен владыка его»); см.: [Beckerath, 1999, S. 226—227; Vlöbaum, 2006, S. 405—408].

к такому его восприятию могло быть именно его социальное реформаторство, заложившее основы государственности Египта на всю перспективу II тыс. до н.э. (см. настоящую главу, § 6.2.2. и прим. 33). Вместе с тем в связи с появлением этого имени в титулатуре Нектанеба I имеет смысл поискать ответы на два вопроса: является ли оно мимоходной аллюзией на одну из великих эпох египетского прошлого или одним из базовых пропагандистских концептов начала XXX династии и, если справедлив второй ответ на этот вопрос, какое конкретное содержание вкладывалось в этот концепт?

Найти ответ на первый из этих вопросов достаточно несложно. В эволюции древнеегипетских царских титулатур со времени Дария I и до начала XXIX династии зияет «черная дыра». Для персидских владык Египта после Дария I местные царские титулатуры не составлялись, и они именовались в памятниках только личными именами [Beckerath, 1999, S. 220—221; Vlöbaum, 1999, S. 397 (личные имена Ксеркса I и Артаксеркса I; Ксеркс II, Дарий II и Артаксеркс II не засвидетельствованы египетскими памятниками вообще)]; а титулатура единственного царя XXVIII династии Амиртея (около 404/3—398/7 гг. до н.э.) не сохранилась [Beckerath, 1999, S. 222—223 (с указанием формы его личного имени в «Демотической хронике»); Vlöbaum, 1999, S. 398] (предположительно Амиртей может быть засвидетельствован как Петубаст (IV) в демотических документах из оазиса Харга [Wuttmann et al., 1996, p. 411—412]). Известные же нам титулатуры прямых предшественников Нектанеба I - царей XXIX династии Неферита I (около 398/7—392/1 гг. до н.э.), Псамуфа (около 392/1 до н.э.) и Акориса (около 392/1—379/8 до н.э.)² - обнаруживают сходство прежде всего с моделями саисской XXVI династии. Наиболее показательно, что и Неферит и Акорис воспроизводят Хорово имя Псамметиха I ʕ3-ib («Великий сердцем»)³, содержащее вообще очень характерный для саисских царских имен компонент $-ib-$ («сердце» [Vlöbaum, 1999, S. 92, 214]; второй вариант Хорова имени Неферита I $wsr-ʕ$ - «Сильный дланью» - копирует имя Обеих владычиц также Псамметиха I); оба эти царя воспроизводят имя Хора Златого Амасиса $stp-ntrw$ («избранный богами»)⁴; в имя царя Верхнего и Нижнего Египта Неферита I входит компонент $mry-ntrw$,

² Титулатура Неферита I: Н: (1) ʕ3-ib («Великий сердцем»); (2) $wsr-ʕ$ («Сильный дланью»); N: $mry-M3ʕt$ («Любимый Маат»); G: $stp-ntrw$ («Избранный богами»); T: $B3-n-Rʕ mry-ntrw$ (««Сила» Ра, Любимый богами»); E: $N3y:fʕ3w-rwd$ (Неферит («Великие /дела/ его прочны»)); титулатура Псамуфа: Н: ʕ3-phṯy mʕr-zpw («Великий силой, успешный делами»); T: $Wsr-Rʕ stp.n-Pth/ stp-Pth$ («Силен Ра, Избранный Птахом»); E: $P3-šry-n-Mwt$ (Псамуф («Дитя Мут»)); титулатура Акориса: Н: (1) ʕ3-ib mry-t3wy («Великий сердцем, Любимый Обейми Землями»); (2) ʕ3-phṯy mʕr-zpw («Великий силой, успешный делами»); N: qnw («Богатырь»); G: (1) $šhṯp-ntrw$ («Удовлетворяющий богов»); (2) $stp-ntrw$ («Избранный богами»); T: $Hnm-m3ʕt-Rʕ$ («Ра соединен с маат»); E: Hgr/Hkr (Акорис); см. [Beckerath, 1999, S. 224—225; Vlöbaum, 1999, S. 398—404].

³ См. титулатуру Псамметиха I: [Beckerath, 1999, S. 214—215; Vlöbaum, 1999, S. 379—380].

⁴ См. титулатуру Амасиса: [Beckerath, 1999, S. 216—217; Vlöbaum, 1999, S. 388—390].

воспроизводящий имя Обоих Владычиц Нехо II⁵; а эпитет *qnw* («Богатырь»), служащий именем Обоих Владычиц Акориса, совпадает с именем Хора Златого Псамметиха I. Кроме того, помимо мотива саисского времени мы видим в титулатурах Неферита I, Псамуфа и Акориса еще одну, более давнюю коннотацию: так, более редкая форма Хорова имени Акориса *ʿ3-pḥty mʿr-zpw* («Великий силой, успешный делами») и совпадающее с ним Хорово имя Псамуфа находят аналогию в титулатуре Мернептаха – в его имени Обоих владычиц *ʿ3-pḥty wr-nḥtw* («Великий силой, большой победами»)⁶. Неферит I в своем имени царя Верхнего и Нижнего Египта *B3-n-Rʿ mry-ntrw* («Сила Ра, любимый богами») частично, как мы сказали, воспроизводит имя Обоих Владычиц Нехо II, но полностью – имя царя Верхнего и Нижнего Египта Мернептаха. Наконец, имя Хора Златого Акориса *qnw* находит аналогию в том же титуле не только Псамметиха I, но и Рамсеса III (*qnw nb ḥpšwy ir-tš.f-r-mr.f-m-z3-ḥftyw.f* – «Богатырь, владыка обеих мощных дланей своих, создавший границу свою по желанию своему в качестве защиты от врагов»)⁷. Иными словами, титулатуры царей XXIX династий обнаруживают определенное сходство с титулатурами царей, отражавших нашествие «народов моря»; отчасти этот мотив сливается с мотивом саисских титулатур, находя выражение в тех же эпитетах, но все же достаточно внятно обозначает себя и независимо. Его появление в титулатурах царей XXIX династии (как, вероятно, и саисского дома) можно объяснить стремлением связать с себя с предшественниками, необычайно успешно отстоявшими страну от внешних врагов на этапе, который был оценен в позднеегипетской историографии как рубеж между вторым и третьим большими циклами истории Египта (см. главу 1, § 1.3.2). Так или иначе, на фоне этих двух моделей, использованных при XXIX династии, заимствование Нектанебом I имени царя Верхнего и Нижнего Египта у Сенусерта I выглядит несомненной и очень существенной новацией. Весьма важно, что это вообще единственное заимствование, прослеживающееся в титулатуре Нектанеба I на большинстве его памятников⁸: остальные его имена оказываются совершенно оригинальными. Таким образом, апелляцию к Сенусерту I в титулатуре Нектанеба I скорее следует считать акцентированной.

Выше мы уже говорили о том, что, весьма вероятно, роль «царя-основоположника» новой исторической эпохи, аналогичную роли Сенусерта I/Сесонхосиса Манефона была придана путем наделения именем царя Верхнего и Нижнего Египта *Ḥpr-k3-Rʿ Stp.n-Imn* Птолемею I Сотеру в начале царствования Птолемея II Филадельфа, а может быть, и в конце его собственного царствования (см. главу 5, § 5.2). Тем менее случайным следует считать принятие

⁵ См. титулатуру Нехо II: [Beckerath, 1999, S. 214—215; Blöbaum, 1999, S. 381—382].

⁶ См. титулатуру Мернептаха: [Beckerath, 1999, S. 156—159; ср. Blöbaum, 1999, S. 400, 403].

⁷ См. титулатуру Рамсеса III: [Beckerath, 1999, S. 164—165; ср. Blöbaum, 1999, S. 401].

⁸ Исключение – его сфинксы из Медамуда, где его имя Обоих Владычиц имеет форму *qnw* и восходит к той же модели, что и аналогичное имя Обоих Владычиц Акориса; см. наше прим. 2.

Нектанебом I имени *Hpr-k3-R^c* в качестве того же титула. Если же говорить о его концептуальном наполнении, то в собственно древнеегипетских памятниках для его первоначального обладателя Сенусерта I, пожалуй, наиболее «прописана» роль царя, эффективно совершающего ритуал. Как известно, именно это качество акцентировалось специальным титулом *nb irt ht* («владыка совершения вещей»), который был принят Сенусертом I в конце его царствования и с этого времени вошел в число постоянных царских эпитетов [Демидчик, 2005, с. 49, прим. 1] (см. также главу 1, § 1.1.1). Как указывает Э. Блюменталь, в эпоху Среднего царства этот титул был тесно соотнесен с эпитетом *tm3-^c*, который выражал свойственный царю аспект бога Хора и восходил к эпитету последнего [Blumenthal, 1970, S. 133—134]⁹. Однако именно этот эпитет и принял Нектанеб I в качестве своего Хорова имени (см. прим. 1)! Иными словами, он внятно подчеркнул наличие у него той же неотъемлемой способности совершать ритуал, которое хотел закрепить за собой и Сенусерт I. В пору постоянного ожидания персидской агрессии в IV в. до н.э. эта способность была актуальна прежде всего в плане получения от божества помощи в военной сфере, как это и видно по смыслу данного эпитета Хора и царя - «Мощный дланью». Правда, «механизм» закрепления этого качества за царем мыслился, очевидно, в начале Среднего царства и в IV в. до н.э. по-разному. Если титул *nb irt ht* при Сенусерте I был призван подчеркнуть, что способность совершать ритуал имманентна царю, то оформление эпитета *tm3-^c* как Хорова имени скорее показывало, что у Нектанеба I она неразрывно связана с воплощением в нем Хора и в известном смысле зависит от этого (см. также о подобном восприятии сакральности царей XXX династии, в т.ч. в скульптурных группах «соколов-Нектанебов», главу 1, § 1.1.2). Но, так или иначе, сходство этих двух идеологем по смыслу очевидно, при том что обе они описывают качество, важнейшее для царя именно как для устроителя страны в начале ее новой эпохи.

Памятниками с титулатурой Нектанеба I собственно египетские свидетельства, позволяющие судить об этой идеологеме, практически исчерпываются. По аналогии с началом XII династии, устроительское качество Нектанеба I должно было бы утверждаться по миновании какого-то тяжелого для страны периода. Исторически вполне понятно, что это за период: это, несомненно, время XXVIII—XXIX династий, достаточно негативную оценку которого мы видим в «Демотической хронике» (см. главу 1, § 1.1.2) и которое, очевидно, было воспринято как финал долгой эпохи бедствий, включившей в себя прежде всего первое персидское владычество. Однако прямых подтверждений этого в египетских памятниках Нектанеба I мы не найдем. Единственное исключение – это надпись из Гермополя, говорящая о

⁹ Весьма показательны надписи на наосе из Карнака, в которых и эпитет *nb irt ht*, и Хоровы эпитеты, в том числе *tm3-^c*, фактически напрямую включены в личное имя Сенусерта I [Pillet, 1923, p. 147]. См. также об этих эпитетах главу 3, § 3.1.2.

его возвышении, видимо, именно в этом городе, о наведении им порядка и справедливости, когда он был «посреди мятежа» (стк. 8: *wnn.f m sby*¹⁰) после «смуты при царе, бывшем прежде него» (сткк. 8—9: *nš(ny) nty nsw wn hr-ḥ3t.f*) и о последующем его воцарении над всем Египтом [Roeder, 1954, p. 375—426]. Вместе с тем этот памятник все же сугубо локален (в частности, очень привязан к гермопольским культам), а содержание его хотя и фиксирует «мизансцену» прихода Нектанеба I к власти, хорошо соотносящуюся с его качеством царя-строителя, но все же не выделяет именно это качество, говоря о деятельности этого царя либо в общих выражениях, либо в связи с благодеяниями богам Гермополя.

Думается, что расширить наши представления об идеологемах, которые были актуальны для времени Нектанеба I, могут данные древнегреческой традиции IV в. до н.э., реплицирующие египетские реалии и прежде всего пресловутые реминисценции о великом царе-строителе далекого прошлого. Примечательно, что в содержащих эти реминисценции сообщениях античной традиции, к которым мы обращались выше (см. настоящую главу, § 6.2.2, прим. 30—32) мотив строительской деятельности египетского царя прочно контаминирован с мотивом его великих военных свершений. Как давно признано, исторической основой для этого последнего мотива являются реминисценции о войнах Сенусерта III (вернее, их контаминация с реминисценциями Нового царства; см. § 6.2.1); и именно этот мотив, по сути дела, формирует данный образ античной традиции. Наиболее явно это проявилось в сведениях о Сесострисе Геродота, в котором, как мы упоминали, мотив строительства играет сугубо подчиненную роль. В свидетельствах Диодора Сицилийского, восходящих к труду Гекатея Абдерского (см. § 6.3.3), в описании деятельности царя Сесоосиса ее строительский аспект выражен гораздо более явно. Как мы еще увидим, это можно связать с реплицированием в сведениях Гекатея и Диодора не только реформ Сенусерта I и реминисценций о египетских завоеваниях, сказавшихся в образе Сесостриса, но и тех преобразований египетского общества, которые произошли в начале ливийского времени, если не в прямой связи, то в соположении с деятельностью Шешонка I (см. § 6.3.4), а также, вероятно, и войн этого царя в Азии (см. § 6.3.2). При этом, в силу самой специфики организации общества ливийского Египта, «военная окраска» оказывается присуща и рассказу Гекатея и Диодора об строительской деятельности Сесоосиса.

По существу, из античных авторов, указанных О.Д. Берлевым и вслед за ним нами, только Дикеарх представляет образ египетского царя, в котором его строительская деятельность занимает по крайней мере не меньшее место, чем его завоевания. Безусловно,

---

¹⁰ , что могло бы навести на вариант перевода «когда был он мятежником», очевидно невозможный, однако, по смыслу.

образ Сесонхосиса у Дикеарха – это не чистый образ царя-устроителя: о его завоеваниях, причем в первую очередь, говорит схолиаст и, без сомнения, говорил и сам Дикеарх (без этого было бы невозможно обоснованное соотнесение схолиастом его героя с Сесострисом других древнегреческих авторов). Кроме того, сама форма имени «Сесонхосис» явно восходит к ливийско-египетскому «Шешонк», так что, строго говоря, образ Сесонхосиса у Дикеарха собран в принципе из тех же компонентов, что и образ Сесоосиса у Гекатея и Диодора: надо думать, и Дикеарх, и Гекатей почерпнули переданные ими сведения у неких информаторов в готовом виде и едва ли имели представление об их исходной гетерогенности и о специфике их составляющих (см. подробнее настоящую главу, § 6.3.1). Вместе с тем Дикеарха, видимо, в силу задач его труда явно больше интересовал устроительский аспект в образе Сесонхосиса, который предстает перед нами на редкость четким и компактным конструктом, привязанным в основном к реминисценциям начала XII династии. Застаем ли мы где-либо в античной традиции IV в. до н.э. эти реминисценции в совсем чистом виде, вне контаминации с другими (прежде всего, военными) мотивами?

В первую очередь в связи с этим нужно сказать об образе Сесостриса, мелькающем в некоторых произведениях Аристотеля. Как уже упоминалось (см. настоящую главу, § 6.2.2), в «Метеорологике» Сесострису приписано сооружение канала между Нилом и Красным морем (*Arist. Meteor. I.14. 352b*), а в «Политике» - организация общества на основе его разделения на функциональные группы и, в частности, отделения воинов от земледельцев (*Arist. Pol. VII.9.1—5 1329b*: Аристотель и прямо говорит здесь о преобразованиях Сесостриса, и констатирует без его упоминания необычайную древность такого социального порядка в Египте). Аристотель не упоминает военные свершения Сесостриса, однако, по-видимому, с его точки зрения они «прилагаются» к этой форме имени «по умолчанию», согласно идущей от Геродота традиции. Во всяком случае, приписывая Сесострису сооружение красноморского канала, философ, по сути, подверстывает к сведениям Геродота о масштабном строительстве каналов при Сесострисе (*Hdt. II.108*) реминисценции об историческом Нехо II как, безусловно, о царе-воителе (у Геродота это деяние Нехо связано с его экспансией: *id. 159*). Датировка трудов Аристотеля – вопрос сложный; но, судя по некоторым аллюзиям в «Политике» на исторические реалии, в частности на характер власти и царский культ Александра, его следует датировать 330—320-ми гг. до н.э. [*Companion to Aristotle, 2009, p. 20—21; ср.: Доватур, 1967, с. 274—277; Шахермайр, 1984, с. 55; 356, прим. 12*]. В таком случае, примерно за десять-пятнадцать лет до Дикеарха его учитель также писал о великом египетском царе – завоевателе и устроителе, хотя именовал его иначе и сообщал о нем несколько иные реалии, и также акцентировал в его образе (фактически контаминирующем реминисценции Сенусертов I и III, хотя сам Аристотель,

несомненно, как и Дикеарх, не имел понятия об этих его исторических истоках) устроительский аспект.

Однако чисто устроительский аспект образа великого царя египетской древности, вне контаминации с аспектом военным, мы встречаем в античной традиции IV в. до н.э. лишь в эпидейктической речи афинского оратора Исократа «Бусирис». Данная речь содержит апологию разумно устроенного социального порядка Египта, актуальную для греческого оратора, несомненно, по контрасту со смутой, царившей в полисном мире этого времени. Устроителем этого порядка Исократ называет царя Бусириса. В магистральной античной традиции Бусирис – это царь, правивший во времена Геракла, приносивший в жертву чужеземцев, появлявшихся в Египте, и в итоге сам убитый Гераклом [Livingstone, 2001, p. 78—85]. В античной традиции фактически устанавливается тождество между именем этого царя и наименованием города Бусирис в Дельте (*Diod. I.85.5, 88.5; Strabo XVII.1.19 (802)*)¹¹, греческая форма которого восходит к египетскому *Pr-Wsiry-nb-Ddw* («дом Осириса, владыки Джеду») [Montet, 1957, t. I, p. 98]. Исократ обеляет своего героя от подозрений в злодеяниях, утверждая, что его и Геракла разделяет значительный промежуток времени (четыре поколения, прошедших от Персея до Геракла, и еще двести лет, отделяющих Бусириса от Персея) и что, соответственно, сюжет, предполагающий смерть Бусириса от рук Геракла, ложен (*Isocr. XI.36—37*)¹². Согласно Исократу, Бусирис – сын Посейдона и смертной женщины Ливии, дочери Эпафа (id. 10), который пришел к власти в Египте с его исключительными природными

¹¹ Переданная Страбоном рационалистическая трактовка Эратосфена Киренского предполагает, что миф о Бусирисе возник на основании реальной враждебности к чужеземцам жителей города Бусирис [Livingstone, 2001, p. 85]. Заметим, что при соотнесении похода Геракла на Египет с первым нашествием «народов моря» [Немировский, 2002, с. 38] сюжет о Геракле и Бусирисе становится в ряд реминисценций именно об этом этапе египетской истории, значимых и в традиции Манефона (см. главу 1, § 1.3.2).

¹² В очерке египетской истории Гекатея Абдерского, сохраненном в I книге «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (см. подробнее настоящую главу, § 6.3.3), идет речь о двух Бусирисах – основоположнике ряда царей и одноименном с ним восьмом и последнем в ряду его потомков, который якобы основал Фивы (*Diod. I.45.4*). Это сообщение интересно двумя вытекающими из него моментами. Во-первых, в нем косвенно намечается отождествление основателя Фив по имени Бусирис и Осириса, поскольку в сообщении Гекатея и Диодора, присутствующем в тексте I книги выше, речь идет об основании Фив Осирисом (*Diod. I.15*). Во-вторых, как мы еще скажем далее, Гекатей и Диодор, по-видимому, ошиблись, приписав основание Фив первому, а не второму из этих двух Бусирисов. Второй, более поздний из них, – это, очевидно, Бусирис традиционной мифологии, современник Геракла, сюжет о котором соотносится с реминисценциями нашествий «народов моря» (см. прим. 11) и, весьма вероятно, с финалом исторического цикла второго тома труда Манефона (см. главу 1, § 1.3.2. и [Ладынин, 2009 (3)]). В таком случае можно допустить, что вся последовательность царей между двумя Бусирисами соответствует у Гекатея и Диодора (конечно, с резким искажением хронологии!) этапу истории Египта, оформленному у Манефона в цикл его второго тома. Тогда первый Бусирис должен принадлежать эпохе, о которой действительно с некоторыми основаниями можно говорить как о времени первого возвышения Фив, – началу второго исторического цикла Манефона, т.е. XII (по Манефону, фиванской) династии, и при этом как-то соотноситься с Осирисом, что идеально согласуется с нашими последующими построениями в настоящем разделе.

условиями (прежде всего с нильским половодьем, которое позволяет его жителям быть собственными хозяевами в том, в чем жители других стран зависят от посылающего осадки Зевса: *id.* 12—13). Главной заслугой Бусириса оказывается разумное устройство египетского общества, которое он разделил на три основные функциональные группы: жрецов, работников и воинов¹³. Эти группы обнаруживают явное сходство с теми, на которые разделил свое идеальное государство Платон¹⁴; следует, однако, обратить внимание на уточнение Исократ, согласно которому целью проведенного Бусирисом разделения было предотвратить смену людьми своих занятий, как наносившую ущерб их искусству и качеству труда¹⁵. По сути дела, согласно Исократу, именно это установление Бусириса – основа египетского общества, причем по своей цели оно очевидно схоже с установлениями Сесонхосиса согласно Дикеарху¹⁶.

Насколько нам известно, никто из исследователей речи Исократ не задавался вопросом, возможно ли привязать его рассказ о Бусирисе каким-либо образом к явным реминисценциям прошлого Египта. Между тем основа для того, чтобы попытаться это сделать, в принципе есть. Заметим, что сходство сведений Исократ о Бусирисе и Дикеарха - о Сесонхосисе не ограничивается определением этими авторами целей преобразований их героев, но проявляется и в том, что деяния Бусириса, хотя и лежат целиком в сфере реальной, а не мифологической

¹³ «Итак, он начал с того, чтобы, как подобает людям благорассудительным, одновременно и приобрести возможно лучшую страну, и обеспечить достаточное пропитание тем, кто был с ним. После этого, разделив их всех, одних приставил к священнодействиям, других к ремеслам, третьих заставил заниматься военным делом, полагая, что и необходимое и излишнее следует получать от земли и от ремесел, а надежнейшей защитой этому будет попечение о военных делах и благочестие к богам» (пер. М.Н. Ботвинника и А.И. Зайцева по: [Исократ, 2013, с. 218]; *Isocr.* XI.15: Ἦρξατο μὲν οὖν ἐντεῦθεν, ὅθεν περὶ χρῆ τούς εἵ φρονοῦντας, ἅμα τὸν τε τόπον ὡς κάλλιστον καταλαβεῖν καὶ τροφήν ἱκανὴν τοῖς περὶ αὐτὸν ἐξευρεῖν. Μετὰ δὲ ταῦτα διελόμενος χωρὶς ἐκάστους, τοὺς μὲν ἐπὶ τὰς ἱερωσύνας κατέστησεν, τοὺς δ' ἐπὶ τὰς τέχνας ἔτρεψεν, τοὺς δὲ τὰ περὶ τὸν πόλεμον μελετᾶν ἠνάγκασεν, ἡγούμενος τὰ μὲν ἀναγκαῖα καὶ τὰς περιουσίας ἔκ τε τῆς χώρας καὶ τῶν τεχνῶν δεῖν ὑπάρχειν, τούτων δ' εἶναι φυλακὴν ἀσφαλεστάτην τὴν τε περὶ τὸν πόλεμον ἐπιμέλειαν καὶ τὴν πρὸς τοὺς θεοὺς εὐσέβειαν.

¹⁴ В целом о пересечениях «Бусириса» Исократ с трудами Платона см.: [Livingstone, 2001, p. 48 ff.].

¹⁵ «Разделив всех на такие количества (людей), которые были бы благоприятны для устройства совместной жизни, он положил им всем исполнять всегда те же занятия, зная, что бросающие свои дела и не получают искусства ни в одном из этих дел, а те, кто сохраняют свои занятия непрерывно, овладеют каждым в совершенстве» [Исократ, 2013, с. 218] (*Isocr.* XI.16: Ἀπαντας δὲ τοὺς ἀριθμοὺς περιλαβὼν ἐξ ὧν ἄριστ' ἂν τις τὰ κοινὰ διοικήσειεν, ἀεὶ τοῖς αὐτοῖς τὰς αὐτὰς πράξεις μεταχειρίζεσθαι προσέταξεν, εἰδὼς τοὺς μὲν μεταβαλλομένους τὰς ἐργασίας οὐδὲ πρὸς ἐν τῶν ἔργων ἀκριβῶς ἔχοντας, τοὺς δ' ἐπὶ ταῖς αὐταῖς πράξεσιν συνεχῶς διαμένοντας εἰς ὑπερβολὴν ἕκαστον ἀποτελοῦντας).

¹⁶ Стремление не допустить падения качества труда – это, в категориях Аристотеля, забота об «экономике», о накоплении реального (материального), а не мнимого (денежного) богатства, стремление к которому и составляет суть «хрематистики». Если Исократ фактически называет целью установления Бусириса заботу о том, что Аристотель назвал бы «экономикой», то Дикеарх приписывает Сесонхосису предотвращение «хрематистики» (ср. прим. 34 в § 6.2.2), но от этого нюанса суть предполагаемых преобразований легендарных царей принципиально не меняется.

истории, также отнесены Исократом к их рубежу. Таким образом, в известном смысле именно в рассказе Исократом мы обнаруживаем в вычленном виде те сведения о царе-устроителе, которые у Дикеарха контаминированы с мотивам завоеваний. Сообразно этому, стоит попробовать определить, не может ли и образ Бусириса восходить к реминисценциям о времени Сенусерта I, как и образ Сесонхосиса у Дикеарха.

Думается, основанием для суждения об этом может послужить употребленная Исократом форма имени этого царя. Мы уже говорили, что имя Бусириса и название города Бусирис в античной традиции соотнесены между собой. Понятно, однако, что египетское наименование *Pr-Wsir* не может само по себе соответствовать ни реальному, ни мнимому царскому имени; соотнесенное с этим обозначением имя должно быть очень близко ему по звучанию, но вместе с тем быть именно обозначением царя. На самом деле форму, которая соответствовала бы этому условию, не приходится искать долго. Думается, что в Позднее время, когда в демотическом языке самым частотным обозначением египетского царя стало *pr-ʕ3* («фараон»; CDD: P. 68—77), такой гипотетической формой могло бы быть *pr-ʕ3 Wsr* («царь Мощный») либо *pr-ʕ3 Wsir* («царь Осирис»). В пользу второго варианта применительно к нашей интерпретации говорит то, что, согласно Гекатею и Диодору, основание Фив приписывается не только Бусирису, но и собственно богу Осирису (*Diod. I.15*; см. наше прим. 12). Однако именно при Сенусерте I, судя по ряду памятников, Осирис начинает впервые именоваться титулом *nsw-bity* [Берлев, 2003]; а в стеле Louvre C2 мы видим и составленное для него Хорово имя [Gayet, 1889, pl. II; см. также: Koemoth, 1994, S. 89—96]. Исходя из этого, спустя значительный срок времени достаточно закономерным могло стать соотнесение эпохи «фараона Осириса», засвидетельствованного этими памятниками, и царствования исторического Сенусерта I, при котором, очевидно, и происходили реально запечатлевшиеся в античной традиции преобразования. Понятно, что само это соотнесение могло произойти только в рамках египетской традиции и затем через посредство ее носителей должно было стать известно грекам. Вряд ли возможно восстановить точный механизм этой манипуляции, однако для Исократом, видимо, имел значение ее результат - возможность отнести устройство египетского общества к глубокой, полумифологической древности. При этом данная манипуляция оказалась на редкость мимолетной: в последующей античной традиции, как мы видели, «царь Бусирис» уступает место устроителю египетского общества, по сути дела, прямым репликам исторического Сенусерта I¹⁷.

¹⁷ Исключением в плане сохранения данного образа может быть лишь «удвоение» Бусириса в традиции Гекатея и Диодора, в случае если верна предложенная нами его интерпретация (см. выше наше прим. 12).

Наконец, последний вопрос, который мы попробуем прояснить, касается возможной связи между произведением Исократом и тем, с чего мы начали разговор, - идеологией царствования Нектанеба I. Время создания Исократом речи «Бусирис» устанавливается предположительно, в том числе по связям между ней и трудами Платона, прежде всего его «Государством»; исходя из этого, исследователи датируют ее началом 370-х гг. до н.э. [Livingstone, 2001, p. 44—47]. Однако это и есть годы утверждения у власти Нектанеба I, причем, судя по столь значительным откликам греческой традиции именно в это время на мотив устройства египетского общества в глубокой древности, с ним должен был быть связан какой-то очень мощный импульс, очевидно, шедший из Египта. В таком случае его было бы логично связать как раз с пропагандой Нектанеба I, по-видимому, уподоблявшей его Сенусерту I в качестве царя, способного совершать ритуал и явившегося устройтелем страны после длительного периода бедствий.

6.3. *Контаминация реалий, связанных с египетскими царями – завоевателями и устроителями в свидетельствах древнегреческой традиции*

6.3.1. «Сесонхосис» = «Шешонк»: форма имени великого египетского царя-устроителя в свидетельствах Дикеарха Мессенского и Манефона Севеннитского

Анализ сообщения схолий к Аполлонию Родосскому, восходящего к фрагменту труда ученика Аристотеля Дикеарха Мессенского (конец IV в. до н.э.) «Жизнь Эллады», привел нас, как мы видели (см. выше настоящую главу, § 6.2.2), к заключению, что с высокой вероятностью уже в этом труде, появившемся в конце IV в. до н.э., великий египетский царь – устроитель общества своей страны и завоеватель огромной части мира – именовался «Сесонхосис». Как мы говорили, данное сообщение Дикеарха можно, вслед за О.Д. Берлевым, уверенно считать реминисценцией великих социальных преобразований Сенусерта I – разделения им трудового населения Египта на особые пополняемые по воле государства профессиональные разряды, которое стало основой социального строя Египта во II тыс. до н.э. [Берлев, 1984, с. 34, прим. 15]. Это мнение идеально соотносится с прямым именованием Сенусерта I Сесонхосисом у Манефона согласно всем известным изводам его труда (*Manetho. Frgg.* 34.1, 35.1, 36.1).

Однако форма имени «Сесонхосис» – это и легко узнаваемая явная реплика ливийско-египетского имени «Шешонк» (*Ššnq*; PN I.330) [Beckerath, 1999, S. 184], причем ее вариация «Сесонхис» (*Σέσωγχις*) действительно отнесена непосредственно к Шешонку I Манефоном Севеннитским согласно его царскому списку в версии Африкана, переданной Георгием Синкеллом (*Manetho. Frg.* 60.1). По мнению А.И. Иванчика, имени «Шешонк» адекватна как раз эта грецизированная форма, в то время как именование этого царя *Σεσώγχωσις* (в передаче Евсевия, согласно Синкеллу, frg. 61a.1; ср. с армянской версией Евсевия, frg. 62b.1: *Sesonchosis*) – «результат ошибки Евсевия» [Иванчик, 1999, с. 20; 2005, с. 206]. С этим мнением можно согласиться с тем уточнением, что дело, скорее всего, все же не в большем или меньшем соответствии египетскому языку формы имени «Сесонхис» или «Сесонхосис». Как мы уже сказали, Манефон обозначал именем «Сесонхосис» (*Σεσόγχοσις*, *Sesonchosis*) исторического Сенусерта I (см. главу 1, § 1.3.2). Вместе с тем именно эта форма, производная от имени «Шешонк», является и более значимой в греко-египетской и в целом в античной традиции, употребляясь в сообщении Дикеарха Мессенского о древнейшем египетском царе – завоевателе и устроителе (L: *Σεσόγχωσις*; P: *Gen. Σεσωγχώσιδος*), в «Романе об Александре» (*Σεσόγχωσις*; *Hist. Alex. Magni*, A. I.34; и др.) и в позднеантичном т.н. «Романе о Сесонхосисе» (pOxy 1826, 2466: *Σεσόγχωσις*; pOxy 3319: *Σεσόγγωσις*; см. настоящую главу, § 6.1, 6.3.3)

[Trnka-Amrhein, 2013]. Будучи египтянином и зная подлинные египетские царские списки, Манефон должен был прекрасно сознавать, что в реальности личные имена Сенусерта I и Шешонка I не совпадали и что форма имени «Сесонхосис» является производной не от первого из них, а от второго. В таком случае, относя форму имени «Сесонхосис» именно к Сенусерту I, он явно ориентировался не на их сходство, а на иные соображения – скорее всего на ассоциацию имени «Сесонхосис» с ролью устроителя египетского общества, укоренившуюся к его времени в греческой традиции (об этом мы можем судить по сообщению Дикеарха Мессенского). На этом основании Манефон перенес данное имя на того египетского царя, которому, как он знал достоверно, эта роль принадлежала в реальности – на Сенусерта I.

Сохранность фрагментов Манефона не позволяет обосновать нижеследующее предположение. Однако кажется вполне вероятным, что египетский историк, «распределяя» в своем труде грецизированные обозначения царей, мог не только создать особую форму «Сесонхис», чтобы обозначить исторического Шешонка I, но и «отсечь» военные коннотации от комплексного образа Сесонхосиса, засвидетельствованного Дикеархом, связав их с Сесострисом/Сенусертом III и «оставив» от исходного образа Сесонхосиса/Сенусерта I только то, что было связано с устроительской деятельностью. Что касается формы «Сесонхис», то Манефон мог образовать ее сам как обозначение исторического Шешонка I: оно имело бы одну основу с именем «Сесонхосис» и в этом смысле сохраняло бы связанные с ним коннотации устроительства (см. настоящую главу, § 6.3.4), но вместе с тем и явственно от него отличалось, предотвращая тем самым смешение этих двух царей (по полной аналогии с его манипуляциями с именами царей XVIII династии с их совпадающими именами «Тутмос»; ср.: [Sethe, 1904, S. 51; Иванчик, 1999, с. 20; 2005, с. 206; Немировский, 2001 (1), с. 134], см. главу 1, § 1.3.2). При этом если Африкан добросовестно воспроизвел форму имен, установленную для Сенусерта I и Шешонка I Манефоном, то Евсевий, по-видимому, не придавал значения разнице между ними и перенес на Шешонка I то именование, которое в античной традиции было более известно.

Мы не можем уверенно судить о том, имели ли сведения о деяниях Сесонхосиса, переданные Дикеархом Мессенским, чисто академическую известность или же они были вообще широко известны в ассоциации именно с этой формой имени в греческой и грекоязычной среде, по крайней мере, Египта. Тот факт, что это имя засвидетельствовано в грекоязычных папирусах в качестве личного уже в III в. до н.э.¹, делает вполне допустимым и последнее; однако как минимум естественно предположить, что Манефон имел в виду точно идентифицировать для своих грекоязычных читателей реальный исторический прототип образа

¹ См.: [Иванчик, 1999, с. 59; 2005, с. 205, с отсылками к публикациям]. В целом просопографический справочник фиксирует 71 случай употребления данного имени в эллинистическое время, кстати, при характерном отсутствии личного имени «Сесострис» (PP, s.v. Sesongosis).

царя-устроителя, отразившегося, в частности, в труде Дикеарха. При этом, несмотря на довольно отчетливое выявление в сообщении этого автора «блока информации», связанного с устройством великого египетского царя, его образ в целом представляет собой гораздо более масштабную контаминацию. Ее важнейшая особенность – это, безусловно, слияние в единый образ разных по своему генезису, но занявших в нем примерно равное положение аспектов царя-завоевателя и царя-устроителя далекого египетского прошлого.

В связи с этим контаминированным образом, засвидетельствованным у Дикеарха, не могут не возникнуть некоторые вопросы. Прежде всего следует понять, произошла ли породившая его контаминация в рамках греческой традиции, к которой принадлежит и труд Дикеарха, или же она была порождена неким импульсом со стороны традиции египетской. При решении этого вопроса мы склонны думать, что слияние воедино достаточно разнородных по своей исходной специфике образов – все же дело достаточно ответственное, на которое греческие трансляторы египетской традиции едва ли пошли бы исключительно по своей инициативе, без достаточных к тому оснований. Усмотреть же собственные, независимые от египетских информаторов основания к этому у греческих авторов IV в. до н.э. проблематично. Поэтому скорее всего эта манипуляция была проведена в силу какого-то побуждения, пришедшего из египетской среды, и в таком случае собственно в рамках египетской традиции она и должна была произойти изначально.

Вместе с тем доказательным такое презумптивное мнение станет лишь при условии, что в античных свидетельствах, отражающих данный процесс контаминации, мы обнаружим вполне надежно опознаваемые реплики собственно египетской традиции. Выше мы уже показали, что такие реплики обнаруживаются как в сведениях Геродота о Сесострисе, переосмысливающих реалии времени Сенусерта III и великих завоевателей Нового царства (см. настоящую главу, § 6.2.1), так и в свидетельствах Дикеарка, отражающих социальные реформы Сенусерта I (§ 6.2.2). Собственно, мы видели, что уже в труде Дикеарха реминисценции Сенусерта I и образ Сесостриса взаимодействуют между собой. Однако результативным может быть и обращение к другим источникам для выявления в них как более обширных реплик царствования Сенусерта I (см. ниже § 6.3.3), так и реминисценций времени Шешонка I (см. ниже § 6.3.2, 6.3.4) и одновременно взаимодействия между этими мотивами. Далее, мы уже видели, что контаминированный образ египетского царя – завоевателя и устроителя отразился в произведениях Аристотеля и что само представление о царе-устроителе проникло в древнегреческую традицию не позднее второй четверти IV в. до н.э., вероятно, под определенным влиянием пропаганды египетской XXX династии (см. § 6.2.3). Существенно, что Аристотель называет известного ему египетского царя-устроителя «Сесострис», т.е. употребляет по отношению к нему форму имени, со времени Геродота однозначно

ассоциирующуюся с мотивом завоеваний. Краткость сообщений Аристотеля на эту тему не позволяет вполне достоверно судить о «слагаемых» известной ему контаминации, однако, очевидно, к ней еще не были подключены ливийские реминисценции, представленные, в частности, именем Сесонхосиса/Шешонка I. В таком случае существенно установить, на каком этапе произошло их подключение к этому контаминированному образу (в том числе и сама ассоциация с ним имени «Сесонхосис»), и какие именно предпосылки могли к этому привести. Обсуждению этих вопросов и связанных с ними сюжетов и будут посвящены нижеследующие разделы настоящей главы (§ 6.3.2, 6.3.3. и 6.3.4).

6.3.2. Войны Шешонка I в Азии и их вероятное отражение в традиции о великом египетском царе-завоевателе

В отличие от иных контаминаций, которые имели место при формировании в позднеегипетской и грекоязычной традициях образов прошлого Египта и логика которых реконструируется с известной долей умозрения, совмещение реминисценций Шешонка I и образа Сесостриса практически напрямую «аннотировано» одним из авторов античной традиции – Иосифом Флавием. В трактате «О древности иудейского народа (Против Апиона)» Иосиф отказывает образу Сесостриса в историчности, замечая, что он «ослепил» автора греко-египетской антисемитской традиции Апиона (*Ios. C.A. II.11, § 132: ἀλλὰ Σέσωστρις αὐτὸν ὁ μυθεύμενος Αἰγύπτου βασιλεὺς ἐτύφλωσεν*; см. комментарий: [Flavius Josephus, 2007, p. 237]), а в «Иудейских древностях» говорит, что Геродот по ошибке приписал Сесострису свершения реального царя Исока, т.е. Шешонка I¹. С Геродотом, как и с другими авторами грекоязычной традиции о Египте (в особенности с Манефоном) у Иосифа Флавия были «свои счета». Как видно, в приведенном фрагменте его протест вызывает сообщение Геродота об

¹ «Между тем Господь Бог послал Ровоаму наказание за его издевательство над Ним, именно в лице египетского царя Исока (другие употребляемые Иосифом формы имени: Σούσακος – *Ios. Iud. Ant. VII.5.3, § 105; Ἴσακος – id. VIII.7.8, § 210*; ср. библ. *šwšq ršw, ššaq ṣrš, Σουσακίμ* [Kees, 1923, Kol. 1855; Redford, 1992 (2)]). Геродот смешал этого правителя с Сесострисом, приписав последнему все деяния первого... Об этом походе упоминает также и галикарнасец Геродот, перепутав только имя царя, равно как ошибочно сообщив о том, что царь напал на множество разных народов и в том числе покорил также палестинскую Сирию, подчинив себе без боя ее население. Этим Геродот, очевидно, хочет сказать, что именно наш народ был подчинен египетским фараонам. Вместе с тем он присовокупляет, что Сусак оставил в стране подчинившихся ему без боя жителей стелы, нанеся на них изображения женских половых органов, равно как и то, что наш царь Ровоам предоставил ему город (Иерусалим) без боя. Тут же Геродот сообщает, что эфиопы научились от египтян обычаю обрезания. “Ведь как финикийцы,— говорит он по этому поводу,— так и палестинские сирийцы признают, что переняли этот обычай от египтян”. Между тем известно, что никто из палестинских сириян не прибегает к обрезанию, кроме нас одних. Впрочем, предоставим каждому судить об этих вещах по его собственному усмотрению». (пер. Г.Г. Генкеля по: [Иосиф Флавий, 1994, т. 1, с. 432-434] с коррективами; *Ios. Iud. Ant. VIII.10.2, § 253: τιμωρὸν δὲ τῶν εἰς αὐτὸν ὕβρεων ὁ θεὸς ἐπιπέμπει τὸν Αἰγυπτίων βασιλέα Ἴσωκον, περὶ οὗ πλανηθεὶς Ἡρόδοτος τὰς πράξεις αὐτοῦ Σεσώστριε προσάπτει...*; *id. 3, § 260—262: μέμνηται δὲ ταύτης τῆς στρατείας καὶ ὁ Ἀλικαρνασεὺς Ἡρόδοτος περὶ μόνον τὸ τοῦ βασιλέως πλανηθεὶς ὄνομα, καὶ ὅτι ἄλλοις τε πολλοῖς ἐπῆλθεν ἔθνεσι καὶ τὴν Παλαιστίνην Συρίαν ἐδουλώσατο λαβὼν ἀμαχητὶ τοὺς ἀνθρώπους τοὺς ἐν αὐτῇ. φανερὸν δ' ἐστίν, ὅτι τὸ ἡμέτερον ἔθνος βούλεται δηλοῦν κεχειρωμένον ὑπὸ τοῦ Αἰγυπτίου· ἐπάγει γάρ, ὅτι στήλας κατέλιπεν ἐν τῇ τῶν ἀμαχητὶ παραδόντων ἑαυτοὺς αἰδοῖα γυναικῶν ἐγγράφας· Ροβόαμος δ' αὐτῷ παρέδωκεν ὁ ἡμέτερος βασιλεὺς ἀμαχητὶ τὴν πόλιν. φησὶ δὲ καὶ Αἰθίοπας παρ' Αἰγυπτίων μεμαθηκέναι τὴν τῶν αἰδοίων περιτομήν· “Φοίνικες γὰρ καὶ Σύροι οἱ ἐν τῇ Παλαιστίνῃ ὁμολογοῦσι παρ' Αἰγυπτίων μεμαθηκέναι”. δηλὸν οὖν ἐστίν, ὅτι μηδένες ἄλλοι περιτέμνονται τῶν ἐν τῇ Παλαιστίνῃ Σύρων ἢ μόνοι ἡμεῖς. ἀλλὰ περὶ μὲν τούτων ἕκαστοι λεγέτωσαν ὅ τι ἂν αὐτοῖς δοκῇ*). См. комментарий к сообщениям «Иудейских древностей» о кампании Исока/Шешонка I в Палестине: [Flavius Josephus, 2005, p. 69—73] (мы благодарны Э.В. Рунгу, предоставившему нам фотокопии соответствующих страниц данного издания).

обрезании как общем и заимствованном у египтян обычае жителей «палестинской Сирии» (*Hdt.* II.104); а с Манефоном он полемизирует в связи с приписыванием древним евреям происхождения не просто от гиксосов, а от их «симбиоза» с нечестивыми египетскими прокаженными (*Ios.* С.А. I.26, § 229; I.27, § 253; I.30, § 278; см. главу 1, § 1.3.2). Вместе с тем показательно, что утверждение Иосифа о мифичности образа Сесостриса (по сути, примыкающее к его тезису о недостоверности египетской традиции) сочетается с указанием на связь этого образа с реминисценциями о Шешонке. Можно думать, что о Сесострисе Иосиф Флавий судил не только по рассказу Геродота, в котором к контаминации образов фараонов-воителей прошлого еще не были подключены реалии времени Шешонка I, но по всей совокупности имевшихся на его время античных свидетельств о египетском царе-завоевателе (см. о них в целом и с отсылками к литературе: [Иванчик, 1999; 2005, с. 190—220]; о взаимодействии античной эллинистической и иудейской традиций: [Sterling, 2007]). Ко времени Иосифа в ней уже занял заметное место образ этого царя, засвидетельствованный Дикеархом и ассоциированный с формой имени, производной от имени «Шешонк» (см. настоящую главу, § 6.2.2, 6.3.1).

По-видимому, слова Иосифа о мифичности Сесостриса не просто продиктованы его недоверием к историческим свидетельствам египтян, но и имеют более конкретное обоснование и относятся именно к формирующей данный образ широкой контаминации, которую Иосифу удалось распознать. Логика этого «распознавания» кажется довольно очевидной. Надо думать, Иосифу было известно двойное именование в грекоязычной традиции египетского царя-завоевателя Сесострисом и Сесонхосисом. Сопоставляя последнее именование с именем «Сесонхис», отведенным Манефоном основоположнику ливийской государственности², а также зная роль, которую этот царь сыграл в ветхозаветной истории, Иосиф мог верно вычленить ту составляющую данного образа, которая относилась к Шешонку I. Разумеется, другой его составляющей было совмещение реминисценций египетских завоеваний II тыс. до н.э., известное Иосифу, как и нам, прежде всего по образу Сесостриса в труде Геродота. Вместе с тем опознание исторических реалий Среднего и Нового царства, лежащих в основе этих реминисценций, составляет задачу и для современного исследователя (см. выше настоящую главу, § 6.2.1); понятно, что для Иосифа, не располагавшего сведениями об этих реалиях за рамками грекоязычной традиции, такая задача была непосильна. Соответственно, уловив контаминацию образа Сесостриса и реминисценций исторического Шешонка I, а также

² Мы не можем знать, не были ли Иосифу доступны какие-либо прямые комментарии, исходящие от эллинистически-египетской традиции, которые позволили бы соотнести форму имени «Сесонхосис» с образом исторического Шешонка I.

однозначно и вполне справедливо оценив ее как способ конструирования фикции, Иосиф уверенно объявил чисто фиктивной традицию о Сесострисе в целом, во всех ее вариантах.

Несомненно, что исторической основой для соотнесения с образом Сесостриса реминисценций о Шешонке I должны были быть его войны в Палестине. Масштабная кампания против уже разделившегося царства Давидидов, о которой сообщают и Ветхий завет (3 Цар. 11:40, 14:25; 2 Пар. 12:2–12; ср.: *Ios. Iud. Ant.* VIII.10.2—4, § 253—263), и памятники самого Шешонка I (см. ниже), была предпринята им в его Год 21, т.е., очевидно, в середине 920-х гг. до н.э. [*Ancient Egyptian Chronology*, 2006, p. 264]. Если оценивать значение этой кампании в широком контексте военной истории Египта I тыс. до н.э., оно действительно велико. Ее успех неизмеримо превышал, например, попытки царей египетской XXV династии, вышедших из Напаты, обозначить свое присутствие в Азии в конце VIII—VII в. до н.э. [Redford, 1992 (1), p. 351—364], а в дальнейшем этот успех не был сведен на нет никакими последующими событиями времени самого Шешонка (как это произошло, к примеру, с броском к Кархемышу при Нехо II, который вынужден был затем оставить Восточное Средиземноморье под натиском вавилонян [Redford, 1992 (1), p. 448—460]). Если говорить об исторических предпосылках этого успеха Шешонка I, он, несомненно, был связан с тем, что ливийскому царю не противостояли в Азии сколько-нибудь сильные противники. Заметим, однако, что уже это было некоторым препятствием к восприятию Шешонка I как крупнейшего завоевателя. Кроме того, территория Палестины, контроль над которой был на некоторое время установлен в ходе этой кампании, была несравненно меньше азиатской сферы влияния Египта времени Нового царства. Вместе с тем достаточно очевидно, что исходным посылом к совмещению реминисценций о египетских завоеваниях II тыс. до н.э. и об успехах Шешонка I должна была быть презентация последних как, по крайней мере, сопоставимых с первыми.

В связи с этим стоит обратить внимание на еще один аспект греко-египетской традиции, переосмыслившей военные реминисценции II тыс. до н.э. Как мы уже говорили, рассказ Манефона во конце второго тома его труда о повторном захвате Египта гиксосами в союзе с египетскими прокаженными основан на сложной контаминации сведений об амарнском времени и противостоянии Египта Хеттскому царству в конце XVIII – начале XIX династий и о смуте в Египте и его борьбе с «народами моря» в конце XIX – начале XX династий (см. главу 1, § 1.3.2. и подробнее: [Ладынин, 2009 (3)]). При этом, согласно Манефону, вступившее в союз с египетскими прокаженными государство гиксосов имело своей столицей Иерусалим и возникло после первого их изгнания из Египта во времена XVIII династии (*Ios. C.A.* I.26, § 228, 230, 241). При втором изгнании гиксосов с прокаженными из Египта царь Аменофис и его сын Рампсес преследовали их до пределов Сирии (*id.* I.28, § 251). Очевидно, однако, что далее изгнанные и продолжили свое существование за этими пределами, создав еврейскую государственность,

известную египтянам в I тыс. до н.э. С этим совместимо стремление Манефона (и, очевидно, более широкой позднеегипетской традиции) возвести истоки еврейской религии к «сотрудничеству» гиксосов и египетских прокаженных, вождем которых был провозглашен Моисей (см. с отсылками к литературе: [Gozzoli, 2006, p. 215—220]). При этом наущению Моисея (исходное египетское имя которого Манефон передает как «Осарсиф») были приписаны святотатства в храмах Египта, что явно нацелено на презентацию иудаизма как духовной силы, резко враждебной традиционной египетской религии (id. I.28. § 249—250). Данные свидетельства Манефона обнаруживают сходство с такими пропагандистскими ксенофобскими мотивами египетской традиции IV в. до н.э., как «Книга победы над Сетом» (см. главу 1, § 1.2) и традиция о злодеяниях в Египте Артаксеркса III (см. главу 4, § 4.4). Скорее всего, эти свидетельства и должны были сформироваться накануне македонского времени, когда религиозно окрашенная вражда египтян к евреям могла подпитываться сравнительно свежими воспоминаниями об укомплектованных ими гарнизонах, как об одной из наиболее прочных опор власти Ахеменидов в Египте [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 333; Briant, 1996, p. 620—623, 638].

Однако эта антисемитская тенденция сама по себе едва ли породила бы представление о преемственности между государством гиксосов поры его расцвета и первого владычества над Египтом, «постгиксосским» образованием возле Иерусалима, повторно и на более краткое время овладевшим Египтом в союзе с изгнанными из него прокаженными, и, наконец, еврейской государственностью I тыс. до н.э. Очевидно, что это представление упорядочивает сведения Манефона (и, видимо, в целом позднеегипетской историографии) о внешних врагах Египта на протяжении значительного промежутка времени. Оно слишком «ответственно», чтобы возникнуть вследствие относительно конъюнктурного, во многом определяющегося ситуацией IV в. до н.э. антисемитизма, проявившегося в рассказе Манефона о втором владычестве гиксосов в Египте. Примечательно, что сам Иосиф Флавий не отрицал тезиса Манефона о преемстве от гиксосов еврейской государственности, оспаривая, как упоминалось, лишь участие в этом процессе египетских прокаженных. Более вероятно, что представление о такой преемственности бытовало в позднеегипетской историографии и независимо от этой антисемитских мотивов и ранее их укоренения. Фиктивность этого представления, несмотря на то, что и в нем сказались реплики ряда реальных исторических событий и явлений, невольно побуждает задать вопрос, когда именно оно могло быть «сконструировано». Думается, что это должно было произойти как раз тогда, когда для египетской пропаганды было актуально представить победу над еврейскими государствами как триумф, сопоставимый со свершениями фараонов великого прошлого.

Между тем исторической ситуацией, в которой подобная потребность могла ощущаться, и было прежде всего время Шешонка I с его успешной кампанией в Палестине³. Презентация этой кампании как завершения великого дела, начатого еще в начале XVIII династии царями, воевавшими с гиксосами, должна была как нельзя лучше отвечать потребностям его идеологии (в частности, стремлению представить создателя ливийской государственности в начале ее существования как достойного преемника великих царей Нового царства). Если мы обратимся непосредственно к памятникам Шешонка I, то увидим отражение его кампании в Палестине в его стеле и победном рельефе в Карнаке. Стела Шешонка I из Карнака (PM П².94) [Legrain, 1905, p. 38—39; Wilson, 2005, p. 68—69; Gozzoli, 2006, p. 26—27], характерным образом, воспроизводит модель т.н. Königsnovelle, свойственную военным текстам Нового царства. А рельеф на внешней стороне Бубаститских ворот в Карнаке (PM П².35) [Epigraphic Survey, 1954, pl. 3] воспроизводит композицию сокрушения египетским царем упавшего на колени многоголового врага, типичную для новоегипетских памятников. Воспроизведение Шешонком I новоегипетских моделей оформления царских триумфов показательны и само по себе; однако еще существеннее, насколько далеко следование этим моделям завело идеологов этого ливийского царя. Исследователи большого текста, сопровождающего рельеф Шешонка I, обратили внимание на множество его сходжений с надписями Тутмоса III, Аменхотепа II и рамессидских царей-воителей (по преимуществу, из Карнака и Мединет Абу) [Gozzoli, 2006, p. 30—31]; однако особенно примечательно упоминание в нем, в словах, обращенных к царю Амоном-Ра, Митанни: «войско Митанни, истребил я тех, кто принадлежит к нему, под ногами твоими» (стлб. 23—24: *mšꜥ nw Mṯn smꜣ.n.i sw iry hr tbtj.k*) [Ritner, 2009 (2), p. 204]. В политической ситуации времени Шешонка I в Восточном Средиземноморье не было никакой мощной силы, которая могла бы быть обозначена данным термином хотя бы с условностью. В таком случае, его включение в триумфальный текст Шешонка — это и анахронистичная дань традиции Нового царства (в соответствии с мнением достаточно многих, на сегодняшний день, исследователей; см., с отсылками к литературе [Gozzoli, 2006, p. 33]), и в то же время, вполне вероятно, и стремление

³ Теоретически можно было бы допустить, что к этому мотиву апеллировал бы в своей пропаганде и Нехо II, подчинивший государство Иосии во время своего продвижения на помощь гибнущей Ассирии в 609 г. до н.э. [Malamat, 1973]. В принципе у Геродота мы видим упоминание о победах Нехо при Магдоле/Мегиддо и Кадитисе/Кадеше (*Hdt.* II.159); вместе с тем крайне маловероятно, что сколь угодно яркая их презентация могла бы затушевать последующий сокрушительный разгром войск Нехо в Восточном Средиземноморье вавилонянами Навуходоносора II и породила бы ощутимые реплики в последующей историографии. Достаточно легко заметить, что основным мотивом презентации могущества и великодержавия саисского Египта уже в 590-е гг. до н.э. становятся успехи не в Азии, а в Нубии [Ладынин, 2012 (1)] и, может быть, могущество Египта на море (так, у Геродота победы Нехо в Сирии упомянуты лишь на втором месте после создания им флота на Средиземном и Красном морях).

представить кампанию в Палестине, вопреки реальности, как противостояние достаточно мощной силе.

В свете сказанного напрашивается следующий вопрос: не было ли обозначение «Митанни» включено в текст Шешонка I на Бубаститских воротах, исходя из его систематического появления в надписях XVIII династии, как обозначения важнейшего внешнего противника Египта? В позднеегипетской историографии на этапе, представленном Манефоном, конкретная картина внешней политики Египта в эпоху Нового царства уже была утрачена. В связи с концепцией циклов египетской истории в труде Манефона мы уже отмечали (см. главу 1, § 1.3.2, главу 6, § 6.2.1), что в его первоисточниках реальное противостояние с Митанни в конце XVI – начале XV вв. до н.э. трансформировалось в представление о чрезвычайно длительном финале борьбы с гиксосами, якобы тянувшемся вплоть до царствований исторического Тутмоса III и Тутмоса IV. Именно это породило приписывание Манефоном последнему царю XVII династии и Яхмосу – основателю XVIII династии имен «Мисфрагмутосис» и «Туммосис», или «Тетмосис». Характерным образом, на эпизоды этой борьбы переносились реальные обстоятельства войн XVIII династии с азиатскими противниками, главным из которых было Митанни. Как мы говорили, описание осады Авариса у Манефона обнаруживает неслучайное сходство с осадой и взятием Мегиддо, согласно «Анналам» Тутмоса III (в обоих источниках исходом осады оказывается соглашение, согласно которому из города отпускаются на свободу и отправляются править своими землями вражеские князья). Однако если в «Анналах» Тутмоса речь идет о вернувшихся в свои владения прежних вассалах Митанни, то по Манефону ушедшие из Авариса гиксосы и основали свое государство возле Иерусалима: соответственно, фактическим аналогом пресловутого «постгиксосского» царства в исторической реальности и оказывается Митанни! В свете этого можно предположить, что термин «Митанни» и воспринимался в начале I тыс. до н.э. как обозначение «постгиксосской» государственности в Палестине, а в актуальных текстах этого времени мог быть применен к еврейским царствам, считавшимся ее преемниками. Кроме того, историческое Митанни называлось в известных нам египетских нарративах древнеегипетским деривативом от самого этого обозначения (*Mtn*) лишь однажды, в надписи из гробницы астронома Аменемхета в конце XVI в. до н.э., т.е. именно на начальном этапе противостояния Египта с этим царством. Позднее египтяне устойчиво называли это хурритское царство «Нахарина» (*Nhrn*), тесно связанным в египетских текстах – в отличие от обозначения «Митанни» – с понятием о крайнем северном пределе мира [Helck, 1962, S. 117, 285]. С утверждением такого значения термина «Нахарина» термин «Митанни» должен был восприниматься как обозначение ближайшего крупного противника Египта начала XVIII династии на севере, без более точных географических привязок, что и позволяло

переосмыслить его, в частности, как название еврейских царств. В случае если употребление данного термина в надписях времени Шешонка I мотивировано именно таким образом, то можно думать, что известное Манефону искажение истории Египта XVIII династии (с восприятием войн ее царей в Азии как завершения борьбы с гиксосами, т.е. не как наступления, а как обороны от «постгиксосского» царства в Палестине, за которое было принято упоминавшееся в текстах XVIII династии историческое Митанни), произошло очень рано – во всяком случае, уже ко времени Шешонка I⁴.

Дальнейший путь, который глорификация палестинской кампании Шешонка I в его время должна была проделать в египетской, а затем в античной традиции вплоть до подключения реминисценций о ней к контаминированному образу великого царя-завоевателя египетского прошлого, в общем, достаточно понятен. Употребление в тексте времени Шешонка I обозначения «Митанни» – не единственная черта, которая располагала к тому, чтобы в буквальном смысле спутать памятник его триумфа с его аналогами Нового царства. В сущности, этому же содействовало и воспроизведение в данном тексте фразеологизмов новоегипетских победных надписей, и само расположение памятников Шешонка I в Карнаке в относительном соседстве с памятниками XVIII династии и в целом Нового царства. Так, стела Шешонка была найдена надалеко от т.н. «поэтической стелы» Тутмоса III (PM П².94; Urk. IV.610—617); недалеко от Бубаститских ворот находился второй пилон Карнакского храма, при работах над которым в начале XIX династии была использована стела Года 3 Камоса с описанием его побед над гиксосами (PM П².37. Pl. VII, IX); а среди изобразительных параллелей Бубаститских ворот, расположенных относительно недалеко от них, Р. Гоццоли называет рельефы Тутмоса III на седьмом пилоне Карнака, а также карнакские рельефы Сети I (PM П². 167) [Hall, 1986, figs. 28, 45—46; Gozzoli, 2006, p. 32, n. 29]). Решающая роль в возникновении этой «путаницы» могла принадлежать как раз рельефу на Бубаститских воротах – не просто самому знаковому, но и практически единственному монументальному свидетельству кампании Шешонка I в Палестине. В силу этого редуционистская тенденция, побуждавшая позднеегипетскую историографию «сливать воедино» воспоминания о внешне схожих событиях военно-политической истории, даже если в них были «задействованы» персонажи с разными именами (см. главу 1, § 1.3.2), должна была отнести войны Шешонка I к

⁴ Разумеется, не может быть полной уверенности в том, как именно воспринималось на данном гипотетическом этапе развития египетских представлений о прошлом противостояние с гиксосами в начале Нового царства. Для Манефона оно состоит из событий, вообще происходящих в пределах Египта. Однако если Шешонк I и его современники брали в качестве модели для презентации кампании в Палестине памятники противостояния с Митанни, можно допустить, что в их представлении финал борьбы с гиксосами протекал не только в Египте, но и в Азии и носил наступательный со стороны египтян характер. Мы благодарны А.А. Немировскому за подробное обсуждение данного комплекса сюжетов.

тому же комплексу военных свершений, к которому были отнесены и реминисценции об экспансии Нового царства. Однако если традиция Манефона достаточно четко отделяет последние от свершений легендарного Сесостриса (который в царском списке Манефона занимает место, в полном соответствии с реальностью, в середине XII династии, до первого гиксосского завоевания), то в схеме, известной еще Геродоту, реминисценции гиксосского времени отсутствовали, а завоевания Нового царства, как уже говорилось, были с деяниями Сесостриса прочно ассоциированы. В таком случае, отталкиваясь от данной схемы, было естественно как подвергать к образу Сесостриса реминисценции о наступлении Египта в Азии в эпоху XVIII династии, так и придти к выводу о том, что сопряженные с ними реминисценции войн Шешонка относятся к царю, тождественному Сесострису, и что, соответственно, этот царь-завоеватель египетского прошлого был известен, как и другие его фигуры, под разными именами.

6.3.3. Сведения Гекатея Абдерского/Диодора Сицилийского о царе Сесоосисе: реминисценции царствования Сенусерта I и в целом конца I Переходного периода и начала Среднего царства

Вопрос об источниках I книги Диодора, посвященной Египту, можно без преувеличения назвать одним из важнейших в изучении античной традиции эллинистического времени о Египте. Мнение о зависимости ее сведений от произведения о Египте Гекатея Абдерского, который находился в конце IV в. до н.э. в окружении Птолемея, видимо, еще сатрапа Египта (FGrHist. 264)¹, было сформулировано еще в историографии конца XIX – начала XX вв. ([Schwartz, 1885; 1905; Jacoby, 1912]; ср. [Murray, 1970, p. 144—150])² и сегодня разделяется большинством исследователей этого вопроса [Burstein, 1992; Dillery, 1998, p. 256, n. 4; Stephens, 2003, p. 32, n. 35; Gozzoli, 2006, p. 193—194].

Именно I книга Диодора, воспроизводящая сведения Гекатея, сохранила единственный известный нам в собственно античной традиции, помимо труда Геродота, сводный очерк

¹ Его точное название неизвестно, но в литературе оно обычно фигурирует под обозначениями Περί Αἰγυπτίων или Αἰγυπτιακά. Что касается датировки этого произведения, один из наиболее авторитетных исследователей греко-египетской традиции начала эллинизма Дж. Диллери предпочитает осторожно относить его ко времени около 300 г. до н.э. [Dillery, 1998, p. 256, n. 4]. На наш взгляд, не потеряли значение аргументы О. Мёррея в пользу того, что его можно отнести к годам сатрапии Птолемея, еще до принятия им царского титула, т.е. в целом к 323—305 гг. до н.э. [Murray, 1970, p. 143—144; ср. Gozzoli, 2006, p. 193, n. 16]. Данные аргументы сводятся к следующему: (1) с высокой вероятностью произведение Гекатея оказало воздействие на трактаты Феофраста «О камнях» и «О благочестии», датируемые соответственно около 315/314 и 319—314 гг. до н.э.; (2) самое позднее датируемое событие, которое упоминает Гекатей, — это смерть Аписа, наступившая от старости после смерти Александра и вскоре после установления власти Птолемея над Египтом (*Diod.* I.84.8), т.е. около конца 320-х гг. до н.э. (по-видимому, на момент создания Гекатеем своего труда, последний по времени случаев смерти этого священного животного; см. подробнее об этом сообщении Диодора главу 2, § 2.2.2); (3) Птолемей упоминается Гекатеем только по его личному имени и патронимику (*Diod.* Ibid.; I.31.7, 46.7—8), что должно указывать на создание труда Гекатея еще до принятия сатрапом Египта царского статуса в 305/4 г. до н.э.; (4) при описании побережья Средиземного моря Гекатей не упоминает Александрию (*Diod.* I.31.1—2), что было возможно только до или вскоре после перенесения туда резиденции Птолемея и столицы страны в конце 310-х гг. до н.э. (о датировке этого события см.: «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», II.3.б, комм. «з»).

² В середине XX в. В. Шпёрри поставил под сомнение возможность того, что к труду Гекатея восходит ряд начальных фрагментов повествования Диодора о Египте (*Diod.* I.7—13), поскольку отразившиеся в них философские и религиозные взгляды Диодора определялись тенденциями не столько раннеэллинистического, сколько современного ему времени [Spörri, 1959; см. Иванчик, 1999, с. 16, прим. 49; 2005, с. 202, прим. 44; Winiarczyk, 2002, p. 70]. Через некоторое время под определенным влиянием Шпёрри появилась работа А. Бёртон, посвященная I книге Диодора и направленная в том числе и на обоснование гетерогенности ее источников [Burton, 1972]. В связи с этой книгой А.Б. Ллойд показал, что многие аргументы Бёртон уязвимы (настояния на том, что если бы главным первоисточником Диодора по египетским сюжетам был Гекатей, то его имя упоминалось бы несравненно чаще; указания на наличие у Диодора отсылок к ряду других авторов помимо Гекатея), а также что ее усилия не поколебали возведение к Гекатею очень обширных фрагментов Диодора (*Diod.* I.69—98) [Lloyd, 1974]. О. Мёррей справедливо отметил, что нет оснований приписывать Диодору в I книге иной – менее компилятивный и более исследовательский – метод работы, чем в иных его частях его труда, и что сама целостность его рассказа о Египте побуждает предполагать наличие в его основе единого источника [Murray, 1975].

истории Египта. Как и у других авторов (в частности, у Геродота и Манефона), ее факты упорядочиваются по последовательности правивших в Египте царей, которая начинается с Менаса (Μηνᾶς; Менес в общепринятой транскрипции). Этот царь наделен качествами культурного героя, который первым обучил людей совершать ритуалы богам и привил им навыки «роскошной», т.е. элементарно цивилизованной, жизни (*Diod.* I.45.1; см. об античной традиции о Менесе: [Ладынин, 2003]). Правление Менеса и его 52 преемников, правивших 1400 лет (id. 45.3), лишено какой-либо локальной привязки; за ними у Гекатея и Диодора следуют царь Бусирис и восемь его преемников, последний из которых носил то же имя, основал Диосполь, или Фивы, и установил там столицу³. Самым значительным среди правивших затем фиванских царей Гекатей и Диодор называют Осимандия (Ὀσιμανδύας), имя которого соответствует «солнечному» имени Рамсеса II *Wsr-m3ʿt-Rʿ Stp.n-Rʿ* («Сильна истина /бога/ Ра, Избранный /богом/ Ра» [Beckerath, 1999, S. 154—155; Burton, 1972, p. 148]), и подробно описывают его гробницу (id. 47—49) – как считает большинство исследователей, Рамессеум, заупокойный комплекс Рамсеса II на западном берегу Нила напротив Фив [Burton, 1972, p. 148—150; Leblanc, 1985, p. 70—82; Burstein, 1992, p. 46]. Согласно Гекатею и Диодору, всего египетским жрецам было известно 47 царских гробниц в районе Фив, из которых до времени «Птолемея, сына Лага» сохранилось лишь 15 (id. 46.7).

Упоминание в сообщениях Гекатея и Диодора двух царей по имени «Бусирис» – довольно существенный нюанс, по-видимому, позволяющий оценить место в их изложении египетской истории всей последовательности фиванских царей. Мы уже говорили об образе Бусириса в одноименной речи Исократ, которого сам афинский оратор считал персонажем существенно более ранним, чем Геракл (см. настоящую главу, § 6.2.3). Мы привели основания в пользу возведения образа Бусириса у Исократ к реминисценциям Сенусерта I, в то время как образ Бусириса, пытавшегося согласно общеизвестному мифологическому сюжету убить Геракла, должен быть одной из реплик противостояния египтян и «народов моря» на исходе XIII в. до н.э. (см. там же, прим. 11). Достаточно логично считать, что у Гекатея и Диодора Бусирис (I) соответствует как раз «Бусирису Исократ», а Бусирис (II) – «мифологическому Бусирису», современнику Геракла. Показательным образом Исократ говорит, что известного ему Бусириса отделяет от времени Геракла срок, включающий четыре поколения между Персеем и Гераклом и еще двести лет между Бусирисом и Персеем и, следовательно,

³ «После этого, когда царем стал Бусирис и подряд восемь его потомков, говорят, что последний (из них), бывший одноименным первому, основал (город, который) египтяне называют Диосполем великим, а греки Фивами» (*Diod.* I.45.4: μετὰ δὲ ταῦτα κατασταθέντος βασιλέως Βουσίριδος καὶ τῶν τούτου πάλιν ἐκγόνων ὀκτώ, τὸν τελευταῖον ὁμώνυμον ὄντα τῷ πρώτῳ φασὶ κτίσαι τὴν ὑπὸ μὲν τῶν Αἰγυπτίων καλουμένην Διὸς πόλιν τὴν μεγάλην, ὑπὸ δὲ τῶν Ἑλλήνων Θήβας).

сопоставимый с девятью поколениями от Бусириса (I) до Бусириса (II), согласно Гекатею и Диодору. По-видимому, ошибка Гекатея или передававшего его сведения Диодора состоит в приписывании основания Фив Бусирису (II), а не (I). Понятно, что Бусирис (I), будучи аналогом Бусириса Исократа и, согласно нашим построениям, Сенусерта I мог бы быть ассоциирован с началом этапа египетской истории, связанного с Фивами, достаточно естественно, тем более что согласно Манефону как XI династия, к которой принадлежит отец Сенусерта I Амменемес/Аменемхет I, так и XII династия, открывающаяся самим Сенусертом I/Сесонхосисом, - фиванские (*Manetho. Frgg.* 31-36).

Однако в таком случае пресловутая последовательность девяти царей, от Бусириса (I) до Бусириса (II) также оказывается вся связана с Фивами и при этом отображает необычайно стяженно второй большой цикл истории Египта, охватывающий практически все II тыс. до н.э. и соответствующий второму тому труда Манефона Севеннитского (от Сесонхосиса/Сенусерта I в начале XII династии и до финала XIX династии и времени борьбы с «народом моря»; см. главу 1, § 1.3.2). Уже за этой последовательностью Гекатей и Диодор помещают последовательность фиванских царей, которая, по соответствию Осимандия историческому Рамсесу II, опять же реплицирует историческое II тыс. до н.э. (прежде всего Новое царство, от которого преимущественно и сохранились царские гробницы в районе Фив). Наконец, далее Гекатей и Диодор говорят о последовательности мемфисских царей, которая, как мы увидим, также в значительной мере соответствует II тыс. до н.э. Похоже, что сильное стяжение времени между двумя царями, имена которых в греческой передаче приняли форму «Бусирис», – это неясный по своему смыслу топоним какого-то извода египетской традиции, ставший известным Гекатею и далее Диодору: место этой последовательности девяти царей в хронологии Гекатея и Диодора должно быть мотивировано ее привязкой к началу фиванского периода истории Египта. Появление же далее последовательности царей, которая связана с Фивами более вятно, на фоне следующего за ней ряда мемфисских царей может показаться совершенно избыточным и странным фантомом. Похоже, что этот ряд был интерполирован информаторами Гекатея (вероятно, фиванцами) в их схему истории Египта совершенно произвольно и фиктивно, исключительно по соображениям престижа их родного города⁴; а для придания этому ряду царей видимости историчности с ним были связаны некоторые реминисценции, ассоциированные с Фивами наиболее явным образом.

⁴ Ср., например, с традицией т.н. «храмовых монографий» в Фивах эллинистического времени, обосновывавших исключительную древность этого города [Recklinghausen, 2007, S. 140—164; Ладынин, 2012 (2), с. 201—202 и прим. 29]. Фиванские коннотации в сообщениях Гекатея и Диодора хорошо видны, в частности, в подробном и вполне достоверном описании гробницы Осимандия; а фиванское влияние на Гекатея может объясняться, в частности, значением этого города в египетской идеологии начала времени Аргеадов, когда там, в частности, сконцентрировалась большая доля храмового строительства (см. главу 2, § 2.3.1).

Восьмым преемником Осимандия Гекатей и Диодор называют царя Ухоревса (Οὐχορεύς), начиная с которого все правители Египта, вплоть до македонских, якобы держали столицу в Мемфисе (*Diod. I.50.6—8*). Убедительная интерпретация этого образа, открывающего, согласно Гекатею и Диодору, третью известную им последовательность египетских царей, была предложена А.Е. Демидчиком. По его мнению, очевидно сходство формы имени «Ухоревс» и солнечного имени царя IX/X гераклеопольской династии Хети Уахкара (*W3h-k3-R^c* «Долговечен Двойник (бога) Ра» [Beckerath, 1999, S. 74—75]) – вероятного автора политического трактата конца I Переходного периода «Поучение царю Мерикара» (середина XXI в. до н.э.). Как считает Демидчик, «зацепкой» для помещения «Ухоревса» в начало ряда мемфисских царей мог стать тот факт, что при Хети царская столица североегипетского государства действительно переместилась из Гераклеополя в Мемфис; далее, после объединения Египта XI династией она оставалась там же [Берлев, 1978, с. 107], а при XII династии, со времени Аменемхета I – во всяком случае, в мемфисско-фаюмском регионе, в Ит-тауи [Демидчик, 2010, с. 7—8].

Через двенадцать поколений после Ухоревса, согласно Гекатею и Диодору, царем Египта становится Мерис (Μοίρις), которому приписано сооружение водохранилища, известного как Меридово озеро (*Diod. I.51.5—52*); а через семь поколений после него наступает время царя Сесоосиса, о котором нам предстоит говорить подробнее (id. 53.1). У Геродота мы не видим упоминаний ни об Ухоревсе, ни о поколениях царей, разделявших Мериса и Сесостриса (ему у Гекатея и Диодора и соответствует Сесоосис); однако последовательность этих персонажей у Геродота та же самая, и кроме того Мерис назван «последним» в некоем ряду царей (*Hdt. II.101.1*)⁵, и ему приписано сооружение не только Меридова озера, но и пирамид возле него (id. 101.2). Исходя из того, что в начале предшествующей главы у Геродота речь идет о 330 царях, правивших после Менеса (id. 100.1)⁶, можно было бы считать, что Мерис считался информаторами Геродота последним в этом ряду. Однако такая возможность исключается, поскольку близкая к названной цифра суммирует в другом фрагменте Геродота общее число царей Египта вплоть до кануна саисского времени (id. 142.1)⁷, при том что Мерис, по сведениям

⁵ «Об остальных царях они (египетские жрецы. – *И.Л.*), однако, не сообщают о свершении ими [каких-либо] дел и [говорят], что [при них] не было ничего выдающегося, кроме одного последнего из них, Мериса» (τῶν δὲ ἄλλων βασιλέων οὐ γὰρ ἔλεγον οὐδεμίαν ἔργων ἀπόδεξις καὶ οὐδὲν εἶναι λαμπρότητος, πλὴν ἑνὸς τοῦ ἐσχάτου αὐτῶν Μοίρις).

⁶ «После него жрецы перечислили по книге имена других трехсот тридцати царей» (μετὰ δὲ τοῦτον κατέλεγον οἱ ἱερεῖς ἐκ βύβλου ἄλλων βασιλέων τριηκοσίων καὶ τριήκοντα οὐνόματα).

⁷ «Досюда доводили египтяне и их жрецы (свой) рассказ, показывая, что от первого царя до жреца Гефеста, царствовавшего последним, прошло триста сорок одно поколение» (ἐς μὲν τὸσόνδε τοῦ λόγου Αἰγύπτιοί τε καὶ οἱ ἱερεῖς ἔλεγον, ἀποδεικνύντες ἀπὸ τοῦ πρώτου βασιλέως ἐς τοῦ Ἡφαιστοῦ τὸν ἱεῖα τοῦτον τὸν τελευταῖον βασιλεύσαντα μίαν τε καὶ τεσσαράκοντα καὶ

самого Геродота, правил задолго до этого. В таком случае, Мерис должен быть последним в каком-то ином ряду царей, идентифицировать который, на наш взгляд, помогает традиция Манефона. Как мы помним, его первый томос завершает Аменемес (*Manetho. Frgg.* 31, 32a—b), т.е. исторический Аменемхет I. При этом его финальное место в ряду царей первого цикла египетской истории, открывающегося царствованием Менеса, подчеркнуто тем, что он назван по имени вслед за безымянными царями XI династии и как бы не причислен ни к ней, ни к следующему царскому дому, хотя последний и начинается с его сына Сесонхосиса – Сенусерта I (*Frfgg.* 34.1, 35.1; см. главу 1, § 1.3.2). Очевидно, что полностью аналогичное место в ряду, тоже открытым Менесом, занимает, согласно Геродоту, и Мерис.

Само имя «Мерис» и ряд близких к нему форм, по мнению исследователей [Vergote, 1962; Lloyd, 1970, p. 91—92; Widmer, 2002, p. 377—378], должны восходить к солнечному имени царя XII династии Аменемхета III *Ny-m3^ct-R^c* («Pa – принадлежащий правде» [Beckerath, 1999, S. 86—87]) в стяженной форме *M3^c-R^c* (или *pr-^c3 m3^c-R^c*), использовавшейся в культе этого царя в регионе Фаюма в Позднее и греко-римское время [Widmer, 2002, p. 377]. Об идентификации с Аменемхетом III Мериса у Гекатея и Диодора говорит, казалось бы, и приписывание ему сооружения Меридова озера. Этот мотив является несомненной реминисценцией ирригационных работ XII династии в Фаюме, которые осуществлялись в середине XIX в. до н.э. и были в целом завершены именно при и Аменемхете III (собственно, в значительной мере благодаря этому и утвердилось его почитание в Фаюме) [Oxford History, 2000, p. 152—154, 157; Grimal, 2005, p. 166, 170; Companion, 2010, vol. 1, p. 96—98]. Стоит, однако, обратить внимание, что у Гекатея и Диодора проведено разделение между Мерисом – создателем Меридова озера – и Мендесом, или Марросом (*Diod. I.61.1*)⁸, которому приписано сооружение для себя в качестве гробницы Лабиринта (*id.* 61.2) и который должен отождествляться с Аменемхетом III с еще большими основаниями. В частности, о сооружении Лабиринта царем, именуемым *Λαχάρης*, *Λάμαρις* или *Lampares*, т.е. формами, восходящими, вероятно, к исходному варианту грецизации *Λαμάρης*, говорит Манефон, помещающий этого царя в последовательности XII династии явно на место исторического Аменемхета III (*Manetho. Frgg.* 34, 35, 36; см. также: [Vergote, 1962; Lloyd, 1970, p. 91; Burton, 1972, p. 181, 196;

τριηκοσίας γενεάς ἀνθρώπων γενομένας, καὶ ἐν ταύτησι ἀρχιερέας καὶ βασιλέας ἑκατέρους τοσοῦτους γενομένους). Речь идет о 341 поколении людей, верховных жрецов и царей от Менеса до «жреца Гефеста», правившего во времена нашествия на Египет ассирийцев; см. о сопоставимости этой цифры с цифрами, следующими из иероглифических источников и их традиции Манефона: [Lloyd, 1988 (1), p. 34].

⁸ «После того, как этот царь (Актисан) умер, египтяне вновь завладели властью и возвели на престол местного царя Мендеса, которого некоторые называют еще Маррос» (пер. А.Г. Алексаняна по: [Диодор, 2017, с. 14]; Τοῦ δὲ βασιλέως τούτου τελευτήσαντος ἀνεκτίσαντο τὴν ἀρχὴν Αἰγύπτου, καὶ κατέστησαν ἐγχώριον βασιλέα Μένδην, ὃν τινες Μάρρον προσονομάζουσιν).

Grajetzki, 2006, p. 58—59]). По предположению А. Бёртон, разделение Гекатеем и Диодором Мериса и Мендеса/Марроса могло быть связано со следованием Геродоту в его мнении, что Мерис соорудил Меридово озеро, но не Лабиринт [Burton, 1972, p. 196, n. 3]; однако Геродот приписывает сооружение Лабиринта отнюдь не Мендесу/Марросу, а правившим после эфиопского владычества додекархам (*Hdt.* II.148), причем у Гекатея и Диодора зафиксирована и эта версия (*Diod.* I.66.3—6). Логичнее считать в таком случае, что разделение Мериса и Мендеса/Марроса восходит все же к египетским информаторам Гекатея, которые именовали этих двух персонажей деривативами одного и того же египетского царского имени. На наш взгляд, можно предположить, что Геродот зафиксировал традицию, в которой произошло стяжение в один образ всех царей, носивших имя «Аменемхет» (ср.: [Lloyd, 1988 (1), p. 43]). Основанием для этого в исторической реальности могло быть как размещение резиденций их всех, начиная с Аменемхета I, в одном и том же регионе недалеко у входа в Фаюмский оазис (не случайно Мерису Геродот приписывает сооружение всех пирамид вблизи Меридова озера!), так и то, что, хотя основная фаза ирригационного освоения этого региона пришлась на середину XIX в. до н.э., интерес к этому мог наметиться уже с начала XII династии [Grajetzki, 2006, p. 49]. При этом Геродот обозначил итоговый контаминированный образ этого царя, вполне естественно, деривативом от имени Аменемхета III, наиболее известным в связи с его обожествлением в Фаюме; однако место, отведенное ему в последовательности царей у Геродота, соответствовало тому, которое должен был бы занять исторический Аменемхет I, судя по тому, что Мерис назван последним в ряду, идущем от Менеса. В дальнейшем Гекатей зафиксировал, а Диодор передал более достоверное представление, согласно которому царь, начавший обосновываться в районе Фаюма и строитель Лабиринта – это разные фигуры. Однако при этом Гекатей или его информаторы воспользовались приемом, который хорошо известен по труду Манефона, – для различения этих двух фигур они были обозначены выглядящими по-разному древнегреческими деривативами одного и того же исходного египетского имени (см. настоящую главу, § 6.3.1).

Таким образом, можно сказать, что приведенная Гекатеем и Диодором последовательность, которая включает Ухоревса, двенадцать поколений неназванных царей и Мериса, выглядит в принципе весьма достоверно в ее соотнесении с исторической реальностью. Аменемхет I, как мы хорошо знаем, действительно правил после Хети Уахкара, причем последний был, как показал А.Е. Демидчик, пятым представителем гераклеопольского царского дома [Демидчик, 2005, с. 36—37], насчитывавшего согласно царскому списку Туринского папируса 18 (Tur. VI.10), а согласно Манефону 19 царей (*Manetho.* Frgg. 29, 30a—b; число, приведенное Манефоном для X династии, на самом деле, должно, очевидно, включать и царей, отнесенных к его IX династии, - *cf.* frg. 27; первым же царем X династии должен,

очевидно, быть именно «пятый гераклеополит», сделавший столицей своего государства Мемфис [Демидчик, 2005, с. 35]). По мнению А.Е. Демидчика, высказанному в частном письме, эти цифры могут, конечно, включать и царей XI династии, а установить в точности, как они исчислялись, не представляется возможным; однако, так или иначе, в рамках данной традиции наличие порядка 12 царей между Хети Уахкара/Ухоревсом и Аменемхетом I/Мерисом выглядит, в общем, правдоподобно. Далее на дистанции еще семи поколений за Мерисом следует Сесоосис (*Diod. I.53.1*), о котором мы будем говорить подробнее далее. Заметим, что если с царствованием Мериса было соотнесено не только начало исторической XII династии и большого цикла, соответствующего второму томосу Манефона, но и прекращение бедствий I Переходного периода при объединении страны при Ментухотепа II, то, очевидно, к этой последовательности могли быть присчитаны не только цари начала XII династии, но и XI-й, правившие после Ментухотепа II и тогда она действительно достигла бы шести или семи поколений.

Что касается дальнейшей последовательности мемфисских царей у Гекатея и Диодора, следует отметить ее принципиальное соответствие историческим реалиям II тыс. до н.э. и Позднего времени. Наиболее существенное исключение в этом плане – интерполяция, как и у Геродота, эпохи строителей пирамид после царствований, соответствующих времени Рамессидов (*Diod. I.63.2—64*, ср. *Hdt. II.124—134*); однако у этой манипуляции должно быть свое объяснение – по-видимому, стремление связать эту эпоху с последующим временем тяжелых бедствий Египта, каковым для информаторов Геродота и Гекатея был не I Переходный период, а эфиопское владычество [Ladynin, 2015]. Очевидно, что мемфисская привязка всей этой последовательности не вполне соответствует исторической реальности: она более или менее оправдана для реминисценций кануна и начала Среднего царства, но в конечном счете предполагает перенесение на этот этап египетской истории всего времени величия Мемфиса, включая его наибольший взлет в III тыс. до н.э. (в том числе в эпоху строительства пирамид). Вместе с тем такая манипуляция, во-первых, позволяла информаторам Гекатея с успехом показать, что величие Фив приходилось на более раннее время, чем Мемфиса, во-вторых, примерно согласовывалась с тем, что на протяжении Позднего времени политический центр Египта, как правило, располагался на севере страны, а в персидское время [Ray, 1988, p. 259] и в IV в. до н.э. (как при последних египетских династиях [Lloyd, 1994 (2), p. 343], так и в начале македонского времени [Huss, 2001, S. 57—58, 68—69, 97; Hölbl, 2001, p. 9]) действительно находился в Мемфисе.

В сведениях Гекатея и Диодора об этом периоде особенно значим образ царя по имени Сесоосис (Σεσόωσις), правившего семью поколениями позже Мериса. Этому царю приписаны величайшие военные свершения, в которых видны контаминированные и преобразованные

реминисценции о войнах Сенусерта III и новоегипетских царей (см. подробнее настоящую главу, § 6.3.4). Однако особенно примечательно, что началом его военной карьеры Сесоосиса оказываются походы в Аравию, а затем в Ливию, в которые его, еще не вступившего на престол, отправил отец (*Diod. I.53.5—6*)⁹. Сильно переосмысленную в духе эллинистически-римской беллетристики параллель этому сообщению мы видим в «Романе о Сесонхосисе», датирующемся около II в. н.э. (рОху 1826, 2466, 3319). Его герой еще в пору своего воспитания пришел к выводу, что обеспечить безопасность Египта можно лишь покорив его соседей, завоевал Аравию и сделал ее царя своим вассалом, а затем, в пору временного изгнания из Египта, полюбил его дочь [O'Sullivan, 1984, особ. S. 44; Ancient Greek Novels, 1995, p. 246—266; см. теперь: Trnka-Amrhein, 2013]. Демотические папирусы p.dem. Carlsberg 411 и 412, датирующиеся римским временем и сильно фрагментированные, по-видимому, также содержат свидетельства, близкие по своему смыслу сведениям Гекатея и Диодора и «Романа о Сесонхосисе». На них был записан некий литературный нарратив, рассказывавший о «фараоне Аменемхете» ((*pr-ʿ3 ʿ.w.s.*) | *Imn-m-ḥ3t*) и его сыне Сенусерте (*S-wsr*): последний, очевидно, и был героем этого нарратива, в начале которого имел статус престолонаследника (p.dem.Carlsberg 412, frg. 9, x+5: ([*p3?*]y.f *hrd z3 nsw*)), но затем, судя по помещению в картуш непосредственно его имени (p.dem.Carlsberg 412, frg. 8, x+2), стал царем. В текстах на этих папирусах содержится много упоминаний чужих земель и народов, преимущественно локализуемых в Африке (в том числе блеммиев, бывших, как известно, обитателями южной периферии Египта уже в римское время [Jackson, 2002, p. 131—132]); однако особенно примечательно упоминание опять же похода против Аравии, в который отправился герой нарратива (p.dem.Carlsberg 412, frg. 5, x+6: [...] *S-wsr r p3 t3 n 3lby*[...]¹⁰). У исследователей давно нет сомнений относительно того, какие именно события отразились в этом мотиве: это, безусловно, войны Сенусерта I в пору его десятилетнего соправления со своим отцом Аменемхетом I [Burton, 1972, p. 165—166; Ryholt, 2010, p. 432; см. о вопросе соправления: Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 170—171]. Согласно тексту стелы Несумонту, на Году 4

⁹ «Сперва Сесоосис, будучи послан отцом вместе с армией в Аравию, в сопровождении своих сотоварищей, усердно охотился и, претерпевая отсутствие и воды, и хлеба, завоевал целое племя арабов, бывшее до того времени непорабощенным; затем, посланный на запад, он покорил большую часть Ливии, сам при этом будучи совсем молодым» [Диодор, 2017, с. 8] (τὸ μὲν οὖν πρῶτον ὁ Σесоῶσις ἀποσταλεὶς ὑπὸ τοῦ πατρὸς μετὰ δυνάμεως εἰς τὴν Ἀραβίαν, συστρατευομένων καὶ τῶν συντρόφων, περὶ τε τὰς θήρας διεπονήθη καὶ ταῖς ἀνυδρίαις καὶ σπανοσιτίαις ἐγκαρτερήσας κατεστρέψατο τὸ ἔθνος ἅπαν τὸ τῶν Ἀράβων, ἀδούλωτον τὸν πρὸ τοῦ χρόνον γεγονός. ἔπειτα εἰς τοὺς πρὸς τὴν ἐσπέραν τόπους ἀποσταλεὶς τὴν πλείστην τῆς Λιβύης ὑπήκοον ἐποίησατο, παντελῶς νέος ὢν τὴν ἡλικίαν).

¹⁰ Очевидно, данная форма хоронима представляет собой демотическую передачу греческого слова и, таким образом, сам этот сюжет должен был перейти в демотический нарратив из какой-то живой грекоязычной традиции.

Сенусерта I (и, соответственно, в рамках данного периода соправления) был предпринят поход против *mntyw* [...*tyw*] *hryw-š* (Louvre C 1, сткк. 20—21 [Breasted, 1904, p. 155, fig. 1; *cp.* Obsomer, 1995, p. 546—552]), который теоретически и мог послужить «прототипом» для представления о ранней кампании этого царя в Аравии. Что же касается аналогичной кампании в Ливии, сведения о ней в египетских источниках общеизвестны, поскольку содержатся в начале знаменитого «Рассказа Синухета» (Sin. R11—16)¹¹.

Гекатей и Диодор не называют имени царя, который был отцом Сесоосиса; не упомянуто оно и в «Романе о Сесонхосисе» (во всяком случае, в известных нам его фрагментах). Вместе с тем демотический литературный нарратив p.dem.Carlsberg 411 и 412 называет, как мы помним, отцом его героя Сенусерта «фараона Аменемхета». Сам же характер аналогий между сюжетами в повествовании Гекатея и Диодора, в «Романе о Сесонхосисе» и в демотических папирусах, с одной стороны, и реалиями соправления Аменемхета I и Сенусерта I, с другой, убеждает в том, что образ отца Сесоосиса должен восходить к реминисценциям Аменемхета I. В связи с этим нас едва ли должно сильно смущать, что Гекатей (очевидно, вслед за своими информаторами) разделяет царствование аналога Аменемхета I Мериса и царствование Сесоосиса семью поколениями. Как мы уже говорили, этот нюанс может быть связан со стремлением поместить Сесоосиса в царской последовательности на место, принадлежащее царю-воителю *par excellence* Сенусерту III; и это надежно подтверждается фрагментом четвертого гимна Исидора с ворот храма в Мединет Маади (Фаюм), который относится к позднептолемеевскому времени и прославляет обожествленного царя по имени Порраманрес (Πορραμάνρης) [Bernand, 1969, p. 635—636, 638; Vanderlip, 1972, p. 63—74]. Форма имени этого царя явно представляет собой производную от «солнечного» имени Аменемхета III *Ny-m³t-Rᶜ* (см. выше), и при этом «вскормившим» его в гимне именуется царь по имени Сесоосис (ὁ τρέψας Σεσοῶσις), что соответствует реальной исторической последовательности царствований

¹¹ Геродот говорит о том, что войны Сесостриса начались с морской кампании, приведшей к покорению всех народов по берегам Эритрейского моря («Жрецы говорят, что сначала он, выступив с флотом из длинных судов из Аравийского залива, покорил всех, живших возле Эритрейского моря...»; *Hdt.* II.102.2: τὸν ἔλεγον οἱ ἱερεῖς πρῶτον μὲν πλοίοισι μακροῖσι ὀρμηθέντα ἐκ τοῦ Ἀραβίου κόλπου τοὺς παρὰ τὴν Ἐρυθρὴν θάλασσαν κατοικημένους καταστρέφεισθαι). Данное свидетельство тематически скорее связано с мотивом покорения Сесострисом земель Африки, основой которого должны быть все же реминисценции войн Сенусерта III (см. настоящую главу, § 6.2.1); вместе с тем в Нубии воевал и Сенусерт I [Obsomer, 1995, p. 237—360], что могло содействовать контаминации образов этих двух царей в поздней египетской и античной традициях. Более вероятно, что мотив войн в Аравии, который мы видим у Гекатея и Диодора и в более поздней традиции, сказался в сведениях о Сесострисе Страбона: «Ведь кажется, что он был первым, кто покорил Эфиопию и Троглодитику, затем перешел в Аравию, а оттуда прошел всю Азию» (*Strabo.* XVI.4.4: φαίνεται γὰρ τὴν Αἰθιοπίδα καὶ τὴν Τρωγλοδυτικὴν πρῶτος καταστρεψάμενος οὗτος, εἶτα διαβὰς εἰς τὴν Ἀραβίαν κἀντεῦθεν τὴν Ἀσίαν ἐπελθὼν τὴν σύμπασαν); см.: [Widmer, 2002, p. 390].

Сенусерта III и Аменемхета III. Таким образом, мы можем заключить, что на образ Сесоосиса, место которого в сведениях Гекатея и Диодора скорее соответствует историческому Сенусерту III, переносятся сюжетные мотивы, связанные с Сенусертом I, с закономерным при этом изъятием из них точного имени его отца, которое соотносилось бы с именем исторического Аменемхета I¹².

Еще одна реалия в рассказе Гекатея и Диодора о Сесоосисе, обращающая на себя внимание, – это выражение, использованное в описании его стремления к миродержавию: Сесоосис якобы «был побужден приобрести владычество надо всем (миром) его собственной дочерью Атиртис» (*Diod. I.53.8*: ἔνιοι δὲ λέγουσιν αὐτὸν ὑπὸ τῆς ἰδίας θυγατρὸς Ἀθύρτιος παρακληθῆναι πρὸς τὴν τῶν ὅλων δυναστείαν). Употребленное в данном контексте словосочетание с буквальным значением «владычество надо всем», по замечанию комментаторов Диодора [Burton, 1972, p. 167], напоминает эпитет Сенусерта I *nb-r-dr* (букв. «владыка до пределов /мира/»), уподобляющий его фактически солнечному богу-творцу (Wb. II.230—231; LÄGG. IV.795—797) в «Поучении царя Аменемхета I своему сыну

¹² При этом в царской последовательности Гекатея и Диодора преемником Сесоосиса оказывается царь Ферон (*Diod. I.59*: Φερῶν), в связи с которым сообщается новелла (о его слепоте и исцелении с помощью мочи женщины, верной своему мужу), известная об этом же персонаже также и Геродоту (*Hdt. II.111*). Комментаторы Геродота и Диодора, как правило, обращали внимание на то, что само это имя явно происходит от древнеегипетского *pr-ʕ* («великий дом, фараон»; Wb. I.516), т.е. от обозначения, с равным успехом применимого к любому египетскому царю, и на свидетельство Плиния, согласно которому сын царя Сесо(о)сиса носил имя Ненкоревс (*Plin. Hist. nat. XXXVI.74*: *Nencoreus, Sesosidis filius*), очевидно образованное от «солнечного» имени реального сына Сенусерта I Аменемхета II *Nb-k3w-Rʕ* [Beckerath, 1999, S. 83—84]. На основании этого они заключали, что сведения о Фероне с высокой вероятностью относятся к реминисценциям Аменемхета II [Burton, 1972, p. 179; Lloyd, 1988 (2), p. 38]. Стоит, однако, обратить внимание, что ряд именовании обожествленного в Фаюме Аменемхета III (в том числе его форма Порраманрес, употребленная в гимне Исидора из Мединет Маади) восходят к сочетанию обозначения *pr-ʕ* с модификацией «солнечного» имени этого царя, т.е. в целом к словосочетанию *pr-ʕ m3ʕ-Rʕ* – «фараон Маара» [Widmer, 2002, p. 377]. Именования «Мерис» у Геродота и в традиции Гекатея и Диодора и «Мендес», или «Маррос», встречающееся только в последней традиции, восходят, как считают исследователи, ко второму компоненту этого именовании (см. выше). Можно, однако, представить, что этот царь мог бы быть обозначен и с помощью производной от его первого компонента, которая приняла бы в греческой транскрипции форму «Ферон». Если наше предположение верно, то в труде Геродота мы видим две реплики царей XII династии с личным именем «Аменемхет» – Мериса, с формой имени, образованной от «солнечного» имени Аменемхета III, но соответствующего по своему месту в царской последовательности Аменемхету I, и Ферона, соответствующего в этом смысле Аменемхету III – сыну Сенусерта III/Сесоостриса. В свидетельствах Гекатея и Диодора мы, таким образом, находим целых три подобных реплики – в образах Мериса и сына Сесоосиса Ферона, аналогичных одноименным образам у Геродота, и в еще одной реплике Аменемхета III, представленной строителем Лабиринта Мендесом, или Марросом (*Diod. I.61*). Причины, по которым последний образ был введен в царскую последовательность информаторами Гекатея, как и смысл предшествующих сообщений о царствованиях Амасиса и Актисана (id. 60) требуют специального исследования. Что же касается свидетельства Плиния о Сесо(о)сисе и Ненкоревсе, оно, очевидно, восходит к какой-то самостоятельной по отношению к сведениям Гекатея традиции, воспроизводившей царскую последовательность XII династии более адекватно, причем упоминаемый в ней Ненкоревс/Аменемхет II не совпадает с Фероном/Аменемхетом III в сведениях Геродота и Гекатея и Диодора.

Сенусерту I» (pMillingen I.1—2) [Blümenthal, 1970, S. 103, 110, Anm. B71; Wilke, 2006, S. 49—50] и в «Гимне Нилу» (pChester Beatty V.XIV.3—4; см., с отсылками к литературе: [Plas, 1986, t. 2, p. 153—157]). Недавно К. Рихолт опубликовал фрагмент демотического остракона (около рубежа н.э.) со школьным упражнением, состоявшим в переписывании какой-то из историй о царе Сенусерте (очевидно, близкой к сюжетам, отразившимся у Гекатея и Диодора, в «Романе о Сесонхосисе» и в демотических папирусах римского времени). В нем идет речь о «времени фараона Сесостриса, который был благодетельным царем [во всей земле]...» (o.dem.Leipzig UB 2213, ll. 1—2: *m-s3 n3y hpr w^c [sw n p3 h n pr-^c3 S-]wsr iw.f n nsw mnḥ [n p3 t3 dr.f...]*). Словоупотребление в этом демотическом фрагменте доказывает, что реминисценции данного эпитета Сенусерта I и в самом деле бытовали вплоть до конца эллинизма и начала римского времени. При этом легко заметить, что именование Сенусерта I *nb-r-dr* обнаруживается именно в литературной традиции его времени (характерным образом, в текстах, принадлежащих, по-видимому, его придворному писателю Хети, сыну Дуауфа: [Берлев, 1984, с. 27—29]), в то время как в его официальных эпитетах, зафиксированных эпиграфически, мы его не видим (см., например, уже цитировавшуюся сводку Э. Блюменталь). Литературной, по сути дела, - в рамках корпуса текстов, переписывавшихся в школах, - оказывается и трансляция этого эпитета в греко-римское время. Вкупе с пересечениями текстов античной и демотической традиции и «Рассказа Синухета» это должно убедить нас в том, что одним из главных каналов трансляции сведений о египетском прошлом в Позднее и греко-римское время была именно художественная литература.

Весьма вероятной репликой эпитета Сенусерта I *nb-r-dr* в античной традиции является также неоднократное употребление эпитета «миродержавец» (κοσμοκράτωρ) в «Романе об Александре» в контексте сопоставления македонского царя с древним египетским царем Сесонхосисом (Hist. Alex. Magni, A. I.34.2, et. al.; см. подробное цитирование - настоящую главу, § 6.1). Как мы помним, судя по известному нам сообщению Дикеарха, сам образ Сесонхосиса в традиции кануна эллинизма был сформирован в значительной мере на основе реминисценций о Сенусерте I (см. настоящую главу, § 6.2.2), хотя, разумеется, эпитет *κοσμοκράτωρ* соответствует по своему смыслу презентации в «Романе...» как великого царя-завоевателя египетского прошлого, так и Александра. В недавней статье Кш. Навотки и А. Войчеховской была предпринята попытка проанализировать случаи употребления термина *κοσμοκράτωρ* в древнегреческой традиции в целом. По наблюдению этих исследователей, он фиксируется с IV в. до н.э., и возможным первым случаем его употребления они считают фрагмент Ктесия Книдского в передаче Иоанна Цеца, в случае если эта передача аутентична [Nawotka, Wojciechowska, 2014, p. 145—147]. Цец говорит о «царе ассирийцев Сесострисе»,

которого Диодор именует Сесоосис и который правил ассирийцами и всей землей и именовался «миродержавцем и богом» (ὁ Ἀσσυρίων βασιλεὺς ὁ Σέσωστρις ἐκεῖνος, κατὰ δὲ τὸν Διόδωρον Σεσόωσις τὴν κλήσιν ... καὶ κοσμοκράτωρ καὶ θεὸς ἐκέκλητο τοῖς τότε); далее Цец сообщает об обычае этого царя запрягать в колесницу побежденных правителей и рассказывает в связи с этим морализирующий анекдот (FGrHist. 688. F. 69 = *Tzetz. Chil.* III.83—101). Аутентичность этой передачи Ктесия как раз вызывает сомнения (издатель «Фрагментов греческих историков» Ф. Якоби отнес его к категории *Zweifelhaftes*): в частности, Цец говорит о наличии этих мотивов не только у Ктесия, но и у Геродота, что не соответствует действительности. Вместе с тем в связи с фрагментом Цеца особенно примечательно сообщение Гекатея и Диодора, что для торжественного въезда в святилище или в храм Сесоосис впрягал в свою колесницу вместо четверки лошадей четырех пленных царей (*Diod.* I.58.2)¹³. Попытки обнаружить аналогии этому сообщению в египетских письменных и изобразительных источниках не только безрезультатны [Burton, 1972, p. 177—178], но и совершенно излишни, поскольку самую яркую аналогию ему мы находим в сообщении летописи Ашшурбанипала о том, что после разгрома Элама этот царь впряг в свою колесницу четверых побежденных правителей [Хрестоматия по истории древнего Востока, 1963, с. 244]. Очевидно, что и у Цеца и в традиции Гекатея мы видим ассирийские реминисценции, которые, в их перенесении на великого египетского царя-завоевателя, призваны представить его как создателя ближневосточной межрегиональной государственности (см. также ниже § 6.3.4. и 6.4). Кроме того, Навотка и Войчеховская справедливо обратили внимание на древний титул царей Месопотамии *lugal šu/šar kiš-šat* («царь вселенной»), перешедший в принятый в этом регионе протокол царей I тыс. до н.э. [Nawotka, Wojciechowska, 2014, p. 147]: по своему формальному переводу этот титул весьма близок древнеегипетскому эпитету *nb-r-dr*, однако в отличие от него уже в своем исходном значении обозначает не статус верховного божества, а реальную власть над обширными территориями. Обнаружение сходства между этими обозначениями на этапе раннего эллинизма (в особенности сторонним греческим наблюдателем) могло убедить в том, что и именование Сенусерта I *nb-r-dr* имело также сугубо

¹³ «...когда он намеревался выехать в святилище или в город, то выпрягал из своей четверни четырех коней и вместо них впрягал царей и иных правителей, показывая тем самым, как он полагал, всем, что в битве за доблесть он победил самых лучших и отличающихся смелостью и что не имеет [противника,] могущего сравниться с ним [в отваге]» [Диодор, 2017, с. 12] (ὁπότε δὲ πρὸς ἱερόν ἢ πόλιν προσιέναι μέλλοι, τοὺς ἵππους ἀπὸ τοῦ τεθρίππου λύων ὑπεζεύγνυεν ἀντὶ τούτων κατὰ τέτταρας τοὺς τε βασιλεῖς καὶ τοὺς ἄλλους ἡγεμόνας, ἐνδεικνύμενος, ὡς ᾤετο, πᾶσιν ὅτι τοὺς τῶν ἄλλων κρατίστους καὶ δι' ἀρετὴν ἐπιφανεστάτους καταπολεμήσας εἰς ἄμιλλαν ἀρετῆς οὐκ ἔχει τὸν δυνάμενον συγκριθῆναι).

прагматический характер и свидетельствовало о создании переднеазиатской межрегиональной государственности в глубокой, для конца IV в. до н.э., древности именно египетскими царями.

Наконец, в рассказе Гекатея и Диодора есть менее заметные детали, которые можно возвести к реалиям если не времени Сенусерта I, то, во всяком случае, конца I Переходного периода и начала Среднего царства. Так, еще Ж. Познер справедливо обратил внимание на сообщение о строительстве Сесоосисом стены от Пелусия до Гелиополя через пустыню против набегов из Сирии и Аравии длиной в 1500 стадиев (*Diod. I.57.4*)¹⁴ и на реплицирование в нем строительства знаменитой «Стены властителя» при Аменемхете I (см. «Пророчество Неферти»: pErm. 1116B. 66—67) [Posener, 1956, p. 55]. Вместе с тем стоит вспомнить, что сведения об укреплении Восточной Дельты как об одном из важнейших свершений правителя обнаруживаются еще применительно к деятельности Хети в «Поучении царю Мерикара» (pErm. 1116A. 88—90), причем в контексте подробного описания образа жизни кочевников к востоку от Египта и исходящей от них опасности (*id.* 91—98). Еще одно свидетельство о Сесоосисе, очевидно, восходящее к реминисценциям деятельности Аменемхета I по укреплению египетского государства, приписывает ему разделение страны на 36 номов (*Diod. I.54.3*)¹⁵ [Burton, 1972, p. 167—168; о мерах Аменемхета I по уточнению границ номов и о преобразованиях в системе управления, связанных, в частности, с большей опорой на города, см.: Lloyd, 1992, p. 22; Oxford History, 2000, p. 163]. Примечательно и упоминание Гекатея и Диодора о том, что опорой Сесоосиса в деле организации войска были юноши, воспитывавшиеся, по воле его отца, вместе с ним (*Diod. I.53.2—4*)¹⁶. Описание воспитания

¹⁴ «Направленную к востоку часть Египта он обнес стеною от Пелусия до Гелиополя через пустыню для [защиты] от набегов [народов] Сирии и Аравии длиной в 1500 стадиев» [Диодор, 2017, с. 11] (ἐτείχισε δὲ καὶ τὴν πρὸς ἀνατολὰς νεύουσαν πλευρὰν τῆς Αἰγύπτου πρὸς τὰς ἀπὸ τῆς Συρίας καὶ τῆς Ἀραβίας ἐμβολὰς ἀπὸ Πηλουσίου μέχρι Ἠλιουπόλεως διὰ τῆς ἐρήμου, τὸ μῆκος ἐπὶ σταδίου χιλίου καὶ πεντακοσίου).

¹⁵ «Всю страну он разделил на 36 частей, которые египтяне называют «номами», и поставил на ними номархов, надзирающих за царскими доходами и управляющих всем, что находится на вверенных им частях» [Диодор, 2017, с. 9] (τὴν δὲ χώραν ἄπασαν εἰς ἕξ καὶ τριάκοντα μέρη διελών, ἃ καλοῦσιν Αἰγύπτιοι νομούς, ἐπέστησεν ἅπασιν νομάρχας τοὺς ἐπιμελησομένους τῶν τε προσόδων τῶν βασιλικῶν καὶ διοικήσοντας ἅπαντα τὰ κατὰ τὰς ἰδίας μερίδας).

¹⁶ «Итак, когда Сесоосис родился, его отец сделал нечто величественное и достойное царя: собрав со всего Египта родившихся в этот день детей и приставив к ним кормилиц и воспитателей, определил детям одно и то же обучение и воспитание, думая, что именно те, кто вместе воспитан и состоит в тесных отношениях, будут самыми преданными и лучшими бойцами в войнах. Снабдив (их) всем необходимым, он укреплял детей постоянными трудными упражнениями в гимназиях: так, никому из них не позволено было получать пищу, если он прежде не пробежал сто восемьдесят стадиев. Поэтому-то, возмужав, они делались бойцами, сильными телом, а душой — способными руководить и выносливыми благодаря полученной закалке» [Диодор, 2017, с. 8] (γεννηθέντος γὰρ τοῦ Σεσοώσιος ἐποίησεν ὁ πατὴρ αὐτοῦ μεγαλοπρεπές τι καὶ βασιλικόν· τοὺς γὰρ κατὰ τὴν αὐτὴν ἡμέραν γεννηθέντας παῖδας ἐξ ὅλης τῆς Αἰγύπτου συναγαγὼν καὶ τροφούς καὶ τοὺς ἐπιμελησομένους ἐπιστήσας τὴν αὐτὴν ἀγωγὴν καὶ παιδείαν ὥρισε τοῖς πᾶσιν, ὑπολαμβάνων τοὺς μάλιστα

будущего царя – это мотив, который характерен для древнегреческой традиции морализирующих царских псевдобιογραφий начиная с «Киропедии», и он обнаруживается и в эллинистическое время в «Романе об Александре», «Романе о Нине» и «Романе о Сесонхосисе» [Ancient Greek Novels, 1995, p. 249—250]; однако прямых аналогий именно этому свидетельству Гекатея и Диодора в античной традиции, кажется, нет [Burton, 1972, p. 165]. Между тем все то же «Поучение царю Мерикара», как известно, подчеркивает роль сверстников царя, начинавших вместе с ним военную карьеру, в упрочении его власти (pErm. 1116A. 59—61); кроме того, автор этого текста исходил из наличия между царем и теми, кто вместе с ним воспитывался, личной связи настолько прочной, что она даже препятствовала их казни за установленное преступление (id. 50—51). Может быть, заключение о том, что в сведениях Гекатея и Диодора о Сесоосисе сказались реминисценции не только начала XII династии, но и более раннего, еще гераклеопольского времени (как в свидетельстве о переносе столицы в Мемфис Ухоревсом) и заходит слишком далеко. Но так или иначе, эти детали, параллели которым обнаруживаются в литературно-публицистических произведениях, как кажется, подтверждают наше мнение о передаче данных сведений вплоть до времени информаторов Гекатея прежде всего через литературную традицию.

Таким образом, можно сказать, что, хотя сведения Гекатея и Диодора о царе Сесоосисе и вбирают в себя большой блок информации о его войнах, в котором преобразуются реалии Среднего и Нового царства, однако своего рода «рамка», структурирующая рассказ об этом персонаже, во многом сконструирована из реалий времени Сенусерта I (включая конкретные особенности его биографии в своеобразном новеллистическом изложении). По-видимому, основанием для слияния образов Сенусерта I и Сенусерта III стали прочные реминисценции о значимых войнах первого из них (хотя, как показывают сообщения Гекатея и Диодора о войнах Сесоосиса в Ливии и Аравии и их аналоги в «Романе о Сесонхосисе», представление об оборонительном характере этих войн не размылось даже при длительном бытовании традиции) и о его миродержавии (возможно, действительно на основе неверного толкования эпитета Сенусерта I *nb-r-dr*).

συντραφέντας καὶ τῆς αὐτῆς παρρησίας κεκοινωνηκότας εὐνουστάτους καὶ συναγωνιστὰς ἐν τοῖς πολέμοις ἀρίστους ἔσεσθαι. πάντα δὲ δαψιλῶς χορηγήσας διεπόνησε τοὺς παῖδας ἐν γυμνασίοις συνεχέσι καὶ πόνοις· οὐδενὶ γὰρ αὐτῶν ἐξῆν προσενέγκασθαι τροφήν, εἰ μὴ πρότερον δράμοι σταδίους ἑκατὸν καὶ ὀγδοήκοντα. διὸ καὶ πάντες ἀνδρωθέντες ὑπῆρξαν ἀθληταὶ μὲν τοῖς σώμασιν εὖρωστοι, ἡγεμονικοὶ δὲ καὶ καρτερικοὶ ταῖς ψυχαῖς διὰ τὴν τῶν ἀρίστων ἐπιτηδευμάτων ἀγωγὴν).

6.3.4. Сведения Гекатея Абдерского/Диодора Сицилийского о царе Сесоосисе: реминисценции войн Среднего и Нового царства и преобразований начала ливийского времени

Еще один аспект образа Сесоосиса в свидетельствах традиции Гекатея Абдерского/Диодора Сицилийского состоит в том, что этому царю приписаны величайшие военные свершения не только в Эфиопии, Азии и некоторых частях Европы, в частности во Фракии и на Кикладах, но и в Индии, где он якобы в отличие от Александра Македонского сумел перейти через Ганг (*Diod. I.55.1—6*)¹. По мнению исследователей, упоминание в таком контексте Ганга, как и сопоставление Сесоосиса с Александром убеждает, что известный Гекатею и Диодору сюжет оформился уже после завоеваний Александра и содержал в себе элементы идеологической реакции на его завоевания [Ryholt, 2013, p. 61—62]. Гекатей и Диодор приписывают Сесоосису покорение скифов вплоть до реки Танаис (*Diod. I.55.4*) – естественной границы Европы и Азии; ранее, в свидетельствах Геродота о Сесострисе, граница этих частей света по Фасису разделяла владения египетского царя в Азии и Скифию, в которую он совершил успешное вторжение (*Hdt. II.103*; ср. *id. IV.45*; см. настоящую главу, § 6.2.1) [Иванчик, 1999, с. 26; 2005, с. 212]. В отличие от Геродота, у которого образ Сесостриса

¹ «Приготовив войско, он напал сперва на эфиопов, обитающих на юге: покорив их, он заставил [этот] народ платить дань эбеновым деревом, золотом и слоновой костью. Затем он отправил в Красное море флот из 400 кораблей, первым из египтян построив большие суда, и захватил тамошние острова и части материка вплоть до Индии, а сам с войском, пройдя посуху, завоевал всю Азию. Он захватил не только земли, оставшиеся после Александра Македонского, но также и области тех народов, к которым последний даже и не вторгался: (а именно) он перешел реку Ганг и захватил всю индийскую землю вплоть до Океана, а (землю) скифского народа – вплоть до реки Танаис, отделяющей Европу от Азии; говорят, что оставшиеся у Меотиды египтяне (позднее) положили начало племени колхов... Подобным же образом он подчинил и остальную Азию и большую часть Кикладских островов. Однако когда он перебрался в Европу и прошел всю Фракию, возникла опасность для войска из-за отсутствия пищи и труднопроходимой местности; поэтому пределы своему походу он положил во Фракии, установив многочисленные стелы в завоеванных им областях» (пер. А.Г. Алексаняна по: [Диодор, 2017, с. 10—11]; *κατασκευάσας δὲ τὴν δύναμιν ἐστράτευσεν ἐπὶ πρῶτους Αἰθίοπας τοὺς πρὸς τῇ μεσημβρίᾳ κατοικοῦντας, καὶ καταπολεμήσας ἠνάγκασε τὸ ἔθνος φόρους τελεῖν ἔβενον καὶ χρυσὸν καὶ τῶν ἐλεφάντων τοὺς ὀδόντας. ἔπειτ' εἰς μὲν τὴν Ἐρυθρὰν θάλατταν ἀπέστειλε στόλον νεῶν τετρακοσίων, πρῶτος τῶν ἐγχωρίων μακρὰ σκάφη ναυπηγησάμενος, καὶ τὰς τε νήσους τὰς ἐν τοῖς τόποις κατεκτήσατο καὶ τῆς ἠπείρου τὰ παρὰ θάλατταν μέρη κατεστρέψατο μέχρι τῆς Ἰνδικῆς· αὐτὸς δὲ μετὰ τῆς δυνάμεως πεζῇ τὴν πορείαν ποιησάμενος κατεστρέψατο πᾶσαν τὴν Ἀσίαν. οὐ μόνον γὰρ τὴν ὑστερον ὑπ' Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνοιο κατακτηθεῖσαν χώραν ἐπῆλθεν, ἀλλὰ καὶ τινὰ τῶν ἐθνῶν ὧν ἐκεῖνος οὐ παρέβαλεν εἰς τὴν χώραν. καὶ γὰρ τὸν Γάγγην ποταμὸν διέβη καὶ τὴν Ἰνδικὴν ἐπῆλθε πᾶσαν ἕως ὠκεανοῦ καὶ τὰ τῶν Σκυθῶν ἔθνη μέχρι Τανάιδος ποταμοῦ τοῦ διορίζοντος τὴν Εὐρώπην ἀπὸ τῆς Ἀσίας· ὅτε δὴ φασὶ τῶν Αἰγυπτίων τινὰς καταλειφθέντας περὶ τὴν Μαιῶτιν λίμνην συστήσασθαι τὸ τῶν Κόλχων ἔθνος. ὁμοίως δὲ καὶ τὴν λοιπὴν Ἀσίαν ἅπασαν ὑπήκοον ἐποίησατο καὶ τῶν Κυκλάδων νήσων τὰς πλείους. διαβάς δ' εἰς τὴν Εὐρώπην καὶ διεξιὼν ἅπασαν τὴν Θράκην ἐκινδύνευσεν ἀποβαλεῖν τὴν δύναμιν διὰ σπᾶνιν τροφῆς καὶ τόπων δυσχωρίας. διόπερ ὄρια τῆς στρατείας ποιησάμενος ἐν τῇ Θράκῃ, στήλας κατεσκεύασεν ἐν πολλοῖς τόποις τῶν ὑπ' αὐτοῦ κατακτηθέντων).*

поглощает все без исключения реминисценции о войнах Египта во II тыс. до н.э., Гекатей и Диодор говорят также о войнах Осимандия против «бактрийцев» (*Diod. I.47.6*: несомненные реминисценции противостояния Египта и хеттов при Рамсесе II, см. § 6.3.3) [Burton, 1972, p. 150]; однако, как уже говорилось, Осимандий отнесен к последовательности фиванских царей Египта, которую мы сочли искусственной и тенденциозной интерполяцией информаторов Гекатея (см. там же). Можно сказать, что в последовательности мемфисских царей, гораздо более соответствующей историческим реалиям Египта II тыс. до н.э., Сесоосис – единственный царь-воитель. Соответственно, его образ можно считать соединением реминисценций о Сенусерте III и об экспансии Нового царства, как и образ Сесостриса у Геродота (см. настоящую главу, § 6.2.1 настоящей работы).

При этом Гекатей и Диодор сообщают о военной деятельности Сесоосиса ряд сведений, отсутствующих у Геродота² и не вызывающих ассоциаций с реалиями Среднего и Нового царств. Примечательно описание организации им своих внешних владений: царь наложил на подчиненные народы сообразную с их ресурсами регулярную дань, приносил храмам дары из военной добычи, вознаграждал воинов за их подвиги и приводил в страну множество пленных, освободивших египтян от тяжелого труда³. В описании этой системы легко увидеть аналогию с преобразованиями Дария I, сформировавшими институты надрегиональной переднеазиатской державы [Briant, 1996, p. 402—405]⁴, в силу чего создание этих институтов впервые в истории оказывается приписано именно египетскому царю. Явлением того же порядка следует считать и

² А.И. Иванчик показал, что в свидетельствах Гекатея и Диодора о Сесоосисе отразились данные египетских информаторов, очевидно, неизвестные Геродоту [Иванчик, 1999, с. 8, 11—12, 16—17; 2005, с. 193, 196, 198, 202—203].

³ «Мягко относясь к покоренным и через девять лет завершив свой поход, он повелел (покоренным) народам по мере возможности приносить ежегодную дань в Египет, а сам, собрав несметное множество пленников и прочей добычи, отбыл на родину, превзойдя (таким образом) подвиги своих предшественников. Все египетские храмы он украсил ценнейшими дарами и снятыми с вражеских воинов доспехами, а наиболее отличившихся из своих солдат он почтил по достоинству подарками. ...Итак, прежде всего он начал с богов, построив во всех городах Египта святилище наиболее почитаемому всеми божеству. К работе над ними он не привлек ни одного египтянина, все было построено только силами пленников: по этой-то причине в храмах содержались надписи, что ни один местный житель не мучился при их постройке» [Диодор, 2017, с. 10] (*Diod. I.55.10—12*: ἐπιεικῶς δὲ προσηνεχθεὶς ἅπασιν τοῖς ὑποτεταγμένοις καὶ συντελέσας τὴν στρατείαν ἐν ἔτεσιν ἐννέα, τοῖς μὲν ἔθνεσι κατὰ δύναμιν προσέταξε δωροφορεῖν κατ' ἐνιαυτὸν εἰς Αἴγυπτον, αὐτὸς δ' ἀθροίσας αἰχμαλώτων τε καὶ τῶν ἄλλων λαφύρων πλῆθος ἀνυπέρβλητον ἐπανῆλθεν εἰς τὴν πατρίδα, μεγίστας πράξεις τῶν πρὸ αὐτοῦ κατεργασμένος. καὶ τὰ μὲν ἱερὰ πάντα τὰ κατ' Αἴγυπτον ἀναθήμασιν ἀξιολόγοις καὶ σκύλοις ἐκόσμησε, τῶν δὲ στρατιωτῶν τοὺς ἀνδραγαθήσαντας δωρεαῖς κατὰ τὴν ἀξίαν ἐτίμησε; id. 56.2: πρῶτον μὲν γὰρ ἀπὸ θεῶν ἀρξάμενος ᾠκοδόμησεν ἐν πάσαις ταῖς κατ' Αἴγυπτον πόλεσιν ἱερὸν θεοῦ τοῦ μάλιστα παρ' ἐκάστοις τιμωμένου. πρὸς δὲ τὰς ἐργασίας τῶν μὲν Αἰγυπτίων οὐδένα παρέλαβε, δι' αὐτῶν δὲ τῶν αἰχμαλώτων ἅπαντα κατεσκεύασε· διόπερ ἐπὶ πᾶσι τοῖς ἱεροῖς ἐπέγραψεν ὡς οὐδεὶς ἐγχώριος εἰς αὐτὰ μεμόχθηκε).

⁴ Так, в упоминании о дифференцированной раскладке дани на покоренные народы очевидна аллюзия на сбор дани с сатрапий державы Ахеменидов (*Hdt. III.90*).

перенесение имени «Сесострис» на «царя ассирийцев», «миродержавца и бога» Сесостриса в свидетельстве Иоанна Цеца и совпадающий с ним рассказ собственно традиции Гекатея и Диодора об обычае Сесоосиса впрягать в свою колесницу для торжественного въезда пленных царей, который отражает реминисценции ассирийского времени (см. выше настоящую главу, § 6.3.3). В то же время указанная Гекатеем и Диодором важнейшая цель эксплуатации чужеземных стран – обеспечение культов богов в самом Египте – выглядит, напротив, очень «по-египетски», согласуясь с ритуалистическим характером египетской царской власти и с фиксацией в памятниках многочисленных дарений завоевателей эпохи Нового царства храмам из военной добычи.

Согласно еще одному свидетельству Гекатея и Диодора о военных свершениях Сесоосиса, он, став царем, якобы отобрал сильнейших из своих подданных, чтобы составить из них войско (*Diod. I.54.4*), сделал своих сверстников его начальниками и при этом распределил среди них землю, чтобы составить из них специальный класс воинов-землевладельцев⁵. Данное сообщение Гекатея и Диодора представляется особенно значимым: с одной стороны, оно вроде бы соотносится с сообщением Геродота о том, что Сесострис в свое время провел в Египте уравнильное распределение земли с раскладкой податей на получивших участки египтян (*Hdt. II.109*); однако Геродот не говорил ничего о военной специфике этого мероприятия. Напротив, у Гекатея и Диодора имеется подробный рассказ о классе οἱ μάχιμοι, владевших третью земли Египта и обязанных исполнять военную службу (*Diod. I.73.7*), причем создание законов относительно этого класса напрямую приписывается Сесоосису в сообщении о нем, как о третьем величайшем законодателе среди царей Египта⁶. О классе профессиональных воинов, делящихся на группы т.н. каласириев и гермотибиев, писал и Геродот (*Hdt. II.164—165*); вместе с тем современным египтологам понятно, что наличие такого социального слоя воинов, наделенных землей, – это примета исключительно Позднего времени в Египте [Lloyd, 1983,

⁵ «Для управления воинскими подразделениями он назначил своих совоспитанников, уже закаленных в битвах, с детства взыскующих доблести и испытывающих братскую преданность как к царю, так и друг к другу; было их больше 1700. Всем им он распределил лучшую часть земли, дабы они, имея достойный доход и ни в чем не нуждаясь, упражнялись бы в воинском искусстве» [Диодор, 2017, с. 9] (*Diod. I.54.5—6*: ἐπὶ δὲ τὰς κατὰ μέρος ἡγεμονίας τῶν στρατιωτῶν ἔταξε τοὺς συντρόφους, ἐνηθληκότας μὲν ἤδη τοῖς πολέμοις, ἀρετὴν δ' ἐζηλωκότας ἐκ παίδων, εὐνοίαν δὲ ἀδελφικὴν ἔχοντας πρὸς τε τὸν βασιλέα καὶ πρὸς ἀλλήλους, ὄντας τὸν ἀριθμὸν πλείους τῶν χιλίων καὶ ἐπτακοσίων. πᾶσι δὲ τοῖς προειρημένοις κατεκληρούχησε τὴν ἀρίστην τῆς χώρας, ὅπως ἔχοντες ἱκανὰς προσόδους καὶ μηδεὶς ἐνδεεῖς ὄντες ἀσκῶσι τὰ περὶ τοὺς πολέμους).

⁶ «Третий, как они говорят, царь Сесоосис не только превзошел выдающимися воинскими подвигами (прочих) египетских (царей), но и установил закон о воинском сословии и привел в порядок все, что связано с войском» [Диодор, 2017, с. 44] (*Diod. I.94.4*: τρίτον δὲ λέγουσι Σεσόωσιν τὸν βασιλέα μὴ μόνον τὰς πολεμικὰς πράξεις ἐπιφανεστάτας κατεργάσασθαι τῶν κατ' Αἴγυπτον, ἀλλὰ καὶ περὶ τὸ μάχιμον ἔθνος νομοθεσίαν συστήσασθαι, καὶ τὰ ἀκόλουθα τὰ περὶ τὴν στρατείαν σύμπαντα διακοσμήσαι).

р. 309—310]. В этническом отношении этот класс египетского общества был ливийским. Ливийцы – наемники и военнопленные, принужденные служить в египетской армии, – широко расселились в северной части Египта еще во второй половине Нового царства; а когда в начале III Переходного периода к их военным предводителям перешла политическая власть, они стали основой возникшей при этом новой государственности и ее главной вооруженной силой (см., с подробными отсылками к источникам и литературе: [Vittmann, 2003, S. 1—11]). Тем самым распределение земли между представителями этого военного класса никоим образом нельзя считать единовременным событием: в исторической реальности оно, конечно, осуществлялось в процессе ливийского расселения в Египте на протяжении нескольких веков. Однако для позднеегипетской историографии, на которую опирались Гекатей и опосредованно от него Диодор, было естественно связать конституирование этого военного класса с царем, который стал основоположником самой знаменитой ливийской династии и фактическим создателем ливийской государственности в Египте.

Исторически таким царем должен был считаться основатель XXII династии Шешонк I⁷; и в таком случае привязку сложения данной системы к реминисценциям о нем мы, видимо, и должны усмотреть в сообщениях Гекатея и Диодора о создании Сесоосисом класса воинов-землевладельцев⁸. В связи с этим стоит учесть и следующее: как мы говорили (см. настоящую главу, § 6.3.3), Гекатей и Диодор относят Сесоосиса к третьей по счету, мемфисской последовательности царей Египта. По своему составу она в значительной степени воспроизводит подлинную династическую последовательность II тыс. до н.э., но до нее Гекатей и Диодор интерполируют еще одну, фиванскую, царскую последовательность. Мы говорили о том, что, хотя историчность ей призвано сообщить отнесение к ней весьма значимого царствования Осимандия, она оказывается чисто фантомной. Однако само выделение в

⁷ Существует мнение, что ливийской была уже XXI династия, правившая в Танисе непосредственно после падения Нового царства (см. главу 1, § 1.1.1); однако очевидно, что та система ливийских царских домов, которая существовала в Египте в X—VIII вв. до н.э., восходит именно к Шешонку I.

⁸ Эд. Мейер обратил в свое время внимание на то, что в христианском полемическом произведении Иустина Мученика (II в. н.э.) при воспроизведении сообщения Гекатея и Диодора о великих законодателях Египта (*Iust. Mart. Coh. ad gent. I.9*; ср. *Diod. I.94—95*) третий из них – создатель законов о военном сословии (см. выше и наше прим. 6) – именуется не «Сесоосис», а «Сесонхосис»; по мнению крупнейшего в начале XX в. историка древности, Иустин привел верную форму данного имени, прямо указывающую на реформаторскую деятельность Шешонка, в то время как у Диодора она искажена [Meuser, 1913, S. 137]. Такое допущение представляется нам чрезмерным: принимая его, пришлось бы считать, что Иустин пользовался каким-то иным, в определенном смысле более достоверным, чем Диодор, первоисточником, из которого и почерпнул сведения о египетских царях-законодателях. Однако взгляд на сообщение Иустина не оставляет никаких сомнений, что он воспроизводит в сокращении сообщение Диодора, которое должен был заимствовать если не из I книги «Исторической библиотеки», то, во всяком случае, из ее прототипа – труда Гекатея Абдерского (см. ниже наше замечание о том, что именование этого царя должно было быть одинаковым у обоих этих авторов). В таком случае, скорее Иустин просто назвал данного царя более известной или более правильной, по его мнению, формой имени, которая должна была относиться к тому же самому правителю.

египетской истории трех последовательностей царей: первой, открывающейся царствованием Менеса и не имеющей локальной привязки, второй, фиванской (по существу, к ней можно отнести и ряд царей, которых называют фиванскими сами Гекатей и Диодор, и предшествующих ему восемь царей от первого до второго Бусириса), и третьей, мемфисской – соотносится и с историческими циклами трех «томосов» труда Манефона, и с реальными этапами древнеегипетской истории (см. о размещении столицы Египта, царской резиденции и некрополей в III-I тыс. до н.э. в связи с сообщением «Стелы сатрапа» о переносе столицы в Александрию, главу 2, § 2.4.2). Если рассматривать третью, мемфисскую последовательность царей у Гекатея и Диодора как своего рода аналог Позднего времени по ее позиции в представленной ими структуре египетской истории (понятно, что не по составу отнесенных к ней правителей!), то царствование Сесоосиса, находящееся относительно близко к ее началу, действительно, можно соотносить с царствованием Шешонка I, занимавшим примерно то же место в начале египетского Позднего времени и в структуре цикла третьего «томоса» Манефона (см. главу 1, § 1.3.2).

Подводя теперь некоторый итог в целом сказанному о свидетельствах традиции Гекатея и Диодора о Сесоосисе (см. выше § 6.3.3, а также настоящий раздел), мы можем констатировать, что они основаны как на комплексе реминисценций египетских завоеваний II тыс. до н.э. В свое время они породили образ Сесоостриса у Геродота, а в данном случае были дополнены некоторыми неизвестными ему мотивами, а также опознаваемыми достаточно уверенно реминисценциями царствований Сенусерта I и Шешонка I. При этом если сведения о войнах Сесоосиса в целом соотносятся с рассказом Геродота о Сесоострисе, исторической первоосновой которого были реминисценции времени Сенусерта III, а месту последнего в ряду египетских царей соответствует место, отведенное Гекатеем и Диодором Сесоосису, то, как мы говорили, «рамкой» рассказа о его делах служат реминисценции времени Сенусерта I (см. настоящую главу, § 6.3.3). Вполне посильно объяснить, почему подобной «рамки» мы не обнаруживаем в сведениях Геродота о Сесоострисе, сводящимся, по сути дела, к военным реминисценциям в чистом виде. Вполне вероятно, что акцент в египетской официальной пропаганде на мотивах, связанных с Сенусертом I, который смог повлиять на греческую традицию (в частности, в плане проникновения в нее сведений о его устроительской деятельности), начался лишь спустя несколько десятилетий после Геродота, при Нектанебе I, в связи с вероятным восприятием его идеологией устроительских мотивов начала XII династии (см. § 6.2.3). При этом реминисценции, связанные как с Сенусертом I, так и с Сенусертом III в свидетельствах Гекатея и Диодора, отражают по преимуществу военные свершения этих царей. Аспект устроительства в образе Сесоосиса намечен несравненно слабее, чем его свершения

завоевателя, и, будучи выражен в сведениях об организации им своих внешних владений и египетского военного сословия, также имеет характерную военную специфику.

Подобная «расстановка акцентов» в образе Сесоосиса существенно отличает его от образа Сесонхосиса в известном нам сообщении Дикеарха Мессенского (см. настоящую главу, § 6.2.2): хотя последователь Аристотеля и говорит о завоеваниях этого царя, все же очевидно, что аспект устроителя в его образе в данном сообщении несравненно более важен и актуален. Очевидным образом различается и то место, которое отведено в последовательности исторических событий времени Сесонхосиса у Дикеарха и Сесоосиса в традиции Гекатея и Диодора: в первом случае великий завоеватель и устроитель является непосредственным преемником царей-богов, а во втором – лишь значимой фигурой в начале последнего большого цикла египетской истории. Наконец, различаются между собой сами формы имени «Сесонхосис» и «Сесоосис», причем, хотя в греческой транскрипции разница между ними невелика и сводится к наличию или отсутствию согласных $\gamma\chi^9$, египтологи все же склонны считать второе из них грецизацией не имени «Шешонк», а имени «Сенусерт» в том звучании, которое оно должно было приобрести к началу эллинистического времени [Malaise, 1966, p. 247—249; Burstein, 1992, p. 48; ср.: Иванчик, 1999, с. 15; 2005, с. 202]. Различие между прямыми производными от имени «Шешонк» («Сесонхосис» и «Сесонхис») и именем «Сесоосис» тем более очевидно, что они примерно в равной степени и достаточно синхронно засвидетельствованы в ономастике греко-римского Египта (PP, s.v. Sesongosis, Sesonchis, Sesoosis). Выбор одного из этих имен для обозначения царя египетского прошлого в историческом тексте мог быть только осознанным и целенаправленным, и при этом, скорее всего, был сделан уже Гекатеем Абдерским: трудно представить себе мотивы, по которым Диодор мог модифицировать ту форму имени, которую обнаружил в своем первоисточнике. В конечном счете различия между образами Сесоосиса у Гекатея и Диодора и Сесонхосиса у Дикеарха таковы, что не позволяют возвести соответствующие свидетельства к единому первоисточнику.

По-видимому, в позднеегипетской историографии присутствовали реминисценции деятельности двух царей, игравших роль великих завоевателей и устроителей одновременно, – исторических Сенусерта I и Шешонка I. При этом, в достаточно четком соответствии

---

⁹ Возможность того, что второе из этих двух имен представляет собой фонетическую трансформацию первого приходится, очевидно, отклонить. Выпадение носового звука в последовательности согласных $\gamma\chi$ – явление, засвидетельствованное в папирусах римского и византийского времени [Gignac, 1975, p. 116]. Однако, во-первых, подобная трансформация имени «Сесонхосис» в любом случае должна была бы произойти на гораздо более раннем этапе; во-вторых, и в этих текстах выпадение также и χ фиксируется только если сочетание согласных $\gamma\chi$ находится перед или после другой согласной, а не в интервокальной позиции [Gignac, 1975, p. 98].

исторической реальности, в первом образе аспект устроителя должен был преобладать [Берлев, 1984, с. 34], а во втором оба аспекта были равнозначны либо преобладал как раз аспект завоевателя. Нам неизвестны сколько-нибудь подробные нарративные свидетельства, которые сохранили бы эти образы в таком виде на их «правильном» месте в хронологии Египта. Однако в силу редукционистской тенденции, свойственной видению прошлого египтянами I тыс. до н.э. (см. наши замечания о закономерностях традиции, воспроизведенной Манефоном, и о генезисе образа Сесостриса у Геродота в главе 1, § 1.3.2. и в настоящей главе, § 6.2.1), эти образы должны были контаминироваться как друг с другом (на основании очевидного сходства их составляющих), так и с другими реминисценциями о крупнейших фигурах истории Египта (прежде всего, с образом крупнейшего завоевателя, проявившимся как раз в сведениях Геродота о Сесострисе). В свидетельствах Дикеарха о Сесонхосисе и Гекатея и Диодора о Сесоосисе мы наблюдаем два варианта такой контаминации, причем как раз сообщения традиции Гекатея ценны предоставляемой ими возможностью понять, как в реминисценциях деятельности Шешонка I наряду с военным был выявлен также устроительский аспект. По-видимому, это и сделало возможным перенесение дериватива имени данного царя на комплексный образ завоевателя и устроителя в сообщении Дикеарха.

Что же касается времени проникновения этих контаминированных образов в древнегреческую традицию, в этой связи можно отметить два, на наш взгляд, неслучайных момента. Во-первых, появление произведений Дикеарха Мессенского и Гекатея Абдерского приблизительно совпадает по времени, приходясь на конец IV в. до н.э. (весьма вероятно, на его предпоследнее десятилетие). Во-вторых, в обоих этих произведениях формы имени древнего египетского царя корректируются по сравнению с его вариантом «Сесострис», наиболее известным в древнегреческой традиции со времени Геродота и использованным еще Аристотелем. Как мы уже отмечали (настоящую главу, § 6.2.2), в этой корректировке можно усмотреть признак наступления нового этапа более основательного знакомства представителей греческого мира с традицией Египта, наступившего уже после македонского завоевания этой страны. В таком случае именно на этом этапе и должно было произойти восприятие греками египетских мотивов, зафиксированных Дикеархом и Гекатеем.

6.4. *От Сесонхосиса к Александру: «единый цикл» истории Египта в традиции кануна и начала эллинистического времени*

После проведенного нами изучения свидетельств античной традиции о великом египетском царе – завоевателе и устройтеле – и обсуждения их египетской первоосновы мы можем вновь обратиться к уподоблению этому царю Александра как «возрожденного Сесонхосиса», которое присутствует во фрагментах «Романа об Александре» (см. выше настоящую главу, § 6.1). Очевидно, что сопоставление Александра с Сесонхосисом в раннеэллинистической традиции, послужившей основой соответствующих сюжетов «Романа...», отталкивается от представлений о завоеваниях этого царя и создании им системы миродержавия и, стало быть, не от реминисценций исторического Сенусерта I – Сесонхосиса Манефона (см. главу 1, § 1.3.2, настоящую главу, § 6.3.1), – а от синтетического образа царя глубокой древности – завоевателя и устройства, – который знал Дикеарх. При этом если свидетельство Дикеарха дает нам представление о начальной точке данной схемы истории Египта, то во фрагментах «Романа об Александре» явно реализовался ее «финал», вернее, важнейший рубеж, за которым открывался принципиально новый этап жизни страны под властью Александра и его преемников. Имеется ли в нашем распоряжении какая-то возможность представить себе, что, согласно данной схеме, должно было заполнять большой исторический интервал между царствованиями Сесонхосиса и Александра?

В сообщении Дикеарха (см. его подробное цитирование по спискам L и P схолиев к Аполлонию Родосскому в настоящей главе, § 6.2.2) приведена точная продолжительность этого интервала: «прошло от Сесонхосиса до царствования Нила 2500 лет, <от царствования Нила до взятия Илиона 7 лет,> от взятия же Илиона до первой олимпиады 436 лет, всего 2943». В приведенной хронологической выкладке согласно L было выпущено семь лет, что первоиздатель данного списка Г. Кайль восполнил в конъектуре [Keil 1854, 497; ср. Wendel 1935, 278]. В P соответствующее исправление в суммирующую цифру ввел сам переписчик этого списка или какого-то из его протографов: «А Дикеарх в первой (книге) говорит, что первым царем после (сына) Осириса и Исиды Гора был Сесострис: так что прошло после царствования Сесостриса до (царствования) Нила 2500 лет, от царствования Нила до первой олимпиады 436 лет, так что все вместе составляет (букв. “есть”) 2936 лет». Суть дела от этого расхождения между списками меняется мало; однако в первую очередь приходится оценить те цифры, которые в них совпадают. Время за 436 лет до первой Олимпиады (776/5 г. до н.э.) [Бикерман, 1975, с. 80] – это 1212/1 г. до н.э., причем еще издатель *Fragmenta historicorum Graecorum* К. Мюллер (FHG II.237, ср. 565) и, вслед за ним, издатель схолиев к

Аполлонию Родосскому К. Вендель [Wendel, 1935, p. 278] сопоставили «Нила» в рассматриваемом фрагменте на основании сообщения Эратосфена Киренского о царствовании «Туоро, или Нила» (FGrHist. 610. F. 1: Θηβαίων Ἀζ' ἐβασίλευσε Θουορῶ ἦτοι Νεῖλος ἔτη ιθ') с Туорисом, завершающим XIX династию Манефона также с 7 годами правления (Manetho, frgg. 55—56a: Θούωρις; frg. 56b: *Thuoris*). Как уже говорилось (см. главу 1, § 1.3.2), этот царь в списке Манефона соответствует последней представительнице XIX династии Таусерт (последнее десятилетие XIII в. до н.э.), а свидетельство Манефона, что именно в «его»/ее правление была взята Троя, достоверно [Сафронов, 2005, с. 13—14]. В свете этого знаменательно близкое совпадение даты, названной Дикеархом, с реальным временем больших этнических перемещений в Средиземноморье в конце XIII – начале XII вв. до н.э. - миграций «народов моря», частью которых была Троянская война. Выделение времени Нила/Туориса/Таусерт у Дикеарха в особый «подпериод» египетской истории весьма симптоматично. Оно соответствует представлениям египтян I тыс. до н.э. о рубеже между XIX и XX династиями как о разграничителе между двумя большими историческими эпохами – великой древностью II тыс. до н.э. и их «современностью» Позднего времени (см. о рубеже между циклами второго и третьего томов Манефона главу 1, § 1.3.2), - а также восприятию царствования Таусерт (вернее, поглощенного им финала XIX династии, включавшего также и царствование Саптаха; см. там же) как времени скверны и нелегитимного правления [Сафронов, 2005, с. 14], не причисляемого ни к одной из разделяемых им больших эпох. Подобное значение данного фрагмента схолиев не только подтверждает обоснованность давней конъектуры Г. Кайля, но и показывает наличие неожиданно мощной рецепции египетской традиции в основе, казалось бы, чисто хронографического сообщения Дикеарха.

Что же касается срока в 2500 лет, то, в отличие от 436-летнего и 7-летнего, он выглядит округленным и менее конкретным. Мы видели, однако, что царствование «Нила» согласно Дикеарху полностью соответствует продолжительности царствования Туориса у Манефона; при этом Туорис Манефона – последний царь его XIX династии, а Сесонхосис Манефона, т.е. исторический Сенусерт I, – первый царь XII династии. По сути дела, эти персонажи обозначают границы того цикла в истории Египта, которому посвящен второй томос труда Манефона, охватывающий XII—XIX династии (см. выше главу 1, § 1.3.2). Соотнеся именованная «Сесонхосис» у Дикеарха и в труде Манефона, можно было бы сказать, что 2500-летняя продолжительность приписана фактически этому второму, согласно Манефону, циклу истории Египта, который у Дикеарха по неким основаниям смещен к самому ее началу. При этом сумма лет царствований XII—XIX династий оценивается Манефоном в 2121 год (*Manetho*. Frgg. 55, 56), что в принципе сопоставимо со сроком в 2500 лет. Если же принять во внимание разницу в

продолжительностях правлений династий второго томоса (в особенности соответствующих историческому II Переходного периода) в разных изводах труда Манефона, то расхождение между этой суммой и 2500-летним сроком Дикеарха сократится едва ли не до исчезновения¹! Думается, что такая интерпретация этого срока более надежна, чем обращение к зороастрийским представлениям о космических циклах, предложенное А.И. Иванчиком [Иванчик, 1999, с. 14; 2005, с. 200].

Вместе с тем цифры, схожие с теми, что приведены в сообщении Дикеарха, мы видим в еще одной исторической схеме, начальной точкой которой является время великого царя египетской древности. Анализируя античные свидетельства о войне этого царя со скифами, А.И. Иванчик выделил в них традицию о поражении ими египтян («проскифскую»), представленную поздними известиями Юстина и Иордана, которые восходят (в случае с Иорданом независимо от Юстина, через посредство Кассиодора) к Помпею Трогу (*Iust.* II.3.8—18; *Iord. Get.* 6) [Иванчик, 1999, с. 22—23; 2005, с. 208—209]. Согласно этим известиям, после победы над египетским царем Везосисом (*Iust.*: *Veosis*; *Iord.*: *Vesosis*) и его отступления в пределы своей страны скифы во главе с царем Танавсом (у Юстина это наименование появляется вне данного сюжета: *Iust.* I.1.6: *Tanaus*), или Танавсисом (*Iord.*: *Tanausis* – форма имени, очевидно, аутентичная использованной Трогом, не несущая, в отличие от *Tanaus*, следов латинизации и восходящая к греческому прототипу сообщения Трога) преследовали его до границ Египта². Затем они подчинили себе Азию, оставались там в течение 15 лет и в течение

¹ У христианских хронографов общая сумма лет второго томоса Манефона (Σ) представлена в трех вариантах: (1) Синкелла в передаче Африкана (*Manetho. Frg.* 55: $\Sigma = 2121$), (2) Синкелла в передаче Евсевия (*frg.* 56a: $\Sigma = 1121$), (3) армянской версии Евсевия (*frg.* 56b: $\Sigma = 2121$). Из приведенных цифр Σ вторая – несомненная ошибка при переписке (должно быть не 1121, а, несомненно, 2121, как в первом и третьем случаях); однако все эти суммы отличаются от получающихся при механическом сложении продолжительностей царствований второго томоса, согласно каждой из этих версий хронографов (в таком случае $\Sigma =$ resp. 2222, 2267 или 1967, 2267). Следует учесть, что продолжительность правления XII, XIV и XVIII династий в (1) (*frg.* 34: 160; *frg.* 41a: 184; *frg.* 52: 263) занижена по сравнению с (2) (*frg.* 35: 245; *frg.* 41b: 184 или 484; *frg.* 56a: 348) и (3) (*frg.* 36: 245; *frg.* 41c: 484; *frg.* 53b: 348). В то же время правление «пастухов» (=гиксосов) XV династии по (1) (*frg.* 43: 284) длительнее правлений «диосполитов» той же династии по (2) и (3) (*frgg.* 44a, 44b: 250), «пастухов» XVI династии по (1) (*frg.* 45: 518) – фиванцев той же династии по (2) и (3) (*frgg.* 46a, 46b: 190), «пастухов» XVII династии по (1) (*frg.* 47: 151) – «пастухов и братьев» той же династии по (2) и «пастухов, которые были братьями» по (3) (*frgg.* 48a, 48b: 103), XIX династии по (1) (*frg.* 55: 209) – ее же продолжительности по (2) и (3) (*frgg.* 56a, 56b: 194). XII и XIII династия во всех трех версиях составляют 160 (*frgg.* 34—36) и 453 (*frgg.* 38, 39a—b) лет. Соответственно мы получаем, что (1) дает три, а не одну, как (2) и (3), династии «пастухов»-гиксосов, а разница между суммами правлений XV—XVII династий согласно (1) и согласно (2)-(3), должна составить 410 лет.

² «Первым, кто объявил скифам войну, был египетский царь Везосис. Предварительно он направил к ним послов с требованием покорности. Но скифы, заранее узнав от соседей о приближении царя, ответили послам, что глава столь богатого народа безрассудно начинает войну против нищих, между тем как ему следовало бы скорее опасаться нападения [на свою собственную страну], ведь исход войны сомнителен, победа не принесет выгоды, а ущерб налицо. Поэтому скифы вовсе не намерены ждать, когда враги доберутся до них, и так как они могут получить от врагов гораздо больше, [чем враги от

1500 лет брали с нее дань, пока их не сменил в качестве нового владыки Азии ассириец Нин³; после Нина Азией в течение 1300 лет владели ассирийцы⁴, затем в течение 350 лет мидяне, которых при Кире сменили персы⁵. Сведения, схожие с рассказом Трога и предполагающие победу в далекой древности скифского царя Иданфирса над египетским Сесострисом, присутствуют и во фрагментах «Индики» Мегасфена, очевидно, восходя к какому-то первоисточнику кануна или начала эллинизма⁶. А.И. Иванчик считает, что автором данного

них], то они сами пойдут навстречу добыче. Сказано – сделано. Царь, узнав, что враги приближаются с такой быстротой, бежал, покинув свое войско со всем заготовленным для войны, и в страхе укрылся в своем царстве. Вторжению скифов в Египет помешали болота» (пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского по: [Юстин, 2005, с. 50]; см. латинский текст по: [Epitoma..., 2003]; *Iust.* II.3.8—14: *Primus Scythis bellum indixit Vezosis, rex Aegyptius, missis prius legationibus, qui hostibus parendi legem dicerent. Sed Scythae iam ante de adventu regis a finitimis certiores facti legatis respondent: tam opulenti populi ducem stolide adversus inopes occupasse bellum, quod magis domi fuerit illi timendum, quod belli certamen anceps, praemia victoriae nulla, damna manifesta sint. Igitur non exspectaturos Scythas, dum ad se veniatur, cum tanto sibi plura in hoste concupiscenda sint, utroque praedae ituros obviam. Nec dicta res morata. Quos cum tanta celeritate advenire rex didicisset, in fugam vertitur exercituque cum omni apparatu belli relicto in regnum trepidus se recepit. Scythas ab Aegypto paludes prohibuere*). «И вот, когда готы жили там, ринулся на них войною Весозис, царь египетский; у готов был тогда королем Танаузис. На реке Фазисе, откуда в изобилии происходят фазийские птицы для пиров владык во всем мире, Танаузис, готский король, встретился с Весозисом, царем египетским, и, жестоко его поражая, преследовал До Египта; если бы не воспрепятствовало течение непереходимой реки Нила и укрепления, которые Весозис приказал некогда воздвигнуть для себя по причине набегов эфиопов, то Танаузис прикончил бы его там же, в его стране» (пер. Е.Ч. Скржинской по изданию: [Иордан, 1960, с. 74]; *Iord. Get.* 6: *Hic ergo Gothis morantibus Vezosis, Aegyptiorum rex, in bellum inruit, quibus tunc Tanausis rex erat. Quod proelio ad Phasim fluvium, a quo Fasides aves exortae in totum mundum epulis potentum exuberant, Thanausis Gothorum rex Vesosi Aegyptiorum occurrit, eumque graviter debellans in Aegypto usque persecutus est, et nisi Nili amnis intransmeabilis obstetissent fluenta vel munitiones, quas dudum sibi ob incursiones Aethiopum Vezosis fieri praecepisset, ibi in eius eum patria extinxisset*).

³ «Повернув обратно, скифы покорили Азию, сделали ее своей данницей, но обложили ее умеренной податью, скорее в знак своего владычества над ней, чем в знак вознаграждения за победы. На покорение Азии скифы потратили 15 лет, но были вызваны оттуда по требованию своих жен, которые через посланцев передали им, что если они не возвратятся, то их жены намерены прижить потомство с соседями, но не допустят, чтобы по вине женщин пресекался род скифов. В течение 1500 лет платила Азия дань скифам. Прекратил выплату дани царь ассирийский Нин» [Юстин, 2005, с. 50—51] (*Iust.* II.3.15—18: *Inde reversi Asiam perdomitam vectigalem fecere, modico tributo magis in titulum imperii quam in victoriae praemium inposito. XV annis pacandae Asiae inmorati uxorum flagitatione revocantur, per legatos denuntiantibus, ni redeant, subolem se ex finitimis quaesituras nec passuras, ut in posteritatem Scytharum genus per feminas intercidat. His igitur Asia per mille quingentos annos vectigalis fuit. Pendendi tributum finem Ninus, rex Assyriorum, inposuit*).

⁴ «Ассирияне, которых впоследствии стали называть сирийцами, удерживали власть в своих руках 1300 лет» [Юстин, 2005, с. 41] (*Iust.* I.2.13: *Imperium Assyrii, qui postea Syri dicti sunt, mille trecentis annis tenuere*).

⁵ «В этом сражении Астиаг был взят в плен. Кир не причинил ему никакого вреда, кроме того, что лишил его власти, поступив с ним скорее как внук, а не как победитель... Так закончилось господство мидян. Владычествовали они 350 лет» [Юстин, 2005, с. 44] (*Iust.* I.6.16: *In eo proelio Astyages capitur, cui Cyrus nihil aliud quam regnum abstulit nepotemque in illo magis quam victorem egit... Hic finis imperii Medorum fuit. regnaverunt annis CCCL*).

⁶ «Впрочем, Сесострис египтянин и Теаркон эфиоп дошли до Европы. Набокодросор же, который у халдеев, прославился еще более Геракла, доходил даже до Столпов; этих мест, по словам Мегасфена, достигал и Теаркон, а Сесострис даже из Иберии ходил походом во Фракию и на Понт. Наконец, Иданфирс скиф прошел Азию вплоть до Египта (пер. Г.А. Стратоновского по: [Страбон, 1964, с. 641]; *FGrHist.* 715. F. 11a = *Strabo* XV.1.6: *καίτοι Σέσωστριν μὲν τὸν Αἰγύπτιον καὶ Τεάρκωνα τὸν*

первоисточника должен был быть Эфор из Ким [Иванчик, 1999, с. 26—28; 2005, с. 212—214; *ср.* Marincola, 2007, р. 172]; на наш взгляд, нельзя исключить, что таким первоисточником мог быть и Феопомп [Ладынин, 2011 (3), с. 51—53; *ср.* Marincola, 2007, р. 174—176]. В конечном счете сам факт присутствия этого сюжета в грекоязычной традиции кануна и начала эллинизма более принципиален, чем точное определение его первоисточника.

Интерпретируя хронологические выкладки Помпея Трога, А. фон Гутшмид, а за ним А.И. Иванчик принимали дату воцарения Кира, согласно традиции хронографов, за первый год 55-й Олимпиады, т.е. за 560 г. до н.э.; в таком случае срок от правления Везосиса до 1-й Олимпиады равен 2934 годам $((1500+1300+350)-(776-560))$. Уже эта цифра близка указанию этого же срока Дикеархом согласно списку Р – 2943 годам; получающееся между ними расхождение в 9 лет исследователи относили за счет продолжительности войн царя Сесоосиса, согласно сведениям Гекатея Абдерского и Диодора (*Diod. I.55.10*) [Gutschmid, 1894, S. 100—102; Иванчик, 1999, с. 23; 2005, с. 209]. Однако если считать срок пребывания скифов в Азии отдельным от срока сбора ими с Азии дани, учесть небольшую вариацию, связанную с тем, что начальный год 1-й Олимпиады определяется не строго как 776, а как 776/5 г. до н.э., а также использовать в вычислении реальную дату победы Кира над мидянами – 553 г. до н.э. [Briant, 1996, р. 41—42], – то общий срок от Везосиса до 1-й Олимпиады будет в точности равен

Αἰθίοπα ἕως Εὐρώπης προελθεῖν, Ναβοκοδρόσορον δὲ τὸν παρὰ Χαλδαίοις εὐδοκμήσαντα Ἡρακλέους μᾶλλον καὶ ἕως Στηλῶν ἐλάσαι. μέχρι μὲν δὴ δεῦρο καὶ Τεάρκωνα ἀφικέσθαι, ἐκεῖνον δὲ καὶ ἐκ τῆς Ἰβηρίας εἰς τὴν Θράκην καὶ τὸν Πόντον ἀγαγεῖν τὴν στρατιάν· Ἰδάνθουρον δὲ τὸν Σκύθην ἐπιδραμεῖν τῆς Ἀσίας μέχρι Αἰγύπτου); «...даже Сесострис, египтянин, покоривший большую часть Азии, дошедший до Европы, повернул назад; и скиф Индафирс, выйдя из Скифии, покорил большую часть народов Азии и покорил землю египтян» (пер. М.Д. Бухарина по: [Бонгард-Левин, Бухарин, Вигасин, 2002, с. 264]; FGtHist. 715. F. 11b = *Arr. Ind. 5.5—6*: ἀλλὰ Σέσωστριν μὲν τὸν Αἰγύπτιον, τῆς Ἀσίας καταστρεψάμενον τὴν πολλήν, ἔστε ἐπὶ τὴν Εὐρώπην σὺν στρατιῇ ἐλάσαντα ὀπίσω ἀπονοστήσαι, Ἰνδάθουρον δὲ τὸν Σκύθεα ἐκ Σκυθίης ὀρμηθέντα πολλὰ μὲν τῆς Ἀσίης ἔθνεα καταστρέψασθαι, ἐπελθεῖν δὲ καὶ τὴν Αἰγυπτίων γῆν κρατέοντα). Очевидно, в последнем фрагменте мы имеем дело с искажением первоначального сообщения Мегасфена, в котором глагол κρατέω скорее употреблялся в значении «одержать верх» (над Сесострисом или египтянами), нежели «завоевать» (Египет как территорию, что не приписывается скифам ни в каких изводах традиции об их соприкосновении с египтянами; *ср.* LSJ 991). Форма имени «Индафирс» (Асс. Ἰνδάθουρον) у Арриана, возможно, представляет собой ошибочное уподобление этого имени названию Индии, которой посвящен его трактат. При этом изначальная форма имени скифского царя у Мегасфена, вне всяких сомнений, Иданфирс, с копированием обозначения скифского царя – противника Дария I, согласно Геродоту (*Hdt. IV.76, 120, 126—127*). Из этого можно заключить, что сюжет поражения египетского скифским у Мегасфена должен был во многом следовать соответствующему описанию скифского похода Дария I у Геродота. Нет сомнений, что Сесострис для Мегасфена является современником Иданфирса, как и тождественного последнему Иандиса в сообщении Арриана, переданном Фотием (см. следующее примечание). В таком случае движение скифского царя на Египет явно было ответным, после нападения на него Сесостриса, и тем самым Мегасфену явно был известен сюжет о скифо-египетской войне, схожий с ее описанием у Трога [Иванчик, 1999, с. 24—25; 2005, с. 210]. В целом о труде Мегасфена см.: [Бонгард-Левин, Бухарин, Вигасин, 2002, с. 48—137].

2942 или 2943 годам и согласно традиции Помпея Трога ((15+1500+1300+350)-(776/5-553)). Существенно, что единство хронологических выкладок Дикеарха и Помпея Трога устанавливается на основании подобных вычислений, а не простого совпадения у этих авторов какой-то одной цифры (например, пресловутых 2943 лет от египетского царя до 1-й Олимпиады). Это наводит на мысль, что хронология Помпея Трога не просто заимствована у Дикеарха, а восходит у обоих этих авторов к какой-то общей основе и, тем самым, их свидетельства не только отчасти совпадают, а могут, по сути дела, рассматриваться как части в принципе единой традиции.

Иначе считает А.И. Иванчик. Согласно его мнению, хронология Дикеарха была использована только для датировки скифо-египетской войны (и соответственного отведения 1500-летнего срока для преобладания скифов между ней и царствованием Нина) автором некоего общего первоисточника Помпея Трога и Арриана, который должен был писать не позднее II в. до н.э. и постулировал возведение к скифам парфян, очевидно, стараясь возвеличить последних⁷. При этом Дикеарх был лишь одним из источников этого автора, наряду с Эфором и Гекатеем Абдерским [Иванчик, 1999, с. 24, 28—29; 2005, с. 209, 214]. Мы не думаем, что дело обстояло именно так, по ряду причин. Прежде всего, в труде Помпея Трога, как мы сказали, присутствует не просто механическое воспроизведение одной из цифр Дикеарха, а независимые от известного нам его сообщения, но отталкивающиеся от той же хронологии выкладки, которые, к тому же, тесно связаны с мотивом преемства от египтян и скифов владычества над Азией других народов – ассирийцев и мидян (характерным образом, в этих выкладках мы не видим итогового исчисления продолжительности владычества над Азией сменивших мидян персов). Разумеется, нельзя исключить, что гипотетический эллинистический автор «пропарфянского первоисточника» мог сделать эти выкладки. Однако схождение сведений Дикеарха и традиции Трога не ограничивается ими, а включает в себя и их первооснову – перенесение времени египетского царя-завоевателя в глубокую древность: хотя Помпей Трог не акцентировал преемство Везосиса от царей-богов и его качество устроителя египетского общества, однако у него Везосис, безусловно, древнейшая фигура истории не только Египта, но и мира, фактически не имеющая предшественников. То, что первооснова этого мотива сведений Трога могла присутствовать в «пропарфянском первоисточнике», опять же допустимо и объяснимо, поскольку его автор должен был возводить происхождение парфян к возможно более давним временам. Однако если считать, как это делает Иванчик, что этот

⁷ «(Арриан) говорит, что при Сесострисе, царе египтян, и Иандисе, (царе) скифов, парфяне переселились из своей страны Скифии в нынешнюю страну» (пер. А.И. Иванчика [Иванчик, 1999, с. 24; 2005, с. 209]; FGrHist. 156. F. 30 = Phot. Bibl. 58. 17b: Πάρθους δέ φησιν ἐπὶ Σεσώστριδος τοῦ Αἰγυπτίων βασιλέως καὶ Ἰανδύσου τοῦ Σκυθῶν ἀπὸ τῆς σφῶν χώρας Σκυθίας εἰς τὴν νῦν μετοικῆσαι).

автор сам, собственным усилием совместил сведения о глубокой древности великого египетского царя и о его поражении от скифов, то приходится констатировать, что он пошел на крайне ответственную манипуляцию, шедшую вразрез с «мэйнстримом» грекоязычной исторической традиции. Писавшие о войне египетского царя со скифами Геродот и Гекатей Абдерский, чьи сведения, по мнению Иванчика, автор «пропарфянского первоисточника» мог использовать, помещали египетского царя-завоевателя много позже начала истории Египта и мира. Кроме того, было бы трудно представить, что отнесение завоеваний великого египетского царя и его поражения от скифов к глубокой древности Помпей Трог воспринял исключительно из своего «пропарфянского первоисточника»: к этому не столь уж располагала хотя бы его очевидная тенденциозность, которая должна была сказаться на его достоверности⁸. Естественнее думать, что как гипотетический автор «пропарфянского первоисточника» скорее должен был воспринять эти сведения из предшествующей традиции, так и сам Трог включил их в свое повествование с учетом знакомства с ней и как минимум осведомленности о том, что она сведения «пропарфянского первоисточника» подкрепляла. Между тем, из авторов, к которым, согласно Иванчику, восходили сведения «пропарфянского первоисточника», об Эфоре, во всяком случае, неизвестно, что он относил скифо-египетскую войну к глубочайшей древности (сам Иванчик так не считает) [Иванчик, 1999, с. 27—29; 2005, с. 212—214], а о Гекатее Абдерском, как мы уже сказали, точно известно, что он этого не делал. Единственным автором, который вне сомнения определял время великого египетского царя именно так, был Дикеарх; однако, судя по его интересам, если в его труде и был изложен ключевой для Помпея Трога и для автора «пропарфянского первоисточника» сюжет о войне египтян со скифами (см. ниже), вряд ли это изложение было очень подробным. В таком случае, коль скоро мы видим в труде Трога сходение с Дикеархом как в хронологических выкладках, так и в вопросе о глубокой древности великого египетского царя, не стоит отвергать возможность того, что Трог знал как минимум не только «пропарфянский первоисточник», но и много более раннюю традицию, на

---

⁸ Юстин в эпитоме Помпея Трога сообщает о происхождении парфян следующее: «парфяне, которые, как бы поделив весь мир между собой и римлянами, в настоящее время держат власть над Востоком, произошли от скифских изгнанников» [Юстин, 2005, с. 219] (*Iust. XLI.1.1: Parthi, penes quos velut divisione orbis cum Romanis facta nunc Orientis imperium est, Scytharum exules fuere*). Стяженность как этого сообщения, так и цитирования Арриана Фотием (см. предыдущее примечание) не позволяет сопоставить их вполне удовлетворительным образом. Однако все же кажется более вероятным, что у Арриана речь шла вовсе не о «скифских изгнанниках», а о каком-то целенаправленном заселении будущей области парфян, происшедшим по воле скифского царя «на волне» его экспансии после победы над египтянами (ср. со сведениями Диодора об основании европейской Скифии, о занятии скифами от «океана на востоке» до Меотиды и Каспия и об отделении от них саков, массагетов и аримаспов: *Diod. II.43.5—6*). Если это так, то можно констатировать, что в изложении данного сюжета Трог использует иную его версию, нежели Арриан и, соответственно, автор его «пропарфянского прототипа»! Следует ли тогда вообще думать, что этот гипотетический автор был первоисточником Трога?

которой основывались как его предполагаемый автор, так и сам Дикеарх и в которой сюжет скифо-египетской войны мог быть развернут подробно.

В связи с этим стоит обратиться к сообщению Трога о царях Везосисе и Танавсе в самом начале его труда. Именно они приводятся парой в качестве примера завоевателей, не стремившихся к прямой власти над побежденными странами, а воевавших ради славы своих народов, в отличие от сменившего скифов Нина, который обращал покоренные области в свое владение⁹. Как видно, эти цари противопоставлены будущим властителям Азии из народов Ближнего и Среднего Востока как благородные воители древнейших времен пришедшим им на смену более своекорыстным правителям. Этот мотив согласен с общей мыслью Трога об отличии добрых нравов, свойственных первоначальным временам человечества, от жадности власти, пришедшей им на смену как раз во времена образования империй [Зельин, 2005, с. 17], однако в столь конкретном применении к Везосису и Танавсу он все же вряд ли был введен самим римским автором совершенно независимо от первоисточника. Данному мотиву не особенно противоречит и то, что в восходящем собственно к этому первоисточнику описании войны скифо-египетской войны захват добычи и получение дани названы целями как египтян (имплицитно: id. II.3.10), так и скифов (вполне открыто: id. 17). Несомненно, что и добыча и дань входили в понятие «славы», к которой стремились древнейшие цари, в то время как Нину в отличие от них приписывалась прежде всего территориальная экспансия. При этом последовательность «египтяне Везосиса – скифы Танавса – ассирийцы Нина» видна как в начальном отрывке эпитомы Трога, так и в описании войны египтян со скифами, что говорит об общем происхождении обоих фрагментов. В начальном же отрывке обращает на себя внимание указание на Понт как на крайнюю точку продвижения Везосиса в ходе его войн: в подобном контексте в связи с походами Сесостриса Понт упоминается Мегасфеном, согласно передаче его текста Страбоном (см. цитату в прим. 6). Однако несводимость сведений Трога к сообщению Мегасфена очевидна: если первый также в начале своего труда говорит, что Семирамида «воевала... и с Индией, куда, кроме нее и Александра, не проникал никто» [Юстин, 2005, с. 41] (*Iust. I.2.9: sed et Indis bellum intulit, quo praeter illam et Alexandrum Magnum nemo intravit*), то, согласно второму, она как раз не успела выполнить этого своего намерения из-за смерти (FGrHist. 715. F. 11 = *Strabo. XV.1.6; Arr. Ind. 5.7*). У Мегасфена Сесострис и Иданфирс, как и Везосис и Танавс/Танавсис у Трога, охарактеризованы как великие

⁹ «Были, правда, и в более древние времена царь египетский Везосис и Танай, царь Скифии: первый из них дошел походом до Понта, второй – до Египта. Но воевали они не с соседями, а в далеких странах и, довольствуясь победами, искали не власти для себя, а славы для своих народов» [Юстин, 2005, с. 40] (*Iust. I.1.6—7: Fuere quidem temporibus antiquiores Vezosis Aegyptius et Scythiae rex Tanaus, quorum alter in Pontum, alter usque Aegyptum excessit; sed longinqua, non finitima gerebant bella, contentique victoria non imperium sibi, sed populis suis gloriam quaerebant. Ninus magnitudinem quaesitae dominationis continua possessione firmavit*).

завоеватели «парой», и их упоминание встроено в перечень великих завоеваний разных эпох; однако сам этот перечень отличается от перечня Трога неизвестными ему именами «Теаркона-эфиопа» (Тахарки) и «Набокодросора» (Навуходоносора II; см.: [Ладынин, 2012 (1)]). Иными словами, между описаниями великих завоеваний прошлого у Мегасфена и у Помпея Трога нет прямого взаимодействия; но сведения обоих авторов (судя по расхождениям между ними, не полностью, а именно в характеристике завоеваний египетского и скифского царей) явно восходят к единому первоисточнику, который, учитывая датировку труда Мегасфена, должен относиться к кануну или началу эллинизма.

Настоящее заключение не обязательно противоречит гипотезе А.И. Иванчика о «пропарфянском первоисточнике» сведений Трога. Однако если оно верно, то к некоему более раннему первоисточнику, общему и для этого (или иного неизвестного нам; см. прим. 8) прототипа Трога, и для труда Мегасфена, могла восходить их информация о войнах египетского и скифского царей и о конфликте между ними, а также и соотнесение их деятельности с последующими этапами великих завоеваний (ведь именно в этом, причем четко очерченном, контексте данная информация и появляется и у Мегасфена, и в эпитоме Трога!). Понятно также, что сведения Трога не могли восходить к первоисточнику Мегасфена напрямую – об этом говорит разница в формах имен египетского и скифского царей, которые используют эти два автора: однако для данных сведений первоисточника Трога и Мегасфена вероятна общая основа, которая в таком случае должна относиться к раннему, очевидно предэллинистическому времени. Что же касается первоисточника хронологических выкладок Трога, в его отнесении к предэллинизму, благодаря наличию сопряженных с ними выкладок в раннеэллинистическом сообщении Дикеарха, есть полная уверенность. Наконец, вернемся к еще одному упомянутому нами вскользь моменту: в хронологической схеме Трога нет суммы лет владычества над Азией персов, что хорошо согласуется с ее созданием тогда, когда оно еще не пресеклось, т.е. до разгрома персов Александром. Иными словами, весь комплекс сведений об этапах владычества разных народов в Азии и их сроках, которые мы находим в традиции Трога, может восходить ко времени предэллинизма.

Эволюция этой традиции представляется нам в целом следующей (см. также *таблицу б.2*). В IV в. до н.э. в греческой историографии появилось некое произведение, в котором была представлена схема смены владычества в Азии разных народов (с указанием сроков между ними и другими значимыми историческими этапами), начиная с войн египетского и скифского царей, отнесенных к древнейшему времени. По-видимому, уже на этом этапе образ египетского царя совмещал в себе черты великого завоевателя и устроителя (хотя второй аспект в нем был, вероятно, «прописан» менее подробно и акцентировано, чем в свидетельствах Дикеарха). Едва ли есть смысл искать какую-то определенную основу для

хронологической части данной схемы, отразившейся у Дикеарха и Помпея Трога. По всей вероятности, она была своего рода «компромиссом» между выкладками, проведенными на основе египетских свидетельств (пресловутый срок в 2500 и 7 лет от Сесонхосиса до, соответственно, царствования Нила и падения Илиона) и греческими представлениями об истории азиатских держав (может быть, в связи с этим стоит обратить внимание на их «долгую» хронологию у Ктесия Книдского, отводившего срок в 30 поколений для ассирийского, и более 300 лет – для мидийского преобладания [Llewellyn-Jones, Robson 2010, p. 88]). Вряд ли может быть сомнение в том, что в окончательном виде этот «компромисс» оформился в рамках греческой традиции, на этапе формирования пресловутого раннего произведения, в котором отразилась эта схема. Может быть, уже в нем стремление египетского и скифского царей к славе было противопоставлено стремлению Нина и его преемников к обустройству общеазиатской мировой державы. Пожалуй, невозможно установить, не было ли это произведение трудом Феопомпа или Эфора; несомненно лишь, что Феопомп, как чуть позже и Аристотель, именовал египетского царя «Сесострис» и, очевидно, именно эта форма имени данного персонажа рассматривалась на данном этапе как «базовая» (или была единственной известной). Очевидно, уже в этом произведении имелись сведения не только о поражении египтян от скифов, но и о походе последних на Египет, которые мы видим далее в сообщении Мегасфена, явно восходящих к этому первоисточнику. Может быть, в нем имелись и подробности об остановке нашествия скифов в Восточной Дельте, которые могли восходить к реминисценциям противостояния египтян «народам моря» (*Iust.* II.3.14; ср. с текстом сообщения Мегасфена в обеих его версиях, подробно приведенном нами в прим. б). Однако в этом первоисточнике не было известного Трогу именованию скифского царя «Танавсис», или «Танавс», возможно, вводящего в этот сюжет дополнительные коннотации этого далекого времени (у Мегасфена этот персонаж именуется Иданфирс; ср.: [Ладынин, 2014 (2)]).

Ближе к концу IV в. до н.э. Дикеарх выбрал из сведений этого первоисточника хронологические выкладки, соотносившие время древнейшего египетского царя с другими этапами истории Египта и Греции; однако основной акцент он сделал на интересовавших его больше сведениях об устройительской деятельности этого царя и, видимо, о преемстве по отношению к царям-богам. Весьма вероятно, что по крайней мере некоторые из этих сведений были взяты Дикеархом из другого, более актуального и прямо восходившего к египетской традиции источника: отсюда к Дикеарху могла перейти и употребленная им форма имени «Сесонхосис». Контаминация сведений о завоеваниях и устройительстве древнейшего египетского царя проявлялась в свидетельствах греческой традиции и ранее (см. выше настоящую главу, § 6.2.3); но среди них именно свидетельство Дикеарха, по-видимому, приобрело особую значимость в специфических греко-египетских контекстах (возможно, и в

греко-египетской среде, которая должна была породить ранний прототип «Романа об Александре»). Трудно сказать, упоминал ли Дикеарх напрямую о поражении египетского царя скифами, однако и этого нельзя категорически исключить, если начальная фраза цитирующего его сообщение схолия («Сесонхосис, царь всего Египта после Гора, сына Исиды и Осириса, напав на Азию, покорил (ее) всю, так же как и большую часть Европы») восходит к его тексту целиком, а не только в своей первой части (о преемстве Сесонхосиса от богов; см. настоящую главу, § 6.2.2). Понятно, что содержащееся в ней ограничение военных успехов Сесонхосиса («покорил... большую часть Европы», но не всю Европу) вполне может иметь в виду как раз его поражение скифами, однако для схолиаста, цитировавшего Дикеарха, этот сюжет в любом случае не представлял большого интереса. Так или иначе, широкие войны и миродержавие Сесонхосиса, несомненно, нашли отражение в труде Дикеарха, поскольку ему не должны противоречить сведения об этом Геродота и Феопомпа, отмеченные в том же схолии к Аполлонию Родосскому, что и сообщение Дикеарха. Очевидно, тот же извод греко-египетской традиции, который стал известен Дикеарху, включая форму имени великого египетского царя, был использован и при формировании образа Сесонхосиса в раннем прототипе «Романа об Александре».

Примерно на этом же этапе самого начала эллинизма, на основе нового, более подробного знакомства со сведениями египетской традиции и, очевидно, предыдущего опыта греческой традиции о Египте появился посвященный этой стране труд Гекатея Абдерского (см. настоящую главу, § 6.3.3, 6.3.4). В дальнейшем сведения о войнах египетского и скифского царя перешли, очевидно, из раннего первоисточника, использованного и Дикеархом, к Мегасфену, который встроил их в гетерогенный по своим истокам рассказ о разных завоевателях: по его фрагментам мы видим, что в его первоисточнике египетский и скифский цари именовались «Сесострис» и «Иданфирс». Спустя два с лишним века Помпей Трог заимствовал из какой-то иной по сравнению с первоисточником Мегасфена традиции имена египетского царя (с искажением - Везосис¹⁰) и скифского царя (вероятно, в форме «Танавсис», преобразованной уже Юстином в «Танавс»; см. выше). Однако в том, что касалось описания этого начального этапа мировой истории, а также его соотнесения с другими этапами смены владычества народов над Азией и связанных с этим хронологических выкладок, он должен был следовать первоисточнику IV в. до н.э. достаточно полно.

---

¹⁰ Без искажения – в форме «Сесосис» (*Sesosis*) – она известна в латинской традиции у Плиния Старшего (*Plin. Hist. nat. XXXVI.74*) и Тацита (*Tac. Ann. VI.28.3*) и явно восходит к форме «Сесоосис», использованной Гекатеем Абдерским и Диодором (см. выше, настоящую главу, § 6.3.3); в связи с этим А.И. Иванчик и допускает использование традиции Гекатея автором «пропарфянского прототипа» Помпея Трога [Иванчик, 1999, с. 29; 2005, с. 214].

Интерпретируя соотнесение Александра с Сесонхосисом в «Романе...», восходящее к его греко-египетскому прототипу III в. до н.э., мы, думается, имеем право учитывать весь комплекс сведений о древнейшем египетском царе, которые должны были отразиться к концу IV в. до н.э. в труде Дикеарха и в первоисточнике, использованным им, Мегасфеном и традицией Помпея Трога. Согласно этим сведениям, на исходе эпохи царей-богов и, соответственно, в самом начале собственно истории человечества устройтелем египетского общества и завоевателем Азии и большей части Европы был великий египетский царь. Далее его постигла неудача в войне со скифами, которые отогнали его вплоть до границ Египта и перехватили у него гегемонию в Азии. Затем власть над Азией последовательно переходила от скифов к ассирийцам, от ассирийцев к мидянам и от мидян к персам. Заключительный «штрих» данной схемы мы находим уже независимо от традиции предэллинизма, собственно во фрагментах «Романа...». Сначала, при Нектанебе, Египет не только не владычествует над чужеземными народами, но и оказывается сам завоеван ими (причем среди них, похоже, первенствуют скифы, лишившие Египет миродержавия в древнейшие времена; см. главу 5, § 5.5, прим. 2); однако Александр, став царем Египта, возвращает ему миродержавие и в силу этого может по праву считаться «возрожденным Сесонхосисом».

Как видно, в рамках этой картины всемирная история (понятая как история земель, вошедших в культурно-исторический круг надрегиональных государств Передней Азии I тыс. до н.э., а также образующих его периферию) была сведена к одному сверхдолгому циклу. Детерминантой движения исторических событий в рамках этого цикла явно считалась смена эпох «владычества над Азией» (βασιλεία τῆς Ασίας) ряда народов – топос, хорошо известный в античной традиции и имеющий основу в собственно восточных, в том числе в египетских, представлениях (см. подробно главу 1, § 1.2). Модификации, введенные в схему передачи «владычества над Азией», согласно этому топосу, еще в предполагаемом раннем первоисточнике Дикеарха, Мегасфена и традиции Помпея Трога достаточно очевидны. Основоположником «владычества над Азией» представлен египетский царь, а владычество скифов помещено непосредственно после его времени как своего рода долгая интермедия перед созданием общеазиатской державы Нином (что не исключает представления о более поздних этапах «второго» и «третьего» владычеств скифов над Азией, согласно Трогу [Иванчик, 2005, с. 221—229]). Помещение скифского владычества после времени египетского царя может объясняться как аналогией со схемой, отраженной у Геродота (там оно тоже оказывается, по существу, интермедией между первым – ассирийским – и вторым – мидийским – «владычествами над Азией»), так и целой системой сугубо египетских ассоциаций (с нашествием «народов моря», следовавшим за временем Рамсеса II, реминисценции которого также могли быть поглощены образом великого египетского царя античной традиции:

[Ладынин, 2014 (2), с. 215—222]). Наконец, уже при конструировании пресловутого «цикла Сесонхосиса–Александра» миродержавие Александра было акцентированно представлено как возвращение к исходной точке данного цикла.

Стоит обратить внимание на еще один момент, связанный с указанием Дикеарха на непосредственное преемство Сесонхосиса от царей-богов, а еще конкретнее – от Гора, сына Исиды и Осириса. В связи с этим уже шла речь о древнеегипетском мотиве «времени Хора», когда побежденный сыном Осириса Сет был выдворен со своими присными из Египта в окружающие его «чужеземные страны», или «нагорья» (*h3swt*; см. выше настоящую главу, § 6.2.2, а также главу 1, § 1.2). В таком случае при Хоре земли за пределами Египта впервые были населены – а в схеме Дикеарха при Сесонхосисе, его преемнике, они впервые оказались под военно-политическим господством Египта. Если появление населения «нагорий» было своего рода «заключительным штрихом» в творении и устройении мироздания, то их подчинение Сесонхосису может рассматриваться как часть его деятельности по обустройству не только Египта и его государственности, но и в целом земного мира с естественной для него политической структурой¹¹. Следовательно, соединение чужеземных стран и Египта под его властью – это естественное состояние мироздания, а утрата власти над ним Египта и переход ее к другим народам – в египетских представлениях, к «потомкам Сета» – представляло собой аномалию.

Как видно, эта аномалия необычайно затянулась, так как со времени Сесонхосиса и вплоть до Александра власть в «общемировом»/общепереднеазиатском государстве переходила от одного чужеземного народа к другому, не возвращаясь к египтянам. Предел отступления от нормы был, видимо, достигнут накануне появления в Египте Александра, при бегстве его легитимного царя Нектанеба и подпадании страны под власть чужеземных врагов, среди которых как будто и первенствовали виновные в утрате миродержавия египетским царем древности скифы. Соответственно, возвращение миродержавия Египту его новым царем Александром предстает как восстановление исконной, хотя и издавна утраченной нормы

¹¹ Мы не имеем прямых указаний на этот мотив во фрагментах Дикеарха; однако весьма показательны стоящие еще ближе к египетской традиции и примерно синхронные по времени появления сведения Гекатея Абдерского о налаживании царем Сесоосисом системы взимания дани с покоренных им стран сообразно их ресурсам и эксплуатации их рабочей силы, т.е. о создании им институтов надрегиональной переднеазиатской державы (см. выше настоящую главу, § 6.3.4). В таком случае на египетского царя у Гекатея переносится то качество создателя инфраструктуры мировой державы, которое в традиции Трога и, возможно, в ее первоисточнике IV в. до н.э. отводилось Нину. Невозможно сказать, был ли подобный мотив представлен в труде Дикеарха и/или в его первоисточнике; однако он как минимум хорошо согласуется с качеством царя-строителя, присущим, согласно Дикеарху, Сесонхосису. Можно допустить, что данный «инфраструктурный мотив» в деяниях великого египетского царя был не выражен в раннем первоисточнике IV в. до н.э. (именно оттуда к Трогу и должно было перейти представление о создании инфраструктуры мировой державы не ранее времени Нина), и актуализовался лишь на этапе восприятия египетской традиции в начале эллинизма, представленном трудами Дикеарха и Гекатея.

существования мира. В связи же с этим мотивом «Романа об Александре» и, в частности, с содержащимся в нем и отнесенном к моменту бегства Нектанеба из Египта предсказанием о его возвращении в лице Александра напрашивается сравнение со знаменитым обетованием «Пророчества Неферти» о приходе царя Амени (Аменемхета I), который положит конец хаосу I Переходного периода (pErm. 1116В. 58—71) [Posener, 1956, p. 47 ff.; Демидчик, 2005, с. 48] (см. также главу 1, § 1.3.1). Разница между этими двумя мотивами состоит в том, что если «Пророчество Неферти» говорит в первую очередь о природных и социальных аномалиях внутри Египта, то Александру было суждено устранить колоссальную «политическую аномалию» в масштабах всего мира. Существенным нам кажется и следующий момент: как заметил в одной из своих основополагающих статей О.Д. Берлев, у египтян было представление о возвращении после смерти царя его плоти в породившее его тело бога Солнца (собственно, в солнечный диск) и о том, что порождение каждого нового царя Солнцем было «овнешниванием» частицы тела последнего. Тем самым вновь рождающийся царь соединял в себе природу одновременно всех своих предшественников и в этом смысле мог считаться новым их проявлением [Berlev, 1981, p. 362—363, esp. point (4); 373, n. 12]. Поскольку статус Александра как легитимного царя Египта не вызывает сомнений ни в концепции «Романа об Александре», ни в реальности, ввиду его подтверждения многочисленными памятниками (см. главу 2, § 2.2.1, 2.2.2, 2.1.4, 2.3.1), идея воплощения в нем как Нектанеба II, так и его древнейшего предшественника Сесонхосиса, звучащая в «Романе...» может быть также репликой именно этого базового представления египетской идеологии.

Итак, мы смогли выделить в ряде компонентов «цикла Сесонхосиса—Александра» весьма вероятные аллюзии на значимые чисто египетские представления; кроме того, по своей структуре этот цикл весьма похож на большие циклы египетской истории, которым соответствуют томосы труда Манефона. Как мы уже говорили, в каждом из этих циклов, по аналогии с более короткими циклами отдельных царствований и династий, происходило накопление отступлений от нормы миропорядка *маат* (очевидно, в ходе ее противоборства с противным ей началом *исефет*), которое в конечном счете оборачивалось ее полным крушением и, далее, возвращением к торжеству нормы и началом нового цикла (см. главу 1, § 1.3). В таком случае в «Романе об Александре» мы видим историческую фикцию, которая была смоделирована по принципам, упорядочивавшим для египтян события прошлого и в их «академической» историографии кануна и начала эллинизма, и призвана примирить исконную для них идею сакральной исключительности их страны с существованием в I тыс. до н.э. общепереднеазиатской (в обыденном восприятии, общемировой) государственности под властью других народов. Понятно, что такая фикция не могла быть рассчитана на ее восприятие представителями образованной элиты Египта, знакомыми с его подлинной историей. В таком

случае естественно допустить, что она (по близкой аналогии, например, со связанной с ней в традиции «Романа...» фикцией рождения Александра от Нектанеба II; см. выше главу 5, § 5.5) была пропагандистским конструктом, рассчитанным на распространение заложенных в него идей в широких кругах в некоей политической конъюнктуре. В «Романе об Александре» эта конъюнктура прослеживается четко: представление о македонском царе как о «возрожденном Сесонхосисе» – восстановителе исконного порядка мироустройства, - наряду с фикцией его египетского происхождения, оказывается (несомненно, на этапе кодификации греко-египетского прототипа «Романа...») оправданием власти Александра над Египтом, удобным прежде всего его местным коллаборационистам.

Нет сомнений, что в «Романе об Александре» фикция исконного египетского миродержавия и его восстановления привязана к македонскому царю и при этом тесно, фактически неотделимо, переплетена с фикцией его рождения от Нектанеба. Мы не можем точно сказать, имели ли эти фикции на этапе их возникновения какое-то независимое друг от друга бытование. Для фикции рождения Александра от Нектанеба к этому, как будто бы, нет особых препятствий, так как она и сама по себе, без каких-либо дополнительных сюжетов, имеет понятное легитимирующее значение. Что же касается фикции восстановления Александром исконного миродержавия Египта, казалось бы, по своему смыслу она требовала какого-то утверждения его египетского происхождения, и в этом отношении фикция рождения Александра от Нектанеба была для нее на редкость удачным дополнением. С другой стороны, мы знаем, как в начале первого персидского владычества египтяне осмысливали власть над ними царя-чужеземца при помощи допущения, что ими правит не столько он сам в своем личном качестве, сколько воплотившееся в него египетское верховное божество (см. главу 1, § 1.1.1, в связи со стелой Па-ди-Усир-па-Ра из Фаюма). Построение, согласно которому в прежних переднеазиатских царях-миродержавцах божество не воплощалось и потому их власть была искажением нормы, требовавшей, чтобы миродержавие принадлежало Египту, а в Александре, даже независимо от того, был ли он египтянином по крови, оно воплотилось, и его миродержавие восстановило эту норму, было бы, во всяком случае, не более надуманным, чем охарактеризованная нами идеологема начала персидского времени. Впрочем, свидетельств в пользу того, что оно существовало, все же нет.

Следует ли считать, что фикция восстановления Александром египетского миродержавия создавалась целенаправленно для нужд пропаганды его времени в Египте? Как мы еще скажем далее, памятники его времени в Египте позволяют в этом усомниться. Вместе с тем мы уже сказали, что важнейшие составляющие фикции исконного египетского миродержавия проникли в греческую традицию уже на протяжении IV в. до н.э.: в труде Дикеарха они должны были быть воспроизведены достаточно серьезно – причем, насколько мы

можем судить, совершенно независимо от образа Александра, – как реальные представления египтян о своем прошлом. Думается, это было бы проблематично, если бы они восходили к конструкту, сложившемуся лишь в рамках промакедонской пропаганды в Египте 330—320-х гг. до н.э. и для времени Дикеарха сравнительно новому; при этом данной фикции явно еще не существовало во времена Геродота, чей рассказ о Сесострисе сильно от нее отличается. Несомненно, что получить акцент в Египте и, закономерно, резонанс в греческом мире эта фикция могла лишь тогда, когда часть египетской элиты питала бы серьезные надежды на возвращение под свою руку значительных территорий Передней Азии и тем самым на восстановление исконного египетского миродержавия.

Образ Сенусерта I – Сесонхосиса Манефона – был актуализирован в древнеегипетской пропаганде уже в начале XXX династии при Нектанебе I; однако при этом на данного царя переносились, видимо, «мирные» реминисценции Сенусерта I, связанные с его качеством строителя египетского общества (см. выше настоящую главу, § 6.2.3). Методом исключения, но все же относительно уверенно мы, кажется, можем обнаружить в истории XXX династии ситуацию, в которой могла быть востребована пропаганда исконного миродержавия Египта и возможности его восстановления. Это попытка фараона Тахоса (егип. Джед-Хор; 361/0—359/8 гг. до н.э.) перейти в наступление против персов с расчетом отобрать у них, по-видимому, по крайней мере Восточное Средиземноморье. Странным образом, исследователи мало задумываются над тем, какие у этой попытки были шансы на успех. Тахос действовал в ситуации, когда держава Ахеменидов была ослаблена Великим восстанием сатрапов конца 360-х гг.; он заручился союзом со Спартой и неофициальной поддержкой Афин; к началу войны, по сведениям античной традиции, у него было 10 тыс. греческих наемников, 80 тыс. египетских ополченцев и флот в 200 триер; мобилизация экономических ресурсов страны проводилась им столь целенаправленно, что восстановила против него жречество [Briant, 1996, p. 682—685, 693—694, 1019—1020]. Возможно, как раз последний момент, приведший примерно через 100 лет к появлению в т.н. «Демотической хронике» негативного образа Тахоса [Johnson, 1983, p. 62, 64, n. 24] (см. главу 1, § 1.1.2), и потребовал серьезного обоснования перед обществом столь масштабных и требовавших усилий планов экспансии. Присутствие же в Египте при XXX династии греков – представителей военной элиты полисного мира, достаточно образованных и находившихся в постоянном контакте с элитой Египта, – создавало идеальный канал для трансляции данного идеологического конструкта в представления греков о Египте и его истории.

Видим ли мы какие-либо мотивы, связанные с этой фикцией, собственно в пропаганде времени Александра Великого в Египте, в первую очередь в принятых им египетских царских титулатурах? Конечно, как мы уже говорили, сюжет рождения Александра от Нектанеба II по

самому своему характеру не мог проникнуть в пропагандистский официоз (см. главу 5, § 5.5); но вот мотив восстановления Александром исконного миродержавия Египта в той или иной форме мог получить реплики и на официальном уровне. Может показаться странным, что и на этот вопрос нам придется дать отрицательный ответ: среди египетских царских имен Александра наиболее концептуально насыщены его Хоровы имена *mk-Kmt* («Защитник Египта») и *hq3 qnw tkn-h3swt* («Властитель храбрый, наступающий на чужеземные страны»; см. об этом титуле Александра Великого главу 2, § 2.2.1). Хотя второе (очевидно, более позднее) из этих двух имен и содержит в себе мотив успешной (но, видимо, еще не завершённой) борьбы Александра с державой Ахеменидов, его смысл все же весьма далек от утверждения миродержавия македонского царя: в нем проявляется мотив не столько соединения всего мира под властью Египта, сколько жесткого противопоставления его и чужеземных стран. Мы не замечаем мотива миродержавия и в иных достоверно засвидетельствованных титулатурах Александра и его формальных преемников на египетском троне из дома Аргеадов – Филиппа Арридея и Александра IV: у последнего имя Хора Златого *hq3 q(n?) m/n t3 (r) dr.f* («Властитель храбрый (?) в земле/земли (до) пределов ее») – скорее должно относиться к его власти над Египтом, чем над миром в целом; см. главу 2, § 2.2.3). В стеле из Бухеума Года 4 Александра его предшественник по власти над Египтом Дарий III оказывается, на фоне негативного восприятия египтянами второго персидского владычества не слишком ожидаемым образом, представлен в качестве легитимного сакрального царя, и это может быть связано с провозглашением и подчеркиванием незадолго до этого преемства Александра по отношению к нему в качестве «царя Азии» (см. главу 4, § 4.2). Однако и в этом случае мотив миродержавия по отношению к македонскому царю остается не проговорен.

Вместе с тем мы уже обращали внимание на памятник из оазиса Бахария, на котором зафиксирована уникальная титулатура Александра Великого. Она включает в себя все пять имен египетского царского протокола, в то время как на памятниках Александра внутри Египта представлено не более трех, отличается необычайной пышностью и как раз посвящена утверждению за ним миродержавия (см. главу 4, § 4.5). По нашему мнению, данный памятник не относится ко времени Александра, а был создан в раннептолемеевское время, когда в официальной идеологии эллинистического Египта стал очень значимым эпизод посещения Александром оазиса Сива и его признания там сыном Амона-Ра (Зевса-Аммона; древнегреческая надпись на памятнике как раз гласит: «Царь Александр отцу Аммону»). Именно тогда, на наш взгляд, и была составлена помещенная на нем титулатура Александра. Акцент на эпизоде в оазисе Сива был сделан во многом усилиями Клитарха Александрийского, чье произведение о македонском царе, как мы видели, играло существенную роль в постулировании особой преемственности между Александром и Птолемеем I (вероятно, в

царствование Филадельфа; см. главу 5, § 5.2). Однако именно 270-е гг. до н.э., после значительных успехов создания Птолемеев I и II в создании системы своих владений в бассейне Средиземноморья и на фоне еще более масштабных амбиций на перспективу (см. главу 2, § 2.1), выглядит весьма вероятным временем пропаганды миродержавия Александра в контексте преемства от него Птолемеев. Этот же мотив просматривается в концепциях не только памятника из Бахари, но и в дионисийских элементах знаменитой процессии Птолемей, описанной Калликсеном Родосским (см. там же) и в ответах оракула Аммона в оазисе Сива Александру Великому в их изложении Клитархом Александрийским (см. главу 4, § 4.5, конец). Нам представляется, что именно обстановка этого времени могла обусловить и появление фикции восстановления Александром исконного египетского миродержавия, которая, как и концепция памятника из Бахари, была адресована египтянам и отпечатлелась в сложившемся тогда же греко-египетском прототипе «Романа об Александре».

Таблица 6.2. Античная традиция о древнем египетском царе – завоевателе и устроителе и воздействие на нее египетской традиции

Античная традиция		Египетская и греко-египетская традиция	
<p>Геродот: А: широкие завоевания египетского царя в Европе и Азии; Б1: поход египетского царя на Скифию; Е1: имя египетского царя: Сесострис; Ж1: имя скифского царя – противника Дария I – Иданфирс.</p>		<p>Египетская традиция V в. до н.э. Пропаганда начала царствования Нектанеба I (ок. 379/8—361/0 гг. до н.э.): З: образ царя – устроителя египетского государства (реминисценции Сенусерта I).</p>	
<p>Неизвестное произведение IV в. до н.э. (Эфор? Феопомп?): А: широкие завоевания египетского царя в Европе и Азии; А+З: единый образ царя -великого завоевателя и устроителя египетского государства (?); Б2: поход египетского царя на Скифию и его поражение; В: поход скифов на Египет, в ходе которого они остановились на подступах к нему (?); Г1: отнесение времени египетского царя к глубокой древности; Д1: хронологические выкладки, соотносящие время египетского царя с этапами владычества над Азией разных народов; Е1: имя египетского царя: Сесострис; Ж1: имя скифского царя: Иданфирс.</p>		<p>Исократ: З: образ царя-устроителя египетского государства; Е2: имя египетского царя: Бусирис</p> <p>Аристотель: З: образ царя-устроителя египетского государства; Е1: имя египетского царя: Сесострис.</p> <p><i>Античная доэллинистическая традиция о Египте в целом</i></p>	
		<p>Пропаганда времени Тахоса (361/0—359/8 гг. до н.э.) (?): А+З: единый образ царя -великого завоевателя и устроителя египетского государства (на основе реминисценций Сенусерта I, Сенусерта III и Шешонка I); Г2: отнесение времени египетского царя к глубокой древности, его преемство от богов. И1: представление об исконности египетского миродержавия как нормы мироустройства и о перспективе его воссоздания в результате успешных войн.</p> <p>Египетская традиция IV в. до н.э., в т.ч. уточнение греческой передачи формы имени египетского царя: Е3: имя египетского царя Сесонхосис; Е4: имя египетского царя: Сесоосис.</p>	
<p>Мегасфен: А: широкие завоевания египетского царя в Европе и Азии; Б2: поход египетского царя на Скифию и его поражение; В: поход скифов на Египет, в ходе которого они остановились на подступах к нему; Д3: перечисление великих завоевателей прошлого, пытавшихся покорить Индию; Е1: имя египетского царя: Сесострис; Ж1: имя скифского царя: Иданфирс.</p>		<p>Дикеарх Мессенский: А+З: единый образ царя - великого завоевателя и устроителя египетского государства; Г2: отнесение времени египетского царя к глубокой древности, его преемство от богов; Д2: выкладки, соотносящие время египетского царя с последующими событиями (царствование Нила, падение Илиона, 1 Олимпиада) в рамках единой с Д1 хронологии; Е3: имя египетского царя: Сесонхосис.</p>	
		<p>Гекатей Абдерский: А: широкие завоевания египетского царя в Европе и Азии; Б1: поход египетского царя на Скифию; А+З: единый образ царя - великого завоевателя и устроителя египетского государства; Е4: имя египетского царя: Сесоосис; И2: представление о египетском миродержавии как о модели последующих мировых держав.</p>	
		<p>Прототип «Романа об Александре»: А+З: единый образ царя -великого завоевателя и устроителя египетского государства; Г2: отнесение времени египетского царя к глубокой древности, его преемство от богов; Е3: имя египетского царя: Сесонхосис; И1: представление об исконности египетского миродержавия как нормы мироустройства и о его воссоздании в результате успешных войн Александра Великого.</p>	
<p>Неизвестный прототип Помпея Трога</p>			

Помпей Трог (Юстин, Иордан):

А: широкие завоевания египетского царя в Европе и Азии;

Б2: поход египетского царя на Скифию и его поражение;

В: поход скифов на Египет, в ходе которого они остановились на подступах к нему.

Г1: отнесение времени египетского царя к глубокой древности;

Д1: хронологические выкладки, соотносящие время египетского царя с этапами владычества над Азией разных народов;

Е5: имя египетского царя: Везосис (видоизменение Е4 - «Сесоосис»);

Ж2: имя скифского царя: Танавс(ис).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попробуем теперь свести воедино выводы, сделанные выше, в отдельных главах нашей работы. В ней мы постарались собрать практически весь известный на сегодняшний день материал, в котором так или иначе отразилось восприятие египтянами последней трети IV в. до н.э. установления в их стране власти македонских правителей и начала в ее истории новой эпохи. Понятно, что на этом раннем этапе вряд ли можно было оценить и даже представить все дальнейшие последствия македонского завоевания и интеграции Египта в эллинистическую ойкумену: появление в стране значительного греко-македонского населения, вытеснение египтян со сколько-нибудь решающих позиций в администрации, фактическое замещение в официальной переписке и в целом в повседневном обиходе демотического языка древнегреческим, начало процесса культурного синкретизма и существенную эллинизацию собственно египетской элиты. Даже если мыслящие представители египетской элиты и пытались оценить эти последствия, в нашем распоряжении нет источников, которые рассказали ли бы что-то об этом. Соответственно, в начале македонского времени реакция египтян на наступление этой новой эпохи находила выражение прежде всего в их отношении к самим новым македонским правителям, а также к взаимодействию Египта под их властью с обширной азиатской державой, унаследованной Александром Великим от Ахеменидов и постепенно гибнувшей в эпоху диадохов. Эта реакция оформлялась в традиционных для египетского мировоззрения I тыс. до н.э. категориях: приятии или неприятии македонских царей как сакральных правителей, способных совершать ритуал; представлениях об экспансии Египта как универсалистского государства во внешний мир или, напротив, о его замыкании в собственных границах для отражения угрозы его культам извне; о ходе истории Египта, осознаваемом как последовательность кратковременных и долговременных циклов. Все эти аспекты осмысления наступившей новой эпохи не только были основаны на единых категориях, но и находились в определенном взаимодействии. Синхронное восприятие египтянами начала македонского времени зависело как от целенаправленных усилий македонской власти по формированию собственного «имиджа» с помощью традиционных идеологических приемов (составления концептуально насыщенных титулатур царей, храмового строительства, в меньшей мере – прямого участия македонских правителей в совершении ритуалов), так и от спонтанной реакции представителей египетской элиты, отразившейся в их памятниках. В диахронном плане апелляция к началу македонского времени, прежде всего к царствованию Александра Великого, по-видимому, позволяла Птолемям в первые десятилетия III в. до н.э. дополнительно подкрепить перед египтянами свои позиции и устремления. Такая апелляция была вполне естественна на фоне значимости образа Александра и мотива преемственности от него в целом

в идеологии государства Птолемеев и в частности в их династическом культе [Ладынин, 2016 (1), с. 276—277]. Понятно, что и в обращении македонских правителей к египтянам, и в ответной реакции последних была велика доля манипулятивности и навязывания определенных идеологием. Если македоняне стремились обосновать свою приемлемость в качестве легитимной, в традиционном египетском понимании, власти, то египтяне, судя по всему, не просто фиксировали свою реакцию на это, а формировали определенный консенсус в отношении к македонской власти, выражавший позицию большей части египетской элиты. Вместе с тем во введении к нашей работе мы уже сказали, что явление пропаганды в ее бытовании у египтян неправомерно сводить только к манипуляции общественными настроениями. Фактически эта деятельность вырабатывала ориентиры в отношении людей к окружающему их миру, прежде всего к тому, без чего было невозможно существование в нем, – к ритуалу служения богам, отвечая на вопрос, от чьего имени в текущей ситуации его правомерно осуществлять.

Как мы видели по сообщениям источников о реконструкции от имени Александра Великого святилища барки Амона-Ра в Луксоре, работа по формированию его статуса легитимного сакрального царя Египта началась буквально сразу после его вступления в страну в ноябре 332 г. до н.э. Это совпадает со свидетельствами античной традиции о том, что, достигнув Мемфиса спустя короткое время после вступления в Египет, Александр уже участвовал там в религиозных обрядах (возможно, прошел коронационный ритуал). Данный момент чрезвычайно важен, поскольку в нем проявилась сознательность и целенаправленность легитимации власти Александра в Египте со стороны не только его агентов, но и его лично. Вспомним, что в пределах стран, вошедших в восточную державу Александра, помимо Египта, его статус был легитимирован в соответствии с местной традицией только в Вавилонии [Шахермайр, 1984, с. 170—171; Nawotka, 2010, p. 237—242]. По сути дела, Александр следовал уже устоявшейся традиции властителей ближневосточных держав I тыс. до н.э. (прежде всего своих прямых предшественников Ахеменидов) оформлять свою власть над древнейшими цивилизационными центрами – Вавилонией и Египтом – через фиктивную личную унию. Титулатуры Александра, созданные, как мы считаем, в течение 332—331 гг. до н.э., делали акцент на его роли освободителя и защитника Египта и на его наступлении на персидскую державу. Осуществлявшиеся при нем программы храмового строительства хотя и продолжали деятельность царей XXX династии, но, судя по всему, переносили заложенную в них концепцию на македонских царей: в наиболее масштабной программе, осуществлявшейся в Фивах, такая концепция, по-видимому, акцентировала сакральный статус и ритуальную роль царя, что было актуально на фоне своеобразного «падения» царской сакральности царя в I тыс. до н.э. Примечательно, что изначально в египетской пропаганде Александра мы не видим

универсалистской тенденции: его титулатуры, отражающие ситуацию первого года его власти над Египтом, не утверждают его владчества над всем миром или хотя бы над всей межрегиональной азиатской державой. Затем неожиданно сказывается лояльность Александра к его предшественникам-Ахеменидам, едва ли одобренная египтянами: в стеле Bicheum 2 в 329 г. до н.э. по отношению к Дарию III употреблен титул «царь Верхнего и Нижнего Египта», со свойственными ему сакральными коннотациями. Эти наблюдения позволяют заключить, что египетская пропаганда Александра Великого была достаточно тесно соотнесена с политической «повесткой дня» его царствования, и изменения в последней порождали опознаваемые реплики в его египетских памятниках – во всяком случае, в течение первых лет его власти над Египтом. Вместе с тем, хотя идеологическая активность времени Александра Великого в Египте несомненна, ее значимость для македонских властей не надо переоценивать. Достаточно очевидно, что храмовое строительство времени Александра, как и в целом Аргеадов, скромно по масштабам, и на него тратилась лишь малая часть ресурсов, которые отводились на это при его прямом египетском предшественнике Нектанебе II. Не менее очевидны и чисто прагматические цели Александра при овладении Египтом, достижению которых была подчинена эксплуататорская деятельность его наместника Клеомена из Навкратиса.

Определить точные датировки частных памятников начала македонского времени столь трудно, что мы, по сути дела, не ставили перед собой эту задачу. Разумеется, те из них, в которых прямо упоминается сатрапия Птолемея, появились не ранее ее времени, но памятники, свидетельства которых вообще не упоминают прямо правителей и реалии этого периода (например, автобиографическая надпись Сематауитефнахта на Неаполитанской стеле), нельзя отнести к какому-либо определенному его отрезку. Вместе с тем нет сомнений, что они отражают ситуацию этого периода и реакцию египтян на его события в целом. По существу, правомерно говорить о консенсусе представителей египетской элиты в непризнании Аргеадов легитимными сакральными царями. Отчасти этот консенсус нарушается текстами Анхпахереда и Джед-Хора, описывающие их строительство в храмах, где фигурируют титулатуры македонских царей; однако в целом в частных памятниках этого времени мы видим разные проявления отказа от признания легитимности правителей, современных их владельцам. Вельможи из древних и культовых центров Гераклеополя и Ксоиса прямо переносят сакральный царский статус на богов; на предметах культовой утвари, оформление которых было исключительной и, вероятно, «неподцензурной» сферой деятельности жречества, мы видим в ритуальных сценах изображения «условных» царей, сопровождаемые пустыми картушами, при том что роль реального сакрального царя может присваиваться богу Хора; жрец Петосирус в конце IV в. до н.э. конструирует для себя в своей гробнице в Туна эль-Гебель «мир-Двойник», в котором может благополучно существовать после смерти без какого-либо

ритуального «содействия» реального царя. Даже вельможа Уннефер и неизвестный нам по имени сын царя Нектанеба II, которые, возможно, предстали перед Александром при его дворе в Азии и затем оценивали этот эпизод положительно, все равно не именуют его эпитетами с недвусмысленными коннотациями сакральности.

Предпосылки столь негативного (хотя, по сравнению с некоторыми формами реакции на персидское владычество, лишенного эксцессов) отношения к македонской власти достаточно понятны: это, несомненно, присвоение реальной власти в стране македонянами и греками в ущерб египтянам и начало ее эксплуатации в пользу общеимперских интересов Александра. Однако обращает на себя внимание контраст этого «консенсуса», обнаруживающегося в египетских частных памятниках, с энтузиазмом со стороны египтян, который, по сведениям традиции «вульгаты», сопутствовал Александру при вступлении в страну. В свое время П. Каплони высказал мнение, согласно которому сторонники Александра принадлежали к «северной партии» египетской знати, связанной с XXX династией и видевшей в нем мстителя персам за ее падение, в то время как другие «партии» могли быть настроены и иначе [Kaplony, 1971, S. 257—258]. Данная точка зрения, опирается, по сути дела, на расширительную трактовку источников, свидетельствующих, что в Египте начала македонского времени в принципе были потомки этого царского дома; однако на памятнике сына Нектанеба II (правда, сохранившемся плохо) мы не видим свидетельств какой-то подчеркнутой лояльности к македонским правителям. Возможно, первоначальный энтузиазм египтян по отношению к Александру был вызван как раз совершенно «непартийными» мотивами: владычество персов над Египтом после его завоевания Артаксерксом III оценивалось сугубо негативно, но свергнуть его без содействия внешней силы было невозможно. С одной стороны, именно такой благоприятной для Египта внешней силой и оказался Александр; с другой стороны, в 332 и, вероятно, даже в 331 г. до н.э. его конечная победа над Дарием III, а тем более полный разгром и подчинение Ахеменидской державы не казались чем-то предопределенным. Скорее знатные египтяне должны были рисовать себе картину долгой и идущей с переменным успехом борьбы между двумя державами, из которых как раз Македония выглядела слабейшей. Такая длительная борьба предотвратила бы прочное подчинение Египта македонянам и, хотя бы и при формальном признании Александра его легитимным сакральным царем, обеспечила бы ему фактическую самостоятельность. Понятно, что когда – и очень скоро! – такие ожидания полностью развеялись, первоначальный энтузиазм египетской элиты по отношению к новой власти сменился своей противоположностью, и в целом эта позиция египтян должна была сохраниться и в сатрапию Птолемея, когда македонская власть в стране только упрочилась.

Вместе с тем именно период, на протяжении которого Птолемей, сын Лага был правителем Египта нецарского статуса и постепенно наращивал свою независимость в рамках

эллинистической ойкумены (323—305/4 гг. до н.э.), отмечен, пожалуй, наибольшим на протяжении начала македонского времени нюансированием официальной пропаганды, обращенной к египтянам. В начале правления Птолемея в ней, похоже, проявилось его нежелание или неготовность ссориться с еще дееспособной центральной властью межрегиональной державы Аргеадов. Формальным царем Египта был провозглашен Филипп Арридей: для него была составляется титулатура, подчеркивавшая «его» роль устроителя страны (качество, которое далее будет переноситься на самого Птолемея), и от его имени продолжились строительные программы, начатые при Александре. В Фивах именно тогда было реставрировано «гранитное святилище» в Карнаке: в его оформлении мы видим сцены коронации Филиппа Арридея, и по своей концептуальности оно превосходит памятники Александра (впрочем, планы его реставрации также восходили еще к XXX династии). Легитимация на этом этапе в качестве формального царя именно Арридея, а не Александра (IV), сына Александра Великого и Роксаны, помимо того, что последний в момент смерти своего отца еще не появился на свет (см. главу 2, § 2.1), могла быть вызвана и тем элементарным соображением, что в македонской среде выраженными поддержкой и симпатиями должен был пользоваться не новорожденный ребенок бактрийки, а как раз сын Филиппа II и сводный брат Александра.

По-видимому, уже гибель Филиппа Арридея и переход формального царского статуса к Александру (IV) вызвали в пропаганде Птолемея серьезные изменения, приведшие к определенным качественным результатам к концу 310-х гг. до н.э. Египетская царская титулатура сына Роксаны показывала, что его сакральность зависела от воплощения в нем бога Хора (концепция, восходящая еще ко времени Дария I), а сам его статус целиком и полностью определяется рождением от Александра. Очевидно, на рубеже формальных царствований Филиппа Арридея и Александра (IV) произошла «децентрализация» храмового строительства, которое теперь лишь спорадически продолжало старые программы XXX династии, а в целом, видимо, представляло собой поддержку македонской властью местных жреческих инициатив. При этом как масштаб таких инициатив времени Аргеадов, так и способность жрецов реализовывать их самостоятельно, без поддержки государства, вопреки мнению некоторых исследователей, никоим образом нельзя переоценивать. По-видимому, после кратковременных успехов сатрапа Птолемея в третьей войне диадохов в 312 г. до н.э. и мира между диадохами 311 г. начинается формирование специфической концепции его власти в Египте, самым ярким памятником которой является «Стела сатрапа». В ее тексте подробно говорится о деяниях Птолемея: возвращении им в Египет культовых предметов, некогда захваченных персами, перенесении столицы в Александрию, войнах в Восточном Средиземноморье и Кирене, — которые однозначно характеризуют его как самостоятельного полновластного правителя.

Специальное пространное восхваление – «панегирик Птолемею», в котором наиболее акцентированы его качества воина и военачальника, – переносит на него значительное число эпитетов, как правило, употреблявшихся в иероглифических текстах в качестве царских характеристик. А центральное для текста «Стелы...» событие – закрепление Птолемеем за храмами Буто угодья под названием «Земля Уаджит» – представлено как благодеяние египетскому культу, в воздаяние за которое сатрап Египта приобретает способность внушать страх своим чужеземным врагам, в норме присущую лишь сакральным царям. В оформлении навершия «Стелы сатрапа» благодеяние храмам Буто не приписано сыну Роксаны даже на уровне формальности: соответствующий ритуал перед богом Хором совершает «условный» царь, титулы которого сопровождают пустые картуши. При этом в описание эпизода предыдущей «реституции» «Земли Уаджит» в пользу храмов Буто, которую осуществил еще в 330-е гг. до н.э. царь Хаббаш, вряд ли случайно вплетено представление о том, что наличие в земном мире правителя с царским титулом не обязательно означает его сакральное полномочие, а реальным сакральным царем в такой ситуации может быть непосредственно бог Хор. По сути дела, те же мотивы отказа земному царю в сакральной легитимности, которые в частных памятниках обозначают оппозиционность их владельцев македонской власти, в концепции «Стелы сатрапа» ставятся на службу официальной идеологии, теперь решающей задачу умаления полноценного статуса Александра (IV) – очевидным образом, в пользу сатрапа Птолемея. В рамках этой же тенденции примыкает к «Стеле сатрапа» автобиографическая надпись на статуе «анонима из Баклии», в которой сатрапу Птолемею, по-видимому, приписывается прямое участие в жизни одного из египетских храмов и опять же способность внушать иррациональный страх. Сформированный таким образом статус сатрапа Птолемея, в котором полнота фактической власти совмещалась с элементами сакральности, представляется уникальным явлением в идеологическом развитии Египта. Однако достаточно очевиден и его временный характер и неизбежность его трансформации с течением недолгого времени в полноценный царский статус.

Одновременно формируется сложная и продуманная концепция внешней политики сатрапа Птолемея и места возглавляемого им Египта в эллинистической ойкумене. Держава Аргеадов в тексте «Стелы сатрапа» во всем ее объеме, включая Македонию, именуется термином *Sitt*, который в других контекстах «Стелы...» относится к державе Ахеменидов, а вообще в I тыс. до н.э. служит стабильным обозначением межрегиональных азиатских держав. Птолемею не приписывается напрямую противостояние с этим государством; однако оно и не считается его владением, как не утверждается в точном смысле слова и власть над ним формального сакрального царя Египта Александра (IV). Войны Птолемея в Восточном Средиземноморье и в Кирене не носят инициативного характера, вопреки древней традиции

прославления экспансии Египта. На чужеземного правителя, ущемлявшего некогда интересы храмов Буто, – Артаксеркса III – переносятся коннотации, связанные с образом Сета; а внешний по отношению к Египту мир, по-видимому, вообще мыслится средоточием всего злого и враждебного, опасного при соприкосновении даже в ходе экспансии. При этом в «Стеле...» зарождается один из пропагандистских мотивов, становящийся далее стабильным в текстах царей-Птолемеев, – прославление правителя, вернувшего в храмы Египта священные предметы, которые в свое время были похищены персами. Может быть, в какой-то мере этот мотив компенсирует невозможность указать на прямое совершение македонскими правителями египетских ритуалов: сатрапом Птолемеем – ввиду отсутствия у него царского титула, его наследниками-Птолемеем – ввиду удаленности от собственно египетской религиозной жизни, которую они, очевидно, соблюдали достаточно долго, сохраняя преимущественно македонский антураж своей власти. Мотивы святотатств чужеземных правителей по отношению к египетским культам, опять же восходящие к образу Сета в религиозной традиции IV в. до н.э., проявляются в негативных свидетельствах о Клеомене из Навкратиса (ее критический импульс, по сути дела, переходит с наместника Александра на самого царя, однако ее сложение явно было выгодно устранившему Клеомена Птолемею) и о завоевании Египта Артаксерксом III. Очевидно, неудачи Птолемея в борьбе с его главными противниками Антигоном и Деметрием, и, соответственно, невозможность для него успешной экспансии, равно как и опасения по поводу возможного вражеского вторжения заставили пропагандистов Птолемея на рубеже 310 и 300 гг. до н.э. взять на вооружение топос враждебности окружающего мира Египту и необходимости поддерживать изоляцию страны. Стоит отметить, что мотив угрозы для Египта извне и изоляционистские настроения можно обнаружить и в концепции знаменитого исторического труда Манефона Севеннитского.

Именно наблюдения над трудом Манефона и его соотнесение с данными ряда древнеегипетских нарративов, начиная с эпох I Переходного периода и Среднего царства, стали основой для нашей работы по выявлению оценок начала македонского времени как рубежной эпохи в истории Египта. Можно констатировать, что египтяне (как этого и можно было ожидать при свойственном им восприятии отдельных царствований и периодов правления отдельных династий) видели в истории своей страны последовательность крупных циклов. Именно исходя из их временных границ Манефон разбил свой труд на три «томоса». Насколько мы можем судить, в начале каждого «томоса» Манефона и соответствующего ему большого исторического цикла находится фигура своего рода «царя-грюндера», деятельность которого надолго определяет облик египетского общества (в начале первого цикла – видимо, Менес; в начале второго цикла – Сесонхосис, т.е. исторический Сенусерт I; в начале третьего цикла – контаминированный образ Сетоса-Рамессеса, в целом соответствующий началу исторической

XX династии, и/или Сесонхис, т.е. исторический Шешонк I). Вслед за временем «грюндера» египетское общество стремится к периоду расцвета (соответственно для трех циклов: время Снофру, что устанавливается скорее по собственно египетской традиции; время Сесостриса, т.е. исторического Сенусерта III; возможно, время Сесонхиса/Шешонка I, что вероятно, принимая во внимание реминисценции о нем в образе Сесоосиса в традиции Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского); далее оно движется к некоей точке надлома (соответственно для трех циклов: время строителей пирамид, что устанавливается на основании и других изводов греческой рецепции египетской традиции и опять же собственно египетских свидетельств; время первого завоевания Египта гиксосами; царствование Бокхориса). Неясности по поводу «фаз расцвета» и «точек надлома» в некоторых циклах согласно Манефону следует отнести за счет степени сохранности его труда и, как представляется, можно и должно компенсировать, прибегая собственно к иероглифическим источникам, а также ко всей совокупности античной рецепции египетской традиции о прошлом. Наконец, в конце каждого исторического цикла происходила катастрофа, по-видимому, не связанная прямой причинно-следственной связью с событиями его середины, но все же неотвратимая (соответственно для трех циклов: I Переходный период; события, связанные с преследованием и изгнанием прокаженных и вторым нашествием гиксосов при царе Аменофисе; чужеземные нашествия, последним из которых до начала эллинистического времени было второе персидское завоевание при Артаксерксе III). Принципиально важно, что смена исторических циклов и вместе с тем связка между ними мыслилась Манефоном, а по сути и египетской исторической традицией в целом персонализированной в паре «царь-отец и царь-сын». Царь-грюндер вновь наступавшей исторической эпохи был сыном и преемником царя, при котором на Египет обрушивались бедствия конца завершившегося до того цикла и который своими действиями был способен их преодолеть. В финале цикла первого тома труда Манефона «царем-отцом» должен был быть Амменемес, т.е. исторический Аменемхет I; в финале цикла второго тома – Аменофис, который в значительной мере и сам спровоцировал бедствия своего времени. Определение такой фигуры для финала третьего цикла, а также его преемника-грюндера – для начала цикла четвертого, который соответствовал бы эллинистическому времени, и составляло одну из задач нашей работы. Логично допустить, что такая парная конструкция в той или иной мере воспроизводила отношение между царями-богами Египта – Осирисом и Хором – на этапе мифологической истории.

Фрагменты труда Манефона Севеннитского не указывают ни прямо, ни косвенно, каким именно правителям, по его суждению, принадлежали эти роли «царя-избавителя» и «царя-грюндера» на рубеже между третьим и начавшимся с эпохой эллинизма четвертым циклами египетской истории. На их «распределение» между Александром Великим и Птолемеем, сыном

Лага, могут указывать некоторые фрагменты «Демотической хроники», а также перенесение на Птолемея I культового эпитета «Сотер» в тесной связи с сюжетом спасения им Александра от смерти. В случае справедливости предложенной нами интерпретации одного из мотивов «Пророчества ягненка» в нем можно увидеть достаточно определенное указание на то, что для создателей одного из «пластов» вошедшей в него традиции царем, избывшим бедствия иноземных владычеств над Египтом в I тыс. до н.э., был именно Александр. Наконец, в свидетельствах, относящихся к жизненному циклу феникса, который совпадал в представлениях египтян с циклами обновления их страны и мира в целом, Птолемей (похоже, еще на том этапе его сатрапии в Египте) представлен как основоположник нового большого периода истории Египта, наряду с царями, соответствующими «грюндерам» второго и третьего исторических циклов, согласно труду Манефона. Похоже, что во всех названных случаях мы имеем дело с «официозным» вариантом пары «отец и сын», обрамляющей рубеж третьего и четвертого циклов египетской истории. Ее «вульгарный» вариант, который грубо искажает историческую реальность, зато и позволяет увидеть этот конструкт с максимальной очевидностью, представлен в египтизирующих фрагментах «Романа об Александре», согласно которым македонский царь якобы был сыном (и в какой-то мере повторением) Нектанеба II и своим приходом в Египет прекратил бедствия, начавшиеся при его отце. Примечательно, что, по мнению ряда исследователей, создание «Демотической хроники» датируется III в. до н.э., александрийского прототипа «Романа об Александре» – его первой половиной, а сюжет о спасении Александра Птолемеем I и его культовый эпитет «Сотер» входят в употребление и широко пропагандируются в начале правления его сына Птолемея II Филадельфа. Не исключено, что презентация Птолемея как тесно связанного с Александром его преемника (хотя и не сына!), а их обоих – как рубежных фигур конца третьего и начала четвертого циклов истории Египта складывается в основном в первой трети III в. до н.э. (при Филадельфе, может быть, в конце правления Сотера или в период их соправления), а известные нам источники, фиксирующие следы этого конструкта, в конечном счете восходят к пропаганде этого времени.

Основная часть нашей работы по выявлению оценок начала македонского времени как рубежного этапа в истории Египта была посвящена интерпретации того соотношения Александра Великого с египетским царем глубокой древности по имени Сесонхосис, которое присутствует в ряде фрагментов «Романа об Александре». Как мы постарались показать, Сесонхосис «Романа об Александре» – это, по-видимому, контаминированный образ царя – устроителя общества Египта и завоевателя множества земель за его пределами, правление которого должно быть отнесено к глубочайшей древности, ко времени, следовавшему за царствованиями богов. Вероятно, ближайшую аналогию образу Сесонхосиса в «Романе...» мы видим в сообщении Дикеарха Мессенского, приведенном в схолиях к «Аргонавтике»

Аполлония Родосского: в нем Сесонхосис назван непосредственно преемником богов, т.е. первым царем Египта из числа людей. Как представляется, уже на этапе творчества Дикеарха (конец IV в. до н.э.) с данным образом великого царя египетской древности было связано представление о том, что, несмотря на размах своих завоеваний, он потерпел поражение от скифов и далее созданное им миродержавие перешло сначала к ним, а затем к азиатским народам (ассирийцам, мидянам, персам). Появление Александра Великого, его приход к власти в Египте и его победы приводят к возвращению миродержавия к Египту, т.е., очевидно, к восстановлению той нормы миропорядка, которая существовала во времена Сесонхосиса.

Сама логика исторического процесса, присутствующая в этой фикции, – становление некоей нормы, ее упадок и затем ее восстановление – принципиально схожа с логикой движения больших исторических циклов, на которые история Египта разбивается в труде Манефона. Различие между его концепцией и данной фикцией состоит, разумеется, в замещении в ее рамках последовательности нескольких исторических циклов единым циклом египетской истории, в резком противоречии с исторической реальностью. Понятно также, что и Сесонхосис в данном конструкте не является прямым аналогом ни одного из царей, обозначенных этим именем в труде Манефона, а его положение в самом начале немифологической истории произвольно, вернее, мотивировано лишь логикой отнесения всякой устроительской деятельности к «началу времен». Тем самым данная фикция хотя и использовала некоторые принципы и мотивы позднеегипетской историографии, но, в отличие от исторической схемы Манефона, была чисто пропагандистским конструктом, нацеленным на легитимацию власти Александра в Египте и демонстрацию значения македонского владычества для самих египтян в контексте общего хода их истории. В этом смысле ее уместно сопоставлять с тесно с нею связанной фикцией рождения Александра от Нектанеба II в «Романе об Александре», которая также грубо искажала историческую реальность (причем недавнюю) и была рассчитана на массовое восприятие.

Принципиальное значение представления об Александре как о «возрожденном Сесонхосисе», в том числе его новизна в египетской пропаганде, видится в том, что в его рамках древнейшая идеологема восстановления пошатнувшегося миропорядка царем – основоположником нового царского дома и нового исторического периода – интегрирована с представлением об исконном миродержавии Египта, его утрате и закономерности его восстановления. Фактически этот конструкт предоставлял возможность не только легитимации власти правителя, который брался за восстановление позиций Египта в мире, но и уяснения, каким образом они в принципе могли пошатнуться и как Египет мог уступить миродержавие азиатским царствам, вопреки сакральности и универсализму власти его царей. При этом мобилизация представления об Александре как о «возрожденном Сесонхосисе», похоже,

отвечала интересам пропаганды Птолемеев в первые десятилетия III в. до н.э., в пору относительно успешного расширения их сферы влияния в Средиземноморье. Тогда же, по видимому, появляется и памятник из оазиса Бахария, пространная и пышная титулатура на котором, приписанная Александру Великому и поставленная в прямой контекст посещения им оазиса Сива, прославляла его как миродержавного правителя и преемника Ахеменидов. Сама по себе идеологема миродержавия была важна для прославления начала македонского времени как эпохи, когда Египет смог вновь обратиться к экспансии и взять реванш у своих прежних завоевателей (вспомним, что такой мотив мы встречаем, в частности, в «Пророчестве ягненка»). Вместе с тем нет сомнений, что, помимо внешнеполитических успехов Птолемеев, ссылка на Александра как на их основоположника и при этом именно египетского царя, подтверждала укорененность македонской власти в Египте.

Как представляется, сделанные нами наблюдения в целом подтверждают, что конструкты, основанные на представлениях египтян I тыс. до н.э. о циклических закономерностях хода истории, стали действенным средством в формировании положительного образа начала македонского времени в Египте и легитимации власти его правителей. На наш взгляд, нет необходимости (да, пожалуй, и возможности) для суммирования всех наших конкретных наблюдений в связи с реплицированием древнеегипетских представлений о прошлом в античной традиции. Ряд из намеченных нами при этом сюжетов (например, целостная и весьма детализированная схема истории Египта, проявляющаяся в сведениях традиции Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского) заслуживают того, чтобы стать предметом отдельного подробного исследования. Сейчас достаточно сказать, что наша исходная презумпция того, что античная традиция адекватно отображает сюжеты и мотивы позднеегипетской историографии, подтвердилась в ходе исследования достаточно надежно.

В связи с обнаруженными нами историко-пропагандистскими конструктами, которые возникли в Египте в начале эллинизма и известны нам в основном благодаря их рецепции античной традицией, правомерно обсудить вопрос о том, занимают ли они какое-либо место в рамках сложного и комплексного явления эллинистического синтеза. В свое время мы обращали внимание, что синтетический характер многих явлений культуры и идеологии эллинизма (как, собственно, и то, в какой мере их возникновение стало результатом реального равноправного и плодотворного взаимодействия греческой и восточной традиций) не следует переоценивать [Ладынин, 2004 (2), с. 150—153]. Нет сомнений, что фикция рождения Александра Великого от Нектанеба II, его презентация как «возрожденного Сесонхосиса», а также представление об Александре и Птолемеи I как о паре рубежных фигур начала македонского времени были сформированы на основе египетских категорий и должны были иметь хождение прежде всего в египетской среде. Исключение в этом смысле составляет лишь

культурный эпитет Птолемея I «Сотер», широчайшим образом воспринятый именно греко-македонской средой; однако, как мы говорили, его возможные египетские коннотации, несомненно, формировали лишь один, надо думать, не самый значимый аспект этого восприятия. В связи с фикцией рождения Александра от Нектанеба мы заметили, что, как и фикция родства персидского царского дома с домом Априя двумя с лишним веками ранее, она не могла иметь особого значения собственно для позиций чужеземных правителей в Египте, а лишь облегчала их восприятие самим египтянам, вероятно, в интересах наиболее лояльных к этим правителям слоев элиты. Как Аргеады, так и первые Птолемеи, безусловно, были заинтересованы в том, чтобы их взаимоотношения с местным египетским населением строились не исключительно на силовой основе. Подбор идеологов, которые представляли их в глазах египтян наиболее положительно, должен был македонскими царями поощряться. Мы не знаем в точности, в какой мере и как именно он инициировался, хотя известные по сообщениям традиции контакты с первым и вторым Птолемеями Манефона, а также появление сравнительно близко к *акме* его творчества египтизирующих мотивов в «процессии Филадельфа», подтверждают мысль что использование таких идеологов в пропаганде встречалось Птолемеями с энтузиазмом и носило целенаправленный характер. Однако мы не представляем себе, чтобы презентация начала эллинизма как значимого этапа именно в *египетской* истории (тем более как иллюзорного восстановления великодержавия Египта!) могла иметь какое-либо значение в греко-македонской среде. Чрезвычайно показательна последующая судьба этих идеологов, когда они и в самом деле обретают бытование в античной традиции вне какой-либо связи с их исходным идеологическим значением. Фикция исходного египетского миродержавия находит отражение в практически чисто исторической по своим целям схеме Помпея Трога (морализаторство последнего об отличиях древнейших царей египтян и скифов от более поздних завоевателей не имеет никакой связи с исходным смыслом этой фикции в египетской пропаганде); фикция рождения Александра от царя Нектанеба – в беллетристической, подчеркнута развлекательной по своему предназначению традиции античного романа. Место, которое эти идеологемы заняли в античных нарративах, совершенно не связано с их первоначальным предназначением в египетской среде, и что последнее было античной традиции безразлично. Подобная их судьба наводит на мысль, что они и изначально формировались и бытовали практически в полном отрыве от греко-македонской среды Египта; исходя из этого, их не следует считать синтетическим явлением и с полным правом можно исследовать, отталкиваясь от закономерностей собственно египетского мировоззрения.

Подводя генеральный итог нашей работе в целом, стоит вернуться к тому, с чего мы начали во введении обоснование ее актуальности, а именно к значимости в современной историографии проблематики взаимного восприятия носителей разных культурных традиций.

Думается, что наши наблюдения над разными аспектами презентации царей дома Аргеадов и их межрегиональной державы Аргеадов в египетской традиции начала македонского времени и в ее античных репликах подводят нас к следующему заключению: в доступных нам источниках, по сути дела, не представлен образ македонских царей, македонян, греческих или азиатских подданных Аргеадов как «чужих» в смысле формирования применительно к ним стереотипов на собственно этнокультурной основе. Изученная нами позитивная презентация царей-Аргеадов сводилась к выявлению в них при помощи конструктов царской идеологии или историографии качеств благих *египетских* правителей. Равным образом, негативное отношение не столько к самим Аргеадам (таких свидетельств в нашем распоряжении нет), сколько к их мировой державе и к их агентам (Клеомену из Навкратиса) выражалось в апелляции к топосам, связанным с образом опять же *египетского* бога, олицетворяющего злое начало, – Сета. Можно было бы сказать, что еще одной линией негативной презентации в египетских источниках мировой державы Аргеадов (а позднее и главного соперника Птолемеев в эллинистической ойкумене – государства Селевкидов) является уподобление могучему внешнему врагу Египта в VI-IV вв. до н.э. – персидской державе Ахеменидов. Однако и ее реминисценции в рассмотренных нами источниках лишены какого-либо этнокультурного колорита: по сути дела, они касаются конкретного вреда, причиненного Ахеменидами Египту, – похищения культовых предметов из его храмов, а также переносят на них топосы, связанные опять же с образом Сета. Важной и показательной иллюстрацией к сказанному может послужить то, что ахеменидские ассоциации в источниках начала македонского времени не задействуют собственно обозначения «Персия» и «персы». «Вековым врагом» Египта, сначала представленным Ахеменидами, а затем врагами сатрапа Птолемея среди диадохов, оказывается «Азия»-*Stt* – геополитическое и едва ли не космологическое понятие, существующее неизменно и не ассоциируемое специально ни с одним чужеземным народом. Разумеется, это не значит, что на бытовом уровне у египтян не было представлений-клише о персах, македонянах и греках; вне сомнения, они имелись, хотя свидетельств о них в источниках начала македонского времени не сохранилось. Но египетские источники начала македонского времени, порожденные официальной идеологией или сознанием элиты, осмысливают реалии этой эпохи, как мы сказали, исключительно в понятиях, которые возникли в рамках египетской культуры. Благодаря этому внешние контакты Египта, включая ситуации его неспособности нанести поражение внешнему врагу или подчинения внешней силе, осмысливаются, по сути дела, как оцененное позитивно или негативно состояние египетской универсалистской государственности. По-видимому, это можно квалифицировать как компенсаторный прием, позволявший египтянам не отказываться от стереотипа универсализма даже в ситуации своего реального исторического проигрыша.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Сокращения, использованные в списке литературы:

Научные журналы и периодические издания:

- АМА Античный мир и археология. Саратов.
- ВДИ Вестник древней истории. М.
- КСИНА Краткие сообщения института народов Азии. М.
- СА Советская археология. М.
- ТОВЭ Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Л.
- AAASH Acta antiqua Academiae scientiarum hungaricae. Budapest.
- AAe Antiquitas aeterna: Поволжский антиковедческий журнал. Казань; Нижний Новгород; Саратов.
- AC L'Antiquité classique. P.
- AegR Aegyptiaca Rossica. М.
- AfO Archiv für Orientforschung. Wien.
- AJSL American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago.
- AS Ancient Society. Leuven.
- AoF Altorientalische Forschungen. B.
- ASAÉ Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Le Caire.
- BASP Bulletin of the American Society of Papyrologists. N.Y.
- BCH Bulletin de correspondance hellénique. P.
- BES Bulletin of the Egyptological Seminar. N.Y.
- BIFAO Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. Le Caire.
- BMCR Bryn Mawr Classical Review. Bryn Mawr (Pa.). (URL: <http://bmcr.brynmawr.edu/index.html>; дата обращения: 30.04.2017).
- BMFA Bulletin of the Museum of Fine Arts. Boston (Mass.).
- BSÉG Bulletin de la société d'égyptologie. Genève
- BSFÉ Bulletin de la société française d'égyptologie. P.
- CDAFI Cahiers de la Délégation archéologique française en Iran. P.
- CdÉ Chronique d'Égypte. Bruxelles.
- CIPh. Classical Philology. Chicago.
- CIRev. CIRev.
- CQ Classical Quarterly. Oxford.
- CRAIBL Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P.

- CRIPEL Cahiers de recherches de l'Institut de papyrologie et égyptologie de Lille. Lille.
- EVO Egitto e Vicino Oriente. Pisa.
- G&R Greece & Rome. Cambridge.
- GM Göttinger Miszellen. Göttingen.
- GRBS Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham.
- HSCP Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge. (Mass.).
- JANES Journal of the Ancient Near Eastern Society. N.Y.
- JARCE Journal of the American Research Center in Egypt. Boston; Cairo.
- JCS Journal of Cuneiform Studies. Ann Arbor (Mich.), New Haven (Conn.).
- JEA Journal of Egyptian Archaeology. L.
- JEH Journal of Egyptian History. Leiden.
- JJP Journal of Juristic Papyrology. Warszawa.
- JHS Journal of Hellenic Studies. L.
- JNES Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- JRA Journal of Roman Archaeology. Ann Arbor (Mich.).
- JSSEA Journal of the Society of the Studies of Egyptian Antiquities. Toronto.
- MDAIK Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Wiesbaden, Mainz.
- OLZ Orientalistische Literaturzeitung. B.
- RdÉ Revue d'égyptologie. P.
- RÉA Revue des études anciennes. Bordeaux.
- RT Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. P.
- RhM Rheinisches Museum für Philologie. Bonn; Frankfurt am Main; Köln.
- RHR Revue de l'histoire des religions. P.
- SAK Studien zur altägyptischen Kultur. Hamburg.
- SbPAW Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. B.
- SEL Studi epigrafici e linguistici sul Vicino Oriente antico. Verona.
- TAPhA Transactions of the American Philological Association. Baltimore (Md.).
- ZÄS Zeitschrift für ägyptische Sprache and Altertumskunde. Leipzig; B.
- ZPE Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Köln.

Многотомные издания, энциклопедии:

- CAH² The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1970—2005. Vols. I—XIV.
- CHIr The Cambridge History of Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 1968—1991. Vol. I—VII.

- LÄ Lexikon der Ägyptologie / Hrsg. W. Helck, E. Otto. Wiesbaden: Harrassowitz, 1975—1986. Bd. I—VI.
- RE Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsgg. Au. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler. Stuttgart: J.B. Metzler, 1894—1980.

2. Сокращения, использованные в тексте работы.

Справочные издания, словари:

(при цитировании, как правило, указываются том – при наличии, страница, номер глоссы или иной индекс – при наличии)

- ÄWb. II. [Hannig, 2006 (1)].
- CDD [Demotic Dictionary..., 2017] (с указанием литеры и страницы).
- DWL [Demotische Wortliste..., 2017] (с указанием номера глоссы).
- DZA [Digitalisiertes Archiv..., 2017] (с указанием номера карточки).
- FCD [Faulkner, 1962].
- GG(SL) обозначение иероглифического знака по: [Gardiner, 1957, p. 432—531 (Signlist)].
- HWÄD [Hannig, 2006 (2)].
- LÄGG [Lexikon der ägyptischer Götter und Götterbezeichnungen..., 2002].
- LGPN IV [Lexicon of Greek Personal Names..., 2005].
- LSJ [Liddell, Scott, Jones, 1996].
- Montpellier обозначение иероглифического знака по: [Valeurs phonétiques..., 1988—1995].
- PM II² [Porter, Moss, 1972].
- PM III²/2 [Porter, Moss, 1978].
- PM IV [Porter, Moss, 1934].
- PM V [Porter, Moss, 1937].
- PM VII [Porter, Moss, 1951].
- PN [Ranke, 1935—1977].
- PP [Prosopographia Ptolemaica, 2015].
- Wb. [Erman, Grapow, 1955].
- Wb. Belegst. [Erman, Grapow, 1940—1958].

Египетские письменные источники:

(р. – папирус, о. – остракон; при цитировании, как правило, указываются листы или столбцы и/или строки текста)

- KM «Книга Мертвых» (с указанием номеров глав; см., например:

- [Naviile, 1886]).
- СТ «Тексты саркофагов» [Buck, 1935—1961] (с указанием номера тома и страницы).
- Led. [Buck, 1938].
- Memph. «Памятник мемфисской теологии» [Sethe, 1928, S. 1—82].
- pBM 10508 «Поучение Анхшешонки» [Glanville, 1955].
- p.dem. Bibl. Nat. 215
- recto* «Демотическая хроника» [Spiegelberg, 1914, S. 3—22, Taf. I—V].
- p.dem. BM 604 демотические сказания о Сатни-Хаэмуасе [Griffith, 1900].
- o.dem. Leipzig остракон с записью фрагмента демотического сказания – аналога UB 2213 «Романа о Сесонхосисе» [Ryholt, 2010].
- p.dem. Carlsberg 411, фрагменты папирусов с записью демотических сказаний – аналогов p.dem. Carlsberg 412 «Романа о Сесонхосисе» [Widmer, 2002] (описание папирусов с отдельными цитатами в автографии и транслитерации).
- pChester Beatty IV «Прославление писцов» [Gardiner, 1935, vol. 1, p. 28—44; vol. 2, pl. 14—15, 15A, 20, 20A, 21].
- pChester Beatty V «Гимн Нилу» [Plas, 1986, t. 2].
- pErm. 1116A «Поучение царю Мерикара» [Golénischeff, 1913, pl. 9—14, A—C].
- pErm. 1116B «Пророчество Неферти» [Golénischeff, 1913, pl. 23—25].
- pHarris I «Большой папирус Харрис» [Erichsen, 1933].
- pLeiden I.344 *recto* «Речение Ипувера» [Gardiner, 1909].
- pMillingen «Поучение царя Аменемхета I своему сыну Сенусерту I» [Helck, 1969].
- pSall. 1 «Сказка об Апопи и Секененра» [Gardiner, 1932, p. XIII, 85—87].
- p.dem. Vindob. 10000 «Оракул ягненка» [Zauzich, 1983, S. 165—174, Taf. 2].
- pWestcar сказки папируса Весткар о царе Хуфу и волшебниках [Blackman, 1988].
- Pyr. «Тексты пирамид» [Sethe, 1908—1922] (с указанием номера фрагмента).
- Sh. S. «Сказка о потерпевшем кораблекрушение» [Blackman, 1932, p. 41—48].
- Sin. «Рассказ Синухета» [Blackman, 1932, p. 1—41].
- Tur. «Туринский царский список» (pTurin 1874 *verso*) [Gardiner, 1959].

Публикации египетских эпиграфических и иных памятников, сборники переводов египетских текстов:

(при цитировании, как правило, указываются том – при наличии, страница и строка издания)

- BAR [Breasted, 1927] (с указанием тома и параграфа).
- Champ. Mon.* [Champollion, 1835—1845].
- Champ. Not. descr.* [Champollion, 1844—1889].

Dendara	надписи из храма Хатхор в Дендера [Chassinat, 1934—1935, t. 1].
Descr. de l'Égypte. Ant.	[Description de l'Égypte, 1809—1817].
Édfou	надписи из храма Хора Бехдетского в Эдфу [Rochemonteix, Chassinat, 1897—1934].
FHN	[Fontes historiae Nubiorum..., 1994—2000].
KRI	[Kitchen, 1969—1987].
LD	[Lepsius, 1849—1859].
LD. Text.	[Lepsius, 1897—1913].
Urk. I	[Sethe, 1903].
Urk. II	[Sethe, 1904—1916].
Urk. III	[Schäfer, 1905—1908].
Urk. IV	[Sethe, 1906—1909; Helck, 1956—1961].
Urk. VI	[Schott, 1929—1939].
Urk. VII	[Sethe, 1935].

Обозначения отдельных египетских памятников:

ДВ	отдел древнего Востока Государственного Эрмитажа.
Berlin ÄS	Египетский музей в Берлине.
BM	Британский музей.
CM	Египетский музей в Каире (пятизначный номер – в соответствии с Генеральным каталогом).
JE	Египетский музей в Каире, номер по списку поступлений (Journal d'entrées).
Louvre	Лувр.
MFA	Музей изящных искусств в Бостоне.
Ny Carlsberg ÆIN	египетская коллекция Новой глиптотеки Карлсберга (Копенгаген).
OI	собрание Восточного института Чикагского университета.
Vatican	Museo gregoriano egizio в Ватикане.
Wien ÄS	Египетское собрание Музея истории искусства в Вене.
TT	номер частной гробницы фиванского некрополя.

Древнегреческие и латинские нарративы:

FGrHist.	[Fragmente..., 1923—1958] (с указанием номера последовательности фрагментов в соответствии с обозначениями данного издания).
FHG	[Fragmenta..., 1853—1870] (с указанием номера тома и страницы).
Fortenbaugh-Schütrumpf	фрагменты Дикеарха Мессенского по изданию:

- [Dicaearchus of Messana, 2001].
- GGM [Geographi..., 1855–1861].
- Hist. Alex. Magni «Роман об Александре» с указанием версии.
- Hist. Alex. Magni, A «Роман об Александре» в соответствии с рукописью A (codex Parisinus 1711), с наибольшей подробностью воспроизводящей т.н. «версию α» [Kroll, 1926].
- Hist. Alex. Magni, β «Роман об Александре» в т.н. «версии β», реконструируемой на основе ряда рукописей [Bergson, 1965].
- Hist. Alex. Magni, γ «Роман об Александре» в т.н. «версии γ», реконструируемой на основе ряда рукописей [Griechische Alexanderroman..., 1962; Griechische Alexanderroman..., 1963; Griechische Alexanderroman, 1969].
- Manetho* фрагменты Манефона Севеннитского по изданию: [Manetho, 1980].
- Wehrli фрагменты Дикеарха Мессенского по изданию: [Wehrli, 1967].

Грекоязычные папирусы:

- P₁, P₂, P₃, P₄ списки «Оракула горшечника» (соответственно, pGraf = pWien G.29787; pRainer = pWien G.19813; pOxy. 2332; PSI VIII 982) [Koenen, 1968].
- pEleph. [Rubensohn, 1907] (с указанием номера папируса).
- pHib. I.72 [Hibeh Papyri, 1906, p. 222—225].
- pLeiden I.396 «Сон Нектанеба» [Wilcken, 1927, S. 369—371 (Nr. 81); Koenen, 1985, p. 171—194].
- pOxy 1826 фрагмент «Романа о Сесонхосисе» [O’Sullivan, 1984, p. 39–40].
- pOxy 2466 фрагмент «Романа о Сесонхосисе» [O’Sullivan, 1984, p. 41—42; Ruiz-Montero, 1989, S. 51—57].
- pOxy 3319 фрагмент «Романа о Сесонхосисе» [O’Sullivan, Beck, 1982; O’Sullivan, 1984, p. 42—43].

Публикации античных эпиграфических памятников:

(при цитировании указывается номер тома и/или надписи)

- FD III.4 [Fouilles de Delphes..., 1954] (с указанием номера надписи).
- IG XII.7 [Inscriptiones Graecae..., 1908] (с указанием номера надписи).
- OGIS [Dittenberger, 1903—1905] (с указанием номера надписи).
- SEG [Supplementum..., 1923—2015] (с указанием номера тома и надписи).
- Syll. [Dittenberger, 1915—1924] (с указанием номера надписи).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М.* Древний Восток. М.: АСТ, 2007. 656 с.
- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 410 с.
- Аполлодор.* Мифологическая библиотека / Пер., закл. статья, прим., указ. В.Г. Боруховича. Л.: Наука, 1972. 216 с.
- Арджинба В.Г.* Хеттское царство // Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке / Под ред. И.А. Стучевского. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1987. С. 90—122.
- Аристотель.* Экономика / Пер. Г.А. Тароняна // ВДИ. 1969. № 3. С. 217—242.
- Арриан, Флавий.* Поход Александра. СПб., Алетейя, 1993. 368 с.
- Ассман Я.* Египет: теология благочестия ранней цивилизации / Пер. с нем. Т. Баскаковой. М.: Присцельс, 1999. 368 с.
- Бадер А.Н.* Проблема возникновения и политического устройства Парфянского царства в современной историографии // ВДИ. 1989. № 1. С. 216—231.
- Баницикова А.А.* Женские образы в художественных произведениях древнего Египта. М.: URSS, 2009. 168 с.
- Баницикова А.А.* Переломные эпохи в исторической традиции и сознании древних египтян. По источникам конца II тыс. до н.э.—I тыс. н.э. М.: URSS, 2015. 208 с.
- Берзина С.Я.* Египтяне и мероиты на триумфальных ахеменидских печатях // Древность: Историческое знание и специфика источника / Тезисы докладов конференции, посв. памяти Э.А. Грантовского. М.: ИВ РАН, 1996. С. 23—24.
- Берлев О.Д.* Один из способов датировки стел Среднего царства // КСИНА. 1962. Вып. 46. С. 45—87.
- Берлев О.Д.* Трудовое население Египта эпохи Среднего царства. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1972. 364 с.; илл.
- Берлев О.Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. Социальный слой «царских *ḥtmw*». М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1978. 366 с.
- Берлев О.Д.* «Золотое имя» египетского царя // Ж.Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов : сб. ст. / отв. ред. И.С. Кацнельсон. М.: Наука, 1979. С. 41—59.
- Берлев О.Д.* Древнейшее описание социальной организации Египта // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке / Под ред. М.А. Дандамаева. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1984. С. 26—34.

Берлев О.Д. Цифровые данные по угону населения покоренных стран в Египет // Государство и социальные структуры на древнем Востоке / Под ред. М.А. Дандамаева. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1989. С. 86—108.

Берлев О.Д. (1) Два периода Сотиса между Годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и Годом 2 фараона Антонина Пия // Древний Египет: язык—культура—сознание. По материалам египтологической конференции 12—13 марта 1998 г. М.: Присцельс, 1999. С. 42—62.

Берлев О.Д. (2) Наследство Геба // Подати и повинности на древнем Востоке. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 6—33.

Берлев О.Д. Два царя—Два Солнца: к мировоззрению древних египтян // *Discovering Egypt from the Neva: The Egyptological Legacy of Oleg D. Berlev*. В.: Achet-Verlag Norbert Düring, 2003. P. 1—18.

Берлев О.Д., Ходжаши С.Я. Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.: Восточная литература, 2004. 567 с.; илл.

(*Берлев О.Д.*,) *Шэхаб Эль-Дин Т.М.*¹ Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV—VIII династий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.: СПбФ ИВ РАН, 1993. 533 с.

Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 188 с.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. М.: Наука, 1975. 334 с.

Бикс Г. Хирохито и создание современной Японии / Пер. с англ. Ю. Кирьяка. М.: АСТ, 2002. 576 с.

Богословский Е.С. Древнеегипетские мастера (По материалам из Дер эль-Медина). М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1983. 368 с.

Богословский Е.С. Фактор государства в структурообразовании египетского общества второй половины II тысячелетия до н.э. // Государство и социальные структуры на древнем Востоке / Под ред. М.А. Дандамаева. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1989. С. 109—127.

Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. 290 с.

Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009. 550 с.

Большаков А.О. Системный анализ староегипетских гробничных комплексов // ВДИ. 1986. № 2. С. 98—137.

---

¹ Об основаниях к такому обозначению данной работы см.: *Большаков А.О.* Демиург // Петербургские египтологические чтения 2007—2008: памяти О.Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения: Доклады. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. (Труды Государственного Эрмитажа; 45). С. 18, 23 (прим. 23).

- Большаков А.О.* Эхнатон и Нефертити: мировой порядок—дело семейное // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского (14.11.1908 – 15.X.1990). Тезисы докладов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 10–13.
- Большаков А.О.* Древнеегипетская скульптура и «Хорово имя» // ВДИ. 2000. № 2. С. 73—87.
- Большаков А.О.* Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб.: Алетейя, 2001. 288 с.
- Большаков А.О.* Изображение и текст: два языка в древнеегипетской культуре // ВДИ. 2003. № 4. С. 3—20.
- Большаков А.О.* О профессионализме в египтологии // ВДИ. 2006. № 3. С. 185—194.
- Большаков А.О.* Фрагмент клепсидры с именем Александра // Александр Великий: Путь на Восток. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 14 февраля – 1 мая 2007 г. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 209.
- Большаков А.О.* «Прекрасная пришла». Шедевры портрета из Египетского музея в Берлине. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 16 июня – 20 сентября 2009 г. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 56 с.; ил.
- Большаков А.О.* Древний Египет в Эрмитаже: новые открытия. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 176 с.; ил.
- Большаков А.О.* Важные мелочи перевода и интерпретации египетских источников Старого царства // AegR. 2013. Вып. 1. С. 51—65.
- Большаков А.О., Суцневский А.Г.* Герой и общество в древнем Египте // ВДИ. 1991. № 3. С. 3—27.
- Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А.* Индия и античный мир. М.: Восточная литература, 2002. 360 с.; илл.
- Брагинский И.С.* Искандар // Мифы народов мира. Т.1. М.: Советская Энциклопедия, 1980. С. 570.
- Бриан П.* Дарий в тени Александра. М.: Вече, 2007. 448 с., илл.
- Васильева О.А.* Миф об Исиде и Осирисе в греко-римской и позднеантичной традиции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 280 с.
- Васильева О.А., Ладынин И.А.* «Волшебник Нектанеб»: историко-художественный образ и его истоки // Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 8. М.: Академика, 2012. С. 3—36.
- Виноградов А.К.* Древнеегипетский фразеологизм «девять луков» // Мероэ: История, история культуры и языка стран Северо-Восточной Африки и Красноморского бассейна. Вып. 3. М.: Наука, 1985. С. 78—100.

- Виноградов И.В.* Среднее царство в Египте и нашествие гиксосов // История Востока. Т. 1: Восток в древности / Под ред. В.А. Яковсона. М.: Восточная литература, 1997. С. 165—175.
- Гаибов В.Г., Кошеленко Г.А., Сердитых З.В.* Эллинистический Восток // Эллинизм: восток и запад. М.: Наука, 1992. С.10—59.
- Голенищев В.С.* В.С. Голенищев – Б.А. Тураеву, 18 (31) января 1912 г. // Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909—1912). М.: Советский художник, 1987 (Из архива ГМИИ; 3). С. 220—224.
- Грантовский Э.А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. М.: Восточная литература, 1998. 341 с.
- Гуля Н.П.* Дидактическая афористика древнего Египта. Л.: Госполитиздат, 1941. 278 с.
- Гуревич А.Я.* Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 105—116.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.
- Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н.э.). М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. 292 с.
- Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1985. 324 с.
- Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1980. 416 с.
- Дандамаева М.М.* Легенда о трех ассирийских владыках (Ранняя греческая традиция о Нине, Семирамиде и Сарданапале) // ВДИ. 1995. № 4. С. 14—34.
- Дейнека Т.А.* Рец на: Grimal N.-Ch. Les termes de la propagande royale égyptienne de la XIX dynastie à la conquête d'Alexandre. P., 1986 // ВДИ. 1991. № 3. С. 197—203.
- Дейнека Т.А.* Идеологическое обоснование внешней политики Египта в XVI—XIV вв. до н.э. // ВДИ. 1990. № 2. С. 135—155.
- Дейнека Т.А.* Обоснование внешней политики Египта в царских надписях XVIII династии. Автореф. ... к.и.н. СПб.: СПбФ ИВ РАН, 1992. 33 с.
- Демидчик А.Е.* Представления о египетской государственности в «Поучении царю Мерикара». Автореф. ... к.и.н. М.: ИВ РАН, 1994. 22 с.
- Демидчик А.Е.* «Дал я дорогу своим ногам...» («Рассказ Синухе» – древнейшие воспоминания эмигранта) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Под ред. Р.М. Шукурова. М.: Алетейа, 1999. С. 237—258.
- Демидчик А.Е.* Древнеегипетский фразеологизм *jtj...mj jgr n tw* на стеле кушитского царя Пианхи // Чуждое-Чужое-Наше: Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2000. С. 20—31.

- Демидчик А.Е.* Староегипетская печать «правителя Нагорья» и письмо Синухета царю // ВДИ. 2001. № 2. С. 79—88.
- Демидчик А.Е.* Примечательная особенность идеологии древнейших территориальных государств // История и культура Востока Азии: К 70-летию В.Е. Ларичева. Материалы международной научной конференции. Новосибирск, 9—11 декабря 2002 г. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2002. Т. 1. С. 76—78.
- Демидчик А.Е.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: Алетейя, 2005. 272 с.; илл. (Aegyptiaca; I).
- Демидчик А.Е.* Доменные владения древнеегипетской гераклеопольской монархии // ВДИ. 2007. № 2. С. 3—18.
- Демидчик А.Е.* Девять пояснений к древнеегипетской «Сказке о красноречивом промысловике» // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 4: Востоковедение. С. 20—26.
- Демидчик А.Е.* Еще раз об авторе «Поучения царю Мерикара» // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1. С. 5—10.
- Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека, I.42—I.98 / пер. А.Г. Алексаняна. (URL: <http://www.egyptology.ru/antiq/Diodorus2.pdf>; дата обращения: 30.04.2017).
- Дройзен И.Г.* История эллинизма. Т. 2: История диадохов. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1893. IV, [2], 385, 104, 13 с.
- Дьяконов И.М.* Введение // Мифологии древнего мира. М.: Наука, 1977. С. 5—54.
- Дьяконов И.М.* Последние годы урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // ВДИ. 1951. № 2. С. 29—39
- Ейне А.* Кирено-египетские отношения при первых Птолемах // Древний Восток и античный мир. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. С. 170—183.
- Жебелев С.А.* Киренская конституция // Доклады АН СССР. 1929. № 5. С. 77—84
- Жебелев С.А.* «Аристотелева» «Экономика» // ВДИ. 1937. № 1. С. 114—125.
- Доватур А.И.* «Средний» государственный строй в «Политике» Аристотеля и историческая действительность (Pol. IV.11. 1296a 38—40: Опыт интерпретации) // Античное общество: Труды конференции по изучению проблем античности. М.: Наука, 1967. С. 274—277.
- Дьяконов И.М.* История Мидии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 486 с.
- Дьяконов И.М., Якобсон В.А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 3—16.
- Зельин К.К.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. Вып. XXII. С. 99—108.

- Зельин К.К.* Помпей Трог и его произведение “*Historiae Philippicae*” // *Юстин, Марк Юниан.* Эпитома сочинения Помпея Трога “*Historiae Philippicae*”. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С. 5—33.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VII вв. до н.э. М.: ИВИ РАН, 1996. 322 с.
- Иванчик А.И.* Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 1999. № 4. С. 4—36.
- Иванчик А.И.* Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII—VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин: Палеограф, 2005. 312 с. (*Pontus septentrionalis*; 3).
- Иванчик А.И.* К вопросу о скифском языке // ВДИ. 2009. № 2. С. 62—88.
- Ильин-Томич А.А., Сафронов А.В.* Датировка и возможный исторический контекст «Речения Ипувера» // ВДИ. 2010. № 4. С. 3—22.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов («Гетика») / Вступ. статья, пер., комм. Е.Ч. Скржинской. М.: Восточная литература, 1960. 436 с.
- Иосиф Флавий.* Иудейские древности / Пер. Г.Г. Генкеля; подг. текста, предисл. и прим. Г.И. Довгяло и др. Минск: Беларусь, 1994. Т. 1—2.
- Исократ.* Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи / Изд. подг. Э.Д. Фролов. М.: Ладомир, 2013. 1074 с.
- История древнего Востока:* Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия, Египет / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Наука, 1988. 623 с.
- История древнего Востока:* От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. А.В. Седова. М.: Восточная литература, 2004. 895 с.; ил., карты.
- История древнего Востока: тексты и документы* / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. 719 с.
- История древнего мира.* В 3-х тт. / Под ред. И.М. Дьяконова и др. Изд. 3-е. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1989. Т. 1: Ранняя древность. 470 с., с карт.
- Карлова К.Ф.* Образ бога Сета в древнеегипетской религии Позднего периода (на материале ритуально-магических текстов и памятников оазисов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., Институт востоковедения РАН, 2016. 273 с.
- Кацнельсон И.С.* Кембесуден и Хабабаш // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. Сборник статей в честь Н.В. Пигулевской. М.: Наука, 1967, С. 20—24.
- Кеес Г.* Заупокойные верования древних египтян / пер. И.В. Богданова. СПб.: Журнал «Нева», Летний сад, 2005. 496 с., илл.

- Кинжалов Р.В.* Политическая и социальная направленность повести «О жизни Александра Македонского» (Версия «А»). Дисс. ... к.и.н. Л., 1955. 217 с.
- Кинжалов Р.В.* Легенда о Нектанебе в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского» // Древний мир. Академику В.В. Струве. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 537—544.
- Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. Очерки. М.: Наука, 1983. 208 с.
- Коростовцев М. А.* Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. 137 с., 15 табл.
- Коростовцев М. А.* Введение в египетскую филологию. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. 280 с.
- Коростовцев М.А.* Египетское происхождение романа об Александре // КСИНА. 1964. Вып. 65 (Сборник памяти Е.Э. Бертельса). С. 90—97.
- Коростовцев М.А.* Религия древнего Египта. М.: Наука, 1976. 336 с.
- Коростовцев М.А.* Писцы древнего Египта. СПб.: Журнал «Нева»; Летний Сад, 2001. 368 с.
- Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М.: Наука, 1972. 190 с.
- Кошеленко Г. А.* Восстание греков в Бактрии и Согдиане и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э. // ВДИ. 1972. № 1. С. 59—78.
- Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. 295 с.
- Кошеленко Г. А.* Греция и Македония эллинистической эпохи // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1982. С. 66—118.
- Кузнецова Т.И.* Историческая тема в греческом романе: «Роман об Александре» // Античный роман. М.: Наука, 1969. С. 186—229.
- Кузьмин К.В.* (1) Баран с четырьмя головами: некоторые проблемы позднеегипетской пророческой литературы // AegR. 2014. Вып. 2 С. 166—175.
- Кузьмин К.В.* (2) Царь Бокхорис и ассирийцы, или Как Исход оказался в VIII в. до н.э. // Восток, Европа, Америка в древности. Выпуск 3: Труды XVIII Сергеевских чтений. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. (Труды исторического факультета МГУ; 68; Серия II: Исторические исследования; 29а). С. 31—42.
- Кузьмин К.В.* Древнеегипетские представления об исторических циклах в пропагандистских текстах эллинистического времени (на материале «Оракула ягненка» и «Оракула горшечника»). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИВ РАН, 2017. 337 с.

Курций Руф, Квинт. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. 2-е изд., испр. / Отв. ред. А.А. Вигасин. М., Изд-во Московского ун-та, 1993. 464 с.

Книга деяний Ардашира сына Папака / Пер. и коммент. О.М. Чунаковой. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1987. 163 с. (Памятники письменности Востока); LXXVIII).

Кормышева Э. Е. Политические взаимоотношения Куша с державой Птолемеев в III—II вв. до н.э. // Мероз: История, история культуры и языки стран Северо-Восточной Африки и Красноморского бассейна. Вып. 3. М., 1985. С. 163—189.

Лаврентьева Н.В. «Книги иного мира»: образ Дуата в искусстве Древнего Египта Среднего и Нового царств. Дисс. ... к. иск. М.: ГИИ Минкультуры РФ, 2008. 360 с.

Ладынин И.А. Памятники Александра Великого в Египте: опыт интерпретации // Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Русский двор, 1998. Вып. 1. С. 32—49.

Ладынин И.А. К вопросу о принятии Александром Македонским египетского царского статуса в 332—331 гг. до н. э. // Античность: события и исследователи / Под ред. В.Д. Жигунина и др. Казань: Экоцентр, 1999. С. 68—73.

Ладынин И.А. (1) Концепция Я. Ассмана и методика изучения древних культур // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2002. № 1. С. 76—97.

Ладынин И.А. (2) «Нечестивый правитель» в религиозно-идеологической традиции древнего Египта II тыс. до н.э. // Культурное наследие Египта и христианский Восток (Материалы международных научных конференций). М.: ИВ РАН, 2002. С. 155—176.

Ладынин И.А. (3) Сведения о возвращении из Азии египетских культовых предметов правителями династии Птолемеев // Μνημα: Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань: Ритор, 2002. С. 202—225.

Ладынин И.А. Античная традиция о Менесе: К проблеме реликтов древнеегипетского героического эпоса // Древние цивилизации Старого и Нового Света: Культурное своеобразие и диалог интерпретаций. М.: Изд-во Ипполитова, 2003. С. 139—150.

Ладынин И.А. (1) Дафны в библейской и христианской традиции о финале царствования Априя (кон. 570—нач. 560-х гг. до н.э.) // ВДИ. 2004. № 3. С. 3—13.

Ладынин И.А. (2) Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. С. 145—184.

Ладынин И.А. (3) Сведения Элефантинской стелы царя Амасиса о вавилонском вторжении в Египет в 568/567 гг. до н.э. // Восток (Oriens). 2004. № 3. С. 17—27.

- Ладынин И.А.* (1) Оформление культа «богов-Эвергетов» в птолемеевском Египте в кон. 240-х—нач. 230-х гг. до н.э. и его египетские коннотации // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С. 226—239.
- Ладынин И.А.* (2) Сюжет рождения Александра Великого от змея: к вопросу о времени и исторических условиях возникновения // ААе. 2005. Вып. 1. С. 28—42.
- Ладынин И.А.* (3) Так называемая «эра Лагидов» в монетных датировках: к определению точки отсчета // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11—15 апреля 2005 г.): Тезисы докладов и сообщений. М.: Альфа-Принт, 2005. С. 12—13.
- Ладынин И.А.* (1) Идеологические аспекты междоусобицы Амасиса и Априя в 570—567 гг. до н.э. // Петербургские египтологические чтения—2005. Тезисы докладов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 88—108.
- Ладынин И.А.* (2) Легенда о египетской царевне Нитетис (Herod. III.1—2; Athen. XIII.560d—f) в политико-историческом контексте VI в. до н.э. // АМА. 2006. Вып. 12. С. 33—42.
- Ладынин И.А.* 3-я Сирийская война и захват Птолемеем III в Азии культовых предметов в сведениях книги Даниила и Порфирия Тирского // ААе. 2007. Вып. 2. С. 273—287.
- Ладынин И.А.* (1) Общество и государство в древнем Египте в зарубежной и отечественной историографии. Проблема древнеегипетской идеологии царской власти // Историография истории древнего Востока. Учеб. для вузов / Под ред. В. И. Кузищина. Ч. 1. М., Высшая школа, 2008. С. 199—275.
- Ладынин И.А.* (2) Проблемы политической истории и хронологии древнего Египта. Древний Египет и окружающий мир в зарубежной и отечественной историографии // Историография истории древнего Востока. Учеб. для вузов / Под ред. В. И. Кузищина. Ч. 1. М., Высшая школа, 2008. С. 122—202.
- Ладынин И.А.* (3) “Πάλιν ἄρχει Αἴγυπτος” (Ps.Call. С. II.27.3): Еще раз о египетской царской титулатуре Александра Великого // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 245—259.
- Ладынин И.А.* (1) Античная традиция о царе Амасисе и ее египетские литературные прототипы // АМА. 2009. Вып. 13. С. 357—372.
- Ладынин И.А.* (2) Жреческие синоды начала правления Птолемея III Эвергета и некоторые особенности общества эллинистического Египта // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы научной конференции / Под ред. О.Л. Габелко. Казань: Отечество, 2009. С. 194—203.
- Ладынин И.А.* (3) Легенда о царе Аменофисе (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F. 1) и финал второго тома труда Манефона // Петербургские египтологические

чтения 2007—2008: памяти О.Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения: Доклады. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. (Труды Государственного Эрмитажа, 45). С. 164—180.

Ладынин И.А. (4) «Соколы-Нектанебы»: Скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция // ВДИ. 2009. № 4. С. 3—26.

Ладынин И.А. Рец. на: Blöbaum A. I. “Denn ich bin der König, der die Maat liebt”. Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Eine vergleichende Untersuchung der Phraseologie in der offiziellen Königsinschriften vom Beginn der 25. Dynastie bis zum Ende der makedonischen Herrschaft. (Aegyptiaca Monasteriensia, Band 4). Aachen: Shaker Verlag, 2006 // ВДИ. 2010. № 1. С. 194—202.

Ладынин И.А. (1) Статуя Дария I из Суз: к интерпретации памятника в свете религиозно-идеологических представлений Египта и Передней Азии // ВДИ. 2011. № 1. С. 3—27.

Ладынин И.А. (2) Новая публикация по проблемам взаимодействия между социумами на востоке античной ойкумены и некоторые черты прижизненного культа Августа в Египте // *Studia historica*. Вып. XI. М., 2011. С. 320—327.

Ладынин И.А. (3) «Феопомп же в третьей (книге) называет его Сесострисом» (FGrH. 115. F. 46): Войны египетского царя в Европе в сведениях историографа Филиппа II // *AAe*. 2011. Вып. 3. С. 34—56.

Ладынин И.А. (4) «Царь на пути бога»: О принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV—III вв. до н.э. // Петербургские египтологические чтения 2009—2010: памяти С.И. Ходжаш. Памяти А.С.Четверухина. Доклады. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. (Труды Государственного Эрмитажа; 55). С. 139—169.

Ладынин И.А. (1) Теаркон/Тахарка в сообщении Мегасфена (FGrHist. 715. F. 11A = Strab. XV.1.6—8) // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 2: Сборник научных трудов XVIII Сергеевских чтений. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 29—41.

Ладынин И.А. (2) Рец. на: Pfeiffer St. (Hrsg.) Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz (Oikumene Studien zur antiken Weltgeschichte, Bd. 3). Frankfurt a.M.: Verlag Antike e.K., 2007. // ВДИ. 2012. № 2. С. 196—205.

Ладынин И.А. Сведения Псевдо-Аристотелевой «Экономики» о Клеомене из Навкратиса и топосы древнеегипетской пропаганды // ВДИ. 2013. № 2. С. 18—40.

Ладынин И.А. (1) Об одном умолчании «Рассказа Синухета» // Вестник Литературного института. 2014. № 2. С. 12—23.

Ладынин И.А. (2) Сюжет войны египтян со скифами в сведениях античной традиции: к поиску исторической первоосновы // *AegR*. 2014. Вып. 2. С. 187—223.

Ладынин И.А. (1) Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев // «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв.

ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб.: РХГА, 2016. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; 82. Серия II: Исторические исследования; 39). С. 265—312.

Ладынин И.А. (2) Египетские и греческие составляющие в прижизненном царском культе Александра Великого // «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб.: РХГА, 2016 (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; 82. Серия II: Исторические исследования; 39). С. 191—229.

Ладынин И.А. (3) Труд Манефона Севеннитского и история Египта I тыс. до н.э. в исследованиях В.В. Струве // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4). С. 73—104.

Ладынин И.А., Немировский А.А. (1) К эволюции восприятия амарнских царей и Хоремхеба в идеологической и исторической традиции древнего Египта // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций / Под ред. О.И. Павловой, А.А. Немировского. М.: ИВ РАН, 2001. С. 80—99.

Ладынин И.А., Немировский А.А. (2) Мемфисская стела Аменхотепа II о его «втором победоносном походе» // Эпиграфика Востока. 2001. Вып. XXVI. С. 56—98.

Ладынин И.А., Немировский А.А. (3) Рец.: Beckerath J. von. Chronologie der pharaonischen Ägypten. Mainz, 1997 // ВДИ. 2001. № 2. С. 216—226.

Ладынин И.А., Немировский А.А. Поход Навуходоносора II на Египет 567 г. до н.э. в сведениях египетской и ветхозаветной традиций (Предварительные замечания) // Культурное наследие Египта и христианский Восток (Материалы международных научных конференций) / Под ред. Э.Е. Кормышевой. М.: ИВ РАН, 2004. С. 63—76.

Ладынин И.А., Немировский А.А. К вопросу о конфедеративной государственности и ее концептуальном оформлении в древнем Египте // Третья международная конференция «Иерархия и власть в истории цивилизаций» (18—21 июня 2004 г.) Избранные материалы: статьи и тексты докладов / Под ред. Д.М. Бондаренко, А.А. Немировского. М.: Ин-т Африки РАН, 2007. С. 56—96.

Легенда об Исиде и Осирисе (Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека») / пер. О.А. Васильевой // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. III. М.: Русский двор, 2000. С. 106—123.

Литвиненко Ю.Н. Сострат Книдский, Птолемей и захват Мемфиса: Проблема датировки // ВДИ. 1998. № 1. С. 152—159.

Лихачев Д.С. Текстология: краткий очерк. М.: Наука, 2006. 175 с.

Мазур Л.Н. Историко-системный метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 156.

- Маринович Л.П.* Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В.И. Кузицина. М.: Высшая школа, 1982. С. 22—65.
- Маринович Л.П.* Три историка Александра // ВДИ. 1990. № 1. С. 202—208.
- Матье М.Э.* Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. М.: Восточная литература, 1996. 326 с.; илл. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Медведская И.Н.* О скифском вторжении в Палестину // ВДИ. 2000. № 2. С. 221—228.
- Медведская И.Н.* Древний Иран накануне империй (IX—VI вв. до н. э.): История Мидийского царства. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 264 с.
- Мель А.* Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в державе Селевкидов: отношения и ожидания // ААе. 2005. Вып. 1. С. 73—85.
- Мещеряков А.Н.* Император, миф и государство // Синто: путь японских богов. Т. 1: Очерки по истории синто. СПб.: Гиперион, 2002. С. 98—121.
- Миронова А.В.* Древнеегипетский праздник Опет в рельефах фиванских храмов эпохи Хатшепсут и Тутмоса III. Дисс. ... к. иск. М.: РГГУ, 2011. 247 с.: ил.
- Молодяков В.Э.* Синто и японская мысль // Синто: путь японских богов. Т.1: Очерки по истории синто. СПб.: Гиперион, 2002. С. 634—688.
- Немировский А.А.* Западные владения Касситской Вавилонии в XV—XIV вв. до н. э. и арамейское (ахламейское) переселение // ВДИ. 1999. № 1. С. 146—163.
- Немировский А.А.* (1) Гиксосы: к вопросам именования и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций / Под ред. О.И. Павловой, А.А. Немировского. М.: ИВ РАН, 2001. С. 100—138.
- Немировский А.А.* (2) К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота XII в. до н.э. в греческой традиции // Античность: общество и идеи / Под ред. В.Д. Жигунина и др. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 6—19.
- Немировский А.А.* «Троянская дискуссия» в историографической перспективе: возможен ли определенный результат? // *Studia historica*. Вып. II. М.: Тип. Россельхозакадемии, 2002. С. 14—43.
- Немировский А.А.* «Властители чужеземных стран», «властители-пастухи» или «властители-шасу»? Еще раз о египетском выражении, стоящем за транскрипцией *úκσως* // Петербургские египтологические чтения 2009—2010: памяти Е.С. Богословского. Доклады. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. (Труды Государственного Эрмитажа; 66). С. 153—166.
- Оппенгейм А.Л.* Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1990. 317 с.
- Павсаний.* Описание Эллады / Пер. С.П. Кондратьева. М.: АСТ-Ладомир, 2002. Т. 1—2.

- Перепелкин Ю.Я.* Кэйе и Семнех-ке-Рэ: К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1979. 205 с.
- Перепелкин Ю.Я.* Переворот Амен-хотпа IV. Ч. 2. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1984. 287 с.
- Перепелкин Ю.Я.* Хозяйства староегипетских вельмож. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1988. 303 с.
- Перепелкин Ю.Я.* История Древнего Египта / Общ. ред., вступит. ст. и коммент. А.Л. Вассоевича. СПб.: Летний Сад; Журнал «Нева», 2000. 560 с.; илл.
- Плутарх.* Об Исиде и Осирисе / Пер. Н.Н. Трухиной, под ред. А.Ч. Козаржевского // ВДИ. 1977. № 3. С. 245—268.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Изд-е 2. М.: Наука, 1994. Т. 1—2. (Литературные памятники).
- Поздняя греческая проза.* М.: Художественная литература, 1960. 696 с.
- Прусаков Д.Б.* Природа и человек в Древнем Египте. М.: Московский лицей, 1999. 240 с. (Социоестественная история; XIV).
- Репина Л.П.* Диалог культур в контексте истории и в историческом познании // *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 251—286.
- Рунг Э.В.* Тиссаферн и Гидарниды в контексте политической истории Ахеменидской державы в V в. до н.э. // ВДИ. 2012. № 1. С. 16—39.
- Савельева Т.В., Смирнов К.Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 1972. № 3. С. 106—111.
- Сафронов А.В.* Этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в кон. XIII—нач. XII вв. до н.э. Автореф. ... к.и.н. М.: ИВ РАН, 2005. 21 с.
- Сафронов А.В.* «Безымянный» сановник конца XIX династии и новые титулы «великого начальника казны» Баи // ВДИ. 2008. № 3. С. 110—129.
- Сафронов А.В.* К вопросу об участии групп «народов моря» в смуте конца XIX—начала XX династии в Египте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2010. № 4—5. С. 88—90.
- Сафронов А.В.* Еще раз к вопросу о географических границах термина %T.t в эпоху Нового Царства // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского Выпуск V. 12—14 декабря 2011 года. М.: ИВ РАН, 2011. С. 182—184.

- Сафронов А.В.* Включало ли в себя египетское обозначение *Сечет* Эгеиду? // Индоевропейское языкознание и классическая филология—XXI. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. 26—28 июня 2017 г. СПб.: Наука, 2017. С. 748—757.
- Светоний Транквилл, Гай.* Жизнь двенадцати цезарей. М.: Правда, 1988. 512 с.
- Сказки древнего Египта* / Сост. и общ. ред. Г.А. Беловой, Т.А. Шерковой. М.: Алетея, 1998. 349 с.: ил. (Сокровенное слово Востока).
- Сказки и повести древнего Египта* / Пер. и ком. И.Г. Лившица. Л.: Наука, 1979. 288 с. (Литературные памятники).
- Соболевский С.И.* (1) Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: Морфология. Синтаксис. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1948 (репр. 1998). 433 с.
- Соболевский С.И.* (2) Древнегреческий язык. Учеб. для высших учеб. заведений. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1948. 616 с.
- Соколов С.Н.* Древнеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Кн. 1: Древнеиранские языки / Под ред. В.И. Абаева и др. М.: Наука, 1979. С. 234—271.
- Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.
- Страбон.* География в 17 книгах / Пер. Г. А. Стратоновского под общ. ред. С. Л. Утченко М.: Наука, 1964. 944 с., карты.
- Струве В.В.* У истоков романа об Александре // Восточные записки. Т. 1. Л.: без изд., 1927. С. 131—146.
- Струве В.В.* Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344. Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (около 1750 г. до н.э.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 78 с.
- Струве В.В.* (1) Манефон и его время // *Струве В.В.* Манефон и его время. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2003. С. 55—302.
- Струве В.В.* (2) Хронология Манефона и периоды Сотиса // *Струве В.В.* Манефон и его время. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2003. С. 332—399.
- Стучевский И.А.* Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 127 с.
- Стучевский И.А.* Рамсес II и Херихор. Из истории древнего Египта эпохи Рамессидов. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1984. 247 с.
- Суцневский А.Г.* Сообщение Геродота о царских списках египтян // Ассириология и египтология. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. С. 145—149.
- Суриков И.Е.* Геродот и египетские жрецы (к вопросу об «Отце истории» как об «отце лжи») // *Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 212—231.

- Тарасенко Н.А.* Древнеегипетская мифология в изобразительной традиции Книги мертвых (виньетки глав 16, 17 и 42 в Новом царстве – Третьем переходном периоде). Киев: Интепресс, 2009. 336 с., ил.
- Тохтасьев С.Р., Якобсон В.А.* Предисловие // *Дьяконов И.М.* История Мидии. 2-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. («Исторические исследования»). С. 5—38.
- Трофимова М.К.* Из истории эллинистической экономики // ВДИ. 1961. № 2. С. 46—68.
- Тураев Б.А.* История древнего Востока. Л.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1935. Т. 1—2.
- Тураев Б.А.* Египетская литература. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2000. 336 с.
- Фихман И.Ф.* Введение в документальную папирологию. М.: Наука, 1986. 528 с.
- Фрай Р.Н.* Наследие Ирана. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2002. 426 с.
- Фролов Э.Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. 3-е изд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. 521 с.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока* / Под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. 544 с.
- Хрестоматия по истории древнего Востока* / Под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1980. Т. 1—2.
- Чериковер В.* Эллинистическая цивилизация и евреи. СПб.: Гуманитарная Академия, 2010. 639 с.
- Черный Э.* Греческая грамматика: этимология, синтаксис. М.: Акад. проект, 2008. 799 с.
- Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М.: Наука, 1984. 387 с. (По следам исчезнувших культур Востока).
- Шилейко В. К.* Печать царя Артаксеркса // Жизнь музея: Бюллетень Государственного музея изящных искусств. 1925. Вып. 1. С. 17—19.
- Шифман И.Ш.* Ветхий Завет и его мир. М.: Политиздат, 1987. 239 с.
- Шолто Н.А.* Два фрагмента египетских водяных часов // ТОВЭ. 1939. Т. 1. С. 155—170.
- Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 224 с.: ил.
- Элиаде М.* Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и комм. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 144 с.
- Элиан.* Пестрые рассказы / Пер., статья, прим. и комм. С.В. Поляковой. М.: Ладомир; Наука, 1995. 186 с.
- Эсхил.* Трагедии / Пер. С. Апта, вступ. ст. Н. Сахарного. М.: Художественная литература, 1971. 383 с. (Библиотека античной литературы).
- Юстин, Марк Юниан.* Эпитома сочинения Помпея Трога “*Historiae Philippicae*”. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 496 с.

- Abd el-Razik M.* Study on Nectanebo I in Luxor Temple and Karnak // MDAIK. 1968. Bd. 23. S. 156—159.
- Abd er-Raziq M.* Eine Stele Nektanebos I. // MDAIK. 1978. Bd. 34. S. 111—115.
- Abder-Razig M.* Ein Graffito der Zeit Alexanders des Grossen im Luxortempel // ASAÉ. 1983. T. 69. P. 211—218.
- Abd el-Razig M.* Die Darstellungen und Texte des Sanktuars Alexanders des Großen im Tempel von Luxor. Mainz: Zabern, 1984 (Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo. Archäologische Veröffentlichungen; 16). 62 S.; 4 Abb.; 16 Taf.
- Abel A.* La figure d'Alexandre en Iran // La Persia e il mondo Greco-Romano. Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 1966 (Accademia nazionale dei Lincei. Quaderno; 76). P. 119—139.
- Allen J.* Ezekiel the Tragedian on the Despoliation of Egypt // Journal for the Study of the Pseudepigrapha. 2007. Vol. 17. P. 3—19.
- Allen J.P.* Middle Egyptian: An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. XI, 511 p.
- Alonzo-Nuñez M.* Approaches to a World History in the Hellenistic Period: Dicearchus and Agatharchides // Athenaeum. 1997. Vol. 85. P. 53—67.
- Altenmüller H.* Darstellungen der Jagd im alten Ägypten. Hamburg; B.: Paul Parey, 1967. 36 S., Ill.
- Altenmüller H.* (1) Buto // LÄ. Bd. I. 1975. Sp. 887—889.
- Altenmüller H.* (2) Chemmis // LÄ. Bd. I. 1975. Sp. 921—922.
- Altenmüller H.* Feld, Geben des F. // LÄ. Bd. II. 1977. Sp. 148—150.
- Altenmüller H.* Opfer // LÄ. Bd. IV. 1982. Sp. 579—584.
- Altenmüller H., el-Masri Y., Thissen H.-J.* Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr. Hamburg: Buske, 2012. 250 S., 14 Ill. (Studien zur altägyptischen Kultur, Beihefte; 11).
- Altmann V.* Die Kultfrevel des Seth: Die Gefährdung der göttlichen Ordnung in zwei Vernichtungsritualen der ägyptischen Spätzeit (Urk. VI) Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. 242 S. (Studien zur spätägyptischen Religion; 1).
- Ancient Egypt: A Social History* / B.G. Trigger, B.J. Kemp, D. O'Connor, A.B. Lloyd. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 466 p.: ill.
- Ancient Egyptian Chronology* / Ed. E. Hornung, R. Krauss, D. Warburton. Leiden: Brill, 2006. XI, 517 p. (Handbook of Oriental Studies. Section One: The Near and Middle East; 83).
- Ancient Greek Novels: The Fragments. Introduction, Text, Translation and Commentary* / Ed. S.A. Stephens, J.J. Winkler. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1995. XVI, 541 p.
- Andréadès A.* Antimène de Rhodes et Cleomène de Naucratis // BCH. 1929. T. 53. P. 1—18.
- Anson E.M.* Eumenes of Cardia—A Greek among Macedonians. Leiden: Brill, 2004. XVII, 286 p.; 4 maps. (Ancient Mediterranean and Medieval Texts and Contexts. Studies in Philo of Alexandria; 3).

- Anson E.M.* Alexander's Heirs. The Age of the Successors. Malden (Ma.): Wiley-Blackwell, 2014. XV, 224 p.
- Anson E.M.* Fortress Egypt: The Abortive Invasions of 320 and 306 B.C. // Alexander's Legacy. Atti del Convegno. Università Cattolica del Sacro Cuore. Milano, 2015 / Ed. C. Bearzot, F. Landucci. Milano: L'Erma di Bretschneider, 2016. P. 85—96.
- Aperghis G.* The Royal Seleukid Economy. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2004. XV, 361 p.: Ills., map.
- Apollonius Rhodius.* Argonautica / Ed. R.C. Seaton. L.; N.Y.; Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1912. XVI, 430 p. (Loeb Classical Library; 1).
- Armayor O.K.* Did Herodotus Ever Go to Egypt? // JARCE. 1978. Vol. 15. P. 59—73.
- Armayor O.K.* Sesostris and Herodotus Autopsy of Thrace, Colchis, Inland Asia Minor, and the Levant // HSCP. 1980. Vol. 84. P. 57—58.
- Armayor O.K.* Herodotus' Autopsy of the Fayoum: Lake Moeris and the Labyrinth of Egypt. Amsterdam: Gieben, 1985. XIV, 160 p.; ill.
- Arnold D.* Zur frühen Namensformen des Königs *Mntw-htp Nb-hpt-R^c* // MDAIK. 1969. Bd. 24. S. 38—42.
- Arnold D.* Die Tempel Ägyptens: Götterwohnungen, Kultstätten, Baudenkmäler, Zürich: Artemis & Winkler, 1992. 239 S.: Ill., Karte.
- Arnold D.* (1) Royal Cult Complexes of the Old and Middle Kingdoms // Temples of Ancient Egypt / Ed. B.E. Shafer. L.; N.Y.: AUC Press, 1997. P. 31—85.
- Arnold D.* (2) The Late Period Tombs of Her-Khebit, Wennefer and Wereshnefer at Saqqara // Études sur l'Ancien Empire et la nécropole de Saqqara dédiées à J.-Ph. Lauer / Ed. C. Berger, B. Mathieu. T. 1. Montpellier: Université Paul Valéry-Montpellier III, 1997 (Orientalia monspeliensia; 9). P. 31—54.
- Arnold D.* Temples of the Last Pharaohs. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1999. 373 p.; ill.
- Asheri D., Lloyd A., Corcella A.* A Commentary on Herodotus' Books I—IV / Ed. O. Murray and A. Moreno. Oxford: Oxford University Press, 2007. 721 p.
- Assmann J.* Zeit und Ewigkeit im alten Ägypten. Ein Beitrag zur Geschichte der Ewigkeit. Heidelberg: Carl Winter-Universitätsverlag, 1975. 71 S. (Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Kl.; Jg. 1975, Abh. 1).
- Assmann J.* Das Doppelgesicht der Zeit im altägyptischen Denken // Die Zeit. München; Wien: Oldenbourg Verlag, 1983. (Schriften der Carl Friedrich von Siemens Stiftung; 6). S. 189—223.
- Assmann J.* Priorität und Interesse: Das Problem der Ramessidische Beamtengräber // Problems and Priorities in Egyptian Archaeology / Ed. J. Assmann, G. Burkard, V. Davies. L.; N.Y.: Kegan Paul, 1987. P. 31—41.

- Assmann J.* The Ramesside Tomb and the Construction of Sacred Space // *The Theban Necropolis: Past, Present and Future?* / Ed. N. Strudwick and J.H. Taylor. L.: British Museum Press, 2003. P. 46—52.
- Aston D.A.* Takeloth II - A King of the 'Theban Twenty-Third Dynasty'? // *JEA*. 1989. Vol. 75. P. 139—153.
- Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia*. Vol. 1. Diaries from 652 B.C. to 262 B.C. / Eds. A. J. Sachs, H. Hunger. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 1988. 377 p., 69 pl.
- Aufrère S.H.* Le propylône d'Amon-Rê-Montou à Karnak-Nord. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 2000. 570 p.: il. (Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale; 117).
- Aufrère S., Golvin J., Goyon J.-Cl.* L'Égypte restituée. P.: Errance, 1997. T. 1—3.
- Ausfeld A.* Der griechische Alexanderroman. Leipzig: Teubner, 1907. XI, 253 p.
- Ax W.* Dikaiarchs *Bios Hellados* und Varros *De vita populi Romani* // *RhM*. 2000. Bd. 143. S. 337—369.
- Badian E.* The Administration of the Empire // *G&R*. 1965. Vol. 12. P. 166—182.
- Badian E.* Alexander in Iran // *CHIr*. Vol. 2: The Median and Achaemenian Periods / Ed. I. Gershevitch. 1985. P. 420—501.
- Baines J.* Possible Implications of the Egyptian Word for Alexandria // *JRA*. 2003. Vol. 78. P. 149—162.
- Bagnall R.* The Administration of the Ptolemaic Possessions Outside Egypt. Leiden: Brill, 1976. XVI, 286 p.
- Bard K.A.* Encyclopedia of the Archaeology of Ancient Egypt. L.; N.Y.: Routledge, 1999. 938 p.
- Barguet P.* (1) La stèle de la famine, à Séhel. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1953. 44 p.; ill. (Bibliothèque d'étude; 24).
- Barguet P.* (2) La structure du temple Ipet-Sout d'Amon à Karnak du Moyen Empire à Amenophis II // *BIFAO*. 1953. T. 52. P. 145—155.
- Barguet P.* Le temple d'Amon-Rê a Carnak: Essai d'exégèse. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1962. XIX, 368 p.
- Barguet P.* Karnak // *LÄ*. Bd. III. 1980. Sp. 344—349
- Barta W.* Untersuchungen zum Götterkreis der Neunheit. München; B.: Deutscher Kunstverlag, 1973. 252 S. (Münchner ägyptologische Studien; 28).
- Barta W.* Das Terminus *twt* auf den Grenzstelen Sesostris' III in Nubien // Festschrift zum 150jährigen Bestehen des Berliner Ägyptisches Museums. B.: Akademie-Verlag, 1974. (Staatlichen Museen zu Berlin, Mitteilungen aus der Ägyptischen Sammlung; VIII). S. 51—54, Taf. 1—2.

- Barta W.* Thronbesteigung und Kronungsfeier als unterschiedliche Zeugnisse königlicher Herrschaftsübernahme // SAK. Bd. 8. 1980. S. 33—53.
- Bassir H.* Neshor at Elephantine in Late Saite Egypt // JEH. 2016. Vol. 9. P. 66—95.
- Beckerath J. von* Mentuhotep II. // LÄ. Bd. IV. 1982. S. 66—68.
- Beckerath J. von.* Beiträge zur Geschichte der Libyerzeit // GM. 1995. Hft. 144. S. 7—13; Hft. 147. S. 9—13.
- Beckerath J. von.* Chronologie des pharaonischen Ägypten: Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr. München; B.: Zabern, 1997. 244 S. (Münchner ägyptologische Studien; 46).
- Beckerath J. von.* Handbuch der ägyptischen Königsnamen. 2. Aufl. München: Zabern, 1999. 314 S. (Münchner ägyptologische Studien; 49).
- Bell L.* “The New Kingdom ‘Divine’ Temple: The Example of Luxor // Temples of Ancient Egypt / Ed. B.E. Shafer. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1997. P. 127—184.
- Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit: Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. München: Beck, 1952. Bd. 3. XI, 294 S. (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte; 36).
- Berg B.* An Early Source of the Alexander Romance // GRBS. 1973. Vol. 14. P. 381—387.
- Bergman J.* Ich bin Isis: Studien zum memphitischen Hintergrund der griechischen Isisaretologien. Uppsala: Universitatis Upsaliensis, 1968. 349 S.
- Bergson L.* Der griechische Alexanderroman. Rezension β. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1965. XXXVI, 210 p.
- Berlev O.D.* The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt // Studies presented to H.J. Polotsky / Ed. D.W. Young. Beacon Hill (Mass.): Eisenbrauns, 1981. P. 361—377.
- Berlev O.D.* Rev.: Vandersleyen Cl. L’Égypte et la vallée du Nil. Tome 2. De la fin de l’Ancien Empire à la fin de la Nouvel Empire. P., 1995 // Orientalia. 1997. T. 66. P. 98—99.
- Berlev O., Hodjash S.* Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow: Aurora, 1982. 309 p.
- Berlev O., Hodjash. S.* Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt. From the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Bielorrussia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States Friburg: Presses Universitaires; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. (Orbis biblicus et orientalis. Series Archaeologica; 17). XIII, 328 p., 208 pl.
- Bernand A.* Le Delta égyptien d’après les textes grecs. 1: Les confins libyques. Le Caire: Institut français d’archéologie orientale du Caire, 1970. Pts. 1—4.

- Bernand É.* Inscriptions métriques de l'Égypte gréco-romaine: recherches sur la poésie épigrammatique des Grecs en Égypte. P.: Les Belles Lettres, 1969. 726 p. (Annales littéraires de l'Université de Besançon; 98).
- Bernand É.* Inscriptions grecques d'Aléxandrie ptolemaïque. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 2001. X, 202, 35 S.: ill. (Bibliothèque d'études; 133).
- Berthold R.M.* Rhodes in the Hellenistic Age. Ithaca: Cornell University Press, 1984. 252 p.
- Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. 2: Prosopographie. München: Beck, 1926. 446 S.
- Bevan E.R.* Antiochus III and His Title 'Great-King' // JHS. 1902. Vol. 22. P. 241—244.
- Bianchi R.S.* Ancient Egyptian Sculpture from the Brooklyn Museum. San Juan: Fundación Arqueológica Antropológica e Histórica de Puerto Rico, 1979. X, 91 p.: ill.
- Bianchi R.S.* Satrapenstele // LÄ. Bd. V. 1984. Sp. 492—493.
- Bianchi R.S.* Images of Isis and her Cultic Shrines Reconsidered: Towards an Egyptian Understanding of the *interpretatio Graeca* // Nile Into Tiber: Egypt in the Roman World : Proceedings of the IIIrd International Conference of Isis Studies, Faculty of Archaeology, Leiden University, May 11—14, 2005 / Ed. L. Bricault, M. J. Versluys, P. G. P. Meyboom. Leiden: Brill, 2007 (Religions in the Graeco-Roman World; 159). P. 470—505.
- Bickel S.* Die Dekoration des Tempelhaustores unter Alexander IV. und der Südwand unter Augustus // *Jenni H.* Die Dekoration des Chnumtempels auf Elephantine durch Nektanebos II. Mainz: Zabern, 1998 (Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo. Archäologische Veröffentlichungen; 90 = Elephantine; 17). S. 117—150, Abb. 2—18.
- Bickel S.* Aspects et fonctions de la deification d'Amenhotep III // BIFAO. 2002. T. 102. P. 63—90.
- Bickerman E.* Notes on Seleucid and Parthian Chronology // Berytus. 1943. Vol. 8.
- Bissing F.W. von.* Die Datierung des griechisch-ägyptischen Grabes von Mellai // OLZ. 1923. Bd. 26. S. 1—3.
- Bisson de la Roque F.* Rapport sur les fouilles de Médamoud (1926). Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1927. 131 p., 7 p. pl.; ill. (Fouilles de l' Institut français d'archéologie orientale; 4).
- Bittel K., Hermann A.* Grabungsbericht Hermopolis 1933 // MDAIK. 1934. Bd. 5. S. 11—44.
- Blackman A.M.* Middle-Egyptian Stories. Bruxelles: Fondation Égyptologique Reine Élisabeth, 1932. 48, 47 p. (Bibliotheca Aegyptiaca; 2).
- Blackman A.M.* The Story of King Kheops and the Magicians, Transcribed from Papyrus Westcar (Berlin Papyrus 3033) / Ed. W.V. Davies. Reading: J.V. Books, 1988. V+17 double p., pl.
- Blasius A.* Das Königtum der Ramessiden im Spiegel der griechisch-römischen Überlieferung: Geschichte im Spannungsfeld von Tradition und Konstruktion // Das Königtum der Ramessidenzeit:

Voraussetzungen–Verwirklichungen–Vermächtnis. Akten der 3. Symposiums zur ägyptischen Königsideologie in Bonn 07.—10. Juni 2001. Wiesbaden: Harrassowitz, 2003. (Ägypten und Altes Testament; 31.4). S. 306—348.

Blasius A., Schipper B.U. Apokalyptik und Ägypten? Erkenntnisse und Perspektiven // Apokalyptik und Ägypten: eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten / Hrsg. A. Blasius, B.U. Schipper. Leuven: Peeters, 2002. (Orientalia Iovanensia analecta; 107). S. 277—302.

Blöbaum A.I. “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Aachen: Shaker Verlag, 2006. XIII, 501 S. (Aegyptiaca Monasteriensia; 4).

Blumenthal E. Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches. I. Die Phraseologie. B.: Akademie-Verlag, 1970. 471 S. (Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philol.-hist. Kl.; 61/1).

Blumenthal E. Die Prophezeiung des Neferti // ZÄS. 1982. Bd. 109. S. 1—27.

Blyth E. Karnak: Evolution of a Temple. L.; N. Y.: Routledge, 2006. XXV, 258 p., ill.

Boiy T. Dating Methods During the Early Hellenistic Period // JCS. 2000. Vol. 52. P. 115—121.

Boiy T. Between High and Low: a Chronology of the Early Hellenistic Period. Frankfurt a. M.: Antike, 2007. 175 S. (Oikumene Studien zur antiken Weltgeschichte; 5).

Bol P.C. Alexander der Große als Pharao // Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städtliches Kunstinstitut und Städtliche Galerie 26. November 2005—26. Februar 2006. Frankfurt a.M.: Städel, 2005. S. 561—562.

Bomhard A.S. von. The Decree of Saïs: the Stelae of Thonis-Heracleion and Naukratis. Oxford: Oxford Centre for Maritime Archaeology, School of Archaeology, 2012. X, 169 p.: ill. (Underwater Archaeology of the Canopic Region in Egypt).

Bonhême M.-A. Les noms royaux dans l'Égypte de la troisième période intermédiaire. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1987. XIX, 297 p. (Bibliothèque d'étude; 98).

Bonnet H. Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. B.: De Gruyter, 1952. XV, 883 S., Ill.

Borchardt L. Die altägyptische Zeitmessung. B.; Leipzig: De Gruyter, 1920. XI, 70 S.: Ill., 18 Taf. (Die Geschichte der Zeitmessung und der Uhren; 1, Lief. B).

Borza Eu. Alexander and the Return from Siwah // Historia. 1967. Bd. 16. S. 369.

Bosch-Puche F. L'“autel” du temple d'Alexandre le Grand à Bahariya retrouvé // BIFAO. 2008. T. 108. P. 29—44.

Bosch-Puche F. (1) Alexandre el Gran a Egipte. Documentació, protocol onomàstic i legitimació. Diss. Barcelona, 2009 (*non vidi*).

Bosch-Puche F. (2) La titulatura faraónica de Alejandro Magno: nuevas aportaciones // Trabajos de Egiptología/Papers on Ancient Egypt. 2009. Número 5/1. P. 103—116.

- Bosch-Puche F.* Alejandro Magno y los cultos a animales sagrados en Egipto // *Aula Orientalis*. 2012. Vol. 30. P. 243—277.
- Bosch-Puche F.* The Egyptian Royal Titulary of Alexander the Great, I: Horus, Two Ladies, Golden Horus, and Throne Names // *JEA*. 2013. Vol. 99. P. 131—154.
- Bosch-Puche F.* (1) Alexander's Egyptian Names in the Barque Shrine at Luxor Temple // *Alexander the Great and Egypt: History, Art, Tradition*. Wrocław/Breslau 18./19. November 2011 / Ed. V. Grieb, K. Nawotka, A. Wojciechowska. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014 (Philippica; 74). P. 55—88.
- Bosch-Puche F.* (2) The Egyptian Royal Titulary of Alexander the Great, II: Personal Name, Empty Cartouches, Final Remarks, and Appendix // *JEA*. 2014. Vol. 100. P. 89—109.
- Bosch-Puche F.* The Egyptian Royal Titularies of Roman Emperors: A Local Version of Imitatio Alexandri? // *CdÉ*. 2015. T. 90. P. 276—305.
- Bosch-Puche F., Moje J.* Alexander the Great's Name in Contemporary Demotic sources // *JEA*. 2015. Vol. 101. P. 340—348.
- Bosworth A.B.* Errors in Arrian // *CQ*. 1976. Vol. 26. P. 117—139.
- Bosworth A.B.* Alexander and Ammon // *Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory*. Studies Presented to Fritz Schachermeyer on the Occasion of his Eightieth Birthday / Ed. K.H. Kinzl. B.; N.Y.: De Gruyter, 1977. P. 51—75.
- Bosworth A.B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 1: A Commentary on Books I—III. Oxford: Clarendon, 1980. XV, 396 p., 6 maps.
- Bosworth A.B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. XIII, 330 p.
- Bosworth A.B.* In Search of Cleitarchus // *Histos*. 1997. Vol. 1. P. 211—224.
- Boyle J.A.* The Alexander Romance in the East and West // *Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester*. 1977. Vol. 60. P. 19—20.
- Botta A.* [Outlook: Arameans outside Syria:] Egypt // *The Arameans in Ancient Syria* / Ed. by H. Niehr. Leiden; Boston: Brill, 2014 (Handbook of Oriental Studies. Section 1 The Near and Middle East, 106). P. 366—377.
- Bothmer B.* Ptolemaic Reliefs. 1: A Granite Block of Philip Arridaeus // *BMFA*. 1952. Vol. 1. P. 19—27.
- Bouché-Leclercq A.* Histoire des Lagides. T. 1: Les cinq premiers Ptolémées (323—181 avant J.-C.). P.: Leroux, 1903. XII, 404 p.
- Brashear W.* Die griechischen Graffiti vom Ĝabal at-Taktūr // *Kuhlmann K.* Das Ammoneion. Archäologie, Geschichte und Kultpraxis des Orakels von Siwa. Mainz: Zabern, 1988 (Deutsches Archäologisches Institut. Abteilung Kairo. Archäologische Veröffentlichungen; 75). S. 85—87.
- Breasted J.H.* When Did the Hittites Enter Palestine? // *AJSL*. 1904. Vol. 21. P. 153—158.

- Breasted J.H.* Ancient Records of Egypt. 3rd Ed. Chicago: University of Chicago Press, 1927. Vol. 1—5.
- Bresciani E.* La morte di Cambise ovvero dell'empietà punita: a proposito della «Cronaca Demotica», verso, col. C, 7—8 // EVO. 1981. T. 4. P. 217—222.
- Bresciani E.* Registrazione catastale e ideologia politica nell'Egitto tolemaico: A complement di 'La spedizione di Tolomeo II in Siria in un ostracon demotico inedito da Karnak' // EVO. 1983. T. 6. P. 22—23
- Bresciani E.* The Persian occupation of Egypt // CHIr. Vol. 2: The Median and Achaemenian Periods / Ed. I. Gershevitch. 1985. P. 502—528.
- Bresciani E.* Letteratura e poesia dell'antico Egitto. 2 ed. Torino: Einaudi, 1990. XX, 698 p.: ill.
- Briant P.* Des Achéménides aux rois hellénistiques: continuités et ruptures // *Briant P.* Rois, tributs et paysans. Études sur les formations tributaires du Moyen Orient ancien. P. : Les Belles-Lettres, 1982. (Annales littéraires de l'Université de Besançon ; 269). P. 291—331.
- Briant P.* Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre. P.: Fayard, 1996. 1247 p.
- Briant P.* Quand les rois écrivent l'histoire: la domination achéménide vue à travers les inscriptions officielles lagides // Événement, récit, histoire officielle. L'écriture de l'histoire dans les monarchies antiques. Colloque du collège de France, amphithéâtre Marguerite-de-Navarre, 24—25 juin 2002 / Ed. N. Grimal, M. Baud. P.: Cybele, 2003. P. 173—186.
- Briant P.* Alexander the Great and His Empire: A Short Introduction. Princeton (N.J.); Oxford: Princeton University Press, 2012. XXI, 192 p.
- Broek R. van den.* The Myth of the Phoenix, According to Classical and Early Christian Traditions. Leiden: Brill, 1972. XI, 487 p., ill. (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain; 24).
- Broekman G.P.F.* The High Priests of Thoth in Hermopolis in the Fourth and Early Third Centuries B.C. // ZÄS. 2006. Bd. 133. S. 97—103.
- Broekman G.P.F.* Libyan Rule over Egypt: the Influence of the Tribal Background of the Ruling Class on Political Structures and Developments During the Libyan Period // SAK. 2010. Bd. 39. S. 85—89.
- Broze M.* La princesse de Bakhtan: Essai d'analyse stylistique. Bruxelles: Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1989. 125 p.: ill. (Monographies Reine Elisabeth; 6).
- Brugsch H.* Ein Dekret Ptolemaios' des Sohnes Lagi, des Satrapen // ZÄS. 1871. Bd. 19. S. 1—13.
- Brugsch H.* Thesaurus inscriptionum Aegyptiacarum. Altaegyptische Inschriften. Bd. 5: Historisch-biographische Inschriften altaegyptischer Denkmäler. Leipzig: Hinrichs, 1891. XXII, 851—1234 S.
- Bruhn K.Ch.* "Kein Tempel der Pracht". Architektur und Geschichte des Tempels aus der Zeit des Amasis auf Agurmi, Oase Siwa. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. 133 S., 22 Taf.: Ill. (Ammoniaca; 1)

- Brunner H.* Die Texte aus den Gräbern der Herakleopolitenzeit von Siut mit Übersetzung und Erläuterungen. Glückstadt; Hamburg; N.Y.: Augustin, 1937. 69 S. (Ägyptologische Forschungen; 5)
- Brunner H.* Die Grenzen von Zeit und Raum bei den Ägyptern // AfO. 1954/55. Bd. 17. S. 141—145.
- Brunner H.* Die Geburt des Gottkönigs: Studien zur Überlieferung eines altägyptischen Mythos. Wiesbaden, Harrassowitz, 1964. 226 S., 24 Taf. (Ägyptologische Abhandlungen; 10).
- Brunner H.* Die südlichen Räume des Tempels von Luxor. Mainz: Zabern, 1977. 92 S., 98 Taf.: Ill. (Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo. Archäologische Veröffentlichungen, 18).
- Brunner H.* Hieroglyphische Chrestomatie. Wiesbaden: Harrassowitz, 1992. 2. Aufl. 65 S., 28 Taf.
- Brunner H.* Die Weisheitsbücher der Ägypter. Düsseldorf/Zürich: Artemis & Winkler, 1998. 527 S.: ill.
- Buck A. de.* The Egyptian Coffin Texts. Chicago: Oriental Institute, 1935—1961. Vol. I—VII.
- Buck A. de.* The Building Inscription of the Berlin Leather Roll // *Studia aegyptiaca*. I. Roma: Pontificium institutum biblicum, 1938 (Analecta Orientalia; 17). P. 48—57.
- Burchardt M.* Datierte Denkmäler der Berliner Sammlung aus der Achämenidenzeit // ZÄS. 1911. Bd. 49. S. 69—80.
- Burkard G.* Medizin und Politik: Altägyptische Heilkunst am persischen Königshof // SAK. 1994. Bd. 21. S. 35—57.
- Burkard G.* Literarische Tradition und historische Realität. Die persische Eroberung Ägyptens am Beispiel Elephantine // ZÄS. 1994. Bd. 121. S. 93—106.
- Burkard G.* Literarische Tradition und historische Realität. Die persische Eroberung Ägyptens am Beispiel Elephantine. II: Indizien gegen eine Zerstörung der Tempel // ZÄS. 1995. Bd. 122. S. 31—37.
- Burstein S.M.* Pharaoh Alexander: A Scholarly Myth // AS. 1991. Vol. 22. P. 139—145.
- Burstein S.M.* Hecataeus of Abdera's History of Egypt // *Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond* / Ed. J.H. Johnson. Chicago: Oriental Institute, 1992. (Studies in the Ancient Oriental Civilisations; 51). P. 45—49.
- Burstein S.M.* Alexander in Egypt: Continuity or Change // *Achaemenid History VIII. Continuity and change: Proceedings of the last Achaemenid History Workshop, April 6—8, 1990, Ann Arbor, Michigan* / Ed. H. Sancisi-Weerdenburg et al. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1994. P. 381—387.
- Burstein S.M.* Images of Egypt in Greek Historiography // *Ancient Egyptian Literature: History and Forms* / Ed. A. Loprieno. Leiden; N.Y.; Köln: Brill, 1996 (Probleme der Ägyptologie; 10). P. 591—604.
- Burstein S.* Prelude to Alexander: The Reign of Khababash // *Ancient History Bulletin*. 2000. Vol. 14. P. 149—154.

- Burstein S. M.* Elephants for Ptolemy II: Ptolemaic Policy in Nubia in the Third Century B.C. // *Ptolemy II Philadelphus and His World* / Ed. P. McKechnie, Ph. Guillaume. Leiden; Boston, 2008 (Mnemosyne Supplements, 300). P. 135—148.
- Burton A.* Diodorus Siculus: Book I. Leiden: Brill, 1972. XXVIII, 301 p. (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain; 29).
- Cabrol A.* Les voies processionnelles de Thebes. Leuven: Peeters, 2001. XXXVIII, 853 p. (Orientalia lovanensia analecta; 97).
- Caminos R.A.* The Chronicle of Prince Osorkon. Rome: Pontificium Institutum biblicum, 1958. XXIV, 218 p. (Analecta Orientalia, 37).
- Caminos R.A.* The Nitocris Adoption Stela // *JEA*. 1964. Vol. 50. P. 71—101.
- Caneva S.* Argonautiques IV.257—293. De l'Égypte devenu texte au texte qui devient monde // *Monde du texte, texte du monde* / Ed. I. Millat-Pilot. Grenoble: Millon, 2012. P. 49—66.
- Capart J.* Un général, fils de Nekhthorhebet // *CRAIBL*. 1947. 91e année. P. 272—276.
- Carlotti J.-F.* Contribution à l'étude métrologique de quelques monuments du temple d'Amon-Rê à Karnak // *Cahiers de Karnak*. 1995. T. 10. P. 65—125
- Carney E.* Putting Women in Their Place: Women in Public under Philip II and Alexander III and the Last Argeads // *Philip II and Alexander the Great: Father and Son, Lives and Afterlives* / Ed. E. Carney, D. Ogden. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 43—54.
- Cauville S.* Dendara I: Traduction. Leuven: Peeters, 1997. 481 p., VIII, LXXXVI p. de pl. (Orientalia lovanensia analecta; 8).
- Cavaignac Eu.* La date du tombeau de Petosiris // *Revue de l'Égypte ancienne*. 1929. T. 2. P. 56—57.
- Cenival Fr. de.* Un document démotique relatif au partage de la maison (P. Louvre No 2430) // *RdÉ*. 1966. T. 18. P. 7—30.
- Cenival Fr. de.* Les associations religieuses en Égypte d'après les documents démotiques. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1972. T. 1—2. (Bibliothèque d'étude; 46).
- Černý J.* Coptic Etymological Dictionary. Cambridge; L.; N.Y.: Cambridge University Press, 1976. XXIV, 384 p.
- Champollion J.F.* Monuments de l'Égypte et de la Nubie: planches / d'après les dessins exécutés sur les lieux, sous la direction de Champollion le Jeune, et les descriptions autographes qu'il en a rédigées, publiés sous les auspices de M. Guizot et de M. Thiers, Ministres de l'Instruction Publique et de l'Intérieur, par une commission. P.: Didot, 1835—1845. T. 1—4.
- Champollion J.F.* Monuments de l'Égypte et de la Nubie: notices descriptives conformes aux manuscrits autographes rédigés sur les lieux par Champollion le Jeune. P.: Didot, 1844—1889. T. 1—2.

- Charles R. H.* The Apocrypha and Pseudoepigrapha of the Old Testament. Vol. 2: Pseudoepigrapha. Oxford: Clarendon, 1913. 896 p.
- Chassinat É.* Textes provenant du Sérapeum de Memphis // RT. 1900. T. 22. P. 9—26.
- Chassinat É.* Le temple de Dendara. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1934-1935. T. 1-4 (Publications de Institut français d'archéologie orientale du Caire du Caire).
- Chauveau M.* Alexandrie et Rhacôtis: Le point de vue des Égyptiens // Alexandrie: une mégapole cosmopolite. Actes du 9ème colloque de la Villa Kérylos à Beaulieu-sur-Mer les 2 & 3 octobre 1998. P.: Académie des Inscriptions et Belles Lettres (Cahiers de la Villa "Kerilos", 9). P. 1—10.
- Chauveau M., Thiers Chr.* L'Égypte en transition: des Perses aux Macédoniens // La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques (vers 350—300 av. J. C.). Actes du colloque organisé au Collège de France par la "Chaire d'histoire et civilisation du monde achéménide et de l'empire d'Alexandre" et le "Réseau international d'études et de recherches achéménides" (GDR 2538 CNRS), 22—23 novembre 2004 / Sous la dir. de P. Briant et F. Joannès. P.: De Boccard, 2006. (Persika; 9). P. 375—404.
- Cherpion N., Corteggiani J.-P., Gout J.-Fr.* Le tombeau de Pétosiris à Touna el-Gebel - Relevé photographique. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 2007. 193 p.: ill.
- Chevereau P.* Prosopographie des cadres militaires égyptiens de Basse Époque. P.: P.-M. Chevereaux, 1985. XIX, 390 p.
- Chimko C.J.* Foreign Pharaohs: Self-legitimization and Indigenous Reaction in Art and Literature // JSSEA. 2003. Vol. 30. P. 15—57.
- Clédat J.* Notes sur l'isthme de Suez // BIFAO. 1923. T. 21. P. 135—187.
- Cleopatra's Egypt.* Catalog of an Exhibition Held at the Brooklyn Museum, October 7, 1988—January 2, 1989; the Detroit Institute of Arts, February 14—April 30, 1989; and Kunsthalle der Hypo-Kulturstiftung in Munich, Germany, June 8—September 10, 1989 / Ed. R.S. Bianchi et al. Brooklyn, N.Y.: Brooklyn Museum, 1988. 293 p. : ill.
- Clère J.-J.* L'expression *dnś mhwt* des autobiographies égyptiennes // JEA. 1949. Vol. 35. P. 38—42.
- Clère J.-J.* Une statuette du fils aîné du roi Nectanabô // RdÉ. 1951. T. 6. P. 135—156.
- Clère J.-J.* À propos de l'ordre de succession des rois de la XXXe dynastie // RdÉ. 1951. T. 8. P. 25—29.
- Clère P.* La porte d'Évergète à Karnak. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1961. P. 1—2. (Mémoires publiées par les membres de l'Institut français de l'archéologie orientale du Caire; 84).
- Cloché P.* La dislocation d'un empire. Les premiers successeurs d'Alexandre le Grand (323—281/280 av. J. C.). P.: Payot, 1959. 302 p.: ill.

- Coche Chr.* Une nouvelle statue de la déesse léontocéphale Ouadjit *wꜣ tꜣwy* // RdÉ. 1970. T. 22. P. 51—62.
- Cohen D.* Alexander de Groote en Egypte // Tijdschrift voor Geschiedenes. 1931. T. 46. P. 225—234.
- Cohen G.M.* The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin and North Africa. Berkeley; L.A.; L.: University of California Press, 2006. XIV, 477 p. (Hellenistic Culture and Society; 46).
- Colburn H.P.* Memories of the Second Persian Period in Egypt // Political Memory in and after the Persian Empire / J.M. Silverman, C. Waerzeggers. Atlanta: SBL Press, 2015. P. 165—202.
- Colin Fr.* Un ex-voto d'un pèlerinage auprès Ammon dans le temple dit «d'Alexandre», à Bahariya (désert Libyque) // BIFAO. 1997. T. 97. P. 91—96.
- Colobova O.B., Ladynin I.A.* The Graeco-Egyptian Interaction at the Formative Period of the Egyptian Hellenism: The Case of the Tomb of Petosiris // The Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient. Vol. 3. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2006. P. 27—45.
- A Companion to Alexander Literature in the Middle Ages* / Ed. Z. David Zuwiyya. Leiden; Boston: Brill, 2011. X, 409 p. (Brill's Companions to the Christian Tradition; 29).
- A Companion to Ancient Egypt* / Ed. A.B. Lloyd. Chichester (West Sussex); Malden (Mass.): Wiley-Blackwell, 2010. Vol. 1—2.
- A Companion to Aristotle* / Ed. G. Anagnostopoulos. Malden, Ma.; Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. XVIII, 648 p.
- Coppens F.* The Wabet: Tradition and Innovation in Temples of the Ptolemaic and Roman Period. Prague: Czech Institute of Egyptology, 2007. 243 p.: ill.
- Couroyer B.* Le chemin de vie en Égypte et en Israël // Revue Biblique. 1949. T. 56. P. 412—432.
- Criscuolo L.* Questioni cronologiche e interpretative sul *diagramma* di Cirene // Punica, Libyca, Ptolemaica: Festschrift für Werner Huss zum 65. Geburtstag / Hrsg. K. Geus und K. Zimmermann. Leuven; P.; Sterling (Va.): Peeters, 2001 (Orientalia Lovaniensia Analecta; 104 = Studia Phoenicia; 16). P. 141—158.
- Cruz-Uribe E.* Papyrus Libbey: A Reexamination // Serapis. 1977—79. Vol. 4. P. 3—9, ill.
- Dahmen K.* The Legend of Alexander the Great on Greek and Roman Coins. N.Y.: Routledge, 2007. XIII, 179 p.; ill., pl.
- Daressy G.* Remarques et notes // RT. 1888. T. 10. P. 139—151.
- Daressy G* (1). Notes et remarques // RT. 1893. T. 14. P. 33—34
- Daressy G.* (2). Notice explicative des ruines du temple de Louxor. Le Caire: Impr. Nationale, 1893. IX, 81 p.: 1 Pl.
- Daressy G.* Stèle de l'an III d'Amasis // RT. 1900. T. 22. P. 1—9.
- Daressy G.* Inscriptions hiéroglyphiques du Musée d'Alexandrie // ASAÉ. 1904. T. 5. P. 113—128.
- Daressy G.* Note sur des Pierres antiques du Caire // ASAÉ. 1912. T. 12. P. 284—286.

- Daressy G.* Fragments héracléopolitains // ASAÉ. 1921. T. 21. P. 138—144.
- Darnell J.C.* The *kbn.wt* Vessels of the Late Period // Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond / Ed. J.H. Johnson. Chicago: Oriental Institute, 1992. (Studies in the Ancient Oriental Civilisations; 51). P. 67—89
- Daumas F.* Les moyens d'expression du Grec et de l'Égyptien comparés dans les decrets de Canope et de Memphis. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1952. XV, 302 p. (Supplément aux Annales du Service des antiquités de l'Égypte, 16).
- Daumas F.* Les mammisis des temples égyptiens. P.: Les Belles Lettres, 1958. 537 p., 14 p. pl., ill.
- Daumas F.* Le problème de la monnaie dans l'Égypte antique avant Alexandre. Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité. 1977. Année 89. P. 425—442.
- Davies N. de G.* The Temple of Hibis in El Khargeh Oasis. Part III: The Decoration. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1953. XII, 36 p. fig., 80 pl.
- Decker W.* Pharao und Sport. Mainz: Zabern, 2006. IV, 108 S.
- Delattre Ch.* Rev.: Scholies à Apollonios de Rhodes / trad. G. Lachenaud. P.: Les Belles Lettres, 2010 (Fragments; 9) // BMCR 2011.10.02 (URL: <http://bmcr.brynmawr.edu/2011/2011-10-02.html>; дата обращения: 30.04.2017).
- Demandt A.* Alexander der Grosse: Leben und Legende. München: Beck, 2015. 655 S.
- The *Demotic Dictionary* of the Oriental Institute of the University of Chicago. (URL: <https://oi.uchicago.edu/research/publications/demotic-dictionary-oriental-institute-university-chicago>; дата обращения: 30.04.2017).
- Demotische Wortliste* online (URL: <http://www.dwl.aegyptologie.lmu.de/>; дата обращения: 30.04.2017).
- Depauw M.* (1) Alexandria, the Building Yard // CdÉ. 2000. T. 75. P. 64—65
- Depauw M.* (2) The Archive of Teos and Thabis from Early Ptolemaic Thebes. Turnhout: Brepols, 2000. XXVII, 255 p. pl.: ill. (Monographies Reine Elisabeth; 8).
- Depuydt L.* Murder in Memphis: The story of Cambyses's mortal wounding of the Apis bull (ca. 523 B.C.E.) // JNES. 1995. Vol. 54. P. 119—126.
- Depuydt L.* New Date for the Second Persian Conquest, End of Pharaonic and Manethonian Egypt: 340/39 B.C.E. // JEH. 2010 Vol. 3. P. 191—230.
- Der Manuelian P.* Studies in the Reign of Amenophis II. Hildesheim: Gerstenberg, 1987. XX, 317 p.; ill. (Hildesheimer ägyptologische Beiträge; 27).
- Der Manuelian P.* Living in the Past: Studies in Archaism of the Egyptian Twenty-Sixth Dynasty. L.; N.Y.: Kegan Paul, 1994. XLII, 466 p., 20 pl.

Derchain Ph. Le rôle du roi d'Égypte dans le maintien de l'ordre cosmique // Le pouvoir et le sacré. Bruxelles: Université Libre de Bruxelles, 1962. (Annales du Centre d'Etude des Religions; 1). P. 61—73.

Derchain Ph. Le Papyrus Salt 825 (BM 10051), rituel pour conservation de la vie en Égypte. Bruxelles: Palais des Académies, 1965. Fasc. 1—2.

Derchain Ph. Essai de classement chronologique des influences babyloniennes et hellénistiques sur l'astrologie égyptienne des documents démotiques // La divination en Mésopotamie ancienne et dans les régions voisines: Actes de la XIVe Rencontre Assyriologique Internationale (Strasbourg, 2—6 juillet 1965). P.: Presses Universitaires de France, 1966. P. 147—158.

Derchain Ph. Les impondérables de l'hellénisation : littérature d'hiérogammates. Turnhout: Brepols, 2000. 112 p., ill. (Monographies Reine Élisabeth; 7).

Descat R. Qu'est-ce que l'économie royale? // L'Orient méditerranéen : de la mort d'Alexandre aux campagnes de Pompée: cités et royaumes à l'époque hellénistique: actes du colloque international de la SOPHAU Rennes, avril 2003 / Ed. F. Prost. Rennes: Presses Universitaires du Mirail, 2003. (Pallas; 62). P. 149—168.

Description de l'Égypte, ou Recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'Armée française. P., Imprimerie impériale (puis royale), 1809—1817. Planches: Antiquités. T. 11—15 (=I—V).

Devauchelle D. (1) Les prophéties en Égypte ancienne // Prophéties et oracles. II: En Égypte et en Grèce. P.: Cerf, 1994. (Supplément au Cahier Evangile; 89). P. 6—30.

Devauchelle D. (2) Les steles du Sérapéum de Memphis conservées au Musée du Louvre // Acta Demotica: Acts of the Fifth International Conference for Demotists (Pisa, 4th—8th September 1993). Pisa: Giardini, 1994 (Egitto e Vicino Oriente; 17). P. 95—114.

Devauchelle D. (1) Réflexions sur les documents égyptiens datés de la Deuxième Domination perse // Transeuphratène. 1995. T. 10. P. 35—43.

Devauchelle D. (2) Le sentiment anti-perse chez les anciens Égyptiens // Transeuphratène. 1995. T. 9. P. 67—80.

Dicaearchus of Messana: Text, Translation and Discussion / Ed. W.W. Fortenbaugh, E. Schütrumpf. New Brunswick (N.J.): Transaction, 2001. VIII, 389 p. (Rutgers University Studies in Classical Humanities; 10).

Dickey E. Ancient Greek Scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from Their Beginnings to the Byzantine Period. L.; N.Y.: Oxford University Press, 2007. 368 p.

Digitalisiertes Archiv des Wörterbuch der ägyptischen Sprache // *Thesaurus Linguae Aegyptiae* (URL: <http://aaw2.bbaw.de/tla/index.html>; дата обращения: 30.04.2017).

- Dillery J.* Hecataeus of Abdera: Hyperboreans, Egypt and *interpretatio Graeca* // *Historia*. 1998. Bd. 47. P. 255—275.
- Dillery J.* The First Egyptian Narrative History: Manetho and Greek Historiography // *ZPE*. 1999. Bd. 127. S. 93—116.
- Dillery J.* Cambyses and the Egyptian *Chaosbeschreibung* Tradition // *CQ*. 2004. Vol. 55. P. 387—406.
- Dillery J.* Manetho // *The Romance Between Greece and the East* / Ed. T. Whitmarsh, S. Thomson. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 38—59.
- Dillery J.* Clio's Other Sons: Berossus and Manetho, with an afterword on Demetrius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2015. P. XXXVIII, 494.
- Dittenberger W.* *Orientis graeci inscriptiones selectae: supplementum sylloges inscriptionum graecarum*. Lipsiae: Hirzel, 1903—1905. Vol. I—II.
- Dittenberger W.* *Sylloge Inscriptionum Graecarum*. 3 ed. Lipsiae: Hirzel, 1915—1924. Vol. 1—4.
- Dodson A.* Mortuary Architecture and Decorative Systems // *A Companion to Ancient Egypt* / Ed. A.B. Lloyd. Chichester (West Sussex); Malden (Mass.): Wiley-Blackwell, 2010. Vol. 2. P. 804—825.
- Doresse M.* Le dieu voilé dans sa chasse et la fête de la décade // *RdÉ*. 1971. T. 23. P. 113—136; 1973. T. 25. P. 92—135; 1979. T. 31. P. 36—65.
- Doxey D.M.* Egyptian Non-Royal Epithets in the Middle Kingdom. A Social and Historical Analysis. Leiden: Brill, 1998. XV, 435 p. (Probleme der Ägyptologie; 12).
- Drioton É.* Une inscription égyptienne du Musée de Carthage // *CRAIBL*. 1959. 103e année. P. 442—445.
- Drioton É.* Un torse égyptien du Musée Lavignerie // *Cahiers de Byrsa*. 1960—1961. T. 9. P. 17—24, pl. I—IV.
- Dümichen J.* Geographische Inschriften altägyptischer Denkmäler. Bd. II. Leipzig: Hinrichs, 1866. 100 Taf.
- Eddy S.K.* The King is Dead: Studies in the Near Eastern Resistance to Hellenism, 334—31 B.C. Lincoln: University of Nebraska Press, 1961. X, 390 p.; pl., map.
- Edgar C.C.* Notes from the Delta // *ASAÉ*. 1911. T. 11. P. 87—96.
- Edel E.* Amasis and Nebukadrezzar II // *GM*. 1978. Hft. 29. S. 13—20.
- Edel E.* Bemerkungen zu den Schießsporttexten der Könige der 18. Dynastie // *SAK*. 1979. Bd. 7. S. 23—39.
- Edel E., Mayrhofer M.* Notizen zu Fremdnamen in ägyptischen Quellen // *Orientalia*. 1970. N.S. Vol. 40. P. 1—10.

- Edgerton W.F., Wilson J.A.* Historical Records of Ramses III: The Texts of Medinet Habu. Chicago: University of Chicago Press, 1936. XV, 159 p. (Studies in Ancient Oriental Civilizations; 12).
- Egyptian Man in a Persian Costume* (URL: <https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/3807>; дата обращения: 30.04.2017)
- Ehrenberg V.* Alexander und Ägypten. Leipzig: Hinrichs, 1926. 58 S. (Beihefte zum "Alten Orient"; 7).
- el-Sayed R.* Documents relatifs à Saïs et ses divinités. Le Caire, IFAO, 1975. XIV, 304 p., 8 fig., 1 table, 36 pl. (Bibliothèque d'étude; 69).
- el-Sayed R.* La déesse Neith de Saïs. I: Importance et rayonnement de son culte. II: Documentation, Le Caire, IFAO, 1982. VIII, 715 p., 15 pl. (Bibliothèque d'étude; 86).
- Eldamaty M.M.* Horus als Ka des Königs // GM. 1999. Hft. 169. S. 31—52.
- Eldamaty M.M.* Zur Bedeutung der leeren Kartuschen // GM. 2005. Hft. 207. S. 23—36.
- Eldamaty M.M.* Die leeren Kartuschen aus der Regierungszeit von Kleopatra VII. im Tempel von Dendera // Proceedings of the Ninth International Congress of Egyptologists; Grenoble, 6—12 septembre 2004 / Ed. Chr. Cardin, J.-Cl. Goyon. Leuven: Peeters, 2007. (Orientalia lovaniensia analecta, 150). P. 501—534.
- Eldamaty M.M.* Die leeren Kartuschen im Tempel von Edfu // Die ihr vorbeigehen werdet... Wenn Gräber, Tempel und Statuen sprechen: Gedenkschrift für Prof. Dr. Sayed Tawfik Ahmed / Hrsg. U. Rössler-Köhler, T. Tawfik. B.; N.Y.: De Gruyter, 2009 (Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo; Sonderschrift 16). S. 81—101.
- Ellis W.M.* Ptolemy of Egypt. L.: Routledge, 1994. XVIII, 102 p.
- Engsheden Å.* La reconstitution du verbe en égyptien de tradition 400—30 avant J.-C. Uppsala: Uppsala University, 2003. XII, 434 p. (Uppsala Studies in Egyptology; 3).
- Engsheden Å.* La parenté des Nectanebo // CdÉ. 2006. T. 81. P. 62—70.
- The Epigraphic Survey.* Earlier Historical Records of Ramses III. Chicago: University of Chicago Press, 1930. XVIII+10 p.; 2 fig., 54 pl. (Medinet Habu; 1 = Oriental Institute Publications; 8).
- The Epigraphic Survey.* The Later Historical Records of Ramses III. Chicago: University of Chicago Press, 1932. X p.; 6 fig., 76 pl. (Medinet Habu, 2 = Oriental Institute Publications, 9).
- The Epigraphic Survey.* Reliefs and Inscriptions at Karnak. Vol. III: The Bubastite Portal. Chicago: Oriental Institute, 1954. XIV p.; 1 fig., 22 pl. (Oriental Institute Publications; 74).
- Erichsen W.* Papyrus Harris I: Hieroglyphische Transkription. Bruxelles: Fondation Égyptologique Reine Élisabeth, 1933. II, 100 S. (Bibliotheca Aegyptiaca; 5).
- Erichsen W.* Demotisches Glossar. Kopenhagen, Ejnar Munksgaard, 1954. VIII, 712 S.
- Erman A.* Zur ägyptischen Wortforschung. II // SbPAW. Jg. 1912. S. 904—941, 942—963.

- Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache: die Belegstellen. Leipzig: Hinrichs; B.: Akademie-Verlag, 1940—1958. Bd. I—V.
- Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Neudruck. B.: Akademie-Verlag, 1955. Bd. I—V.
- Erman A., Wilcken U.* Die Naukratisstele // ZÄS. 1900. Bd. 38. S. 127—135.
- Erskine A.* Life after Death: Alexandria and the Body of Alexander // G&R. 2002. Vol. 49. P. 163—179.
- Erskine A.* Hellenistic Parades and Roman Triumphs // Rituals of Triumph in the Mediterranean World / Ed. A. Spalinger, J. Armstrong. Leiden: Brill, 2014. (Culture and History of the Ancient Near East; 63). P. 37—55.
- Eyre C.J.* Yet Again the Wax Crocodile: P. Westcar 3, 12ff // JEA. 1992. Vol. 78. P. 280—281.
- Fakhry A.* Blocs décorés provenant du temple de Luxor // ASAÉ. 1934. T. 34. P. 87—93, 2 pl.
- Fakhry A.* Bahria and Farafra Oases. Second Preliminary Report on the New Discoveries // ASAÉ. 1939. T. 39. P. 638—639.
- Fakhry A.* A Temple of Alexander the Great at Bahria Oasis // ASAÉ. 1941. T. 40. P. 823—828.
- Fakhry A.* The Egyptian Deserts: Siwa Oasis: Its History and Antiquities. Cairo: Government Press, 1944. XII, 185 p.: 34 pl., 48 ill.
- Fakhry A.* The Egyptian Deserts: Bahria Oasis II. Cairo, Government Press, 1950. XIII, 130 p., fig., pl.
- Faulkner R.O.* The Papyrus Bremner-Rhind (British Museum no. 10188). Bruxelles: Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1933. X, 94 p. (Bibliotheca aegyptiaca; 3).
- Faulkner R.O.* The Bremner-Rhind Papyrus – I, II, III, IV // JEA. 1936. Vol. 22. P. 121—140; 1937. Vol. 23. P. 10—16, 166—185; 1938. Vol. 24. P. 41—53.
- Faulkner R.O.* A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford: Vivian Ridler, 1962. XVI, 327 p.
- Favard-Meeks Chr.* Les toponymes Nétjer et leur liens avec Behbeit El-Hagara et Coptos // Autour de Coptos: actes du colloque organisé au Musée de Beaux-Arts de Lyon (17—18 mars 2000) / Ed. M.-Fr. Boussac, M. Gabolde, G. Galliano. Lyon: Topoi; P.: De Boccard, 2002. (Topoi: Orient-Occident, Supplément 3). P. 29—45.
- Favard-Meeks Chr.* Les constructions de Nectanébo II à Behbeit el-Hagara // Es werde niedergelegt als Schriftstück; Festschrift für Hartwig Altenmüller zum 65. Geburtstag / Hrsg. N. Cloth. Hamburg: Buske, 2003 (Studien zur altägyptischen Kultur: Beihefte, 9). S. 97—108.
- Felber H.* Die Demotische Chronik // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten / Hrsg. A. Blasius, B.U. Schipper. Leuven: Peeters, 2002. (Orientalia lovanensia analecta; 107). S. 65—112.
- Fischer-Elfert F.-W.* Uto // LÄ. Bd. VI. 1982. Sp. 906—911.

- Flavius Josephus*. Translation and Commentary / Ed. S. Mason. Vol. 5: Judean Antiquities, Books 8—10 / Transl. and comm. C.T. Begg and P. Spilsbury. Leiden; Boston: Brill, 2005. XIV, 394 p.
- Flavius Josephus*. Translation and Commentary / Ed. S. Mason. Vol. 10: Against Apion / Transl. and comm. J.M.G. Barclay. Leiden; Boston: Brill, 2007. LXXI, 430 p.
- Fontes historiae Nubiorum*: Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the 8th Century B.C. and the 6th century A.D. / Ed. T. Eide, T. Hägg, R.H. Pierce, L. Török. Bergen: University of Bergen, 1994—2000. Vols. I—IV.
- Fouilles de Delphes*. T. III: Épigraphie. Fasc. IV. Inscriptions de la Terrasse du Temple et de la région nord du Sanctuaire, nos 87 à 275 / Ed. R. Flacelière. P.: Boccard, 1954. IV, 122 p., XXXVI pl.
- Fraenkel*. Arbelitis // RE. Bd. III. 1895. Sp. 408.
- Fragmenta historicorum Graecorum* / Edidit C. Müller. Parisiis: Firmin Didot, 1853—1870. Vol. I—V.
- Die *Fragmente* der griechischer Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. B: Weidmann; Leiden: Brill, 1923—1958. Bd. I—III.
- Frankfort H*. Kingship and the Gods. A Study of the Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature. Chicago: University of Chicago Press, 1948. XXIII, 444 p., ill.
- Fraser P.M*. Two Studies on the Cult of Sarapis in the Hellenistic World // *Opuscula Atheniensia*. 1960. Vol. III. P. 1—54
- Fraser P.M*. Ptolemaic Alexandria. Oxford: Clarendon Press, 1972. Vol. 1—3.
- Fredricksmeyer E*. Alexander, Zeus Ammon and the Conquest of Asia // *TAPhA*. 1991. Vol. 121. P. 199—214.
- Fredricksmeyer E*. Alexander the Great and the Kingship of Asia // *Alexander the Great in Fact and Fiction* / Ed. A.B. Bosworth and E.J. Baynham. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2000. P. 136—166.
- Frye R.N*. The Charisma of Kingship in Ancient Iran // *Iranica Antiqua*. 1964. Vol. 4. P. 36—54.
- Funke P*. Philippos III. Arrhidaios und Alexandros IV. “von Amun auserwählt” // *Gerion Anejos*. 2005. Vol. 9. P. 45—56.
- Gabra S*. Fouilles de l’Université Fouad el-Awal à Touna el-Gebel (Hermopolis Ouest) // *ASAÉ*. 1939. T. 39. P. 483—496, 16 pl.
- Galán J.M*. Victory and Border: Terminology Related to Egyptian Imperialism in the XVIIIth Dynasty. Hildesheim: Gerstenberg, 1995. 192 p. (Hildesheimer ägyptologische Beiträge; 40).
- Gallo P*. Ounamon, roi de l’oasis libyenne d’El-Bahrein // *BSFE*. 2006. T. 166. P. 11—30.
- Gardiner A.H*. The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden. Leipzig: Hinrichs, 1909. VI, 116 p.; 18 pl.

- Gardiner A.H.* Late-Egyptian Stories. Bruxelles: Édition de la Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1932. XV, 101, 100a p. (Bibliotheca aegyptiaca; 3).
- Gardiner A.H.* Hieratic papyri in the British Museum. Third series: Chester Beatty Gift. L.: British Museum, 1935. Vol. 1—2.
- Gardiner A.H.* The House of Life // JEA. 1938. Vol. 24. P. 157—179.
- Gardiner A.H.* Horus the Behdetite // JEA. 1944. Vol. 30. P. 23—60; 1945. Vol. 31. P. 116.
- Gardiner A.H.* Ancient Egyptian Onomastica. Oxford: Oxford University Press, 1947. Vol. 1—3.
- Gardiner A.H.* The Baptism of Pharaoh // JEA. 1950. Vol. 36. P. 3—12.
- Gardiner A. H.* The First King Menthotpe of the Eleventh Dynasty // MDAIK. 1956. Bd. 14. S. 42—51
- Gardiner A.H.* Egyptian Grammar. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 1957. XXXVI, 646 p.; ill.
- Gardiner A.H.* The Royal Canon of Turin. Oxford: Vivian Ridler, 1959. 20 p., pl.
- Gardiner A.H.* Egypt of the Pharaohs. An Introduction. Oxford: Clarendon Press, 1961. XX, 461 p., frontispiece, 17 fig., 21 pl., 3 maps.
- Garstang J.* El Arábah. L.: Quaritch, 1901. VIII, 49 p.; 40 pl.
- Gauger J.-D.* Der “Traum des Nektanebos”—die griechische Fassung // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten / Hrsg. A. Blasius, B.U. Schipper. Leuven: Peeters, 2002. (Orientalia lovanensia analecta; 107). S. 189—220.
- Gauthier H.* Le livre des rois d’Égypte. Le Caire: Institut français d’archéologie orientale du Caire, 1915. T. IV : De la XXVe dynastie à la fin des Ptolémées. Premier fascicule. 211 p. (Memoires publiées par les membres de l’Institut français de l’archéologie orientale; 20/1).
- Gauthier H.* Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques. Le Caire: Institut français d’archéologie orientale du Caire, 1925—1931. T. I—VII.
- Gauthier H.* Les nomes d’Égypte depuis Hérodote jusqu’à conquête arabe. Le Caire: Institut français d’archéologie orientale du Caire, 1935. XXIII, 219 p.: 5 pl. (Mémoires de l’Institut d’Égypte; 25).
- Gauthier H., Sottas H.* Un decret trilingue en l’honneur de Ptolémée IVème. Le Caire: Institut français d’archéologie orientale du Caire, 1925. VII, 79 p.; 9 pl.
- Gehrke H.-J.* Geschichte des Hellenismus. 4. Aufl. München: Oldenbourg Verlag, 2008. 328 S. (Oldenbourg Grundriss der Geschichte; 1B).
- Geographi Graeci minori* / Ed. K. Müller. Parisiis: Firmin Didot, 1855—1861. Vol. I—II.
- Ghirshman R.* L’Iran des origines à l’Islam. P.: Albin Michel, 1976. 376 p.: Ill., cartes. pl., 1976.
- Gignac F.Th.* A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods. Vol. I: Phonology. Milan: Istituto Editoriale Cisalpino, 1975. 365 p.
- Giveon R.* Les Bédouins Shosou des documents égyptiens. Leiden: Brill, 1971. 277 p.: ill. (Documenta et Monumenta Orientis Antiqui; 22).

- Glanville S.R.K.* The Instructions of 'Onchsheshonqy (British Museum Papyrus 10508). Part I: Introduction, Transliteration, Translation, Notes and Plates. L., British Museum, 1955. XV, 78 p.; pl. (Catalogue of Demotic Papyri in the British Museum; 2)
- Goedicke H.* Comments on the Satrap Stela // BES. 1985. Vol. 6. P. 33—54.
- Golénischeff W.S.* Ermitage imperial. Inventaire de la collection égyptienne. S.l.: s.n., 1891. VII, 386 p.; ill.
- Golénischeff W.S.* Les papyrus hiératiques № 115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage imperial à St. Pétersbourg. St. Pétersbourg: Manufacture des Papiers de l'État, 1913. 8 p.: 28 pl., pl. suppl. A-D.
- Golénischeff W.* Quelques remarques sur la syntaxe égyptienne // Recueil d'études égyptologiques dédiées a la mémoire de Jean-François Champollion à l'occasion du centenaire de la lettre à M. Dacier relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques. P. : E. Champion, 1922. (Bibliothèque de l'École pratique des hautes études: sc. hist. et philol.; 234). P. 685—711.
- Goldbrunner L.* Buchis: Eine Untersuchung zur Theologie des heiligen Stieres in Theben zur griechisch-römischen Zeit. Bruxelles: Brepols, 2004. V, 351, 32 p.: ill. (Monographies Reine Élisabeth; 11).
- Gorre G.* (1) Les relations du clergé égyptien et des Lagides d'après les sources privées. Leuven: Peeters, 2009. LVIII, 641 p. (Studia hellenistica; 45).
- Gorre G.* (2) Nectanébo-le-faucon et la dynastie lagide // AS. 2009. Vol. 39. P. 55—69.
- Gorre G.* (3) *Rḥ-nswt*: titre aulique ou titre sacerdotal "spécifique" // ZÄS. 2009. Bd. 136. S. 8—18.
- Goukowsky P.* Essay sur les origines du mythe d'Alexandre (336—270 av. J-C). I: Les origins politiques. Nancy: Université de Nancy, 1978. 360 p.
- Goyon G.* Nouvelles inscriptions rupestres du Wadi Hammamat. P.: Maisonneuve, 1957. XI, 187 p., ill.
- Gozzoli R.B.* The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millenium B.C. (ca. 1070—180 BC). Trends and Perspectives. L.: Golden House, 2006. XII, 398 p. (Golden House Publications Egyptology; 5).
- Grajetzki W.* The Middle Kingdom of Ancient Egypt: History, Archaeology and Society. L.: Duckworth, 2006. XII, 208 p.; ill., maps, plans.
- Grainger J.D.* The Syrian Wars. Leiden: Brill, 2010. XVII, 447 p.: maps. (Mnemosyne Supplements. History and Archaeology of Classical Antiquity; 320).
- Grayson A.K.* Assyrian and Babylonian Chronicles. Locust Valley (N.Y.): Augustin, 1975. XVI, 300 p. [13] pls.; ills. (Texts from Cuneiform Sources; 5).
- The *Greek Alexander Romance* / Transl. R. Stoneman. L.: Penguin, 1991. IX, 197 p.
- Grenier J.-C.* Le prophète et l'Autokratôr // RdE. 1986. T. 37. P. 81—89.

- Grenier J.-Cl.* Les titulatures des empereurs romains dans les documents en langue égyptienne. Bruxelles: Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1989 (Papyrologica Bruxellensia; 22). 122 p.
- Grieb V.* Zur Gründung von Alexandria: Die Quellen im Kontext des spätclassischen Urbanismus der südöstlichen Ägäiswelt und der nautischen Bedingungen im östlichen Mittelmeer // Alexander the Great and Egypt: History, Art, Tradition. Wrocław/Breslau 18./19. November 2011 / Ed. V. Grieb, K. Nawotka, A. Wojciechowska. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014. (Philippica; 74). P. 221—240.
- Der griechische Alexanderroman: Rezension γ, Buch I* / Hrsg. U. von Lauenstein. Meisenheim an Glan: Hain, 1962. XII+151 S. (Beiträge zur klassische Philologie; 4).
- Der griechische Alexanderroman: Rezension γ, Buch II* / Hrsg. H. Engelmann. Meisenheim an Glan: Hain, 1963 (Beiträge zur klassische Philologie; 12). 152—329 S.
- Der griechische Alexanderroman: Rezension γ, Buch III* / Hrsg. F. Parthe. Meisenheim an Glan: Hain, 1969. X+330—463 S. (Beiträge zur klassische Philologie; 33).
- Griffith F.Ll.* Stories of the High Priests of Memphis: The Sethon of Herodotus and the Demotic Tales of Khamuas. Oxford: Clarendon, 1900. Vol. 1—2.
- Griffiths J.Gw.* βασιλευς βασιλέων: Remarks on the History of the Title // ClPh. 1953. Vol. 48. P. 145—154.
- Griffiths J.Gw.* Plato on Priests and Kings in Egypt // ClRev. 1965. Vol. 15. P. 156—157.
- Griffiths J.Gw.* Interpretatio Graeca // LÄ. Bd. III. 1980. Sp. 167—172.
- Griffiths J.Gw.* Atlantis and Egypt // Historia. 1985. Bd. 34. S. 3—28.
- Grimal N.-Chr.* (1) La stèle triomphale de Pi(ankhy) au Musée du Caire JE 48862 et 47086—47089. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1981. XXVII, 364 p., 12 pl. (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire; 105).
- Grimal N.-Chr.* (2) Quatre stèles napatéennes au Musée du Caire. JE 48863—48866. Textes et indices. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1981. XIV, 115 p., 50 pl.; ill. (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire; 106; Études sur la propagande royale égyptienne; 2).
- Grimal N.-Chr.* Les termes de la propagande royale égyptienne de la XIX dynastie à la conquête d'Alexandre. P.: Imprimerie Nationale/De Boccard, 1986. 764 p. (Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, nouv. sér.; 6; Études sur la propagande royale égyptienne; 4).
- Grimal N.-Chr.* A History of Ancient Egypt. Oxford—Malden (Mass.)—Carlton (Va.): Blackwell, 2005. X, 518 p.; ill., maps.
- Groningen B.A. van.* De Cleomene Naucratis // Mnemosyne. 1925. Vol. 53. P. 101—130.
- Groningen B.A. van.* Aristote, le second livre de l'économique. Leiden: Sijthoff, 1933. 218 p.
- Grothoff T.* Die Tornamen der ägyptischen Tempel. Aachen: Shaker, 1996. 587 S.: Ill., Taf. (Aegyptiaca Monasteriensia; 1).

- Gruen E.S.* Rethinking the Other in Antiquity. Princeton: Princeton University Press, 2011. XIV, 415 p. (Martin Classical Lectures, New Series).
- Grzybeck E.* Du calendrier macédonien au calendrier ptolémaïque: problèmes de chronologie hellénistique. Basel: Reinhardt, 1990. 212 p. (Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft; 20).
- Guarducci M.* Epigrafia greca. I: Caratteri e storia della disciplina. La scrittura greca dalle origini all'età imperiale. Roma: Istituto poligrafico dello Stato, 1967. X, 580 p.: il.
- Guermeur I.* Le groupe familial de Pachéryentaisouy. Caire JE 36576 // BIFAO. 2004. T. 104. P. 245—289.
- Guermeur I.* Les cultes d'Amon hors de Thèbes: recherches de géographie religieuse. Turnhout: Brepols, 2005. IX, 634 p., XXII pl.: ill. (Bibliothèque de l'École des hautes études, Section des sciences religieuses; 123).
- Guermeur I.* À propos du cheval, d'Horus et d'un passage du *de Iside* de Plutarque // *Et in Ægypto et ad Ægyptum*. Recueil d'études dédiées à Jean-Claude Grenier / Ed. A. Gasse, Fr. Servajean, Chr. Thiers. Montpellier: Université Paul Valéry, 2012. (Les Cahiers Égypte Nilotique et Méditerranéenne; 5). P. 375—381.
- Guermeur I., Thiers Chr.* Un éloge coïte de Ptolémée Philadelphie. La stèle BM EA 616 // BIFAO. 2001. T. 101. P. 197—219.
- Gundlach R.* Die Legitimation des ägyptischen Königs – Versuch einer Systematisierung // Selbstverständnis und Realität: Akten des Symposiums zur ägyptischen Königsideologie in Mainz 15.—17.6.1995 / Hrsg. R. Gundlach, Chr. Raedler; Wiesbaden: Harrassowitz, 1997. (Ägypten und Altes Testament; 36/1 = Beiträge zur altägyptischen Königsideologie; 1). S. 11—20.
- Gundlach R.* Der Pharao und sein Staat: die Grundlegung der ägyptischen Königsideologie im 4. und 3. Jahrtausend. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. XV, 320 S.; Ill., Karten.
- Gundlach R.* Thutmosis III. und die Mitanni-Frage // Festschrift für Burkhard Kienast zu seinem 70. Geburtstag / Hrsg. G.J. Selz. Münster: Ugarit-Verlag, 2003. (Alter Orient und Altes Testament; 274). S. 153—182.
- Gundlach R.* Die Königsideologie Sesostri I. Anhand seiner Titulatur. Wiesbaden: Harrassowitz, 2008. XXII, 377 S. (Königtum, Staat und Gesellschaft früher Hochkulturen; 7).
- Gutschmid A.* Die beiden ersten Bücher des Pompejus Trogus // *Gutschmid A.* Kleine Schriften. Leipzig: Teubner, 1894. S. 19—217.
- Gunn B.* The Inscribed Sarcophagi in the Serapeum // *ASAÉ*. 1926. Vol. 26. P. 82—91.
- Habashi L.* King Nebhepetre Mentuhotep: His Monuments, Place in History, Deification and Unusual Representations in the Form of Gods // *MDAIK*. 1963. Bd. 19. S. 16—52, 23 Abb., 11 Taf.
- Habashi L.* Features of the Deification of Ramesses II. Glückstadt: Augustin, 1969. XI, 57 p.; 30 fig., 1 plan, 3 ill., 15 pl. (Abhandlungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abt. Kairo; 5).

- Habashi L.* Le mur d'enceinte du grand temple d'Amenrē' à Karnak // *Kêmi*. 1970. T. 20. P. 229—235.
- Habicht Chr.* Göttmenschentum und griechische Städte. 2. Aufl. München: Beck, 1970. XVI, 290 S. (Zetemata; 14).
- Hadley R.A.* Deified Kingship and Propaganda Coinage in the Early Hellenistic Age. Diss. University of Pennsylvania, 1964. XXIII, 148 p.
- Haeny G.* New Kingdom 'Mortuary Temples' and 'Mansions of Millions of Years' // *Temples of Ancient Egypt* / Ed. B.E. Shafer. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1997. P. 86—127.
- Hägg Th.* The Novel in Antiquity. Berkeley: University of California Press, 1983. XII, 264 p.; ill.
- Hall E.S.* The Pharaoh Smites His Enemies. A Comparative Study. München: Deutscher Kunstverlag, 1986. XXVI, 49 p., [56] p. of pl.; ill.
- Hamilton J.R.* Plutarch Alexander: A Commentary. Oxford: Clarendon, 1969. 231 p.: ill.
- Hammond N.G.L.* The Sources of Diodorus XVI // *CQ*. 1937. Vol. 31. P. 79—91; 1938. Vol. 32. P. 137—151.
- Hammond N.G.L.* Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. XI, 205 p.
- Hammond N.G.L.* The Macedonian State: Origins, Institutions and History. Oxford: Clarendon, 1989. XX, 413 p.: ill.
- Hammond N.G.L.* Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's *Anabasis Alexandri*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. XVI, 345 p.
- Hammond N.G.L., Walbank G.T.* A History of Macedonia. Vol. 3: 336—167 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1988. XXX, 654 p., 4 pls.; ill., map.
- Hannig R.* (1) *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reichs und Zweite Zwischenzeit*. Mainz am Rhein: Zabern, 2006. LI, 3274 S. (Kulturgeschichte der antiken Welt; 112 = Hannig-Lexica; 5).
- Hannig R.* (2) *Größtes Handwörterbuch Ägyptisch-Deutsch (2800—95 v. Chr.)*: Marburger Edition. Mainz: Zabern, 2006. XLIV, 1475, 20 S., Karte. (Kulturgeschichte der antiken Welt; 64 = Hannig-Lexica; 1).
- Hassan S.* Hymnes religieux du Moyen Empire. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1928. VIII, 198 p.
- Hatzopoulos M.B.* L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. Athènes: Centre de recherche de l'antiquité grecque et romaine, Fondation nationale de la recherche scientifique, 2001. 196 p., 20 pl.: ill. (Meletēmata; 30).
- Hauben H.* Fleet Strength at the Battle of Salamis (306 B.C.) // *Chiron*. 1976. Bd. 6. S. 1—5.
- Hauben H.* Rhodes, Alexander and the Diadochi from 333/332 to 304 B.C. // *Historia*. 1977. Bd. 26. P. 307—339.

- Hazzard R.A.* Did Ptolemy I Get his Surname from the Rhodians in 304? // *ZPE*. 1992. Bd. 93. P. 52—56.
- Hazzard R.A.* *Imagination of Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda*. Toronto; Buffalo; L.: University of Toronto Press, 2000. XII, 244 p. (Phoenix Supplementary Volume; 37).
- Heath J.* Ezekiel Tragicus and Hellenistic Visuality: The Phoenix at Elim // *Journal of Theological Studies*. N. S. 2006. Vol. 57. P. 23—41.
- Heckel W.* *Who's Who in the Age of Alexander the Great: Prosopography of Alexander's Empire*. Malden (Ma.) – Oxford – Carlton: Wiley-Blackwell, 2006. 418 p.
- Heidel W.A.* Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. N.Y.; L.: Garland, 1987. 134 p. (Memoirs of the American Academy of Arts and Sciences; 18/2).
- Heise J.* *Erinnern und Gedenken: Aspekte der biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit*. Freiburg; Göttingen: Acad. Press, 2007. 384 S. (Orbis biblicus et orientalis; 120).
- Helck W.* *Untersuchungen zu Manetho und den ägyptischen Königslisten*. B.: Akademie-Verlag, 1956. IV, 91 S. (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens; 18).
- Helck W.* *Urkunden der 18. Dynastie*. B., Akademie-Verlag, 1956—1961. Hft. 17—22. (Urkunden des ägyptischen Altertums; 4).
- Helck W.* *Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr.* Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. VIII, 647 S., 14 Karten, 3 Taf. (Ägyptologische Abhandlungen; 5).
- Helck W.* *Der Text der "Lehre Amenemhets I. für seinen Sohn"*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1969. 105 S. (Kleine Ägyptische Texte).
- Helck W.* *Die Lehre des D_w3-H_tj_j*. Textzusammenstellung. Wiesbaden: Harrassowitz, 1970. III + 166 p. (Kleine Ägyptische Texte).
- Helck W.* *Die altägyptische Gaue* (Beihefte zum Tübinger Atlas des vorderen Orients, Reihe B, 42). Wiesbaden: Reichert, 1974. VIII, 216 S.
- Helck W.* *Grenzsteine* // *LÄ*. Bd. I. 1975. Sp. 897.
- Helck W.* (1) *Euphrat* // *LÄ*. Bd. II. 1977. Sp. 47.
- Helck W.* (2) *Fremdvölkerdarstellungen* // *LÄ*. Bd. II. 1977. Sp. 315—321.
- Helck W.* (1) *Maat* // *LÄ*. Bd. III. 1980. Sp. 1110—1116.
- Helck W.* (2) *Meer* // *LÄ*. Bd. III. 1980. Sp. 1278—1279.
- Helck W.* *Die Erzählung vom Verwunschenen Prinzen* // *Form und Mass. Beiträge zur Literatur, Sprache und Kunst des Alten Ägypten*. Festschrift für Gerhard Fecht zum 65. Geburtstag am 6. Februar 1987 / Hrsg. J. Osing and G. Dreyer. Wiesbaden: Harrassowitz, 1987. S. 218—222.
- Helck W.* *Die Prophezeiung des Nfr.tj*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1992. 60 S. (Kleine ägyptische Texte).

- Herbin Fr.-R.* Une liturgie des rites décadaires de Djême: Papyrus Vienne 3865 // RdÉ. 1984. T. 35. P. 105—127.
- Herbin Fr.-R.* Les premières pages du Papyrus Salt 825 // BIFAO. 1988. T. 88. P. 95—112.
- Herrmann J.* Hyperides. Funeral Oration. Oxford: Oxford University Press, 2009. 163 p.
- The *Hibeh Papyri*. P. 1 / Ed. with translations and notes by B.P. Grenfell and A.S. Hunt. L.: Egypt Exploration Society, 1906. XIV, 410 p.: 10 pls.
- Hintze Fr.* Studien zur meroitischen Chronologie und zu den Opfertafeln aus den Pyramiden von Meroe. B.: Akademie-Verlag, 1959. 72 S., Abb., Taf., Karte, Ill. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst; Jg. 1957, Nr. 2).
- Hinz W.* Darius und die Perser: eine Kulturgeschichte der Achämeniden. Bd. 2. Baden-Baden: Holle, 1979. 255 S.: Ill., Karten.
- Hirzbauer M.* Der Oasentempel von Qasr el-Mağizba als ein Beispiel für die Legitimation Alexanders des Großen // GM. 2011. Hft. 230. S. 49—52.
- Hoffmann F.* Ägypter und Amazonen: Neubearbeitung zweier demotischer Papyri P. Vindob. D6165 und P. Vindob. D6165A. Wien: Hollinek, 1995. 212 S., 12 Taf.: Ill. (Mitteilungen aus der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek, Neue Serie; 24).
- Hoffmann F., Quack J.F.* Anthologie der demotischen Literatur. B.; Münster; Wien; Zürich; L.: Lit, 2007. XIV, 378 S.; Ill. (Einführungen und Quellentexte zur Ägyptologie; 4).
- Hölbl G.* (1) Königliche Legitimität und historische Umstände im Spiegel der pharaonischen Titulaturen der griechisch-römischen Zeit // Sesto Congresso Internazionale di Egittologia (Torino, 1—8 sett. 1991). Atti. I. Turin: Societa italiana per il Gas, 1992. P. 273—275.
- Hölbl G.* (2) Zum Titel *ḥqꜣ ḥqꜣw* des römischen Kaisers // GM. 1992. Hft. 127. S. 49—52.
- Hölbl G.* Geschichte des Ptolemäerreiches: Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander dem Grossen bis zur römischen Eröberung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. XXXII, 402 S.: Ill.
- Hölbl G.* Zur Legitimation der Ptolemäer als Pharaonen // Selbstverständnis und Realität: Akten des Symposiums zur ägyptischen Königsideologie in Mainz 15.—17.6.1995 / Hrsg. R. Gundlach, Chr. Raedler; Wiesbaden: Harrasowitz, 1997. (Ägypten und Altes Testament; 36/1 = Beiträge zur altägyptischen Königsideologie; 1). S. 22—27.
- Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire. L.; N.Y.: Routledge, 2001. XXXVI, 373 p.; ill., maps.
- Holladay C.R.* Fragments from Hellenistic Jewish authors. Chicago; Atlanta: Scholars Press, 1989. Vol. II: Poets. The Epic Poets Theodotus and Philo and Ezekiel the Tragedian. X, 529 p.
- Holm-Rasmussen T.* On the Statue Cult of Nectanebos II // Acta Orientalia. 1979. Vol. 40. P. 21—25.
- Hornblower J.* Hieronymus of Cardia. L.; N.Y.; Toronto: Oxford University Press, 1981. XI, 301 p. (Oxford Classical and Philosophical Monographs).

- Hornung E.* Zeitliches Jenseits im alten Ägypten // *Eranos*. 1978. Bd. 47. S. 269—307.
- Hornung E.* Conceptions of God in Ancient Egypt: The One and the Many. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 1996. 293 p.
- Hornung E., Staehelin E.* Studien zum Sedfest., Genf: Belles Lettres, 1974. 102 S. (*Aegyptiaca helvetica*; 1).
- Hornung E., Staehelin E.* Neue Studien zum Sedfest. Basel: Schwabe Verlag, 2006. 106 S., 19 Abb. (*Aegyptiaca helvetica*; 20).
- Hunter R.* Theocritus' Encomium of Ptolemy Philadelphus. Text and Translation with Introduction and Commentary. Berkeley; L.A.; L.: University of California Press, 2003. XII, 226 p.
- Hunter R.* Greek and Non-Greek in the Argonautica of Apollonius // *Hunter R.* On Coming After: Studies in Post-Classical Greek Literature and Its Reception. Vol. 1. B.; N.Y.: de Gruyter, 2008. P. 95—114.
- Huß W.* Die in ptolemaïischen Zeit verfaßten Synodal-Dekreten der ägyptischen Priester // *ZPE*. 1991. Bd. 88. S. 189—208.
- Huss W.* Das Haus des Nektanebis und das Haus des Ptolemaios // *AS*. 1994. Vol. 25. P. 111—117.
- Huß W.* (1) Der makedonische König und die ägyptischen Priester: Studien zur Geschichte des ptolemaïischen Ägypten. Stuttgart: Steiner, 1994. 238 S: graph. Darst. (*Historia Einzelschriften*, 85).
- Huß W.* (2) Der rätselhafte König Chababasch // *SEL*. 1994. T. 11. P. 97—117
- Huß W.* Ägyptische Kollaborateure in persischer Zeit // *Tyche*. 1997. Bd. 12. S. 131—143.
- Huss W.* Ägypten in der hellenistischen Zeit, 332—30 v. Chr. München: Beck, 2001. 885 S.
- Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. Inscriptiones insularum maris Aegaei praeter Delum. Fasc. 7. Inscriptiones Amorgi et insularum vicinarum / Ed. J. Delamarre. Berolini: Reimer, 1908. XII, 160 pp.
- Iossif P.P.* Ptolemaia // *The Encyclopedia of Ancient History, First Edition* / Ed. R.S. Bagnall, K. Brodersen, C.B. Champion, A. Erskine, S.R. Huebner. Malden (Ma.); Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. P. 5624—5625.
- Iside.* Il mito, il mistero, la magia. Catalogo della Mostra Milano, Palazzo Reale, 22 febbraio—1 giugno 1997 / Ed. E.A. Arslan *et al.* Milano: Electa, 1997. 31 p.
- Jackson R.B.* At Empire's Edge: Rome's Egyptian Frontier. New Haven; L.: Yale University Press, 2002. XXV, 350 p.
- Jacobson G.* The Exagoge of Ezekiel. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1983. 252 p.
- Jacoby F.* Hekataios aus Abdera // *RE*. Bd. 7. 1912. Sp. 2750—2769.
- Jacquet-Gordon H.K.* The Inscriptions on the Philadelphia-Cairo Statue of Osorkon II // *JEA*. 1960. Vol. 46. P. 3—23.
- James T.G.H.* An Introduction to Ancient Egypt. N.Y.: Harper & Row, 1979. 286 p., 8 pl.: ill.

- Jamzadeh P.* Alexander Histories and Iranian Reflections. Remnants of Propaganda and Resistance. Leiden; Boston: Brill, 2012. VIII, 193 p. (Studies in Persian Cultural History; 3).
- Jansen-Winkel K.* Das Ende des Neuen Reiches // ZÄS. 1992. Bd. 119. S. 22—37.
- Jansen-Winkel K.* Der Beginn der libyschen Herrschaft in Ägypten // Biblische Notizen. 1994. Bd. 71. S. 78—97.
- Jansen-Winkel K.* Spätmittelägyptische Grammatik der Texte der 3. Zwischenzeit. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. XXXIX, 556 S. (Ägypten und Alte Testament; 34).
- Jansen-Winkel K.* Die Fremdherrschaften in Ägypten im 1. Jahrtausend v. Chr. // Orientalia. 2000. Bd. 69. S. 1—20.
- Jansen-Winkel K.* (1) Biographische und religiöse Inschriften der Spätzeit aus dem Ägyptischen Museum Kairo. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. Bd. 1: Übersetzungen und Kommentare. 300 S. (Ägypten und Altes Testament, 45/1).
- Jansen-Winkel K.* (2) Der thebanische ‘Gottesstaat’ // Orientalia. 2001. Vol. 70. P. 153—182.
- Jansen-Winkel K.* Ein Priester als Restaurator. Zu einer ptolemäischen Inschrift am Luxortempel // ZÄS. 2005. Bd. 132. S. 35—39, Taf. XV—XVI.
- Jansen-Winkel K.* Inschriften der Spätzeit. Teil II: Die 22.—24. Dynastie. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. XXXVIII, 536 S.
- Jansen-Winkel K.* Eine Bau- und Bittinschrift am Tempel von Luxor // ZÄS. 2013. Bd. 140. S. 1—20, Taf. I—VIII.
- Jansen-Winkel K.* Die Siegesstele des Amasis // ZÄS. 2014. Bd. 96. S. 132—153.
- Janssen J.* De traditioneele egyptische autobiografie vóór het Nieuwe Rijk. Leiden: Brill, 1946. Bd. 1—2.
- Janssen J.M.A.* The Stela (Khartoum Museum No. 3) from Uronarti // JNES. 1953. Vol. 12. P. 51—55, pl. LXV.
- Janssen J.M.A.* Over Pharaó Bocchoris // Varia Historica: Festschrift A.W. Byvanck. Assen: van Gorcum, 1954. P. 17—29.
- Jasnow R.* The Hieratic Wooden Tablet Varille // For his Ka. Essays Offered in Memory of Klaus Baer / Ed. D. P. Silverman. Chicago: Oriental Institute, 1994 (Studies for the Ancient Oriental Civilizations, 55). P. 99—112.
- Jasnow R.* The Greek Alexander Romance and Demotic Egyptian Literature // JNES. 1997. Vol. 56. P. 95—103.
- Jélinkova-Reymond E.* Les inscriptions de la statue guérissante de Djed-Her-le-Sauveur. Le Caire: Institut français d’archéologie orientale du Caire, 1956. XIX, 167 p., 1 ill. (Bibliothèque d’étude; 23).

- Jenni H.* Die Dekoration des Chnumtempels auf Elephantine durch Nektanebos II. Mainz: Zabern, 1998 (Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo. Archäologische Veröffentlichungen; 90 = Elephantine ; 17). 159 S., Falttaf., 125 Taf: III.
- Jéquier G.* À propos d'une stèle éthiopienne: l'inscription [...] // RT. 1905. T. 27. P. 170—175.
- Jéquier G.* L'architecture et la décoration dans l'ancienne Égypte. III: Les temples ptolémaïques et romains. P.: A. Morancé, 1924. 9 p., 80 pl.: ill., cartes, plans.
- Johnson J.H.* The Demotic Chronicle as an Historical Source // Enchoria. 1974. Vol. 4. P. 1—17.
- Johnson J.H.* The Demotic Chronicle as a Statement of a Theory of Kingship // JSSEA. 1983. Vol. 13. P. 61—72.
- Johnson J.H.* Is the Demotic Chronicle an Anti-Greek Tract? // Grammata Demotika für Erich Lüddeckens zum 15. Juni 1983 / Hrsg. H.-J. Thissen and K.-Th. Zauzich. Würzburg: Gisela Zauzich, 1984. S. 107—124.
- Josephson J.A.* Egyptian Royal Sculpture of the Late Period: 400-246 B.C. Mainz am Rhein: Zabern, 1997. X, 54 p., 14 pl. (Sonderschrift. Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo, 30).
- Jouanno C.* Naissance et métamorphoses du Roman d'Alexandre. Domaine grec. P.; CNRS Éditions, 2002. 510 p.
- Jouguet P.* La politique intérieure du 1er Ptolémée // BIFAO. 1930. T. 30. P. 513—539.
- Jouguet P.* La date alexandrine de la fondation d'Alexandrie // RÉA. 1940. T. 42. P. 192—197.
- Junker H.* Grammatik der Dendaratexte. Leipzig: Hinrichs, 1906. VIII, 207 S.
- Junker H.* Bericht über die vom deutschen Institut für ägyptische Altertumskunde nach dem Ostdelta-Rand unternommene Erkundungsfahrt // MDAIK. 1930. Bd. 1. S. 3—37, 14 Taf., 1 Kt.
- Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg: N.G. Elwert, 1895. XXVI, 526 S.
- Kaenel Fr. von.* Les mésaventures du conjurateur de Serket Onnofris et de son tombeau // BSFE. 1980. Nr. 87—88. P. 31—45.
- Känel Fr. von.* Les prêtres-ouâb de Sekhmet et les conjurateurs de Serket. P.: Presses Universitaires de France, 1984. X, 338 p., XVI p. pl.: ill. (Bibliothèque de l'école des hautes études. Section des sciences religieuses; 87).
- Känel Fr. von.* La "Directrice du Château de Serket" // RdÉ. 1988. T. 39. P. 210—211.
- Känel Fr. von.* Egyptien... ou chinois? Un très curieux chat en bronze // Mélanges offerts à Edith Varga: "Le lotus qui sort de terre" / Ed. H. Györy. Budapest: Szemueveszeti Muzeum, 2002. P. 287—292.
- Kahl J.* Zu den Namen spätzeitlicher Usurpatoren, Fremdherrsher, Gegen- und Lokalkönige // ZÄS. 2002. Bd. 129. S. 31—42.
- Kahn D.* Taharqa, King of Kush and the Assyrians // JSSEA. 2004. Vol. 31. P. 109—128.

- Kahn D.* Some Remarks on the Foreign Policy of Psammetichus II in the Levant // *JEH.* 2008. Vol. 1. P. 139—157.
- Kákosy L.* Phönix // *LÄ.* Bd. IV. 1982. Sp. 1030—1039.
- Kákosy L.* Krokodilkulte // *LÄ.* Bd. III. 1980. Sp. 801—811.
- Kamal A. Bey.* Stèles ptolémaïques et romaines. Le Caire; Leipzig: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1904—1905. T. 1—2 (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire; 23001—23246).
- Kamal A. Bey.* Sébennytos et son temple // *ASAÉ.* 1906. T. 7. P. 87—94.
- Kamrin J.* The Cosmos of Khnumhotep II at Beni Hasan. L.; N.Y.: Kegan Paul, 1999. XIV, 196 p.; 6 pl.: ill.
- Kaplony P.* Bemerkungen zum ägyptischen Königtum vor allem in der Spätzeit // *CdÉ.* 1971. T. 46. P. 250—274.
- Kaplony-Heckel U.* Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter zugunsten der Götter von Buto (Satrapenstele), 311 v. Chr. // *Texte aus der Umwelt des Alten Testament / Hrsg. O. Kaiser.* Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus Gerd Mohn, 1982. Bd. I: Rechts- und Wirtschaftsurkunden. Historisch-chronologische Texte. S. 613—619.
- Kaplony-Heckel U.* Zum demotische Baugruben-Graffito vom Satis-Tempel auf Elephantine // *MDAIK.* 1987. Bd. 43. S. 153—169. Taf. 19.
- Kees H.* Der Opfertanz des ägyptischen Königs. München: s.n., 1912. VI, 292 S.
- Kees H.* Sesostris // *RE.* 2. Reihe. Hbd. 4. 1923. Sp. 1862—1876.
- Kees H.* Marmarika // *RE.* Hbd. XIV. 1930. Sp. 1881—1883.
- Kees H.* Ägypten. München: Beck, 1933. XXVI, 372 S (Kulturgeschichte des Alten Orients; 1).
- Keil H.* Scholia vetera e codice Laurentiano. Lipsiae: Teubneri, 1854. 774 p.
- Kent R.G.* Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven: American Oriental Society, 1950. XIII, 216 p., 3 pls (American Oriental Series; 33).
- Kerkeslager A.* The Apology of Potter: A Translation of the Potter's Oracle // *Jerusalem Studies in Egyptology / Ed. I. Shirun-Grumach.* Wiesbaden: Harrassowitz, 1998. (Ägypten und Alten Testament; 40). P. 67—79.
- Kessler D.* Historische Topographie der Region zwischen Mallawi und Samalut (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B (Geisteswissenschaften), 30). Wiesbaden: Reichert, 1981. IX, 361 S., Abb., Taf., Karte.
- Kessler D.* Tuna el Gebel // *LÄ.* Bd. VI. 1986. Sp. 797—804.

- Kessler D.* Die Heiligen Tiere und der König. Teil I: Beiträge zu Organisation, Kult und Theologie der spätzeitlichen Tierfriedhöfe. Wiesbaden: Harrassowitz, 1989. XI, 303 S., Karte, Abb., Taf. (Ägypten und Altes Testament; 16).
- Kessler D.* Tuna el-Gebel. II: Die Paviankultkammer G-C-C-2. Hildesheim: Gerstenberg, 1998. XII, 186 S., 84 Taf. (Hildesheimer ägyptologische Beiträge; 43).
- Kessler D.* Tierische Missverständnisse: Grundsätzliches zu Fragen des Tierkultes // Tierkulte im pharaonischen Ägypten und im Kulturvergleich / M. Fitzenreiter (hrsg.). (Internet-Beiträge zur Ägyptologie und Sudanarchäologie, 4). B.: IBAES, 2003. S. 33—68. (URL: <http://www2.rz.hu-berlin.de/nilus/net-publications/ibaes4/index.html>; дата обращения: 30.04.2017).
- Kessler D.* The Personality of Petosiris and His Cult // The Horizon: Studies in Egyptology in Honour of M.A. Nur el-Din (10—12 April 2007). Vol. III. Cairo: Supreme Council of Antiquities Press, 2007. P. 321—338.
- Kienast B.* Zur Herkunft der achamenidischen Königstitulatur // Die islamische Welt zwischen Mittelalter und Neuzeit. Festschrift für Hans Robert Roemer zum 65. Geburtstag / Hrsg. U. Haarmann, P. Bachmann. Beirut; Wiesbaden: Steiner, 1979. (Beiruter Texte und Studien; 22). S. 351—364.
- Kienitz F.K.* Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B.: Akademie-Verlag, 1953. XII, 233 S.
- Kircher Ath.* Oedipus Aegyptiacus: Hoc est universalis hieroglyphicae veterum doctrinae temporum iniuria abolitae instauratio. Romae: ex typographia Vitalis Mascardi, 1652—1654. Vol. I—III.
- Kitchen K.A.* Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Oxford: Blackwell, 1969—1987. Vol. I—VII.
- Kitchen K.A.* The Third Intermediate Period in Egypt (1100—650 B.C.). 2nd ed. Warminster: Aris & Phillips, 1986. XVII, 608 p.; ill.
- Klinkott H.* Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit. Stuttgart: F. Steiner, 2000. 130 S. (Historia Einzelschriften; 145).
- Klinkott H.* Der Satrap. Ein achaimenidischer Amtsträger und seine Handlungsspielräume. Frankfurt a.M.: Verlag Antike e.K., 2005. 578 S. (Oikumene Studien zur antiken Weltgeschichte; 1).
- Klinkott H.* Xerxes in Ägypten. Gedanken zum negativen Perserbild in der Satrapenstele // Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz / Hrsg. St. Pfeiffer. Frankfurt a.M.: Verlag Antike e.K., 2007. (Oikumene. Studien zur antiken Weltgeschichte; 3). S. 34—53.
- Klinkott H., Kubisch S.* Ein lykischer Polisname in der Satrapenstele Ptolemaios' I. // Chiron. 2005. Bd. 35. S. 533—558.
- Klotz D.* Darius with the Letter *h* // CdÉ. 2008. T. 83. P. 109—115.
- Klotz D.* Kneph: The Religion of Roman Thebes. New Haven: Yale Univ. Diss., 2008. 707 p.

- Klug A.* Königliche Stelen in der Zeit von Ahmose bis Amenophis III. Bruxelles : Fondation Egyptologique Reine Elisabeth, 2002. XI, 580 S.; Ill. (Monumenta aegyptiaca; 8).
- Koch R.* Die Erzählung des Sinuhe Bruxelles: Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1990. 164 S. (Bibliotheca aegyptiaca; XVII).
- Koeford-Petersen O.* Catalogue des bas-reliefs et peintures égyptiens, Copenhagen: E. Munksgaard, 1956. 81 p., 90 pl. (Publications de la Glyptothèque Ny Carlsberg; 6).
- Koemoth P.P.* Délimiter le Double Pays en tant que territoire dévolu à Maât // BSÉG 19 1995. P. 13—23.
- Koenen L.* Die Prophezeihungen des ‘Töpfers’ // ZPE. 1968. Bd. 2. S. 178—209.
- Koenen L.* Eine agonistische Inschrift aus Ägypten und frühptolemäische Königsfeste. Meisenheim am Glan: A. Hain, 1977. X, 114 S. (Beiträge zur klassischen Philologie; 56).
- Koenen L.* A Supplementary Note on the Date of the Oracle of the Potter // ZPE. 1984. Bd. 54. S. 9—13.
- Koenen L.* The Dream of Nektanebos // BASP. 1985. Vol. 22. P. 171—194.
- Koenen L.* The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World. Berkeley–L.A.–L.: University of California Press, 1993. (Hellenistic Culture and Society; 12). P. 81—113.
- Koenen L.* Die Apologie des Töpfers an König Amenophis oder das Töpferorakel // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten / Hrsg. A. Blasius, B.U. Schipper. Leuven: Peeters, 2002. (Orientalia lovanensia analecta; 107). S. 139—187.
- Kornemann E.* Die Satrapenpolitik der ersten Lagiden // Raccolta di scritti in onore di G. Lumbroso. Milano: Aegyptis, 1925 (Publ. di “Aegyptus”. Serie Scient.; 3). P. 235—245.
- Korostovtsev M.* L’étendard militaire égyptien // ASAE. 1947. T. 45. P. 127—131.
- Krall J.* Vom König Bokchoris. Nach einem demotischen Papyrus der Sammlung Erzherzog Rainer // Festgaben zu Ehren M. Büdinger. Innsbruck: Wagner, 1898. S. 1—11.
- Krauss R.* Das Ende der Amarnazeit. Beiträge zur Geschichte und Chronologie des Neuen Reiches. Hildesheim: Gerstenberg, 1978. XVI, 284 p., 2 pl. (Hildesheimer ägyptologische Beiträge; 7).
- Kroll W.* Historia Alexandri Magni. B.: Weidmann, 1926. 166 p.
- Kubitschek W.* Itinerarium Alexandri // RE. Hbd. 18. 1916. Kol. 2363—2366.
- Kuebler B.* Iuli Valeri Alexandri Polemi Res gestae Alexandri Macedonis translatae ex Aesopo graeco: accedunt Collatio Alexandri cum Dindimo, rege Bragmanorum, per litteras facta et Epistola Alexandri ad Aristotelem magistrum suum, de itinere suo et de situ Indiae. Lipsiae: B.G. Teubneri, 1888. XXXI, 261 p.
- Kuhlmann K.P.*, Ptolemais–Queen of Nectanebo I: Notes on the Inscription of an Unknown Princess of the XXXth Dynasty // MDAIK. 1981. Bd. 37. S. 267—279.

- Kuhlmann K.* Das Ammoneion: Archäologie, Geschichte und Kultpraxis des Orakels von Siwa. Mainz: Zabern, 1988. 177 S., 52, XII Taf.; Ill. (Deutsches Archäologisches Institut. Abteilung Kairo. Archäologische Veröffentlichungen; 75).
- Kuhlmann K.P.* Ptolemais—the Demise of a Spurious Queen (Apropos JE 43610) // Stationen: Beiträge zur Kulturgeschichte Ägyptens R. Stadelmann gewidmet / Hrsg. H. Gutsch, D. Potz. Mainz: Zabern, 1998. S. 469—472.
- Kuhlmann K.P.* Ptolemais—the Demise of a Spurious Queen (Apropos JE 43610) // Stationen: Beiträge zur Kulturgeschichte Ägyptens R. Stadelmann gewidmet / Hrsg. H. Guksch, D. Polz. Mainz: Zabern, 1998. S. 469—472
- Kurth D.* Einführung ins Ptolemäische: Eine Grammatik mit Zeichenliste und Übungsstücken. Hützel: Backe-Verlag, 2007—2008. T. 1—2.
- Kuschel B.* Die neuen Münzbilder des Ptolemaios Soter // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. 1961. Bd. 11. S. 9—18.
- Kuzmin Yu., Ladynin I.* Rev.: Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon. A Royal Life, Oxford: Oxford University Press, 2013 // Eos. 2014. Vol. 101. P. 118—121.
- Lacau P., Chevrier H.* Une chapelle d'Hatchepsout à Karnak. T. 1: Texte. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1977. XXVII, 465 p.
- Ladynin I.A.* The Olympic Games of 324 B.C. and the Unification of Lands under Alexander's Sway // Les Jeux Olympiques dans l'antiquité / Sous la direction de V.I. Kuzishchin. Athènes: Hérodotos, 2004 (*Mésogaios/Méditerranée*; 24). P. 161—184.
- Ladynin I.A.* “Adversary *Hšryš3*”: His Name And Deeds According To The Satrap Stela // CdÉ. 2005. T. 80. P. 87—113.
- Ladynin I.A.* Two Instances of the Satrap Stela: Tokens of the Graeco-Egyptian Linguistic and Cultural Interrelation at the Start of the Hellenism? // Moving Across Borders: Foreign Relations, Religion and Cultural Interactions in the Ancient Mediterranean / Ed. P. Kousoulis, K. Magliveras. Leuven – P. – Dudley (Ma.): Peeters, 2007. (*Orientalia lovanensia analecta*; 159). P. 337—354.
- Ladynin I.A.* Nectanebo in Ethiopia: A Commentary to Diod. XVI.51.1 // Between the Cataracts: Proceedings of the 11th International Conference for Nubian Studies, Warsaw University, 27 August—2 September 2006. 2: Session Papers / Ed. W. Godlewski, A. Łajtar. Warsaw: University of Warsaw, 2010. (*Polish Archaeology in the Mediterranean. Supplement Series*; 2.2/2). P. 527—534.
- Ladynin I.A.* Late Dynastic Period // UCLA Encyclopedia of Egyptology. Los Angeles: University of California, 2013 (<https://escholarship.org/uc/item/2zg136m8>).
- Ladynin I.A.* The ‘Crisis of the Pyramid Builders’ in Herodotus’ Book II and the Epochs of Egyptian History // Deformations and Crises of the Ancient Civil Communities / Ed. V. Gouschin, P.D. Rhodes. Stuttgart: Steiner, 2015. P. 15—26.

- Laming Macadam M.F.* The Temples of Kawa. L.: G. Cumberlege; Oxford University Press, 1949. Vol. 1: The Inscriptions. Plates: VI p., pl. Text: XVI, 142 p., fig. (Oxford University Excavations in Nubia).
- Landucci Gattinoni F.* La pace del 311 a.C. // *Contributi dell'Istituto di Storia Antica*. 1985. Vol. 11. P. 108—118.
- Landucci Gattinoni F.* Cassander and the Legacy of Philip II and Alexander III in Diodorus' Library // *Philip II and Alexander the Great: Father and Son, Lives and Afterlives* / Ed. E. Carney and D. Ogden. Oxford; N.Y.: Oxford University Press. 2010. P. 113—121.
- Lang Ph.* Medicine and Society in Ptolemaic Egypt. Leiden: Brill, 2013. XIV, 317 p.; ill.; maps. (Studies in Ancient Medicine; 41).
- Lange E.* Legitimation und Herrschaft in der Lybierzeit: eine neue Inschrift Osorkons' I aus Bubastis (Tell Basta) // *ZÄS*. 2008. Bd. 135. S. 131—141.
- Laqueur R.* Theopompos // *RE*. 2. Reihe. Hbd. 10. 1934. Sp. 2176—2223.
- Laqueur R.* Manethon // *RE*. 2. Reihe. Hbd. 14. 1928. Sp. 1080—1101.
- Laroche Fr., Traunecker Cl.* La chapelle adossée au temple de Khonsou // *Cahiers de Karnak*. 1980. T. 6. P. 167—196, pl. XLVII—LI.
- Laronde A.* Cyrène et la Lybie hellénistique: *Lybikai historiai* de l'époque républicaine au principat d'Auguste. P.: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1987. 540 p. (Études d'antiquités africaines).
- Le Rider G.* Cléomène de Naucratis // *BCH*. 1997. T. 121. P. 71—93.
- Le Saout Fr.* À propos d'un colosse de Ramsès II à Karnak // *Cahiers de Karnak*. 1982. T. 7. P. 267—274.
- Leahy A.* The Libyan Period in Egypt: An Essay in Interpretation // *Libyan Studies*. 1985. Vol. 16. P. 51—65.
- Leahy A.* Abydos in the Libyan Period // *Libya and Egypt, c. 1300—750 B.C.* / Ed. A. Leahy. L.: SOAS Centre of Near and Middle Eastern Studies and the Society for Libyan Studies, 1990. P. 155—200.
- Leblanc Ch.* Diodore, le tombeau d'Osymandyas et la statuaire du Ramesseum // *Mélanges Gamal Eddin Mokhtar*. T. 2 / Ed. P. Posener-Krieger. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1985. (Bibliothèque d'étude; 97/2). P. 69—82.
- Leclant J.* Recherches sur les monuments thébains de la XXVe dynastie dite éthiopiennne. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1965. Texte: XLVII, 454 p., 35 fig. Planches: XV p., 88 pl. (Bibliothèque d'étude; 36).

- Lefebvre G.* Le tombeau de Petosiris. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1923—1924. T. I: Description. 1923. VIII+214 p. T. II: Les texts. 1923. 104 p. T. III: Vocabulaire et planches. 1924. 60 p., XXXVIII pl.
- Legrain G.* Rapport sur les travaux exécutés a Karnak du 31 octobre 1902 au 15 mai 1903 // *ASAÉ*. 1905. T. 5. P. 1—43.
- Legrain G.* Le logement et transport des barques sacrées et des statues des dieux dans quelques temples égyptiens // *BIFAO*. 1917. T. 13. P. 1—76.
- Lehmann G.A.* Das neue Kölner Historiker-Fragment (P.Köln Nr. 247) und die χρονική σύνταξις des Zenon von Rhodos // *ZPE*. 1988. Bd. 72. S. 1—17.
- Lenfant D.* Les Histoires perses de Dinon et d'Héraclide. P.: Boccard, 2009. 370 p. (Persika; 13).
- Leprohon R.* The Great Name: Ancient Egyptian Royal Titulary. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2013. 280 p. (Writings from the Ancient World; 33).
- Lepsius R.* Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. B.: Nicolaische Buchhandlung, 1849—1859. Tafelwerke. Abth. I—VI in 12 Bd.
- Lepsius R.* Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien: Text / Hrsg. Ed. Naville. Unter Mitwirkung von Ludwig Borchardt bearb. von Kurt Sethe. Leipzig: Hinrichs, 1897—1913. Bd. I—V.
- A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV: Macedonia. Thrace. Northern Regions of the Black Sea. Oxford: Clarendon, 2005. XXIX, 387 p.
- Lexikon der ägyptischer Götter und Götterbezeichnungen* / Hrsg. Chr. Leitz. Leuven – Paris – Dudley (Mass.): Peeters, 2002. Bd. I—VII. (Orientalia lovanensia analecta; 110—116).
- Libya and Egypt, c 1300—750 BC* // Ed. A. Leahy. L.: SOAS Centre of Near and Middle Eastern Studies and the Society for Libyan Studies, 1990. 200 p.
- The *Libyan Period* in Egypt: Historical and Cultural Studies into the 21st—24th Dynasties. Proceedings of a Conference at Leiden University, 25—27 October 2007 / Ed. G.P.F. Broekman, R.J. Demarée, O.E. Kaper. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2009. 457 p.: ill. (Egyptologische Uithaven; 23).
- Lichtheim M.* Ancient Egyptian Literature. A Book of Readings. Berkeley; L.A.; L.: University of California Press, 1973—1980. Vol. I: The Old and Middle Kingdom. 1973. XXI, 245 p. Vol. II: The New Kingdom. 1976. XIV + 239 p. Vol. III: The Late Period. 1980. XIV, 228 p.
- Lichtheim M.* The Naucratis Stela Once Again // *Studies in Honor of George R. Hughes*. January 12, 1977 / Ed. J.H. Johnson and E.F. Wente. Chicago: The Oriental Institute, 1977 (Studies in Ancient Oriental Civilization; 39). P. 139—146.
- Lichtheim M.* Maat in Egyptian Autobiographies and Related Studies. Freiburg (Schweiz): Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. 211 p., pl. (Orbis biblicus et orientalis; 120).

- Liddell H.G., Scott R., Jones H. S.* A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2448 p.
- Lieven A. von.* Seth ist im Recht, Osiris ist im Unrecht! Sethkultorte und ihre Version des Osiris-Mythos // *ZÄS.* 2006. Bd. 133. S. 141—150.
- Liverani M.* Memorandum on the Approach to the Historical Texts // *Orientalia.* 1973. Vol. 42. P. 178—194.
- Livingstone N.* A Commentary on Isocrates' *Busiris*. Leiden: Brill, 2001. XVI, 225 p. (Mnemosyne, Bibliotheca Classica Batava. Supplementum; 223).
- The Literature of Ancient Egypt: An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies and Poetry* / Ed. W.K. Simpson. 3rd. ed. New Haven, Conn.; L.: Yale University Press, 2003. XIII, 598 p.
- Llewellyn-Jones Ll., Robson J.* Ctesias' History of Persia: Tales of the Orient. L; N.Y.: Routledge, 2010. X, 253 p.
- Lloyd A.B.* The Egyptian Labyrinth // *JEA.* 1970. Vol. 56. P. 81—100.
- Lloyd A.B.* Rev.: Burton A. Diodorus Siculus: Book I. Leiden, 1972 // *JEA.* 1974. Vol. 60. P. 287—289.
- Lloyd A.B.* Herodotus, Book II. Introduction. Leiden: Brill, 1975. XVI, 194 p. (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain; 43/1).
- Lloyd A.B.* Herodotus, Book II. Commentary 1—98. Leiden: Brill, 1976. IV, 397 p.; map. (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain; 43/2).
- Lloyd A.B.* (1). Nationalist Propaganda in Ptolemaic Egypt // *Historia.* 1982. Vol. 31. P. 33—55.
- Lloyd A.B.* (2) The Inscription of Udjahorresnet: a Collaborator's Testament // *JEA.* 1982. Vol. 68. P. 166—180.
- Lloyd A.B.* The Late Period, 664—323 B.C. // *Trigger B.G., Kemp B.J., Lloyd A.B.* Ancient Egypt. A Social History. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 279—348.
- Lloyd A.B.* (1) Herodotus' Account of Pharaonic History // *Historia.* 1988. Vol. 36. P. 22—53.
- Lloyd A.B.* (2) Herodotus, Book II. Commentary 99—188. Leiden: Brill, 1988 VIII, 330 p. (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain; 43/3).
- Lloyd A.B.* (3) Herodotus on Cambyses. Some Thoughts on Recent Work // *Achaemenid History III. Method and Theory. Proceedings of the London 1985 Achaemenid History Workshop* / Ed. A. Kuhrt and H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden: Brill, 1988. P. 55—66.
- Lloyd A.B.* (4) Manetho and the Thirty-first Dynasty // *Pyramid Studies and other Essays presented to I.E.S. Edwards* / Ed. J. Baines et al., L.: Egypt Exploration Society, 1988. (Egypt Exploration Society Occasional Publications; 7). P. 154—160.
- Lloyd A.B.* The Great Inscription of Khnumhotpe II at Beni Hasan // *Studies in Pharaonic Religion and Society in Honour of J. Gwyn Griffiths* / Ed. A.B. Lloyd. L.: Egypt Exploration Society, 1992. (The Egypt Exploration Society Occasional Publications; 8). P. 21—36.

- Lloyd A.B.* (1) Cambyses in Late Tradition // *The Unbroken Reed. Studies in the Culture and Heritage of Ancient Egypt in Honour of A.F. Shore* / Ed. M.A. Leahy et al. (Egypt Exploration Society Occasional Publications; 11). L.: Egypt Exploration Society, 1994. P. 195—204.
- Lloyd A.B.* (2) Egypt, 404—332 B.C. // *CAH*². Vol. VI: The Fourth Century B.C. 1994. P. 337—360.
- Lodomez G.* De Satrapenstèle // *Zij schreven geschiedenis: historische documenten uit het Oude Nabije Oosten (2500—100 v. Chr.)* / Ed. R. J. Demarée, K. R. Veenhof. Leuven: Peeters, 2003. (Mededelingen en verhandelingen van het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap “Ex Oriente Lux”; 33). P. 207—232.
- Lodomez G.* Les fragments de clepsydre de la dynastie des Argéades (332—304 av J.-C.) // *CdÉ*. 2007. T. 82. P. 57—76.
- Loprieno A.* Topos und Mimesis. Zum Ausländer in der ägyptischen Literatur. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988 (Ägyptologische Abhandlungen, 48). VIII, 125 S.
- Loprieno A.* Travel and Fiction in Egyptian Literature // *Mysterious Lands* / Ed. D. O’Connor and St. Quirke. L.: UCL Press, 2003. (Encounters with Ancient Egypt). P. 31—52.
- Lorton D.* The Supposed Expedition of Ptolemy II to Persia // *JEA*. 1971. Vol. 57. P. 160—164.
- Lorton D.* The Juridical Terminology of International Relations in Egyptian Texts through Dynasty XVIII. Baltimore; L.: Johns Hopkins University Press, 1974. 198 p. (The Johns Hopkins Near Eastern Studies).
- Lorton D.* The Names of Alexandria in the Text of the Satrap Stela // *GM*. 1987. Hft. 96. S. 65—70.
- Luft U.* Beiträge zur Historisierung der Götterwelt und Mythenschreibung. Budapest: s.n., 1978. VIII, 278 S. (Studia aegyptiaca; 4).
- Macuch R.* Egyptian Sources and Versions of Pseudo-Callisthenes // *Egitto e storia antica. Dall’ellenismo all’età araba. Bilancio di un confronto: atti del colloquio internazionale, Bologna, 31 agosto—2 settembre 1987* / Eds. L. Criscuolo, G. Geraci. Bologna: CLUEB, 1989. P. 503—511.
- Malaise M.* Sésostris, Pharaon de légende et d’histoire // *CdÉ*. 1966. T. 41. P. 244—272.
- Malaise M.* Inventaire préliminaire des documents égyptiens retrouvés en Italie. Leiden: Brill, 1972. XVI, 400 p., 64 pl.: ill., carte (Études préliminaires aux religions orientales dans l’Empire romain; 21).
- Malamat A.* Josiah’s Bid for Armageddon: The Background of the Judean-Egyptian Encounter in 609 B.C. // *JANES*. 1973. Vol. 5. P. 267—279.
- Malinine M., Posener G., Vercoutter J.* Catalogue des stèles du Sérapéum de Memphis. Tome Premier. Texte. Planches. P.: Imprimerie Nationale, 1968. Texte: XVI, 192 p., 2 pl.; Planches: IV p., 67 pl.
- Manassa C.* The Late Egyptian Underworld: Sarcophagi and Related Texts from the Nectanebid Period. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. Vol. 1—2. (Ägypten und Altes Testament; 72).
- Manetho.* With an English translation by W. G. Waddell. Cambridge (Massachusetts); L.: Harvard University Press, William Heinemann Ltd., 1980. 256 p. (Loeb Classical Library; 350).

- Mariette Au.* Le Sérapeum de Memphis. P.: Vieweg, 1882. T. 1—2.
- Marini S.* Grecs et romains face aux populations lybiennes. Dès origines à la fin du paganisme (VIIe s. av. J.-Ch—IV s. ap. J.-C.). Diss. Univ. Paris-Sorbonne - Paris-IV., 2013. 878 p.
- Marincola J.* Universal History from Ephorus to Diodorus // A Companion to Greek and Roman Historiography / Ed. J. Marincola. Vol. I. Malden; Oxford; Carlton: Wiley-Blackwell, 2007. P. 171—179.
- Martinez Ph.* Réflexions sur la politique architecturale et religieuse des premiers souverains lagides // BSÉG. 1989. T. 13. P. 107—116.
- Martini.* Dikaiarchos // RE. 1905. Bd. 5. Sp. 546—563.
- Marucchi O.* Il Museo Egizio Vaticano. Roma: s.n., 1899. 384 p.: ill.
- Maspero G.* Nouveau fragment d'un commentaire sur le Second livre d'Hérodote // Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France. 1878. T. 12. P. 124—174.
- Maspero G.* Comment Alexandre devint dieu en Égypte // École pratique des hautes études, Section des sciences historiques et philologiques. Annuaire 1897. P. 5—30.
- Maspero G.* (1) À travers la vocalisation égyptienne // RT. 1901. T. 23. P. 48—60.
- Maspero G.* (2) La geste de Sésostris // Journal des savants. 1901. P. 599—609.
- Mathieu G., Bremond E.* Isocrate. Tome IV. Philippe. Panathénaïque. Lettres. Fragments. Texte établi et traduit. P., 1962. 268 p.
- Mattey Ph.* Pharaon, magicien et filou: Néctanebo II entre l'histoire et la légende. Diss. Genève, 2013. 364, 67 p.
- Maystre Ch.* Le Livre de la Vache du Ciel dans les tombeaux de la Vallée des Rois // BIFAO. 1941. T. 40. P. 53—115.
- McCown C.C.* Hebrew and Egyptian Apocalyptic Literature // Harvard Theological Review. 1924. Vol. 18. P. 357—411.
- McLean B.H.* An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great Down to the Reign of Constantine (323 B.C.—A.D. 337). Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. XX, 516 p.: ill.
- Meeks D.* Le grand texte des donations au temple d'Edfou. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1972. XII, 186, 87 p., 4 pl. (Bibliothèque d'étude; 69).
- Meeks D.* Les donations aux temples dans l'Égypte du Ier millénaire avant J.-C. // State and Temple Economy in the Ancient Near East. Proceedings of the International Conference organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 10th to the 14th of April 1978 / Ed. E. Lipiński. Leuven: Departement Orientalistiek, 1979 (Orientalia lovaniensia analecta; 6). P. 605—687.
- Meeks D.* Les architraves du temple d'Esna: paléographie. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 2004. XXXIII, 366 p. (Paléographie hiéroglyphique; 1).

- Meeks D., Favard-Meeks Chr.* Les dieux égyptiens. P.: Hachette, 1995. 324 p., 16 pl.; ill.
- Mehl A.* Doriktetos chora: Kritische Bemerkungen zum 'Speerwerb' im Politik und Völkerrecht der hellenistischen Epoche // AS. 1980—1981. Vol. 11—12. P. 173—212.
- Menu B.* Le tombeau de Pétoisiris: Nouvel examen // BIFAO. 1994. T. 94. P. 311—327.
- Menu B.* (1) Les carrières des Égyptiens à l'étranger sous les dominations perses: les critères de justification, leur evolution et leurs limites // Transeuphratène. 1995. T. 5. P. 81—90.
- Menu B.* (2) Le tombeau de Pétoisiris (2): Maât, Thot et le droit // BIFAO. 1995. T. 95. P. 281—295.
- Menu B.* Le tombeau de Pétoisiris (3): Culpabilité et responsabilité // BIFAO. 1996. T. 96. P. 343—357.
- Menu B.* Le tombeau de Pétoisiris (4): Le souverain de l'Égypte // BIFAO. 1998. T. 98. P. 247—262.
- Menu B.* Alexandre le Grand, *ḥkꜣ n Kmt* // BIFAO. 1999. T. 99. P. 353—356.
- Merkelbach R.* Die Quellen des griechischen Alexanderromans. 2. Aufl. München: Beck, 1977. 285 S. (Zetemata; 9).
- Meulenaere H. de.* Le Vizir Harsiêsis de la XXX dynastie // MDAIK. 1957. Bd. 15. (Festschrift zum 80. Geburtstag von Prof. Dr. Hermann Junker). S. 230—236.
- Meulenaere H. de.* Les monuments du culte des rois Nectanébo // CdÉ. 1960. T. 35. P. 92—107.
- Meulenaere H. de.* La famille royale des Nectanebos // ZÄS. 1963. Bd. 90. S. 90—93.
- Meulenaere H. de.* La statue de général Djed-Ptah-Iouf-Ankh // BIFAO. 1965. T. 63. P. 19—32.
- Meulenaere H. de.* Le surnom égyptien à la basse époque. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut in het Nabije Oosten, 1966. X, 42 p. (Uitgaven van het Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul; 19).
- Meulenaere H. de.* Horus de Hebenou et son prophète // Religions en Égypte hellénistique et romaine, colloque de Strasbourg, 16—18 mai 1967. Organisé par le Centre de recherches d'histoire des religions. P.: Presses universitaires de France, 1969. P. 21—29.
- Meulenaere H. de, MacKay P. Mendes II.* Warminster: Aris and Phillips, 1976. XIV, 243 p., frontispiece, 1 map, 5 plans, 8 fig., 6 ill., 40 pl.
- Meulenaere H. de.* Mendes // LÄ. Bd. IV. 1982. Sp. 43—45.
- Meulenaere H. de.* Un général du Delta, gouverneur de la Haute Égypte // CdÉ. 1986. T. 51. P. 203—210.
- Meulenaere H. de.* Le protocole royal de Philippe Arrhidée // CRIPEL. 1991. T. 13. P. 53—58.
- Meurer G.* Die Feinde des Königs in den Pyramidentexten. Freiburg (Schweiz): Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. VIII, 404 S. (Orbis biblicus et orientalis; 189).
- Meuss A.* Some Institutional Problems Concerning the Succession to Alexander the Great: 'Prostasia' and Chiliarchy // Historia. 2009. Bd. 58. P. 287—310.

- Meuss A.* Diodorus and the Chronology of the Third Diadoch War // *Phoenix*. 2012. Vol. 66. P. 74—96.
- Meyer Ch.* Thutmosis I. // *LÄ*. Bd. VI. 1986. Sp. 536—539.
- Meyer Ed.* König Sesonchosis als Begründer der Kriegerkaste bei Diodor // *ZÄS*. 1913. Bd. 51. S. 136—137.
- Meyer R.* Die eschatologische Wende des politischen Messianismus im Ägypten der Spätzeit. Historisch-kritische Bemerkungen zu einer spätägyptischen Prophetie // *Saeculum*. 1997. Bd. 48. S. 177—212.
- Meyrat P.* Apis // *The Encyclopedia of Ancient History* / Ed. by R. S. Bagnall, K. Brodersen, C. B. Champion, A. Erskine, S. R. Huebner. Malden (Ma.): Wiley-Blackwell, 2012. P. 526—527.
- Meyrat P.* The First Column of the Apis Embalming Ritual. Papyrus Zagreb 597-2 // *Ägyptische Rituale der griechisch-römischen Zeit* / Hrsg. J. F. Quack. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. (*Orientalische Religionen in der Antike*; 6). S. 263—337.
- Moje J.* Die privaten demotische Quellen zur Zeit Alexanders des Großen. Ihre Entwicklung am Beginn einer neuen Epoche der ägyptischen Geschichte // *Alexander the Great and Egypt: History, Art, Tradition*. Wrocław/Breslau 18./19. November 2011 / Ed. V. Grieb, K. Nawotka, A. Wojciechowska. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014 (*Philippica*; 74). S. 241—271.
- Mokhtar M.* *Gamal el-Din*. Ihnâsya el-Medina (Herakleopolis Magna). Its Importance and Its Role in Pharaonic History. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1983. XX, 210 p.. XXVII p. de pl.: ill., cartes. (*Bibliothèque d'étude*; 40).
- Möller G.* Hieratische Paläographie: Die ägyptische Buchschrift in ihrer Entwicklung von der fünften Dynastie bis zur römischen Kaiserzeit. Leipzig: Hinrichs, 1909—1912. Bd. 1—3.
- Mond R., Myers O.H., Fairman H.W.* The Bucheum. L.: Milford, 1934. Vols. 1—3.
- Montet P.* Note sur le tombeau de Petosiris pour servir à l'histoire des Perses en Égypte // *Revue archéologique*. Série 5. 1926. T. 23. P. 161—181.
- Montet P.* Le drame d'Avaris: Essai sur le penetration de Sémites en Égypte. P. Geuthner, 1941. 224 p.: 16 pl.
- Montet P.* Inscriptions de Basse Époque trouvées à Tanis // *Kêmi*. 1946. T. 8. P. 29—126, 27 pl.
- Montet P.* Géographie de l'Égypte ancienne. P.: Klincksieck, 1957. T. I—II.
- Montet P.* (1) Inscriptions de Basse Époque trouvées à Tanis // *Kêmi*. 1959. T. 15. P. 42—64.
- Montet P.* (2) [Observation] // *CRAIBL*. 1959. P. 445—447.
- Mooney G.W.* The Argonautica of Apollonius Rhodius / Ed. by G.W. Mooney. L.; Dublin: Green, 1912. 454 p.
- Morenz S.* Egyptian Religion. L.: Methuen & Co, 1973. XIV, 379 p.

- Moret A.* Du caractère religieux de la royauté pharaonique. P.: Leroux, 1902. VIII, 344 p., front., ill., 2 pl.
- Moret A.* De Bocchori rege. P.: Leroux, 1903. 88 p.
- Morgan J. de et al.* Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte ancienne. Première série: Haute Égypte. T. 2: Kom Ombos. Première partie. Vienna: A. Holzhausen, 1895. 388 p.: ill.
- Mori A.* The Politics of Apollonius Rhodius' *Argonautica*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2008. IX, 261 p.
- Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander the Great to the Peace of Apamea (336—188 B.C.). Cambridge: Cambridge University Press, 1991. XXII, 263 p., 48 pl.; ill., maps.
- Morkot R.* Nubia and Achaemenid Persia: Sources and Problems // Achaemenid History VI: Asia Minor and Egypt: Old Cultures in a New Empire. Proceedings of the Groningen 1988 Achaemenid History Workshop / Ed. H. Sanchisi-Weendenerg, A. Kuhrt. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1991. P. 321—336.
- Morschauser S.N.* Using History: Reflections on the Bentresh Stela // SAK. 1988. Bd. 15. S. 203—223.
- Morschauser S.* Threat-Formulae in Ancient Egypt. A Study of the History, Structure and Use of Threats and Curses in Ancient Egypt. Baltimore: Halgo, 1991. XIV, 268 p.
- Moyer I.S.* Egypt and the Limits of Hellenism. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. X, 347 p.
- Mueller K.* Settlements of the Ptolemies. City Foundations and New Settlement in the Hellenistic World. Leuven: Peeters, 2006. XVI, 249 p.: ill. (Studia Hellenistica; 43).
- Müller O.* Antigonos Monophthalmos und das 'Jahr der Könige'. Bonn: R. Habelt, 1973. 140 S. (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde; 11).
- Müller-Wollermann R.* Demotische Termini zur Landesgliederung Ägyptens // Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond / Ed. J.H. Johnson. Chicago: Oriental Institute, 1992. (Studies in the Ancient Oriental Civilisations; 51). P. 243—247.
- Murnane W.J.* Ancient Egyptian Coregencies. Chicago: Oriental Institute, 1977. XVIII, 272 p.; 8 pl. (Studies in Ancient Oriental Civilization; 40).
- Murray O.* Hecataeus of Abdera and Pharaonic Kingship // JEA. 1970. Vol. 56. P. 141—171.
- Murray O.* Rev.: *Burton A.* Diodorus Siculus: Book I. Leiden, 1972 // JHS. 1975. Vol. 95. P. 214—215.
- Myśliwiec K.* Royal Portraiture of the Dynasties XXI—XXX. Mainz: Zabern, 1988. XIX, 138 p.; [CV] p. of pl.: ill.

- Myśliwiec K.* Fruchtbarkeit und erotische Kunst im ptolemäischen Athribis (Unterägypten) // Kanobos: Forschungen zum griechisch-römischen Ägypten. 1999. Bd. 1. S. 47—81.
- Naguib S.-A.* The Beautiful Feast of the Valley // Understanding and History in Arts and Sciences / Ed. R. Scarsten et al. Oslo: Solum, 1991. (Acta Humaniora Universitatis Bergensis; 1). P. 21—32.
- Nakaten S.* Petosiris // LÄ. Bd. IV. 1982. S. 995—997.
- Nakaten S.* Untersuchungen zu den Inschriften des Petosiris-Grabes in Tuna el-Gebel. Diss. Universität Trier, 1986 (*non vidi*).
- Naville Éd.* Das ägyptische Tottenbuch der XVIII. bis XX. Dynastie. Aus verschiedenen Urkunden zusammengestellt. B.: Asher, 1886. Bd. 1—3
- Naville E.* The Mound of the Jew and the City of Onias: Belbeis, Samanood, Abusir, Tukh el Karmus. 1887. The Antiquities of Tell el Yahûdiyeh, and Miscellaneous Work in Lower Egypt during the Years 1887—1888 by F.Ll. Griffith. L.: Egypt Exploration Fund, 1890. VI, 76 p.: 1 frsp.
- Naville Ed.* The Festival-Hall of Osorkon II in the Great Temple of Bubastis (1887—1889). L.: K. Paul, Trench, Trübner & Co., 1892. VI, 40 p.: 1 frsp., 38 pl.
- Nawotka Krz.* Alexander the Great and the Kingdom of Asia // Eos. 2004. Vol. 91. P. 34—43.
- Nawotka Krz., Wojciechowska A.* Alexander the Great *kosmokrator* // Alexander the Great and Egypt: History, Art, Tradition. Wrocław/Breslau 18./19. November 2011 / Ed. V. Grieb, K. Nawotka, A. Wojciechowska. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014. (Philippica; 74). P. 145—152.
- Newberry P.E.* Šsmt // Studies presented to F. Ll. Griffith. L.: Egypt Exploration Society; Milford, 1932. P. 316—323, 1 pl.
- Nibbi A.* Rakotis on the shore of the Great Green of the Naunebut // GM. 1983. Bd. 69. S. 69—80.
- Nicolet-Pierre H.* Les monnaies des deux derniers satrapes d'Égypte avant la conquête d'Alexandre // Greek Numismatics and Archaeology. Essays in Honor of Margaret Thompson / Ed. O. Mørkholm, N. Waggoner. Wetteren: Cultura Press, 1979. P. 221—230, pls. 25—26.
- Nims Ch.F.* The Term *hp*, “Law, Right” in Demotic // JNES. 1948. Vol. 7. P. 243—260.
- O'Connor J.B.* Chapters in the History of Actors and Acting in Ancient Greece. Chicago: University of Chicago Press, 1908. 144 p.
- O'Connor D.* The Location of Irem // JEA. 1987. Vol. 73. P. 99—136.
- O'Sullivan J.N.* The Sesonchosis Romance // ZPE. 1984. Bd. 56. S. 39—44.
- O'Sullivan J.N., Beck W.* P. Oxy. 3319: The Sesonchosis Romance // ZPE. 1982. Bd. 45. S. 71—83.
- Obsomer C.* Les campagnes de Sésostris dans Hérodote. Bruxelles: Connaissance de l'Égypte ancienne, 1989. 215 p.
- Obsomer C.* La Date de Nesou-Montou (Louvre C1) // RdÉ. 1993. T. 44. P. 103—140.
- Obsomer C.* Sésostris Ier: Étude chronologique et historique du règne. Bruxelles: Connaissance de l'Égypte, 1995. 740 p.; ill. (Connaissance de l'Égypte ancienne; 5).

Olbrycht M.J. Curtius Rufus, the Macedonian Mutiny at Opis and Alexander's Iranian Policy in 324 B.C. // *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres* / Ed. J. Pigoń. Newcastle: Cambridge Scholars, 2009. P. 231—252.

Osing J. Zu zwei geographischen Begriffen der Mittelmeerwelt // *Gegengabe: Festschrift für Emma Brunner-Traut* / Hrsg. I. Gamer-Wallert, W. Helck. Tübingen: Attempto, 1992. S. 273—282.

Osten H. H. von der. Ancient Oriental Seals in the Collection of Mr. Edward T. Newell Chicago: Oriental Institute, 1934. XIII, 204 p., 41 p. pl.: ill. (Oriental Institute Publications; 22)

Otto E. Beiträge zur Geschichte der Stierkulte in Ägypten. Leipzig: Hinrichs, 1938. 60 S. (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens; 13).

Otto E. Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit. Ihre geistesgeschichtliche und literarische Bedeutung (Probleme der Ägyptologie; 2). Leiden: Brill, 1954. VII, 199 S.

Otto E. Zwei Bemerkungen zum Königskult der Spätzeit // *MDAIK*. 1957. Bd. 15. (Festschrift zum 80. Geburtstag von Prof. Dr. Hermann Junker). S. 193—207.

Otto E. Gott und Mensch nach den ägyptischen Tempelinschriften der griechisch-römischen Zeit: Eine Untersuchung zur Phraseologie der Tempelinschriften. Heidelberg: C. Winter, 1964. 196 p. (Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse; 1964/1).

Otto E. (1) Das “Goldene Zeitalter” in einem ägyptischen Text // *Religions en Égypte hellénistique et romaine: colloque de Strasbourg, 16—18 mai 1967*. P.: Presses universitaires de France, 1969. (Travaux du Centre d'études supérieures spécialisé d'histoire de religions de Strassbourg). P. 98—108.

Otto E. (2) Legitimation des Herrschers im pharaonischen Ägypten // *Saeculum*. 1969. Bd. 20. S. 385—411.

Otto E. (1) Ägypten im Selbstbewußtsein des Ägypters // *LÄ*. Bd. I. 1975. Sp. 76—78.

Otto E. (2) Auge // *LÄ*. Bd. I. 1975. Sp. 559—560.

Otto E. (3) Buchis // *LÄ*. Bd. I. 1975. Sp. 874—875.

Oxford History of Ancient Egypt / Ed. I. Shaw. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2000. XV, 512 p.; ill., maps.

Le palais de Darius à Suse: une residence royale sur la route de Pésepolis à Babylon / Ed. J. Perrot. P.: PUPS, 2010. 520 p.: ill., cartes.

Parker R.A., Leclant J., Goyon J.-Cl. The Edifice of Taharqa by the Sacred Lake of Karnak. Providence: Brown University Press; L.: Lund Humphries, 1979. X, 95 p., 1 plan, 20 fig., 44 pl. (Brown Egyptological Studies; 8).

Parkinson R.B. The Tale of Sinuhe and Other Ancient Egyptian Poems 1940—1640 B.C. Oxford: Oxford University Press, 2009. 298 p.

- Pearson L.* The Lost Histories of Alexander the Great. N.Y.: American Philological Association, 1960. 275 p. (Philological Monographs; 20).
- Peet T.E.* The Great Tomb Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty. Hildesheim, N.Y.: Olms, 1977. XII, 188, 39 p.
- Perdu O.* Le monument de Samtoutefnakht à Naples // RdÉ. 1985. T. 36. P. 89—113.
- Perdu O.* De Stéphinatès à Néchao ou les débuts de la XXVIe dynastie // CRAIBL. 146e année. 2002. P. 1215—1244.
- Perdu O.* Saïtes and Persians (664—332 B.C.) // A Companion to Ancient Egypt / Ed. A.B. Lloyd. Chichester (West Sussex); Malden (Mass.): Wiley-Blackwell, 2010. Vol. I. P. 140—158.
- Perdu O.* Statues privées de la fin de l'Égypte pharaonique (1070 av. J.-C.—300 apr. J.-C.). P.: Editions Kheops, 2012. Tome 1: Hommes. 477 p.
- Perry B.E.* The Egyptian Legend of Nectanebus // TAPhA. 1966. Vol. 97. P. 327—331.
- Pestman P.W.* Chronologie égyptienne d'après les textes démotiques (332 av. J.-C.—453 ap. J.-C.). Leiden: Brill, 1967. 240 p. (Papyrologia lugduno-batava; 15).
- Petrie W.M.F.* Naukratis. L.: Egypt Exploration Fund, 1886—1888. Pt. 1—2 (Egypt Exploration Fund; 3. 6)
- Petrie W.M.F.* Koptos. L.: Quaritch, 1896. IV, 38 p.: 28 pl.
- Petrie W.M.F.* The Royal Tombs of the First Dynasty. L.: Egypt Exploration Fund, 1900—1901. Pt. 1—2
- Petrie W.M.F.* Memphis I. L.: British School of Archaeology in Egypt; Quaritch, 1909. VII, 26 p.: 54 pl.
- Petrie W.M.F.* Scarabs and Cylinders with Names: Illustrated by the Egyptian Collection in University College, London. L.: British School of Archaeology in Egypt, 1917. VIII, 46, 5 p.: 1 frsp., 58 p., 73 pl.
- Pfeiffer St.* Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.). Kommentar und historische Auswertung. München; Leipzig: Saur, 2004. IX, 386 S. (Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete; 18).
- Pfeiffer St.* The God Serapis, His Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt // Ptolemy II and His World / Ed. P. McKechnie, Ph. Guillaume. Leiden: Brill, 2008. (Mnemosyne. Supplements. History and Archaeology of Classical Antiquity; 300). P. 387—408.
- Pfeiffer St.* Alexander der Große in Ägypten: Überlegungen zur Frage seiner pharaonischen Legitimation // Alexander the Great and Egypt: History, Art, Tradition. Wrocław/Breslau 18./19. November 2011 / ed. V. Grieb, K. Nawotka, A. Wojciechowska. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014 (Philippica; 74). P. 89—106.
- Pfeiffer St.* Griechische und lateinische Inschriften zum Ptolemäerreich und zur römischen Provinz Aegyptus. Münster: Lit, 2015 (Einführingen und Quellentexte zur Ägyptologie; 9). 376 S.

Pfeiffer St., Recklinghausen D. von. Inversion des Exodus: Aus der Sklaverei in die Freiheit. Juden im frühptolemäischen Ägypten // *Honi soit qui mal y pence. Studien zum pharaonischen, griechisch-römischen und spätantiken Ägypten zu Ehren von Heinz-Josef Thissen / Hrsg. von H. Knuf, Ch. Leitz und D. von Recklinghausen.* Leuven; P.; Walpole (Ma.): Peeters, 2010 (*Orientalia lovanensia analecta*, 194). S. 405—418.

Pfister F. Der Alexanderroman mit einer Auswahl aus den verwandten Texten. Meisenheim am Glan: Hain, 1978. 191 S. (*Beiträge zur klassischen Philologie*; 92).

PHI CD ROM # 5.3. Los Altos, Ca.: Packard Humanities Institute, 1991 (CD-ROM).

Picard Ch. Les influences étrangères au tombeau du Petosiris: Grèce ou Perse? // *BIFAO*. 1931. T. 30. P. 201—227.

Pillet M. Le naos de Senouert Ier // *ASAÉ*. 1923. T. 23. P. 143—158, 1 pl.

Pirelli R. Il monumento di Samtawytefmakhte e il tempio di Iside a Pompei // *L' Egitto in Italia: dall'Antichità al Medioevo. Atti del III Congresso Internazionale Italo-Egiziano, Roma, CNR - Pompei, 13—19 novembre 1995 / A cura di N. Bonacasa et al.* Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche, 1998. P. 635—644.

Plas D. van der. L'Hymne a la crue du Nil. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1986. T. 1—2 (*Egyptologische Uitgaven*; 4).

Pleyte W., Rossi F. Papyrus de Turin. Leiden: Brill, 1869—1877. T. 1—2.

Polanyi K. *The Livelihood of Man.* N.Y.; San Francisco; L.: Academic Press, 1977. LV, 280 p. (*Studies in Social Discontinuity*).

Polotsky J. Zu den Inschriften der 11. Dynastie. Leipzig: Hinrichs, 1929. VI, 71 S. (*Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens*; 11).

Die Pyramidenanlage des Königs Nub-Cheper-Re Intef in Dra' Abu el-Naga: Ein Vorbericht / D. Polz, A. Seiler, D. Franke, A. Verbovsek. Mainz am Rhein: Zabern, 2003. 103, 12 S.: ill. (*Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo. Sonderschriften*; 24).

Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings.* Oxford; Clarendon Press, 1934. Vol. IV: Lower and Middle Egypt. XXVII, 269 p., maps.

Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings.* Vol. V.: Upper Egypt: Sites. Oxford: Griffith Institute; Ashmolean Museum, 1937. XXIII, 292 p.

Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings.* Oxford: Clarendon Press, 1951. Vol. VII. Nubia, the Deserts, and Outside Egypt. XXXVI, 453 p., plans.

- Porter B., Moss R.L.B.* Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1972. Vol. II: Theban Temples. XXXV, 586 p.
- Porter B., Moss R.L.B.* Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. 2nd ed. Oxford: Griffith Institute; Ashmolean Museum, 1978. Vol. III: Memphis. Part 2: Şaqqâra to Dahshûr. Fasc. 1. XXIV + 182 p. [= 393—574], 1 map and 17 plans.
- Posener G.* Notes sur la stèle de Naucratis // ASAÉ. 1933. T. 33. P. 141—148.
- Posener G.* À propos de la stèle de Bentresh // BIFAO. 1934. T. 34. P. 75—81.
- Posener G.* La première domination perse en Égypte. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1936. XIV, 206 p., XVII pl. (Bibliothèque d'étude; 11).
- Posener G.* Littérature et politique dans l'Égypte de la XIIe dynastie. P.: H. Champion, 1956. XI, 171 p. (Bibliothèque de l'École des hautes études; 307).
- Posener G.* Le conte de Neferkarê et du général Siséné (Recherches littéraires, VI) // RdÉ. 1957. T. 11. P. 119—137.
- Posener G.* De la divinité du Pharaon. P.: Imprimerie Nationale, 1960. XV, 107 p. (Cahiers de la société asiatique; XV).
- Posener G.* Sur l'emploi euphemique de *hfty(w)* 'ennemi(s)' // ZÄS. 1969. Bd. 96. S. 30—35.
- Prandi L.* Fortuna e Realtà dell'Opera di Clitarco. Stuttgart: F. Steiner, 1996. 203 p. (Historia-Einzelschriften; 104).
- Priese K.-H.* *ꜥrm* und *ꜥ3m*, das Land Irame. Ein Beitrag zur Topographie des Sudan im Altertum // AoF. 1974. Bd. 1. S. 8—42.
- Prosopographia Ptolemaica* (URL: <http://prosptol.arts.kuleuven.ac.be/>; дата обращения: 01.08.2015)².
- Quack J.-F.* Die Lehren des Ani: Ein neuägyptischer Weisheitstext in seinem kulturellen Umfeld. Freiburg: Universitätsverlag/Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994 (Orbis biblicus et orientalis; 141). X, 338 S., Taf.
- Quack J.F.* Menetekel an der Wand? Zur Deutung der demotischen Chronik // Orakel und Gebete. Interdisziplinäre Studien zur Sprache der Religion in Ägypten, Vorderasien und Griechenland in hellenistischer Zeit / Hrsg. M. Witte, J.F. Diel. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. (Forschungen zum Alten Testament. 2. Reihe; 38). S. 23—51.
- Quack J.F.* (1) Ist der Meder an allem schuld? Zur Frage des realhistorischen Hintergrundes der gräkoägyptischen prophetischen Literatur // Ägypten zwischen innerem Zwist und äußerem Druck. Die

² На время подготовки текста настоящей диссертации ресурс размещен по адресу: <http://ldab.arts.kuleuven.be/prosptol/pp.html>; функция поиска недоступна или доступна со сбоями, очевидно, в связи с проведением интеграции с ресурсом <http://www.trismegistos.org/>.

- Zeit Ptolemaios' VI. bis VIII. / Hrsg. A. Jördens, J.F. Quack. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. (Philippika; 45). S. 103—131.
- Quack J.F.* (2) Zum Datum der persischen Eroberung Ägyptens unter Kambyses // *JEH*. 2011. Vol. 4. P. 228—246.
- Quack J.-F.* Irrungen, Wirrungen? Forscherische Ansätze zur Datierung der älteren ägyptischen Literatur // *Dating Egyptian Literary Texts*. Vol. 1 / Ed. G. Moers, K. Widmaier, A. Giewekemeyer, A. Lümers, R. Ernst. Hamburg: Widmaier, 2013. (Lingua Aegyptia – Studia monographica; 11). P. 405—469.
- Quibell J.E.* Excavations at Saqqara (1912—1914). Archaic Mastabas. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1923. VIII, 46 p.: 39 pl. (Excavations at Saqqara).
- Quirke St., Spencer J.* The British Museum Book of Ancient Egypt. N.Y.: Thames and Hudson, 1992. 240 p.: ill., maps.
- Radt St.* Strabons Geographika. Bd. 8: Buch XIV—XVII: Kommentar. Göttingen: Vandenhoeck/Ruprecht, 2009. 556 S.
- Ranke H.* Die ägyptischen Personennamen. Glückstadt; Hamburg: Augustin, 1935—1977. Bd. I—IIIю
- Ray J.* The Archive of Hor. L. Egypt Exploration Society, 1976. XVI, 192 p., 2 fig., 2 maps, 39 pl., frontispiece. (Texts from Excavations; 2).
- Ray J.D.* Egypt: Dependence and Independence (425—343 B.C.) // *Achaemenid History I: Sources, Structures and Synthesis*. Proceedings of the Groningen 1983 Achaemenid History Workshop / Ed. H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden: Nederlands instituut voor het Nabije Oosten, 1987. P. 79—91.
- Ray J.* Egypt, 525—404 B.C. // *CAH*². Vol. IV: Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 B.C. 1988. P. 254—286.
- Recklinghausen D. von.* Ägyptische Quellen zum Judentum // *ZÄS*. 2005. Bd. 132. S. 147—160.
- Recklinghausen D. von.* Anspruch und Wirklichkeit. Ptolemäische Beschreibungen der Stadt Theben // Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz / Hrsg. von St. Pfeiffer. Frankfurt a.M.: Antike, 2007. (Oikumene Studien zur antiken Weltgeschichte; 3). S. 140—164.
- Redford D.B.* History and Chronology of the Eighteenth Dynasty of Egypt: Seven Studies. Toronto: University of Toronto Press, 1967. XII, 235 p. (Near and Middle East Series; 3).
- Redford D.B.:* Rev. Lorton D. The Juridical Terminology of International Relations in Egyptian Texts through Dynasty XVIII (The Johns Hopkins Near Eastern Studies). Baltimore; L., 1974 // *JEA*. 1977. Vol. 63. P. 183—184.
- Redford D.B.* Pharaonic Kings-Lists, Annals and Day-Books: A Contribution to the Study of the Egyptian Sense of History Missisauga: Benben, 1986. XI, 342, [10] p.; 4 pl., ill. (Society of the Studies of Egyptian Antiquities' Publications; 4).

- Redford D.B.* (1) *Egypt, Canaan, and Israel in Ancient Times*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 512 p.
- Redford D.B.* (2) *Shishak* // *The Anchor Bible Dictionary* / Ed. by D.N. Freedman et al. N.Y.–L.–Toronto–Sydney–Auckland: Doubleday, 1992. (CD-ROM).
- Redford D.B.* *Textual Sources for the Hyksos Period* // *The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives* / Ed. E.D. Oren. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1997. (University Museum Monograph; 96; University Museum Symposium Series; 8). P. 1—44.
- Redford D.B.* *Petosiris* // *The Oxford Encyclopaedia of Ancient Egypt*. Oxford: Oxford University Press, 2001. Vol. 3. P. 38—39.
- Redford D.B.* *The Wars in Syria and Palestine of Thutmose III*. Leiden: Brill, 2003. XIV, 272 p., 10 p. of pl.; ill., maps. (Culture and History of the Ancient Near East; 16).
- Redmount C.V.*: *The Wadi Tumilat and the “Canal of the Pharaohs”* // *JNES*. 1995. Vol. 54. P. 127—135.
- Rice E.E.* *The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus*. Oxford: Oxford University Press, 1983. 234 p.
- Ritner R.* *Khababash and the Satrap Stela - A Grammatical Rejoinder* // *ZÄS*. 1980. Bd. 107. P. 136—137.
- Ritner R.K.* *Mechanics of Ancient Egyptian Magic* Chicago: Oriental Institute, 1993. xviii + 322 p., 22 fig., 2 tables. (Studies in Ancient Oriental Civilizations; 54).
- Ritner R.K.* *The Satrap Stela (Cairo JdÉ 22182)* // *The Literature of Ancient Egypt: An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies and Poetry* / Ed. W.K. Simpson. 3rd ed. New Haven, Conn.; L.: Yale University Press, 2003. P. 392—398.
- Ritner R.K.* *Libyan vs. Nubian as the Ideal Egyptian* // *Egypt and Beyond: Essays presented to L.H. Lesko* / Ed. S.E. Thompson, P. Der Manuelian. Providence: Brown University, 2008. P. 305—314.
- Ritner R.K.* (1) *Egypt and the Vanishing Lybian: Institutional Responses to a Nomadic People* // *Nomads, Tribes and the State in the Ancient Near East* / Ed. J. Szuchman. Chicago: Oriental Institute, 2009 (Oriental Institute Seminars; 5). P. 43—52.
- Ritner R.K.* (2) *The Libyan Anarchy: Inscriptions from Egypt’s Third Intermediate Period*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2009. 642 p. (Writings from the Ancient World Society of Biblical Literature; 21).
- Roaf M.* *The subject peoples on the base of the statue of Darius* // *CDAFI*. 1974. T. 4. P. 73—160.
- Rochemonteix M. de, Chassinat É.* Le Caire: Institut français d’archéologie orientale du Caire, 1897—1934. T. 1—14.

Roeder G. Naos. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1914. VI, 191 S.: 91 Taf. (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire; 70001—70050).

Roeder G. Zwei hieroglyphische Inschriften aus Hermopolis (Ober-Ägypten) // *ASAÉ*. 1954. T. 52. S. 375—426.

Roeder G. Hermopolis, 1929—1939. Hildesheim: Verlag Gebrüder Gerstenberg, 1959. XVI, 390 S., Taf. (Pelizäus-Museum zu Hildesheim. Wissenschaftliche Veröffentlichung; 4).

Roeder G. Satrap Ptolemaios [I.] schenkt Land an die Gottheiten von Buto // *Roeder G.* Die ägyptische Götterwelt. Zürich: Artemis-Verlag, 1959 (Die ägyptische Religion in Texten und Bildern; 1). S. 97—106.

Rogge E. Kunsthistorisches Museum, Wien. Ägyptisch-Orientalische Sammlung. Lieferung 9: Statuen der Spätzeit. Mainz: Zabern, 1992. XIX S., 157 Bl.; Ill. (Corpus Antiquitatum Aegyptiacarum (CAA). Lose-Blatt-Katalog Ägyptischer Altertümer).

Römer M. Gottes- und Priesterherrschaft in Ägypten am Ende des Neuen Reiches : ein religionsgeschichtliches Phänomen und seine sozialen Grundlagen. Wiesbaden: Harrassowitz, 1994. XXXVIII, 622 S., Abb. (Ägypten und Altes Testament; 21).

Rondot V. Alexandre IV Aegos et Ptolémée Ier Sôter au musée de Besançon // *RdÉ*, 1997. T. 48. P. 274—278.

Rössler-Köhler U. Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. XIV, 448 S. (Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe: Ägypten; 21).

Rouge E. de. Étude sur une stèle égyptienne appartenant à la Bibliothèque impériale // *Rouge E. de.* Oeuvres diverses. T. 3. P. : Leroux, 1910. P. 139—319.

Roulet A. The Egyptian and Egyptianizing Monuments of Imperial Rome. Leiden : Brill, 1972. XVI, 184 p., 230 pl., maps, fig., ill., plans (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain; 20).

Routledge C.D. Ancient Egyptian Ritual Practice: *ir-ḥt and nt-ḥ*. Diss. Toronto, 2001. 416 p.

Rowe A. Short Report on Excavations of the Institute of Archaeology, Liverpool, at Athribis (Tell Atrib) // *ASAÉ*. 1938. T. 38. P. 523—532.

Rowlandson J. Administration and Law: Graeco-Roman // *A Companion to Ancient Egypt* / Ed. A.B. Lloyd. Chichester (West Sussex); Malden (Mass.): Wiley-Blackwell, 2010. Vol. 1. P. 237—254.

Rubensohn O. Elephantine-Papyri. B.: Weidmann, 1907. 92 S., III Taf. (Ägyptische Urkunden aus den königlichen Museen in Berlin. Griechische Urkunden. Sonderheft).

Ruiz-Montero C. P.Oxy. 2466: The Sesonchosis Romance // *ZPE*. 1989. Bd. 79. S. 51—57.

- Ruzicka St.* Trouble in the West: Egypt and the Persian Empire, 525—332 BCE. N.Y.: Oxford University Press, 2012. XXV, 311 p.: maps. (Oxford Studies in Early Empires).
- Ryholt K.S.B.* The Political Situation in Egypt During the Second Intermediate Period, C. 1800—1550 B.C. XIV, 463 p., maps, fig., tables. Copenhagen: The Carsten Niebuhr Institute of Near Eastern Studies, University of Copenhagen; Museum Tusulanum Press, 1997 (Carsten Niebuhr Institute Publications; 20).
- Ryholt K.* A Demotic Version of Nectanebos' Dream (P. Carlsberg 562) // ZPE. 1998. Bd. 122. S. 197—200.
- Ryholt K.* Nectanebo's Dream or the Prophecy of Petesis // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten / Hrsg. A. Blasius, B.U. Schipper. Leuven: Peeters, 2002. (Orientalia lovanensia analecta; 107). S. 221—242.
- Ryholt K.* The Assyrian Invasion of Egypt in Egyptian Literary Tradition // Assyria and Beyond: Studies Presented to Mogens Trolle Larsen / Ed. J.G. Dercksen. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2004. P. 483—510.
- Ryholt K.* A Sesostris Story in Demotic Egyptian and Demotic Literary Exercises (O.Leipzig UB 2217) // Honi soit qui mal y pence. Studien zum pharaonischen, griechisch-römischen und spätantiken Ägypten zu Ehren von Heinz-Josef Thissen / Hrsg. von H. Knuf, Chr. Leitz, D. von Recklinghausen. Leuven–P.–Walpole (Ma.): Peeters, 2010. S. 429—437. (Orientalia lovanensia analecta; 194).
- Ryholt K.* Narrative Literature from the Tebtunis Temple Library. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2012. XVI, 230 p., 23 pl. (Carsten Niebuhr Institute Publications; 35; The Carlsberg Papyri; 10).
- Ryholt K.* *Imitatio Alexandri* in Egyptian Literary Tradition // The Romance between Greece and the East / Ed. T. Whitmarsh, S. Thomson. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 59—78.
- Salmenkivi E.* Herakleopolis Magna under Philadelphus // Ptolemy II Philadelphus and His World / Ed. P. McKechnie, Ph. Guillaume. Leiden; Boston, 2008 (Mnemosyne Supplements, 300). P. 183—190.
- Salmon P.* Les relations entre la Perse et l'Égypte du VIe au IVe siècle av. J.-C. // The Land of Israel: Cross-roads of Civilizations: Proceedings of the Conference Held in Brussels from the 3rd to the 5th of December 1984 / Ed. E. Lipinski. Leuven: Peeters, 1985 (Orientalia lovanensia analecta; 19). P. 147—168.
- Samuel A.E.* Ptolemaic Chronology. München: Beck, 1962. X, 173 S.; Taf. (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte; 43).
- Saretta P.* Asiatics in Middle Kingdom Egypt: Perceptions and Reality. Bloomsbury Egyptology. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2016. P. XIII, 311.
- Sauneron S.* Villes et légendes d'Égypte. 2me ed. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1983. XII, 243 p., ill., 23 fig., 12 pl. (Bibliothèque d'étude; 90).

Säve-Soderberg T. Bogenvölker // LÄ. Bd. I. 1975. Sp. 844—845

Schachermeyer F. Alexander der Grosse: Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens. Wien: Oesterreichische Akademie der Wissenschaften, 1973. 723 S., 24 S. Taf.: Ill., Karte (Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Kl.; 285).

Schade G., Eleuteri P. The Textual Tradition of the *Argonautica* // A Companion to Apollonius Rhodius / Ed. Th.D. Papanghelis, A. Rengakos. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. (Mnemosyne: Bibliotheca classica Batava, Supplementum; 217). P. 27—49.

Schade-Busch M. Zur Königsideologie Amenophis' III: Analyse der Phraseologie historischer Texte der Voramarnazeit. Hildesheim: Gerstenberg, 1992. XIX, 391 S., Abb., Taf. (Hildesheimer ägyptologische Beiträge; 35).

Schaefer G.H. Apollonii Rhodii *Argonautica*. Vol. II. Lipsiae: Gerh. Fleischer, 1813. XVI, 709 p.

Schäfer D. Alexander der Große. Pharao und Priester // Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz / Hrsg. St. Pfeiffer. Frankfurt a.M.: Verlag Antike e.K., 2007. (Oikumene. Studien zur antiken Weltgeschichte; 3). S. 54—74.

Schäfer D. Persian Foes – Ptolemaic Friends? The Persians on the Satrap Stela // Organisation des pouvoirs et contacts culturelles dans les pays de l'empire achéménide: Actes du colloque organisé au Collège de France par la "Chaire d'histoire et civilisation du monde achéménide et de l'empire d'Alexandre" et le "Réseau international d'études et de recherches achéménides", 9—10 novembre 2007 / Ed. P. Briant, M. Chauveau. P.: De Boccard, 2009. P. 143—152.

Schäfer D. Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern. Leuven: Peeters, 2011. XLVI, 324 S.; Ill. (Studia hellenistica; 50).

Schäfer H. Noch einmal die Inschrift von Neapel // *Aegyptiaca*: Festschrift für Georg Ebers zum 1. März 1897. Leipzig: Engelmann, 1897. S. 92—98.

Schäfer H. Die Auswanderung der Krieger unter Psammetich I. und der Söldneraufstand in Elephantine unter Apries // *Klio*. 1904. Bd. 4. S. 152—163.

Schäfer H. Urkunden der älteren Äthiopienkönige. Leipzig: Hinrichs, 1905—1908. Hft. 1—3 (Urkunden des ägyptischen Altertums; 3).

Scharff A. Bemerkungen zur Kunst der 30. Dynastie // *Miscellanea Gregoriana*. Città del Vaticano: s.n., 1941. P. 195—203.

Scharrer U. Seleukos I. und das babylonische Königtum // *Zwischen Ost und West: Studien zur Geschichte der Seleukidenreich* / Hrsg. K. Brodersen. Hamburg: Kovac, 1999. S. 95—128.

Schipper B.U. Die Erzählung des Wenamun: Ein Literaturwerk im Spannungsfeld von Politik, Geschichte und Religion. Freiburg (Schweiz): Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. XII, 384 S.: Taf. (Orbis biblicus et orientalis; 209).

- Schmitt R.* Achaemenid Throne-Names // *Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli*. 1982. Vol. 42. P. 83—95.
- Schmitt R.* Zu Weiterungen rund um den Namen iran. *S(iy)atibara // *Archiv für Bulgarische Philologie*. 1999. Bd. 3. S. 169—172.
- Schmitt R.* Achaemenid Dynasty // *Encyclopedia Iranica*, Online Edition. Last Updated: July 21, 2011 (URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/achaemenid-dynasty>; дата обращения: 30.04.2017).
- Schneider H.D.* The Memphite Tomb of Horemheb, Commander-in-Chief of Tutanchamun. II: A Catalogue of the Finds. L.: Egypt Exploration Society, 1996. 114 p. (EEF Excavation Memoir; 60).
- Schneider Th.* Ausländer in Ägypten während des Mittleren Reiches und der Hyksoszeit. Teile 1—2. Harrassowitz, Wiesbaden 1998—2003 (Ägypten und Altes Testament; 42.1—2). Teil 1: Die ausländischen Könige. 1998. X, 208 S.; Ill. Teil 2: Die ausländische Bevölkerung. 2003. VI, 402 S.; Ill.
- Schoene A.* Eusebi Chronicorum libri. Berolini: Weidmann, 1875. Vol. I—II.
- Schott S.* Urkunden mythologischen Inhalts. Leipzig: Hinrichs, 1929—1939. Hft. 1—2 (Urkunden des ägyptischen Altertums; 6).
- Scholies à Apollonios de Rhodes* / Trad. G. Lachenaud. P.: Les Belles Lettres, 2010. XLV, 518 p. (Fragments; 9).
- Schott S.* Das schöne Fest vom Wüstentale: Festbräuche einer Totenstadt. Wiesbaden: Akad. der Wiss. und der Literatur; Steiner, 1953. 138, XII S. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse; Jg. 1952, 11).
- Schott S.* Bücher und Bibliotheken im Alten Ägypten: Verzeichnis der Buch- und Spruchtitel und der Termini technici. Wiesbaden: Harrassowitz, 1990. 553 S.
- Schumacher I.W.* Der Gott Sopdu, der Herr der Fremdländer. Freiburg (Schweiz): Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. XIV, 352 S., Abb., Taf. (Orbis biblicus et orientalis; 79).
- Schwartz E.* Hekataeos von Teos // *RhM*. 1885. Bd. 40. Sp. 223—262.
- Schwartz E.* Dexippos (5) // *RE*. Bd. 5. 1905. Sp. 288—293.
- Schwartz J.* Les conquérants perses et la littérature égyptienne // *BIFAO*. 1949. T. 48. P. 65—80.
- Schwentzel Chr.-G.* Images d'Alexandre et des Ptolémées. P.: Mouseion, 1999. 208 p.: ill.
- Seibert J.* Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. München: Beck, 1969. XI, 244 S. (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte; 56).
- Seibert J.* (1) Alexander der Große. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. XIV, 329 S.: Ill. (Erträge der Forschung; 10).
- Seibert J.* (2) Nochmals zu Kleomenes von Naukratis // *Chiron*. 1972. Bd. 2. S. 99—102.
- Seibert J.* Das Zeitalter der Diadochen. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1983. XVI, 272 S. (Erträge der Forschung; 185).

- Seibert J.* Die Eroberung des Perserreiches durch Alexander der Großen auf kartographischer Grundlage. Wiesbaden: Reichert, 1985. 233 S. (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B: Geisteswissenschaften. Nr. 68).
- Seidlmayer S.-J.* Epigraphische Bemerkungen zur Stele des Setnachte aus Elephantine // Stationen: Beiträge zur Kulturgeschichte Ägyptens R. Stadelmann gewidmet / Hrsg. H. Gutsch, D. Potz. Mainz: Zabern, 1998. S. 363—386.
- Serrano Delgado J.M.* La titulación real de los faraones persas // Ir a buscar leña: Estudios dedicados al Prof. Jesús López / Ed. J.C. Autuori. Barcelona: Aula Aegyptiaca, 2001 (Aula Aegyptiaca Studia; 2). P. 175—186.
- Seters J. van.* The Hyksos: A New Investigation. New Haven; L.: Yale University Press, 1966. XX, 220 p., 22 fig., maps.
- Sethe K.* Sesostris. Leipzig: Hinrichs, 1900. 24 S. (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens; 2.1).
- Sethe K.* Urkunden des Alten Reichs. Leipzig: Hinrichs, 1903. 152 S. (Urkunden des ägyptischen Altertums; 1).
- Sethe K.* Der Name Sesostris // ZÄS. 1904. Bd. 41. S. 43—57.
- Sethe K.* Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Leipzig: Hinrichs, 1904—1916. Hft. 1—3 (Urkunden des ägyptischen Altertums; 2).
- Sethe K.* Urkunden der 18. Dynastie. Leipzig: Hinrichs, 1906—1909. Bd. 1—4, Hft. 1—16.
- Sethe K.* Die altägyptischen Pyramidentexte. Leipzig: Hinrichs, 1908—1922. Bd. 1—4.
- Sethe K.* (1) Ägyptische Lesestücke zum Gebrauch im akademischen Unterricht. Texte der Mittleren Reiches. 2. Aufl. Leipzig: Hinrichs, 1928. 167 S.
- Sethe K.* (2) Dramatische Texte zu altägyptischen Mysterienspielen. II: Der dramatische Ramesseumpapyrus: Ein Spiel zur Thronbesteigung des Königs. Leipzig: Hinrichs, 1928. S. 83—258, Taf. 1—22.
- Sethe K.* Amun und die acht Urgötter von Hermopolis: Eine Untersuchung über Ursprung und Wesen des ägyptischen Götterkönigs. B.: Verlag der Akademie der Wissenschaften; De Gruyter, 1929. 130 S., Taf. (Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Kl.; Jg. 1929, Abh. 4).
- Sethe K.* Urgeschichte und älteste Religion der Ägypter. Leipzig: Brockhaus, 1930. XI, 196 S.: Karte. (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes; 18, 4).
- Sethe K.* Historisch-biographische Urkunden des Mittleren Reiches. Leipzig: Hinrichs, 1935. 66 S. (Urkunden des ägyptischen Altertums; 7).
- Sherman E.J.* Djedhor the Saviour Statue Base OI 10589 // JEA. 1981. Vol. 67. P. 82—102.
- Shonkwiler R.L.* The Behdetite: A Study of Horus the Behdetite from the Old Kingdom to the Conquest of Alexander. Diss. Chicago, 2014. 725 p.

- Shutt R.J.H.* Aristeas, Letter of // *The Anchor Bible Dictionary* / Ed. by D.N. Freedman et al. N.Y.; L.; Toronto; Sydney; Auckland: Doubleday, 1992. (CD-ROM).
- Simpson R.H.* The Historical Circumstances of the Peace of 311 // *JHS*. 1954. Vol. 74. P. 25—31.
- Skeat T.C.* The Reigns of Ptolemies. 2. Aufl. München: Beck, 1969. 43 p. (Münchner Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtgeschichte; 39).
- Smith H.S.* Dates of the Obsequies of the Mothers of Apis // *RdÉ*. 1972. T. 24. P. 176—187.
- Smith H.S.* A Memphite Miscellany // *Pyramid Studies and Other Essays presented to I.E.S. Edwards* / Ed. J. Baines et al. L.: Egypt Exploration Society, 1989. (Occasional Publications, 7). P. 184—192.
- Smith H.S.* Foreigners in the Documents from the Sacred Animals' Necropolis // *Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond* / Ed. J.H. Johnson. Chicago: Oriental Institute, 1992. (Studies in the Ancient Oriental Civilisations; 51). P. 295—301.
- Smith H.S., Andrews C.A.R., Davies S.* The Sacred Animal Necropolis at North Saqqara: The Mother of Apis Inscriptions. L.: Egypt Exploration Society, 2011. (EES Texts from Excavations; Memoir 14). Vol. 1: The Catalogue. XXV, 312 p.: ill., maps.
- Snape S.R.* Six Archaeological Sites in Sharquiyeh Province. Liverpool: Liverpool University Press, 1986. X, 93 p., maps, plans, fig., ill. (Liverpool University Delta Survey).
- Snape S.R., Bailey D.M.* The Great Portico at Hermopolis Magna. L.: British Museum, 1988. IX, 122 p. (British Museum Occasional Publications; 63).
- Smith S.T.* Wretched Kush: Ethnic Identities and Boundaries in Egypt's Nubian Empire. L.; N.Y.: Routledge, 2003. XX, 231 p.: ill., maps
- Sottas H.* La préservation de la propriété funéraire dans l'ancienne Égypte. P.; H. Champion, 1913. VIII, 178 p. (Bibliothèque de l'École pratique des hautes études: sc. philol. et hist.; 205).
- Spalinger A.* Egypt and Babylonia: A Survey (c. 620 B.C.—550 B.C.) // *SAK*. 1977. Bd. 5. P. 221—244.
- Spalinger A.* In the Bentresh Stela and Related Problems // *JSSEA*. 1977—1978. Vol. 8. P. 11—18.
- Spalinger A.* (1) Psammetichus, King of Egypt: II // *JARCE*. 1978. Vol. 15. P. 49—57.
- Spalinger A.* (2) The Reign of King Chabbash: An Interpretation // *ZÄS*. 1978. Bd. 105. S. 142—154.
- Spalinger A.* Aspects of the Military Documents of Ancient Egyptians New Haven (Conn.); L.: Yale University Press, 1982. XV, 258 p. (Yale Near Eastern Researchs; 9).
- Spalinger A.* The Date of the Dream of Nectanebo // *SAK*. 1992. Bd. 19. S. 295—304.
- Spencer A.G.* Excavations at el-Ashmunein. II: The Temple Area. L.: British Museum Publications, 1989. 90 p., fig., pl., table.
- Spencer N.* The Temple of Onuris-Shu at Samanud // *Egyptian Archaeology*. 1999. Vol. 14. P. 7—9.
- Spencer N.* Sustaining Egyptian Culture? Non-royal Initiatives in Late Period Temple Building // *Egypt in Transition. Social and Religious Development of Egypt in the First Millennium B.C.E.*

- Proceedings of an International Conference, Prague, September 1—4, 2009 / Ed. L. Bareš, F. Coppens and K. Smoláriková. Prague: Czech Institute of Egyptology, 2011. P. 441—490.
- Spencer P.* The Egyptian Temple: A Lexicographical Study. L.: Kegan Paul, 1984. XII, 298 p.
- Spiegelberg W.* Die demotischen Inschriften der Steinbrüche von Turra und Masara // *ASAÉ.* 1905. T. 6. P. 219—233.
- Spiegelberg W.* Der Papyrus Libbey: Ein ägyptischer Heiratsvertrag. Strassburg: Trübner, 1907. 12 S.: 3 Taf. (Schriften der Wissenschaftlichen Gesellschaft in Strassburg; 1).
- Spiegelberg W.* Sagenkreis des Königs Petubastis nach dem Strassburger demotischen Papyrus sowie den Wiener und Pariser Bruchstücken. Leipzig: Hinrichs, 1910. 80, 102* S.: 22 Taf. (Demotische Studien; 3).
- Spiegelberg W.* Das Kolophon des liturgischen Papyrus aus der Zeit des Alexander IV. // *RT.* 1913. T. 35. P. 35—40.
- Spiegelberg W.* Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris. Leipzig: Hinrichs, 1914. 145 S.: 13 Taf. (Demotische Studien; 7).
- Spiegelberg W.* Varia. 2: Bemerkungen zu Horapollon Hieroglyphica (2) // *ZÄS.* 1917. Bd. 53. S. 93.
- Spiegelberg W.* Der demotische Text der Priesterdekrete von Kanopus und Memphis (Rosettana): mit den hieroglyphischen und griechischen Fassungen und deutscher Übersetzung nebst demotischem Glossar. Heidelberg: Winter, 1922. 2, 222 S.
- Spiegelberg W.* Die demotische Papyri Loeb. München: Beck, 1931. XVI S., 116 Sp., 8* S.: 38 Taf. (Papyri der Universität München; 1).
- Spiegelberg W.* Aus der Geschichte vom Zauberer Ne-Nefer-Ke-Sokar. Demotischer Papyrus Berlin 13640 // *Studies presented to F. Ll. Griffith / S.R.K. Glanville (ed.).* L.: Egypt exploration society; H. Milford; Oxford University Press, 1932. P. 171—180.
- Spoerri W.* Späthellenistische Berichte über Welt, Kultur und Götter. Basel: Reinhardt, 1959. XVI, 274 S. (Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft; 9).
- Stadelmann R.* Snofru // *LÄ.* Bd. V. 1982. Sp. 992—994.
- Stadler M.A.* Die Krönung der Ptolemäer zu Pharaonen // *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft.* 2012. Neue Folge. Bd. 36. S. 59—94.
- Stähelin F.* Kleomenes (8) // *RE.* 1921. Hbd. 21. Sp. 710—712.
- Stambaugh J.E.* Sarapis under the Early Ptolemies. Leiden: Brill, 1972. 102 p.; ill. (*Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain*; 25).
- Steindorf G.* Catalogue of the Egyptian Sculpture in the Walters Art Gallery. Baltimore: Walters Art Gallery, 1946. VI, 187 p.: 119 pl.
- Stephens S.A.* Seeing Double: Intercultural Poetics in Ptolemaic Alexandria. Berkeley; L.A.: University of California Press, 2003. XVI, 292 p.; 6 pl. (*Hellenistic Culture and Society*; 37).

- Sterling J.E.* The Jewish Appropriation of Hellenistic Historiography // A Companion to Greek and Roman Historiography / Ed. J. Marincola. Vol. I. Malden–Oxford–Carlton: Wiley-Blackwell, 2007. P. 231—244.
- Sternberg-el Hotabi H.* “Der gute Gott, Herr der Beiden Länder, Dareios”: Bemerkungen zur Stele Berlin ÄS 7493 // From Daēnā to Dîn: Religion, Kultur und Sprache in der iranischen Welt. Festschrift für Philip Kreyenbroek zum 60. Geburtstag / Hrsg. Chr. Allison, A. Joisten-Pruschke, A. Wendtland. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009. S. 399—410.
- Stewart A.* Faces of Power: Alexander’s Image and Hellenistic Politics. Berkeley: University of California Press, 1993. XXXVIII, 507 p.; figs. (Hellenistic Culture and Society; 11).
- Stewart A.* Kallixeinos of Rhodes on the Wonders of Alexandria // *Stewart A.* Art in the Hellenistic World: An Introduction. N.Y.: Cambridge University Press, 2014. P. 294—300.
- Stock H.* Die erste Zwischenzeit Ägyptens. Untergang der Pyramidenzeit, Zwischenreiche von Abydos und Herakleopolis, Aufstieg Thebens. Rom: Pontificium Institutum Biblicum, 1949. XVIII, 110 S., XIV Taf., Karten.
- Stoneman R.* Alexander the Great: A Life in Legend. New Haven: Yale University Press, 2008. 336 p.
- Struwe W.* Zur Geschichte Ägyptens der Spätzeit // Известия АН СССР. 7 серия. Отд. гум. наук. 1928. С. 197—212.
- Suida lexicon* / Ed. A. Adler. Leipzig: Teubner, 1828—1937. Vol. 1—5.
- Suys É.* La Sagesse d’Ani, texte, traduction et commentaire. Roma: Pontificio Istituto Biblico, 1935. XXII, 126 p. (Analecta orientalia, 11).
- Swinnen W.* Sur la politique religieuse de Ptolémée Ier // Les syncretismes dans les religions grecque et romaine. Colloque de Strasbourg (du 9 au 11 juin 1971) P.: Presses universitaires de France, 1973 (Bibliothèque des Centres d’études supérieures spécialisés. Travaux du Centre d’études supérieures spécialisé d’histoire des religions de Strasbourg; 27). P. 115—133.
- Supplementum Epigraphicum Graecum.* Amsterdam: Gieben; Leiden: Brill, 1923—2015. Vol. I—LXI.
- Szapkowska K.* Behind Closed Eyes: Dreams and Nightmares in Ancient Egypt. Swansea: Classical Press of Wales; Oakville (Ct.): David Brown, 2003. XII, 237 p.
- Takács G.* Etymological Dictionary of Egyptian. Leiden: Brill, 2008 Vol. III. XXXII, 1012 p. (Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung: Der Nähe und Mittlere Osten; 48).
- Tarasenko N.* The Osirian Myth and Its Characters in the Book of the Dead Chapter 17 // The Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient. Vol. 3. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2006. P. 75—102.
- Tarasenko M.* Ruti Scene in Ancient Egyptian Religious Art (19—21 Dynasties) // The Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient. Vol. 4. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2007. P. 77—122.

- Tarn W.W.* Queen Ptolemais and Apama // *CQ*. 1929. Vol. 23. P. 138—141.
- Tarn W.W.* Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. Vol. 1—2.
- Te Velde H.* Seth, God of Confusion: A Study of His Role in Egyptian Mythology and Religion. Leiden: Brill, 1967. XIV, 168 p., 16 fig., 12 pl., frontispiece. (Probleme der Ägyptologie; 6).
- Thalmann W.* Apollonius of Rhodes and the Spaces of Hellenism. Oxford: Oxford University Press, 2011. 283 p.
- Theis Chr.* Die ägyptische Schreibung des persischen Königsnamens Arses // *Miscellanea in honorem Wolfgang Westendorf / Hrsg. C. Peust.* Göttingen: Seminar für Ägyptologie und Koptologie der Universität Göttingen, 2008 (Göttinger Miszellen, Beihefte; 3). S. 120—123.
- Théodoridès A.* La condition humaine en Égypte d'après les inscriptions du tombeau de Pétoisiris // *Analecta orientalia belgica*. 1991. T. 6. P. 83—116.
- Thesaurus Linguae Graecae.* CD-ROM #E. Irvine, Ca.: University of California, 2000 (CD-ROM).
- Thiers Chr.* Civils et militaires dans les temples: Occupation illicite et expulsion // *BIFAO*. 1995. T. 95. P. 493—516.
- Thiers Chr.* Égyptiens et Grecs au service des cultes indigenes. Un aspect de l'évergétisme en Égypte lagide // *Les régulations sociales dans l'Antiquité: actes du colloque d'Angers, 23 et 24 mai 2003 / Ed. M. Molin.* Rennes: Presses universitaires de Rennes, Réseau des universitebs de l'Ouest Atlantique, 2006. P. 275—301.
- Thiers Chr.* Ptolémée Philadelphie et les prêtres d'Atoum de Tjékou: Nouvelle édition commentée de la "stele de Pithom" (CGC 22183). Montpellier: Université Paul-Valéry Montpellier III, 2007. VII, 257 p.: ill. (*Orientalia monspeliensia*; 17).
- Thiers Chr.* Membra disiecta ptolemaica (I) // *Cahiers de Karnak*. 2010. T. 13. P. 373—399.
- Thirion M.* Notes d'onomastique. Contribution à une révision du Ranke PN (troisième série) // *RdÉ*. 1982—1983. T. 34. P. 101—114.
- Thirion M.* Notes d'onomastique. Contribution à une révision du Ranke PN (onzième série) // *RdÉ*. 2001. T. 52. P. 265—276.
- Thissen H.-J.* Studien zum Raphiadekret. Meisenheim: Hain, 1966. 84 S., 5 Taf.: Ill. (*Beiträge zur Klassischen Philologie*; 23).
- Thissen H.-J.* Die demotische Graffiti von Medinet Habu: Zeugnisse zu Tempel und Kult im Ptolemäischen Ägypten. Sommerhausen: Zauzich, 1989. VIII, 264 S. (*Demotische Studien*; 10).
- Thissen H.-J.* "Apocalypse now!" Anmerkungen zum Lamm des Bokchoris // *Egyptian Religion in the Last Thousand Years. Studies Dedicated to the Memory of J. Quaegebeur / Ed. W. Clarysse et al.* P. II. Leuven: Peeters, 1998. (*Orientalia lovanensia analecta*; 107). P. 1044—1053.

- Thissen H.-J.* Das Lamm des Bokchoris // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten / Hrsg. A. Blasius, B.U. Schipper. Leuven: Peeters, 2002. (*Orientalia lovanensia analecta*; 107). P. 113—138.
- Thompson D.* Philadelphus' Procession: Dynastic Power in a Mediterranean Context // *Politics, Administration and Society in the Hellenistic and Roman World: Proceedings of the International Conference, Bertinoro, 19—24 July 1997* / Ed. L. Mooren. Leuven: Peeters, 2000. (*Studia hellenistica*; 36). P. 365—338.
- Thompson D.* Memphis under the Ptolemies. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 2012. XVIII, 338 p.
- Török L.* Der meroitische Staat 1. Untersuchungen und Urkunden zur Geschichte des Sudan im Altertum. B.: Akademie-Verlag, 1986. XX, 391, 4 S.; Karten. (*Meroitica*; 9).
- Török L.* Geschichte Meroes: Ein Beitrag über die Quellenlage und der Forschungsstand // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschungen. II.10.1: Politische Geschichte (Provinzen und Randvölker: Afrika und Ägypten)* / Ed. W. Haase, H. Temporini. B.; N.Y.: de Gruyter, 1988. S. 107—341.
- Török L.* Kush and the External World // *Studia Meroitica 1984* / Hrsg. S. Donadoni, St. Wenig. B.: Akademie-Verlag, 1989. (*Meroitica*; 10). S. 49—215.
- Török L.* Between Two Worlds: The Frontier Region between Ancient Nubia and Egypt 3700 B.C.—A.D. 500. Leiden: Brill, 2009. XXI, 605 p.: ill. (*Probleme der Ägyptologie*; 29).
- Traunecker Cl.* Une stèle commémorant la construction de l'enceinte d'un temple de Montou // *Cahiers de Karnak*. 1975. T. 5. P. 141—158.
- Traunecker Cl.* Essai sur l'histoire de la XXIXe dynastie // *BIFAO*. 1979. T. 79. P. 395—436.
- Traunecker Cl.* Un exemple de rite de substitution: une stèle de Nectanébo Ier // *Cahiers de Karnak*. 1982. T. 7. P. 339—354.
- Traunecker Cl.* La chapelle de Khonsou du mur d'enceinte et les travaux d'Alexandre // *Cahiers de Karnak*. 1987. T. 8. P. 347—354.
- Traunecker Cl., Le Saout Fr., Masson O.* La chapelle d'Achôris à Karnak, II: Texte et Documents. P.: Éditions A.D.P.F., 1981. Texte: 300 p., frontispiece, fig., plans, tables. Documents: 71 p., tables, pl. (*Recherche sur les grandes civilisations. Synthèse*; 5).
- Trésors d'Égypte: La "cachette" de Karnak, 1904—2004* / Sous la dir. de J.-Cl. Goyon et Chr. Cardin, M. Azim et G. Zaki (collab.). Grenoble: s.n., 2004. 141 p.: ill.
- Tresson P.* La stèle de Naples // *BIFAO*. 1930. T. 30. P. 369—391.
- Trnka-Amrhein Y.K.* A Study of The Sesonchosis Novel. Diss. Harvard, 2013. (URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:11004912>; дата обращения: 30.04.2017).
- Turner E.G.* A Commander-in-Chief's Order from Saqqara // *JEA*. 1974. Vol. 60. P. 239—242.

- Uphill E.P.* The Sed-Festival Rites // JNES. 1965. Vol. 24. P. 365—383.
- Valeurs phonétiques* des signes hiéroglyphiques d'époque gréco-romaine / Fr. Daumas et al. Montpellier: Université Paul Valéry, 1988—1995. T. 1—4.
- Vanderlip V.F.* The Four Greek Hymns of Isidorus and the Cult of Isis. Toronto: Hakkert, 1972. XVI, 108 p.; 14 pl. (American Studies in Papyrology; 12).
- Vandersleyen Cl.* Les guerres d'Amosis, fondateur de la XVIIIe dynastie. Bruxelles: Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1971. 246 p., 2 cartes, 4 pl. (Monographies Reine Élisabeth; 1).
- Vandersleyen Cl.* Ouadj our = w3ḏ wr: un autre aspect de la vallée du Nil. Bruxelles: Connaissance de l'Égypte ancienne, 1999. 447 p. (Connaissance de l'Égypte ancienne; 7).
- Vandersleyen Cl.* Oublier l'Euphrate // Les voyages dans les civilisations orientales / Travel in the Oriental Civilizations / Ed. Chr. Cannuyer, J. Ries, A. van Tongerloo. Bruxelles: Société belge d'études orientales, 1998. (Acta orientalia belgica; 11). P. 17—25.
- Vandersleyen Cl.* Le delta et la vallée du Nil: le sens de ouadj our (w3ḏ wr). (Connaissance de l'Égypte ancienne; 10). Bruxelles: Éditions Safran, 2008. 351 p.; 15 p. de pl.: ill., cartes.
- Vandier J.* Le Papyrus Jumilhac. P.: Centre National de la Recherche Scientifique, 1961. V, 349 p., 1 ill., 1 table, 12 pl.
- Vandier J.* Ouadj et l'Horus léontocéphale de Bouto. À propos d'un bronze du Musée de Chaalis // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 1967. T. 55. P. 7—75.
- Varille A.* Inventaire d'objets culturels d'un temple thébain de Maat // BIFAO. 1942. T. 41. P. 135—139.
- Vercoutter J.* Les Haou-Nebout // BIFAO. 1947. T. 46. P. 125—158
- Vercoutter J.* Les Haou-Nebout // BIFAO. 1949. T. 48. P. 107—209.
- Vercoutter J.* Les statues du général Hor, gouverneur d'Hérakleopolis, de Busiris et d'Héliopolis (Louvre A88, Alexandrie, s.n.) // BIFAO. 1950. T. 49. P. 85—114.
- Vercoutter J.* Apis // LÄ. Bd. I. 1975. Sp. 338—350.
- Vergote J.* Le Roi Moiris-Marēs // ZÄS. 1962. Bd. 87. S. 66—76.
- Verhoeven U.* Der Priester und Giftheiler Somtu-tef-nacht aus Herakleopolis Magna // Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städteliches Kunstinstitut und Städtliche Galerie 26. November 2005 – 26. Februar 2006. Frankfurt a.M.: Städel, 2005. S. 593—594.
- Verner M.* Das "Chentkaus-Problem" // Ancient Egypt and Kush: In Memoriam M.A. Korostovtsev / Ed. E. Kormysheva. Moscow: Glavnaya redaktsia vostochnoy literatury, 1993. P. 420—435.
- Vernus P.* Athribis: Textes et documents relatives à la géographie, aux cultes et à l'histoire d'une ville du Delta égyptien à l'époque ptolémaïque. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1978. XXIV, 505 p., 6 fig., 46 pl. (Bibliothèque d'étude; 74).
- Vernus P.* Xoïs // LÄ. Bd. VI. 1986. Sp. 1303—1304.

Vernus P. Ménès, Achnoès, l'hippopotame et le crocodile. Lecture structurale de l'historiographie égyptienne // Religion und Philosophie im Alten Ägypten. Festgabe für Philippe Derchain zu seinem 65. Geburtstag am 24. Juli 1991 / Hrsg. U. Verhoeven und E. Graefe, Leuven: Peeters, 1991. (Orientalia Lovaniensia Analecta; 39). P. 331—340.

Virenque H. Les quatre naos de Saft el-Henneh: un rampart théologique construit par Néctanebo Ier dans le Delta orientale // Egypte, Afrique et Orient. 2006. T. 42. P. 19—28.

Vittmann G. Das demotische Graffito vom Satetempel auf Elephantine // MDAIK. 1997. Bd. 53. S. 263—281.

Vittmann G. Der demotische Papyrus Rylands 9. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998. Teil 2: Kommentare und Indizes. VI, 233-777 p. (Ägypten und Altes Testament, 38/2).

Vittmann G. Altägyptische Wegmetaphorik. Wien: Afro-Pub, 1999. (Veröffentlichungen der Institute für Afrikanistik und Ägyptologie der Universität Wien; 83; Beiträge zur Ägyptologie; 15). 189 S.

Vittmann G. Ägypten und die Fremden im ersten vorchristlichen Jahrtausend. Mainz: Zabern, 2003. X, 322 S.

Vittmann G. Die prosopographischen Quellen zum ptolemäischen Tempelpersonal aus philologischer Sicht // BASP. 2010. Vol. 47. P. 255—266.

Vittmann G. Ägypten zur Zeit der Perserherrschaft // Herodot und das Persische Weltreich = Herodotus and the Persian Empire: Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema „Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen“, Innsbruck, 24.—28. November 2008 / Hrsg. R. Rollinger. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011 (Classica et orientalia; 3). S. 373—429.

Vittmann G. (1) Personal Names: Function and Significance// UCLA Encyclopedia of Egyptology. Los Angeles, 2013. P. 1—13.

URL: <http://digital2.library.ucla.edu/viewItem.do?ark=21198/zz002dwqr7> (дата обращения: 30.07.2017).

Vittmann G. (2) Personal Names: Structures and Patterns // UCLA Encyclopedia of Egyptology. Los Angeles, 2013. P. 1—13.

URL: <http://digital2.library.ucla.edu/viewItem.do?ark=21198/zz002dwqsr> (дата обращения: 30.07.2017).

Vleeming S. Maße und Gewichte // LÄ. Bd. III. 1980. Sp. 1199—1214.

Vleeming S.P. Some Coins of Artaxerxes and Other Short Texts in the Demotic Script Found on Various Objects and Gathered From Many Publications. Leuven - Paris - Sterling, Virginia: Peeters. Leuven: Peeters, 2001. XXXVIII, 340 p., 8 pl.: ill. (Studia demotica; 5).

Vogt J. Kleomenes aus Naukratis - Herr von Ägypten // Chiron. 1971. Bd. 1. S. 153—157.

- Voss H. van.* Alexander und die ägyptische Religion. Einige ägyptologische Bemerkungen // Alexander the Great: Reality and Myth / Ed. J. Carlsen. Roma: L'Erma di Bretschneider, 1993 (Analecta Romana Instituti Danici. Supplementum; 20). P. 71—73.
- Wachsmuth C.* Ein Dekret des aegyptischen Satrapen Ptolemaios. I // RhM. 1871. Bd. 26. S. 463—472.
- Wachsmuth K.* Einleitung in das Studium der Alten Geschichte. Leipzig: Hirzel, 1895. VI, 717 S.
- Wagner G., Rondot V.* Une dedicace au roi Ptolemée de la part d'un Aléxandrin // ZPE. 1994. Bd. 103. P. 205—252.
- Walbank F.W.* Monarchies and Monarchic Ideas // CAH². Vol. VII.1: The Hellenistic World. 1984. P. 62—100.
- Wehrli F.* Die Schule des Aristoteles. 1. Dikaiarchos. 2. Aufl. Basel; Stuttgart: Schwabe, 1967. 80 S.
- Wellauer Au.* Apollonii Rhodii Argonautica. Leipzig: Teubner, 1828. Vol. 1—2.
- Welles C.B.* The Discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria // Historia. 1962. Bd. 11. P. 271—298.
- Welles C.B.* The Role of the Egyptians under the First Ptolemies // Proceedings of the Twelfth Congress of Papyrology / Ed. D.H. Samuel. Toronto: Hakkert, 1970 (American Studies in Papyrology; 7). P. 510.
- Wendel C.* Die Überlieferung der Scholien zu Apollonios von Rhodes B.: Weidmann, 1932. 124 S. (Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse, Dritte Folge; 1).
- Wendel C.* Scholia in Apollonium Rhodium vetera. B.: Weidmann, 1935. XXVIII, 402 p.
- Wheatley P.* The Year 22 Tetradrachms of Sidon and the Date of the Battle of Gaza // ZPE. 2003. Bd. 114. S. 268—276.
- Whitehorne J.* Ptolemy (1) // The Anchor Bible Dictionary / Ed. by D.N. Freedman et al. N.Y.; L.; Toronto; Sydney; Auckland: Doubleday, 1992. (CD-ROM).
- Widmer G.* Pharaoh Maâ-Rê, Pharaoh Amenemhat and Sesostris: Three Figures from Egypt's Past As Seen in Sources of the Graeco-Roman Period // Seventh International Conference of Demotic Studies, Copenhagen, 23—27 August 1999 / Ed. K. Ryholt. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2002. (Carsten Niebuhr Institute Publications; 27). P. 377—393.
- Wiedemann A.* Zum Alexander-Roman // OLZ. 1900. Bd. 3. S. 286—288.
- Wilcken U.* Zur trilinguen Inschrift von Philae. Anhang: Zur Satrapenstele // ZÄS. 1897. Bd. 35. S. 83—85.
- Wilcken U.* Zu den Pseudo-Aristotelischen Oeconomica // Hermes. 1901. Bd. 36. S. 187—200.
- Wilcken U.* Urkunden der Ptolemäerzeit. Bd. 1: Papyri aus Unterägypten. Leipzig; B.: de Gruyter, 1927. VII, 676 S.

- Wildung D.* Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt. Bd. I. B.: Hessling, 1969. VIII, 263 S., 17 Tf. (Münchener ägyptologische Studien; 17).
- Wilke A.F.* Kronerben der Weisheit. Gott, König und Frommer in der didaktischen Literatur Ägyptens und Israels. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006. X, 334 S. (Forschungen zum Alten Testament, 2. Reihe; 20).
- Wilkinson T.A.H.* Early Dynastic Egypt. L.: Routledge, 1999. XVIII, 413 p.: ill., maps.
- Wilkinson T.A.H.* The Royal Annals of Ancient Egypt: The Palermo Stone and its Associated Fragments. L.; N.Y.: Kegan Paul, 2000. 287 p., 11 p. of pl.: ill.
- Will Éd.* (1) Chabrias et les finances de Tachos // RÉA. 1960. T. 62. P. 254—275.
- Will Éd.* (2) La Cyrénaïque et les partages de l'empire d'Alexandre // AC. 1960. T. 29. P. 369—390.
- Will É.* Histoire politique du monde hellénistique. Nancy: Presses universitaires de Nancy, 1979—1982. T. 1—2.
- Wilson J.A.* The Oath in Ancient Egypt // JNES. 1948. Vol. 7. P. 129—156.
- Wilson K.A.* The Campaign of Pharaoh Shoshenq into Palestine. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. (Forschungen zum Alten Testament. 2. Reihe; 9). VIII, 151 p.
- Wilson P.* A Ptolemaic Lexicon: A Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu. Leuven: Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 1997. XLIII, 1300 p., map, plans (Orientalia lovanensia analecta; 78).
- Windus-Staginsky E.* Einige Bemerkungen zu *njswt* und *hm* im Alten Reich // Begegnungen – Antike Kulturen im Niltal. Festgabe für Erika Endesfelder, Karl-Heinz Priese, Walter Hermann Reineke, Steffen Wenig von Schülern und Mitarbeitern / Hrsg. C.-B. Arnst, I. Hafemann, A. Lohwasser. Leipzig: Wodtke und Stegbauer, 2001. S. 461—472.
- Winiarczyk M.* Euhemeros von Messene: Leben, Werk und Nachwirkung. München; Leipzig: Saur, 2002. X, 235 S. (Beiträge zum Altertumskunde; 157).
- Winnicki J. K.* Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. in Syrien in den Jahren 312—311 v. Chr. (I) // AS. 1989. Vol. 20. P. 55—92.
- Winnicki J. K.* Bericht von einem Feldzug des Ptolemaios Philadelphus in der Pithom-Steile // JJP. 1990. Vol. 20. P. 157—167.
- Winnicki J. K.* Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. in Syrien in den Jahren 312—311 v. Chr. (II) // AS. 1991. Vol. 22. P. 169—171.
- Winnicki J.K.* Carrying Off and Bringing Home the Statues of the Gods: On the Aspect of the Religious Policy of the Ptolemies Towards the Egyptians // JJP. 1994. Vol. 24. P. 149—190.
- Winter E.* Weitere Beobachtungen zur “grammaire du temple” in der griechisch-römischen Zeit // Tempel und Kult / Hrsg. von W. Helck. Wiesbaden: Harrassowitz, 1987 (Ägyptologische Abhandlungen, 46). S. 61—76.

- Winter E.* Alexander der Grosse als Pharaon in ägyptischen Tempeln // Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städtliches Kunstinstitut und Städtliche Galerie 26. November 2005 – 26. Februar 2006. Frankfurt a.M.: Städel, 2005. S. 204—215.
- Wiseman D.J.* Chronicles of Chaldean Kings, 626—556 B.C., in the British Museum. L.: British Museum, 1956. XII, 99 p.: ill.
- Wit C. de.* Inscriptions dédicatoires du temple d'Édfou // CdÉ. 1961. T. 71. P. 56—97, 277—320.
- Woodhead A.G.* The Study of Greek Inscriptions. Norman (Oklahoma); L.: University of Oklahoma Press, 1992. 150 p. (Oklahoma Series in Classical Culture, 16).
- Wreszinsky W.* Ägyptische Inschriften aus dem k. k. Hofmuseum in Wien. Leipzig: Hinrichs, 1906. VI, 215 S.: 5 Taf.
- Yoyotte J.* Les principautés du Delta au temps de l'anarchie libyenne (Études d'histoire politique) // Mélanges Maspero I. Orient ancien. 4e fascicule. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1961 (Mémoires de l'Institut Français d'Archéologie Orientale; 66). P. 121—181, pls. I—III.
- Yoyotte J.* L'Égypte ancienne et les origines de l'antijudaïsme (communication dans la Société Ernest Renan, séance du 24 novembre 1962) // RHR. 1963. T. 163. P. 133—143.
- Yoyotte J.* Bakhthis: religion égyptienne et culture grecque à Edfou // Religions en Égypte hellénistique et romaine, colloque de Strasbourg, 16—18 mai 1967. Organisé par le Centre de recherches d'histoire des religions. P.: Presses universitaires de France, 1969. P. 127—141.
- Yoyotte J.* Les inscriptions de Darius découvertes à Suse // CDAFI. 1974. T. 4. P. 181—183.
- Yoyotte J.* Une notice biographique du roi Osiris // BIFAO. 1977. T. 77. P. 145—149.
- Yoyotte J.* Le nom égyptien du “ministre de l'économie” de Saïs à Méroé // CRAIBL. 1989. 133e année. P. 73—90.
- Zabkar L.* A Study of the Ba Concept in Ancient Egyptian Texts Chicago: University of Chicago, 1968. XIV, 163 p., 6 pl. (Studies in Ancient Oriental Civilization; 34).
- Zadorojnyi A.* Shuffling Surfaces: Epigraphy, Power, and Integrity in the Graeco-Roman Narratives // Inscriptions and their Uses in Greek and Latin Literature / Ed. P. Liddel, P. Low. Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. P. 365—387.
- Zambrini A.* The Historians of Alexander the Great // A Companion to Greek and Roman Historiography / Ed. J. Marincola. Vol. I. Malden; Oxford; Carlton: Wiley-Blackwell, 2007. P. 210—220.
- Zauzich K.-Th.* Lesonis // LÄ. Bd. III. 1980. S. 1008—1009.
- Zauzich K.-Th.* Das Lamm des Bokchoris // Papyrus Erzherzog Rainer (P. Rainer Cent.): Festschrift zum 100-jährigen Bestehen der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek. Wien: Hollinek, 1983. S. 165—174, 5. Taf.

- Zawadski S.* The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopalassar Chronicle. Poznań: Adam Mickiewicz University Press; Delft: Eburon, 1988. 176 p.
- Zibelius K.* Afrikanische Orts- und Völkernamen in hieroglyphischen und hieratischen Texten. Wiesbaden: Reichert, 1972. XXII, 204 S., 1 Abb. (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B: Geisteswissenschaften; 1).
- Zibelius K.* Tempelgründung // LÄ. Bd. VI. 1982. Sp. 385—386
- Zibelius-Chen K.* Kategorien und Rolle des Traumes in Ägypten // SAK. 1988. Bd. 15. S. 277—293.
- Zibelius-Chen K.* Ist “der Schakal” der Feind des Nastasen? Ein Problem der napatanschen Geschichte // SAK. 2006. Bd. 35. S. 367—373.
- Zivie A.* Hermopolis et le nome de l’Ibis: Recherche sur la province du Dieu Thot en Basse Égypte. T. I: Introduction et inventaire chronologique des sources. Le Caire: Institut français d’archéologie orientale du Caire, 1975. XX, 262 p. (Bibliothèque d’études; 66/1).
- Zivie-Coche C.* Une statue de Pikhaâs, compagnon de Panemerit: Caire JE 67093 // Tanis. Travaux récents sur le tell Sâ el-Hagar. 2: 1997—2000. P.: Noësis, 2000. P. 441—482.
- Zivie-Coche C.* Statues et autobiographies de dignitaires. Tanis à l’époque ptolémaïque. P.: Cybèle, 2004. 356 p. (Travaux récents sur le tell Sâ el-Hagar; 3).
- Zoepffel R.* Aristoteles Werke in deutscher Übersetzung. 10/2: Oikonomika: Schriften zu Hauswirtschaft und Finanzwesen / Übers. und erl. R. Zoepffel. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006. 702 S.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

К главе 1:

Рисунок 1.1: Стела Па-ди-Усир-па-Ра из Фаюма (Berlin ÄS 7493; по: [Ray, 1988, p. 265, fig. 22]).

Рисунок 1.2: «Сокол-Нектанеб» из Гелиополя (Музей Метрополитен, Нью-Йорк, 34.2.1; по: God Horus Protecting King Nectanebo II (URL: <http://www.metmuseum.org/art/collection/search/544887>; дата обращения: 30.04.2017).

К главе 2:

Рисунок 2.1: Граффито Анхпахереда на северо-восточной внешней стене двора Аменхотепа III в Луксорском храме (иероглифическая транскрипция по: [Jansen-Winkel, 2013, Taf. II]).

Рисунок 2.2: Фрагмент граффито Анхпахереда с указанием ширины восстановленного им сооружением (фотография; по: [Jansen-Winkel, 2013, Taf. III], увеличение).

Рисунок 2.3: Святилище барки в Луксоре, восстановленное при Александре Великом: план, продольный разрез (по: [Abd-el-Razig, 1984, Taf. I, III]).

Рисунок 2.4: Фасад пронаоса храма бога Тота в Гермополе. Зарисовка Дж. Г. Уилкинсона (Оксфорд, Bodleian Library). В центре нижней композиции с вертикальным расположением элементов — Хорово имя Александра *ḥqꜣ qn* («Правитель храбрый»; по: [Winter, 2005, S. 209, Abb. 2]).

Рисунок 2.5: Сцена из помещения храма Ахмену в Карнаке, восстановленного при Александре Великом: западная стена, верхний регистр (по: [Schäfer, 2007, Taf. 2, Abb. 3]).

Рисунок 2.6: Сцена из святилища барки в Луксоре, восстановленного при Александре Великом: восточная стена, внешняя сторона, нижний регистр (по: [Abd el-Razig, 1984, Taf. 4, Abb. 'b'])).

Рисунок 2.7: Коронационный ритуал Филиппа Арридея в оформлении «гранитного святилища»: южная стена, внешняя сторона, верхний регистр (по: [Gardiner, 1950, pl. II]).

Рисунок 2.8: Статуя «анонима из Баклии» (Национальный музей Карфагена, Тунис, 883.1): фас (по: [Drioton, 1960-1961, pl. I]).

Рисунок 2.9: Статуя «анонима из Баклии» (Национальный музей Карфагена, Тунис, 883.1): биографическая надпись [Drioton, 1960-1961, pl. , III]).

К главе 3:

Рисунок 3.1: Фрагмент клепсидры начала македонского времени из Государственного Эрмитажа (ДВ 2507а; фотография из фотоархива ГЭ любезно предоставлена А.О. Большаковым).

Рисунок 3.2: План «гранитного святилища» Филиппа Арридея (по: [Bothmer, 1952, p. 19, fig. 1].

Рисунок 3.3: Гробница Петосириса в Туна эль-Гебель: внешний вид (по: <http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/38/TunaGebelPetTomb.jpg>).

Рисунок 3.4: План гробницы Петосириса с указанием расположения надписей (по: [Lefebvre, 1923-1924, t. 2, plan]).

Рисунок 3.5: Гробница Петосириса в Туна эль-Гебель: внутренний вид часовни (по: <http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/96/TunaGebelPetSanctuary.jpg>).

Рисунок 3.6: Сцены почитания Петосириса и Ренепетнофрет дочерьми. Пронаос, южная стена справа от входа в часовню (по: [Lefebvre, 1923-1924, t. 3, pl. XVI]).

Рисунок 3.7: Процессия носителей даров. Часовня, восточная стена, основание (фрагмент) (по: [Lefebvre, 1923-1924, t. 3, pl. XXXV]).

Рисунок 3.8: Жертвоприношение быка. Пронаос, южная стена, основание (фрагмент) [Lefebvre, 1923-1924, t. 3, pl. XXII].

Рисунок 3.9: Погребальная процессия Сишу, принесение ему заупокойной жертвы и очищение его мумии. Часовня, восточная стена (по: [Lefebvre, 1923-1924, t. 3, pl. XXVIII]).

Рисунок 3.10: Предстояние Дждетотефанха перед богами. Часовня, западная стена (по: [Lefebvre, 1923-1924, t. 3, pl. XXXIX]).

Рисунок 3.11: Предстояние Сишу и Дждетотефанха перед Осирисом. Воскресение Осириса. Южная стена часовни (по: [Lefebvre, 1923-1924, t. 3, pl. LI]).

Рисунок 3.12: Сцены полевых работ. Пронаос, восточная стена [Lefebvre, 1923-1924, t. 3, pl. XIII].

Рисунок 3.13: Сцены ремесленных работ. Пронаос, северная стена (по: [Lefebvre, 1923-1924, t. 3, pl. VIII]).

Рисунок 3.14: Эстампаж фрагмента автобиографической надписи Уннефера из его гробницы в Саккара (по: [Kaenel, 1980, p. 43, fig. 6]).

Рисунок 3.15: Статуэтка старшего сына Нектанеба II: фронтальный вид (по: [Carpentier, 1947, p. 273, fig. 1]).

Рисунок 3.16: Статуэтка старшего сына Нектанеба II: задняя поверхность опорного столба (по: [Clère, 1951, pl. 1A]).

Рисунок 3.17: Статуэтка старшего сына Нектанеба II: левая боковая поверхность опорного столба(по: [Clère, 1951, pl. 1B]).

К главе 4:

Рисунок 4.1: Статуя человека, в одежде которого присутствуют иранские черты (Бруклинский музей, 71.139) [Egyptian Man..., 2017]

Рисунок 4.2: Стела Bucheum 2 (BM 1697+1719; по: [Mond, Myers, Fairman, 1934, vol. 3, pl. XXXVII (2)]).

Рисунок 4.3: «Алтарь» из храма Амона в оазисе Бахария (по: [Bosch-Puche, 2008, p. 42, fig. 4; иероглифический текст – на лицевой грани, на рисунке - слева; древнегреческий текст – на левой боковой грани, на рисунке - справа).

Рисунок 4.4: Древнеегипетская иероглифическая надпись на лицевой грани «алтаря» из храма Амона в оазисе Бахария (прорисовка; по: [Bosch-Puche, 2008, p. 35]).

Рисунок 4.5: Древнегреческая надпись на левой боковой грани «алтаря» из храма Амона в оазисе Бахария (прорисовка; по: [Bosch-Puche, 2008, p. 38]).

К главе 5:

Рисунок 5.1: Тетрадрахмы сатрапа Птолемея 310-х гг. до н.э. с изображением Александра в слоновьем скальпе и с «рогами Аммона» (по: [Dahmen, 2007, pl. 8]).

К Приложению:

Рисунок Прил. 1: «Стела сатрапа»: общий вид (по: [Colburn, 2015, p. 174, fig. 2]).

Рисунок Прил. 2: «Стела сатрапа»: навершие (по: [Colburn, 2015, p. 174, fig. 2]).

Рисунок Прил. 3: «Стела сатрапа»: историческая часть (сткк. 1-6; по: [Colburn, 2015, p. 174, fig. 2])).

Рисунок Прил. 4: «Стела сатрапа»: история «Земли Уаджит» и распоряжение о ней сатрапа Птолемея (сткк. 7-18; по: [Colburn, 2015, p. 174, fig. 2]).

СПИСОК ТАБЛИЦ

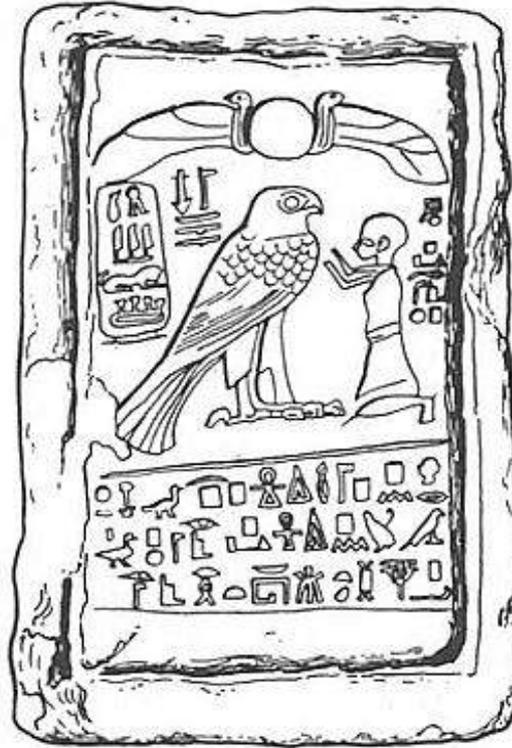
Том 1

<i>Таблица 1.1.</i> Цари XVIII династии Манефона.....	с. 184—187
<i>Таблица 1.2.</i> Цари XIX династии Манефона.....	с. 188—189
<i>Таблица 2.1.</i> Хорово имя Александра Великого.....	с. 212—213
<i>Таблица 2.2.</i> Хоровы имена, имя Обоих Владычиц и имя Хора Златого Филиппа Арридея.....	с. 227—228
<i>Таблица 2.3.</i> Варианты Хорова имени, имени Обоих Владычиц и имени Хора Златого Александра (IV).....	с. 229
<i>Таблица 2.4.</i> Памятники храмового строительства в Египте царствований Александра Великого, Филиппа Арридея и Александра (IV).....	с. 245—251

Том 2

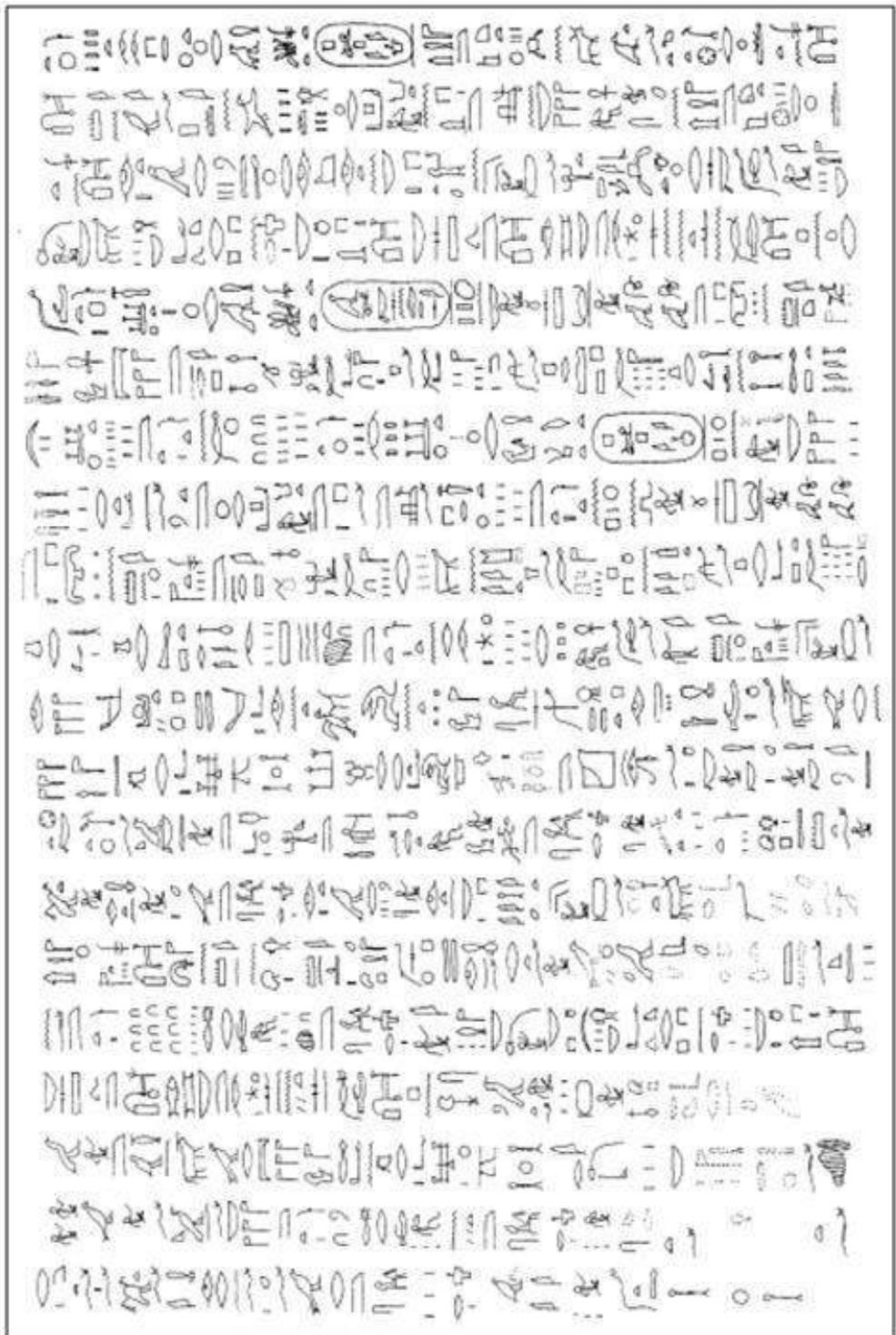
<i>Таблица 5.1.</i> Продолжительность династий третьего томаса Манефона, согласно изводам Евсевия и Африкана.....	с. 31—32
<i>Таблица 6.1.</i> Схолии к IV книге «Аргонавтики» Аполлония Родосского (272-277) по codex Laurentianus XXXII.9 (L) и codex Parisinus 2727 (P).....	с. 72—79
<i>Таблица 6.2.</i> Античная традиция о древнем египетском царе – завоевателе и устройтеле и воздействие на нее египетской традиции.....	с. 159—160
<i>Таблица Прил. 1:</i> Соответствия хоронимов, обозначающих страны Восточного Средиземноморья в трехязычных декретах III в. до н.э.....	с. 317

ИЛЛЮСТРАЦИИ

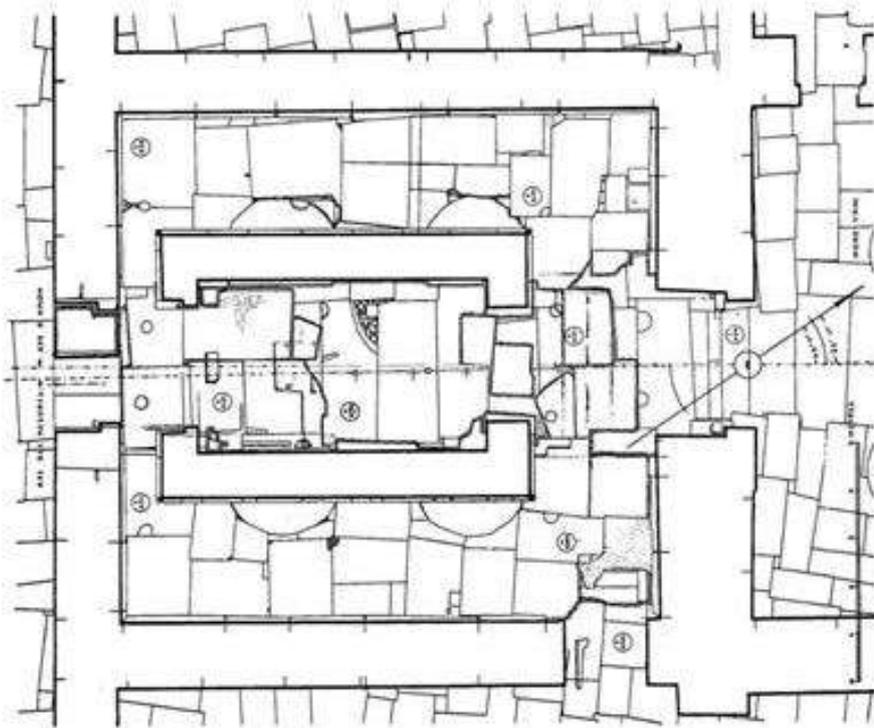
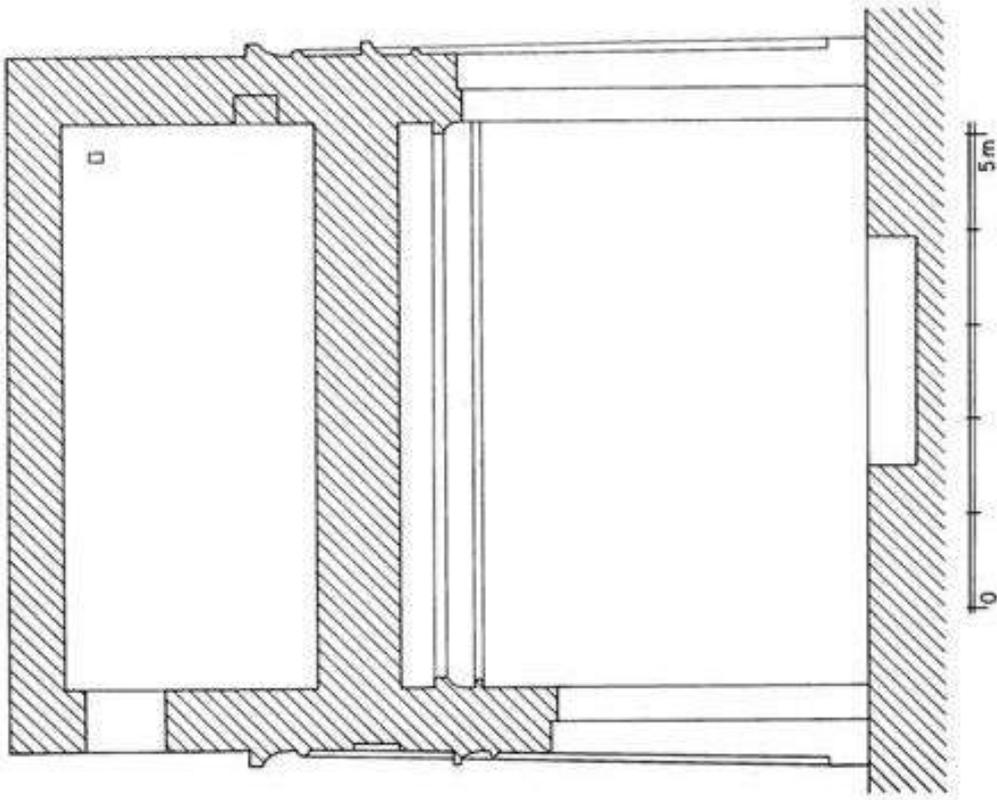
*Илл. 1.1.:**Илл. 1.2.:*

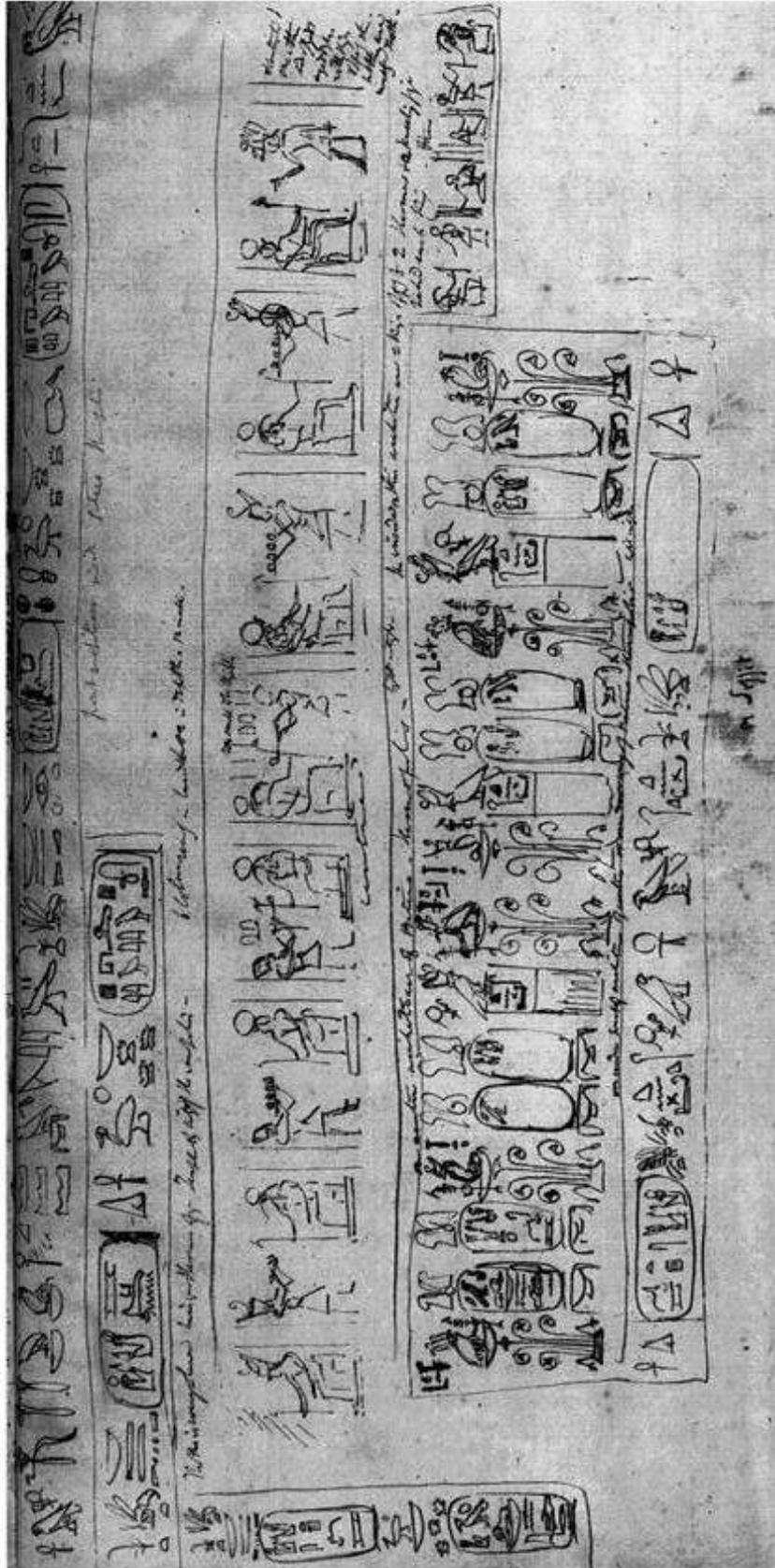
Илл. 2.2.

Илл. 2.1.

Илл. 2.3.

Илл. 2.4.

Илл. 2.5.:

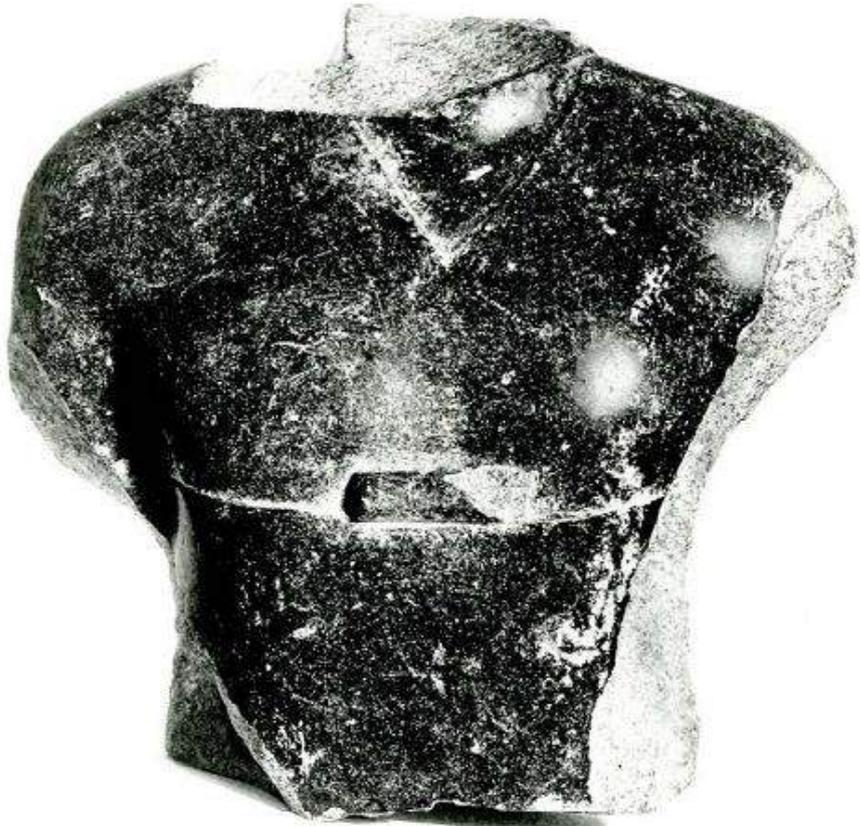

Илл. 2.6.:

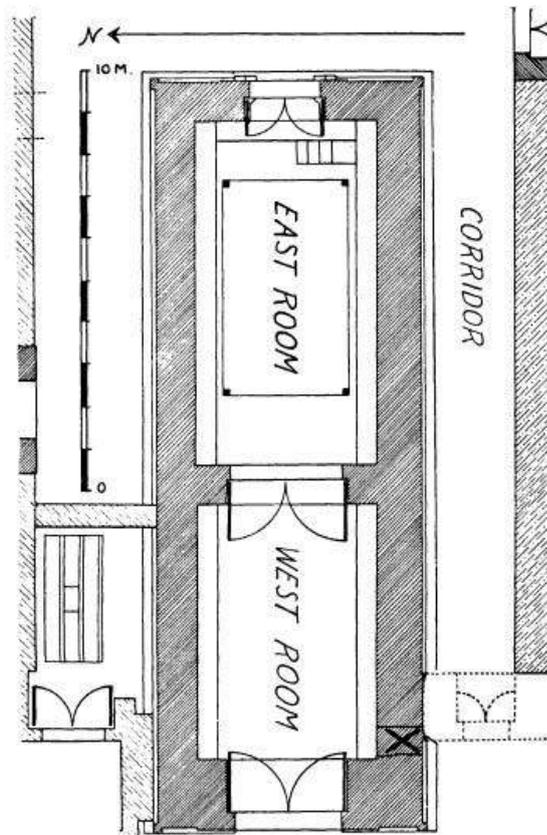

Илл. 2.7.:

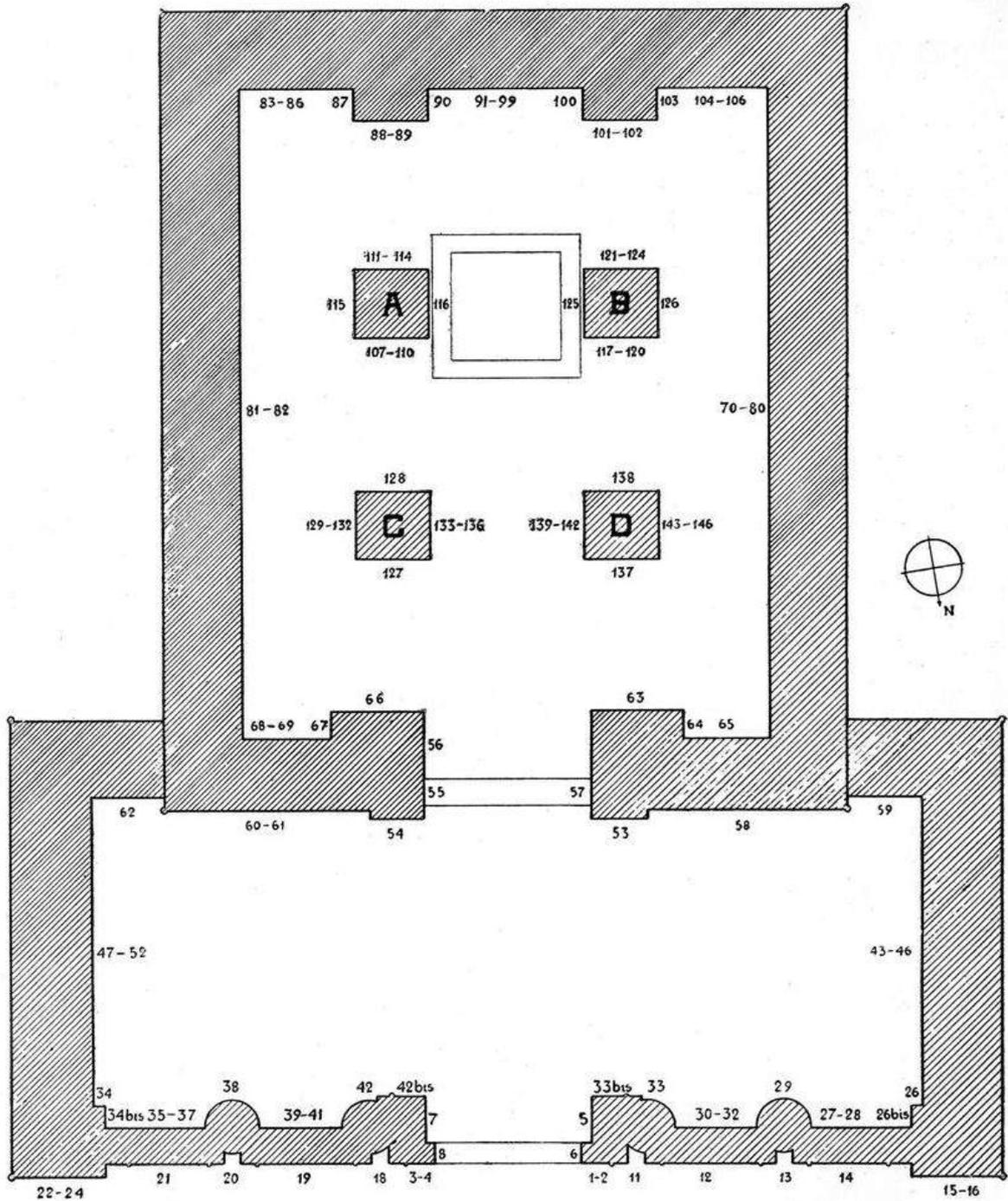

*Илл. 2.8.:**Илл. 2.9.:*

Илл. 3.1.:

*Илл. 3.2.:**Илл. 3.3.:*

Илл. 3.4.:

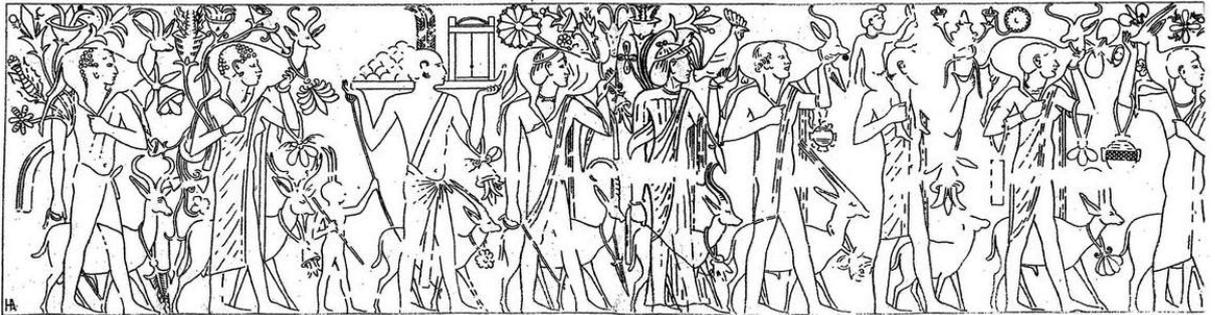

Илл. 3.5.:

Илл. 3.6.:

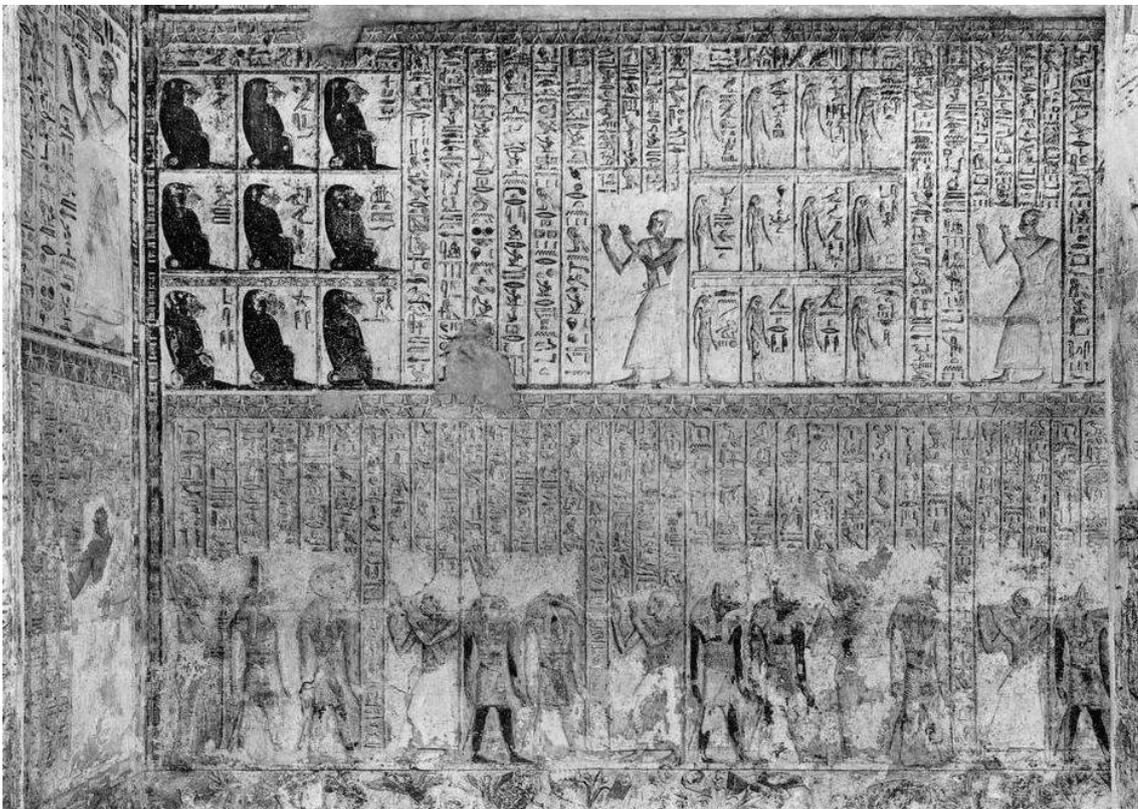

Илл. 3.7.:

Илл. 3.8.:

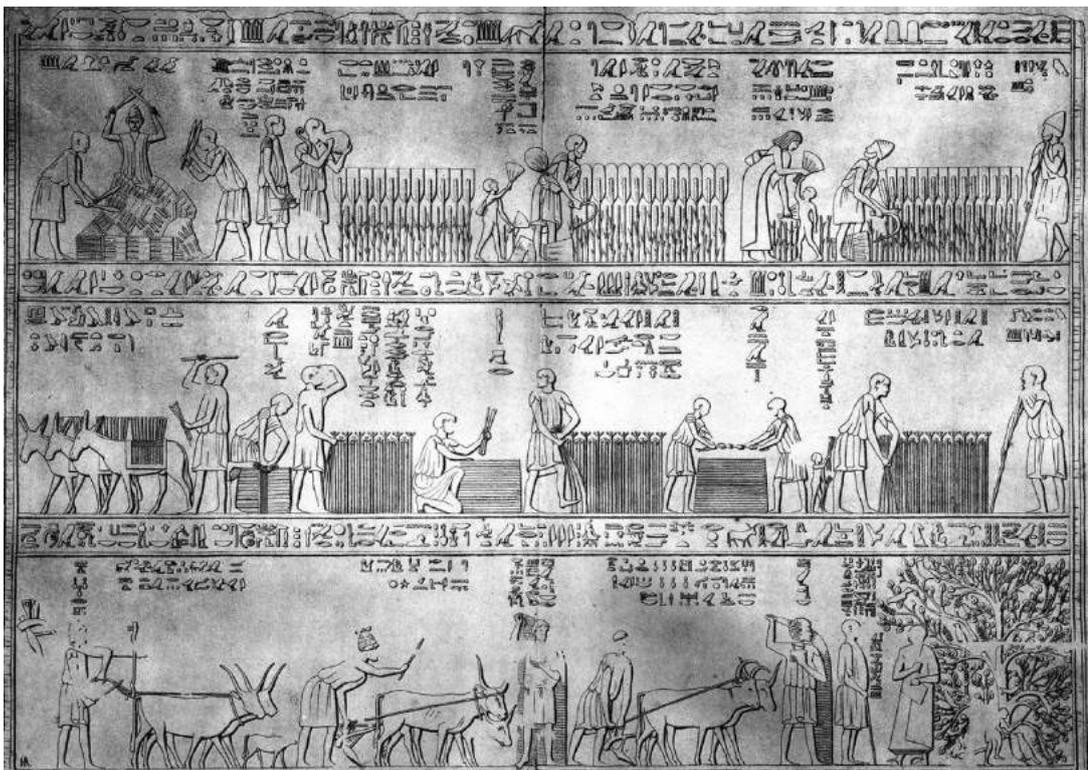

*Илл. 3.9.:**Илл. 3.10.:*

Илл. 3.11.:

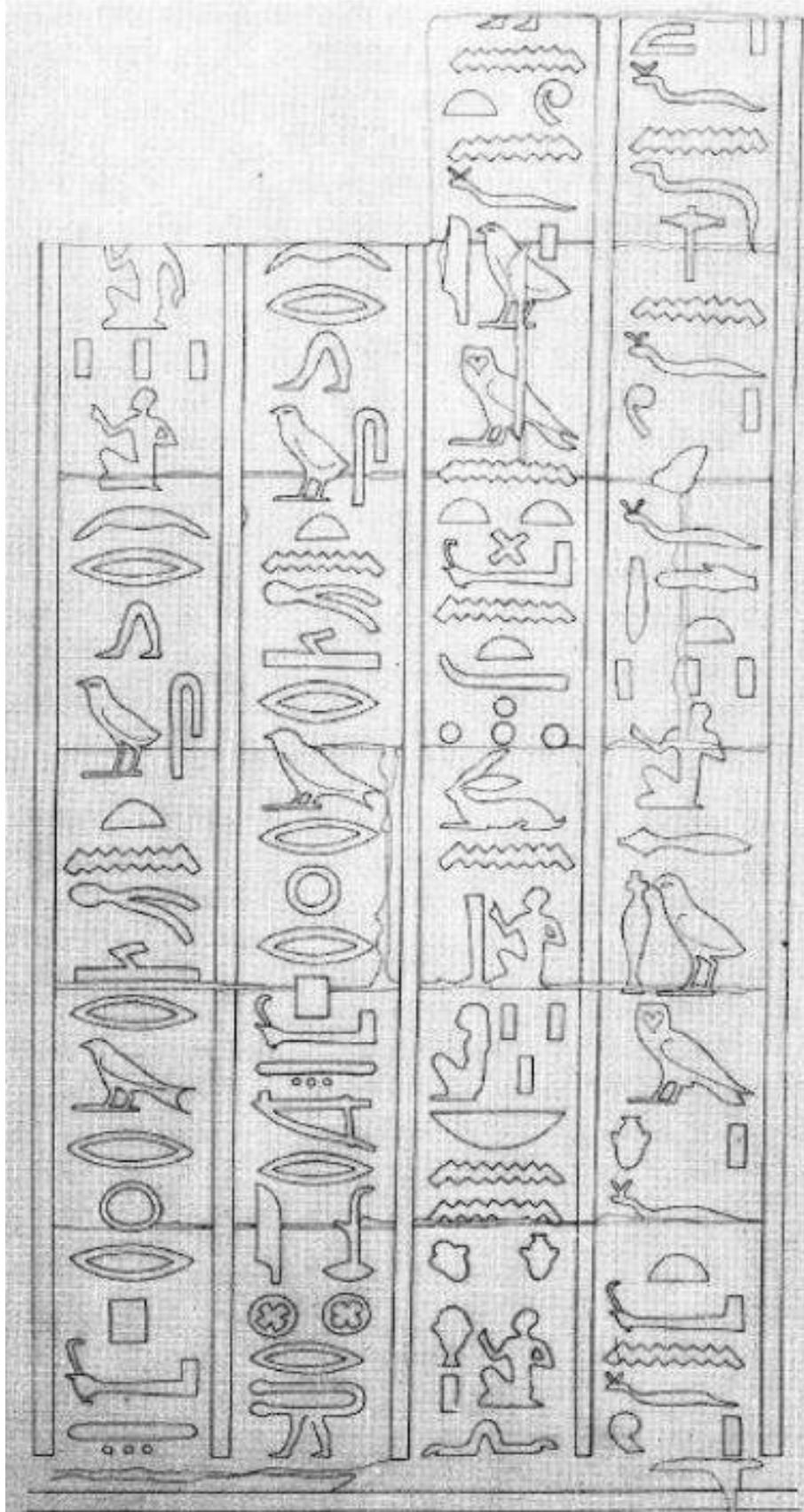
Илл. 3.12.:

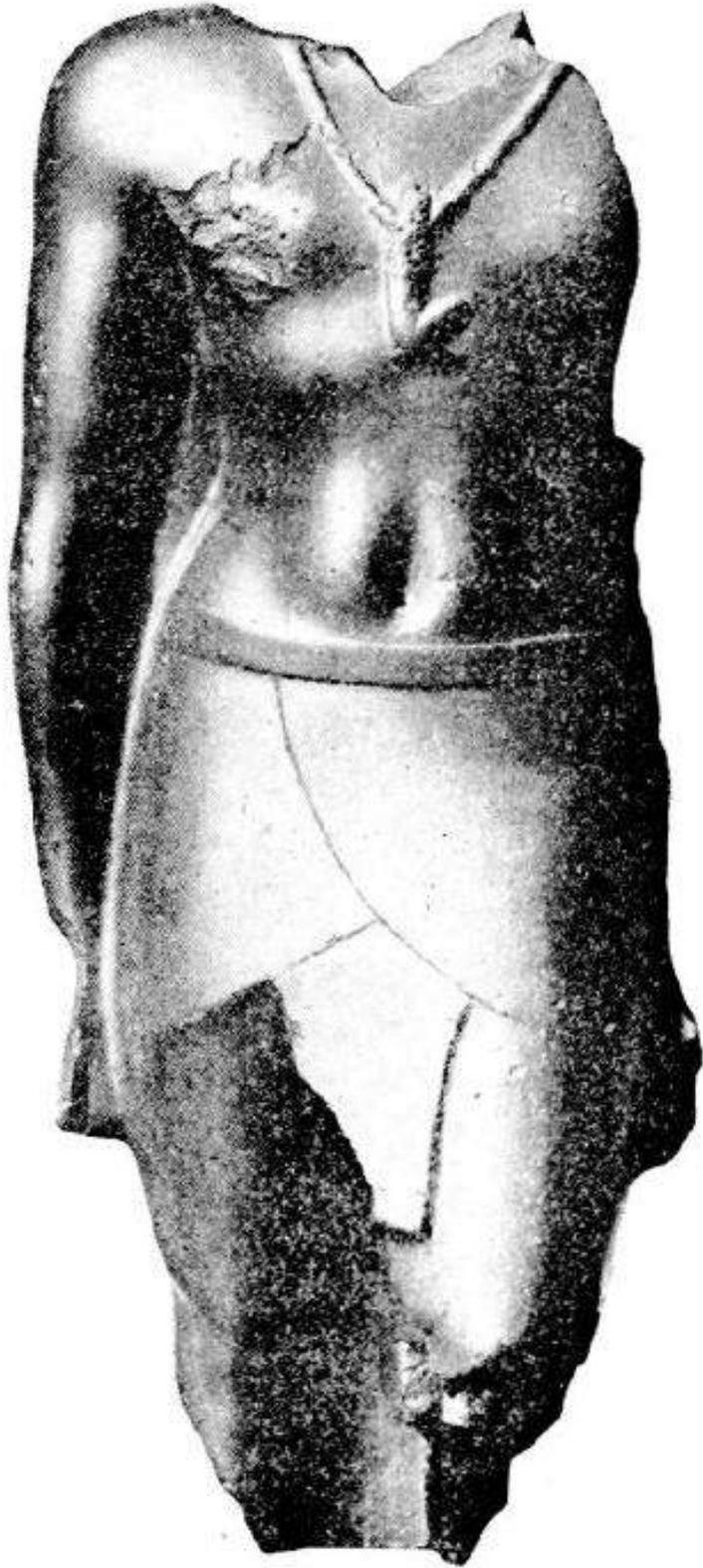

Илл. 3.13.:

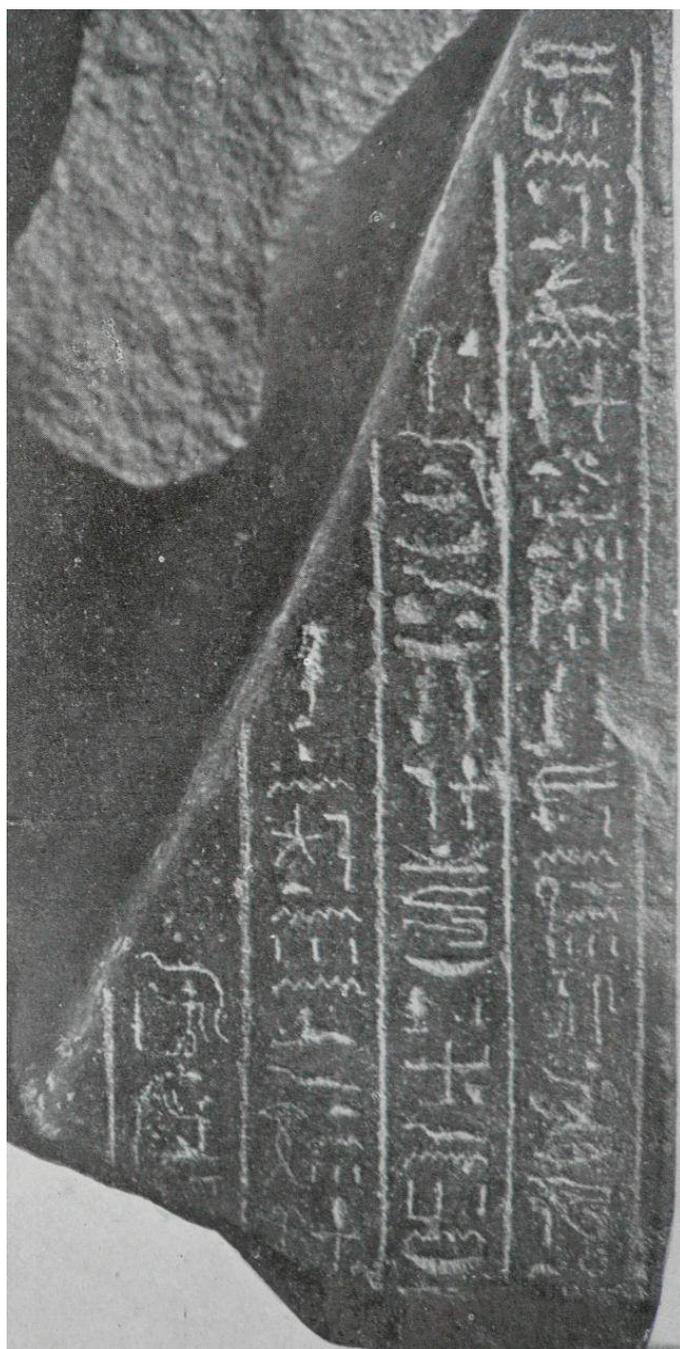

Илл. 3.14.:

Илл. 3.15.:

Илл. 3.16.:

Илл. 3.17.:

Илл. 4.1.:

Илл. 4.2.:

Илл. 4.3.:

Илл. 4.5.:

Илл. 5.1.:

Илл. Прил. 1.

Иса. Ирус. 2.

Илл. Прил. 3.

Илл. Прил. 4

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Стела сатрапа»: перевод и комментарий

Общая характеристика «Стелы сатрапа» (*Рисунок Прил. 1*) – важнейшего памятника официальной пропаганды и наиболее пространный египетский иероглифический нарратив начала македонского времени – была дана нами выше (см. главу 2, § 2.4.1). При подготовке настоящего перевода нами использовались иероглифическая транскрипция текста «Стелы сатрапа» К. Зете (Urk. II. 11—22), его подробная прорисовка в исследовании Д. Шефер [Schäfer, 2011], а также фотографии, предоставленные нам в 1999 г. профессором Э. Винтером (Трирский университет; этими же фотографиями пользовалась и Д. Шефер, приводящая их в своей публикации: [Schäfer, 2011, S. 317—320, Taf. 3—6]). Иероглифический текст воспроизводится не в условном расположении знаков, принятом К. Зете, а в оригинальном; фрагменты текста «Стелы...», приводимые непосредственно в комментариях, мы для удобства располагаем в ориентации слева направо. Нами были учтены все основные полные [Brugsch, 1871; Roeder, 1959, S. 100—106; Kaplony-Heckel, 1982, S. 614—619; Bresciani, 1990, p. 638—641; Lodomez, 2003, S. 434—447 (в изложении Д. Шефер); Ritner, 2003] и частичные [Spalinger, 1979; Goedicke, 1985] переводы текста. Разумеется, важную роль в нашей работе сыграло единственное и чрезвычайно подробное монографическое исследование «Стелы сатрапа» Д. Шефер, которое мы уже упомянули. Вместе с тем наши комментарии покажут, что по очень многим вопросам, связанным с этим памятником, мы придерживаемся существенно иной позиции, чем наша немецкая коллега.

I. Надписи на вершиях стелы (*Рисунок Прил. 2*).**I.1. Верхняя часть наверх.**

Изображение крылатого солнечного диска с двумя уреями, на каждом из которых висят знаки ζnh и $w3s$.

I.1.a. Надписи при обоих уреях.

1 стк., слева – с ориентацией знаков слева направо, справа – справа налево (Urk. II. 11.11).

W3dyt P(y)t-Dp(y)t

Уаджит^а /города/ Пе-Деп^б.

а. Уаджит (*W3dyt* – букв. «зеленая», с соответствии с цветом кожи кобры) – богиня в образе змеи, атрибутом которой является красная нижнеегипетская корона. С I династии олицетворение урея и одна из богинь, фигурирующих в царском титуле Обеих Владычиц (вторая богиня – Нехбет, связанная с белой верхнеегипетской короной и олицетворяющая платок, который закрывал затылок царя). С эпохи Нового царства рассматривается также как мать младенца-Хора; в Позднее время – его кормилица в папирусных зарослях Хеммиса. Пе-Деп, или Буто, – древнейший и главный центр ее почитания (см. следующий комм. «б»). См. о богине Уаджит: [Vandier, 1967; Fischer-Elfert, 1982; Beckerath, 1999, S. 11]. В данном случае Уаджит персонифицирует оба урея крылатого солнечного диска, изображенного в навершии стелы. Д. Шефер замечает, что в других случаях один из таких уреев отождествляется с Уаджит, а другой – с парной ей богиней Нехбет; по всей вероятности, отождествление на «Стеле сатрапа» обоих уреев с Уаджит связано с происхождением памятника из Буто [Schäfer, 2011, S. 45—46]. Богиня Уаджит оказывается одним из главных мифологических образов, фигурирующих в «Стеле сатрапа»: ей приносится жертва в сцене правой стороны навершия памятника (см. ниже, I.3); с ней связано название земельного участка («Земля Уаджит»), доходы с которого, согласно тексту «Стелы...», были отняты у храмов Буто Артаксерксом III (см. ниже, III.1.а, III.1.б, Экскурс 2), а затем вновь закреплены за ними царем Хаббашем (III.1.в) и сатрапом Птолемеем, III.2); она упоминается как получательница дохода с этого участка в указе Птолемея (стк. 16, Urk. II. 20.15); она является источником возмездия для тех, кто, вопреки этому указу, посмеет захватить этот участок в дальнейшем (стк. 18, Urk. II. 21.17).

б. Относительное прилагательное от названия города *P-Dp* (см. данный эпитет: LÄGG. III.2). В написании закономерно пропущены полусогласные. Начальный знак слова *P(y)t* GG(SL) Q₃ (𓆎 - *p*) размещен, вопреки правильному порядку чтения и, вероятно, из необходимости расположить его в один ряд с двумя другими такими же знаками под начальным знаком слова *Dp(y)t* GG(SL) D₄₆ (𓆏 - *d*). Очевидно, три знака 𓆎 следует воспринять как две пары этих знаков: одну, состоящую из двух знаков слева, и одну – из двух знаков справа, так

что центральный из этих знаков входит в обе пары. По-видимому, каждая из этих пар знаков, в соответствии с правилами чтения таких удвоений (их уподобления форме дв.ч.: [Gardiner, 1957, p. 62, § 79]), должна передавать сочетание согласного и полусогласного *py*: соответственно, первая пара должна относиться к написанию слова *Pyt*, вторая – *Dpyt*. То, что речь идет именно о написаниях двух слов, поясняется удвоением детерминатива GG(SL) O₄₉ (⊗). Знак GG(SL) X₁ (⊃ - *t*) – окончание ж.р., относящееся либо к слову *Pyt*, либо одновременно и к нему и к слову *Dpyt*.

P-Dp – древнее обозначение Буто (Βούτω < *Pr-Wzdyt*, «Дом Уаджит» – более позднее название этого же города; еще одно его древнее название – *Db^cwt*; совр. Телль эль-Фараин). Важнейший, очевидно, еще с додинастического времени культовый центр, находившийся на территории VI нижеегипетского нома (север западноцентральной части Дельты Нила). «Двойное» название этого города показывает, что он состоял из двух частей, восходивших к самостоятельным поселениям [Montet, 1957, t. 1, p. 91; Altenmüller, 1975 (1)].

I.1.б. Надписи, относящиеся к крылатому солнечному диску вверху наверх.

По обе стороны от свисающих с уреев знаков *ḥnh* и *w3s*, слева – с ориентацией знаков слева направо, справа – справа налево (Urk. II. 11.10):

Bḥdt(y) ntr ḥ3 nb pt s3b šw(ty) di ḥnh

/Хор/ Бехдет(ский)^а, бог великий^б, владыка неба^в, пестрый перьями^г, наделенный жизнью.

а. Хор Бехдетский [Gardiner, 1943—1945; Yoyotte, 1969; Shonkwiler, 2014] – божество крылатого солнечного диска, персонифицирующее небо с находящимся на нем солнцем; оба его крыла символизируют Верхний и Нижний Египет, с чем связано обычное появление при его уреях эпитетов богинь этих частей страны Нехбет и Уаджит [Sethe, 1930, S. 129—131 (§ 156—159); Schäfer, 2011, S. 47, Komm. ‘с’] (см. I.1.а, комм. «а»). Присутствие изображения крылатого солнечного диска – Хора Бехдетского – в оформлении верхней части изобразительных композиций достаточно стандартно.

б. Эпитет солнечного бога как сакрального существа, иерархически высшего по отношению к подобному ему по своей природе царю – «богу прекрасному» (см. главу 1, § 1.1.1); см. в целом об употреблении данного эпитета: LÄGG. IV. 396—399.

в. Обозначение Хора Бехдетского и ряда других божеств, имеющих солярный аспект и, соответственно, пребывающих на небосводе и движущихся по нему: LÄGG. III. 624—625. См. также ниже, Utk. II. 12.8, I.2.б.

г. Обозначение Хора Бехдетского и ряда других божеств, имеющих солярный аспект и так или иначе связанных с образом крылатого солнечного диска: LÄGG. IV. 146—148.

I.2. Сцена в левой части наверхия.

Царь в царском платке приносит иероглифический знак M20 (, *sht* «поле»; см. далее I.2.г, комм. «а») сокологоловому богу Хору в платке и в двойной короне, с жезлом *w3s* в протянутой вперед правой руке и со знаком *ḥnh* в опущенной левой,. Между царем и богом в нижней части сцены – столик с жертвенными дарами.

I.2.а. Титул царя, сопровождаемый благопожеланием.

Впереди и сверху фигуры царя, 5 стлб. с ориентацией знаков справа налево (Utk. II. 12.3—4):

nsw-bity (пустой картуш) | *z3 R^c* (пустой картуш) | *di ḥnh nb snby nb* | *3wt-ib nb mi* | *R^c dt*

царь Верхнего и Нижнего Египта (пустой картуш) *сын Ра* (пустой картуш)^a *наделенный жизнью всей, здоровьем всем, радостью* (букв. «широтой сердца») *всей подобно Ра, вечно.*

а. О значении пустых картушей в ритуальных сценах «Стелы сатрапа» как о проявлении нежелания ее создателей изобразить в них исполнителем ритуала формального легитимного царя Александра (IV), сына Александра Великого и Роксаны, при невозможности изобразить в

этом качестве не имевшего статуса сакрального царя сатрапа Птолемея см. подробнее главу 3, § 3.1.2, 3.1.3. См. также ниже, Urk. II. 11.13, I.3.a.

I.2.б. Эпитет бога.

Впереди и сверху фигуры бога, 2 стлб. с ориентацией знаков слева направо (Urk. II. 12.8):

Hr-nd-(i)t/.f/ nb P | ntr ʕ3 nb pt di ʕnh

Хор, мститель отца /своего/^а, владыка Пе^б, бог великий, владыка неба, наделенный жизнью.

а. Эпитет, характерный в первую очередь для различных ипостасей бога Хора, имеющего качества защитника своего отца (солнечного бога или Осириса) и мстителя за него: LÄGG. IV. 589. Повторяется в основном тексте «Стеле...» в отчетливой связи с образом Хора, сына Осириса и Исиды, представленного как бога, чтимого в Буто («владыки Пе», см. следующий комментарий; стк. 10, Urk. II. 18.1).

б. Эпитет богов, чтимых в Буто и именуемых по одной из «частей» «двойного» города Пе-Деп (помимо ипостасей Хора, также Собека: LÄGG. III. 623). В Пе-Деп с первоначальным городом Пе ассоциируется Хор, в то время как Уаджит – скорее с Деп [Fischer-Elfert, 1982, Sp. 908, Anm. 42—43, Sp. 911], хотя ее эпитеты в навершии «Стелы...» последовательно связывают ее с обеими «частями» города. Повторяется в основном тексте «Стеле...» (см. предыдущий комментарий).

I.2.в. Слова бога, обращенные к царю.

Перед эпитетом бога, 1 стлб. с ориентацией знаков слева направо (Urk. II. 12.9):

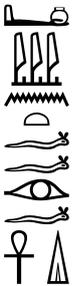
di.n/i/ n.k ḥ^c nb mi R^c

Даю /я/ тебе воссияния^a все подобно Ра.

а. О глаголе *ḥ^ci* (Wb. II. 239: «появляться, сиять») в семантической связи с появлением в начале времени солнечного бога на холме земли, возникшем из вод первобытного океана Нуна) как обозначении торжественных явлений царя, включая инаугурационные ритуалы коронации и интронизации, см.: [Redford, 1967, p. 3—27; Barta, 1980] (см. также главу 2, § 2.3.2).

1.2.г. Подпись к сцене жертвоприношения.

Под руками царя, держащего жертву; 1 стлб. с ориентацией знаков справа налево (Urk. II. 12.6):

ḥnk sḥt n (i)t.f ir.f di ʕnh

Принесение поля^a для отца его, /чтобы/ сделал он давание жизни.

а. Вручение божеству царем «поля» (иероглифического знака M20; *ḥnk sḥt*, *rdit sḥt*, *init sḥt*) – сцена, характерная со времени XXII династии для оформления памятников, фиксирующих передачу земель храмам, и, по-видимому, отсюда перешедшая в ритуальные сцены храмов Позднего времени (например: [Davies, 1953, pl. 13]; см. в целом: [Altenmüller, 1977, Sp. 149—150, Anmm. 17—19]).

І.2.д. Знаки-обереги^а.

Позади фигуры царя, первая пара знаков позади затылка, остальные позади спины, ориентация справа налево (Urk. II. 12.5).

а. Знаки с неустановленным чтением, играющие роль оберегов при изображениях царя [Jéquier, 1905, p. 170—175; Kees, 1912, S. 119—134]. Д. Шефер обращает внимание, что обычно на их месте находится формула $z3 \text{ } ^c n\dot{h} \dot{h}3.f nb mi R^c dt$ («Защита жизни позади него вся, подобно Ра, вечно») [Schäfer, 2011, S. 50, Komm. ‘e’]. См. ниже, І.3.д.

І.3. Сцена в правой части наверхшия.

Царь в царском платке приносит сосуды с жертвенными дарами богине Уаджит в антропоморфном облике и в красной короне, со знаком $w3d$ в протянутой вперед левой руке и со знаком $^c n\dot{h}$ в опущенной правой. Между царем и богиней в нижней части сцены – столик с жертвенными дарами.

І.3.а. Титул царя, сопровождаемый благопожеланием.

Впереди и сверху фигуры царя, 5 стлб. с ориентацией знаков слева направо (Urk. II. 11.13—14):

nsw-bity (пустой картуш) | *z3 R^c* (пустой картуш) | *di nḥ nb snby nb{t}* | *3wt-ib nb mi | R^c dt*

царь Верхнего и Нижнего Египта (пустой картуш) сын Ра (пустой картуш) наделенный жизнью всей, здоровьем всем, радостью (букв. «широтой сердца») всей подобно Ра, вечно.

I.3.б. Эпитет богини.

Впереди и сверху фигуры богини, 2 стлб. с ориентацией знаков справа налево (Urk. II. 11.17):

W3dyt nbt P-Dp irt R^c | nb(t) pt ḥnwt ntrw nb(w)

Уаджит, владычица Пе-Деп^а, Око Ра^б, владычица неба^в, госпожа богов^г всех

- а. Эпитет Уаджит как богини, чтимой в Буто: LÄGG IV. 48 (см. выше I.1.а, комм. «б», I.2.б, комм. «б»).
- б. Эпитет, отражающей представление об Уаджит как о действенной и разящей силе солнечного бога, связанное с ее качеством богини-урей: LÄGG I. 426—429 [Bonnet, 1952, S. 735; Fischer-Elfert, 1982, Sp. 907, Anmm. 18—19, Sp. 910]. Данное представление об Уаджит отражается далее в тексте «Стелы...» в ее эпитете «находящаяся на челе Ра-Харахте» (стк. 16, Urk. II. 20.15: *ḥr(y)t-tp n(t) R^c-Ḥr-3ḥty*; см. III.2, комм. «п») и в указании на то, что именно она с ее «огненным дыханием» (*hh*) будет источником возмездия для нарушителей указа сатрапа Птолемея о закреплении «Земли Уаджит» за храмами Буто (стк. 18, Urk. II. 21.17; см. III.4, комм. «б»).
- в. Эпитет, мотивированный, очевидно, качеством Уаджит как ока солнечного божества (см. предыдущий комментарий; LÄGG IV. 49, D(g)).
- г. Эпитет, несомненно, мотивированный первенством Уаджит среди божеств, чтимых в Буто (см. о его употреблении подробно: LÄGG III. 189—190).

I.3.в. Слова богини, обращенные к царю

Перед эпитетом богини, 1 стлб. с ориентацией знаков справа налево (Urk. II. 12.1):

di.n/i/ n.k t3w nb(wy) mi R^c

Дала /я/ тебе земли все^a подобно Ра.

а. Д. Шефер исходит из возможности понять написание как *t3wy nb(wy)* («Обе Земли все» и связывает его с частым эпитетом царя при «солнечном» имени *nb t3wy* («владыка Обеих Земель») [Schäfer, 2011, S. 52, Komm. ‘b’]. Мы уже говорили о том, что трактовки аналогичного написания в текстах на статуе Дария из Суз как «каждая из Обеих Земель» или «Обе Земли все» вызывают у нас сомнения, последняя – по ее смыслу, поскольку необходимое для данного понятия собирательно-обобщающее значение заложена в нем в самой форме *t3wy* («две, обе земли») и не требует дополнительного определения *nb* (см. главу 4, § 4.5, прим. 12). Скорее в данном случае мы имеем дело с характерным в эллинистическое время слиянием в произношении окончаний дв. и мн. ч., в связи с чем написания с детерминативами множественности, характерные для передачи мн. ч., стали употребляться для выражения дв. ч. и наоборот (см. главу 4, § 4.5, комм. «а», прим. 4). Тогда данное написание следует понять именно как форму мн. ч. *t3w nb(w)* («земли все», по полной аналогии с указанным словоупотреблением надписей статуи Дария I), и, соответственно, речь идет о власти царя надо всем миром.

I.3.г. Подпись к сцене жертвоприношения.

Под руками царя, держащего жертву, 1 стлб. с ориентацией знаков в верхней части столбца слева направо, в написании словосочетания *mwt.f* – справа налево (Urk. II. 11.16):

hnk hnkw nb(w) n mwt.f

Поднесение приношений всяких матери его^a.

а. Согласно египетской мифологии, именно в VI нижеегипетском номе, вблизи Буто, локализуется Хеммис (Χέμμισ; *3h-bit*) – «плавучий остров» (*Hdt.* II. 56), на котором Исида скрывала Хора от преследований Сета [Altenmüller, 1975(2); Berlev, Hodjash, 1998, p. 10]. В связи с этим Уаджит, как богине Буто, свойственно отождествление с Исидой и качество матери младенца Хора [Fischer-Elfert, 1982, Sp. 907, Anmm. 23—26, Sp. 910]. Нет сомнения, что в данном контексте Уаджит именуется матерью царя в силу его традиционного отождествления с Хором (либо же потому, что Хор и мыслится на момент составления текста «Стелы сатрапа» как сакральный царь Египта: см. главу 3, § 3.1.3). Кроме того, весьма вероятно, что Уаджит в тесном отождествлении с Исидой имеется в виду в тексте «Стелы...» при упоминании об изгнании «врага *Hšryš(3)*» Хором, сыном Осириса и Исиды, «подле матери бога» (*r-gs mwt-ntr*; стк. 11, *Urk.* II. 18.6; см. III.1.б, комм. «л»).

И.3.д. Знаки-обереги.

Позади фигуры царя, первая пара знаков позади затылка, остальные позади спины, ориентация слева направо (*Urk.* II. 11.15; см. выше, I.2.д, комм. «а»):

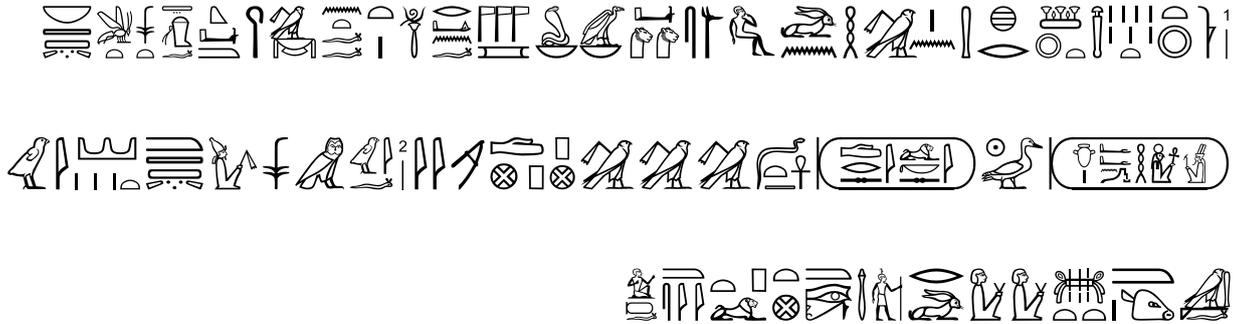

II. Основной текст «Стелы сатрапа»: сатрап Птолемей и его деяния в конце 310-х гг. до н.э. (Рисунок Прил. 3).

Сткк. 1—6, ориентация знаков справа налево (Urk. II. 12.10—15.15).

II.1. Датировка и вступительная формула.

Сткк. 1—2, Urk. II. 12.10—13.5.

*h3t-zp 7-t tpy 3ht hr hm n Hr hwn wsr-phty Nbty mry-ntrw rdi-n.f-i3wt-n(t)-it.f Hr nbw hq3 m t3
(r) dr.f nsw-bity nb t3wy H^c-ib-R^c Stp.n-Imn z3 R^c Irwkzidrz ʿnh dt mry-ntrw P-Dp | iw.f m nsw m t3wy
h3swt iw hm.f m-hnt Stt iw wn wr ʿ3 m B3qt Ptrwmys rn.f*

(1) Год 7-й, первый /месяц сезона/ *axem*^a, при Величестве Хора, Юноши, могучего мощью, Обеих Владычиц Возлюбленного богами, /того,/ которому передан сан отца его, Хора Златого, Властителя в земле (до) пределов ее, царя Верхнего и Нижнего Египта Хаа-иб-Ра Сетепенимена («Ликует сердце Ра, Избранного Амоном»), сына Ра Александра^b, живущего вечно, любимого богами Пе-Деп^b. (2) /Когда был/ он царем в^г Обеих Землях /и в/ чужеземных странах, /когда было/ Величество его в Азии^d, тогда^e был вождь великий^ж в^з Египте^и, Птолемей имя его.

а. Очевидно, что точное хронологическое соответствие датировки «Стелы сатрапа» зависит от определения начального рубежа формального царствования Александра (IV), сына Александра Великого и Роксаны, в Египте. Согласно мнению Г. Мёллера и В. Шпигельберга, высказанному в связи с датировкой рВМ10188 Года 12 Александра (IV), его царствование исчислялось со времени смерти Александра Македонского в 323 г. до н.э., так что упомянутый папирус датировался бы 312/311 г. до н.э. [Möller, 1909—1912, Bd. 3, S. 9—10; Spiegelberg, 1913, p. 35, n. 1]. Суждение этих двух египтологов выглядит не вполне корректно с точки зрения современных представлений о египетской системе летосчисления: в Позднее и греко-римское время год смерти царя, на который приходилось вступление на престол его преемника, должен был причисляться к царствованию этого последнего в качестве его Года 1

[Beckerath, 1997, S. 10; Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 46]. Соответственно, если бы формальное царствование Александра (IV) в Египте отсчитывалось от смерти Александра Великого, то его Годом 1 был бы египетский год, продолжавшийся с ноября 324 по ноябрь 323 гг. до н.э. (см. данные о соответствиях месяцам египетского календаря в начале эллинизма: [Beckerath, 1997, S. 198—199]), и тогда его Годом 12 был бы не 312/11, а 313/12 г. до н.э. Любопытно также, что сравнительно незадолго до этого, при издании р. dem.Libbey, Шпигельберг придерживался иного мнения и относил «Стелу сатрапа», правда, без какого-либо обоснования, к 312 г. до н.э. [Spiegelberg, 1907, S. 2 und Anm. 6]; при этом в статье, посвященной рBM10188, он упомянул «Стелу сатрапа», но не обращался к вопросу о ее датировке [Spiegelberg, 1913, p. 38, n. 6]. Однако, исходя из суждения Мёллера и Шпигельберга в начале 1910-х гг., Год 7 Александра (IV) соответствовал бы 317/16 г. до н.э., а его месяц *3ht* I – 10 ноября – 9 декабря 317 г. до н.э.

Данная датировка была взята на вооружение В.В. Струве в его работах, посвященных началу египетского эллинизма, и положена в основу его интерпретации исторических сообщений «Стелы сатрапа» [Struve, 1928; Струве, 2003 (1), с. 105]. При этом еще в 1907 г. был опубликован грекоязычный рEleph. 1: содержащаяся в нем датировка Годом 7 Александра (IV) и 14-м годом сатрапии Птолемея (II. 1—2: Αλεξάνδρου τοῦ Αλεξάνδρου βασιλεύοντος ἔτει ἑβδόμῳ, Πτολεμαίου σατραπεύοντος ἔτει τεσσαρεσκαίδεκάτῳ μηνὸς Δίου) не оставила сомнений в том, что царствование Александра (IV) исчислялось со смерти не Александра Великого, а Филиппа Арридея; см. далее, а также главу 2, § 2.1. Примечательно, что Струве знал об этом папирусе, понимал, что его датировка противоречит допущению об отсчете лет царствования сына Роксаны в египетских памятниках с 324/323 г. до н.э. Он вышел из положения, предположив, что в Египте существовало две системы летосчисления по годам Александра (IV) – соответственно, в египетских памятниках, с года его рождения, и в грекоязычных – со смерти Филиппа Арридея [Struve, 1928, с. 198, прим. 5].

В дальнейшем П. Жуге назвал точку зрения Струве, с которой познакомился по его немецкоязычной публикации, «весьма вероятной» (“fort possible”: [Jouguet, 1930, p. 523])ю. Однако В. Отто во введении к посмертной публикации В. Шпигельберга категорически ее отверг на основании как выкладок с хронологией царствований Филиппа Арридея и сына Роксаны, так и явного, по его мнению, несоответствия исторического содержания «Стелы» с событиями 312—311 гг. [Spiegelberg, 1931, S. X—XI]. Вновь поддержал ее через несколько десятилетий П.М. Фрэзер [Fraser, 1960, p. 2, n. 1], однако в дальнейшем под влиянием консультаций с египтологами принял как единственно возможный отсчет лет царствования Александра (IV) от смерти Филиппа Арридея [Fraser, 1972, vol. 2, p. 11—12, n. 28].

приведенных написаний (в сткк. 7 и 9) должно соответствовать чтению *b3w* (например, по поводу первого из этих написаний: [Engsheden, 2003, p. 107]. Однако стандартное обозначение сокологоловых бутоских божеств – все же *b3w P* (LÄGG II. 721—722), а не *b3w P-Dp* (подобное обозначение встречается исключительно редко: LÄGG II. 722). Поэтому мы скорее согласимся с теми исследователями, которые читают все эти написания *ntrw P-Dp* [Kaplony-Heckel, 1982, S. 614, 616—617; Ritner, 2003, p. 393—395; Schäfer, 2011, S. 56, 62, 133—134], допустив, что на написания этих обозначений в сткк. 7 и 9 повлиял образ сокологоловых *b3w P*.

г. Чтение написаний, имеющих стандартное фонетическое значение *m* (знаки GG(SL) G₁₇=Montpellier G₄₄₇ , GG(SL) Aa₁₅=Montpellier F₅₈₉) как *n*, и наоборот (знаки GG(SL) N₃₅=Montpellier N₅₆₁ , GG(SL) W₂₄=Montpellier W₅₁₅) – явление, хорошо известное с начала эллинизма (ср., например, возможную вариативность в написании имени Хора Златого Александра (IV) – см. главу 2, § 2.2.3, прим. 5) и присутствующее и в «Стеле сатрапа» (см. стк. 7, Urk. II. 16.5: *3hw n ntrw*). Соответственно, в случаях, когда одно из таких написаний в тексте «Стелы...» передает предлог, может быть уместно специальное обсуждение его значения. В данном случае представляется более вероятным, что этописание передает предлог *m*: возможность того, что в косвенногенетивную связь были бы вовлечены сразу два существительных в статусе косвенного генетива (*t3wy* и *h3swt*) кажется маловероятной; аналоги такому сочетанию слов не фиксируются в царских эпитетах Позднего времени, а слова *nsw* и *t3wy* в них связываются прямым, а не косвенным генетивом [Blöbaum, 2006, S. 497].

д. Иероглифическое написание данного слова не вполне стандартно и на первый взгляд может вызвать ассоциацию скорее с *Sttyw/Sttyw* («азиаты»); см.: [Literature of Ancient Egypt, 2003, p. 393 (“His Majesty was in the midst of the Asiatics...”); Schäfer, 2011, S. 63—64 (“seine Majestät ist bei Asiaten”)]; ср., однако, с косвенной интерпретацией этого слова последним автором как *Stt* [Schäfer, 2009, p. 145 (“...whereas the word *St.t* also names the whereabouts of the young Pharaoh Alexander”)]. Вместе с тем перевод «Азия», а не «азиаты» принят целым рядом исследователей «Стелы...» [Brugsch, 1871, S. 1: “...im Innern Asiens”; Roeder, 1959, S. 101: “während Seine Majestät sich in Setet (*Asien*) befand”; Kaplony-Heckel, 1982, S. 615: “...in Asien”]. Основания к этому двояки. Прежде всего, большинство написаний слова *Sttyw* обнаруживают тенденцию к тому, чтобы показатели множественности (детерминатив или фонетическое написание окончания) проявились в них более отчетливо

(Wb. IV. 348.6:   ; «Стела Пианхи», стк. 30:   [Grimal, 1981 (1), p. 51];

Элефантинская стела Амасиса, стк. 14: [Jansen-Winkel, 2014, S. 134]; Edfou VI. 15.16: ; см. в целом: [Gauthier, 1925—1931, t. 6, p. 95—96]). Можно было бы сказать, что детерминатив, завершающий данное написание и представляющий собой сочетание двух знаков GG(SL) A₄₉ [Gardiner, 1957, p. 447 (“Syrian seated holding stick”)], сам по себе служит показателем множественного числа, а многие особенности написания в поздних текстах подвергаются изменениям. Однако следующий важный момент состоит в том, что в других фрагментах «Стелы сатрапа» корректные показатели множественного числа или множественности употребляются достаточно последовательно в тех случаях, где встречаются обозначения какого-либо народа или группы (сткк. 2—3, Urk. II 13.15: *rqyw.f* «врагов его», т.е. сатрапа Птолемея; стк. 4, id. 14.15: *W3d-wr H3w-nbwt* «Великая Зелень хау-небу»; стк. 5, id. 15.12: *H3w-nbwt ʕ33* «хау-небу многих»; стк. 5, id. 15.4: «страна /людей/ хару»; стк. 6, id. 15.12: *p3 tš n Ir-mr-3/Mr-mr-3* «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а» (см. ниже П.3.г, комм. «в»); сткк. 13—14, id. 19.12: *mry(w).f* «люди ее (угодья “Земля Уаджит”)»; см. ряд примеров написания слова *mšʕ* «войско»: стк. 2, id. 13.10; сткк. 5—6, id. 15.4, 14). В то же время ни один из этих примеров не показывает употребления двух знаков A₄₉ в качестве замены стандартного детерминатива терминов, обозначающих коллектив (знаки GG(SL) A₁+A₂+Z₂ – “seated man and woman with plural strokes” [Gardiner, 1957, p. 442]). Кроме того, в обсуждаемом написании отсутствует знак GG(SL) T₁₄ () регулярно появляющийся как детерминатив в других написаниях слова *Stt* в тексте «Стелы...» (стк. 3, Urk. II. 14.9:); стк. 8, Urk. II. 16.14:). Если бы данное написание действительно передавало форму множественного числа относительного прилагательного от существительного *Stt*, было бы естественно ожидать, что знак GG(SL) T₁₄ появился бы до каких-либо способов выражения множественного числа. Его отсутствие скорее заставляет думать, что его функция – передача ассоциации с неегипетскими «варварскими» территорией или/и народом [Gardiner, 1957, p. 513] – принята на себя пресловутым удвоением знаков GG(SL) A₄₉; тем самым их интерпретация возможна и независимо от приписывания им функции выражения множественного числа.

Со значением данного написания как *Stt*, а не *Sttyw/Sttyw* согласуется надежно установленное для текстов I тыс. до н.э. значение предлога *m-ḥnt* как «в» (не «впереди»), в значении, встречающемся, хотя, по замечанию А. Гардинера, редко в классическом

среднеегипетском языке [Gardiner, 1957, p. 133 (§ 178)]; см.: [Junker, 1906, S. 160, § 218.1; Jansen-Winkel, 1996, S. 193—194 (§ 320); Wilson, 1997, p. 737]; ср. также со значениями данного предлога в текстах гробницы Петосириса, современных «Стеле сатрапа» [Lefèbvre, 1923—1924, t. 3, p. 43].

В написании слова *Stt* в тексте «Стелы сатрапа», в соответствии с практикой Позднего времени, использован не стандартный знак GG(SL) S₂₂ () , а его ассимиляция со знаком S_{17*} () - (см. [Newberry, 1932, p. 321; Gardiner, 1957, p. 506]; варианты начертания этого знака в эллинистическое время - Montpellier S₃₂₃₋₃₃₁).

В данном контексте «Стелы сатрапа» термин *Stt*, очевидно, относится к Македонии – местопребыванию Александра IV в 311 г. до н.э. (*Diod. XVIII. 52. 4; Iust. XIV. 6. 13; Hammond, Griffiths, 1988, p. 145 ff.*) – как части межрегиональной «мировой» державы, для которой данный термин служил обычным обозначением в I тыс. до н.э. (см. главу 4, § 4.3.1, 4.3.2).

е. Частица *iw* выписана с помощью знака GG(SL) D₂₁=Montpellier D₂₀₅ ; ср. стк. 9 (Urk. II. 17.6), 11 (Urk. II. 18.10), 12 (Urk. II. 18.13, 18.17). О передаче *iw* в позднесреднеегипетских текстах с помощью данного знака см.: Wb. I. 42; [Vycichl, 1983, p. 37]; ср. также II.3.в, комм. «и» (о способе передаче предлога *r* через написание *iw*).

ж. См. о значении термина *wr* и его употребления по отношению к Птолемию в «Стеле сатрапа» (см. далее стк. 7, Urk. II. 16.5, стк. 13, Urk. II. 19.3, в сокращенном варианте *wr pn* – стк. 17, Urk. II. 21.4) главу 2, § 2.4.1.

з. См. комм. «т» выше. Представляется вероятным, что в данном случае знак GG(SL) Aa₁₅=Montpellier F₅₈₉ имеет стандартное для него с новоегипетского времени фонетическое значение *m* (предлог «в» в значении местонахождения): данная фраза, относящаяся к сатрапу Птолемию, находится в явном параллелизме с предыдущими фразами, относящейся к Александру (IV) и также указывающими на территориальный объем его формальной власти и на его физическое местонахождение.

и. Обозначение Египта как сияющего ока божества, характерное для текстов Позднего и греко-римского времени (см. главу 1, § 1.2) и употребляющееся в тексте «Стелы...» наряду с термином *Kmt*, по-видимому, по преимуществу в контексте противопоставления Египта чужеземным странам (кроме данного фрагмента, также в стк. 6, Urk. II. 15.10, 15.15; см. подробно главу 4, § 4.3.2).

II.2. Панегирик Птолемию.

Сткк. 2—3, Urk. II. 13.6—14.6.

*z rnp(i) pw qn m g(3)bt.y.f(y) 3h zh shm mšc wm(t) ib mn tbt y tkn qnd n rdi(f) s3.f ifn hr n
rqw|w.f m h3.zn q(3) d(rt) hf.n.f šmr(t) n st r th ht ht m zh.c.f imit(w) h3 n hc m h(3)w.f pr- n hsf.tw
wy.f(y) n n m pr(t) m r.f n mitt.f m t3wy h3swt*

Человек молодой^а это^б, сильный руками своими (букв. «его»)^в, полезный советом^г, мощный войском^д, стойкий (букв. «толстый сердцем»)^е, твердый шагом (букв. «прочный сандалиями»)^ж, нападающий яростно^з, /тот, кто/ не показывал /врагу/ спину свою (букв. «нет давания спины его»), отвращающий^и лицо враг(3)ов^й его в сражении с ними (букв. «их»), точный рукой, /так что когда/ схватывает он лук, /то/ нет выстрела с промахом^к, гонящий врагов^л мечом^м своим посреди сражения, /так что/ не остается^н никого около него^о. Удалец^п, обе руки которого не отразит никто (букв. «не отразит никто обе руки его»)^р, не обращается вспять вышедшее (букв. «нет обращения вспять в качестве вышедшего») из уст его^с. Нет подобного ему^т /ни/ в Обеих Землях, /ни/ в чужеземных странах.

а. Согласно Псевдо-Лукиану, Птолемей I умер в возрасте 84 лет через 2 года после того как «отрекся» (несомненно, возвел Птолемея II в ранг соправителя в 285/4 г. до н.э.; [Luc.] Маср. 84); соответственно, он родился приблизительно в 367/6 г. до н.э. Плутарх говорит о более позднем рождении Птолемея, примерно в одно время с Александром Великим, т.е. около 356 г. до н.э. (Plut. Alex. 10.5) [Heckel, 2006, p. 235]. Однако при любой из этих датировок его рождения, его возраст в 311 г. до н.э. (около 56 или 45 лет) никоим образом не молодость. Данный эпитет, с одной стороны, показывает полноту физических и душевных сил Птолемея [Schäfer, 2011, S. 67, Komm. 'a']; с другой стороны, он достаточно близок к Хорову имени Александра (IV), сына Александра Великого и Роксаны (Hr hwn wsr-phty «Хор, Юноша, Могучий силой»; см. выше, стк. 1 «Стелы сатрата») и может быть косвенным сопоставлением характера его власти с властью этого формального царя (см. глава 2, § 2.4.2).

б. Стоит обратить внимание, что синтаксически весь «Панегирик Птолемею» представляет собой систему конструкций, так или иначе играющих роль более или менее распространенных

определений к его начальным словам *z rnp* («человек молодой» – именному сказуемому при формальном подлежащем *pw* [Gardiner, 1957, p. 103—104, § 128—129] (см. главу 2, § 2.4.2).

в. Д. Шефер (со ссылкой на совет Л. Моренца) обращает внимание на наличие схожего эпитета (*qn g3b.f* «сильный рукой своей») в «Пророчестве Неферти» (pErm. 1116B. 10) [Helck, 1992, S. 12; Schäfer, 2011, S. 67, Komm. ‘b’].

г. Д. Шефер обращает внимание, что, в отличие от близкого по значению эпитета *iqr shr* («искусный советом»), данный эпитет никогда не встречался применительно к частным лицам, а для царей в домакедонское время засвидетельствован дважды – для Дария I (статуя из Суз, надпись 2, стлб. 3) [Yoyotte, 1974, p. 213; Le palais..., 2010, p. 279—280] и для Нектанеба I (наос из Сафт эль-Хенне, CG 70021, левая внешняя стена, стк. 1) [Roeder, 1914, S. 62, Taf. 18; Schäfer, 2011, S. 68. Komm. ‘c’].

д. Написание данного эпитета с помощью знака GG(SL) S42 ($\overset{\downarrow}{\text{I}}$) можно было бы понять и как *sh̄m mš̄c* («мощный войском») [Brugsch, 1871, S. 2, 9; Literature of Ancient Egypt, 2003, p. 393; Gozzoli, 2006, p. 129], так и *hr̄p mš̄c* («управляющий войском») [Roeder, 1959, S. 101; Karlony-Heckel, 1982, S. 615; Bresciani, 1990, S. 638; Lodomez, 2003, p. 436]. Д. Шефер отдает предпочтение второму из этих вариантов, поскольку компонент часто *hr̄p* встречается в административных титулах (хотя данный эпитет в домакедонское время встречается лишь однажды, при Тутмосе III: Utk. IV. 966.5) [Schäfer, 2011, S. 68, Komm. ‘d’]. На наш взгляд, такой выбор достаточно уязвим, поскольку последовательность эпитетов в данной части «Стелы сатрапа» представляет собой перечисление не просто полномочий Птолемея, а качеств, составляющих его могущество и способности.

е. Хорошо известное словосочетание, которое, по замечанию Д. Шефер, ни разу не засвидетельствовано для характеристики должностных лиц (чиновников, военных), а в надписях храмов греко-римского времени несколько раз отнесено к царю [Schäfer, 2011, S. 69, Komm. ‘e’], со ссылкой на: Otto, 1964, S. 81, 118]. В Позднее время оно применительно к царям не засвидетельствовано [Blöbaum, 2006, S. 496].

ж. По наблюдениям Д. Шефер, данный эпитет в домакедонское время фиксируется только для лиц нецарского статуса (с оттенком подчеркивания почтения к его обладателям) и дважды для божеств [Schäfer, 2011, S. 69, Komm. ‘f’], со ссылками на: Polotsky, 1929, S. 3—8; Janssen, 1946, Bd. 2, S. 34—35; Doxey, 1998, p. 64, 68, 302].

з. Эпитет, в котором написание глагола *tkn* (Wb. V. 333—335: «приближаться») совмещено с трудно интерпретируемым написанием при помощи изображения стоящего и воздевшего лапы льва. Транскрипция Х. Бругша: *teken kent* (“abwehrend den Wüthenden” [Brugsch, 1870, S. 2]); ср. Wb. V. 56: *qnd* «яростный» с детерминативом GG(SL) E₂₂ (лев); ср. [Karlony-

Heckel, 1982, S. 615 (“der den Zornigen angreift”); Ritner, 2003, p. 393 (“who attacks the powerful without turning his back”)]. По мнению Г. Рёдера, речь идет метафорически о приближении Птолемея ко льву (“der sich dem Löwen nähert, ohne seinen Rücken zu geben” [Roeder, 1959, S. 101]), что маловероятно. Д. Шефер фактически оставила данное слово без перевода (“der sich dem ..?.. nähert, ohne seinen Rücken zu geben”, при этом считая возможной буквалистскую трактовку Рёдера или же допуская, что здесь присутствует характеристика какой-то опасной ситуации (Gefahrensituation wie beispieleweise Kampf) [Schäfer, 2011, S. 66, 69, Komm. ‘g’].

Нам представляется маловероятным, во-первых, соединение этого эпитета с последующей фразой *n rdi s3.f* (с общим значением «атакующий яростного, не показывая спины врагам»), принятое в ряде переводов (у Г. Рёдера, Р. Ритнера, Д. Шефер, очевидно, следующей за Рёдером), во-вторых, принятие его второго компонента за прямое дополнение глагола *tkn* (указание, к кому именно приближается, т.е. кого именно атакует Птолемей). Думается, что к этому есть чисто смысловые препятствия: в таком случае получается, что прославляемое в данном случае качество Птолемея – это систематически проявляющаяся его способность обрушиваться на более сильного врага и при этом, вопреки его ответному напору, не отступать. В таком случае получается, что Птолемей на поле боя систематически (во всяком случае, многократно) сталкивался с более сильным и агрессивным врагом и при этом проявлял качество, близкое к безрассудству. Египетский текст едва ли выделил бы это качество как предмет похвалы, тем более адресуемой не простому воину, а облеченному большой ответственностью полководцу. Кроме того, написание слова, следующего за глагольной формой *tkn*, всего одним (хотя и необычным) знаком, может указывать, что в данном случае мы имеем дело не с дополнением глагола, а скорее с наречием, являющимся его характеристикой (ср. Wb. V. 57.8: *qnd* как характеристика царя, сопоставляемого со львом). На наш взгляд, предпочтительно перевести его как «яростно» (предположительно, *qnd*) и исключить тесную связь между этим словосочетанием и следующей фразой.

и. Х. Бругш видел в этом слове причастие «ударяющий» (*schlagend* (?) *das Anlitz von seinen Gegnern in ihren Schlacht mitten*), транскрибируя его *āfen* [Brugsch, 1870, S. 2]; за его интерпретацией явно последовал Р. Ритнер [Ritner, 2003, p. 393 (“Who strikes the face of his opponents when they fight”)]. Принятое в ряде переводов значение этого слова «отвращать, обращать вспять» [Roeder, 1959, S. 101 (“der seinen Feinden in ihrem Kampfe das Gesicht zuwendet”); Kaplony-Heckel, 1982, S. 615 (“...(sondern) das Gesicht seinem Feind zuwendet”)] восходит к соотнесению в «Словаре египетского языка» данного написания «Стелы...» (Wb. I. 70.13; Wb. Belegst. I. 12) со словом, зафиксированным по «Текстам пирамид» (Wb. I. 70.14; Wb. Belegst. I. 12 с отсылкой к Руг. 678, 435). Д. Шефер принимает в своей переводе вторую из

этих интерпретаций [Schäfer, 2011, S. 66 (“der zuwendet das Gesicht seinen Feinden, wenn sie kämpfen”)], однако характерным образом не делает решительного выбора между ними, замечая, что справедливы могут быть они обе [Schäfer, 2011, S. 70, Komm. ‘h’]. В принципе аргументом против значения данного глагола «отвращать, обращать вспять» может быть отсутствие в его написании детерминатива GG(SL) D₅₅ ($\curvearrowright$), обычно маркирующего реверсивное движение.

й. Слово *rqww* («враги») выписано с использованием знака GG(SL) W₁₁=Montpellier W₃₄₉ ($\overline{\Delta}$), который может иметь фонетическое значение *q* в текстах греко-римского времени (см. также: Wb. II. 456.13).

к. Смысл глагола *thi* с общим значением «допустить нарушение, сделать ошибочно, согрешить» (Wb. V. 319) в данном случае не вызывает особых сомнений (см.: id. 13). Меткость в стрельбе может квалифицироваться как качество царя [Schäfer, 2011, S. 71, Komm. ‘i’, Anm. 154, с отсылкой к: Blümenthal, 1970, S. 222; Edel 1979, S. 23—39; Decker, 2006, S. 18—57].

л. Знак Х. Бругш истолковал, по-видимому, как причастие от глагола *hht* – видимо, некоей модификации глагола *htht* (Wb. III. 354.4: «прогонять врага»; *χεχεται em seχā-f* “ein Kampfspiel mit seinem Schwerte” [Brugsch, 1870, S. 2]). Постулированное Бругшем значение данного знака было принято авторами каталога иероглифических знаков греко-римского времени [Valeurs phonétiques..., 1988–1995, t. I, p. 28 (Montpellier A₄₃₃)]. Другие переводчики «Стелы...» восприняли данное слово не как причастие, а собственно как глагол [Roeder, 1959, S. 101 (“...wenn er mit seinem Dolche im Kampfe zuschlägt”); Kaplony-Heckel, 1982, S. 615 (“...der mit seinem Dolch (im Zweikampf?) kämpft”); Ritner, 2003, S. 393 (“who fights with his sword in the midst of battle”)]. В принципе значение данного глагола «прогонять врага» хорошо согласуется по смыслу со следствием данного действия Птолемея согласно «Стеле...»: «.../так что/ не остается никого около него». В позиции Д. Шефер по данному вопросу имеется противоречие: с одной стороны, она не оспаривает категорически интерпретацию Бругша; с другой стороны, предпочитает оставить данное написание без транслитерации [Schäfer, 2011, S. 66, 71, Komm. ‘j’], обсуждая одновременно его возможное соответствие глаголу *hnn* (*streiten, toben* – «сталкиваться, бушевать, неистовствовать») [Schäfer, 2011, S. 71, Anm. 156]. Примечательно, что «Словарь египетского языка», на который ссылается Шефер, не дает в точности таких значений данного глагола, передавая его как «разрушать» (в т.ч. в эпитете Сета *hnnw* – «любящий разрушение»; Wb. III. 383). Вместе с тем сама Шефер замечает, что негативные коннотации данного глагола препятствуют тому, чтобы связать его с Птолемеем. Очевидно, сама необходимость, с точки зрения исследовательницы, обсудить подобную интерпретацию

данного написания связана с тем, что оно представляет собой удвоение знака GG(SL) A₂₄ ()²⁴, встречающегося в качестве детерминатива при глаголе *hnn*.

м. *zh3* – *haraḫ legomenon*, смысл которого не вызывает особых сомнений благодаря детерминативу (T_{30A})^{30A}; не учтен в «Словаре египетского языка». См.: [Schäfer, 2011, S. 71, Komm. ‘j’].

н. Написание с помощью знака, близкого GG(SL) S₄₂ (; *shm, hrp*) [Schäfer, 2011, S. 71, Komm. ‘k’], чтение которого, однако, не вызывает сомнений в данном контексте

о. Эпитет, засвидетельствованный в доэллинистическое время для царей (Wb II. 477.7), а в греко-римское также для богов (LÄGG III. 481a); встречается применительно к Птолемею I или II в стеле Berlin 14400, стлб. 1 (Urk. II. 22.8) [Schäfer, 2011, S. 72, Komm. ‘k’].

п. Эпитет, засвидетельствованный как для царей (Wb. I. 527) и богов (LÄGG III. 55b—56b), так и для частных лиц (например, применительно к Ренси в «Сказке о поселянине»: Peas. V. I. 147); применительно к Птолемею I или II засвидетельствовано в стеле Berlin 14400, стлб. 2 (Urk. II. 22.12) [Schäfer, 2011, S. 72, Komm. ‘l’]. Стоит обратить внимание на характерное уже для IV в. до н.э. и далее для греко-римского времени написание основы глагола *pri* при помощи знака Montpellier J₁₅ (см.: [Perdu, 1985, p. 93]); ср. далее сткк. 11 (Urk. II. 18.8), 14 (Urk. II. 19.16) и 16 (Urk. II. 20.14).

р. Эпитет, относящийся к физической мощи как царей, так и богов [Schäfer, 2011, S. 72, Komm. ‘m’], с отсылкой к: Otto, 1964, S. 15, 18—19; Grimal, 1986, S. 711 (857)]; LÄGG III. 500a.

с. Речь, безусловно, идет о решениях и приказах сатрапа Птолемея. Д. Шефер справедливо обращает внимание на следующий важный момент: сам по себе термин *pri m r.f* («вышедшее из уст его») – обозначение творческого слова существа, наделенного способностью постигать и претворять в жизнь норму миропорядка-*maat*, т.е. бога или сакрального царя [Otto, 1964, S. 15]. Соответственно, качество «необращения вспять» такого слова и признается за этими существами, с которыми в таком случае сопоставляется сатрап Птолемей [Schäfer, 2011, S. 73, Komm. ‘n’]; см. подробнее главу 2, § 2.4.2.

т. Эпитет, встречающийся по отношению как к царям, так и к чиновникам (Wb. II. 39.9) [Schäfer, 2011, S. 73, Komm. ‘o’], но получающий в данном случае, как видно, благодаря распространению его смысла на весь мир, тотальный характер.

II.3. Историческая часть «Стелы сатрапа».

Сткк. 3—6, Urk. II. 14.7—15.15.

II.3.a. Возвращение в Египет священных предметов.

Сткк. 3—4, Urk. II. 14.7—11.

*in.n.f ḥmw n ntrw gm(w) m-ḥnt Stt ḥnᶜ dbḥw nb(w) b3w Rᶜ nb(w) nw gs(w)-prw rs mḥw |
rdi.n.f s(n) ḥr s(w)t.zn*

Принес он образы^а богов, найденные в Азии^б, с утварью^в всякой, «душами Ра»^г всякими, принадлежащими храмам юга /и/ севера^д. (4) Вернул (букв. «дал») он их на места их^е.

а. Термин *ḥm*, по комментарию составителей «Словаря египетского языка», обозначает изображения богов (Wb. I. 225.15—17), а также плоть богов, в отличие от того их «энергийного» начала, которое связано с понятием *b3* (id. 226.1). Вероятно, было бы правильно сказать, что этот термин обозначает предметы, которым, в силу их внешних особенностей и назначения, при совершении ритуала свойственно становиться средством проявления богов в земном мире (*ḥm*) [Берлев, 1972, с. 33—41].

б. Написание слова *Stt* в данном фрагменте, в отличие от написания в стк. 2 (см. выше, II.1, комм. «д»), не отставляет никаких сомнений в том, что это хороним, а не этноним [Schäfer, 2011, S. 75, Komm. ‘b’]. О военных кампаниях сатрапа Птолемея в Азии в 310-е гг. до н.э., в ходе которых он мог вернуть похищенные из египетских храмов священные предметы, см. главу 4, § 4.2.1.

в. Wb. IV. 440.6—9. Субстантивированное причастие глагола *dbḥ* (Wb. IV. 439—440: «быть должным, требовать(ся)»), т.е. «должное, потребное» при совершении ритуала.

г. Wb. I. 414.1. Термин, обозначающий священные тексты, которые хранились в храмах и были далеки по своему назначению от обычных исторических или, тем более, хозяйственных документов [Schott, 1990, S. 68—70]. Показательный пример в этом смысле дает т.н. «Стела голода», согласно которой Имхотеп, оказавшись перед необходимостью ответить царю Джосеру на вопрос, где и под попечением какого бога находятся истоки Нила, отправляется в «подворье жизни» (*ḥwt-ᶜnh*; ср. с *pr-ᶜnh* – «домом жизни» [Gardiner, 1938; Коростовцев, 2001, с. 79—108]) гермопольского храма Тота и справляется там именно с текстами «душ Ра»

а. Обычное в египетской традиции обозначение резиденции царя (Wb. III. 370.5—8) и, соответственно, столицы страны (id. 369.16—17); см. о связи между тем и другим, в частности: [Демидчик, 2005, с. 16, прим. 3].

б. Чтение данного слова именно как *sbtj* (Wb. V. 96.2; общее значение слова – «стена, укрепление», id. 95—96) Д. Шефер подтвердила аналогией со вторым декретом с острова Филэ,

где Александрия кратко именуется *p3 sbty n Irksdrs* («Укрепление Александра»; Urk. II. 217.1) [Schäfer, 2011, S. 84, Komm. 'b']. Это чтение

подтверждается также и опубликованным позднее текстом Александрийского декрета, в

иероглифической версии которого Александрия называется *p3 sbty n Irwgs3indrz m3c hrw* («Укрепление Александра, правого голосом»; стк. 4) [Altenmüller, el-Masri, Thissen, 2012, S. 78]. Согласно подробному рассказу Арриана, Александр лично

разметил будущую планировку города, включая и расположение стен (*Arr. Anab.* III. 1.5). В отсутствие других средств для того, чтобы наметить линию стен, она была намечена в соответствии с точным указанием царя мукой, и это, по предсказанию Аристандра из Телмесса, предвещало будущее изобилие города (id. 2.1—2); см.: [Fraser, 1972, vol. 1, p. 3]. Данный рассказ приводится более стяженно и с некоторыми вариациями и другими источниками (*Strabo* XVII. 1.6; *Plut. Alex.* 26. 8; *Val. Max.* I. 4. Ext. 1; *Itin. Alex.* 49; *Hist. Alex. Magni*, A. I.32.7; *Steph. Byz.*, s.v. Ἀλεξάνδρεια) [Fraser, 1972, vol. 2, n. 4, p. 3—4; Bosworth, 1980, p. 265]. Стоит, однако, обратить внимание на акцент, который сделан в нем именно на разметке Александром стен города. Как представляется, можно допустить, что данный сюжет в каком-то виде бытовал уже в конце 310-х гг. до н.э. и сказался в использовании в египетском именовании Александрии слова «стена, укрепление», в принципе не слишком типичного для обозначения египетских населенных пунктов.

в. «Солнечное» имя Александра Великого в его египетской царской титулатуре, в соответствии с принципом чтения чтением, установленным Х. де Мёльнере, – *Mry-Rc Stp.n-Imn*, Мерира Сетепенимен, «Возлюбленный Ра, Избранный Амоном» (см.: [Meulenaere, 1991], а также главу 2, § 2.2.4). При этом с ним совпадало «солнечное» имя формального преемника Александра на египетском престоле Филиппа Арридея: полностью – в его форме, принятой в фиванских памятниках, частично – в его форме, принятой в памятниках за пределами Фив (*Mry-k3-Rc Stp.n-Imn* Мерикара Сетепенимен, «Любим двойник (бога) Ра, Избранный Амоном»; см. там же). Как представляется, появление в тексте «Стелы сатрапа» в «солнечном» имени, явно относящемся к титулатуре Александра Великого, лишнего компонента *k3*, – ошибка, вызванная памятью о менее давней и похожей титулатуре Филиппа Арридея.

д. Мы считаем наиболее обоснованным и адекватным употреблению этого термина в древнеегипетских текстах его традиционное истолкование как обозначения моря, в некоторых случаях – мирового океана (Wb. I. 269.12—16) [Helck, 1980 (2)]. А. Нибби исходила из того, что данный термин обозначает не море, а богатые зеленью заводи Дельты и в данном случае относится к озеру Мареотида [Nibbi, 1983; см. также Vandersleyen, 1999, 2008].

е. Термин, известный по крайней мере с начала II тыс. до н.э., на протяжении своего бытования менявший конкретное значение, но так или иначе обозначавший обитателей приморских областей в общем направлении к северу от Египта [Vercoutter, 1947, 1949]. Нет сомнений, что в тексте «Стеле сатрапа» он относится к грекам, как и других текстах начала македонского времени – в автобиографии Сематауитефнахта (Urk. II. 4.3: *mk.n.k wi m ḥ3 n Ḥ3w-nbw(t) dr ḥsf.n.k Stt* «Ты защитил меня в битве *хау-небу*, после того как отразил ты Азию») [Perdu, 1985, p. 107, comm. ‘o’] и в надписи на статуе т.н. «мемфисского анонима» (Wien ÄS 20, стлб. 4: *is m rkw Ḥ3w-nbw nis.tw r.i in ḥq3 t3{wy}-mry mr.n.f wi rh.n.f shrw(.i)* «Воистину, во времена *хау-небу* был я призван властителем (букв. “было воззвание ко мне властителя...”)) Земли возлюбленной, /ибо/ любил он меня и знал советы (мои) [Rogge, 1992, S. 146, 149]), – а позднее в трехязычных декретах птолемеевского времени [Vercoutter, 1949, p. 178—179; Daumas, 1952, p. 187—188]. Кл. Вандерслейен придерживается мнения, что во всех случаях употребления этого термина он относится к обитателям Восточного Средиземноморья [Vandersleyen, 1971, p. 135—174]; по мнению А. Нибби в данном контексте он обозначает обитателей области Ракотиса (см. ниже) [Nibbi, 1983, p. 76].

ж. Обозначение, не встречающееся в более ранних источниках [Schäfer, 2011, S. 89] и уверенно связываемое с греческим Ρακῶτις . По мнению М. Депо, сочетание новоегипетского префикса *rḥ*, используемого в сочетании с инфинитивами для образования *nomina actionis*, и инфинитива глагола *qd* «строить» (Wb. V. 72—73); соответственно, значение данного словосочетания, – «постройка, строительный двор» [Derauw, 2000 (1)]. Высказывались мнения, что данное обозначение относится к Александрии в фазе ее постройке, в том числе в отличие от Мемфиса, как древней и полностью «завершенной», «отстроенной» столицы Египта [Derauw, 2000 (1); Chauveau, 1999 (в связи с присутствующим в «Оракуле горшечника» обозначением Александрии $\eta\ \kappa\tau\iota\zeta\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\ \pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ «строящийся город»)], и что оно относится к первоначальному поселению, находившемуся на территории или вблизи будущей Александрии [Baines, 2003, p. 62—63; Mueller, 2006, p. 20; см. о дискуссии в целом: Schäfer, 2011, S. 89—90]. Второе предположение кажется более правомерным как по смыслу рассматриваемого пассажа «Стелы...», так и исходя из сообщений античной традиции. Согласно Страбону, «Ракотис» – название поселения вблизи будущей Александрии, рядом с которым в доэллинистическое

время находился таможенный пост (*Strab.* XVII. 1.6), а согласно «Роману об Александре» – название главного из шестнадцати поселений, находившихся на месте будущей Александрии: *Hist. Alex. Magni*, A. I. 31.2 [Fraser, 1972, vol. 1, p. 5—6; vol. 2, p. 6—7]). Название «Ракотис» закрепилось с III в. до н.э. за частью города, населенной египтянами (в чем проявились его специфически египетские коннотации), и сохранилось вплоть до коптского времени [Chauveau, 1999, p. 1, 3, 5—7].

По мнению А. Нибби, «Ракотис» – название поселения южнее городской черты Александрии, на северном берегу озера Мареотида («Великой Зелени»), где обитали пресловутые *H3w-nbwt* [Nibbi, 1983, p. 73, 76]. На основе этого суждения Д. Лортон пришел к следующему парадоксальному переводу рассматриваемого нами фрагмента текста «Стелы...»: «“After he made his residence. Its name on the shore of the wadj-wer of the Greeks (...‘on the Greek wadj-wer shore’) being ‘The Wall of the King of Upper and Lower Egypt, Chosen-of-Re, Beloved-of-Amun, the son of Re, Alexandros,’ and its southern name being ‘Rakotis’” [Lorton, 1987, p. 68]

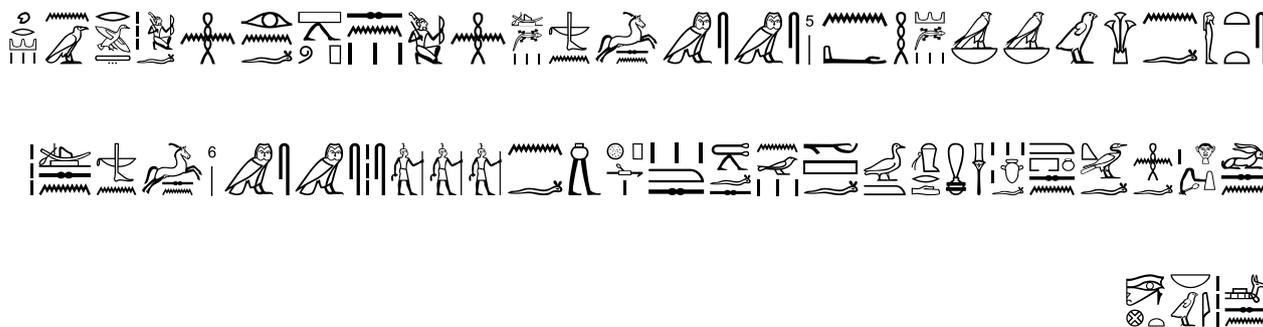
(очевидно, что в рамках этой интерпретации написание истолковывается как «южный»).

3. Важнейший вопрос, связанный с сообщением «Стелы сатрапа» о переносе столицы Египта в Александрию, касается определения его времени. Возможно, что ключевое значение для этого имеет следующее обстоятельство: во второй половине 310-х гг. до н.э. Птолемей начинает чеканить серебряные тетрадрахмы нового типа (с изображением Афины на реверсе), с характерной легендой ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΙΟΝ ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ на одном из их выпусков [Mørkholm, 1991, p. 64; pl. 92]. Эта легенда может быть понята двояко – как «Александрова (монета) Птолемея» (что соотносится с присутствием на аверсе этого выпуска изображения Александра) либо как «александрийская (монета) Птолемея»; однако аналогия с легендой другого чекана Птолемея в Кирене (золотых статеров и гемистатеров) ΚΥΡΑΝΑΙΟΝ ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ или ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ («киренская Птолемея») [Mørkholm, 1991, p. 68; pl. 110] убеждает в предпочтительности второго истолкования. Очевидно, что появление этого монетного типа должно быть прямо связано с перенесением столицы Египта в Александрию: оно знаменует и персонализацию власти сатрапа Египта, и ее легитимацию отсылкой к традиции, идущей от Александра (с помощью его изображения и легенды с упоминанием основанной им новой столицы Египта). Высказывалось мнение, что этот новый александрийский чекан был синхронен призыву Птолемея к освобождению греческих полисов в начале третьей войны диадохов 314–311 гг. до н.э. (*Diod.* XIX. 62) [Kuschel, 1961, S. 17]; однако он лег в основу чекана Птолемея в Сидоне, датированного 22-м годом местного царя Абдалонима, т.е. 312/1 г. до н.э. (несомненно, временем после победы Птолемея и Селевка в битве при Газе осенью 312 г. до н.э., см. ниже, II.3.в; о занятии в результате этой победы

Птолемеем Сидона см.: *Diod. XIX. 86.1*)¹. Примечательно и сходство легенд на александрийском и киренском чеканах Птолемея: последний, вопреки О. Мёркхольму, было бы естественнее связать не с усилением контроля Птолемея над Киреной, приведшим к восстанию в этом полисе в 313—312 гг. до н.э. (см. ниже, II.3.г), а как раз с таким значительным событием, как подавление этого восстания в 312 г. Как нам представляется, эти аналогии, обнаруживающиеся для александрийского чекана Птолемея, позволяют датировать не только его, но и отразившееся в нем напрямую событие – перенесение в Александрию столицы Египта – периодом около полутора лет до составления «Стелы сатрапа». Можно обратить внимание, что согласно свидетельству Диодора, послы Птолемея в начале восстания в Кирене, прибыли к ним из Александрии и туда же были отправлены виновники восстания после его подавления (*Diod. XIX. 79.1—3*) [Schäfer, 2011, S. 94], хотя, строго говоря, это не обязательно говорит о столичном статусе Александрии: так или иначе, она была самым близким к Ливии укрепленным пунктом Египта. Роль Птолемея в обустройстве Александрии как подлинной столицы Египта отразилась в известиях «Истории» Тацита (*Tac. Hist. IV. 83*).

II.3.в. Кампания Птолемея 312—311 гг. до н.э. против Антигона и Деметрия.

Сткк. 5—6, Urk. II. 15.1—10.

*stwt.n.f Ḥ3w-nbwt ʿš3w ḥnʿ | ssm(wt).zn kbn(wt) ʿš3w(t) ḥnʿ mšʿ.zn šm(t) pw ir.n.f ḥnʿ mšʿ.f r p3
t3 n Ḥ3r(w) wn.zn ḥr ʿh3 ḥnʿ.f ʿq.f m ḥnw.zn ib.f šhm mi drd m-ḥt šfnw it.f z(n) m sp wʿ in.f wrw.s(n)
ssm(wt)| .zn kbn(wt).zn bi3(wt).zn nb(wt) r B3qt*

Собрал он хау-небу^а многих с (5) конницей их, суда морские^б с войском^в их, выступил он (букв. «выступление это, сделанное им») с войском его в страну /людей/ хару^г, /поскольку/

¹ Легенда этого монетного выпуска выглядела как ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, в соответствии с практикой более ранних чеканов Птолемея, что объяснимо, учитывая его неалександрийскую локализацию [Mørkholm, 1991, p. 65, pl. 94; Kuschel, 1961, S. 12–14; Wheatley, 2003, S. 268–276].

были они в войне с ним^л. Вошел он в пределы^е их, /причем было/ сердце его сильно подобно хищной птице^ж, преследующей пичужек (букв «за пичужками»)^з. Схватил он их разом (букв. «в один раз»). Увел (букв. «принес») он вождей их, конницу (б) их, морские суда их, богатства (букв. «чудеса») их все в^н Египет^й.

а. В своем экскурсе, посвященном термину *H3w-nbwt*, Кл. Вандерслейен высказал предположение, что данный пассаж описывает действие, предпринятое Птолемеем не совместно с войском *H3w-nbwt* и т.д., а наоборот, сбор самих *H3w-nbwt* на войну с Птолемеем (очевидно «Собрались против него *H3w-nbwt* многие... и были они на войне с ним») [Vandersleyen, 1971, p. 148—149]. Неправдоподобность такой интерпретации явно следует из непредубежденного формального анализа текста: возвратное значение глагола *stwt* (Wb. IV. 335.14—16: «собирать») неизвестно, а предлог *n* не имеет значения «против кого-либо» [Gardiner, 1957, p. 126—127, § 164; cf. Darnell, 1992, p. 75; Schäfer, 2011, S. 99—100, Komm. 'a']. Речь очевидным образом идет о греко-македонских войсках, собранных Птолемеем для военной кампании.

б. Данный термин (Wb. V. 118.3—5) является производным от египетского названия города Библ (**kbn(y)t* < Wb. V. 118.2: *Kbn*) и, соответственно, буквально может быть переведен как «библский (корабль)». Вместе с тем, как показало исследование этого термина Дж. К. Дарнеллом, в позднее и греко-римское время, независимо от того, сохраняла ли тогда актуальность его этимологическая связь с египетским обозначением Библа, он мог обозначать любые крупные морские корабли, как военные, так и торговые, безотносительно к их конкретной принадлежности [Darnell, 1992, p. 67—68, 87—89].

в. Очевидно, в данном случае имеются в виду команды кораблей (ср.: Wb. II. 156.2—3; Sh.S. 8 – контекст, в котором имеется в виду явно экспедиционный отряд и одновременно команда корабля, плывущего по Нилу). Д. Шефер квалифицировала присутствующую в данном пассаже стилистическую конструкцию как хиазм (*H3w-nbwt* ^с*š3w* *hn*^с *ssm(wt).zn* – люди со средствами передвижения, *kbn(wt)* ^с*š3w(t)* *hn*^с *mš*^с.*zn* – средства передвижения с людьми) [Schäfer, 2011, S. 101, Komm. 'd']. Все же представляется возможным испытывать некоторую неуверенность в том, что составители текста «Стелы...» целенаправленно прибегали к подобным стилистическим изыскам.

г. Предложенное в свое время К. Зетэ прочтение этого обозначения как *p3 t3 n H3rw* (Urk. II. 15. Anm. 'a') представляется нам более правильным и, в частности, подтверждаемым лексикографически (Wb. III. 232.9), нежели *p3 t3 n3 H3rw* [Schäfer, 2011, S. 102—103, Komm. 'g']. Хороним *H3r(w)* (Wb. III. 232.7—10) – обозначение, употреблявшееся в египетских иероглифических текстах с эпохи Нового царства. Очевидно, что в данном контексте термин

H3r(w) обозначает не территорию страны, а ее жителей [Schäfer, 2011, S. 102, Komm. ‘g’, Anm. 330—331], о чем свидетельствует согласование с ним далее местоимения-суффикса 3 л. мн. ч. *.zn* (т.е. *p3 B n H3r(w)* – собственно, «страна /людей/ Хару»). По мнению А.Х. Гардинера, относясь первоначально к примыкавшей к Египту территории южной Палестины, оно перешло затем на территорию Палестины, Финикии (по крайней мере, к югу от Библа) и Южной Сирии [Gardiner, 1947, vol. I, p. 181*—182*. No. 567]. В то же время ряд фрагментов источников показывает, что данный термин должен относиться, по сути дела, ко всему Восточному Средиземноморью [Немировский, 2001 (1), с. 121—123]. Весьма вероятно, что такое широкое употребление данного термина подтверждается в начале эллинистического времени, на Году 12 Александра (IV), т.е. через год после появления «Стелы сатрапа», текстом pBremner-Rhind=BM10188: там слово *h3rw* явно употребляется в качестве очень широкого территориального обозначения (pBremner-Rhind=BM10188, колофон, стк. 34: *ir z nb n h3st nb Nhs Kš H3rw* «Что до человека всякого чужеземной страны всякой – страны чернокожих, Куша (или) Хару...»).

История данного термина продолжается в трехязычных декретах жреческих синодов птолемеевского времени [Huß, 1991], где он оказывается в особенности востребован в их демотических версиях; соответствия ему в грекоязычных и позднеэллинистических иероглифических версиях этих текстов выглядят следующим образом:

Таблица Прил. 1: Соответствия хоронимов, обозначающих страны Восточного Средиземноморья в трехязычных декретах III в. до н.э.

<i>Декрет</i>	<i>Греческий текст</i>	<i>Иероглифический текст</i>	<i>Демотический текст</i>
Александрийский декрет (243 г. до н.э.): [Altenmüller, el-Masri, Thissen, 2012, S. 97—98]	Сткк. 13—14: εἰς τὴν Συρίαν καὶ Φοινικίαν καὶ Κιλικίαν καὶ Βαβυλωνίαν καὶ] ἢ Περσίδα καὶ Σουσιάνην	Стк. 43: <i>iw (=r) Rtnwy</i> <i>H3rw Hrk S(n)gr St-3wš</i>	Стк. 27: <i>(r) p3 tš n P3-išr</i> <i>p3 tš n n3 Hr.w p3 tš n n3</i> <i>Hrg.w Prs Sws</i>
Канопский декрет (238 г. до н.э.; текст стелы из Таниса): OGIS I. 56; Urk. II. 131 [Pfeiffer, 2004, S. 93—95]	Стк. 17: ἔκ τε Συρίας καὶ Φοινίκης καὶ Κύπρου καὶ ἐξ ἄλλων πλείονων τόπων	Сткк. 9—10: <i>m Rtnw i3bt</i> <i>m t3 n Kftyw m Tw-n-sbn</i> <i>nty m hr-ib W3d -wr hn^c</i> <i>h3swt wrw</i>	Стк. 18: <i>p3 tš (n) p3 Tšr p3</i> <i>tš (n) n3 Hr(.w) t3 m3y(.t)</i> <i>(n) S3lmyn3 irm kt.t-h m3^c</i> <i>š3y</i>
Декрет Рафии (217 г. до н.э.) [Gauthier, Sottas, 1925, p. 6, 33—34; Thissen, 1966, S. 13]	-	Стк. 6: <i>Rd hr t3wy Fnhw</i>	Стк. 9: <i>p3 tš (n) p3 Tšr p3 tš</i> <i>n Hr.w</i>

Наблюдение над закономерностями употребления данного термина в его иероглифическом и в особенности в демотическом вариантах в этих текстах III в. до н.э. кажется очевидным. Демотическое $\underline{Hr}(.w)$ четко соотносится с греческим Φοινικία, а встречающееся систематически в паре с ним $\dot{I}šr$ – с греческим Συρία; позднесреднеегипетским иероглифическим соответствием первому из этих терминов служат варианты термина $Rtnw$ (Wb. II. 460), восходящего еще ко II тыс. до н.э., а второму, по крайней мере, в случае декрета Рафии – обозначение, опять же соответствующее Финикии². В таком случае в текстах эллинистического времени демотическое $\underline{Hr}(.w)$ и иероглифическое $\dot{H}Zrw$ (в той мере, в какой последнее еще употребляется) обозначают Финикию [Pfeiffer, 2004, S. 98, со ссылкой на Vittmann, 1998, S. 349, 350]. Значит ли это, что термин $\dot{H}Zr(w)$ в «Стеле сатрапа» имеет то же самое значение (вернее, обозначает обитателей именно этого региона Восточного Средиземноморья)? С одной стороны, обе кампании, которые в 310-е гг. до н.э. сатрап Птолемей вел в Восточном Средиземноморье, – в 319—318 (см. главу 2, § 2.1, главу 4, § 4.1.2) и 312—311 гг. до н.э. (см. далее, комм. «й») – протекали на более обширной территории, чем собственно Финикия, и при этом рассматриваемый нами сейчас фрагмент является единственным в тексте «Стелы...» описанием действий Птолемея в Восточном Средиземноморье (как мы постараемся показать ниже, военная кампания, описанная в следующем фрагменте текста «Стелы...» происходила в другом регионе; см. далее II.3.д). Исходя из этого, можно было бы допустить, что текст «Стелы сатрапа» удерживает характерное еще для II тыс. до н.э. соотнесение данного термина с Восточным Средиземноморьем в целом. С другой стороны, на наш взгляд, есть основания считать, что главной целью и «призом» кампании Птолемея в этом регионе в 312—311 гг. могли считаться именно города Финикии (*Diod.* XIX.19.85.5–86.1–2). В таком случае характерное для эллинистических текстов «суженое» значение данного термина описывало бы эту цель оптимальным образом. Сходного мнения в свое время придерживался Я.К. Винницкий [Winnicki, 1991, p. 169–170], и именно к нему мы склоняемся.

д. Как было отмечено выше, термин $\dot{H}Zrw$ очевидным образом обозначает не страну, на территории которой вел военные действия Птолемей, но ее жителей, которым приписываются таким образом действия против него (допускать, что местоимение-суффикс $.zn$ согласованно с присутствующим в предыдущем периоде $\dot{H}Zw-nbwt$, крайне неправдоподобно по смыслу; см.

² Употребление в иероглифическом тексте Канопского декрета термина $Kftw$, как правило, обозначающего Крит (Wb. V. 122.5), Ш. Пфайффер считает ошибкой [Pfeiffer, 2004, S. 98]; по мнению Ю. Озинга, в эллинистическое время этот термин переносится на Финикию, при том что собственно Крит обозначается другими терминами не только египетского, но и семитского происхождения [Osing, 1992].

комм. «а»). Д. Шефер, по всей вероятности, справедливо отводит возможность перевода фразы *wn.zn hr ḥ3 ḥnḥ.f* как придаточного предложения относительного («.../которые/ были в войне с ним», см. [Kaplony-Heckel, 1982, S. 615; Goedicke, 1985, p. 33]: она не видит в основе данной фразы причастия, которое могло бы быть или считаться согласованным с антецедентом мн.ч. и вместе с Э. Энгсхеденом квалифицирует ее как придаточное обстоятельственное [Engsheden, 2003, p. 255—256; Schäfer, 2011, S. 104—105]. При этом она едва ли права, связывая это придаточное предложение не с предшествующим (*šm(t) pw ir.n.f...*), а с последующим (*ḥq.f...*) периодом (Während sie (=Syreer) gegen ihn (=Ptolemaios) kämpfen, drang er in ihre Mitte...) [Schäfer, 2011, S. 98—99]. По существу данной фразы справедливо замечание Шефер, что подобная активная роль врагов Египта в войне с его правителем необычна (см. также главу 4, § 4.3.2).

е. Очевидным из контекста образом данное слово не имеет значения «столица, резиденция» (см. выше, II.3.б, комм. «а»). Стоит отметить написание его основы только знаком GG(SL) W₂₄ (𐀓; cf. Wb. III. 370).

ж. Wb. V. 596; см. о смысле этой метафоры главу 2, § 2.4.2.

з. Wb. IV. 460.4; написание данного слова с *n* уникально, в остальных случаях ему соответствует *šfw* (id. 455.3) [Schäfer, 2011, S. 105, Komm. ‘i’].

и. Предлог *r* выписан ; о передаче *r* в позднесреднеегипетских текстах с помощью данного написания см.: Wb. II. 386, [Vucichl, 1983, p. 37]; ср. сткк. 7 (Urk. II. 16.10), 11 (Urk. II. 18.6), 16 (Urk. II. 20.10). Ср. с обратным явлением – передачей частицы *iw* с помощью написания *r*, что полностью демонстрирует фонетическую близость этих слов в языке IV в. до н.э.; ср. II.1, комм. «е», III.1.а, комм. «и».

й. Вопрос об идентификации военной кампании, описанной в данном фрагменте «Стелы сатрапа», у большинства исследователей не вызывает сомнений: ею признается кампания конца 312 – начала 311 гг. до н.э., в ходе которой Птолемей и Селевк нанесли поражение Деметрию в битве при Газе, Селевк занял Вавилонию, а Птолемей установил контроль над значительной частью Восточного Средиземноморья. Исход кампании был для Птолемея неудачен, поскольку весной 311 г. до н.э. он снова потерял Восточное Средиземноморье (см. подробнее главу 2, § 2.1). Презентация данной кампании, вопреки ее реальному результату, как победы в тексте, следующем традиции египетских царских военных надписей, в общем, не вызывает удивления (ср., например, с характеристикой в современных ему памятниках не слишком успешного похода Аменхотепа II: [Ладынин, Немировский, 2001 (2)]). Сообщение о взятой в ходе нее добыче, между прочим, согласуется с известиями Диодора о захвате Птолемеем добычи в городах Палестины в конце его кампании (*Diod. XIX. 93.7*) [Winnicki, 1989, S. 63]. Наконец,

хотя в силу стяженности описания данной кампании оно оказывается весьма обобщенным, в нем угадывается некий эпизод наивысшего напряжения, в котором лично участвовал Птолемей, – с наибольшей вероятностью триумфальная по своим немедленным последствиям победа при Газе. Характерным образом, подобного эпизода не было в ходе кампании Птолемея в Восточном Средиземноморье в 319—318 гг. (см. главу 2, § 2.1, главу 4, § 4.1.2) [Schäfer, 2011, S. 118—119]. Все это привело большинство исследователей к заключению, что в данном фрагменте описана именно кампания 312—311 гг. до н.э. [Bouché-Leclercq, 1903, p. 49, n. 1; Griffith, 1909, vol. 3, p. 318, n. 1; Vandersleyen, 1971, p. 149; Winnicki, 1991, S. 164—185; Hölbl, 2001, p. 31; Schäfer, 2011, S. S. 116—123 (bes. S. 117, Anm. 410—412)].

Обратим внимание на еще один нюанс рассматриваемого фрагмента «Стелы сатрапа», который, насколько мы знаем, до сих пор оставался незамечен. По точному смыслу текста «Стелы...», в данном фрагменте речь идет о проникновении Птолемея и его войск внутрь владений его врагов. Между тем, допуская, что этот фрагмент представляет собой, как мы уже сказали, обобщенное описание, в котором, очевидно, сказалось впечатление от яркого успеха при Газе, мы должны учесть, что сама Газа, разумеется, находится на пограничье Синая, т.е. непосредственной ближней периферии Египта, и Восточного Средиземноморья. Проникновение «в пределы» (*m-hnw*; см. комм. «е») врагов Птолемея, локализуемых в Восточном Средиземноморье, очевидно, должно было иметь какую-то иную, более далекую цель, и сообщения Диодора о кампании 312—311 гг. до н.э. могут подсказать, какую именно: с достаточно высокой вероятностью ею должны были считаться занятые Птолемеем города Финикии – Ашдод; Diod. XIX. 85.1) и в особенности богатейшие Сидон и Тир (id. 86.1) [Winnicki, 1989, S. 60—62]. В таком случае обозначение театра этих военных действий «страна /людей/ хару» могло бы получить удовлетворительное объяснение в рамках характерных для него коннотаций эллинистического времени, связывающих его именно с Финикией.

По мнению Д. Шефер, одно из возражений против идентификации описанного в «Стеле...» похода с кампанией 312—311 гг. до н.э. – упоминание об участии в нем флота, отсутствующее у античных авторов, – может быть снято, если предположить, что данное описание включает в себя и в целом реминисценции военных действий третьей войны диадохов, в которых флот Птолемея был задействован. В этой же связи Дж. К. Дарнелл высказал предположение, что начальные строки данного фрагмента «Стелы» описывают уход Птолемеем военных кораблей из Финикии в самом начале третьей войны диадохов, до вторжения туда Антигона (Diod. XIX.58) [Darnell, 1992, p. 76]. Возможно, в таких предположениях нет необходимости, поскольку описание «Стелы...» может включать в себя как подробности, не акцентированные в античной традиции, так и чистые условности (какой, собственно, является прежде всего сама презентация данной кампании как победоносной).

Кроме того, как мы еще скажем далее (см. Экскурс 1), после подавления восстания в Кирене и до кампании, включавшей в себя битву при Газе Птолемей предпринял еще одну экспедицию на Кипр с рейдами в Киликию и Сирию (*Diod. XIX. 79.4—7*): в этих его делах флот, безусловно, участвовал. Насколько можно судить, все эти события пришились на 312 г. до н.э. Если описание войны со «страной /людей/ хару» действительно суммирует целый ряд событий, то можно думать, что это суммирование относится только к кампаниям 312 г. – предшествующего тому, которым датирована «Стела...», – а не в целом третьей войны диадохов.

В.В.Струве, ошибочно датируя «Стелу...» 317/316 г. до н.э. (см. II.1, комм. «а»), считал, что в обсуждаемом фрагменте речь идет о военных действиях в Восточном Средиземноморье в начале 310-х гг. до н.э. [Струве, 2003 (1), с. 112]. Аналогичное мнение высказывал сначала П. Фрэзер, солидаризовавшись со Струве [Fraser, 1960, p. 2, n. 1; cf. Struve, 1928], однако затем он все же принял возможность того, что данный фрагмент описывает кампанию 312—311 гг. до н.э. [Fraser, 1972, vol. 2, p. 12]. Следует заметить, что обсуждение данного сообщения «Стелы...» связано для Фрэзера с датировкой перенесения столицы Египта в Александрию, которое он считает предшествующим по времени военной кампании в Азии (согласно последовательности сообщений исторической части «Стелы...»). Вместе с тем мы уже говорили, что в основе композиции исторической части «Стелы...» лежит, вероятнее всего, не хронологический принцип (см. главу 2, § 2.4.2, II.3.а, комм. «е»). С некоторой неуверенностью относит данное сообщение «Стелы...» к кампании 319—318 гг. до н.э. В. Хусс [Huß, 1994 (1), S. 93; Huss, 2001, S. 124, Anm. 218].

II.3.г. Кампания Птолемея против «рубежа Ир-мер-а» = Кирены.

Стк. 6, Urk. II. 15.12—15.

*m-ḥt nn wd3 pw ir.n.f r p3 tš n Ir-mr-3/Mr-mr-3 it.f zn m 3t w^ct in.f mš^c.z(n) m t3yw ḥmwt ḥn^c
ntr(w?).zn m-isw ir.zn r B3qt*

После этого (помимо этого?)^а выступил он (сатрап Птолемей; букв. «выступление это, /которое/ сделал он») к рубежу^б Ир-мер-а/Мер-мер-а^в. Схватил он их в миг один, увел (букв. «принес») ^г он народ^д их в качестве мужчин /и/ женщин^е с богом/богами их^ж в качестве возмездия за /то, что/ сделали они против^з Египта.

а. Стандартное значение словосочетания *m-ḥt nn*, часто встречающегося в начале периодов, – «после этого», т.е. временное (Wb. III. 345. 14; ср. в Мендесской стеле: Urk. II. 39. 3; в Канопском декрете: id. 144. 9). Вместе с тем для предлога *m-ḥt* фиксируется также и значение «у кого-либо, вместе с кем-либо, при ком-либо» (о предмете, находящемся у того или иного лица или вблизи него, в сочетании данного предлога с существительным или личным местоимением-суффиксом: id. 19–20). Употребление этого выражения в данном случае должно с наибольшей вероятностью указывать на то, что эпизод, описанный в рассматриваемом фрагменте, считался составителями «Стелы...» следующим по времени за предшествующим ему в изложении, т.е. за кампанией сатрапа Птолемея и Селевка в Восточном Средиземноморье 312–311 гг. до н.э. (см. III.3.в). Менее вероятно, что в данном случае мы имеем дело с не находящим аналогий вариантом второго значения данного предлога, предполагающим его сочетание не с личным, а с указательным местоимением: «подле, сверх, помимо этого (т.е. кампании Птолемея)» – в смысле, «помимо этого, кроме этого».

б. Употребленное здесь слово *tš* имеет в среднеегипетском языке стандартное значение «граница» (Wb. V. 328); более ранним его вариантом является слово *t3š* (id. 234–236). Вместе с тем так в данном контексте «Стелы...» его переводят лишь немногие [Goedicke, 1985, p. 33 (“border of the Arameans”); Bresciani, 1990, p. 639 (“confini”)]. Обоснованной альтернативой такому переводу применительно к позднеегипетским текстам могло бы стать значение «область, округ, ном» [Schäfer, 2011, S. 107, Anm. 358, с отсылкой к ряду работ, в частности: Roeder, 1959, S. 102 (“Gau von Jar-mer”); Kaplony-Heckel, 1982, S. 615 (“Gau von Ir-mer”); Müller-Wollermann, 1992, p. 243–247; cf. DZA 28.136.430 (“Gau der irmjtjw”)]; однако можно согласиться с мнением автора недавнего монографического исследования «Стелы сатрапа» Д. Шефер, что оно едва ли обнаружилось бы применительно к территории, лежащей вне Египта. Вместе с тем, по ее наблюдению, большинство исследователей «Стелы сатрапа» уже достаточно давно переводят его как «область, страна, земля»; присоединяется к их позиции и сама Шефер [Schäfer, 2011, S. 107]. При этом она справедливо критически относится к мнению Х. Клинкотта и С. Кубич, согласно которому разница в употреблении равнозначных в таком случае по смыслу слов *tš* и *t3* (Wb. V. 215: «земля») должна состоять в том, что первое обозначает небольшую, а второе – обширную территорию [Klinkott, Kubisch, 2005, S. 541]: по словам Шефер, угодье «Земля Уаджит» (*p3 t3 n W3dyt*), о котором идет речь во второй части «Стелы сатрапа» (см. III) во всяком случае не могло быть обширнее, чем район, обозначенный в данном контексте термином *tš* (см. о его границах III.1.а, комм. «в»).

К сожалению, ориентация на словоупотребление «Стелы сатрапа» изменяет Д. Шефер, когда она решает вопрос о значении слова *tš* в принципиальном плане. Легко заметить, что в

«Стеле...», при описании конкретных границ пресловутой «Земли Уаджит» они и обозначаются этим словом (стк. 14, Urk. II. 20.3; стк. 15, id. 8)³, в то время как территория Восточного Средиземноморья в контексте кампании сатрапа Птолемея в 312–311 г. обозначена как раз

словом *tš* (стк. 5, Urk. II. 15.4: *p3 t3 n Hr* «страна /людей/ Хару»; см. П.З.в, комм. «Г»). При этом единственным основанием для того, чтобы присваивать слову *tš* в интересующем нас контексте значение «область, страна, земля» могло бы быть лишь словоупотребление демотических текстов (DWL 07453) [Erichsen, 1954, S. 656]⁴, прежде всего хорошо известного Канопского декрета, где словосочетаниям древнегреческому ἕκ τε Συρίας καὶ Φοινίκης (OGIS I. 56, l. 17) и позднеэллинистическому *m Rtnw i3bt m t3 n Kftu* («в Речену восточном (и) в стране Кефтиу»; Urk. II. 131. 7–8) соответствует демотическое словосочетание *p3 tš (n) p3 I3r p3 tš (n) n3 Hr* (стк. 18 демотического текста стелы из Таниса; см. П.З.в, комм. «Г»). Я.К. Винницкий высказывал мнение, что позднеэллинистический язык «Стелы сатрапа» испытал влияние разговорного демотического языка времени ее создания [Winnicki, 1991, p. 166–167, n. 54], и, исходя из этого, в частности, считал тождественными по смыслу *p3 t3 n Hr* в «Стеле...» и *p3 tš (n) n3 Hr* в Канопском декрете [Winnicki, 1991, p. 169–170]. Вместе с тем аргументы Винницкого о влиянии демотического языка на язык «Стелы...» не столь сильны⁵; а соотнесение этих словосочетаний как таковое, на самом деле, как раз убеждает, что слову *tš* в его демотическом значении «область, страна, земля» в «Стеле сатрапа» соответствует именно *t3*! В таком случае, скорее следует считать, что в словоупотреблении «Стелы сатрапа» значения этих двух слов различны и в интересующем нас контексте слово *tš* все же обозначает «границу» (очевидно, пограничную область).

в. Между исследователями «Стелы сатрапа» нет единства в установлении транслитерации данного обозначения. Разногласия вызывала прежде всего идентификация третьего по порядку

знака в его написании как GG(SL) G₁ (– 3) [Goedicke, 1985, P. 34 (*Iri-mi-3*); Recklinghausen, 2005, S. 149 (*Irm3w*); Klinkott, Kubisch, 2005, S. 535 (*Ir-mr-3*); Schäfer, 2011,

³ По мнению Д. Шефер, здесь имеет место переключки между значениями данного слова «граница» и «область, округ, ном» (применительно к территориям, которые разграничиваются [Schäfer, 2011, S. 168–169, Komm. ‘g’]); однако такое построение выглядит достаточно искусственно.

⁴ Характерным образом, Д. Шефер обошлась без специальной мотивации своего выбора, ограничившись указанием, что значение «область» для слова *tš* в данном случае более осмысленно [Schäfer, 2011, S. 107 (“...ist in diesem Fall eine Übersetzung als „Gebiet“ doch sinnvoller”)].

⁵ Отмеченная польским исследователем частота использования в тексте «Стелы...» определенного артикля характерна и для более ранней, новоэллинистической, фазы развития древнеэллинистического языка, и само ее наличие в позднеэллинистическом тексте несколько не должно удивлять [Jansen-Winkel, 1996, S. 145–146. § 238–239]. В частности, появление артикля *p3* в словосочетании *p3 tš n Ir-mr-3/Mr-mr-3*, в котором мы и видим обсуждаемое нами слово *tš*, вполне соответствует свойственному позднеэллинистическому языку правилу его употребления при обозначении неслучайных, известных лиц, предметов и т.д. [Jansen-Winkel, 1996, S. 145. § 239(1)].

S. 98, 108 (*Ir-m3.w*) или G₄ (– *tyw*) [Brugsch, 1871, S. 3 (mer-mer-ti); Kaplony, 1971, p. 257, n. 1 (*Irmrtj.w* (*Irm3*)); Giveon, 1971, p. 181 (*Iritj.w*); Winnicki, 1991, p. 171, n. 74 (*Imrtj.w*; устное сообщение Х.-Й. Тиссена); Lodomez, 2003, p. 436 (*Imrtjw*)] (DZA 28.136.430 (*irmjtjw*)). В ряде транслитераций или транскрипций этот знак оказался вообще проигнорирован [Roeder, 1959, S.102; Kaplony-Heckel, 1982, S.615–616, Anm. 6b (“Gau von Ir-mer”; *Ir-mr*, с признанием возможным и чтения *Mr-mr*; см. ниже); Ritner, 2003, p. 393–394, n. 4 (“the territory of Irem”, исходя из вероятности локализации данной области в Верхней Нубии; см. Экскурс 1)]. На наш взгляд, сопоставление этого знака с несомненными примерами употребления в тексте «Стелы...» знака GG(SL) G₁ – например, в определенном артикле *n3* в ряде словосочетаний

(стк. 5, Urk. II. 15. 4: *p3 t3 n H3rw* «страна /людей/ Хару» (см. прорисовку и фотографию «Стелы...»: [Schäfer, 2011, S. 98, 318, Taf. 4]; Рисунок Прил. 3); стк. 15, Urk. II.

20. 4: *n3 3wy* «двое ворот» (см. прорисовку и фотографию «Стелы...»: [Schäfer, 2011,

S. 163, 320, Taf. 6]; Рисунок Прил. 4), в составе знака GG(SL) G₃ в написании (*sm3wy.f* «обновление его»; стк. 12, Urk. II. 18. 17; см. прорисовку и фотографию «Стелы...»: [Schäfer, 2011, S. 135, 319, Taf. 5]; Рисунок Прил. 4) – не оставляет сомнений, что в данном случае мы также имеем дело с ним, и едва ли целесообразно игнорировать его в

транслитерации. Не вызывает особых сомнений чтение знака GG(SL) N₃₆ как *mr*, хотя в связи с этим высказывались и другие предположения⁶. Наконец, большинство исследователей полагает, что первый из использованных в написании хоронима фонетических знаков,

GG(SL) D₄ имеет свое обычное фонетическое значение *ir* (см. приведенные нами варианты транслитераций). Однако У. Каплони-Хекель обратила внимание на возможность того, что этот знак может иметь и значение *mr* [Kaplony-Heckel, 1982, S.615–616, Anm. 6b; cf. Valeurs phonétiques..., 1988–1995, t. I, p. 148 (Montpellier D₈₃)], из которой в свое время явно исходил и Х. Бругш [Brugsch, 1871, S.3]. В соответствии с таким значением в позднесреднеегипетских (еще доптолемеевских) текстах слово «глаз» может иметь форму

 mrt (Wb. II. 107), а среди памятников, хронологически весьма близких к «Стеле

⁶ *m* [Kaplony, 1971, p. 257, n. 1] или *mi* [Goedicke, 1985, p. 34]; cf. [Valeurs phonétiques..., 1988–1995, t. III, p. 468 (Montpellier N₅₈₉ and N₅₉₃)]. Нам представляется, что нет необходимости оспаривать применительно к данному знаку его стандартное для среднегипетских, в т.ч. для позднесреднеегипетских, текстов фонетическое значение и приписывать ему одно из этих значений птолемеевского времени.

сатрапа», такая его форма зафиксирована, в частности, в надписях гробницы Петосириса в Туна эль-Гебель [Lefebvre, 1923—1924, t. III, p. 32 (‘ mrtj yeux d’un dieu’), 43 (‘*hntj-mrtj* epithète d’Horus “aux deux yeux”’)]. Таким образом, итоговое чтение данного хоронима как *Mr-mr-3* представляется возможным, хотя твердо обосновать его предпочтительность (как, впрочем, и предпочтительность чтения *’Ir-mr-3*), на наш взгляд, проблематично.

В 2005 г. Х. Клинокотт и С. Кубич высказали предположение, что знак GG(SL) D₄ в данном написании, как в передаче неегипетского обозначения, может иметь фонетическое значение *il*, что позволило бы транслитерировать обозначение в целом как *’Il-mr-3*, или *’Ili-mr-3*, и отождествить его с названием города Λιμίονα в Ликии. В таком случае данное сообщение «Стелы...» в целом должно было бы относиться к действиям сатрапа Птолемея в Малой Азии в 311 г. до н.э. [Klinkott, Kubisch, 2005, S. 542–544, 557]. Данная позиция осталась маргинальной, и серьезные возражения против возможности подобного чтения данного знака были высказаны Д. Шефер⁷.

Наконец, важный нюанс в интерпретации данного обозначения, – это некоторые особенности, позволяющие выявить в его основе этноним (по крайней мере, в понимании составителей стелы). Последние три знака в его написании – это GG(SL) T₁₄ (бумеранг), употребленный как детерминатив и вообще служащий детерминативом для обозначений чужеземных народов и стран (последних – скорее таких, названия которых образованы от этнонимов), N₂₅ (нагорье), обычный детерминатив в написаниях названий чужеземных стран, и Z₂ (три расположенные рядом черты), опять же обычный детерминатив, показывающий либо форму множественного числа определяемого им слова, либо то, что оно обозначает некое собирательное понятие (человеческий коллектив, материал, состоящий из множества дискретных частиц и т.п.) [Gardiner, 1957, p. 513; 488; 535]. Трудно сказать, воспринималось ли данное обозначение составителями «Стелы...» как слово множественного

⁷ Исследовательница обращает внимание на надежно зафиксированные примеры топонимов с начальным компонентом *li-*, в которых он передан с помощью знака GG(SL) D₂₁ , на отсутствие гласного компонента перед начальным *l-*, для передачи которого мог бы служить знак GG(SL) D₄ с его фонетическим значением *ir*, как в древнегреческом и ликийском, так и в древнеегипетском языках, а также на то, что среди детерминативов к обозначению *’Ir-mr-3/Mr-mr-3* нет знака GG(SL) O₄₉ , ожидаемого в написаниях названий городов [Schäfer, 2011, S. 110].

числа: фонетические знаки иероглифического написания соответствующую флексию не отразили, а знак GG(SL) Z₂ не обязательно подразумевает ее наличие. Однако последний знак, во всяком случае, предполагает, что данное слово обозначает нечто неединичное, по его смыслу (и в особенности в контексте знака GG(SL) T₁₄) явно некую общность людей. О том же говорит и трёхкратное согласование этого слова в последующем тексте с местоимением-суффиксом 3 л.

мн.ч. *.zn*, стяженным в иероглифическом написании *mš^c.z(n)* до *.z*. Таким образом, *p3 tš n Ir-mr-3/Mr-mr-3* – это или в буквальном смысле «рубеж /людей, народа/ *Ir-mr-3/Mr-mr-3*» [Brugsch, 1871, S.10 (“Gebiet der Bewohner von Marmarica”); Goedicke, 1985, p. 33 (“border of the Arameans”); Winnicki, 1991, p. 184 (“Gebiet der Araber”); Lodomez, 2003, p. 436 (“gebied van de Irmjtjw”); Recklinghausen, 2005, S. 149 (“Gebiet der *Irm3w*”)], или «рубеж /страны/ *Ir-mr-3/Mr-mr-3*», при том что само ее название есть производная от этнонима ее жителей и представление об этом прочно удерживается в выборе местоимения для согласования с данным словом в последующем тексте⁸. В этом смысле данное обозначение почти полностью аналогично обозначению *p3 t3 n H3rw* в предыдущем фрагменте «Стелы...» (за исключением того, что в его

иероглифическом написании нет знака GG(SL) T₁₄; см.: [Schäfer, 2011, S. 102–103. Komm. ‘g’; 108]).

Единство отсутствует не только в установлении транслитерации данного термина, но и в его интерпретации по существу; см. об исследовательских позициях по данному вопросу Экскурс 1 (как мы постарались показать в этой части нашей работы, нам представляется до сих пор наиболее обоснованным мнение о том, что в данном фрагменте идет речь о подавлении выступления Кирены против власти сатрапа Птолемея в 313—312 гг. до н.э., впервые высказанное Г. Бругшем [Brugsch, 1871, S. 13]).

г. По мнению Д. Шефер, *in.n.f* – форма *sdm.n.f*, передающая действие, предшествующее моменту повествования [Schäfer, 2011, S. 98]. На наш взгляд, вполне вероятно, что GG(SL) N₃₅

(*n*) в данном случае представляет собой фонетический комплемент [Gardiner, 1957, p. 38

(§ 32)] к W₂₅ (*in*) и не имеет самостоятельного чтения; в таком случае эта форма однородна в данном периоде с глагольной формой *it.f* (форма *sdm.f*), очевидным образом также выражающей значение прошедшего времени.

⁸ В переводах, передающих это обозначение как название страны, данный нюанс обычно не учитывается или, по крайней мере, не акцентируется: [Roeder, 1959, S.102 (“Gau von Jar-mer”); Kaplony-Heckel, 1982, S.615 (“Gau von Ir-mer”); Bresciani, 1990, p. 639 (“confine della Marmarica”); Ritner, 2003, p. 393 (“territory of Irem”); [Klinkott, Kubisch, 2005, S. 535 (“Gebiet von *Jr-mr-3*”)].

д. Употребленный здесь термин *mšc* изначально известен в значении «войско, армия, военный отряд» (Wb. II. 155); однако с определенного этапа к нему добавляется и новое значение «народ, множество людей», безотносительно не только к роду их занятий, но, как в некоторых случаях показывает сопровождающая этот термин группа детерминативов (например, в Канопском декрете в составе словосочетания *wsht-mšz*, Urk. II. 154. 4–5:

), также и к их половому составу [Spiegelberg, 1917, S. 93]. Авторы берлинского «Словаря египетского языка» квалифицировали это значение слова *mšc* как языковое явление позднего, а точнее эллинистического времени (cf. Wb. II. 155. 13; Wb. Belegst. II. 229). В эту эпоху данное значение соседствует с традиционным [Wilson, 1997, p. 469], но позднее оно становится практически единственным. Так, в коптской Библии производные от *mšc* оказываются параллелями к греческим ὁ λαός (Исх. 8:1) и даже δῆμος (Деян. 12:22) в Септуагинте [Černý, 1976, p. 271]; а своего рода итог истории этого слова в древнеегипетском языке подводит объяснение трактата Горуполлона, безусловно относящееся к детерминативу

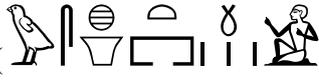
слова *mšc* (GG(SL) A₁₂

Единственный, насколько нам известно, случай возможного употребления слова *mšc* в данном значении до эпохи эллинизма обнаруживается в пассаже новоегипетского «Поучения Ани». В наиболее полном списке этот пассаж выглядит следующим образом: «Удаляйся от людей враждебных, /в то время как/ сердце /твое/ молчит посреди *mšc*» (pCG 58042 = Boulaq 4. 21.19–20: *i irw rwi r rmt-rqy iw h3ty gr m-hnw p3 mšc*). Несколько прозрачнее он выглядит в одном из более фрагментарных списков: «Удаляйся от (мятежников: приятно) молчащее сердце посреди драки *mšc*» (pLouvre E30144. 1.1–2: *irw rw[i... ndm] h3ti gr m qn p3 mšc*). Ряд исследователей сочли возможным перевести слово *mšc* в этом контексте как «толпа», т.е. близко к тому значению, которое установилось в эллинистическое время [Spiegelberg, 1917, S. 93, Anm. 2; Quack, 1994, S. 114–115, 142–143]. На наш взгляд, версия второго списка вполне внятно описывает поведение человека, вопреки желанию затесавшегося в потасовку вооруженных людей, и, соответственно, переводе слова *mšc* в данном контексте в соответствии с его исконным смыслом «войско, воины» кажется оправданным (cf. [Suys, 1935, p. 85]).

В таком случае наиболее ранние примеры употребления слова *mšc* в значении «народ, множество людей» действительно фиксируются лишь в начале эллинизма. К ним, безусловно, относится фрагмент надписи на статуе Louvre A88, описывающей деятельность

⁹ Цит. по: [Spiegelberg, 1917, S. 93].

гераклеопольского вельможи Хора (см. о нем главу 3, § 3.1.1, 3.2): «(Сделал) священным я двор народа позади Хебес-бегет» (стлб. 3: [s]dsr.n.i wsht-mšc r ḥ3 n Ḥbs-bgt) [Vercoutter, 1950, p. 89, pl. II–III; Perdu, 2012, p. 361–362]. В данном контексте термин *mšc* оказывается в составе другого

термина – *wsht-mšc* (; Wb. I. 366. 11: буквально «зал множества, зал народа»). Согласно указанию П. Спенсер, это обозначение относилось к той части храмового комплекса, которая была открыта для публичного доступа [Spencer, 1984, p. 77]. В птолемеевское время такими частями храмов становятся большие, обрамленные колоннадами дворы [Arnold, 1999, p. 148], где, в частности, выставлялись для всеобщего сведения стелы с декретами жреческих синодов (OGIS I. 56, ll. 75–76; 90, l. 38; ср., соответственно, Urk. II. 154.4, 190.1). При этом, хотя сама надпись, вне сомнения, относится к началу македонского времени, описанная в ней строительная деятельность Хора в Гераклеополе, по-видимому, происходила еще в конце XXX династии (см. главу 3, § 3.1.1, 3.2). С учетом последнего момента можно допустить, что как термин для обозначения данной части храма, так и само проявившееся в нем значение слова *mšc* могли сформироваться все же несколько раньше эллинистического времени.

Что касается обсуждаемого фрагмента «Стелы...», в нем значение термина *mšc* определяется значением следующего за ним словосочетания *m ḫw ḥmwt*: если справедлива та его интерпретация, которой мы придерживаемся (см. наш следующий комм. «е»), то *mšc* в данном контексте также означает «народ» (очевидным образом, народ «людей/ Ир-мер-а/Мер-мер-а»; cf. [Schäfer, 2011, S. 110–111]). Следует иметь в виду, что такое значение слова *mšc* можно обнаружить в «Стеле сатрапа» только в данном контексте: в других случаях оно сохраняет свое традиционное значение «войско» (стк. 2, Urk. II. 13.10; стк. 5, id. 15.4) или «военный отряд, команда корабля» (стк. 5, id. 15.3).

е. По мнению Э. Винтера, в данном написании () обращает на себя внимание

употребление в качестве детерминатива не группы знаков GG(SL) A₁+B₁ () , что ожидалось бы в обозначении коллектива, состоящего как из мужчин, так и из женщин, а только

детерминатива GG(SL) A₁ (). Исходя из этого, Винтер сравнивает данное написание со

словом *hm*, или *hmty* (Wb. III. 80. 7–8), – пейоративом, который

включает в себя знак GG(SL) N₄₁ () , связанный с семантикой женских половых органов, и используется в уничижительном смысле применительно к трусливым воинам (см. главу 6, § 6.2.1, прим. 4). Соответственно, словосочетание *ḫw ḥmwt* должно относиться к войску «людей/ *Ir-mr-3/Mr-mr-3*», будучи опять же пейоративом (нечто вроде «женомужчины»)

[Winter, 1987, S. 70–71]¹⁰. Мы согласны с Д. Шефер в том, что пропуск «женского» детерминатива GG(SL) B₁ в данном написании едва ли принципиально значим: само словосочетание *t3yw hmw* слишком хорошо известно в стандартном значении «мужчины /и/ женщины» (Wb. V. 345. 4), в том числе и в текстах эллинистического времени (см., например,

Канопский декрет: Urk. II. 151.10: ; здесь характерным образом оно употреблено вообще без антропоморфных детерминативов и с ясной древнегреческой параллелью τούς τε ὠιδούς ἄνδρας καὶ τὰς γυναῖκας; OGIS. I. 56, l. 69), чтобы уклоняться от него в данном случае [Schäfer, 2011, S. 112].

ж. Особенность написания данного слова – использование в нем чисто фонетических

одногогласных знаков () , а не знака GG(SL) R₈ () , с помощью которого слово *ntr* («бог») пишется обыкновенно идеографически (Wb. II. 358; в т.ч. в других случаях в «Стеле сатрапа»: надписи наверху, Urk. II. 11.10, 17; 12.8; стк. 1, id. 12.13; стк. 4, id. 14.9; и др.); кроме того, в данном написании у слова *ntr* вообще отсутствуют какие-либо детерминативы. На необычность такого фонетического написания этого слова обратил внимание Э. Винтер, констатировавший, что оно встречается очень редко и в данном случае должно быть употреблено не случайно, а также предложивший его перевод формой множественного числа [Winter, 1987, S. 70]; ср. с написанием этого слова одногласными знаками, с использованием детерминативов, в форме мн.ч., согласно «Словарю египетского языка» – Wb. II. 358, верх

страницы: . Как до этого, так и позднее ряд исследователей считали, что это написание вообще передает не слово *ntr*, однако его убедительная интерпретация (прежде всего, определение конкретного слова или словосочетания, переданного таким образом) так и не была достигнута¹¹. Между тем для слова *ntr* такое написание все же возможно (см.

¹⁰ Независимо от данной публикации, в частном обсуждении на возможность такой интерпретации обращал наше внимание д-р Д. Кан (Университет Хайфы).

¹¹ См. варианты перевода: “sammt ihren Rossen” [Brugsch, 1871, S.3, 10] (неясно, почему в данном контексте в качестве добычи должны упоминаться именно кобылы, а не вообще «лошади» – *ssm(wt)*, – как в описании кампании в Восточном Средиземноморье – см. выше II.3.в, стк. 6, Urk. II. 15. 9); “nebst dem was sie besaßen” (DZA 24.411.110; карточка расписана К. Зете); “samt aller ihrer Habe” [Kaplony-Heckel, 1982, S.616]; “e i loro valorosi” [Bresciani, 1990, p. 639]. Последние три исследователя не оговорили, какой именно транслитерацией данного написания они руководствовались; по мнению Д. Шефер, в первых двух случаях оно было транслитерировано примерно как *nt(y) (i)r(y).zn* («все относящееся к ним» = все их имущество), причем сама Шефер считает такой вариант не исключенным [Schäfer, 2011, S. 113]. Думается все же, что он маловероятен: другие фрагменты «Стелы сатрапа» не фиксируют перехода в написании слова *nty* («который») *t* в *t̄* (см., например, стк. 7, Urk. II. 16.6; стк. 8, id. 16.14, 15; стк. 15, id. 20.1; стк. 16, id. 20.14; стк. 18, id. 21.12, 13). Что касается перевода Э. Брешиани, то само употребленное ею слово *valorosi* неясно: с меньшей вероятностью оно может означать «ценности» (в таком случае исследовательница должна была ориентироваться на примерно ту же транслитерацию, что Зете и Каплони-Хекель), с большей – «храбрые, доблестные». Как отмечает Д.

репрезентативную сводку примеров написания данного слова одногласными знаками в форме как ед., так и мн.ч., как с использованием детерминативов, так и без них: [Recklinghausen, 2005, S. 152]), и целый ряд исследователей «Стелы...» все же переводили данный фрагмент исходя из этого и, как правило, видя в данном написании форму множественного числа (см.: DZA 20.878.220 (“Götter” – пометка неизвестного исследователя на карточке, расписанной К. Зете); [Roeder, 1959, S. 102 (“zusammen mit ihren Göttern (*Bildern*)”); Ritner, 2003, p. 394 (“together with their gods”)]).

Однако решение вопроса о чтении данного написания, очевидно, невозможно без интерпретации более обширного фрагмента «Стелы...», составляющего его контекст и посвященного уводу сатрапом Птолемеем людей *Tr-mr-3/Mr-mr-3*; в конечном счете, оно сопряжено и с идентификацией этого обозначения. Пожалуй, наиболее подробное суждение в связи с этим высказал относительно недавно Д. фон Реклингхаузен. По его мнению, данное обозначение относится к арамеязычным жителям Восточного Средиземноморья (см. ниже, Экскурс 1), и если в контексте упоминания их культа слово «бог» (как считает исследователь, в единственном числе) выписано столь необычно, значит, крайне необычен с точки зрения египтян сам этот культ. Данное написание исследователь считает адекватным представлению о безобразном и не имеющем культовых атрибутов, обычных для ритуалистических религий, боге Яхве, и, соответственно, включает это сообщение в число египетских свидетельств от евреях и иудаизме [Recklinghausen, 2005, S. 152]. В дальнейшем эта интерпретация была фактически без какой-либо критики воспринята коллегой фон Реклингхаузена по работе в Тюбингенском университете Д. Шефер [Schäfer, 2011, S. 130–131].

Как представляется, данная интерпретация весьма уязвима. Само предположение о том, что именно специфика неритуалистического монотеистического культа могла обусловить в данном случае фонетическую запись слова *ntr*, достаточно произвольно (см. ниже). Пожалуй, еще более существенно, что как раз представление о монотеистическом божестве едва ли совместимо с возможностью в каком-либо смысле и куда бы то ни было его «переместить», хотя бы и вместе с его приверженцами (тем более что сама эта депортация, как превосходно знали бы египтяне, не могла носить тотальный характер по отношению к широко расселенным в диаспоре евреям).

Шефер, такой перевод восходил бы к лексическому значению слова *tnr* (Wb. V. 382–383); и в таком случае можно было бы допустить, что, по мнению Брешиани, данное написание отражает это слово с метатезой первых двух согласных [Schäfer, 2011, S. 114]. Однако получаемый при таком допущении перевод контекста этого слова, мягко выражаясь, невнятен («...увел он войско их в качестве мужчин /и/ женщин вместе с храбрыми их» – стоящими, непонятным образом, вне войска и при этом не являющимися ни мужчинами, ни женщинами?). Наконец, Х. Клинокотт и С. Кубич допустили, что данное написание воспроизводит некое демотическое слово со значением «дети» [Klinkott, Kubisch, 2005, S. 545]; уязвимость такого допущения показала Д. Шефер [Schäfer, 2011, S. 114].

Вместе с тем, безусловно, заслуживает обсуждения вопрос о том, почему в действительности знак $GG(SL) R_8$ () , наиболее частотный для передачи слова *ntr*, мог быть пропущен в данном случае, исходя из его семантики. Согласно крупнейшему египтологу-религиоведу Э. Хорнунгу, этот знак представляет собой изображение некоего предмета, полностью закрытого полосой ткани, похожей на мумификационные бинты: «флажок» в верхней его части представляет собой на самом деле конец бинта, оставшийся свободным и отходящий в сторону [Hornung, 1996, р. 33–40]. Семантика этого знака достаточно ясна: он изображает предмет, подобный примитивным культовым фетишам, являющийся вместилищем сакральной силы в земном мире и целенаправленно изолированный от любого случайного соприкосновения с ним, поскольку оно необычайно опасно. При этом представление о таком предмете как о вместилище сакральности в земном мире предполагает, что в своей истинной природе эта сакральность пребывает в трансцендентности (на «небе» египетских и общеархаических представлений о местопребывании богов). Видимо, именно с этим можно связать неприятие Эхнатонам данного знака, как и передаваемого им слова *ntr*, для обозначения своего божества [Перепелкин, 2000, с. 304], которое мыслилось всецело находящимся в земном мире в его природе солнечного диска. По существу этих представлений, слово *ntr*, выписанное с помощью знака $GG(SL) R_8$, вполне могло быть родовым обозначением для монотеистического божества, в том числе и для Яхве в религии иудаизма: его существование в трансценденции, а равно и наличие его проявлений в земном мире (в случае Яхве – прежде всего, в знаменитом Иерусалимском храме, где в его пользу в конце IV в. до н.э., как и до и после этого времени, совершался ритуал) не вызывали сомнений. Напротив, отсутствие в написании слова *ntr* этого знака скорее наводило бы на мысль, что речь идет о каком-то предмете или феномене, который считался связанным с сакральной сферой, но на самом деле такой связи не имел, так что никакая сакральная сила в нем не воплощалась.

В прямой связи с этим уместно поставить вопрос: что именно в представлениях конца IV в. до н.э. могло быть связано со сферой сакрального и вместе с тем доступно для захвата завоевателем в качестве добычи? Ответ на этот вопрос применительно к обсуждаемому фрагменту уже дал Г. Рёдер, поместивший в своем переводе в скобках вслед за словом “Göttern” краткое пояснение *Bildern* (см. выше). Вывоз культовых изображений из завоеванной страны, в том числе при подавлении восстаний в ней, – общеизвестная переднеазиатская практика, к которой неоднократно прибегали персы; отсылка к таким эпизодам присутствует в самой «Стеле сатрапа» в сообщении о возвращении Птолемеем из Азии египетских культовых предметов (см. выше, II.3.а, а также главу 1, § 1.2, главу 4, § 4.1.2). Захватывая нечто, связанное с культурами «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а», сатрап Птолемея, по сути дела, уподобляет себя

прибегавшим к такой практике великим переднеазиатским царям: кстати, насколько нам известно, это единственный случай перенесения данного мотива на правителя Египта в его иероглифических текстах. Вместе с тем в сообщении о возвращении Птолемеем культовых предметов из Азии изображения египетских божеств обозначены словосочетанием «образы богов» (*ḥmw n ntrw*), выписанным с использованием знака GG(SL) R₈ () . Применительно к изображению чужеземного божества, сакральная сила которого для египтян была сомнительна, по-видимому, могло быть употреблено само слово *ntr* с оттенком уничижительности, который выразился в его написании без знака GG(SL) R₈, что исключало сакральность данного изображения (будто бы по отдаленной аналогии со словом «божок», употреблявшимся по отношению к культовым изображениям первобытных народов наблюдателями XIX – начала XX вв.). Вопрос о том, соответствует ли данное написание форме ед. или мн. ч. этого слова не столь принципиален, однако второй вариант, исходя из того, что войсками Птолемея был захвачен, очевидно, не единичный культовый предмет, вполне вероятен.

з. Большинство исследователей текста «Стелы сатрапа» полагают, что предлог *r* в данном контексте имеет значение «против» [Gardiner, 1957, p. 126, § 163.9] и связан по смыслу с непосредственно предшествующими словами о возмездии «(жителям) Ир-мер-а/Мер-мер-а» [Brugsch, 1871, S.3 (“als Vergeltung dessen was sie gethan an Aegypten”); Roeder, 1959, S.102 (“als Ausgleich für das, was sie gegen Baket getan haben”); Kaplony-Heckel, 1982, S.616 (“als Vergeltung für das, was sie gegen Baqet getan hatten”); Ritner, 2003, p. 393 (“In retaliation for what they had done against Egypt...”); Schäfer, 2011, S. 99 (“als Ersatz für das was sie gegen Ägypten getan hatten”)]. По мнению Х. Гёдике, этот пассаж описывает принятие сатрапом Птолемеем этих

людей к себе на службу; соответственно, написание он предлагает трактовать не как сложный предлог *m-ḥsw* («за», «взамен», в смысле воздаяния за то или иное деяние [Gardiner, 1957, p. 132, § 178]), а фактически как обычное сочетание предлога и существительного («в качестве оплаты»; ср. Wb. I. 130), переводя пассаж в целом: “He brought their army, with men and women and their god, as reward for their doing, to Egypt” [Goedicke, 1985, p. 34–35]. Чисто формальное основание для такого перевода можно было бы усмотреть в параллелизме между данным пассажем и заключительной фразой описания кампании Птолемея в Восточном Средиземноморье: «Увел (букв. “принес”) он вождей их, конницу их, морские суда их, богатства (букв. “чудеса”) их все в Египет (*r B3qt*)» (сткк. 5—6, Urk. II. 15.9—10; см. II.3.в).

Однако само стяженное написание *ḥsw* (одним лишь знаком GG(SL) F₄₄) побуждает считать его скорее компонентом сложного предлога, нежели самостоятельным словом. Кроме

того, крайне маловероятно соотнесение словосочетания *r B3qt* с глагольной формой *in.f*, отделенной от него достаточно обширной последовательностью слов. Несравненно более оправдано видеть в *r B3qt* обстоятельство, относящееся к глагольной форме *ir.zn*, и в таком случае принять перевод большинства исследователей.

П.3.д. Возвращение сатрапа Птолемея в Египет.

Стк. 6, Urk. II. 15.16—17

spr pw ir.n.f r Kmt ib ndm m nn ir.n.f wn.f hr ir zp nfr

Направился он в Египет (букв. «приближение это, сделанное им к Египту») ^а, /причем/ сердце его ^б было радостно (букв. «сладостно») от того, /что/ он сделал. Проводил он прекрасный день (букв. «был он на совершении прекрасного дня»).

а. Начало данного фрагмента (конструкция *sdm pw ir.n.f* [Gardiner, 1957, p. 312, § 392]) формально придает ему ту же акцентированность, что и аналогичные конструкции в рассказах о кампании против «страны /людей/ хару» (стк. 5, Urk. II. 15.3; см. П.3.в.) и о кампании против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» (стк. 6, Urk. II. 15.12). Реально это сообщение, конечно, не имеет самостоятельного значения и скорее служит связкой между рассказами о военных свершениях Птолемея и о его благодеянии храмам Буто. Опять же с чисто формальной точки зрения можно было бы сказать, что оно вводит последний рассказ, тем более что завершающая его фраза (*wn.f hr ir zp nfr*), по-видимому, находится в том же временном плане, что и начальная фраза следующего сообщения («Искал вождь этот великий (“был вождь этот великий на искании”) полезного для богов Юга /и/ Севера»; стк. 7, Urk. II. 16.5: *wn wr pn ʕ hr ḥḥ ʒḥ n ntrw Šmʒw Mḥw*; см. III.1.а). Вместе с тем было бы, по-видимому, неверно считать, что для составителей текста «Стелы...» это и следующее сообщение были частями одного и того же рассказа. На самом деле они разведены и тем, что следующему сообщению придана большая самостоятельность употреблением в нем в качестве подлежащего не местоимения-суффикса, а конструкции, в основе которой находится существительное (*wr pn ʕ*), и, вероятно, тем, что оно начинается с новой строки.

б. Словосочетание *ib.f* выписано без ожидаемого детерминатива идеографического написания (GG(SL) Z₁ I) и с употреблением знака ρ (GG(SL) F₅₁ = Montpellier F₆₄₉) в фонетическом значении *f*, свойственном греко-римскому времени [Valeurs phonétiques..., 1988–1995, t. I, p. 286].

Ш. Основной текст «Стелы сатрапа»: история «Земли Уаджит» и распоряжение о ней сатрапа Птолемея (Рисунок Прил. 4).

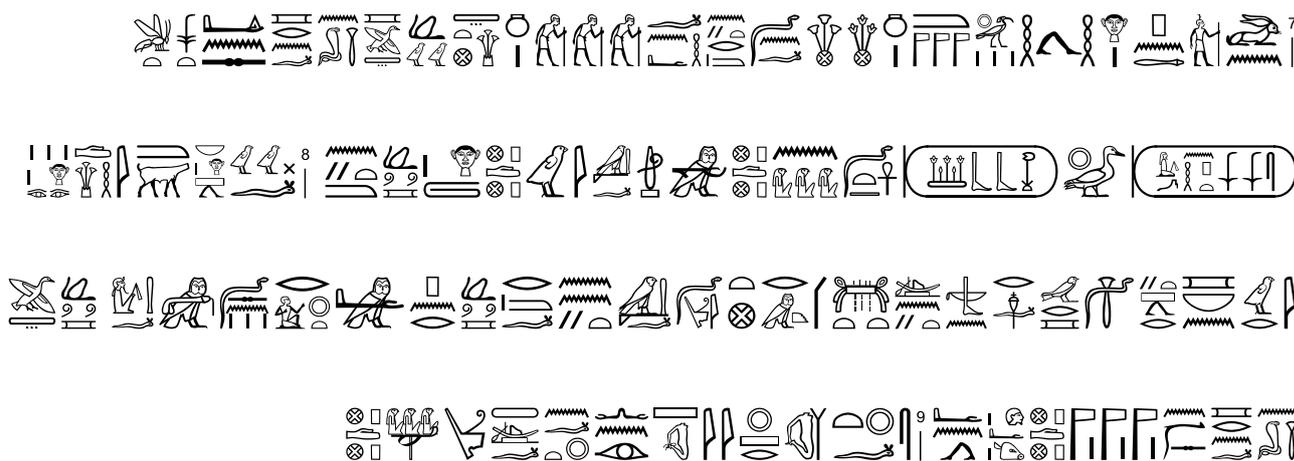
Сткк. 7—18, ориентация знаков справа налево (Urk. II. 16.5—22.1).

Ш.1. Рассказ вельмож Нижнего Египта сатрапу Птолемею об истории земельного участка «Земля Уаджит» во времена «врага *Hšryš(3)*» и царя Хаббаша.

Сткк. 7—13, Urk. II. 16.5—19.3.

Ш.1.а.Посещение царем Хаббашем области Буто и его знакомство с историей «Земли Уаджит» во времена «врага *Hšryš(3)*».

Сткк. 7—9, Urk. II. 16.5—17.4.

| wn wr pn 3 hr hḥ 3ḥ n ntrw Šm3w Mḥw d(d.n) n.f nty r-gs.f ḥnꜥ wrw nw T3-Mḥw pḥww P3-t3-n-
W3dyt rn.f di.n z(w) nsw-bity Snn-Tnn Stp-n-Pth z3 Rꜥ H3bbš3 ḥnh dt n ntrw P-Dp m-ḥt wd3 ḥm.f r P-
Dp hr pḥr pḥww nty m | ww.f nb hr šm(t) m-ḥnw idḥw hr m33 i(t)rw nb nty šm r W3d-wr r ḥsf kbn(wt)

*nty Stt r Kmt d(d).in hm.f n nty(w) r-gs.f phww pn iw imi rh{t}.i (sw? st?) d(d).zn m-b3h hm.f phww P3-
t3-n-W3dyt rn.f n(y)-s(w) ntrw P-Dp tp-^c hnt ^cn | s(w) hft(y) Hšryš nn ir.n.f ht im.f n ntrw P-Dp*

(7) Искал вождь этот великий полезного для^a богов Юга /и/ Севера. Сказал ему тот, кто /был/ подле него со старейшинами Страны северной (Нижнего Египта)^b:

«Низина^b, “Земля Уаджит” название ее, дал ее царь Верхнего и Нижнего Египта Сенентенен Сетепентах (“Подобие Татенена, Избранный Птахом”), сын Ра Хаббаш^г, живущий вечно, богам Пе-Деп, после того после того как прибыл Величество его^д к Пе-Деп, обходя низины, которая в (8) округе его всей, следуя внутрь болот, осматривая проток всякий, бегущий в Великую зелень^е, чтобы отразить корабли Азии^ж от Египта.

Сказал тогда Величество его /тем/, которые^з подле него: “Низина эта, дайте же^и, чтобы узнал я (ее?)!” Сказали они перед Величеством его: “Низина, “Земля Уаджит” название ее, принадлежала она богам Пе-Деп изначально, пока не отнял (букв. “обратил вспять, попятил”) (9) ее враг Hšryš^и: не сделал он вещей^к из нее^л для богов Пе-Деп”».

а. Иероглифический знак с фонетическим значением *n*; см. II.1, комм. «г».

б. Стоит обратить внимание, что неясно, посетил ли сатрап Птолемей, как в свое время царь Хаббаш (см. ниже), непосредственно область Буто.

в. Wb. II. 538. 7. Термин, обозначающий влажную низменную территорию в районе впадения рукавов Дельты Нила в Средиземное море, богатую растительностью и птицами [Schäfer, 2011, S. 1396, Komm. ‘e’]. Подробная характеристика границ «Земли Уаджит» дается в сткк. 14—15 «Стелы...» (см. ниже, III.2, комм. «ж—л»); из нее следует, что это угодье простирается от стыка VII нижеегипетского и IV/V нижеегипетского (Саисского) номов на юге до побережья Средиземного моря на севере и от Канопы на западе до границы XII нижеегипетского (Севеннитского) нома на востоке, представляя собой очень значительную территорию [Lloyd, 1982, p. 175—176].

г. См. титулатуру этого царя: [Beckerath, 1999, S. 230—231]; в компендиуме А.И. Блэбаум [Blöbaum, 2006] памятники этого правителя почему-то не учтены; ср. его титулатуру ниже, сткк. 14 (Urk. II. 20.2), 17 (Urk. II. 21.2). Хаббаш – чужеземный (судя по имени) правитель, сумевший на некоторое время установить власть над Египтом и признанный его легитимным сакральным царем. Помимо рассматриваемого фрагмента «Стелы сатрапа», имя Хаббаша зафиксировано еще рядом памятников и документов [Kienitz, 1953, S. 185—189, 232; Schneider, 1986, p. 37 (публикация бусины с именем Хаббаша, сопровождаемая полным описанием памятников с его именем); Huß, 1993; Burstein, 2000]. Среди них наиболее важны

саркофаг Аписа, датированный 3 $\dot{h}t$ III его Года 2 [Gunn, 1926, p. 86—87] (см. главу 2, § 2.3.2) и p.dem.Libbey 1 = Toledo 1, датированный 3 $\dot{h}t$ III его Года 1 (*h3t-zp 1.t ibd-3 3h t n Pr-ꜥ3* ^{с.в.с.} *Hbbš* ^{с.в.с.}) [Spiegelberg, 1907, S. 2—6; Devauchelle, 1995 (1), p. 41—42; Depauw, 2000 (2), p. 235—236]. На основании этих датировок, можно констатировать, что признание Хаббаша легитимным царем продолжалось, по крайней мере, не менее года (с 3 $\dot{h}t$ III его Года 1 по этот же месяц его Года 2. При этом в Египте середины и второй половины I тыс. до н.э. было принято причислять всю продолжительность календарного года, на протяжении которого царь вступал на престол, начиная с 1 3 $\dot{h}t$ I, к его Году 1 [Beckerath, 1997, S. 10; Ancient Egyptian Chronology, 2006, p. 46], так что более ранняя датировка Хаббаша не обязательно означает, что он признавался царем с календарного начала соответствующего года.

Ключевым для определения времени деятельности Хаббаша в Египте и его царствования является p.dem.Libbey 1 = Toledo 1 [Huβ, 1993, S. 100—101, Anm. 26]: составивший этот документ писец *P3-di-hr-p3-Rꜥ*, сын *P3-h3ꜥ-s*, засвидетельствован в документа начала македонского времени – p.dem.Louvre 2439 Года 3 Александра Великого (330/329 г. до н.э.), p.dem.Strasbourg 1 его же Года 9 (324/323 г. до н.э.; см., с отсылками к изданиям: [Pestman, 1967, p. 11]) и p.dem.Bruxelles 2.1 = E8252 его же Года 6 [Depauw, 2000 (2)]. Соответственно, выступление Хаббаша должно быть близко царствованию Александра Великого, предшествуя ему, поскольку невозможно отнести его ко времени прочно установившейся македонской власти после смерти Александра. *Terminus post quem* для времени Хаббаша – очевидно, низложение Нектанеба II при завоевании Египта Артаксерксом III (343/2 г. до н.э.); *terminus ante quem* – p.dem.Louvre N 2430 с датировкой 3 $\dot{h}t$ III Года 2 Дария III [Cenival, 1966], т.е. январем—февралем 334 г. до н.э., которая должна отражать наличие над Египтом достаточно прочной персидской власти, уже не прерывавшейся вплоть до македонского завоевания. Обозначивший эти опорные пункты Х. Шнейдер ошибся лишь в расчете последнего из них, отождествив его с 336/5 г. [Schneider, 1986, p. 37]. Приведенное нами его хронологическое соответствие основано на принятии за Год 1 Дария III в Египте египетского календарного года с ноября 336 по ноябрь 335 г. до н.э., на протяжении которого, в конце 336 – начале 335 г., Дарий III пришел к власти [Briant, 1996, p. 796, 1060] (см. также главу 2, § 2.1, 2.3.2, главу 4, § 4.1.1). С наибольшей вероятностью Хаббаш правил Египтом в некоем интервале второго персидского владычества, совпадающем с острой внутренней ситуацией в самом государстве Ахеменидов – вероятно, между убийством Артаксеркса III Багом в августе—сентябре 338 г. до н.э. [Briant, 1996, p. 709] и воцарением Дария III. В пользу этого говорит и сама «мизансцена» появления Хаббаша в повествовании «Стелы сатрапа» – его инспекционная поездка по рубежам обороны Дельты от возможного вторжения персов с моря (см. ниже, комм. «ж»), в ходе которой он знакомится с недавними событиями с участием Артаксеркса III и Арсеса (см. ниже, III.1.б,

комм. «ж—к», а также Экскурс 2). Установление власти Хаббаша над Египтом вряд ли предшествовало смерти Артаксеркса III и началу неурядиц в Персии. Учитывая упоминание в *p.dem.Libbey 1 = Toledo 1* месяца *3ht* III его Года 1, т.е. января—февраля, очевидно, что начало выступления Хаббаша должно было придтись на первые два месяца (*3ht I—II*) его Года 1, т.е. в 330-е гг. до н.э. на ноябрь-январь. В таком случае оно могло начаться либо в ноябре 338—январе 337 гг. до н.э. либо спустя год, в ноябре 337—январе 336 гг. до н.э.

Как видно, датировки годами царствования Хаббаша появляются в Фивах раньше, чем в Мемфисе, что позволяет предположить распространение его власти над Египтом с севера на юг [Kienitz, 1953, S. 189] и, соответственно, его нубийское происхождение. В 1950-е гг. высказывалось предположение об идентичности Хаббаша Кембесудену, упоминаемому в «Стеле Настасена» в качестве разгромленного врага мероитского царя (FHN II. 485—486, No 83, ll. 39—40) [Kienitz, 1953, S. 107; Hintze, 1959, S. 17—20; ср. критику этого допущения: Кацнельсон, 1967; Morkot, 1991, p. 330—331]. По мнению крупнейшего нубиолога Л.Тёрека, идентичность Кембесудена и Хаббаша не означает нубийского происхождения этого правителя: египтяне едва ли были бы склонны признать легитимным царем вторгнувшегося в их страну нубийца, поэтому происхождение Хаббаша из знати Дельты более вероятно [Tögök, 1988, S. 145; 1989, S. 70]. Можно сказать, что к этому предположению примыкает мнение Э. Спэлинджера, считавшего возможным сопоставлять имя Хаббаша с именами ливийских правителей-машушей I тыс. до н.э. [Spalinger, 1978 (2), S. 147, Anm. 4—5]. На наш взгляд, ливийское происхождение Хаббаша проблематично: представить себе какой-то внешний удар по Дельте со стороны Ливии накануне эллинистического времени невозможно, а в среде собственно египетской знати, в т.ч. ливийского происхождения, известные нам источники не обнаруживают в это время никаких сил, способных на успешное сопротивление персам, вплоть до временного восстановления независимости страны. Показательно, что надежды египтян на последнее в период второго персидского владычества, по свидетельствам античной традиции (правда, немногочисленным и достаточно стяженным), связывались в первую очередь с внешними силами (с авантюристом Аминтой, а затем, с закономерно большей надеждой на успех, с Александром; см. главу 2, § 2.1, главу 4, § 4.1.1). Стоит обратить внимание и на значительную вариативность в написаниях имени Хаббаша, заметную даже по немногим приведенным нами транслитерациям его написания: если бы это имя бытовало в египетской или египетско-ливийской среде, думается, и написание его было бы более стандартизовано. Трудно согласиться и с суждением Тёрека о том, что нубиец не мог бы рассчитывать на свое признание в Египте в качестве легитимного царя. Завоеватель Египта, происходивший из страны, которая не без основания претендовала на продолжение египетской культурно-религиозной традиции, стал бы позиционировать себя подобным образом, а готовность египтян

принять его как легитимного царя определялась бы, прежде всего, тем, насколько он отвечал бы их чаяниям в качестве альтернативы персидскому владычеству. На наш взгляд, нубийское происхождение Хаббаша едва ли не наиболее вероятно, а предположение о его тождестве с Кембесуденом, как минимум, не следует сбрасывать со счетов.

Точное определение времени царствования Хаббаша – вопрос спорный и едва ли вообще решаемый однозначно¹². На наш взгляд, нет оснований оценивать его продолжительность минимально (наверное, оно продолжалось больше годичного срока, обозначенного датировками *3ht* III его Года 1 и *3ht* III его Года 2), а также сдвигать его завершение слишком близко к его *terminus ante quem* (т.е. к началу 334 г. до н.э.).

д. Здесь и ниже (за исключением стк. 11, Urk. II. 18.10; см. III.1.б, комм. «о») обозначение *hm* (традиционный перевод – «Величество») относится к Хаббашу; ср. [Wilcken, 1897, S. 83; Schäfer, 2011, S. 145—146]. Попытки отнести это обозначение к сатрапу Птолею [Ritner, 2003, p. 394, n. 6] не имеют смысла, поскольку оно может иметь в виду только сакрального царя (см. главу 1, § 1.1.1), каковым в тексте «Стелы сатрапа» Птолемей не признается.

е. Средиземное море. Как заметила Д. Шефер, альтернативу пониманию термина *W3d-wr* как обозначения моря в данном контексте не привел даже Кл. Вандерслейен, склонный, как и А. Нибби, видеть в нем обозначение болотистых районов в самом Египте [Schäfer, 2011, S. 144, Anm. 549; cf. Vandersleyen, 1999, S. 338] (ср. II.3.б, комм. «д»).

ж. Употребление слова *Stt* в данном контексте было отнесено к Персии Э. Спэлинджером, считавшим, что речь идет об использовании последней финикийских наемных или союзных военных кораблей-*kbn(wt)* [Spalinger, 1978 (2), S. 149—150, Anm. 42]. В противовес этому мнению Х.Гёдике предположил, что данное обозначение должно относиться собственно к Финикии, так как слово *kbnt* восходит к египетскому топониму *Kbn* и обозначает таким образом библские, т.е. финикийские, корабли-триремы [Goedicke, 1985, p. 38, n. 22—23]. Подобный аргумент весьма уязвим, исходя из трактовки, предложенной для употребления термина *kbnt* в позднее и греко-римское время Дж. К. Дарнеллом (см. II.3.в, комм. «б»). Кроме того, в случае правильности предложенных Гёдике трактовок слова *kbnt* и обозначения *Stt* образуемое ими выражение в целом представляло бы собой маловероятный плеоназм: «библские корабли (из) Финикии». В то же время само выражение *kbn(wt) nty Stt* в данном фрагменте «Стелы» Дарнелл переводит как «корабли-*kbnt* Азии», не интерпретируя обозначение *Stt* более конкретно, но и не

¹² В литературе высказывались мнения о том, что оно должно приходиться между зимой 338—337 г. и февралем 335 г. до н.э. (что, как кажется, наиболее близко к действительности [Kienitz, 1953, S. 187—188]), на последний этап царствования Артаксеркса III [Spalinger, 1978 (2), S. 152], на время не позднее зимы 337—336 г. [Goedicke, 1985, p. 53]. Особняком стоит совершенно неправдоподобная версия Ч.Б. Уэллеса, согласно которой выступление Хаббаша должно было произойти в 333—331 гг. до н.э., в последний год ахеменидского и первый – македонского владычества в Египте [Welles, 1970, p. 510].

оспаривая при этом мнения Э. Спэлинджера и полагая, что эти корабли должны были иметь левантийское происхождение [Darnell, 1992, p. 85]. Стоит, однако, задуматься, могли ли морские силы Ахеменидской державы в конце ее существования в принципе вызывать однозначную ассоциацию именно с Финикией и Левантом? В начале 340-х гг., при подавлении восстания Финикии и Кипра, Артаксеркс III, будучи, естественно, лишен возможности использовать их мощные морские силы, собрал тем не менее флот в 300 триер и 500 торговых и военных кораблей (*Diod.* XVI. 40.6). При завоевании им же Египта в 343 г. до н.э. на десантных кораблях, участвовавших в высадке в устьях Нила (и, вполне возможно, действительно оснащенных в Финикии и отпльвших из ее портов), находились прежде всего греческие наемники во главе с командующими греками и персами (*id.* XVI. 47.1—4). Как известно, одним из главных инициаторов воссоздания персидского флота при Дарии III в канун войны с Александром, а затем его командующим был родосский грек Мемнон (*id.* XVII. 7). Переход же на сторону Александра после его победы при Иссе и продвижения в Восточное Средиземноморье финикийских и кипрских кораблей хотя и ослабил персидский флот (*Arr.* *Anab.* II. 20.1—3), но не уничтожил его полностью (известия о пленении его командующего Фарнабаза и уничтожении опорных пунктов персов в Эгеиде Александр получил только в Египте, т.е. в конце 332 – начале 331 гг. до н.э.; *id.* III. 2.3—7). Иными словами, очевидно «многонациональный» характер персидского флота в отразившееся в данном фрагменте «Стелы сатрапа» время, скорее всего, должен был исключить его идентификацию по какому-то одному из регионов, поставлявших его корабли и контингенты. Соответственно, слово *Stt* в рассматриваемом фрагменте «Стелы сатрапа» должно обозначать либо в целом побережье Азии как территорию, откуда Египту в данное время в принципе могло бы угрожать нападение кораблей-*kbn(wt)*, либо (что кажется нам более правдоподобным) ту внешнюю политическую силу, которая была заинтересована в их нападении и по воле которой оно могло быть осуществлено. Очевидно, что в царствование Хаббаша подобной силой могла быть только Ахеменидская держава, прямо заинтересованная в восстановлении своего утраченного при этом правителе владычества над Египтом и вполне соответствующая по своим границам термину *Stt* в его чисто географическом прочтении.

з. Форму мн.ч. *nty(w)* можно восстановить по предполагаемому согласованию данного словосочетания с *.zn* далее.

и. *iw imi* – императивная конструкция [Engsheden, 2003, p. 84], в которой, в данном случае, частица *iw* выписана с помощью знака GG(SL) D₂₁=Montpellier D205 $\leftrightsquigarrow$ (см. II.1, комм. «е»; ср. также II.3.в, комм. «и» – о способе передаче предлога *r* через написание *iw*).

й. Идентификация правителя, именуемого в данном случае *hft(y) Ḥšryš* (с единственным в тексте «Стелы...» фонетическим написанием относящегося к его имени эпитета), в других – *hft(y) Ḥšryš3* (стк. 10, Urk. II.17.12; стк. 11, Urk. II. 18.4) либо просто *hft(y)* (стк. 9, Urk. II. 17.10), – одна из главных исторических проблем, возникающих при интерпретации «Стела сатрапа». Варианты ее решения, высказывавшиеся в литературе, мы подробно обсуждаем в Экскурсе 2; на наш взгляд, нет сомнений, что это Артаксеркс III [Ladynin, 2005 (к нашим построениям в данной работе мы предлагаем ряд корректив в настоящем комментированном переводе; см. далее)].

к. См. подробно о значении употребленного в данном контексте выражения *iri ht* главу 4, § 4.1.4.

л. Предлог *im* выписан знаком [Perdu, 1985, p. 93; Valeurs phonétiques..., 1988–1995, t. III, p. 554], ср. сткк. 14 (Urk. II. 19.16–17) и 18 (Urk. II. 21.14).

III.1.б. Возмездие бога Хора «врагу Ḥšryš3» за посягательство на «Землю Уаджит».

Сткк. 9–12, Urk. II. 17.5–18.14.

*d(d).in ḥm.f iw imi in.tw w^cbw b3wyw n{t} P-Dp in.z(n) n.f m ḥ3ḥ d(d).n ḥm.f iw imi rh{t}.i b3w
n ntrw P-Dp mi-m ir.zn m hft(y) | hr zp dw ir.n.f mtn d(d).zn hft(y) Ḥšryš3 ir.n.f zp dw r P-Dp it.n.f hwt.f
d(d).zn m-b3ḥ ḥm.f ity nb.n Ḥr-z3-3st z3 Wsir ḥq3 ḥq3w nsw nsww bity bityw ndty it.f nb P ḥ3ty ntrw*

| *hpr(w) hr-s3 nn nsw hr-s3.f wdi.n.f hftj Hšryš3 m sbht.f hn^c z3.f Wr-si3-z m Z3w n Nt m hrw pn r-gs mwt ntr d(d).n hm.f ntr pn pr-^c m-m ntrw n hpr nsw hr-s3.f iw imi di.tw(.i) hr w3t n hm.f^cnh nsw | hr.s*

Сказал тогда^а Величество его: “Дайте, чтобы привели жрецов-уабов /и/ знатных людей Пе-Деп!” Привели их к нему спешно. Сказал Величество его: “Дайте же/, чтобы/ узнал я силы богов Пе-Деп, как (букв. “подобно чему”) поступили они с врагом (10) из-за случая злого, причиненного им. Вот, говорят они: “Враг *Hšryš3*, причинил он случай злой Пе-Деп, схватил он вещи его”^б. Сказали они перед Величеством его: “Государь, господин наш^в, Хор, сын Исиды, сын Осириса^г, властитель властителей, царь царей Верхнего Египта, царь царей Нижнего Египта^д, мститель отца его, владыка Пе, первенствующий среди богов, (11) воссуществовавших после /него/, тот, после которого нет царя^е, нанес удар он^ж врагу *Hšryš3* во дворце его^з вместе с сыном его Арсесом^и в Саисе, /городе/ Нейт^й, в тот же день^к, подле матери бога^л”.

Сказал тогда Величество его: “Бог этот удалой^м среди богов, после которого не воссуществовал царь^н, пусть будет дано, /чтобы/ был я помещен на путь Величества его^о, на котором живет /каждый/ царь (букв. “живет /каждый/ царь (12) на нем”)п!”

а. Форма *sdm.in.f* начинает этот период, как и предыдущий, с вопрошением Хаббаша о судьбе «Земли Уаджит». Нюанс ее написания здесь – использование в передаче форманта *in*.

вместо знака GG(SL) M₁₇ (– *i*) знака GG(SL) S43 (– *mdw*). Вне сомнения, ошибка переосмысления [Лихачев, 2006, с. 47—49] создателей копии текста, предназначенной для воспроизведения на камне, либо самих изготовителей стелы, которая объясняется ассоциированием форманта *in* со вторым компонентом стандартной формулы «Произнесение слов...» (*dd-mdw*), вводящей речь божеств в храмовых сценах.

б. По мнению большинства исследователей, в начале данной фразы – неэнклитическая частица [Spiegelberg, 1907, S. 3, Anm. 1; Goedicke, 1985, p. 36; Ritner, 1980, p. 135 – с отсылкой к аналогичному и не вызывающему сомнений примеру в Urk. II. 48. 4—5; Schäfer, 2011, S. 134 (с разумным восстановлением полной формы частицы *mtn*); cf. Roeder, 1959, S. 103; Kaplony-Heckel, 1982, S. 617 (перевод данного слова как “denn”, что оптимально соответствует данной частице)]; на наш взгляд, это мнение находит наилучшую опору в самой форме данного написания. Кроме того, Г. Бругш считал данное слово специальным вопросом «что?» (*m* – *mot*, в его транслитерации), являющимся дополнением к предшествующей глагольной форме *ir.n.f*: “...er gethan hatte was?” [Brugsch, 1871, S. 5]; Э. Спэлинджер допустил, что данное слово – предлог *m*, вводящий придаточное обстоятельства времени (“...when (*m*) they

(=Chabbash's advisors) said – ‘The enemy *Hršyš*, he did an evil thing to Buto. He took away its offerings’”: [Spalinger, 1978 (2), S. 151, n. 48] с отсылкой к [Gardiner, 1957, p. 125, § 162.11a—b]).

По справедливому, на наш взгляд, мнению большинства исследователей «Стелы...», данная фраза представляет собой часть периода речи, обращенного Хаббашем к жрецам и знатым людям Буто бутосцам, и повторяет информацию, полученную им до этого от его спутников («Вот, говорят они...» – отсылка к их сообщению; [Spiegelberg, 1907, S. 3; Roeder, 1959, S. 103; Spalinger, 1978 (2), S. 151; Kaplony-Heckel, 1982, S. 617; Goedicke, 1985, p. 36; Ritner, 2003, p. 395; Schäfer, 2011, S. 134]). Такое мнение подтверждается и присутствием в начале фразы частицы *mtn*, содержащей в себе смысл обращения к нескольким или многим слушателям (форму местоимения 2 л. мн.ч. *tn*) [Gardiner, 1957, p. 178, § 234].

в. Типичное для древнеегипетской традиции обращение к царю (Wb. I. 143.5—6), которое, в силу этого, можно отнести и к Хаббашу, тем более что фраза в целом содержит обращенный к нему ответ представителей жречества и знати Буто [Wilcken, 1897, S. 84, Anm. 4; Schäfer, 2011, S. 152, Komm. ‘n’ – с критикой нашего суждения в Ladynin, 2005, p. 89, 92, comm. ‘i’].

г. По крайней мере, большую часть последовательности имен и эпитетов в сткк. 10—11 (Urk. II. 17.16—18.3) необходимо связать с чтимым в Буто богом Хором, сыном Осириса и Исиды. Э. Спэлинджер допускал, что и эпитеты, следующие за словами «Государь, господин наш...» (см. предыдущий комментарий) продолжают обращение к Хаббашу в рамках его сопоставления с божеством [Spalinger, 1978 (2), S. 151]. Однако это невозможно и исходя из самого характера этих эпитетов, немислимого применительно к земному правителю хотя бы и сакрального статуса [Ritner, 1980, S. 135], и из их связи с совершенно определенным образом божества – Хора, сына Исиды, чтимого в Буто (см. I.2.б, комм. «а»), который далее оказывается получателем участка «Земля Уаджит» по решению сатрапа Птолемея (см. там же, комм. «б», а также стк. 13, Urk. II. 19.9. и главу 3, § 3.1.3). Не вызывает сомнений и то, что именно этому богу, а не Хаббашу приписывается совершение кары над «врагом *Hšryš(š)*» за нечестие по отношению к бутоскому храму: будь иначе, сами расспросы Хаббаша о ситуации вокруг «Земли Уаджит», демонстрирующие его неосведомленность по данному поводу, не имели бы смысла. В свое время мы сочли и начальные слова данного фрагмента (*ity nb.n*) относящимися к божеству [Ladynin, 2005, p. 89, 92, comm. ‘i’], что вызвало возражения Д. Шефер [Schäfer, 2011, S. 152, Anm. 592]; сейчас мы считаем такую возможность не исключенной полностью, но все же меньшей, чем отнесение этих слов к Хаббашу.

д. Составной эпитет, включающий в себя ряд эпитетов богов, засвидетельствованных со II тыс. до н.э.: *hqš hqšw* – единично со II Переходного периода, в основном с Нового царства (LÄGG V. 518—519); *nsw nsww* – в Новое царство и далее только в греко-римское время (id. IV. 332—333); *bity bityw* – единично в Новое царство, далее в греко-римское время

(id. П. 749). Кроме того, эпитеты *ḥq3 ḥq3w* и *nsw nsww* со времени XVIII династии засвидетельствованы в употреблении применительно к царю, а при Аменхотепе III и Рамсесе II эпитет *ḥq3 ḥq3w* употребляется в качестве названия их колоссальных культовых статуй (см., с отсылками к литературе, главу 4, § 4.5). Возможно, что подобное распространение этих эпитетов сакрального царя-ритуалиста способствовало их перенесению и на носителей сакральности *par excellence* – богов. В целом нет сомнений, что в рассматриваемом фрагменте текста «Стелы...» данный эпитет обозначает наличие у Хора сакральной власти, превышающей сакральную власть и мощь всех остальных богов и правителей.

В свое время на основе текстов XVIII династии Д. Лортон предположил, что, в силу особенностей его иероглифического написания, титул *nsw nsw(y)w* должен иметь значение «царь тех, кто является объектом царской власти» (при принятии его партитивного компонента за причастие страдательного залога глагола *nswy* – «царствовать» [Lorton, 1974, p. 18—20]. Не ставя перед собой задачу верифицировать это предположение для материала, на котором оно было высказано, мы считаем, что его механическое распространение на другие партитивные конструкции такого рода неоправданно во всяком случае. Между тем именно так поступил учитель и коллега Лортона Х. Гёдикке, истолковавший рассматриваемый нами составной эпитет как “Administrator of administered ones, King of the King’s subjects, Nobleman of noblemen” [Goedicke, 1985, p. 36]; заметим, что понимание термина *bity* как обозначение не правителя, а представителя знати само по себе требовало бы обоснования.

Два компонента этого составного эпитета имеют параллели в других египетских памятниках раннеэллинистического времени: эпитет *ḥq3 ḥq3w* – в Хоровом имени Александра Великого *ḥq3 ḥq3w nw t3 (r) dr.f*, приписанном ему в надписи на памятнике из Бахарии [Bosch-Puche, 2008, p. 33] (см. главу 4, § 4.5); эпитет *nsw nsww* – в надписи скульптурной группы Пашериентаисуи из Ксоиса, где он употреблен применительно к Амону-Ра, чтимому в Фивах, в последовательности его эпитетов [Guernier, 2004, p. 264—265, n. “o”] (см. главу 3, § 3.1.1).

е. Данный повторяющийся в двух вариантах (см. также стк. 11, Urk. П. 18.9) эпитет бога Хора играет важнейшую роль в утверждении его царского статуса. На наш взгляд, его следует понять в том смысле, что, начавшись однажды в мифологическом прошлом после первой победы над Сетом, царствование Хора над Египтом, по существу, остается непрерывным, коль скоро он воплощается в каждом истинном царе сообразно смыслу его Хорова имени (см. главу 1, § 1.1.1). Ср. с термином «время Хора»: pErm. 1116A. 93; pLeid. I.344 *recto*. 1.7; см. [Демидчик, 2005, с. 134—135], а также главу 6, § 6.2.2, 6.4 (представление о великом египетском царе – завоевателе и устройтеле – как о преемнике Хора). Сходное мнение по поводу царского качества Хора в данном фрагменте «Стелы сатрапа» высказал, более стяженно, Р. Ритнер: [Ritner, 1980, p. 136—137].

ж. Интерпретация написания – первая из трудностей, возникающих при понимании стк. 11 (несомненно, наиболее трудного места рассматриваемого фрагмента «Стелы сатрапа», а, возможно, и всего этого источника). Г. Бругш в свое время полагал, что следующий за этим написанием знак – детерминатив к ; соответственно, он понимал это сочетание знаков как слово *nuf* («нечестивец» – Frevler), переводя в целом конец стк. 10 и начало стк. 11 следующим образом: “Herr unser Horus Sohn der Isis..., warf hinaus den Frevler Xerxes” [Brugsch, 1871, S. 5]. В. Шпигельберг явно считал, что $\aleph$ в данном написании – финальная полусогласная глагола *wḏi* [Wb. I 397.11ff.: “absenden, ausreisen”]: соответственно, данноеписание следовало прочитать как *wḏi.n.f* (Шпигельберг перевел его “er hat den Frevler *Hšryš*... vertrieben”, не давая его полной транслитерации: [Spiegelberg, 1907, S. 3; cf. Roeder, 1959, S. 104: “er (Horus) hat den Feind Cheschrisch... geworfen”; Ritner, 2003, p. 395: Horus... expelled the enemy...]. Согласно Э. Спэлинджеру, данноеписание включало в себя форму повелительного наклонения глагола *wḏi* – *wḏ* (ср. KRI I. 103.67; Wb. I. 397.12) – и указательное местоимение *nfy* – форму мн.ч. от *pfy* (см. сходный пример греко-римского времени: Wb. II. 251.9); в целом он переводил данный фрагмент “Repel that enemy from his palace...”, явно считая его просьбой, адресованной бутосцами Хаббашу [Spalinger, 1978 (2), S. 151, Anm. 50]. Возражения против такой интерпретации очевидны: по существу, нет оснований предполагать наличие в данном пассаже указательного местоимения *nf*, которое не согласовывалось бы с определяемым им словом (ед., а не мн.ч). Теоретически можно было бы допустить, что мн.ч. *nf* согласовывалось бы не с ед.ч. *hftu*, а с формой мн.ч. этого же слова, которая была бы приложением к связанным между собой словами *Hšryš*... *ḥn^c z3.f*, так что данный пассаж в целом восстанавливался бы как *nf hftu(w) Hšryš*... *ḥn^c z3.f* («эти враги *Hšryš* и ... сын его...»). Против интерпретации Спэлинджера высказался Р. Ритнер: по его мнению, вклинивающееся между *Hšryš* и *ḥn^c z3.f* словосочетание *m sbḥt.f* разделяет эти слова слишком основательно, чтобы подобная интерпретация была возможна; повелительное наклонение в «Стеле сатрапа» неизменно вводится более сложной описательной конструкцией (см. III.1.a, комм. «и»); и, наконец, как уже было сказано, последовательность эпитетов, предшествующая обсуждаемому написанию, относится к божеству, а не земному царю и не может быть обращением к Хаббашу (см. выше наши комм. «г—е») [Ritner, 1980, p. 135—137]. Соответственно, в обсуждаемом написании не может содержаться форма повелительного наклонения глагола *wḏi*, как и какого-либо иного глагола.

Х. Гёдике, следуя своей склонности высказывать неординарные интерпретации (ср. выше комм. «д»), допустил, что глагол в данном написании имеет не значение «посылать,

отправлять» с предполагаемым в данном контексте смыслом «изгонять», а «приказывать» (Wb. I. 394.10). В сочетании знаков он увидел гаплографическое написание, передающее удвоение сочетания согласных *n+f*, причем второй компонент этого удвоения он счел существительным *nf* (Wb. II. 252.1: “Böses, Unrechtes”). Таким образом, все рассматриваемое написание в целом следовало бы понять как *wḏ.n.f nf* (“Horus... commanded the perishing of the enemy...” [Goedicke, 1985, p. 36, 41—42]). Аргументом против версии Гёдике был бы сам завуалированный характер постулируемого им написания: было бы странно, если бы за ним «укрылось» столь значимое для понимания данного пассажа слово, утратив к тому же при этом свой стандартный детерминатив . С небольшой вариацией и, видимо, независимо от Х. Гедике к сходному пониманию данного пассажа пришла У. Каплони-Хекель, переводящая данный пассаж следующим образом: “er (бог Хор) hat den Feind Xerxes... in seinem Palasttor... seinem bösen Geschick überwiesen” [Kaplony-Heckel, 1982, S. 617, Komm. 11c]. В комментарии к данной фразе исследовательница указывает, что в переводе глагол *hat... überwiesen* соответствует египетскому *wḏ*; соответствие переводу *seinem bösen Geschick* не оговорено, но, очевидно, он также должен вытекать из какого-то понимания сочетания знаков . Если допустить, что У. Каплони-Хекель пришла к тому же гаплографическому чтению этих знаков, что и Гёдике, существительное *nf* можно было бы считать по отношению к предшествующему ему глаголу только прямым, но не косвенным дополнением, чего требовала бы интерпретация Каплони-Хекель. Думается, что от версий Х. Гёдике и У. Каплони-Хекель стоило бы в принципе отказаться.

В нашей статье, вышедшей в 2005 г., но написанной четырьмя годами ранее, мы считали необходимым вернуться к интерпретации данного написания В. Шпигельбергом и его последователями, как доказавшей свою наибольшую состоятельность, и исходя из этого интерпретировали последующие пассажи «Стелы сатрапа» [Ladynin, 2005, p. 92—94]. По-видимому, все же заключительное слово в дискуссии по данному вопросу принадлежит Д. Шефер. Она справедливо отклоняет интерпретации Гёдике и Каплони-Хекель и возвращается к позиции Шпигельберга и его последователей в восстановлении самой синтаксической структуры данного пассажа. Однако, в отличие от них, она считает, что глагол, присутствующий в данном написании, – это не *wḏi*, а *wḏi* («ударять, набрасываться на кого-либо», с прямым дополнением либо управлением через *r*: (Wb. I. 386: “stoßen, werfen”; см. вариант написания данного глагола со знаком при глоссе Wb. I. 386.12) [Schäfer, 2011, S. 154—156]. Подобная же интерпретация этого написания была выдвинута таким блестящим знатоком египетского языка, как А. Эрман, еще в 1912 г. [Erman, 1912, S. 920

(с переводом интересующего нас пассажа «Стелы...» “*der Gott schlug den Frevler Xerxes in seinem Palast*”), но, как видно, осталась не замечена абсолютным большинством исследователей.

Как представляется, эта версия снимает целый ряд проблем, которые возникают при интерпретации данного и следующих за ним пассажей «Стелы...», основанной на понимании содержащегося в нем глагола как *wđi* или *wđ*. Поистине странно, что Шефер, постулировав саму возможность присутствия в данном написании глагола *wđi*, так и не попыталась сформулировать перевод данного пассажа исходя из его базового значения, а поторопилась приписать ему то же значение «изгонять» [Schäfer, 2011, S. 134 (“*Er hat gestoßen den Feind Xerxes aus seinem Palast...*”)], которое свойственно и отвергнутому ею для данного контекста глаголу *wđi* (хотя и допуская, что в данном контексте «изгнание из дворца» может означать и убийство правителя, о котором идет речь).

3. В нашей статье 2005 г., исходя из понимания глагола в предыдущем пассаже как *wđi* «изгонять», мы высказали мнение, что словосочетание *m sbht.f* (; см. варианты написания слова *sbht*: Wb. IV. 92) указывает, куда именно «враг *Hšryš(3)*» и его сын были изгнаны; соответственно, по нашей мысли, оно обозначало резиденцию этого правителя за пределами Египта. Само же это изгнание, по нашему тогдашнему суждению, не обязательно касалось персонально *Hšryš(3)* и его сына, а могло представлять собой выдворение из Египта их воинских контингентов и администрации; в таком случае Саис, о котором идет речь в стк. 11 далее, мог быть одним из ключевых пунктов Египта, где они были размещены и откуда они и выдворялись [Ladynin, 2005, p. 94, comm. ‘j’, 96, comm. ‘m’].

Подобное истолкование было совместимо с удачной интерпретацией, предложенной У. Каплони-Хекель (см. ниже, комм. «и»), и устраняло несообразность, возникавшую при понимании упоминания Саиса, преобладающем у исследователей (см. ниже, комм. «й»). Вместе с тем мы не можем не признать, что оно вызывало и ряд затруднений. Первое из них состояло в том, что глагол *wđi* не имеет зафиксированного источниками управления через предлог *m*, который вводил бы указание места, куда изгоняется объект действия этого глагола. Лексикографически в такой функции зафиксирован только предлог *r*, на что при критике наших построений указал Г. Виттман: [Vittmann, 2011, S. 411, Anm. 236]. На наш взгляд, данное затруднение не было решающим, а скорее должно было объясняться особенностями языка «Стелы сатрапа». Достаточно обратить внимание на такие отступления в синтаксисе текста «Стелы...» от стандарта среднеегипетского языка, как содержащийся в сткк. 9—10 косвенный вопрос *mī-m ir.zn m hfty hr zp dw ir.n.f*: в нем вопросительное слово *mī-m* занимает место в начале фразы, а не в ее конце, что было бы ожидаемо [Gardiner, 1957, p. 404—405, § 495B]), а

предлога *m* замечает ожидаемый *r* [Gardiner, 1957, p. 126, § 163.9] (кстати, аналогично тому отступлению от нормы, которое предполагалось бы в словосочетании *m sbht.f*!). Второе затруднение было серьезнее, поскольку состояло в избыточно сложном порядке слов в стк. 11. При предложенном нами переводе "...he has driven away the adversary *Hšryš(3)* to his royal palace together with his son *Wr-si3-z* from Sais(, the city) of Neith..." получалось, что данный порядок слов расходился с ожидаемым **wđi.n.f hftj Hšryš(3) hn^c z3.f Wr-si3-z m sbht.f m S3w n Nt*, при котором прямое дополнение **hftj Hšryš(3) hn^c z3.f Wr-si3-z*, в соответствии с филологической нормой, разместилось бы непосредственно после глагола и до адвербиальных фраз [Gardiner, 1957, p. 34, § 29]. Мы постарались объяснить эту неправильность, предположив, что схожие по употреблению в них одного и того же предлога *m* адвербиальные фразы *m sbht.f* (указание, куда были изгнаны «враг *Hšryš(3)*» и его сын) и *m S3w n Nt* (указание, откуда они были изгнаны) во избежание смысловой путаницы между ними были намеренно разделены; но для этого потребовалось использовать в качестве «разделителя» словосочетание *hn^c z3.f Wr-si3-z*, отделенное от *hftj Hšryš(3)* и «вклиненное» между этими адвербиальными фразами [Ladynin, 2005, p. 96—97, comm. 'm']. Наконец, еще одна проблема могла бы быть связана с лексическим значением слова *sbht*: в норме такое обозначение относилось бы к помещению в храме или к царскому дворцу, предполагало бы его особую защищенность и ритуальную чистоту (Wb. IV. 92.5—9) [Wilson, 1997, p. 821] и тем самым его употребление применительно к местопребыванию чужеземного правителя было бы не вполне очевидно. Пожалуй, именно этот момент дает наибольшие основания для сомнений в том, что словосочетание *m sbht.f* подразумевает чужеземную резиденцию, которая и по своему расположению вне Египта, и по самой репутации этого правителя как нечестивца по отношению к египетским культам едва ли должна восприниматься как нечто сакральное. Собственно говоря, такие же сомнения могли бы возникнуть и в связи с отнесением этого термина к резиденции «врага *Hšryš(3)*» в Египте. Не оговаривая этого в нашей прежней публикации специально, мы исходили из того, что данный термин был употреблен составителями «Стелы...» все же сугубо нейтрально, вне его религиозных коннотаций. По сути дела, из этого должны были исходить почти все интерпретаторы данного текста, также видевшие в нем обозначение резиденции «врага *Hšryš(3)*», но полагавшие, что речь идет об изгнании из нее как о метонимическом описании его изгнания из Египта, лишения власти и/или смерти [Brugsch, 1871, S. 5; Spiegelberg, 1907, S. 3; Roeder, 1959, S. 104; Spalinger, 1978 (2), S. 151; Goedicke, 1985, p. 36; Ritner, 2003, p. 395; Schäfer, 2011, S. 134, 155—156, Komm. 'q'].

Особняком по отношению к этому практически единодушному мнению стоит понимание словосочетания *m sbht.f* и его контекста У. Каплони-Хекель [Kaplony-Heckel, 1982, S. 617]. По мнению этой исследовательницы, *sbht* — это не дворец как таковой, а ворота (Wb. I. 92.1—3)

некоего дворца, который находился в упоминаемом в тексте «Стелы...» ниже Саисе (“er hat den Feind Xerxes samt seinem Sohn Wer-sia-s in seinem Palasttor in (der Stadt) Sais der (Göttin) Neith... seinem bosen Geschick überwiesen”). Очевидно, что такая интерпретация требует установления тесной смысловой связи между словосочетаниями *m sbht.f* и *m Szw n Nt*, которые в тексте разведены, однако само по себе это не представляет аргумента против нее: выше мы уже приводили собственные аргументы по поводу того, что разделение этих словосочетаний было мотивированной определенным образом модификацией корректного порядка слов в данном пассаже. Как видно, Каплони-Хекель едва ли не единственная выдвинула предположение, что словосочетание *m sbht.f* обозначает место, где «врага *Hšryš(3)*» и его сына постигла кара божества, а не откуда или куда он был изгнан. Вместе с тем мы уже говорили о слабости интерпретации Каплони-Хекель, состоящей в, очевидно, некорректной трактовке начального в данном периоде написания (см. комм. «ж»).

Если совместить предложенное У. Каплони-Хекель понимание словосочетания *m sbht.f* с базовым значением глагола *wdi*, наличие которого в написании предположили А. Эрман и вслед за ним Д. Шефер (см. комм. «ж») мы сможем интерпретировать интересующий нас пассаж следующим образом: «...нанес удар он (бог Хор) врагу *Hšryš(3)* во дворце его вместе с сыном его...». Дальнейшее установление смысла данного пассажа невозможно без подробного обсуждения упоминания в его продолжении Саиса (см. ниже комм. «й»); сейчас мы констатируем, что такая интерпретация, как минимум, не предполагает в этом пассаже никаких чисто языковых непоследовательностей.

и. По мнению У. Каплони-Хекель, написание (*Wr-si3-z m...*) содержит имя Арсеса – сына Артаксеркса III [Kaplony-Heckel, 1982, S. 617, Komm. 11b]. В случае ее правоты вопрос об идентификации «врага *Hšryš(3)*» решается однозначно. Абсолютное большинство исследователей понимали это написание вместе с предшествующим и следующим за ним пассажами иначе: «...с сыном его старшим, (как) это известно в Саисе, (городе) Нейт...» (...*hn^c z3.f wr si3.z m Szw n Nt*) [Brugsch, 1871, S. 5; Spiegelberg, 1907, S. 3; Roeder, 1959, S. 104; Spalinger, 1978 (2), S. 151; Goedicke, 1985, p. 36; Ritner, 2003, p. 395; Schäfer, 2011, S. 134, 156—158]. На наш взгляд, при таком истолкование неизбежно возникает вопрос, почему в тексте, происходящем из Буто, акцентирована осведомленность о возмездии божества «врагу *Hšryš(3)*» именно в Саисе. В связи с этим В. Шпигельберг и В.С. Голенищев допускали, что в Саисе находились какие-то записи, зафиксировавшие события, о которых бутосцы рассказали Хаббашу [Spiegelberg, 1907, S. 3, Anm. 6; Golenischeff, 1922, p. 711(8); ср.:

Голенищев, 1987, с. 221¹³], а А. Сотта [Sottas, 1913, p. 138, n. 1] и вслед за ним Д. Шефер [Schäfer, 2011, S. 158] – что о каре «врагу *Hšryš(š)*» за пределами Египта стало немедленно (*m hrw pn* «в этот день») известно через посредство оракула в Саисе. Произвольность обеих этих догадок совершенно очевидна, причем в рамках первой из них остается неясно, почему свидетельства о «враге *Hšryš(š)*» было необходимо искать в Саисе, а не в Буто¹⁴. Однако само возникновение порождающего их вопроса можно объяснить не только непоследовательностью текста, но и его неверным пониманием, которое интерпретация У. Каплони-Хекель позволяет устранить.

Против данной интерпретации возможно выдвинуть ряд возражений. Оттиск печати на крышке керамического сосуда неизвестного происхождения содержит написание имени в

картуше , которое, по предположению его публикатора У.М.Ф. Питри, принадлежит Арсесу [Petrie, 1917, p. 33, 40, pl. LVII, 31(2)]. Как видно, данное написание не совпадает с тем, которое, предположительно, мы видим в «Стеле сатрапа»; однако сама атрибуция этого картуша вызвала в дальнейшем серьезные возражения, поскольку царь, известный нам в основном под личным именем Арсес, носил, скорее всего, официальное имя Артаксеркс и в написании в картуше, заведомо предполагающем ориентацию на официальный протокол, можно было бы ожидать скорее его воспроизведения [Devauchelle, 1995 (1), p. 40; Vittmann, 2011, S. 411; ср. с мнением о принадлежности этого памятника времени Арсеса: Theis, 2008; его критика: Vittmann, 2011, S. 411, Anm. 238]. Соответственно, не имея отношения к имени Арсеса, написание на данном керамическом предмете и не должно сопоставляться с тем, которое мы, возможно, видим в «Стеле сатрапа».

По поводу последнего написания Г. Виттман в принципе допустил, что оно могло бы передавать имя Арсеса в его грецизированной форме (Ὀάρσης < ὁ Ἄρσης), однако высказал сомнения по поводу того, что текст «Стелы...» должен был передать грецизированную, а не адекватную аутентичной персидской форму этого имени и, опять же, что в нем вообще могло

¹³ Для Голенищева в основе такого предположения лежит еще и идентификация «врага *Hšryš(š)*» с Ксерксом, при которой изъятие им доходов «Земли Уаджит» оказывается отделено от визита Хаббаша в Буто более чем столетием и за сведениями об этом действительно нужно обращаться к таким записям.

¹⁴ В разговоре с нами в декабре 2004 г. Р. Ритнер – исследователь, не прибегающий, насколько нам известно, к столь же произвольным построениям, – не нашел иного ответа на вопрос о смысле данной фразы, кроме общих слов, что Саис в IV в. до н.э. оставался чрезвычайно значимым городом. Как раз в этом позволительно усомниться, учитывая перемещение центра страны еще при первом персидском владычестве в Мемфис и его сохранение там же в IV в. до н.э., в том числе при втором персидском владычестве и при Аргеадах [Bresciani, 1985, p. 518; Lloyd, 1994 (2), p. 343; Holbl, 2001, p. 9, 11, 25–26].

отразиться личное, а не тронное (Артаксеркс IV) имя этого царя [Vittmann, 2011, S. 410—411, bes. Anm. 230]. На наш взгляд, возражения Виттмана не достигают своей цели в силу особенностей «Стелы сатрапа». Негативное отношение ее составителей к чужеземным правителям должно было ориентировать их на употребление как раз сниженных, а не официальных их именовании; а воспроизведение греческой формы имени Арсеса лежит в одном русле с использованием грецизации и в самом именовании «враг *Hšryš(š)*», на чем настаиваем мы (см. Экскурс 2) и против чего резко возражает Г. Виттман.

Наконец, Д. Шефер обратила внимание, что в предполагаемом написании имени Арсеса в «Стеле...» нет детерминатива GG(SL) A₁ , в принципе ожидаемого в конце личного имени [Schäfer, 2011, S. 156] (ср. с написанием в «Стеле сатрапа» имени Птолемея в стк. 2, Urk. II. 13.5, стк. 13, Urk. II. 19.7, стк. 17, Urk. II. 21.4). В свое время мы тоже обратили на это внимание, заметив, однако, что написания имени пресловутого «врага *Hšryš(š)*» тоже не содержат такого детерминатива, а сопровождающие их детерминативы (изображения связанного и обезглавленного врага, в ряде случаев привязанного к столбу и с вонзенным в горло ножом; см. главу 4, § 4.3.3) по своему смыслу явно призваны не маркировать личное имя (так, кажется, считает Шефер), а выразить связанные с его обладателем пейоративные коннотации [Ladynin, 2005, p. 96]. Вполне допустимо, что имя персидского правителя, вызывавшего у египтян меньшую ненависть или даже нейтральное отношение, могло в «Стеле сатрапа» остаться вовсе без детерминатива. Пожалуй, наименее существенный довод против интерпретации У. Каплони-Хекель может быть связан с размещением предполагаемого написания имени Арсеса в строке «Стелы...»: как мы видим, два последних его знака не образуют отдельный квадрат, что внятно маркировало бы завершение личного имени, а надписаны над предлогом *m*, который к нему не имеет отношения заведомо. Эта особенность, конечно, диссонирует с тем, что ожидалось бы от несомненного написания личного имени; заметим, однако, что аналогию ей мы можем найти и написании имени Птолемея в стк. 2 «Стелы...», где детерминатив надписан над следующими за именем знаками, передающими словосочетание *m.f* (Urk. II. 13.5:) . Таким образом, оснований в принципе отвести интерпретацию данного написания как передачи имени Арсеса нет.

й. В написании знак GG(SL) O₄₉ () - очевидно, детерминатив названия города, а не идеограмма слова *niwt* «город»; ср. с полностью аналогичным написанием [Petrie, 1886—1888, p. 23; cf. Spiegelberg, 1907, S. 3, Anm. 4], опровергающим предположение Х. Гёдике о том, что GG(SL) S₃ (*n*) вводит имя богини Нейт (GG(SL) R₂₄) как агентив [Goedicke, 1985, p. 36 (“...as it was learned in Sais by Neith”)]. Э. Спэлинджер полагал, что

косвенногенетивная конструкция *...n Nt* связана не с *Z3w*, а со словом *niwt*, написанием которого он все же признавал GG(SL) O₄₉ [Spalinger, 1978 (2), p. 151—152, n. 51 (“...in the city of Neith, Sais...”). Выше мы уже затрагивали вопрос об упоминании в данном пассаже «Стелы...» Саиса – в связи с чтением *si3.z m Z3w n Nt*, при котором в «Стеле...» появлялся бы непонятный акцент на том, что о каре «врагу *Hšryš(3)*» стало бы известно именно там (см. комм. «и», начало). С учетом интерпретаций, сформулированных выше, текст стк. 11 до этого упоминания следует перевести как «...нанес удар он (бог Хор) врагу *Hšryš3* во дворце его вместе с сыном его Арсесом...». В таком случае словосочетание *m Z3w n Nt* оказывается еще одной адвербиальной фразой, каким-то образом характеризующей глагольную форму *wdi.n.f* «...нанес удар он...». Это словосочетание либо однородно со словосочетанием *m sbht.f* и указывает, что бог нанес удар «врагу *Hšryš(3)*» «во дворце его», а его сыну Арсесу – в Саисе, либо же уточняет значение предшествующего словосочетания, указывая, где именно находился пресловутый «дворец» (в соответствии с тем пониманием связи между этими двумя словосочетаниями, которое сформулировала У. Каплони-Хекель: см. комм. «и»). Первая версия имела бы смысл при условии, что чужеземный правитель и его сын были поражены богом одновременно, но находясь в разных местах: первый – «во дворце его» (в зависимости от трактовки местоимения «его» – за пределами Египта, если речь идет о резиденции этого правителя, или, очевидно, в Буто, если речь идет о местопребывании бога Хора), второй – в Саисе; логичнее все же думать, что кара должна была застигнуть этих врагов в одном и том же месте, так что такая версия маловероятна. Вторая версия предполагает, что «дворец его» находился в Саисе и, в таком случае, эти две адвербиальные фразы разделены вклинившимся между ними словосочетанием *hn^c z3.f Wr-si3-z* – не совсем корректно синтаксически, но, очевидно, оправданно стилистически, возможно, чтобы избежать примыкания друг к другу конструкций, начинающихся с одного и того же предлога *m* (ср. наш комм. «з», со ссылкой на [Ladynin, 2005, p. 96—97, comm. ‘m’]). В таком случае получается, что пресловутый «дворец его» точно локализован в Египте, и тогда еще более остро, чем в связи с первой версией, встает вопрос о том, кто именно обозначен местоимением «его» – чужеземный царь или бог Хор?

На наш взгляд, «вспомогательным» по отношению к этому вопросу является вопрос о том, почему в именовании Саиса в данном контексте акцентирована его связь с богиней Нейт. От конфискации доходов «Земли Уаджит» «врагом *Hšryš(3)*» пострадали культы Буто, и именно город Буто должен считаться «сакральной территорией» бога Хора, обрушившего на чужеземного правителя свое возмездие. Если бы речь шла о размещении резиденции этого правителя в Саисе, то особых оснований упоминать в этой связи богиню Нейт не было бы. Напротив, если бы речь шла о том, что бог Хор покарал «врага *Hšryš(3)*» в «в Саисе, /городе/ Нейт», сказать об этом специально стоило, чтобы объяснить, почему это событие

приписывается вмешательству Хора, чтимого в Буто, а не местного для Саиса, не менее древнего и могучего, хотя и женского божества. Возможно, роль такого объяснения играет как раз упоминание о «дворце его» – в таком случае, именно бога Хора – «в Саисе, /городе/ Нейт». В Позднее время культ Хора в Саисе был весьма значим и локализовался, в частности, в двух святилищах *Rš-Nt* и *Mḥ-Nt* (с почитанием, соответственно, ипостасей бога *Hr-Rš-Nt* и *Hr-Mḥ-Nt*) [Sayed, 1975, p. 180—199; 1982, p. 113]. Примечательным образом, эти святилища находились в пределах храма Нейт (ср. с указанием «Стелы сатрапа» ниже, что нанесение удара «врагу *Hšryš(3)*» произошло «подле матери бога»; см. комм. «л»), а их схематичное изображение представляло собой соединение двух фасадов храмов [Sayed, 1975, p. 180, 199, fig. 6], чрезвычайно напоминавших знак GG(SL) O_{16B} ()²⁰⁰⁰, являющийся основой написания слова *sbḥt* в «Стеле сатрапа». Связи жречества Саиса с отправлением культа богов Буто (Пе-Деп) также прослеживаются на уровне соответствующих титулов довольно определенно [Sayed, 1975, p. 76, 90, 143, 249—250].

Если та интерпретация стк. 11 «Стелы сатрапа», которую мы пробуем обосновать, справедлива, то, по-видимому, в Саисе произошло какое-то событие, ставшее ключевым для временного освобождения Египта от чужеземной власти «врага *Hšryš(3)*» и его сына (очевидно, действительно, персидских царей Артаксеркса III и Арсеса). Каким бы ни было это событие, маловероятно, чтобы его действительно спровоцировало ущемление со стороны «врага *Hšryš(3)*» имущественных интересов культов Буто; однако с точки зрения жрецов и знати Буто и исходя из ее целей при обращении к Хаббашу и сатрапу Птолемею оно должно было быть проявлением гнева их божества против этого чужеземца. При этом само действие бога Хора, ставшее гибельным для чужеземной власти, должно было, понятным образом, реализоваться на территории той его «резиденции» в Саисе, где он был представлен. Исходя из специфики написания слова *sbḥt*, можно допустить, что при этом имелись в виду именно святилища *Rš-Nt* и *Mḥ-Nt*. Очевидно, описание некоего события, понятого таким образом, мы и видим в данном пассаже «Стелы сатрапа».

к. Существует ряд интерпретаций этого словосочетания: его буквальное понимание «сегодня» (Wb. II. 499.10—11), т.е. как указания на момент общения жрецов и знати Буто с Хаббашем [Spiegelberg, 1907, S. 3; Ritner, 2003, p. 136; Голенищев, 1987, с. 221]; допущение, что оно обозначает день гибели и/или лишения власти «врага *Hšryš(3)*» и его сына за пределами Египта, о чем каким-то образом немедленно стало известно в Саиса [Roeder, 1959, p. 104; Schäfer, 2011, S. 158]; предположение, что оно относится к будущему дню изгнания из Египта чужеземных правителей и признания Хаббаша полностью легитимным царем в Саисе [Spalinger, 1978 (2), S. 151—152: “Repel that enemy from his palace, together with his eldest son and

it will be recognized in the city of Neith, Sais, from this day forward, beside the mother of the god”]. Так или иначе, все эти интерпретации исходили из того, что адвербиальная фраза *m hrw pn* должна характеризовать глагольную форму *si3.z*. Однако в рамках обосновываемого нами понимания текста она может быть связана только с *wdi.n.f* и тем самым указывать на день пресловутого «нанесения удара» Хором по «врагу *Hšryš(3)*» и его сыну в Саисе. Само такое указание было бы ненужным плеоназмом, если только оно не содержало соотнесение данного события с каким-то иным, также упоминаемым в обращенном к Хаббашу рассказе. Очевидно, что таким событием могло быть лишь ущемление чужеземными правителями интересов культов Буто. В таком случае можно думать, что изъятие доходов «Земли Уаджит» из распоряжения храма Буто произошло незадолго до изгнания чужеземцев из Египта и таким образом элита этого нома могла считать, что кара постигла виновников этого практически немедленно, чуть ли не «в тот же день».

л. Как правило, исследователи «Стелы сатрапа» считали, что под «матерью бога» имеется в виду Нейт [Spiegelberg, 1907, S. 3, Anm. 3; Goedicke, 1985, p. 36]; ср. с мнением о том, что это указание на оракул Нейт, возвестивший о лишении власти и/или смерти «врага *Hšryš(3)*» за пределами Египта [Roeder, 1959, S. 104; Schäfer, 2011, S. 158]. В.С. Голенищев, считавший, что «враг *Hšryš(3)*» – это Ксеркс, высказал крайне необычное предположение, что речь идет о матери Хаббаша, очевидно, необычайно преклонного возраста, бывшей свидетельницей событий более чем столетней давности [Голенищев, 1987, с. 221]. В статье 2005 г. мы заметили, что, при наличии в стк. 11 упоминания Априя, в данном периоде стелы остается только одна глагольная форма – *wdi.n.f*; в таком случае адвербиальная фраза *r-gs mwt ntr* указывает, что «подле матери бога» совершается действие бога Хора; тогда мы предположили, что «матерью бога» должна быть действительная мать этого божества, Исида, чтимая в Буто [Ladynin, 2005, p. 98]. В рамках интерпретации, которую мы пробуем обосновать сейчас, данное упоминание «матери бога» должно указывать, что действие Хора совершается в его местопребывании на «сакральной территории» Саиса (см. наш комм. «й»); в таком случае, «матерью бога» действительно должна быть Нейт. Это допустимо и исходя из представлений египетской религии об отношениях Нейт к Хору: качество матери Хора переносилось на нее на основании представлений о ней как демиурге, породившем солнце, и о нем как о солнечном божестве [el-Sayed, 1982, t. 1, p. 113—114; об именовании Нейт *mwt ntr* см.: el-Sayed, 1975, p. 44—45].

м. Стоит обратить внимание на то, что эпитет *pr-с* употребляется в стк. 3 (Urk. II. 14.3) применительно в сатрапу Птолемею (см. выше, II.2, комм. «п»). Можно обратить внимание, что специальной привязки к образу Хора у этого эпитета нет (LÄGG III. 55). Таким образом, данное обозначение здесь, как и в его употреблении применительно к Птолемею, призвано

исключительно обозначить определенное качество божества, а не ввести религиозную коннотацию.

н. Эпитет, близкий употребленному выше (см. наш комм. «е»).

о. В данном контексте – очевидно, бог Хор (ср. выше III.1.а, комм. «д»).

п. Интерпретация данной фразы зависит от того, как понять знак A_{304} , передающий субъект действия глагола ḥnh . Р. Ритнер предлагает варианты: “...let me be placed upon the path of His Majesty on which a king lives!” или “...let me be placed upon the path of His Majesty, so that I might live on it!”, с чтением данного знака соответственно *nsw* либо *.i* [Ritner, 2003, p. 395, n. 8]. Среди переводчиков «Стелы...» есть сторонники как первого [Kaplony-Heckel, 1982, p. 617 – с пониманием данной фразы как формулы клятвы: “so wahr der König lebt!”; см.: Wilson, 1948], так и второго варианта [Spiegelberg, 1907, S. 3; Roeder, 1959, S. 104; Spalinger, 1978 (2), p. 152 (также с с пониманием данной фразы как формулы клятвы: “I swear upon it!”); Goedicke, 1985, p. 36; Schäfer, 2011, S. 134]. Мы предпочитаем первый вариант, поскольку, как показывает сравнение данного фрагмента со сткк. 8 (Urk. II. 16.16) и 9 (Urk. II. 17.9), местоимение-суффикс *.i* в речи Хаббаша передается обычным знаком GG(SL) A_1 , а не A_{304} ; ср. с употреблением обычного фонетического знака при написании местоимения-суффикса *.f*, обозначающего Хора, в сткк. 10 (Urk. II. 18.1), 11 (Urk. II. 18.3, 18.9, 18.10). При подобном понимании этого знака значение клятвы для данной фразы исключается.

III.1.в. Совет сатрапу Птолемию восстановить распоряжения царя Хаббаша относительно «Земли Уаджит».

Сткк. 12—13, Urk. II. 18.17—19.2.

d(d).n w^cbw b3wyw nt P-Dp iw imi wdy ḥm.k r rdi(t) pḥww p3 t3 W3dyt rn.f n ntrw P-Dp m t ḥnqt k3w 3pdw ḥt nb(t) nfr(t) iw imi whm.tw sm3wy.f ḥr rn.k ḥr ḥnk.f n ntrw P-Dp m sn-nw zp m-isw n zm^c|rt zp.k

Сказали жрецы-уабы /и/ знатные люди Пе-Деп: “Пусть прикажет Величество твое дать низину, “Земля Уаджит” имя ее, богам Пе-Деп в качестве хлеба, пива, быков, птицы, вещи

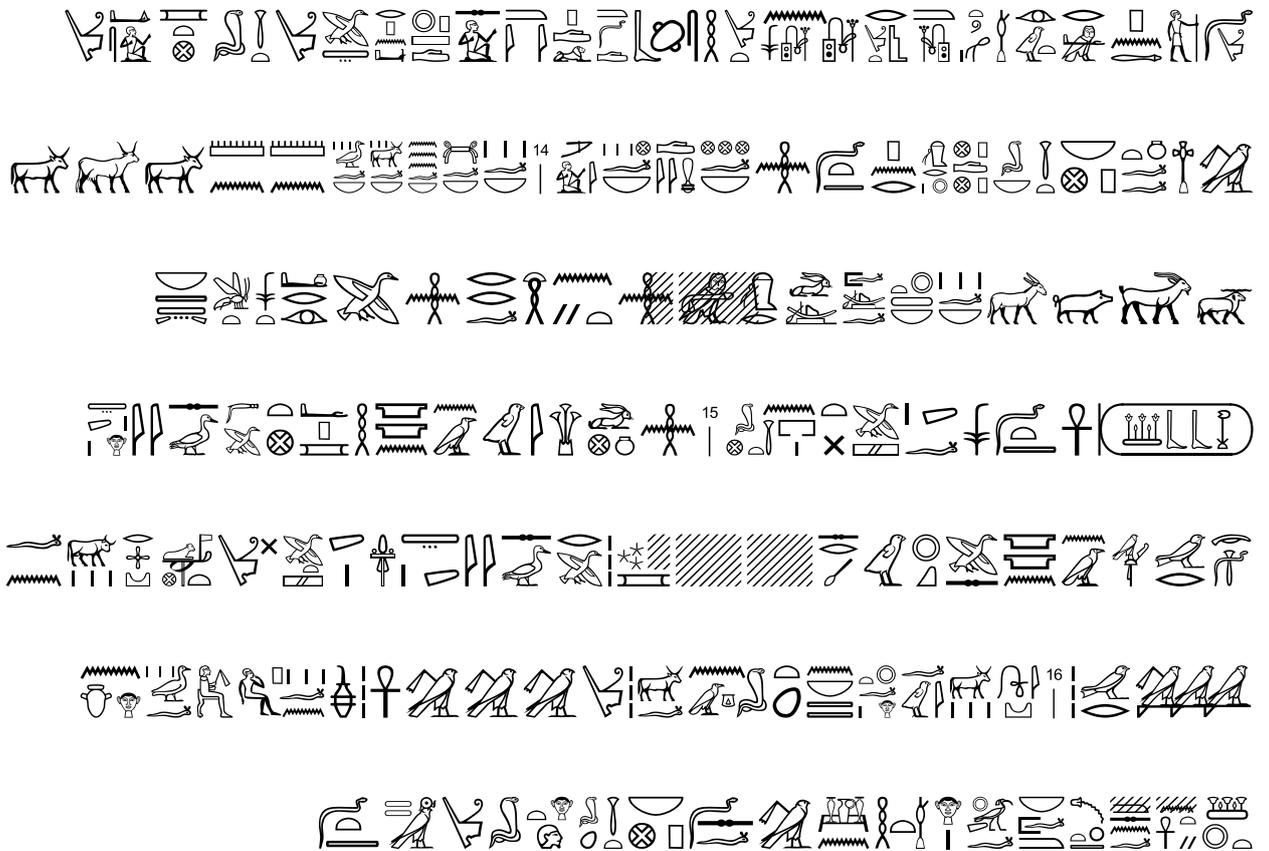
всякой прекрасной^а». Дай же, чтобы было сделано повторение (букв. «обновление») этого (букв. «его») от имени твоего в принесении этого для богов Пе-Деп во второй раз, в возмещение благопо(13)лучия (букв. «делания благополучным») времени (букв. «случая») твоего!^б»

а. Обращает на себя внимание сходство данного пассажа с перечислением заупокойных даров усопшему в жертвенной формуле; см., например: [Gardiner, 1957, p. 170—173].

б. Данная фраза, по-видимому, переключается с изначальным утверждением рассказа «Стелы...» об истории «Земли Уаджит» о том, что сатрап Птолемей «искал... полезного для богов Юга /и/ Севера» (стк. 7, Urk. II. 16.5), а также с последующим описанием чрезвычайно существенного по египетским меркам «воздаяния», которое он получил за свое решение относительно данного земельного участка (сткк. 17—18, Urk. 21. 7—9; см. ниже III.3, комм. «а»).

III.2. Решение сатрапа Птолемея относительно земельного участка «Земля Уаджит».

Сткк. 13-16, Urk. II. 19.3-20.16.

d(d).n wr pn ʕ3 imi ir.tw wdt m zš r st nt zš n zš-nsw nt ḥsb m dd Pdrwmyz p(3) ḥšdrpn P3-t3-n-W3dyt di.i s(w) n Hr ndty (i)t.f nb P W3dyt nb(t) P-Dp dr hrw pn r dt ḥnʕ niw(wt).f nb(wt) dmi(w).f nb(w) mry|w(t).f nb(wt) st3t.f nb(t) mw.f nb k3w.f nb(w) 3pdw.f nb(w) mnmn(t).f nb(t) ḥt nb(t) pr(t) im.f wn im dr m-b3ḥ ḥnʕ nty w3ḥ rr.f ḥnʕ p3 ḥnq r.ir nsw-bity nb t3wy H3bbš3 ʕnh dt rs.f p3 tš n Pr-W3dyt | ḥnʕ Wn-nw mh r n3 ʕ3wy n Hʕpy mh(t) p3 s3y-t3 ḥr spt W3d-wr imnt n3 ʕ3wy n p3 ḥz wzr... i3bt p3 tš n Tb-ntr(t) iw wn-dww.f n ntrw wr(w) | iw3w-dw.f r ḥft-ḥr n nb(t) t3wy W3dyt ng3w.f n ntrw ʕnhw irtt.f n p3 ḥrd šps 3pdw.f n ḥry-ib-š3 nty ʕnh m znf ḥt nb(t) pr(t) m 3ḥ(t).f ḥr wdḥw n Hr ds.f nb P W3dyt ḥr(y)t-tp n(t) Rʕ-Hr-3ḥty dt

Сказал вождь этот великий: «Дайте же, чтобы был сделан указ в записи Месту писания писцов царских учета^а, в следующих словах (букв. «в сказанном»): Птолемей, сатрап^б: “Земля Уаджит”, дал я е(е) Хору – мстителю отца своего^в, владыке Пе, Уаджит, владычице Пе-Деп, со дня этого навечно, с городами ее всеми, поселениями ее всеми, людь(14)ми^г ее всеми, полями^д ее всеми, водой ее всей, быками ее всеми, птицами ее всеми, скотом ее всем, вещью всякой, вышедшей из нее, (как) бывшей в (ней) с прежних (времен, так и) вместе с тем, что добавлено к ней, вместе с приношениями, сделанными^е царем Верхнего и Нижнего Египта, владыкой Обеих Земель Хаббашем, живущим вечно. Граница^ж “Дома Уаджит” (15) с Уну северным^з, до двух ворот Нила^и, – юг ее; песчаная коса на берегу Великой Зелени^й – север; ворота Канала рулевого весла...^к до отмели – запад; граница “Теленка (и) богини”^л – восток. Вот, короткорогие быки-*wn-dw* ее для богов великих^м, (16) длиннорогие быки-*iw3-dw* перед владычицей Обеих Земель Уаджит, длиннорогие быки-*ng3w* ее для богов живых^н, молоко ее для “ребенка благородного”^о, птица ее для “находящегося посреди болота, который питается (букв. “живет”) кровью”^п, вещь всякая, выходящая из угодий ее, на жертвенный стол самого Хора, владыки Пе, Уаджит, находящейся на челе Ра-Харахте^п, навечно.

а. «Место писания» (*st nt zš*) – в Позднее время учреждение, ведающее кадастровыми записями [Meeks, 1972, S. 58, Nr. 27, § II; Schäfer, 2011, S. 165, Komm. ‘a’].

б. Уникальный пример фиксации данного титула в позднесреднеегипетской транскрипции; см. о нем подробно главу 2, § 2.4.1.

в. Один из основных эпитетов Хора как сына Исиды и Осириса, появляющийся не раньше XIX династии (грецизированная форма – Ἀρενδότης) (LÄGG IV. 589).

г. Термин очевидным образом восходит к обозначению зависимого населения, известному со времени Древнего царства; см., например: [Перепелкин, 1988, с. 287].

д. Интерпретируя это написание, Д. Шефер следует версии К. Зетэ (DZA 21.912.430) и читает его как *ḥt* [Schäfer, 2011, S. 167, Komm. 'e']. Стоит обратить внимание, что фонетическое значение использованного в нем знака (скорее, не GG(SL) S₂₂ , использованного нами для удобства набора, а Montpellier S₃₃₅) все же *st* [Valeurs phonétiques..., 1988–1995, t. III, p. 636]. Кажется вероятным, что в данном случае употреблено слово *stt*, в греко-римское время служащее обозначением не только меры площади (греч. *αρουρα*), но и собственно обрабатываемой земли (Wb. IV. 356.7).

е. О появлении аугмента *r* перед основой глаголов (в особенности *iri*) в текстах на позднесреднеегипетском языке IV в. до н.э. и эллинистического времени см.: [Engsheden, 2003, p. 46—47].

ж. См. наше суждение о значении этого слова в данном контексте и ранее в стк. 6 текста «Стелы...» (Urk. II. 15.12) в П.З.г, комм. «б».

з. «Дом Уаджит» – как уже говорилось (I.1.a, комм. «б»), позднее обозначение города Педеп, собственно, давшее основу греческому «Буто». Отдельная, не входящая в другие номы область Буто (Χερμίτης), тесно ассоциированная с представлением о Хеммисе (см. I.3.г, комм. «а»), упоминается у Геродота (*Hdt.* II. 165). Ранее область Буто считалась частью VI нижнеегипетского нома (см. I.1.a, комм. «б»), который граничил на западе с VII нижнеегипетским номом, включавшим Малый Гермополь (Даманхур – «Уну северный» «Стелы...») [Montet, 1957, t. 1, p. 91—92; Helck, 1970, S. 164—165, 167; Schäfer, 2011, S. 168—170, Komm. 'g'—'h']. Естественно допустить, что граница между этими двумя номами и имеется в виду в данном пассаже «Стелы...»; в таком случае «дом Уаджит» может обозначать ассоциированную с Буто западную часть Ксоисского нома.

и. По мнению А. Гардинера, «Нил» в данном случае обозначает Саисский (4/5 нижнеегипетского) нома, который должен был граничить с «Домом Уаджит» с юга [Gardiner, 1947, vol. 2, p. 198*]. Д. Шефер пробует примирить это мнение с предположением Х. Гёдике о том, что «ворота» обозначают некие шлюзы [Goedicke, 1985, p. 48], допуская, что они могли располагаться на границе Саисского нома [Schäfer, 2011, S. 170—171, Komm. 'i'].

й. По предположению П. Монтэ, коса, лежавшая между Средиземным морем и т.н. озером Буруллу, соединенным с ним, в северной части Ксоисского нома [Montet, 1957(1), p. 92].

к. А. Гардинер обратил внимание на присутствие после разрушенного места следующего иероглифического написания: . По его мнению, оно может объясняться ассоциацией с мифом о рулевом Менелая Канопе, который был вознесен на небо в образе звезды, и, в таком случае, содержащее это написание название должно относиться к Канопу в Западной Дельте

(согласно мифу, этот город был назван в честь данного персонажа) [Gardiner, 1947, vol. II, p. 195*—196*]. Д. Шефер высказала сомнение в том, что греческий миф мог оказать влияние на словоупотребление «Стелы...» [Schäfer, 2011, S. 171—172, Komm. 'k']. Нам возможность того, что район вблизи строящейся Александрии был бы обозначен в этом тексте с определенной ориентацией на ономастику, бывшую в ходу у греков и македонян, кажется не столь невероятной.

л. *Tb-ntṛ(t)* («Теленок /и/ божественная /корова/») – название Севеннитского (12-го нижнеегипетского) нома [Montet, 1957, t. 1, p. 103; Helck, 1970, S. 179].

м. Дифференциация в этом контексте «богов великих (старших?)» [LÄGG IV. 480—481] и «богов живых» (LÄGG IV. 477) непонятна [Schäfer, 2011, S. 173, Komm. 'm', 'o']; возможно, впрочем, что в данном случае мы имеем дело не с дифференциацией, а, напротив, с употреблением взаимозаменяемых обозначений применительно к одной и той же группе богов (аналогично тому, как далее следует ряд эпитетов, относящихся явно к Хору; об эквивалентности *ntṛw ḥnw* и *ntṛw wrw* см.: LÄGG IV. 477, Aa, 11).

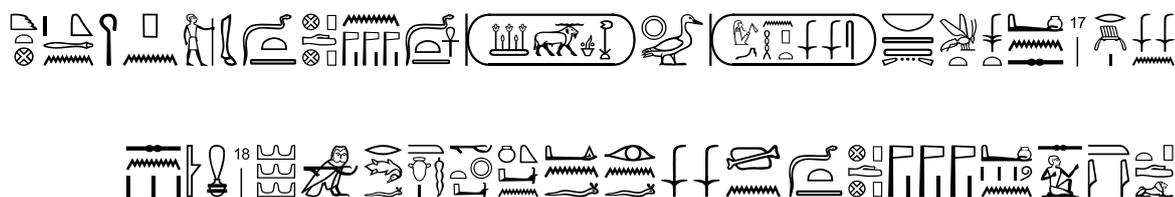
н. «Ребенок благородный» – частое обозначение бога-дитяти (LÄGG VI. 52); в контексте «Стелы...» – с наибольшей вероятностью, Хор, сын Осириса и Исиды [Schäfer, 2011, S. 173—174, Komm. 'p'].

о. Обратим внимание, что предшествующий в тексте эпитет божества («ребенок благородный») с высокой вероятностью относится к Хору, а ниже Хор упоминается напрямую. Кроме того, сам эпитет «находящийся посреди болота», очевидно, представляет собой отсылку к пребыванию Хора на Хеммисе в болотах близ Буто (см. наш комм. «з»). Очевидно, что в таком случае эпитет «...который питается (букв. “живет”) кровью» необходимо истолковывать исходя из логики и коннотаций этой мифологической ситуации. Р. Ритнер допустил, что данный эпитет, по ассоциации с видом жертвы, которая адресуется его обладателю, имеет в виду употребление юным соколом-Хором в пищу крови маленьких птиц, а также связал его с метафорой «...подобно хищной птице, преследующей пичужек...», прилагаемой к сатрапу Птолемею в описании битвы при Газе (стк. 5, Urk. II. 15.7) [Ritner, 2003, p. 396, n. 14] Вряд ли это обозначение будет связано напрямую с полностью аналогичным эпитетом священной змеи, чтившейся в неустановленном номе Египта (LÄGG II. 159) [Schäfer, 2011, S. 175].

п. Эпитет Уаджит как богини-урея [LÄGG V. 451—453; Fischer-Elfert, 1986, S. 907]; см. I.3.б, комм. «б».

III.3. Воздаяние Птолемею за его решение относительно земельного участка «Земля Уаджит».

Сткк. 16—18, Urk. II. 21.1—9.

*nn r 3w | ḥnq.n zt nsw-bity nb t3wy Snn-Tnn Stp-n-Pth z3 R^c Ḥ3b3š3 ḥnh dt n ntrw P-Dp whm wr
pn ḥq3 ḥ3 n Kmt Ptdrwmz ḥnqw n ntrw P-Dp dt isw n nn ir n.f di n.f qn(t) nht m ndm-ib r snd.f m-ht
ḥ3swt | mi qd.zn*

Все целиком (букв. «в протяжении /его/»), (17) принесенное царем Верхнего и Нижнего Египта Сенентененом Сетепенптахом, сыном Ра Хаббашем, живущим вечно, для богов Пе-Деп, повторил вождь этот, властитель великий Египта Птолемей, приношения для богов Пе-Деп, навечно. Воздаяние этому, сделанное для него: даны ему доблесть /и/ мощь в качестве обаяния сердца, для страха его по чужеземным странам (18) целиком (букв. «подобно объему их») ^a.

а. Воздаяние Птолемею за его благодеяние храмам Буто состоит в том, что он приобретает способность внушать своим врагам парализующий их страх; кроме того, в данном контексте он приобретает именование «властитель» (*ḥq3*), а не только «вождь» (*wr*), как до этого (см. II.1, комм. «ж»). См. об этом подробнее главу 2, § 2.4.1.

III.4. Заключительные формулы.

Стк. 18, Urk. II. 21.11—22.1.

*P3-t3-n-W3dyt p3 nty.f r spsp.f nty.f mnmn.f r it ht im.f iw.f m qis n imyw P iw.f m dndn n imyw
Dp iw iw.f m hh nty wp(t) t3wy hrw nšny.z n z3.f z3t.f rdi n.f mw*

“Земля Уаджит”, кто захватит ее /и/ кто изменит /границу/ ее, чтобы захватить вещи ее, будет он связан (букв. “в связывании”) “находящимся в Пе”^а, будет ему отсечена голова (букв. “будет он в отсечении головы”) “находящимся в Деп”^а, будет он в огненном дыхании “Рассуживающей Обе Земли”^б /в/ день ярости ее! Не будет сына его /или/ дочери его, которые дали бы (букв. “дающих”) ему воды!^в»

а. *итув Р... итуу Др* - несомненно, чтимые в Буто божества.

б. Эпитет Уаджит: LÄGG II. 361 [Coche, 1970, p. 60, no. 8; Koemoth, 1995, p. 14—16; Schäfer, 2011, S. 188, Komm. ‘g’].

в. Об угрозах, содержащихся в древнеегипетских царских декретах и гробничных надписях, см.: [Morschauser, 1991]. См. в последней работе, в частности, об угрозах карами, названными в заключительном пассаже «Стелы сатрапа» – связыванием (*qis* – вариант написания *qʒs*: Wb. V. 13) [Morschauser, 1991, p. 81], отсечением головы (*dndn*) [Morschauser, 1991, p. 95—96], огненным дыханием (*hh*) божества [Morschauser, 1991, p. 99—100], отсутствием потомства, которое сможет принести нечестивцу после его смерти воду в качестве заупокойной жертвы [Morschauser, 1991, p. 122—123, 244].

Экскурс 1: К идентификации кампании сатрапа Птолемея против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а».

Прежде чем перейти к рассмотрению мнений, высказывавшихся в связи с сообщением «Стелы сатрапа» о кампании против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» и собственно к его историческому анализу, стоит еще раз вспомнить, какие иные эпизоды, связанные с сатрапом Птолемеем, отразились в исторической части этого текста. Таких эпизодов три: это возвращение Птолемеем изображений египетских богов и культовой утвари, вывезенных в свое время из Египта в Азию (несомненно, персами; ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», II.3.а; глава 4, § 4.1.2); перенесение резиденции Птолемея и столицы Египта в Александрию (II.3.б); и кампания 312–311 г. до н.э. в Восточном Средиземноморье (II.3.в). Как мы уже говорили, они расположены в тексте «Стелы...» не в хронологическом порядке, а, по-видимому, в порядке убывания их значимости (см. главу 2, § 2.4.2, ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», II.3.а, комм. «е»), и при этом все они укладываются в весьма узкий отрезок времени. Возвращение из Азии культовых предметов, несомненно, воспринималось как результат кампании в Восточном Средиземноморье и в таком случае приходится на одно время с ней или непосредственно после нее; а основание Александрии может быть датировано периодом около полутора лет до создания «Стелы сатрапа» (см. II.3.б, комм. «з»). В таком случае: естественно думать, что к этому же хронологическому диапазону конца 310-х гг. до н.э. должен относиться и четвертый эпизод, описанный в этой части текста, – кампания против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а». Очевидно, что все эти свершения Птолемея, не вызывающие особых затруднений в их отождествлении, исключительно значимы, и их описание в исторической части «Стелы...» формирует образ сатрапа Египта как выдающегося правителя (см. главу 2, § 2.4.2). В случае если три из четырех эпизодов, упомянутых в исторической части «Стелы сатрапа», – события такого уровня, можно было бы уже априорно ожидать, что и четвертый эпизод будет весьма значимым и логично встроится в этот ряд. В принципе было бы оправданно и рассчитывать, что его упоминание обнаружится не только в иероглифической «Стеле сатрапа», но и в каком-то из фрагментов античной исторической традиции.

Первый исследователь «Стелы сатрапа» Х. Бругш предложил отождествить кампанию против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» с достаточно хорошо известным эпизодом подавления сатрапом Птолемеем выступления против его власти полуса Кирены [Brugsch, 1871, S. 13]. Очевидно, область Кирены¹, в числе других территорий, обозначенных как «Ливия», впервые

¹ См. о Кирене в политике Птолемея 320–310-х гг. до н.э., включая затрагиваемые ниже сюжеты: [Cloché, 1959, p. 57–59; Will, 1960 (2); Seibert, 1969, S. 91–96, 147; Bagnall, 1976, p. 25–26; Laronde, 1987,

формально вошла в сферу влияния Птолемея при распределении сатрапий после смерти Александра Великого в Вавилоне летом 323 г. до н.э.; однако реально власть над ней сатрапа Египта была установлена лишь после поражения птолемеевским военачальником Офеллом в 322 г. до н. э. захватившего Кирену спартанца Тиброна (*Diod.* XVIII. 19. 2–21. 8; *Arr. Succ.* I. 17; см. главу 2, § 2.1). Вслед за этим соглашение в Трипарадейсе подтвердило власть Птолемея над ливийскими территориями; Птолемей прибыл в Кирену (*Arr. Succ.* I. 19; *Marmor Parium*, FGrHist. В 11) и, сделав Офелла своим наместником, гарантировал полису внутреннюю автономию в особой диаграмме (SEG IX. 1; см. исчерпывающую библиографию по данному эпиграфическому памятнику: [Crisuolo, 2001; esp. p. 141–143, n. 2]). В конце 310-х гг. до н.э. (по определенным соображениям, мы пока воздержимся от более точной датировки этого события), как иногда считается, в ответ на призыв Антигона к греческим полисам о возвращении себе свободы, киренцы восстали против Птолемея. Их восстание было подавлено весьма энергично и быстро войском Птолемея во главе со стратегом Агисом, который отправил его инициаторов в Александрию. Наиболее подробное сообщение об этом Диодора Сицилийского звучит следующим образом:

Тем же летом киренцы, восставшие против Птолемея, осадили крепость, как будто уже выбрасывая гарнизон, и, когда прибыли послы из Александрии и призвали их обуздать честолюбие, они убили их, а крепость осадили с большим рвением. Озлобленный на них, Птолемей послал Агиса стратегом с пешим войском, а также отправил вспомогательный флот, поставив навархом Эпайнета. Агис, рьяно атаковав отпавших, овладел городом с помощью штурма, зачинщиков мятежа закованных отослал в Александрию и, отобрав у прочих оружие и устроив все, связанное с городом, как ему казалось подходящим, вернулся в Египет².

Когда Х. Бругш предложил свою интерпретацию сообщения «Стелы сатрапа» о кампании против «рубеза Ир-мер-а/Мер-мер-а», классическое среднее образование было для ученых-гуманитариев нормой, а сведения античных источников и Ветхого завета образовывали естественный контекст любого вновь открытого древнеегипетского памятника. Возможно,

---

p. 41–48, 85–128, 349–377; Marini, 2013, p. 122–125 (Le diagramma de Ptolémée Ier); Жебелев, 1929; Ейне, 1972; Шофман, 1984, с. 173–180].

² *Diod.* XIX. 79. 1–3: Τῆς δ' αὐτῆς θερίας Κυρηναῖοι μὲν ἀποστάντες Πτολεμαίου τὴν ἄκραν περιεστρατοπέδευσαν, ὡς αὐτίκα μάλα τὴν φρουρὰν ἐκβαλοῦντες, παραγενομένων δὲ πρεσβευτῶν ἐκ τῆς Ἀλεξανδρείας καὶ παρακαλοῦντων παύσασθαι τῆς φιλοτιμίας τούτους μὲν ἀπέκτειναν, τὴν δ' ἄκραν ἐνεργέστερον ἐπολιόρκουν. ἐφ' οἷς παροξυνθεὶς ὁ Πτολεμαῖος ἀπέστειλεν Ἄγιν στρατηγὸν μετὰ δυνάμεως πεζῆς, ἐξέπεμψε δὲ καὶ στόλον τὸν συλληψόμενον τοῦ πολέμου, ναύαρχον ἐπιστήσας Ἐπαινετόν. ὁ δὲ Ἄγισ ἐνεργῶς διαπολεμήσας τοῖς ἀφεστηκόσιν ἐκυρίευσεν κατὰ κράτος τῆς πόλεως καὶ τοὺς μὲν αἰτίους τῆς ἀποστάσεως δήσας ἀπέστειλεν εἰς τὴν Ἀλεξάνδρειαν καὶ τῶν ἄλλων τὰ ὄπλα παρελόμενος καὶ τὰ κατὰ τὴν πόλιν διοικήσας ὡς ποτ' ἔδοξεν αὐτῷ συμφέρειν ἐπανῆλθεν εἰς τὴν Αἴγυπτον.

именно поэтому Бругш не сформулировал сколько-нибудь четко и подробно свои основания к отождествлению сообщения «Стелы...» с киренскими событиями; тем не менее эти основания вполне очевидны. Киренаика безусловно могла быть охарактеризована как «рубеж» владений Птолемея в Африке; в кампании Агиса против киренцев, как и в походе на «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а», был явно выражен карательный аспект; кампания Агиса завершилась депортацией виновников мятежа в Александрию, что могло стать основой соответствующих слов текста «Стелы...»; значимость данного эпизода, закрепившего власть Птолемея над важным районом греческого расселения на побережье Африки, не подлежит сомнению; и, наконец, само обозначение *Ir-mr-3/Mr-mr-3*, в особенности при принятии второго его чтения, может быть сопоставлено с хоронимом «Мармарика», восходящим к названию ливийского племени мармаридов (Μαρμαρίδαί; уже для середины IV в. до н.э. этот этноним засвидетельствован применительно к обитателям области Кирены в «Перипле Псевдо-Скилака», гл. 108: GGM I. 82) [Marini, 2013, p. 28–29]. В итоге интерпретация данного фрагмента «Стелы...», предложенная Бругшем, была воспринята многими исследователями – египтологами и в особенности антиковедами (Urk. II. 15) [Wachsmuth, 1871, S. 470, 640 (по мнению данного исследователя, речь идет все же не о кампании Агиса как таковой, а о каком-то имевшем место примерно тогда же походе против собственно мармаридов); Bouché-Leclercq, 1903, p. 49, n. 1; Тураев, 1935, т. 2, с. 212; Kees, 1930; Gauthier, 1935, p. 178–180; Roeder, 1959, S. 102; Welles, 1962, S. 274, Anm. 8; Kaplony-Heckel, 1982, S. 615–616, Anm. 6b; Bianchi, 1984, Sp. 492 (“maritime names”); Laronde, 1987, p. 373, n. 5; cf. Fraser, 1972, vol. 2, p. 12 (П. Фрэзер изначально принимал данную идентификацию «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а», но в дальнейшем отказался от нее под влиянием египтологов Т. Джеймса и Ж. Йойотта)].

Наиболее существенные возражения против интерпретации Х. Бругша сводятся к следующему. Во-первых, словоупотребление «Стелы...» – выражение *m-ht nn* («после этого»; см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», П.3.г, наш комментарий «а») в начале описания похода на «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а» – позволяет считать данный эпизод продолжением описанной перед ним кампании в Восточном Средиземноморье, следующим за ней хронологически [Goedicke, 1985, p. 33–34; Winnicki, 1991, p. 175; Schäfer, 2011, S. 125, 129]. Между тем, согласно повествованию Диодора, Птолемей после устройства киренских дел отбыл из Египта на Кипр, чтобы выступить против отказавшихся ему подчиняться царей (Diod. XIX. 79. 4)³. Вернув Кипр под свой контроль и совершив с его территории рейды в

³ «Птолемей же, когда киренские дела вышли по его желанию, переправился из Египта с войском на Кипр против не повиновавшихся ему из числа его царей» (Πτολεμαῖος δέ, τῶν περὶ Κυρηνήν αὐτῶ κατὰ νοῦν ἀπηντηκότων, διῆρεν ἐκ τῆς Αἰγύπτου μετὰ δυνάμεως εἰς τὴν Κύπρον ἐπὶ τοὺς ἀπειθοῦντας τῶν βασιλέων).

Киликию и Сирию (id. 5–7), он возвратился в Египет и только после этого решил выступить совместно с Селевком в Восточное Средиземноморье, чтобы дать генеральное сражение Деметрию (id. 80. 3). На первый взгляд, относительная хронология этих событий свидетельствует о том, что события в Кирене должны были предшествовать кампании в Восточном Средиземноморье. Вместе с тем можно обратить внимание, что в самом описании устройства киренских дел в G. abs. τῶν περὶ Κυρήνην... ἀπηνυτηκότων употреблена форма причастия перфекта, со свойственным ему значением не столько прошедшего времени, сколько результата прошлого действия в настоящем, одновременного с действием предложения, к которому относится G. abs. [Соболевский, 1948 (2), с. 86 (§ 450), с отсылкой к: Соболевский, 1948 (1), с. 202–203 (§ 729–732); Черный, 2008, с. 487–488 (§ 102), 508–511 (§ 112), 579 (§ 143)]. Сообразно этому, можно сказать, что пресловутое урегулирование в Кирене стало разворачиваться на момент отбытия Птолемея на Кипр (возможно, синхронно со взятием Кирены Агисом или даже лишь с отправкой туда карательных войск), при том что время его завершения в свидетельствах Диодора не определено. Что же касается абсолютной хронологии этих событий, то, вопреки довольно устоявшемуся мнению о датировке киренского восстания 313 г. до н.э. [Voüy, 2007, p. 144], текст Диодора вполне допускает, что киренские события пришлось на лето того же года, осенью которого развернулась кампания Птолемея и Селевка в Восточном Средиземноморье и произошла битва при Газе, т.е. 312 г. до н.э. (нам представляется, что динамизм повествования Диодора побуждает считать именно так) [Meuss, 2012, p. 88, 92–93; см. о датировке битвы при Газе: Voüy, 2007, p. 145; Wheatley, 2003, p. 274–275 (аргументы в пользу датировки битвы при Газе октябрём или, во всяком случае, не позднее чем ноябрём 312 г. до н.э)]. Однако в таком случае эти события были разделены лишь несколькими (максимум неполными пятью – с июня по октябрь) месяцами, причем вполне допустимо, что урегулирование ситуации в столь значимом полисе, как Кирена, растянулось на длительное время и завершилось депортацией инициаторов восстания уже после начала кампании в Восточном Средиземноморье. Если эти события хотя бы отчасти перекрылись по времени, то логику перемены их мест в изложении «Стелы сатрапа» уже легко представить. Очевидно, описание *более значимого* из них (безусловно, кампании в Восточном Средиземноморье), во временном аспекте проассоциированное с *началом* периода их совпадения, переместилось на место, предшествующее описанию *менее значимого* из них (урегулирования в Кирене), тем более что его завершение и находилось ближе к *концу* периода их совпадения. Такую последовательность нельзя было бы даже счесть неоправданной хронологически, притом что последовательность сообщений в исторической части «Стелы сатрапа», как мы уже говорили, допускает отступления от строгой хронологии описанных в них событий. Мы также отмечали теоретическую допустимость того, что составители «Стелы...»

вообще не соотносили кампании в Восточном Средиземноморье и против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» во времени, а имели в виду, что второй, менее значимый из них произошел *наряду* с первым, более значимым; но это кажется все же менее вероятным (см. П.З.г, комм. «а»).

Второе возражение против интерпретации Х. Бругша сводится к тому, что, согласно Диодору, сатрап Птолемей не принял личного участия в подавлении киренского восстания, в то время как «Стела...» приписывает ему участие в действиях против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» [Winnicki, 1991, p. 176, n. 97]. Однако, согласно стяженному описанию Павсанием событий сатрапии Птолемея, киренское восстание как раз заставило его отбыть в Ливию и ослабить внимание к ситуации в Восточном Средиземноморье⁴. С другой стороны, может быть, не случайно, что сообщение о походе против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а», не содержит выражений, живописующих личное участия Птолемея в сражениях или иных действиях, в отличие от описания кампании в Восточном Средиземноморье (ср. П.З.в; см. также главу 2, § 2.4.1). Как представляется, данное описание вполне может относиться к военному предприятию, которое было начато по воле правителя и с его личным участием, реализовано в значительной мере его агентами, но в целом, в полном соответствии со стилистикой древнеегипетских военных текстов, приписано прямо ему⁵. С этой точки зрения для соотнесения данного эпизода с событиями в Кирене не должно было бы возникнуть препятствий.

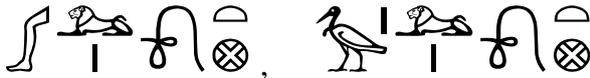
Симптоматично, что интерпретация Х. Бругша была предложена на том этапе развития египтологии, когда ее дробная отраслевая специализация еще не произошла, а ее главной исследовательской задачей считался исторический учет вновь поступающих данных иероглифических источников. По сути дела, с конца XIX в. египтология пережила серьезный крен в сторону формального описания и сопоставления памятников, предполагающего также весьма формальный филологический и лексикографический анализ их текстов. Из ее исследовательских приоритетов во многом выбыло построение сводной картины политической истории Египта, а критериями верификации новых исследовательских интерпретаций стала в большей мере их обоснованность аналогиями в текстах и памятниках, а не совместимость с известными историческими фактами. Соответственно, для египтологов путем к интерпретации

⁴ «Когда же он (Антигон – И.Л.) узнал, что Птолемей отправился походом в Ливию, так как от него отпала Кирена, он немедленно захватил Сирию и Финикию и, передав их своему юному сыну Деметрию, по разуму высокоодаренному, сам спускается к Геллеспонту» (пер. С. П. Кондратьева под редакцией Е. В. Никитюк: [Павсаний, 1994, т. 1, с. 30]; *Paus.* I.6.5: ἐπεὶ δὲ ἐς Λιβύην ἐπέθετο στρατεύειν Πτολεμαῖον ἀφεστηκότων Κυρηναίων, αὐτίκα Σύρους καὶ Φοίνικας εἶλεν ἐξ ἐπιδρομῆς, παραδοὺς δὲ Δημητρίῳ τῷ παιδί, ἡλικίαν μὲν νέω φρονεῖν δὲ ἤδη δοκοῦντι, καταβαίνει ἐπὶ τὸν Ἑλλήσποντον).

⁵ Ср. с несравненно более серьезными искажениями реальности, например, при изображении участия Тутанхамона в детском и отроческом возрасте в войнах на предметах его времени: [Перепелкин, 2000, с. 319].

интересующего нас фрагмента «Стелы сатрапа» не мог не стать поиск формальной аналогии иероглифическому написанию *ʿIr-mr-3/Mr-mr-3*. Таковая была обнаружена в наименовании страны Ирем (и пр.) [Zibelius, 1972, S. 84], которая была известна в основном по источникам времени Нового царства и предположительно лежала на отрезке течения Нила в области его слияния с Атбарой (в современном центральном Судане) [O'Connor, 1987, p. 99–136]. Похоже, что впервые подобное мнение было высказано В.В. Струве [Struwe, 1928, с. 199–200], который в своих ранних египтологических студиях тяготел к нетрадиционным и далеко не всегда оправданным догадкам (ср., например, оценку его вполне фантастической реконструкции биографии Манефона Севеннитского во введении, раздел «Степень изученности проблемы»; см. также [Ладынин, 2016 (3)]); затем, кажется, через посредство Ф. К. Киница оно перешло и в зарубежную историографию [Kienitz, 1953, S. 134–135, Anm. 3]. Некоторых принявших его исследователей вообще не очень занимал вопрос о правдоподобии столь дальнего похода войск сатрапа Птолемея в южном направлении [Swinnen, 1973, p. 123, n. 4; Кормышева, 1985, с. 164–165 (исследовательница локализует Ирем на побережье Красного моря и считает, что поход Птолемея мог быть направлен против этой области, «на широте между вторым и третьим порогами»)]⁶. Однако те, кто справедливо затрагивал этот вопрос, допускали, что речь должна идти о некоем пограничном конфликте в области Элефантины [Priese, 1974, bes. S. 26–27 (этот исследователь относил обозначение *Irm* в целом к области 3-го порога и считал, что сообщение «Стелы...» описывает нападение на Египет племени блеммиев); Huß, 1994 (1), S. 94; Huss, 2001, S. 135–136], а также что термин *Irm* в данном контексте мог быть политонимом, обозначававшим соседствовавшее с Египтом с юга Мероитское государство [Kaplony, 1971, p. 257, n. 1; Ritner, 2003, p. 393–394, n. 4]. Надо сказать, что последнее допущение совершенно необходимо как дополнение к гипотезе об отражении в «Стеле...» некоего конфликта на южной границе Египта: в ином случае было бы непонятно, почему прилегающие к ней районы обозначены именно как «Ирем», т.е. наименованием области, лежащей далеко в глубине Нубии. Вместе с тем против этого допущения можно выдвинуть серьезные возражения. В иероглифических текстах стел царей Мероэ IV в. до н.э., словоупотребление которых стоит принимать во внимание в связи с предполагаемыми мероитскими аллюзиями в собственно египетских текстах этого времени, их государство называется совершенно иначе (стела Хорсиотефа: *p3 t3 Nḥsy*, Urk. III. 116, 118; стела Настасена:

⁶ Примечательна позиция исследователя собственно африканских топонимов в древнеегипетских текстах К. Цибелиус-Чен: исходно она не стала включать обозначение «Стелы сатрапа» в свою сводку написаний наименования Ирем [Zibelius, 1972, S. 84]; но позднее в отдельной публикации (очевидно, под влиянием обозначившейся историографической тенденции) настаивала на их идентификации [Zibelius-Chen, 2006, S. 368–369, Anm. 9].

p3 t3 sty, id. 144, 146, 147—149). Что же касается названия его центра – собственно города Мероз, – оно пишется в текстах этого времени также по-другому, чем обозначение *Irm* (, – в стеле Настасена, id. 142, 147–148; – в списке нубийских «номов» из Филэ времени Птолемея II Филадельфа, Urk. II. 120). При этом одно из самых поздних зафиксированных употреблений обозначения *Irm* – в надписи царя Ирикеаманоте из Кавы (id. II. 411) [Zibelius, 1972, S. 84 (VIIAa30)] – заведомо относится не к Мероитскому государству в целом и не к его столичному региону. Кроме того, античная традиция ничего не знает о походах сатрапа Птолемея в южном направлении; напротив, Диодор, ориентирующийся в данной связи на Агафархида Книдского, прямо говорит, что первым из Лагидов, воевавшим в Нубии, был Птолемей II Филадельф (FGrHist. 86. F. 19 = *Diod. I.37.5*) [Burstein, 2008, p. 137–138]. На наш взгляд, исходя из всего сказанного, согласиться с отождествлением наименований «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» «Стелы сатрапа» и страны Ирем в Нубии невозможно.

Однако пытливость египтологов в поиске точного соответствия данному обозначению «Стелы...» не ограничилась названиями местностей Африки, а с 1970–1980-х гг. перенеслась также и на азиатские этнонимы. Надо заметить, что если основания для соотнесения обозначений *Ir-mr-3/Mr-mr-3* и *Irm* были чисто формальными, то в данном случае к ним присоединилось и существенное соображение, легшее в основу критики «киренской» версии Х. Бругша. Как уже говорилось, ее противники исходили из того, что если сведения источника о двух кампаниях сатрапа Птолемея расположены в хронологическом порядке, то вторая из них должна была продолжать первую, приходиться на самый конец 312 или начало 311 г. до н.э. и происходить, очевидно, также в Восточном Средиземноморье. Р. Гивеон предположил, что за обозначением *Ir-mr-3/Mr-mr-3* скрывается наименование арабов [Giveon, 1971, p. 181], а Х.-Й. Тиссен, по сообщению К. Винницкого, увидел в нем этноним «амориты» (очевидно, не раскрывая, какое значение этот термин мог иметь в I тыс. до н.э.) [Winnicki, 1991, p. 181]. Наконец, Х. Гёдике в 1985 г. предложил трактовку, которой было суждено дальнейшее развитие. По его мнению, поход на «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а» представлял собой возвращение сатрапа Птолемея с войском из Восточного Средиземноморья в Египет через территорию Палестины, поэтому данное обозначение может соответствовать наименованию ее жителей как «арамеев». В подтверждение своего мнения исследователь сослался на т.н. «Письмо Аристея» (один из текстов эллинистического времени, примыкающих к ветхозаветной традиции), согласно которому Птолемей I после успешного похода в Келесирию и Финикию депортировал 100 тысяч человек из населения Палестины, из них 30 тысяч мужчин в расцвете

сил сделал воинами, а остальных обратил в рабство [Goedicke, 1985, p. 33–35; см. издание текста: Charles, 1913, p. 95–122 (Х. Гёдике привел название данного издания неверно – со словом *Pseudoepigraphica*); Shutt, 1992]. По сути дела, эта позиция была реанимирована Д. фон Реклингхаузенем, считавшим, что разгрому и депортации сатрапом Птолемеем подверглись евреи. Этот исследователь уточнил, что термин «арамеи» в данном случае должен обозначать не конкретные этнос или политику, а в целом арамеязычное население Восточного Средиземноморья, к которому принадлежали и евреи, а также предложил свою фонетического написания слова *ntr* в контексте произведенной Птолемеем депортации [Recklinghausen, 2005, S. 149–153; cf. Pfeiffer, Recklinghausen, 2010, S. 409–415] (см. подробно: П.З.г, комм. «в», «ж»). Фактически этот комплекс интерпретаций была воспринят Д. Шефер [Schäfer, 2011, S. 130–131].

Я. К. Винницкий уделил походу на «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а» особое внимание в своем обширном исследовании военных действий Птолемея и Селевка в Азии в 312–311 гг. до н.э. [Winnicki, 1991, p. 170–185]. Мнение Х. Гёдике о соотнесении сведений «Письма Аристея» с сообщением «Стелы...» показалось ему необоснованным [Winnicki, 1991, p. 176, п. 96], а ключевыми для его интерпретации он счел данные античной исторической традиции. Хотя в ней и упоминаются репрессии Птолемея против городов Восточного Средиземноморья до его отступления в Египет в 311 г. до н.э. (*Diod. XIX. 93. 7; Ios. Ant. XII. 3–9*), Винницкий полагал, что они плохо согласуются со свидетельством «Стелы...» о краткости данного эпизода. Более вероятным ему показалось его соотнесение со предполагаемым совместным походом Птолемея и Селевка весной 311 г. до н.э. на столицу Набатейского царства Петру [Winnicki, 1991, p. 176; см. об этом предполагаемом походе, после которого, по мнению Винницкого, Селевк отправился отвоевывать свои владения в Вавилонии: Winnicki, 1989, p. 78–83]. Сообразно своей трактовке, Винницкий понимал присутствующее в «Стеле...» обозначение (в его транслитерации *p3 tš 'Irm3j.w*) как «область арабов», но при этом не считал вполне убедительными выкладки Р. Гивеона на материале иероглифических текстов, приведенные тем в обоснование сходной интерпретации [Winnicki, 1991, p. 180, 184].

Последняя попытка понять обозначение, присутствующее в данном фрагменте «Стелы...», совершенно по-новому была предпринята Х. Клинкоттом и С. Кубич, решившими соотнести его с названием ликийского города Лимира – места неких военных действий Птолемея в начале 311 г. до н.э. Существенные чисто формальные возражения против такой интерпретации были предложены Д. Шефер, и по этой причине ее не приходится рассматривать всерьез [Klinkott, Kubisch, 2005; Schäfer, 2011, S. 110] (см. П.З.г, комм. «в»).

Среди интерпретаций, предложенных в рамках азиатской локализации «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а», версия Х. Гёдике, развитая Д. фон Реклингхаузенем, может показаться

продуманной и по-своему привлекательной, в том числе своей привязкой к конкретному сообщению внеегипетской традиции – «Письма Аристея». Однако и против нее можно выдвинуть серьезные возражения. Прежде всего, нет уверенности, что пресловутая большая депортация евреев, о которой говорит «Письмо Аристея», была предпринята сатрапом Птолемеем именно в конце 312 – начале 311 гг. до н.э. Сведения этого источника естественно связать с сообщением Агафархида Книдского о взятии Птолемеем Иерусалима в субботу и о последовавшей за этим депортации жителей Палестины (FGrHist. 86. F. 20b = *Ios. Ant.* XII. 5); однако исследователи относят этот эпизод к кампании не только 312-311 [Winnicki, 1991, p. 157—164], но, с не меньшими основаниями, 319/318 [Дройзен, 1893, с. 88; Whitehorne, 1992] и 302—301 гг. до н.э [Чериковер, 2010, с. 83—89]. Далее, совершенно неочевидно, что обозначение *Tr-mr-3/Mr-mr-3* должно и в самом деле отражать обозначение «арамеи», а последнее – быть ассоциировано именно с евреями, хотя бы и как частью арамеязычного населения Восточного Средиземноморья. Высказавшим такое предположение египтологам следовало бы прибегнуть к излюбленному приему поиска в иероглифических или демотических текстах аналогов такому обозначению носителей арамейского языка, чтобы убедиться в его безрезультатности. Демотические же тексты подсказывают, что употребительным в Египте обозначением арамейского языка было *sh Ṭšwr*, а его носителей (очевидным образом, не строго евреев) – *rmt Ṭšwr* [Botta, 2014, p. 366]. А в представленной Д. фон Реклингхаузенем сводке упоминаний евреев и их страны в древнеегипетских текстах как раз обозначение *Tr-mr-3/Mr-mr-3* резко выбивается из общего ряда слов, явным образом передающих этнонимы «Израиль, Иуда, еврей» [Recklinghausen, 2005, S. 156], т.е. содержащих несравненно более отчетливые (очевидно, и для самих египтян) указания на этот народ. О натянутости трактовки Д. фон Реклингхаузенем чисто фонетического написания слова *ntr* как обозначения монотеистического божества «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» шла речь в одном из наших комментариев к переводу текста «Стелы...» (II.3.г, комм. «ж»). Наконец, ни один из исследователей, придерживавшихся «арамейской» интерпретации данного фрагмента «Стелы...», не объяснил, какая именно вина евреев перед Египтом могла в данном контексте иметься в виду. Х. Гёдике, возможно, не случайно, предложил такую интерпретацию словосочетания *r B3qt*, которая вовсе избавляла его от необходимости такого объяснения (см. там же комм. «з»); однако ее не отрицали ни фон Реклингхаузен, ни Д. Шефер, указавшие лишь указали на неясность этого вопроса [Recklinghausen, 2005, S. 152, Anm. 33; Schäfer, 2011, S. 131]. Чисто спекулятивно такую вину евреев можно было бы попытаться найти – в особенности в реминисценциях об этапах гиксосского завоевания Египта, как показывают фрагменты Манефона, весьма актуальных для египтян кануна и начала эллинизма и связанных с их представлениями о генезисе еврейской государственности (см. главу 1, § 1.3.2, главу 6,

§ 6.3.2). Однако отсылка к этому, как и к любому иному, мотиву вражды египтян к евреям предполагало бы все же прежде всего более определенное их именование, если не деривативом от их собственных этнонимов, то хотя бы каким-то обозначением, содержащим отсылки к гиксосскому прошлому. Отсутствие в тексте «Стелы сатрапа» пояснений по поводу вины «людей/ Ир-мер-а/Мер-мер-а» перед Египтом хотя бы на уровне аллюзий скорее побуждает считать, что такая характеристика вообще не требовалась, так как их вина была «заложена» в самой описываемой ситуации: они совершили какое-то серьезное и при этом общеизвестное враждебное действие против Египта, и предпринятый ими поход карает их непосредственно за это.

Что касается интерпретации Я.К. Винницкого, следует прежде всего учесть, что сам его тезис о походе Птолемея и Селевка в 311 г. до н.э. против Петры был, по сути дела, лишь допущением. Однако, даже приняв его, еще труднее, чем в связи с предполагаемой карой в отношении арамеязычных евреев, объяснить, почему именно это событие отпечатлелось в сознании составителей «Стелы сатрапа» как стоящее в одном ряду с другими большими свершениями Птолемея в конце 310-х гг. до н.э. Равным образом, трудно понять, какая общеизвестная вина перед Египтом арабских племен Набатейского царства могла бы в таком случае иметься в виду.

Подводя некоторый итог нашим наблюдениям над сообщением «Стелы сатрапа» о походе Птолемея против «рубежа Ир-мер-а/Мер-мер-а» и над историей его изучения, можно сказать, что само оно, безусловно, не предоставляет возможностей для его полностью доказательной и однозначной трактовки. Разумеется, нельзя исключить, что со временем станут известны какие-то новые данные, которые сделают такую трактовку возможной: однако на сегодняшний день суждение по поводу этого сообщения прежде всего будет основываться на взвешивании аргументов «за» и «против» уже высказывавшихся интерпретаций. В связи с этим приходится констатировать, что мнение Х. Бругша об отражении в нем подавления киренского восстания никоим образом нельзя считать сданным в архив. Именно этот эпизод по своему масштабу и значению оптимально встраивается в событийный ряд исторической части «Стелы сатрапа»; само сопоставление сообщения «Стелы...» с данными античных источников о киренском восстании выглядит весьма убедительно; а возникающие в связи с этим возражения отводятся, на наш взгляд, с большей полнотой, чем аргументы против альтернативных трактовок. При этом поучителен сам же факт того, что среди трактовок данного сообщения наиболее состоятельна исторически и наименее противоречива именно та, которая была выдвинута на начальном этапе развития египтологии, со его стремлением к плодотворному историческому синтезу новых данных древнеегипетских источников и сведений античной и библейской традиции.

В заключение мы обратимся к еще одному доводу в пользу «киренской» интерпретации сообщения «Стелы...», который трудно назвать ключевым, хотя он и основан на любопытном замечании об особенностях восприятия греческих полисных институтов сквозь призму египетского сознания IV в. до н.э.. Как мы уже говорили, уведенная в плен общность «/людей/ Ир-мер-а/Мер-мер-а» обозначена в сообщении «Стелы...» словом *mšc* в его значении «народ»; данный контекст – буквально один из первых случаев, в которых такое значение для него зафиксировано (см. П.З.г, комм. «д»). То, что гражданин классического полиса был воином, а суверенное народное собрание, в случае войны превращалось в готовую к бою армию, – азбучная истина антиковедения. Разумеется, женщины в греческих полисах не сражались с оружием в руках; но в силу гражданского статуса, распространявшегося и на них, они также должны были принимать на себя долю обязанностей и тягот, связанных с военным временем. Исходя из этого, обозначение плененного Птолемеем народа как *mšc* с уточнением, что в данном случае речь идет и о мужчинах и о женщинах (см. там же, комм. «е»), можно считать вполне адекватным отражением средствами позднеэллинистического языка одной из фундаментальных реалий греческой жизни и еще одним аргументом в пользу того, что речь идет именно о Кирене – полисе на периферии владений Птолемея. Понятно, что упоминание в этом контексте не об уводе в плен лишь зачинщиков восстания (вероятно, значительной части элиты Кирены), а якобы о тотальной депортации всего населения полиса – это преувеличение, в принципе мыслимое в древнеегипетском победном тексте. Трудно сказать, что конкретно имеется в виду под захватом «бога» или «богов» «/людей/ Ир-мер-а/Мер-мер-а» (см. там же, комм. «ж»); но можно представить, что какая-то реальная первооснова в обстоятельствах подавления киренского восстания (в виде захвата войсками Агиса каких-то предметов культа) была и у этого известия. Думается, необходимость вести речь именно о полисе по меньшей мере актуализировала в данном контексте значение слова *mšc* как «народ». Однако, учитывая сравнительную новизну этого значения в начале эллинизма, можно поставить вопрос и шире: не было ли вообще предпосылкой для его появления знакомство египтян с бытом и общественным строем греков в IV в. до н.э., когда политические контакты между этими народами стали особенно интенсивными? На протяжении ранней древности III–II тыс. до н.э. армия Египта была сугубо профессиональной; в начале I тыс. до н.э. значительную роль в ней стали играть военные отряды ливийцев, восходившие к их племенной и клановой организации, однако и они возвышались над основной массой египтян в качестве профессиональной военной элиты и едва ли могли быть оценены как «народ». У владевших Египтом персов было представление о составляющим их элиту «народе-войске» (*kāga*; в частности, оно отразилось в «Бехистунской надписи» [Дандамаев, 1963, с. 209–223]); однако, как специфически персидское, оно едва ли вызвало бы реплику в древнеегипетском словоупотреблении. Исходя из этого, нам

кажется, что возможность воздействия на формирование данного значения слова $m\delta^c$ контактов египтян с греками как носителями полисного строя заслуживает внимания, по крайней мере, на уровне постановки вопроса.

Экскурс 2: «Враг Hšryš(3)» в исследованиях «Стелы сатрапа» конца XIX – начала XXI вв.

Вопрос о том, чьи действия нанесли бутоскому храму описанный в «Стеле сатрапа» ущерб и когда они имели место, обсуждается столь же долго, сколько известен текст самой «Стелы сатрапа». Вместе с тем, как показывает состояние литературы по этому памятнику на сегодняшний день, он так и не теряет актуальности. Два преобладающих мнения по данному вопросу сводятся к тому, что этим правителем был либо Ксеркс I, либо Артаксеркс I; особняком стоит мнение Х. Гёдике, согласно которому этим правителем мог быть преемник Артаксеркса III и предшественник Дария III Арсес.

Как Ксеркса «врага Hšryš(3)» впервые идентифицировал К. Вахсмут [Wachsmuth, 1871]. По его мнению, выступление Хаббаша имело место в период антиперсидского восстания 480-х гг. до н.э. [Briant, 1996, p. 541] и подавлялось при личном участии персидского царя (на этом этапе развития египтологии еще не были известны памятники, позволявшие датировать возвышение Хаббаша сравнительно надежно: см. «“Стела сатрапа”: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «Г»). Местью бога Хора «врагу Hšryš(3)» признавалось его убийство со старшим сыном Дарием в собственном дворце [Briant, 1996, p. 581—584]. Данная идентификация, которую Вахсмут, по сути дела, оставил без обоснования, считая ее очевидной ввиду формы имени этого правителя, была воспринята другими исследователями рубежа XIX—XX вв., в т.ч. нашими соотечественниками [Wilcken, 1897, S. 83—85; Тураев, 1935, т. 2, с. 163; Голенищев, 1987, с. 221].

В 1907 г. В. Шпигельберг впервые опубликовал p.dem.Libbey 1 = Toledo 1, датированный царствованием Хаббаша и при этом составленный писцом, известным и в раннеэллинистическое время (III.1.a, комм. «Г»). Благодаря этому, он смог выдвинуть против отождествления «врага Hšryš(3)» с Ксерксом I тот аргумент, что в таком случае оно было бы отделено от времени Хаббаша примерно 150 годами, включая и шесть десятилетиями независимости Египта в 404—343 гг. до н.э. Было бы трудно представить, чтобы на протяжении этого срока доходы, изъятые персидскими властями еще в первой половине V в. до н.э., так и не вернулись бы к возвращены бутоскому храму и это положение дел сумел бы исправить лишь Хаббаш (ср. с аналогичной позицией: [Kienitz, 1953, S. 186; Goedicke, 1985, p. 53]. Исходя из этого, было естественно допустить, что доходы бутоского храма были конфискованы непосредственно перед царствованием Хаббаша, в эпоху второго персидского владычества, и что в таком случае «враг Hšryš(3)» – это Артаксеркс III. При этом, опираясь на совет Б. Кайля, Шпигельберг привел ряд примеров из классической греческой литературы, в которых засвидетельствовано употребление имени «Ксеркс» вместо «Артаксеркс», аналогичное тому, что, по мнению исследователя, присутствует в «Стеле сатрапа» [Spiegelberg, 1907, S. 3—7,

bes. S. 5, Anm.3]. В дальнейшем исследователи «Стелы...» при обращении к данному вопросу очень долгое время, по сути дела, ограничивались тем, что примыкали к одной из этих двух позиций (см. о тождестве «врага *Hšryš(3)*» с Ксерксом: [Roeder, 1959, S. 103—104; Ritner, 1980, p. 137]; ср., однако: [Ritner, 2003, p. 395, n. 7; Lloyd, 1982, p. 176; 1994, p. 345; Bianchi, 1984, S. 492; Ray, 1988, p. 271; Huß, 1994 (2), S. 100, Anm. 21; Devauchelle, 1995, p. 77, n. 42]; с Артаксерксом III: [Bresciani, 1965, p. 328; Spalinger, 1978 (2), p. 151 ff.]), не привлекая от себя новых аргументов в пользу ни одной из них. Х. Гёдике, пытаясь предложить альтернативу обеим этим версиям, назвал первую из них, несмотря на «численное превосходство» ее приверженцев, в том числе ученых его же поколения, “antiquated” (он ориентировался на аргументы В. Шпигельберга о необходимости «сдвинуть» связанные с «врагом *Hšryš(3)*» события ко времени возвышения Хаббаша) [Goedicke, 1985, p. 39, n. 28]. Примечательно, что П. Бриан – знаменитый иранист, заведомо стоящий вне египтологии и ориентирующийся прежде всего на историческую состоятельность интерпретаций, заимствуемых им в смежных дисциплинах, – решительно отдавал предпочтение отождествлению «врага *Hšryš(3)*» с Артаксерксом III [Briant, 1996, p. 1044 – с предположением о том, что имя Ксеркса стало для египтян, как и у греков, общим термином для обозначения персидского царя, со ссылкой на: Mathieu, Brémond, 1962, p. 30, n. 1].

В 1982 г. попытку «прорыва» в поисках новых аргументов для решения этого вопроса предприняла У. Каплони-Хекель, как мы видели, постаравшаяся в своем переводе обосновать присутствие в стк. 11 «Стелы сатрапа» написания имени Арсеса (см. III.1.б, комм. «и»). Явно с меньшим успехом аналогичную попытку предпринял Х. Гёдике, предположивший, что имя «Арсес» скрывается за написаниями *Hšryš(3)* [Goedicke, 1985, p. 36, 39]. Похоже, что в этом случае характерное для Гёдике стремление к нетривиальному решению сомкнулось со своеобразным методом исключения: если *Hšryš(3)* не Ксеркс I исторически и не Артаксеркс III, судя по форме его имени, тогда единственным «оставшимся кандидатом» на эту роль среди персидских царей, правивших достаточно близко к времени Хаббаша и соответствовавших своей судьбой пресловутому описанию мести бога Хора, был Арсес! Вместе с тем слабость этого построения понимал и сам Гёдике, констатировавший, что порядок согласных *š* и *r* в имени *Hšryš(3)* инверсивен наблюдаемому в имени этого царя ([Goedicke, 1985, p. 54]); само персидское имя Арсеса должно было выглядеть *Arša [Kent, 1953, p. 158] или *Rša [Schmitt, 1982, p. 92]). Кроме того, в этом персидском имени не было согласного звука или придыхания, которые могли бы трансформироваться в *h* в египетском иероглифическом написании: по мнению Г. Виттмана, ориентирующегося на реконструкцию этого имени Р. Шмиттом, в египетской передаче оно выглядело бы *ʒrš или *ʒrš3: [Vittmann, 2011, S. 411].

В начале 2000-х гг., считая вопрос об идентификации «врага *Hšryš(3)*» чрезвычайно важным, мы попытались суммировать то, что о нем известно, в специальной публикации. По нашему мнению, для решения этого вопроса сохраняли принципиальную актуальность аргументы, высказанные еще в начале XX в. В. Шпигельбергом и подводящие к тому, что исторически этим правителем должен быть Артаксеркс III. Интерпретацию У. Каплони-Хекель мы рискнули назвать *argumentum crucis* для их отождествления, предположив при этом, что «Стела сатрапа» воспроизводила ложный общий корень имен «Ксеркс» (Ξέρξης) и «Артаксеркс» (Ἀρταξέρξης), свойственный их греческой форме и обеспечивавший возможность замены более сложного из них менее сложным (ср. выше замечания В. Шпигельберга и П. Бриана о сходных явлениях в греческих текстах). Как нам представлялось, само то, что составители «Стелы...» могли ориентироваться на греческое произношение этих имен, при давности контактов Египта с греками и их несомненной интенсификации в начале македонского времени не должно вызывать удивления. Наконец, весьма существенной нам казалась твердость ассоциации ущерба, который понес бутоский храм, с личными действиями «врага *Hšryš(3)*» (похоже, что этот ущерб был нанесен если не по его личной инициативе, то, во всяком случае, в ходе его очень памятного пребывания в Египте), а также живость воспоминаний бутоских жрецов об этом эпизоде, кажется, совместимая с тем, что на время Хаббаша он был недавним [Ladynin, 2005, p. 98—103; 2007, p. 340—345; cf. Thiers, 2007, p. 100, n. 172 (согласие с нами по данному вопросу)].

2000-е и начало 2010-х гг. до н.э., по сравнению с предшествующими десятилетиями, отмечены, можно сказать, взлетом интереса к данному сюжету «Стелы сатрапа». Данный интерес реализовывался на новом уровне развития египтологии, с характерным для него не просто вниманием к филологическим и лингвистическим аргументам (в частности, к фонетическим закономерностям перехода слов из чужих языков в египетский), но и настойчивым предпочтением таких аргументов всяким иным. В 2007 г. появилась статья ираниста Х. Клинкотта [Klinkott, 2007], в которой прежде всего было показано оптимальное соответствие написания *Hšryš(3)* персидскому *Xšayršā* («Ксеркс») и отклонялась возможность подобной иероглифической передачи имен «Артаксеркс» и «Арсес». Правителем, о котором идет речь в данном фрагменте «Стелы...», Клинкотт счел Ксеркса, причем анализировавшуюся нами фразу из стк. 11 (в переводе, которого придерживается данный автор¹: «Он (бог Хор) изгнал врага *Hšryš(3)* из его дворца вместе с его старшим сыном...») он расценивал, аналогично К. Вахсмуту, как аллюзию на убийство Ксеркса в 465 г. до н.э. и скорую гибель его сына Дария.

¹ Насколько нам известно, по специфически египтологическим вопросам его консультирует его супруга С. Кубич.

Употребление в качестве детерминатива имени чужеземного правителя варианта знака GG(SL) A₁₃, изображающего связанного и обезглавленного врага с вонзенным в его горло ножом (см. главу 4, § 4.3.3, ««Стела сатрапа»: перевод и комментарий», III.1.a, комм. «й») указывает, по мнению Клинкотта, именно на убийство этих чужеземцев. Наконец, Клинкотт выдвинул гипотезу о том, что именно Ксеркс был в ответвлении античной традиции, представленной прежде всего Геродотом, своего рода «моделью» нечестивого завоевателя-перса² и что это представление о нем сказало в его упоминании в «Стеле сатрапа». В связи с последним мы можем отметить, что, как уже упоминали и еще скажем подробнее, действительно усматриваем определенное греческое влияние на передачу в «Стеле...» собственных имен. Однако предположение Клинкотта, что создатели «Стелы...» почти что в буквальном смысле слова читали Геродота, спорно само по себе и влечет за собой вопрос: следует ли в таком случае считать пресловутые действия «врага *Hšryš(3)*» реальными или же они являются лишь фиктивным рефлексом пресловутой традиции, необходимым как обоснования пожалований сатрапа Птолемея бутосскому храму? Весьма вероятно, что Х. Клинкотт склоняется к второму ответу на этот вопрос – вполне в духе популярных в изучении переднеазиатских письменных источников и начинающих влиять на египтологию методик «деконструкции» (см.: [Gozzoli, 2006, p. 8—10], со ссылкой на [Liverani, 1973]). Однако для нас не менее очевидна предпочтительность первого ответа – в том числе потому, что не поддается «деконструкции» и не может быть признан фиктивным такой нюанс сведений «Стелы...», как отнесение рассказа о действиях «врага *Hšryš(3)*» к ничем не примечательному царствованию Хаббаша.

Д. Шефер в своем комментарии к первому упоминанию «врага *Hšryš(3)*» в «Стеле сатрапа» [Schäfer, 2011, S. 146—151, Komm. 'k'] опять-таки прежде всего отметила фонетическое сходство написания его имени с именем Ксеркса на египетских памятниках (*Hšyrš*); в частности, она указала, что различием в последовательности согласных *r* и *y* в них можно пренебречь ввиду их смешения в произношении в языке IV в. до н.э. (ср. II.1, комм. «е», II.3.в, комм. «и», III.1.a, комм. «и»). Сходство детерминатива имени *Hšryš(3)* с изображениями, ассоциированными с образом Сета, она не сочла доводом к его отождествлению с Артаксерксом III, которого античная традиция также связывала с Сетом (см. главу 4, § 4.4): по мнению Шефер, с Сетом мог быть сопоставлен любой «враг богов». Исследовательница не обсуждает по существу наше предположение о том, что в данном именовании «Стелы...» отразился ложный общий корень имен «Ксеркс» и «Артаксеркс», ограничиваясь словами о том,

² Х. Клинкотт обращает внимание, что, в частности, репрессии Ксеркса против храмов в Египте и Вавилонии не отразились ни в вавилонских текстах, ни в традиции Ктесия и должны считаться принадлежностью «извода Геродота»

что влияние носителей греческого языка на составление данного текста неправдоподобно в силу его чисто египетской специфики. Наконец, в связи с доводом В. Шпигельберга, согласно которому любой ущерб, нанесенный бутоскому храму Ксерксом, был бы скомпенсирован задолго до Хаббаша, она, со ссылкой на устное сообщение С.П. Флеминга, указывает, что при расположении сравнительно недалеко от культовых центров Себеннита (родового гнезда XXX династии) – бутоский храм мог считаться их естественным конкурентом и его усиление, в т.ч. за счет возмещения давнего ущерба, было нежелательно. Последний довод в значительной мере бьет мимо цели: XXVIII и XXIX династии, правившие непосредственно после первого персидского владычества, происходили вовсе не из Себеннита, а из Саиса и Мендеса, и именно при них должна была начаться ликвидация последствий персидского господства, включая всевозможные реституции собственности. Что же касается XXX династии, ее памятников в Буто действительно нет, но сам этот культовый центр расположен не ближе к Себенниту, чем целый ряд других центров Дельты, строительство в которых при царях этого дома хорошо засвидетельствовано и не дает оснований допускать какую-либо немилость по отношению к ним [Jenni, 1988, S. 89—92; Arnold, 1999, p. 106—108, 128—130]. В целом Д. Шефер твердо стоит на позиции отождествления «врага *Hšryš(3)*» с Ксерксом, и главным основанием к этому служит сходство этого написания как с персидской формой имени этого царя, так и с его иероглифическим написанием на египетских памятниках. По ее мнению, фраза об изгнании из «дворца» (см. III.1.б, комм. «з») может иметь в виду убийство Ксеркса [Schäfer, 2011, S. 156, Komm. 'p'].

На том же самом основании сведения «Стелы сатрапа» о «враге *Hšryš(3)*» отнес к египетским свидетельствам о Ксерксе Г. Виттман в своем обзоре памятников персидских владычеств в Египте [Vittmann, 2011, S. 396—397, 410—412]. Отвергая наши допущения, он, в частности, квалифицировал как недостаточное наше суждение о «весьма вероятном» сходстве формы имени *Hšryš(3)* с фонетическим обликом персидского имени Ксеркса, считая их бесспорно тождественными [Vittmann, 2011, S. 397, Anm. 139; ср.: Ladyšin, 2005, p. 112]. Заметим, что независимо от соотношения формы имени *Hšryš(3)* с персидской формой имени Ксеркса между ним и бесспорными иероглифическими соответствиями имени этого царя есть расхождение, которое, в частности, Д. Шефер, как мы видели выше, сочла нужным объяснить специально. Сама возможность полноценного, по мнению Виттмана, лингвистического отождествления написаний *Hšryš(3)* с именем Ксеркса делает, по его словам, «методически необходимой не только лингвистическую, но и историческую идентификацию *Hšryš* с Ксерксом, даже на фоне того, что сегодня по хронологическим основаниям Артаксерксу III отдается предпочтение» [Vittmann, 2011, S. 397] (в данном контексте исследователь сослался на суждения наше и П. Бриана, однако оставил без внимания давнюю, но, на наш взгляд, не

потерявшую значение аргументацию В. Шпигельберга). В интерпретации фразы о пресловутом «изгнании из дворца» «врага *Hšryš(3)*» и его старшего сына Виттманн солидаризовался с Х. Клинкоттом [Vittmann, 2011, S. 397, Anm. 145].

Таким образом, среди исследователей, специально обращавшихся на протяжении последнего десятилетия к данному сюжету «Стелы сатрапа», сложился, по сути дела, консенсус в отношении того, что в нем фигурирует именно Ксеркс: главным его основанием служит сходение формы имени *Hšryš(3)* как с персидским именем Ксеркса, так и с его иероглифическими написаниями. Считается, что исторические («хронологические», по определению Г. Виттмана) аргументы, связанные с данным вопросом, сугубо вторичны по отношению к факту этого фонетического схождения и уступают ему в доказательной силе, а возможность влияния на форму имен, употребленных в «Стеле...», их звучания в греческом языке отвергается. Как мы уже сказали, возникновение такого консенсуса достаточно естественно в свете тенденций развития египтологии последних десятилетий; однако, на наш взгляд, высказанные в его рамках выводы, как и их методическое обоснование, не заслуживают согласия с ними ни в малейшей мере.

Прежде всего, против тезиса В. Шпигельберга о том, что ущерб, нанесенный бутоскому храму Ксерксом, с наибольшей вероятностью был бы возмещен в период независимости Египта в 404—343 гг. до н.э., так и не было выдвинуто сколько-нибудь существенных аргументов. При этом хорошо известно, что IV в. до н.э. отмечен превращением благодетельности царей по отношению к храмам, по сути дела, в базовый критерий их позитивной оценки (проявления этого мы видим, в частности, в «Демотической хронике»: [Johnson, 1983, p. 68—69]), и мы видим немало свидетельств подобной благодетельности в храмовом строительстве этого времени (в особенности, при Нектанебе II: [Jenni, 1998, S. 87—100; Arnold, 1999, p. 124—136]; см. также: [Meeks, 1979, p. 654—655]). Кроме того, учитывая, что годы освобождения Египта от власти персов, как и первые десятилетия его независимости (вплоть до прихода к власти XXX династии) были полны неурядиц и борьбы внутри Египта [Lloyd, 1994 (2), p. 337—341], правомерно задать вопрос: можно ли представить, что бутоская элита не воспользовалась бы такой ситуацией и не вернула бы контроль над «Землей Уаджит» своему главному культовому центру хотя бы и без санкции царской власти, явочным порядком? Правда, по той же логике следовало бы предположить, что в случае, если права на «Землю Уаджит» были утрачены бутоским храмом при Артаксерксе III, они так же явочным порядком были бы возвращены при падении персидской власти в Египте. Вместе с тем, по самому содержанию эпизода «Стелы сатрапа» с участием Хаббаша не возникает особых сомнений, что представители бутоской элиты обращаются к нему, поскольку на тот момент доходами «Земли Уаджит» распоряжается именно он: несомненно, эти полномочия он должен был воспринять вместе со всем объемом

власти над Египтом от тех, кто обладал ею до него, т.е. от персов при падении их второго владычества. Очевидно, замена их власти над Египтом властью Хаббаша произошла в середине 330-х гг. до н.э. достаточно быстро, без возникновения вакуума, из которого могли бы извлечь выгоду местные элиты; о том, что ситуация конца V – начала IV вв. до н.э. в Египте была более сложной, мы можем судить вполне уверенно. Наконец, обратим внимание и на следующее: констатация того, что доходы «земли Уаджит» были конфискованы у бутоского храма Ксерксом и с тех пор не возвращались, имплицитно включала бы в себя признание, что такое положение вещей считали приемлемым и пользовались им все цари XXVIII—XXX династии. В таком случае, исходя из концепции «Стелы...», получилось бы, что бог Хор наказал Ксеркса как создателя этого положения, но не обрушил никаких особых кар на ставших его бенефициариями преемников этого царя в осуществлении власти над Египтом. Подобная картина была бы не только непоследовательной, но и контрпродуктивной для притязаний бутосской элиты, поскольку не содержала никаких предостережений Хаббашу на случай, если бы и он все же решил удержать доходы от этого угодья для себя. Вместе с тем сам факт того, что, даже независимо от решения вопроса о личности «врага *Hšryš(3)*», доходы «Земли Уаджит» во время второго персидского владычества были у бутоского храма изъяты, не вызывает сомнений, поскольку, как мы уже сказали, функцию распоряжения этими доходами Хаббаш должен был воспринять явно у персов. Для целей бутоской элиты было, опять же, продуктивнее при обращении к Хаббашу, находившемуся с персидскими царями 330-х гг. до н.э., по сути дела, в прямом военном конфликте, сослаться в обоснование своих притязаний на нечестивое действие одного из них (очевидно, Артаксеркса III), а не на ситуацию гораздо более давнюю и обремененную совершенно ненужными импликациями.

Признание «врага *Hšryš(3)*» Ксерксом вызывает также затруднения в связи с отнесением к этому персидскому царю свидетельства «Стелы сатрапа», описывающего исход ситуации с «Землей Уаджит» и его изгнание из Египта, а также коннотации, которые в тексте «Стелы...» получает его образ. Важная деталь, общая для построений всех исследователей, которые считают «врага *Hšryš(3)*» Ксерксом, – это признание фразы стк. 11 «Стелы...» о его «изгнании из дворца» («нанесении удара» ему «во дворце его», при принятии для глагола в написании лексического соответствия, установленного А. Эрманом и Д. Шефер, в его точном смысле; см. III.1.б, комм. «ж») метафорой последующего убийства Ксеркса и его сына. Позволительно высказать сомнения по поводу того, были ли у составителей «Стелы...» основания для того, чтобы описывать смерть ненавистных им чужеземных правителей метафорически, а не назвать ее собственным именем. Весьма важным моментом в презентации в «Стеле сатрапа» чужеземного правителя являются и отмеченные нами аллюзии на образ злого

божества в «Книге победы над Сетом» (см. главу 4, § 4.3.3) и одновременно на коннотации, связанные с образом Сета, в античной традиции о завоевании Египта Артаксерксом III (см. там же, § 4.4). Суждение Д. Шефер о том, что эти основания недостаточны для идентификации «врага *Hšryš(š)*» с Артаксерксом III, поскольку коннотации образа Сета могли быть перенесены на любого «врага богов» [Schäfer, 2011, S. 149], на самом деле, крайне шатко. Во-первых, у нас нет никаких сведений о том, что негативная оценка кого-либо из Ахеменидов VI-V вв. до н.э. была бы выражена в египетской традиции со столь же четко нюансированными религиозными коннотациями. Во-вторых, сама основа для таких коннотаций появилась все же, по-видимому, лишь в IV в. до н.э., после создания «Книги победы над Сетом» и схожих с ней текстов в порядке реакции на первое персидское владычество – и в таком случае Артаксеркс III должен был быть первым по времени завоевателем Египта, на которого эти коннотации могли быть перенесены. Наконец, все же именно об Артаксерксе III мы знаем наверняка, что на него эти коннотации были перенесены на самом деле! При этом цели и специфика пропаганды времени сатрапии Птолемея, адресованной египтянам, в рамках которой образ «врага *Hšryš(š)*» и был создан в тексте «Стелы сатрапа» (см. главу 4, § 4.4), скорее располагали к тому, чтобы губительность для Египта власти, опирающейся на чужеземную почву, демонстрировалась на близком, а не на отнесенном в плохо известное прошлое примере.

Таким образом, по совокупности существенных моментов, известных нам из текста «Стелы сатрапа» о «враге *Hšryš(š)*», его отождествление с Артаксерксом III казалось и продолжает нам казаться более оправданным, нежели с Ксерксом. Что можно сказать о таком формальном, но, вне сомнения, необычайно важном моменте, как форма его имени, зафиксированная «Стелой...»? Как и прежде (в статье 2005 г.), мы не отрицаем, что фонетически она схожа и с персидской формой имени Ксеркса, и с его иероглифическими

написаниями на египетских памятниках

 [Blöbaum, 2006, S. 397; Beckerath, 1999, S. 220—221]). В связи с последними стоит, однако, заметить, что если в них в передаче этого имени несравненно большую роль играют двусогласные знаки со второй полусогласной, то в имени *Hšryš(š)* в «Стеле сатрапа» мы видим из таких знаков только $M_{\delta A}$ (*šš*), да и этот знак есть не во всех написаниях данного имени. Такой нюанс может, на наш взгляд, свидетельствовать о том, что на время составления «Стелы сатрапа» это имя бытовало в египетском языке уже давно и сама практическая необходимость с максимальной точностью отражать на письме его фонетический облик стала меньшей по сравнению с временами Ксеркса (кстати, в написании в тексте «Стелы...» «нового» для египетского языка имени Хаббаша двусогласные знаки играют, в

общем, большую роль; см. III.1.а, комм. «г»). Что касается нашего предположения о том, что составители «Стелы сатрапа» заменили именем Ксеркса более длинное имя Артаксеркса, ориентируясь на ложный общий корень, проступающий в их греческой форме, дополнительными аргументами в его пользу, можно считать вероятное греческое влияние на передачу в стк. 11 имени Арсеса (см. III.1.б, комм. «и» со ссылкой на мнение Г. Витмана и нашими замечаниями по поводу него; напомним, что предположение У. Каплони-Хекель о наличии здесь написания этого имени кажется нам оправданным, поскольку устраняет возникающую при иных интерпретациях этого пассажа непоследовательность) и появление в стк. 15 обозначения Канопа (см. III.2, комм. «к» со ссылкой на интерпретацию А. Гардинера). Возражение против идеи о наличии в «Стеле...» подобных «грецизмов», которое озвучила Д. Шефер, сводилось к констатации сугубо египетской специфики «Стелы сатрапа» как памятника. С этим не приходится спорить; однако равным образом справедливо, что «Стела сатрапа» появилась после уже 20-летнего присутствия в Египте македонских завоевателей, многократно интенсифицировавшего чисто обиходные контакты египтян с носителями греческого языка и традиции. Кроме того, именно этот памятник в максимальной мере среди всех иероглифических источников начала македонского времени отражает события и политико-идеологические тенденции, актуальные для новой македонской элиты Египта (см. главу 2, § 2.4, главу 4, § 4.3). Если принять это во внимание, то возможность влияния контактов между египтянами и греко-македонянами на определенные детали языка «Стелы...», в частности, на ее ономастику, не должна вызывать вопросов.

Итак, как нам представляется, сведения «Стелы сатрапа» о «враге *Hšryš(3)*» позволяют не отказываться от его отождествления с Артаксерксом III, которое до 2000-х гг. справедливо считалось наиболее обоснованным. Соответственно, сведения о действиях «врага *Hšryš(3)*» по отношению к бутоскому храму целесообразно рассматривать в контексте иных свидетельств о храмовой политике последних Ахеменидов в Египте.